

«СУДЬБА МОЯ ОСОБЕННАЯ...»

(Лев Львович Толстой о себе, своем творчестве,
родных и близких в письмах и мемуарах)
в 2-х томах

Подготовка текста, составление, вступительная статья,
примечания, научная биография, хронологическая таблица,
указатели *В.Н. Абросимовой*

«... Судьба моя особенная и сам я особенный, <отличный> от других. Плох очень, но чтобы сделаться хорошим, очень надо сделать<ся> прежде дурным очень. Коли это суждено, то это и будет. ...» – так писал Лев Львович Толстой (1869-1945), третий сын великого писателя, в одном из последних писем в Ясную Поляну своей нежно любимой матери 18 декабря 1916 года по дороге во Владивосток, откуда он отплыл в длительное путешествие в Японию – Америку – Индию – Францию – Россию.

Мемуары Л.Л. Толстого «Опыт моей жизни» писались в 1935-1943 годах и охватывают тот период его жизни до конца сентября 1918 года в Ясной Поляне, Москве и Петербурге, Швеции, Египте, Франции, Америке и Японии, когда формировались его взгляды в процессе притягивания к учению отца и последующего отталкивания от него.

Он не стал ни гражданином мира, ни *другим* Львом Толстым. Удалось ли ему сохранить свое «я» и свою самобытность, решат читатели...

Л.Л. Толстой 19 апреля 1905 года

Портрет *И.Е. Репина* сангиной

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЛЕВ ТОЛСТОЙ о ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ, о СЕБЕ, СВОИХ РОДНЫХ и БЛИЗКИХ

(Книга воспоминаний Л.Л. Толстого «Опыт моей жизни»)

В литературных кругах начала XX века его знали как графа Льва Толстого-сына или графа Льва Толстого-младшего. И никто не догадывался, какой болью отзывалось это уточнение в душе самолюбивого автора. Единственный из детей Л.Н. Толстого, избравший профессию литератора, он был обречен всегда оставаться в тени великого отца. Двух Львов Толстых в истории культуры быть не может. Имя, данное родителями на счастье, в реальной жизни стало источником недоразумений, горестей и обид.

Среди его портретов и фотографий есть несколько особенно показательных. На одном снимке изображен «сын-студент Лев Львович, самый красивый, очень похожий на мать»¹. С портрета И.Е. Репина, сделанного в апреле 1905 года, на зрителя смотрит измученный жизнью надломленный человек, многое утративший из юношеских надежд и очень мало что получивший взамен². Между ними пролегла целая жизнь, в которой притягивание к отцу и отталкивание от толстовского учения заняло почти все время, что было так щедро отпущено Л.Л. Толстому.

¹ См.: *Ганзен П.Г.* Пять дней в Ясной Поляне (В апреле 1890 г.) // *Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников*: В 2-х томах. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. С. 456.

² И.Е. Репин неоднократно писал Л.Л. Толстого, но портрет 1905 года считается одной из лучших работ художника. — См.: *Немировская М.* Портреты И.Е. Репина: Графика. М.: Искусство, 1974. С. 76-81, 115-117; *Грабарь И.* Репин: Монография: В 2-х томах. М.: Наука, 1964. Т. 2. С. 170. См. также: *Илья Ефимович Репин: 1844-1930: К 150-летию со дня рождения: Каталог выставки.* М., 1994. С. 197; *Абросимова В., Зорина С.* Переписка Л.Л. Толстого с Н.Б. Нордман и И.Е. Репиным // *Новый журнал.* СПб., 1998, № 4. С. 147-171.

Он родился на излете весны, 20 мая 1869 года в Ясной Поляне, и первые его детские воспоминания так или иначе связаны с родным гнездом, нежностью и заботой домашних. Позднее он воссоздал многое из того, что он испытал в первые двенадцать лет жизни, в книге «Яша Полянов: Воспоминания для детей из детства», — на мой взгляд, лучшем из всего, что он написал за свою долгую и мучительную жизнь³. Одно из лирических отступлений в ней звучит так:

«Когда я пишу эти воспоминания, мне все кажется, что я помню не только, как Петю и других моих братьев купали в ванне, присыпали желтым порошком, пеленали, кормили, но и меня самого. Мне все кажется теперь, что это я сам лежал на коленях матери и сосал ее теплое, сладковатое молоко. Она с любовью наклоняется надо мной и внимательно разглядывает. А я так занят моим делом, так старательно втягиваю в себя вкусное молоко, что не хочу отрываться, и все-таки приятно сознаю, что мать занимается мной и с любовью меня изучает.

Неужели я не помню того обидного, горького чувства, когда хочешь шевельнуть ручонками, а не можешь, потому что ужасные пеленки туго стянули тебя? Когда хочешь пожаловаться на что-нибудь, пицишь и ворочаешься, а тебя не слышат и не понимают? Неужели я не помню, как в те редкие минуты, когда меня распеленывали, я начинал брыкаться и радоваться и захлебываться от наслаждения при чувстве данной мне короткой свободы? А эти вечера, темные осенние вечера, когда горит, бывало, лампочка в нашей детской, заслоненная зеленым абажуром, и все тихо-тихо кругом в доме... Няня сидит за столом в своем углу и вяжет чулок. Я лежу у мамá на коленях и сладко дремлю. Мамá о чем-то вполголоса переговаривается с няней. Боже, как я любил эти дорогие мне голоса, всегда заботливые и немного печальные, как чувствовал их и как мне хотелось, чтобы этим двум людям всегда было хорошо на свете. Но если я ошибаюсь, и это был не я на коленях у матери, и если я смешиваю

³ Эта книга Л.Л. Толстого первоначально печаталась в журнале для детей «Родник» (СПб., 1898, №№ 1-5), потом вышла отдельным изданием (М., 1899). В начале 1906 года книга была переиздана с рисунками А.К. Бальдингера (СПб.; М.: Издание Т-ва М.О. Вольф. [Б.г.]).

воспоминания позднейшие с прежними, то, вероятно, это потому, что я часто видел, как мамá по вечерам кормила других моих маленьких братьев, и часто представлял себя на их месте. По тому же самому мне кажется теперь, что я помню, как я выучился ходить, как выучился выговаривать первые слова, как выучился есть с ложечки.

Я давно уже ползаю на четвереньках по всей комнате, встаю иногда на ноги, но еще боюсь ступить больше двух шагов, если нет передо мной протянутых рук. К нам в детскую входит мамá. Няня хочет показать ей мои успехи и заставляет идти. Я стараюсь изо всех сил не осрамиться перед мамá и, сам встав с пола на ноги, бегу к няне. Она отступает от меня, все время протягивая мне руки, и я незаметно пробегаю через всю комнату и падаю в нянины объятия. Мамá подбегает ко мне, и поднимает к себе на руки, и целует, и нежно меня ласкает. А я с любовью повторяю ее имя. Что же это? Воспоминание или воображение?»⁴

Этот вопрос не раз возникает при чтении сочинений Л.Л. Толстого⁵.

Сознание избранности пришло к нему довольно рано. Едва переступив порог классической мужской гимназии Л.И. Поливанова в Москве, он стал подписываться, как отец, словно пробуя, примеряя на себя эту ношу: «Лев Толстой». Еще не вполне понимая, как странно выглядит это сочетание применительно к мальчику в гимназической форме, он 25 сентября 1884 года в письме к матери пояснил: «*Л. Толстой* — уж так я расписываюсь в журнал<е>, когда я дежурный в классе»⁶.

А в феврале 1902 года, будучи уже весьма известным литератором, он был вынужден поместить в журнале

⁴ См.: *Толстой Л.Л.* Яша Полянов: Воспоминания для детей из детства. Изд. 2-е. СПб.; М.: Издание Т-ва М.О. Вольф. [1906]. С. 99-100.

⁵ Первые рассказы Л.Л. Толстого появились в 1891 году под псевдонимом. — См.: *Львов Л.* Любовь // *Книжки Недели*: Ежемесячный литературный журнал. СПб., 1891, № 3. С. 107-132; *Львов Л.* Монте-кристо // *Родник*: Журнал для детей. СПб., 1891, № 4. С. 337-348.

⁶ *Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве* (в дальнейшем *ОР ГМТ*). Архив С.А. Толстой, п. 103, № 13766. Л. 1 об. Автограф. Курсив мой. — *В.А.*

«Ежемесячные сочинения», параллельно с главами своего нового произведения, разъяснение: **«Письмо Льва Толстого-сына.** Автор романа “Поиски и примирение” по поводу подписи своей *Лев Толстой-сын* просит нас напечатать следующее его примечание: „Некоторым читателям, м.б., непривычна и несимпатична почему-либо эта моя подпись. Но я должен был заменить ею прежнюю: *Л.Л. Толстой*, потому что за границей эту последнюю подпись часто смешивали с подписью моего отца, что порождало нежелательные недоразумения”»⁷.

Таков был итог первого десятилетия его литературной жизни. Современники называли его по-разному: Н.С. Лесков — Кит Китычем, Львом вторым; В.В. Стасов и А.С. Суворин — Тигром Тигрычем⁸; журналисты позднее упражнялись в остроумии, уничижительно именуя его то Львом Толстым маленьким, то Львом Толстым нововременским⁹. Но в глазах тех, кто по-доброму относился к нему, он был не только Л.Л. Толстым, но прежде всего, как утверждал Н.С. Лесков в письме молодой писательнице В. Микулич, «сыном любимого Вами Великого человека и нашего общего друга»¹⁰.

С 1878 года Л.Л. Толстой пробовал вести дневник. Первые записи его не сохранились, и мы знаем о них только из упоминаний его старшей сестры Т.Л. Сухотиной-Толстой¹¹. Позднее дневник Л.Л. Толстого лег в основу его книги воспоминаний «Опыт моей

⁷ См.: *Ежемесячные сочинения*: Лит. журнал *И. Ясинского*. СПб., 1902, № 2. С. 238.

⁸ Кит Китыч, Тигр Тигрыч — по аналогии с насмешливым обращением к одному из персонажей комедии А.Н. Островского «В чужом пиру похмелье», богатому купцу Титу Титычу Брускову и его сыновьям, Андрею и Капитону.

⁹ С 1898 года Л.Л. Толстой переписывался с А.С. Сувориным, время от времени посылал в «Новое время» свои рассказы и переводы, а с 1903 года печатался в газете регулярно, особенно в период русско-японской войны и революции 1905 года. — См. об этом подробнее: *«Время идет интереснейшее...»* (Письма Л.Л. Толстого к Николаю II) / Публикация *В.Н. Абросимовой* и *С.Р. Зориной* // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год*. СПб.: Акад. проект, 1996. С. 98-168 (http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/ROPD/EROPD_1992/04_Абросимова_Зорина.pdf).

¹⁰ См.: *Микулич В.* Письма Н.С. Лескова // *Литературная мысль*: Альманах. Л., 1925. Отд. II. С. 267.

¹¹ См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник. М.: Правда, 1987. С. 14.

жизни», работу над которой мемуарист не прекращал вплоть до своей смерти в 1945 году.

В лучших сочинениях Л.Л. Толстого читателя подкупала искренность автора, живая интонация, достоверность ситуаций, образов и картин. Все это делает книгу воспоминаний Л.Л. Толстого по-своему уникальным документом. Автор не пытается обелить себя, с редким мужеством воспроизводит самые опасные эпизоды, в том числе и споры с отцом летом 1910 года, когда он, не раздумывая, однозначно принял сторону нежно любимой матери, по существу, не заметив душевной болезни С.А. Толстой¹². Через несколько месяцев после смерти отца Л.Л. Толстой в Париже, где он с 1909 года учился у разных мастеров, в том числе и у О. Родена, начал рисовать и лепить Л.Н. Толстого. Этот бронзовый скульптурный портрет великого писателя широко известен не только в России, где он был показан осенью 1912 года на выставке в Петербурге вместе с бюстом С.А. Толстой, но и в Америке, куда Л.Л. Толстой отправился весной 1911 года и подарил бронзовый бюст отца музею Метрополитен в Нью-Йорке.

Вообще образ отца не давал Л.Л. Толстому покоя, и он рисовал и лепил его вновь и вновь. Складывается впечатление, что руки Л.Л. Толстого были умнее его самого. Там, где литератор полемизировал с учением Толстого, скульптор и художник словно стремился искупить грехи того последнего лета 1910 года. Он рисовал отца с кричащим ртом и пронзительными глазами — таким, каким, вероятно, запомнил его в те дни перед своим отъездом из Ясной Поляны¹³.

В книге воспоминаний, как и в 1918 году на страницах издаваемой им газеты «Весточка»¹⁴, Л.Л. Толстой и продолжает

¹² Этот фрагмент мемуаров опубликован. — См.: *Толстой Л.Л.* Опыт моей жизни // *Наше наследие*. М., 1991, № 5. С. 83-97.

¹³ Один из таких рисунков Л.Л. Толстого был опубликован в юбилейный год. — См.: *Иллюстрированная Россия*. Париж, 1928, № 6. С. 2.

¹⁴ Первый номер газеты вышел в Петрограде 24 августа 1918 года. Последний, десятый номер — 6 сентября 1918 года. Приступая к изданию газеты в смутное время, Л.Л. Толстой писал: «“Весточка” хотела бы иногда напоминать читателям великие мысли великого искателя правды. В каждом номере мы будем помещать мысли из

свою полемику с отцом, и ищет в толстовском учении нечто такое, что раньше было понятно одним лишь “тёмным”, а теперь вдруг оказалось жизненно важно и для него самого.

Передавая мне рукопись воспоминаний Л.Л. Толстого, его сын и душеприказчик Никита Львович Толстой (1902-1992) особо подчеркнул: «<...> Папá просил, чтобы мемуары были полностью изданы в печати, “в назидание потомству”<...>»¹⁵.

Прошло более двух десятков лет, прежде чем книга появилась в открытом доступе на сайте электронного парижского журнала “ОКНО”¹⁶, хотя ее научно-биографическая и историко-литературная ценность очевидна. Она дополняет наше представление об атмосфере яснополянского дома, в чем-то корректирует его и во многом позволяет по-новому взглянуть на семейную драму Толстых.

Благодарю сотрудников Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве, мемориального музея-усадьбы «Ясная Поляна», отдела рукописей Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, отечественных и зарубежных коллег, без помощи которых настоящая публикация не могла состояться.

Особая признательность и благодарность профессору Г.В. Краснозу, много лет назад открывшему для меня семейный круг Л.Н. Толстого; профессору *М.Г. Соколянскому* (Любек) за помощь в расшифровке отдельных мест в тексте; профессору

“Круга чтения” в его память» (№ 1. С. 4). Фрагменты печатались с подзаголовком «Свод мировой мудрости и завещание духа Льва Николаевича».

¹⁵ Из письма ко мне Н.Л. Толстого.

¹⁶ См.: *Толстой Л.Л.* Опыт моей жизни: Мемуары: В 3-х книгах. Кн. I. Главы 1-10 // *ОКНО*: Лит. журнал. Париж, 2011, № 8(11) (<http://okno.webs.com/No8/heritage.htm>); *Толстой Л.Л.* Опыт моей жизни... Кн. I. Главы 11-20 // *Там же*. 2012, № 9(12) (<http://okno.webs.com/No9/heritage.htm>); *Толстой Л.Л.* Опыт моей жизни... Кн. II. Главы 1-7 // *Там же*. 2012, № 10(13) (<http://okno.webs.com/No10/tolstoy.htm>); *Толстой Л.Л.* Опыт моей жизни... Кн. II. Главы 8-13 // *Там же*. 2013, № 11(14) (<http://okno.webs.com/No11/tolstoy.html>); *Толстой Л.Л.* Опыт моей жизни... Кн. III // *Там же*. 2013, № 12(15) (<http://okno.webs.com/No12/tolstoy.html>) / Вступ. статья, подготовка текста, публикация и комментарий *В. Абросимовой* + Хронологическая таблица жизни и творчества Л.Л. Толстого.

Такаси Фудзинума, в чьем переводе публикуются отклики японской печати на пребывание Л.Л. Толстого в стране восходящего солнца зимой 1917 года; другу шведских потомков Л.Л. Толстого, переводчице *Т.Л. Балдовской*; редактору *Н.Л. Панкратовой*, терпеливо работавшей с рукописью на самом раннем, подготовительном этапе; *З.Д. Давыдову*, заинтересовавшемуся судьбой сына Л.Н. Толстого и его работой в Америке¹⁷; *А.И. Кудрявицкому*, опубликовавшему мемуары Л.Л. Толстого на сайте литературного журнала «ОКНО»; *Д.А. Ивашенцову*, принявшему на сайт своего альманаха переписку Л.Л. Толстого с управляющим имением и поэтом В.Д. Ляпуновым¹⁸; *М.М. Кушниковой* и *В.В. Тогулеву*, предоставившим страницы своего издания рассказу о парижском периоде жизни Л.Л. Толстого¹⁹; *И.О. Шайтанову*, поддержавшему меня в противостоянии с похитителями интеллектуальной собственности²⁰.

Я искренне благодарна Себастьяну Толстому (Sebastian Tolstoy) за разрешение, данное от имени всех потомков Вестерлундов-Толстых, опубликовать мемуары Л.Л. Толстого и некоторые документы из семейного архива.

Настоящее издание выходит при деятельной помощи и поддержке профессора *Бена Хеллмана* (Хельсинки), ставшего за

¹⁷ См.: *Абросимова В.* Сын великого Толстого, война и Америка (по архивным материалам) // *Toronto Slavic Quarterly*: Academic electronic journal in Slavic studies. Spring 2008, no. 24 (<http://sites.utoronto.ca/tsq/24/ambrosimova24.shtml>); *Абросимова В.* Зигзаги судьбы Льва Толстого-младшего (по архивным материалам) // *Там же*. Fall 2008, no. 26 (<http://sites.utoronto.ca/tsq/26/ambrosimova26.shtml>); *Абросимова В.* «... И ходят мародёры в наш зоомагазин...» // *Там же*. Winter 2016, no. 55 (<http://sites.utoronto.ca/tsq/55/Abrosimova.pdf>).

¹⁸ «*Пишите из дорогой для меня Ясной...*»: Переписка Л.Л. Толстого с В.Д. Ляпуновым 1899-1900 гг. // *Русский мир*: Пространство и время русской культуры: Альманах 7. СПб., 2012 / (Вступ. статья, публикация и комментарий *В.Н. Абросимовой*) (<http://www.russkyimir.org/rm/index.php/publikatsiya2/126-perepiska-1-1-tolstogo-s-v-s-lyapunovym>).

¹⁹ См.: *Абросимова В.* «Вероятно, уеду в “Подариж” опять осенью...» (Париж и Франция в судьбе Л.Л. Толстого) // *Лев Толстой и Сибирь*: Сб. докум. и публицист. материалов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. Вып. 3. С. 93-194, 205-289.

²⁰ См.: *Абросимова В.* И ходят мародёры в наш зоомагазин... // *Вопросы литературы*: Спец. выпуск № 3: Лев Львович Толстой и его исследователи. М., март 2016. С. 2-45 (<http://voplit.ru/eTextspec/2016/2016-1/2016-1/2016-1.html#>)

годы исследования ангелом-хранителем памяти о жизни и художественной, публицистической деятельности Л.Л. Толстого, которая была намного насыщенней, интересней и драматичней, чем казалось современникам.

Мемуары Л.Л. Толстого печатаются по авторизованной машинописи с обширной рукописной правкой, врученной мне для работы и публикации в России Сергеем Михайловичем *Толстым* (1911-1996) и переданной мной на хранение в Государственный музей Л.Н. Толстого в Москве (*ОР ГМТ*. Архив Л.Л. Толстого). Они дополнены письмами Л.Л. Толстого и многочисленными документами, сохранившимися в его личном фонде в Пушкинском Доме и музее Л.Н. Толстого.

Валерия Абросимова

Граф Лев Львович Т О Л С Т О Й

ОПЫТ МОЕЙ ЖИЗНИ

Мемуары

Том 1

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Во всей моей жизни больше всех людей я любил мою неоцененную мать.

Она плакала, молилась и благословляла меня, когда тринадцатимесячным ребенком отнимала от груди и записала тогда в своем дневнике, что, прощаясь со мной, жалела меня больше всех остальных детей¹.

Ее благословение и моя любовь к ней воодушевляют эту работу, которую посвящаю ее памяти².

Я разделил эти мемуары на три книги. В двух первых я описываю в широких штрихах главные события и впечатления моей жизни, в третьей — «Lungarno»³ — я излагаю мои взгляды на более других интересовавшие меня в течение жизни вопросы.

(Tous droits reserves par l'auteur pour tous les pays, la Russie des Soviets incluse*)

Л.Л. Толстой

* Авторские права сохраняются во всех странах, включая Советскую Россию (*фр.*).

КНИГА I

Глава 1

Род Толстых. Родители и я. Мое рождение. Няня и мать. Братья и сестры

Уважайте, почитайте и узнавайте тех, кто были вашими предками. Усилиями и страданиями они дали вам лучший в мире дар, — дар жизни.

Ваша семья и ваш род, выросшие в той же стране и на той же почве, где родились вы, жили и боролись не для того, чтобы вы были ничтожнее, слабее и несчастнее их, а для того, чтобы во всех отношениях вы стали совершеннее и воспользовались их знаниями и опытом.

Чтите предков ваших, — они были героями жизни, какими хотели, чтобы были и вы.

Нужно ли подчеркивать, что сила всякой нации в почитании рода, — предков, родителей и семьи, и на ней держится ее единство и могущество? В России, как и в большинстве других европейских стран, идея рода утрачивается под наплывом массы смешанных национальностей, затопивших древние родовые поколения.

Между тем, что может быть важнее для развития жизни личности и народа, сохранения в целостности их старинных родовых корней, первые отпрыски которых объединили и создали государство, и что может быть естественнее для человека, как ни почитание этих родов из поколения в поколение в стремлении продолжать их и совершенствовать?

Я<,> конечно, не говорю о культе предков исключительно дворянских родов. Он одинаково важен для всех людей, всех классов потому, что существуют аристократии: крестьянская, рабочая, купеческая и другие<,> и вот они одинаково должны чтить своих предков.

В русском энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона можно найти длинный ряд имен Толстых, так или иначе отмеченных русской жизнью и историей¹.

Полководцы, государственные деятели, писатели, поэты, артисты, — они оставили свой след во многих областях и на многих поприщах жизни.

Существуют два тома русских дворянских родов, со всеми женскими линиями, в которых помещено родословное древо Толстых, вплоть до моего отца Льва Николаевича². Этот род или «клан», вошедший в жизнь России из глубины веков, — в сущности<,> не род, а целая отдельная, не похожая на других, раса, сохранившая свои особенности и до сих пор. За редкими исключениями Толстые оберегли себя от влияний кровей, которые могли бы значительно видоизменить главные черты их характера, и до 22-го своего поколения остались теми же Толстыми, какими были раньше.

Общепринятая версия та, что начало толстовского рода надо искать с 1353 года, когда «некий муж честный» по прозвищу Индрис из «Индроса», — «выехавший из немец», «из цесарской земли» прибыл в город Чернигов³.

Что именно означает эта запись, установить в точности не легко. Наш предок пришел в Россию из Индроса, может быть, из Швеции, так как в этой стране было целое племя, называвшееся когда-то «россами», от которых, по мнению некоторых историков, Россия взяла свое имя. До сих пор побережье Балтийского моря к северу от Стокгольма называется Roslagen⁴ — это восточные шхеры Упландии, из которых, направляясь на Восток, выплывали древние викинги.

Граф С.М. Толстой-Милославский⁵, занимающийся в настоящее время исследованием происхождения рода Толстых, утверждает, что нашел документы, по которым можно точно доказать, что Индрис был прямой потомок графа Фландрского, жившего в восьмом веке⁶. По этой версии<,> мы, стало быть, вышли из древней Бельгии или северной Франции.

Как бы то ни было, но дальнейшие потомки Индриса, уже по историческим источникам, произошли от его правнука Андрея, который переселился в Москву при Великом князе Василии Темном⁷ и за свою толщину получил прозвище Толстого.

С этого времени линия идет уже беспрерывно, и мой отец числится от первого Толстого в XX-ом, а мы в XXI-ом поколении от Индриса⁸.

Жизнерадостные и жизнеспособные, вспыльчивые, храбрые, самолюбивые и самонадеянные, эгоисты, каких мало на свете, практичные, но мечтатели — Толстые обладают двумя великими качествами<:> у них светлые, ясные головы и чувствительные, нежные сердца, чуткие ко всему благородному и доброму. В каждом из них вы найдете то или другое, а то и оба качества. Но много нужно каждому Толстому воевать со своими пороками и недостатками, много каждый из них страдает из-за них, не всегда в силах справиться со своим страстным нравом. Все же они обыкновенно выходят победителями из трудностей и внутренней борьбы, благодаря вложенным в них духовным силам. Одаренные любознательностью и наблюдательностью, они вечно бодрствуют умственно. Страстно любя женщин и детей, они хорошие семьянины и понимают и любят русский народ, с которым сжились веками. Способные в той или другой области, они музыкальны и, за редкими исключениями, хорошие государственные деятели.

Читатель увидит дальше, что, говоря о наследственности, я приписываю первостепенное влияние на нее женским линиям человечества. Без талантливых и сильных матерей нет ни гениев, ни выдающихся людей.

Поэтому в роду Толстых и с самого его начала надо искать также и то женское влияние, и тех выдающихся женщин, которые дали ему жизнеспособность.

Кто были наши родоначальницы VIII, IX, X, XI-ых веков и раньше? Найти их и узнать о них подробнее предоставляю будущему<,> и я думаю, что это исследование не без интереса.

В наше трудное время немногие из Толстых остались в России; большинство же их разбросано по всему свету<,> и, хотя почти все нуждаются материально и бедствуют всячески, никто из них не потерял главного своего облика, — светлого и бодрого отношения к жизни.

Должен сказать, что мировая слава Льва Николаевича породила во всем свете целый ряд самозванцев Толстых, которые

раньше назывались другими именами⁹. Так, например, есть Толстые в Вашингтоне (D.C.*) — мясники и портные с их именами на вывесках. Кроме того, очень многие назывались и называются нашим именем в отдельных случаях для различных выгод. Сколько раз мы все слышали от разных людей, что они встречали или знали наших родственников там-то и там-то, где они никогда не были и не могли быть.

Мне кажется, что закон каждой страны и международный закон должен был бы запрещать такое заимствование чужих имен, даже иностранных, раз не доказано, что дано на это согласие рода или что род этот окончательно вымер.

Такое воспрещение устранило бы множество путаниц, происходящих от фальшивых имен и псевдонимов, которые берут себе многие. Каждый род должен дорожить своим именем и должен был бы со своей стороны охранять его и преследовать всех тех, которые так или иначе им злоупотребляют. Следовало бы не только запретить заимствование чужих имен для жизни, но и литературные и политические псевдонимы, которые также вводят людей в заблуждение. Почему надо называться Данте, а не Durante¹⁰, Вольтером, а не Arouet¹¹?

Если люди достигли той или другой известности, называясь своими псевдонимами, то они и без них были бы известны, но и более понятны массам.

Насколько честнее и благороднее звучат собственные имена знаменитых людей¹².

Когда я родился, матери было 25 лет, отцу сорок<,> и он в расцвете сил и счастья писал свое лучшее<,> бессмертное сочинение «Войну и мир». В эти годы, удовлетворенный своей семейной жизнью и творчеством, среди окружавшей его русской природы и народа, веселый, бодрый и полный надежд, он безгранично любил жизнь и в ней, на первом месте, мою мать.

* District of Columbia (*англ.*) — федеральный округ Колумбия (США).

Вместе они были бесконечно, страшно счастливы<,> и я родился в эту блестящую пору их жизнью, в полдень одного благоухающего майского русского дня. Это странное событие произошло по старому стилю 20 мая 1869 года, а по новому 2-го июня¹³ 1869 года, в знаке Близнецов. Отец не раз вспоминал этот день, потому что беспокоился за мать и за меня. Он говорил, что весенний день этот был необычайно красивым.

У матери до меня было два выкидыша<,> и потому, во избежание повторения несчастья в третий раз, ей было предписано до моего рождения лежать в продолжение пяти месяцев беременности.

Я появился на свет в дамском обществе, воспользовавшись моментом, когда доктор¹⁴ и отец ушли гулять в лес «Чапых»¹⁵, а мать осталась одна с акушеркой Марьей Ивановной¹⁶.

Первыми моими привязанностями детства были мать и старая няня Марья Афанасьевна¹⁷, от которой особенно пахло и у которой один палец был красный, когда-то обрубленный топором. Я любил няню и до такой степени, что одно время не мог себе представить, что я ее переживу.

Отец так характеризует меня, трехлетнего ребенка в одном из писем к графине Александре Андреевне Толстой¹⁸: «Хорошенький, ловкий, памятливым и грациозный. Всякое платье на нем идет, точно нарочно для него сшито. Делает все<,> как другие<,> ловко и хорошо. Но еще не совсем понимает»¹⁹.

Отец принял мою наблюдательность за хорошую память, что не то же самое. Память у меня не больше средней, но наблюдательность была с самого детства очень большая, что позволило мне с этого уже возраста запастись многочисленным и разнообразным запасом впечатлений, мыслей, заключений и знаний. У меня были черные живые глаза, которые другие называли «изюминками», и вьющиеся кольцами темные волосы.

Когда я родился, в семье нашей стало четверо: старший Сережа — 6 лет²⁰, сестра Таня — 5 лет²¹, брат Илюша — 3 года²² и я. Мы с Таней назывались «черными» детьми²³ в отличие от остальных, у которых глаза были светлые.

Илья, Лева, Таня, Сергей Толстые

(Фотография Ф.И. Ходасевича; Тула, 1870)

<Через> два года после меня родилась еще тоненькая и хрупкая, белокурая Маша²⁴, подруга моего раннего детства. За Машей, год спустя<, —> Петя²⁵, брюнет, за ним, еще через год — Николушка²⁶, — оба умершие детьми. За ними была еще девочка Варенька, жившая всего полчаса²⁷.

Только <через> семь лет после рождения сестры Маши родился брат Андрюша²⁸, оставшийся жить до 38-летнего возраста, а за ним через два года родился Миша²⁹. Два года спустя <родился> брат Алеша с темными глазами, тоже умерший ребенком³⁰.

Пять лет позднее мать имела еще двух последних детей — дочь Александру³¹ и <, > наконец <, > Вениамина³² Семьи — всеми любимого Ванечку³³.

Стало быть <, > всего у матери было пятнадцать беременностей. Из тринадцати живых детей сейчас живы только пятеро: Сергей, Татьяна, я, Михаил и Александра. Из умерших трое дожили до зрелых лет, остальные все погибли детьми до восьмилетнего возраста.

По моим личным наблюдениям <, > моя старшая сестра Таня и я — «черные» дети семьи, <—> больше взяли умственных особенностей, которые можно назвать внутренним или духовным обликом человека <, > от отца и его линии, но физически мы больше похожи на мать³⁴; остальные дети, хотя в них и было много отцовского с физической стороны (брат Илья, например, был внешностью очень похож на отца), все же по духовному и умственному складу они мало походили на него. Письма брата Ильи, например, до смешного похожи на письма матери.

Сестра Маша была блондинкой со светлыми глазами, милая и восприимчивая, но по характеру была скорее в мать.

В Ясной Поляне вы найдете портреты наших предков — князя Н.С. Волконского, деда отца³⁵, и другого моего прадеда <, > графа Ильи Андреевича Толстого³⁶. У первого глаза темные, у второго <— > светлые. Брат Илья с детства был похож на прадеда Толстого, а я на прадеда Волконского.

Из умерших моих братьев маленькими детьми трое были с темными глазами, типа «черных», что показывает, что этому типу нашей семьи жизнь давалась труднее.

Интересно, что в детстве я совершенно не чувствовал себя внутренне похожим ни на мать, ни на отца.

Позднее, по характеру моему и некоторым особенностям мысли, я часто узнавал в себе отца, хотя во многом резко с ним расходился.

От матери я взял ее здравый смысл и верный жизненный инстинкт. От отцовской линии, особенно князя Волконского, <—> его спокойный и здравый ум и гордость вместе с горячностью, хотя

во мне сочеталось еще целое множество других черт, которые я взял от других моих предков, что создало из меня очень сложного и страстного, доброго и злого, слабого и сильного, более дурного, чем хорошего человека.

(1878)

Левушка и Илюша

(Фотография Ф.И. Ходасевича; Тула, 1878)

Глава 2

Как меня воспитывали в детстве — духовно, умственно и физически

Я описал мое детство в книге для детей «Яша Полянов» и думаю, что прошло то время, когда можно было опозитизировать эту пору нашей жизни и видеть в ней только светлое. Наоборот<, > с того угла зрения, с которого я сейчас освещаю ее, можно видеть в ней гораздо больше отрицательного, чем положительного.

Почему не дали мне с детства глубоких духовных основ и не пробудили во мне и не открыли мне мою духовную<, > божественную сущность? Как могло случиться, что ни отец, ни мать — оба взрослые, воспитанные и неглупые люди, <—> не знали ее в себе самих или<, > по крайней мере<, > не сказали мне, что знали? Почему они не объяснили мне, что в ней главная суть жизни и потому надо быть добрым и честным, спокойным и радостным, молчаливым и воздержанным? Почему они не научили меня тогда уже любить мою душу и через нее все живое и душу мира, как я стараюсь выучиться любить ее теперь, после долгих страданий?

Когда я был еще совсем ребенком, мать, инстинктивно чувствуя, что мне нужно было духовное воспитание, выучила меня молиться, как молилась она сама. Вечером перед сном я становился на колени в кровати и, смотря на образ в углу комнаты, произносил наизусть две молитвы — сначала «Богородицу» и «Отче наш». Позднее мать научила меня еще одной молитве — <Св.> Ефрема Сирина¹ — «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалаия и празднословия не даждь> мне» и т.д. Эти три молитвы я повторял в детстве. Сначала только первую, потом две, а <став> постарше, иногда и все три. Когда я спрашивал мать, кто такой Бог, она затруднялась описывать мне Его, а когда я хотел узнать, почему Он тройной, — Отец, Сын и Дух Святой, то она старалась объяснить мне Троицу по-церковному, как сама ее понимала. Я не был удовлетворен этими объяснениями и чувствовал, что тут что-то неправильно. Мать сказала мне, что Иисус был Бог и что Он был распят и сочинил для нас молитву «Отче наш», и я любил Его за это. Я знал также, что

Богородица была матерью Христа, но что Она была Девой, — этого я понять не мог. Я не любил молитвы Богородице: «Богородица, Дева радуйся, благословен плод чрева Твоего»². Эти последние слова я насилу выговаривал.

Один маленький мальчик в Москве, когда я уже был гимназистом, тоже никак не мог выговорить мудреных слов этой молитвы и упростил ее, смешав со стишками о козе и козлятах. Он читал ее так:

«Богородица, Дева радуйся,
Твоя мать пришла,
Молока принесла».

Позднее, когда отец вернулся к православной церкви, нас по воскресеньям возили в деревенскую церковь села Кочаки³ к обедне. Мы должны были вовремя креститься и становиться на колени, а в конце службы целовать серебряный холодный крест с распятием, который священник держал в руке как-то особенно боком и привычным жестом подносил к губам молящихся. На Страстной неделе Великого Поста мы говели, исповедовались и причащались, а на Светлое Христово Воскресение, на этот раз ночью, нас возили в церковь к заутрене, и мы, возбужденные, с волнением ждали двенадцати часов, когда вдруг зазвонят все колокола и начнется торжественный крестный ход вокруг церкви, среди старых могил с пением: «Христос Воскресе из мертвых, смертью смерть поправ».

Вот все, что мне дали в смысле *духовного воспитания* в возрасте от пяти до двенадцати лет, если не считать уроков «Закона Божия», сначала с матерью, потом с деревенским батюшкой, заключавшихся в чтении историй из Ветхого и Нового Заветов, изложенных в плохом учебнике. Мне не могли дать ничего другого по той простой причине, что я жил в стране, где люди не знали ничего другого, и вся цивилизация ее едва держалась на двух отживших учреждениях — Самодержавии и Православии⁴.

Отец сам только начинал оглядываться кругом и искать своей правды; мать, раз навсегда приняв основы православной веры, не могла и не хотела их отбросить.

* * *

В умственном отношении меня воспитали еще беднее, чем в духовном, и то, что мне дали в смысле полезных знаний за двенадцать лет моего детства, было настолько ничтожно, что можно было бы легко обойтись без них. Англичанка

⁵ и француз-гувернер⁶ выучили меня болтать по-английски и по-французски, а когда мне исполнилось десять лет, меня стали готовить к экзамену в тульскую гимназию, и к прежним предметам моего образования прибавились еще история, география и немецкий язык. Для немецкого языка ездила из города Тулы страшно худая немка⁷, и когда я сосал карандаш вместо того, чтобы учиться, она сердито мне кричала: «Leonide, карандаш». Я не любил ее за то, что она даже не знала моего имени.

Все, что преподавалось мне в детстве, не вмещалось в моей голове, и, кроме редких минут удовольствия на уроках русского языка с матерью, все мое умственное воспитание было для меня мучением. Худшие уроки были с отцом, когда он вдруг сам решал заняться со мной по арифметике. Он брал задачу и начинал объяснять ее, но таким голосом, что я коченел от страха. Он сердился, дико кричал и<,> наконец<,> оставлял меня одного в слезах. Он считал математику основой всех наук, как науку самую точную, сам интересовался ею, но<,> в сущности<,> был плохим математиком⁸.

Когда я вспоминаю сейчас, как меня учили в детстве, до переезда нашей семьи в Москву, мне становится жалко, что столько лет жизни, когда я мог набраться множества полезных знаний, прошли бесплодно. Не было ни учителей, ни учебников, ни учебных пособий, ни карт, ни скульптуры, ни картин, ничего нужного для хотя бы сносного преподавания общих знаний.

* * *

О физическом моем воспитании также не могу вспомнить с радостью и благодарностью по отношению к моим воспитателям.

Оно прошло в царстве полного невежества и принесло страшнейший вред моему здоровью и всей моей жизни.

В смысле обильного и постоянного пользования свежим воздухом, в смысле рационального питания, гигиенического жилища, пользования свежей водой и упражнения тела, — во всем были не только недостаток и ошибки, но грубое непонимание и невежество. Я спал в продолжение восьми месяцев в году с закрытыми окнами и в натопленной комнате, совсем близко от громадной печки. Зимой окна с двойными рамами наглухо замазывались, и воздух шел только из высокой форточки, которую открывали раз или два в день.

Кормили меня в три раза слишком обильной и жирной пищей. Детская моя была расположена на севере и смотрела на зловонные канавы; утром и вечером меня не обмывали свежей водой и никогда не заставляли правильно упражнять мускулы моего тела. По вечерам, когда я не мог заснуть, я долго смотрел через большое венецианское окно на мрачную Большую Медведицу на северной, темной стороне неба, куда было обращено мое окно, хотя я любил другую<, —> южную и юго-восточную <—> сторону дома, где были пустые гостиные, зала и спальня родителей. С той стороны, с юго-востока, за липовыми аллеями по вечерам поднималась луна и светили яркие звезды. Оттуда же по утрам всходило яркое, все обещавшее нам солнце.

В Ясной всегда была полная чаша и для семьи, и для посторонних. Мать была рада, когда дети наедались досыта, и любила угощать гостей. В доме поэтому всегда были горы съестного, запасенного на ледниках, в кладовках и подвалах.

Режим наш был следующий: в 8^{1/2} утра <мы пили> горячее какао с хлебом и маслом или желудевый кофе с молоком, сдобными булками, хлебом или жирными лепешками.

В 12 часов за завтраком в два, три блюда подавались еще остатки от вчерашнего обеда<:> мясо, каши, овощи, молочное, сладкое, мучное и винегреты. В 5 часов <был> обед из четырех блюд<:> суп с жирными пирожками или пирогом, или щи, или борщ с гречневой кашей, потом зелень, мясо и «пирожное», т.е. сладкое блюдо. И все это запивалось шипучим хлебным квасом и переслаивалось свежим черным хлебом. В 8^{1/2} вечера опять <был> самовар, чай, свежие булки, сдобный хлеб, масло, молочное, пастила, смоква, варенье, а летом и осенью еще ягоды и фрукты,

яблоки, сливы, земляника, клубника, малина, дыни, арбузы целыми горами.

Ели в три раза больше, чем нужно, в два раза слишком часто и в два раза слишком быстро. Между завтраком и обедом было всего 4-5 часов; но мы были до того извращены, что ухитрились в этих промежутках времени достать еще чего-нибудь «вкусненького» у экономки, — сначала моей бывшей нянюшки Марьи Афанасьевны⁹, а позднее у Дунечки¹⁰, которая ворчала, но не отказывала. Позднее она называла дом Ясной Поляны «счастливой гостиницей», где гости не платили за заботы и за тот тяжелый труд, который несли вся прислуга и хозяйка дома.

Мне противно признаться, что я с детства был обжорой. Про меня наша француженка<->гувернантка¹¹ говорила: «Léon a les yeux plus grands que le ventre»*. От этого порока уже с ранних лет испортился мой желудок¹², и лишняя еда вместо того, чтобы помогать моему физическому развитию, как хотела этого мать, только задержала его. Вместе с желудком портились зубы, выпадали волосы, и нарушалось кровообращение. За все мое детство я никогда не ощутил благодетельного чувства настоящего, острого голода, которое испытал гораздо позднее. Никогда, кроме периодов моих болезней, не давали моему желудку ни отдыха, ни срока, а в праздники — Рождество, Масленицу, Пасху и дни рождений членов семьи — нам готовили еще всякой особенно вредной всячины, вроде пудингов, именинных пирогов, индюшек, поросят, блинов со сметаной, маслом и икрой, пасхи и куличей. Вся эта русская варварская традиционная тяжелая еда камнем ложилась на желудок и вконец, часто в острой форме, расстраивала его.

А родители? Давали ли они пример воздержания? Мать — несомненно. Она ела только раз в день, в пять часов дня, за обедом. Утром она пила кофе с молоком, хлебом и маслом, а вечером чай с хлебом и вареньем — и это все. Отец не завтракал, но обедал и ужинал поздно вечером. В моем детстве он ел перед сном громадное количество холодного ростбифа, запивая его белым крымским вином. Он был невоздержан, хотя кое-как

* У Льва глаза завидующие (дословно: глаза больше, чем живот, — *фр.*).

справлялся с излишествами, благодаря охоте, на которой часто проводил иногда верхом или пешком целые дни.

Естественно, что, вследствие дурных гигиенических условий, я часто болел в детстве и особенно веснами, когда меня начинали трясти изнурительные лихорадки. Жар поднимался вдруг до 41 градуса<, > и так продолжалось неделями. Заражался ли я от вредных миазмов и испарений, шедших от наших прудов, с грязного двора и из вонючих канав, из погреба под нашим окном и глубокого колодца в его соседстве, или общие дурные условия ослабляли меня, — не знаю. <—> Вероятно, вследствие того и другого вместе, но за время моего детства я перенес всевозможные болезни<:> корь, коклюш, ветрянную оспу, ангину, свинку и дизентерию <—> и только чудом спасся от них.

Все же я выжил, и, думаю потому, что нашел с раннего детства средство спастись от болезней, которым пользуюсь и до сих пор. Средство это <—> движение<:> едва из постели и едва одетый, я бросался из детской в залу и пускался бегать кругом стола бесчисленное количество раз, пока меня силой не останавливали и не сажали за *горячий* какао¹³. Потом игры, всякие игры, в которых можно было двигаться, двигаться без конца. Мячи, кубари, которые мы часами подстегивали кнутами, серсо, змеи, всякое прыганье, катание на коньках, с горы и с лестницы на подушках и подносах, летом беготня за грибами, ягодами, цветами, позднее верховая езда, крокет, tennis и т.д. — все это побеждало в моем организме накапливающиеся яды и помогало ему так или иначе вытравлять их. После усиленного движения меня ударяло в жар, поднималась температура, и я заболевал, иногда только на день или два. Тогда меня укладывали в постель, я спал в продолжение двадцати четырех часов, обливаясь потом, на следующее утро вставал здоровый.

Само собой разумеется, что, вспоминая, как дурно воспитывали меня в детстве, я далек от мысли осуждать за это родителей.

Мать делала, что могла, при той тяжелой ноше, что ей досталась на долю. Отец был слишком занят своей работой.

Глава 3

Искусство в моем детстве и его влияние на меня

Первым, самым нужным человеку искусством, является искусство мыслить. Его можно назвать *мудростью*, умением думать самое важное и великое, *вечное и справедливое**.

Кто обладал этим искусством из моих близких в пору моего детства и кто мог влиять на меня тогда в этом смысле?

Отец, мать, братья, гувернантки, учителя, прислуга, гости, книги?

Я напрасно буду искать мудрости в Ясной Поляне того времени. Может быть, она и была где-нибудь далеко спрятана на пыльных полках библиотеки, но в нашей семейной жизни ее не знали, потому что, если бы ее знали и если бы она существовала, то и вся жизнь нашей семьи, а может быть, и всей России уже тогда и теперь была бы другой. Между тем здоровая и простая мудрость, необходимая для счастья человека, давно изложена и существует, хотя бы в одной только древней китайской философии¹.

Почему не дали мне в детстве узнать ее основы?

Я бы понял ее гораздо легче, чем молитву Богородицы, и она на всю жизнь дала бы мне нужные силы.

Как влияло на меня, ребенка, второе по важности — искусство слова? Понимали ли мои родители и воспитатели, какую роль оно играло и должно было играть в моей жизни?

С утра до вечера я слушал разговоры или чтение и сам читал. Я слушал пение любовных романсов, которое выражалось любовными страстными словами, — их прекрасно пела моя тетя Таня², — слушал церковные службы и пение дьячка, в которых не понимал ни единого славянского слова, слушал споры родителей и их гостей, читал и слушал сказки и легкие стихи.

* Смотрите последнюю философскую часть моих мемуаров под общим названием «Lungarno». — Примеч. Л.Л. Толстого.

А еще что? Ничего, кроме все покрывавшей и поглощавшей пустой болтовни семейных, окружавших меня.

Среди этого словесного хаоса гораздо сильнее, чем слово, влияло на меня третье<, > по моей классификации<, > искусство, — музыка. Еще на руках у матери я познал это странное наслаждение, когда она убаюкивала меня ко сну наивной и успокоительной песенкой: «В няньки я тебе взяла месяц, звезды и орла»³.

Искусство звука и мелодии с раннего детства будило в моей душе таинственные чувства и звало в другие, лучшие миры.

Я был музыкален с детства и сам пел все песни и романсы, которые слышал. Когда брала охота, я уходил куда-нибудь в лес или в мою комнату, ложился на спину и, чтобы не забыть, пел подряд все песни, которые знал.

Раз приехала в Ясную молодая княжна Шаховская со своей замужней сестрой⁴ и вечером, после обеда, долго и чудесно пела. По случаю события мне было позволено остаться в зале и идти спать позднее.

Княжна пела всё: и грустные и веселые русские песни, и французские бержеретки*, и современные романсы. В первый раз передо мною предстала красота музыки в гармонии с красотой молодой русской девушки. Мне хотелось плакать и смеяться, хотелось броситься на шею княжне и сказать ей, как безумно я ее любил. Сама она, возбужденная, временами взглядывала на меня и улыбалась, понимая мое настроение. Настал час ее отъезда, и все пошли вниз, в переднюю, ее провожать. Я старался быть около нее возможно ближе и с ужасом думал, что вот сейчас она уедет и увезет с собой все то, что она во мне разбудила. Она вдруг нагнулась ко мне и поцеловала.

— Молодой человек, — сказала она горячо, — вы покорили мое сердце.

Я бросился наверх в детскую и разрыдался⁵.

* bergerette — пастушеская песенка, пастораль (*фр.*).

Музыка в моем детстве будила во мне нежность и любовь, смелость и отвагу, надежду и восторг. Она мирила меня с людьми, приближала к ним, заставляла искать, мечтать и думать обо всем самом важном и прекрасном.

Музыка — это пение души, попытка нашей духовной сущности освободиться и вылететь на простор из своего телесного плена. Лучшая музыка всегда выражает это стремление и потому принимает форму мелодии.

Русская музыка заняла в мире одно из первых мест, благодаря богатству русской народной мелодии, выражению народной души.

* * *

Скульптура в моем детстве не могла играть большой воспитательной роли по той простой причине, что ее почти не было в яснополянском доме.

Был один только хорошо сделанный мраморный бюст моего дяди, брата отца, графа Николая Николаевича Толстого, который стоял в нише стены в отцовском кабинете⁶. Этот бюст я любил больше всех вещей в доме, и он действовал на меня сильнее всех портретов и картин. Я иногда подолгу смотрел на него, изучая его гладкие, приятные формы. Мне казалось, что мой дядя Николай был почти жив, когда я трогал его и гладил по щекам. Я знал, что он был замечательный человек⁷<,> и эта фамильярность с ним облагораживала и одухотворяла меня.

* * *

А искусство танцев? Отец презирал его и не видел в нем ничего, кроме того, что балерины высоко задирают ноги⁸. Мать, напротив, любила балет и девушкой, до замужества, сама порхала по своей московской кремлевской квартире⁹, изображая танцовщиц. Все же в моем детстве в нашем доме и в семье танцевали, а рядом на деревне шли пляски на воскресных хороводах и на работах.

У нас танцевали вальс, польку, мазурку и кадрили, и отец иногда сам пускался вальсировать, всегда с одной и той же своей дамой, — моей матерью. Он подхватывал ее легкую фигуру и, ко

всеобщему восторгу нас<,> детей, быстро делал с ней целый круг по зале¹⁰. Сам я, кроме вальса, любил мазурку со всякими фигурами и танцевал ее с азартом¹¹.

Пляска баб и ребят на хороводах деревни была иногда красива своей удалью и движениями, но только немногие из баб и ребят плясали хорошо.

* * *

В яснополянском доме в балконной гостиной, позднее ставшей кабинетом отца, есть несколько гравюр с картин старинных итальянских мастеров. Стена, на которой они висели, всегда привлекала мое внимание и на ней особенно Мадонна «Di San Sisto» Рафаэля¹², с ее чудесными деталями. Все было прекрасно в этой картине и казалось мне давным->давно знакомым. Я любил также портреты предков в зале, которые я часто разглядывал и всегда жалел, что мне мало рассказывали о них¹³.

* * *

Какое влияние могла оказывать на меня, ребенка, архитектура? Наш простой кирпичный дом с голыми стенами в соседстве с жалкими мужицкими избами мне не дал ничего. Все же великой радостью нашей были новые пристройки дома¹⁴, или когда появлялись на деревне новые избы и крылечки, или даже свежая гладкая соломенная крыша «в зачес»¹⁵.

Смотря назад на то, как влияло на меня искусство в детстве, я вижу, что влияние это было очень большое, но могло и должно было быть еще в тысячу раз сильнее.

Через искусство я мог бы познать и духовную<,> и умственную мои сущности и набраться множества знаний, если бы каждое из искусств было представлено на надлежащей высоте и на своем настоящем месте.

Влияние искусства в вопросе детского воспитания — громадное поле для разработки.

Гимназист Л.Л. Толстой

(фотография фирмы «Шерер, Набгольц и К°»;
Москва, 80-е годы)

Глава 4

«Классическая» гимназия Поливанова в Москве — мои учителя и товарищи

Перед тем, как наша семья переехала в 1881 году из Ясной Поляны в Москву, в доме царила нездоровая, нервная атмосфера. Мать уже не справлялась одна со всеми семейными заботами; отец, хотя и видел, что для воспитания выросших детей деревня не давала нужных условий, в то время переживал свой так называемый «религиозный кризис» и думал о переезде в город с большим неудовольствием¹.

Пока вопрос решался, мое воспитание было заброшено еще больше и вместо того, чтобы помочь, родители сделали со мной в этом отношении еще новую ошибку, когда, по настоянию отца и против желания и слёз матери и меня самого, меня перевели из женской половины, от моей милой англичанки Miss Any², вниз, в комнаты старших братьев и гувернера³.

Эта перемена повлияла на меня особенно дурно в том смысле, что «у мальчиков» я научился только дурному, то есть тому, что повредило моей жизни.

Когда мы все же переехали в Москву и меня отдали в Поливановскую классическую гимназию в третий класс, я искренно радовался тому, что, наконец, начнется мое настоящее воспитание и образование, которых, я чувствовал, дома мне не могли дать.

Самым лучшим нашим учителем в гимназии был сам «Лев», — Лев Иванович Поливанов, — один из выдающихся русских педагогов, директор и прекраснейший, умный человек⁴. Вспыльчивый и нервный, с седой гривой густых волос, зачесанных назад, худой и быстрый, Поливанов не только умел учить, но умел вызывать в учениках лучшие их чувства. Он был нашим учителем русского языка и литературы. Когда он сердился, он выходил из себя и сам не помнил, что говорил. Раз, в порыве гнева, он прокричал, грозя ученикам своим бледным, худым кулаком: «Здесь не кабак, а *питейное* заведение!» Он хотел сказать<:> учебное заведение.

Всё же все любили и уважали его⁵.

Он особенно внимательно и добро относился ко мне. Позднее, когда моя мать была у него по поводу учения моих младших братьев, он каждый раз с интересом и даже любовью расспрашивал обо мне, говоря, что у меня было настоящее призвание к писанию и что это настоящее мое дело. Он как-то прочел в газете мою короткую статью, в которой я описал одно собрание Армии Спасения в Париже⁶, и нашел, что она была написана хорошо. Он был одним из тех немногих, которые верили в мое будущее. Мать в письме к отцу рассказывает об этом⁷.

Помню, как раз, уже в последнем классе гимназии, я продекламировал «Льву» «Пророка» Пушкина, а он слушал, опустив седую гриву. Когда я кончил, он одобрительно улыбнулся и поставил мне высший балл:

«И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул».....

Может быть, нет более глубокого по смыслу стихотворения во всей мировой поэзии, и я должен сказать, что за весь период моей юношеской гимназической жизни оно было для меня единственным, ясным, верным и простым откровением того, *чем должна быть высшая духовная жизнь человека*. До сих пор я ни у кого не видел лучшего. Чтобы стать пророком, надо *увидеть* и *услышать* «неба содроганье и горний ангелов полет», нужно *победить страсти, познать мудрость* и только тогда, — заменив праздный язык *мудрым жалом змеи*, <—> человек, все увидавший и услышавший, смеет идти в мир людей и Божественной волей зажигать огонь в их сердцах.

Я любил еще другое четверостишие Пушкина «Отрок», смысл которого я гордо обращал к себе:

«Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям».

Хотя наша гимназия и была «классической», то есть в ней мы должны были изучать греческий и латинский языки и с ними основы

греческой и римской цивилизации, — это изучение сводилось к зубрежке грамматики и неправильных склонений и спряжений, так что не было даже времени на другое.

Если мы и переводили Гомера, Цезаря и Горация и писали «extemporalia»*, — то делали это механически и со скукой, настолько глубока была рутина дурной педагогики.

Два добродушных Петра Петровича учили нас древним языкам — оба чистокровные русские люди, претендовавшие быть «классиками»⁸. Учитель латинского, бывший армейский капитан, которого мы звали “Петей”, любил шагать по классу и плевать в угол. Когда он подходил к углу, весь класс громко шептал: «Плюнь», <—> и “Петя” послушно плевал, хотя у него давно уже истощился запас слюны⁹.

Греческого учителя гимназисты мои дразнили по-гречески: «tini, tinos» и прибавляли: «Петра Петровича за нос»¹⁰.

Очень милым был наш старый учитель истории Фукс, еврей по происхождению. Он же был учителем французского языка¹¹.

В общем, все наши учителя были прекрасные люди, но все слабовольные, полуживые, в сущности<,> глубоко невежественные морально и интеллектуально. Не говорю об уроках «Закона Божьего», который преподавал милейший священник, наш «батюшка»¹². Никто никогда не знал его уроков катехизиса или богослужения, точно так и нужно было, хотя в этих уроках заключалось все *наше духовное воспитание для пробуждения нашей духовной сущности*. Еще каждое утро перед классами и в конце их один из товарищей с места читал молитву, глядя на образ в углу, и все быстро крестились. Я никогда не мог уловить ни одного слова из этой молитвы и никогда не слушал ее. Тра, та, та, та <—> и дело кончено. В эту минуту мы даже не отдавали себе отчета, что молились какому-то богу.

Бедные мои товарищи, которых половины давно уже нет в живых.

* импровизации (латин.)

Какие были среди них животноподобные, жалкие существа. Их наследственность и первое воспитание были еще беднее моего<,> и потому их жизнь была еще несчастнее.

Вот “Арбуз”, купеческий сынок, с громадным круглым животом и красной маленькой головой, вечно грубый, пошлый, глупый, заставляет меня подписаться на белом клочке бумаги. Я подписываю свое имя, а он пишет сверху: «обязуюсь принести Вишнякову такого-то числа три рубля».

А вот кавказский князь из Армении, хотя он только в третьем классе, но уже поживший, все испытавший, на вид развратный мужчина. Он уговаривает меня ехать с ним в публичный дом<,> и я из любопытства и по слабости соглашаюсь. Этот дом был в одном из известных тогда переулков Москвы. Когда мы вошли в «заведение», в салоне шли танцы «под пианино» и скрипку. «Хозяйка» провела нас в отдельную комнату, разукрашенную бархатом и позолотой<,> и попросила подождать. Через минуту, шурша шелком, к нам вошли две нарядные дамы, одна брюнетка, другая блондинка. Князь стал противно ухаживать за неприятной блондинкой, глядя ее ляжки, а я смотрел на симпатичную брюнетку, не смея шевельнуться. Она, отгадывая мою невинность, молча и смущенно мне улыбалась. Но я, не садясь, бросился к двери и мимо салона, где визжала скрипка, скатился вниз по лестнице и, как сумасшедший, выскочил на улицу. Дожидавшийся извозчик удивленно посмотрел на меня и что-то, смеясь, спросил. Я сел на санки, накрылся медвежьей полостью и стал ждать моего кавказского «друга», раскаиваясь в том, что поехал с ним.

А вот бедный “Цыпка” — физический урод, болезненный, кривобокий и жалкий, над которым все смеялись, щипали и дразнили: «Цып, цып, цып»¹³.

Вот еще два громадных, возмужалых и страшных человека, — тоже, как мой князь, армянские ребята, богатые коннозаводчики, грубые, глупые, ленивые. А вот и русские парни, купеческие сынки<:> один <—> первый ученик, рыжий, тихий и способный, но духовно ограниченный и мрачный, другой <—> самонадеянный и неприятный, вечно на кого-нибудь сердившийся. Раз, со злости<,> он стал душить меня, взяв за шею так, что я чуть не задохся.

Были среди товарищей и более нормальные мальчики, с которыми я дружил, особенно в позднейших классах, когда подобрались лучшие ученики.

Из близких мне был сначала Скобельцын, с которым мы ходили на руках и прыгали через столы, потом товарищ Х., писавший красивые стихи, позднее погибший от сифилиса¹⁴. Но друзей, настоящих друзей<,> я не нашел среди товарищей школы. Почему? Потому, что дружба, настоящая дружба, создается только на духовных и разумных основах.

В гимназии я рано привык курить потому, что все старшие курили и во время перемены собирались для этого в зловонной “уборной”. Когда я завтракал во время большой перемены в общем зале и ел мои “бутерброды”¹⁵, приготовленные экономкой «Дунечкой», я чувствовал, что эти колбасы и сыры с сухим хлебом мне были вредны, но, голодный, я набивал ими желудок. В смысле физических упражнений школа дала мне ноль, так как наши два, три часа гимнастики в неделю не могли считаться за таковую. По-прежнему, как в Ясной Поляне, я спасался от нездоровой школьной жизни движением и спортом на открытом воздухе, особенно беганием на коньках.

* * *

Мне кажется, что главной ошибкой и пробелом русской гимназии моего времени было полное отсутствие живой, сердечной, умственной и жизненной связи между учениками и учителями.

Я чувствовал этот недостаток в продолжение всего моего гимназического курса и особенно на всех переменах между уроками, когда учителя шли в свою учительскую болтать и курить, а гимназисты разбегались в разные стороны со своими интересами и разговорами. Тогда последняя связь между нами и учителями обрывалась.

Не было также никакой организованной умственной связи между самими учениками потому, что старшим не поручался надзор за младшими, как это заведено, например, в Англии. Единение учеников между собой и с учителями было невозможно

в школе, где ни учителя, ни ученики не знали сами, зачем и почему они учат и учатся и какую цель преследуют в жизни.

Цель гимназии была довести нас по данной сухой и нелепой программе до университета, а какова была эта программа и что с нами будет потом — это не интересовало никого.

Не поразительно ли, что прошли тысячелетия с тех пор, как мудрые люди познали жизнь и указали нам, какие основные знания нужны для ее счастливого прожития, — но до сих пор мы учимся и учим наших детей предметам<,> совершенно не нужным, пустым и ничтожным, а все важное и нужное для жизни оставляется нами в стороне¹⁶?

Следовало бы написать четыре основных Учебника Жизни для всех людей и всех наций.

Первый — как жить индивиду в одиночестве, второй — как жить в семье, третий — как служить обществу и государству и как относиться к нему и четвертый — как служить человечеству и относиться к другим нациям.

Эти четыре главные науки жизни должны были бы преподаваться во всех школах мира.

*(Татьяна, Лёва, Л.Н. Толстой с Андрюшей и Мишей; Сергей и С.А. Толстая с Алёшей на коленях; на земле сидят Илья и Мария)
(фотография С.С. Абамелек-Лазарева, 1884)*

Глава 5

Тяжелая рознь родителей дома. Рождение сестры Саши. Ее воспоминания и последнее письмо

Несмотря на ее недостатки, гимназия все же была для меня отчасти отдыхом и отвлечением от того, что я переживал дома и что вконец расстроило мое здоровье и почти унесло в могилу.

Уже летом 1884-го года, перед самым рождением сестры Александры¹, в один жаркий июньский день, после страшной сцены, отец чуть не ушел из дому и не оставил семью навсегда. Во всяком случае он грозил это сделать и без всякой видимой причины, просто потому, что моя бедная мать была на сносях и накануне рождения громадных размеров ребенка, которого она никогда не желала и которого носила с большим трудом. Она была в те дни необычно тяжела и, видимо, страдала физически. Вместо

того, чтобы помочь ей и быть с ней спокойным и добрым, отец за вечерним чаем без всякого серьезного повода рассердился и, вскочив, объявил, что уходит из дому навсегда и уезжает в Америку. Мать умоляла его остаться, но он забрал какие-то вещи в холщовый мешок, надел его на спину и ушел из дому вниз по березовой аллее, ведущей от яснополянского дома к пруду и воротам².

Я присутствовал при всей этой ссоре, и, когда отец скрылся из виду, я вместе с Алсидом Seigon³, сыном нашей французской гувернантки⁴, бросился утешать мать, которая, вся в слезах и в полном изнеможении, села на маленькую зеленую лавочку на краю площадки для крокета. Я стал уговаривать ее войти в дом, и, наконец, когда прибежали сестры, акушерка⁵ и тетя Таня⁶, нам удалось увести ее в спальню.

Начались первые схватки, а в шесть часов утра появилась на свет Александра Львовна, которую мать ни за что не хотела кормить и отдала бабе-кормилице⁷.

Странно, что сестра Саша была одной из главных, хотя и косвенных, причин трагического и преждевременного конца Льва Николаевича, его разрыва с матерью и его оставления дома⁸. Она же написала о матери непристойнейшие воспоминания, о которых тяжело говорить⁹. Для того, чтобы быть в состоянии, не скрывая своей злобы к той, которая родила ее на свет, писать, как «нервно прыгал каблучок» бедной нашей мученицы матери, как она ела и тому подобные, якобы «художественные», подробности, — нужно поистине не обладать никаким душевным тактом¹⁰. Не говорю уже о том, что все то, что она написала обо мне, настолько не похоже на меня, что возражать этому невозможно. Она, например, серьезно поверила, что я разделял мнение моего учителя скульптора Родена¹¹, когда он в шутку говорил мне: «Il ne faut pas penser du tout par ce que cela use la cervelle»*. Она еще утверждает в своих воспоминаниях, что я стоял за смертную казнь¹², тогда как я никогда не выражал и не имел подобного мнения. Напротив, я думаю и писал это, что <казнь> не нужна, и ставлю и ставил в пример Швецию, где ее не существует¹³.

* «Думать совсем не надо, потому что это портит мозги» (фр.).

Когда я раз сделал замечание моему маленькому избалованному и невоспитанному племяннику Илюше¹⁴ и сказал ему в шутку: «Тебя мало пороли», <—> Саша приняла это всерьез и сейчас же пошла жаловаться об этом отцу¹⁵.

Когда я вижу здесь, во Флоренции, книгу сестры у уличных продавцов, мне делается стыдно и больно, что люди читают ее и составляют себе ложные представления о людях¹⁶.

Я не хотел совсем касаться этого вопроса, но все же обязан сказать, что если бы Саша была другой, она бы пожалела мать, она бы пожалела отца, вместо того, чтобы раздувать огонь их разногласия и вместе с Чертковым¹⁷ и его друзьями наваливать всю моральную ответственность на несчастную мою мать, отдавшую семье всю свою жизнь¹⁸.

Я рад случаю заявить, что сестра Саша, живущая сейчас в Америке¹⁹, сознает свою вину и просила у семьи прощения за свои ошибки.

Я сам виноват в том, что, всецело встав на сторону матери, не был достаточно мягок со стариком отцом, хотя старался всячески помочь и ему<,> и матери.

Мы на днях обменялись с Сашей письмами. Вот ее последнее письмо ко мне из Америки:

«Спасибо, Лева.

С радостью узнала твой почерк, с радостью прочла то, что ты написал. И так хорошо стало на душе. Почувствовала себя такой богатой, точно сто тысяч, нет, гораздо больше выиграла, да и не сравнишь ни с чем. Давно уже у меня к матери, к тебе, ко всем братьям осталась только любовь, нет ни тени какого-либо отчуждения. Должно быть, я, даже наверное, я во многом виновата перед вами, если виновата — простите, но не злоба, не недоброе руководило, может быть, в некотором отношении — ошибочное.

Странно, чем больше живешь, тем дальше отходит вся мелочная враждебность, споры. Должно быть, оттого, что близится смерть. Ушла мать, и только с великой нежностью, жалостью и страданием вспоминаю ее и только, может быть, теперь по-настоящему люблю и понимаю ее²⁰. Ушел Чертков²¹, и опять нет

злости, нет враждебности, а только недоумение некоторое, что ему суждено было быть носителем идей отца<;> уйдем и мы все, и скоро, и останется одно вечное, неизменное, прекрасное, которое портят люди, коверкают, стараются загрязнить грязными лапами, оно стоит незыблемое и ждет, когда мы опомнимся.

С некоторых пор как-то боюсь употреблять слово Бог. Очень уж Его много употребляют, слишком как-то легко, фамильярно относятся к Нему. Илья, умирая, боялся говорить „Бог”, должно быть, то, что он переживал, было так чудесно, что он не мог найти этому слово.

„Бесконечность есть любовь”, — сказал он как-то.

А еще чудесно сказал: „Знаешь, мне уже больше ничего нельзя желать для себя, и мне было тоскливо. Теперь я придумал, я лежу и думаю, что бы я хотел для всех близких. Это очень хорошо”. Это, разумеется<,> была молитва, но он боялся сказать слово <„>молитва”>. Очень часто вспоминаю его и каждый раз плачу не от горя, а от радости. Многому он меня своей смертью научил. Все хочется это написать, но боюсь фальши, все ношу в себе, не знаю, смогу ли²².

Я совсем одна. Сегодня серое, дождливое утро, сирень так сильно пахнет в окно<,> и канарейка на ней сидит. Огород мой весь зазеленел, и я на него радуюсь. Сейчас 6 час<ов> утра, еще жизнь не началась кругом. Позднее будут проходить, проезжать люди по дороге. Моя фарма* окружена штатными лесами на большое пространство. Вот почему я пишу тебе, потому что так тихо, спокойно и хорошо на душе и мне хотелось по душе поговорить с тобой.

Знаешь ли ты, что шведка, которая приехала сюда к нам два года тому назад²³, знает всех твоих и много-много мне про них рассказывала? Очень всех хвалит. Какой ты счастливый, что у тебя столько близких. Я очень бы хотела поехать в Европу, но не могу из-за материальных причин. Я едва-едва свожу концы с концами. Сейчас, например, у меня ничего, никакого заработка нет, кроме огорода, который дает очень мало. Все делаю сама, даже стираю.

* Английское слово „farm“ (ферма) А.Л. Толстая писала так, как оно произносится.

Вчера сделала очень трудную работу: выкопала яму для чуланчика. Только позвала мужика помочь мне поставить его. К работе я привыкла<,> и мускулы у меня, как у мужика.

Для американцев я слишком прямолинейна в своих взглядах. Им не всегда нравится, что я громлю большевиков, нападаю на куренье, здесь всякая девчонка <в> 16 лет курит, не признаю их conventionalities* и не всегда могу на лице изобразить pleasant smile**. Целую тебя очень крепко, милый брат, и еще раз благодарю тебя за яркий блик, которым ты озарил мою жизнь.

Сестра Саша»²⁴.

* условностей (англ.)

** приятную улыбку (англ.)

Глава 6

Толстовство и его вредное влияние. Дурное настроение отца и причины этого

Основные и первые религиозно-философские и социальные сочинения отца: «Исповедь»¹, «Что ж нам делать»² и «В чем моя вера» были написаны в те годы, когда, неудовлетворенный *умственной* и *духовной* пищей, которую мне давала гимназия, я всюду искал ответов на серьезные вопросы жизни, читая все, что было под рукой, и внимательно слушая старших. Как раз в эти годы громко и уверенно раздалось горячее и убежденное слово только что родившегося Толстовства, якобы дававшего верное решение всем задачам жизни.

«Ты ищешь истины, она в Евангелии, очищенном от таинственного и чудесного. Она в центральной заповеди Христа <—> непротивлению злу насиллием. Она в пяти заповедях, изложенных в книге „В чем моя вера”³.

Чего же искать дальше? Выше, правдивее и чище учения нет и не может быть. Следуя за ним, ты сделаешься „солью земли”, мучеником и героем, одним из первых его великих учеников, ибо в нем спасение человечества. Только откажись от военной службы и от присяги, брось курить и пить, оставайся девственником, пойдешь в деревню пахать землю с мужиками <—> и ты будешь известен, славен и счастлив».

И я так увлекся учением отца, что все остальное отошло на задний план и перестало интересоваться меня⁴. Можно себе представить, как успешно я мог готовить греческий или латинский переводы или алгебраическую задачу после того, как в продолжение трех, четырех часов, до позднего вечера я просиживал в маленьких комнатках отца, с низкими потолками, где стояло густое облако табачного дыма и нельзя было разглядеть лиц собравшихся, но где шли горячие споры о новом учении, долженствовавшем спасти мир. Я вместе с табачным дымом пропитывался истинами, которые должны были искоренить зло и ложь жизни<,> и выше их не видел ничего. Что была моя жалкая гимназия рядом с великими задачами? Пусть меня даже выгонят из

нее; что завтрашний день с его уроками и я сам, когда вместе с моим отцом я понимал и исповедовал величайшее из откровений?

Наконец, усталый и нравственно истерзанный, я ложился спать в душной комнате с закрытыми окнами и засыпал тяжелым, нездоровым сном, чтобы завтра рано бежать в гимназию, не зная ни одного урока, и глотать мой сухой бутерброд.

Иногда отец спрашивал меня, приготовил ли я заданное в гимназии, но никогда не заставлял меня делать этого.

Чтобы быть правдивым, должен сказать, что не только отцовские идеи, его посетители и их разговоры мешали мне правильно жить и учиться дома, но и весь уклад и ход жизни нашей многочисленной и бурной семьи.

Звонки, прислуга, движение и шум, музыка, гости, родственники, наши товарищи и званые обеды, приемы, беготня и крик маленьких детей, — все это вместе по временам сливалось в сплошной ад, из которого одно спасение было — бегство. Тогда я удираю в сад, где чистил снег или поливал каток, или уходил к родным нашей семьи — Шидловским⁵, Оболенским⁶ или Нагорновым⁷ — в более тихую и нормальную обстановку.

В нашей семье особенно увлекались учением отца — я и сестра Маша⁸. Про нас он писал кому-то, что мы, «средние» его дети, «духовнее» старших и не взяли от него его «грубости»⁹. Но наша «духовность», — не настоящая, а привитая, и дружба с отцом стоила нам дорого..... Бедная, очень хорошая Маша никогда не была счастлива и умерла изнуренной, молодой бездетной женщиной, потому что все ее многочисленные беременности кончались ранними выкидышами¹⁰.

Я же поплатился долгой и тяжелой болезнью¹¹, которую победил только благодаря тому, что навсегда похоронил и осудил толстовское учение, взятое в его целом, и, выбравшись из полудикой, бестолковой России, увидел и понял рациональный и организованный Запад.

Но в период горячего увлечения отцовскими идеями я любил их искренно и любил, даже обожал отца¹². Я сочувствовал ему всем сердцем<,> разделяя его радости, когда, например, новые и

«настоящие» ученики приходили к нему и объявляли себя таковыми (М.А. Шмидт¹³, В.Г. Чертков, П.И. Бирюков¹⁴, А.Н. Дунаев¹⁵ и многие другие). Я ходил с отцом в Москве по ночлежным домам и фабрикам, где он смотрел городскую бедноту и жизнь рабочих<,> и внимательно, зорко следил за развитием его идей. Я ловил каждое его слово и восторгался каждым его новым «открытием», не упуская даже мелочей¹⁶.

Одно я продолжал ненавидеть — это отношение его к моей матери, когда он несправедливо и неприятно упрекал ее, доводя до слез. То он вдруг целовал ее руку и говорил с ней добрым и нежным голосом. То недобро принимался осуждать противным, ужасным тоном, обвиняя ее во всем, — ее, на которую был навален весь тяжелый труд семьи. Она беспомощно и трогательно плакала, а он, сердитый, уходил из дому на далекую прогулку, пешком или верхом.

Злое чувство тогда шевелилось к нему в моей душе. Он был неправ, глубоко неправ. Странное раздвоение чувствовалось в нем, и, казалось, выхода из этого положения для него не было. Мальчиком и юношей я замечал это, но еще не понимал, где и в чем была ошибка.

Сейчас мне представляется ясным интеллектуальное его настроение того времени и все то, что происходило в его душе. Он страдал вследствие трех главных причин.

Во-первых, физические, прежние силы уходили, и вся его телесная мирская жизнь с годами ослабевала.

Во-вторых, он создавал новую мировую религию, которая должна была спасти человечество и которая строилась им из раз навсегда принятых за истину принципов, вроде непротивления злу насилием, безбрачия, пацифизма, ручного труда и т.п., — и так как, создавая эту «религию», он сам не мог разобраться в бесчисленных противоречиях и нелепостях, вытекавших из нее, — он страдал, чувствуя, что задача создания новой религии ему не удастся.

В-третьих, он страдал, как все мы, <из->за несправедливости и неправды мира, не в силах дать ему личного рационального и светлого примера.

Все «Толстовство» объясняется этими чувствами, объясняется и его слабость и временное влияние.

Не я один, а множество молодых или чувствительных добрых людей подпали под него; но пошли за ним до конца только люди ограниченные.

Несмотря, однако, на вредное влияние отца, я продолжал кое-как учиться в гимназии и, наконец, сделав громадное усилие над собой и стараясь возможно больше уединяться от семьи, — выдержал экзамен зрелости и поступил в Московский университет на медицинский факультет¹⁷, хотя отец всячески хаял в это время и докторов<,> и науку. Но<,> прочтя биографию знаменитого русского врача Пирогова¹⁸, я воодушевился его примером и жизнью и мечтал сам служить людям на полезном поприще. О моем экзамене на аттестат зрелости я вижу до сих пор кошмарные сны. Много раз снилось мне после него, что я провалился, и я просыпался в ужасе. А на самом экзамене со мной сделался настоящий припадок такого нервного возбуждения и ослабления, что я почувствовал, точно сама жизнь вдруг покинула и вылилась из меня от крайнего волнения.

Сколько сил было преступно истрачено понапрасну в те годы, сколько сделано глупостей, сколько нелепого вообразено только потому, что не было должных духовных и интеллектуальных воспитателей, руководивших мной, и такой же окружавшей меня среды...

Школа и семья, — оба эти учреждения, вместо того, чтобы усилить и укрепить меня, ослабили, и я вижу теперь ясно, что только когда сама жизнь делается разумной школой, а школа <—> частью разумной жизни, то есть когда обе они сольются в одно гармоническое и согласное целое, только тогда мы найдем истинные и вечные формы и орудия воспитания¹⁹.

Глава 7

В университете, на медицинском факультете и первые любовные увлечения

Каждому ребенку, начинающему учиться читать и писать, следовало бы говорить, что он будет учиться всю жизнь и что постоянное учение — не мучение, а высшая радость. Тогда, кончая низшую школу, чтобы войти в среднюю и высшую, ученики не будут воображать себе, что теперь начинается для них более свободное и легкое время, как воображают почти все гимназисты, поступая в университет, и все студенты, кончающие университетские курсы. Во всяком случае, так было в России моего времени.

Кончив гимназию, я поступил в университет, чтобы изучать медицину, но в то же время вообразил, что после страданий и трудностей гимназии я вздохну свободнее. Вместе с этим я представлял себе, что в университете профессора будут близко руководить моими занятиями и помогут мне. Я ошибся в том и другом.

В смысле программы медицинский факультет был перегружен предметами, так что не оставалось бы ни минуты свободной, если бы я стал зубрить их все, а прямого руководства со стороны профессоров <—> не было и намека.

Толпа таких же, как и я, беспомощных студентов бегала по аудиториям, желая добиться, когда такая-то лекция или почему не явился такой-то профессор. Лекции читались вяло, с привычной рутиной, так, что противно было следить за ними. Большинство студентов поэтому не считало даже нужным правильно их посещать, надеясь на учебники и печатные лекции.

Вместе с тем меня сразу охладило к медицинскому факультету и то, что программа первых двух лет была, собственно, не медицинской, а естественных наук: физика, химия, анатомия, ботаника и т.д. И, как в гимназии древние языки преподавались без всякой связи с живыми следами древних цивилизаций, мертво и сухо, так же и университетские профессора, читая лекции по естественным наукам, нужные для знания медицины и тесно

связанные с ней, — не только не останавливались на тех пунктах, где, когда и как такая-то естественная наука служит медицине, но и даже не старались заинтересовать нас в этом.

У меня был на факультете близкий товарищ Ваня Раевский¹, с которым мы вместе ходили на лекции; но у обоих нас не хватало энергии, чтобы, как наши товарищи, энергичные и неизбалованные евреи, которых была суетливая толпа, освоиться со всеми неудобствами и недостатками университетского обихода и принять их безропотно.

Мне был чужд и язык профессоров, в котором 50% слов были научные галлицизмы, чужд и противен вонючий анатомический театр, где мы резали человеческие трупы; отвратительна вивисекция*, когда знаменитый профессор Сеченов² душил и мучил морских свинок, крыс, лягушек и кроликов, и, наконец, чужда была сама студенческая среда, с которой я находил мало общего³.

Тем не менее, я стал учиться и слушать лекции не только на моем курсе, но и на старших, чтобы ознакомиться с ними, и присутствовал также на многих операциях в клиниках⁴.

Все это вместе заранее дало мне понятие о том, что ожидало меня как студента по медицине в продолжение пяти лет и затем врача, и скорее оттолкнуло от нее вместо того, чтобы привлечь. К тому же<, > в это уже время, вследствие общей ненормальной атмосферы, царившей в нашей семье, мое здоровье было подорвано, несмотря на мои природные силы, и я боялся, что не одолею избранной мною профессии.

После быстрого решения, весной 1890-го года я подал прошение о переводе меня с медицинского на филологический факультет⁵ и таким образом навсегда отказался от медицины, хотя позднее не раз жалел об этом⁶.

Вспоминая сейчас мое настроение того периода моей жизни, я вижу, что большим препятствием ее спокойствию и правильному ходу была также моя страстная натура, всегда увлеченная чем или

* операция на живом существе с целью изучения функций организма, причин заболевания, действия различных веществ от латин. *vivus* (живой) и *sectio* (рассечение).

кем-нибудь. Эти увлечения мешали мне учиться и будили желание возможно скорее начать жить полной жизнью.

С раннего детства я был почти постоянно влюблен, не только в жизнь и природу, но и в женщин, и временами это чувство заглушало во мне все остальные. Сначала болезненная привязанность к матери, нянькам и англичанкам, потом к различным девочкам моих лет или старше, а позднее к взрослым девушкам и женщинам.

Когда отец купил в Москве дом купца Арнаутова в Хамовническом переулке⁷, нашим соседом сделались Олсуфьевы, старинный дом которых был на Девичьем Поле, а сад сходился с нашим.

Старик Олсуфьев⁸, барин старого сорта, был женат три раза и имел кучу детей. От второго брака у него была красавица дочка Катя десяти лет, брюнетка с густой косой темных волос на точеной головке, необычайно породистая, спокойная и грациозная⁹. Она так нравилась мне, что я решил, что она должна сделаться моей женой. Но не прошло и года, как Катя неожиданно умерла от какой-то внезапной детской болезни. Помню страшное мое огорчение, о котором я никому не сказал¹⁰.

Другими моими отроческими и юношескими увлечениями были княжна Лили Оболенская¹¹, дочь князя Дмитрия Дмитриевича¹², кузина Маша Кузминская¹³, Ната Философова¹⁴, Верочка Северцова¹⁵, «Козочка» в Уральских горах¹⁶, а главное — молодая крестьянка Даша Чекулева, любовь к которой продолжалась много лет и была в эти годы самой сильной.

Из всех этих женщин в живых осталась до сих пор, кажется, одна только Даша, которую я не видал с тех пор, как двадцать лет тому назад оставил Россию¹⁷.

Даша была замужем за Мишкой-извозчиком. Он не жил с женой, а в городе Туле и только изредка приезжал домой. Его старик-отец и Даша вдвоем справлялись с полевой работой, а болезненная свекровь ее занималась по домашнему хозяйству¹⁸.

Даша была среднего роста, легкая, как птица, крепко сложенная, с правильными чертами лица и большими светлыми

глазами. Тело ее было твердо, как сталь, — закаленное тяжелым и постоянным трудом. Когда я встречался с ней, издали я замечал ее быстрый, огненный взгляд, но когда подходил ближе, тяжелые веки ее опускались. Зато вечером на сельских хороводах или на покосах она пела громче и лучше всех, а иногда пускалась плясать, и тогда ей не было удержу. Вдруг остановится, вся выпрямится, вскрикнет и опять пойдет плавно кружить по хороводу, притоптывая полусапожками и откидывая хорошенькую головку, повязанную красным платком. Страстная, но сдержанная и скрытная Дарья нравилась мне бесконечно. Особенно разгоралась моя любовь летом, когда из Москвы мы возвращались в Ясную. Сколько лунных ночей я не спал из-за нее и сколько избегал лесов, полей и лугов, преследуя ее всюду! Она была для меня частью природы и жизни.

По праздникам я ходил на деревенские хороводы со скрипкой и часами играл «Барыню» под аккомпанемент чьей-нибудь гармошки, чтобы видеть Дарью и чувствовать себя около нее. Она пела и плясала, а я любовался ею.

Когда я встречал ее одну в лесу, куда она ходила за травой, на какой-нибудь глухой тропинке или полянке, по которой она шла, торопясь, босыми сильными ногами, — я подбегал к ней и умолял остановиться и посидеть со мной. Она сбрасывала мешок на землю, садилась на него, сдвигала со лба платок назад и, смотря на меня, улыбалась, блестя глазами. Когда я обнимал ее и прижимал к моей ее твердую грудь, она вдруг вскакивала на ноги, тихонько отстраняла меня и шептала: «Не надо, не надо, яблочко ты мое садовое. Не пара я тебе».

И ловким движением вскидывая на спину мешок, полный пахучей травой, она убегала, и я тогда не смел преследовать ее дальше. Иногда Даша ходила далеко, верст за тридцать от Ясной в другое село проведать свою старушку мать, такую же, как она сама, честную и умную русскую женщину. В эти дни я запрягал дрожки и уезжал на охоту, чтобы встретить Дарью где-нибудь на большой дороге — муравке, по которой она должна была идти.

Часами я ждал ее в поле<, > и, когда, наконец, вдали показывалась ее фигура, я волновался сладкой радостью. Опять мы садились рядом, я гладил ее прелестное тело, жал ее корявые

руки, но как только позволял себе больше, она вырывалась, вскакивала и убегала.

«Не пара мы, голубчик».

Воспоминания о моей оставшейся совершенно чистой любви к Дарье связаны с лучшими месяцами, днями и часами моей юношеской жизни, — с весенними соловьями и ландышами, с гущей и тенью лесов, с простором полей и лугов и жаждой, безумной жаждой жизни и счастья.

Почему эту жажду ни мне, ни ей не дано было утолить?

Почему столько огненного желанья и волнений потрачено бесплодно и остались о них лишь эти светлые, глубоко волнующие меня, даже сейчас, воспоминания?

Глава 8

Путешествия в годы студенчества. Семейный раздел и мои первые печатные сочинения

Избегав и изъездив с детства всю Ясную Поляну и ее окрестности, я постепенно стал расширять мое знакомство с миром<,> и с первых же лет студенчества я стал ездить по России, чтобы лучше узнать ее.

Сначала на Волгу, Уфу и Урал, потом на Кавказ и в Крым.

Летом 1890-го года из Нижнего я спустился по Волге до Казани¹, потом вверх по Каме и Белой добрался до Уфы, откуда по новой тогда Уфа-Златоустовской железной дороге доехал до Уральских гор.

В то время младший брат матери инженер Вячеслав Андреевич Берс строил первую ветку Сибирской магистрали и жил на станции Теляк<и>, куда я приехал на товарной площадке вагона, хотя дядя выслал за мной специальный вагон, который я не нашел в Уфе².

Бедный дядя Вячеслав был дурно женат и имел в то время двух маленьких детей — девочку и мальчика³. С ним жила еще его старая преданная няня — Настасья⁴, оставшаяся одна в живых из старой семьи Берсов. Она была раньше горничной моей бабушки Любви Александровны⁵.

Вячеслав был искренно рад моему приезду и старался всячески развлекать меня. Охота в предгорьях Урала была тогда замечательная, и я целыми днями ходил с ружьем по чудесным окрестностям <станции> Теляк<и>, поднимая тучи уток. Раз я забрел далеко и вышел на лесную поляну, где стояла одинокая пасека. Старик-пасечник зазвал меня к себе в избу и угостил стаканом янтарного, выгнанного из меда вина. Напиток этот показался мне божественным.

Охота была для меня отвлечением, часто и спасением от мыслей о женщинах, которые все больше и неотвязчивей мучили меня. Все же до сих пор я ухитрялся оставаться девственником,

хотя давно уже был чувственно развращен в другом смысле. Избегал я женщин по двум причинам<:> во-первых, я боялся заразиться, во-вторых, мечтая о счастливом браке, хотел сохранить до него мою «чистоту».

Но это становилось все труднее и труднее, и когда на станции Теляк<и> я встретил хорошенькую дочь машиниста, я сейчас же завязал с ней роман. К счастью, дядя Вячеслав вовремя охладил мой пыл, предупредив, что, по слухам, девушка эта была заражена сифилисом.

На Урале я еще влюбился в «Козочку», ходившую по краям самых страшных обрывов, и в прелестную еврейку, жену одного инженера, с которой познакомился в Миассе на балу инженеров⁶. Эта еврейка редкой красоты нравилась мне тем, что она была похожа, как я тогда вообразил, на Анну Каренину. В ней не было ничего типично еврейского, кроме больших черных глаз, которые до сих пор пылливо смотрят на меня.

Вернувшись с Уральской поездки в Ясную Поляну, я нашел в ней все ту же, делавшую<ся> временами невыносимой, семейную атмосферу и был рад, когда пришло время уехать в Москву, где начались лекции на моем новом факультете. В то время на нем блистала целая плеяда знаменитых профессоров с Ключевским⁷ и Виноградовым⁸ во главе, и лекции эти настолько заинтересовали меня, что я уже не жалел о брошенной медицине. Рядом с университетом я стал много читать, следя вместе с отцом за русской и французской литературой.

Весной 1891-го года я заболел⁹, но быстро справился с болезнью и, сделав усилие над собой, выдержал новое университетское испытание, перейдя на третий семестр филологического факультета¹⁰.

В этом же году в апреле отец роздал все свое имущество своим детям и жене, разделив его на десять равных частей¹¹, и таким образом освобождался навсегда от материальной собственности, которая была для него теперь моральной обузой и противоречила его взглядам и всей доктрине.

Событие это было очень важным для семьи и вместе с тем уже тогда показало, насколько все-таки отец противоречил самому себе и насколько мирской человек был в нем сильнее духовного.

Во-первых, если он считал собственность злом, не надо было передавать этого зла жене и детям, делая их собственниками.

Во-вторых, если он отрицал власть и законы, то не надо было, прибегая к ним, делать официальные акты.

Тем не менее мы все и сам отец были очень довольны.

Раздел произошел в Яснополянском доме при общем согласии. Я вытащил жребий, по которому мне доставалось старое толстовское имение — «Никольское-Вяземское» Чернского уезда, принадлежавшее когда-то старшему брату отца — Николаю Николаевичу. Но так как брату Сереже эта часть имущества подходила больше, чем мне, а мне, ввиду возможности быть свободным, нравилась другая часть, доставшаяся ему, — дом в Москве и земля подле села Бобровка Самарской губернии, мы с Сережей обменялись нашими жребиями к нашему обоюдному удовольствию. Он сделался чернским помещиком, а я — московским домовладельцем и самарским хуторянином¹².

Один только брат Илья воевал за свою часть, доказывая, что его обидели. Может быть, это и было справедливо<,> и к его имению «Гриневке» рядом с «Никольским» нужно было прибавить еще что-нибудь¹³.

Самарское большое имение отца Бузулукского уезда, в котором было более 5000 десятин, было отдано младшим детям — Андрюше, Мише и Саше, а Ясная разделена пополам между младшим в семье Ванечкой и матерью. Сестры Таня и Маша получили свои части, хотя Маша, по своим толстовским убеждениям, хотела отказаться от своей. Все же, выйдя позднее замуж, она ее приняла¹⁴.

В том же памятном году случилось в моей жизни одно событие, казавшееся мне в то время очень значительным. Под псевдонимом Л. Львов я напечатал мои первые два рассказа<:> один для детей<,> в детском журнале «Родник»<,> под заглавием «Монтекристо»¹⁵, другой в книжке журнала «Неделя»<,> под

заглавием «Любовь»¹⁶. Отец одобрил первый и несколько раз хвалил его¹⁷, записала в своем дневнике и моя мать¹⁸... В Петербурге этот рассказ называли «перлом»¹⁹.

Второй рассказ был замечен нашим общим другом А.Ф. Кони²⁰, хотя он не знал, кто скрывался под его подписью.

Я взял этот псевдоним, нося слишком тяжелое литературное имя, но позднее, соглашаясь с мнением Шопенгауера²¹, решил, что скрываться под ложным именем нечестно, и стал подписываться моим полным, как это ни было трудно, именем.

***Ссоры родителей. Хутор Бибикова и засуха.
Наследник Цесаревич и Оренбург.
Кавказ, Крым и Одесса***

В те годы я часто охотно уезжал из Ясной, чувствуя ненормальные отношения между родителями, омрачавшие жизнь, и что-то неправильное, даже болезненное, в отцовских взглядах.

Сцены и споры между отцом и матерью не прекращались и доходили иногда до того, что мать искала самоубийства, а отец еще острее страдал от противоречий между его жизнью и учением¹. Когда в те годы он решил объявить в газетах, что отдает все свои религиозно-социальные и другие сочинения, написанные после 1881-го года, в общую собственность², это желание его встретило резкий отпор со стороны матери, считавшей это несправедливым. В число этих сочинений входили и художественные вещи<,> и некоторые философские, которыми мать дорожила, и ей было обидно отдавать права на них первому встречному издателю.

Тогда отец наговорил ей всяких неприятностей — что она глупая и жадная женщина, и так огорчил ее, что она побежала на станцию бросаться под поезд.

Мы, дети, не знали тогда всех интимных причин и подробностей подобных сцен, все же они тяжело чувствовались нами, и поэтому, а также и для того, чтобы поправить мое ослабленное здоровье, в июне 1891-го года³ я был рад снова уехать из Ясной с тем, чтобы сначала побывать на кумысе в Самарских степях на хуторе Бибикова⁴, потом спуститься по Волге на этот раз до Астрахани, а оттуда по Каспийскому морю доехать до Баку. Я хотел теперь увидеть Кавказ, Каспийское и Черное море и Одессу и через Малороссию вернуться домой.

Алексей Алексеевич Бибиков, женатый на крестьянке Василисе⁵, сам старой барской души, но либерал и демократ, сильный и красивый физически, с седыми волосами и бородой, орлиным носом и глазами навывкате, снимал большой участок казенной земли на границе Николаевского и Бузулукского уездов рядом с нашим степным имением.

У него была куча диких и грязных детей, которых надо было кормить, и потому летом он брал кумысников, которых размещал кое-как по своим сараям и амбарам.

В тот год по всей России была страшнейшая засуха. Хлеба погибли на корню, а в Самарской степи, в буквальном смысле, «от колоса до колоса не было слышно человеческого голоса»⁶. Черная земля растрескалась так, что образовались щели, через которые местами приходилось перепрыгивать. Все колодцы и пруды пересохли до дна, и придвигался небывалый голод. Бибиков, знавший хорошо самарских крестьян, не мог себе представить, как они перезимуют зиму.

В селах, когда я останавливался в Гавриловке или Патровке, крестьяне обступали меня, говоря, что пришел их конец. В этих местностях народ живет исключительно хлебом. Неурожай — и у него нет ни пищи, ни денег. Но такой засухи, как в 1891-м году, здесь еще не видали никогда⁷.

В то же лето через Самарские степи проезжал Наследник Цесаревич Николай Александрович, возвращаясь со своей свитой из города Уральска и направляясь далее в свое Дальневосточное путешествие⁸.

Село, где он должен был остановиться на ночлег⁹, было верстах в пятидесяти от хутора Бибикова, и я решил поехать туда взглянуть на будущего царя, а может быть, иметь случай быть ему представленным. В свите был князь Эспер Ухтомский¹⁰, друг брата Сережи, который сам случайно в эти дни приехал на хутор, чтобы купить лошадей для своего имения¹¹. Узнав о приезде Наследника со свитой, брат тоже решил поехать со мной, чтобы встретиться с Ухтомским.

После проезда наследника мы решили проехать в Оренбург, чтобы там, на «меновом дворе»¹², купить лошадей.

Когда мы приехали в село, где ждали Наследника, я стал в толпе народа около сельской деревенской церкви.

Вдали показалось облако черной пыли, потом головы и дуги бешено скакавших потных лошадей, и несколько троек с бубенцами вкатили в село и круто остановились около церковки.

Наследник первый выскочил из своей коляски. Проходя мимо меня на паперть церкви, он с удивлением оглянулся на мой студенческий мундир с золотыми пуговицами среди народа и быстро вошел в церковь.

Когда позднее брат Сергей увиделся с Ухтомским, а я намекнул ему, что мы хотели бы представиться Наследнику, князь решительно отклонил это предложение, сказав, что Наследник слишком утомился для того, чтобы еще видеть новых людей.

Это было моим первым отрицательным впечатлением от окружения Наследника Николая Александровича, и моя надежда познакомиться с Ним и когда-нибудь с Ним вместе работать на пользу России была этим сразу омрачена.

Вечером в тот же день мы поехали дальше в Оренбург, куда должен был также приехать будущий Царь.

Мы остановились в гостинице и начали день с осмотра знаменитой в городе мечети¹³. Особенно интересовался ею наш башкирец Нагим, которого Сережа взял с собой как знатока лошадей¹⁴. Выйдя из мечети, мы заметили каких-то странных людей, сидевших тут и там на площади и следивших за нами. Мы подошли к свободной скамейке и сели отдохнуть. Один из этих странных благообразных господ, чисто одетый, сидевший рядом с

нами, вдруг обратился к брату Сергею и учтиво спросил его, зачем мы приехали в Оренбург.

— Бомбы бросать, — сердито бухнул Сережа, злобно глядя на него из-под очков.

Впечатление получилось необычайное, точно действительно разорвалась страшная бомба.

На площади произошло движение, люди бросились бежать куда-то, и когда мы вернулись в гостиницу, у подъезда ее и по лестницам стояли полицейские, а номер наш был запечатан печатью.

С нас потребовали подписку о немедленном выезде из города, которую Сережа дал, а я дать отказался, и мы, не успев посмотреть и купить лошадей, уехали на станцию¹⁵.

Особенно огорчен был достойный и красивый Нагим, молча мотая головой, украшенной расшитой позолотой тубетейкой.

— Ну, разве возможно, — шептал он, — та, та, та, та.....

Брат уехал в Россию, а я, доехав с ним до Самары, сел на пароход, отправлявшийся в Астрахань, продолжать мое путешествие¹⁶.

Выходя из астраханских рукавов Волги в открытое Каспийское море, я в первый раз в жизни увидел морской простор и испытал жестокую морскую качку.

В Баку поразил меня бесконечный город нефтяных вышек и нефтяные фонтаны, мощные и густые, с шумом вырывавшиеся из земных глубин. В день моего приезда горел страшнейший пожар одного из больших фонтанов и дым от него застилал все небо черной зловещей пеленой¹⁷. Миллионы гибли от одной умышленной или неосторожной искры.

После Баку я был в Тифлисе, Владикавказе, Пятигорске, Кисловодске и Новороссийске¹⁸.

Вечно белый снеговой Кавказский хребет со своим Эльбрусом, вечно шумящий в ущельях Терек, облака внизу под

дорогой, дикие горцы в дикой природе и рядом такие же, как везде, — русские города и русские люди — вот Кавказ.

На станции Казбек, куда я ночью добрался пешком с осетинами-проводниками, так как Дарьяльское ущелье было размыто наводнением и сообщение на ямщиках было прервано, я встретил маленького доктора, который крутил папироски и приговаривал: «*Omnia mea mecum porto*»^{*}.

Я сказал ему, что я Толстой, но он не поверил и называл меня «*quasi*^{**}-Толстой».

Ночью, когда я шел с проводниками через Кавказские горы, мы наткнулись на полудиких ингушей, сидевших вокруг костра. Один из них выступил вперед, нахально прося папироску. Но мои христиане-осетины даже не ответили ему и молча дали мне понять, чтобы я не останавливался, а шел дальше.

В Пятигорске я стал ухаживать за понравившейся мне казачкой, стелившей мне постель в гостинице, но она с презрением охладила меня.

Во Владикавказе, где у меня были приятели в Нижегородском драгунском полку, я попал на военный кавалерийский праздник и меня глупо напоили белым вином из серебряных чарок, которые нельзя было поставить, а надо было выпивать до дна. Ночью я спал в палатке под проливным дождем и был болен.

Между Севастополем и Одессой на пароходе я встретил старика Антона Рубинштейна с его красивой головой и говорил с ним¹⁹. Он ехал повидать старуху мать²⁰ и всю дорогу, сидя один на палубе, напевал романс Глинки: «Уймитесь, волнения страсти»²¹.

Одесса понравилась мне своим красивым расположением и сравнительной культурностью. Я познакомился в ней с ее графом Толстым, пользовавшимся там всеобщим уважением²². Жалею, что мало видел его. Я не понимал тогда, как радостно и важно встречаться с членами своего рода. В молодости всегда торопишься куда-то, а я торопился особенно. Вернувшись из моего

* «Все свое ношу с собой» (латин.).

** ложный, мнимый (латин.)

путешествия в Ясную, я предался двум моим страстям: охоте²³ и любви к Даше²⁴.

В семье было невесело.

Учение отца и отношение его самого к жизни продолжали отравлять ее атмосферу.

Глава 10

Голодная зима в Самарских степях

Мне до сих пор представляется как страшный сон та тяжелая зима, в продолжение которой я помогал голодающему населению, но я благодарен судьбе за то, что она дала мне случай увидеть глубину страданий человеческих и облегчать их¹.

Осенью 1891-го года, когда я вернулся из Ясной в Москву и снова стал посещать университет, вся Россия, как один человек, говорила только о страшном бедствии, на этот раз захватившем почти всю ее территорию².

Я описал этот год в отдельных статьях, напечатанных в журнале «Вестник Европы»³ и позднее изданных отдельной книгой под заглавием — «В голодные годы»⁴.

Здесь я только кратко коснусь его, поскольку он отразился на моей личной жизни и мысли.

В октябре, вспоминая самарские поля, выжженные солнцем, без единого колоса и получив от Бибикова отчаянное письмо⁵, я решил ехать в Самару кормить голодающих и оставить университет⁶.

Отец, хотя и был против благотворительности, говоря, что благотворительность без любви не действительна, — все же сам поехал в Бегичевку, имение Раевских Рязанской губернии, открывать там народные столовые⁷.

Но я действовал самостоятельно без всякого желания подражать ему, а по личному велению сердца⁸. Этот поступок почти стоил мне жизни и был главной причиной наступившей после этой зимы многолетней моей болезни, — но я никогда не раскаивался в нем.

Восемьдесят тысяч человек кормились нашей помощью, и, конечно, многих несчастных мы спасли от смерти среди страшных эпидемий тифов, дифтерита, цинги и оспы.

Староста, И.А. Бергер, П.И. Бирюков, Л.Л. Толстой на голоде

(фото из книги *Л.Л. Толстого «В голодные года»*)

В селе Патровка, где я жил, десятки умирали ежедневно, так что священник не успевал хоронить. В глиняных мазанках, покрытых выше крыш снегом, на земляном полу лежало иногда в ряд пять<->шесть тифозных и среди них уже умершие.

У нас были больницы, доктора, сестры и санитары, все же мы чувствовали себя почти беспомощными перед страшным бедствием.

Со мной работали прекраснейшие люди, о которых я сохранил самое отрадное воспоминание: П.И. Бирюков⁹, князь Петр Д<митриевич> Долгоруков, привезший с собой два санитарных отряда¹⁰, Иван Александрович Бергер, управляющий Ясной¹¹, два доктора — Горбачев¹² и Ткаченко¹³, санитары и сестры¹⁴.

Приезжали также иностранные журналисты, между ними — англичанин Стевени¹⁵ и швед Стадлинг¹⁶, и два английских квакера¹⁷.

К весне наши доктора и сестры почти все заразились тифом¹⁸ и, наконец, заболел и я, хотя каким-то чудом вынес всю болезнь на ногах¹⁹. С сорока градусами жара я каждое утро вставал и одевался, а потом весь день работал²⁰. Вспоминаю это, чтобы объяснить мою последовавшую за этой зимой долгую болезнь.

С ужасом помню одну голодную семью села Патровка, члены которой, безносые, с красными глазами и зиявшими ранами на щеках, все были заражены сифилисом. Они ели вместе из общей деревянной чашки, которую мы носили им отдельно.

А цинготные больные, апатичные и опухлые, с расшатанными зубами и с темно-синими пятнами на ногах и на лицах?..

Как мать-природа может доводить своих детей до такого состояния?

Только люди способны создавать условия жизни, в которых возможно подобное ее изуродование.

Но рядом с этими ужасами шла и нормальная жизнь края, в которой были и светлые, и радостные стороны.

Шла религиозная жизнь и влияние ее на население, видимо, росло не только со стороны рациональных христианских сект, особенно молокан, на собрания и чтения которых я ходил²¹, но и со стороны православной церкви.

Когда один из бедняков-крестьян, которого мы кормили, стал раз отвечать мне словами Нагорной проповеди, я спросил его, где он выучил их, он ответил, что слышал их в православной церкви.

Ко мне народ относился с большой любовью, и верили в меня, как в святого.

Раз одна из патровских крестьянок почти силой потащила меня в свою избу и подвела к лавке, на которой лежал ее сын в сильнейшем тифе. Я спросил ее, что ей нужно было от меня.

— Только взгляни, родной, взгляни на него, — ответила женщина.

Когда я поправился от тифа и снова вышел на улицу, народ говорил: «Да разве можно было тебе хворать? Весь народ за тебя Бога молил»²².

Такие проявления признательности радовали и волновали меня, хотя физически я надрывался. Все же весною я настолько окреп, что мог верхом объезжать далекие села²³.

Однажды я приехал в одно отдаленное село Николаевского уезда²⁴, где местному священнику было поручено наблюдать за нашими столовыми.

Вдовец лет сорока, с плешивой головой, седой бородкой и хитрыми грязными глазками, он принял меня очень любезно в своем уютном и чистом домике, где, к большому моему удивлению, я застал красивую молодую женщину, которую сначала принял за его дочь.

Это была местная сельская учительница, державшая себя в доме священника как хозяйка.

Когда я уезжал, крестьяне обступили меня на крыльце и с негодованием стали жаловаться на своего попа.

— В алтаре с учительницей застали — вот какой у нас священник! Много раз заставляли. Церковь нашу опоганил.

Уже тогда, сравнивая православную церковь с рационалистическими русскими сектами, я увидел<, > насколько выше в духовном отношении были последние и насколько люди из народа, примкнувшие к ним и оставившие православие, были развитее и здоровее православных*.

Эти впечатления убедили меня окончательно в необходимости реформирования православной церкви в рационалистическом духе<, > и в этом убеждении я пребываю и до сих пор.

* См. Главу «Россия» в «Lungarno». — Примеч. *Л.Л. Толстого*.

Глава 11

Конец голода. Кумыс и смерть студента

Когда наконец весной 1892-го года растаяли глубокие снега, покрывавшие самарские степи и села, и под горячими лучами солнца открылась черная жирная земля, когда наконец растворились окна изб и двери мазанок и народ вдохнул полной грудью ароматного степного воздуха, — казалось, кончилось страшное бедствие, чтобы никогда больше не повториться.

Но последствия его еще не были ликвидированы, и теперь эпидемия сильнейшей холеры заменила тиф и цингу.

Входя в бараки для холерных, которые мы открыли, я обходил сотни больных разных степеней, и на этот раз мне стоило усилий делать это. Не то чтобы я боялся заразиться, — думаю, что, в сущности, я не боюсь ничего, — но для меня холера всегда была болезнью отвратительной, от которой я не хотел бы умереть¹.

В июле я кончил все наши дела и переехал на хутор Бибикова², где начался кумыс и <куда> уже съехались кумысники.

По семейной традиции<,> я верил в чудесное действие этого напитка, якобы спасшего отца от чахотки³.

Но пройдя через кумысное лечение, я понял, что оно скорее вредно для человека, чем полезно⁴. Утомляя желудок и кишечник чрезмерным количеством жидкости и беспрестанно возбуждая организм довольно значительным процентом алкоголя, кумыс только временно поднимает аппетит и общие силы, которые быстро падают, когда лечение прекращается.

Степные башкиры поневоле выдумали этот напиток в условиях их кочевой жизни, где у них не было другого продукта, кроме кобыльего молока.

Среди кумысников у Бибикова был жалкий и одинокий студент Горного института, умиравший от сахарной болезни.

Он еще с трудом вставал и пил немного кумыса, когда я в первый раз увидел его. Мы сошлись, и он рассказал мне о своем прошлом.

Страшное злоупотребление чувственностью и какая-то женщина, от которой он не мог избавиться. Каждое утро он исследовал количество сахара в моче, надеясь, что оно начнет убавляться, но каждый день жаловался мне, что силы его быстро таяли. Несколько раз в день он принимал лекарства, и я помогал ему сходить с кровати.

Наконец он совсем слег и так ослаб, что я должен был поднимать его, как ребенка.

— Вы боитесь смерти?

— Нет, теперь я рад ей, — ответил он.

Он угас тихо на моих глазах, и мы похоронили его на крестьянском кладбище села Гавриловки.

Были простые похороны при заходе солнца. Никого из родных умершего не было. Был только Бибиков, я и еще несколько человек кумысников.

Эта смерть произвела на меня гораздо большее впечатление, чем все те сотни смертей, которые я видел за зиму. Почему? Может быть, потому, что цена этой жизни была выше других.

Отдохнув и поправившись у Бибикова, в августе я вернулся в Ясную⁵.

По пути со мной случилось странное происшествие. В большом физическом возбуждении от жары и кумыса я с хутора Бибикова доехал в трясушей плетушке до железнодорожной станции Богатое, отстоявшей в девяноста верстах от хутора. Я боялся не поспеть на поезд, но оказалось, что он запаздывал на целых три часа вследствие разрыва полотна дороги после недавних ливней. Старичок начальник станции пригласил меня подождать у него на пустой квартире, так как семья его уехала куда-то на лето.

Я вошел в квартиру и в уютной гостиной сел в кресло, покрытое белым чехлом.

Рядом дверь была открыта в спальню, где стояла широкая кровать с голым матрасом.

В кухне возилась кухарка, белолицая благообразная женщина лет тридцати, чисто одетая и очень живая.

Я закурил папиросу, потом другую и, сильно возбужденный, не знал, как проведу целых длинных три часа в одиночестве.

В это время кухарка быстро прошла мимо меня в спальню и нервными движениями стала, без всякой надобности, переворачивать матрасы на кровати.

Я встал с кресла и стал ходить по комнате. Она еще раз прошла совсем близко около меня и вернулась назад в спальню.

Я быстрыми шагами пошел вон из квартиры, спустился по черной лестнице и выбежал в поле. Было совсем темно, и кругом не было ни души.

Я увидел перед собой лощину, в которой росла густая трава, и быстро сбежал в нее. Она, улыбаясь, бежала рядом со мной, сильная и красивая. Я остановился и бросил ее на траву.

Вернувшись в квартиру начальника станции, я больше удивлялся, чем огорчился тем, что случилось.

Подошел поезд, я занял верхнее место в вагоне третьего класса и заснул как убитый⁶.

Л.Л. Толстой

(фотография *Р.Ю. Тиле*; Москва, 1892)

Глава 12

Оставление университета. Воинская повинность в Царском Селе. Литературный Петербург и Мэри. «Освобождение»

Существует мнение о жизни человека, что она должна быть вечно движущейся, изменяющейся и волнующейся, не могущей быть прочно устроенной и установленной. Мнение это верно по отношению к меняющимся формам материи в природе и в человеческом существовании. Но основные законы и условия разумной жизни человека вечны и неизменны, и потому бесконечно важно знать их<,> и смолоду<,> раз навсегда.

В чем они?

В том, чтобы родиться и воспитываться в дружной и крепкой семье, все члены которой помогают и служат друг другу.

В том, чтобы быть членами сильного и мирного государства и повиноваться его законам; чтобы выучиться определенному ремеслу или труду и практиковать их; чтобы по возможности не оставлять своей страны, а жить там, где родился; чтобы жениться вовремя и иметь здоровых детей; чтобы быть умеренным, но не крайним; чтобы иметь добрых и умных друзей и не иметь врагов; чтобы познать свои три сущности и быть сильным <ими>, то есть телом, рассудком и душой.

Никто в моей молодости не научил меня этим простым, нужным всем правдам, а напротив, все, что окружало меня, противоречило им.

Но главное мое несчастье было в том, что я доверял отцу, считая его умным человеком, не могущим ошибаться, между тем как, чем больше я приближался к его взглядам, тем меньше находил для себя прочных жизненных устоев.

Я смутно чувствовал, что то, что он давал, было чем-то искусственным, что учение его было вне жизни, но он до такой степени овладел всей моей душевной жизнью, что я не мог смотреть на мир иначе, как через его взгляды.

Прежде всего я был его сыном и последователем, а потом только студентом и самостоятельным молодым человеком.

Я имел теперь свое собственное состояние и мог распорядиться им; мог, как братья, сделаться помещиком, жениться и оторваться от семьи.

Но разве честно было сделать это, когда я решил отказаться от воинской повинности и присяги, после чего меня, вероятно, сошлют в Сибирь или поместят в дисциплинарный батальон? Как мог я изменить моим взглядам, в которых была «высшая» истина? Я хотел уверить себя в этом, хотя чувствовал, что мне это не удавалось.

Проведя раннюю осень в Ясной, в конце сентября я вернулся в Москву продолжать мое филологическое образование¹. Но после зимы в Самарской губернии жизнь захватила меня с такой силой, что я решил бросить университет и так или иначе покончить с воинской повинностью, призрак которой не давал мне покоя.

Когда я объявил родителям об этом решении, мать огорчилась², но отец не сказал ничего³. В сущности, ничего не интересовало его, кроме его личной жизни, даже судьба собственных детей.

Для отбывания воинской повинности я избрал Царское Село, где стоял «Лейб-Гвардии» 4-й Стрелковый Императорской фамилии батальон», в котором когда-то служил мой дядя, граф Сергей Николаевич Толстой⁴, и другие старинные приятели отца. Я выбрал гвардию, чтобы познакомиться ближе с петербургской средой, окружавшей Двор и правительство, и поступал вольноопределяющимся, чтобы служба моя была возможно легче и короче. Теперь только я вижу, до какой степени все это было нелепо и в корне нечестно. Делаться солдатом добровольно и вместе с тем собираться отказываться от присяги и, благодаря материальным средствам, облегчать себе эту службу наполовину.

Терзаемый всеми этими противоречиями, я все же подал прошение о принятии меня вольноопределяющимся Лейб-Гвардии в 4-й Стрелковый Императорской фамилии батальон и приехал в Царское Село⁵, где поселился на квартире лейб-гусара, корнета Эрдели, женатого на моей кузине, Маше Кузминской⁶.

Меня поместили в тесной и темной ванной комнате, худшем помещении из всех тех, в которых я когда-либо жил. Я сшил себе форму, купил стрелковую шапочку с крестом и четыремя рожками и сделался стрелком⁷.

В ту осень уже в ноябре завернули лютые морозы выше 20 градусов по Реомюру⁸, и я, как несчастный, в моей легкой шинели мерз, как никогда прежде.

Каждое утро я ходил в казармы на ученье, а по вечерам уезжал в Петербург.

Начальство моей роты состояло из командира — полковника Озерова⁹ и двух поручиков — Давыдова¹⁰ и Арбузова¹¹.

Давыдов, человек воспитанный, трезвый и тихий, обращался с солдатами гуманно и с уважением; Арбузов, напротив, был вечно пьян и бил солдат по щекам.

Кроме упражнений с винтовкой, я прошел до декабря солдатскую нелепую «словесность» и ждал с нетерпением, когда же, наконец, нас призовут к присяге, чтобы окончательно разрубить гордиев узел, который затянул мою жизнь.

Нервы мои были натянуты до крайних пределов. Здоровье в непривычных тяжелых условиях еще больше расшаталось, и я желал только одного — скорее кончить со всем этим...¹²

В то время я напечатал в «Северном Вестнике», где редакторшей была Любовь Яковлевна Гуревич¹³, еще несколько моих рассказов¹⁴, что занимало меня и давало возможность бывать в литературных петербургских кругах. Центральной их фигурой той эпохи был Лесков со своей седой бородкой и умными светлыми глазами¹⁵.

В Петербурге бывал я также у Кузминских и Урусовых¹⁶. Княгиня Урусова, жена Леонида Дмитриевича, друга отца и бывшего тульского вице-губернатора, жила со своими тремя дочерьми на неуютной квартире, в которой стоял лютый холод. Старшая дочь Мэри нравилась мне не только тем, что была первоклассной пианисткой, но и своей одухотворенностью¹⁷.

Бедная Мэри страдала всячески и от петербургской русской среды, и от климата, так как до этого всегда жила за границей.

Я любил встречать внимательный взгляд ее больших светло-голубых глаз с черными ресницами и читать в них глубокую душевную драму, любил греть ее ледяные породистые руки и слушать ее прекрасную страстную игру.

В мрачную северную зиму, гуляя однажды по парку Царского Села, я увидел Царя Александра III¹⁸. Он ехал в коляске и держался прямо, внимательно смотря вокруг себя. Впечатление было короткое, но как от сильного человека.

Вспоминаю, что мой отец интересовался этим царем.

Кто-то из Петербурга рассказал ему как-то, что Александр III однажды в манеже, где Императрица¹⁹ верхом брала препятствия, громко и при всех крикнул ей вдогонку:

— Дура.

Отец не мог переварить такой невоспитанной грубости от русского императора.

В другой раз я встретил в парке Императрицу Марию Федоровну, проехавшую мимо меня в санях с другой дамой. Я не узнал ее и не встал перед ней во фронт.

Тогда городской полицмейстер Царского²⁰, ехавший за Царицей, крикнул мне сердито: «Как вам не стыдно, разве вы не видите, что это *Государыня Императрица?*» На другой день мой командир вызвал меня к себе на квартиру и сделал мне строгий выговор²¹.

Через неделю он еще раз потребовал меня к себе, объявив, что придумал способ отделаться от меня совершенно. Перед Рождеством медицинский совет военных докторов осмотрит меня и, вероятно, признает, вследствие слабого моего здоровья, негодным для продолжения военной службы.

Таким образом, я даже не буду приведен к общей присяге, которая была теперь назначена на 1 января.

И не успел я хорошенько уяснить, следовало ли радоваться этому новому событию в моей жизни или огорчаться, как действительно, за неделю до Рождества военные доктора выстукали и осмотрели меня и дали синюю бумажку, навсегда освобождавшую меня от военной службы²².

— И поезжайте себе домой к празднику, — добродушно сказал мне мой начальник, — и дай вам Бог всякого счастья²³.

Когда я вернулся в Москву²⁴, отец, как всегда, встретил меня равнодушно, а сам я чувствовал себя униженным и виноватым. Моя свобода, вместо того, чтобы радовать меня, как будто еще придавила меня морально.

Отцовское ученье, не дав мне познать основных вечных законов и условий разумной жизни человеческой, неизменных и незыблемых, — потому что он не познал их сам, — сделало меня несчастным и больным физически и духовно.

Эта болезнь продолжалась несколько лет и кончилась моей женитьбой.

Она выражалась не только в общей слабости и упадке жизненной энергии, но и в острых головных болях темени, в болях на месте солнечного сплетения и в бездеятельности всех органов.

Глава 13

Моя долгая болезнь и отношение к ней родителей. Докторá. Санаторий Ограновича. Смерть Ванечки. Дедушка Ге, Верочка Северцова и Веселитская

Под влиянием ученья отца мне серьезно казалось в те годы, что вот-вот, очень скоро случится что-то необыкновенное на земле, и мир, благодаря этому учению, преобразуется.

Но ничего не случалось, кроме того, что солнце ежедневно всходило и заходило, что зиму сменяла грязная и шумная московская весна, за которой наступало жаркое лето. Было еще и то, что здоровье мое надламывалось все больше, и я терял всякую охоту жить¹.

Дневник моей матери с 1893 по 1895-ый год полон заметок о моей болезни, источник которой она угадывала лучше других.

Она записывает: «Я верю в дурных и добрых духов. Дурные овладели человеком, которого я люблю, хотя он этого не замечает. Влияние его пагубно. Его сын и дочери идут к своей гибели, как все те, кои входят с ним в сношение. День и ночь я молюсь за детей...»².....

Через год она записывает следующую сцену после того, как знаменитый доктор Захарьин³ нашел меня в плохом состоянии: «Бедный Лева, как он страдает последнее время от недоброжелательного отношения к нему отца. Вид больного сына нарушил душевный покой Льва Николаевича и мешает ему жить сибаритом. Это тоже раздражает его. Не могу вспомнить без боли черных болезненных глаз Левы и того выражения печали и упрека, с которым он смотрел на отца, осуждавшего его за его болезнь и не желавшего в нее верить. Л[ев] Н[иколаеви]ч никогда не болел так, но чуть ему нездоровится, как он уже делается капризным и нетерпеливым»⁴.

Мать отлично понимала серьезность моей немощи и, сильно любя меня, делала все, что могла, чтобы меня спасти. Она говорит обо мне с особенной нежностью в своем дневнике, называя меня исключительным существом, добрым, не созданным для этого мира, и ужасается при мысли потерять меня.

«Я страдаю за него болезненно, — пишет она, — на нем сосредоточена вся моя жизнь и все заботы. Невозможно примириться с этим несчастьем. Ни на минуту не перестаю думать о нем»⁵.

Когда профессор по нервным болезням в Московской клинике Кожевников⁶, осмотрев меня, объявил родителям, что мне остается по большей мере два года жизни, отец пришел ко мне и стал «утешать», говоря, что «каждому дан свой круг жизни: одному сто лет, другому два года, третьему двадцать пять»⁷.

Никогда не забуду, с каким ужасом я взглянул на него, не веря, что он может быть таким жестоким. До сих пор я не понимаю, как мог он сказать это. Вероятно, чтобы утешить самого себя в случае моей смерти, забывая, что приговоренным-то был именно я.

Эгоизм его не знал пределов.

Этот эпизод поучителен..... У отца была чувствительность, но совсем другая, чем у других. Только когда она касалась его самого приятно или неприятно, он начинал что-то чувствовать. Иначе он был бесчувственен, как гранит. Не в осуждение ему я говорю это, а для понимания его характера.

За период моей болезни меня показывали многим докторам: доктору города Тулы Рудневу⁸, который прописал мне соленые ванны, московским Захарьину, Белоголовому⁹, Кожевникову и Ограновичу, парижским — Потену¹⁰ и Бьюссо¹¹.

Каждый из них советовал свое и давал лекарства. Захарьин отправил меня в Cannes, где я пробыл осень. Белоголовый посоветовал компресс на живот (он в своих записках упоминает обо мне)¹², Кожевников приговорил меня к смерти. Бьюссо хотел держать меня в Париже и лечить водой, Потен дал кучу лекарств, которые я бросал в ватерклозет.

Мрачное и тяжелое впечатление произвело на меня первое посещение Европы вместе со старшей сестрой Таней, которая возила меня по докторам¹³.

Сначала мы остановились в Вене¹⁴, где были с поклоном от отца у Берты Сутнер, тогда знаменитой своей книгой «Die Waffen nieder»¹⁵. Она приняла нас с удивлением в своей скромной квартирке.

Во Франции мы видели другого знакомого и поклонника отца — Charles Richet¹⁶, который сказал нам, что он не любил Наполеона¹⁷ за то, что он «pour son propre plaisir a fait tuer des millions»*. В Париже мы остановились сначала на rue du Helder**, потом переехали в Латинский квартал на rue des Ecoles*** в тесный пансионат¹⁸, где жил Димер Бобринский¹⁹, слушавший лекции в Сорбонне²⁰. Он привез с собой из Богородицка молодую русскую бабу, которая каждый день примеряла себе новые шляпки.

Раз вечером, когда я вышел пройтись и подышать воздухом, две легкого поведения девицы атаковали меня, предлагая странного вида сладкие пирожки, но я посмотрел на них таким печальным и удивленным взглядом, что они отстали от меня, но разразились громким хохотом.

«Ne vois tu pas que c'est un informe!!»**** — кричала одна, изгибаясь от хохота.

Из всех докторов, лечивших меня в те годы, наконец нашелся один, советы которого вывели меня на путь здоровья. Это был Огранович — доктор моей тети, графини Марии Николаевны Толстой, сестры отца²¹, — который имел в то время санаториум возле Москвы, в чьей-то помещичьей усадьбе, которую он нанимал²².

Когда я вернулся домой все тот же больной из Франции²³, он пригласил меня к себе в деревню, и я с радостью принял его приглашение, более чем когда-либо нервничая <из-за> жизни семьи²⁴.

Огранович заставил меня по три, четыре раза в день есть гречневые каши на воде, так называемые «размазни», для оживления кишечника и лежать целыми днями в саду прямо на снегу. Он находил, что моя болезнь не что иное, как застарелая форма малярии, от засевших во мне микробов тех самых лихорадок, которыми я болел в детстве, и что летом мне нужно было бы уехать в Финляндию, в Ганге, где чистая гранитная почва.

* «для собственного удовольствия загубил миллионы» (фр.).

** рю дю Эльдер (фр.)

*** рю дез Эколь (фр.)

**** «Не видишь разве, что он болен!!» (фр.)

Позднейший ход моего выздоровления так или иначе оправдал диагноз Ограновича, и я остался навсегда благодарен этому талантливому врачу²⁵.

23-го февраля 1895 года в санаторию неожиданно приехала ко мне из Москвы моя троюродная сестра Верочка Северцова, которую все считали тогда моей невестой²⁶. Когда я увидел ее тонкую, красивую фигуру в шубке, шедшую ко мне в сад, где, закутанный в отцовскую медвежью шубу, я лежал на снегу, я сразу понял, что она привезла мне известие о смерти болевшего в Москве скарлатиной братца Ванечки.

— Ванечка умер, — сказал я Вере раньше, чем сама она произнесла это слово.

Ванечка, каждый вечер молившийся за меня, умный, нежный, всеми любимый, утешение и безграничная любовь матери и отца. И он ушел туда же, куда давно ушли остальные мои маленькие лучшие братья — Николенька, Петя и Алеша.

Перед смертью он вдруг приподнялся на кровати и громко крикнул: «Вижу. Вижу».

Что видел он в своем детском воображении? Какую неведомую нам светлую область?

Не по годам чуткий, он не мог не видеть ее и здесь, и там, но оставаться на земле ему было не по силам.

Если другие дети, гораздо более сильные, чем он, в нашей же семье не выдержали нездоровых и неразумных гигиенических условий, в которых их воспитывали, то какие же нужны были совершенные условия для того, чтобы выходить такое хрупкое с рождения, по слабости наследственной, существо, каким был Ванечка?

А его к тому же отравляли всякими лекарствами. В последнее время, до болезни и смерти, давали ему худший из ядов — мышьяк. Когда он начал послушно глотать его и личико его <стало> опухать, я мысленно уже прощался с ним. Но мать слепо верила в медицину и нашему детскому доктору Филатову²⁷.

В санатории Ограновича жил в то время бывший русский полковник, весь изуродованный страшной болезнью. Вместо носа у него была лиловая яма среди лица. Вместо глаз — два кровавых пятна.

По его желанию<,> доктор Огранович как-то провел меня к нему. Несчастный полковник стал болтать без умолку.

— Что с вами? — спросил он. — Ну, чем же вы болеете? Нервы? Слабость? Кишки? Все пустяки, голубчик. Жениться вам надо — вот что. Тогда все будет — и припарки, и массаж, и гимнастика.....

И он хохотал, довольный своим остроумием.

Когда позднее я совсем уезжал из санатории, он приветливо кивал мне из своего окна, как старому приятелю.

* * *

Из друзей отца той эпохи я больше всего любил «дедушку» — художника Николая Николаевича Ге, который один<,> после моей матери и двух других чутких женщин, не только из всех наших знакомых и друзей, но и из всех семейных, — понял и почувствовал мою душу. Он понял мою искренность, помыслы, характер и душевное состояние, и я часто серьезно и долго беседовал с ним, признаваясь в тех сомнениях, которые душили меня, а он верно утешал и ободрял меня²⁸. Вот что он писал в начале моей болезни сестре Татьяне:

«Когда вы уехали, я остался один с новым для меня и очень дорогим Левой; какой он дорогой, даровитый юноша; я его очень любил, как мальчика, как дитя, но теперь он моя надежда. Он такой талант, — его задачи громадны — он мне кое-что рассказал, — его болезнь, его страдания духовные, я это угадал, смотря на него, — и он мне так мил, что я его не могу оторвать от своей души. Я верю, что он будет скоро здоров, его дух бодр, — еще раз я со своим другом, милым Львом Николаевичем, я наново сошелся в любви к этому дорогому юноше».

В следующем письме к сестре дедушка приписывает несколько строк мне:

«Дорогой Лева, как твое здоровье? Что твой дух? Я каждый день думаю о тебе и люблю тебя всей душой. Крепни, расти духом, — я вижу в тебе великое будущее»²⁹.

Во всех письмах он говорит обо мне всегда с той же искренней и настоящей любовью, которую и я питал к нему³⁰.

Милый дедушка Ге, ты давно ушел из этого мира³¹, но вот я снова с тобой, и твоя нежная, чуткая духовная сущность, твое горячее сердце,

так пылко выражавшее ее, — вдохновляют и поднимают теперь еще сильнее, чем при твоей жизни.

Ты жив и со всеми нами будешь жить вечно. Я благодарю тебя и люблю и через тебя сильнее люблю жизнь и человека.

* * *

Еще Верочка Северцова и Лидия Ивановна Веселитская³² — две чуткие, дорогие и близкие мне женщины по-настоящему любили меня в те годы, и я любил их.

Вера Северцова, дочь Ольги Вячеславовны, двоюродной сестры моей матери³³, была из всех девушек моего возраста, которых я встречал и знал в ту пору в Москве, самой подходящей мне в жены; но, во-первых, в ней не доставало тех физических сил и здоровья, которых я инстинктивно искал в моей будущей жене<;> во-вторых, отец ее в конце жизни потерял рассудок³⁴, что испортило мое намерение жениться на ней. К тому же я был сам так слаб физически, что во мне потухли все страсти.

Но Верочка, умная и религиозная, со звучным певучим голосом и хорошим, искренним смехом, тихая и скромная, вообразила себя моей настоящей невестой и уже выбрала одну московскую церковь, в которой мы должны были венчаться. Над входом в эту церковь было золотое солнечное сияние.

Я никогда не целовался с Верой, раз только нежно гладил ее маленькую белую ручку, глядя в ее светлые глаза.

Когда я ездил на Кавказ и по России, я делал заметки о моих впечатлениях и рассказывал о них Верочке, она говорила мне: «Зачем ты записываешь все это? Неужели это нужно?» На мое толстовство она смотрела с недоверием и недовольством.

Со своей умной, славной усмешкой она иногда делала какое-нибудь шутовское замечание о толстовцах, чтобы показать, как далеки они были от настоящей духовной жизни, которой она жила сама.

У Веры был единственный брат — Лёля, моряк, погибший позднее в Цусимском бою³⁵.

Лидия Ивановна Веселитская, — талантливая авторша прелестных повестей — «Мимочка на водах» и других «Мимочек»³⁶, которые я первый в семье читал и которыми восхищался, — в первый раз приехала к нам, в Ясную Поляну, после того, как я уже был с ней в переписке³⁷.

Во второй раз она приехала навестить меня в Москве в начале января 1895 года, когда я заболел серьезно³⁸.

В моих отношениях с ней, с первых же наших умственных и духовных соприкосновений, — установилась нежность, точно мы были близки друг другу уже давным-давно.

Она не была красива, но полна тонкой привлекательности. Небольшая ростом, чистая и розовая, она больше слушала и наблюдала, чем говорила. Все понимая, она страстно любила жизнь, но с ужасом и грустью смотрела на ее несуразность.

Она любила отца как романиста и искателя правды, но прекрасно понимала его сумасбродство. Помню ее иногда стальной холодный взгляд, когда, слушая его парадоксы, которыми он думал всех поразить, она смотрела на него с оттенком неодобрения; к моей матери она всегда относилась с неизменной и даже экспансивной симпатией.

Веселитская была не только талантливой, но и мудрой женщиной. Она никогда не курила и не пила вина, и не трогала ни кофе, ни чая, вместо которых просила себе чашку горячей воды.

Нежная моя дружба с ней и ее горячее желание вывести меня на путь здоровья, ее прелестные письма — все это было в годы моей долгой болезни одним из моих истинных утешений.

Любовь вам и душевный привет, если эти строки дойдут до вас в другом мире, милая, несравненно чуткая и светлая душа.

Глава 14

Финляндия и Иван. Семья Субботиных и мой отъезд в старую Швецию

Смерть Ванечки ввергла нашу семью в тяжелое горе, и атмосфера ее резко изменилась. Все вдруг стало тихо, серьезно и мягко. Безутешное отчаяние матери разбудило в душе отца жалость, и он страдал вдвойне¹.

Вместе с тем последняя живая мирская связь навеки оборвалась между родителями, что поставило их лицом к лицу друг перед другом вне мирских интересов.

Ванечка еще кое-как их связывал общей их нежной любовью к нему. С его исчезновением, так как «Крейцера соната» давно уже была написана² и надежды на новых детей больше не было, — эта органическая связь обрывалась навсегда.

Взрослые дети были на своих ногах; младшие: Андрюша, Миша и Саша — отца не интересовали.

Он еще больше пренебрег их воспитанием, чем моим, а веселая, вечная хохотунья Саша со своими большими близорукими и волоокими глазками, тогда девочка одиннадцати лет, могла только забавлять отца. Мать же мало любила ее.

«С Сашей дела не идут, — писала она два года спустя после смерти Ванечки, — она грубая, странная и упрямая, и заставляет меня постоянно страдать, оскорбляя лучшие мои чувства»³.

Когда в том тяжелом году, наконец, наступила весна и я уехал из Москвы в Ганге⁴, я, наконец, в первый раз после многих лет вздохнул свободнее.

Я взял с собой двадцатилетнего слугу, деревенского парня Ивана⁵, и когда в первый раз попал в Финляндию, я сразу же почувствовал, что попал именно в тот климат и обстановку, которые мне были нужны. Ежедневно я выходил на парусах в море на два, три часа, продолжал есть свою гречневую кашу два раза в день, ходил на далекие прогулки, рано ложился, и силы мои стали постепенно возвращаться⁶.

Иван оказался преданнейшим и забавнейшим слугой, не раз смешившим меня своими выходками.

В первый же день в Ганге он напился морской воды и заболел расстройством желудка.

Я сказал ему, что морскую воду не пьют.

— Нет, Ваше Сиятельство, — не поверил он, — это не от воды, а климат превращает.

Вечером он гулял по городку вместе с финской молодежью и хвастался им Россией. Они побили его и называли “хвастливым сатаной”.

Мнения Ивана были самые решительные. Я раз спросил его, что он думает о русском народе.

— Безусловно, дикий народ, Ваше Сиятельство, — ответил он.

Среди лета приехала в Ганге интеллигентная и симпатичная семья военного инженера Субботина, состоявшая из мамы, директрисы Петербургской женской гимназии, двух ее взрослых дочерей и сына Женички⁷.

Л.И. Веселитская знала их и рекомендовала меня им. Вторая дочь, “Мышка” сильно понравилась мне, но мы не успели достаточно узнать друг друга. К тому же я все еще был далек от здоровья. Женичка, толстый гимназист, дурно играл в tennis, за что мы прозвали его “спасательным Женичкой”⁸. Старшая сестра, красивая крупная девушка, бросала в мою сторону томные взгляды, но мало нравилась мне.

Поздно осенью, когда почти все дачники уехали из Ганге, мне рассказали, что в Швеции, в городе Энчёпинге, практикует замечательный доктор Эрнст Вестерлунд, который делает с больными чудеса⁹. К нему отовсюду ездили безнадежные больные, и он их вылечивал. Он спас рахитичного скрюченного мальчика, выпрямив ему позвоночник, вернул к жизни многих нервных больных, поставил на ноги многих чахоточных.

Эти рассказы настолько убедили меня в том, что Вестерлунд, действительно, мог окончательно укрепить мое здоровье, что я решил поехать к нему¹⁰.

Когда же мне сказали, что у него есть незамужняя семнадцатилетняя дочка, — я почему-то вообразил, что эта девушка сделается моей женой.

Вместе с тем, я радовался тому, что увижу, наконец, народ и культуру, которые с гимназической скамьи интересовали меня, <увижу> ту Швецию, которая когда-то положила основание России и которая, может быть, самая старая по культуре страна в Европе.

Мы живо собрались с Иваном и на пароходе из Або поплыли в Стокгольм.

Глава 15

Швеция, Энчёпинг, доктор Вестерлунд и его семья

Подъезжая к старой Швеции, на вид такой чистой, спокойной и организованной, я волновался никогда еще прежде не испытанными чувствами.

— Так вот почему Финляндия настолько культурнее России. Швеция долго владела ею и цивилизовала, но, хотя она и колонизировала когда-то часть России, — она была слишком слаба для того, чтобы справиться с ней <со> всей и <с> той массой монгольских и полудиких племен, которые постоянно наводняли ее с востока.

Наконец-то, промучившись на свете двадцать пять лет, я вижу настоящую мою древнюю родину. Да, да, именно такими были дома, такими были люди в моем прошлом каком-то существовании, именно такой была тогда общая атмосфера жизни и таким был чистый и мягкий морской воздух, которым я дышал..... Недаром в моих жилах течет кровь древнего Рюрика¹.

А Россия? Ведь я же родился в ней там, в далекой глухой Ясной Поляне?.....

Да, но я отсюда, я принадлежу сюда<,> и здесь моя истинная родина.

Никогда не испытанная мной глубокая радость зашевелилась в моей душе, и голоса нордических предков заговорили во мне с неожиданной силой.

Когда-то русские войска были в Швеции, перейдя по льду Ботнический залив, и сожгли без всякой цели все прибрежные шведские города².

Но вот уже сто лет, как шведский народ мудро избегает войн и живет в мире со всеми нациями.

Неужели когда-нибудь опять он будет воевать и еще столкнется с Россией?

Надо надеяться, что не посредством войны он сблизится с ней.

Так я думал в то время, как наш пароход причаливал к пристани.

* * *

Пробыв в Стокгольме сутки, на другой уже день я был в Энчёпинге, небольшом городке с тремя тысячами населения на берегу озера Меларена³.

В тот же вечер Вестерлунд приехал ко мне в городскую гостиницу, а на следующее утро я поселился в пансионате француженки mademoiselle Guillemot*, где должен был пройти курс нового лечения⁴.

Доктор внушил мне доверие своей простой открытой манерой, своим авторитетным тоном и тем, что он сказал мне. Он нашел, что во мне не было никаких органических повреждений и что я мог поправиться совершенно.

Я плохо говорил по-немецки, а он знал только этот иностранный язык, и нам было нелегко объясняться.

Фигурой и позой он был похож на Наполеона: держался прямо, немного выпучив живот, а руку держал между петлицами. Его орлиный нос, тонкие губы и сухие крепкие руки выражали энергию и волю. Его большие светлые глаза были полны спокойствия и доброты⁵.

Лечение мое началось с того, что меня уложили в постель и стали, как на убой, кормить пять раз в день.

Я должен был есть, если не с аппетитом, то с энергией, спать и взвешиваться каждую субботу.

Но прежде всего я должен был беспрекословно повиноваться доктору, без чего он отказывался лечить.

Я не должен был больше ни читать газет, ни писать писем, а главное, — ни о чем не волноваться.

«*Быть спокойным*», — эти два мудрых слова доктор Вестерлунд повторял всем своим больным тысячи раз, и они, без сомнения, действовали благотворно, иногда магически⁶.

* мадмуазель Гиймо (фр.)

В сущности, начало всякой мудрости, как и венец ее, в спокойствии. Только при мудрой жизни оно возможно и только при спокойствии возможно здоровье тела и души.

Когда мой преданный Иван увидел, что меня забрали в руки и отделили от него, он осиротел и сильно приуныл. А когда доктор решил отправить его обратно в Россию, бедный Иван огорчился до слез.

С понуренной головой он вошел в мою комнату, потом вдруг бросился передо мной на колена и стал целовать мои ноги.

— Искра Божья, — повторял он в слезах, — искра Божья.

Но я не стал удерживать его, обещав доктору полное послушание.

Иван уехал⁷, а я остался в Швеции один, лишившись близости последней русской души.

Прошли осенние месяцы, и наступило Рождество. Городок Энчёпинг готовился встретить праздник, как везде в Европе, с елками, подарками и пирогами.

Я поправлялся медленно, временами сильно скучал и не раз думал вернуться в Россию, которой мне не доставало. Но являлся доктор, ободривал меня, и я продолжал послушно следовать его режиму.

Теперь я выходил на прогулки во все погоды, какой бы дождь ни лил на дворе. Каждый день поднимался на гору, где стояла церковь, по тропинке, которая называлась “тропинкой долга”, а дома занимался вышиванием подушек для успокоения нерв<ов>⁸.

В то же время я учился по-шведски и знакомился с историей городка и его населением. Я узнал, что у доктора были две дочери: старшая была замужем за норвежским журналистом Сел<ь>мером, и у нее был один мальчик⁹; другая, на десять лет моложе, о которой я слышал в Ганге, девушка, Дора, училась в Стокгольме и жила, для практики английского языка, в одной шведско-американской семье в Дьюрехол<ь>ме*.

С доктором жила еще старшая сестра его жены — Moster Ма, старая дева семидесяти лет, которая принимала и записывала

* На самом деле – Юрсхольм (*Djursholm*).

пациентов. Эту добрую и крупную телом старуху я уже видел два раза, когда приходил записываться на прием. Седая и <не?> суетливая, она одним своим ласковым взглядом внушала симпатию¹⁰.

Вестерлунд был родом из северного городка на берегу Ботнического залива — Орегрунда. Сын протоиерея, он воспитывался дома в большой строгости. За обедом он не смел садиться за стол, а должен был есть стоя.

После долгих лет учения и борьбы за жизнь он попал репетитором в семью помещика Флодеруса в Упландии, подле Упсалы, где, влюбившись в его вторую дочь, Нину, женился на ней после десяти лет жениховства¹¹.

После этого он был городским врачом в Энчёпинге, потом развил собственную практику и сделался одним из самых известных врачей своего времени. Заработав средства, он позднее купил и расширил имение своего тестя, построил в нем прекрасный дом и завел образцовое хозяйство.

Halmbyboda

Имение это называется Halmbyboda*, что значит деревня соломенного сарая.

Во все эти дела посвящала меня моя новая хозяйка пансиона, mademoiselle Guillemot, тоже бывшая и благодарная пациентка доктора.

На Рождественские праздники вся семья Вестерлунда съехалась в Энчёпинг<:> приехала из Норвегии старшая дочь доктора с мужем и мальчиком<;> приехала еще одна сестра докторши, жившая в имении и смотревшая за курами, — Moster Göta¹²<;> приехала и младшая дочь доктора, Дора¹³, из Стокгольма.

На третий день Рождества я пришел к Вестерлундам с визитом, уже не как пациент, а как гость.

Вся семья сидела в гостиной, и докторша познакомила меня с ней¹⁴.

Где же Дора? Ее еще не было в уютной комнате с креслами, качалками и кучей безделушек. Но только я подумал о ней, как быстрыми шагами вошла, почти вбежала она. На ней была яркая голубая шелковая кофта и коричневая юбка. Свежая, с большими широко расставленными глазами, как у отца, и тонкими красивыми руками, она была, видимо, взволнована.

Поздоровавшись со мной, она села рядом с сестрой и вдруг, страстным движением схватив ее руку, поцеловала ее.

Большая разница была между сестрами даже во внешности: Pinda — так звали старшую — <была> крупнее и физически сильнее <и> была мало похожа на мать; вторая походила на <н>ее больше и казалась мягче и женственней.

После первой встречи я еще несколько раз встречал ее в городке во время Рождественских праздников, гулял с ней и катался на коньках. Потом она уехала в Стокгольм.

Я долго колебался, но, наконец, решил me jeter à l'eau**, как говорят французы, и послал Доре краткое предложение сделаться

* Хальмбюбуда (*швед.*)

** броситься в воду (*фр.*)

моей женой, написанное на моей визитной карточке, на которое она ответила согласием.

Я знал, что между нами было мало общего, что она была почти ребенком и иностранкой, но, с другой стороны, я был уверен, что она будет хорошей матерью и верной женой и что моя женитьба на ней свяжет мою жизнь со Швецией и ее организованным народом, что будет для меня и моей будущей семьи спасением и убежищем от трудной полудикой России. Если я еще раз упущу этот случай жениться, то<,> может быть<,> никогда больше не представится лучшего.

Глава 16

Выздоровление и женитьба. Сюрпризы “медового месяца”

Здоровье мое теперь настолько поправилось, что я ходил гулять на далекие прогулки и прибавил в весе больше десяти кило. Правда, в душевном отношении были моменты прежнего отчаяния и тоски, но они быстро проходили в здоровой атмосфере шведской доброты, спокойствия и культуры. Вылечил меня доктор Вестерлунд, но помогло ему, главное, то, что я отделился от семьи и России и порвал с их влияниями.

Атмосфера города Энчёпинга была атмосферой истинной доброты, созданной отчасти личностью доктора.

Когда Дора и ее родители приняли мое предложение, я написал домой¹.

Отец ответил мне чуть не восторженным письмом, в котором радовался моему выбору, говоря, что он был доволен тем, что я выбрал себе *именно* Дору Вестерлунд, а не другую². Мать писала осторожнее, говоря, что все это было хорошо, но что ее тревожило то, что Дора была иностранкой³.

Как бы то ни было, мы стали готовиться к свадьбе, которая произошла 27-го мая 1896-го года в Стокгольме. Сначала мы обвенчались в церкви Преображения Российской Миссии по православному обряду (теперь церковь эта упразднена), потом в гостинице «Rydberg»⁴ — по лютеранскому. Старый, всеми уважаемый пастор Рудин⁵ обручил нас по-шведски, а протоиерей Смирнов обвенчал по-русски⁶.

Из моих семейных приехали на свадьбу старшая сестра Таня и брат Миша⁷. Посаженым отцом был русский посланник Зиновьев⁸. После венчанья Вестерлунд задал большой обед в гостинице «Rydberg» на сто человек. Вечером толпа родных и друзей провожала нас на пристани. Мы уезжали на небольшом белом пароходе в Готландию, в город Висбю, где по расписанию должны были провести часть медового месяца.

Первое время Дора была мила и послушна⁹. По ночам, сидя на полу и распустив волосы, она рассказывала мне скандинавские сказки. Днем мы выходили в море на парусах и гуляли по Visby — старинному городку Ганзейского союза¹⁰, окруженному зубчатой стеной и украшенному множеством роз.

Но вдруг все переменялось. Дора из покорного, нежного ангела превратилась в ангела непокорного, в дикого зверька, потому что почувствовала себя в ожидании и пришла в неожиданное беспокойство...

Регулы* ее запоздали, и она потеряла самообладание, чувствуя, что беременна и этим, может быть, на всю жизнь лишена свободы.

Если <о> характер<е> мужчины можно судить <по> дела<м> денежны<м>, то характер женщин <проявляется> в их отношении к деторождению. Некоторые из них принимают кротко и покорно свои беременности и делаются еще мягче, чем прежде; другие, наоборот, каждый раз инстинктивно протестуют и многие с такой силой, что иногда искусственно освобождают себя от своего материнского долга и назначения.

Для того, чтобы женщины второго типа принимали материнство безропотно, нужно, чтобы они были подготовлены к этому, главным образом, воспитанием и истинным образованием.

Дора вышла замуж совершенно не подготовленная к браку и никак не ожидала, что с первых же дней замужества она должна будет отдать свою жизнь новой будущей семье. У нее была своя личная девичья жизнь в родительской семье в Энчэпинге и Halmbyboda, которую она обожала. Она страстно любила своего маленького племянника и сестру и не могла еще представить себе, что могла любить кого-нибудь сильнее.

<Она не понимала>, как могло случиться, что вдруг все это приходилось бросать вместе со свободой.

И наш «медовый» месяц вдруг обратился в горький. Успокоить Дору было невозможно. В настоящем смысле этого слова, она обезумела. Вдруг вытащила свои чемоданы — и вне себя стала

* женское недомогание (от латин. *rēgula* — норма, правило)

бросать в них свои вещи. Я пробовал успокоить ее, но она не унималась.

«Эге, — подумал я, — так ты вот какая, моя нежная, милая супруга, мой тихий ангел последних ночей?»

После Visby мы уехали в Норвегию, в санаториум Гауздаль, в горах, где должны были кончить наше путешествие. Я надеялся, что перемена места успокоит Дору, но в санаториуме дела пошли настолько плохо, что на многие годы оставили в нашей жизни тяжелый след.

Мы поместились в отдельной дачке высоко в горах и сходили вниз в общую гостиницу к трапезам¹¹. Но пребывание в Гауздале омрачилось неожиданной болезнью Доры, которая должна была слечь в постель.

Настроение Доры продолжало быть невыносимым. Я всячески успокаивал ее, водил на прогулки, читал ей вслух, но она не унималась. Как-то раз, когда мы гуляли в горах подле нашей дачки, Дора вдруг молча вскочила на высокий гранитный камень и, прежде чем я успел остановить ее, спрыгнула с него вниз, не сгибая колен. Она упала и побелела, как снег. Я поднял ее и с трудом довел домой. Ночью у нее началось кровотечение и она выкинула.

Это событие стоило ей долгой женской болезни и многих страданий.

Когда она немного поправилась, я рад был перевезти ее назад в Halmbyboda¹², но события и испытания первого моего месяца с молодой женой на всю жизнь оставили в моей памяти и душе тяжелое чувство¹³.

Глава 17

Возвращение в Ясную

В первый же год моего пребывания в Швеции меня поразило больше всего, что общая шведская цивилизация и культура стояли несравненно выше цивилизации не только русской, но и французской, а может быть, и общеевропейской.

Не было ни одной области шведской жизни, в которой не были бы достигнуты значительные и глубоко рациональные результаты, начиная с религии и кончая питанием, и условия эти настолько смягчили в стране напряженность и трудность борьбы за существование как личности, так и семьи, что жизнь здесь была во много раз легче, чем в России и даже Франции.

Среди лета 1896-го года я уехал из Halmbyboda на север Швеции, границу ее с Норвегией, в санаторию, рекомендованную доктором Вестерлундом, — на станции Стурлин, где провел три недели и вернулся оттуда в Упландию бодрым и полным сил, каким не был еще никогда в жизни¹.

Но все же, несмотря на симпатичную и культурную <обстановку>, я после года в Швеции стал серьезно скучать по России, чувствуя во всех отношениях, что пора было уезжать.

Приданое Доры, которому семья ее придавала огромное значение, было теперь готово и упаковано в целой дюжине специальных громадных ящиков, и откладывать отъезд не было больше причин.

Я решил поселиться в Ясной Поляне в ее флигеле и приготовился повести хозяйство имения, часть которого теперь, после смерти Ванечки, принадлежала мне. Я хотел, как отец, на всю жизнь закабалиться в деревне и писать, чувствуя к этому делу призвание. С внешней стороны этот план представлялся мне тогда наилучшим.

Я мечтал, что вся Ясная когда-нибудь будет моей, и я создам в ней новую большую семью, новый центр и продолжение рода Толстых².

Осенью мы простились с Вестерлундами и из Стокгольма, где провожал нас один только доктор, на финляндском пароходе приехали

в Петербург, откуда, не останавливаясь, доехали до станции Щекино, бывшей Ясенки, по Московско-Курской железной дороге³.

Кучер Андриан⁴ на пролетке парой ждал нас у пустынного станционного подъезда.

Вот и село Кочаки и наша старая церковь, во дворе которой похоронены родители отца⁵, его тетки⁶ и мои маленькие братья⁷.

Вот и деревенское бедное кладбище, обрытое канавой, с жалкими почерневшими и скосившимися деревянными крестами, вот и “наше озеро”, где я охотился за утками, болотными “курочками” и дергачами, а вот и сама деревня Ясная со всеми ее знакомыми мне дворами.

Какая глушь, какая беднота!!

В начале улицы крошечное и одинокое здание церковно-приходской школы. Знакомые фигуры мужиков и баб медленно двигаются подле изб. Они останавливаются и смотрят на нас равнодушно. Некоторые узнают меня и лениво кланяются. Лица их серьезны, озабочены и враждебны.

А вот и избенка Даши Чекулевой, и она сама стоит на крыльце и смотрит на меня, чуть улыбаясь⁸.

Дорога идет под гору мимо изб бывших наших дворовых и бывших крепостных — Суворовых⁹ и Арбузовых¹⁰, — <мимо изб> теперешней нашей прислуги и, оставляя в стороне группу лиственниц подле “большого пруда”, сворачивает налево, и мы въезжаем через старые кирпичные башни на плотину “большого пруда”.

Вот и “пришпект”, и парк, и яблочные куртины*, и кусты сирени и акации — всё знакомое с детства.

Я взволнован, и мы полной рысью подъезжаем к бедному крыльцу дома.

Мать, отец, сестры, братья, прислуга — все встречают нас с улыбками и возгласами и ведут наверх в приготовленные для нас две комнаты, те самые, на север и грязный двор, где я провел мое тяжелое детство.

* от *фр. courtine* — группа деревьев одной породы, отдельный участок сада.

Какая серая простота, какая тишина и какая грусть!

Вот и зловонные канавы и подвал под окном, и глубокий колодезь справа.

Разговоры, обед, вечерний чай, и мы с Дорой уходим в наши комнаты на ночь.

Она подходит к окну, потом к двери, — вдруг широко раскрывает свои большие детские глаза с приподнятыми внешними углами и бросается в мои объятия. Ее взгляд, с поднявшимися на лоб бровями, выражает отчаяние.

«Так вот куда, в какую страшную, одинокую и несчастную трущобу ты привез меня? Так вот эта знаменитая „Ясная Поляна“, где живет великий русский писатель Лев Толстой?» — Она ничего не сказала, но я угадал ее чувство.

Ее взгляд выражал не только отчаяние, но и ужас¹¹.

Она поднимает руки кверху, подбегает к простой железной кровати с дешевым одеялом, бросается на нее ничком, и все тело ее дергается от судорожных рыданий.

В первый же день нашего приезда мать записала в своем дневнике: «Лева с Дорой, веселые и счастливые<,> приехали из Швеции<,> и они развеселят нас»¹². Но через два дня она уже записывает, что Доре будет тяжело в чужой семье, особенно нашей, в которой «так мало веселого»¹³.

Но матери, которая никогда не была в Европе и никогда не выезжала из России, и в голову не могла прийти та страшная разница, какая была между шведской культурой и жизнью России, где еще не было и еще нет никакой определенной культуры <быта>.

Д.Ф. и Л.Л. Толстые в Ясной Поляне

(фотография С.А. Толстой)

***Наша жизнь в Ясной. Спор с отцом.
Приезд Вестерлундов и рождение Левушки***

Флигель Ясной Поляны с куском земли под ним принадлежал, по семейному разделу, матери, и она предоставила мне его в мое пользование и распоряжение. Она согласилась также передать в мои руки хозяйство Ясной, которое было запущено и заброшено.

Братья не совсем дружелюбно смотрели на мое водворение в Ясной, но, так как сами жили в других имениях, не противились этому открыто.

Я нанял мастеровых и начал заново отделывать флигель, выбрасывая из него старый хлам.

Когда-то Ясная Поляна, во времена князей Волконских, была полна дорогой стильной мебелью, посудой и серебром, редкими книгами и картинами, но за холостую жизнь отца все было расхищено. Мне рассказывали, что в его молодости один из управляющих на десяти подводах увез из имения целые горы мебели и ценных вещей¹.

Теперь во флигеле оставалась одна только «кладовая», в которой хранились жалкие остатки прежней роскоши. Но все это не стоило ни гроша. Среди этой дребедени я нашел, между прочим, маленькую гипсовую головку, по-детски наивно слепленную, — попытку отца когда-то в молодости сделаться скульптором².

Мы прожили в Ясной всю ту осень, и Дора постепенно стала привыкать к русской жизни, в то же время учась русскому языку³.

Сестра Маша давала ей первые уроки, на которых они обе весело смеялись. Первое время вместо «вторник» Дора говорила «дворник» и делала много ошибок, но сравнительно быстро стала объясняться довольно прилично и, в общем, прекрасно вошла в свою роль молодой русской хозяйки.

В сентябре мы съездили в Москву купить мебель для нашего нового гнезда, что заняло нас обоих, а в октябре, когда все было исправлено и заново выкрашено, — мы расставили на места вещи и из большого дома, наконец, переселились во флигель на отдельное и самостоятельное жительство.

Я повел хозяйство имения, а Дора занималась по дому. Чтобы она каждое утро могла получать из Швеции письма и газеты, я устроил для нее ежедневную доставку почты со станции Засека, теперь <—> Ясная Поляна. Почти каждый день утром она получала «Nya Daglig<t>»⁴, «Allehanda»⁵ и письма от родных.

В тишине Ясной мы ближе узнали друг друга, и она быстро «объяснополянилась», как говорил про нее отец, то есть привыкала к жизни в русской деревне.

35-я годовщина свадьбы С.А. и Л.Н. Толстых

(Ясная Поляна, 23 сентября 1897 года)

В ту осень, когда мать с младшими детьми уехала в Москву, отец остался в Ясной один и, хотя жил в большом доме, ходил к нам к завтраку и обеду. Доре было поручено следить за его вегетарианской пищей, что она внимательно исполняла. Он нежно относился к ней и, хотя считал умственным «цыпленком», искренно полюбил, как и вся наша семья.

Ко мне отец относился в ту пору менее дружелюбно потому, что чувствовал, глядя на пример моей жизни, насколько решительно и безусловно я отбросил его доктрину и насколько чувствовал себя без нее счастливее.

Он мог только чувствовать это, но не понимать, <—> так сильно он продолжал верить в свои идеи, хотя<,> может быть и даже наверное, мое умственное развитие и взгляды имели на него очень большое влияние⁶.

Мы почти никогда не говорили о нашем разладе, и я боялся трогать этот вопрос.

Но вот как-то раз после обеда он сам задорно заговорил о шведской культуре, которую я хвалил и сравнивал с русской⁷. Не помню, как завязался разговор, но вдруг он до такой степени рассердился, что больно было смотреть на него. Недобро и несправедливо он стал осуждать меня только за то, что я не соглашался с ним. Я говорил совершенно спокойно и мягко.

В дневнике своем отец записал следующее после этого разговора со мной: «Вчера был раздраженный разговор с Левой. Я много сказал ему неприятного. Он больше молчал под конец, и мне стало совестно и жалко его, и я полюбил его. В нем много хорошего. Я забываю, как он молод»⁸.

* * *

Замечательно, что и на этот раз он не хотел признать себя неправым и объяснил наше разногласие моей молодостью.

Всякий раз, когда ему указывали его неправоту, он выходил из себя, и тогда, чтобы оставаться правым перед самим собой, он начинал осуждать других и считать их глупцами, не понимавшими его.

Этот его прием, сделавшийся с молодости привычкой, помогал ему всю жизнь говорить только свое, не считаясь с мнением других.

Это было его силой, но в то же время той слабостью, которая похоронила наполовину его доктрину.

* * *

В ту же зиму пришло из Швеции приданое Доры, и я выслал за ним на станцию Щекино около тридцати крестьянских саней⁹.

Когда весь этот длинный обоз поднимался в усадьбу Ясной Поляны по «пришпекту», то есть березовой аллее, ведущей к дому, сам Лев Николаевич, выходя на свою обычную прогулку, случайно встретил его и был потрясен его появлением.

— Что это такое? — удивленно спросил он у мужиков.

— Приданое молодой графини Доры Федоровны. Лё Лёлич нанял нас.

Отец в ужасе взглянул на горы вещей, качнул головой и молча пошел дальше.

Вечером он с горечью и осуждением упрекнул меня в том, что я привез в Ясную столько ненужных вещей.

— Зачем все эти вещи? Еще больше роскоши рядом с нищетой?¹⁰

Я объяснил, что Доре они нужны и что это ее приданое.

Среди всех этих вещей он позднее особенно возненавидел антимакас<с>ары¹¹, которыми Дора покрывала спинки кресел, чтобы спасти их от жирных затылков. Бедные антимакас<с>ары были для отца символом безумной и вредной европейской культуры.

В этом он не совсем ошибался.

* * *

Великой радостью нашей был день, когда перед Рождеством Дора, наконец, снова почувствовала себя беременной.

Теперь она сама страстно желала детей и, конечно, раскаивалась в своих прошлых ошибках.

Среди лета я поехал встречать в город Тулу в нашей тяжелой коляске четверней доктора и докторшу Вестерлунд, которые ехали к родам нашего первого ребенка¹².

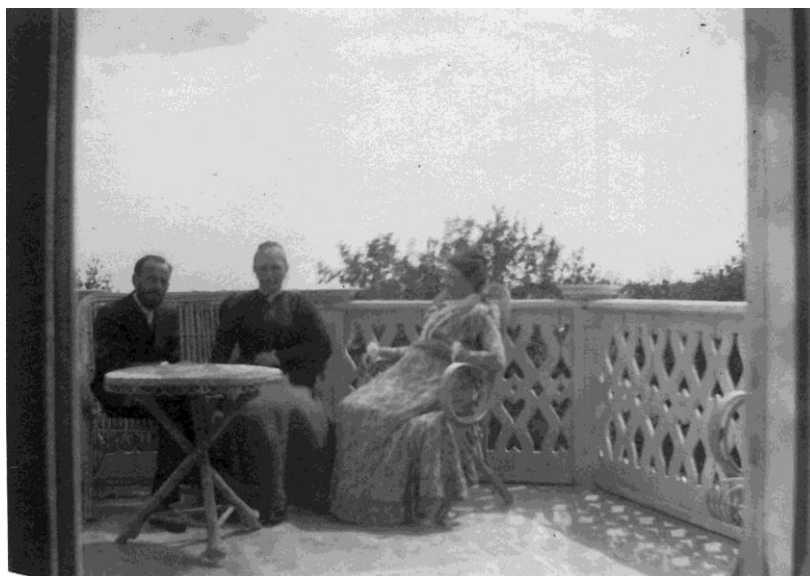
Было воскресенье, и сотни мужицких телег со страшным грохотом и пьяными песнями мчались вниз по Рудаковой горе¹³ и по шоссе, возвращаясь с городского базара в деревни.

— Кто это такие? — в ужасе спросила меня докторша.

— Дикари! — полушутя ответил я ей по-шведски. — Это русские мужики едут домой с воскресного базара.

Доктор, прямо сидя в коляске, с выпученной вперед грудью, с любопытством спокойно наблюдал первые картины русской жизни.

В Ясной Доре, сияющая радостью, встретила родителей, а через неделю благополучно родила сына — Льва III¹⁴.

(Нина Вестерлунд с дочерью и Л.Л. Толстым)

(фотография С.А. Толстой; 1898)

(Л.Л. Толстой с Левушкой)

(фотография С.А. Толстой; 1898)

С приходом Вестерлунда в Ясную стокрылая молва без телефонов и без радио разносила о нем весть по всей Тульской губернии, и из дальних сел и деревень стали приходить к нему больные, часами ожидая у подъезда.

Подле нашего флигеля каждое утро собиралась толпа дальних незнакомых баб и мужиков, которых доктор добросовестно принимал и осматривал в своей комнате.

Отцу Вестерлунд не понравился. Он сказал про него матери, что это «немецкий мужик, отставший от медицины на тридцать лет!»¹⁵

На каком основании он сделал такое несправедливое заключение, не понимаю. Вероятно, потому, что доктор отнесся к нему с оттенком снисхождения и, посоветовав есть, по крайней мере, два яйца в день, иначе вегетарианство будет для него пагубным, — фамильярно потрепал его по плечу.

Все же при мне отец поблагодарил Вестерлунда за то, что он вывел меня на путь здоровья¹⁶.

Без слов мы все трое поняли, что целая драма скрывалась за этим жестом отца. Болел я больше всего из-за него и его беспочвенного учения, якобы дававшего людям счастье. Без всякого учения

Вестерлунд дал мне понять реальную правду жизни одним своим живым примером и своей светлой правдивой личностью.

Докторша понравилась отцу гораздо больше и он несколько раз с одобрением отзывался о ней.

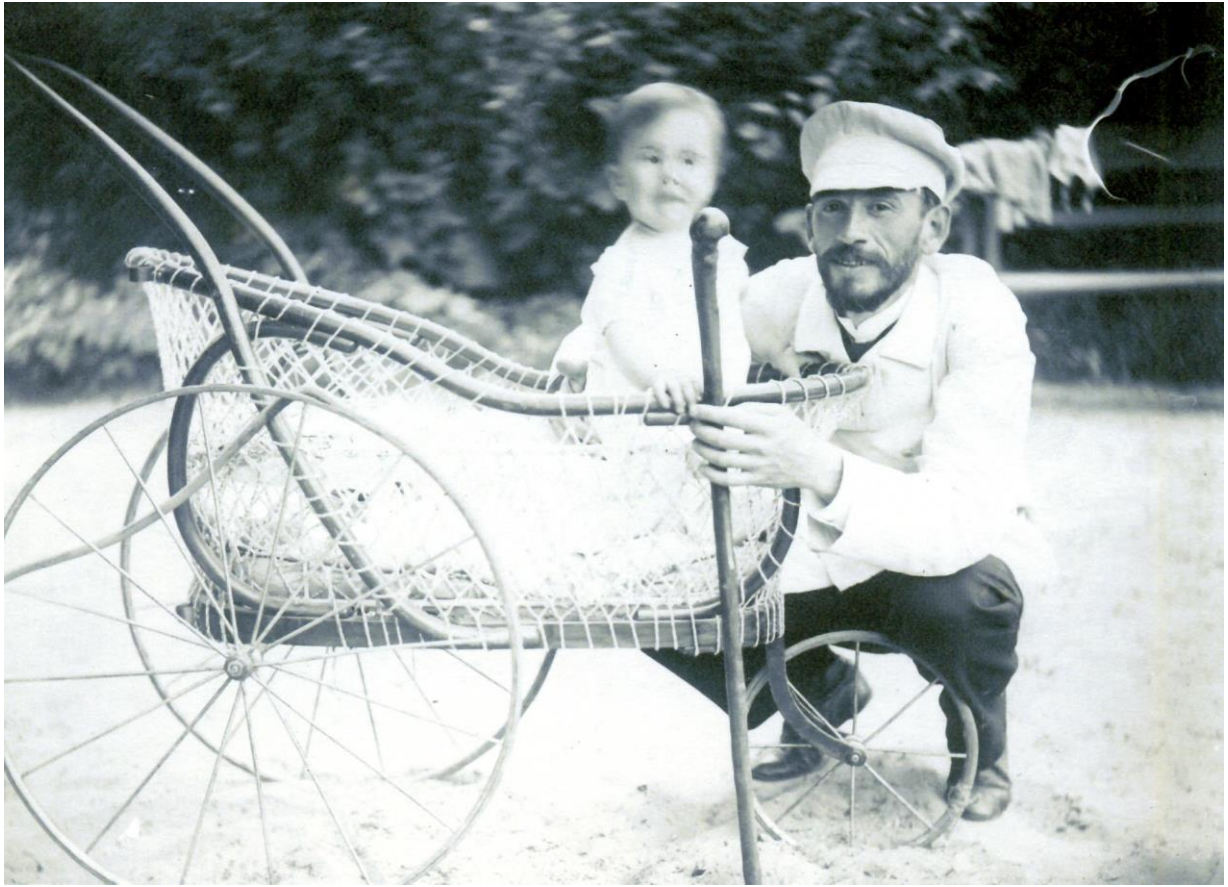
По воскресеньям, по старой традиции, Вестерлунды вместе с нами обедали в «большом доме».

Из семейных мать — сама европейка — с большим уважением и теплотой отнеслась к доктору и справедливо поняла и оценила его знания, бескорыстие, доброту и прозорливость.

Д.Ф. Толстая с Левушкой

(фотография С.А. Толстой, 1899)

Л.Л. Толстой с Левушкой

(фотография С.А. Толстой, 1899)

Глава 19

***Наша жизнь зимой в Ясной. Убийство Гусева.
Осень в Стокгольме и поездка во Францию и Италию.
E. Zolà. Рождение второго сына Пали
и второй приезд Вестерлундов***

Наша вторая зима в Ясной пролетела еще быстрее, чем первая, и теперь не было вопроса о том, что Дора тяготилась, так или иначе, русской жизнью.

Она сама кормила Левушку, и все ее интересы были сосредоточены на нем.

Я писал мои рассказы¹, продолжал книгу — «Современная Швеция»² — и с увлечением вел хозяйство имения.

Ранней весной этого года, когда только что прошли реки, рано утром ко мне прибежал мой управляющий³, бледный и перепуганный.

— У нас несчастье, Ваше Сиятельство. Убили лесного сторожа Гусева⁴.

Один из двух сторожей наших лесов, старик Гусев жил со своей старухой за речкой Воронкой в уединенной избе на поляне. Управляющий, проезжая мимо верхом, заметил, что в сторожке было неладно. Большая цепная желтая собака, привязанная снаружи, с отчаянным лаем прыгала и рвалась с цепи.

Дверь в сторожку была настежь открыта. Управляющий вошел и увидел страшную картину. Старик Гусев в луже крови лежал мертвый у двери, а старуха была убита на кровати.

Окровавленный топор валялся среди хаты, и большой сундук стариков был раскрыт и перерыт.

Мы послали за урядником, а сами верхами поехали в сторожку. Подле речки я нашел брошенный кусок лиловой материи. Убийца после преступления, очевидно, мыл здесь руки и обронил эту тряпку, которая позднее выдала его. Это был молодой крестьянин, печник из соседнего села Крыльцова⁵<, > и его соучастница — тульская проститутка.

За несколько дней до убийства Гусевых они зверски убили еще двенадцать человек, в том числе и детей.

Эта пара, вероятно, была в том извращенном половом возбуждении, в котором люди теряют свой облик и ищут еще большего, крайнего волнения, чтобы забыться так или иначе.

<Такова> психология многих убийц.

* * *

На лето 1898-го года⁶ мы уехали с Левушкой и Сашей⁷ в Швецию, где провели всю осень и часть зимы.

Мы жили в Стокгольме в отеле, недалеко от центральной станции, и я знакомился в эти месяцы с жизнью шведской столицы и ее учреждениями для моей книги⁸.

Однажды после театра, в котором мы смотрели веселую народную пьесу под названием «Rospiggog»⁹, тогда очень популярную, с нами случилась забавная история.

Была дождливая ноябрьская ночь, и Дора, снова почувствовавшая себя в ожидании, насилу шла от усталости. Тогда, оставив ее за собой, я пробежал вперед к площади, чтобы позвать извозчика. Возвращаясь назад навстречу жене, я был внезапно испуган ее диким криком. Бледная, она бежала ко мне, а за ней бежал какой-то элегантный господин в цилиндре и с палкой в руках.

Они совсем близко подбежали ко мне, и я, не отдавая себе хорошенько отчета в том, что делаю, со всего размаха так сильно ударил господина по цилиндру и по голове, что сначала цилиндр, а за ним и сам господин покатались на грязную мостовую улицы.

Кто-то, проходя мимо, тоже из театра, одобрительно крикнул в мою сторону:

— Bra gjort!*

Но я не унялся сразу, а бросился еще на бледного, как смерть, человека и бил его еще, куда попало.

* Хорошо сделано! (швед.)

— Но господин... но господин, — повторял он, лежа на спине и защищаясь.

Оказалось потом, что Дора подошла к стене дома, чувствуя тошноту, и он, приняв ее за проститутку, пристал к ней.

В ту осень в Стокгольме я встречался со знаменитым шведским художником Цорном¹⁰, с Паоло Трубецким¹¹, с Норденшельдом¹² и со Свенном Гедином¹³. Мы были также на интересном концерте горбатенького Грига, в котором он сам превосходно дирижировал своими чудесными произведениями¹⁴.

На новый, 1899-ый год я повез семью на юг Европы¹⁵<,> во Францию и Италию, которых Дора еще не знала.

Тихий и скромный Левушка со своими большими карими глазами никогда и ничем не был нам неприятен, и мы возили его всюду, как часть самих себя. Мы взяли с собой еще и нашу верную прислугу, теперь няньку Левушки, некрасивую, но милую и честную Сашу.

В Париже я интересовался в ту пору литературой и литераторами, из которых посетил двух: E. Zola¹⁶ и E. Rodes¹⁷.

Zola принял меня и Дору очень любезно и был доволен, когда я сказал ему, что отец читал с удовольствием его вещи и особенно одобрял его натурализм в книге «La Terre»¹⁸.

— Mais est-ce vrai, — спросил он с сожалением, — que votre père croit à toutes ces ecritures saintes?*

Я затруднился ответить ему.

У автора Rougon-Macquart** была маленькая жена и две крошечные черные собачки<,> и все они вместе угорели от печки вскоре после нашего посещения¹⁹.

E. Rodes*** жил тогда в глубоком дворе одного дома, чтобы спастись от шума улицы, но все-таки пожаловался мне, что в Париже не мог работать.

* Неужели ... Ваш отец верит в Священное писание? (фр.)

** «Ругон-Маккары» (фр.) — 20-титомная серия романов Э. Золя.

*** Автор хорошей книги «Le Sens de la Vie». — Примеч. Л.Л. Толстого.

Во время моего пребывания во Флоренции в нашем отеле <“>Hotel Anglo-American<”> две русские дамы превосходно пели дуэты Глинки, чудная музыка которого вдруг безумно взволновала меня.

В эту поездку Дора была красива. Итальянское солнце зажгло в ней новую жизнь и окрасило ее новыми красками. В той же Флоренции²⁰ два итальянских офицера, проходивших мимо нас по <“>Lungarno<”> в своих голубых мантиях²¹<,> взглянув на нее, в один голос воскликнули: «La Belle!»^{*}

Италия того времени была, конечно, не той, что теперь. Тогда флорентийские рабочие, сидевшие кучами на тротуарах и глазевшие праздно на богатых людей, откровенно их ненавидели, как перед революцией ненавидели нас русские мужики и русские рабочие.

Я одевался в тот год элегантно и носил цилиндр и перчатки. Как-то, когда мы проходили с Дорой мимо ряда рабочих, сидевших на площади, — один из них подставил мне ногу, но я так брыкнул его, что все рабочие вскочили и стали ругаться на меня, призывая Мадонну...

В Неаполе я лазил на Везувий, мы смотрели Помпею, были на Капри и проделали все, что полагается туристам²². В Риме меня интересовали тогда скульпторы и мраморщики, работавшие около своих мастерских на открытом воздухе²³. Теперь они исчезли куда-то. Много было в то время осликов в городе, которых теперь тоже почти не видно.

Отец был в хорошем расположении духа и хорошо относился ко мне и моей семье²⁵. Есть фотография, снятая моей матерью, на которой он держит на руках Левушку, а я стою с ним рядом. Эта фотография называлась<:> «Три Льва»²⁶.

* Красавица! (*фр.*)

Не помню, в то лето или позднее явился в Ясную Максим Горький, и мать, увлекавшаяся тогда фотографией, сняла его вместе с отцом. Я упрекнул ее в этом, но она не поняла или не захотела понять значения моего упрека²⁷.

У отца был немного виноватый вид, пока он стоял рядом с человеком, который был ему во всех отношениях чуждым и писания которого он не любил.

В ту весну в нашем флигеле и палисаднике развелось столько ужей, что они заползали в комнаты и ложились на постелях. Свернутые клубками, они лежали в цветниках и на дорожках. В России убивать ужей считается грехом и предрассудок народный говорит, что, кто убьет ужа, с тем начнутся всякие несчастья. Уж — животное полезное, — да, я знал все это, — но когда ужи заползли в детскую и во второй этаж, залезли в подвал и на ледник и, наконец, заползли в нянину кровать, — жить в их компании стало совсем неприятно, и я решил открыть на них войну, несмотря на протесты Доры.

Вместе с дворником Степаном мы перебили несколько десятков ужей и выбросили их в канаву.

В ту же весну я еще убил большую рыжую собаку лесника. Она бросалась на няню и Левушку, когда они, гуляя, проходили мимо сторожки. Собака эта бросалась на людей так, что чуть не сваливала их с ног. Тогда я два раза предупредил сторожа, что, если он не будет держать ее на цепи, я застрелю ее. Но на следующий день собака опять набросилась на Левушку и чуть не свалила няню. Я взял ружье и, молча подойдя к сторожке, застрелил собаку почти в упор. Жена и дети сторожа выбежали на крыльцо и долго с осуждением и грустью смотрели на меня.

Второго августа Дора благополучно родила второго сына, Павла²⁸ и во второй раз ее родители приехали в Ясную²⁹.

В этот приезд Вестерлунд снова принимал больных, живо интересовался моим хозяйством и подарил мне шведскую рядовую сеялку и косилку.

Раз, когда мы все сидели на балконе, раздался страшный гвалт около конторы управляющего. Была простая сходка мужиков, которые галдели с приказчиком, но Вестерлунд в ужасе вскочил, думая, что началась революция, и инстинктивно устремился туда, откуда шли крики. Я встал и пошел в контору разобраться, в чем дело, и доктор пошел со мной.

Спор шел о земле, о <той> части нашего имения, которую крестьяне обрабатывали, деля урожай пополам с нами. Я сейчас же уладил дело, и “революция” кончилась.

Несколько раз тем летом мы ездили с доктором верхом в далекие кварталы казенного леса Засеки, где он наслаждался русской природой.

Каждое утро он вставал раньше других и уходил один на далекие прогулки, возвращаясь с кучей грибов или цветов.

Я любил его за его добрый, простой и милый нрав, за его постоянное разумное спокойствие сильного и правильного человека.

Глава 20

Мои и отцовские взгляды. «Прелюдия Шопена». Болезнь и смерть Левушки. Конец моей постоянной жизни в Ясной. В Петербург

Влияние на меня Европейского Запада было огромное, и, благодаря ему, я скоро создал мои собственные определенные воззрения на жизнь, которые еще дальше отчуждали меня от отца. Правда, в некоторых вопросах я продолжал думать одинаково с ним, но во многих мы резко разошлись.

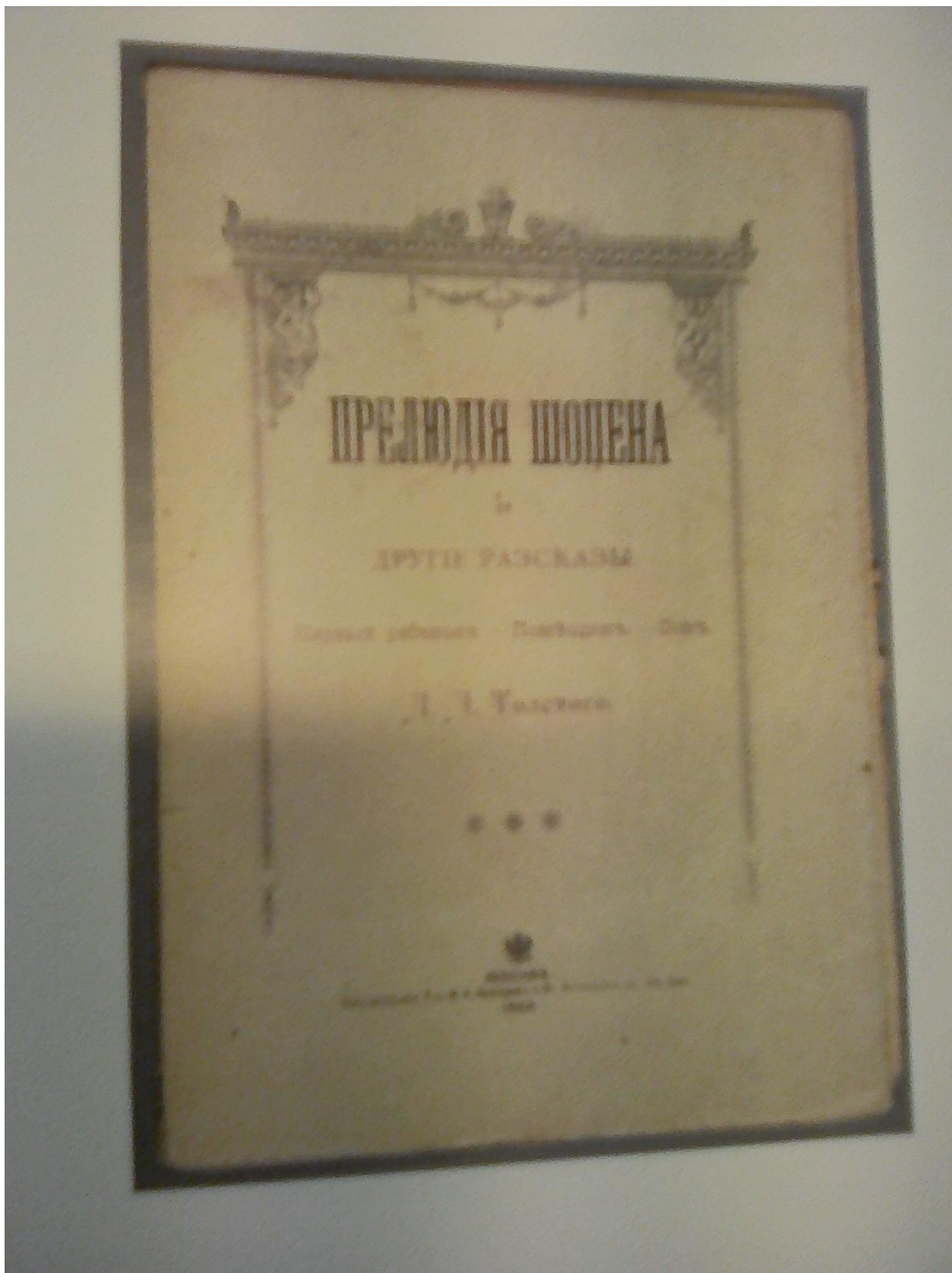
Я понял, где и как он ошибался, говоря о власти и собственности, о браке и земельном устройстве русского народа, о культуре, о науке и искусстве, которые создали его, о безбрачии, анархизме и других вопросах.

Но со многими мыслями, касающимися религии и веры, морали и гигиены, я соглашался и любил его за эти наши общие нам взгляды. Он был прав, восставая против устарелой православной церкви, которую давно надо было реформировать, хотя не надо было совсем отрицать. Прав, проповедуя трезвость, воздержанность в пище, питье и браке. Прав, возмущаясь гнилым царизмом.

Но я твердо установил мои собственные взгляды на жизнь и должен был честно держаться их. Поэтому в первых моих литературных сочинениях я не шел ни на какие компромиссы и либеральничание, нужное для успеха.

После нашумевшей «Крейцеровой Сонаты» отца чувство досады овладело мной. Он был не прав кругом в полном отрицании брака, и его повесть, конечно, должна была принести людям больше зла, чем пользы, развенчивая семейное счастье и ослабляя его святость и значение¹.

В ответ «Крейцеровой Сонате» я — очень молодой и неопытный — написал рассказ «Прелюдия Шопена», который был напечатан фельетонами² в газете «Новое время»³. Эта молодая повесть вызвала едкие нападки на меня⁴, но я до сих пор серьезно думаю, что в ней больше правды, чем в «Крейцеровой Сонате»⁵.

Apud...

Handwritten text in a cursive script, likely a historical document or manuscript. The text is dense and spans most of the page, with some lines appearing to be crossed out or heavily faded. The script is difficult to decipher due to its cursive nature and the age of the document.

Вот отрывок диалога из нее.

Студент Камков, нашедший счастье в раннем и чистом браке, говорит своему приятелю Крюкову:

«<—> К сожалению, люди не умеют самостоятельно и здраво мыслить и действовать и в большинстве случаев ищут поддержки в чужой мысли и советах. К несчастью, на свете никого нет, кроме тряпок и глупцов. И вот гибнут эти слабые, простодушные люди, увлекаясь высокими учениями».

Тогда Крюков спросил:

« — Почему же гибнут? Я думаю, что повесть, о которой ты говоришь, принесла много пользы людям.

— Может быть, но она принесла еще больше вреда, — опять почти выкрикнул Камков. — Я знаю это по многим примерам. Я намерен встретиться с одним толстовцем, и, боже мой, как он раскипятился, когда я стал говорить ему, что говорю вам. Они, бедные, так верят в свои кумиры, что просто жаль опрокидывать их»⁶.

Отец прочел мою повесть и рассердился.

«Все не могу быть вполне добр к Леве. Трудно, но не унываю, — записывает он в дневнике. — Лева заговорил о своей повести. Я сказал ему больно, что как раз некультурно (его любимое слово) то, что он сделал, не говоря о том, что глупо и бездарно»⁷.

Потом он записывает еще:

«„Крейцера Соната” была полезна»⁸.

Он не был сам вполне уверен в этом, иначе не записал бы этого.

После рождения сына Павла<,> или Пали, который был гораздо чернее и живее Левушки как зародившийся в Италии и которого Дора также стала кормить сама, — Вестерлунды уехали обратно в Швецию, а вскоре за ними уехала в Москву из «большого дома» и вся старая семья, так что мы с Дорой остались совершенно одни, что мне всегда было особенно приятно⁹.

Я любил тихую, занятую жизнь в Ясной с ее хозяйством и охотой, с ее чудесными осенними и зимними днями, с ее бурями и метелями, с

ее поэтической весной и окружавшей ее народной, близкой мне, русской жизнью¹⁰.

Правда, по временам бывало одиноко, так как в Ясной соседней никогда и никого не было, — и только одна Марья Александровна Шмидт, единственная искренняя толстовка, жившая в имении сестры Тани — Овсянникове, за станцией Засека, — часто навещала нас.

Я посылал за ней “плетушку”^{*} или сани, и она приезжала иногда на несколько дней.

— Левочка, милый, — говорила она мне восторженно, — да у тебя царская, царская жизнь. Боже мой, какая роскошь! Дорочка, милая, ну, как ваши ангелы, Левушка и Паля?

И она садилась вязать и болтала с нами длинными вечерами¹¹.

В ту осень я съездил по делам в Москву на два-три дня¹² и, между прочим, купил там для Левушки готовую мелкую барашковую шапочку и теплое пальтецо.

Как-то в начале декабря, когда на дворе была оттепель, я велел запрячь санки и, взяв с собой Дору и Левушку, повез их прокатиться. Я правил сам бойкой серой лошадью Крысой и не заметил, как Левушка заснул между мной и Дорой в своем новом пальтеце и новой мелкой, не покрывавшей достаточно его лба и затылка, шапочке.

Вечером у него сделался сильный жар, а на пятнадцатый день, в самый день Рождества по старому стилю, его безжизненное мягкое тельце лежало в гробике на столе среди гостиной.

Доктора не смогли ничего. Воспаление мозга, от которого излечиваются немногие, безжалостно потушило его слабенькую жизнь. В последние дни, час за часом я с ужасом следил, как силы постепенно уходили из него¹³.

Я телеграфировал в Москву матери¹⁴ и в Швецию Вестерлунду. Мать сейчас же приехала; Вестерлунд немедленно оставил Швецию, но, когда он приехал в Ясную, Левушка, уже твердый, как мрамор, четвертый день как лежал в своем гробике, ожидая похорон.

^{*} повозка с плетёным верхом

Никогда не забуду выражения Вестерлунда, когда он подошел к нему и долго смотрел на него своими большими добрыми глазами.

Дора обезумела. То вдруг она бросалась к телу Левушки, наклонялась над ним, звала и говорила ему невнятные слова, то лежала неподвижно на кровати. Молоко ее пропало, и она сразу осунулась, как после тяжелой болезни¹⁵.

Я был убит страшным неожиданным горем. Убегал гулять, возвращался и не находил места. Дора бросалась ко мне, и мы плакали вместе и обнимали друг друга¹⁶.

Мы похоронили Левушку в зимний холодный день в ограде церкви села Кочаки, в двух верстах от Ясной¹⁷. Сейчас же после похорон поднялась страшнейшая метель, так что, возвращаясь, мы насилу доехали до дома.

Поздно этой ночью меня разбудила горничная Саша, объявив, что Дора Федоровна исчезла куда-то. Я догадался, что она ушла на кладбище, и велел живо запрячь лошадей. Мы встретили ее одну в поле, уже возвращавшуюся с могилы, измученную и безумную, насилу шагавшую по дороге, густо и высоко заметенной снегом.

Там, на могилке, она молилась и убивалась, лежа в снегу.

В эти дни она потеряла веру в Бога, который мог, как она повторяла, причинять людям такие жестокие ненужные страдания. Бедная Дора забыла свою болезнь в Гауздале, которая, может быть, была главной причиной смерти слабого Левушки.

Отец написал нам короткую записку в утешение, но, как всегда, в ней было больше холодной философии, чем горячей сердечной теплоты¹⁸. Однако горе наше его взволновало, и он искал верного к нему отношения. Он написал по этому поводу рассказ «Ягоды»¹⁹.

Какие же были главные причины смерти Левушки, которых я взволнованно и усиленно искал? Во-первых, его слабая наследственность и физическое воспитание, — без воздуха, в закрытом помещении, с мукой Нестле²⁰ как питание, с постелью подле горячей, громадной печки. Во-вторых, мелкая барашковая шапочка, в которой он заснул в санях и которая была причиной простуды его головы. Если бы не было этих причин, то, может быть, он был бы жив и до сих пор.

Сознание моей собственной вины в его смерти мне было мучительно и я упрекал себя в том, что недостаточно внимательно смотрел за ним²¹. Должен признаться, что несколько раз я вспомнил в эти дни, как мы били со Степаном ужей и как я застрелил желтую собаку сторожа.

Исчезновение Левушки до такой степени омрачило нашу жизнь в Ясной, что она потеряла для нас всю свою прежнюю прелесть и я стал серьезно думать о переселении в Петербург, где я мог бы свить для себя и семьи новое, более здоровое и прочное гнездо, поближе к Швеции, чтобы остаться в нем <на> всю мою жизнь.

Другой причиной оставления Ясной была та, что она не принадлежала мне одному и братья теперь уже с более явным недовольством смотрели на мое доминирующее положение в ней.

С этого времени началась новая полоса моей жизни, и вместо деревни и хозяйства я повернул все мои интересы в сторону моей литературной и отчасти общественной деятельности, которые, вместе с семьей и служением России — в чем и как я мог служить ей, — с обновленной энергией наполнили мою голову и сердце.

В Петербург! В красивую молодую европейскую русскую столицу, которую Пушкин назвал «гениальной ошибкой Петра»²². Но ошибся не Петр, а Пушкин<,> и будущие русские поколения, по всей вероятности, увидят, что Петербург еще только начал начерно выполнять свою роль окна в Европу и что в конце этого века он будет одним из самых культурных и богатых городов мира, насаждая по всей России истинную нордическую цивилизацию.

1903

Для Дѣтей

Разказы

Леба Лебовича

Мелетесе.

Москва, 1903 г.

Издательство
С. С. Сивилев

А. А. Жолстоу.

ВЪ ГОЛОДНЫЕ ГОДЫ

КАПИСКИ И СТАТЫ

КНИГА II

Глава 1

Переезд в Петербург. Мои писания. Рождение Никиты и болезнь Доры. Египетские кары. Смерть болгарки. Оставление Египта и конец вегетарианства

Бедное существо человеческое тратит все свои силы на борьбу за свою личную жизнь и жизнь своей семьи, так что ему не остается ни времени, ни сил не только на заботу и служение человечеству, но даже на помощь своему народу, от которого зависит в большой мере его собственное благополучие.

Только в том случае, когда человек и его семья материально обеспечены, он может уделять небольшую часть себя родине и общечеловеческим интересам, но редко мы находим людей, которые сознательно ставят это служение впереди семьи, и еще реже таких, которые жертвуют всем ради блага человечества.

Большинство живет для себя, только для материи. Все же необходимая перестройка жизни человечества в смысле его счастья, одухотворения, морального и материального развития возможна будет только тогда, когда все люди или во всяком случае громадное их большинство<, > будут жить для блага всего человечества столько же, сколько для себя самих, и потому, конечно, истинный прогресс человечества так труден и медленен.

До сих пор не выработаны формы такой цивилизации и культуры, в которых, с молодости и до конца жизни, люди имели бы возможность и силы служить другим более, чем себе. В современной цивилизации они постоянно ищут и борются, делают бесконечные ошибки, страдают и тратятся, и только в лучших случаях, чаще всего косвенно и невольно, они могут кое-как делать добро своим ближним.

Продолжаю мое повествование.

В те дни, когда я решил переехать в Петербург, у меня был дом в Москве и 400 десятин земли в Самарской губернии, — целое хорошее состояние, доставшееся мне от отца, когда он разделил собственное миллионное состояние между своими девятью детьми и женой. Чтобы прочно обосноваться на новом месте и обеспечить себя материально,

я продал мое имущество¹ и купил в Петербурге дом, в котором свил себе новое гнездо.

Дом этот в два этажа продала мне графиня Клейнмихель² за сто десять тысяч рублей, и<,> так как у меня оставались еще свободные деньги от самарской земли, я решил надстроить над ним третий этаж для себя и семьи.

Брат моей матери, дядя Вячеслав Берс, который вернулся с Урала и занимал теперь место городского инженера в Петербурге, взялся помочь мне в этом³.

В моем доме, как я слышал, жил когда-то Сперанский⁴ и писал в нем свою конституцию. Когда-то он был особняком, без квартир и магазинов, но, когда я купил его, в нем уже были два доходных магазина — булочная и казенная винная лавка, которую я упразднил⁵.

Весь дом с его флигелями я перестроил по-своему и разбил на квартиры.

Верхний этаж, выходящий на улицу и в сад⁶, я оставил для семьи.

В ту пору я преследовал три главные цели: первое — создать дружную и здоровую семью, второе — составить достаточное для детей и для себя состояние и третье — служить, насколько я мог, России.

Уже в Ясной я написал несколько статей против крестьянской общины и напечатал их, обратив внимание правительства на этот важнейший вопрос⁷.

Позднее, когда премьером сделался Столыпин⁸, эта реформа, казалось, была близка к осуществлению, но вместо того, чтобы поддержать ее, безмозглая Дума подняла против нее целую бурю⁹, которая кончилась убийством Столыпина и провалом его планов¹⁰.

Власть не умела в то время закрывать рты печати, как она делает это теперь не в одной России. Она не умела вовремя и окончательно устранять вредные элементы общественной среды, которым была предоставлена совершенно непонятная свобода.

Говорят о «деспотизме» царского времени. Этот «деспотизм» был не деспотизмом, а преступным попустительством<, > данным худшим элементам страны¹¹.

В Петербурге, в центре тогдашнего общественного и литературного движения, я решил продолжать мою деятельность журналиста и писателя, и хотя <я> знал, что на этом пути мне будет нелегко, имея отцом Льва Толстого и к тому же его имя, я все же<, > по естественному влечению к постоянному мышлению и потребности выражать мои мысли<, > не оставлял избранного мной поприща.

Статьи и рассказы мои принимались и оплачивались довольно высоко. Я любил видеть их напечатанными и любил писать, когда мне казалось, что я имел что-то сказать.

Но в тогдашней России для того, чтобы «сделаться писателем» и составить себе признанное литературное имя, нужно было действовать иначе, чем действовал я. Нужны были реклама и лицемерие, нужно было известное актерство и либеральничанье, а главное, нужен был постоянный протест против правительства и единодержавия. Довольно было, вместе с евреями, поругать существующие порядки, чтобы заручиться симпатиями литературной клики и сделаться знаменитым.

Я же писал и думал самостоятельно<, > и потому, конечно, на меня смотрели косо и с недоверием.

Вот приблизительный список моих книг и статей, насколько я их помню, написанных и напечатанных в России той эпохи.

«Яша Полянов (Воспоминания для детей из детства)», издание Вольфа¹². Два тома рассказов «Для детей», издание Девриена¹³. «Поиски и примирение» — роман, напечатанный Ясинским в его журнале «Ежемесячные сочинения», но не изданный по-русски отдельной книжкой¹⁴. Этот роман переведен по-французски и издан в Париже отдельной книгой под заглавием «Aspirations et Apaisements»¹⁵. Роман «Мы проснемся», напечатанный в «Вестнике Европы»¹⁶. Статьи «Против общины» (изданы отдельно под этим заглавием)¹⁷. «Моя гигиена» — три издания вышли отдельной книжкой¹⁸. «Современная Швеция» издана книгой с иллюстрациями, раньше печаталась фельетонами в «С<анкт>-Петербургских ведомостях»¹⁹. Два тома пьес²⁰, из которых «Ночи безумная»²¹, «Братья-помещики»²², «Права любви»²³ и «Солдатка»²⁴ шли в Петербурге. «Моя Родина» шла в

театре Корша в Москве²⁵. Рассказы: «Из времени студенчества»²⁶, «Прелюдия Шопена»²⁷, «Синяя тетрадь»²⁸, «Первый ребенок»²⁹ и другие повести и рассказы³⁰. «В голодные годы» печатались в «Вестнике Европы»³¹ и были потом изданы мной отдельной книгой³². Брошюры для народа: «Добрые советы»³³, «Памятки солдата»³⁴ и «Памятка офицера»³⁵ <—> в ответ на отцовские памятки, развращавшие русское войско³⁶. Статьи в «Новом времени», последние под общим заглавием — «Мысли и жизнь»³⁷. Статьи, стихи и рассказы в «Петербургской газете»³⁸, «Огоньке»³⁹, «Русских ведомостях»⁴⁰, «Северном вестнике»⁴¹, «Столице и усадьбе»⁴², «Неделе»⁴³ и других⁴⁴. Переводы⁴⁵.

В эти годы я писал также стихи, которые изредка печатались⁴⁶. Перед войной я приготовил отдельный сборник их. Часть их я сохранил в рукописях⁴⁷.

* * *

В августе 1902 года Дора родила в Halmbyboda третьего сына, которому я дал русское имя — Никита⁴⁸, чтобы не повторять слишком часто толстовских имен.

При его рождении я сделал интересное наблюдение, убедившее меня в том, что дети, появляясь на свет, вовсе не обязательно должны плакать, как думал Кант⁴⁹. Никита еще не был отделен от пуповины, когда я нагнулся к нему и сказал успокоительным тоном, что все кругом обстояло благополучно и что плакать ему совершенно не нужно.

Он отлично понял меня и не плакал до тех пор, пока акушерка не стала шлепать его по задку. Таким экспериментом я разбил теорию Канта, утверждающую, что люди с рождения выражают сущность жизни — страдание <—> плачем.

Но рождение Никиты все же не обошлось без беды. У Доры сделалось сильнейшее кровотечение, которое чуть не унесло ее в могилу⁵⁰. Кровь лилась ручьем<,> и растерявшаяся акушерка не знала, как остановить ее. Доктора же Вестерлунда не было, так как он запоздал где-то у пациентов. Я смотрел на бедную Дору, лицо которой делалось все прозрачнее, и держал в моей ее холодную руку, в то время, как моя теща, обезумев от страха, звонила в телефон, стараясь найти Вестерлунда. В это время подъехала его коляска<,> и я бросился

к нему навстречу. Доктор сейчас же увидел, в чем дело, применил сильнейшее средство<,> и кровотечение постепенно остановилось⁵¹.

Все же эти трудные роды не прошли бесследно. Вскоре после них у Доры обнаружились признаки нефрита, появилась общая слабость<,> и, хотя ее отец прилагал все усилия вылечить ее, здоровье ее не улучшалось, а ухудшалось. Так тянулось около года, пока Вестерлунд не поехал в Берлин советоваться со знаменитым тогда врачом Лейденом⁵². На этой консультации было решено послать Дору в Египет, на что я охотно согласился⁵³.

Взяв с собой двух мальчиков и двух няnek — русскую Сашу⁵⁴ и шведскую Хульду⁵⁵, мы через Петербург и Ясную проехали в Одессу⁵⁶, оттуда на пароходе Добровольного Флота⁵⁷ отправились в Александрию⁵⁸.

На нашем пароходе ехали тоже в Хелуан трое болгар — муж, чахоточная жена и молодая хорошенькая девушка, сестра жены. Болгарин, благообразный мужчина лет тридцати, все время целовался со своей хорошенькой свояченицей, очевидно, страстно влюбленный в нее, а худая, как скелет, его жена почти не выходила из каюты.

Когда я привез Дору в Хелуан и показал ее рекомендованному Лейденом молодому немецкому врачу, он дал мне понять, что она была больна, по его мнению, безнадежно. Тон этого доктора мне до такой степени не понравился, что я оставил его пансионат и переехал со всей семьей в стоявший на краю города, совсем в пустыне Tewfic hotel⁵⁹.

Врачом же я пригласил старого симпатичного доктора-англичанина, который пользовался всеобщим уважением.

В этом Tewfic отеле жили еще очень милые английские офицеры, с которыми я проводил время, играя в tennis, бильярд и гольф или уезжая с ними верхом в пустыню.

В то время я был строгим вегетарианцем без мяса, рыбы, масла, молока и яиц⁶⁰ и, благодаря этому режиму, чувствовал себя слабее моих английских друзей, которые и в Египте продолжали есть бифштексы и пить виски. К тому же вегетарианская пища отеля была далеко не достаточно питательной. В ней не было ни достаточных жиров, ни витаминов, и даже рис и хлеб подавались скудно. Тем не менее я упорствовал и держался моей старой диеты.

Как-то весной, когда однажды ночью разразился хамсин⁶¹ и я вскочил с постели, чувствуя, что задыхаюсь и что во рту у меня пересохло, — я сбежал вниз в столовую выпить стакан воды. На столе стоял глиняный кувшин с узким горлом<,> и я выпил из него несколько глотков затхлой, испорченной воды. Утром у меня сделалась страшнейшая кровавая дизентерия.

На этот раз энергия Доры спасла меня. Она заставила меня выпить большую дозу густой эмульсии из висмута⁶² и гуммиарабика⁶³, и от этого средства мои внутренности так склеились, что я в продолжение трех недель не мог свободно дышать и питаться. Ослабевший, я лежал на дворе отеля в кресле и читал книги по философии и религиям Индии.

Наши мальчики тоже не избегли египетских кар. Мы раз повезли их в пустыню кататься. Был вечер и холодно. На следующее утро они проснулись слепые от воспаленных и закрывшихся глаз. Болезнь прошла дня через три без последствий, но перепугала нас порядочно⁶⁴.

Вспомню еще несколько кратких египетских впечатлений.

В Tewfic отеле с нами жил старый сумасшедший и богатый английский лорд. Он сошел с ума после смерти жены и ему мерещилось, что ее глаза смотрели на него отовсюду. Каждый день он уходил на прогулки в пустыню в своей серой широкополой шляпе и с большим костылем в руке, а несколько босых арапчат бежали за ним с мешками. Англичанин подбирал гляцевитые камушки и собирал их в мешки. Когда я спросил его, зачем он делал это, он, глубоко веря в то, что говорил, объявил мне торжественно, что эти камушки были глазами его покойной жены.

В Хелуане еще лечилась тогда русская дама, больная желудком. Когда пришла Святая Неделя, она так усердно разговелась мясом, что к утру окончила свое существование.

Однажды явился к нам в отель астролог-индус в белом тюрбане и стал предсказывать Доре будущее, бросая кости на толстую старую книгу астрологии...

Он предсказал, что Дора совсем поправится, что у нее родится третий мальчик с родинкой на лице, который принесет семье счастье, и что, когда мы вернемся в Россию, нас всюду встретят радость и удача.

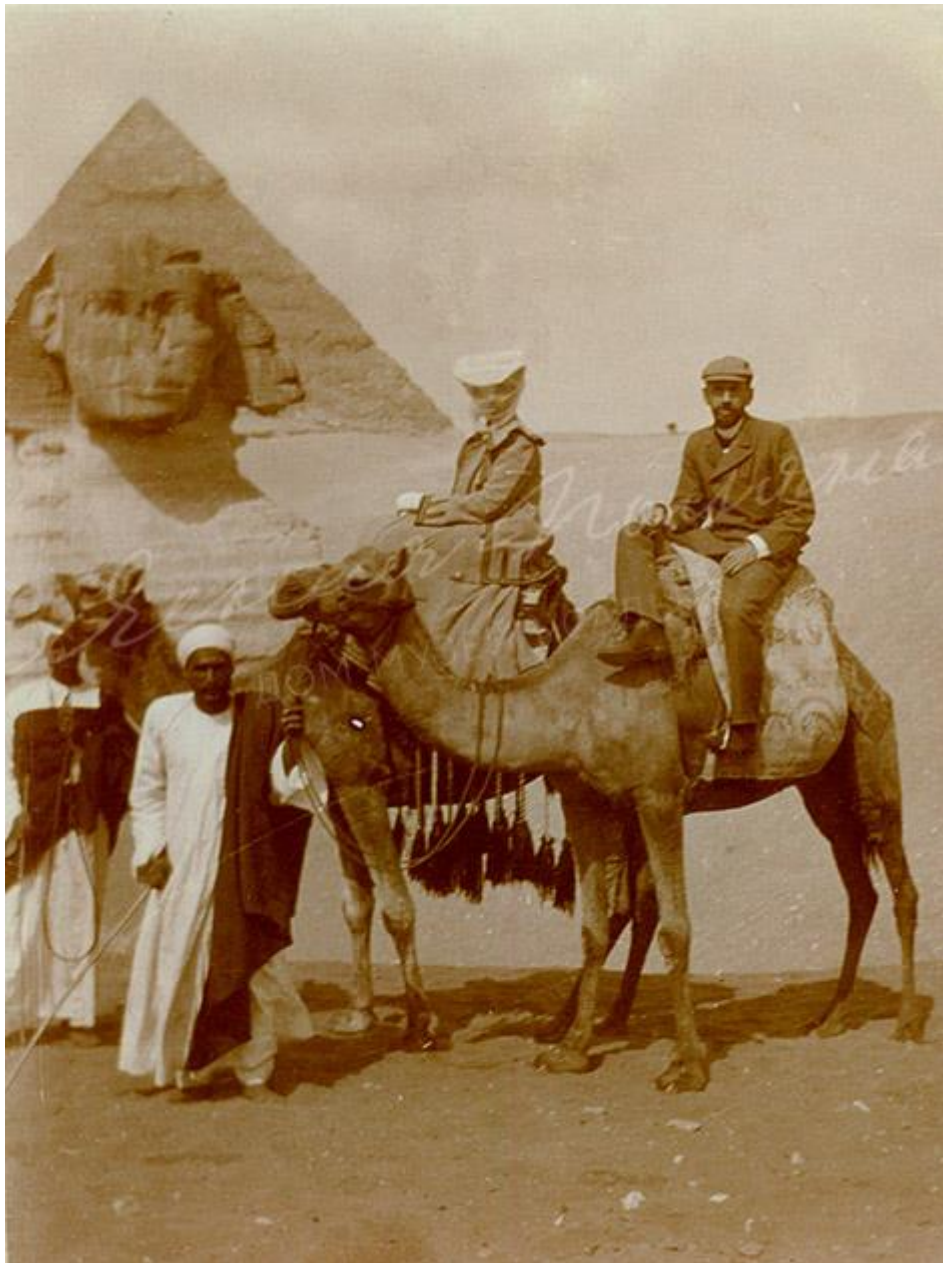

Д.Ф. Толстая в Египте (1904)

Паля и Кита в Египте

(катание на ослике; 1904)

Д.Ф. и Л.Л. Толстые в Египте (1904)

Городок Хелуан ночью охранялся тогда стражниками, которые прежде были теми самыми ворами и разбойниками, от которых теперь они охраняли его.

Сыновья хозяина нашего второго отеля, куда мы переехали после Tewfic'a, мне рассказывали, что летом в Хелуане стояла такая жара, что они питались лишь травой, сидя в серном бассейне курорта. Сам же хозяин был родом грек, служивший долго в России у графа Строганова⁶⁵, от которого, конечно, у него были деньги, на которые он построил свой отель.

В Египте народ принимал меня за богатого англичанина и, определенно, враждебно относился ко мне.

Раз, когда я один заехал верхом далеко в пустыню и встретил проходивший караван, мне надо было пустить моего темно-серого арабского жеребца полным галопом, чтобы удрать от нескольких всадников, повернувших своих лошадей в мою сторону.

В другой раз в арабской деревне меня освободил от обступивших меня и дико кричавших баб мой молодой проводник Магомет. Если бы он не подоспел вовремя, они бы, вероятно, обобрали меня, сколько могли.

Среди зимы, когда Доре стало как будто лучше, я оставил семью в Хелуане, а сам поехал в Верхний Египет посмотреть Луксор и Ассуан⁶⁶.

Самым сильным впечатлением от этой поездки было то, что в Египте до сих пор открыта лишь очень малая часть прежней его цивилизации и что под песками пустыни засыпаны еще несметные археологические сокровища. Нильские пароходики останавливаются в одном месте, чтобы дать пассажирам возможность взглянуть на одинокий храм, стоящий на берегу реки. От этого храма пустыня спускается вниз громадной плоскостью, покрытой песками. Под ними, вероятно, засыпан целый древний город, от которого раскрыт один только храм.

Когда в апреле в Хелуане сделалось нестерпимо жарко, мы быстро собрались и уехали обратно в Россию, решив провести лето в Крыму⁶⁷.

В Александрии мы снова сели на пароход Добровольного Флота, на котором одновременно с нами возвращались в Болгарию красивый болгарин с хорошенькой своей свояченицей.

Они, как дети, сияли счастьем. Больная жена умерла в пансионе немецкого врача, и они теперь были свободны⁶⁸.

Когда пароход отчалил и нам подали вкусный русский обед, то после моей болезни я решил теперь навсегда оставить вегетарианство. Я ел все пять блюд, — включая индюшку и ростбиф, — каждое по два раза<,> и был счастлив, что отделался от моего заблуждения.

Я понял, что пройдут тысячелетия, а люди все еще будут питаться рыбой и мясом животных, и что человек навсегда останется животным всеядным. Он <в>стал на свои две ноги и освободил свои руки вследствие того именно, что должен был питаться всем под землей, в воде и в воздухе<,> и потому, как это ни странно сказать, вегетарианство, с разумной точки зрения, не морально, а аморально потому, что сокращает и губит жизнь человека, то есть драгоценнейший дар мироздания.

Я начал вегетарианствовать не из подражания отцу, а вследствие ложной мысли, случайно мелькнувшей в моей голове. Я шел по аллее

нашего сада в Ясной Поляне, когда вдруг мышь пробежала через аллею и, чтобы не раздавить ее, я отскочил в сторону.

Если, — подумал я, — мне дан инстинкт щадить всякую жизнь, то ясно, что я не должен есть мяса животных!

И эта ложная мысль так крепко засела в моем мозгу, что нужны были болезнь и страдания, чтобы искоренить ее.

Глава 2

Богомолки из Палестины. Купание в Крыму, выздоровление Доры и рождение мальчика с родинкой на лице. В Петербурге во время и после японской войны. Письмо Царю и свидание с ним

Из впечатлений во время обратного путешествия из Египта в Россию очень сильным и неожиданным была встреча с русскими богомолками, которые возвращались домой из Палестины¹.

После того, как целую зиму я не видел ни одной русской женщины, кроме нашей ярославки Саши, а видел только арабок, появление на нижней палубе нашего парохода толпы северных русских женщин, — самостоятельных и свободных, <—> поразило меня, как никогда не виданное зрелище.

Откуда эти поразительные существа?

Если Россия богата такими женщинами, то какое же может быть сомнение в том, что она выдержит какие угодно испытания? Если она — вечный источник таких человеческих сил, то кто же может усомниться в том, что ей принадлежит величайшее будущее?

В эти дни я с такой яркостью почувствовал величие русского народа, что это чувство навсегда и глубоко овладело моей душой. После сухой и безжизненной египетской пустыни и ее населения Россия представилась каким-то чудесным, благословенным краем, истинным раем земным, а народ ее — народом-избранником.

Пребывание в Египте мне было полезно во всех отношениях. Была полезна и моя болезнь, как долгий, очистивший кровь пост.

Дора, хотя и стала свежее, еще не избавилась от своего белка<,> и красивые руки ее продолжали припухать. Тогда я решил окончательно бросить докторов и взяться самому за ее лечение. Веря в купание, я уговорил ее остаться в Крыму и все лето купаться в Черном море².

Мы наняли дачку в Алупке под львиной террасой Воронцовского дворца³ и по три раза в день всей семьей сбегали вниз к морю полоскаться и плавать с дельфинами.

Результат был поразительный⁴. К осени Дора совершенно поправилась, а через девять месяцев родила четвертого мальчика Петю⁵, с родинкой на лице, который действительно принес в семью счастье, как предсказал индус в Хелуане.

Пятилетие с 1904-го года и до 1909-го было для меня самым удачным периодом жизни в том смысле, что в нашей семье не было ни одного горя, даже ни одной неприятности, что материальные дела мои шли успешно и что в общественной и литературной средах на меня стали обращать внимание.

За этот период после Пети родилась совсем легко здоровенькая дочь Нина⁶, а за ней через два года — вторая дочь — Соня⁷, и так незаметно составила та семья, о которой я мечтал.

Паля, Кита, Петя и Нина Толстые

Дети были здоровые и веселые и в нашей просторной квартире закипела жизнь.

Среди них были трое с темными глазами и волосами и двое со светлыми.

В них поразительно верно сказалась моя теория наследственности*.

Брюнеты были более шведы по характеру, блондины — скорее русские. Брюнеты *физически* были похожи на меня, блондины на Дору. Брюнеты были по характерам близки к матери, блондины ко мне.

* См. Книгу III «Lungarno». — Примеч. Л.Л. Толстого.

Странное настроение переживала тогда Россия в период войны с Японией и так называемой первой русской революции 1905-го года.

Я был, как говорил мне отец, в «самом пекле» этого общественного, но не народного движения и видел его близко.

Не могу сказать, чтобы оно оставило во мне светлые воспоминания и, увы, не могу вспомнить ни одной встречи с человеком, который в то время мог бы вывести Россию на светлый путь порядка и обновления.

Все, что делалось тогда, с одной стороны, либералами и революционерами, а с другой — правительством, служило все большему недовольству общества и народа, и, казалось, ничего не могло спасти Россию от роковой катастрофы, к которой она стремительно подвигалась.

Я много писал тогда в газетах и особенно в тогдашнем полуофициозе — «Новом времени», так как все правящее петербургское общество во главе с Царем читало его.

«Новое Время» стало самым влиятельным русским журналом, благодаря уму старика А.С. Суворина, которого я хорошо знал. Но, к сожалению, Алексей Сергеевич не был достаточно культурным и развитым человеком, чтобы понять требования своего времени⁸. Он был консерватором и реакционером, простым дельцом и разбогатевшим, хитрым русским мужиком и не больше других знал, в чем нуждалась Россия. Его газета шла рука в руку с правительством и потому, естественно, приносила больше вреда, чем пользы. Но Суворин все же был в сто раз более прав, чем либеральные еврейские и еврействующие газеты его времени⁹.

В России шла тогда сложная борьба политических и религиозных идеологий, борьба классов, борьба придворная, борьба крестьян с помещиками, борьба рабочих с капиталистами, сектантов с православием, евреев с их гонителями, — и среди этого напряженного настроения внутри страны вдруг разразилась японская непопулярная война, вызванная близорукостью и слабой властью¹⁰.

Весной 1905-го года русская армада была потоплена под Цусимой¹¹ и негодование общества стало всеобщим. Либералы

требовали немедленного прекращения войны во что бы то ни стало¹². Консерваторы без твердой воли и линии должны были идти вместе с ними¹³.

Я не был ни консерватором, ни либералом и судил события свободно, такими, какими они представлялись мне. Я услышал тогда из компетентных источ<ников>, что в Японии не было больше ни амуниции, ни продовольствия и что, если бы Россия продолжила войну, японцы были бы побеждены.

Тогда я напечатал статью в «Новом Времени», в которой писал, что необходимо продолжать войну до победы¹⁴.

Сотни враждебных голосов поднялись против меня за такое мое «реакционное» мнение¹⁵ и в их числе — мой собственный отец, сказавший мне с негодованием, что «можно писать, что угодно, только не за войну»¹⁶, хотя сам он в то же время каждый раз огорчался, что приходили известия о наших поражениях, восклицал в ужасе: «Отдали только <?> 8 пушек! Нет, в наше время дрались иначе!»¹⁷

И вот Витте заключил постыдный «портсмутский мир»¹⁸, последствия которого будут чувствоваться русским народом очень, очень долго.

С самого начала царствования императора Николая II, после «Ходынки»¹⁹ и «бессмысленных мечтаний»²⁰, Россия почувствовала, что пришел конец царскому абсолютизму и что-то новое должно было наступить. Японская война окончательно укрепила это мнение и естественно поощрила революционное движение. В одно прекрасное утро попу Гапону²¹ удалось поднять петербургскую толпу и двинуть ее походом на Зимний дворец.

Я видел это зрелище собственными глазами, видел черноокого и быстрого Гапона, подстрекавшего толпу на Невском проспекте, и чуть не попал под выстрелы с двумя моими мальчиками²², которых в этот день возил кататься по набережной и Миллионной на нашей двухколесной «гиге»²³. На Миллионной улице кто-то из толпы крикнул мне, чтобы я не выезжал на Зимнюю площадь, где стреляли, и я повернул лошадь обратно²⁴.

Все эти события убедили меня в том, что Царь не мог больше править Россией, что ему нужно было созвать Земский Собор²⁵ для решения народных нужд, что надо было действовать быстро в этом духе, и я написал ему письмо, в котором кратко излагал эти мысли²⁶.

Мой отец, которому я показал мое письмо царю, одобрил его и, по-видимому, был доволен моими действиями²⁷.

Знакомый нашей семьи, граф Адам Васильевич Олсуфьев²⁸, в то время свитский генерал, близкий ко Двору, передал мое письмо Царю и сам настолько оценил его, что заказал переписать его в сотнях экземпляров, чтобы раздать его придворным и членам правительства.

Царь прочел мое письмо, и несколько дней позднее мне было прислано приглашение приехать в Царское Село на аудиенцию, которая продолжалась полтора часа²⁹.

Вкратце я говорил Царю следующее: численностью в 2.000 человек Земский Собор будет лучше Думы; составленный из различных классов населения, он, как древнее русское учреждение, точно представит русские нужды. Необходимо реформировать русскую общину и создать мелкого землевладельца-собственника. Следует реформировать православную церковь в рациональном смысле. Следует дать России известные социальные свободы, которые только укрепят, а не ослабят монархию.

Царь внимательно слушал меня и сказал, что он хочет создать парламент «в русском духе» и что для него было важнее всего благо русского крестьянина и все, что до него касается. При прощании со мной он просил меня писать ему.

Но стоило ли говорить ему, и мог ли он внять разумным советам? Не прошло, может быть, месяца после моей аудиенции, как он подписал проект Думы, созданный министром Булыгиным³⁰, той самой Думы, которая похоронила в России не только идею монархии, но погубила самого императора Николая II и его семью. Но она погубила также идеи свободы и морали и вконец ослабила, разорила и одурачила русский народ.

До моего свидания с Царем я послал ему мою книгу «Современная Швеция», которую он прочел и из которой почти целиком взял для своего Манифеста 17-го октября список пяти гражданских шведских свобод: свободу личности, слова, собраний, веры и печати³¹. Но Царь Николай II мало знал и понимал Россию своей эпохи. Он не понял, прежде всего, что не манифестом одним надо было удовольствоваться, а надо было начать на деле перестраивать старые, отжившие русские формы.

В одном из моих писем к нему я советовал, между прочим, реформировать православную церковь³². Этот совет показался царю чудовищным.

Я просил его позднее навсегда удалить Распутина³³; он временно послушался<,> и Распутин был сослан в Сибирь, но через две недели снова возвращен в Царское по просьбе императрицы.

В начале великой войны³⁴ я посоветовал мобилизовать возможно большее количество войск, что было исполнено, и, вследствие этого, когда наши войска, хотя и вооруженные «дубинами вместо винтовок», стали переваливать <через> Карпаты, а русская гвардия вторглась в Восточную Пруссию, немцы должны были перебросить 12 корпусов с западного фронта на восточный, благодаря чему был спасен Париж и дальнейшие операции союзников могли развиваться успешно³⁵.

Голодая позднее в качестве беженца в «столице мира»³⁶, каким именем французы величают Париж, я говорил им, что выходило как будто несправедливо то, что я голодал именно в том городе, спасению которого я содействовал.

— *C'est toujours ainsi, mon vieux!** — утешали французские друзья, а я спрашивал себя, не лучше ли было бы тогда Европе и России, если бы уже немцы заняли современный Вавилон, обратившийся в сплошной кабак и игорный притон.

* Так всегда, старик! (*фр.*)

Глава 3

***Отсутствие русских государственных людей.
Моя газета «Русский народ» и революционеры.
Русские масоны. Мое увлечение театром. Илья Репин***

Когда я оглядываюсь назад на эпоху «первой русской революции», меня поражает прежде всего факт, что во всей тогдашней царской России не нашлось и горсти политически зрелых людей, бывших в состоянии помочь ей¹.

С одной стороны, были бездушные, узкоголовые и невежественные государственные чиновники и военные, которых рождало и питало слабое, разношерстное общество.

С другой — либералы и революционеры, люди более образованные, но крайние и тщеславные, расплодившиеся в таком количестве, что сама идея здоровой и разумной государственности за их крикливой деятельностью была затоптана в грязь и потеряна.

Поэтому, когда настал момент, русские люди бросились в политическую борьбу, сами не зная, для какой положительной определенно цели. И вот ряд политических деятелей — Витте², Столыпин³, князь Львов⁴, Гучков⁵, Миллюков⁶, Керенский⁷ и другие — все один за другим быстро сходят со сцены, не создав ничего. Не зная сами, что можно и нужно было сделать, они, безликие и слабые, исчезали прежде, нежели успевали сделать первый шаг.

Управлять Россией могут только гиганты.

Управлять людьми вообще могут только гиганты духа и разума. Но за последние две-три тысячи лет эта истина забыта народами<,> и гиганты духа и ума не допускаются больше к браздам управления народами и заменены жалкими посредственностями. Слишком много надо было бы сказать, чтобы объяснить это явление. Вкратце, однако, я попробую сделать это.

Во-первых, люди крупные, умные, духовно настроенные сами совершенно незаконно избегают власти. Во-вторых, так как они в меньшинстве, их отстраняют люди крикливые. В-третьих,

парламентаризм послужил в мире еще большему засилию и нахальству посредственностей.

После моего свидания с царем, наблюдая падение двух Государственных Дум⁸ и непрекращавшуюся русскую смуту, я задумал издавать мою собственную национальную газету⁹, так как ни консервативная, ни тогдашняя русская либеральная пресса не удовлетворяли больше лучшее русское общество.

Но так как средств на такое крупное предприятие у меня не было, я решил создать товарищество на паях и начать собирать эти паи немедленно. На первой странице «Нового Времени» я напечатал с этой целью воззвание, в котором звал всех русских людей присоединиться к моему начинанию и предполагал назвать нашу газету «Русский Народ».

Воззвание мое гораздо сильнее, чем я ожидал, подействовало<,> и после появления его почтальон принес на мое имя такую огромную кучу писем, что они не входили в почтовый ящик нашей двери¹⁰. Интересно, что в тот самый момент, когда я рассказывал жене утренний сон, в котором я видел, что мне принесли столько писем, что они не входили в ящик, раздался звонок в передней и почтальон передал прислуге кучу писем в ответ на мое воззвание.

Сотни людей писали, желая войти пайщиками в газету, среди них — <как> простые смертные, <так> и бывшие министры, <и> видные общественные деятели.

Довольно любопытно, что мое воззвание было перепечатано в Москве черносотенным доктором Дубровиным и на улицах раздавалось прохожим на больших печатных листах. Этот правый монархист создал позднее известную реакционную партию «Русского Народа», взяв, таким образом, для нее название задуманной мною газеты¹¹. Само собой разумеется, что я был совершенно другого политического направления как член прогрессивной партии Октябристов, стоявшей за ограничение монархии и проведение социальных реформ¹².

Как октябрист и член влиятельного городского петербургского комитета, я мог попасть сам в Третью Думу¹³ и был кандидатом в нее, но когда я увидел, что по составу своему наша партия была слишком слаба, я послал в центральный комитет заявление, что оставляю ее и бросаю всякую политическую деятельность.

Особенно разочаровал меня тогда русско-японский позорный мир. Заключение его было не только не нужно, но <стало> началом всего того хаоса, в который попала Россия и который продолжается в ней до сих пор.

Рядом с этим <и> пайщики задуманной мной газеты недостаточно поддержали меня¹⁴. Когда же я серьезно стал добиваться помощи правительства, оно отступило назад и взяло обратно свое предложение предоставить мне для печатанья газеты государственную типографию.

В то же время все левые партии с остервенением восстали против меня, а революционеры грозили смертью. За мои статьи в «Новом Времени» я сделался для них опасным реакционером и в анонимных письмах они писали, что «если я, такой-сякой, дурной и подлый сын великого отца, буду продолжать действовать против них, то они без разговоров отправят меня на тот свет»¹⁵.

Один такой революционер поселился в моем доме и приходил ко мне без всякой видимой надобности. Я любезно принял его, не зная, что, в сущности, ему нужно было. Он ушел, не совсем убежденный в моем мракобесии.

В те дни ко мне однажды кто-то протелефонировал по таинственному делу и назначил свидание. Меня приглашали вступить в ряды русских масонов, от чего я категорически отказался, сказав, что мои взгляды препятствовали мне участвовать в какой-либо тайной организации.

Вся эта беспокойная деятельность стала мне не по душе. Я понял, что надо было или совсем отдаться ей и жертвовать для нее всем, даже жизнью, или совсем не касаться ее. Я предпочел второе, о чем теперь, после долгого жизненного опыта<,> глубоко сожалею.

Вместо политики я увлекся театром и написал ряд пьес, которые шли в Петербурге, Москве и провинции.

В моих пьесах, как и других писаниях<,> я не искал одобрения известной клики или класса людей и не держался крайних, легких и легкомысленных идей.

В пьесе «Братья-помещики», например, действующие лица то говорят, что «Россия счастлива иметь столько евреев», то отзываются о них с насмешкой и презрением¹⁶.

Русские евреи никак не могли мне простить, что не все мои герои расхваливали их и что я сам, конечно, не находил их совершенными.

Иногда я собирал друзей у себя на Таврической и читал им мои пьесы. Приезжал и Репин, с которым я был в тесной дружбе¹⁷. Ему понравилась моя пьеса «Один», которую я прочел гостям и в которой герой ее, стараясь следовать идеям Толстого, остается на свете один. Эту пьесу начали репетировать в Петербурге, но почему-то отложили, и она никогда не была представлена¹⁸.

Илья Ефимович Репин был одним из тех замечательных русских людей и талантов, говоривший про себя, что он не талант, а «только работник»¹⁹. В нем было, может быть, меньше духовности, чем в Ге²⁰ и Крамском²¹, но была настоящая русская сила и правда. Она создала «Запорожцев», «Ивана Грозного», «Бурлаков», «Не ждали» и многие другие первоклассные картины. Репин был умеренным либералом, какими были все интеллигентные русские люди той эпохи, но никто не ненавидел больше него все недодуманное, как коммунизм и, может быть, отчасти толстовство. Он обожал отца и преклонялся перед ним как художником, но относился с легким снисхождением к его идеям. Не раз он кратко и скромно, но твердо и убедительно возражал ему со смешком, говоря своим густым внутренним голосом: «Нет, Лев Николаевич, это не так, не так»²².

В моем беженстве я изредка переписывался с Репиным, и вот одно из его характерных писем:

«Милый, дорогой Лев Львович,

Как хорошо весной и на Пасхе получать Ваши письма²³. В них столько таланту, столько блеску.

О, Толстые!

От Апостолова я получил книгу: „Живой Толстой“²⁴. Сколько там жизни! — Даже присные Бирюков²⁵, Гусев²⁶ и другие — хорошие люди, причастные к Толстым, кажутся родными; книга захватывающего, живого интереса; читается и перечитывается без конца. Но ее несчастье, — проклятие, — рабство пролетариата: новая орфография, — это невыносимая гнусность невежества, безвкусица и неудобство для чтения!.....

И эта гадость все еще держится! И есть люди, которые поддерживают новые издания этой безграмотности и никому не нужные неудобства чтения! Какое безобразие без буквы Ъ! Сколько крови испортило мне это невежество!!! Понижение.... Когда же сожгут все это холопское упражнение в культуре?²⁷

Как скоро человек привыкает к мерзости!

И как долго он держится за нее!!!

Подлый раб! ... и т.д.

Простите.

Ваш Илья Репин»²⁸.

Он был истинным моим другом, всегда называл меня «милым» и многому научил меня.

В другом письме он называет меня «все тем же завоевателем», в смысле завоевания идей²⁹. Он выразил этим именно то, что составляет весь смысл и всю радость моей жизни.

Путем горького опыта я завоевал мои убеждения и мысли, которые представляют для меня неиссякаемое богатство, которое никто никогда не сможет отнять у меня.

Может быть, в будущем оно обогатит и других.

Я слишком много думаю о себе?

Нет. Я хочу блага людям, зная больше других, в чем оно*.

* См. Книгу III «Lungarno» и прочтите мою книгу о мире и против войны «*Action Morale*»³⁰. — Примеч. Л.Л. Толстого.

Глава 4

Скульптура и отъезд в Париж. Первые встречи с “Францией”

Проводя почти каждое лето в Halmbyvoda, шведском имении Вестерлунда в Упландии, я все же сильно скучал по России, особенно когда литературная работа не шла и я чувствовал, что окружающие меня условия мне были неблагоприятны во многих отношениях. Семья моей жены была мало развита и мало интеллигентна, особенно в литературном смысле, и мне не хватало духовной и умственной атмосферы, к которой я привык в Ясной. Вот выражение такой моей тоски в одном из моих стихотворений тех годов:

Я все один, окно раскрыто,
И ветер за окном шумит,
Мне грустно, столько пережито,
И на душе тоска щемит.
Чем жить? Скажи мне, ветер южный.
Как мыслить? Ты, Небес простор!
Скажи мне в этот час досужный
И ты, шумящий, старый бор.
Ответа нет, гудит дубрава,
Сосна и ель иглой шуршат.
Ответа нет, — в душе отравы
И цепи узника гремят.

Летом 1909-го года в Halmbyvoda я дошел до такой степени неудовлетворенности и нервности, что в одно прекрасное утро стал вместо писания лепить из глины все, что приходило мне в голову¹.

Началось с того, что из соседней канавы я вырыл синей глины, чтобы занять детей, но, вылепив им куклу, я сам увлекся<,> и это занятие как будто успокаивало меня — прежде всего, с физической стороны.

Сначала я сделал голову русского солдата, потом Пушкина² в юности, наконец, целый бюст в натуральную величину маленького Эрнста Сел<ь>мера, племянника Доры. А когда я сделал голову

старика Эклунда, плотника в Halmbyvoda, а затем голову Эмерсона³, я увидел сам, что к этому искусству у меня были способности, которые, может быть, стоило развивать.

Что<,> если выучиться этому ремеслу<,> как следует? Поехать со всей семьей в Париж, поступить там в Академию и, несмотря на мои сорок лет, сделаться известным скульптором?⁴

Я ухватился за эту мысль и осенью 1909-го года уже усердно работал в одной частной парижской академии на Boulevard Raspail, которая называлась «Cercle International des Arts»*, так как академия Julien еще не была открыта⁵.

Как-то, проходя через мастерские серкла, я был неожиданно поражен странным, никогда еще не испытанным мной в жизни впечатлением. Сначала я не мог понять, что, собственно<,> случилось со мной. Мне показалось, точно какая-то громадная, никогда еще не виданная область света вдруг открылась передо мной и ослепила меня, как в сказке. Что же такое случилось со мной? В первый раз в жизни я увидел перед собой ту женщину, тогда еще девушку, которую я потом любил больше себя, больше семьи, больше самой жизни. Многие люди смеются над тем, что любовь может загореться с первой встречи. Смешно не это, а утверждение обратного.

У чутких людей истинная любовь начинается всегда с первой встречи потому, что первое их впечатление всегда верное и токи умственного и духовного родства, влекущие людей друг к другу, иногда настолько чувствительны и сильны, что достаточно одного взгляда, чтобы это родство стало несомненным.

Проходя через одну из мастерских, я увидел девушку с бледным и серьезным лицом и густыми темными волосами, старательно лепившую маску Бетховена⁶. Она была в серой клетчатой юбке и белой шелковой блузке, небольшая ростом, хорошо сложенная<,> с красивыми сухими руками и приподнятыми круглыми плечами.

Она слегка обернулась в мою сторону<,> и я встретил умный и строгий взгляд ее быстрых глаз. В углу мастерской сидела старая дама с ручной работой в руках.

Когда в тот вечер я вернулся домой, я почувствовал, что вся моя прежняя жизнь и все, что окружало меня, вдруг потеряло для меня

* «Международный центр искусств» (фр.).

всякое значение. На свете не было ничего, кроме образа еще не знакомой мне девушки, имени и происхождения которой я не знал.

Но это была она, наверное она, та, которую я жадно искал всю жизнь, которую я ждал и о которой мечтал с самого детства. И чувство глубокого волнения и счастья и в то же время страха охватило меня, когда на следующий день вечером я снова входил в Cercle International, надеясь, может быть, познакомиться с ней.

В этой академии, как и в других, были вечерние классы рисования с натуры, на которые приходили многие любители. Среди них был французский доктор из Пастеровского института⁷, с которым я был знаком после моих визитов к физиологу Мечникову⁸.

Случилось так, что этот доктор знал девушку, лепившую маску Бетховена, и как раз в тот момент, когда я входил в залу, беседовал с ней.

Во время перемены, когда молоденькая озябшая модель пошла греться за ширмой, я поздоровался с доктором и попросил его представить меня девушке⁹, что он сейчас же и охотно исполнил.

С ней сидела еще и ее мать, красивая и стройная, на вид — истинная аристократка, еще моложавая и живая. Что-то старобарское и даже русское было в ее грациозной фигуре и манерах¹⁰.

Прошли десятки лет с того вечера, но до сих пор, несмотря на все то, что я пережил, несмотря на все мои страдания и разочарования, несмотря на громадное расстояние, разделяющее меня от милой «Франции», несмотря на тридцать два года жизни с той минуты, когда в первый раз я услышал голос Жизель и плечом коснулся ее плеча в то время как мы, сидя рядом, рисовали и переговаривались, — я люблю ее больше всех женщин на свете и повторяю здесь то, что всегда говорил ей, — что только она одна была моей истинной, посланной мне женой перед небесами, «devant les Cieux»*.

Почему? Que sais je?!** Но это было так. В моем чувстве к ней было то глубокое, бесконечное, как вселенная, сознание любви к жизни, к полной<,> громадной человеческой жизни, все обнимающей и все

* перед небесами (фр.)

** Кто знает?! (фр.)

понимающей, всячески и безгранично богатой и свободной, светлой и прекрасной, которую только вместе с ней мы могли развить и прожить.

И я потерял голову.

Только два раза в жизни это случилось со мной.

В начале любви и в начале великой войны.

И два раза я был готов жертвовать жизнью для победы, но два раза был побежден не по одной моей вине.

Безумный Ницше говорил, что закон должен был бы запрещать браки по любви¹¹, а я скажу, что следовало бы запрещать браки без истинной любви, ибо без нее нет истинной жизни. Вопрос в том, что называть любовью. Настоящая<,> самая сильная любовь та, в которой встречаются и сходятся все три одинаково развитые сущности человека — душа, интеллект и тело, стремясь еще бесконечно совершенствовать их в потомстве. Это сочетание бывает только в редчайших случаях. Но уже при умственной близости браки могут быть счастливыми, что при одном физическом влечении невозможно. Такие браки, которых большинство, не дают ничего гармоничного и значительного.

С первой же встречи наших взглядов, наших слов и мыслей я почувствовал, что с Жизель, или “Францией”, как прозвал ее скульптор Rodin¹²<,> у нас все было общее или, во всяком случае, *могло бы* быть.

— On souffre toujours*, — говорила она тихим голосом, когда речь шла о трудностях и лжи жизни.

— Музыка? Нет, — решала она с грустью, — она только расстраивает душу и нервы. Я люблю ее, но не хочу ею заниматься.

<Это были> те же чувства и мысли, которые я сам испытывал. Но и поступала она так же, как я. Как и я, она предпочла самое благородное и чистое из искусств, — скульптуру. Как и я, она увлекалась ею, как и я, она искала счастья.

* <Люди> всегда страдают (*фр.*).

“Франция”! Дорогая моя “Франция”, тихая и глубокая, вот почему я так безнадежно и болезненно-страстно полюбил тебя и люблю до сих пор.

“Франция”! <Ты> — часть меня самого. В тебе то же, что во мне, — общее наследие веков, так как и в твоих, и моих венах течет та же древняя кровь великих вождей человечества. Ты сама рассказала мне, что твой дед со стороны матери был одним из членов русской царской семьи¹³, и ты знаешь, что мои предки были когда-то первыми русскими князьями и правителями¹⁴.

Ты была француженкой, я <—> русским, но я нашел в тебе громадную часть себя, как и ты нашла во мне часть тебя самой, величайшие драгоценности и дары древней общей наследственности. Громадное счастье было уже во встрече этой многовековой наследственности, счастье, которое мы недостаточно сознавали тогда.

Страшная буря разбушевалась в моей душе, опрокидывая все на своем пути.

Я умел любить, я любил любовь в ту эпоху, может быть, больше всего на свете, я не мог и не хотел противостоять страстям и умерщвлять их при их зарождении. Я не был достаточно силен, слаб или мудр. Можно так или иначе смотреть на наши страсти, но несомненно одно, что они даны нам не для страданий, а для счастья, они даны как средство для его достижения, и если бы мы смотрели на них с этой точки зрения, они всегда были бы нам в пользу.

Но я был женатый, семейный человек сорока лет, с пятью детьми и серьезными обязательствами перед ними, которые по общественной морали нельзя было отбросить. Моя страсть поэтому была для меня также источником страдания, которое, казалось, нельзя было устранить.

Хочется скорее перескочить через эти годы, но без них моя жизнь была бы далеко не полной и никто бы не понял меня. Изложу поэтому в общих чертах главные события и чувства этой драмы.

Я любил Дору и детей совсем другой, холодной и северной, рассудочной любовью и, так как вся моя жизнь была связана с ними, я сразу не мог представить себе возможности легко разорвать эту связь.

Но, с другой стороны, порвать с моей новой “жизнью” было для меня равносильно смерти. Несколько раз я хотел броситься в Сену и, чтобы вернее покончить с собой, я воображал себе двойное самоубийство — одновременно с падением с моста пустить себе пулю в сердце.

Я как-то сказал об этом Жизель, которая с волнением следила за моими переживаниями.

— Pourquoi?* — прошептала она тихо. — Вам надо стать свободным и вернуться ко мне.

Она замолчала, точно испугавшись того, что сказала. Она не представляла себе тех моральных страданий, через которые я должен был пройти, если бы развелся и оставил семью, — но она ясно видела, что только после развода и несмотря ни на какие страдания мы могли соединиться.

Дома на Place St. Jacques** шла в это время правильная семейная жизнь, далекая от того, что происходило во мне¹⁵. Дора ничего не подозревала, хотя я сказал ей, что я встретил в академии девушку, которая мне нравилась. Она как будто не обратила на это никакого внимания¹⁶.

Я перестал спать, обдумывая тысячи раз мою жизнь, и по ночам иногда, как сумасшедший, вскакивал на колена и горячо молился Богу, прося Его помочь мне и так или иначе соединить мою жизнь с жизнью Жизель.

Дора спала в той же комнате, а дети рядом.

В ту зиму, кроме академии, я работал еще у Родена, тогда <бывшего про>славнейшим скульптором мира. Я носил ему мои вещи в Palais Vignon¹⁷, и он давал мне советы¹⁸.

— Il faut chercher les profondeurs de la Nature***, — говорил он мне важным тоном.

* Почему? (фр.)

** Площадь Св[ятого] Жака (фр.)

*** — Надо искать глубины природы (фр.)

— Il faut tourner tout autour de vos oeuvres*.

— Il faut six mois pour faire un buste**.

Мы подружились с ним, и я однажды спросил его, могу ли я привести к нему моих знакомых, имея в виду “Францию” и ее мать.

— Конечно, — обрадовался он, — это же одна из самых богатых и влиятельных семей Франции.

И он назначил мне день, когда мы могли приехать.

Жизель была в полном восторге, когда в назначенный день вместе с матерью она заехала за мной в Cercle и в первый раз я сел с ней рядом в их автомобиль. Как ребенок, она запрыгала от радости, глядя то на меня, то на мать.

Rodin встретил нас любезно и повел по залам дворца, где были расставлены его мраморы.

Глядя на нас, он вдруг спросил мать Жизель:

— Ils se sont rencontrés?***

Но она ничего не ответила ему.

Моя жизнь в Париже раздвоилась и стала сплошным мученьем. Я чувствовал себя бесконечно виноватым перед семьей и женой, тайным преступником перед ними, но моя любовь была настолько искренна, что мне и в голову не приходила возможность побороть ее. В ней только было мое счастье, которое я хотел удержать во что бы то ни стало¹⁹.

Такое положение длилось больше месяца и настолько ослабило мои нервы, что я был готов на все <и хотел> сказать Доре всю правду, даже если бы это убило ее. Как-то после завтрака, когда я остался с ней один, я неожиданно

для себя самого прямо объявил ей, что очень серьезно полюбил одну девушку и больше не могу оставаться с семьей. Я сказал это так быстро и решительно, что бедная ошеломленная Дора сначала не знала, как ей следовало отнестись к такой дикой жестокости. Несколько

* Все должно вращаться вокруг Ваших работ (фр.).

** Требуется шесть месяцев, чтобы сделать бюст (фр.).

*** — Они встретились? (фр.)

секунд, бледная, она молчала, потом вдруг, как зверь, бросилась на меня, стараясь, как кошка, исцарапать мне лицо. Я задержал ее, взяв за кисти рук, и вышел из комнаты, заперев за собой дверь. Но она кинулась за мной и с такой силой нажала на дверь, что вышибла ее с замком из петель. Она опять налетела на меня, стараясь схватить за горло.

Я напрасно старался успокоить ее. Она была вне себя.

Я должен был оставить ее одну на целый вечер, надеясь, что она успокоится²⁰. Дальше жить в этих условиях было невозможно.

Надо было уехать куда-то, надо было как-то выйти из тупика, в который неожиданно загнала меня жизнь.

И я решил уехать на время в Америку²¹, чтобы проверить себя, а главное, не видеть больше страданий двух женщин, виной которых я был²².

Глава 5

Первая поездка в Америку¹. Несчастливая «Лузитания». Trenton*, Бостон и Вашингтон. Президент Тафт. Эдисон. Wellesley College**. Телеграмма из Парижа

Из Ливерпуля в Нью-Йорк я ехал на несчастной «Лузитании», впоследствии стоившей американскому народу сотен тысяч человеческих жизней².

Кто думал тогда о возможности мировой войны и кто думал после нее о неизбежности новой среди пассажиров трансатлантических роскошных гигантов?

Среди Атлантич<еского> океана нас застала страшная буря, продолжавшаяся трое суток. Сначала я не хотел поддаваться ей и один из последних бродил по пароходу, борясь с усталостью. Но к вечеру началась такая качка, что приходилось нагибаться под углом в 45° против каждого крена, чтобы не быть отброшенным в сторону. Я решил выйти на палубу, вдохнуть свежего воздуха, но свистевший ярим свистом ветер с такой силой захлопнул на меня двери, что я полетел вниз по лестнице, хватаясь за перила. Кое-как я добрался до моей каюты, бросился на койку и уже больше не поднимался до утра.

Когда мы подходили к Нью-Йорку, я вышел на палубу, где капитан рассказывал пассажирам, что он никогда еще за свою жизнь не бывал в таком урагане. Волны согнули толстые железные листы, окружавшие верхние палубы парохода, и местами сорвали и унесли с собой перила.

Все же «Lusitania» была быстроходной.

Мы переплыли океан в 5^{1/2} суток, что до сих пор почти рекорд.

Но вот и Статуя Свободы³, небоскребы громадного города, а слева — бесконечная линия нью-йоркского порта, утопающая в синеющей дали берега.

* Трентон (*англ.*) — университетский город, административный центр штата Нью-Джерси, порт на реке Делавер.

** Колледж Уэллсли (*англ.*).

Мы подходим все ближе<,> и пассажиры вышли из кают. Среди них две девушки, которые с любопытством смотрят на меня. Не они ли те американки из Питсбурга, знакомые Жизель, о которых она мне говорила?⁴

Я знакомлюсь с ними, и мы говорим о буре, о Париже, наконец, о Жизель.

— Не правда ли, какая она привлекательная девушка? — спрашивает меня одна из них.

— Очень, — отвечаю я. — Вы давно знаете ее?

— Да, но как жаль, что мы с вами не познакомились раньше.

На пристани Нью-Йорка меня встречает мой знакомый из Trenton<'а> — Mr. Hill⁵, с которым я однажды сделал путешествие между Стокгольмом и Петербургом и который теперь пригласил меня остановиться у него в доме⁶.

У Hill<'а> была скромная и тихая жена и двое детей — сын и дочь, которых я тоже видел на финском пароходе.

Я никого не знал тогда в Америке, кроме этой семьи, поэтому был рад быть среди хороших людей.

Маленький рыжий человек встретил меня на таможне и увез в Trenton на собственном роскошном автомобиле.

У Hill<'а> была дача, множество участков земли вокруг города, своя пекарня, своя контора продажи и покупки земли, и, по-видимому, весь город знал и уважал его.

Супруги Hill приняли меня с совершенно непонятной для меня добротой. Я спал на пуховом матрасе в комнате их дочери Dorothea, которой не было дома. Кормили меня на убой. Приглашали для меня лучших людей в гости. Возили всюду: в Нью-Йорк, Бостон и Вашингтон.

Между прочим, Hill хотел познакомить меня тогда с Вильсоном, который был губернатором его штата и который, по его словам, будет президентом⁷. Но эта поездка наша не состоялась.

Вспомню кратко впечатления от первого знакомства моего с Америкой.

Гостеприимство; званые обеды и вечера; театры и опера; Wall Street⁸; банкиры Морган⁹ и Clews¹⁰; крикливая биржа¹¹, жадные люди смотрят на цифры биржевых цен.

Небоскреб «Times'a»¹², верхние этажи которого медленно качаются. Wool Word building¹³; здание «Утюга»¹⁴; Музей¹⁵ и Библиотека¹⁶; Broad Way¹⁷ и Fifth Avenue¹⁸; еврейский, негритянский и китайский кварталы; рестораны Childs¹⁹; большие магазины «одной цены»²⁰; бесконечные линии желтых автобусов, не могущих двигаться свободно; стальные вагоны поездов; мраморный вокзал Пенсильвании²¹; негры и негритёнки в очках; сельдерей в стаканах ресторанов; Central Park с ужасными, безобразными бюстами²²; широкая река с пароходами и бесконечный однообразный лихорадочно выросший город.

В Бостоне — храм, газета и люди новейшей религии <средних?> классов — Christian Science, и опять — званые обеды, чай и вечера²³. Вот красавица жена одного миллионера, который сидит в сумасшедшем доме²⁴. Вот переводчик сочинений отца — милейший человек, который показывает меня своим друзьям как диковинку²⁵.

В Вашингтоне Тафт принимает меня в Белом Доме²⁶. У него болят глаза и он в черных очках. Спрашивает, как мне нравится Америка, долго ли я пробуду. Говорит, что глаза его беспокоят. Потом завтрак с блестящей, красивой Алисой Longwork²⁷, дочерью Теодора Рузвельта²⁸, потом визит к Эдисону, который показывает мне свои мастерские и, между прочим, готовые разборные домики для рабочих из цемента.

Эдисон в легком сером костюме и говорит мне, что круглый год надо носить легкую одежду, чтобы давать доступ воздуха к коже. Он гордится своим граммофоном, который считает одним из полезнейших изобретений, и показывает новые ролики для запечатления на них живой речи и для диктовок²⁹.

У Эдисона был сын, как сказал мне Hill, который разматывал его состояние³⁰.

Однажды в Нью-Йорке, на большом вечере в Бруклине, мой знакомый<, > французский барон Destournelle Constant говорит речи против войны. Меня просят тоже сказать несколько слов, и я в первый раз в жизни говорю публично.

Destournelle Constant был человеком искренним и идейным. Ему справедливо присудили Нобелевскую премию Мира³¹.

— Il faut se jeter à l'eau*, — поощряет меня барон перед тем, как я вбегаю на эстраду.

После наших речей две красавицы<->американки танцуют передо мной национальные танцы Виргинии. Одна другой лучше, они шутливо кокетничают и заигрывают со мной, и одна бросается рядом со мной на диван и почти обнимает меня.

— Напрасные усилия! — кричит ей другая. — У него сердце зашито! Занято! Это видно сразу!

Я посещаю также женское училище Well<e>sley College³², где училась дочь Hill<'a>³³. Я не видал ее с тех пор, как мы вместе ехали в Стокгольм из Петербурга. Тогда она была еще девочкой³⁴, теперь <—> взрослой серьезной девушкой с кротким, милым лицом. Она крепко жмет мне руку и краснеет, глядя мне в глаза.

В ее колледже я встречаю молодую русскую еврейку, которая горько жалуется мне на порядки и поверхностность американского образования.

Так знакомился я с Америкой и еще не думал о возвращении в Париж, когда я неожиданно получил телеграмму из Парижа об опасной болезни моей жены³⁵.

* Надо бросаться в воду (*фр.*).

Глава 6

Болезнь Доры. Жизель стала другой.

Ясная Поляна в последнее лето жизни отца. Горе моей матери. Завещание отца и его отношение ко мне. Меня судят в Петербурге. Бегство отца из Ясной Поляны и его смерть

Не помню ничего из моего путешествия обратно в Париж на сестре «Лузитании» — «Мавритании», до такой степени я был встревожен болезнью жены и тем, что ожидало меня в семье¹.

Что если Доры уже нет в живых, и мои пятеро детей лишились матери?

Помню только, как, наконец, я вбежал в нашу квартирку и увидел живую Дору, лежавшую на низкой кушетке в гостиной и окруженную озабоченными и смущенными детьми. Что случилось? В мое отсутствие она выкинула четырехмесячного ребенка и была настолько серьезно больна, что друзья решили вызвать меня.

Уезжая, я не знал о ее новой беременности и теперь только, глядя на ее кроткое и бледное лицо, я почувствовал всю мою чудовищную вину перед ней. Вследствие душевных волнений, покинутая мною, она не могла или не хотела иметь еще ребенка.

Это неожиданное событие на время отрезвило меня, и я окружил Дору добротой, вниманием и лаской.

Очень скоро она совершенно поправилась, и наша жизнь пошла по-прежнему². Я не ходил больше в Cercle и старался не думать о Жизель. Но как-то раз вечером, в час вечерних кроки*, чувствуя то ничем не объяснимое беспокойство души, кот<орое> зна<комо> все<м,> жившим в Пар<иже>, я не выдержал<,> и, ясно сознавая, что, несмотря на все происшедшее, моя любовь к “Франции” оставалась для меня центром всей моей жизни, я, как преступник, возвращающийся на место своего преступления, решил пойти в Cercle, чего бы мне ни стоил этот шаг. Я еще ни разу не был в серкле <после приезда>. Нужно было так или иначе кончать это мучение.

* croquis — набросок, беглая зарисовка карандашом с натуры (*фр.*).

Я нашел Жизель в одной из мастерских<,> стоявшей у колонны<,> одну, с папкой и карандашом в руке. Меня поразило ее еще более побелевшее, измученное и строгое, как после тяжелой болезни, бесконечно милое и задумчивое лицо.

Я подошел к ней и робко поздоровался. Она холодно ответила мне, как чужому, не протягивая руки, и я понял ее без слов. Она не хотела больше видеть меня, потому что узнала о моей семейной драме. В мое отсутствие кто-то приходил к нам в дом и подробно расспрашивал консьержку о моей семье. Вероятно, это был частный сыщик, посланный Жизель или ее родител<ями>.

Чувствуя, что все было кончено между нами, и не зная, как отнестись к новому глупому положению, я неловко сказал ей, что Америка была слишком близко для того, чтобы можно было забыть о прошлом. Она ничего не ответила и отошла от меня, стараясь казаться равнодушной.

Я еще раз подошел к ней и глухо, быстро проговорил ей то главное, что я хотел ей сказать:

— Простите и поверьте, что я люблю вас одну и буду любить одну до конца жизни. Все это и для меня было неожиданностью.

Она зло блеснула черными глазами, повернулась ко мне и бросила мне с презрением:

— Мужчина не ухаживает за девушкой, когда жена его ждет ребенка! Прощайте, я не хочу больше видеть вас.

Она отвернулась и быстро пошла в большую мастерскую.

После этой сцены жизнь моя помрачилась и глухая постоянная боль стала терзать мое сердце. Каждый день и каждую ночь, каждую секунду Жизель была со мной, но жизнь без свиданий с ней стала для меня кладбищем. Она перестала ездить в Cercle и совершенно исчезла из моих глаз. Как сумасшедший, я стал искать ее всюду: в концертах, на выставках, на улицах и в академиях. Но нигде и никогда не мог ее найти.

— Дальше жить так невозможно, — думал я, — прошлая моя женатая жизнь потеряла для меня всякий смысл и, если я хочу идти

вперед и ищу истинного счастья, то, несмотря ни на что, мне все же нужно развестись с женой и пытаться опять сойтись с Жизель.

Почему-то я верил в глубину и серьезность ее чувства, когда вспоминал ее решительный совет развестись и вернуться к ней, и мне казалось, что только это было единственным разумным выходом. Но тогда она, может быть, не знала, что я отец пяти детей; м<ожет> б<ыть>, этого уже довольно для того, чтобы она больше не думала обо мне.

Я мучился, как никогда прежде, не в силах <ни> решить жизненной задачи, ни <продолжать> мои обычные занятия³.

Пришла весна 1910 года. Надо было отвезти семью назад в Halmbyvoda, надо было ехать в Ясную повидать родителей, надо было заняться моими делами в Петербурге. В конце июня <я уехал> один в Петербург, где прежде всего попал в Синод справиться о возможности и процедуре развода.

Обер-прокурор Синода Саблин дал мне все справ<ки>⁴. Развод возможен, он возьмет около года и не будет слишком дорог.

Тогда я написал длинное письмо Жизель, умоляя ее ответить мне, как она отнесется ко мне, если я<,> свободный<,> вернусь, и я с волнением стал ждать ее ответа.

Из Петербурга я проехал в Ясную, как всегда, радуясь пожить с родителями⁵. Но то, что я нашел там, ввергло меня в великое недоумение и грусть⁶.

Первое время я не мог понять, что случилось. Отец поразил меня своим подавленным настроением; мать — своей нервностью и внутренним страданием, отраженным на всем ее существе.

Отец потерял память, не узнавая даже своих семейных; говорил странные вещи; спрашивал, где был его брат Митенька, умерший 50 лет назад⁷; ко мне <он> отнесся открыто враждебно без всяких причин с моей стороны, и это после наших «слез любви», о которых он писал мне в одном из своих последних писем⁸.

4 июля он записал в своем дневнике следующую злую мысль обо мне: «Лева приехал. Небольшой числитель, а знаменатель ∞»⁹.

Он хотел сказать этим, что я громадного о себе мнения, что совершенно верно, но что я ничего не стою, что тоже справедливо.

Я стал ему почему-то крайне неприятным, хотя относился к нему с обычным вниманием и мягкостью. Но так как во всей тогдашней семейной драме я стал всецело на сторону матери¹⁰ и, глубоко жалея ее, беспокоился за ее жизнь, отец не мог простить мне этого. К тому же Чертков в своих письмах к отцу всячески чернил меня¹¹.

Все семейные, окружавшие мать, начиная с самого отца и сестры Саши¹², казались тогда ее открытыми врагами, несправедливо осуждая ее, одинокую и больную, и взваливая на ее плечи всевозможные страшные и ложные вины. Они дошли до того, что были готовы серьезно признать ее сумасшедшей и посадить в сумасшедший дом.

Среди осуждавших ее, увы, была и моя старшая сестра Таня, которая несправедливо тоже видела в матери урожденную истеричку¹³. Один только покойный брат Андрей, честный и прямой, вместе со мной горячо жалел мать и сочувствовал ей¹⁴.

Ни один добрый и разумный человек не мог бы отнестись к ней иначе, и можно только удивляться, как могли мой старший брат и сестры не видеть, где была настоящая правда. Они настолько привыкли с детства считать отца непогрешимым и быть постоянно под его влиянием, что и в этом случае, хотя он был кругом и очевидно не прав, они были на его стороне.

В чем же состояла трагедия Ясной Поляны 1910-го года и почему и как последние дни отца покрылись моральным мраком и грязью вместо того, чтобы стать духовным светом, как бы подобало? Ответ не сложен.

Отец ослабел телесно, умственно и духовно. Мозг его больше не работал нормально, кровообращение становилось трудным и по временам он из последних сил боролся со своими недугами, чтобы как-нибудь продлить жизнь.

Перед бегством он был несколько раз серьезно болен, лежал в жару и в судорогах; терял сознание, бормотал несвязные слова. Он был в таком состоянии почти все то лето и всю ту осень, вероятно, чувствуя близкий конец. Поэтому он легко и всецело, как ребенок, подпал под влияние своего ученика и «духовного» друга Черткова, который внушил

ему, во-первых, что ему надо отдать права на все свои сочинения в публичное пользование. Из тщеславия Чертков хотел редактировать сочинения отца после его смерти и быть, так сказать, его духовным наследником. Во-вторых, <Чертков> уверил его, что ему надо было оставить Ясную, жену и семью и кончить жизнь в уединении, в согласии со своими взглядами. В-третьих, что все семейные его, особенно его жена и сыновья, — дурные, злые люди и его злейшие враги, заслуживающие всякого презрения, а что он, Чертков, один достоин его любви.

В этом смысле Чертков долго и упорно «обрабатывал» расслабленного старика, чтобы стать якобы его спасителем от того «ада», в котором он жил в Ясной Поляне, с «убивавшей его сумасшедшей и сумасбродной женой», которая, как говорил Чертков, думала только о деньгах и не могла понять глубины толстовства, как понял их он, умный Чертков¹⁵.

Вот <и> вся простая, в сущности, жалкая история последних месяцев жизни отца.

Он всю жизнь легко поддавался влияниям, не имея критического чутья, а теперь <,> больной, впавший в детство, потерявший память, как он сам признается в дневнике¹⁶, он окончательно поддался Черткову, и <сделал он это> под его угрозами, что в случае отказа Льва Николаевича написать завещание в той редакции, какую предлагал Чертков, он не будет заниматься после его смерти драгоценным редактированием его писаний. Тогда отец, тайно от семьи, жены и сыновей, сидя в лесу на пне, подписал завещание, по которому все права на его сочинения были отданы младшей дочери Александре с тем, чтобы она не противилась изданию их всеми желающими и во всех странах света и предоставила Черткову право их редактировать. Он не мог написать завещания «обществу» или «публике», так как такой юридической единицы по русским законам не существовало¹⁷.

В те дни, когда вся эта грязь происходила кругом меня, я жил в Ясной и лепил бюст матери¹⁸, не желая вникать в происходящее и не понимая еще хорошенько всей той таинственности, которой была окружена жизнь отца. В эти дни приезжал из Москвы для составления тайного завещания русский адвокат Муравьев¹⁹. В эти дни сестра Саша лгала матери, осуждая и ненавидя ее²⁰. Ежедневно происходили тяжелые сцены между стариками родителями.

Я лично ничего не знал о завещании, лишавшем нас законного наследства²¹, и не хотел знать о нем потому, что, помимо того, что мне противно было вмешиваться, у меня в те дни было мое личное состояние, которое я увеличил в пять раз, и потому для меня было почти безразлично, было ли завещание или не было²². Меня глубоко возмущала, однако, жестокая и гнусная ложь, царившая в семье, жертвой которой сделалась правдивая мать, и так как я был один, видевший это, я продолжал держаться от всего этого в стороне. Странно сознавать теперь, что только моя мать одна была права во всей этой материальной<,> недостойной суете якобы «духовных» людей<, →> и она одна была нормальна и моральна при всей своей нервности и страданиях, а все другие были ненормальны и грубо материальны.

<Да и> как и не быть по временам нервной, когда человек, которого она любила 48 лет и которому отдала всю свою жизнь, вдруг вместе с чужим и дурным человеком, якобы «духовным» братом, именно в самом грубо материальном деле, как законное<,> официальное, да еще тайное завещание, изменял ей и скрывал от нее, путем прямой лжи, свои поступки, направленные против нее и семьи? Она же сама содействовала тому достоянию, которое потерявший рассудок старик ни за что отдавал чужим людям! Она же вдохновляла отца, когда в продолжение долгих лет, сидя ночи напролет, переписывала ему создавшие его славу романы.

Я не осуждаю отца. Нельзя осуждать человека, не узнававшего своих и жившего в полном умственном тумане. Он действовал, как ребенок. Но я не только осуждаю Черткова, но на вечные времена проклинаяю его память и имя²³.

Прожив в Ясной около недели, 6-го июля вечером я позвал его в свою комнату и сказал ему, что, так как его присутствие в нашем доме мучительно для родителей, я просил бы его прекратить свои посещения. Сначала<,> удивленный, он не знал, что возразить. Но потом вдруг рассердился и стал говорить мне дерзости.

— Ты же сам останешься в дураках! — крикнул он мне со злой усмешкой.

Я спокойно еще раз попросил его перестать ездить в дом.

— Хорошо, но ты же сам останешься в дураках, — повторил он, глупо смеясь и намекая на завещание. Завещание казалось ему, конечно, гораздо более важным делом, чем страдания моих родителей.

Тогда и я серьезно рассердился на него, как это бывает со мной не часто. Я стал кричать и готов был силой вытолкать его из комнаты и из дома²⁴.

— Идиот! — кричал я ему. — Все же знают, что ты дурак и идиот! Оставь меня сию минуту.

Он глупо улыбнулся и молча вышел из комнаты.

После этой сцены он временно прекратил бывать в Ясной²⁵, но они виделись с отцом тайно в лесах.

В то лето по соседству с Ясной жил на даче еще один толстовец, пианист, тщеславный и несимпатичный еврейчик Гольденвейзер, музыкант и шахматист. Позднее в Советской России он сделался, конечно, важным директором Московской консерватории²⁶. Он иногда ездил с отцом на верховые прогулки, так как за последнее время отца больше не пускали одного.

Как-то Гольденвейзера не было в Ясной и я в качестве няньки поехал с отцом²⁷. На казенном лесном отводе Засеки нас захватил теплый июльский ливень, и мы оба слезли с лошадей и встали рядом на крылечке забытой и пустой лесной сторожки.

Отец, беспокойный и жалкий, стоял со мной плечом к плечу, не говоря ни слова и избегая моего взгляда. Не дождавшись конца дождя, он влез на лошадь и рысью поехал дальше. На другой день, когда опять подали лошадей и Гольденвейзер в сапогах и с хлыстом в руке вышел на крыльцо, я вышел из дому вместе с отцом.

Гольденвейзер подошел к своей лошади.

— Нет, нет, — сказал ему отец недовольно, — пусть со мной едет Лева!

Но, огорченный его вчерашним отношением ко мне, я сказал смущенно:

— Гольденвейзер уже одет. Пусть он едет с тобой²⁸.

Так бывает в жизни. Люди тонкокожие и гордые не могут переделать себя и, что бы ни было, живут, движимые своей душевной чувствительностью.

«Гольденмолден», как мы называли в семье Гольденвейзера, был, конечно, «сильнее» меня<,> и я должен был преклониться перед его «силой»²⁹. Он, друг Толстого и его семьи, не задумался быть свидетелем завещания отца, тайно от семьи, может быть, тогда уже подписанного.

Чтобы не забыть, записываю здесь еще некоторые интересные подробности о том, до какой степени наивно и по-детски отец подпал в то время под влияние Черткова. По совету своего друга<,> он коротко обстриг бороду, что совсем не шло ему. По утрам при открытом окне он голый ходил по комнате. Чертков внушил ему, что он еще бодрый старик и, уехав от жены, он еще проживет долго.

Чтобы не зависеть больше от моей матери, он стал сам заказывать свои вегетарианские обеды, что, конечно, было для нее глубоким огорчением. Она заботилась о пище отца 48 лет.

Меня в своих дневниках отец вдруг стал называть «Лев Львович», чего никогда не делал раньше³⁰.

«И ужаснее всего был Лев Львович. Он кричал на меня, как на мальчишку, и приказывал идти в сад за Софьей Андреевной».

Я никогда в жизни не кричал на него³¹, а только горячо и громко сказал, чтобы он сам пошел за матерью, которая, обманутая, несчастная и несправедливо оскорбленная им, лежала на земле в саду. Я сказал отцу, что только он, ее муж, может утешить ее.

Он встал и виновато пошел в сад.

Потом, дальше, 16-го июля, он записал:

«Понял свой грех относительно Льва; не оскорбляться, а надо любить»³².

29-го июля он пишет: «Я совершенно искренно могу любить ее (мою мать. — *Л.Л. Толстой*), чего не могу по отношению к Льву»³³.

Два дня спустя он еще записывает:

«Льва Львовича не могу переносить. А он хочет поселиться здесь. Вот испытанье»³⁴.

Я не намеревался поселиться, а уже пять-шесть дней был в Ясной³⁵. Он забыл даже это.

7-го августа он записал: «С Львом все также тяжело, но нет недоброго чувства»³⁶.

9-го августа: «Лева — большое и трудное испытание»³⁷.

Он несколько раз робко пытался приблизиться ко мне, но опять отступал³⁸.

Когда я лепил бюст матери³⁹, он следил за работой и повторял одобрительно: «Очень живо. Очень похоже».

Потом раз утром спросил меня:

— Что же ты не пришел меня лепить сегодня?⁴⁰

Я удивился потому, что не было речи о том, чтобы он позировал мне⁴¹.

В последний день, что я виделся с ним живым⁴², он виноватым голосом и совсем неожиданно сказал мне:

— Если я имел такую славу в жизни, *стало быть*, я наговорил много глупостей.....

В светлые минуты, когда он был истинно добрым и смиренным, я не мог не любить его. Но я не мог любить его за его несправедливость по отношению к моей матери и за его тщеславие выше всего. Это не было ни умно, ни честно.

* * *

В Ясной я меньше думал о Париже, так взволновала меня атмосфера старой семьи. Но как-то вечером я сильно затосковал в одиночестве и вдруг с болью в сердце стал напряженно думать о Жизель и моем чувстве к ней⁴³.

Я был один в зале яснополянского дома и мне захотелось выразить то отчаянное, бурное чувство, которое вдруг овладело моей душой. Я сел за фортепьяно и сыграл «Aragonaise» Massenet⁴⁴,

страстную и горячую вещь, которую недавно выучил наизусть. Она вполне выражала мое настроение.

Неожиданно в дверях показалась растерянная фигура отца. Раньше он любил слушать мою игру и часто открывал двери в свои комнаты, когда я садился за фортепьяно. На этот раз лицо его было искажено страданием и отчаянием.

— Что такое только ты играешь? — спросил он с гримасой <на лице> и осуждением в голосе. — Это ужасно!

Вспоминаю эту сцену, чтобы показать, в каком он был тогда состоянии⁴⁵.

Как дитя, за которым надо было ухаживать, он страдал от всего живого и шумного. Он продолжал храбриться, ездить верхом и вести обычную жизнь, но она уже была для него не под силу.

Бедный, бедный отец! Как я мучаюсь сейчас, что не был с ним нежен, как с ребенком, что не приласкал его.

Нервность матери и ее поведение за эти месяцы можно объяснить не только обидой, ей нанесенной, но и ее предчувствием близкого конца Льва Николаевича.

Последнюю половину августа родители провели в имении сестры, Тани Сухотиной⁴⁶, а я 31-го августа уехал в Петербург. Перед моим отъездом мать вернулась в Ясную, чтобы проститься со мной, так как в Петербурге ожидало меня очень неприятное дело, после которого я мог два года просидеть в крепости. Петербургская судебная палата должна была судить меня за издание двух запрещенных брошюр отца — «Восстановление Ада» и «Где Выход», которые я издал целиком, не выпуская противоцензурных мест⁴⁷.

У меня было в то время собственное книжное дело в Петербурге, где продавались и книги отца⁴⁸. Я начал его, надеясь развить крупное книгоиздательство и, главным образом, заняться образованием русской деревни⁴⁹. Но почему и как я легкомысленно издал эти два отцовых памфлета, я хорошо не помню. Во-первых, они мне нравились самому, во-вторых, их спрашивали <люди>.

Настал день суда надо мной⁵⁰<,> и я должен был сесть на сальную деревянную скамью подсудимых, на которой тысячи преступников

сидели до меня. Но я радовался, что эта тяготевающая надо мной неприятность, наконец, так или иначе, должна была разрешиться. Я защищался сам, без адвоката. Когда пришлось говорить, я ск<азал>, что не выпустил из статей противоцензурных мест, во-первых, потому, что не считал себя вправе искажать текст сочинений отца, хотя я сам далеко не во всем соглашался с его идеями, во-вторых, потому, что не обратил на них должного вним<ания>.

После моего заявления Палата вышла из зала и пошла совещаться и так как это совещание длилось больше часа, я был уверен, что дело кончилось моим осуждением и я в утешение себе повторял себе мудрую русскую пословицу: «От сумы да от тюрьмы не отказывайся»⁵¹.

Но Палата вынесла мне оправдательный приговор, хотя, как мне потом говорили, вердикт был дан мне не легко. По закону они должны были осудить меня.

Тяжелый камень, наконец, упал с моих плеч и я был снова свободен. Но почему же Жизель до сих пор не ответила мне? М<ожет> б<ыть>, письмо пропало или, может быть, она навсегда забыла меня?

После Ясной я в сентябре вернулся на Place St. Jacques, куда скоро приехала из Швеции и вся моя семья. Я старался примириться с мыслью, что я навсегда потерял Жизель, но у меня оставалась моя любимая скульптура, которой я отдался теперь со всей страстью моей души⁵². Но болезненная любовь моя опять проснулась во мне в атмосфере Парижа. По-прежнему я оглядывался на женщин, проезжавших мимо по улице, по-прежнему надеялся, что каким-нибудь чудом и когда-нибудь я снова встречу с Жизель.

Той осенью, по совету Rodin, я перестал работать в Академиях, а нанял собственную мастерскую и брал своих моделей, что подвинуло меня в моем искусстве гораздо дальше, чем советы профессоров.

Я лепил, между прочим, одну красавицу-итальянку с ребенком на руках⁵³, которая приходила ко мне по утрам. Однажды она явилась ко мне вся в синяках, говоря, что муж ее приревновал ее ко мне. Я сказал ей, чтобы она привела ко мне мужа, иначе я пожалуюсь на него полиции. На следующее утро явился небольшой, сконфуженный итальяшка, которому я прочел строгий выговор.

— Мне твоя жена нужна как модель, а не иначе, — сказал я ему, смеясь, — у меня у самого жена и дети.

Он стал трогательно просить у меня прощения и с тех пор стал моим другом. Он приходил ко мне часто и помогал мне с глиной и гипсами.

В октябре внезапно появились в газетах первые телеграммы о бегстве отца из Ясной, а несколько дней позднее известие о его серьезной болезни на станции Астапово⁵⁴.

Спешно, с первым же скорым поездом, я оставил Париж⁵⁵, но, подъезжая к Москве, на станции Бородино, где поезд остановился, я прочел в утренних русских газетах известие о его смерти⁵⁶.

Когда-то отец сам приезжал сюда для изучения бородинской битвы для его романа «В<ойна> и М<ир>». Ярко помню на этой памятной станции то печальное и серьезное выражение всех, одновременно со мной узнавших о его кончине и читавших газеты.

Да, большое, не только русское событие произошло на земле. Умер Лев Толстой, на которого более полувека были обращены взоры всего мыслящего человечества.

Только после смерти человека мы можем верно оценить его заслуги. Эта смерть показалась не мне одному, а миллионам громадной духовной потерей потому, что именно духовное горение отца в продолжение всей его жизни, его нежная и чуткая душа, искавшая общения с душой всего мира, несмотря на слабость и противоречия его мысли, покоряли людские сердца.

Глава 7

Отец в гробу и его похороны. Обратю в Париж. Усиленная работа. Визит Mörner'a. Отъезд в Halmbyvoda и снова Петербург. Игра. Приближение великой войны. Рождение четвертого сына и православные крестины в Швеции. Моя статья в «Новом времени», вызвавшая «Bonde Toget»* в Швеции

Не буду описывать подробно похорон отца, к которым я приехал, а вспомню только впечатления тех мрачных дней.

Специальный коротенький поезд в два вагона с телом отца пришел на станцию Засека, теперь <—> Ясная Поляна. Толпа возбужденной молодежи из Москвы наводнила наше имение. На станцию пришли и ясенские крестьяне с трогательной надписью на полотне, которое они несли на шестах: «Память о тебе не пропадет среди крестьян Ясной Поляны»¹. Гроб ставят на стол в старом кабинете отца. Я жду моей очереди в хвосте студентов и молодежи, растянувшимся на лугу перед домом, чтобы подойти к открытому гробу в той комнате, где отец писал свои романы и где в нише стены стоит бюст его брата Николая.

Наконец<, > я подхожу к дубовому гробу и смотрю на маленького, чуждого мне мертвого человечка с коротко обстриженной, выщипанной наполовину и редкой после гипсовой маски, которую сняли с лица, бородкой и провалившимися глазами. Знакомая, но теперь громадная костлявая рука лежит передо мной высоко на груди. Не верится, что эти жалкие остатки человека были моим отцом². Где же он живой? Я прикасаюсь губами к холодной мраморной руке и даю место следующим за мной.

Потом гроб выносят из дома и несут в лес и там опускают в могилу. Все без религиозных церемоний³.

Пусть хоронят его, где он просил, на месте, где зарыта «зеленая палочка»⁴, эмблема любви между всеми людьми и народами. В этом он был прав. Пусть ходят люди поклоняться его могиле и памяти, и все старое, чем мы жили в Ясной Поляне, исчезнет навсегда. Тем лучше,

* Не совсем точно. На самом деле: *Bondetåget* – шествие крестьян (*швед.*)

тем хуже. Мне всё всё равно теперь. Но поможет ли мечта голодному и холодному? Поможет ли проповедь любви тем, кто завидует и ненавидит?

Непротивление злу насилием — это идея безумия и преступление там, где нет разума. Моисей мог проповедовать заповедь «не убий» дикому еврейскому народу, но современный мыслитель, живущий в условиях государственной жизни нашего времени, проповедуя эту заповедь, отступает на 2000 лет назад. Теперь дело не в том, чтобы проповедовать «не убий», а в создании тех норм <жизни>, где убийство невозможно.

Распустите войска в мире — и завтра начнется такая резня в мире, какой еще *не видали* люди.

* * *

После мрачных похорон отца я вернулся в Париж⁵ и с еще большей жадностью набросился на свои работы, не желая ни о чем думать, никого видеть и ни о чем больше мечтать⁶.

В осеннем Парижском Салоне того года я выставил мраморный бюст моей старшей трехлетней дочки Нины в шведской шапочке, который понравился публике⁷.

Однажды, проходя через залы этой выставки, я подошел к моему бюсту и с удивлением увидал, что на моей визитной карточке, лежавшей перед бюстом, было написано: «C'est très beau»^{*}.

— Жизель!.. В первый раз я видел ее почерк, но я понял, что это была она. Она не забыла меня? Она продолжала интересоваться мной?

Но это было последнее мое соприкосновение с ней на долгие годы. Я никогда не получил от нее ответа на мое письмо.

В ту весну проезжал через Париж один швед, знакомый жены, граф Birger Mörner⁸, известный шведский писатель и драматург. Он ехал домой в Швецию из Австралии, откуда вывез молоденькую хорошенькую австралийку, которую привез к нам к завтраку. Неглупый,

* «Это прекрасно» (фр.).

аморальный и тщеславный, типичный шведский авантюрист, — он был довольно приятен.

Он рассказал нам, между прочим, что на островах Тихого океана ел мясо ребенка, которое ему подали к утреннему завтраку. Оно по вкусу напомнило ему среднее между курицей и поросенком. Я вылепил в ту весну его характерную большую голову, которую он потом увез с собой в Швецию вместе с другими моими скульптурами⁹, так как надолго или, может быть, навсегда я собирался покинуть Париж. Среди этих скульптур была и моя красивая итальянка с ребенком у груди¹⁰.

Mörner имел средства от своей первой жены, богатой и пожилой австралийки, которая купила ему в Швеции большое имение¹¹. Новую же молодую австралийку он отправил обратно в Сидней, а сам, вернувшись в Швецию, еще раз женился на молодой шведке¹².

В июне 1911-го года я вновь перевез семью в Швецию, а осенью все мы по-прежнему были в Петербурге на Таврической улице. Мои старшие сыновья поступили в училище Правоведения¹³, считавшееся тогда одним из образцовых учебных заведений России, из которого вышло немало известных людей, а я продолжал писать и отчасти лепить, хотя ничего не радовало меня больше и не увлекало.

Мои способные мальчики, Павел и Никита, хотя были в разных классах училища Правоведения¹⁴, оба сделались первыми учениками и не сходили с «золотых досок», а Дора и остальные дети были счастливы и довольны в нашей просторной квартире.

С внешней стороны, моя жизнь шла как будто прекрасно, но внутри она была пуста и бездушна, так как никто и ничто больше не вдохновляло меня. И к несчастью моему, вместо того, чтобы быть сильным, быть сильнее других и повести других за собой, моя разумная воля слабела все больше, и, наконец, чтобы заглушить прежнюю страсть, я отдался новой, которая, как я воображал себе тогда, должна была спасти меня от отчаяния.

Отец в молодости был ярим игроком и проиграл целое состояние¹⁵. Мой прадед со стороны матери, Исленьев, был игроком еще более ярим¹⁶. Несмотря на это, он дожил до глубокой старости, никогда не теряя веселого настроения духа. Он имел кучу прекрасных детей, и мне рассказывали, что иногда в одну ночь он проигрывал все свои имения, чтобы в следующую отыграть их и выиграть новые.

Порок игры, таким образом, был во мне наследственным, хотя я мало верю в такую определенную наследственность. Это, скорее, наследственная общая страстность характера¹⁷.

Как-то зимой 1912-го года меня пригласил один «интеллигент» в игорный притон, называвшийся «Литературно-Художественным Обществом» потому, что в нем играло и ужинало несколько плохих литераторов и артистов, и с этого момента я до такой степени увлекся этим занятием, что часто проводил за ним целые вечера, а иногда и целые ночи¹⁸.

— Жизель! Моя Франция!?!.. О, если бы ты видела меня за игорными столами, может быть, ты бы еще глубже презирала меня!

Я продолжал думать о ней постоянно и теперь еще чаще и настойчивее, чем когда-либо. Она была со мной всюду.

Мне больно признаваться в тех шальных довоенных настроениях не только меня самого, но всего русского общества 1912-го и 1913-го годов, когда русская жизнь быстро катилась под гору, приближаясь к никогда еще не виданной в России катастрофе¹⁹.

Помню, что, когда летом 1913-го года я приехал из Швеции в Ясную повидать мать и ее сестру, тетю Таню Кузминскую, и сказал им, что, по моим последним впечатлениям<,> через год вспыхнет война, они посмотрели на меня, как на сумасшедшего²⁰.

Никто в России не ждал ее, никто не предполагал ее возможной и близкой. В то время одним из моих приятелей в Петербурге был журналист Александр Столыпин, брат убитого премьера и сын друга отца, генерала Столыпина²¹, которого я раз видел в детстве и о котором у меня осталось светлое воспоминание.

В этом старике было что-то чисто русское, спокойное и величественное, и он так мило, по-детски, обрадовался встрече с моим отцом.

Мой же приятель, Александр Столыпин, был уже совсем другим. Он был кутилой-мучеником, как говорится, бесшабашным и безнравственным человеком, хотя и не глупым. Писал он слабо, пил много и курил постоянно²².

В то время в Петербурге практиковал один евангелист под фамилией Пуарэ²³ и принимал людей нравственно истерзанных, давая им в утешение евангельские советы. Может быть, он был шпионом. Как-то раз в эту грустную эпоху, пропьянствовав со Столыпиным всю ночь до утра и проиграв все наши деньги, полупьяные, сильно возбужденные, мы поехали уже в 10 часов утра в Северную гостиницу²⁴, где жил Пуарэ, искать у него нравственной поддержки.

Идея эта была не моя, а Столыпина; я же поехал из простого любопытства.

Пуарэ принял нас по-христиански, прочел нам страницу Евангелия и просил “опомниться” к лучшей жизни.

Летом 1912-го года Дора родила в Halmbyboda нашего шестого ребенка, сына Феодора²⁵, этим рождением как бы навсегда похоронив наше парижское прошлое. Этого мальчика, как всех наших детей, родившихся в Швеции, крестил русский священник из Стокгольма, для чего привозил с собой в Halmbyboda громадную купель и дьячка.

Крестины были важные. Шведы стояли чинно, слушая русскую, непонятную им службу, причем особенно важен был доктор Вестерлунд. Один только норвежец Мариус Сел<ь>мер, муж Пинды, насилу сдерживался от хохота, когда священник троекратно окунул ребенка в воду. Сел<ь>мер почему-то называл русские крестины: «Дегуянна! Дегуянна!»²⁶

Как-то летом 1913-го года я прочел в «Новом Времени» пессимистическую статью журналиста Меньшикова о России²⁷, которая неожиданно разбудила во мне обратное, русское чувство, и я написал ему ответную статью, в которой говорил, между прочим, что, по моему мнению, Россия в будущем покроет и Швецию, и весь Скандинавский полуостров²⁸.

Не помню точно ни содержания статьи Меньшикова, ни моей, и сейчас не могу их найти в библиотеках, но помню хорошо, что, когда я писал ее, сидя у открытого окна в Halmbyboda, я был почему-то в очень дурном настроении духа и зол на жену и всех шведов. Шведская жизнь никогда не была мне по душе и часто раздражала меня своим материализмом и узостью. Помню, что, когда я написал эту статью, я особенно подумал, что лучше было не посылать ее для печатанья, но

я все же послал, и когда она появилась и была перепечатана во всех газетах Швеции, <она> вызвала целую бурю негодования.

— Как возможно было <предположить>, чтобы Швеция когда-нибудь слилась с Россией или поглотилась ею? Шведский народ будет защищать до крайности свою свободу и самостоятельность и останется свободным навсегда.

Неожиданно проснулось целое национальное шведское движение, которое в феврале следующего, 1914-го года выразилось в так называемом шведском «Bonde Toget», когда тысячи крестьян явились в Стокгольм к королю заявить ему о своем единодушном решении всеми силами защищать свою страну от русского нашествия²⁹.

Все это было крайне удивительно и случилось внезапно. Я и не воображал, что моя мысль могла немедленно вызвать с такой силой патриотические эмоции.

Глава 8

Начало великой войны. Дора едет в Швецию, а я в Польшу с Красным Крестом. Первые соприкосновения с войной, наши постыдные поражения и чувство беспомощности перед ними. Я еду обратно в Россию, в Ясную, в Петербург и в Могилев

Лето 1914-го года я в последний раз проводил в Ясной Поляне со всеми своими детьми и женой¹. Мы сидели на веранде большого дома, когда пришли газеты с первыми телеграммами о Сараевском убийстве².

Все сразу почувствовали, что война неизбежна³. Во всяком случае, это почувствовал я. Была ли готова Россия? Конечно, нет. Как разовьется война и какие будут последствия? Наконец, куда кто поедет и какое примет в ней участие?

Дора первая бесповоротно и сейчас же решила немедленно увозить детей в Швецию, а я говорил себе, что если она действительно уедет от меня, то я должен буду как-нибудь принять участие в войне, скорее всего, работая в Красном Кресте.

Уехать же вместе с семьей <из России> казалось мне тогда преступлением и подлостью. Два ясных чувства боролись во мне — семья или Россия, Россия или семья? И я твердо решил, что, если Дора останется со мной в Ясной или в Москве, я на войну не поеду; если же она уедет, то я сейчас же сам уеду с Красным Крестом, прежде всего в Польшу.

Опасность разлуки с семьей беспокоила меня, но в то же время во мне внезапно проснулся новый человек, которого я сам еще хорошо не знал в себе, — проснулся русский.

Война?? Что такое война и для какой цели? Она убивает, искалечивает и разоряет миллионы. Почему?

Война — кара за нашу моральную слабость. Это кара мирового морального закона, от которого никто и ничто не может спастись. Война — это падение человека в область животного и нарушение порядка всех обществ<енных> и госуд<арственных> форм⁴.

Уговорить Дору остаться в Ясной было невозможно. Она в этих случаях была, как лошадь, закусившая удила, и удержива<ть> ее было бесполезно. Тогда я поехал с моей семьей в Петербург⁵, чтобы оттуда на финляндском пароходе отправить их в Стокгольм. Но когда мы приехали в Петербург, оказалось, что финские пароходы прекратили рейсы и единственная возможность ехать в Швецию была по железной дороге через Финляндию и северный ее город Naraganda.

Еще раз я стал просить Дору остаться в России и вернуться в Москву, на что как будто указывала нам теперь сама судьба. Я говорил ей, что я тогда останусь с семьей и что это будет для всех нас лучше. Она упорно молчала, соображая в это время, как ей уехать.

С большим трудом я достал билеты обратно в Москву и с радостью принес их жене. Взбешенная, она силой выхватила их у меня и повезла продавать обратно на станцию. Оказалось, что она уже успела справиться о пути в Швецию через Naraganda и бесповоротно решила ехать. Я не стал больше противиться, и в тот же вечер семья <покинула> меня⁶.

Оставшись один, я поступил в отряд Красного Креста, главой которого был А.И. Гучков и в котором работал также другой член Думы — Пуришкевич⁷, и, собравшись, мы все вместе уехали в Варшаву⁸.

Ужасна смерть, но война в бесконечное число раз ужаснее. Она — смерть насильственная и неестественная; кощунственное братоубийство и грубое, явное попрание людьми духа и разума. Чтобы уничтожить войну, надо, чтобы сотни миллионов людей проснулись для духовной жизни и деятель<ности>.

* * *

В Варшаве я принимал поезда с ранеными⁹, устраивал госпитали, ездил с поручениями в другие польские города и крепости, посещал раненых немцев, австрийцев и венгерцев в варшавской цитадели.

Картины того времени ярко запечатлелись в памяти¹⁰. Вот один из многочисленных и длиннейших поездов с ранеными, прямо с поля сражения. Некоторые умерли по дороге, другие умирают. К ним спешат священники различных вероисповеданий. Молодой немецкий авиатор, которого красивые польские сестры Красного Креста хотят поднять с

носилок, вскакивает на одну ногу сам, держа другую, раздробленную ногу, в обеих руках, и сердито кричит: «Selbst, selbst!»*

Другой, уже немолодой, желтолицый немецкий офицер с седой бородкой лежит на своих носилках и держит в костлявых руках пустую деревянную коробку из-под сигар, может быть, последний подарок любимой жены. Он смотрит на меня своими прекрасными, светлыми глазами и блаженно улыбается. Чему? Не время было спрашивать его о том, что происходит в его душе¹¹.

Позднее ночью обхожу один из наших больших госпиталей на тысячу раненых, помещавшийся в залах бывшего женского института. Многие тихо стонут, жалуются и просят помочь, но один кричит благим матом на весь госпиталь. Ему ампутировали ногу, и теперь, придя в сознание, он вопит: «Дайте ножик — я зарежусь! Дайте ножик — я зарежусь!»

А вот «больница», отведенная для тяжелораненых немцев. Ни одного доктора, один только фельдшер на несколько сот человек. В отдельной небольшой комнатке, человек на восемь безнадежных, несколько человек умирают без всякой помощи. У одного весь живот раскрыт и никто еще не помог ему.

На моем «мерседесе» и по спешному поручению я еду в крепость Ивангород¹², из которой бежит население.

Арбы, полные доверху еврейскими семействами, встречаются на пути. Красивые курчавые головки еврейских детей похожи на грозди черного винограда. Повозки сторонятся, но некоторые сваливаются в канавы.

Мы давим собак, отбрасываем с дороги телят и летим со скоростью 100 верст в час под угрозой австрийских патрулей, которые показываются вдали, но, к счастью, направляются в другую сторону.

А вот операция трепанации черепа в больнице. Вся верхняя часть головы спилена и лежит на столе, как чашечка. Доктор копается в мозгу и находит в нем кусочек шрапнели. Вот молодой немец, почти мальчик, ходит среди легко раненых. Русский казак шашкой рассек ему все лицо.

* Сам, сам! (нем.)

Как ребенок, он плачет, когда русская сестра подходит к нему и по-немецки спрашивает, как он себя чувствует.

Я не был подготовлен к войне вместе со всем остальным русским народом, но после нашего постыдного поражения при Танне¹³берге, когда 150000 русских были окружены двойным кольцом Гинденбурга¹⁴ и треть из них была перебита, как телята, а две трети взяты в плен (только малая часть их добралась живая до Варшавы, те самые раненые, которых я принимал на вокзале и помещал в госпитали), — я понял, что для нас война была уже проиграна и вести ее дальше было бессмысленно.

Уже в Петербурге, уезжая на фронт, когда лично знакомый мне военный министр Сухомлинов¹⁵ наивно заявил мне, что «мы будем воевать — с Царем и молитвой», — я почувствовал глубокий ужас перед тем, что нас ожидало.

Не вина была генерала Самсонова¹⁶, что он был разбит, не заслуга Гинденбурга, — вина была в отсталости России, в ее гнилом обществе и диком народе, в ее допотопной религии, в ее допотопной мысли, в ее слабом царе, а главное, в ее политической незрелости и дурацком франко-русском союзе.

Нам предстояли бесконечные поражения, против которых спасения не было.

Когда позднее в Петербурге я говорил генералу Лукомскому¹⁷, заведовавшему снабжением армий, что надо было спешить заказывать в Англии пушки, — он удивленно спросил меня: «Пушки? Вы думаете?»

Он, как и я, как и все, смотрел на эту войну безнадежно.

Вспоминаю эти шальные дни, как тяжелый кошмар, от которого нельзя было проснуться и из которого не было выхода.

Трудно определить то хаотическое и отчаянное состояние души, в которое ввергла меня война. Что-то грубое, не похожее на меня, поднялось во мне: с одной стороны, безнадежность перед все уносившей бурей, с другой — чувство освобождения от всего условного, что связывало меня с другими. Всем и каждому все было «море по колено» — настроение, которое французы называют «lâche

tout»*. И чем чувствительнее были люди, тем сильнее это настроение овладевало ими.

По отношению к самой войне и <по поводу> моего дальнейшего участия в ней у меня, во-первых, было сознание бесполезности этого участия, так как если бы я даже бросился в самую ее бойню с дубинкой в руках вместо ружья, как это было с нашими солдатами на Карпатах¹⁸, — это было бы безумием; во-вторых, я испытывал глубокое чувство оскорбления за то, что мое правительство ничего не сделало для отвращения бедствия или для того, чтобы с достоинством встретить его, если оно было неотвратимо; в-третьих и в-главных, я видел полную бессмыслицу этой войны, безумие со всех точек зрения и потому участвовать в ней мне казалось унижительным.

Может быть, я поступил нечестно, оставляя Красный Крест, — но мой разум подсказал мне сделать это, и я вернулся в Россию, надеясь помочь народу иначе<,> внутри страны, прежде всего в продовольственном вопросе, который становился все более и более катастрофическим¹⁹.

Запасы хлеба и провианта для армии и для народа таяли не по дням, а по часам, и я видел, что, если это будет продолжаться еще несколько месяцев, мы не только проиграем войну, но после нее не опомнимся в течение долгих лет.

В то время Царь, по наущению Распутина, сам взял в руки командование армиями и поселился со своим штабом в городе Могилеве²⁰.

Вернувшись на несколько дней в Ясную, где в одиночестве жила моя мать со своей компаньонкой Ниночкой, дочерью местного священника²¹, я проехал оттуда в Петербург, а из Петербурга к Царю, чтобы объяснить ему, в каком положении находилось продовольственное дело с тогда назначенным<и> правительством «твердыми ценами на хлеб» и что эта мера была не только недостаточной, но губительной, так как она не препятствовала вывозу и растрачиванию продовольственных запасов, на что прежде всего надо было обратить главное внимание²².

* на все наплевать (*фр.*)

Надо было немедленно реквизи́ровать весь хлеб по всей России и остановить его утечку за границу.

Страшно сказать, что в продолжение первых лет войны <каждый день> мимо моего дома на Таврической тянулись к Финляндскому вокзалу длиннейшие обозы с русским зерном, которое через Финляндию спокойно пересылалось в Германию.

В Могилеве Царь не принял меня, ссылаясь на то, что у него не было времени, но просил передать ему мою записку²³. Чтобы объявить об этом, ко мне в гостиницу приехал мой старый товарищ по Поливановской гимназии флигель-адъютант граф Дмитрий Шереметьев²⁴ и с ним польский князь Замо́йский²⁵.

Разочарованный, я вернулся в Ясную²⁶, где в ее тишине начал писать поэму, главными мужскими лицами которой я представлял себя, отца и брата Андрея. Не знаю, цела ли в Яснополянской библиотеке эта рукопись²⁷.

Наступила холодная зима и, несмотря на войну, в тишине и покое с моей любимой, теперь кроткой старушкой->матерью, по-прежнему целые дни работавшею, я временно почувствовал душевное умиротворение:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв, —
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв²⁸.

Я читал моих любимых писателей: Пушкина, Мопассана²⁹ и Диккенса³⁰, лепил голову хорошенькой, курносой Ниночки^{*31}, в лунные ночи ездил с ней на станцию за почтой, играл на фортепьяно, сочиняя мелодии, писал мою поэму, с волнением следя за войной³².

* дочь местного священника. — *Н<икита> Т<олстой>*.

А.Т. Кудрявцева

(скульптурный портрет *Л.Л. Толстого*; 1916)

Я добровольно поехал на нее, как и добровольно оставил, и вдруг странное, невероятно сильное желание жить и жить совсем иначе, чем я жил раньше, овладело моим существом. Неудержимая жажда новой счастливой жизни <нахлынула на меня с такой силой>, что как-то вечером, когда я был один в моей комнате, <глубокая страсть> к Жизель внезапно охватила мою душу. Тогда я сел к столу и написал ей горячее, страстное, короткое письмо, в котором еще раз повторил, что я любил и буду любить до конца жизни ее, ее одну. Дойдет или не дойдет до нее это письмо, — все равно на душе у меня стало легче.

Глава 9

Брат Андрюша и братец Тимофей

Хотя между нами было восемь лет разницы, мы были очень близки с братом Андрюшей, понимая друг друга без слов и часто мысля одинаково.

Я очень любил его за его милый, добрый и прямой нрав, за его нежную любовь к нашей матери, за его страстность, музыкальность и безумную любовь к женщинам и жизни.

У него не было голоса, но никто так верно и выразительно, именно так, как надо было, не пел: «Как под яблонькой такой», — нашу тульскую лучшую, старинную народную песнь, которую я аккомпанировал ему. Он знал старинные слова этой песни, например:

«А их звонкие копыта
Крупным жемчугом подбиты...»¹

Когда же он переходил к своей любимой песне: «Две гитары за стеной», <—> он был бесподобен, со вкусом выговаривая куплеты этой песни:

«Поздно, вечер, огоньки.....
Пыльная дорога.
Васильки глаза твои.
На душе тревога»².

Песни переворачивали всю его душу и под их влиянием он любил, волновался и жил, заражая других своим возбуждением.

Он не любил русского народа и называл крестьян разбойниками и ворами.

По взглядам он был монархист и православный, но глубже этого он не шел, так как в бурной его жизни у него никогда не было времени подумать.

Он был женат два раза, но имел за свою короткую жизнь десятки, может быть, сотни женщин, познав их уже мальчиком двенадцати лет.

От первого брака у него было двое детей и одна девочка от второго....³

Он был слишком храбр во всех смыслах. Он объезжал неукротимых лошадей, падал с ними и ломал себе зубы; переходил Волгу по льдинам во время ледохода; во время японской войны получил за храбрость солдатский Георгиевский Крест⁴.

Но в то же время он был необыкновенно мягок, нежен и ребячлив и, когда бывал у меня в Петербурге, весело играл с моими детьми, бегая с ними по комнатам и бросая их по очереди на кавказскую нашу тахту.

Он пил не много и не часто, — это не было его главным пороком, он не играл в карты, ибо женщины заменяли ему все.

Все любили Андрюшу, даже те, которых он осуждал; любили его и оба наши родителя⁵.

Под конец жизни он получил в Петербурге хорошее место, благодаря дружбе с министром земледелия Кривошеиным⁶, и, наняв темную и мрачную квартиру на Фурштад<т>ской улице, во время великой войны поселился в ней.

Как я сказал, я жил тогда в Ясной у матери, недавно вернувшись с фронта, когда в феврале 1916-го года мы неожиданно получили телеграмму от второй жены Андрюши, Кати, о его внезапной болезни⁷.

Как это бывает, мы сейчас же почувствовали, что болезнь Андрея серьезная, и на другой же день уехали в Петербург⁸.

Я вспомнил тогда странный сон, который недавно приснился брату и который он рассказал мне. Ему приснилось, что его хоронили и выносили его тело из квартиры. На похоронах был министр Кривошеин, много друзей и две его любимые цыганки из хора.

— Неужели этот сон был предзнаменованием? — подумал я.

Он болел какой-то странной болезнью, которую «лучшие» доктора Петербурга не могли определить. Страшный жар и резкие боли в животе, от которых он кричал, не переставая, две недели подряд⁹. Началось после обеда у его друга Языкова¹⁰, где он ел какую-то вареную рыбу.

Отравился ли он ею или рыба кость прободила его слабый желудок, или это было простое воспаление слепой кишки, которую, может быть, следовало оперировать, — так никто никогда и не узнал.

До сих пор я слышу его громкий жалобный крик: «Ой, ой, ой!» Все мы, его родные, собрались в его темной квартирке и в последний день, когда началась агония, сидели в гостиной рядом со спальней, где он лежал¹¹. Внезапно, среди этой мрачной тишины, за стеной квартиры раздалось чудное пение дуэта Форда¹²:

Vous qui pleurez, venez à Lui car il demeure.*

Пели два прекрасных голоса — мужской и женский, — и Андрюша умирал под эту чудесную музыку, точно нарочно для него заказанную. Мы замерли от волнения — так удивительно красиво и сильно было это впечатление.

На другой день Андрюша уже лежал в гробу, румяный и свежесбрившийся (он накануне просил, чтобы его обрили), — с тихой, доброй улыбкой на своем чистом молодом лице¹³.

Его похоронили «по первому разряду» в Александро-Невской Лавре¹⁴ рядом с убитым премьером Петром Столыпиным¹⁵.

На похоронах был министр Кривошеин и две цыганки из Стрельны, как он видел во сне.

В Ясной, куда я свез мать обратно¹⁶, смерть Андрея произвела не меньшее огорчение.

Его старая нянька Анна Степановна¹⁷, крошечная старушка восьмидесяти двух лет, доживавшая свой век в Ясной, была поражена и опечалена больше других.

— Рано успокоился, голубчик, — повторяла она, качая маленькой сморщенной, но еще не седой головой.

Но больше всех был огорчен бывший Андрюшин кучер, Тимофей, незаконный сын нашего отца от яснополянской крестьянки, наш

* Вы, которые плачете, приходите к Нему, ибо Он остается (*фр.*).

«старший братец», как его называли мужики, родившийся до женитьбы отца¹⁸.

Тимоша был до смешного похож на портреты отца, снятые до его женитьбы, похож гораздо более, чем кто-либо из нас, законных сыновей.

Андрюша, по доброте сердечной, взял к себе Тимофея в кучера, так как в последние годы разбогател и завел свой конный завод. Они сблизились, как настоящие братья, чему еще содействовала их общая страстная любовь к лошадям.

Несмотря на это, Тимофей неизменно держал себя с необыкновенным тактом и, когда подъезжал к крыльцу яснополянского дома на тройке Андрюшиных бойких лошадей и отец встречался с ним на крыльце, он почтительно и скромно снимал перед ним шапку и тихо говорил: «Здравствуйте, Ваше Сиятельство».

Когда после смерти брата я вернулся в Ясную, Тимофей пришел ко мне в кабинет узнать подробнее обо всем случившемся. Он никогда раньше не приходил ко мне, теперь же вошел ко мне просто, точно бывал всегда. Он стал у теплой печки, как, бывало, становился отец, с руками за спиной, и печально слушал мой рассказ, вытирая слезы.

От волнения и горя он не мог говорить. Я был тоже тронут до слез.

Благородный, чувствительный, умный братец Тимоша! И тебя теперь уже нет в живых.

Русская буря сломила и твое крепкое тело. Большевиком переварить ты не мог.

— Не ценили! Не ценили мы того, что было у нас раньше! — повторял Тимофей яснополянским мужикам перед смертью. — Так и надо нам, дуракам!

Тот, кто еще верит в коммунизм, да поверит Тимофею, что в царской России было больше счастья, больше свободы, больше достатка и меньше принуждения, лжи и мракобесия.

Глава 10

Ясная и Madeleine. Отъезд в Японию. Владивосток, Цуруга, Токио и Киото. У писателя Токутоми. Отъезд в Америку, Гонолулу и отречение Царя

Я описываю мою жизнь, не щадя себя по возможности. По возможности, потому что жизнь моя временами была настолько дурной, нечестной и безнравственной, что я не в силах признаться во всех моих низостях. Утешаюсь мыслью, что эти страницы помогут людям в том смысле, что укажут им еще раз на примере моей жизни, что надо и чего не надо делать, чтобы вовремя спастись от лишних страданий.

Я рассказываю о себе не из желания показаться не тем, какой я есть, а тем самым, каким я был и есмь, со всеми моими страстями и пороками, раскаиваясь в том, что я не был над ними хозяином и до сих пор не могу освободиться от них.

Если получились какие-либо определенные выводы из моих переживаний, то они изложены в последней части этой работы, которую я написал во Флоренции и озаглавил «Lungarno». В этой книге я продолжаю описывать мою жизнь и скитания и только временами отвлекаюсь от них в область мысли.

* * *

С того дня, как Дора с детьми оставила меня¹, я невольно охладел к ней и в моем одиночестве невольно теперь почувствовал себя свободным, каким я не был никогда прежде, хотя я сам этой свободы не искал. Мне казалось, что связь моя с семьей, может быть, навсегда порвалась. Если жена бросила меня и Россию в такие времена, несмотря на мои просьбы не делать этого, если она не поняла тех чувств, которые война разбудила во мне, она не только перестала быть в моих глазах той женой, какой должна была быть, но совершенно охладила мое чувство к ней. Я не осуждаю ее. Я понимаю те чувства и инстинкты, которые заставили ее вернуться в Швецию, главное, для детей, но все же я не мог спокойно и доброжелательно отнестись к ее поступку.

Летом 1915-го года я недолго гостил в последний раз в Halmbyboda², но ничего не помню об этом времени, так напряженно я

жил моей личной русской жизнью и интересами³. Но на лето 1916-го года я остался в Ясной⁴, думая, что моей матери будет со мной не так одиноко и что сам я, подле нее, буду спокойнее. Деревенская тихая жизнь Ясной меня привлекала как спасение от бушевавшей кругом бури.

По временам я ездил из Ясной в Москву и Тулу и, к стыду моему, не раз предавался моей страсти — игре, без которой, казалось мне, я не мог тогда жить. Мне нужно было временами это сильное возбуждение, чтобы не думать о моей жизни и моей любви и в чад азарта забываться и утомляться до последней крайности⁵.

Однажды осенью, вернувшись из Тулы, где в «Петербургской»⁶ гостинице я сражался в «железку»⁷, я вбежал в яснополянскую залу, в которой все уже сидели за обедом. И неожиданно, точно в первый раз в жизни я испытывал это впечатление, был до такой степени поражен красотой молодой женщины, сидевшей за столом между двумя детьми, — моим племянником Володей и племянницей Сашей⁸, детьми брата Миши, приехавшими погостить у бабушки в Ясной, — что не мог отдать себе отчета, что эта встреча так взволновала меня.

Бледная, с черными, почти синими волосами, высокая и стройная, с большими, орлиными глазами и веселой, живой улыбкой на губах, Madeleine привлекла меня с первого взгляда. Она понравилась мне совершенно иначе, чем Жизель. Та заинтересовала меня своей серьезностью и умом. Эта — своей красотой и веселым, простым нравом. Француженка из Dauphine⁹, она несколько лет уже была гувернанткой в России.

Если бы не война, если бы не мое одиночество, если бы не случайности, если бы я был сильнее духом и слабее телом, <если бы> я не был в самом сложном и трудном возрасте жизни — мне было 47 лет, — я бы <не> обратил на Madeleine никакого особенного внимания. Но вследствие множества факторов и причин, действовавших как с моей, так и с ее стороны, в первый же вечер, когда дети легли спать и мы остались одни, я разговорился с ней и она рассказала мне свою жизнь. На другой день мы ходили вместе с ней и детьми по голым осенним полям, разговаривая, как старые друзья, и уже в этот день мы как-то невольно и естественно были физически привлечены друг к другу, хотя и очень невинно.

Гуляя, мы подошли к опушке леса Засеки, где стоял большой стог сена. Под стогом был сделан пролет для воздуха в виде коридора. Дети полезли в него, чтобы проползти вдоль до другого выхода. Я нагнулся, чтобы взглянуть на них, и Madeleine сделала то же. Случайно в эту секунду наши лица встретились совсем близко и наши губы коснулись друг друга. Все это <произошло> случайно, хотя причина лежала глубже. Одно и то же желанье, одно и то же одиночество сблизили нас.

Весь вечер этого дня до поздней ночи я просидел в комнате Madeleine, и мы говорили, говорили без конца обо всем и о том, как хорошо было бы уехать вместе куда-нибудь далеко, в Индию, например, или в Китай и скрыться, надолго спрятаться от ужасов России и Европы. Madeleine стала нравиться мне все больше не только своей наружностью, но и характером. Она рассказала мне, между прочим, что одним из ее близких предков был знаменитый фран<цузский> художник наполеоновской эпохи¹⁰, что у нее были старые родители, сестра и брат¹¹.

В одинаково приподнятом, неуравновешенном, повышенном настроении, не зная, что будет с нами завтра, и вместе с тем стремясь к более счастливой новой жизни, мы без слов понимали друг друга.

— Что<,> если мы уедем вместе, я буду всюду читать лекции, а вы будете моей секретаршей, — говорил я ей полусерьезно <->полусерьезно, — через Сибирь мы проедем сначала в Японию, потом в Китай, в Австр<алию>, в Индию. Потом мы проедем в Америку и вернемся богатые во Францию, когда война будет кончена.

Madeleine слушала меня, весело блестя своими большими глазами и улыбаясь. Чем больше мы болтали, тем <больше> наши мечты стали казаться нам возможными осуществить<ся>.

Не буду подробно описывать, как две недели спустя я оставил старую мать, которая провожала меня на лестнице яснополянского дома и с грустью сказала мне, что мы никогда больше не увидимся¹². Не буду рассказывать, как я выиграл в карты большую сумму и потом часть ее проиграл¹³. Тимофей¹⁴ отвез меня в Тулу на станцию и, прощаясь, с грустью проговорил:

— Один граф оставался у нас, и тот уезжает.

Наконец, в декабре, проехав всю Сибирь, я с волнением ждал Madeleine во Владивостоке.

В день моего отъезда из Москвы¹⁵ у нее не был готов ее паспорт, и потому она должна была приехать одна. Она жила теперь в Москве, на Петровке, во французском пансионе¹⁶, оставив свое место у моего брата.

Был канун Рождества, когда она, наконец, приехала. Но и тут меня ожидали тяжелые волнения.

Какой-то поклонник Madeleine, студент, влюбленный в нее и желавший на ней жениться, приехал с ней из Москвы. Приехала и какая-то таинственная дама, с которой она познакомилась в вагоне и которая пригласила ее на Рождество на елку на свою<,> стоящую вне города<,> дачу.

В день Рождества я до поздней ночи один ждал возвращения Madeleine в отель, где я нанял для нее комнату, и, наконец, встревоженный, я взял автомобиль и ночью поехал искать ее по обледелым окрестностям. С трудом я, наконец, нашел дачу, где она должна была провести вечер, но китаец-слуга сказал, что дамы уже уехали куда-то.

Я вернулся в отель и только через час после моего возвращения приехала с елки Madeleine.

На другой день я поставил ей строгим условием или ехать со мной в Японию, как было решено, в качестве секретарши, или я отправлю ее обратно в Москву. Она согласилась ехать со мной, и на следующее утро¹⁷ небольшой русский пароход повез нас из Владивостока в Цуругу¹⁸.

Огромного роста девушка, похожая на мужчину-великана, спросила меня вечером, готовить ли для нас две отдельные каюты или одну. Я ответил ей, что одной нам будет довольно.

Я никогда в жизни не видел такого громадного и уродливого человеческого существа, в то же время молчаливого и добродушного.

Когда пароход отчалил от берега, я подумал, что, может быть, никогда больше я не вернусь в Россию. Что-то совсем новое началось в моей жизни, что-то бесшабашное и в то же время роковое.

В эту ночь Madeleine сделалась моей новой тайной женой, и я был счастлив, что случилось так. Когда-нибудь, думал я, я сделаю ее женой явной, если захочет судьба.

Ночь мелькнула, как минута, и мы подошли к японскому берегу. Свет и солнце. Зелено-синие морские волны на фоне чистого белого снега и темной зелени. Свет и солнце. Это Цуруга. Со станции железной дороги слышится какой-то странный стук. Это лязг деревянной японской обуви по доскам платформы. Мы сходим с парохода, садимся в японский чистенький поезд, едущий в Токио.

От Японии у меня осталось самое светлое воспоминание. Я полюбил ее энергичный, жизненный <жизнерадостный?> народ и оценил громадный прогресс, сделанный им за последние 50 лет. Куда <бы> я ни приезжал и где бы ни читал мои лекции об отце и России, всюду я встречал самое искреннее внимание и интерес. С кем <бы> я ни встречался, все были гостеприимны и милы¹⁹. В лучшей гостинице <в каждом городе> нам предоставляют две комнаты.

В Токио тогда издавалась газета одним из братьев Тукотоми²⁰, которые когда-то были в Ясной, — другой брат был известный писатель-беллетрист²¹. <Он> жил в деревне, дав после смерти своего отца обет безвыездно пробыть в этой деревне три года²². Когда он узнал о моем приезде, он прислал за мной в отель автомобиль с красавцем->шофером и своей прислугой->японкой.

Через весь город Токио и его бесконечные пригороды мы выехали, наконец, в японскую деревню, любуясь на окрестности и гордую Фудзияму²³. Наконец, после долгих скитаний наш автомобиль остановился перед пустынной дачей.

Какой-то японец в очках и кимоно медленно шел к нам навстречу, а справа на кладбище в это время раздавались какие-то дикие крики.

— Это, может быть, ловушка? Никакого Тукотоми здесь нет? — полушутя сказал я Madeleine, которая пугливо оглядывалась по сторонам. — Вы слышите крики на кладбище? Это для нас роют могилу!

Но вот человек в очках с улыбкой подходит к нам, кланяется и ведет в свой дом. Мы подходим к крыльцу, снимаем обувь и входим в большую светлую комнату, всю заставленную книгами. Г<оспожа> Тукотоми²⁴ предлагает нам сласти, а сам хозяин исчезает куда-то,

потом возвращается и, все также мило улыбаясь, молча кладет передо мной лист белой бумаги со множеством надписей. Я узнаю почерк отца и матери, потом братьев и сестер и, наконец, мою собственную <надпись>.

Я взглянул в доброе лицо хозяина, который теперь громко и весело смеялся, видя, что мы убедились, наконец, в том, что он был действительно Тукотоми. После короткой беседы нас повели в столовую, где на подушках вокруг крошечного столика мы ели рис палочками и еще какое-то блюдо.

Очень красивое впечатление произвел на меня древний город Киото²⁵, где в университете я читал лекцию студентам. С необычайным вниманием они слушали меня и моего переводчика. Но мой милый поэт так увлекался, переводя мои английские фразы на японский язык, что речь его иногда длилась <бесконечно долго>, тогда как моя фраза занимала не больше минуты²⁶. Он был поэтом и литератором и, очевидно, страстным поклонником Толстого. Он написал Madeleine стихотворение о ее чудных “орлиных” глазах.

В Киото я посоветовал студентам возможно больше выходить из национализма в область интернациональную. Теперь бы сказал им это иначе: будьте национальны в лучшем рациональном смысле, чтобы быть в состоянии служить в области интернациональной.

В то время в Кобэ²⁷ было толстовское общество под названием «Самовар», которое мы тоже посетили. Молодые члены его преклонялись перед толстовскими идеями, но произвели на меня слабое впечатление.

В Осаке²⁸ мы видели большой пожар — одно из тех стихийных страшных бедствий, которые возможны только в Японии.

Жутко было смотреть на громадное зарево, осветившее темную ночь, на растерявшиеся фигуры людей и густые облака дыма, на громадное пространство покрывавшие горевший город и окрестности.

Японские дети на спинах их матерей пленили меня своим цветущим здоровьем и детской красотой. Вся страна оживает.

Пробыв в Японии около двух месяцев, мы решили ехать в Америку, где, нам казалось, будет легче заработать <на> жизнь. Мои японские лекции дали нам мало, а расходы были большие, и мы на

какое-то <время> поплыли в Сан-Франциско на японском тихоокеанском парохде.

Радостное и сильное настроение было у нас в водах Тихого Океана. Летающие рыбки, залетавшие в каюты и падавшие на наши койки; чудесные звездные ночи; веселая, прелестная Madeleine, с которой мы сочиняли сценарии и готовили лекции.

Кажется, больше недели мы плыли по океану, не видя земли, пока, наконец, наш парохд не причалил в Гонолулу²⁹. Куча журналистов окружила меня, показывающие последние, кажущиеся мне чудовищными, телеграммы из России: <“>Керенский <—> премьер<”>³⁰ и <“>Царь отрекся от престола!<”>³¹.

— Кто такой Керенский? Что будет теперь? — спрашивают меня.

— Керенского я не знаю, но думаю, что это величина ничтожная, — отвечаю я, — и будет все хуже и хуже.

— Это ваша жена? — спрашивает меня один из журналистов, с восхищением глядя на красавицу Madeleine, которая была прекрасна<:> вся в белом платье, свежая, самая белая. Никогда еще я не видел ее такой. Она услышала вопрос журналиста и быстро по-французски шепнула мне: «Dites que si»*. Чтобы сделать ей приятное, я ответил ему утвердительно.

В Гонолулу мы оставались недолго, но все же успели осмотреть лучший в мире аквариум, который неожиданно раскрыл передо мной тайны глубин Тихого Океана. В нем скрывается какое-то бесконечное количество видов рыб: монголоподобные, птицеобразные, лошадинообразные, рыбы-зебры, обезьяны, собаки, змеи, — всевозможные прототипы всех земных живых существ, в том числе и человека. Это доказывает с очевидностью наше происхождение из океанов. Путем скрещивания, в продолжение миллионов лет и по мере постепенного осушения морей и образования материков, когда эти существа стали жить на суше, они создали тот животный мир, который мы знаем.

* Скажите “да” (фр.).

Гонолулу мне памятен еще и тем, что с этого дня я стал упорно думать о моей теории движения на восток, которую читатель найдет в III-ей части этой работы — «Лунгарно»*.

Эту теорию или гипотезу я считаю самым важным пунктом в области моей интуитивной мысли и моих наблюдений.

Будущее подтвердит это убеждение. Громадным, не сравнимым ни с чем благом будет для человека быстрое движение его на Восток, когда оно сделается возможным и всеобщим практическим средством его омоложения и оздоровления.

Эта теория — величайшее открытие, когда-либо сделанное на земле. Над ним саркастически улыбались мои современники, в том числе люди науки, говоря, что в движении на запад или на восток нет никакой разницы, но я так глубоко убежден в благотворном влиянии движения на восток, что ничто не может поколебать меня в этом. Я думаю даже, что оно откроет людям путь к физическому бессмертию.

* См. III-ю книгу «Lungarno». Гл. 20. — Примеч. *Л.Л. Толстого*.

Сан-Франциско. Брат Илья и Трубецкой. Клуб писателей. Письмо из Франции. Инцидент в Чикаго. Нью-Йорк. Madeleine беременна, и мы решаем вернуться в Россию. Ниагара и Ванкувер. Мы едем в Японию. Коммунисты из Америки. Ночная тревога и болезнь Madeleine

Моя дурная и бурная жизнь промелькнула, как молния, и вот я уже старик, хотя не хочу в этом признаться. Страсти стали слабее, разум <—> сильнее, и, может быть, лучшее, что я могу теперь сделать, — это оставить после себя самое важное — искреннее и полное признание перед миром в моей негодности.

Эти воспоминания кратки и отрывочны, нет времени входить в подробности и художественные детали, все же я хочу вспомнить главные уроки, данные моей судьбой. Жизнь человека — не один роман, а множество, она — целая поучительная поэма, если описание ее правдиво. Она — пример того, как не надо жить и как надо. Но если страдания — сама жизнь, а жизнь — постоянное страдание, то можно ли научить другого, как их избежать. Так или иначе<,> страдания неизбежны. Все же, кажется мне, мы могли бы не засорять и не портить нашего существования лишними ошибками. М<ожет> б<ыть>, жизнь не должна быть вечным страданием, а <должна быть> вечной радостью и счастьем. Если бы нас в молодости предупреждали об опасностях, ожидающих нас на жизненном пути, мы бы спасались от многих бедствий. К сожалению, это делается в очень слабой степени или совсем не делается, и потому, когда страсти овладевают нами, мы не в силах их сдерживать, куда бы они ни привели нас. С другой стороны, в хаосе несправедливого и жестокого мира тысячи случаев и событий содействуют распушенности наших эмоций, за которыми следуют пороки.

Когда я вспоминаю сейчас состояние моей души в период мировой войны, я вижу, что она была совершенно затемнена страстями, которые я не хотел и не мог сдерживать. Они с такой силой овладели мной, что за ними я не видел трезвой и разумной жизни.

Если бы не было войн, нищеты, болезней и невежества, если бы вместо них мы бы создали вечный мир на земле, богатство, здоровье и

просвещение, — в нашей жизни почти не оставалось бы места несчастьям и мукам.

* * *

Возвращаюсь к <тому> моменту, когда после трех недель в Тихом океане наш пароход подошел к пристани в Сан-Франциско¹, где нас ожидал довольно неприятный сюрприз. Нам не позволили сойти с парохода вместе с остальными пассажирами, и только когда вся публика сошла на берег, один из паспортных чиновников с важным видом блюстителя нравственности подошел ко мне и спросил, жена ли мне Madeleine. Я ответил, что нет, но что она была моей секретаршей.

— Почему же вы сказали в Honolulu, что она ваша жена?

— Она неожиданно попросила меня сказать так и я не хотел ей отказать.

— Вы живете с ней, как с женой? — продолжался расспрос.

— Нет. Она моя секретарша и только. Поэтому я взял для нас две отдельные каюты.

— Вы можете поклясться в том, что вы не имели с ней половых сношений?

— Я не клянусь никогда.

Чиновник замолчал и после долгого совещания с другими, проверив наши паспорта, наконец, выпустил нас на пристань.

В Сан-Франциско я нашел двух близких мне людей: брата Илью и Паоло Трубецкого². Илья был товарищем моего детства, Трубецкой всегда интересовал меня как скульптор и оригинальный, наивный человек. Он лепил в то время группу семьи богатейшего в городе сахарного короля³ и зарабатывал большие деньги. Он был со своей шведкой-женой Элен⁴, которая, чем больше Паоло зарабатывал, тем больше тратила на туалеты и автомобили, флиртуя со всеми, обращавшими на нее внимание. Трубецкой этого не хотел знать и неизменно трогательно обожал ее.

В то время он сочинил фильм, в котором действующим лицом был юноша, прилетевший на Землю с другой планеты и влюбившийся в молодую земную девушку. Он рассказывал ей, как живут на его звезде,

и удивлялся ужасным порядкам человечества. Там не было ни войн, ни законов, ни бедности, ни власти, ни страданий. Там все были вегетарианцы и любили друг друга. Жаль, что я не помню этого фильма. В нем очень талантливо сопоставлена наша действительность с идеалом⁵.

Брат Илья читал в Сан-Франциско лекции об отце, выступая как номер в театре «водевиль». Было странно видеть его на эстраде с картинками волшебного фонаря, изображавшими нашу семью и виды Ясной Поляны. Его выход был сейчас <же> после и <ли> до акробатов, шутников и шансонетных певцов и певиц. Но ему хорошо платили, а это было для него в то время главное. Ему во что бы то ни стало нужно было в те дни вернуться в Россию и вывезти оттуда свою будущую вторую жену Надежду Клементьевну⁶. Вся цель его жизни была в этом.

Первые дни мы провели с Madeleine в отеле, но так как это было слишком дорого, я нанял отдельную меблированную квартиру со всеми удобствами и был счастлив, что, наконец, мог хоть на время обосноваться.

В этой квартирке-бунгало* были две комнаты, из которых одна ночью обращалась в спальню, <так как> громадная спальная кровать, вделанная в стену, вечером могла спускаться, а утром снова убираться из виду.

Замечательно, практично и просто была здесь устроена вся жизнь вообще и, в частности, вопросы питания. Дешевы были прекрасные фрукты: яблоки, груши, сливы и виноград, которыми был завален наш стол; в лавках вся еда продавалась уже готовая, так что нескольких минут было довольно, чтобы приготовить обед на газовой плите.

Сан-Франциско мне понравился с первых же дней, и я охотно поселился бы в нем, если бы не Madeleine, не знавшая английского языка и как будто скучавшая. Она неожиданно переменилась. В ней исчезли ее живость и веселость и вместо них что-то серьезное стало светиться в ее больших, красивых глазах.

В Сан-Франциско я был приглашен на завтрак в Клуб писателей, где меня попросили говорить. В тот период меня интересовал вопрос, каким же, наконец, способом мир избавится от революций, социальных

* от *bungalow* — дом с верандой (англ.)

смут и войны, и мне казалось, что только при признании всеми гражданами существующих в государстве и во всем мире законов *священными*, оно может жить в благоденствии и покое. Эта мысль была одной из главных основ веры младшего из восточных религиозных законодателей, Баба⁷, о котором я читал у графа Gobineau⁸. Конечно, при таком условии сами писанные законы должны были бы приближаться к совершенству и иметь основой нравственный закон, живущий в каждой человеческой душе. Но и при существующих законодательствах именно для того, чтобы они могли естественно совершенствоваться, повиновение им должно было бы быть повсюду сознательным и абсолютным⁹.

На эту тему я говорил в Author's Club, и калифорнийские писатели слушали внимательно. Брат Илья, чуждый моим идеям¹⁰, но одаренный художественным инстинктом, как отец, тоже сказал несколько слов за этим завтраком о войне и привел картину поля битвы после сражения, когда санитары, поднимавшие трупы, были неожиданно испуганы поднявшейся стаей куропатов¹¹. Контраст жизни со смертью.

Умственная и духовная жизнь интеллигентного общества в Сан-Франциско была интересна, и я был рад знакомиться с ней и в ней участвовать¹². Я начал уже задумывать серию лекций и, может быть, свой журнал, как внезапно мои планы разлетелись в прах и мы должны были покинуть Калифорнию. Madeleine получила письмо от матери, которая была серьезно больна. Старуха проглотила часть своей фальшивой челюсти и, судя по письму, была близка к концу.

— Я не могу больше оставаться здесь, — говорила мне Madeleine в слезах, — я должна вернуться домой, иначе я никогда больше не увижусь с матерью.

Решение ее было бесповоротно, а я не мог и не хотел оставлять ее.

— Хорошо, поедem в Нью-Йорк, а оттуда постараемся добраться до Франции.

Два дня спустя мы уже мчались на экспрессе через американский континент. От этой части моего путешествия осталось два ярких впечатления или воспоминания. Во-первых, то неожиданное чувство бесконечного счастья, какое я беспричинно испытал ночью, подъезжая к Чикаго, когда я, еще раз продумав мою теорию быстрого движения на

восток, понял или, если хотите, вообразил, что в этом движении люди найдут в будущем путь к бессмертию вследствие умноженного влияния на них света, идущего с востока, — электронов. Я радовался и гордился тем, что я первый на Земле открыл эту величайшую тайну¹³.

Во-вторых, на этот раз очень неприятное воспоминание от Чикаго¹⁴, когда в отеле города, где мы остановились на один день, двое немцев, вероятно, отец и сын, занимавшие комнату рядом с нашей, враждебно отнеслись к нам. Когда вечером мы вернулись домой и шли по коридору в нашу комнату, молодой немец, проходя мимо, подставил мне ногу. Я молча отстранился, и тем инцидент кончился.

Немцы были вполне правы. Что могло быть подлее того, как я жил? Миллионы умирали и страдали на войне, а я катался с любовницей по всему свету в чужие <края>.

В Нью-Йорке мы остановились в отеле Lafayette, хозяина которого я знал с первого визита моего в Америку. Это был француз-миллионер, владевший двумя отелями, который назначил теперь премию в 25.000 долларов тому, кто первый перелетит через Атлантический океан¹⁵. Условия этой премии были вывешены тогда в передней отеля и все с любопытством и недоверием читали их. Но не прошло с тех пор и нескольких недель, как Линдберг, которого считали помешанным, когда он дерзнул испытать счастье, сравнительно легко сделался во всем мире героем дня¹⁶.

В Нью-Йорке, где мы пробыли дольше, чем предполагали, еще новое дело круто изменило наши планы. Madeleine оказалась беременной на третьем месяце, и в таком случае мне не оставалось другого выбора, как только жениться на ней, а для этого нужно было прежде развестись с женой. Как же и где все это оформить? Удобнее всего было вернуться в Россию, несмотря на большевизм, и там пройти через необходимые мытарства. Но как ехать в Россию? Невозможно через Европу, где шла война. Оставалось только вернуться в Японию и оттуда ехать в Москву снова через Сибирь.

Когда я вспоминаю об этих днях, они кажутся мне каким-то смутным сном, где я был только игрушкой событий, бросавших меня из страны в страну и заставлявших кружить кругом света¹⁷.

Из града в град
Судьба людей, как вихрь, метет,
И рад ли ты или не рад,
Ей все равно. Вперед, вперед!

— это четверостишие поэта князя Вяземского, которое я любил вспоминать¹⁸.

Мы решили возвращаться в Японию через Канаду, а из Ванкувера плыть в Йокагаму.

Через Ниагару, где фотограф снял нас на фоне водопада, и через всю Канаду, на полях которой я узнавал русских баб-духоборок, когда-то при помощи моего отца покинувших Россию вследствие гонений на них правительства, мы приехали в Ванкувер, прелестный молодой город, развивавшийся тогда с необыкновенной быстротой. В нем тоже я бы остался навсегда. Зачем было уезжать отсюда? Так или иначе мы смогли бы зарабатывать и здесь <на> нашу жизнь. Но Madeleine стремилась скорее оформить наше ложное положение, и я вполне сочувствовал ей.

В бурную погоду в тесной каюте II-го класса небольшого английского парохода мы оставили Ванкувер и снова очутились на волнах Тихого океана. Этот переезд был опасным, так как немецкие “рейдеры”^{*} топили в этих водах английские корабли.

Вместе с нами из Ванкувера ехали еще какие-то возбужденные и странные русские люди, которые, как я потом узнал, были русскими коммунистами, возвращавшимися из Соединенных Штатов в Россию. Их было около 400 человек. За время путешествия я познакомился с некоторыми из них и говорил с ними. Все они были озлобленными и несчастными русскими «интеллигентами», обнадуженными революцией. На пароходе они вели себя вызывающе, что немало беспокоило капитана. Когда им к обеду подали суп с плававшими в нем червяками, они подняли такой бунт, грозя бросить за борт всю команду, если им не улучшат питание, что с трудом удалось успокоить их.

^{*} от *raider* — военный корабль, ведущий самостоятельные боевые действия по уничтожению пассажирских и торговых судов, а также военного транспорта (*англ.*).

Они были правы, так как наш капитан с утра до вечера дул виски и был хронически пьян. Надо было только удивляться, что такому чудовищу доверяли целый пароход.

Когда мы проходили мимо Алеутских островов (из-за германских рейдеров мы делали большой обход), с утра поднялась холодная буря и нас стало сильно качать. Madeleine лежала весь день, а я ухаживал за ней. Но к вечеру ветер утих, и мы вышли на палубу. При заходящем за темные тучи солнце два кита, пуская фонтаны, плыли теперь рядом с пароходом, играя друг с другом. Они, очевидно, радовались встрече с нами. Несколько чаек летело над ними. Вечная жизнь, жизнь повсюду и несмотря ни на что. В хорошем настроении мы спустились в нашу каюту на ночлег. Мы легли и крепко заснули. Но внезапно среди ночи я был разбужен тревожным гудком и громкими криками матросов с палубы. Я вскочил и по лестнице выбежал наверх, чтобы узнать, в чем дело.

— Немецкий рейдер атакует нас! Все пассажиры на палубу!

Гудок продолжал гудеть, а матросы с двух сторон палубы торопливо спускали на воду спасательные лодки. Пассажиры в панике и со всех концов выбегали на палубу. В темноте дул холодный северный ветер.

Я вернулся в нашу каюту, сказал Madeleine, что надо было выходить на палубу и, захватив с собой все, что было с нами теплого, спокойно пошел наверх. Полное спокойствие было необходимо, чтобы успокоить испуганную до смерти и бледную Madeleine. Спасательные лодки были уже на воде и первые пассажиры сидели в них. Суэта кругом была невообразимая. Но неожиданно появилась в темноте фигура нашего пьяного капитана, который скомандовал:

— Опасность миновала! Все назад на свои места!

Я бросил в его сторону русское самое страшное ругательство, взял бледную Madeleine под руку и повел ее назад в каюту. Мы легли, но уже не могли спать всю эту несчастную ночь.

Madeleine внезапно почувствовала острую боль внизу живота. Скоро целый поток густой крови залил ее койку. В этом море крови я поднял на ладонь синий трупик уже сформировавшегося ребенка с

большой головой, величиной с птичку, и показал его Madeleine. Потом я подошел к люку и выбросил его в море.

Пароходный доктор, которого я позвал с самого начала несчастья, был поражен количеством крови, которое теряла Madeleine, и не знал, как ее остановить. Он извел на нее всю вату пароходной аптеки. Утром изнуренная Madeleine забылась и лежала на спине, не шевелясь, как мертвая.

Еще одно острое горе ударило по моему сердцу. Ведь этот зародыш был бы человеком, моим и ее сыном. Может быть, большим и нужным миру человеком. Скольких усилий, надежд, переживаний, страстей стоило его зарождение. Но судьбе угодно было, чтобы он не жил. Может быть и даже наверное, все это было судом нравственного закона.

Мы едем через Индию во Францию. Пароход «Porthos» и бунт кúли*. Шанхай, Гонконг, Сингапур и Цейлон. Драгоценные камни в Коломбо. Моя больная нога. Madeleine отстраняется от меня. Индия. Калькутта. Агра. Джайпур. Удайпур и Бенарес. Бомбей. Коршуны и трупы. Индусский скульптор. Мадрас. Теософы. Пенанг, Сингапур и пароход «Australien». Переезд в Марсель

После случившегося с ней Madeleine была настолько слаба, что в Йокагаме четыре матроса вынесли ее на носилках. Мы остановились в Grand Hotel, красном здании на берегу моря, где мы были и раньше<,> и стали вновь обсуждать нашу жизнь, которая еще раз, особенно с психологической стороны, приняла новое освещение. Снова оба мы были свободными друг от друга и вопрос нашего брака уже не был острым, требовавшим немедленного решения. Ехать в Россию было больше не нужно, но болезнь матери Madeleine продолжала тревожить ее. Теперь с еще большей силой она стремилась назад во Францию. К тому же деньги наши уходили и надо было положить конец нашим скитаниям. Все же я решил по пути в Европу остановиться в Индии, которую я жаждал посетить уже давно<,> и теперь <хотел> воспользоваться представившимся случаем.

На этот раз мы взяли французский пароход «Porthos», один из лучших в то время, в 25.000 тонн, Общества Messageries Maritimes¹, и так, в совершенно новых условиях мы покинули милую Японию². Надо немного сблизиться с японцами, чтобы понять и почувствовать их душу. Они справедливы, доброжелательны и храбры. Они ценят дружбу, как нигде в мире. Они любят семью и детей, уважают старость. Если вы войдете к ним в доверие, они сделают для вас все, что могут. Если они почувствовали в вас врага, вы навсегда останетесь им для них.

Я полюбил Японию за эти ясные черты характера ее народа, и мне было жаль расставаться с ним.

* в странах Восточной и Юго-Восточной Азии с 30-х годов XIX века так называют несчастных, вынужденных братья за любую работу за пределами родины; буквально — искать заработки (*тамилск.*)

На нашем пароходе ехали во Францию 2000 китайских “ку́ли” на фронт, чтобы копать траншеи. Тысяча их помещалась на носовой части, другая на задней. Сначала они были незаметны и тихи. Играли в кости и оживленно болтали. Не было и мысли, что они могли быть опасными. Я заметил только, как один из пассажиров, немец на вид, раздавал им папиросы и шутил с ними.

Но неожиданно все переменилось. По всему пароходу пронеслась весть, что китайцы взбунтовались и грозят гибелью команде парохода и пассажирам. Старший рыжий растерянный офицер пробежал мимо нас по палубе, держа в руках револьвер. Кочегары и машинисты в синих, почерневших от угля рабочих костюмах выбежали из трюма на верхнюю палубу, крича, как сумасшедшие: «Où sont les fusils? Où sont les fusils?»*

Винтовки оказались в углу гостиной, и рабочие вмиг расхватали их, следуя за старшим офицером, который стал на небольшой лесенке, отделявшей наши каюты от дико кричавших китайцев, и направил на них дуло револьвера. За ним построились с ружьями наперевес кочегары и машинисты.

Я бросился к Madeleine и повел ее за собой на верхнюю палубу, где спрятал под брезент одной из спасательных лодок.

Что же случилось? Оказалось, что на носовой части парохода во время обеда один из китайцев стал мочиться прямо в море, но ветер отнес его урину на рис других китайцев, которые так обиделись на это, что побили виноватого. Тогда другие китайцы вступились за него, находя это побоище несправедливым. Начался крик, гвалт, и завязалась такая общая свалка и драка между ку́ли разных мнений, что один из офицеров команды сам был сбит с ног. Тогда другой офицер выстрелил в толпу и убил одного китайца. Этого было довольно, чтобы и другая тысяча ку́ли, узнавшая об этом, дико взбесилась.

— Вот как! — вероятно, кричали они. — Вы везете нас на войну работать для вас и в то же время убиваете нас!

Я никогда не забуду того страшного часа, в продолжение которого мы ждали нападения на нас этой дикой массы страшных и чуждых людей. Наконец, благодаря хладнокровию и храбрости рыжего

* Где оружие? Где оружие? (*фр.*)

офицера, который неподвижно простоял на своем посту до тех пор, пока толпа не стала успокаиваться и снова принялась за игру в кости, <все стихло>. Я пошел наверх за Madeleine и свел ее вниз. На этот раз она была спокойна и весело смеялась.

Когда после этой истории мы пришли в Хонг-Конг*, на наш пароход была посажена рота французских пехотинцев с капитаном во главе, который потом купался и плавал в море на каждой остановке.

Я никогда раньше не видал китайской простонародной толпы и, надо признаться, был поражен ее дикостью. Много понадобится тысячелетий, чтобы эти желтолицые существа приблизились к образу человеческому, и я не удивляюсь теперь, что коммунизм имел у них такой успех. Где же мудрость Конфуция и древних китайских мудрецов? Что же делали китайские правители все эти последние две тысячи лет для своего народа? Тот же вопрос можно задать и не им одним.

От Йокагамы до Коломбо наш пароход останавливался в Нагасаки, Шанхае, Хонг-Конге, Сайгоне и Сингапуре. Везде мы выходили на берег и смотрели <на> жизнь этих кипевших жизнью городов и делали кое-какие покупки. Впечатления были яркие, но не глубокие и, скорее, отрицательные. Самодовольные англичане, погонявшие палками чахоточных пус-пусов** или “джинрикшей”³ и в Сайгоне, и в Сингапуре; в Хонг-Конге богатый китаец — торговец вышивками, одурманенный опиумом; в Шанхае благообразный банкир, пригласивший нас к себе вечером играть в рулетку, тогда процветавшую в этом городе, — все это радовало мало. По всему свету царили те же страсти, то же умопомрачение и та же дикость.

В Сайгоне, когда мы вышли с вокзала на площадь, куча крошечных ан<н>амитов⁴ бросилась к нам со всех сторон, прося денег. Как стая обезьян, они прыгали вокруг нас и что-то кричали. Тогда полицейский, такой же ан<н>амит, но повыше ростом, стал колотить их, как зверей. Это были люди<?> В Индии — буйволы, в Швеции — коровы и лошади в сто раз умнее этих двуногих. Какое возможно толстовское или оксфордское⁵ «непротивление злу насилием» при наличии такого «человечества»?

* Так Л.Л. Толстой называл Гонконг (*Hong Kong*).

** le pousse-pousse — колясочка рикши (*фр.*)

Пора бросить такую ересь и похоронить на несколько тысяч лет, пока люди-обезьяны и люди-хищники не приблизятся к разумному и духовному облику человека. Но как можем мы требовать от полудиких китайцев и ан<н>амитов человечности, когда мы сами, «передовые» интеллигенты, постоянно, почти всю нашу жизнь обуреваемы дикими страстями?

Краткими штрихами опишу теперь наше пребывание в Индии.

После короткой остановки в Сингапуре — Цейлон, где мы сходим с парохода. Я хромаю, и нога у меня забинтована. В Желтом море меня укусила ядовитая муха, когда в жару я спал почти раздетый. Я хожу, опираясь на палку, и меня принимают за раненого англичанина.

В Коломбо мы отдыхаем и гуляем по городу, заходя в магазины. В одном из лучших ювелирных магазинов хозяин показывает нам свои драгоценности: громадные сапфиры, чудесные изумруды и рубины, “кошачьи глаза”⁶ и серебряных слонов, покрытых бриллиантами и жемчугами. Я никогда раньше не воображал, что была такая роскошь в ювелирном деле на Востоке. Индийские магараджи и купцы Индии владеют лучшими и крупнейшими в мире драгоценными камнями и жемчугами.

Мы сами увлеклись этим спортом и в Коломбо я купил на последние деньги несколько пакетов сапфиров, топазов и жемчужин. Внутри страны мне попался первоклассный темный рубин, по цвету — настоящая “голубиная кровь”⁷, который, вернувшись во Францию, я продал за десятую часть его цены. Но он позволил мне жить два <->три месяца.

Из Коломбо мы переправились на небольшом пароходе на индийский материк, откуда по железной дороге поехали на север, сначала в Калькутту, где стали осматривать достопримечательности города. Жара здесь была нестерпимая, так что днем нельзя было выходить. У каждой двери нашего отеля на полу сидели индусские boys, слуги занимавших комнаты проезжающих. В Индии у каждого иностранца должен быть свой слуга, который служит не только в отеле, но, главное, как проводник. Я тоже должен был взять себе такого, и я выбрал магометанина Магомета, к которому почувствовал доверие.

После Калькутты Агра⁸ с знаменитой гробницей Та<д>ж-Махал⁹. Здесь мне пришлось расстаться с Магометом, который накурился

опиумом и растратил часть моих денег. Я дал ему разменять пять английских фунтов и заказал купить апельсин<ы>. Вернувшись в страшном состоянии, он, отворачиваясь от меня, выбросил на стол деньги и стал бормотать непонятные слова. Губы его были желто-красного цвета от желтого перца, который едят, чтобы заглушить запах опиума.

Я сказал ему, что я больше держать его не буду и, дав денег, отправил обратно в Калькутту. На его место я взял старого благообразного индуса с седой бородой, в белом тюрбане. На другое утро Магомет явился ко мне в слезах, бросился на колени, но решение мое было окончательно.

Из Агры мы отправились в Джайпур, «розовый город», как называет его Pierre Loti¹⁰, где мы провели несколько дней. Индия, с первых же дней моего пребывания в ней, совершенно неожиданно для меня напомнила мне Россию. Во-первых, грачи и вороны, которых не видно было ни в Америке, ни в Японии, ни в Китае. Во-вторых, народ; в-третьих, старые города с зубчатыми стенами вокруг и воротами. Джайпур окружен такой стеной, напомнившей мне московский Кремль.

В этом городе многое было интересно и было несколько сильных впечатлений. У магараджи Джайпура¹¹ было более 500 жен и около 3000 детей. Так, во всяком случае, рассказывали. Это был черноволосый детина лет сорока с черной бородкой и толстым животом. В известный праздник он выезжал со своими министрами за город, где в развалинах старого храма убивал священного козла. Надо было сделать это одним ударом меча и вся компания упражнялась в этом искусстве. Если кому это не удавалось, другие поднимали его на смех. Нас возили на это место, где на камнях видны кровавые пятна.

Все же этот магараджа был гостеприимен. Он дал нам коляску и пару лошадей и своего проводника с круглым медным шлемом на груди. Этот шлем был знаком того, что экипаж принадлежал магарадже.

Возвращаясь в наш отель из одной из наших экскурсий, мы были застигнуты на пути страшной бурей. Дождь полил такой, что шоссе скоро стало бурной рекой и вода стала заливать ступеньки коляски, хотя они были непомерно высоки. Гром гремел, не переставая, и молнии мелькали одна за другой, бороздя весь воздух. Наконец, мы доехали до отеля, и лошади круто остановились перед его подъездом.

Мы спрыгнули с коляски и бегом бросились к дверям, но в эти секунды молния ударила в наш экипаж, сбила одну лошадь на землю и обожгла руку нашего проводника. Мы же оба повалились на ступеньки подъезда, не получив никаких повреждений.

Джайпур — промышленный центр. Здесь выделяются замечательные ковры, прекрасные бронзовые вещи и идет бойкая торговля красивейшими в мире желтыми и белыми топазами. Мы посещали магазины и кое-что покупали.

Однажды, проезжая через город, мы были поражены необыкновенным движением, происходившим на площади. Народ появлялся отовсюду, и множество мальчиков-подростков с криками бежали за странной, красивой и худой фигурой молодого факира-дервиша, который с завязанными черным платком глазами, кружась, как волчок, с необыкновенной быстротой устремлялся куда-то вперед через площадь.

Я узнал потом, что это был очень редкий в Индии и глубоко чтимый народом вертящийся дервиш, который лежит всю жизнь, потом неожиданно вскакивает и пускается в свой фантастический танец. Он, наконец, выбивается из сил и полумертвый падает на землю. Тогда мальчишки, поспевавшие за ним, кладут около него деньги и пищу, которыми он живет.

Когда на другое утро я посетил английского регента, который, вследствие жары днем, принимал в 7 часов утра, он сказал мне, что я был счастлив увидеть этого редчайшего факира. Регент был в Джайпуре 30 лет¹², но ни разу ему не удалось встретить его.

В Джайпуре Madeleine была нервна и неприятна. После ее выкидыша она перестала жить со мной половой жизнью, боясь снова забеременеть, что и на меня влияло очень дурно во всех отношениях. Она, очевидно, решила окончательно порвать со мной, так как теперь снова для нее открылась впереди свободная дорога той полуавантюристки, которой, в сущности, она была. Я был таким же бедняком, как и она. Революция отняла у меня последнее. Во Франции Madeleine еще может встретить богатого человека, американца или француза, с которым <она> устроила бы свою жизнь.

Так думалось мне теперь с грустью и разочарованием, но я принял новую ситуацию спокойно, так как и в ней было хорошо уже то, что я мог не разводиться с женой.

После Джайпура я решил увидеть дикую, еще более театральную Индию, — Удайпур, с его старым магараджей, который тогда был старейшим из всех индусских князей и, говорили, был развитым и милым человеком¹³.

Поздно вечером мы приехали в этот тихий город, где пара жирных гнедых лошадей и прекрасная коляска ожидали нас. От самой станции и почти до Guest house*, — большого дома, стоявшего на горе над озером, застоявшиеся лошади подхватили<сь?> и несли под гору и на гору, так что кучер едва держался на козлах.

Удайпур и его окрестности с первых же впечатлений поражают дикостью и богатством своей природы. Густая разнообразная растительность в непроходимых кругом лесах, множество всякого рода птиц, зверей, бабочек и насекомых. Весь воздух гудит их жизнью и кажется, ты попал в центр и источник животного мира, откуда произошли все земные существа.

В Guest house нас встречает его директор и, указав нам наши комнаты, приглашает к обеду, накрытому в столовой. После четырех блюд, вин и шампанского мы поднимаемся наверх и выходим на балкон, где уже расположился наш новый слуга. Полная луна поднималась над озером, и стая громадных белых птиц летела над водой. В кустах за оградой дома шарахались кабаны, на ограде сидели красавцы павлины. Масса насекомых гудела в воздухе, а вдали лаяли шакалы. Мы долго стояли неподвижно, очарованные этой истинно сказочной ночью, и какое-то новое, никогда еще не испытанное чувство восхищения и удивления перед этой клокотавшей и переполненной жизнью первобытной природой охватило нас.

Было поздно. Два сторожа бродили вокруг дома. Наш слуга уже спал в углу балкона. Пора была ложиться и нам, и усталая Madeleine первая забралась под кисею своей громадной кровати, стоявшей у двери. Скоро и я последовал ее примеру, хотя охотно просидел бы всю ночь, любясь красотами.

* дом для гостей (англ.)

Моя комната сообщалась с другими, и я заметил в ее глубине две закрытые двери. Во всем Guest house были мы одни, так как никаких других путешественников в Индии в то время не было.

Я, наконец, лег и сейчас же заснул, но среди ночи я в испуге проснулся от сильного удара, данного мне в грудь чьей-то энергичной рукой. Я вскочил на колени, озираясь кругом. Перед дверью против меня стояла красивая женская фигура, вся задрапированная в белом. Она держала одной рукой край своей одежды над лицом и только два глаза, блестя, упорно смотрели на меня.

— Зачем ты пришла? — крикнул я ей по-русски. — Я не звал тебя!

Она постояла, не шевелясь, несколько секунд, потом повернулась и неслышно исчезла. Я был испуган. Что такое было это привидение? В ту минуту я не мог даже подозревать, что эта женщина была живой индуской, посланной мне любезным директором Guest house. Я выскочил из кровати и вышел на балкон. Madeleine тоже проснулась, и я рассказал ей о случившемся.

— Oh, oh, — прошептала она испуганно, — я тоже слышала шарканье ее туфель, но я не хочу больше спать в комнате. Давай вынесем наши кровати на балкон.

Мы разбудили слугу и с его помощью устроились на балконе.

Мы пробыли в Удайпуре трое суток, и каждую ночь женщина в белом ходила по комнатам, шаркая туфлями. Во всяком случае, Madeleine воображала, что слышала ее. Я же скорее думал и думаю сейчас, что если эта женщина не была простой живой индуской, то она приснилась мне в форме кошмара после шампанского и позднего ужина под душным кисейным балдахинном. Замечательно еще в этом событии то, что <v> ту самую ночь, когда оно случилось, умерла в России моя бывшая почти невеста, Вера Северцова¹⁴.

На следующий день я поехал с визитом к старому магарадже. Он принял меня крайне любезно в обществе молодого красивого индуса-переводчика, так как сам не говорил по-английски. Он спросил меня, что я думал о войне, и спросил еще, что бы сказал о ней мой отец. Я выразил ему мое восхищение перед его городом и природой страны. Когда я уезжал, он прислал мне в подарок несколько шкур пантер и тигров с собственной охоты. Всюду в окружающих лесах были выстроены

вышки, с которых он стрелял, а в городе продавались открытки и картинки с изображением магараджи на спине слона, на которого набросился тигр.

Подъезжая к дворцу, я был поражен множеством нарядных женщин с детьми с браслетами на руках выше локтей, которые вереницей кинулись к дворцу. Мне сказали, что в известные дни магараджа раздавал им медные монеты. В другой раз мы были удивлены плачем и причитаниями народной толпы, которая встретила за городом партию каторжан в кандалах, которую гнали на работу.

Сострадание. Сострадание, искреннее и глубокое, было основной чертой индусского народа, — не только к людям, но и к животным, ко всему живому. Замечательно было также, что и животные Индии, как я не раз заметил, были сознательнее и чувствительнее, чем в других странах. Однажды мальчик, сидевший на буйволе, свалился с него, когда неожиданно верховой промчался мимо. Буйвол был испуган и отстранился. Надо было видеть, как он вдруг круто остановился и повернул голову в сторону упавшего мальчика, чтобы посмотреть, не слишком ли он ушибся. В Удайпуре есть место на окраине леса, где кормят кабанов. Мальчик лет десяти выходит на это лужок и разбрасывает маис. Тогда со всех сторон из леса выбегают кабаны всех возрастов и величин, окружают мальчика, но ни один не трогает его. Никогда не случается также, чтобы тигры набрасывались на факиров, проводящих в лесах всю свою жизнь.

Магараджа принял меня в малом дворце, но у него еще несколько больших, отделанных мрамором и золотом. В самом большом <дворце> живет его первая, главная жена, а третий выстроен на озере, куда мы ездили на катере. Кругом большого дворца выстроены громадные конюшни для лошадей и слонов.

Мы спускались также к озеру перед нашим Guest house. Оно кишело крокодилами, которые массами приплыли к мелкому берегу, когда мы подошли. Кругом озера на деревьях целыми семьями и обществами качались и прыгали желтые обезьяны.

В Удайпуре мы видели также народную праздничную процессию, что-то вроде русского крестного хода, в котором участвовали слоны, факиры, музыканты и толпа народа. Но чтобы описывать все эти короткие красочные впечатления, нужно было бы оставаться здесь

гораздо дольше, и потому я перехожу к следующему этапу нашего путешествия — святому городу Бенаресу на берегах священного Ганга, который больше других интересовал меня.

Здесь поразила меня толпа молящихся при восходе солнца. По колена в воде, обращенная к солнцу, она молилась своим богам. На берегу реки сидел уже двадцать лет неподвижно в своей деревянной крошечной избушке знаменитый факир со своим учеником, библейского вида красавцем — юношей лет двенадцати. Такие факиры — древняя традиция священного города. Одному из них, просидевшему так тридцать пять лет, в городе выстроена роскошная часовня с золотым куполом. Но, когда поздно вечером я снова сошел вниз к реке, я был разочарован, узнав святого факира, разгуливавш<его> по берегу. Еще раз я убедился в том, что факиры — лишь профессия, выгодная, когда в стране много туристов. Но и сам простодушный народ чтит их и щедро поддерживает их существование.

Река Ганг когда-то была гораздо мельче. В прозрачной воде подле берегов видны развалины прежних дворцов и домов, теперь совершенно покрытых водой.

Индусская интеллигенция Бенареса, узнав о моем приезде, пригласила меня на их собрание и просила говорить. Когда я вошел в просторную комнату, где они собрались, меня попросили снять башмаки, потом усадили на подушки на ковер. На этом громадном ковре на полу, скрестив ноги, расположилась одетая в белое аудитория, — только мужчины. Они ожидали, вероятно, других идей от сына Толстого. Но я сказал им то же, что в Сан-Франциско, — что, по моему мнению, война и зло мира исчезнут, когда людские законы станут совершенными и когда все граждане земли будут слепо повиноваться им. Эта идея тогда была центром моих мыслей.

В Бенаресе удивил меня обычай сжигать трупы мертвецов. Вечерами можно было видеть костры, горевшие по темным берегам реки, на которых тлели мертвецы медленным огнем. Так как у бедняков не было достаточно дров, то многие трупы не сгорали дотла, и тогда собаки растаскивали и пожирали их ноги или руки, а то и целое туловище.

Жара в городе стояла убийственная днем и ночью. Нельзя было спать без вееров, устроенных над кроватями и медленно качавшихся

всю ночь двумя сторожами снаружи, с балкона. Но, как только они задремывали и переставали тянуть веревки, веера останавливались, и тогда духота чувствовалась еще сильнее. Надо было крикнуть сторожам, чтобы они продолжали свое дело.

После Бенареса мы поехали в Бомбей, откуда должны были взять пароход во Францию. Но рейсы отсюда в Европу были прекращены, и мы снова очутились в неприятном и тревожном положении. Что же было делать? Остаться в Бомбее и зарабатывать на жизнь скульптурой?

Одно время я серьезно думал об этом, так как молодой индус-скульптор, с которым я познакомился, страстно желал этого. Когда я посетил его мастерскую, он засветил лампадку перед каким-то своим богом и молился перед ней о том, чтобы я оставался в Бомбее и стал бы работать вместе с ним. Бюсты этого скульптора дышали жизнью¹⁵. Между ними были Блаватская¹⁶, Тагор¹⁷ и Ганди¹⁸, но с материальной стороны они не приносили ему ничего. Если бы я остался работать с ним, конечно, я стал бы голодать вместе с ним.

В Бомбее мы поднимались на башню смерти, куда носят покойников гнить на открытом воздухе. Мы видели толпу молящихся персов на берегу моря, мы посетили поздно вечером городской парк, где англичане пили виски и <где> играла музыка.

Неожиданно пришло, наконец, разрешение наших затруднений, хотя и очень сложное. Оказалось, что, хотя прямых рейсов прямо из Бомбея во Францию больше не было, была возможность в Сингапуре поймать по пути из Японии французский пароход «Australien»¹⁹, шедший оттуда прямо в Марсель. А для того, чтобы это удалось, надо было немедленно возвращаться в Сингапур через Индию и Бирму.

Деньги мои подходили к концу, но и на это путешествие их хватало, и вот через магометанские провинции Секундорабат²⁰ и Тидрорабат²¹ мы едем в Мадрас, откуда пароход должен был доставить нас в Пенанг²².

Главная квартира и центр мировой теософии²³ в Мадрасе, их прекрасные здания и библиотека произвели на меня слабое впечатление, хотя я когда-то сам увлекался этой «религией»²⁴, которая, в сущности, ни религия, ни философия потому, что в ней нет достаточной глубины. Теософию поэтому можно лишь назвать

духовной наукой, известной формой богословия, далекой от живой жизни.

Наш переезд из Мадраса в Пенанг был очень неприятен тем, что с нами ехала партия пьяных и нахальных английских и австралийских офицер<ов>, которые вели себя, как истинные бандиты. Они приставали в Madeleine, а ночью украли ее нижнее белье, так как спали мы на палубе за недостатком кают.

Из Пенанга в Сингапур мы взяли поезд, и здесь я еще раз убедился в дикости англичан. Они погоняли и били несчастных джинрикшей, везших их на своих колясочках со станции в отель, как собак, и продолжали нахально относиться к нам.

Я был рад попасть, наконец, на «Australien», и, хотя путешествие это было опасным (мы были нагружены взрывчатыми материалами, а в Средиземном море в то время немецкие подводные лодки ежедневно топили пароходы), — оно было последним этапом наших скитаний. Мы возвращались на европейский материк, в цивилизованную Францию, где можно было снова жить по-человечески. Особенно радовалась Madeleine, которая ожила после периода долгого подавленного расположения духа.

Этот переезд был удачным. За нами, как говорили, гонялись 28 подводных лодок. Мы проходили мимо уже потопленных судов, мачты которых торчали над водой. Но в самом опасном месте, когда пассажиры и я в том числе были поставлены на верхней палубе следить за возможным нападением на нас, поднялась сильнейшая буря, и, хотя два раза подводные лодки показывались, они не могли из-за бушевавших волн направить на нас свои торпеды. Наш пароход потом пошел зигзагами, спускаясь на юг до африканских берегов и снова поднимаясь на север.

Когда, наконец, мы увидели маяк Марселя, камень упал с наших сердец, и счастливое чувство, что снова мы возвращались к более спокойной жизни, охватило нас. Одна из самых красочных страниц моей жизни заканчивалась, как беспокойный, хотя и интересный сон, от которого все же было жалко просыпаться.

В Марселе мы расстались с Madeleine. Она уезжала к родителям в Daupiné, я же решил ехать в Ниццу, где, мне казалось, я мог кое-как зарабатывать <на> мою жизнь писаньем, скульптурой и игрой. Я не

забыл последнего взгляда Madeleine, когда поезд ее отходил со станции. Ее красивые орлиные глаза были полны смущения, и сожаления, и вопроса:

— Итак, все кончилось между нами? — спрашивали они. — Ну, что ж? *C'est la vie!** Так, вероятно, нужно было.

Мне была тяжела эта разлука, хотя, как всегда и во всем, я отнесся к ней философски, не желая делать из нее страданье. К тому же, за последние месяцы я охладел к моей спутнице, как и она, вероятно, охладела ко мне. При прощании я разделил между ней и мной мои драгоценные камни и последние золотые английские монеты, еще остававшиеся в кармане. Проза жизни сильнее идиллий.

* Такова жизнь! (*фр.*)

Глава 13

Мне кажется сегодня, что не стоит вообще никому писать своих воспоминаний, и на этой 13 несчастной главе моей<,> скорее несчастной, чем счастливой<,> жизни я, может быть, навсегда оставляю это писание. После путешествия с Madeleine и разрыва с ней продолжался бурный период моей жизни еще много лет. Выброшенный из России войной и революцией, я бился, как рыба об лед, одинокий, без родины, состояния и семьи, и, странно сказать, до сегодняшнего дня 9 апреля 1943 года продолжается то же самое. Несмотря на то, что я в нейтральной Швеции, где могу проживать у сыновей, я еще больше одинок и беден, чем я был во Франции или Америке, и мои страдания еще острее, чем они были когда-либо.

Итак, после разрыва с Madeleine началась новая полоса беспутной жизни в Ницце и Париже, <наступили> годы жестокой борьбы, исканий и страстей, которым я не мог положить конец. Женщины и игра, игра и женщины, иногда много вина, а работа только тогда, когда она оплачивалась, хотя бы мизерно. Я писал в ниццкой газете, лепил, когда были заказы. Доставал денег у богатых людей или французского правительства, но жил главным образом игрой потому, что не раз, а очень много раз выигрывал крупные суммы, что давало возможность сызнова одеться прилично, заплатить долги и временно отдыхать от напряженной <борь>бы и униженности нищеты*.

Вспом<инаются> лишние усилия, а не дали, не счастье, не радости.

Вот одна русская женщина, потом другая, вот француженка, потом бел<ь>гийка в Париже. Потом еще русская и итальянка в Ницце, за ними две американки в Париже и, наконец, моя встреча с Жизель, и фейерверк, и кошмар вспыхнувшей вновь самой сильной моей любви, за которой пришли страшные разочарования, страдания и разрыв. Я отчасти описал это время в романе «Вернись»¹.

За эти годы были еще две поездки в Америку, новые отрицательные впечатления от нее, потом опять Париж с безумной игрой и, наконец, возвращение в Швецию.

* Обрыв в рукописи. Конец листа оторван. — В.А.

Здесь чуждые мне взрослые, не тонкие дети, кроме Никиты, некоторые хорошие внуки, общая холодность шведов и их материализм. Наконец, на днях страшная карамазовщина со старшим сыном Палей, который набросился на меня вне себя от ярости, готовый меня убить². Это во второй раз с тех пор, как я здесь, и без всякого повода с моей стороны. После его первого хамства я готов был убить его как собаку; на этот раз я уехал от него с решением никогда больше не видеть и не знать его. Это жалкий мерзавец и лгун, обворовавший своих младших братьев и сестер, которого Нравственный Закон должен наказать жестоко <...>^{*}.

^{*} Обрыв в рукописи. Конец листа оторван. — *В.А.*

Заключение

Опыт целой жизни открывает глаза человеку, и он ясно видит изъяны — зло и ложь человеческого мира, если человек этот сам свободен от тщеславия, гордости, глупости и страстей.

Мне видно все, как на ладони, и вот самое важное из того, что я вижу в современном, так называемом цивилизованном мире.

1. Мы до сих пор не поняли до конца, не уяснили и не оформили главной духовной и умственной единой основы и сущности, на которую должна опираться и какой должна руководствоваться жизнь, как всякого индивида, так и всякого общества, народа и всего человечества. Мы до сих пор не приняли ее, до сих пор не знаем ее, и она заменена у нас бесчисленным количеством дребедени и лжи разного сорта, — религиями, идеологиями, теориями, наукой, искусством, литературой, политикой, музыкой, техникой и т.д., — тогда как она должна быть главной, ясной, краткой и простой, вездесущей и живительной, как солнечный день. Она должна прежде всего остального быть милой и дорогой всякому. Она должна была бы с утра и до вечера постоянно быть тем воздухом, которым все бы дышали. Что же такое эта сущность? Как выразить ее?

Это для меня и для всех — сейчас и сегодня, с вечера и до утра и с утра и до вечера, — это радость и наслаждение бытием, где бы я ни был, с кем бы я ни был, что бы ни случилось со мной. Это радость, наслаждение, но не в том только, чтобы сладко есть и пить, не в чувственных излишествах, не в эгоистических стремлениях и делах, а в добрых отношениях со всеми людьми, в служении и помощи им, насколько можно, в воздержании от всего ложного, лишнего, вредного и злого, — в молчании, в терпении, в труде и мужестве, в великодушии и смирении, в самоуважении и разуме, в ненависти ко всему ложному и в борьбе с ним.

Вот духовная основа жизни, которую надо сделать всеобщей, как небо, и какой в жизни нет.

2. Жизнь человечества наполнена ложью и глупостью, перед которыми люди преклоняются и которые они культивируют и постоянно повсеместно преумножают.

Надо начать с решительного уничтожения всего этого смрада.

3. Люди духовно слабы. Их надо лечить и укреплять. Чем? Верой, истинными знаниями, законом и превыше всего двойным насилием — духа и материи.

4. Нужно создать многомиллионное международное моральное общество единой веры, которое покроет и победит весь мир.

5. В чем эта единая вера? Не думать и не делать ничего, не спросившись совести и разума, то есть морального закона в нас самих.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.....	13
КНИГА I.....	
Глава 1: Род Толстых. Родители и я. Мое рождение. Няня и мать. Братья и сестры	14-21
Глава 2: Как меня воспитывали в детстве — духовно, умственно и физически.....	24-29
Глава 3: Искусство в моем детстве и его влияние на меня	30-330
Глава 4: «Классическая» гимназия Поливанова в Москве — мои учителя и товарищи	35-40
Глава 5: Тяжелая рознь родителей дома. Рождение сестры Саши. Ее воспоминания и последнее письмо	41-41
Глава 6: Толстовство и его вредное влияние. Дурное настроение отца и причины этого	46-49
Глава 7: В университете, на медицинском факультете и первые любовные увлечения	50-54
Глава 8: Путешествия в годы студенчества. Семейный раздел и мои первые печатные сочинения	55-55
Глава 9: Ссоры родителей. Хутор Бибикова и засуха. Наследник Цесаревич и Оренбург. Кавказ, Крым и Одесса.....	59-64
Глава 10: Голодная зима в Самарских степях	65-65
Глава 11: Конец голода. Кумыс и смерть студента.....	70-72
Глава 12: Оставление университета. Военская повинность в Царском Селе. Литературный Петербург и Мэри. «Освобождение»	73-78
Глава 13: Моя долгая болезнь и отношение к ней родителей. Докторá. Санаторий Ограновича. Смерть Ванечки. Дедушка Ге, Верочка Северцова и Веселитская.....	80-86

Глава 14: Финляндия и Иван. Семья Субботиных и мой отъезд в старую Швецию	87-89
Глава 15: Швеция, Энчёпинг, доктор Вестерлунд и его семья	90-95
Глава 16: Выздоровление и женитьба. Сюрпризы «медового месяца»	96-98
Глава 17: Возвращение в Ясную	99-101
Глава 18: Наша жизнь в Ясной. Спор с отцом. Приезд Вестерлундов и рождение Левушки	103-109
Глава 19: Наша жизнь зимой в Ясной. Убийство Гусева. Осень в Стокгольме и поездка во Францию и Италию. E. Zola. Рождение второго сына Пали и второй приезд Вестерлундов	112-119
Глава 20: Мои и отцовские взгляды. «Прелюдия Шопена». Болезнь и смерть Левушки. Конец моей постоянной жизни в Ясной. В Петербург	120-126
КНИГА II	
Глава 1: Переезд в Петербург. Мои писания. Рождение Никиты и болезнь Доры. Египетские кары. Смерть болгарки. Оставление Египта и конец вегетарианства	131-141
Глава 2: Богомолки из Палестины. Купание в Крыму, выздоровление Доры и рождение мальчика с родинкой на лице. В Петербурге во время и после японской войны. Письмо царю и свидание с ним	142-147
Глава 3: Отсутствие русских государственных людей. Моя газета «Русский народ» и революционеры. Русские масоны. Мое увлечение театром. Илья Репин	148
Глава 4: Скульптура и отъезд в Париж. Первые встречи с «Францией»	153
Глава 5: Первая поездка в Америку. Несчастливая «Лузитания». Trenton, Бостон и Вашингтон. Президент Тафт. Эдисон. Wellesley College. Телеграмма из Парижа	162-165

Глава 6: Болезнь Доры. Жизель стала другой. Ясная Поляна в последнее лето жизни отца. Горе моей матери. Завещание отца и его отношение ко мне. Меня судят в Петербурге. Бегство отца из Ясной Поляны и его смерть..... 166

Глава 7: Отец в гробу и его похороны. Обрато в Париж. Усиленная работа. Визит Mörner'a. Отъезд в Halmbyboda и снова Петербург. Игра. Приближение великой войны. Рождение четвертого сына и православные крестины в Швеции. Моя статья в «Новом времени», вызвавшая «Bonde Toget» в Швеции
..... 178

Глава 8: Начало великой войны. Дора едет в Швецию, а я в Польшу с Красным Крестом. Первые соприкосновения с войной, наши постыдные поражения и чувство беспомощности перед ними. Я еду обратно в Россию, в Ясную, в Петербург и в Могилев
184-190

Глава 9: Брат Андрюша и братец Тимофей..... 191

Глава 10: Ясная и Madeleine. Отъезд в Японию. Владивосток, Цуруга, Токио и Киото. У писателя Токутоми. Отъезд в Америку, Гонолулу и отречение царя 195

Глава 11: Сан-Франциско. Брат Илья и Трубецкой. Клуб писателей. Письмо из Франции. Инцидент в Чикаго. Нью-Йорк. Madeleine беременна, и мы решаем вернуться в Россию. Ниагара и Ванкувер. Мы едем в Японию. Коммунисты из Америки. Ночная тревога и болезнь Madeleine
203-210

Глава 12 : Мы едем через Индию во Францию. Пароход «Porthos» и бунт кули. Шанхай, Гонконг, Сингапур и Цейлон. Драгоценные камни в Коломбо. Моя больная нога. Madeleine отстраняется от меня. Индия. Калькутта. Агра. Джайпур. Удайпур и Бенарес. Бомбей. Коршуны и трупы. Индусский скульптор. Мадрас. Теософы. Пенанг, Сингапур и пароход «Australien». Переезд в Марсель211-210

Глава 13224-224

Заключение226-226

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

Сохранился **другой вариант** продолжения воспоминаний Л.Л. Толстого.

Глава 13

Разлука с Madeleine. Ее взгляд. Париж и женщины. Признание друга. Его сифилис. Ницца. Жизнь на Ривьере. Игра. Монте-Карло. Мишка Молоствов. Марина. Марианна. Ферзен. Башкирцев. Кукина. Строганов. Моя хозяйка, — братья Гужон. Еду в Россию за ожерельем

Глава 14

Париж и рейды. Ночные тревоги. Берта. Лондон и опять женщины. Grand Palace Hotel и послед<ний> рейд <19>18 года. Норвегия и Швеция. Моя жена и дети. Стокгольм и Петербург

Глава 15

*Большевики убивают и арестуют. Княгиня и ее бюст. Смольный. **Весточка**. Занятие Строг<ановского> дворца матросами. Игра в покер с бар<оном> Корфом. Мать и Ясная. Офицеры-измайловцы. Отъезд с последним парох<одом> в Стокгольм. Опять Швеция. Конвой в New Castle. Лондон, Париж и Ницца*

Глава 16

Марианна. Работа в Сinема. Беременность М<арианны>. Мученье. Рожден<ие> Вани. Игра. Анкета. Развод с женой. Пупоньерки. Отчаяние. Висбаден. Я кассир за 300 марок в месяц. Кочубей и француз. Париж. Rue de Rennes. Мои страдания

Глава 17

Окон<чателный> разрыв с Мариан<н>ой. Осман

Глава 18

Я пишу Gisèle. Встреча с ней. Близость без счастья. Port Cros. Развод с Мар<ианной>. Страдания. Все «trop Tard» для счастья*

Глава 19

*Годы и дети. Я один. Париж. White, Dunn<у>, Goady. Принцесса и сыновья. Игра. Dunny. Мертвецы. **Lons le Saunier**. Америка 3 раза. Возвращ<ение> в Швецию. Дети и внуки. Муссолини. Италия. Таня. Швеция. Шведская жизнь. Конец бурной жизни. Житие без страстей. Смерть матери и жены. Холод жизни. Моя философия. Мир*

Чему научил меня опыт моей жизни? Во-1-х, не строить себе иллюзий; во-2-х, молчать и служить так или иначе людям; в-3-их, не сердиться, не ненавидеть, не искать, не лениться, не бояться, не объедаться, не требовать, не раскаиваться, не молиться, не ждать, не наслаждаться вредным, наслаждаться вечным и полезным, любить любящих, любить добрых и ненавидеть злых, недобрых и не любящих и отстраняться от них. Искать общества умных и разумных и убегать от дураков.

* слишком поздно (фр.)

II

МИЛЫЕ МОИ ЯСНОПОЛЯНЦЫ...:

Письма Л.Л. Толстого и его братьев родителям и всем
“яснополянским жителям” 1883-1885 годов

Детские письма Л.Л. Толстого с трудом поддаются атрибуции: многие имена, известные адресатам, ничего не говорят постороннему глазу. Но это и есть тот яснополянско-московский, мир, который до сих пор притягивает и завораживает.

Бесхитрость и незатейливость этих писем Л.Л. Толстого — следствие установки, которую младшие Толстые восприняли как нечто само собой разумеющееся. 21 июня/3 июля 1884 года Л.Н. Толстой записал в Дневнике: «... Вечером у Маши в комнате заговорили о том, как каждый провел день. Это не игрушка. Я бы ввел это в обычай. Разумеется, не нужно принуждать. Кто хочет, рассказывает»¹.

Через несколько дней, 24 июня 1884 года в письме В.Г. Черткову он уточнил свою мысль: «... И мне бы ужасно хотелось втянуть их в это — каждый вечер собираться и рассказывать свой день и свои грехи! Мне кажется, что это было бы прекрасно, разумеется, если бы это делалось совершенно свободно. ...»²

Дети Толстых восприняли это начинание совершенно серьезно. 2 июля 1884 года по возвращению из Москвы в Ясную Поляну 19-летняя Т.Л. Толстая заметила: «...Каждый вечер мы собираемся и рассказываем каждый свой день, начиная с папá и кончая каждым, кто только не пожелает присоединиться к нам. ...»³

Л.Л. Толстой в разлуке с родными хотел рассказывать обо всем. Его письма 1883-1885 годах воссоздают атмосферу дома Толстых в Ясной Поляне и Москве, позволяют из первых рук — в прямом и переносном смысле слова — узнать, как непросто складывались отношения в семье великого писателя, уточняют моменты короткого сближения сына и отца и в какой-то степени отвечают на вопрос, почему их диалог, несколько раз начинавшийся, по существу так и не состоялся.

В письмах гимназиста Льва Толстого подкупает искренность автора, живая интонация, достоверность ситуаций, переживаний, образов и картин. Письма воссоздают атмосферу дома Толстых в Москве и Ясной Поляне, причины зародившейся драмы, приведшей к противостоянию внутри семьи и уходу Л.Н. Толстого из Ясной Поляны. Они дают некоторое представление о том, как непросто складывались отношения в семье великого писателя⁴, уточняют моменты короткого сближения сына с отцом и в какой-то степени отвечают на вопрос, почему их диалог, несколько раз начинавшийся в разные годы, так по существу и не состоялся.

Итак, в марте 1882 года Лева «заболел сильнейшей лихорадкой, экзамены держать не мог, совсем слег; и болезнь его не поддавалась лечению»⁵. Попытка в сентябре 1882 года вернуться к учебе успеха не имела. «Занятия Лели шли очень плохо, директор Поливанов говорил, что он очень отстает и в следующий класс перейти не может. ...

Когда Леля походил к гимназию, Лев Николаевич, видя его физическую слабость, постоянное недомогание и плохие успехи, взял его из гимназии и привез неожиданно для меня в Ясную Поляну⁶. Мне это было в первое время неприятно, и я пишу своим старшим сыновьям Сереже и Илье 22-го сентября 1882 года: “Когда я увидела Лелю и узнала, что он взят из гимназии, я была недовольна. В этом какая-то слабость, баловство, женское что-то, не энергическое для Лели...” ...»⁷

Несмотря на то, что сразу же с Л.Л. Толстым начал заниматься И.М. Ивакин⁸, потом дважды в неделю учился с гимназистом, специально приглашенным для него в Ясную Поляну⁹, в 1883 году Л.Л. Толстой оказался не готов к учебе в гимназии и с конца сентября продолжал занятия дома¹⁰. В мае 1884 года при аналогичной попытке поступить сразу в V-й класс Л.Л. Толстого постигла столь серьезная неудача, что Л.И. Поливанов счел необходимым поделиться своими соображениями с С.А. Толстой и предупредить ее о возможных негативных последствиях¹¹.

Ни С.А. Толстая¹², ни Л.Н. Толстой¹³ и не могли всерьез заниматься обучением мальчиков. Таким образом, Илье и Льву в Москве пришлось обходиться своими силами, учиться быть самостоятельными и “большими”, равняясь на старшего брата Сергея.

В сентябре 1884 года мы видим 15-летнего Льва Толстого не в V-м, как ему бы хотелось, а в IV-м классе гимназии Л.И. Поливанова, где у него не всё идет гладко... Он отчаянно скучает по родным, сердце его рвётся в Ясную Поляну, но ему туда никак нельзя...

Письма или приписки старших братьев, Сергея и Ильи, дополняют рассказ гимназиста Льва Толстого. Часть писем была опубликована¹⁴, остальные публикуются впервые.

Л.Л.ТОЛСТОЙ — С.А.ТОЛСТОЙ

11 <сентября 1883 года
Москва>. Воскресенье

Наконец-то теперь, милая мамá, насчет уроков всё устроилось и то не совсем. Илья¹⁵ ходит в гимназию, готовит усердно уроки, а я пока только с madame¹⁶ учусь и играю час в день. А учителя приедут только завтра, когда мы и начнем серьезное ученье. Один учитель уже был, такой молодой, в синих очках и не больно симпатичный, как madame и все мы нашли, но этого и не нужно, лишь бы дело с ним пошло. Он завтра приедет в 9 до 11 (он учит только греческому и латинскому)¹⁷, а другого учителя еще не видать, а как фамилия, не знаем. Madame Seuron всё ужасается тому, как здесь каждый старается обмануть, но она уже многих поймала в обман<е> и всё обещается им, что она позвать квартальный¹⁸. Алена¹⁹ готовит нам очень хорошо, но сегодня, должно быть, будет скверный обед, потому что она узнала, что Влас²⁰ приедет. Мы уже вам написали 2 письма и от вас получили тоже 2, удивительно, что вы еще их не получали. Виноград 15 коп<еек> 2 фун<та>, лопаем, как выражается (М*) Алкид²¹, вдоволь, но все-таки здоровы. Таня²², наверное, замахивает рукой.

Little Masha!²³ тебе велит madame привезти в руках, вместо груш или яблок, все нужные тебе для учения книги, потому что мы начнем учиться на другой же день, и твой альбом²⁴. Я был у Алкида, к удивлению моему, он красен, толст, как никогда, и вместе с тем учится первый сорт. Были в храме Спасителя²⁵, такая мерзость, что ужас, хотя и золота, нежели серебра, вдоволь; почему? нипочему²⁶. Как я взашел

* означает Мóлодец. — Примеч. Л.Л. Толстого.

туда, просто так назад и хочется, на молитвенный дом не похоже, скорее, панорама, взятые Карса²⁷. Вы спрашиваете, кого мы видим, никого, почему? почему. Только и были, что у Боянусов²⁸, они такие же милые. Были еще в Манеже²⁹, стреляли в цель и прожорствовали. Лампадку выдумали зажечь, должно быть, какая-нибудь из девочек, только потому я это одобряю, а то нет.

Вчера я вдруг вспомнил, как мы с Тетенькой³⁰ русака протравили, так мне стало досадно и захотелось опять так-то поохотиться, что на месте не сидится.

Madame улыбнулась тому, что вы пишете, что у нас cosy³¹, она говорит, что он<а> точно попала в откопанный дом Помпеи³², такая грязь.

Целую всех.

Madame всем кланяется, а Алкид тоже, кому целует ручку³³, а кому кланяется.

Леля.

P.S. Как нога Маши³⁴? и по какой причине она скучает³⁵, по той ли, что не может бегать, или по какой-нибудь другой³⁶?

II

С.Л.ТОЛСТОЙ³⁷ — С.А.ТОЛСТОЙ

4 сент<ября 1884 года³⁸

Москва>

Евгений³⁹ спрашивает: если во флигеле верхнюю квартиру разделить на две⁴⁰, то не надо ли в одной из них сделать печку для приготовления еды? Если одна половина пойдет мне, то тогда, конечно, не нужно; но если я буду жить внизу⁴¹, то как?

Я вчера у Усова⁴² получил 5, послезавтра опять экзамен (у Столетова⁴³. Метеорология)⁴⁴.

III

Л.Л.ТОЛСТОЙ — С.А.ТОЛСТОЙ и Л.Н.ТОЛСТОМУ

7 сентября <1884 года
Москва> вечером

Илья нынче ходил в гимназию и вечером учился, а завтра и послезавтра будем ликовать⁴⁵. Меня начали эти дни спрашивать; что поставили, я не совсем знаю. Знаю, что поставили 4, 3 и третий балл 3 или 2, не знаю. А в четверг я приеду⁴⁶, если будет хорошая погода. Надеюсь, что папаша ничего не скажет на это, день пропустить в гимназии по «домашним обстоятельствам» или потому что «живот болит».

Обои заклеили. Печника нет, придет в понедельник⁴⁷. Илья живет пока со мной в Тани<ной> комнате⁴⁸.

В гимназии очень хорошо и весело, только учителя под конец дня очень делаются сердиты от усталости и ставят много 2.

Нам готовит Хватевна⁴⁹, повар⁵⁰ отказался, но и без него мы прекрасно едим.

Кланяйтесь Агафье Михайловне⁵¹, Василию Шурайчику⁵² и девочкам.

Целую мамá, папá, бабушку⁵³, дедушку⁵⁴, сестриц и братцев и всех сродников.

Леля.

Больше писать и делать нынче нечего.

*Л.Толстой*⁵⁵.

P.S. Скоро увидимся, если папá не помешает⁵⁶.

IV

**Л.Л. ТОЛСТОЙ и С.Л. ТОЛСТОЙ —
С.А. ТОЛСТОЙ и Л.Н. ТОЛСТОМУ⁵⁷**

10-е сентября <1884 года
Москва>

Нынче утром приехал Сережа, днем была и обедала Melle Roussele⁵⁸. Уроки идут недурно, сейчас кончу письмо и сяду готовить. Я очень рад, что Кузминские не проедут во вторник⁵⁹, во-первых, потому что нельзя бы было их видеть, — уроков много, а во-вторых, что я увижу их в Ясной⁶⁰.

У нас был Алкид⁶¹, бегали, прыгали и стреляли в саду. Печник работает; будет готово через 8 дней. Madame велела сказать que tout marche⁶² и что мы едим прекрасно.

Так я больше писем до приезда не напишу и потому прошу Вас, милая мамаша, прислать на Козловку в 11 часов в четверг, если же меня не будет на этом поезде, то пусть кучер подождет там: пускай въедет в ворота и войдет на станцию.

Ну, прощайте, все, ждите меня в четверг, если отпустят в гимназии, в 11, если нет, в 2 <часа>.

Л. Толстой⁶³, а иначе сказать Леля, Лёва, Лелька.

Madame кланяется.

P.S. Прочтите на той стороне, что Сережа написал. Я пишу, а Илья сидит, готовит уроки и сопит.

Сегодня⁶⁴ (10-го) приходил Маликов⁶⁵ и просил напомнил папá о его письме⁶⁶.

Адрес Маликова: Кудринская Садовая, д<ом> Коробовского⁶⁷, кварт<ира> Алекс<андра> Герас<имовича> Орфано⁶⁸.

V

Л.Л. ТОЛСТОЙ — С.А. ТОЛСТОЙ

<19-е сентября 1884 года
Москва>

Мы все живы<->здоровы. Меня не спрашивали даже<,> почему я не был⁶⁹, а нынче был на ½ часа наказан за то, что двинул скамейку во время урока. Нам возвратили тетради алгебры и мне 1 балл. Я забыл решать уравнения, но теперь прочел и знаю, и думаю<,> что будет теперь лучше. Я поднес часть дичи Левашову⁷⁰, а он мне за то коробку конфет от Абрикосова⁷¹. Я не ездил к Кузминским на вокзал⁷². Печку кончают. Илья нынче не ходит в гимназию⁷³.

*Л. Толстой*⁷⁴.

VI

Л.Л. ТОЛСТОЙ и И.Л. ТОЛСТОЙ — С.А. ТОЛСТОЙ⁷⁵

20 сентября <1884 года
Москва>

Милая мамá, у нас нынче не совсем все ладно.

Я получил 2 из латин<ского> и был оставлен на час; madame Seuron больна и то и дело охает. Хотим идти в баню, да никого не останется в доме, кроме Лизы⁷⁶.

Напишите мне, пожалуйста, где и как заказать себе рубашки, мои совсем развалились. Влас⁷⁷ жену свою обнимает и говорит, что жив, здоров и ей того же желает⁷⁸. Яблоки продали за 175 руб<лей>, и если же не продадут там⁷⁹ и стоят они в ящиках, то Сережа говорит, чтобы прислали⁸⁰. Прощай, *развожжай*⁸¹ <->разинюшка уехал, ну и довольно.

*Лев Толстой*⁸².

Я слышал⁸³, милая мамá, что вы с папá решили отдать Зорьку⁸⁴ и что мне можно будет приехать в Ясную 1-го <октября>. Пожалуйста, не обещайте и не отдавайте ее до моего приезда⁸⁵. Отчего вы мне не хотите заказать сапог? все равно мне они нужны будут к Рождеству, а если вы думаете, что тут они стоят дороже, то напрасно, напишите мне цену и за столько я и могу их заказать⁸⁶. Третьего дня мы с Сережей

ездили на вокзал встречать и провожать Кузминских⁸⁷; с ними приехал Вячеслав⁸⁸, и мы их очень хорошо устроили. Леонид⁸⁹ написал начальнику станции и им дали отдельный вагон. Вячеслав у нас переночевал и уехал назад в Серпухов⁹⁰.

Илья.

P.S. Если мне нельзя уже заказать сапог, то велите, пожалуйста, починить мои старые.

Вчера я был у Леонида⁹¹ и встретил там Дьякова⁹² с дочерью⁹³.

VII

Л.Л. ТОЛСТОЙ — С.А. ТОЛСТОЙ

21 сент<ября> 1884 <года>

4 часа <Москва>

Нынче пришли яблоки, Сережа ездил утром на станцию. Ящики некоторые на станции начаты<,> только меньше<,> чем в прошлом году.

Илья уехал к Мамонтову⁹⁴ на свои деньги, которые взял у Боянуса⁹⁵. В субботу⁹⁶ Сережа и Илья приедут вечером, но я бы не прочь увязаться с ними, madame говорит, что уже одного оставлять ни к чему, итак<,> если папá и вы позволите, то мы все трое приедем в субботу и понедельник в ночь поедем назад.

Печка будет готова в понедельник⁹⁷ и печники начнут Серезину. Мы нынче с Алкидом⁹⁸ бегали кругом сада и сделали 12 кругов (400 аршин в кругу)<,> что составляет 3 версты 100 сажений, отдыхаю каждые 4 круга 1 минуту.

Я черт знает<,>как пишу<,> потому что Алкид сидит тут и<,> как коростель<,> орет в час роковой. Я учусь довольно скверно<,> впрочем<,> ничего. Был Семен Иванович⁹⁹<,> он хороший, меня расспрашивал про гимназию.

Mlle Roussel¹⁰⁰ <говорила, что> у Бреверн¹⁰¹ 600 руб<лей в год> получает одна барышня. И еще мы с Алкидом прыгали и ездили на бочонке. Madame кланяется<,> скоро обедать<,> пойду прыгать.

У нас все дружно<,> хорошо и весело.

Л. Толстой¹⁰²

VIII

Л.Л. ТОЛСТОЙ и И.Л. ТОЛСТОЙ — С.А. ТОЛСТОЙ

25 сентября <1884 года
Москва>

Печку всё делают. У madame денег, она говорит, много¹⁰³. Она спрашивает, как же она получит свои вещи без всякой квитанции. Итак, пришлите квитанцию. Я получил из алгебры, должно быть, 5 нынче за письменные работы, из географии 3 в общем; из лат<инского> письменно 4 (очень хорошо), из устного 3. Из греческого 3, из французского 5 и 5-, из нем<ецкого> 3, и из русс<кого> не спрашивали, а из Закона <Божьего> и этой истории. В общем, узнаю на этой неделе. Яблоки пришли, ходят покупатели¹⁰⁴. Сережа свидетельство¹⁰⁵ уже давно усрал. Илья приехал от Мамонтова¹⁰⁶ в то же воскресенье¹⁰⁷ в 5 часов, Madame Seuron кланяется. Послезавтра праздник¹⁰⁸, а завтра я и Алкид будем бегать¹⁰⁹. Напишите насчет нашего, а в особенности о моем приезде в субботу в 11 часов, если не позволите, то уже нечего делать¹¹⁰. Маша Кузминская¹¹¹ написала Илье письмо.

Л. Толстой¹¹²

ужо так я расписываюсь в журнал<е>, когда я дежурный в классе.

У нас ученики в IV классе все почти скверно учатся, потому что, говорят, это первый месяц, иначе нельзя. Поливанов — очень милый <у>сталый господин, всё в духе и своего маленького сына отдал в приготовительный класс, он меньше Андрюши ростом, а, кажется, на год старше его¹¹³. Сережа сейчас что-то играет страшное, громкое¹¹⁴. А пока, мамаша, прощайте. Целую папá и девочек. Вы говорите, сухо. Охоты нет, а на болоте? Луну мы смотрели, очень интересно; она проказница. А звёзды, когда мы смотрели, всё падали¹¹⁵. Я в Москве живу хорошо, нигде, кроме <как> по дороге в гимназию и на вокзал, я не был и не бываю. Я в гимназии не больше других в классе, выше меня есть еще 6 по 16 и 17 лет. Это Вас интересовало. Ну, прощайте. Целую Вас и всех.

Леля.

Ответьте скорей, пожалуйста, на эту бумагу, чтобы мне скорей узнать, быть ли мне или не быть в Ясной Полянушке. Ведь в Москве я не дома, а точно, как в город учиться приехал на 8 лет¹¹⁶, а потом домой.

А здесь Илья будет писать, я уж больно заврался.

Я¹¹⁷ ездил на одно утро к Мамонтову¹¹⁸ на охоту, убил зайца и приехал домой в 5 часов. У нас нового ничего нет. Напишите, приезжать мне или нет в Ясную. Мне очень хочется побывать у вас. Я хочу позвать с собою Мамонтова, он малый хороший и неприятного в нем ничего нет. Если это вам неприятно, то напишите мне.

В гимназии мои дела идут так себе — порядочно. Я раз был у Оболенского¹¹⁹ и видел там Дьякова¹²⁰ (я, кажется, это уже писал¹²¹), был раз у Нагорного¹²²; они все¹²³ приехали.

Сереза тоже хочет приехать в Ясную. Напишите, пожалуйста, скорей¹²⁴. Высылайте лошадей на Козловку в 11 часов 30-го¹²⁵.

Илья¹²⁶.

IX

Л.Л. ТОЛСТОЙ и С.Л. ТОЛСТОЙ — ВСЕМ ЯСНОПОЛЯНЦАМ

<Не ранее 4 октября 1884 года
Москва>

Здорово, папаша, мамаша, Танюша и Маша! У нас в университете был бунт¹²⁷; студенты собрались в Долгоруковский переулок, около 100 человек, и начали кричать. Городовые их начали разгонять, но студенты проскочили через двор в ворота и побежали к дому Каткова, чтобы бунтовать, но тут их схватили и сейчас в Бутырках сидят 75 человек. Мы живем по-прежнему. Почему мы не были в понедельник, меня не спрашивали; я в понедельник¹²⁸ пошел в гимназию в 12 часов. Завтра нам дадут книжки (баллы). У меня довольно плохие, должно быть, будут. Новый месяц надо хорошо начинать.

Мы в вагоне спали ничего. Моя дичь была очень вкусная и ужасно жирная, madame была довольна. Нынче ее рождение, ей 39 лет; у нас поэтому селедка и арбуз, но арбуз есть нельзя. Влас такой ухитрился купить, совсем белый, да они уже все распроданы.

Посылаем письма папá¹²⁹. Я по-русски без ошибок пишу, это я сам знаю, и все-таки за диктант получил 1, потому что Лев¹³⁰ так скоро диктует, что не то, что подумать, но даже и расслышать невозможно (особенно первый раз, дайте вот привыкну)¹³¹.

Маша, вот тебе письмо от Степановой¹³², тебя madame целует, ты русский костюм не надевай. А ты, Таня, надевай¹³³ и картинки пиши, ты умеешь. А ты, папá, дрова руби¹³⁴ и не уставай, как мамá пишет¹³⁵. А мамá гулять ходи и хоп-хоп малышам играй¹³⁶. Вот, всем приказал того много, да вам не скажу (только хорошее). У Муськи¹³⁷ на дворе щенок, так я ему с мамашей устроил с Василием¹³⁸ на дворе домик из соломы. Видите, как весело.

Ну, прощайте, целую вас. Я живу, учусь, ем, сплю, бегаю, а дурного, кажется, мало делаю (вот и стишки)¹³⁹.

Леля.

Madame счет посылает.

Леля¹⁴⁰ поспешил сообщить новость о студентах и, конечно, наврал¹⁴¹ я слышал, и вернее его, что дело так было: студенты хотели собрать сходку в университете, потом в унив<ерситетском> саду, потом на дворе кухмистерской, но везде им помешали инспекторы и полиция; тогда собрались во вторник в 8-м часу на Страстном бульв<аре>: они переходили с места на место сперва, а потом собрались и стали петь какую-то студенческо-революционную песнь; тогда полицейские вдруг окружили их, взявшись рука за руку хороводом и выпустив постороннюю публику, повели в Бутырки, где они теперь еще сидят; всех — 74 человека. Я узнал это только в среду и во вторник, хотя заходил ненадолго в лабораторию, не знал, что готовится. Теперь вокруг университета всё гуляют околоточные и городовые, но на Шипке всё спокойно¹⁴².

У нас все благополучно, но после приезда стало как-то скучнее и к тому же эта история. Говорят, что с попавшимися строго поступят. Об этой истории уже ходят неверные слухи, что будто студенты пришли с камнями и бутылками, чтобы разнести катковскую типографию, что им

несколько раз говорили разойтись и что они не хотели; я верно знаю, что они только пели и потом хотели толковать о том, чтобы выразить сочувствие киевским студентам, и о новом уставе и тут-то их внезапно схватили. Из моих знакомых, кажется, попался один Блеклов¹⁴³, о других не знаю.

Доехали мы хорошо и просторно; потом все-таки днем поспали. Мамонтовская¹⁴⁴ нога еще болит, но лучше; опасного ничего нет.

С. Т<олстой>¹⁴⁵.

Х

Л.Л.ТОЛСТОЙ — Л.Н.ТОЛСТОМУ¹⁴⁶

21 <октября 1884 года> вечером.
<Москва>

Сейчас только, папа, приехали мы из цирка¹⁴⁷. Я цирк люблю. Наши приехали без всякого шума, совсем незаметно¹⁴⁸. Мама веселая и довольная, хотя вчера жаловалась на боль в спине, и мы тоже все веселые и дружные¹⁴⁹.

У меня в гимназии дела идут вот как: придешь из гимназии, до обеда болтаешься, после обеда сядешь за уроки часов в семь, некоторые отложишь до утра, а некоторые выучишь в постели вечером, так что устные уроки всегда бывают приготовлены, а письменные, которые пишем в классе, я пишу не очень хорошо. Из алгебры уже 2 единицы получил, задач не решил и был огорчен, пришел домой и хотел решать задачи каждый день, как придешь из гимназии, но карактеру¹⁵⁰ не хватает; может, хватит; а русские диктанты скоро диктует, одну 1 и одну 2 получил, тоже скверно, да это ничего, привыкну, вот уже лучше теперь, то 1, а теперь 2, а пото<м> 3, 4, 5. Когда мама приехала, я ожидал, что она спросит баллы посмотреть, но она не спросила, мне стало как-то не то жалко, не то страшно, как это мама не интересуется тем, что она считает нужным и важным¹⁵¹. Мне что-то спать хочется, прощай, целую тебя.

Леля.

Завтра утром, может, еще припишу и пошлю.

Утром 3 час<а>. Мы были на пожаре¹⁵². У нас Кислинский¹⁵³. Прыгали в саду¹⁵⁴.

XI

Л.Л. ТОЛСТОЙ — С.А. ТОЛСТОЙ

6-го <мая 1885 года.

Ясная Поляна> Понедельник

Что мамá¹⁵⁵? Я приехал, напился чаю, оправил постель¹⁵⁶ с Мар<ьей> Афан<асьевной> и Андрияном¹⁵⁷. Миша¹⁵⁸ выехал за мною на Козловку. Соловьи поют, тишина и прелесть.

В вагоне было просторно, но не интересно. Булька¹⁵⁹ мне рада и, кажется, все остальные <тоже>. Яйца по дороге упали с полки на пол, их столкнул старичок. Яйца целые.

У Мар<ьи> Афан<асьевны> украли из комода плотники чайную ложку, полотенце и баранки с вареньем. Она очень огорчена и хочет достать у солдата какого-то на деревне ложку. Полотенце было одно <у> скотницы и она ей отдала свое. Прощайте. Целую вас. Желаю, чтоб вам было также хорошо, как мне теперь.

Мамá! Выздоровливайте, пишите и приезжайте скорей¹⁶⁰.

Ле<ля>¹⁶¹.

XII

Л.Л. ТОЛСТОЙ — С.А. ТОЛСТОЙ и Л.Н. ТОЛСТОМУ

<5 сентября 1885 года

Москва>

Был сейчас Трескин¹⁶²; пили с ним чай и разговаривали, он здесь скучает и велит мне учиться. Офицеру Левашову¹⁶³ поднес 2<-х> вальдшнепов, а он мне конфет по примеру прошлого года. Дядя Костя¹⁶⁴ только сейчас пришел, был у Мансуровых¹⁶⁵, хоронил Салтыкову¹⁶⁶ и т.д., а сейчас играет¹⁶⁷. Начал было писать это письмо, как получил приятное и ясное письмо папá. Только первые слова письма — “Хотя ты моих писем не читаешь...” — были для меня неприятны¹⁶⁸, потому что это несправедливо. Я не прочел того письма, потому что я перед ним уже тебя видел¹⁶⁹. Ты пишешь, что я Sourd¹⁷⁰, который знает вперед, что ему скажут, — это правда, но не всегда, потому не всегда знаешь, что тебе вперед скажут. Я живу пока хорошо во всех отношениях, т.е. хожу в гимназию, налаживаю учиться хорошо, главное ведь наладить сначала; знакомства не завожу, конечно, кроме гимназии. Был у меня Давыдов¹⁷¹,

он в моем классе, негодяй скверный, теперь больше не позову к себе, хотя трудно с ним иногда и не говорить. Я большею частью времени занят и поэтому мне не скучно, только вечером, когда один чай пью и подношу чай наливать, каждый день берусь за чайник и наклоняю над чашкой, забываю, что чай никто не заваривал, тут мне делается досадно и я со злостью завариваю чай.

Теперь я пишу для мамá:

Купил сукна¹⁷², отдал 10½ руб<лей> и отдал шить Скорнякову¹⁷³. Купил книг рубля на 4, пересмотрев все книги, которые в доме. Купил ветчины для завтрака в гимназию. Денег много у Григория¹⁷⁴ — на нас хватит. Мы хотим ехать, т.е. Трескин едет на охоту в субботу¹⁷⁵ за Москву, 2 станции от Москвы, я хочу тоже ехать, напишите мне, что вы думаете. Если не надо, то 14<-го> надо мне приехать в Ясную, это так просто, а всего 6 рублей. Папá не похвалит, что я пишу всего 6 рублей, это правда, но везде сколько брублей мы бы могли не тратить (утешение швах). Так что ж нам делать, кому отдать — я забыл¹⁷⁶.

Прощайте же, надо уроки готовить, живите в Ясной подольше, но будьте живы и здоровы. Мне без вас покойнее, хотя скучнее — это правда. Таня скажет: “Да, да”. Илья поехал в Никольское¹⁷⁷, а около дома охота в сто раз лучше.

Любящий всех Левон¹⁷⁸.

ХIII

Л.Л.ТОЛСТОЙ и К.А.ИСЛАВИН — С.А.ТОЛСТОЙ¹⁷⁹

6 сентября <1885 года
Москва>

Вот вам ответ на все вопросы¹⁸⁰. Живу хорошо, бывает скучно, особенно нынче, дождь шел весь день. Пошел в гимназию и в час, перед началом уроков после завтрака вспомнил, что я забыл книгу с тетрадью — <с той, которая> самая нужная. Пошел домой, но опять не пошел <в гимназию>, потому что опоздал — это жалко, но не очень. Уроки спрашивают, отвечаю недурно, даже хорошо некоторые. Ем еду. Вижу людей — дядю Костю¹⁸¹, который мне приносит закуски, вино и виноград и который иногда обедает, но бывает каждый день и много играет¹⁸². Дома сижу весь вечер. В Ясную мне всегда хочется —

конечно, и я приеду 13-ого, если вам не будет неприятно. Илье скажите, чтоб он приезжал¹⁸³. В седьмом классе все с бородами и все его зовут. 2 года посидит и кончит — 2 года скоро пройдут. Я и то думаю: что ж, мне осталось 5ый, 6ой и 7ой и шабаш. Хозяйству вашему я не доверяю, потому что это вещь приходящая, ну а яблоням, конечно, будет лучше. Зачем тетя Таня укладывается¹⁸⁴, я этого не мог ожидать. Целую вас и папá и тетю Таню и девочек. Кланяйтесь Ольге Николаевне¹⁸⁵. Булька жиреет. Неужели такой сильный у тети Тани ревматизм, что она скрючена<?> Это жалко, но я знаю средство, пускай она машет 2 часа рукой. Агафье Михайловне¹⁸⁶ кланяйтесь и скажите, чтоб щенка соблюдала.

Левонтий.

Ждите 13ого вечером на Козловку (а всего 6 рублей — совестно писать — и того меньше¹⁸⁷, потому что здесь бы истратил), а в понедельник 16ого <урок> начинается в 10 часов.

“Левонтий” непременно требует, чтобы я приписал¹⁸⁸, — кажется, в таких видах, чтобы я также подтвердил его собственное о себе мнение — на счет его благонравного поведения. Да я и сам с<о>бирался написать Вам на эту тему и<, > признать, не ожидал в нем столько “солидности”. Я иногда ч<е>рез день, иногда каждый день навещаюсь и постоянно нахожу всю ситуацию весьма приличной. Стараюсь, сколько могу и умею, накидываться на его распущенность и кисельное направление воли и внушать доброе немецкое правило “брать себя почаще вместе”¹⁸⁹. Мне это правило постоянно внушали в Дерпте¹⁹⁰ и увы! к чему же это повело?.. Иногда я прихожу обедать и стараюсь ассезонировать¹⁹¹ трапезу со свойственными мне гастрономическими поползновениями, но все в границах приличия и скромности¹⁹².

Ты, вероятно, уже знаешь¹⁹³, что я хоронил свою другиню Веру Салтыкову¹⁹⁴. На этих днях был у Катеньки¹⁹⁵; был у детей Мансуровых¹⁹⁶ (старики на похороны не приезжали) — зовут в Горюшки¹⁹⁷. Был также у Перфильевых¹⁹⁸. Но больше сижу дома в мерихлюндии¹⁹⁹, а подчас прихожу к вам в дом разбивать ее на музыку. Илье советую “взять свою партию”, публично признать себя виновным, самолюбие — в карман и приехать в объятия Поливанова и товарищей,

которые, слышно, усиленно его призывают. С кем беды не бывало?
“Юнкер Шмидт! честное слово, лето возвратится...”²⁰⁰

XIV

Л.Л. ТОЛСТОЙ — С.А. ТОЛСТОЙ

<18 сентября 1885 года
Москва>

Теперь пишет тонкий мальчик²⁰¹. Я писал Вам, даже подчеркнул: “оставаться совсем в Ясной”²⁰², а Вы мне тут 26 об этом страниц²⁰³, живите Вы там, пожалуйста, всю зиму — это очень просто и для нас лучше, по крайней мере, для меня относительно учения будет лучше²⁰⁴. Вчера²⁰⁵ был на скачках, выиграл брублей в тотализаторе. Там были все светские наши знакомые: Уваровы²⁰⁶, Свечин²⁰⁷, Келлеры²⁰⁸, Оболенские²⁰⁹ и т.д. В гимназии всё по-старому. Да и все-то по-старому.

Целую Вас.

Левонтий.

Был я у товарищей некоторых — пили чай, вот и всё²¹⁰.

XV

Л.Л. ТОЛСТОЙ — С.А. ТОЛСТОЙ и Л.Н. ТОЛСТОМУ

19 сентября <1885 года
Москва>

Все прекрасно. Ходим оба в гимназию. Мне Поливанов прочел нотацию. Вызвал и говорит: <“>Ну, что, Толстой, путешествовали в вашу Ясную-то Поляну, что, говорит, там делать? или здесь дождя не видали<”>? Я говорю: <“>Погода была прекрасная<”>. Вы, говорит, только наладились, а тут опять два дня пропустили. Вы, говорит, можете учиться, только рассеиваться Вам нельзя, потому что у Вас характера не хватит догнать. Вы уехали, думали прояснить себе жизнь, *нет!* Там только затемнитесь (папá пика). Слушал я, слушал — мудро говорит Левка. Спросил меня урок и те, что я пропустил. Я знал плохо. Я, говорит,

затем вас и спрашиваю, что знаю, что вы не знаете того, что мы без вас прош<ли>. Тем кончилось. Я рад, что все так обернулось.

Илья накупил себе разных тетрадей и хочет, словно, заниматься. Сейчас ушел к Боянусу²¹¹. Обедали Трескин²¹² и дядя Костя²¹³, ели вальдшнепов, которых привезли сюда.

Что после Кузминских²¹⁴, какой дух у вас? Я думаю, что вы все как будто должны чего-то хватиться <? неразб.>. Трескин видел Кузминских на станции, провожая своего дядю²¹⁵, и говорит, что остаетесь до 12<-го,> — напрасно — если приезжать, то приезжайте пораньше²¹⁶. Посылаю письмо от Фету²¹⁷, что делать? ответьте, Григорий²¹⁸ не знает. Приехал я со станции, вошел в комнату, вижу “Русское богатство”, прочел две вещи²¹⁹, “Последние идеалисты”²²⁰ и “Дело коммерческое”²²¹. Интересно, но скверно. Названия странные, а суть пустая²²². Что Маша наша, всё учится, а ведь она не научится, я исполнял сии уроки²²³. А Таня всё что-то хочет доказать, сделать²²⁴, а, в сущности, одного ждет — выйти замуж. Я ведь всех знаю. Тетка меня так и называет — тонким мальчиком. Но я всех понимаю, а себя совсем не знаю и узнать-то безнадежно, в том смысле безнадежно, что я уже пробовал, да все изменяюсь.

Вот оторвался и прочел письмо²²⁵, <написанное> после <отъезда> Кузминских, я правду, стало быть, написал в начале письма, что вы скучать будете больно, этого я, по правде, никогда, нигде в сильной степени не испытываю.

Ключик нашли. Вещи целы, но рубашки крахмальные все смяты. Андриян их под самый низ сунул. Дождь льет здесь немилосердно — это мерзко. Поклонитесь всем, Александру Петр<овичу>²²⁶. Я удивляюсь что столько грибов, хотя я это предсказывал. Скажите Аг<афье> Мих<айловне>²²⁷, что мой щенок будет прозываться Чудаком и что я ей кланяюсь.

Целую вас всех, надо уроки готовить; завтра трудно, Льву надо приготовить получше. Горшок самому выносить трудно, а надо, особенно живя так, как мы теперь²²⁸.

Левонтий²²⁹.

XVI

Л.Л. ТОЛСТОЙ — С.А. ТОЛСТОЙ

<22 сентября 1885 года
Москва>

Сейчас только приехал со скачек — опять выиграл²³⁰. Приехал, прочел ваше письмо именно об этих несчастных скачках, и мне было очень неприятно. Я понимаю, постараюсь больше не ездить, но вот оправдание: во-первых, я поехал первый раз на скачки с 2-мя руб<лями>. Больше 1 руб<ля> я не мог проиграть, так что деньги в сторону, во-вторых, я поехал на скачки от нечего делать и оттого, что меня звали, не думая совсем об игре. Вы мне пишете 4 страницы об этом, об <на>следственной игорной жилке²³¹ — это все резонно, но ведь я не могу, если есть, как Вы пишете, игор<ная> жил<ка>, ее уничтожить; я не могу только на скачки не ездить, так как это Вам неприятно и я сознаю, что можно легко обойтись. Скачки в сторону и, пожалуйста, об этом забудьте, и я тоже. Сережа приехал²³², много рассказывал, был со мной у Обол<енских> вечером²³³; завтра идет в университет. Илья вчера в театре с <Боянусом>²³⁴, а нынче пошел к Урусову²³⁵; нынче праздник²³⁶. Григорий книги продает успешно; многие спрашивают о новом издании²³⁷. Я пишу и всё думаю, как бы Вам доказать, что на скачки очень хорошо ездить, но оправдания не нахожу и потому молчу. Поняли ли Вы, как я сужу о скачках? Я понял. Мне засела мысль в голове приехать в Ясную на выигрыш на вос<кресение>, пон<едельник> и вт<орник>. Два праздника²³⁸, между ними день. Это зама<н>чиво, но я не приеду. Учение мое идет порядочно, но задач по геом<етрии> я никак не могу решить и потому получил с начала года до сего времени 2 единицы. Я думал попросить Ивана Мих<айловича>²³⁹, да раздумал почему-то. Остальное идет порядочно, надеюсь кончить без многих экзаменов. Вы пишете, что Вам надо приехать, потому что мы езд<им> на скач<ки>. — Это странно и неверно. Но вам надо приехать, чтобы мы, увидав вашу праведную жизнь, укротили свою. Ну, прощай (в обоих смыслах слова), Ясенский дом. Надо Левонтию, игроку, учить уроки.

Не правда ли, хорошо?²⁴⁰

XVII
И.Л. ТОЛСТОЙ и Л.Л. ТОЛСТОЙ —
С.А. ТОЛСТОЙ и ВСЕМ РОДНЫМ

<30 сентября 1885 года
Москва>

Простите нас<,> что мы так долго вам не писали. У нас все обстоит благополучно. Вчера мы трое, Трескин, охотник и какой-то повар, ездили на охоту по Николаевской дороге и убили лося и 4-х вальдшнепов. Лося убил охотник, которого мы брали для того, чтобы он нам указывал места, а вальдшнепов, одного Трескин, двух я и этот охотник еще одного. Лось этот убит совершенно случайно. Мы ходили по вальдшнепам с мелком дробью, как вдруг из-под Сережи выскочили 2 лося и прямо на охотника, он выстрелил, но лоси ушли и, так как дробь была очень мелкая, он и не стал их искать.

Мы пришли в деревню, и стали пить чай, заговорили про лося и решили идти его искать. Пошли и нашли его уже совсем мертвым шагах в ста от места<,> где его стреляли. Теперь мы будем предлагать Оболенскому²⁴¹, чтобы он нас позвал обедать, будет наш лось и повар, а остальное его. Нынче мы с Трескиным хотим опять туда ехать охотиться, потому что и дешево и хорошо. Пакет от Иванцова²⁴² я послал вчера. Денег у нас много<,> рублей 250 еще есть. Живем мы хорошо — не обостряем²⁴³

Прочел²⁴⁴ Ильи письмо — скверно он пишет, неинтересно, не подробно и мало. Я хотел вам описать охоту хорошенько, а уже испортил он лист.

Странная штука этот лось. Не то корова, не то лошадь, не то коза. Мы убили корову и не старую, а лет трех, она потому без рог<ов>. Когда мы приехали в Крюково²⁴⁵ на станцию, пошли (ночью это было) пешком по грязи до места в деревне. Падали и смеялись. Легли спать на сене в избе, встали в 4 утра, пошли в лес, видели тетеревов, рябчиков и вальдшнепов; я почти не стрелял. Бульку²⁴⁶ нельзя было взять — досадно.

Мы ездили в воскресенье, а завтра праздник²⁴⁷. У меня сильный насморк и голова болит — спали всего 2 часа. Охота вообще была редкая. Погода хорошая; дичь была; компания хорошая, а охотник, который уб<ил> лося, лучше и дельнее всех. Когда мы вечером, найдя убитого лося, сидели

с толстым, добродушным поваром-охотник<ом> и сторожили лося, в то время как убивший его охотник пошел за подводой, закричала старая корова и такой гул прошел по лесу вечером от этого крика, — жутко нам стало. Илья и Сережа спали, когда мы пошли искать лося, так что мы впятером без них с трудом взвалили его на подводку. Завтра они опять едут, я не еду. Они думают, что каждый раз убивать можно по лосю. Письмо прочел ваше одобрительное²⁴⁸ и не одобрительное Илье насчет лошадей²⁴⁹. Идем к Оболенскому все. Будем есть лося у него. Письмо скверное и мне досадно его посылать после вашего.

Л<ева>

Сейчас²⁵⁰ получили ваше письмо. Мне очень досадно<,> что на меня так клеветают. В Никольское²⁵¹ я ездил только на двух лошадях<:> на гнедом, которого привели к вам<,> и на гнедой кобыле, которую я не мог загнать, так как ездил все время шагом, даже ни разу не скакал, а Сухотина²⁵² письмо наполнено враками<,> все неправда от начала до конца²⁵³. На охоты завтра я ~~должно быть~~ не поеду, пальто до вас шить не буду<,> а пиджак надо бы, а то всюду таскаю сюртук. Завтра <на>пишу Сухотину письмо²⁵⁴.

XVIII

Л.Л. ТОЛСТОЙ — С.А. ТОЛСТОЙ

<1 октября 1885 года
Москва>

Наше общее письмо послано в Тулу²⁵⁵; Илья ошибся, а теперь я кое-что попрошу сделать мне. Попросите<,> пожалуйста<,> Виктора²⁵⁶ привести оставшиеся в моем письменном столе тетрадки и фотографии, а Николая²⁵⁷ <—> английское седло. Скажите также Николаю отдать молодого Пашу²⁵⁸ назад в Никольское, если новая лошадь лучше его. Пожалуйста. Сегодня никто на охоту не поехал и все мы здоровы.

ЛТ²⁵⁹

Вчера я был в театре Корша²⁶⁰. Дамы все плакали²⁶¹. Я же сидел на галерке и было довольно приятно.

Был я с Трескиным, потому что там были Оболенские. Нынче хотел идти на скачки²⁶², но не пошел — это прогресс. Папá написал одну линейку²⁶³, мы были и ей очень рады. Хорошо, что Вы нам пишете, это нам всем приятно. Про нашу охоту Вы уже, должно быть, знаете из Тульского письма, а кроме этого, всё по-старому. Трескин кланяется.

Левонтий.

Я прочел <“>Серебряного<”> и увлекся довольно им²⁶⁴. Ну, что дальше будет в жизни, пока ничего не выходит, как Вы полагаете?

Нарисовал, потому что задумался и забыл, что это письмо²⁶⁵.

Счет

Сперва было 26 рублей, потом еще 5. Всего, стало быть, 31 руб<ль>.

2 р.89 к. – Мой билет из Ясной,

1 р.19 к. – Булька,

20 к. – чай,

80 к. – извозчик,

2 р.50 к. – 2 книги,

30 к. – извозчик,

10 р.50 к. – сукно,

1 р.50 к. – манеж,

2 р. – 2 книги,

35 к. – извозчик,

15 к. – извозчик в маленькую грозу,

80 к. – извозчик в Ясную,

2 р.75 к. – билет в Ясную,

25 к. проел,

5 р.90 к. – билет в Москву.

Итого 32 р.8 к.

Если Вы скажете, что много ездил, то ведь я 1 рубль <взял?> отсюда из своих²⁶⁶.

XIX

Л.Л. ТОЛСТОЙ — С.А. ТОЛСТОЙ и Л.Н. ТОЛСТОМУ

10 октября 1885 года

Москва

Давно не писал вам; я, по правде сказать, немного слушался, т.е. уроки стал хуже готовить, ложиться позже. И потому за последние дни испортил баллы. За сентябрь у меня были три двойки: из геометрии, греческого и латинского. Это досадно и скверно, надо поправляться. Из греческого 2, потому что раз только спросили во весь месяц, в начале, а после, хотя и спрашивали (я знал все уроки), но баллов не ставили. Из латинского потому, что учитель строг и особенно ко мне²⁶⁷, а из геометрии вы сами знаете²⁶⁸. Ну, да ничего, — поправимся беспрерывно. У нас дядя Сережа²⁶⁹ уже два дня, он приехал насчет квартиры и взять в банке деньги на проценты (кажется, 8%). Он взял 8 тысяч и дали ему эти деньги с большим удовольствием и брали его под ручки и т.д., так что дядя Сережа говорит, что все удивительно услужливы, когда кто сам идет в петлю. Семья его приедет 20 ок<тября>²⁷⁰. Сейчас Трескин пришел, теперь 10 часов вечера, и они играют в вист у меня в комнате с дядей Костей. Я здесь же должен быть, сказать и прогнать их в холодную столовую неловко, а мне неприятно, я нынче зол ужасно, когда получил месячные эти баллы. Я их не ожидал и товарищи даже удивились на баллы, потому что я отвечал уроки довольно хорошо. Теперь новый месяц начинается, надо того! Что вы там засели, это просто лень двинуться, не одобряю. Дом нынче начали красить, позднеенько. А к весне краска сойдет, наверное, — брошенные деньги. Сейчас спросил у Григория²⁷¹, есть ли конверт. Он говорит: “Какой Вам, простой или штемпельный?” Я говорю: “Все равно, давай какой-нибудь!” <“>Никакого, <—> говорит, <—> нет<”>. Мы смеялись, а дядя Сережа велел это написать. Прощайте, должно быть, письмо злое вышло. Я и так на всех нынче злюсь.

Левонтий²⁷².

III

«...**Вы победили его...**»

(Письма Л.Л. Толстого Н.С. Лескову)¹

Весной 1892 года среди корреспондентов Н.С. Лескова появилось новое имя: Лев Львович Толстой, третий сын С.А. и Л.Н. Толстых, единственный из детей великого писателя, кто избрал литературу своей профессией. Юношеское обаяние, помноженное на громкое имя Толстого, способствовали тому, что уже в старших классах гимназии, а потом и в Московском университете Лев Львович познакомился со многими выдающимися деятелями культуры. С одними (Н.Н. Ге, И.Е. Репин, А.С. Суворин) дружеские отношения продолжались многие годы. С другими, в том числе и Лесковым, контакты длились недолго.

Его знакомство с Лесковым завязалось в тот период, когда студент Московского университета Л.Л. Толстой взял годичный отпуск и отправился к голодающим крестьянам, сначала в Самарское имение Толстых, а оттуда в село, находившееся в собственности казны, для организации им помощи.

Из письма Н.С. Лескова Л.Я. Гуревич от 23 июля 1892 года следует, что его переписка с Львом Львовичем началась по «собственному желанию и *порыву*» сына Толстого². В это время Л.Л. Толстой находился под сильным влиянием отца и искал контактов с теми, кому Л.Н. Толстой симпатизировал.

Переписка касалась главным образом знаменитой «диллоновской истории», в которой Н.С. Лесков играл миротворческую роль.

В 1892 году английский журналист, ученый и переводчик Эмиль Диллон (Emile Joseph Dillon; 1854-1933) с разрешения Л.Н. Толстого перевел на английский язык и напечатал в «Daily Telegraph»

¹ См.: *Письма Л.Л. Толстого к Лескову* /Предисловие, публикация и комментарии В.Н. Абросимовой // *Неизданный Лесков...* (Литературное наследство; Т. 101). Кн. 2. С. 409-415.

² См.: *Письма Н.С. Лескова к Л.Я. Гуревич* /Публикация В.А. Туниманова // *Памятники культуры*: Новые открытия: Ежегодник 1980. Л.: Наука, 1981. С. 100.

бесцензурный вариант статьи «О голоде»³. 22 января 1892 года «Московские ведомости» перепечатали большую часть текста в обратном переводе, обвинив при этом Л.Н. Толстого в попытке ниспровержения «всего существующего во всем мире социального и экономического строя...» (№ 22. С. 1-2). Под давлением С.А. Толстой писатель отказался от авторства текста, с которого был сделан английский перевод. На Э. Диллона падало, таким образом, обвинение в фальсификации. Н.С. Лесков вступился за переводчика, побудив Л.Н. Толстого – с большим опозданием и в частном письме – признать свою вину перед ним.

Конфликт Л.Н. Толстого с Э. Диллоном в публикуемых письмах обсуждается скупо. Лев Львович обтекаемо говорит о происшедшем и намеренно уходит от оценок. Письма Н.С. Лескова к Л.Н. Толстому, касающиеся этой истории, неизвестны, но о позиции Н.С. Лескова достаточно красноречиво свидетельствует его недатированное письмо П.И. Бирюкову, отправленное в разгар событий. «Я был глубоко потрясен и взволнован этим “инцидентом”, в котором не было никакой надобности. Затвердили, что есть будто “искажения”, и как стали на этом, так и перли, несмотря на все доводы друзей, что “искажений” нет, и на то, что прекратить говор об этом во всех отношениях достойнее, чем продолжать его ввиду очевидной невозможности доказать то, чего нет...

<...> Где же<,> наконец<,> искажения?.. Где их видели Л<ев> Н<иколаевич>, графиня, Ч<ерт>ков и Вы? Пожалуйста, покажите их! Нас ведь со всех сторон вышучивают и выспрашивают, и мы должны бы знать, что отвечать, – где искажения, когда нет искажений! Вы не знаете и не можете знать – как это тяжело и больно, потому что Вы стоите среди своих, а мы вертимся среди чужих и видим смятения превосходных душ и их отпадения, по сомнению в искренности того человека, который нам дороже всех живущих под солнцем!..

<...>я еще раз хотел бы послать “проклятие гусю, давшему перо”, которым графиня пишет свои “артикли”⁴. Что же будет еще? Неужели еще будут от нее новые артикли?! Неужто вы все не видите, к чему это

³ Пропущенный цензурой текст статьи Л.Н. Толстого под названием «*Помощь голодным*» появился в журнале «*Книжки “Недели”*» (СПб., 1892, № 1. С. 7-36). Ср.: ПСС. Т. 29. С. 85-116; 387-394.

⁴ статьи (от англ. *articles*).

ведет и кому вы играете в руку? Ему лучше бы быть немножко оболганным, чем смутить людей его любящих. Целую Вас. Н. Лесков»⁵.

Отголоски этого конфликта звучат и в письмах В.Г. Черткова, демонстрируя накал страстей, вызванных “диллоновской историей”. 22 февраля 1892 года он писал Н.С. Лескову: «... Вы упоминаете о Диллоне. Я его хорошо знаю и ценю те его качества, о которых Вы упоминаете. Но во-первых, он не только не единомыслен с Л<ьвом> Н<иколаевиче>м; но по своему душевному складу неспособен его понимать; а в данном случае существуют особые обстоятельства, лично касающиеся Диллона, вследствие которых он способен волею или неволею видеть и, следовательно, передавать дело в неточном, ошибочном свете. Кроме того<,> здесь замешана и Графиня, которая по своему обыкновению могла напутать и навлечь на Л<ьва> Н<иколаевича> незаслуженную им роль. Я не знаю, в чем заключаются предполагаемые сомнительные поступки Л<ьва> Н<иколаевича>; и мне очень хотелось бы узнать. (Не можете ли вы хоть полусловом намекнуть мне на них: я пойму с намека?). Но я уверен, что, если он и сделал что-нибудь, что могло со стороны показаться малодушным, то сделал это не от боязни людей, а перед Богом, и потому поступил правильно. <...> По отрывкам внешних поступков невозможно судить о внутренних побуждениях.

И кто знает, Л<ьву> Н<иколаевичу>, столько уже выстрадавшему от желания не оттолкнуть свою жену, быть может, раньше геройского креста мученика, придется еще понести невидимый для мира крест позора со стороны врагов и сомнений со стороны друзей из-за того, что он не захочет нарушить любви с женою выдачею какой-нибудь ее лжи или чего-нибудь подобного, как это и было не раз и раньше. ...»⁶.

Публикуемые письма Л.Л. Толстого служат дополнительным доказательством того, что Н.С. Лесков открыто и последовательно защищал Диллона от несправедливых обвинений. Близость Льва

⁵ См.: *Бирюков П.И.* Л.Н. Толстой: Биография: В 3-х томах. Берлин, 1911. Т. III. С. 260-261. Подчеркнуто *Н.С. Лесковым*. См. также письмо А.М. Хирьякова от 10 марта 1892 года, в котором он делился с И.И. Горбуновым-Посадовым новым поворотом событий в данной истории и сокрушался непоследовательностью Л.Н. Толстого. — См.: *Лесков и семья А.М. и Е.Д. Хирьяковых* / Вступ. статья, публикация и комментарии *А.Д. Романенко* // *Неизданный Лесков...* (Литературное наследство; Т. 101). Кн. 2. С. 429.

⁶ *РГАЛИ*, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 318. Л. 19 об.-21. Автограф. Подчеркнуто *В.Г. Чертковым*.

Львовича к отцу в это время позволяет рассматривать его как объективного свидетеля воздействия Н.С. Лескова на Л.Н. Толстого в “диллоновской историей”.

Л.Н. Толстой в итоге не только извинился перед английским корреспондентом, но и выразил признательность Н.С. Лескову за настойчивое требование назвать вещи своими именами⁷.

В переписке затрагивается и другой вопрос, на который Лев Львович болезненно реагировал. В то время, когда завязался его диалог с Н.С. Лесковым, “Лев второй” уже начал выступать в печати. Он готовился оставить университет, чтобы всерьез заняться литературным трудом. Н.С. Лесков был одним из немногих, с кем Л.Л. Толстой поделился своими творческими планами, что, однако, привело к конфликту⁸.

Судя по дошедшим до нас письмам, Н.С. Лесков отправил Л.Л. Толстому не менее пяти писем и получил не менее шести ответных. Однако сохранилось всего четыре письма Льва Львовича и ни одного письма Н.С. Лескова. Переписка поддерживалась, вероятно, неполных два года и прервалась летом 1893 года после того, как Н.С. Лесков скептически отозвался о литературных опытах Льва Львовича. Последнее замечание о Л.Л. Толстом находим в письме Н.С. Лескова Л.И. Веселитской от 6 апреля 1894 года: «<...> Не знаю: есть ли у него дарование?<...>»⁹ Это разочарование лишь подтверждает мысль о том, что для Н.С. Лескова Л.Л. Толстой был прежде всего «сыном любимого Вами Великого человека и нашего общего друга»¹⁰.

⁷ См.: *Толстой Л.Н.* Переписка с русскими писателями: В 2-х томах / [Составление, вступ. статья и примеч. С.А. Розановой]. 2-е изд., доп. М.: Худож. лит., 1978. Т. 2. С. 263-265; *Лесков А.* Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памяткам: В 2-х томах / Подготовка текста и комментарии В.А. Туниманова и Н.Л. Сухачева. М.: Худож. лит., 1984. Т. 2. С. 412, 416-417; 555-556; *Опунская Л.Д.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М.: Наука, 1979. С. 251-255; *Абросимова В.* «...рассказать жизнь, как она была...» ... // *Вопросы литературы*. М., 1989, № 11. С. 165-171.

⁸ См.: *Лесков и семья Толстого*: Неизданная переписка / Вступ. статья С.А. Розановой // *Неизданный Лесков...* (Литературное наследство; Т. 101). Кн. 2. С. 369-371.

⁹ *ИРЛИ*, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 15. Л. 53 об. Автограф.

¹⁰ См.: *Микулич В.* Письма Н.С. Лескова // *Литературная мысль*: Альманах. Л., 1925. Отд. II. С. 267; *Веселитская Л.И.* Встречи с писателями. Л., 1929. С. 168-169. См. также вступ. статью.

Л.Л. ТОЛСТОЙ – Н.С. ЛЕСКОВУ

I

Многоуважаемый

Николай Семенович,

Не отвечал Вам сейчас же на Ваше последнее письмо от 14го мая¹ по разным<, > отвлекавшим меня от самого себя<, > обстоятельствам<, > из которых, – главное то, что я немного отдался животному существованию на кумысе, куда ездил на недельку отдохнуть². Кроме того<, > были и неприятности по столовым (зем<ский> начальник закрыл в одном селе наши столовые, считая существование их излишним)<, > которые пришлось переживать. Этот инцидент закрытия столовых совершенно напоминает Лукояновщину³. Писать подробно о нем я не стану, потому что тогда Вам надо видеть и его (земск<ого> нач<альника>) письмо ко мне⁴ и т.д. Я послал его своим в Ясн<ую> Пол<яну> и просил свою мать переслать мое письмо и письмо зем<ского> нач<альника> П.А. Гайдебурову. Может быть<, > он напечатает обо всем этом заметку в “Неделе”⁵. Мне было очень прискорбно <о>сознать, что “по всему нашему обширному отечеству”⁶ сидят Лукояновцы и против них бороться очень трудно. Вообще<, > прожив здесь<, > в Самар<ской> Губ<ернии>, > 6 месяц<ев> в деревне, знакомясь все время с народом и с теми, кто им распоряжается и кто на него влияет, я вынес очень тяжелое впечатление. Пока “оттуда” не подует “свежий ветер”<, > нечего ждать <ничего> доброго. Неурожай — страдание и бедствие; урожай — кабак и тьма. Вчера я получил письмо от другого земск<ого> начальника того участка, где я живу. Он отвечает мне на мой запрос о разрешении созвать волостной сход в нашей волости, чтобы поговорить об обществ<енной> волостной библиотеке, которую я хочу здесь устроить. “Теперь, <—> говорит, <—> не время созывать сходы — подождите”. Иначе говоря, — я волостной библиотеки не хочу — это пустяки или развращение⁷. А рядом с этим — молебствие о дожде. Священнику 10 р<ублей>, а то и 15, и вот народ идет в поле<, > головами купаются в пыли<, > и говорит: “всё Бог, Господи<, > дай дождя”, а не дает, — плохо, значит, молились. Что тут делать прикажете<?>

Помню я, зимой побирается мальчишка. “Что же ты в училище не ходишь?” <—> спрашиваю. “Видишь<, > по миру хожу”, <—> ответил он тоном удивления и досады, что я ставлю ему такой глупый вопрос. И

это все цепляется одно за другое, одно от другого зависит. Но все-таки первопричина голода <—> невежество, безграмотность. Все к этому сводится.

На днях уезжаю домой, в Ясн<ую> Поляну.

Если будете писать<,> то адресуйте<,> пожалуйста, в Козловку-Засеку Мос<ковско>-Кур<ской> дороги.

Спасибо за Ваше письмо и правду в нем, я буду очень дорожить Вашими письмами.

Правда, я увидел свет в 9^м часу, но трудно, трудно итти к нему, приблизить свое “я” к нему, много в нас дурного<,> и своего<,> и отцов.

Ваш уважающий и любящий Л.Л. Т<олстой>.

2/VI/92
с. Пат<ровка>⁸.

II

С. Ясная Поляна
17/VII/92

Многоуважаемый Николай Семенович, получил несколько дней тому назад Ваше письмо, а вчера “Юдоль”⁹, за что Вам очень благодарен. Об инциденте я прямо не могу больше говорить, потому что тогда его <так. — В.А.> не будет конца, о “Юдоли” же скажу, что начал ее читать вчера вечером и меня она интересует тем более, что я сам, по грешности своей, и Вам будь это сказано по секрету, хочу привести в целое кое-какие наблюдения и материалы, собранные мной за нынешний год среди голода¹⁰.

Не знаю, что выйдет. Очень интересно сравнить то, что Вы пишете<,> с тем, что было теперь. Все-таки мы шагнули шаг, хоть черепашиный, а всё же шаг вперед¹¹.

Письмо Ваше последнее я показывал отцу и разговоры об “инциденте” очевидно ему тяжелы. Он уже забыл обо всем этом и вспоминать ему не хочется. Давайте забудем и мы¹².

Сейчас отца нет здесь, он уехал в Бегичевку кончать дела по столовым¹³, но только временно, чтобы возобновить их осенью, так как в Рязанск<ой> Губ<ернии> урожай опять ниже среднего.

Сегодня ничего больше не могу написать Вам и потому кончаю. Если бы увидался лично с Вами, то, должно быть, было бы слишком много, о чем говорить.

Уважающий и любящий Вас

Л.Л. Толстой¹⁴.

III

31/VII/92

С. Ясная Поляна

На днях вернулся из Ряз<анской> Г<убернии> мой отец<,> и вчера я показал ему 1ый лист Вашего последнего письма, многоуважаемый Николай Семенович.

Сначала он был неприятно поражен, когда я сказал ему, что Вы еще не кончили с инцид<ентом>, но когда он прочел письмо<,> Вы победили его.

Он сказал мне, что Вы действительно правы, а что он виноват, что прежде всего <—> отношение с человеком. Сначала, до прочтения Вашего письма, он говорил мне, что не отвечает г. Д<иллону>, потому что для него<,> старого и занятого человека<,> теперь всякие сложные отношения тяжелы, и это правда отчасти, прочтя же письмо Ваше<,> он сказал, что сказанное есть только отговорки и что, хотя бы и тяжело было что для человека, однако прежде всего отношение с людьми.

Отец желает написать Д<иллону> и очевидно напишет теперь, как только будет писать письма. Он немного нездоров это время и как-то вял и слаб. Правда, для него трудно и все труднее становится так широко и шибко общаться с миром<,> особенно когда у него всегда так много личного разнообразного дела.

Мне неприятно очень, что Вы сказали Гуревич то, что я написал Вам по секрету¹⁵. И я теперь ничего такого не буду сообщать Вам. За это простите меня.

Гуревич<,> кажется<,> отложила свое посещение Ясной Пол<яны> до 25го августа¹⁶. Может быть<,> это и лучше. Отец мой будет свежее здоровьем и сильнее духом.

Он просил передать Вам свою любовь.

Любящий Вас

Л.Л. Толстой¹⁷

IV

С. Ясная Поляна
9/VII/92¹⁸

Многоуважаемый

Николай Семенович,

Возвращаю Вам письмо Л.Я. Гуревич¹⁹. Простите, но Вы поступаете не по-Божьи, продолжая говорить в чужой компании мне о том, что я Вам нечаянно высказал. Я ничего не пишу, сам я ничего, Вы принимаете меня не за то<, что я есть,> и, если Вы друг мне, прошу Вас скрывайте от людей, от себя и от меня самого то ужасное несчастье, что что-то там я сочиняю.

Я говорю совершенно искренно и усиленно прошу Вас, – не смущайте меня больше этим.

Отец вчера написал Д<илло>ну²⁰. Теперь уже<,> конечно<,> инцид<ент> исчерпан до дна со всеми его последствиями.

Уважающий Вас

Л.Л. Толстой²¹.

IV

Л.Л. Толстой

“ОКО за ОКО” (Письмо из Парижа)

Сегодня тяжелым камнем легло на душу Парижан известие о вчерашнем взрыве в кафе “Terminus”¹. Еще безумное покушение. Еще стоны раненых и кровь ни в чем неповинных буржуа².

Прошла ровно неделя со дня казни Vaillant³ и вот уже совершилось то, чем он грозил перед смертью. «Моя смерть будет отомщена, да здравствует анархия<!>» — воскликнул он, когда пришли за ним в тюрьму, чтобы вести его на гильотину. И вот оправдались эти дикие и страшные слова, сказанные им, как писали в газетах, с полным убеждением и верой в них. В “Intransigeant”<,> орган Рошфора⁴<,> не

¹ 12 февраля 1894 года (по нов. стилю) анархист Эмиль Жозеф Анри (Henry; 1872-1894) взорвал бомбу в кафе «Терминус» на вокзале Сен-Лазар. Один человек погиб, 20 получили ранения разной степени тяжести. — См.: *Взрыв в кафе “Terminus” // Московские ведомости*. М., 7-11, 13 февраля 1894 года, №№ 38-42, 44.

² С точки зрения Э.Ж. Анри, не бывает невинных буржуев. — См.: *Такман Б.* Европа перед катастрофой: 1890-1914. М.: АСТ, 2016. Глава 2: Идеи и деяния: Анархисты: 1890-1914.

³ 3 февраля 1894 года (по нов. стилю) состоялась казнь анархиста Огюста Вальяна (Вайян; 1861-1894), совершившего 9 декабря 1893 года взрыв во время заседания французской Палаты Представителей. С мест для публики он бросил самодельное взрывное устройство. Никто из депутатов, по счастью, не погиб, но многие получили ранения. Позднее О. Вальян утверждал, что он не собирался никого убивать, а только хотел ранить как можно больше представителей власти и таким образом отомстить за казненного недавно анархиста. По приговору суда О. Вальян был казнен. Его последними словами были возгласы: «Смерть буржуазии! Да здравствует анархия!». Процесс по этому делу взбудоражил общество и подробно обсуждался во французской и европейской печати. — См.: *Гонкур Э. де, Гонкур Ж. де.* Дневник: Записки о лит. жизни: Избр. страницы: В 2-х томах. М.: Худож. лит., 1964. Т. II. С. 571.

⁴ Король фельетона, как называла его пресса, блестящий журналист и яркий политический деятель, граф Анри де Рошфор Люсе (Rochefort-Luçay; 1831-1913) основал нескольких изданий, в том числе газету “L’Intransigeant” (бескомпромиссный, непримиримый, непреклонный), которая начала выходить в июле 1880 года. — См.: *Куприн А.И.* Анри Рошфор: Его жизнь, деятельность и смерть. СПб., 1914; *Рошфор А.* Приключение моей жизни. М.; Л.: Academia, 1933.

только намекали, но говорили открыто, что после казни Vaillant покушения должны повториться и даже очень скоро⁵.

Подробности вчерашнего взрыва, конечно, всем теперь уже известны. В 9 часов вечера в кафе <“Terminus”> вошел молодой человек, одетый в светлую пару и, сев за столик, попросил себе кофе. Когда garçon отошел от него, он, недолго думая,> бросил в середину залы свою бомбу. Не дожидаясь ее взрыва, он бежит. За ним пускается погоня. Он вынимает из кармана револьвер и на бегу отстреливается в ловащих его людей. Первый бежит за ним garçon из кафе, потом полицейские, потом толпа. Один из полицейских получает несколько пуль в спину, за что на другой день награждается крестом Legion d'honneur⁶.

Наконец, анархист пойман, как дикий бешеный зверь, толпа окружает его и начинает бить. Его ударяют в спину, в грудь, разбивают до крови лицо. Толпа готова растерзать его. Раздаются крики, что таких людей не жалко, что на них нет ни закона, ни суда, что надо их убивать “sur place”⁷.

Полиции с трудом удается спасти анархиста от ярости толпы, которая уже нашла свой суд “линча”⁸. Пойманного ведут в тюрьму. Доктор обмывает полученные им раны, а он, между тем, говорит ему, что и его он так же бы убил, как <и> других, потому что и он буржуа, а

⁵ В первых же сообщениях взрыв в кафе рассматривался как кровавый отзвук казни Огюста Вальяна. — См.: *L'Attentat du café Terminus //L'Intransigeant*. Paris, 14 février, 1894, № 4963. P. 1-2(<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb32793876w/date1894>).

На этом настаивал Анри Рошфор в своей колонке. — *Ibid.*, 15 février, 1894, № 4964. P. 1; *Nos pronostics //Ibid.*, 16 février, 1894, № 4965. P. 1; etc.

Эту мысль подхватили его журналисты в других статьях, посвященных прогремевшему взрыву. — См.: *La bomb du café Terminus //Ibid.*, 15 février, 1894, № 4964. P. 1-3; *L'Explosion du café Terminus //Ibid.*, 16 février, 1894, № 4965. P. 1-2; etc.

⁶ Рыцарем Почетного легиона стал полицейский, тяжело раненный при задержании террориста и удержавший его до прихода подкрепления, Франсуа-Жюльен Пуассон (*Poisson*; род. в 1860 году). Указ о его награждении был подписан Президентом Республики 14 февраля 1894 года и лично вручен префектом полиции прооперированному Ф.-Ж. Пуассону вместе с лентой Почетного легиона. — См.: *L'état de agent Poisson: Chevalier de la Légion d'honneur //La Patrie*. Paris, 14 février, 1894. P. 2; *L'agent Poisson décoraré //L'Intransigeant*. Paris, 15 février, 1894, № 4964. P. 2; (<https://criminocorpus.org/en/library/doc/312/>).

⁷ сразу же, на месте (*фр.*)

⁸ Не случайно вскоре после взрыва в кафе материалы об этом событии в популярной газете соседствовали с публикацией о расправе толпы без суда и следствия над тем, кто совершил преступление или подозревается в нем. — См.: *Montégut A.-H. Le lynchage //L'Intransigeant...* 16 février, 1894, № 4965. P. 1.

буржуазия должна быть уничтожена, — “тогда только в мире будет царствовать свобода”.

Анархист держит себя с нахальным и заносчивым спокойствием. Он совсем молодой еще юноша, хорошо одетый и с манерами воспитанного человека. Настоящее его имя пока неизвестно⁹. Между тем<,> в кафе бомба уже сделала свое ужасное дело. Взрыв, дым, вонючий запах пороха, смятение, стопы и кровь. Старички с газетами, женщины, дети — вот ведь жертвы покушения.

Они мирно благодумствовали в теплой зале кафе, слушая оркестр музыки и отдыхая от дневных занятий. Они ничего ни от кого не хотели, никому не желали зла и вот их поражает месть какой-то наполовину им непонятной бесшабашной силы. За что? Что они сделали? Наконец, чего же от них требуют? Но им никто не дает определенного ответа на эти вопросы. Анархизм повторяет им только свои два основные туманные принципы: 1) все всех<;> 2) каждый делает то, что он хочет.

И бедные буржуа остаются опять в состоянии неведения того, что же им делать, как же уберечься от этих зверских покушений, которые направляются на них так открыто и жестоко. И в этом положении полной беспомощности сначала ими овладевает грусть, потом, поразмыслив, они возмущаются и возбужденно начинают обсуждать, что же им предпринять теперь, потому что нельзя же им это оставить так: “ou n’est plus sur ou l’on marche<ra>, on attaque tout comme çela, ou veut supprimer tout le monde”¹⁰ и т.д.

Прочтя утренние газеты, повторяю, Париж был сегодня утром подавлен этим новым ужасом и это замечалось по выражениям лиц даже на улицах. Выйдя в 10 ч<асов> из дому, я направился к набережной, чтобы сесть на пароходик, который должен был отвезти меня вниз по течению Сены в довольно отдаленный от моего <qu>artier Aute<u>il¹¹, где живет один мой знакомый.

⁹ Несколько дней ушло у полицейских на установление личности террориста. И потом в течение еще нескольких дней газеты подробно рассказывали о семье и о самом Эмиле Анри. — См.: *L’Explosion du café Terminus: L’indentité du dynamiteur //Ibid.* P. 1-2; etc.

¹⁰ “или не действует, или можно будет ходить, нападения и все, как в общем и целом, или хочет удалить все” (фр.)

¹¹ район Отей (фр.)

Везде только и слышно о взрыве. День солнечный, но со свежим ветром. На бульваре St. Michel стоит ряд извозчиков. В своих белых гляцевых цилиндрах они сидят, развалившись, на козлах и покуривая трубки, все читают газеты. Прохожу мимо и прислушиваюсь к их разговорам.

— Я бы его раздавил<,> *raide ce gaillard*¹²<,> — замечает толстый краснощекий, как мясник, фиакр¹³, обращаясь к своему соседу сзади и насилу повертывая жирную шею, — *il n'y a pas à se gêner avec ces coquins*¹⁴.

Иду дальше. Встречаются два здоровенных “*forts des Halles*”¹⁵ в своих громадных, как зонтики, низких серых шляпах, почти в аршин¹⁶ диаметра. Они спешат куда-то и идут по мостовой около тротуара. По одному виду их понятно их занятие. От постоянного таскания тяжестей на разных рынках они сутуловаты и ноги их покривились.

←—> *On n'est plus tranquille chez soi, ils vont nous faire la revolution,* — говорит один из них<,> в негодовании махая рукой<,> — *il faudrait les exécuter sur place ces individus*¹⁷.

Схожу к пристани St. Germain-des-Prés и сажусь на пароход. Палуба полна народа. Одни пассажиры сходят, новые занимают их места. Пароход сейчас же мягко отчаливает и быстро бежит по желтой воде Сены, проходя под мостами. Слева, на фоне голубого неба башня Эйфеля торчит, поражая своей высотой и легкостью¹⁸, справа остается красивый Трюкадеро¹⁹. Продолжаю прислушиваться к их разговорам. Все то же самое. Все говорят одно и то же, я пишу “говорят”, потому что не могу себе представить, чтобы все и думали то же самое в глубине души. Но слышно, по крайней мере, только одно: «надо и нам им мстить

¹² крутой этот весельчак (*фр.*)

¹³ Неточное употребление слова. Речь идет не о фиакре (*fiacre* — легком наемном экипаже, а об извозчике).

¹⁴ не церемониться с этими негодьями (*фр.*)

¹⁵ Грузчики, носильщики (*фр.*)

¹⁶ Устаревшая единица измерения, равная 71 см.

¹⁷ Не успокоим их у себя, они будут делать революции... следует казнить на месте таких субъектов (*фр.*).

¹⁸ 300-метровая башня, сооруженная в 1889 году А.Г. Эйфелем (см. о нем выше примеч. 3 к Главе 5 Книги II) для Всемирной выставки в Париже.

¹⁹ Дворец (*palais du Trocadéro*) на площади Трокадеро (*place du Trocadéro*) был построен в 1878 году к открытию Всемирной выставки и притягивал внимание парижан и туристов своей грандиозностью, красотой в мавританском стиле и башнями-минаретами.

и нам убивать их и нам пугать их, уничтожать этих “monstres” — только в этом спасение».

На передней лавочке сидит молодая женщина с корзинкой в руках, из которой торчат длинные, похожие на поленья дров, хлебы<,> и разговаривает со старушкой в черной соломенной шляпе.

<—> А знаете, — говорит женщина, — они все ходят на могилу Vaillant, носят цветы ему<,> эти анархисты. И как это им позволяют?

Я завтракал у знакомого, где слышал приблизительно то же, что на улицах, только в культурной окраске; потом<,> проехав по делам, довольно поздно я вернулся домой. В 8-м часу только я пошел обедать в ресторан Duval'a²⁰. На улицах везде выкрикивают газеты с рисунками, с портретом злодея, с изображением полицейских, участвовавших в ловле преступника, с набросками кафе Terminus.

<—> L'explosion du café Terminus, liste exacte des blessés, l'auteur de l'attentat²¹, — без перерыва валяет газетчик, мимо которого я прохожу. — “La Patrie” 5 centimes, dernière heure²². <—> И он без усталости машет своей газетой в лицо прохожим. На другом углу выкрикивают: “Le Presse, demandez le Presse”²³ и опять те же explosion и т.д.

Я захожу в книжный магазин, где мной заказана книга, покупаю номер газеты и захожу в ресторан Duval'a. Народу полно. В дверях мне суют карточку. Внизу все столики заняты. Все больше студентов и студентки всех возможных национальностей; впрочем<,> и другого народу много есть и приказчики, старички, дамы с детьми, офицеры. Снуют ловкие поворотливые служанки в своих белых чепцах, с белыми передниками, разнося кушанья, слышны разговоры и шелест газет. Я

²⁰ Рестораны Пьера-Луи Дюваля (1811-1900), более известные как бульонки или кухмистерские, расположены по всему городу. — См.: *Лагов М.Н.* Париж, его обычаи и порядки, развлечения и прогулки, достопримечательности и музеи. СПб., [1909]. С. 114-115; *Париж и его окрестности...* С. 36-37; *Сангур К.* Париж, которого не знают парижане. СПб.: Росток, 2012. С. 38-39.

²¹ Взрыв в кафе “Терминус”, точный список ранений, автор сообщения (*фр.*)

²² Под рубрикой «В последний час» в массовой газете, стоимостью 5 сантимов, 14 февраля 1894 года был напечатан подробный отчет о взрыве в кафе и помещен список раненых (на тот момент были известны имена 16 пострадавших). — См.: *Dernière heure //La Patrie*... 14 février, 1894. P. 2.

²³ Одна из самых читаемых газет Парижа уделила много внимания произошедшему, справедливо полагая, что эта бомба для всего общества. — См.: *Une bomb à la Société générale //La Presse*. Paris, 15 février, 1894, № 630. P. 1.

прохожу наверх и сажусь за свой обычный столик. Против меня сидит негр-студент и уписывает сыр “fin de siècle”²⁴. Направо около окна обедают уже знакомые мне по виду четыре англичанки, кажется, все студентки медицины, насколько я понял по их разговорам.

«—» Et bien nous n’allons pas sauter ce soir?²⁵ — шутит кто-то сзади со служанкой.

«—» Oh<,> non, monsieur, on ne viendra pas chez nous<,> — отвечает она убежденно<,> — ou ira it plus tôt ailleurs. Qu’est ce que jé vous donnerai, monsieur²⁶, «—» спрашивает она торопливо. И начинается заказ разных gogots и moules²⁷!

Я кладу свою книжку, взятую из магазина<,> на стол (причем негр косит на нее своими желтыми белками, — не бомба ли у этого господина? — наверное, думает он) и разворачиваю свою газету. На первой странице портрет преступника: худое молодое лицо с длинным носом и острым взглядом. Так вот какой<,> этой злодей, этот зверь. И все-таки передо мной лицо человека.

Читаю статью “Bombe contre bombe”²⁸. Автор ее, конечно, глубоко возмущен покушением. Он предлагает буржуазии самой начать взрывать анархистов, взрывать дома и квартиры, где известно, что они живут. Во время Реставрации²⁹, говорит он, существовала шайка дуэлянтов, которые, задирая “маленьких людей”, вызывали их на дуэли и<,> пользуясь своим фехтовальным искусством, совершали таким образом зверские убийства. Закон никак не мог справиться с ними. Тогда образовалось общество антидуэлистов среди буржуазии, которое наконец справилось с ними. Так вот он предлагает парижанам и теперь самим начать войну против анархистов. “Bombe contre bombe”. Известно, что такой-то человек анархист<,> — бросить бомбу в окно его квартиры, — остается одно.

²⁴ конец века (фр.).

²⁵ И, конечно, мы не будем прыгать этим вечером? (фр.)

²⁶ О, нет, месье не придет к нам... или пойдет раньше в другое место. Что мне дать вам, месье?(фр.).

²⁷ ножки... мидии (фр.)

²⁸ Бомба против бомбы (фр.). — См.: *Bombe conte bombe //La Patrie*... 14 février, 1894. Р. 2.

²⁹ Период восстановления монархии во Франции с 1814 по 1830 год.

В ресторане кругом меня говорили опять то же, что я слышал и днем и что писали в газетах.

“Око за око, зуб за зуб” — вот общий голос, единственно, что предлагали друг другу.

←→ Но, знаете, что хуже всего? — говорил нервно какой-то французик, обращаясь к своему соседу, когда я проходил мимо них<,> — Vaillant казнили, теперь нельзя не казнить этого, а так если пойдет, этому ведь не видно конца.

Я вернулся домой усталый и<,> запершись в своей комнатке, сел в кресло у потухающего камина.

Целая куча мыслей теперь зашевелилась у меня в голове. И не знаю<,> почему, но мне стало глубоко грустно на душе, как не было давно. И вот опять скоро воздвигнут гильотину и люди убьют человека.

Да, этому не видно конца. И не может быть этому конца, если люди будут продолжать поступать так, как поступают. Но как же им быть теперь? И я стал искать ответа. И я нашел только один. Я вспомнил пятую главу от Матфея — 38 и 39 стихи³⁰. Но еще тяжелее мне стало на сердце. Боже, как мы далеки от этого идеала. Сколько еще увидят люди своей крови, пролитой от этих взаимных безумных недоразумений, от неумения любить и прощать. И надо жить среди этого зла и терпеть его³¹.

³⁰ Фрагмент «Нагорной проповеди» звучит так:

«Вы слышали, что сказано: «око за око и зуб за зуб».

А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую...»

³¹ *ИРЛИ*, ф. 303, № 73. Л. 1-3 об. Машинопись с авторскими вставками на фр. языке.

Письмо из Парижа может быть датировано по содержанию 14 февраля 1894 года. 15 февраля (нов. стиля) 1894 года в письме С.А. Толстой в Москву Л.Л. Толстой упомянул о нем так: «<...> Написал Гуревич в “Сев<ерный> Вест<ник>” “Письмо из Парижа” о взрыве Café Terminus. Она меня надоумила в письме и как раз это совпало с сильным впечатлением. Думаю, что нецензурно и плохо. Не знаю, что будет<...>» — *ОРГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13968. Л. 1-2 об. Автограф.

Публикация письма Л.Л. Толстого была запрещена цензурой в марте 1894 года (см. примеч. 14 к Главе 12 Книги I). См. также письма Л.Л. Толстого родным от 13-15 февраля 1894 года в следующем разделе.

V

«Вероятно, уеду в “Подариж” опять осенью...»*

(Париж и Франция в судьбе Л.Л. Толстого)

Париж – Подариж... Эту нехитрую детскую игру словами вспомнил в конце 30-х годов Л.Л. Толстой. В августе 1936 года он — после долгого перерыва — оказался в Швеции, у детей, и из имени дочери Нины¹ 24 августа 1936 года отправил большое письмо в Москву брату Сергею², из которого и взяты приведенные выше слова. Что же значила Франция для Л.Л. Толстого, какой он видел ее в разные периоды его жизни, большая часть которой, как у многих в его среде, прошла за пределами России?

Он бывал во Франции зимой 1893-1894 годов, осенью 1909 — весной 1911 года, летом 1917 — весной 1918 года. Потом, когда осенью 1918 года Л.Л. Толстой покинул Россию, судьба привела его во Францию на многие годы, он страшно бедствовал, безуспешно искал заработка и жил на те небольшие суммы денег, которые высылали ему дети и старшая сестра Татьяна³. Цели поездок были разные: лечение в Каннах и консультации с врачами в Париже; занятие скульптурой под руководством французских мастеров; и просто поиски своего пути. Но обо всем по порядку...

В ноябре 1893 года больной молодой человек, приехавший в сопровождении врача⁴, едва ли мог заметить что-то особенное в новом для себя мире. Зато — неожиданно для себя — Л.Л. Толстой вновь начал ощущать особую притягательность идей отца, от которого он из-за болезни отдалился.

В его первом письме из Канн от 6 декабря/24 ноября 1893 года преобладали внешние впечатления: «<...> Сегодня встали — опять чудесный день и жарко на солнце до 4-х часов. Ходили гулять. Взяли омнибус и поехали довольно далеко за город, в предместье Восса. На

* Статья под таким названием вышла крохотным тиражом и практически недоступна исследователям. — См.: *Абросимова В.* «Вероятно, уеду в “Подариж” опять осенью...» (Париж и Франция в судьбе Л.Л. Толстого) // *Лев Толстой и Сибирь*: Сб. докум. и публицист. материалов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. Вып. 3. С. 93-194, 205-289.

Поэтому часть ее, относящаяся к первой половине жизни Л.Л. Толстого, до его отъезда из России, включена в этот раздел. Другая часть войдет в **Том II**.

берегу моря собирали раковины на теплом песке, отскакивали от прибоя моря, смотрели на красивые приморские Альпы и серебряный морской горизонт. Назад тоже взяли омнибус. Разговаривали с кучером и пассажирами, которые продолжают восхищать меня своим прекрасным отношением, любезностью и учтивостью. Мы, русские, совсем не привыкли к этому. Везде растительность удивительная. Пальмы, мимозы, эвкалипты, оливковые, каштановые, фиговые деревья, платаны, розы и т.д. Все зелено и похоже на громадную оранжерею. <...>

<...> Сегодня я увидел, что все-таки надо делать что-ниб<удь>, а то будет скучно, т<о> е<сть> этого слова я не признаю, а тяжело. Прогулки, воздух, солнце, но целый день этого нельзя и потому надо хоть чтение, достану в библиотеке намеченное мной для чтения по-французски и <по->английски. <...>

P.S. Вчера вечером Горбачев “прощупывал” мое брюхо, и мы нашли все-таки, что есть улучшение.

Что-то у Вас? Все стало интересно здесь вдали, и видишь, что у Вас настоящее, а тут так себе, “одна мразь”, пустота от этих богатых курортных городов. <...>»⁵

В начале 90-х годов Л.Л. Толстой находился под сильным влиянием идей своего отца. Это особенно чувствуется в письме из Канн одному из ближайших сподвижников Л.Н. Толстого, В.Г. Черткову⁶:

«Сегодня получил твое милое письмо, дорогой друг, и спешу сказать тебе, как оно меня обрадовало. “Не оттолкнул ли ты меня своей личностью?” Я понимаю тебя, когда ты это спрашиваешь. Эта мысль приходит и мне иногда по отношению к себе. Искренно скажу тебе, что в моей любви к тебе после нашего свидания не изменилось ничего. В моем представлении ты стал только яснее. Реальнее, но остался тем же, чем был раньше. А я боялся. Что ты во мне разочаровался, и это наше взаимное чувство только еще укрепляет, на мой взгляд, нашу дружбу. Прости, что пишу на такой бумажке с видом Cannes⁷, где сейчас сижу. Но другой бумаги под рукой нет.

Здоровье мое еще плохо. Всё та же слабость, так же не варит желудок и т.д. Терпеливо стараюсь переносить это испытание. Но порой грустно, хочется скорей сил на дело, хочется борьбы и жизни, а чувствуешь, что ты слаб и физически<,> и духовно<,> и приходится смириться. Больше, чем когда-либо теперь<,> досадно мне, что я не

исполнил с моей военной службой того, что должен был сделать и мог⁸. От этой внутренней борьбы и болезнь моя, и потому вдвойне обидно. Но<,> Бог даст<,> еще впереди час мой.

Очень сочувствую твоим писаниям⁹. Это необходимая вещь обнародования того, что стараются делать скрытно и что так губит движение. Открытое гонение<, напротив<,> ему способствует. А тут поступают так, как будто ничего не преследуется, свобода, а втихомолку сажают в тюрьмы и преследуют. Надеюсь и верю, что ты изложишь, что нужно, правдиво и тепло¹⁰.

<...> Я живу все-таки хорошо. Много думаю с собой, много выдаю интересного здесь, сравниваю наше с чужим.

Климат здесь превосходный, вот бы твоей жене пожить¹¹, хотя сейчас холодно и мы сильно мерзнем дома. Стояли же дни раньше с солнцем до 31°, с пальмами, морем и цветами.

Надеюсь<,> опять скоро установятся. Без дела скучно. Но<,> видно<,> иначе нельзя теперь мне, т<o> е<сть> так нужно, раз я попал сюда. Пожалуйста, напиши и побольше. Здесь письма ценишь в 100 раз <больше>. О Хилкове часто думаю и недоумеваю¹². Помочь хочется сейчас же, как всем нам, а как? Опять тот же совет: самоулучшение.

Прощай, милый человек, устал немного; обнимаю тебя и надеюсь глубоко увидаться в более бодром настроении и вместе порадоваться истинной радостью сознания, что мы живем не напрасно и, м<ожет> б<ыть>, доля наших страданий кому-ниб<удь> на пользу.

Твоей жене обычный мой искренний привет.

Л.Л. Т<олстой>.

Адрес: France. Cannes.

5/1/94»¹³.

К 12 января 1894 года, в осязаемой дали от Ясной Поляны, у Л.Л. Толстого накопилось несколько вопросов, которые он хотел обсудить с отцом. У него возникла реальная потребность в общении, которого ему и раньше не хватало. Начало письма, по всей видимости, не сохранилось. «Вермель»¹⁴ еще рассказывал о еврейском вопросе и гонениях. Так интересно и ново для меня все это, что слушал его жадно. Очевидно, говорит правду. Описывал время высылки евреев из Москвы¹⁵. Собрания их в синагоге. Проводы и т.д. Принес свой дневник того времени, но оказалось плохо, хуже рассказов гораздо¹⁶.

Максим Ковалевский¹⁷ прислал мне книжку “Сев<ерного> Вест<ника>” с рассказом¹⁸. Пишет: “слышал, что у Вас нет (от Горбачева), — желаю доставить удовольствие”. Погода холодная. Сижу дома или лежу под одеялом — читаю. Окно открыто днем.

Горбачев все также мил. Сегодня ездил на велосипеде и играл у Третьякова¹⁹ в lawn-tennis. Завтра они зовут на острова²⁰, но я откажусь, должно быть.

Здоровье все еще далеко от того времени, когда можно будет забыть о нем. Но, пожалуй, двигается по малости, хотя меня она не удовлетворяет совсем. Завтра взвешусь — еще неделя. Думаю все сидеть и сидеть здесь. Только бы тепла дождаться — должно пойти быстрее.

Маша хорошо написала о Григоровиче²¹. Я его видел ведь в Петерб<урге>²². Старик жилистый, можно сказать, но многому не научит.

Прощай. Целую тебя хорошенько и вижу тебя иногда нехорошо во сне, особенно, когда хуже себя чувствую. Днем же вижу тебя настоящим, каким ты для меня <был>, и тогда успокаиваюсь.

Твой Лев.

12/1/94

Читал сегодня статью Данилевского²³ и возмутился духом. “И неужели им за это ничего не будет?” Вот где истинные развратители и тормоз прогресса, о кот<ором> сами же проповедуют. И главное, все это старое со времен Сократа и Греции плюс только миллиарды зарезанных кроликов для вивисекций²⁴.

Carnaval был очень любопытен в Ницце. Русский матрос, стоявший в толпе, сказал: “Словно ил, поднялось, беснуются. Нет, губят души христианские”. Я вполне чувствовал то же. Завтра bataille des fleurs здесь.

Илья меня удивил²⁵. Очень рад ему, но боюсь немного. Прощайте.

Лева.

Вернулась ли мамá и как съездила в Ясную²⁶? Спасибо ей за последнее хорошее письмо²⁷. Здоровье как будто опять чуть-чуть лучше — и бодрость, но только. Виноват за последние письма.

Письмо к папá последнее нехорошо²⁸. Прости»²⁹.

По каким-то причинам Л.Л. Толстой не сразу отправил это письмо в Москву. Сначала он написал “другу Диме” и подробно рассказал ему о своем новом отношении к тому, что с ним и вокруг него происходит.

«Дорогой друг, сейчас получил несколько писем от людей<,> мне близких<,> и<,> между прочими<,> от тебя и отца. Отвечаю тебе сегодня же, как ты просишь. Отец пишет, что нездоровится ему и что он устал от посетителей³⁰. Пишет о Ю. Николаеве, кот<орый> написал статью о моем рассказе в <“>Моск<овских> Вед<омостях>”³¹. Читал ли ты<?> Статья нам всем понравилась³². Пишет и о мыслях своих, касающихся действий правит<ельства> против разных лиц и<,> м<ежду> проч<им,> Хилк<ова>³³. Письмо очень интересное.

Живу я порядочно<,> то бодрее, то слабее духом. В мыслях нахожу покой. Здоровье физич<еское> всё не двигается вперед, несмотря на здешний климат.

Смотрю на людей<,> чуждых ко всему и все-таки братьев. Как трудно сближение с ними. И вот для этого-то и надо жить и сделать себя доступным не только близким своим, но каждому человеку — французу, немцу, зулусу. А пока больше судишь, — нельзя действовать<,> не разобрав дела<,> и на эти рассуждения еще много надо времени. Хотя то, что уже понято, должно заменять действием. Понятно ли? Утешаюсь я еще мыслью, вычитанной у Amiel’a³⁴, что развитие духовное человека идет, не взирая ни на какие внешние обстоятельства, как-то болезни, увлечения, заблуждения, и т.д., конечно, надо прибавить, если человек все это время не спит, а мыслит, судит и живет.

Христа здесь знают мало. Настоящего Христа. А папу, церковь<,> и службы<,> и посты почитают тверже, чем даже у нас. Народ же, хотя культурнее нашего мужика, насколько я чувствую и знаю, совсем и не нюхал того истинно христианского духа, которого у нас во всякой маленькой деревушке найдешь в волю. Прочел я интересную, глупую книжку “Les Rois” J. Lemaître’a³⁵, где есть смелые мысли и интересная точка зрения на будущее Европы и Америки. Читал умные письма Кавелина³⁶ к Герцену³⁷. Обе книжки эти в России запрещены³⁸.

Прощай. Обнимаю тебя и люблю. Жене твоей желаю здоровья и всего хорошего.

Л.Л. Толстой.

25/13/1/94»³⁹.

17/29 января 1894 года Л.Л. Толстой отправил письмо младшему брату Ване⁴⁰. «Милый дружок мой Ваничка, сегодня я получил от тебя “гаденькое”, как ты написал, письмо. Спасибо тебе. Письмо<,>напротив<,> премиленькое и оно мне очень было по душе⁴¹. Прошел ли твой насморк и замерз ли опять каток⁴²?

Что твоя няня поделявает⁴³? Я ее очень люблю, как и ты<,> наверное. Все всегда любят своих нянь, а я, вот видишь, даже и не свою, а твою тоже. Моя давно умерла⁴⁴.

Здесь теперь масленица. Народ веселится, как у нас на Девичьем поле бывает. Завтра здесь будет катанье и будут кидаться все цветами. Я еще никогда такого не видал и напишу потом, что было.

Должно быть, мне будет очень жалко, что дорогие цветы кидают по улице в грязь и что столько денег люди тратят на такие глупости.

Здесь все еще холодно и я очень горюю по своей комнатке во флигеле. Никита⁴⁵ так тепло её натапливал.

Ездили мы в Ниццу к Всеволожским⁴⁶ и Олсуф<ьевы>м⁴⁷. Там видели Карнавал — гулянье, маски, большие колесницы разные, но это очень много описывать — я не хочу.

Да и спать мне пора. Я ложусь, как ты<,> почти в 9 или 10 часов. Я ужасно слаб стал и устаю очень скоро от всего.

Прощай, мой маленький друг, ты так всю жизнь оставайся мне другом и нам будет, может быть, когда-ниб<удь> хорошо. Так? Поцелуй всех от меня, кого ты любишь.

Лева

29/1/94»⁴⁸.

В черновых набросках к одному из романов Л.Л. Толстой позднее писал: «<...> Я проводил эту зиму в Cannes на юге Франции, куда мне посоветовал уехать из России один мой знакомый<...>. Я остановился в

одном из больших отелей на набережной. Скучно. Русские. Англичане. <...>музыканты, лакеи, коляски, старички, пальмы, платаны, эвкалипты, мимозы, магнолии, финиковые пальмы, цветы анемоны, гвоздика, фиалки, нарциссы, розы и т.д.

<...>башни с часами, ясный чудесный день, матрос в русск<ой> фор<менной> фуражку, как на картине<,> — навевают тоску<...>

“Нет, пусть бы они мне согрели душу, пусть бы они мне согрели душу, пусть обновили бы ее, дали бы мне сил для жизни, а не мясное и бром”. <...>»⁴⁹

Но согреть его душу Канны не смогли, и Л.Л. Толстой в начале февраля 1894 года перебрался в Париж. В письме родным он так объяснил причины неожиданного переезда:

«Милая мамá, пишу из Парижа, куда приехали сегодня утром. Горбачев получил известие о плохом состоянии его отца. Конечно, его потянуло в Россию. Это совпало с моей скукой от колесной жизни и мы решили ехать домой. Но до Парижа я раздумался <так!> и увидел, что лучше мне пожить еще за границей. Останусь в Париже. Горбачев уедет на этих днях. Пожалуйста<,> не беспокойтесь на мой счет и оставьте меня одного. Это главное. Мне опять стало лучше и теперь дело пойдет несомненно всё в гору. Остановились мы в Grand Hotel, Boulevard des Capucines⁵⁰. Думаю же устроиться или у Саломона⁵¹<,> или у Димера Бобринского⁵². С ними вместе или около них. Мне будет тут гораздо лучше. Больше людей мне интереснее, больше сочувствия, а комфорт и покой тот же. Уже весна на дворе и здесь, климат же для моей болезни решительно безразличен, дело не в нем. В Cannes же и февраль<,> и март бывают дождливые и сырые. Отсюда до Cannes всего 18 часов езды<,> и мы доехали незаметно, проспавши ночь. Главное<,> прошу усиленно не охать и не ахать, и ничего не предпринимать вроде посылки мне еще какой-ниб<удь> нянюшки. Они мне только вредны. Одиночество, одиночество среди нового — вот что мне в пользу. Хотя и здесь все свои люди<,> и Саломон<,> и Димер<,> и через неделю их будет еще 20. Если же мне станет хуже, напишу откровенно, как делал все время<,> и посоветуюсь для Вас со здешн<ими> докторами.

Спросите<,> пожалуйста<,> адреса Кашперовой⁵³ и еще кто кого знает из русских здесь. Дунаев⁵⁴ пусть укажет свой. У меня деньги на

исходе. Переведите мне рублей 500 в Credit Lyonnais⁵⁵ здешний. Письмо же с квитанцией или телеграмму сюда адресуйте в Grand Hotel.

Горбачев расскажет<, > что я не написал<, > но<, > кажется<, > ничего. Вы<, > пожалуйста<, > сведите с ним счета. Он на дорогу<, > вероятно<, > истратит свои деньги. Если будут письма из Cannes<, > пересланные обратно, пришлите сюда всё. Когда устроюсь вне Hotel'я<, > напишу адрес, а то и здесь отлично. Не думайте, что я хочу пользоваться здешней жизнью, напротив, я хочу и буду усиленно долечиваться. Теперь главное я сделал, я познал себя самого<, > свой организм, благодаря кан<n>ской морской области<, > и долго не может не пойти. Надо признаться, что Горб<ачев> мне был лишним, хотя он очень мил и симпатичен. Но я больше был его нянюшкой и, кроме этого<, > сознание, что он живет для меня совершенно лишним<, > — было все время неприятно. Прощайте. Да, Илья⁵⁶ должен быть где-то здесь, если знаете<, > телеграфируйте. Хотя надеюсь найти его через Димера, куда послал сейчас. Досадно будет, если он приедет в Cannes и мы разминемся, хотя и то не беда.

Буду писать по постным дням. Сегодня пятница<, > до среды. Пожалуйста<, > исполните все просьбы.

Целую всех. Лева.

2/11/94

Париж»⁵⁷.

Но уже на следующий день Л.Л. Толстой в письме В.Г. Черткову сообщил о своем новом адресе: «Пишу два слова, милый друг, чтобы сказать, что я в Париже: Rue des Ecoles 41. У моего товарища болен отец и он уехал в Россию. Здоровье мое получше. Буду жить пока здесь. Напишу.

Твой Лев Т<олстой>.

3/11/94»⁵⁸.

Через несколько дней Л.Л. Толстой написал родным большое, развернутое письмо, в котором было много и о своем состоянии здоровья, и о об отношении во Франции к сочинениям отца.

«Милая моя мамá, хотя я и не обращаюсь к Вам часто в своих последних письмах, это не значит, что я не думаю о Вас и не вспоминаю

всегда с любовью и нежностью. Последнее письмо было из Ясной, потом Машино — очень хорошее — напишу ей, когда буду о ней думать, — и статья о свободе воли⁵⁹.

Все это пока из Cannes.

На днях жду <письма> прямо сюда уже. Как Вы приняли последние события? Что думаете и советуете все? Я продолжаю здесь чувствовать себя лучше. И хотя на днях опять был маленький “приступ”, как я называю болезни, и в клистире вышла, как вошла, непереваренная чечевица, которой съел очень немного, и были боли и т.д., но<,> в общем<,> здесь мне эти дни лучше. Больше ем и вот два дня, как сплю по 9 часов, чего уже не было давно.

Приписываю это замечательно мягкой погоде, кот<оторая> стоит здесь.

Решился я посоветовался со здешним знаменитым Potain⁶⁰. Советовал Димер да и собственная слабость. Сегодня получил от него ответ, примет меня в 3½ ч<аса>. Напишу все, что скажет и посоветует. Вы<,> м<ожет> б<ыть,> подумаете, что<,> уехав от моря, мне стало лучше, — не знаю, ничего не поймешь во всей этой болезни; очень вероятно и это.

Пока думаю, сообразуюсь с Potain, со здоровьем, с Вашими советами — ждать и сидеть здесь.

Вчера вечером был у Саломона, где застал его мать <->старушку⁶¹. Саломон говорил мне следующее, что касается папá: у него был Legras⁶², кот<оторый> намекал ему, что папá пришлет ему “Тулон” для перевода и помещения в “Debats”⁶³. Саломон же сам рассчитывал на этот перевод и уже заявил об этом в редакции этого журнала. Теперь он не знает, кому же папá обещал прислать <“>Тулон<”:> ему или Legras<,> и долго мне об этом рассказывал⁶⁴.

Получил письмо от Меньшикова⁶⁵ с целой кучей вырезок газетных о моем рассказе⁶⁶. Между прочим<,> Меньш<иков> говорит, что дом в Ясной <Поляне> грех перестраивать⁶⁷, что он должен остаться неприкосновенным, как дом Шекспира⁶⁸ и т.д. Правда, жалко будет тех 3-х комнат и можно было бы просто поставить домик где-ниб<удь> в стороне. Наконец<,> Кузминский дом весь, надеюсь<,> будет свободен нынешним летом⁶⁹. Но я не знаю хорошенько всех ваших планов, и Вы

напишите мне, что и как Вы строите. Я ответил М<еньшикову>, что меня удивило его замечание о доме, что это такие пустяки и что<,> наконец<,> дом не перестраивают<,> а только пристраивают. Что жалко было бы к какому-ниб<удь> сочинению папá пристроить что-ниб<удь>, а к дому не важно. Хотя<,> подумав<,> и я пожалел, что не будет этих трех комнат, где жили тетушки, где зимой мы жили и где бегали детьми⁷⁰.

От Сони⁷¹ к Илье письма, адресов<анные> в Cannes, пересылают по ошибке мне, а я их отсылаю обратно. Где Илья — не знаю. Получил письмо от Felix Schroeder, кот<орый> хочет меня видеть и зовет к себе в городок под Парижем Melun, где живет с женой⁷². Письмо милое. Завтра<,> вероятно<,> буду с ним завтракать, если позволят силы<,> у Salomon. В Париже Род⁷³, хочу и его повидать, если осилю.

Здесь чувствуешь себя в центре Европы, всюду близко и потому самое лучшее для выжидательного моего положения.

Целую всех вас. Жду денег, а главное<,> писем. Очень вероятно<,> что вернусь в Москву недели через две — без сил скучно здесь, да и<,> по правде сказать<,> неинтересно. Все то же везде.

Что милый Ванечка и Саша?⁷⁴ Пусть продолжают писать. Уехали ли наши?»⁷⁵

В письме отцу в Ясную Поляну Л.Л. Толстой попытался объяснить, почему ему в Париже⁷⁶ лучше, чем в климатическом курорте.

«Пишу, как обещал, в среду. Продолжаю быть довольным своим решением остаться в Париже. Устроился отлично. Комната с постелью, камином и столом. Рядом две комнаты Димера. Он то ко мне, то я к нему заходим. Обедаю и завтракаю у Duval'a⁷⁷. Кофе пью утром дома, кот<оторый> приносит Blanche⁷⁸. Читаю, хожу гулять, хожу слушать кое-какие лекции в Sorbonne⁷⁹. Чувствую себя гораздо лучше духом, чем в Cannes, где жили мы глупо и нездорово, где я усиленно голодал, думая этим поправиться, где скучал, где мало ходил, где нервами был хуже. Здесь, в Париже, я свешался на bascule'e в Hotel'e, где остановились. Те же 51¹/₂ килограмма в пальто, с разными вещами в карманах, в тяжелом пиджаке, шерстяной рубашке, тяжелых сапогах. 51 кил<ограмм> — 2,41 ф<унта>, т<о> е<сть> 3 п<уда> 3 ф<унта>.

⁵¹/₂₄₁

12050 /122,91 фунт.

А в Москве в бане в своем виде я весил 3 пуда ровно. Стало быть, я потерял от проклятой Кан<н>ской жизни, по крайней мере, 10 ф<унтов>, если не больше, и во мне осталось 2 с чем-то <пуда>.

Я сам видел, что хую. Глупый table d'hôte, за кот<орым> рысью подает лакей какие-то кусочки и т.д., все это не могло быть в пользу. Климат же при моей болезни совсем ни при чем. Думаю, что здесь опять немного поправлюсь. Совсем же выздороветь я отчаялся и буду смотреть на свою немощь, как на обычное дело. Только время и очень длинное может что-нибудь сделать, и надо примириться. Раз я уехал от Вас и теперь слабому трудно возвращаться (я от этого, отчасти, остался здесь, боясь переезда, кот<орый> мне был бы труднее теперь, чем из Москвы), раз я попал сюда. Надо подождать, хотя, повторяю, непростительно было уезжать из России мне и Дунаев — спасибо ему за записку⁸⁰ — прав, что за граница — гулять, дома — жить. Попробую жить и здесь. Потому что больной только живет, а здоровые больше гуляют. Но труднее и скучнее жить здесь одному в необычной и чуждой обстановке. Горбачев уже был у Вас. Как он доехал, бедный? Мы расстались трогательно⁸¹. Видно, и это было нужно и вот уже видно, отчасти, почему.

Казнили Vaillant⁸² с цинизмом возмутительным — вспомнил Тропмана⁸³. В газетах подробные описания⁸⁴. На улицах же маски Mardi gras и confetti и веселье⁸⁵. Впрочем<,> сегодня кончилось.

Много тут интересного, но нет сил интересоваться.

Читаю <“>Mes prisons<”> и нахожу себе много утешения у этого религиозного, чуткого и умного человека⁸⁶. Саломон⁸⁷ звал обедать и завтракать, не пошел, предложил книг. Получил сейчас из Cannes письмо мамá из Ясной⁸⁸ и Ванино с Сашей⁸⁹. Молодцы — едят хорошо. Жду Илью⁹⁰. Прощайте и едите.

Лева.

7/II/94
26/II

Париж

Rue des Ecoles 41»⁹¹.

Вскоре Л.Л. Толстой встретился с П. Потеном и начал следовать его советам. 10 февраля (нов. стиля) 1894 года он писал родным:

«Был у Potain. Это сделало то, что я окончательно решил возвратиться к Вам, к себе в конуру, где мне было так хорошо. Подожду неделю — больше или меньше <—> и поеду. Надо прежде иметь от Вас

письма и немного поправить желудок, кот<орый> разболелся от чечевицы.

Potain сказал: расширение желудка, дисперсия кишок, анемия на нервной почве. Климат в лечении не при чем. Диета неопределенная, что выношу. Лечение — прописал целый лист разной дряни внутрь. Какая-то минерал<ьная> сода, известь, какие-то пилюли, какие-то sachets и т.д. Опять то же разочарование и горечь, как всегда после визита у доктора. И все это по слабости духа. Взял <Potain> 40 франков.

Болезнь пройдет не раньше лета. Есть надо 4 раза в день.

Все это старая история. Но в ней вижу то, что дома надо сидеть смиренно, и тогда только что-то может быть к лучшему.

До свидания.

Лева

10/II/94

Досадно, что еще 3 месяца провел “дуром”. Сам виноват. Телеграфирую, когда выеду из Парижа, нет<, > лучше из Варшавы»⁹².

Однако через несколько дней Л.Л. Толстой поспешил успокоить родных. Он уже не упоминал об отъезде. Его захватила парижская жизнь и он с радостью делился с родными своими открытиями.

«Совестно за последнее письмо, слабое духом, и совестно признаться, что я так легко падаю и оживаю вновь душой. Вчера завтракал у Саломона со Шредером (Tolstoisme)⁹³, с Recolin (друг Саломона, участвующ<ий> в Debats)⁹⁴ и его старушкой <->матерью, как вдруг подают две карточки — Ильи и Вака⁹⁵. Ни они, ни я не знали, что мы в Париже. Илья остановился у нас же в доме рядом на лестнице — проживет еще с неделю, в Cannes<, > д<олжно> б<ыть>, > не поедет. Я<, > конечно<, > ему очень обрадовался. Были вместе на собрании Армии Спасения⁹⁶. Сейчас вместе обедали у Саломона. Они поехали в “Chat Noir”, такой café⁹⁷, а я вернулся домой усталый.

Днем ездили на парходике к Эйфелевой башне⁹⁸. Поехал я для Ильи, меня же мало она интересует.

Илья в цилиндре<,> в “пенсне”<,> с зонтиком, все хочется ему купить, но мил очень и интересуется всем. Накупил себе семян<,> был у огородников, весел и бодр. Торопится домой к родам Сони⁹⁹.

Мне продолжает быть лучше здесь и<,> надеюсь<,> это было последнее письмо унылое. Главное<,> тепло стало и чувствуется уже близость весны. Пробую следовать советам Potain. Много интересного вижу. Всего невозможно написать.

Шредер произвел впечатление приятное — умного и сильного человека. Непременно съезжу к нему. Завтра буду завтракать у Рода¹⁰⁰. На днях поеду посмотреть заседание палаты депутатов. Армия Спасения лучше, чем думал<,> — все<->таки несомненно то, что она приносит много доброго. Саломон распинается в любезностях и мил со мной особенно. Получил сегодня письмо Дунаева с <банковским> билетом, жду второго, спасибо ему — передайте ему мою любовь, два письма от Вас — я знал, что Вы одобрите мой переезд сюда, — письмо от С.Э. Мамоновой¹⁰¹ и от Гуревич¹⁰². Последнее интересно мне тем, что мой второй рассказ хотели не пропустить и <он> будет напечатан с пропусками¹⁰³. Меня это очень удивило. Газеты можете не посылать. Читать будет некогда, да и Димер получает “Русск<ие> Вед<омости>”. Письма же пишите по череду<так>. Буду сидеть здесь и попробую развлекаться — получше ли будет? Попробую забыть об этой боли, кот<орую> постоянно чувствуешь. Все<->таки мне здесь и стало лучше<,> чем в Cannes. Буду ходить, ездить, гулять, видеть людей и заставлять себя это делать изо всех сил. Буду следовать Вашему совету не утомляться. Сегодня написал, потому что совестно было оставлять Вас под впечатлением последнего письма. Напишу подробнее о том, что слышу и вижу, когда буду в более свежем состоянии. А любопытного очень много и учишься, учишься, как жить надо — в хорошем<,> что тут есть.

Лева.

Весна меня оживит.

Сегодня от Сони три письма к Илье и о наших¹⁰⁴. У Вас в Москве¹⁰⁵ тоже<,> кажется<,> всё хорошо.

Так пока не ждите телеграммы из Варшавы и<,> главное<,> будьте все живы и здоровы, чтобы и мне таким же опять всех увидеть и обнять Вас.

Жить я устроился превосходно.

Видите, какой я глупый, а все от живота.

Два месяца же я не “дуром” провел, а они мне многое и многое дали»¹⁰⁶.

15 февраля (нов. стиля) 1894 года в письме С.А. Толстой в Москву Лев Львович продолжил рассказ о том, что он видел вокруг.

«Познакомился я с Родом, но ожидал от него большего. Завтракал с ним, его женой и 2-мя детьми¹⁰⁷. Жена его умная, умнее его, но жалкая<,> и худая<,> и болезненная. Была еще какая-то родственница их и художник <->швейцарец, приехавший писать портрет Рода¹⁰⁸. Они не ждали меня в этот день<,> так что это были случайные люди. Говорили о литературе, о папá, о Золя (Род предложил мне пойти к нему, на это я согласился, но подожду еще) — об анархизме¹⁰⁹, о Maupassant<'e>, кот<орого> Род знал и считал за пустого, безнравственного и мелкого человека¹¹⁰. Рассказывал, как он не имел никого около себя<,> умирая, кроме доктора¹¹¹. Род с брюшком, пьет вино, курит, нервный. Был болен долго неврастенией и предлагал мне доктора, вылечившего его.

Сегодня был в палате депутатов¹¹² и смешно было смотреть, как они кричат и суетятся из<-за> пустяков.

Говорили о неинтересном хлебном вопросе. Впечатление смешное и наивное. Совершенно гимназисты, даже не студенты в аудитории. Получаю ужасно много писем эти дни — штук 30-ть и все милые и теплые. Меня любят и это дороже всего. Написал Гуревич в “Сев<ерный> Вест<ник>” “Письмо из Парижа” о взрыве <в> Café Terminus. Она меня надоумила в письме и как раз это совпало с сильным впечатлением¹¹³. Думаю, что нецензурно и плохо. Не знаю, что будет¹¹⁴. Вчера опять был в собрании Армии Спасения и разочаровался.

Здоровье получше и дух бодрее. Чувствую, что все<->таки советы Potain хороши. Принимаю его лекарства. Вчера ел неосторожно и сегодня опять похуже, но это пройдет. Хочу не обращать внимания на болезнь и этим лечиться.

Условия здесь для меня подходящи.

Илья ездил сегодня в Grignon с Вакой и старшим Бобринским¹¹⁵. Grignon — это школа земледелия¹¹⁶. С ним<и> были удивительно любезны и они довольны. Обедают они у Бобринского. Уезжает Илья дней через 5. Вижу его мало. Куда-то еще они ездили в театры, были в Лувре.

Завтра хочу быть у Vogüé¹¹⁷.

Погода стоит прекрасная и Париж мне продолжает нравиться.

Не могу всем отвечать, хотя хотел бы и Тане<,> и Мише<,> и Вам<,> и Саше<,> и Ванечке отдельно за ваши славные и длинные письма.

Саломона выдаем часто — были вместе в палате <депутатов>.

Продолжайте, если не трудно<,> высылать газеты. Димер перестал <их> получать. Пока прощайте. Целую всех.

Лева

15/II/94

Париж

Постные дни что-то не соблюдаю¹¹⁸. Перевод на деньги давно получил, но еще не брал их. Бедный Горбачев — еще ему горе<:> смерть его друга»¹¹⁹.

Через несколько дней Л.Л. Толстой ответил на письмо В.Г. Черткова.

«Милый друг, сейчас получил твое короткое письмо и не могу не сказать тебе, как поразила меня весть о болезни твоей жены¹²⁰. Пожалуйста, напиши мне об этом, надеюсь, что это болезнь временная. Что же писать тебе, милый друг, когда у тебя такое горе?

Я в Париже; немного пишу, немного хвораю, немного вижу людей и здешней жизни. Всего понемногу и все жду полного восстановления сил, чтобы делать больше. Здесь брат Илья, приехавший на короткое время за границу, — было очень приятно увидеть его. Сколько здесь пробуду — не знаю. Пока прощай, дорогой друг, буду ждать более утешительных вестей о твоей милой жене, которой передай от меня мою любовь и уважение и глубокую симпатию.

Твой Л.Л. Толстой>.

18/II/94.

Париж.

41 rue des Ecoles»¹²¹.

Однако, как и предупреждали консультанты, улучшение состояния здоровья Л.Л. Толстого оказалось кратковременным и сменилось слабостью и болями в желудке. 20 февраля 1894 года он начал разговор с С.А. Толстой так:

«Милая мама<, > пишу Вам<, > надеюсь так скорее дать еще вестей о себе и Вам и нашим. Теперь скоро они уже приедут в Москву, если не приехали¹²². Сегодня получил Ваше милое письмо со сном, с известиями о Сереже (плохими, но зачем рассказывать о них<, > — мне<->то можно<, > впрочем), об Андрее¹²³ и няниных именинах¹²⁴.

Об Андрюше скажу, что Вы напрасно заботитесь слишком и убиваетесь. Надо понять, что человек “делается” сам и что никакие <няньки? — неразб.> и учителя ничего не помогут. Только лишняя себе тревога. Ему 16 лет. В его годы есть юноши<, > кормящие целые семьи. Но мало ли<, > что есть. Пусть делает<, > что хочет. Полная свобода — вот единственный выход. Тогда только он может “начать делаться человеком”. Вы говорите, что ему нужно руководство и поддержка. Если он сам пожелает ее, он найдет её сам всюду, а поддержка искусственная <-> только гибель. Что же<, > поддержала его семья в Ясной Поляне в ту осень?¹²⁵ Нет, искренно советую Вам не тревожиться о нем, а философски смотреть: ну<, > что же будет, что он сделает? Тогда только можно ждать от него чего-нибудь лучшего. Но это еще не утешение<, > Вы скажете. Другого нет<, > по<->моему. Андрей — Андрей. Митька — Митька¹²⁶.

Илья пошел с Вакой к другу Саломона. Я остался дома — устал. На дворе морозит и луна полная.

Днем ходил гулять. Что же писать об этом здоровье? Все то же опять. И<, > действительно<, > из костей моих выйдет пакет небольшой. Читаю, немного пишу, чтобы сказать правду, эти дни никуда не хожу. Одно спасение будет — весна, весна и время.

Пока прощайте. Скучать я не скучаю и духом довольно бодр.

Илья собирается домой на днях. Вчера долго они сидели у меня<,> и я вызвал его на разговор<,> и слушал его<,> и думал, какой странный вышел человек.

Лева

20/II/94

А бомбы кидают¹²⁷<,> и это занимает меня ужасно<,> и вызывает мысли о причинах этого<,> и видишь за этими несчастными преступниками целое море людского горя и слёз. Предвещаю, что близко новое, близко обновление, которое должно быть в том, чтобы люди снова поняли сначала учение Христа в его чистом, настоящем виде.

Бедный Чертков мне пишет, что жена его серьезно больна. Всем в “Посреднике”¹²⁸ передайте мою любовь и сочувствие и велите им написать о себе и деле, — Горбунову¹²⁹, Попову¹³⁰, Бирюкову¹³¹. Так Маша Макл<акова>¹³² тоже хочет быть матерью? Поздравляю их¹³³ от души. Илья очень трогателен, когда говорит о своих детях. Ах<,> Сережа, Сережа. Ему следовало бы передать хоть половину моей болезни, если желать ему добра¹³⁴.

А я продолжаю благодарить Бога за испытание<,> кот<орое> он дал мне<,> и продолжаю верить, что так нужно, что я выйду когда<->ниб<удь> из теперешнего состояния победителем и сделаю хоть что-нибудь людям¹³⁵.

На самом деле Л.Л. Толстому становилось всё хуже. Он на время замолчал, думая справиться с болезнью самостоятельно. Но через несколько дней, 24 февраля 1894 года отправил С.А. Толстой письмо, которое не могло не испугать родных.

«Сегодня получил Ваше письмо и Ванино милое¹³⁶, дорогая мама, и хотя не хотел писать эти дни, потому что мне опять плохо, все<->таки напишу. Что ж? Не убежишь от горькой действительности<,> и уныние<,> и болезнь, так болезнь и уныние. Давно не был так мрачен и грустен, как эти дни. Черные мысли, начиная от самоубийства<,> — надо говорить правду, — и кончая тем же стремлением куда-то лететь, возвратиться в Москву, лечь в больницу и т.д. Когда я видел Potain, я просил его<,> нельзя ли устроить меня в какой-ниб<удь> больнице здесь. Он ответил, что мне вряд ли будет хорошо<,> и успокоил меня,

что это пройдет и без этого. Но я думал, особенно эти дни опять, что так это не пройдет. У меня нет ни воли. Ни рассудка, ни спокойствия, ни сил, — ничего, что только мне и может помочь. Что же таить, коли это так? И мне нужно, если у меня все это исчезло<,> — воля, рассудок, спокойствие — другого надо много. А это можно обрести или в больнице<,> или дома в своём <окружении>. “Иди спать, ешь, не ешь<,> ступай гулять” — <нужна> нянька, как верно сказал Горбачев, который сам в таковые никуда не годится. Ведь подумайте, два года уже это тянется. И давно я был бы здоров<,> что же я слабый, дрянь, тряпка. Ну<,> да и нечего тут скрывать и искать других причин. В Москве осенью мне было лучше, Cannes совсем испортили меня. Теперь<,> где же конец? И выход? Берет отчаяние. Я думал эти дни выписать Таню, — “берите меня, свяжите меня, кормите и поите”<,> — вот что хочется кричать, а делать это некому<,> и я смиряюсь. Ради Бога<,> простите за это письмо, но пусть Вы знаете все, что во мне происходит. А то “составлять” письма, выдумывать надоело.

Написал опять Potain по настоянию любезнейшего Саломона. Еще не отвечал. Боюсь его лекарств, как огня, но все<->таки принимаю их. Но от них совсем потерялась чувствительность нутра и еще больше все вздулось и распухло. Стал только сильнее аппетит — искусственный<,> отчего я и прибавил в весе за эти две недели здесь на 5 фунтов, — но боль сидит там<,> и если бросить теперь эти “подстегивающие” <средства>, она еще беспощаднее скажется. А весна подходит, год проходит, года и молодость. Нет жизни, это не жизнь, а хуже заключения, хуже ссылки и смерти. Вот Вам развлечение. Мне совестно и стыдно, но я такой теперь и вот смотрите, как хорош, как гадок и жалок.

Лева

Париж 24/II/94»¹³⁷.

Тональность последних писем Л.Л. Толстого внушала опасение. 13 февраля (ст. стиля) 1894 года Толстые отправили телеграмму Ш. Саломону в Париж и получили ответ, из которого следовало, что оставлять больного одного невозможно¹³⁸. Это же подтвердила телеграмма Л.Л. Толстого¹³⁹ и его пронзительное письмо — крик души беспомощного создания, теряющего веру в свое выздоровление.

«Я жду тебя, милая Таня, если ты еще не уехала по телеграмме¹⁴⁰. Возьми меня, свежи домой и свяжи и лечите. Мне нужны люди свои,

обычная тихая и скучная жизнь и нянька или я лягу в московские клиники. Не думайте, что я совсем слаб и плох. Сейчас ничего<,> я поправился здесь, как писал. Но после этой rechûte будет, чувствую, опять плохо надолго. Доехать домой, доедем. Но я хочу домой, непременно сейчас — одно спасение! Климат не при чем — тоже я повторял это сто раз. А сейчас мне так скверно, что хоть кидайся в Сену<,> и боль эта не острая, а постоянная<,> исключаящая все нервы, всю душу, — просто беда.

Поеду, чтобы развлечься<,> к Кашперовой¹⁴¹ сегодня вечером, нет аппетита и тоска, тоска и вот не сплю уже две ночи.

Лева.

Вечером в 6 ч<асов>.

25/II/94

Ради Бога<,> простите меня и не тревожьтесь. Если захотите меня вылечить, то вылечите, потому что говорят же, что это поправимо. Сейчас снесу телеграмму. Погода <-> теплынь. Лексикон Larousse¹⁴² стоит 450 франк<ов>, если весь купить сразу. А по подписке 750 <франков>. Есть еще renie encyclopedique¹⁴³, кот<орое> выходит, как продолжение Dictionnaire без конца. Это — абонемент на год<,> 20 фр<анков>, кажется. Сейчас приехал из Берлина Димер. Но Вы не думайте, что <мне стало хуже от того, что> я был один эти дни. Нет, скорее от того, что я что-ниб<удь> съел, хоть сегодня опять телячью проклятую голову, от кот<орой> теперь месяц не очнешься.

Теперь вряд ли буду писать до <приезда> Тани. Буду есть бульон, м<ожет> б<ыть>, лежать в постели и опять спускать те 5 фунтов, кот<орые> здесь наел<,> да с ними еще<,> м<ожет> б<ыть>, 25.

Нужна больница, диета, надзор»¹⁴⁴.

На следующий день, когда стало чуть-чуть полегче, Л.Л. Толстой постарался успокоить родных.

«Вчера, милые друзья мои, послал Вам постыдное письмо — вечерний, нервный крик одинокого сердца больного и слабого человека. Утро<м> и спокойнее<,> и лучше. Но это возвращение боли было сильное и так как тут достается всем этим наболевшим нервам, нельзя удержаться от этой черной тоски и отчаяния. Но стыдно очень за посланное письмо. Potani¹⁴⁵ назначил вчера в 6 ч<асов>, а письмо его я

получил только в 8. Все-таки еще раз поеду к нему и сейчас снесу письмо в ящик.

Если я прибавился в весе, то все-таки это что-ниб<удь> да значит.

Таня, ты хочешь приехать ко мне? Ты предлагала. Вообще, кто хочет приехать ко мне? Всех приму с распростертыми объятиями, любовью и благодарностью. Могу и один дожидаться весны, чтобы скорее вернуться, зарыться и сидеть. Мне не скучно здесь, как никогда не бывает скучно нигде. И дни проходят. Эти упадки духа будут и с другим<,> и со всяким<,> и везде, пока будут повторяться эти<,> неизвестно откуда и почему<,> и за что посылаемые мне испытания.

Лева.

25/II/94»¹⁴⁶.

Через день Л.Л. Толстой нашел в себе силы продолжить обсуждать с родными состояние своего здоровья. «Сегодня второй день лежу в постели, хотя rien de grave, как телеграфировал. Лекарства Potain, которые и совершенно переменили мой режим<,> причина этой rechute. Были боли, опять сперлось дыхание, как бывало<,> и т.д. Все от сильнейшей токсикации<,> а затем поноса (простите). Желудок стал при лекарствах варить гораздо больше, отчего я прибавил в весе около 8 даже фунт<ов,> кишки же<,> больные и избалованные<,> не могли справиться. Надо было ставить промывательные <клизмы> каждый день.

Сегодня мне легче. Завтра оденусь. Был у меня вчера<,> по настоянию Саломона и Димера, кот<орые> оба трогательно ухаживают за мной<,> врач от Potain. Сегодня же сам Potain опять подтвердил то же, что раньше, сказал, что пройдет и проходит, что лекарства не вредны и чтобы их продолжать, что нужно, чтобы скорее поправиться<,> “bien vous soigner”, что в Россию возвращаться <“pas raison” — неразб.>.

Он посылает опять на юг до весны у нас или в Montreux¹⁴⁷. Нашел, что анемия очень сильная и что при таком состоянии я не могу сам себя вылечить<,> и должно, чтобы “другой кто-ниб<удь>” это делал, потому что при таком малокровии и худобе <“>нет volonte и спокойствия духа”. Гидротерапия и массаж — это хорошо, но для меня невозможно при моей слабости.

Сегодня утром получил телеграмму¹⁴⁸. Таню жду в субботу или воскресенье¹⁴⁹.

Ужасно радуюсь. Вместе решим с ней<,> что делать. Montreux мне улыбается, если не Россия. А нам хочется домой, особенно эти дни. Никогда не ценил я так вас всех, никогда не чувствовал так сильно значение и прелесть семьи, матери, отца и т.д. <—> всех. Грустно, грустно и обидно, что приходится так глупо жить. И опять не увижу Вас долго, если останемся за границей. Если можно было бы<,> живя здесь<,> общаться как следует<,> было бы терпимо. А без папá, без общения с ним, он совсем забыл меня¹⁵⁰, да без всех вас — тяжело. Думал я эти дни и о том, как я мало ценил Вас, какой это великий труд родить и воспитать человека и как этот человек мало благодарен той, которая одна все это делает, волнуясь, недосыпая ночей, тратя жизнь.

Здесь теплынь удивительная<,> на днях вечером — гроза. Ну<,> прощайте пока.

Обнимаю всех крепко и люблю еще крепче.

Читал о “Черн<ом> Монахе” Чехова¹⁵¹ рецензию¹⁵². Он говорит: “Если хочешь быть здоров и нормален<,> иди в стадо”¹⁵³. И это утешило меня. Читаю много и Potain<’у> это не нравится<,> и курить <он>не велит, но это я не могу пока исполнить.

28/II/94

Среда

Париж

Был у Кашперовой в тот вечер¹⁵⁴ — теперь сам не рад. Пристает ужасно. Не знаю, как отделаться. Сейчас был у Димера¹⁵⁵, еще придет вечером.

Была у меня старуха Саломон с букетом фиалок — премилая старушка¹⁵⁶. Завтра будет Шредер.

Лев

Пришлите “Черного Монаха”, когда <и> если будет новый адрес.

Думал я и о Ницце к Олсуфьевым в соседство<,> и Неаполе<,> и Риме, где тоже знакомые, впрочем<,> их везде много, но это для Татьяны — моей будущей няньки и спасительницы»¹⁵⁷.

На следующий день Л.Л. Толстой дополнил картину событий.

«Надо еще написать Вам<,> милые друзья, чтобы не оставлять Вас без известий. Сегодня встал, ходил завтракать к Duval, утром в постели читал. Дыхание стало легче и боли прекратились, но стал слабее от двух дней лежания. Сегодня же — saîete и здесь разные вакханалии, от кот<орых> веет глупостью и легкомыслием¹⁵⁸. Погода теплая и ясная — 1ое марта. Potain мне еще больше понравился во втором свидании. Он внимателен, серьезен и<,> главное<,> добр и сочувственен. И не такой, как Захарьин¹⁵⁹, окруженный гипнотизирующей обстановкой великолепия и важности, а простой старикашка в драповом пальто с белым фуляром¹⁶⁰.

Димер, вернувшись из Берлина<,> засел опять за книги. Вчера вечером сидела у меня Кашперова<,> — и я раскаялся, что нехорошо писал Вам про нее, — она не глупая и жалкая своим несчастливым прошлым. Вы знаете её историю с женихом¹⁶¹. Саломон все носит книжки и свои любезности. Я его тоже полюбил больше здесь, чем в России.

Таня сегодня вечером в Варшаве. Димер встретит ее тут на вокзале. Пока приготовил ей здесь комнату.

Montreux продолжает мне нравиться для жизни до весны, если не возвращаться. Но это все решится со временем.

Прощайте.

Лева

1/III/94

Париж

Шредер не будет сегодня. Пишет, что нездоров, — до субботы. Он все приглашает меня к себе в Melun, где приготовил мне комнату и писал мне несколько раз удивительно милые письма»¹⁶².

Приезд сестры внес коррективы в жизнь больного. Прежде всего это коснулось перемены доктора. Еще 16 февраля (ст. стиля) 1894 года Л.Н. Толстой — со слов знающего человека — советовал сыну: «... Есть тут доктор Викторов¹⁶³, кот[орый] очень не одобрил твое обращение к Potain, а советует обратиться к Brissaud¹⁶⁴, наследнику Charcot¹⁶⁵, специалисту по нервным болезням. ...»¹⁶⁶

Этим знающим человеком был Н.Н. Ге¹⁶⁷, любивший Л.Л. Толстого и ценивший его дарование. В недатированном письме, отправленном

сразу после отъезда Т.Л. Толстой в Париж, он старался подбодрить молодого человека и внушить ему уверенность в исцелении.

«Милый Лева. Здесь получено твое письмо. Таня к тебе поехала и все наши мысли постоянно о тебе. Меня спросил на днях доктор Викторов<, > почему Таня уехала в Париж. Я сказал, что брат ее, ты, болен и вызвал ее, чтобы вернуться домой. Он начал спрашивать о твоей болезни и<, >узнав<, > ее определил и назвал технически<, > я не помню<, > как; но в том смысле, как и другие определяли<, > однако<, > спросил<, > у кого ты лечишься. Я сказал: “у Патен”>. — <”>Зачем же у него? А не у наследника Шарко<, > доктора Бриссон”>? Я спешу тебе сообщить это для твоей пользы. В сам<ом> деле<, > ошибка может быть в выборе. — Попробуй.

Читаю твою вторую <повесть “>Совершеннолетие<”>¹⁶⁸. Очень и очень хорошо. Я верю тебе. — Бодрись, милый мальчик, держись крепко духом и ты будешь и здоров и силен. — О себе и о Пете¹⁶⁹ что могу сказать, что мы здоровы. Счастлив тем, что жизнь свою нашли в том, что дает радость<, > и ждем тебя, своего милого, дорогого брата, тебя, милый Лева. Целую тебя. Крепко люблю тебя и верю в твое будущее.

Твой Никол<ай> Ге.

Я¹⁷⁰ написала письмо, а сейчас подумала, почему бы не попробовать спросить Бриссона о болезни. Мы уже тут в Москве жалели, что ни разу не обратились к нервным докторам, как Ваня Раевский¹⁷¹. Он тоже, бедный, плох; пишет, что тоска, слабость; бедный, очень и его и Елену Павловну¹⁷² жаль. А Самарины¹⁷³ пишут, что на вид он очень здоров и бодр. Посторонним не виден тот червь, который точит нервно больных; мы, близкие, его чувствуем, и нам и виднее, как помочь. Он в Крыму, опять водой стал лечиться.

Это я так приписала»¹⁷⁴.

После переезда в новую квартиру, консультаций доктора Бриссо, встреч с русскими и французскими знакомыми, Л.Л. Толстой 2/14 марта 1894 года сообщил родным, как изменилась ситуация.

«Таня написала Вам, что в театр она раздумала ехать, а сейчас пришел Richet¹⁷⁵ и увез ее. Я советовал ей ехать вчера, сегодня же она немало жаловалась на головную боль днем<, > и я поддержал ее в намерении отказать Рише, боясь за ее насморк. Они поехали в карете,

так что она не простудится; будет <“>Les femmes Savantes<”¹⁷⁶ и> еще одна современная пьеса, кажется¹⁷⁷.

Рише сейчас говорил мне, как ему трудно справляться со всеми своими страстями, j'aime tout, говорит, и действительно<,> просто ужасен его энциклопедизм.

Днем интересно говорили и сравнивали здешнее с нашим. Саломон все защищается, Таня нападала. Я старался обобщать и сглаживать. Разбирали франц<узских> женщин, девушек, браки, народ, общество и т.д.

Понял я<,> между прочим, что по франц<узским> романистам мы узнаем о франц<узском> обществе очень односторонне и неверно и что таких крупных этических писателей, как у нас, широко дающих картины нравов и общества, у них не было и нет, кроме Victor Hugo.

Вечер<ом> Brissaud. Таня не поняла его. Он dans deux jours только скажет мне<,> вылечит он меня или нет. Это он ответил на мой вопрос, вылечит ли. Но все это смешно. Он сказал<,> м<ежду> проч<им>, что если бы я был истеричный, тогда бы он сразу меня вылечил, а нервы <—> это другое. Нет<,> нужно мне еще много, много времени. Два дня не принимал железа и ощущение лучше. Диета отличная. Спокойнее на сердце от присутствия милой сестры. Brissaud огорчился, узнав, что я бросил железо, попробую по одной пилюле для его успокоения, если опять не повредит. Мне хорошо также сидеть в комнатах — чувство, что мне больше ни места, ни воздуха не нужно пока и лишнее. Кашель»¹⁷⁸.

26 февраля (ст. стиля) 1894 года Л.Н. Толстой в письме, адресованном Татьяне и Льву, по поводу смены врача заметил: «...Нынче получил вашу телеграмму о Brissaut или Brissot¹⁷⁹ с уведомлением, что вы остаетесь indéfiniment[,] и письмо, в котором обещаете приехать на днях¹⁸⁰. Пожалуйста, милые мои, не торопитесь решать и изменять положение, не отдавайтесь настроению — особенно ты, Лева, а делай поправку того, что представляется под известным настроением. — Если Briss..., то Briss... Я скорее поверил бы врачу нервных болезней, чем Potain, разумеется независимо от личности, доверия, которое она внушает. ...»¹⁸¹

7 марта (ст. стиля) 1894 года Т.Л. Толстая писала В.Г. Черткову: «<...> Мы тут пробудем<,> вероятно<,> с месяц еще. <...> Я отсюда всех своих русских друзей еще больше люблю и ценю, чем в России. Очень

много интересного здесь вижу и слышу. Та же свежая струя, кот<орая> и в России кое-где просачивается, появляется и здесь, — и здесь она еще более, мне кажется, нужна, чем у нас. <...>»¹⁸².

Вскоре возникло ощущение, что болезнь Л.Л. Толстого отступает. 14 марта 1894 года он писал В.Г. Черткову: «Дорогой друг, сегодня вечером едем в Москву. Давно меня тянет домой<,> к отцу и своим<,> и я радуюсь самой великой радостью увидеть их после 4-х месяцев разлуки.

Здоровье мое также плохо. Доктора же утешили, сказав, что болезнь непременно пройдет, если не будет чего-ниб<удь> еще. <...>»¹⁸³

* * *

Прошло много лет, прежде чем Л.Л. Толстой — к тому времени уже известный литератор — приехал с семьей в Париж. Летом 1908 года, играя с детьми, он неожиданно увлекся лепкой и принял решение на два года поселиться в Париже, чтобы серьезно заняться скульптурой.

Среди разрозненных бумаг Л.Л. Толстого сохранилась запись, сделанная вскоре после знакомства с жизнью и нравами французской столицы. Увлечение скульптурой не затмило критический взгляд Л.Л. Толстого на мир и на происходящее здесь, во Франции.

«.....Парижский Дневник

21 ноября <19>09 г<ода>
Париж

Если бы французы были протестантами, это был бы совсем другой народ. Если бы они давно уже реформировали католичество, они действительно были бы теперь во главе человеческой, внутренней и внешней цивилизации. Не сделав этого, они не могут быть названы передовыми не только умственно и духовно, но даже и внешне. Внешняя цивилизация достигла не меньших результатов у германской и англосаксонской рас. Даже у слабых она не ниже, чем у французов. Спрашивается, на чем же французы и многие другие нации основывают убеждения, что Франция представляет из себя в наше время последнее слово культуры. Сами французы в этом вполне уверены и таращат на вас удивленные глаза, если вы дерзаете говорить им, что у них не все благополучно.

Прежде всего, это убеждение их основано на французском легкомыслии, во-вторых, на их самоуверенности, — двух чертах французского характера, — в-третьих, на том, что во Франции, действительно, достигнуты поразительные результаты в некоторых отраслях культуры, как теперь это выражается в успехах воздухоплавания. Если граф Ламбер перелетел Париж и облетел Эйфелеву башню¹⁸⁴, то не чудо ли это французской цивилизации и не первый ли поэтому народ — французы?

Постороннему наблюдателю легче разобраться в темных и светлых сторонах французской жизни и вывести о ней верное заключение.

Внешняя культура — одно, а внутренняя — совсем другое. Подземные железные дороги и аэропланы — само собой, а нравы и духовный уровень народа — совсем другое. И вот тут-то с ужасом видишь, до какой степени французы дики, до какой они разнятся к худшему от немцев, шведов и даже англичан, — до какой степени они просто некультурны.

На днях закончился процесс г-жи Стенель¹⁸⁵. Ее оправдание отозвалось негодованием и недовольством в народных массах, в простом народе. Но печать и общество, за немногими исключениями, молчали. Даже скорее торжествовали победу.

В Америке недавно толпа линчевала двух преступников: одного — белого, другого — негра, — обоих убийц. Толпа не сделала разницы для белого, раз она вознегодовала на несправедливость суда, раз она захотела смертной казни преступникам¹⁸⁶. Это характерно для американцев.

Французская католическая безвольная и беспринципная толпа, растленная алкоголем и развратом, слишком безлична, чтобы решиться требовать, например, наказания г-жи Стенель, если даже она убеждена в ее виновности. Тихонько французы, может быть, невольно будут пожимать плечами и делать гримасы, недовольные судом, но сейчас же махнут рукой и пойдут дальше по своим делишкам»¹⁸⁷.

Было ли продолжение этого дневника, сказать трудно. Смерть отца на время вынудила Л.Л. Толстого покинуть Париж и вернуться в Ясную Поляну, но об этом см. **Том 2**.

VI

«Да, дети знаменитостей, – горе вам!»

(Переписка Л.Л. Толстого с А.Г. и Л.Ф. Достоевскими)¹

Слова, вынесенные в название этого фрагмента, вырвались в ноябре 1911 года у Л.Л. Толстого², более известного в начале века как граф Лев Толстой-сын или граф Лев Толстой-младший. Обреченный всегда оставаться в тени своего отца, он невольно сравнивал их судьбы. Нетрудно догадаться, что занятие это не приносило ему радости, зато позволяло в новом свете увидеть сияющий образ отца из тех далеких детских воспоминаний, что иногда являлись ему в Петербурге в доме на Таврической, и в имении Вестерлундов Хальмбюбуда, и в Париже, где он изучал искусство современных мастеров и сам пробовал лепить.

С годами он чувствовал себя все более обездоленным и по-настоящему несчастным. Его взаимоотношения с отцом давно уже складывались по принципу притягивания – отталкивания³. Вступив на литературное поприще в 1891 году, Л.Л. Толстой к началу нового века опубликовал несколько книг рассказов и публицистических статей, стал известным беллетристом, однако внутренний голос подсказывал ему, что открытие нового имени не состоялось. Не заладилась и семейная жизнь подле родителей в Ясной Поляне. А в довершении всего 24 декабря 1900 года скончался полуторогодовалый первенец, любимец всей семьи Левушка третий. Таким образом, календарный XX век для Л.Л. Толстого был окрашен в траурные тона. Редкие просветы и минуты счастья не могли изменить ничего.

Осенью 1901 года, когда Л.Л. Толстой переехал с семьей в Петербург, могло показаться, что бурная жизнь в столице как-то смягчит горечь утраты. Но годы шли, страсти порой захлестывали его, но ощущение того, что счастье обошло его стороной, все больше омрачало жизнь Л.Л. Толстого. Правда, об этом мало кто догадывался. С внешней стороны все выглядело весьма привлекательно. Громкое имя отца, помноженное на обаяние и своеобразный магнетизм личности Л.Л. Толстого, во многом способствовало тому, что в числе друзей и

¹ См.: *А.Г. и Л.Ф. Достоевские в переписке с Л.Л. Толстым* /Предисловие В.Н. Абросимовой; Подготовка текста, публикация и примечания В.Н. Абросимовой и С.Р. Зориной // *Достоевский и мировая литература*: Альманах. М., 1995. № 4. С. 78-92.

² Конец письма Л.Л. Толстого из Петербурга в Ясную Поляну от 10 ноября 1911 года. — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14528. Л. 1 об. Автограф.

³ См. подробнее об этом: *Сын и отец... // Лица...* Т. 4. С. 173-287.

добрых знакомых Льва Львовича едва ли не весь цвет русской культуры. С одними жизнь вскоре разлучила Л.Л. Толстого, с другими дружеские отношения поддерживались многие годы.

Осенью 1904 года Л.Л. Толстой — к неудовольствию своих родных — открыл книжный склад и магазин под названием «Доброе Дело» на Бассейной улице в доме № 4. И здесь многолетний издательский и книготорговый опыт Анны Григорьевны Достоевской (урожд. Сниткиной; 1846-1918) мог помочь Л.Л. Толстому распространять книжную культуру в тех слоях русского общества, до которых не доходил даже «Посредник» П.И. Бирюкова, И.И. Горбунова-Посадова и В.Г. Черткова.

«Доброе Дело» просуществовало до 1912 года. Оно по-своему способствовало дальнейшему просвещению народа и в какой-то степени помогало ликвидировать неграмотность, в которой Л.Л. Толстой видел одну из главных причин всех бед России.

В период русской революции 1905 года из дома Л.Л. Толстого на Таврической улице разлетались статьи и пьесы, призванные укреплять монархию, а «Доброе Дело» безусловно расширяло читательскую аудиторию.

Переписка Л.Л. Толстого с А.Г. Достоевской прервалась, едва начавшись, на полуслове, при явной взаимной симпатии корреспондентов. И объединяло их не столько сходство политических воззрений и симпатий, но в большей степени книжное дело.

Вероятно, и знакомство с Любовью Федоровной Достоевской (1869-1926) состоялось в начале 1905 года, когда Л.Л. Толстой много выступал в печати и развил бурную деятельность по изданию газеты «Русский Народ» на средства по подписке, встречался с самыми разными людьми, прежде чем отказался от этой идеи⁴.

К марту 1907 года, т.е. к тому времени, к которому относится первое из дошедших до нас писем Л.Ф. Достоевской, Л.Л. Толстой был уже опытным политиком и публицистом, постоянным автором «Нового Времени», «Русского Инвалида» и других известных монархических изданий⁵. Кроме того, свои взгляды Л.Л. Толстой вкладывал в уста

⁴ См. об этом подробнее в Главе 3 Книги II.

⁵ См.: *Толстой Л.Л.* Социалистический патриотизм или бессмысленная бессмыслица // *Новое время*. СПб., 28 января/10 февраля 1907 года, № 11092. С. 4; *Толстой Л.Л.* Что такое патриотизм // *Там же*, 1/14 февраля 1907 года, № 11096. С. 3; *Толстой Л.Л.* Дума и правительство // *Там же*, 4/17 февраля 1907 года, № 11099. С. 3; *Толстой Л.Л.* «Друзья народного благоденствия» // *Там же*, 7/20 февраля 1907 года, № 11102. С. 4; *Толстой Л.Л.* Circulez! Проходите! // *Там же*, 23 февраля/8 марта 1907 года, № 11118. С. 3; *Толстой Л.Л.* Разумная борьба с пьянством // *Там же*, 16/29 декабря 1907 года, № 11410. С. 4; и др.

драматических персонажей и потому постановки его пьес на сцене Малого театра А.С. Суворина воспринимались диаметрально противоположно его сторонниками и противниками.

О дочери Ф.М. Достоевского сохранилось мало достоверных сведений⁶. Поэтому ее письма Л.Л. Толстому 1907-1912 годов представляют особую ценность. Очень похожая на отца, хрупкая, болезненная, экзальтированная 11-летняя девочка в траурный день 1 февраля 1881 года запомнилась собравшимся своей недетской реакцией на происходящее. «Когда стали опускать гроб в могилу, маленькая дочка Достоевского тронула всех своим простым, глубоко сердечным криком: “Прости, милый, добрый, хороший, папа, прости”»⁷.

Через десять лет ее видели на сцене в любительских спектаклях, где давались одноактные миниатюры А.П. Чехова и первая из известных нам комедий Л.Ф. Достоевской⁸. Позднее она выступала с рассказами⁹, повестями¹⁰, мемуарами¹¹, но ни критика, ни читатель практически не

... *Circulez!* — Проходите! (*фр.*)

⁶ См.: *Абросимова В.Н.* В память о Достоевском (Переписка А.Г. и Л.Ф. Достоевских с А.С. Сувориным // *Достоевский и мировая культура*: Альманах. М., 2014, № 31. С. 395-444 (вступ. статья, публикация и примечания); *Абросимова В.Н.* Дочь Достоевского и женский вопрос // *Достоевский и мировая культура*: Филолог. журнал. М., 2018, № 2. С. 102-117; *Л.Ф. Достоевская.* Гаремный идеал // *Там же*. С. 118-126 (публикация и примечания *В.Н. Абросимовой*).

⁷ См.: *Федор Михайлович Достоевский*: Биография; Его сочинения; Последние минуты его жизни; Проводы тела, похороны его и овации русского общества. М., 1881. С. 37.

⁸ См. программы спектаклей с участием Л.Ф. Достоевской 25 февраля 1892 года в комедии А.П. Чехова «Медведь» (*Отдел рукописей Российской государственной библиотеки = ОР РГБ*, ф. 93/ш, карт. 5, ед. хр. 43. Л. 1-3 об. Печатное) и 9 марта 1892 года в своей одноактной пьесе “*Jour fixé*” (*ИРЛИ*, № 30538. Л. 1-14. Типогр.).

В пятницу, 17-го марта 1895 года Л.Ф. Достоевская участвовала в домашнем спектакле в квартире А.Г. Достоевской. Из двух одноактных пьес одна была сочинена ею: «*Жених fin de siècle*: Фарс в одном действии, Л.Ф. Достоевской». — *Там же*, № 30539. Л. 1-33 1 л. типогр. + л. 1-16 об. автограф белой + 1-16 об. Автограф черновой.

... *fin de siècle*... — конец века (*фр.*).

Сохранилась также тетрадь с пьесами Л.Ф. Достоевской. — *Там же*, № 30537. Л. 1-39. Автограф.

⁹ См.: *Достоевская Л.Ф.* Два горя // *Новое время*. СПб., 16/28 февраля 1900 года, № 8611. Л. 2-3 (*без подписи*). См. также: *Достоевская Л.Ф.* Больные девушки: Современные типы. СПб., 1911 (4-е изд. — 1913).

¹⁰ См.: *Достоевская Л.Ф.* Адвокатка: Современные типы. СПб., 1913 (2-е изд. — 1914); *Достоевская Л.Ф.* Эмигрантка: Современные типы. СПб., 1912 (2-е изд. — 1913). См. ниже об этой повести примеч. 1 к письму IX.

¹¹ См.: *Достоевская Л.Ф.* Достоевский в изображении своей дочери /Пер. с нем. *Л.Я. Круковской*; Под ред. и с предисл. *А.Г. Горнфельда*. М.; Пг.: ГИЗ, 1922 (перепеч. — М., 2001); *Достоевская Л.Ф.* Достоевский в изображении своей дочери /Пер. с нем.; Вступ. статья, подготовка текста к печати и примечания *С.В. Белова*. СПб.: Андреев и сыновья,

заметили ее. И театр, который оставался ее главной любовью, не ответил ей взаимностью, не раскрыл, вероятно, теплившегося в ней комического дарования.

В этой ситуации более удачливый, с ее точки зрения, Л.Л. Толстой казался ей едва ли не провидцем. Во всяком случае, больная для Л.Л. Толстого тема знаменитых счастливых отцов и их несчастных мучеников-детей встречала у Л.Ф. Достоевской почти страстный отклик.

Из публикуемых писем видно, что театральность в повседневной жизни была стихией Л.Ф. Достоевской до тех пор, пока болезнь не заставила ее забыть обо всем¹².

Новые документы не противоречат сложившемуся представлению о дочери Ф.М. Достоевского¹³ и одном из сыновей Л.Н. Толстого; напротив, они позволяют уточнить и дополнить многие характеристики в литературной судьбе двух наследников великих имен.

Письма А.Г. Достоевской, Л.Ф. Достоевской и Л.Л. Толстого печатаются по автографам, сохранившимся в личных фондах корреспондентов.

1992; *Достоевская Л.Ф.* Мой отец Федор Достоевский / [Вступ. статья, общая редакция, примечания *Б.Н. Тихомирова*; Первый перевод с фр. оригинала *Н.Д. Шаховской*]. М.: Бослен, 2017.

¹² Письма Л.Ф. Достоевской матери 1917 года см. в публикации: *А.Г. Достоевская: последний год жизни в воспоминаниях и письмах* [: В 3-х частях] / Публикация, предисловие и комментарии *В.Н. Абросимовой*; [Часть 1] // *Достоевский и мировая культура*: Альманах. М., 1999, № 12. С. 237-253; [Часть 2] // *Там же*, 2001, № 14. С. 264-295; [Часть 3] // *Там же*, 2003, № 17. С. 445-477.

¹³ Ср.: «... Любовь Федоровна льнет к аристократическому кругу; у нее развилось страстное честолюбие, жажда жить открыто, устраивать светские приемы...

... Дочь поселяется на Фурштадской, мать – на Спасской. В салоне дочери гости стали поважнее... дочь царит остроумием, пишет легкие пьески для театра, однако скучает от шумной пустоты света. Мать украдкой следит за дочерью и трагически переживает неудачную ее судьбу. ...» — Цит. по изд.: *Волоцкой М.В.* Хроника рода Достоевского: 1506-1933. М.: Север, 1933. С. 129. См. также: С. 130-131.

А сама Л.Ф. Достоевская внимательно наблюдала за окружающими и делала свои выводы: «<...> Петербургское общество делится на высше<е> аристократическое и на среднее. Аристократический круг заключает в себе “особ” первых двух классов и родовитое дворянство. Круг этот немногочислен, довольно замкнут и мало разнообразен. Гораздо интереснее средний круг, который составляет почти все петербургское общество. Его можно разделить на низше средний, средне средний и высше средний. Такое деление покажется<,> быть может<,> несколько смешным, но следует взглядеться и сейчас заметишь резкие черты, которые их разделяют. <...>» — *ИРЛИ*, № 30537. Л. 16, 21 об. Автограф.

Л.Л. ТОЛСТОЙ — А.Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Многоуважаемая Анна Григорьевна,

Осмеливаюсь беспокоить Вас присылкой циркуляра с отмеченными мной названиями тех вещей Ф.М. Достоевского, какие нам было бы желательно иметь на складе¹. Покорнейшая просьба послать книги по адресу<:> Бассейная, 4. «Доброе Дело»<,> Заведующему Никол<аю> Петр<овичу> Афончикову², который и выдаст комиссионную расписку. Полное же собрание сочинений Ф.М. Достоевского, если такое есть или когда оно появится в свет, покорно прошу прислать в количестве от 25 до 100 экземпляров, если найдете возможным, по адресу на этой странице, на мое имя. При этом желательно было бы иметь в три раза больше дешевого издания, чем дорогого³.

Был искренно рад ближе познакомиться с Вами и надеюсь, что не в последний раз имел удовольствие беседовать с Вами.

С искренним уважением и глубокой преданностью.

Л.Л. Толстой

25 янв<аря> 19>05 г<ода>⁴.

А.Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Л.Л. ТОЛСТОМУ

Многоуважаемый

Граф Лев Львович!

Просмотрев список книг, я вижу, что некоторых у меня не имеется в достаточном количестве. Придется доставать из кладовой, куда я предполагаю поехать в начале будущей недели. Тогда же будут доставлены книги по указанному Вами адресу⁵.

Разговор с Вами оставил такое прекрасное впечатление: у Вас на все новые и оригинальные мысли⁶. Мне было бы очень дорого, если б Вы захотели иногда посетить меня. Я дома по воскресеньям, от 2<-х до> 6<-ти>.

Искренно Вас уважающая

А. Достоевская.

26 янв<аря>
1905 г<ода>⁷.

Л.Ф. ДОСТОЕВСКАЯ — Л.Л. ТОЛСТОМУ⁸

I

11 марта 1907 г<ода>.

Фурштадская, 25

Многоуважаемый Граф Лев Львович,

Очень буду рада видеть Вас у себя по средам вечером в течение поста (за исключением четвертой недели). Это не будут вечера, а лишь маленькие интимные собрания⁹.

Первая среда будет 14 марта.

Искренно Вас уважающая

Л. Достоевская

Надеюсь Вам аплодировать в будущую пятницу¹⁰.

II

9 апреля 1907 г<ода>

С.-Петербург>.

Многоуважаемый Граф Лев Львович,

Наше маленькое собрание переносится со среды, 11 апреля, на среду, 25 апреля, на Пасхе. Надеюсь, что этот день Вам удобен и я буду иметь удовольствие Вас у себя видеть.

Искренно Вас уважающая

Л. Достоевская¹¹.

III

29 ноября 1907 г<ода>.

Фурштадская, 25

Многоуважаемый

Граф Лев Львович,

Очень жалела, что не удалось Вас видеть. Я в этом году очень поздно вернулась из заграницы и дома нашла такой хаос и разрушение, что до сих пор лишена была возможности принимать у себя своих добрых знакомых.

Теперь понемногу я начинаю приходить в порядок и с этого воскресенья, 2-го декабря, делаюсь видима. Очень-очень буду рада, если меня навестите. Так хотелось бы Вас видеть и с Вами поговорить.

Искренно Вас уважающая

Л. Достоевская¹².

IV

2 января 1908 г<ода>.
Фурштадская, 25

Многоуважаемый

Граф Лев Львович,

У меня к Вам большая просьба. Я думаю устроить любительский спектакль с благотворительной целью (для убежища выздоравливающих женщин при Надеждинском приюте¹³). Чтобы не ставить банальных, всем надоевших пьес, мы решили поставить новые, нигде еще не игранные. Один мой знакомый, офицер Каховский, даст свою комедию¹⁴; я тоже для этого случая написала маленькую шутку¹⁵. Но двух пьес мало. Не захотите ли Вы тоже помочь мне в этом добром деле и не напишете ли для этого спектакля маленькую пьесу? Вы так чудесно пишете, Вам, наверное, будет легко это сделать. Пьеса желательна одноактная, по возможности, веселая, что-либо на современную тему, только умоляю, не о женском вопросе, т.к. моя комедия написана на эту тему. Жду от Вас утвердительного ответа, мне так бы хотелось сделать свой спектакль интересным.

А что же Ваша пьеса? Когда выйдет она в Малом театре?¹⁶

Искренно Вас уважающая

Л. Достоевская.

Спектакль мой предполагается в театре «Комедии» на Моховой, в половине февраля¹⁷, т<ак> ч<то> времени остается немного¹⁸.

V

3 янв<аря> 1908 г<ода>.
Фурштадская, 25

Многоуважаемый

Граф Лев Львович,

Спасибо большое за присланные книги. Очень тронута Вашим предложением поставить в моем спектакле «Марка». Но разве это возможно? Вы знаете поговорку: любители – губители¹⁹? Они так испортят Вашу пьесу, что Вы ее сами не узнаете. Не понимаю Малого театра. Когда дело идет о постановке пошлых пьес m-elle Жуковской, то они готовы²⁰, а для постановки серьезной умной пьесы у них и актеров нет. Трудно быть драматургом в наше время. Вместо того, чтобы дать развернуться своему таланту, приходится думать, по плечу ли пьеса имеющимся налицо актерам.

«Медовый месяц»²¹ — очень грациозная вещица и нам бы подошла, пожалуй. Но дело в том, что цель спектакля — поставить новые, еще не игранные пьесы, а потому je reviens à la charge*, и вновь прошу Вас написать пьесу. Конечно, не такую серьезную вещь, как «Марк». Для этого слишком много нужно потратить нервов и сердца. Но почему бы Вам не написать маленькой веселой бытовой картинки, например, на тему: «День русского писателя» и описать день в Ясной Поляне. Когда к Льву Николаевичу являются студенты поспорить о своих убеждениях, дама, поссорившаяся с мужем и приехавшая поговорить и узнать взгляд великого писателя на брак, интервьюеры аглицких газет (или французских), две американки, выехавшие из Америки в противоположные стороны и назначившие себе свидание у Leo Tolstoj, и т.д., и т.д. Я уверена, память подскажет Вам много интересных сценок и даст Вам возможность выставить несколько и комических, и патетических типов. Разумеется, Вам, естественно, не захочется выставлять Вашего отца. Но можно сказать, что он нездоров, а вместо него посетителей принимает его сын. Вот Вам и случай высказать взгляды на детей писателей, о которых мы не раз говорили. Разумеется, такая пьеса произведет фурор и Малый театр, наверно, сам предложит потом у себя поставить. Вам же она, наверно, удастся, т.к., судя по «Братьям<->помещикам», Вам очень удаются отдельные бытовые типы²². Числом лиц можно не стесняться; только бы не пришлось им говорить слишком длинные монологи, на что любители совсем не способны²³.

Искренно Вас уважающая

Л. Достоевская²⁴.

VI

3 января 1908 г<ода>.

Фурштадская, 25

Многоуважаемый

Граф Лев Львович.

Только что послала Вам письмо, как получила Ваше²⁵. Очень жалею, что не видела Вас. Я была дома, но у меня вторую неделю инфлуэнца, и я не велела никого принимать из боязни заразить своих знакомых этой несносной и неотвязчивой болезнью.

* повторяю попытку (*фр.*)

Конечно, ставьте «Марка» в Малом театре — я очень интересуюсь увидеть его в хорошем исполнении. Но подумайте и о моем предложении написать «День русского писателя». Меня эта тема очень заинтересовала и <я> немножко придумала и план, и некоторые типы. Не зайдете ли в воскресенье поговорить, а если нельзя в воскресенье, то в какой-нибудь другой день; только, пожалуйста, предупредите, чтобы наверно застать, а то я теперь из-за болезни запустила свои дела и должна буду усиленно выходить.

Искренно Вас уважающая

Л. Достоевская²⁶.

VII

11 января 1908 г<ода>.

Фурштадская, 25

Многоуважаемый

Граф Лев Львович.

Очень прошу Вас не уничтожать написанных Вами страниц, а прислать их мне — они послужат мне матерьялом для новой комедии, которой я впоследствии, когда освобожусь от спектакля, займусь.

Мне очень жаль, что Вы начали работать над «Шуткой»²⁷ на этой неделе. Теперь Вы, естественно, волнуетесь судьбой «Марка» и, разумеется, что Вы бы ни написали, все Вам будет не нравится.

Завтра еду в Малый театр Вам аплодировать²⁸.

Искренно Вас уважающая

Л. Достоевская²⁹.

VIII

8 марта 1908 г<ода>.

Фурштадская, 25

Многоуважаемый

Граф Лев Львович,

Сделайте мне большое удовольствие, приезжайте провести у меня вечер в будущее воскресенье, 16 марта. Очень буду рада Вас видеть. Прошу Вас передать мое приглашение Вашей милой жене. Мне очень жаль, что графиня не хочет познакомиться со мною домами, — я к ней с первого раза почувствовала большую симпатию³⁰.

Искренно Вас уважающая

Л. Достоевская³¹.

IX

6 декабря 1912 г<ода>.

13 Сергиевская

Многоуважаемый

Граф Лев Львович.

Если Вы свободны в среду, 12 дек<абря>, то не соберетесь ли ко мне к 7<-ми> ч<асам> запросто пообедать с двумя-тремя друзьями? Когда Вы прочтете «Эмигрантку»³², то, пожалуйста, изложите Ваше мнение в письме³³. У меня есть альбом, куда вклеиваются все отзывы³⁴. Устные же так легко улетучиваются из памяти.

Искренно Вас уважающая

Л. Достоевская.

Жду ответа относительно обеда³⁵.

Л.Л. ТОЛСТОЙ — Л.Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

<б/д>

Дорогая Любовь Федоровна, непременно буду у Вас в среду и благодарю за память.

Книгу Вашу³⁶ я прочел с большим интересом и нахожу, что она должна бы читаться всеми, интересующимися внутренней жизнью вообще и современной девушки в частности. В ней та самая многим недоступная и неуловимая глубина, какая была и есть в сочинениях Вашего отца, который один из моих любимейших, если не любимый писатель³⁷. Хотите<,> укажу на недостаток книги<?> Я Вас не боюсь и хочу быть откровенным с Вами.

«Гости съезжались на дачу».

Это начало неоконченной повести Пушкина³⁸ породило начало конченного романа Толстого: «В доме Облонских все смешалось»³⁹.

Так вот<,> начните следующую повесть и кончите ее уже романом и с тем же внутренним и внешним движением, какое в <«>Анне Карениной<»> и «Братьях Карамазовых».

При анализе и уме Вашем Вы можете дать большую вещь.

Объективно<е> должно быть<,> по-моему<,> во всякой повести и романе впереди, ярче субъективного или это субъективное, личное должно быть настолько скрыто, разукрашено, чтобы не чувствовалось.

Ваш душой

Л.Л. Толстой⁴⁰.

Л.Ф. ДОСТОЕВСКАЯ — Л.Л. ТОЛСТОМУ

<18 декабря 1912 года>

13 Сергиевская

Многоуважаемый

Граф Лев Львович,

Вы, верно, подумали, что я шучу, прося Вас устроить через Вашего родственника Маклакова⁴¹ моего двоюродного брата в вице-губернаторы. Но это не шутка и теперь, когда назначение Н.А. Маклакова официально⁴², я вновь повторяю свою просьбу.

Мой двоюродный брат по матери, Григорий Иванович Сниткин, 40 лет, кончил курс в харьковском университете⁴³, а затем всю свою карьеру сделал в тюремном ведомстве⁴⁴. Теперь он тюремный инспектор Смоленской губ<ернии>⁴⁵, а раньше был инспектором в Пензе⁴⁶ и Ковно⁴⁷. Его очень ценят в тюремном ведомстве как превосходного организатора, а потому постоянно переводят из города в город, где организуются новые тюрьмы. Брат очень любит свое дело и никогда бы его не покинул, если бы не денежный вопрос. У него нет личных средств, а захваченный в юности ревматизм сердца⁴⁸, по словам докторов, или рано отправит его в могилу, или заставит в 50 лет уйти на покой. Таким образом, и он, и жена⁴⁹ его могут рассчитывать только на пенсию, которая в тюремном ведомстве прямо нищенская. Жалованье — очень хорошее — состоит от крошечного *основного* казенного жалованья, а остальное получается из процентов по арестантским работам. При выдачи же пенсии во внимание принимается лишь казенное жалованье, а потому брат, отдав всю жизнь службе, рискует окончить жизнь почти в нищенстве. Чтобы избежать этого печального конца, он хотел бы перейти на службу в другое ведомство, а тюремных инспекторов часто назначают в вице-губернаторы, т.к. в обеих должностях много общего. Если захотите замолвить словечко за моего брата, то скажите Н.А. Маклакову, что Вы рекомендуете ему не изящного вице-губернатора для центральных губерний, а вице-губернатора-чернорабочего для окраин или трудных и опасных губерний. Он ни от одной не откажется, где бы она ни была. За него может ручаться тюремное управление, а также губернаторы Кошко⁵⁰ и Суковкин⁵¹, которые высоко ценят его за твердый характер, неподкупную честность и поистине изумительное трудолюбие. Таких людей на Руси не много. Политические воззрения его самые правые⁵².

Очень буду Вам благодарна за ответ, который я могла бы показать брату. Я душою рада была бы помочь ему. Он всегда был мне истинным братом и относился ко мне несравненно сердечнее, чем мой родной брат⁵³.

Искренно Вас уважающая

Л. Достоевская.

18 дек. 1912 г<ода>⁵⁴.

VII

Японская печать о пребывании Л.Л. Толстого в стране восходящего солнца в январе-марте 1917 года

I

«Сын покойного Льва Толстого Лев Львович Толстой неожиданно для нас прибыл в порт Цуруга 22-го января и на другой день приехал в Токио в половине восьмого утра. Лев Львович говорит о своем посещении Японии: “До сих пор я более или менее изучал западноевропейскую литературу, но мне не приходилось изучать японскую литературу, хотя я давно имел немалый интерес к вашей стране и ее культуре. В этот раз я, пользуясь небольшим свободным временем, приехал в Японию для изучения литературы Японии и для осмотра ее достопримечательностей”.

Лев Львович — четвертый сын¹ великого писателя и известный писатель в России. Широко известно, что когда произошел большой голод в Самарской губернии, он студентом с помощью отца открыл бесплатную столовую для крестьян. Лев Львович появился на литературной арене 19 лет назад и теперь печатает много статей и рассказов в газете “Новое время”, в журналах “Северный вестник”, “Вестник Европы” и др. ... Считается, что его произведения, написанные под влиянием отца, отличаются дидактическим содержанием и недостаточной художественной силой. Однако, “Прелюдия Шопена” и другие произведения привлекали внимание публики оригинальными взглядами автора, противоположными учению великого отца. ...

Дети Толстого разделены на две группы: поклонники отца и его противники. Лев Львович, скорее всего, принадлежит ко второй группе. Все же он идет по почти одному и тому же направлению с отцом»².

¹ Ошибка журналиста: Л.Л. Толстой был *третьим* сыном и четвертым *ребёнком* в семье.

² См.: *Приезд Льва Толстого // Исследование Л.Н. Толстого*. Токио, 1917, № 2. С. 17.

II

«ПРИВЕТСТВИЕ ГРАФУ ЛЬВУ ЛЬВОВИЧУ ТОЛСТОМУ»

Мы от всей души радуемся встретить Вас, сына великого, глубоко уважаемого нами Льва Николаевича Толстого в нашу страну Японию. Ваш отец, Лев Николаевич Толстой, как великий мыслитель, писатель, религиозный деятель и пророк, является гордостью не только одной России, но и всего цивилизованного мира и всего человечества.

Лев Николаевич — один из величайших учителей для нас, который с необыкновенной ясностью представил нам вопросы о смысле и ценности жизни. Его слова вызывали и до сих пор вызывают у нас гораздо большее сочувствие и бóльшие духовные отклики, чем учения наших восточных мыслителей. Его строгое и благородное лицо с богатым и чисто русским выражением, его пронизывающие глаза — все это произвело на нас незабываемое впечатление. Ясная Поляна — не что иное, как святой Иерусалим для нас!

Мы сплачиваемся под великим именем Толстого и стараемся хранить и развивать духовное наследство, которое он оставил нам.

Приветствуя графа Льва Львовича Толстого, получившего не только кровь от великого мыслителя, но и его великую душу, мы посвящаем этот номер нашего журнала Вам в знак выражения нашей искренности. Просим Вас получить его в память японской молодежи, проповедующей великую гуманистическую мысль Вашего бессмертного отца.

Толстовское общество Японии

Токио»³.

III

В этом же номере журнала была опубликована статья известного исследователя и переводчика русской литературы конца XIX — начала XX веков **Сёму Нобори** (наст. имя Наотака Нобори; Nobori Shomu; 1878-1958) о встречах с Л.Л. Толстым.

«Мне приходилось два раза посетить младшего графа Льва Толстого, находящегося сейчас в Японии. Об этих встречах я уже поместил статьи в газетах “Кокумин симбун” и “Йомиури симбун”, с

³ Там же, № 3. С. 1.

которыми, я надеюсь, многие из читателей уже познакомились. В этот раз я буду рассказывать об этих двух встречах одновременно и коротко.

В первый раз я посетил его в гостинице «Имперская» вечером 27-го января. У входа я дал свою визитную карточку и попросил передать ее графу. Скоро меня привели в его номер, находящийся на третьем этаже. Увидев меня, Лев Львович, одетый в сюртуке, быстро подошел ко мне и приятным и мягким русским языком приветствовал меня. Я сел в указанные им кресла и стал внимательно смотреть на него. Его облик напомнил мне портреты Льва Николаевича в том же возрасте, что его сын сейчас. Особенно пронизательно блестящие глаза Льва Львовича воспроизводили взор его отца. Мне даже показалось, что передо мной встал сам Лев Николаевич. Не напрасно отец дал свое имя именно ему из многих сыновей. Может быть, он гениальным чутьем великого писателя увидел в сыне сходство с собой в момент его рождения. Только Лев Львович является джентльменом западноевропейского типа в отличие от отца, который сохранял “дикость русского мужика”. Кроме того, у сына нет такого впечатляющего носа, как у отца. Вообще он произвел впечатление серьезного и утонченного человека. В то же время в его светлой улыбке, время от времени мелькающей на его лице, чувствовалась теплота его души, даже невинность, свойственная человеку из благородной семьи. Его великий отец когда-то характеризовал своих детей, в том числе и Льва: “4-й Лев. Хорошенький, ловкий, памятный, грациозный. Всякое платье на нем сидит, как по нем сшито. Всё, что другие делают, то и он, и всё очень ловко и хорошо. Еще хорошенько *не понимаю*”⁴. По-видимому, характер Льва Львовича не очень изменился с детских лет.

Сначала граф рассказал о своих первых впечатлениях, произведенных Японией. Я, изменив тему разговора, стал рассказывать, что Лев Толстой оказал и оказывает огромное влияние на японских писателей и мыслителей; почти все его произведения переведены на японский язык и читаются читателями всей сословий; в последнее время в результате необыкновенного подъема интереса к Толстому стал издаваться журнал “Исследование Л.Н. Толстого”, полностью посвящаемый его отцу. С этими словами я положил несколько номеров этого журнала перед графом.

Лев Львович с большим удивлением взял в руки каждый из них, просмотрел и задал мне вопросы о содержании и тираже журнала.

⁴ См. ниже примеч. 19 к Главе 1 Книги I.

— Я в первый раз узнал, — сказал граф с блестящими глазами, — что в Японии издается специальный журнал для изучения Льва Толстого. Это для меня совсем неожиданная радость. Недавно началось в России издание журнала, специально посвященного Толстому. Это совпадение удивительное, но, наверное, не случайное. Я очень рад, что истина, которую мой отец проповедовал, находит, таким образом, понимание и симпатию у разных народов мира. Нет сомнения, что человечество найдет настоящий путь к истине и объединится в международное братство. Разрешите мне взять эти номера журнала на долгую память.

Позднее Лев Львович написал в статье то, что сказал мне в это время, и прислал ее в редакцию журнала “Исследование Л.Н. Толстого”.

— Среди японских мыслителей, — сказал я, — поднимается голос, призывающий к гуманизму. Особенно среди молодежи становится все больше последователей учения Вашего отца, так называемых толстовцев.

Граф еще более удивился и сказал:

— И этого я не ожидал. Неужели есть “толстовцы” в Японии? Это прекрасно? Но очень трудно жить так, как мой отец жил, не только в Японии, но и в России, как бы вы ни хорошо понимали учение моего отца и какую бы вы симпатию к нему ни испытывали.

В качестве примера он привел одного русского рабочего, который с большим увлечением прочитал почти все произведения Толстого и изучал старательно его жизнь, но обстоятельства реальной жизни не позволили ему претворить учение Толстого в жизнь.

— Если даже, — ответил я ему, — сейчас трудно, мы по возможности должны изучать миросозерцание Вашего отца, чтобы проповедовать его ради человечества.

Лев Львович выразил полное согласие со мной.

— Вы совершенно правы. Я приехал в Японию, так как я хотел, между прочим, познакомить японский народ с учением и жизнью моего отца. С этой целью я собираюсь читать лекции в нескольких городах Японии, начиная с Токио. Я прошу и Вас помогать мне в осуществлении этой цели.

И он взял с полки две коробки с большим количеством диафильмов, которые он хотел показывать на своих лекциях. На многих из них изображены интересные моменты жизни великого мыслителя.

Судя по цели его приезда и по моему первому впечатлению от него, я убедился, что он является не только писателем и мыслителем, но и

социальным реформатором и проповедником великого идеала и надежды. Как реформатор, Лев Львович имеет глубокое сочувствие к крестьянству и стремится улучшить русские деревни и жизнь крестьянства. Его работы по этим вопросам привлекают всеобщее внимание в России. Они отличаются своеобразным подходом к проблеме, который основывается на народническом движении 1870-х годов, а также имеет связь с мировоззрением Льва Николаевича.

Еще раз я посетил Льва Львовича во второй половине дня 13-го февраля. В этот раз он пригласил меня для того, чтобы посоветоваться со мной о своих предстоящих лекциях. Перед встречей с ним я заранее посоветовался с директорами Толстовского общества Японии, которое издает этот журнал. Я думал, что лучше всего поручить все дела по организации лекций Льва Львовича этому обществу. В первую очередь я передал Льву Львовичу, что Толстовское общество с удовольствием согласилось принять на себя все хлопоты по устройству его лекций. Этому, разумеется, младший Лев Толстой очень обрадовался. ...

В конце нашей встречи я сказал, что Толстовское общество Японии собирается ставить пьесу Л. Толстого “Власть тьмы” в исполнении японского Художественного театра и хочет пригласить Льва Львовича на этот спектакль.

— Это величайшая радость для меня, — ответил Лев Львович. — Конечно, я с большой благодарностью принимаю Ваше приглашение. В Японии публика и печать относятся к моему отцу с большой симпатией и вспоминают его с глубоким уважением. Даже я пользуюсь вашей симпатией, за что я очень благодарен вам.

И Лев Львович еще раз поблагодарил меня за мои скромные советы»⁵.

IV

Один из слушателей Л.Л. Толстого написал о его лекции так:

«В огромной зале гостиницы “Центральная”, который может вместить примерно тысячу человек, поставлено примерно 200

⁵ См.: *Нобори Сёму*. Встречи с младшим Львом Толстым // *Там же*, № 3. С. 4-7.

... “*Кокумин симбун*” ... — одна из самых влиятельных газет в Японии, существовавшая с 1890 до 1942 года. Она впервые познакомила японскую публику с Л.Н. Толстым. Её издатель и главный редактор Сохо Токутоми посетил Толстого в Ясной Поляне осенью 1896 года. См. о нем примеч. 20 к Главе 10 Книги II.

... “*Йомиури симбун*” — одна из крупнейших газет Японии. Она издается до сих пор огромным тиражом (более десяти миллионов экземпляров).

симпатичных стульев близко к кафедре. Украшение зала скромное и простое на японский лад. На стене за кафедрой висит экран, по-видимому, временно приготовленный для сегодняшней лекции. Я вспомнил, что в пригласительном письме написано об использовании лектором диафильмов. К сожалению, собралось всего лишь 50 слушателей, к тому же многие из них были иностранцы.

Лекция началась около 8-ми часов вечера. Лектор стал читать лекцию низким голосом, но на прекрасном английском языке. Скоро свет был выключен и на экране показывается портрет молодого Толстого-отца в офицерском мундире, который мы не раз видели в его биографиях, затем портрет его отца и силуэт матери. После нескольких портретов Толстого была показана фотография четырех братьев, потом молодая симпатичная Софья Андреевна. На экране Толстой быстро стареет. Он уже пишет “Исповедь” и лектор рассказывает о “кризисе”, о семейной жизни и читает строки из “Исповеди”. Мы видим дом в Хамовниках, усадьбу в Ясной Поляне, рукописи произведений, дерево бедных, литературный музей Толстого и т.д. Некоторые из изображений на диафильмах уже нам знакомы, другие же совершенно новые для нас.

Лектор уделил много времени объяснению осложнившихся отношений между родителями и причин ухода отца. Он подчеркнул, что Лев Николаевич любил Софью Андреевну до последнего дня своей жизни, несмотря на то, что существуют разные истолкования отношений между ними.

Лекция продолжалась около двух часов, и мы разошлись в начале одиннадцатого»⁶.

Документы найдены, переведены и прокомментированы профессором **Такаси Фудзинума** (1931-2012). Благодарю его за разрешение включить их в настоящее издание. — В.А.

⁶ См.: *Лекция младшего Льва Толстого // Исследование Л.Н. Толстого*. Токио, 1917, № 4. С. 17. Заметка подписана криптонимом «Ф».

...“Центральная”... — престижная гостиница в Токио, которой больше не существует.

Комментарии

Вместо предисловия

¹ 5 июня 1870 года Софья Андреевна Толстая (урожд. Берс; 1844-1919) сделала в дневнике такую запись: «Сегодня 4-й день, как я отняла Левушку. Мне его было жаль почти больше всех других. Я его благословляла, и прощалась с ним, и плакала, и молилась. Это очень тяжело, этот первый полный разрыв со своим ребенком. Должно быть, я опять беременна. С каждым ребенком все больше отказываешься от жизни для себя и смиряешься под гнетом забот, тревог, болезней и годов». — См.: *Толстая С.А. Дневники: В 2-х томах.* М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. С. 83.

² «Лев Львович в своих воспоминаниях защищает мать. Он ее яснополянский “рыцарь”». — См.: *Архиепископ Иоанн Сан-Францисский* (Шаховской). Избранное. Петрозаводск, 1992. С. 323.

³ Книга III писалась в отеле «Люнгарно» на набережной реки Арно во Флоренции.

Книга I

Глава I

¹ См.: *Энциклопедический словарь* /Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1901. Т. XXXIII. С. 461-462.

² См.: *Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи: В 2-х частях* /Составил гр. А.А. Бобринский. СПб., 1890. Ч. I. С. 369-375.

³очинение Л.Л. Толстой цитирует «*Энциклопедический словарь*». Т. XXXIII. С. 461.

⁴ Русяген находится к северу от Стокгольма в провинции Упланд. — См.: *Швеция — страна путешествий и промышленности.* [Стокгольм, 1915]. С. II.

⁵ Толстые породнились с Милославскими в середине XVII века. — См.: *Tolstoy-Miloslavsky D. The Tolstoys genealogy and origin.* [Alicante], 1991. P. 11.

Сергей Михайлович *Толстой-Милославский* (1892-1938) не завершил работу над родословной. Рукопись ее в начале 30-х годов была известна в толстовских кругах за границей. — *Ibid.* P. 198-200.

⁶ «Согласно некоторым историческим источникам, Индрис был в действительности граф Анри де Монс, отпрыск старинного графского рода Фландрии; в эпоху крестовых походов, после окончившейся неудачей экспедиции на Кипр, он отправился в Россию. Его правнук Андрей Харитонович получил прозвище Толстой, то есть дородный, сильный». — См.: *Толстой и Толстые: Очерки из истории рода: Альбом* //Автор текста С.М. Толстой. Пер. с фр. М.: Сов. Россия, 1990. С. 12-25. См. также: *Толстой С.М. Древо жизни: Толстой и Толстые.* М.: Слово, 2002. С. 30-32; *Tolstoy-Miloslavsky D. The Tolstoys...* P. 1-3, 189-192, 205-206.

Не все биографы Л.Н. Толстого придерживаются этой версии. В частности, его бывший секретарь, Николай Николаевич Гусев (1882-1967) считал этот рассказ недостоверным. — См.: *Гусев Н.Н.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 7, 613-618.

⁷ Василий II Тёмный (1415-1462) — великий князь Московский с 1425 года. Он вел длительную войну с удельными князьями, был ослеплен одним из них (отсюда его прозвище), но при поддержке дворянства и горожан взял верх над удельными князьями и ликвидировал большую часть княжеских уделов.

⁸ Именно так описаны Толстые в кн.: *Tolstoy-Miloslavsky D.* The Tolstoys... P. VII, 205-206.

⁹ «Кроме рода Толстых потомства Индроза, существует еще несколько родов этого имени другого происхождения, которые в Гербовник не внесены». — См.: *Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи...* Ч. 1. С. 376. См. также: *Васильчиков И.С.* То, что мне вспомнилось...: Воспоминания. М.: ОЛМА-пресс, 2002. С. 8; *Кузминская Г.Н.* Толстые, похороненные в Свято-Троицкой Сергиевой пустыни // *Генеалогический вестник.* СПб., 2015. Вып. 51. С. 151-160.

¹⁰ Данте Алигьери (Dante Alighieri; 1265-1321) происходил из старинного, но небогатого рода Дуранте. От частого употребления имени поэта и политического деятеля произошло его усечение.

¹¹ Мари Франсуа Аруэ (1694-1778), остроумный сочинитель экспромтов и автор анонимного памфлета «В правление отрока», задевшего регента, герцога Филиппа II Орлеанского (Philippe d'Orléans; 1674-1723). В мае 1717 года М.Ф. Аруэ был заключен в Бастилию и провел там почти год. В октябре 1718 года состоялась премьера его трагедии «Эдип», которая имела успех. Автор посвятил пьесу супруге регента, Франсуазе-Марии де Бурбон (урожд. де Блуа; 1677-1749), герцогине Орлеанской. Посвящение он подписал: Франсуа Мари Аруэ де Вольтер (Voltaire). Так называлось урочище, принадлежавшее семейству Аруэ. Этот псевдоним и стал настоящим именем писателя. — См.: *Новый энциклопедический словарь* /Под общей редакцией К.К. Арсеньева; Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб. Б.г. Т. XI. Стб. 564.

¹² Эта точка зрения сформировалась у начинающего литератора под влиянием немецкого философа Артура Шопенгауэра (Schopenhauer; 1788-1860). — См.: *Шопенгауэр А.* О писательстве и слоге /Перевод с предисл. кн. Д. Цертелева. СПб., 1893. С. 21-23. См. также примеч. 21 к Главе 8.

¹³ На самом деле, 20 мая по новому стилю соответствует 1 июня 1869 г.

¹⁴ Николай Андреевич Кнерцер (род. в 1833 году) — действительный статский советник, врачебный инспектор; тульский врач семьи Л.Н. Толстого.

¹⁵ Точнее, *Чепыж* — часть древнего засечного леса, в котором деревьям более ста лет. «Чепыж — это ближний к дому старый дубовый лес». — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания. М.: Худож. лит., 1981. С. 50. См. также: *Из жизни Л.Н. Толстого:* Снимки работы исключительно С.А. Толстой. Исполнены фототипией Шерер, Набгольц и К^о в Москве. Б.г. С. 45 (<https://dlib.rsl.ru/viewer/01008412538#?page=45>).

Л.Н. Толстой любил прогулки в Чепыж, одно время там была построена избушка для занятий. — См.: **Никитина Н.** Ясная Поляна: Путеводитель по заповеднику. Тула, 2010. С. 129-135.

Л.Л. Толстой писал название леса, как его произносили в семье. Ср. запись в Дневнике Л.Н. Толстого от 16 февраля 1859 года: «... Видел один сон — клубника, аллея, она, сразу узнанная, хотя никогда не виданная, и *Чапыж* в свежих дубовых листьях без единой сухой ветки и листика». — См.: **Толстой Л.Н.** Полное (Юбилейное) собрание сочинений: В 90-та томах. М.: ГИХЛ, 1952. Т. 48. С. 20. Курсив мой. — В.А. В дальнейшем ссылки на это издание даются в комментариях так: **ПСС**, с указанием номера тома и страниц.

¹⁶ М.И. Абрамович.

¹⁷ М.А. Арбузова — няня старших детей Толстых.

¹⁸ А.А. Толстая (1817-1904) — двоюродная тетка Л.Н. Толстого, с которой он был дружен долгие годы. См. о ней ниже.

¹⁹ В конце октября 1872 года Л.Н. Толстой писал о сыне «любезному другу Alexandrine»: «... 4-й Лев. Хорошенький, ловкий, памятливей, грациозный. Всякое платье на нем сидит, как по нем сшито. Всё, что другие делают, то и он, и всё очень ловко и хорошо. Еще хорошенько *не пони[маю]*. ...». — **ПСС**. Т. 61. С. 334. Курсив *Л.Н. Толстого*. См. также: **Л.Н. Толстой и А.А. Толстая**: Переписка (1857-1903). М.: Наука, 2011 (*Литературные памятники*). С. 300, 785.

...*Alexandrine*... — А.А. Толстая. См. о ней выше примеч. 18.

²⁰ Сергей Львович Толстой (1863-1947) — земский деятель, музыкант, мемуарист.

²¹ Татьяна Львовна Сухотина-Толстая (1864-1950) — художница, литератор, мемуарист.

²² Илья Львович Толстой (1866-1933) — служащий Земельного банка; литератор, мемуарист.

²³ Так С.А. Толстая называла себя и двух черноглазых детей. См. ее комментарий к письму от 31 октября 1884 года. — *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому: 1862-1910 /Ред. и примеч. А.И. Толстой и П.С. Попова. М.; Л.: Academia, 1936. С. 274-275.

²⁴ Мария Львовна Оболенская (урожд. Толстая; 1871-1906). Ее дневник и воспоминания не сохранились.

²⁵ Петр Львович Толстой (1872-1873).

²⁶ Николай Львович Толстой (1874-1875).

²⁷ Варвара Львовна Толстая (род. и умерла 30 октября 1875 года). — *ПСС*. Т. 62. С. 214-216.

²⁸ Андрей Львович Толстой (1877-1916) — участник русско-японской войны 1904 года; чиновник особых поручений при тульском губернаторе; служащий тамбовского отделения Крестьянского земельного банка.

²⁹ Михаил Львович Толстой (1879-1944) — участник Первой мировой войны; литератор, мемуарист.

³⁰ Алексей Львович Толстой (1881-1886).

³¹ Александра Львовна Толстая (1884-1979) — писательница, мемуарист, создательница благотворительного Толстовского фонда для поддержки русской эмиграции.

³² Вениамин (от *латин.* venia — милость, благодеяние); в Библии — младший сын Рахили и Иакова, которого отец называл «сыном своей старости».

³³ Иван Львович Толстой (1888-1895).

³⁴ В черновом варианте сходству с родителями был посвящен такой фрагмент: «<...> Физически я был больше похож на мать, чем на отца. Её костяк и цвет глаз. Форма же моей головы была отцовской, единственная из всех детей. Позднее мы были с отцом совершенно одинакового роста. <...>» — *ОРГМТ*. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 9. Черновой автограф.

Летом 1910 года, в самый острый момент семейного противостояния, необычайное сходство Льва с матерью усугубит конфликт и придаст ситуации необратимый характер. Это следует из разговора Л.Н. Толстого с младшей дочерью 6 июля 1910 года:

« — ... Лева вчера вечером меня учил, как надо с ней поступать, что надо ласковее быть. Смешно. Я пробовал быть ласковым, нельзя, фальшиво, не могу.

— Да, Леве легко говорить, — сказала я, — он мне нынче говорил, что мама молодец, вы с ней неласковы, вы виноваты в ее нервном состоянии. Ему легко это говорить и любить ее, потому что он так похож на нее.

— Все капельки подобрал. Та же поверхностность, самодовольство. Ну не будем об этом говорить. ...» — См.: *Толстая А.Л.* Дневники: 1903-1920. М.: Кучково поле, 2015. С. 72-73.

Через три года последний секретарь Л.Н. Толстого, Валентин Федорович Булгаков (1886-1966), недолгое время наблюдавший семью Толстых, уточнил, в чем он видит сходство

Л.Л. Толстого с матерью: «А Лев Львович, как известно, рожден в мать или, вернее, в Берсовскую породу». — См.: **Булгаков В.Ф.** В осиротелой Ясной Поляне (Дневник 1913 г.). — *Голос минувшего на чужой стороне*: Журнал истории и истории литературы. Париж, 1926, № 4. С. 165.

³⁵ Николай Сергеевич Волконский (1753-1821) — дед Л.Н. Толстого по матери, владелец Ясной Поляны.

³⁶ Илья Андреевич Толстой (1757-1820) — дед Л.Н. Толстого по отцу. Более подробно о портретах предков см. в кн.: **Толстой И.Л.** Мои воспоминания. М.: XXI век — Согласие, 2000. С. 80-83.

Глава 2

¹ Ефрем Сирийский (т.е. сириянин; ок. 306-373) — дьякон, сирийский христианский писатель, церковный деятель, богослов; учитель церкви IV века. — См. о нем: *Католическая энциклопедия*: В 4-х томах. М., 2002. Т. I. Стб. 1838-1840.

Одна из его двенадцати молитв на разные случаи звучит так: «Господи и Владыка жизни моей, не дай мне духа праздности, суетной пытливости, любоначалия и празднословия, но даруй мне, рабу Твоему, дух целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви. Ей, Господи Царь, дай мне видеть свои грехопадения и не осуждать брата моего: потому что благословен Ты во веки веков! Аминь». — См.: **Святой Ефрем Сирийский**. Творения: В 8-ми томах. М.: Отчий дом, 1993. Т. 4. С. 18.

² Одиннадцать молитв к Пресвятой Богородице см.: *Там же*. С. 59-94.

³ Кочаки — село в трех верстах от Ясной Поляны. Здесь, на кладбище при церкви, похоронены многие члены семьи Толстых. — См.: **Пузин Н.** Кочаковский некрополь (Семейное кладбище Толстых). 2-е изд., доп. Тула: и/д «Ясная Поляна», 1998.

⁴ Теория народности была выдвинута Сергеем Семеновичем Уваровым (1786-1855), президентом Академии наук, в 1833-1849 годах министром народного просвещения. 19 ноября 1833 года свой первый доклад императору Николаю I (Николай Павлович Романов; 1796-1855) он начал так: «По вступлению моему с Высочайшего Вашего Императорского Величества повеления в должность Министра Народного Просвещения употребил я, так сказать, заглавным местом, лозунгом моего управления следующие выражения: “Народное воспитание должно совершаться в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности”».

Завершил же свой доклад он утверждением: «...образование настоящего и будущих поколений в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности составляет бесспорно одну из лучших надежд и главнейших потребностей времени и вместе одно из труднейших поручений, коим доверенность Монарха могла бы почтить верноподданного, постигающего и важность оно, и цену каждого мгновения и несоразмерность своих сил, и ответственность свою перед Богом, Государем и Отечеством». — См.: **Уваров С.С.** О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения // **Уваров С.** Государственные основы / [Сост., предисл. и коммент. В.Б. Трофимовой]. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. С. 103-107. Выделено С.С. Уваровым.

⁵ С 1866 по 1872 год в Ясной Поляне жила англичанка Ханна Терсей (Tarsey), которую старшие дети Толстых очень любили. — См.: **Толстой И.Л.** Мои воспоминания... С. 60-61; (<http://collections.tolstoymuseum.ru:9000/items?info=92752&sa-fund=10>).

Однако Л.Л. Толстой был слишком мал и едва ли ее запомнил, как, впрочем, и Дору Хэллийер (Helleyer; род. в 1853 году), в октябре 1872 года приехавшую в Ясную Поляну и прожившую там всего несколько месяцев. — См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого. 4-е изд., испр. и доп. Тула, 1975. С. 35, 414-415.

В феврале 1873 года ее сменила Эмили Табор (Tabor), а осенью 1876 года — Анна Филипс (Phillips), которая занималась только обучением и воспитанием Льва и Маши. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 566; *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания... С. 57, 116, 126.

⁶ С 1875 по 1878 год швейцарец Жюль Рей (Rey; род. в 1848 году) был гувернером старших детей, но отношения с ним у подростков не сложились. С.Л. Толстой запомнил, как летом 1877 года месье Рей, «пригласив какого-то приятеля из Тулы, три дня пьянствовали». Естественно, что долго так продолжаться не могло. В январе 1878 года Ж. Рей был уволен, а вместо него в Ясной Поляне появился месье Ньеф (Nief). «Пока он у нас жил, я совсем не знал, что он совсем не Nief, а Jules Montels, из старой французской фамилии, чуть ли не виконт. Он был коммунарком и скрывался в России под псевдонимом». — См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 57, 60. См. также: *Bartlett R.* Tolstoy: A Russian life. N.Y., 2011 (*index*); (<http://maitron-en-ligne.univ-paris1.fr/spip.php?article76076>) (https://fr.wikipedia.org/wiki/Jules_Montels); etc.

⁷ Возможно, речь идет об Амалии Федоровне Функ, которая приезжала из Тулы учить детей немецкому языку. Упоминание о ней есть в письмах С.А. Толстой мужу от 5 марта и 7 декабря 1878 года. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 145-146, 155-156. См. также: *Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями.* М.: Худож. лит., 1990. С. 363-364.

⁸ В декабре 1886 года Анна Константиновна Черткова (урожд. Дитерихс; 1859-1927) стала невольной свидетельницей занятия Л.Н. Толстого с сыном: «... Показалось ли мне или нет, но Лева будто бы отнекивается сначала, но потом все-таки соглашается и приносит свои книги и тетради. ... Лева будто морщится и вяло, нехотя, залезает за стол, на диванчик, а Лев Николаевич не садится, а то стоит около него, то быстрыми легкими шагами похаживает вдоль залы. Я с невольным интересом слежу за их уроком и удивляюсь обоим: как они непохожи друг на друга! Отец — это олицетворение жизни, энергии, интереса, *вкуса* к делу, к тому, чем он занят, как будто это не сыну, а ему заданы эти алгебраические задачи. А сын вяло, сонно, нехотя, без всякого желанья напрячь свое внимание — ждет только “подсказки” отца...

... Ах, глупый мальчик! Как он будет жалеть потом, когда состарится, что так небрежно относился к отцу...» — См.: *Черткова А.К.* Из воспоминаний о Л.Н. Толстом // *Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников*: В 2-х томах. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. С. 413-415. Курсив *А.К. Чертовой*.

⁹ М.А. Арбузова. См. выше примеч. 17 к Главе 1.

¹⁰ Вероятно, речь идет об Авдотье Васильевне Поповой, горничной, а потом экономке в доме Толстых. — См. о ней: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 191.

До нее экономками в доме были Евдокия Александровна Темяшева и Евдокия Николаевна Орехова (урожд. Банникова; умерла в 1879 году). — *Там же.* С. 51-52; *ПСС.* Т. 46. С. 32, 322, 505; Т. 48. С. 57, 471.

О трех Дуняшах в Ясной Поляне см. также в кн.: *Толстая С.А.* Моя жизнь: В 2-х томах. 2-е изд. М.: Кучково поле, 2014. Т. II. С. 232, 292; *Толстой И.Л.* Мои воспоминания... С. 61.

¹¹ Осенью 1876 года в Ясную Поляну приехала мадемуазель Люси Гаше (Gachet), которая в 1879 году вышла замуж за Ж. Монтеля (см. о нем выше примеч. 6), и они вместе уехали в Алжир. — *Там же*. С. 146. См. также: *Bartlett R. Tolstoy...* Р. 265.

¹² Этот момент нашел отражение в переписке Толстых в сентябре 1882 года. — *ПСС*. Т. 83. С. 356; *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 202, 205.

¹³ Один из многих примеров мышления Л.Л. Толстого на разных языках. Ср. выше: *горячее* какао. Курсив здесь и там мой. — *В.А.*

Глава 3

¹ Интерес к китайской философии мог появиться у Л.Л. Толстого еще в марте 1884 года, когда отец читал ему отрывки из сочинений легендарного древнекитайского философа VI века до новой эры Лао-Цзы (*ПСС*. Т. 49. С. 65), или в Московском университете, где Л.Л. Толстой в 1890 году мог слушать лекции Льва Михайловича Лопатина (1855-1920) по древней философии. Упоминание об этом есть в дневниковых записях за 28 и 29 декабря 1890 года. — См.: *Сын и отец*: По страницам дневниковых записей и мемуаров Л.Л. Толстого /Подготовка текстов, публикация и комментарии *В.Н. Абросимовой* и *С.Р. Зориной* // *Лица*: Биограф. альманах. М.; СПб.: Феникс-Atheneum, 1994. Т. 4. С. 209, 211, 234

(https://imwerden.de/pdf/litsa_biografichesky_almanakh_tom04_1994__ocr.pdf).

² О том, как любили в Ясной Поляне слушать пение Татьяны Андреевны Кузминской (урожд. Берс; 1846-1925), см.: *Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников...* Т. 1. С. 425; *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания... С. 242; *Кузминская Т.А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Калининград, 1998. С. 239, 405, 542-543.

³ Л.Л. Толстой не вполне точно цитирует «Колыбельную песню» Петра Ильича Чайковского (1840-1893) на слова Аполлона Николаевича Майкова (1821-1897):

«...В няньки я тебе взяла

Ветер, солнце и орла».

— См.: *Чайковский П.* Романсы: Полн. собр. для голоса в сопровождении ф-но: В 2-х томах. М.: Музыка, 1971. Т. 1. С. 45-50.

⁴ Лев Львович не вполне точен. Скорее всего, речь идет о приезде Надежды Дмитриевны Гельбиг (Хельбиг; Helbig; урожд. княжна Шаховская; 1847-1922) и ее дочери Лили 7-10 июля 1887 года. — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник. М.: Правда, 1987. С. 155-156; *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 122; *Толстая С.А.* Моя жизнь... Т. II. С. 38.

На одной из фотографий, сделанных в эти дни С.А. Толстой, мы видим Л.Л. Толстого рядом с Е.В. Гельбиг (1868-1954), М.А. Кузминской и др.

Второй приезд г-жи Гельбиг в Ясную Поляну состоялся 2 июля 1890 года; третий — 17-21 июля 1891 года. — См.: *Толстая С.А.* Моя жизнь... Т. II. С. 136. См. также: *Воспоминания госпожи Г<ельбиг> о Толстом* (К творческой истории «Крейцеровой сонаты») // *В мире отечественной классики*: Сб. статей. М.: Худож. лит., 1984. <Вып. I>. С. 424-441.

Уточненные биографические данные Н.Д. Гельбиг (Хельбиг) см.: *Тестаччо*: Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме: Алфавитный список русских захоронений. СПб., 2000. С. 114.

⁵ Под названием «Княжна» эпизод этот целиком вошел в кн.: *Толстой Л.Л.* Яша Полянов: Воспоминания для детей из детства. М., 1899. С. 123-125.

⁶ Мраморный бюст Н.Н. Толстого (1823-1860) был сделан в 1861 году с посмертной маски, которую Л.Н. Толстой сразу же назвал «прелестной». — *ПСС*. Т. 60. С. 354.

Автор скульптурного портрета — бельгийский королевский скульптор Гильом (Виллем) Гифс (Geefs; 1805-1883) (<http://www.academieroyale.be/fr/la-biographie-nationale-personnalites-detail/personnalites/guillaume-geefs/Vrai/>).

По заказу Л.Н. Толстого было сделано два бюста. Большой мраморный бюст был установлен в Ясной Поляне. Именно на нем была сделана надпись на срезе левого плеча: «G^{me} Geefs Statuaire du Roi, Bruxelles, 1861». Меньший гипсовый бюст хранился в Пирогове у брата Л.Н. Толстого, графа Сергея Николаевича Толстого (1826-1904).

⁷ Об отношении Л.Н. Толстого к смерти брата Николеньки см. его письмо от 24-25 сентября/6-7 октября 1860 года С.Н. Толстому. — *ПСС*. Т. 60. С. 353-355.

⁸ См. впечатление Наташи Ростовской от выступления танцоров и знаменитого виртуоза г-на Антуана Луи Дюпора (Duport; 1786-1853) в романе «Война и мир». — *Там же*. Т. 10. С. 330-331. Позднее презрительное отношение Толстого к танцам вызвано было его представлением о христианском искусстве, призванном осуществить братское объединение людей. См. его трактат «Что такое искусство?» (1898). — *Там же*. Т. 30.

⁹ Отец С.А. Толстой, Андрей Евстафьевич Берс (1808-1868), был гофмедиком, врачом московской дворцовой конторы, жил с семьей в служебной квартире в Кремле, в здании комендантского управления. — См.: *Сафонова О.Ю.* Род Берсов в России. М.: Энциклопедия сел и деревень, 1999. С. 31.

¹⁰ См., например, запись в дневнике С.А. Толстой от 2 июля 1889 года: «... На днях Сережа играл вальс, пришел Левочка вечером, говорит: “Пройдемся вальс”. И мы протанцевали к общему восторгу молодежи...» — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 120.

Много лет спустя, после одной из похожих сцен, по свидетельству очевидца, Л.Н. Толстой «...сказал (приблизительно так), что если бы он не был писателем, был бы танцором. И действительно, его движения при пляске других очень ловки». — См.: *Маковицкий Д.П.* У Толстого: 1904-1910: Яснополянские записки (*Литературное наследство*; Т. 90: В 4-х книгах). М.: Наука, 1979. Кн. 2. С. 144. Далее ссылки на это издание даются так: *Маковицкий Д.П.* У Толстого..., с указанием книги и страниц.

¹¹ 12 января 1887 года С.А. Толстая писала мужу из Москвы: «... Лева плясал у каких-то Столпаковых, знакомых Шидловских. Там была и Лили Оболенская, и Татищевы, и Верочки две; он, видно, очень веселился и пыль в глаза всем пускал; Шидловские и Оболенские остались что-то им очень довольны...» — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 385.

Столпаковы — семья бывшего революционера, участника «Земли и воли», кардинально поменявшего свои взгляды на жизнь и возвращенного на государственную службу, Алексея Николаевича Столпакова (1842-1917) и его жены, Марии Александровны (урожд. Козлова; 1837-1889). — *Там же*. С. 386. В 1887 году А.Н. Столпаков был управляющим московского отделения государственного земельного банка и казначеем Общества распространения полезных книг. — См.: *Адрес-календарь города Москвы на 1887 г.* М., 1887. Отд. II. Стб. 410, 522.

В семье было двое детей: дочь Мария (1871) и сын Николай (1876-1927). Столпаковы жили в собственном доме на Большой Бронной улице. — *Там же*. Отд. III. С. 151.

Шидловские — семья тетки С.А. Толстой по матери, Веры Александровны Шидловской (урожд. Иславиной; 1825-1910).

Лили Оболенская (в замужестве Елизавета Дмитриевна Казенбек; 1871-1894). См. о ней ниже примеч. 11 к Главе 7.

Татищевы — дети графа Николая Дмитриевича Татищева (1829-1907), с которыми дети Толстых дружили. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 117; *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 50-51; *Булгаков В.Ф.* Л.Н. Толстой в последний год его жизни: Дневник секретаря Л.Н. Толстого. М.: Правда, 1989. С. 329-330.

...*Верочки две*... — вероятно, Вера Александровна Кузминская (род. в 1871 году), кузина Л.Л. Толстого, и Вера Вячеславовна Шидловская (в замужестве Мещеринова; 1866-1943) (<https://погибшие.рф/arhiv/uchastniki-grazhdanskoj-vojny/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-mg-mz.html>).

О том, что Л.Л. Толстому самому нравились танцы, см. также: *Сын и отец*... // *Лица*... Т. 4. С. 204.

¹² На стене в кабинете Л.Н. Толстого, над книжной полкой, висели пять деталей картины Рафаэля (наст. имя Раффаэлло Санти; Raffaello Santi; 1483-1520) “Сикстинская мадонна”. Эти старинные литографии Толстой получил в подарок от своей двоюродной тетки, придворной фрейлины А.А. Толстой. — См.: *Пузин Н.* Дом-музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Тула, 2005. С. 46, 54.

Отношения тетки и племянника были шире, многообразнее обычных родственных, хотя и напоминали отношения “бабушки”, как называл ее Л.Н. Толстой, и “внука”. — См.: *Толстая А.А.* Мои воспоминания о Л.Н. Толстом (С его письмами ко мне) // *Л.Н. Толстой и А.А. Толстая*: Переписка... С. 13.

Подарку А.А. Толстой “внук” обрадовался. 14 апреля 1858 года он писал “бабушке”: «... Ваша Мадон[н]а висит у меня и радуется...» — *ПСС*. Т. 60. С. 260.

Толстой впервые увидел «Сикстинскую мадонну» Рафаэля летом 1857 года в Дрездене. В его Дневнике есть записи, свидетельствующие о том, что картина произвела на него сильное впечатление.

24 июля/5 августа 1857 года: «Сбегал в галерею. Мадон[н]а сразу сильно поразила меня...»

На следующий день 25 июля/6 августа 1857 года: «... Опять в галерею, остался холоден ко всему, исключая Мадон[н]ы». — *Там же*. Т. 47. С. 148-149.

¹³ Подробное описание «старых портретов дедов» см. в кн.: *Толстой И.Л.* Мои воспоминания... С. 80-83.

¹⁴ Едва ли Л.Л. Толстой помнил это. Вероятно, он слышал от старших, каким радостным было Рождество 1871 года в большой зале, только что пристроенной к яснополянскому дому. — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания... С. 89-98.

¹⁵ Т.е., ржаная солома плотно зачесывалась и укладывалась рядами снизу вверх; нередко солома обмакивалась в глину для большей защиты от ветра и дождя. — См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. М.: Рус. язык, 1991-1993. Т. I. С. 663; Т. IV. С. 267.

Глава 4

¹ О тяжелом душевном состоянии Л.Н. Толстого в конце 70-х годов см. подробнее: *Толстая А.* Отец: Жизнь Льва Толстого: В 2-х томах. М.: СПАРРК, 2001. Т. 1. С. 448-473.

Переезд из Ясной Поляны в Москву дался Толстому нелегко. Через три дня пребывания в городе в разговоре с учителями Поливановской гимназии (см. о ней ниже примеч. 4) Л.Н. Толстой так описал свои первые впечатления: «... Вы меня извините — вы городские жители, но, по-моему, жизнь в городе — жизнь в помойной вонючей яме. ...». —

См.: *Поливанова М.А., Поливанов Л.И.* В “большую перемену” 18-го сентября 1881 г. в частной гимназии // *Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников...* Т. 1. С. 283.

14 октября 1881 года С.А. Толстая призналась сестре, Т.А. Кузминской: «Завтра месяц, как мы тут <...> Левочка впал не только в уныние, но отчаянную апатию. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской, № 3284. Л. 1. Автограф.

² Речь идет об Анне Филипс. См. о ней выше примеч. 5 к Главе 2.

³ Гувернером старших братьев в 1878-1897 годах был месье Ньеф. См. о нем примеч. 6 к Главе 2.

⁴ Л.И. Поливанов (1838-1899) — педагог, историк литературы, директор частной мужской гимназии в Москве, учрежденной им вместе с сослуживцами в 1868 году. Гимназия помещалась на Пречистенке, в Денежном переулке, неподалеку от дома, который в 1881 году сняли Толстые.

14-го октября 1881 года С.А. Толстая писала сестре, Т.А. Кузминской из Москвы: «<...> Илья и Лёля поступили приходящими в 5-й и 3-й класс Поливановской гимназии, очень хорошей, пользующейся одинаковыми правами с казенными, классическими гимназиями. Они оба, особенно Лёля, учатся пока порядочно<...>» — *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской, № 3284. Л. 2. Автограф.

Л.Л. Толстой всегда по-доброму отзывался о своем наставнике. — См.: *Толстой Л.Л.* Л.И. Поливанов (Долг ученика) // *Русские ведомости*. М., 23 февраля 1899 года, № 54. С. 3; *Толстой Л.Л.* Памяти Л.И. Поливанова (К 10-летию со дня его кончины) // *Новое время*. СПб., 4/17 марта 1909 года, № 11845. С. 5.

С детских лет сравнение двух Львов — отца и наставника — было в пользу Л.И. Поливанова. С этой точки зрения показательна миниатюра «Сочинение о лошади», включенная в юбилейный номер, посвященный 80-летию Л.Н. Толстого. — См.: *Толстой Л.Л.* Два воспоминания: I. Зимняя ночь; II. Сочинение о лошади // *Родник*: Двухнедельный иллюстрир. журнал для семьи и школы. СПб., сентябрь 1908 года, № 17. С. 182-185, 186-187. Перепечатано в изд.: *Из забытого о Л.Н. Толстом* / Вступ. статья, подготовка текста и публикация Е. Путиловой // *Нева*. Л., 1988, № 9. С. 199-202.

⁵ Восторженные воспоминания о Л.И. Поливанове и его гимназии см. также в книге младшего современника Л.Л. Толстого, Андрея Белого (псевд. Бориса Николаевича Бугаева; 1880-1934) «На рубеже двух столетий» (М.: Худож. лит., 1989. С. 259-298).

⁶ Л.Л. Толстой ошибся. Его «Письмо из Парижа (У салютистов)» было опубликовано в журнале «*Северный вестник*» (СПб., 1894, № 5. Отд. II. С. 39-52).

De l'armee du Salut — французское название «Армии спасения». Членов этой религиозной ассоциации, ставившей целью духовное спасение людей вне храмов, посредством проповеди Евангелия и общих молений, во Франции называли, соответственно, *салютистами* (от латин. *salutis* — спасение, избавление).

⁷ 11 мая 1894 года С.А. Толстая писала мужу из Москвы: «... Была я у Поливанова, это Леву должно интересоваться. ... Поливанов очень расспрашивал про Леву и, видно, нежно его любит; я даже удивилась, и мне совестно повторять те лестные отзывы, которые он выражал о Лёве. Между прочим он говорил: “Вот прочел я его статейку о салютистах, ведь как это мило, как все в меру, умно, хорошо написано. У него положительный талант, пожалуйста, скажите ему мое мнение и передайте, что я верю в его будущее, чтоб он не переставал писать, это положительно его призвание”. ...» — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 594-595.

Поддержать молодого человека захотел и Николай Николаевич Страхов (1828-1896). 27 мая 1894 года он из Петербурга писал Л.Н. Толстому: «... Мои усердные поклоны ... и Льву Львовичу. Об армии спасения — как хорошо! Яснополянская литературная школа — чудесная школа! ...» — См.: *Толстой Л.Н. и Н.Н. Страхов*. Полное собрание переписки: В 2-х томах /Ред. А.А. Донсков; Составители Л.Д. Громова, Н.Г. Никифорова. М., Оттава, 2003. Текст парал.: рус., англ. Т. II. С. 954.

⁸ Речь идет о преподавателях древних языков: П.П. Копосове, который был одним из учредителей гимназии; и П.П. Никольском, присутствием которого в гимназии Л.И. Поливанов очень дорожил. — См.: *Двадцатипятилетие Московской частной гимназии, учрежденной Л.И. Поливановым*. М., 1893. С. 9, 12, 15.

Осенью 1899 года Л.Л. Толстой принял участие в обсуждении проблемы образования в России и предложил начать прежде всего с уничтожения «преподавания древних языков с оставлением их *только* для желающих специализироваться в них». — См.: *Толстой-сын Л.* Реформа гимназий // *С.-Петербургские ведомости*. 9/21 октября 1899 года, № 276. С. 1-2. Курсив *Л.Л. Толстого*. Через несколько лет статья без изменений была перепечатана в кн.: *Толстой Л.Л.* Моя гигиена (Очерки по частной гигиене, с приложением статей по воспитанию). 2-е изд. СПб., 1904. С. 132-139. См. также ниже примеч. 18 к Главе 1 Книги II.

⁹ Л.Л. Толстой ошибся: учителем латинского языка был Петр Петрович Никольский, которому его воспитанник спустя много лет посвятил одно из своих ранних сочинений. — См.: *Толстой Л.Л.* Под двумя огнями: Посвящается П.П. Н-ому (Из гимназических воспоминаний) // *Русские ведомости*. М., 20 января 1895 года, № 20. С. 2-3. Позднее этюд вошел в кн.: *Толстой Л.Л.* Рассказы из времени студенчества. М., 1898. С. 201-220.

Именно в переписке с ним был сформулирован Л.И. Поливановым один из важнейших принципов, который безусловно помнили и ценили выпускники:

«Дорогой П.П.

Ой<, > какой же Вы вопрос затронули в первых же строках Вашего письма! Отчего мы все только охраняем от зла, а не учим: *твори благо!* <...>» — *РГАЛИ*, ф. 2191, оп. 1, ед. хр. 58. Л. 1. Черновой автограф не датирован. Курсив мой. — *В.А.*

¹⁰ Л.Л. Толстой ошибся: у гимназистов сохранились добрые воспоминания о Копосове. Ср.: «...умница, (ленивая умница!) “грек” П.П. Копосов...» — *Белый А.* На рубеже двух столетий... С. 290. См. также: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 253.

А дразнили гимназисты другого преподавателя — Казимира Клементьевича Павликовского. Его появление Андрей Белый считал ошибкой Поливанова и набросал выразительный портрет ненавистного наставника: «... Впечатление, что все нахально осмеивалось (ученик, его способности, самые его запросы культуры, самое „святое святых” его чувств), нас охватывало при вступлении в класс Павликовского, и мы, взбешенные этим подразумеваемым цинизмом, уже начинали кидаться на него, как злые псы, и — да: „забижали” его, но в ответ на какое-то осмеяние жизни, на кривлянье паяца, на „хээ”; и звали „Кузькой”; и писали на доске по-гречески перед появлением его у нас „Тини тинос” (дательный и родительный падеж от греческого местоимения „тис”), что означало: Тяните нос, то есть тяните „Кузьку” за его длинный нос...» — См.: *Белый А.* На рубеже двух столетий... С. 296-297.

Неприятное впечатление произвел Павликовский и на Илью Львовича Толстого, в классе которого он вел немецкий язык. Со слов сына 26 октября 1884 года С.А. Толстая писала мужу: «... В Поливановской гимназии хотели побить немецкого учителя; чуть бунт не удался, но всё обошлось. ...» — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 265.

¹¹ Владимир Александрович Фукс был одним из учредителей гимназии Поливанова и преподавал историю, французский и немецкий языки. — См.: *Двадцатипятилетие Московской частной гимназии, учрежденной Л.И. Поливановым...* С. 9, 11-13, 24; *Белый А.* На рубеже двух столетий... С. 288.

¹² О священнике Николае Михайловиче Иванцове (род. в 1845 году), преподававшем Закон Божий в гимназии Поливанова, по-доброму отзывалась С.А. Толстая. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 390.

¹³ См. упоминание о нем в детской дневниковой записи гимназиста Л.Л. Толстого, условно датируемой январем 1882 года: «... Я болен. Цыпки и русское сочиненье. ...» — См.: *Сын и отец...* // *Лица...* Т. 4. С. 204.

¹⁴ Вишняков, кавказский князь, Скобельцын, рано погибший поэт Х. не значатся в списке выпускников гимназии. — См.: *Двадцатипятилетие Московской частной гимназии, учрежденной Л.И. Поливановым...* С. 40-42.

Большая фотография учеников Поливановской гимназии вместе с их наставниками хранилась в петербургском доме Л.Л. Толстого и находится ныне в Литературном музее *Пушкинского Дома* (ИРЛИ).

¹⁵ Изначально — хлеб с маслом (от нем. Butterbrot), хотя экономка Дунечка давала Л.Л. Толстому хлеб с разными вкусами.

¹⁶ Может быть, этим частично объясняется участие Л.Л. Толстого в детских журналах «Родник» и «Товарищ», сочинение рассказов для детей в 1895-1901 годах, а также многолетняя работа на ниве народного просвещения в книжном магазине и на складе «Доброе дело» (1904-1912).

В полемическом задоре и затянувшемся споре с отцом Л.Л. Толстой наивно полагал, что все дело в отсутствии культуры: «... Жизнь русская достаточно ярко обнаружила и обнаруживает ежечасно, что одного главного ей недостает — это воспитания и просвещения. Все сводится к этим вопросам и все русские беды минуют, когда эти вопросы будут решены.

Дайте народу грамоту, книгу и он сам станет другим, он поднимет свое благосостояние, улучшит земледелие, отрезвится, воспитается всячески и сам разберется, где правда. ...» — См.: *Толстой Л.Л.* Открытое письмо // *Основной каталог книжного магазина Л.Л. Толстого под фирмой «Доброе Дело»*. СПб., [1907]. С. [4]. Курсив мой. — В.А.

Глава 5

¹ А.Л. Толстая родилась 18 июня 1884 года.

² 17 июня 1884 года после очередного тяжелого разговора с женой Л.Н. Толстой решил немедленно уйти из дома. С мешком за спиной, в который он наспех кое-что уложил, Л.Н. Толстой пошел по направлению к Туле. Однако по дороге он еще раз обдумал ситуацию, осложнившуюся тяжелой беременностью жены и предстоящими родами, и в ту же ночь вернулся домой. Утром родилась дочь Саша. В тот же вечер 18/30 июня 1884 года Л.Н. Толстой подробно записал в Дневнике все, что произошло и что сделало для него пребывание дома тягостным и напряженным. — *ПСС*. Т. 49. С. 104-105.

Некоторое время спустя он подвел итог пережитому: «... Разрыв с женою уже нельзя сказать, что больше, но полный. ...» — *Там же*. С. 105.

В июне 1885 года один из давних друзей Толстого, Н.Н. Страхов (см. о нем выше в примеч. 7 к Главе 4) заметил, что Л.Н. Толстой живет *как чужой* в своей семье в Ясной Поляне. — См.: *«Только из Ясной Поляны бывают такие письма!..»*: Письма Т.А. Кузминской к Н.Н. Страхову // *Яснополянский сборник 2002*: Статьи, материалы, публикации. Тула, [2003]. С. 366-367. Курсив мой. — В.А.

³ А. Сейрон (Алкид Эдуардович Зейрон; 1869-1891) сразу же подружился с детьми Толстых. Пребывание в *таком* доме не прошло для него бесследно. Через несколько лет он поступил в специальные трёхгодичные классы Лазаревского института восточных языков, которые окончил в 1890 году с правом поступления на государственную службу в России. Однако преждевременная смерть не позволила осуществиться планам цепкого и целеустремленного молодого человека. — См.: *Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков: 1872-1902*: Памятная книжка. М., 1903. С. 100.

Лазаревский институт восточных языков получил свое название в честь первого почетного попечителя Института генерал-майора князя Семена Давыдовича *Абамелек-Лазарева* (1815-1888). — *Там же*. С. 12.

⁴ Новая гувернантка Анна Сейрон (Зейрон; Seuron; 1845-1922) появилась в доме Толстых осенью 1882 года. С.А. Толстая 14 октября писала сестре, Т.А. Кузминской: «<...> Гувернантку я нашла здесь, очень она мне понравилась, 600 р<ублей>, француженка, парижанка, отлично знает немецкий, немного музыку, отлично живопись и будет учить Лёлю и Машу языкам, живописи, географии, истории и *surveillance*. Такая симпатичная, прелесть, послезавтра ее жду. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской, № 3299. Л. 2. Автограф. ...*surveillance*... — надзор, наблюдение (*фр.*).

⁵ М.И. Абрамович.

⁶ Т.А. Кузминская. См. о ней выше примеч. 2 к Главе 3.

⁷ 24 июня 1884 года Л.Н. Толстой в письме другу и единомышленнику Владимиру Григорьевичу Черткову (1854-1936) особо выделил одно обстоятельство: «... Жена родила девочку. Но радость эта отравлена для меня тем, что жена, противно выраженному мною ясно мнению, что нанимать кормилицу от своего ребенка к чужому есть самый нечеловеческий, неразумный и нехристианский поступок, все-таки без всякой причины взяла кормилицу от живого ребенка...» — *ПСС*. Т. 85. С. 69.

Это событие запомнили и старшие дети Толстых. Так, Т.Л. Толстая в своем дневнике записала 2 июля 1884 года: «18 июня мамá родила Сашу. У нее пока длинные, черные волосы и синие глаза. *В первый раз взяли кормилицу*». — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 116. Курсив мой. — В.А.

Знала об этом и сама Саша. — См.: *Толстая А.* Дочь. М.: Вагриус, 2000. С. 17-18.

⁸ Л.Л. Толстой приехал в Ясную Поляну из Парижа 2 июля 1910 года и сразу же открыто стал на сторону матери. Естественно, его отношение к сестре Саше резко изменилось в худшую сторону. 14 августа 1910 года Александра Львовна записала в дневнике: «<...> Лева мне прямо сказал, что я виною всему, что происходит между стариками. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив А.Л. Толстой, п. 2, № 12. Л. 70 об. Автограф. См. также: *Толстая А.Л.* Дневники... С. 143.

⁹ Вероятно, Л.Л. Толстой имеет в виду серию зарисовок А.Л. Толстой, публиковавшихся под общим названием «*Из воспоминаний*». — См.: *Современные записки*: Общественно-полит. и лит. журнал. Париж, 1931-1932, №№ 45-50.

¹⁰ В заключительном фрагменте мемуаров А.Л. Толстая подробно воссоздала трагическую обстановку в доме летом 1910 года. Л.Л. Толстого покорила следующий эпизод: «... Мамá меня не оставляла в покое. Когда она не могла говорить с отцом, она приходила ко мне. Всё дрожало во мне, когда мать, нервно постукивая каблуком, говорила:

— У Льва Николаевича сердца нет, он никого не любит, он холоден, как лед... Когда ты уезжала в Крым, он и по тебе не скучал, такой веселый был...» — *Там же*, № 50. С. 262.

Судя по дневнику А.Л. Толстой, этот разговор состоялся 26 июня 1910 года. — *ОР ГМТ*. Архив А.Л. Толстой, п. 2-а, № 11. Л. 7 об.-11 об. Автограф. См. также: *Толстая А.Л.* Дневники... С. 58-59.

¹¹ Л.Л. Толстой серьезно увлекся скульптурой и в 1909-1910 годах работал в Париже под руководством французских мастеров, в том числе и Огюста Родена (Rodin; 1840-1917).

В дневнике А.Л. Толстая записала: «<...> В этот же день 4-го <июля 1910 года> происходил очень интересный по своей глупости разговор. Лева рассказывал папá про Rodin, защищал его, когда папаша говорил, что Rodin сделал “божескую руку” и лепит голых женщин. Между прочим, Лева сказал: Rodin говорит, что не надо думать, что мысль изнашивает мозг (Ça use la cervelle). Папá ужасно это поразило. Мысль, разум, то, чем человек должен руководствоваться в жизни, и этого не нужно. Я вставила свое замечание: <ça> use la cervelle <—> это совсем неверно. Мысль, как мускулы, чем больше упражняешь ее, тем более она развивается.

— Нет, Rodin прав, о чем думать, все ясно, все давно разрешено, — сказал Лева.

— Да, многое разрешено, но если бы не было таких людей, как отец, кот<орые> за нас думают, — ничего бы не было разрешено и ясно, — хотелось мне сказать. Но я промолчала. Я взглянула на отца. У него было такое ласково-насмешливое лицо, он так добродушно смеялся, глядя на меня, как бы говоря: брось, не спорь, ведь это так нелепо и смешно, что не стоит даже об этом спорить. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив А.Л. Толстой, п. 2-а, № 11. Л. 31-31 об. Автограф. Курсив *А.Л. Толстой*. См. также: *Толстая А.Л.* Дневники... С. 71.

¹² 8 августа 1910 года разговор зашел о смертной казни, сторонником которой в это время был Л.Л. Толстой. В этот день А.Л. Толстая записала в дневнике: «<...> После обеда прохожу мимо библиотеки, сидят Лева с Катей. Увидав меня, Лева замолчал, а Катя сказала: “<...> Лева бранит меня за то, что я против смертной казни<...>”. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив А.Л. Толстой, п. 2-а, № 12. Л. 51. Автограф. См. также: *Толстая А.Л.* Дневники... С. 129.

Катя — Екатерина Васильевна Толстая (урожд. Горяинова; в первом браке — Арцимович; 1876-1959), вторая жена А.Л. Толстого.

¹³ Отношение Л.Л. Толстого к смертной казни менялось неоднократно. Еще в конце XIX века в очерках о Швеции Л.Л. Толстой бегло остановился на судопроизводстве в Швеции, где смертная казнь формально существовала, но «...уже много лет случаев ее здесь не было, благодаря власти короля ее отменять... Не только не надо убивать человека, но и нельзя его ненавидеть, потому что это такое же духовное убийство...». — См.: *Толстой Л.Л.* Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях. М., 1900 (обл. — 1901). С. 90.

Летом 1906 года, пережив революционную ситуацию и обдумывая ближайшее будущее России и мира, Л.Л. Толстой пересмотрел свое отношение к смертной казни и стал ее защищать. — См.: *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого (Записи за пятнадцать лет): В 2-х томах. М., 1922. Т. I. С. 178; *Маковицкий Д.П.* У Толстого... Кн. 2. С. 170.

¹⁴ *Илюшок* — Илья Андреевич Толстой (1903-1970), внук Л.Н. Толстого.

¹⁵ В дневнике А.Л. Толстой за 25 июля 1910 года есть такая запись: «<...> Ольга рассказала отцу (Льву Николаевичу. — *В.А.*) о сцене за завтраком. Сидим за столом: Ольга с

детьми, Лева, Варенька, Надя и я, мать лежит с закрытыми глазами на кушетке, завтракаем, для матери стоит кофе.

Лева протягивает руку за кофеем.

— Нельзя, это бабушкин, — говорит Илюшок, — ишь какой, хочешь бабушкин кофей выпить.

— Не смей мне делать замечаний, мало тебя пороли, — закричал на него Лева, разозлившись. А потом стал говорить о том, что он порет своих детей, даже маленькую Нину (2-х лет). — И вот Миша своих порет. Я тебя не могу пороть, ты не мой сын, а то, если бы ты не слушался, я бы тебя непременно порол.

— А я скажу дедушке и бабушке, чтобы тебя тоже пороли, — сказал Илюшок.

— Я очень жалею, что меня не пороли, — сказал Лева, — а теперь уже поздно.

— Нет, совсем не поздно, — сказал Илюшок.

— Неужели он считает, что надо пороть детей, — спросил отец, выслушав эту историю и назвав Илюшка молодцом. <...> — **ОР ГМТ**. Архив А.Л. Толстой, п. 2, № 12. Л. 1-1 об. Автограф. См. также: **Толстая А.Л.** Дневники... С. 103-104.

Ольга Константиновна Толстая (урожд. Дитерихс; 1872-1951) — первая жена А.Л. Толстого.

Варенька — Варвара Валерьяновна Нагорнова (урожд. Толстая; 1850-1922) — племянница Л.Н. Толстого.

Надя — Надежда Павловна Иванова (умерла в 1926 году), тульская знакомая Толстых.

Миша — М.Л. Толстой. См. о нем выше примеч. 29 к Главе 1.

Нине Львовне Толстой (в замужестве Лундберг [Lundeberg]; 1906-1987) в это время было *три с половиной* года.

¹⁶ Вероятно, Л.Л. Толстой имеет в виду книгу А.Л. Толстой «Трагедия отца» (Париж, 1937), которая первоначально вышла в переводе на английский язык, а чуть позже появилась в переводах на итальянский и французский. В книге младшей сестры Л.Л. Толстого, вероятно, задело то, что касалось его собственных взаимоотношений с родителями и, в первую очередь, упоминание о том, что С.А. Толстая больше всех любила его и в отдельных ситуациях явно принимала его сторону в ущерб другим детям, а также рассказ о страшном лете 1910 года. — См.: **Tolstoy A.** The tragedy of Tolstoy /Transl. by E. Varneck. New Haven, 1933. P. 6-8, 163, 169, 189, 225-229. См. также: **Tolstoy A.** The tragedy of Tolstoy. Transl. from Russian. London, 1933; **Tolstoi A.** La mia vita col padre. Milano, 1933; **Tolstoi A.** Ma vie avec mon père. Traduit du russe. Paris, 1933.

¹⁷ В.Г. Чертков. См. о нем ниже примеч. 21.

¹⁸ А.Л. Толстая в последнее лето жизни отца была свидетельницей многих сцен, которые С.А. Толстая устраивала в Ясной Поляне. Например, ей в память врезалась такая картина: «... Через несколько секунд она снова прибежала к нам в “ремингтонную”».

— ... Саша, ты говоришь, что я уморю отца, он уже умер для меня душой, а телесно мне все равно.

— Тебе все равно, а нам нет, пускай Таня и другие видят и знают, что ты с ним делаешь!

— А мне до вас дела нет!

— Так знай же, что нам не все равно! — закричала я, не помня себя от ужаса, обиды, гнева. — Мы, дети, не позволим тебе замучить отца до смерти!

— Бессильны, — с насмешливой злобой ответила она мне и вышла из комнаты». — См.: **Толстая А.** Из воспоминаний // **Современные записки**... Париж, 1932, № 50. С. 70. Ср.: **Толстая А.** Дочь... С. 161.

Таня — Т.Л. Сухотина-Толстая.

В дневнике А.Л.Толстой данный разговор записан 7 июля 1910 года. — *ОР ГМТ*. Архив А.Л.Толстой, п. 2, № 11. Л. 38 об.-39. Автограф. См. также: *Толстая А.Л.* Дневники... С. 75.

¹⁹ В 1929 году, воспользовавшись приглашением выступить с лекциями об отце в Японии, А.Л. Толстая покинула страну с твердым решением не возвращаться в СССР. В сентябре 1931 года она переехала в Америку, где первое время отчаянно бедствовала, а потом обзавелась фермой и начала работать на земле. — См.: *Неизвестная Александра Толстая* [Составители С.В. Светлана-Толстая, Ф.Э. Светлана; автор предисл., пер. с англ., ред. С.В. Светлана-Толстая]. М.: ИКАР, 2001.

²⁰ С.А. Толстая умерла в Ясной Поляне 4 ноября 1919 года. Об изменившемся отношении младшей дочери к ней в последние месяцы ее жизни см.: *Толстая А.* Отрывки из воспоминаний // *Современные записки...* Париж, 1934, № 56. С. 236-237. См. также: *Толстая А.* Дочь... С. 277-279.

²¹ В.Г. Чертков умер 9 ноября 1936 года.

²² И.Л. Толстой умер в Нью-Йорке 11 декабря 1933 года. — См. подробнее: *Толстая А.* Дочь... С. 540-542.

²³ Речь идет о Марте Кнудсен (Marta Elvia Knudson; Knudsen; Кнутсен; род. в 1885), дочери шведского инженера, служившего в Петербурге в лаборатории на одном из заводов братьев Нобелей с конца 70-х годов до 1918 года (<http://www.tng.lundhog.se/getperson.php?personID=I1501&tree=CHRISTL>).

В Яснополянской школе её звали Мартой Андреевной и она вскоре стала заместительницей А.Л. Толстой. После отъезда А.Л. Толстой из СССР Марта Кнудсен вернулась к родным в Швецию, а в середине 30-х годов приехала в Америку и стала сначала помощницей А.Л. Толстой на ферме, а потом и в Толстовском фонде. — См.: *Толстая А.* Дочь... С. 552-553.

А.Л. Толстая вспоминала о ней так: «... Кто может забыть Марточку, как мы называли Марту Кнудсен. Говорили, когда она что-нибудь делала, бетон разбивался. ... В ней всё было гармонично и интеллигентно.

... Марта всё умела. Шила, была удивительной кухаркой, учила, как выращивать цыплят, писала на машинке, но главное её занятие — это дети. Всё она делала без спешки, не торопясь, продумывая любой проект до мельчайших деталей. ...» — Цит. по кн.: *Светлана-Толстая С.* Послесловие // *Неизвестная Александра Толстая...* С. 156. См. также: *Массин М.* Истина – дочь времени: Александр Казем-Бек и русская эмиграция на Западе / [Пер. с фр. Н.М. Сперанской]. М., 2010. С. 368; *Moss S.* A history of the Tolstoy Foundation: 1939-1989. [N.Y., 1989]. P. 7 (http://www.tolstoyfoundation.org/pdfs/tf_history_s-moss_.pdf); *Tolstoy Foundation, Inc.*: History, aims and achievements. N.Y., 1976.

²⁴ Документ не датирован, но условно, на основании упоминания смерти В.Г. Черткова, его можно отнести к началу 1937 года. Письмо Л.Л. Толстого, на которое отвечает Александра Львовна, неизвестно.

Глава 6

¹ Название «Исповедь гр. Л.Н. Толстого: Вступление к ненапечатанному сочинению» появилось впервые в женевском издании М.К. Эллидина в 1884 году.

² Речь идет о трактате Л.Н. Толстого «Так что же нам делать?». Подготовленный Л.Н. Толстым для журнала «Русская мысль», он был в 1885 году запрещен цензурой. Впервые опубликован в 13-й части «Сочинений» Л.Н. Толстого, изданных С.А. Толстой в 1890 году в Москве.

³ Над трактатом «В чем моя вера?» Л.Н. Толстой работал в 1882-1884 годах. Размышление о заповедях Христа заняло в нем центральное место.

«... Все богословы говорят о заповедях Христа; но какие эти *заповеди*, я не знал прежде. ... Я не видел того, что в том месте, где Христос говорит: “вам сказано, а я говорю вам”, выражены новые определенные заповеди Христа, и именно по числу ссылок на древний закон (считая две ссылки о прелюбодеянии за одну), пять новых, ясных и определенных заповедей Христа.

Про блаженства и про число их я слыхал и встречал перечисление и объяснение их в преподавании закона божия; но о заповедях Христа я никогда ничего не слыхал. Я, к удивлению моему, должен был открывать их. ...

И вот вместо туманных, подлежащих толкованиям и произволу, неопределенных и неважных выражений открылась мне с стиха 21-28 простая, ясная и определенная первая заповедь Христа: живи в мире со всеми людьми, никогда своего гнева на людей не считай справедливым. ...

Вслед за первую заповедью с такою же ясностью открылась мне и вторая, начинающаяся также ссылкой на древний закон. ...

Стоит отбросить толкования и вместо туманного и неопределенного является определенная и ясная вторая заповедь Христа.

Не делай себе потеху из похоти половых сношений; всякий человек, если он не скопец, т.е. не нуждается в половых сношениях, пусть имеет жену, а жена мужа, и муж имей жену одну, жена имей одного мужа, и ни под каким предлогом не нарушайте плотского союза друг с другом.

...ясная, определенная, исполнимая третья заповедь: не присягай никогда никому ни в чем. Всякая присяга вымогается от людей для зла.

...четвертая заповедь была первая заповедь, которую я понял и которая открыла мне смысл всех остальных. Четвертая простая, ясная, исполнимая заповедь говорит: никогда силой не противься злему, насилием не отвечай на насилие: бьют тебя — терпи, отнимают — отдай, заставляют работать — работай, хотят взять у тебя то, что считаешь своим, — отдавай. ... И для меня стало очевидным, что, говоря: вам сказано: люби ближнего и ненавидь врага, а я говорю: люби врагов, Христос говорит о том, что все люди приучены считать своими ближними людей своего народа, а чужие народы считать врагами, и что он не велит этого делать. ...для бога все равны, на всех светит одно солнце, на всех падает дождь; бог не делает различия между народами и всем делает равное добро; то же должны делать и люди для всех людей без различия их народностей, а не так, как *язычники*, разделяющие себя на разные народы.

... Всё это было так просто, так ясно, что мне было удивительно, как мог я сразу не понять этого». — *ПСС*. Т. 23. С. 347, 351, 357, 360, 362, 365-366. Курсив *Л.Н. Толстого*.

Первое издание трактата «В чем моя вера?», выпущенное Л.Н. Толстым за свой счет в количестве 50-ти экземпляров, было арестовано и запрещено (1884). Впервые это сочинение Толстого стало доступно широкому кругу читателей после первой русской революции, когда оно было напечатано в журнале «Всемирный вестник» (СПб., 1906, № 2), а также вышло отдельной книжкой в издательстве «Посредник» (М., 1906).

⁴ Это изменение не осталось незамеченным Л.Н. Толстым. 21 января 1889 года в Москве он записал в Дневнике: «... Лева все сидит с нами — он растет». — *ПСС*. Т. 50. С. 25.

Бывший учитель сыновей Толстого Иван Михайлович Ивакин (1855-1910) при встрече с Львом Николаевичем в Румянцевском музее в начале 1889 года заметил:

«— ... А я Лелю вашего видел — какой он большой стал!

— Да, славный малый выходит. ...» — См.: *Толстой в 80-е годы*: Записки И.М. Ивакина / Публикация Н.Н. Гусева и В.С. Мишина // *Лев Толстой*: В 2-х кн. М.: Изд-во АН СССР, 1961 (*Литературное наследство*; Т. 69). Кн. 2. С. 100.

И.М. Ивакин занимался с Л.Л. Толстым с осени 1882 года, когда он вернулся в Ясную Поляну по болезни. 14 октября 1882 года С.А. Толстая упомянула об этом в письме Т.А. Кузминской: «<...> Лелю из гимназии взяли, он учится дома, Иван Михайлович его учит, и музыке и языкам он будет учиться. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской, № 3299. Л. 2 об. Автограф.

⁵ См. о них в примеч. 11 к Главе 3.

⁶ Речь идет о семье “наших Оболенских”, живших в доме жены надворного советника Анны Степановны *Каринской* в Гагаринском переулке на Пречистенке. — См.: *Адрес-календарь города Москвы на 1884 г.* М., 1884. С. 72, 400.

“Нашими Оболенскими” были помощник казначея московской городской управы, коллежский регистратор князь Леонид Дмитриевич *Оболенский* (1844-1888); его жена, племянница Л.Н. Толстого, Елизавета Валерьяновна (урожд. Толстая; 1852-1935); их дети: Николай (1872-1934), Мария (в замужестве Маклакова; 1874-1949), Александра (в замужестве Долинино-Иванская; 1876-1958), Михаил (1877-1941), Георгий (1880-1927), Наталья (в замужестве Абрикосова; 1881-1955), Вера (1886-1890). — *ПСС*. Т. 46. С. 492. См. также: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 110-113, 177-178 и др.; *Оболенская Е.В.* Моя мать и Лев Николаевич // *Л.Н. Толстой*[: В 2-х томах]. М: Изд-ние Гос. лит. музея, 1938. [Т. I] / Редакция Н.Н. Гусева (*Летописи Гос. лит. музея*; Кн. 2). С. 279-331.

Позднее семья переехала в дом на Плющихе, на углу Неопалимовского переулка. — См.: *Адрес-календарь города Москвы на 1887 г.*... Отд. II. Стб. 140; Отд. III. С. 13.

⁷ Коллежский асессор, член губернского распорядительного комитета, чиновник особых поручений при Московской казенной палате Николай Михайлович *Нагорнов* (1845-1896) был женат на другой племяннице Л.Н. Толстого, Варваре Валерьевне (см. о ней выше в примеч. 15 к Главе 5), и жил с семьей в Мало-Толстовском переулке. — См.: *Адрес-календарь города Москвы на 1884 г.*... С. 78.

В это время в семье *Нагорновых* было шесть детей в возрасте от одиннадцати лет до пяти месяцев: Валериан (род. в 1873 г.), Лиза (в замужестве Краснокутская; род. в 1875 г.), Борис (1877-1899), Татьяна (в замужестве Волькенштейн; во 2-м браке — Родненская; 1879-1976), Анна (в замужестве Володичева; 1881-1967), Николай (род. в 1884 г.). — *ПСС*. Т. 46. С. 493-495; Т. 83. С. 268.

Позднее семья надворного советника, члена городской управы Н.М. Нагорнова переехала в дом на Зубовском бульваре. — См.: *Адрес-календарь города Москвы на 1887 г.*... Отд. II. Стб. 29, 138; Отд. III. С. 48.

⁸ «Самая большая моя радость», — писал Л.Н. Толстой о дочери Маше в начале августа 1888 года И.Б. Файнерману. — *ПСС*. Т. 64. С. 180.

Позднее, 27 сентября 1889 года, в письме другу и единомышленнику Павлу Ивановичу Бирюкову (1860-1931) он мотивировал это тем, что Маша живет «...внутренней жизнью, т.е. истинной». — *Там же*. С. 309.

Отношение к сыну Льву было не столь однозначным. Так, 7 июня 1889 года Толстой записал в Дневнике: «... Приехал Лева. Недурной малый. Может выйти очень хороший. Теперь еще далек...» — *Там же*. Т. 50. С. 93.

Через несколько дней, 18 июня 1889 года, в письме П.И. Бирюкову оценка более мягкая: «... Лева приехал недавно, в студенческой фуражке, хочет поступать на медицинский факультет. Он после Маши ближе всех ко мне...» — *Там же*. Т. 64. С. 268. Эта же мысль в

письме О.А. Баршевой и М.А. Шмидт от 22 мая 1891 года: «... Ближе всех ко мне после Маши Лева. ...» — *Там же*. Т. 65. С. 304.

⁹ 2 мая 1883 года Т.Л. Толстая записывает: «... Он (папа. — В.А.) за чаем разбирал своих детей и говорил, что все мы глупы, т.е. что ни у кого из нас нет духовного и умственного интереса, которым бы мы жили, и что у Лели все-таки его больше, чем у остальных...» — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 75.

¹⁰ Эта точка зрения близка взглядам С.А. Толстой. 28 января 1901 года она записала: «... Сегодня известие от Маши бедной, что ребенок опять в ней умер и она лежит с схватками, грустная, огорченная, обманутая надеждой, как и Таня. Мне все время плакать хочется и ужасно, ужасно жаль бедных моих девочек, измороженных вегетарианством и принципами отца. Он, конечно, не мог предвидеть и знать того, что они истощаются пищей настолько, что не в состоянии будут питать в утробе своих детей...» — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 11.

М.Л. Оболенская скончалась в Ясной Поляне в ночь на 27 ноября 1906 года от воспаления легких. 8 декабря 1906 года С.А. Толстая подробно описала это трагическое событие, наложившее отпечаток на жизнь всей семьи: «... Тяжело выносятся такое горе... такие раны не заживают, а будут всю жизнь болеть. Лев Николаевич, вероятно, в глубине души очень страдает, но бодрит нас своим спокойным, мудрым отношением к смерти вообще и к кончине Маши.

Ужасная была болезнь: одну неделю продолжалось это крупозное, бурное воспаление левого легкого. Жар доходил до 41 и 3. Все время бред, неясная речь, совершенно запекшиеся уста и весь рот. Она почти не опоминалась, только да, нет, что? и несколько ласковых обращений к нам — вот все, что она проявляла. Умерла тихо, без агонии, такая грациозная и духовно и внешне. Ее посадили, потому что она задыхалась, голова немного набок, выражение нежного, исхудавшего лица кроткое и точно покорившееся неизбежности смерти.

Лев Николаевич держал ее руку, я стояла возле, муж ее плакал у ее ног, и вся семья, и вся прислуга была в двух комнатах. Тишина мертвая, изредка вздохи Маши, потом она икнула раз и затихла. Кроме Левы, хоронила ее вся семья.

И вот жизнь идет по-старому, но что-то внутренне совершенно изменилось. ...» — См.: «... *Жила с беспокойством в сердце о Льве Николаевиче*»: Письма С.А. Толстой к Е.Ф. Юнге / Публикация Н.И. Бурнашевой // *Яснополянский сборник 2000*: Статьи, материалы, публикации. Тула: и/д «Ясная Поляна», 2000. С. 164-167. См. также: *Hansson C. Masja*. Stockholm, 2015.

¹¹ По всей видимости, первые признаки болезни появились зимой 1893 года, когда даже Л.Н. Толстой заметил, что с сыном происходит что-то неладное. 25 февраля 1893 года он из Ясной Поляны, куда только что приехал Лев, написал в Москву С.А. Толстой: «... Лева не поправился, и мне жалко смотреть на него, как из такого жизнерадостного, красивого мальчика сделался такой болезненный. Хотя я надеюсь, что это пройдет. Духом он бодр и весел». — *ПСС*. Т. 84. С. 188. См. об этом ниже.

¹² Так, 14 мая 1892 года Л.Л. Толстой писал отцу: «<...> Я очень люблю все, что ты говоришь, но тебя я люблю еще больше<...>» — *ОР ГМТ*. Архив Л.Н. Толстого, п. 108/9, № 15. Л. 2. Автограф.

А через два месяца, 14 июля 1892 года, он более подробно объяснил свое отношение к отцу: «Милый папа, мне очень жалко и горько, что у нас вышло так нехорошо с тобой. Не сердись на меня и прости мне, если я доставил тебе страдание. Но это вышло против моей воли. Не думай также, что я когда-либо подделывался под твои взгляды, если я разделял их, то это было всегда совершенно искренно. <...>

Ты идешь своим путем, каждый из нас — своим. И я рад бы был идти вместе с тобой, слепо следовать за тобой, чтобы не огорчать тебя, но это была бы ложь, в этом не было бы никакой жизни, это было бы не то.

И потому я лучше, погибший, может быть, в твоих глазах, буду кататься на велосипеде и есть бифштексы в гусарском мундире, чем обманывать себя, тебя и других. Но знай, пожалуйста, и верь мне, ради Бога, что ты и то, что ты говоришь и чем живешь, теперь мне дороже всего на свете. Это правда, и я не обманываю себя<...>» — *Там же*, № 16. Л. 1-2. Автограф.

¹³ Мария Александровна Шмидт (1844-1911) — последовательница и единомышленница Толстого, друг всей семьи Толстых. — См. о ней: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания... С. 307-340.

¹⁴ См. о нем выше в примеч. 8.

¹⁵ Александр Никифорович Дунаев (1850-1920) — один из директоров Московского Торгового банка, близкий знакомый Л.Н. Толстого.

¹⁶ В начале 80-х годов, переехав в Москву и столкнувшись с ужасающей нищетой бедняков, Л.Н. Толстой пытался воздействовать на младших членов семьи, которые, с его точки зрения, еще не были развращены городской жизнью. См. его рукописные варианты к статьям «О переписи в Москве», «Московские прогулки», «Так что же нам делать?» и др. — *ПСС*. Т. 25. С. 611-653.

В архиве Л.Л. Толстого сохранился один из первых набросков воспоминаний, в котором есть такая запись: «<...> Я в ночлежном доме. <...>» — *ИРЛИ*, ф. 303, № 96. Л. 34. Черновой автограф условно можно датировать 1912-м годом. Подчеркнуто Л.Л. Толстым.

¹⁷ Весной 1889 года Л.Л. Толстой окончил Поливановскую гимназию и летом поступил на медицинский факультет Московского университета. — См.: *Сын и отец... //Лица...* Т. 4. С. 194.

¹⁸ Вероятно, речь идет о «Дневнике старого врача, писанном исключительно для самого себя, но не без задней мысли, что, может быть, когда-нибудь прочтет и кто другой». Мотивируя обращение к этому жанру на закате жизни, автор — выдающийся русский хирург и анатом Николай Иванович Пирогов (1810-1881) — заметил: «Пиша, делаешься смелее с собою и притом не даешь мысли распускаться в разные стороны и бродить; мысль при записывании превращается в нитку и ловчее тянется из мозга, чем при размышлении, без письма». — См.: *Пирогов Н.И.* Сочинения: В 2-х томах. СПб., 1887. Т. 1. С. 8.

Л.Л. Толстой зимой 1891 года читал «Сочинения» Пирогова. — См.: *Сын и отец... //Лица...* Т. 4. С. 214-216, 236.

¹⁹ См. подробнее: *Толстой Л.Л.* Семья и школа (Их настоящее и будущее). СПб., 1901.

Глава 7

¹ Иван Иванович Раевский-младший (1871-1931) — сын доброго знакомого Л.Н. Толстого Ивана Ивановича Раевского (1835-1891), студент Московского университета. Дети Толстых дружили с И.И. Раевским. О том, как старательно на первых порах Л.Л. Толстой тянулся за Ваней Раевским, известно из писем С.А. Толстой в Рим, где находилась в октябре 1889 года Т.Л. Толстая.

В архиве Л.Л. Толстого сохранилось письмо И.И. Раевского в Ясную Поляну, которое дает представление о характере их отношений в университетские годы:

Лев Львович!

Храм наук посетил. На филологическом факультете начали читать Троицкий и Ключевский; у нас еще никто не начинал; на медицинском фак<ультете> начал Столетов, и мы вместе с Петей были на вступительной лекции. Любопытно теперь ходить от одного профессора к другому на вступительные лекции и слушать восхваления каждой из наук перед всеми остальными. Были у графини, все здоровы, Андрюша с Мишей немало потешали нас с Петей рассказами о гимназии. Вчера Ната Фи<ло>соф<ова> выдержала экзам<ен> по русскому языку.

И. Раевский».

— **ОРГМТ**. Архив Л.Л. Толстого, № 119. Л. 1. Автограф.

Декан историко-филологического факультета ординарный профессор Матвей Михайлович *Троицкий* (1835-1899) читал курс логики.

Ординарный профессор Василий Осипович *Ключевский* (1841-1911) читал курс русской истории. См. о нем ниже.

...у нас... — И.И. Раевский перешел на естественное отделение физико-математического факультета. 14 сентября 1893 года С.А. Толстая в письме мужу из Москвы отметила: «... Ваня Раевский за лето спустил 37 фунтов, здоров и бодр; также прост, ясен и молчалив, как всегда. Очень интересовался Лёвой и выразил, насколько он это умеет, свою любовь к Лёве, вспомнил их первый медицинский курс. ...» — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 573. См. также: *Раевский С.* Пять веков Раевских. М.: Вагриус, 2005. С. 34.

Ординарный профессор Александр Григорьевич *Столетов* (1839-1896) читал курс опытной физики и вел физический семинарий. — См.: *Летопись Московского университета: 1775-1979*. М., 1979. С. 118-119; *Обозрение преподавания наук в Императорском Московском университете на осеннее полугодие 1889 года*. М., 1889. Отд. I. С. 1, 11; Отд. IV. С. 25-26.

...Петя... — Петр Иванович *Раевский* (1872-1920) впоследствии стал врачом. — См.: *Раевский С.* Пять веков Раевских... С. 32-34. См. также: *Материалы и исследования по Рязанскому краеведению: Т. 10: Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии*. Рязань, 2012. Вып. 7. С. 7.

...Ната... — см. ниже примеч. 14.

² Основоположник русской физиологической школы Иван Михайлович Сеченов (1829-1905) осенью 1889 года начал читать лекции по физиологии на старшем курсе медицинского факультета Московского университета. Поэтому первокурсник Л.Л. Толстой должен был получить специальное разрешение на посещение этих лекций. См. ниже примеч. 4.

И.М. Сеченов был великолепным оратором. Интерес к предложенному им новому курсу — «Физиологическое учение о чувствовании» — был столь велик, что первую лекцию известного ученого, прочитанную им 6 сентября 1889 года, позднее напечатал журнал «*Русская мысль*» (М., 1890. Кн. I. Отд. II. С. 1-15).

Сеченов определял чувствование как «одну из главных основ психического развития животных и человека». О его работе в Московском университете см. подробнее в статье: *Терехов П.Г.* Из истории физиологической науки: Материалы к биографии И.М. Сеченова (И.М. Сеченов в Московском университете) // *Физиологический журнал СССР*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. XL, № 5. С. 608-615. См. также: *Летопись Московского университета...* С. 120.

³ Подтверждение того, что Л.Л. Толстой не вписался в студенческую среду, см. в кн.: **Френкель З.Г.** Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 84.

⁴ По действующему положению, принятый в студенты и внесший плату в пользу университета до начала занятий должен был явиться к инспектору Сергею Васильевичу Доброву (1837-1902), получить от него свидетельство на жительство, экзаменационные правила и подать ему заявление о тех лекциях, на которые он желает записаться. — См.: **Справочная книжка «Русского календаря» А.С. Суворина на 1889 год.** СПб., 1889. С. 115.

⁵ Весной 1890 года Л.Л. Толстой, посоветовавшись с родителями, перевелся на другой факультет. 25 марта 1890 года в Ясной Поляне Л.Н. Толстой записал в Дневнике: «... Приехал Лева. Хорош. Хочет продолжать на филологическом. Я поговорил с ним». — **ПСС.** Т. 51. С. 31. См. также: **Сын и отец... //Лица...** Т. 4. С. 194, 198.

⁶ Летом 1903 года Павел Александрович Буланже (1865-1925) по просьбе Л.Л. Толстого наводил справки о возможности восстановления бывшего студента в Московском университете. 13 июля 1903 года он написал Л.Л. Толстому о том, что никаких внешних причин, мешающих вернуться без экзаменов на тот курс, с которого он уволился, нет. — **ИРЛИ,** ф. 303, № 202. Л. 8-8 об. Автограф.

Находясь в Ясной Поляне в июле 1903 года, Л.Л. Толстой делился с матерью планами переезда с семьей из Петербурга в Москву и поступления вновь на медицинский факультет. — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 95. Однако планам этим не суждено было осуществиться. См. об этом в **Книге II.**

⁷ В новый дом, купленный Л.Н. Толстым летом 1882 года у коллежского секретаря Ивана Александровича Арнаутова в Долго-Хамовническом переулке и перестроенный в соответствии с нуждами семьи, Толстые переехали 8 октября 1882 года. — **ПСС.** Т. 49. С. 164.

⁸ Граф Василий Александрович Олсуфьев (1831-1883) с семьей жил неподалеку, на Девичьем Поле. Сад его дома примыкал к саду Толстых. — См.: **Толстой С.Л.** Очерки былого... С. 136-137. См. также: **Толстой С.Л.** Друзья и знакомые нашей семьи / Публикация Т.Г. Никифоровой // **Яснополянский сборник 1986:** Статьи, материалы, публикации. Тула, 1986. С. 242-243; **Олсуфьев Д.А.** Вечный ковер жизни: Семейная хроника / Публикация, науч. редакция М.Г. Талалая. М.: Индрик, 2016. С. 321; **Кудинова Н.А.** Лев Толстой и графы Олсуфьевы // **Подмосковский летописец:** Ист.-краевед. альманах. М., 2009, № 3. С. 64-71; **Кудинова Н.А.** Лев Николаевич Толстой и графы Олсуфьевы // **Энциклопедия Дмитровского края** (http://info.dmmuseum.ru/tolstoy_i_olsufevi.html).

⁹ О влюбленности в Катю Олсуфьеву см. в дневниковой записи Л.Л. Толстого за январь 1882 года: «Елка. Танцую у Алсупьевых на Девич[ьем] поле.

Большой маскарад. ... тут третья дочь Алсуп[ьевых], Катя, кот[орая] мне страшно нравится. Она красивая, с чер[ными] волосами, глазами и косой! ...» — См.: **Сын и отец... //Лица...** Т. 4. С. 204.

Алсупьевы — вероятно, так в доме Толстых произносили фамилию Олсуфьевых.

¹⁰ Граф Дмитрий Адамович Олсуфьев (1862-1937) в конце августа 1931 года вспоминал в Медоне о своих родственниках и, в частности, заметил: «У Василия Александровича [Олсуфьева — В.А.] в 77 году были очень красивые пять старших дочерей, все голубоглазые блондинки. ...прелестная девочка Катя, в которую, как мне на днях

рассказывали Илья и Лев Толстые (сыновья Льва Николаевича), оба они были влюблены мальчиками. Катя умерла 13-ти лет. Лев Николаевич со своими был на ее похоронах». — См.: *Олсуфьев Д.А.* Вечный ковер жизни... С. 322.

¹¹ Одновременно в отрочестве Л.Л. Толстой был влюблен в княжну Лили Оболенскую (см. о ней выше примеч. 11 к Главе 3). В той же дневниковой записи читаем: «Лили не было, и мне скучно... Скучаю по Лили». — См.: *Сын и отец... //Лица...* Т. 4. С. 204.

¹² Дмитрий Дмитриевич Оболенский (Миташа; 1844-1931) — тульский помещик, охотник, знакомый Л.Н. Толстого, его корреспондент и адресат. С его слов в романе Толстого «Анна Каренина» описаны скачки. — См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 55. См. также: *Толстой С.Л.* Князь Дмитрий Дмитриевич Оболенский // *Воскресение: Историко-публицистический альманах.* Тула, 2001, № 4. С. 79-86.

¹³ Мария Александровна Эрдели (урожд. Кузминская; 1869-1928).

¹⁴ Наталия Николаевна Ден (урожд. Философова; 1872-1926) — дочь директора Московского училища живописи и ваяния — Николая Алексеевича Философова (1838-1895). Дети Толстых дружили с Философовыми. О приезде Н.Н. Философовой в Ясную Поляну в августе и ноябре 1890 года см. в Дневнике Л.Н. Толстого. — *ПСС.* Т. 51. С. 76, 103-104. См. также упоминание о ней в дневниковой записи, сделанной Л.Л. Толстым в Ясной Поляне 28 декабря 1890 года: «... Обедал, читал за обедом письмо от Наташи. Бедная натура, но хорошая девушка и очень милая...» — *Сын и отец... //Лица...* Т. 4. С. 210.

¹⁵ Вера Петровна Истомина (урожд. Северцова; Северцева; 1870-1917) — двоюродная племянница С.А. Толстой. Летом 1886 и 1887 года она часто бывала в Ясной Поляне. — См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 163.

¹⁶ См. о ней ниже в Главе 8.

¹⁷ 24 сентября 1918 года Л.Л. Толстой навсегда покинул Россию. См. об этом в **Томе 2**.

¹⁸ Сведений о Даше Чекулевой и ее родных найти не удалось. Однако среди яснополянских крестьян был Иван Орехов, по прозвищу «*Чиккуль*». У него было одиннадцать детей, в том числе сын Михаил. Возможно, Л.Л. Толстого запомнил имя Даши так, как его произносили на деревне. — См.: *Сафонова О.Ю.* Словарь яснополянских крестьян и их потомков, составленный по устным воспоминаниям *А.П. Головиной, М.П. Зябревой* и *Т.А. Румянцевой // Яснополянский сборник 2002...* С. 329-330.

Глава 8

¹ Л.Н. Толстой неодобрительно отнесся к этой поездке сына. См. его письмо к жене от 4 июня 1890 года (*ПСС.* Т. 84. С. 66), а также запись в Дневнике за 8 июня 1890 года: «... С Левого был разговор о его поездке. Я говорил ему, что он барич и что ему надо опомниться и покаяться. Он ничего не понял. ...» — *Там же.* Т. 51. С. 47.

Летом 1890 года Л.Л. Толстой с дороги регулярно писал в Ясную Поляну С.А. Толстой. Первая открытка — с почтовыми штемпелями Казани и Перми 14 июня 1890 года — написана и отправлена во вторник, 12 июня: «Пишу на пароходе «Колорадо» вечером <в> 11 часов. Освещено электричеством. Пароход меняет дно, глубину и выкрикивает однообразно футы. По берегам зажжены маяки, называющиеся здесь «перевальные столбы». Кругом ощущение воды, плеск, какой-то шорох. Поэтичные барышни сидят, облокотившись,

на палубе и любуются видом, луной, сегодня покрытой туманом. Люди едут скучные, играют в винт, едят стерлядей и читают путеводители. Я очень доволен, здоров. Завтра утром, среда, буду в Казани и выйду в 7 часов вечера в Уфу. Пишите сейчас на Уфу, до востребования». — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13835. Л. 1 об. Автограф.

...футы... — от англ. foot — ступня; единица меры длины, принятая во многих странах мира; 1 фут = 30,48 см.

...среда... — т.е., 13 июня 1890 года.

² Л.Л. Толстой был дружен с В.А. Берсом (1861-1907). После встречи с ним Л.Л. Толстой сообщил родным в Ясную Поляну: «Пишу от Вячеслава, т.е. со ст<анции> Теляки новой Уфа-Златоустовской ж<елезной> д<ороги>. Место здесь замечательное. Населения никакого. Лес на юг середь непролазные болота, кое-где ложные башкирские деревни и почти везде изобилие всякой птицы и зверя. Здесь олени, медведи, рыси, лебеди, гуси, так что охотничье сердце совсем теряется. На <реке> Белой, например, на пароходе мы то и дело видели у берега в камышах красивые лебединые шеи. Вячеслав часто выдает оленей, тетеревей и т.д. Здесь, кроме всего этого, тишина и такое спокойствие, что странно по временам делается, куда я попал. Вообще я здесь доволен. Только вы будьте живы и здоровы. Интересного, поучительного и полезного я <по>видал больше, чем ожидал. Прощайте. Целую всех и кланяюсь милым моим гимназистам и хозяевам, малым и большим. Пишите: Уфа, Казанская улица, контора движения Уфа-Зла<тоустов>ской ж<елезной> д<ороги>, Берсу, передать мне. Хочется написать Вам много, но чувствую, что сегодня не выйдет.

Лев.

18-го <июня 1890 года>». — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13837. Л. 1 об. Автограф.

...гимназистам... — в течение двух лет Андрей и Михаил Толстые готовились дома к вступительным экзаменам в гимназию Л.И. Поливанова, которые они оба успешно сдали в начале мая 1891 года. — *ПСС*. Т. 84. С. 79-80.

³ Л.Л. Толстой ошибся. В июне-июле 1890 года он на самом деле ездил в Уфу к «одинокому меньшому брату» С.А. Толстой. — См.: *Толстая С.А. Моя жизнь...* Т. II. С. 140-141.

А «дурно женат» был не Вячеслав, а Степан Андреевич Берс (1855-1910), служивший по судебному ведомству, восторженно относившийся к Л.Н. Толстому и написавший о нем еще в 90-е годы. — См.: *Берс С.А. Воспоминания о графе Л.Н. Толстом //Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников...* Т. 1. С. 174-193; 547-550.

Весной 1888 года С.А. Берс расстался с женой, Марией Петровной Берс (урожд. Романовой; умерла в 1892 году), которая часто жила в Ясной Поляне. — См.: *Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому...* С. 417, 420, 426. Вскоре он женился на Варваре Евгеньевне Голумбиевской (в первом браке Поздняковой; род. в 1862 году). В новой семье В.Е. и С.А. Берсов действительно было двое детей: Николай (род. в 1889 году) и Татьяна (род. в 1892 году). — См.: *Дневники Софьи Андреевны Толстой*: В 4-х вып. /Редакция и предисл. С.Л. Толстого; Примеч. С.Л. Толстого и Г.А. Волкова. М.: Сов. писатель, 1936. [Вып. 4:] 1910. С. 278. См. также: *Сафонова О.Ю. Род Берсов в России...* С. 35, 96-97.

⁴ Сведений о няне найти не удалось.

⁵ Л.А. Берс (урожд. Иславина; 1826-1886) — мать С.А. Толстой.

⁶ Железнодорожная ветка из Златоуста тянулась дальше в Миасс. Вероятно, Л.Л. Толстой в начале июля оказался в этом городке, на обратном пути в Теляки. 30 июня 1890 года по приезде в Златоуст он отправил в Ясную Поляну коротенькое письмо, в котором о пребывании в Миассе не упоминается, но намечен дальнейший маршрут путешествия:

«Милые друзья мои, как писал когда-то Карамзин с<о> своего путешествия, вообразите меня в Златоусте. Среди Урала, среди высоких гор стоит этот город на реке Ай! Ехали мы сюда, во-первых, на лошадях горами и лесами 62 версты. Замечательное в Златоусте — оруж<ейный> завод, кот<орый> мы осматривали, арсенал и завод — все очень интересно. Еще здесь высокие горы, на которые мы поедем завтра и с кот<орых> видны уже степи зауральские в Сибири. Пишу я из гостиницы, где мы остановил<ись>: Вячеслав, я и еще трое моих новых знакомых — 2 барышни и господин. Завтра воскресенье, 1-ое <июля>, по<едем> назад в Теляк<и> домой, а потом, как я уже писал, числа 5-го в Самару, а в конце июля уже домой по-настоящему. Что вы все-таки беспокоитесь, хотя не очень, опять всё гости, гости, гости и гости.

Целую всех.

Лев».

— **ОРГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 13838. Л. 1 об. Автограф.

...как писал когда-то Карамзин... — речь идет о «Письмах русского путешественника» Николая Михайловича Карамзина (1766-1826), первые фрагменты которых печатались в «Московском журнале» в 1791-1792 годах.

...всё гости... — летом 1890 года в Ясной Поляне жили Кузминские.

По приезде в Самару Л.Л. Толстой сообщил матери: «Пишу из Самары, из домика, где живет Кузнецов с семейством. У Бибикова целая орда кумысников, представляющих из себя каждый образчик самых обыкновенных людей самых разных слоев общества. Тут и студенты, и священники, и офицеры, и учителя гимназии, и гимназисты, и курсистки, и всякая другая <публика>. Спешу писать, потому что меня ждет ящик, привезший еще кумысника и едущий обратно в Богатое. Я здоров и думаю пожить здесь еще недели две.

Пишите <Самарская губерния>, Бузулукский уезд Патровской волости, хутор Бибикова, мне. Прощайте, будьте здоровы и пишите. Целую всех.

Лев.

10 июля <1890 года>». — **ОРГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 13839. Л. 1-1 об. Автограф.

Кузнецов — кумысник на хуторе Алексея Алексеевича *Бибикова* (1837-1914), бывшего управляющего самарским имением Толстых в 1878-1884 годах, позднее поселившегося там на своей земле. — См. о нем: **Соловьев К.А.** «Я сказал: вы — боги...»: Религиозное течение в освободит. движении 70-х гг. XIX в. в России («богочеловечество»). М., 1998 (2-е изд. — <https://topreading.ru/book-210342-konstantin-solovev-ya-skazal-vy--bogi...>); **Ровенский Г., Бибиков Н.** Родословная Бибиковых: К 700-летию дворянского рода Бибиковых. Фрязино, 1996. С. 79 (<http://www.nikolaybibikov.narod.ru/rodoslovnaja.html>); **Историко-культурная энциклопедия Самарского края**: Персоналии. Самара, 1993. Ч. 1. С. 128-130 (<http://forum.vgd.ru/?t=2750>); и др.

Станция *Богатово* (Богатое) Оренбургской железной дороги, от которой до самарского имения Толстых почта доставлялась на лошадях за 65 верст. — **ПСС**. Т. 66. С. 102, 152, 353; **Толстой С.Л.** Очерки былого... С. 140.

⁷ Лекции и исследования Ключевского (см. о нем выше примеч. 1 к Главе 7) имели большой успех. — См.: **Ключевский В.О.** История сословий в России: Лекции: I семестр 1886-87 учебного года [М., 1887]. См. также: **Ключевский В.О.** Курс новой русской истории от смутного времени до Екатерины II: В 2-х частях. М., 1883-84; **Ключевский В.О.** Новая русская история: 1613-1855: Лекции. М., 1888.

⁸ Павел Гаврилович Виноградов (1854-1925) — историк, профессор Московского университета. — См.: **Виноградов П.Г.** История Греции. М., 1889.

О том, что Л.Л. Толстой изучал эту книгу, см. его запись в дневнике от 30 декабря 1890 года. — **Сын и отец... //Лица...** Т. 4. С. 212.

⁹ В Москве Л.Л. Толстой часто болел. 12 февраля 1891 года он так объяснил С.А. Толстой ситуацию: «Милая мамá, Вы, кажется взволнованы и в тревожном настроении. <...> Я совершенно здоров, хотя все говорят мне, что я на минуту <?немного?> хуюеу, что меня смущает, и действительно, мое здоровье меня постоянно беспокоит. Но дело в том, что в Москве, особенно в университете, нельзя быть совершенно здоровым. Нет ни правильности жизни, ни физического труда, <ни> даже настоящего движения. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13852. Л. 1-1 об. Автограф.

Через несколько дней он вынужден был признаться: «Вчера телеграфировал Вам, что не еду сегодня, потому что у меня есть дела. Но я вообще не люблю обманывать и потому пишу сегодня, что я нездоров. В телеграмме ведь ничего истинного не напишешь. Сегодня второй день я в постели, жар и головная боль. <...> Еще раз прошу не беспокоиться и не приезжать сюда. Написал Вам всё добросовестно, потому что неприятно скрыватьсья.

Лев.

Суббота 16 февр<аля 18>91 г<ода>». — *Там же*, № 13853. Л. 1-2. Автограф.

Когда больной сын всё же приехал в Ясную Поляну, С.А. Толстая 2 марта 1891 года написала сестре, Т.А. Кузминской, в Петербург: «<...> Лева очень страшный, худой, стриженный, лицо все выбрито, и ест всё яйца и старается пить молоко, мнителен очень. <...>» — *Там же*. Архив Т.А. Кузминской, п. 26, № 3417. Л. 2 об. Автограф.

9 марта 1891 года Л.Л. Толстой вернулся в Москву. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 158; *ПСС*. Т. 52. С. 17.

¹⁰ Л.Л. Толстой попытался подготовиться к экзаменам, но сдать их весной он не сумел. 23 марта 1891 года он писал в Ясную Поляну: «<...>на шестой неделе <поста> у меня нечто вроде экзамена по греч<ескому> и лат<инскому> языкам>. Я не готовился и не буду, а скажу, что я, мол, болен был и потому прошу не делать мне проверки домашних чтений, а отпустить с миром и допустить к дальнейшим экзаменам. Если допустят и не придадут значения этому отказу переводить классиков, пожалуй, экзамен выдержу, потому что остальные предметы довольно интересные. Я читаю их теперь не без некот<орого> удовольствия, исключая, конечно, убийствен<ность> славянск<ой> грамматики. Если же на шестой неделе мне скажут: „довольно“, я скажу им то же <самое>: “да, довольно” и уйду. Уйдя же, я скажу про себя тихонько, как Мишка: “я посижу”, ибо я не сидел еще нравственно и умственно с 3-ьего класса гимназии. Все еду по шоссе и трясет, и шум, и пыль, хоть бы вызывали скорей, чтобы остановиться. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13856. Л. 2 об.-3. Автограф.

Мишка — младший брат, М.Л. Толстой, который не хотел поступать в гимназию и еще на год остался дома (см. выше примеч. 2). Аналогичная ситуация у Л.Л. Толстого была в 1882-1883 годах, когда отец забрал его из гимназии и он два года учился дома. — См.: *Сын и отец... //Лица...* Т. 4. С. 193, 197, 205.

Через месяц, 26 апреля 1891 года Л.Л. Толстой окончательно решил для себя бросить университет. В письме С.А. Толстой он мотивировал это так: «Дочел я свои лекции и увидел, что экзамена держать я не могу не только потому, что я плохо знаю, но также и, главное, потому, что я стар и вся эта процедура экзаменов мне до того противна, что я именно не могу, не то что не хочу или воображаю себе что-ниб<удь>, — проделывать всю эту комедию. Из этого следует, что теперь я уже решительно выйду из университета, что было неминуемо. Вы сами видели, что я хотел заставить себя заниматься и заставил до некот<орой> степени, но зубрить хронологию, имена, цифры и славянскую грамматику par-dessus le marché — этого уж я не вынес и никогда не вынесу. Что же я буду делать? Во-первых, я и не делал до сих пор ничего, так что, во всяком случае, хуже не будет. А во-вторых, год — воинская повинность. А потом? А потом, — это уже слишком далеко загадывать, и если даже загадывать, то все-таки, по-моему, лучше ничего не делать и не думать, что делаешь что-ниб<удь>, как в университете, — чем ничего не делать в <студенческом> мундире. Вот Вам — правда, думайте, что хотите; конечно, страшно, но что же делать, так уж суждено. Приеду на днях.

Прощение об отставке или как там говорится подам осенью и осенью же поступлю отбывать повинность в Петербурге в конн<ую> артил<лерию>, где был Мит<я> Олсуф<ьев>. Поэтому сейчас пишу Мише, прося сообщить мне адрес Мити. Вот вам и всё. <...>» — **ОРГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 13858. Л. 1-2. Автограф.

...par-dessus le marché... — к тому же, в довершение всего, сверх того (*фр.*).

Митя — Д.А. Олсуфьев (см. о нем выше в примеч. 10 к Главе 7), товарищ С.Л. Толстого по университету. В 1886-1888 годах он поступил вольноопределяющимся в конную артиллерию, вышел в отставку в звании подпоручика (<http://hram-podjachevo.pravorg.ru/usadba-3/>), а потом увлекся службой в земствах. — См.: **Последний из рода Олсуфьевых**: К 155-летию со дня рождения Д.А. Олсуфьева: Биобиблиогр. очерк. Камышин, 2017 (<http://www.mukcgbs.ru/Home/Details/4a00e566-150f-4c33-aa29-541624cb1bde>).

Миша — его брат, Михаил Адамович Олсуфьев (1860-1918), по окончании университета служил в земстве, в разные годы был членом и председателем Дмитровской уездной управы, уездным предводителем дворянства и председателем земского собрания (<http://dmkray.ru/usadba-nikolskoe-obolyaninovo.html>).

С.А. Толстая огорчилась, прочитав письмо сына. 29 апреля 1891 года она записала в дневнике: «... От Левы было грустное письмо, что он не хочет держать экзамен и выходит из университета. И Левочка и я, мы написали ему, что не советуем бросать университета, не определив себе ясно, что он будет делать, когда выйдет. Не думаю, чтоб он послушался. Пусть делает, что ему лучше, а поддержать всегда надо. ...» — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 1. С. 182.

В сентябре 1891 года Л.Л. Толстой под влиянием родных ненадолго вернулся в университет и держал свой “запоздалый экзамен с 1-го на 2-ой курс”. — **Там же**. С. 210. У него даже пробудился интерес к занятиям. Так, 25 сентября 1891 года он писал С.А. Толстой: «<...> Я начинаю убеждаться в том, что надо учиться, учиться и учиться. Столько интересного, необходимого знания, что надо забыть на время и Вас, и Ясную, и всё. Право, я это время в таком настроении, хотя не знаю, сколько оно продолжится и втянет ли меня по-настоящему. <...>» — **ОРГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 13873. Л. 1. Автограф.

Но тут в России стало окончательно ясно, что надвигается голод, и Толстые, в том числе и Лев Львович, начали свою борьбу с ним. См. об этом ниже в Главе 10.

¹¹ Л.Л. Толстой ошибся: делили на *девять* частей — С.А. Толстую и восемь человек детей. Л.Л. Толстой был сторонником раздела, «чтоб стать определенно на более бедную жизнь и знать, что у каждого есть». Так С.А. Толстая 29 марта 1891 года передавала мужу настроение сына. — См.: **Толстая С.А.** Письма к Л.Н. Толстому... С. 443.

Лев Львович не почувствовал состояние отца. 18 апреля 1891 года Л.Н. Толстой записал в Дневнике: «Мне приходится отступать от прежнего намерения — не признавать свое право на собственность, приходится дать дарственную. Маша отказывает[ся], разумеется, и ей неприятно, ч[то] ее отказ не принимают серьезно. ... Как мне тяготиться жизнью, когда у меня есть М[аша]! Лева и Таня тоже милы, но они лишены нравственно религиозного рычага, того, к[оторый] ворочает». — **ПСС**. Т. 52. С. 27. Раздел состоялся в июне 1891 года. — **Там же**. С. 38, 40, 42.

¹² См.: **Толстой С.Л.** Очерки былого... С. 180-181.

¹³ О неудовлетворенности Ильи своей долей см. записи в Дневнике Л.Н. Толстого от 25 июня и 4 августа 1891 года. — **ПСС**. Т. 52. С. 42, 48.

¹⁴ В 1897 году М.Л. Толстая вышла замуж за князя Николая Леонидовича Оболенского (1872-1934) и приняла свою долю наследства. По разделу ей полагалась средняя часть имения Никольское-Вяземское, которая, по договору с С.А. Толстой, была временно отдана

С.Л. Толстому с тем, чтобы он впоследствии выплатил сестре все деньги. — См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 180-181.

¹⁵ *Родник*: Иллюстрир. журнал для детей. СПб., 1891, № 4. С. 337-348.

«*Монтекристо*» — легкий винтовой карабин для охоты на дичь, из которого можно было стрелять дробью или облегченными пулями. Реклама этого карабина регулярно появлялась на страницах газет. — См.: *Русский инвалид*. СПб., 10 февраля 1872 года, № 32. С. 4.

27 сентября 1891 года Илья Ефимович Репин (1844-1930), незадолго до этого познакомившийся с 22-летним сыном Толстого, писал из Петербурга Т.Л. Толстой: «<...> Ах, кстати, я забываю все — передайте ему (Льву Львовичу. — *В.А.*), что его „Монтекристо“ очень понравилось моим детям, особенно Юре. <...>» — *РГАЛИ*, ф. 842, оп. 1, ед. хр. 37. Л. 15. Автограф. Курсив *И.Е. Репина*.

Юрий Ильич Репин (1877-1954) — художник.

Позднее Л.Л. Толстой включил этот рассказ в книгу «Для детей: Рассказы» (М., 1898. С. 1-13; 2-е изд., доп. — М., 1901. С. 1-13), а также в другие сборники.

¹⁶ *Книжки Недели*: Ежемесячный лит. журнал. СПб., 1891, № 3. С. 107-132.

¹⁷ 6 февраля 1891 года Л.Н. Толстой писал сыну: «Мама́ приехала очень довольная тобой, что всегда очень радостно, и рассказывала про твой детский рассказ. Мне нравится и сюжет, и не боязнь перед избитостью его. Ничто не ново и всё ново. — Интересно будет прочесть». — *ПСС*. Т. 65. С. 242.

Прочитав рассказ сына, Л.Н. Толстой 18 апреля 1891 года в Дневнике отметил: «Левин рассказ в Роднике не дурен». — *Там же*. Т. 52. С. 28. Позднее в письме М.А. Шмидт и ее подруге О.А. Баршевой он 22 мая 1891 года поделился своими впечатлениями: «... Опасно то, что он (Лева. — *В.А.*) написал 2 повести, одну детскую в Роднике „Монтекристо“ — хорошую, другую, тоже недурную по мысли, в книжке Недели под заглавием „Любовь“, подписано Львов. Он идет вперед, живет. Что будет, не знаю, но с ним мне радостно общаться». — *Там же*. Т. 65. С. 304.

¹⁸ С.А. Толстая записала в дневнике 22 апреля 1891 года: «... „Монтекристо“ Левочка и все очень хвалят. ...» — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 167.

¹⁹ Кто именно так назвал рассказ Льва Львовича, неизвестно. Возможно, это была А.А. Толстая, с нежностью и любовью относившаяся к «правнуку».

²⁰ Анатолий Федорович Кони (1844-1927) — выдающийся русский судебный деятель, литератор; в 1887 году он познакомился с Л.Н. Толстым и затем часто бывал у Толстых в Москве и в Ясной Поляне. Мнение А.Ф. Кони о рассказе Л.Л. Толстого неизвестно.

²¹ Артур Шопенгауэр (см. о нем примеч. 12 к Главе 1) писал: «... Первым делом... должна быть уничтожена анонимность, этот щит всяческого литературного негодяйства.

Еще Руссо сказал в предисловии к «Новой Элоизе»: “Tout honnête homme doit avouer les livres qu’il publie”, т.е. каждый честный человек должен подписывать свои статьи и книги...

...как полиция не допускает ходить в масках, так она должна бы не допускать анонимных писаний. Разве анонимность не есть надежное убежище всяческого литературного, а тем паче публицистического мошенничества? ...» — См.: *Шопенгауэр А.* Максимы и афоризмы: В 2-х томах. Пер. с нем. СПб., 1892. Т. II. С. 77-78. См. также: *Шопенгауэр А.* О писательстве и слоге... С. 21-23.

Ср.: «Каждый порядочный человек должен отвечать за книги, которые он издает». — См.: *Руссо Ж.-Ж.* Юлия, или Новая Элоиза. Пер. с фр. М.: Худож. лит., 1968. С. 25.

Прежде, чем Л.Л. Толстой принял точку зрения А. Шопенгауэра, он опубликовал под тем же псевдонимом “*Л. Львов*” еще один рассказ, «Илюшкины яблоки». — См.: *Родник*. СПб., 1893, № 1. С. 1-23. Этот рассказ неоднократно перепечатывался и под псевдонимом, и под собственным именем автора. — Ср.: *Сиротская доля*[: Сборник]. М.[: Посредник, типография И.Е. Ермакова; № 188], 1895 (цензурное разрешение СПб., 18 июля 1894 года; перепечатан в типографии Вильде в 1896 году, цензурное разрешение СПб., 27 марта 1896 года); *Толстой Л.Л.* Для детей: Рассказы. 2-е изд., доп. М., 1901. С. 14-37; и др.

Позднее Л.Л. Толстой упомянул сборник «*Сиротская доля*», изданный «Посредником», в числе своих книг, предлагаемых народным библиотекам. — См.: *Основной каталог книжного магазина фирмы «Доброе Дело»*... С. 19.

В 1912 году Л.Л. Толстой дал согласие напечатать этот рассказ бесплатно в издательстве «Посредник» в серии дешевых листовок. — См.: *Гриценко С.П.* Издательская деятельность Толстых // *Сюжеты интеллектуальной истории Тульского края*[: Сб. статей]. Тула, 2007. С. 77. Однако в каталоге издательства «Посредник» подтверждения этому нет. — См.: *Каталог издательства «Посредник»*: 1885-1915. М., 1915.

Глава 9

¹ См. об этом подробнее в кн.: *Толстая А.* Отец... Т. 2. С. 103-106.

² Л.Н. Толстой намеревался сделать это летом 1891 года. 11 июля он предложил первый вариант письма в газеты, однако С.А. Толстая отвергла саму мысль об этом. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 208-211.

16 сентября Л.Н. Толстой направил редакторам газет «Русские Ведомости» и «Новое Время» письмо с отказом от авторских прав на произведения, написанные после 1881 года и не вошедшие в собрания сочинений, издаваемые С.А. Толстой. — *ПСС*. Т. 66. С. 47. Опубликовано в газете «*Русские Ведомости*» 19 сентября 1891 года (№ 258. С. 3).

³ Л.Л. Толстой ошибся: он уехал из Ясной Поляны в начале *июля* 1891 года. Его первое письмо с дороги дышит радостью и оптимизмом молодости:

«Нижний Новгород
8 июля <1891 года>

Милые друзья мои и яснополянские жители, пишу вам из каюты парохода “Миссисипи”, которые стоит пока у пристани, а через 1,5 часа “отвалит” в Самару. Сегодня 8-ое, 10-го в 1 час дня я буду в Самаре и только 11-го утром на хуторе. Сейчас сижу у открытого окна и передо мной зеленые волны Волги, баржи, пароходы, лодки и т.д. Вон свистят два парохода, должно быть, отваливают от пристани, свистят минут пять и замечательно чисто берут терцию. Летают чайки, вода плещет под ногами, вот идет какой-то пароход “Свет” и тянет за собой на буксире несколько барок. Маленькая лодка улепетывает прочь и вон запрыгала по волнам от парохода. Хорошо. Красиво здесь и ново. Все кругом заполнено баржами, пароходами, барками с флагами, с высокими мачтами. На нашем пароходе, конечно, все устроено прекрасно. Электричество, звонки, пианино и т.д. Пассажиров едет немного. Письмо мое не идет и не выходит потому, что мне писать не хочется. <...>

Итак, передо мной зеленые волны плещут, летают чайки, проходят пароходы. Сейчас начнется выкиривание глубины, бросание канатов, распоряжения капитана. <...>

Прощайте, письмо вышло слабо, но вы обещали быть снисходительны. Наш пароход чудной, и у меня дрожит в груди от сильного звука. <...> Всем кланяюсь, кого никогда не целовал, остальных целую.

Лева.

Пароход отошел, выкрикивают шесть, шесть, шесть <футов>, пять, пять. Письмо опущу в здешний ящик, так что оно дойдет к вам не скоро.

Шесть, пять с половиной <футов>; пассажиры гуляют по палубе, сильный ветер, пароход идет мягко, и стенки кают чуть-чуть поскрипывают». — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 13859. Л. 1-2 об. Автограф. Курсив *Л.Л. Толстого*.

...берут терцию... — то есть одновременно раздаются гудки пароходов разной высоты.

По приезде в Самару вечером 10 июля 1891 года Л.Л. Толстой рассказал о происшествии, которое наложило отпечаток на все путешествие: «<...> На пароходе после Нижнего, откуда я Вам писал неудачное, кажется, письмо, я ехал прекрасно. Познакомился с пассажирами, конечно, без биографий, играл на пианино, ел ботвиньи и стерлядей, читал *Madame Bovary* и любовался на красивые берега Волги. Все это, конечно, было бы прекрасно, если бы не случилась маленькая неприятность. На пристани в Казани выгружали пароход. Бурлаки с песнями тянули за канат якорь, перетаскивая его с одного парохода на другой. Потом они стали перетаскивать с пристани большие тяжелые листы железа. Я стоял на палубе и смотрел. Один из рабочих обратился ко мне и сказал:

— Что, барин, хорошо на кораблях кататься?

Я не знал, что ответить.

Тем, было, и кончилось. Кажется, ведь пустяки, а вышло то, что мне еще труднее стало ехать “кататься на кораблях” и есть стерлядей.

Это все истинная правда, но правда также и то, что все-таки прекрасно ехать по Волге. Ночью я стоял на верхней палубе у штурвальной рубки и вместе с лоцманом с волнением смотрел вперед на “бакены”, которые горели на перекатах и мельях. С волнением, потому что страшно попасть на мель. Замечательно красиво ночью видеть эти разноцветные одинокие огни на воде или встретить ярко освещенный пароход, быстро проносающий мимо целый мирок людей. <...>» — **Там же**, № 13860. Л. 2 об.-3 об. Автограф. Курсив *Л.Л. Толстого*.

“*Madame Bovary: Mœurs de province*” — роман Гюстава Флобера (Flaubert; 1821-1880) «Госпожа Бовари: Провинциальные нравы» (1857).

⁴ См. о нем выше в примеч. 6 к Главе 8.

⁵ О Василисе Бибиковой сведений найти не удалось. — См.: **Ровенский Г., Бибилов Н.** Родословная Бибиковых... С. 81.

⁶ Не вполне точное цитирование русской пословицы: «Колос от колоса — не слышать и голоса». — Ср.: **Пословицы русского народа**: Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. **В. Даля**. М., 1862. С. 599.

В комедии Александра Николаевича Островского (1823-1886) «Не в свои сани не садись», которую Л.Л. Толстой безусловно помнил, образ разоренной деревни в реплике слуги Степана выглядит так: «...колос от колоса, не слышать девичьего голоса». — См.: **Островский А.Н.** Не в свои сани не садись: Комедия в 3-х действиях. М., 1853. С. 6. См. также: **Островский А.Н.** Полное собрание сочинений: В 16-ти томах. М.: Гослитиздат, 1949. Т. 1: Пьесы 1847-1854 (http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0034.shtml).

⁷ 14 июля 1891 года Л.Л. Толстой делился своими впечатлениями от увиденного: «Вот уже третий день, как я на хуторе. <...> В Богатое я приехал вечером. Ямщиков не было, и я насилу достал лошадей к 9<-ти> часам вечера, так что ехать пришлось ночью. Было очень холодно, но так красиво в степи с луной, что я всю дорогу не спал и отдался разного рода мечтаниям. <...>

На хутор я приехал часов в 10 утра<...>

Ал<ексей> Ал<ексеевич> тих, как всегда, и занят хозяйством.

<...>теперь про урожай и голод, чем здесь все заняты и озабочены.

Все выгорело так, что трудно собрать даже семена. Мужики бедствуют ужасно. Нанимаются работать за бесценок только для того, чтобы не умереть с голоду. В первый раз я вижу такое явление. К Ал<ексею> Ал<ексеевичу> нанялись рабочие по 1 р<ублю> 75<-ти> коп<еек> за десятину на его хлеба. В Патровке мужик нанял себе рабочих за 1 р<убль> 25 коп<еек> и пуд хлеба за десятину. Эти рабочие, когда кончили уборку, не только проели эти 1 р<убль> 25 коп<еек> и пуд за десятину, но еще приплатили хозяину по 15 копеек с человека за хлеб. Стало быть, чтобы работать, они платили, а не им платили. Вообще здесь — не то, что в Туле, — этот год, после ряда голодных годов, совсем пришибет народ. Вчера я говорил с патров<скими> мужиками и удивлялся их отношению к этому. Они бравируют сво<им> положение<м> и смеются над собой.

— Что ж, — говорят, — вот хлеб уберем, съедим в месяц, а там и издыхать будем.

Григор<ий> Макс<имович> сказал им на это, что правительство поможет им.

— Ну, это, — говорят, — опора плохая, на это нечего надеяться; какие там семена, да еще не всхожие дадут, вовсе без хлеба останешься.

Одним словом, положение здесь очень тяжелое, и утешение только в том, что человек из всякой беды выпутывается, или в том, что пускай, мол, мужики помирают, они всегда только и делают, что умирают, не физически, так духовно.

Так вот, рядом со всем этим, милая мамаша, есть и наше хозяйство. Оно заключается в том, чтобы тянуть с мужика его последние деньги, или скотину, или хлеб за ту землю, кот<орую> он у нас арендовал и которая ничего не принесла ему. Григор<ий> Мак<симович> — очень старается покупать так: задерживает в поле хлеб, сено, пока мужик не заплатит деньги, продавши скотину за бесценок. Так что Гр<игорий> Мак<симович> — очень хороший приказчик и обещается Вам доставить, если Вы не будете требовать теперь, весной тысяч 8-10. Мужики сымают (т.е., арендуют. — В.А.) землю. Пришла пора уборки. Денег у них нет, они платят нам хлебом. Весной мы продаем хлеб за двойную цену, и вот доход удваивается. Урожай нашего посева очень удовлетворителен в сравнении с другими, и он не только окупит расходы, но, может быть, и даст около 1000 рублей. Кроме того, луга и земли сданы тысяч за 8, так что, может быть, будет доход. Но все это очень гадательно.

Во-первых, Вы видите, как трудно брать с мужиков последнее, во-вторых, и урожай наш может дать гораздо меньше. Из этого всего, как всегда, я опять заключаю, что хозяйничать нельзя, потому что это сплошной грех, сплошное насильствие совести. Я обманываю себя, говорю, что это вовсе всё не так, как мне кажется, мужики врут, клячат, у них есть, чем заплатить мне, но когда отдашь себе отчет во всем этом, видишь, насколько ты не прав, и делается совестно.

Вчера я ездил в Бобровку смотреть свои будущие богатства. Отсюда верст 40. Мы приехали к мужику Жданову, одному из наших арендаторов, и пили у него чай. Он рассказывал нам, что они “обессилели” и хотят отказаться от аренды. <...>

Во мне пока сидят двое. Один, попросту сказать, хороший, другой дурной. Один видит и говорит, что скверно наживать себе состояние, знает, что от трудов праведных не наживешь палат каменных; другой алчный и довольно энергичный говорит, что вот выгода в чем, вот, где можно нажить себе денег, и выходит это у него очень соблазнительно и приятно. Эти два господина, несомненно, не любят друг друга. Не знаю, кто победит из них, пока знаю только, что они оба во мне, каждый заявляет свои права.

Вот почему не знаю, что будет со мной дальше и буду ли я в состоянии поощрять Гр<игория> Максим<овича> драть с мужика последнее. Пока, говорю, во мне сидят оба, и я, пожалуй, могу смотреть, как другой человек дерет; дальше не знаю.

Погода очень жаркая, и ночи тоже теплые. Сплю на дворе в телеге. В доме клопы и блохи миллионами. Степь кругом вся выжжена, и по одной траве можно скользит<ь>, как по льду. Мелькают суслики, летают ястребы, поспевают дыни на бахчах, жнут пшеницу. <...>

Прощайте, будьте здоровы и меня не ругайте за письмо. Всем поклон, всех целую.

Лев.

14 июля 91 г<ода>.

Ни в чем нельзя убедиться как следует, не испытав самому. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 13861. Л. 1-9 об. Автограф.

Алексей Алексеевич — А.А. Бибииков.

Григорий Максимович — приказчик в самарском имении Толстых.

Бобровка — деревня в Бузулукском уезде Самарской губернии.

Сведений об арендаторе *Жданове* найти не удалось. Но через два десятка лет о *кумысолечебнице Жданова*, открытой, вероятно, кем-то из его потомков в 15-ти верстах от станции Шафраново Самаро-Златоустовской железной дороги, знали многие больные далеко от этих мест. — См.: **Вся медицинская Москва**: Адресная и справочная книга /С приложением списка русских и заграничных курортов и санаторий: 1913 г. М., 1913. Стб. 371.

⁸ Л.Л. Толстой ошибся: Наследник Цесаревич (Николай Александрович Романов; 1868-1918) предпринял путешествие на Дальний Восток осенью 1890 года и *возвращался* в Санкт-Петербург летом 1891 года после неудавшегося покушения на его жизнь близ Киото 1 мая 1891 года. — См. об этом подробнее в кн.: **Кривенко В.С.** Путешествие Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича на Восток: От Гатчины до Бомбея. СПб., 1891.

⁹ Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич 26 июля 1891 года вечером прибыл в Оренбург, а 28 июля в 11 часов утра он был встречен в Бузулуке самарским и уфимским губернаторами, депутатами от дворянства, земства и городов Самары, Уфы, Бузулука и др., а также высшим духовенством. — См.: **Самарские губернские ведомости**. 3 августа 1891 года, № 59. С. 4; **Русская жизнь**. СПб., 5/17 августа 1891 года, № 210. С. 1. Вечером того же дня высокий гость отбыл в Уральск. По дороге Наследник Цесаревич остановился на ночлег в небольшом степном сельце Гаршино Ефимовской волости Бузулукского уезда Самарской губернии. Именно там специально к его приезду был построен новый дом, ночью залитый электрическим светом. Об этом Л.Л. Толстой упоминает в письме матери (см. ниже примеч. 15). Подробности поездки см.: **Самарские губернские ведомости**. 14 августа 1891 года, № 62. С. 3.

¹⁰ Эспер Эсперович Ухтомский (1861-1921) — поэт, журналист, с 1896 года редактор-арендатор газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Он изучал страны Востока и оставил подробное описание этой поездки. — См.: **Ухтомский Э.Э.** Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича 1890-1891: В 3-х томах. СПб.; Лейпциг: Брокгауз, 1893-1897.

¹¹ Точнее, С.Л. Толстой ездил в Самару по поручению матери. — См. ее запись от 16 июля 1891 года в кн.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 1. С. 199.

¹² Меновой или меновный двор возник в середине XVIII века в трех верстах к югу от Оренбурга как торговый центр для российских и азиатских купцов //(http://www.hrono.ru/land/russ/menov_dvor.html).

¹³ В 1891 году в Оренбурге действовало 5 соборных мечетей, построенных с 1746 по 1887 год. Самая древняя мечеть существовала с 1746 года на территории оренбургского менового двора (см. выше примеч. 12) и действовала до сношения ее в 1930 году. Вторая соборная мечеть открылась для верующих на территории Караван-сарая в 1846 году. — См.: **Оренбургские соборные мечети**: исторические // **Башкирская энциклопедия**. Уфа, 2015 (http://www.башкирская-энциклопедия.рф/index.php/ukazateli/2-statya/16652-orenburgskie-sobornye-mecheti); (http://mosgues-3.narod.ru/ural.htm) См. также: **Денисов Д.** Исторические мечети Оренбурга // **Мечети в духовной культуре татарского народа** (XVII в.-1917 г.):

Материалы Всерос. науч.-практической конференции. Казань, 2006. С. 53-72; *Денисов Д.Н., Моргунов К.А.* 130 лет Центральной соборной мечети Оренбурга. Оренбург, 2009. С. 3.

Именно в Караван-сарай из «Европейской» гостиницы отправились 24 июля 1891 года трое приезжих и сразу же привлекли внимание полицейских. См. ниже примеч. 15.

¹⁴ На маленького Нагима обратил внимание Л.Н. Толстой еще во время поездки на кумыс летом 1871 года. — *ПСС*. Т. 83. С. 189.

Теперь Нагим Акиров жил на участке рядом с самарским имением Толстых, готовил кумыс и помогал детям Толстых в конкретных делах, подобно упоминаемому в книге. Позднее Л.Л. Толстой вспомнил Нагима в кн.: *Толстой Л.Л.* В голодные года. М., 1900. С. 71-72 (см. о ней ниже).

¹⁵ Л.Л. Толстой не вполне точен. 23 июля 1891 года они с братом приехали в Оренбург и, судя по ответам С.Л. Толстого в полицейском участке, с помощью Нагима успели выбрать и купить лошадей. «...граф Сергей Львович предъявил две расписки сборщика менового двора, из которых видно, что им приобретена пара лошадей. ... Абулнагим Абыньмацанов Акиров завтра утром отправится в имение графов с указанными лошадьми. ...»

24 июля они отправились в Караван-сарай посмотреть мечеть. Лев Львович с Нагимом «ходили и спрашивали позволения у азанчи взойти на минарет», а Сергей ждал их внизу.

...*азанчи*... — служитель большой мечети, в обязанности которого входит пять раз в день призывать мусульман на молитву (*тюрк.*).

Л.Л. Толстой скептически отзываясь о готовности старшего брата отвечать на вопросы в полицейском участке. На самом деле, старший сын Л.Н. Толстого посчитал нужным именно официально обозначить свою позицию и свое несогласие с методами действия полицейских властей. С.Л. Толстой написал: «... Я принимал присягу в верности государю и в настоящее время служу земским начальником [5-го участка Чернского уезда Тульской губернии] и потому сомнения в том, что я мог иметь какие-то преступные намерения, не имеют ни малейшего основания; мои слова, может быть, были неосторожны, но были вызваны исключительно возмущившим меня подозрением. ...»

Ночным поездом 25 июля 1891 года братья Толстые покинули Оренбург. — См. подробнее подборку документов: *О высылке из Оренбурга сыновей Л.Н. Толстого* /Сообщил П. Десятерик // *Исторический архив*. М., 1961, № 4. С. 260-261.

В письмах Л.Л. Толстого об этом почти не говорится. Так, 31 июля 1891 года из Самары он сообщил следующее: «<...> Сейчас еду в Астрахань, оттуда в Баку, в Тифлис, в<о> Владикавказ, в Пятигорск, куда и пишите. Сережа рассказал Вам о наших с ним странствованиях и приключениях. <...> Писать про то, как мы встречали Наследника, не буду, может быть, Вам Сережа уже кое-что рассказал. Вообще это было весьма поучительно и интересно. Народу в селе тысячи, все смутно надеются, чего-то ждут, и вот опять все уехали, все тихо, а хлеба нет по-старому. Электричество, обед в 8 блюд, особенный дом, а рядом нет ничего. Положим, у нас в Ясной то же <самое> и везде то же <самое>, но здесь этот контраст особенно резок. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13863. Л. 1-2 об. Автограф.

...*особенный дом*... — возможно, Л.Л. Толстой не так болезненно бы реагировал на прием, оказанный местными властями Наследнику Цесаревичу, если бы знал, что во время его визита уже обсуждался вопрос об открытии в этом здании земской школы и ходатайстве открыть в ней также и земское училище. — См.: *Журналы Бузулукского уездного земского собрания* сессий: чрезвычайных 20-го февраля..., 7-го сентября и 28-го ноября 1891 года. Самара, 1892. С. 110.

¹⁶ С дороги Л.Л. Толстой 4 августа 1891 года отправил закрытое письмо (“секретку”) в Ясную Поляну: «Астрахань. Широкая Волга. Фрукты ни по чем. Виноград, дыни, арбузы. Сейчас еду в море на пароходе Кав<казского> пар<оходства> “Цес<аревич>

Александр” до Баку. Вчера получил неприятное известие, что на Военно-Грузинской дороге обвал и проезда нет. Должно быть, если так, придется Пятигорск и катания оставить. <...> В море грозят нам мертвой зыбью и морской болезнью. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 13864. Л. 1-1 об. Автограф.

¹⁷ Следовательно, в Баку Л.Л. Толстой приплыл 7 августа 1891 года. В этот день, «в 10 часов утра, в пригороде Баку над Биби-Эйбатским нефтяным месторождением показались огромные клубы дыма, вскоре покрывшие почти все небо черною тучей. Можно было предположить, что горели биби-эйбатские промысла Таниева или его завод. К счастью, предположение не оправдалось, и пожар, несмотря на грандиозный размер, никакого ущерба Тагиеву не нанесет. Горело нефтяное озеро на берегу моря, возле лагеря расположившегося здесь сальянского кадрового батальона. Дело в том, что 6-го августа, на промыслах Тагиева ударило четыре новых фонтана; все амбары оказались переполненными, и нефть широкой рекой была отведена в море, где ... образовалось целое озеро, которое и загорелось.

...пожар возобновился...» — См.: **Нефтяной пожар //Каспий**. Баку, 8 августа 1891 года, № 170. С. 1-2. См. также: **Новости нефтяного дела //Бакинский торгово-промышленный листок**. 18 августа 1891 года, № 178. С. 1.

Сын башмачника, ученик каменщика, арендовавший землю в предместье Баку вместе с двумя компаньонами и начавший там бурить скважину, Гаджи Зейналабдин *Тагиев* (1823-1924!) дождался того момента, когда из скважины забил нефтяной фонтан. Построив завод вблизи этого места, Г.З. Тагиев через некоторое время, в 1898 году стал одним из директоров английской фирмы «Борн» (Бакинское общество русской нефти) и способствовал развитию в Азербайджане нефтяного промысла, транспорта, промышленности, открытию школ, больниц и театров (https://www.ourbaku.com/index.php/Тагиев_Гаджи_Зейналабдин_миллионер_и_меценат).

...сальянский кадровый батальон... — 206-й резервный пехотный батальон, расквартированный в Сальянском районе на юге Азербайджана (<http://regiment.ru/reg/II/B/206/1.htm>) (https://www.ourbaku.com/index.php/206-й_пехотный_Сальянский_полк)

¹⁸ Неделю спустя, 12 августа 1891 года в Ясную Поляну было отправлено короткое сообщение: «Пишу из Владикавказа. <...> Море, горы <...> захлебнуться можно от восторга. По Военно-Грузинской дороге я пробрался с большим трудом и даже опасностью. Двадцать верст пешком по скалам на четвереньках. <...> Всех целую, кланяюсь Ясной Поляне со всем, что в ней есть. <...> Завтра еду в Пятигорск и Кисловодск. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 13865. Л. 1-1 об. Автограф.

Других писем с дороги не было. В конце августа 1891 года Л.Л. Толстой вернулся в Ясную Поляну. — См.: **Толстая С.А. Дневники...** Т. 1. С. 199-208.

¹⁹ Антон Григорьевич Рубинштейн (1829-1894) — выдающийся русский пианист, композитор, дирижер. В июне 1891 года он приехал на гастроли в Тифлис и оттуда отправился в Одессу к матери. — См.: **Баренбойм Л.** Антон Григорьевич Рубинштейн: Жизнь, артистический путь, творчество, музыкально-обществ. деятельность: В 2-х томах. Л.: Музгиз, 1962. Т. 2. С. 389-390.

Судя по сообщениям одесских корреспондентов, внимательно следивших за кавказскими гастролями А.Г. Рубинштейна, 12 августа 1891 года он дал в Тифлисе свой прощальный концерт и на следующий день отправился в Батуми. 19 августа он прибыл в Одессу повидаться с матерью и через несколько дней уехал в Дрезден. — См.: **Одесские новости**. 23 августа/4 сентября 1891 года, № 2038. С. 2-3.

Л.Л. Толстой сел на пароход «Пушкин», на котором плыл А.Г. Рубинштейн, уже в Севастополе.

²⁰ Калерия (Клара) Христофоровна Рубинштейн (урожд. Левенштейн; род. в 1807 году) умерла в Одессе 15 сентября 1891 года, через несколько недель после встречи с сыном. — *Там же*, 17/29 сентября 1891 года, № 2061. С. 1. См. также: *Рубинштейн А.Г.* Литературное наследие: В 3-х томах. Т. 3: Письма 1872-1894; Лекции по истории фортепианной литературы. М.: Музыка, 1986. С. 118-120, 233.

²¹ Первая строчка романса «Сомнение» Михаила Ивановича Глинки (1804-1857) на стихи Нестора Васильевича Кукольника (1809-1868). — См.: *Русские песни и романсы*. М.: Худож. лит., 1989. С. 204-205.

²² Речь идет о семье графа Михаила Дмитриевича Толстого (1804-15.10.1891), бывшего еще в 1863 году одним из 17 почетнейших граждан Одессы. — См.: *Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1891 год*. Одесса, 1890. С. 124, 170, 244, 255; *Одесса: 1794-1894: К 100-летию города*. Одесса, 1895. С. 88, 90-92, 100, 285. См. также: *Одесса и Толстые: Жизнь и деяния на благо города* (<http://science-house.odessa.ua/tolstye-i-odessa.html>).

²³ Еще в начале сентября 1891 года Л.Л. Толстой писал из Ясной Поляны в Москву, где жила с младшими сыновьями С.А. Толстая: «<...> Погода дождливая сегодня, но мы с Фомичом нашли 3-х вал<ь>дшнепов. <... В> воскресенье курьерским я думаю ехать к Вам, надо начинать лекции. Впрочем, не ждите очень, прилетел вал<ь>дшнеп, и если завтра найду много — останусь еще дня два. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13866. Л. 1-1 об. Автограф.

Михаил *Фомич* Крюков (1852-1918) — буфетчик в семье Толстых.

Л.Л. Толстой приехал в Москву 8 сентября 1891 года. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 446.

О том, что уже через год охота приняла для Льва Львовича характер демонстративного противостояния отцу, см.: *Жиркевич А.В.* Встречи с Толстым: Из дневника // *Л.Н. Толстой: В 2-х книгах*. М.: Изд-во АН СССР, 1939 (*Литературное наследство*; Т. 37-38). [Кн.] II. С. 438. См. также: *Жиркевич А.В.* Встречи с Толстым: Дневники, письма. Тула: и/д «Ясная Поляна», 2009. С. 199-200, 203-204.

²⁴ См. о ней в Главе 7.

Глава 10

¹ По утверждениям историков, голод 1891 года был на самом деле небывалым в России по масштабам народного бедствия и его последствиям. В ноябре 1890 года министр финансов Иван Алексеевич Вышнеградский (1831-1895) робко предупредил, что предстоит крайне печальный год, но об этом вспомнили слишком поздно. Размышляя об этом в октябре 1891 года, философ, поэт, публицист и критик Владимир Сергеевич Соловьев (1853-1900) утверждал: «Эти знаменательные слова такого компетентного лица были приняты у нас за какую-то загадку или непостижимое пророчество и затем были сейчас же забыты. У нас были, должно быть, более важные дела...» — См.: *Соловьев В.С.* Наш грех и наша обязанность // *Соловьев В.С.* Собрание сочинений: В 10-ти томах. СПб., 1912. Т. V. С. 443.

Правительство оказалось совершенно не подготовленным к случившемуся и долгое время ничего не предпринимало даже тогда, когда газеты, в том числе и такие одиозные, как «Московские ведомости», были вынуждены из номера в номер печатать «Письма о голоде» из самых разных уголков огромной империи. — См. об этом подробнее: *Абросимова В.* «...рассказать жизнь, как она была...» (Из писем Эмилия Диллона к Л.Н. Толстому) // *Вопросы литературы*. М., 1989, № 11. С. 134-142.

Сопоставим два факта: 18 сентября 1891 года Л.Н. Толстой принял решение открыть столовые для голодающих (ПСС. Т. 52. С. 53-54) и уже начал работать на голоде — и только через два месяца, 17 ноября 1891 года Император Александр III (Александр Александрович Романов; 1845-1894) распорядился учредить Особый Комитет для помощи нуждающимся в неурожайных местностях под председательством сына, Наследника Цесаревича. — См.: *Московские ведомости*. 25 ноября 1891 года, № 326. С. 3.

² Л.Л. Толстой не сразу подхватил инициативу отца по организации помощи голодающим. Так, 19 сентября 1891 года он писал С.А. Толстой из Москвы:

«Милая мамá, сегодня день для меня полон интереса, а с Вашими письмами стало еще больше новостей. Утром, во-первых, я прочел в газетах заявление папá и возрадовался. Раз уже напечатано оно, я очень доволен и как-то смелее можно смотреть в глаза людям. Хорошо ли сделал папá, что его напечатал, что Вас рассердил, я не знаю, но раз все это кончено, то и заявление приятно. <...> То, что папá, наконец, понял голод, меня обрадовало больше всего. Мне досадно было, что он так относится к нему, и я приписывал это тому, что в Ясной у нас хороший урожай, а то бы он не мог обойтись одними рассуждениями. Я здесь написал немножко резко, но я не хочу ничего доказать, и это вышло нечаянно. Хочет ли папá пойти пешком, как он думал, по местам неурожая? Если удастся, мы думаем это сделать с Маклаковым в ноябре.

Народные столовые — мысль отличная, но вряд ли устроят это практически наши помещики. И сомнительно также, чтобы Поляковы, Гагарины и т.д. “от чистого сердца” взяли бы за это. Конечно, для того, чтобы заговорили о них, для папá они согласятся, и выйдет то, что и требуется доказать, — деньги и хлеб. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13861. Л. 1-2. Автограф.

...заявление папá... — см. выше примеч. 2 к Главе 9.

Василий Алексеевич *Маклаков* (1869-1957) в то время был студентом юридического факультета Московского университета.

...*Поляковы*... — речь идет о братьях Поляковых, один из которых (Яков Соломонович; 1832–1909) был крупным таганрогским банкиром; другой (Самуил Соломонович; 1837–1888) был строителем железных дорог, в том числе и Козлово-Воронежской. Младший брат (Лазарь Соломонович; 1842-1914) был основателем банкирского дома, учредителем двух акционерных обществ (Московского лесопромышленного товарищества и Московского домовладельческого общества). Его личное состояние в начале 90-х годов оценивалось в несколько десятков миллионов рублей. — См.: *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России 1860-1914 гг.: Очерки по истории частного предпринимательства. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2006. С. 99-144; *Боханов А.Н.* Крупная буржуазия России: Конец XIX в.- 1914 г. М.: Наука, 1992. С. 64-66, 70-71, 134, 142-143; *Семья Поляковых* / [Составление, предисловие Л. Васильевой]. М.: Атлантида, [1995]; *Слиозберг Г.Б.* Дела минувших дней // *Евреи в России: XIX век* [Сборник]. М.: НЛО, 2000. С. 454-466, 482, 491; *Фоменко С.* Поляковы: Финансовая империя российских Ротшильдов. М.: Бизнеском, 2011.

Гагарины... — землевладельцы, князья, потомки действительного кавалера и камергера князя Сергея Васильевича Гагарина (1713-1782), которые с конца XVII века владели частью села Сергиевское Чернского уезда Тульской губернии. После смерти князя Сергея Сергеевича Гагарина (1832-1890) его вдова, княгиня Вера Федоровна Гагарина (урожд. графиня Пален; 1835-1923) продолжила обустройство больницы, трех школ, домов для медицинского персонала, электростанции, «Дома рукоделья» для девушек всех сословий и «Черного двора», в котором были открыты мастерские для молодых людей, желавших получить профессию. — См.: *Новиков Б.* Из прошлого Сергиевского — Плавска // *Над рекой, над Плавой*: Книга о прошлом и настоящем города и района. Подольск, 2001. С. 8-20; *Кондюк О.* Княгиня Гагарина — благородная меценатка или несчастная женщина? (<https://shkolazhizni.ru/biographies/articles/13549/>); *Попов В.* Княгиня-евангелистка // *Решение*

(<https://reshenie.vcc.ru/magazine/issues/a402013/view/article/150055>).

25 сентября 1891 года Л.Л. Толстой писал в Ясную Поляну о своем безусловном намерении продолжать учебу. См. выше примеч. 10 к Главе 8.

³ *Толстой Л.Л.* Вечер во время голода (Очерк) // *Книжки Недели*. СПб., 1897, № 7. С. 29-62; *Толстой-сын Л.* Записки из эпохи голода 1891-92 годах // *Вестник Европы*. СПб., 1899, №№ 6-7.

⁴ *Толстой Л.Л.* В голодные года (Записки и статьи). М., 1900 (на обл.: В голодные годы., 1901). Курсив мой. — В.А. (см. также выше примеч. 14 к Главе 9).

⁵ Документ этот в архиве Л.Л. Толстого не сохранился. Однако в книге, посвященной работе на голоде, есть фрагмент этого письма А.А. Бибикова: «Я отвечаю вам на ваш вопрос, что у нас делается. Вы сами видели урожай нынешнего года. То, что мы предполагали, наступило. Ни у кого нет хлеба уже давно. Земство помогает недостаточно. Народ распродает скот, имущество, сбрую, платье и ходит, друг у друга прося милостыни. Начинаются болезни, воровство и все последствия голодания. Чувствую полное бессилие помочь им. Приезжайте к нам. Может быть, удастся вам хоть что-нибудь сделать. Чем все это кончится, трудно предвидеть». — *Там же*. С. 10.

⁶ В начале октября 1891 года Л.Л. Толстой писал В.Г. Черткову, с которым он тогда делился своими планами: «Милый друг Дима. <...> Я теперь занят совсем другим и думаю, что мне сидеть здесь, в Москве, при таком положении крестьян у нас хоть в самарских деревнях, совсем невыносимо. Думаю ехать в Самару, делать, что можно, и вообще начать жить и действовать, как мне кажется нужным, а не как кажется другим. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив В.Г. Черткова, № 60115. Л. 1-1 об. Автограф.

Однако родным он не сразу решился написать об этом. 11 октября 1891 года он сообщил С.А. Толстой в Ясную Поляну о том, как идет учеба у младших братьев и у него самого, и закончил коротенькое письмо так: «<...> Потом поеду в Самару. Я сделаю это во что бы то ни стало. Иду в университет. Цел<ую> всех.

Лева».

— *Там же*. Архив С.А. Толстой, № 13878. Л. 1 об. Автограф.

16 октября 1891 года С.А. Толстая с огорчением записала в дневнике: «Лева вдруг загорелся ехать в Самару по случаю голода». — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 216.

Через неделю С.А. Толстая приехала в Москву и после беседы с сыном так описала свое впечатление мужу в Ясную Поляну 23 октября 1891 года: «Он стремится всеми силами куда-то, и почему-то ему кажется, что в Самаре он может что-то сделать. Впечатление то, что учиться он в университете, главное, не хочет, а может быть, и не может, что ему нужны впечатления и разнообразие их. Поездка его совершенно неопределенная; вряд ли он что сможет написать или сделать. Просил он 200 рублей, стало быть, только на дорогу и на прожитие. Сам он весел, как будто доволен всем, и мне очень жаль, что он уезжает...» — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 448.

25 октября 1891 года, взяв отпуск в университете, Л.Л. Толстой уехал в Ясную Поляну, а оттуда в Патровку, чтобы там, в Самарской губернии, наладить столовые для голодающих крестьян и раздачу хлеба.

⁷ Первое упоминание о голоде появилось в Дневнике Л.Н. Толстого 25 июня 1891 года: «... Все говорят о голоде, все заботятся о голодающих, хотят помогать им, спасать их. И как это противно! Люди, не думавшие о других, о народе, вдруг почему-то возгораются желанием служить ему. Тут или тщеславие — высказаться, или страх; но добра нет. ...» — *ПСС*. Т. 52. С. 43.

Но приезжали очевидцы, рассказывали о бедствиях, горевали о конкретных случаях, когда они были бессильны что-либо сделать для крестьян. И Толстой принял решение открыть столовые для голодающих.

Статью «О голоде» он писал на фоне работы над трактатом «Царство Божие внутри вас» с его полным и безоговорочным отрицанием государственности. 8 октября 1891 года Л.Н. Толстой делился своими сомнениями с одним из единомышленников, Михаилом Александровичем Новоселовым (1864-1938): «... Пишу теперь о голоде. Но выходит совсем не о голоде, а о нашем грехе разделения с братьями. ...» — *Там же*. Т. 66. С. 52.

В конце октября 1891 года Л.Н. Толстой вместе со своими помощниками — дочерьми Марией и Татьяной, племянницей В.А. Кузминской (см. о ней выше примеч. 11 к Главе 3) и портнихой Марией Кирилловной Кузнецовой (род. в 1867 году) — уехал в имение своего друга И.И. Раевского, в деревню Бегичевка Данковского уезда Рязанской губернии. — *Там же*. Т. 52. С. 57; Т. 84. С. 89-91; *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 226-232. См. также: *Кузнецова М.К.* 12 лет в доме графа Л.Н. Толстого // *Новые материалы о Л.Н. Толстом*: Из архива Н.Н. Гусева /Ред. А.А. Донсков. Ottawa, 2002. С. 213-222 (<http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/ts4/ts42213-.htm?cmd=p>)

⁸ В период 1889-1892 годов Л.Л. Толстой был одним из активных последователей и помощников отца. Об этом свидетельствует его участие в подготовке окончательной редакции статьи Л.Н. Толстого «Первая ступень» (*ПСС*. Т. 29. С. 384) и самостоятельная работа на голоде. Постепенно он научился хозяйствовать в труднейших условиях общей беды, о чем свидетельствуют его письма С.А. Толстой из Патровки.

30 октября 1891 года сразу же по приезде в Самару Л.Л. Толстой писал матери в Москву: «<...> Еду сегодня в Богатое. Дела плохи на счет неурожая, даже очень. Писать подробностей не буду. Не знаю, что можно будет сделать. Конечно, немного. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13879. Л. 1 об. Автограф.

Освоившись немного, он 11 ноября 1891 года был чуть более точен в оценке случившегося: «Пишу с хутора Алексея Алексеевича Бибикова». Сейчас еду в Патровку. Вчера был в Гавриловке. Если копнуть эту муравейную кучку народного бедствия, получается такая страсть, что жутко делается. Не знаю, что удастся собрать в Москве. Нужда такая, что необходимо, чтобы поддержать мало-мальски крестьян, — очень многое. <...>» — *Там же*, № 13880. Л. 1 об. Автограф.

Показательно, что в эти годы возникает критическое отношение к матери, которое впоследствии уступит место оправданию любого её поступка. В качестве примера можно привести отрывок из письма Л.Л. Толстого отцу от 21 апреля 1892 года, в котором упоминается работа Толстого над трактатом «Царство Божие внутри вас»: «<...> Мама пишет мне, что в новом твоём сочинении, кажется, крайности и что это так себе что-то большое, скучное, а главное, опасное и неприятное. Это отношение, поверхностное и жалкое, мне объяснило в этом письме, насколько мало мама тебя понимает. Она и не может никогда понять то, что ты говоришь. <...>» — *Там же*. Архив Л.Н. Толстого, п. 108/9, № 12. Л. 2 об. Автограф.

⁹ П.И. Бирюков (см. о нем выше примеч. 8 к Главе 6) в 1891-1892 годах работал на голоде вместе с Толстыми в Рязанской и Самарской губерниях. 8 марта 1892 года Л.Л. Толстой писал о том, что П.И. Бирюков принял на себя заведование столовыми в селе Покровка неподалеку от Патровки. — *Там же*. Архив С.А. Толстой, № 13901. Л. 1 об. Автограф.

¹⁰ 9 марта 1892 года Л.Л. Толстой писал С.А. Толстой: «<...> Завтра же приезжает сюда санитарный отряд из Москвы, собранный Флеровым по просьбе кн<язей> Долгоруких для борьбы с болезнями. Сегодня я видел цингу, кот<орая> меня очень огорчила. В Землянке устроена больница на 9 человек таких больных. Картина страданий самая яркая. Опухшие

члены с кровоподтеками, больные десны, бледное прозрачное тело. В избе на нарах все рядом, бабы с грудными заморышами в чепчиках — эти цинготные на меня произвели впечатление гораздо более неприятное, чем тифозные. А главное, это все вина наша вследствие недостатка пищи. Цинга везде кругом, надо всех этих больных брать в больницы для питания, чтобы они не погибли. Санитарный отряд в 10 ч<еловек> (2 докт<ора>, 2 фельд<шера> и 6 фельдшериц) нам будет очень полезен и даже необходим, так мало здесь человеческой помощи. В Патровке тиф. Но уменьшился сравнительно с прежним. Надо надеяться, что сыпной <тиф> не распространится сильно. <...>» — *Там же*, № 13902. Л. 1-1 об. Автограф.

Федор Григорьевич *Флеров* (1838-1910) — коллежский советник, московский врач, лечивший Толстых. — См.: *Календарь для врачей всех ведомств*: 1892: В 3-х частях. СПб., 1892. Ч. III. С. 185.

Братья-близнецы, князя Павел Дмитриевич (1866-1927) и Петр Дмитриевич (1866-1951) *Долгорукие* (Долгоруковы). О сформированном ими отряде см.: *Толстой Л.Л.* В голодные года... С. 89. О прибытии отряда сначала в Самару, а оттуда в Патровку см.: *Самарская газета*. 10 марта 1892 года, № 54. С. 3.

...*Землянка* (Землянки)... — село в том же Бузулукском уезде Самарской губернии.

¹¹ О деятельной помощи И.А. Бергера (1867-1916) Л.Л. Толстой постоянно упоминал в письмах родным.

¹² Надворный советник, доктор медицины Владимир Никитич Горбачев получил право лечить больных в 1878 году. В начале 90-х годов и в последующие годы он практиковал в Москве, в том числе и в лечебнице для приходящих неимущих больных, в московской конторе императорских театров, принимал роды и преподавал в женской фельдшерской школе. — См.: *Адрес-календарь города Москвы на 1890 год*... Ч. 1. Стб. 380, 604; *Адрес-календарь города Москвы на 1892 год*... Ч. 1. Стб. 34, 410; и т.д.

В середине 90-х годов надворный советник В.Н. Горбачев стал врачом при Главном архиве МИДа. — См.: *Ежегодник Министерства иностранных дел* [на] 1895 [год]. СПб., 1895. С. 97; *Календарь для врачей всех ведомств*: 1900... Ч. III. Стб. 252.

¹³ О докторе Ткаченко точных сведений найти не удалось. В списке российских врачей этого времени значатся два военных врача, работавших в Гродно и в Вильне с 1888 года, соответственно Евгений Степанович и Сергей Степанович Ткаченко. — См.: *Календарь для врачей всех ведомств*: 1891... Ч. II. С. 241, 310, 317.

Едва ли кто-то из них работал с Л.Л. Толстым на голоде. Однако в более поздних медицинских справочниках появляется имя молодого врача, начавшего практику с 1891 года, Александра Георгиевича Ткаченко, ассистента-интерна Мариинской больницы для бедных, потом — младшего врача С.-Петербургского Дворцового госпиталя, а через десять лет — ординатора городской больницы в Одессе. — См.: *Попов Г.* Мариинская больница для бедных в С.-Петербурге: 1803-1903: Ист. очерк. СПб., 1905. С. 51; *Календарь для врачей всех ведомств*: 1903... Ч. III. Стб. 407.

¹⁴ О работе санитарного отряда в Патровке в период массового заболевания голодающих крестьян писали и местные газеты: «... Эпидемия тифа в настоящее время там усиливается. Кроме того, отмечено до 100 случаев заболевания цингой. Санитарный отряд весьма деятельно борется с эпидемией. Отряд состоит из молодых врачей и фельдшериц. Про одну из последних рассказывают, что, не довольствуясь уходом за больными, она из последних своих средств приобретает молоко для детей. Факт — весьма отрадный и тем более достойный быть отмеченным, что он не единственный и свидетельствует о самопожертвовании и любви к народу, примеров которых в нынешнем году немало дала Россия». — См.: *Самарская газета*. 22 марта 1892 года, № 65. С. 3.

Позднее Л.Л. Толстой с благодарностью вспоминал о деятельности санитарного отряда: «... Врачи ежедневно объезжали или обходили больных, желавших перевозили в больницы, фельдшера и фельдшерицы ухаживали за ними. Приезд отряда сильно поднял общий дух села, как и поднял наш. Не так страшны казались теперь болезни, когда каждый знал, что есть за ним надлежащий уход. ...»

Отряд работал самоотверженно и прекрасно. ...» — См.: *Толстой Л.Л.* В голодные года... С. 89.

¹⁵ Джеймс Уильям Барнс Стевени (Steveni; 1859-1944), корреспондент лондонской газеты «Daily Chronicle», посетил Л.Л. Толстого в Патровке в начале февраля 1892 года. Об этом Л.Н. Толстой писал жене из Бегичевки 9 февраля 1892 года: «... Дома у нас англичанин Стевени, возвращающийся из Самары от Левы с хорошими известиями о нем. ...» — *ПСС*. Т. 84. С. 116. См. также: *Steveni B.W.* Through famine-stricken Russia. Lnd., 1892. P. 114-126; *Толстой Л.Л.* В голодные года... С. 69-70; *Лев Толстой и его современники*: Энциклопедия /Под ред. *Н.И. Бурнашевой*. Вып. 3. Тула, 2016. С. 531.

¹⁶ Йонас Стадлинг (Stadling; 1847-1935) — шведский писатель и путешественник, автор нескольких книг о России. С Л.Л. Толстым он познакомился в Бегичевке, куда Лев Львович приехал 1 марта 1892 года. Вместе с П.И. Бирюковым 3 марта 1892 года они втроем выехали в Патровку. — *ПСС*. Т. 84. С. 130-133. См. также: *Толстой Л.Л.* В голодные года... С. 86-94; *Лев Толстой и его современники*... Вып. 3. С. 523-525.

О пребывании Й. Стадлинга в Патровке Л.Л. Толстой вспоминал несколько лет спустя во время следующего приезда шведского путешественника в Ясную Поляну: «... Это — мой давнишний знакомый еще по голодному 91 году, когда Иван Иванович, как мы его прозвали для России, жил со мной несколько месяцев среди голодавших в Самарской губернии». — См.: *Толстой Л.Л.* Письмо в редакцию // *С.-Петербургские ведомости*, 8/20 декабря 1898 года, № 337. С. 2. См. также: *Толстой Л.Л.* В голодные года... С. 86; *Стадлинг Й.* У графа Л.Н. Толстого в голодный год: Рассказ американца // *Лев Толстой и голод*: Сборник /Под ред. *Ч. Ветринского*. Н.-Новгород, 1912. С. 166-177; *Stadling J.* The famine in Eastern Russia: Relief-work of the younger Tolstoy // *The Century*: Illustrated monthly magazine. August, 1893. Vol. XLXI, no. 4. P. 560-570; *Stadling J.* Från det hungrande Ryssland: Skildringar. Stockholm, 1893. S. 14-15, 29, 111-112, 131-145; *Stadling J., Reason W.* In the land of Tolstoi: Experiences of famine and misrule in Russia. Lnd., 1897. P. 43, 75-113; *Stadling J.* Through Siberia /Edited dy *F.H.H. Guillemard*. Lnd., 1901. P. 260.

¹⁷ Делегация квакеров — с согласия правительственных чиновников — посетила районы, охваченные голодом, чтобы на месте решить, какая помощь им требуется. — См.: *Абросимова В.* «...рассказать жизнь, как она была...» // *Вопросы литературы*. М., 1989, № 11. С. 145-146. См. также: *Толстой Л.Л.* В голодные года... С. 86.

¹⁸ Позднее Л.Л. Толстой писал: «... Один из врачей, Т[каченко], был, впрочем, недалек от смерти, и если бы за каждым вздохом его и биением пульса не следили его товарищи, врач Г[орбачев] и его помощницы-фельдшерицы, то вряд ли бы Т[каченко] поднялся». — *Там же*. С. 89.

¹⁹ О болезни Л.Л. Толстого в январе-феврале 1892 года и о болезни большинства жителей селений, пораженных неурожаем, а также о том, что члены санитарного отряда не спаслись от эпидемии, см.: *Там же*. С. 89-93. См. также: *Афанасьев И.* Л.Н. Толстой в Самарском Заволжье. Куйбышев, 1984. С. 33-37.

²⁰ Душан Петрович Маковицкий (Makovický; 1866-1921), впервые приехавший в Ясную Поляну в начале сентября 1894 года и слушавший рассказы членов семьи о недавней работе семьи и конкретно сына Льва на голоде, позднее записал в статье, опубликованной в словацком журнале в 1895 году: «...Мария Львовна рассказывала, что он, особенно вначале, был завален работой. Даже заболел от переутомления. Однажды зимой он пешком прошел 90 верст, сопровождая со станции обоз с продуктами, собранными в Америке и присланными в Россию. Как-то у него в доме лежало сразу 9 тифозных больных, он с ними спал и ел то, что им приготовила единственная служанка. И он заболел тифом (наверняка это был амбулаторный тиф), но переходил его на ногах, не имея времени заниматься собой. ...» — См.: *Маковицкий Д.П.* У Л.Н. Толстого // *Ясная Поляна: Неизвестные страницы: Чешские и словацкие воспоминания о Льве Толстом* / [Сборник / Составление И.М. Порочкиной; Пер. со словацкого О.М. Малевича]. СПб.: Росток, 2013. С. 78.

...амбулаторный тиф... — профессиональное уточнение врача, отмечающего более легкую форму брюшного тифа.

²¹ Л.Л. Толстой был убежден, что он выздоровел не столько благодаря лекарствам, уходу врачей и фельдшеров, но и отношению к нему крестьян Патровки. — См.: *Толстой Л.Л.* В голодные года... С. 91.

²² Еще раньше, 18 февраля 1892 года Л.Л. Толстой на короткое время приехал в Москву. — *ПСС*. Т. 84. С. 125.

28 февраля 1892 года он уехал в Самару. Об этом С.А. Толстая упоминает в письме сестре, Т.А. Кузминской: «<...> Лева приехал в жару и прямо слег, тоже живот. Теперь ему гораздо лучше, он сегодня едет обратно в Самару<...> Тоже не весело Леву отпускать: такой сыпной тиф в Самарской губ<ернии>, что в каждой избе от двух до четырех больных и много умирает. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской, п. 27, № 3432. Л. 2-2 об. Автограф.

²³ О патровских молоконах см.: *Толстой Л.Л.* В голодные года... С. 109-116.

²⁴ См. подробную роспись деревень, селений и хуторов Николаевского уезда Самарской губернии в кн.: *Список населенных мест Самарской губернии по сведениям 1889 года* / Составил П.В. Кругликов. Самара, 1890. С. 173-210.

Глава 11

¹ Поразительно, как менялось восприятие действительности 23-х молодым человеком. Сразу после возвращения в Ясную Поляну (см. ниже примеч. 3) Л.Л. Толстой отправил письмо земскому врачу, просветителю и общественному деятелю В.О. Португалову (1835-1896), поблагодарил за помощь крестьянам и не удержался от юношеского максимализма, помноженного на толстовские убеждения, с новой силой проявившиеся по возвращении домой:

«Многоуважаемый Вениамин Осипович,

Очень сожалею, что не застал Вас дома проездом в Самаре, чтобы поблагодарить за Глазунова<,> для которого Вы сделали, что могли. Видно<,> уже суждено ему остаться калекой<,> раз его сочли “неизлечимым”.

Прилагаю при этом письмо 3 рубля, которые брал у Вас больной. Простите, что запаздываю возвращением.

Как у Вас подвигается холера и паника так называемой “интеллигенции”, вызванная ею? У Вас в Самаре я посетил холерную больницу. В поезде пассажиры, ехавшие со мной, узнав про это<,> немедленно разбежались и чуть было меня не высадили на первой же станции.

С истинным уважением к Вам и преданностью

Л.Л. Толстой

5/VII/92

Ясная Поляна

Адрес: Козловка-Засека

Моск<овско->Кур<ской> ж.д.».

— *РГАЛИ*, ф. 417, оп. 1, ед. хр. № 57. Л. 1-2. Автограф.

...Глазунов... — вероятно, один из заболевших крестьян.

² Л.Л. Толстой на хуторе А.А. Бибикова был уже в середине июня 1892 года. Оттуда 15 июня 1892 года он писал С.А. Толстой:

«<...> Буду в Ясной в начале июля, как Вы и угадали.

Задерживает больной тифом милый доктор в Гавриловке — очень опасен — и последние (о, счастье!) дела. Довольно барахтаться в этой грязи и тьме. Здоров слишком. Кумыс пью, а всех вас очень люблю. <...>» — *ОРГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13920. Л. 1. Автограф.

Через неделю Л.Л. Толстой отправил в Ясную Поляну чуть более подробное письмо: «<...> Доктор в Гавриловке опасность миновал. Столовые довожу до конца, хлеба продолжают обещать хорошее. Нужно будет еще рублей 500 денег. Тогда телеграфирую или до моего приезда. Думаю, к первым числам июля быть в Ясной. Здоровье хорошо. Спасибо, что пишете, мне всегда приятны Ваши милые письма. Поша в Покровке. Завтра буду у него. Очень хочу в Ясную и живу пока в выжидательном положении. Всеми и всем на свете интересуюсь и всех Вас очень люблю.

А как все же и везде разнообразна жизнь и люди. Ну, это так. Мальчикам передайте мою любовь и Андрюше пожелайте всего хорошего.

Ваш Лева.

21/VI/92

Хутор Биб<икова>».

— *Там же*, № 13921. Л. 1-1 об. Автограф.

... Поша... — П.И. Бирюков.

... Мальчикам... — в Ясной Поляне летом 1892 года жили также дети Кузминских.

... Андрюше пожелайте всего хорошего. — А.Л. Толстой готовился к экзамену в гимназию Л.И. Поливанова, а помогал ему в этом 16-летний Михаил Кузминский (см. письмо С.А. Толстой от 8 июня 1892 года). — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 528.

³ Через год после смерти брата Николенки (см. о нем выше примеч. 6-7 к Главе 3) «Лев Николаевич стал жаловаться на недомогание, на хандру. Открыл у себя присутствие чахотки. Хотя болезнь эта мало соответствовала его крепкой фигуре и здоровому цвету лица, тем не менее, помня смерть брата, он становился и мнительнее, и беспокойнее, и стал страдать бессонницей. И затосковал он до того, что решил под каким-нибудь предлогом сбежать куда-нибудь...» — См.: *Эрленвейн А.А.* Отрывки из воспоминаний о Ясной Поляне: 1861-1863 (Посвящается “друзьям минувших дней”) // *Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников...* Т. 1. С. 133.

19 мая 1862 года Л.Н. Толстой уехал в самарские степи и вернулся в Ясную Поляну 31 июля 1862 года. Через несколько дней, 6 августа 1862 года, он писал С.Н. Толстому: «Кумыс чудес не делает, как и всякое лечение, но кашель мой прошел». — *ПСС*. Т. 60. С. 425, 431-432.

⁴ Это более поздняя точка зрения. Тогда же, весной 1892 года, Л.Л. Толстой сам пополнял свои силы кумысом и призывал других следовать его примеру. 30 апреля 1892 года он закончил письмо С.А. Толстой из Патровки так:

«<...> P.S. Таню очень приглашаю сюда на кумыс. В степи тюльпаны, фиалки, — духи. И <степь> зеленая вся, свежая и прекрасная». — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13913. Л. 2 об. Автограф.

В конверт было вложено и отдельное письмо Т.Л. Толстой: «Таня, приезжай сюда лечиться. <...> Теперь лучший кумыс и лучшее время его пить. <...> Подумай и приезжай. Тифа нет больше, да и в степях нельзя им заразиться. <...>» — *Там же*. Л. 3. Автограф.

⁵ Л.Л. Толстой вернулся домой на месяц раньше. 1 июля 1892 года он смог, наконец, подтвердить окончание работы на голоде: «Пишу Вам, милая мамá, из Самары, откуда выезжаю завтра утром с нашим санитарным отрядом, поездом на Тулу. <...> Из Патровки вчера выехал при торжественных проводах с хлебом-солью на столе с белой скатертью, со старшинами и пожеланиями самых высших благ земных от народа. <...>» — *Там же*, № 13923. Л. 1. Автограф. См. также: *Толстой Л.Л.* В голодные года... С. 142.

3 июля 1892 года он приехал в Ясную Поляну, о чем через день С.А. Толстая писала сестре в Петербург. — *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской, п. 27, № 3438. Л. 1-3 об. Автограф.

⁶ Слабые отголоски этого события в рассказе Л.Л. Толстого «Склонность к меланхолии (Из студенческих воспоминаний)». — См.: *Весь мир*. СПб., май 1914, № 18. С. 2-7.

Глава 12

¹ Так было *осенью 1891 года*. Осенью 1892 года Л.Л. Толстой приехал в Москву с твердым решением выйти из университета, как в свое время сделал это его отец. См. об этом ниже.

² Л.Л. Толстой ошибся: его решение поступить на военную службу было принято под несомненным влиянием матери. 4 октября 1892 года С.А. Толстая писала сестре, Т.А. Кузминской в Петербург: «<...> Кстати о Леве. Он только что написал тебе письмо, которое прилагаю и которое прочла. Прошу вас, милые друзья, Саша и Таня, сделайте нам с Лево́й это одолжение, похлопочите, чтоб его приняли в конную артиллерию, узнайте, в какой форме надо подать прошение, кому, куда, нужно ли для этого ехать или можно письменно из Москвы? Ваша помощь и участие мне особенно дороги, потому что уговорить Леву мне было страшно трудно, опять все мое сердце перевернулось, и слез и боли душевной мне много стоило. *Надо скрутить его решение как можно скорее, а то опять кто-нибудь собьет.* Пожалуйста, похлопочите его определить. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской, п. 27, № 3442. Л. 1-2. Автограф. Курсив мой. — *В.А.*

Саша — Александр Михайлович Кузминский (1843-1917) служил в Петербурге по судебному ведомству, постепенно продвигаясь по служебной лестнице. С 1889 по 1894 год он был прокурором судебной палаты. — См.: *Кузминская Г.Н.* Кузминские родственники С.А. Толстой: Сб. статей, написанных по историко-генетическим материалам. СПб.: Знание, 2018. С. 7-8.

Во время пребывания в Ясной Поляне осенью 1892 года военного юриста, помощника прокурора в Вильне Александра Владимировича Жиркевича (1857-1927) С.А. Толстая также вела разговор о воинской повинности сына Льва. — См.: *Жиркевич А.В.* Встречи с Толстым... С. 202-203, 235-238, 561.

³ Официальное прошение о выходе из университета Л.Л. Толстой подал 12 октября 1892 года, о чем он в тот же день сообщил С.А. Толстой в Ясную Поляну. — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13924. Л. 1. Автограф.

⁴ С.Н. Толстой в 1849 году закончил курс математического отделения философского факультета Казанского университета. Весной 1855 года он поступил в стрелковый полк Императорской фамилии, где прослужил полтора года и осенью 1856 года вышел в отставку в чине штабс-капитана. — См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 271. См. также: *Тулский биографический словарь*: В 2-х томах. Тула: Пересвет, 1996. Т. 2. С. 244-245.

⁵ 25 октября 1892 года он выехал из Москвы в Петербург. На следующий день С.А. Толстая писала Т.А. Кузминской: «<...> Мне очень было грустно расставаться вчера севой, но сегодня я успокоилась и думаю, что ему будет хорошо в Царском.

Командир стрелкового батальона Евреинов — приятель Саши Берса. <...>только бы Лева не замкнулся, а общался с людьми, это всегда самое приятное в жизни. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской, п. 27, № 3443. Л. 1 об. Автограф.

Встреча Л.Л. Толстого с генерал-майором Александром Александровичем *Евреиновым* (1843-1905) состоялась 2 ноября 1892 года. В тот же день Л.Л. Толстой писал в Москву матери: «<...> Я уже в Царском два дня. <...> Был сегодня у Евреинова, командира батальона, и передал бумаги. Они очень любезны со мной. <...>» — *Там же*. Архив С.А. Толстой, № 13929. Л. 1. Автограф.

Саша — Александр Александрович Берс (1844-1921), кузен С.А. Толстой и Т.А. Кузминской; муж их старшей сестры Лизы (1843-1919); полковник Лейб-гвардии Преображенского полка; участник русско-турецкой войны; в 1881 году вышел в отставку. — См.: *Берс А.А.* Воспоминания о походе в Турцию в 1877-1878 гг. СПб., 1900; *Сафонова О.Ю.* Род Берсов... С. 22, 47-49; (<http://regiment.ru/bio/E/27.htm>).

А.А. Берс (70-е гг.) + Е.А. и А.А. Берсы (80-е гг.)

⁶ Иван Егорович Эрдели (1870-1939) после свадьбы, состоявшейся 25 августа 1891 года в Ясной Поляне, уехал с женой, М.А. Кузминской (см. о ней выше примеч. 13 к Главе 7), в Царское Село, где по окончании Николаевского кавалерийского училища проходила его служба в Лейб-гвардии гусарском полку. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 203, 209; *Сафонова О.Ю.* Род Берсов... С. 81.

⁷ Подробное описание оригинальной формы Лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской фамилии полка см. в кн.: *Царкосельские полки* /Под общей редакцией А.Ю. Егорова. СПб.: Серебряный век, 2009. С. 59-61, 158-169.

16 ноября 1892 года Л.Л. Толстой писал матери: «<...> Сегодня первый день моей службы. Было очень тяжело нравственно. Хотя я и ожидал неприятного, но это гораздо хуже того, что я воображал. Со мной продолжают быть очень деликатны и предупредительны, так что с этой стороны ничего не могло быть лучше. Но самое дело это, то, что заставляли меня проделывать сегодня, — повертывание на одном месте, как волчок, отдавание чести и как становиться во фронт, и как отвечать начальству, — все это отвратительно и противно, и глупо, и так и ежится совесть. Даже утешение, что я смиряюсь, что это унижение хорошо для меня, сегодня мне показались только обманом и пустяками. Какое же тут смирение, когда все время лжешь нахально и постыдно поступаешь против совести. Ну, да будем ждать, что будет дальше. Пока вынес сегодняшнюю порцию, перенесу и остальное, а главное, привыкну, хоть эта привычка есть ни что иное, как развращение.

Все-таки мне многое помогает проделывать всё это, а главное, то, что я буду же когда-нибудь свободен от этих обязательных насильных поступков и положений. Конечно, я надеюсь внутренне, а не внешне быть когда-нибудь свободным от необходимости их принятия. Но тяжело, по-настоящему тяжело и трудно орать “громким и бодрым” голосом: “Здравья желаем Вашему Высокоблагородию” и, укротив свой дух и сделавши безучастное тупое выражение лица, поворачиваться “в полуоборот на ле...во...” и в то же время в глубине души таить чувство бесконечной скорби о<бо> всем этом зле и мраке людском. Мне дали денщика. Завтра я перехожу во флигель здешнего дома в свою квартирку. Вот и всё. Вообще же я в бодром настроении, несмотря на вышесказанное, и надеюсь, что у Вас всё хорошо тоже. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 13931. Л. 1-2 об. Автограф.

⁸ Температурная шкала, предложенная французским естествоиспытателем Рене Антуаном Реомюром (Réaumur; 1683-1757), делилась на 80 градусов и позднее была заменена более точной 100-градусной шкалой, разработанной шведским астрономом и физиком Андерсом Цельсием (Celsius; 1701-1744).

20 градусов по Реомюру соответствует 25 градусам по Цельсию.

⁹ Имя полковника Озерова впервые появилось в письме Л.Л. Толстого матери от 2 ноября 1892 года в связи с его возможным освобождением от службы: «<...> Сегодня узнал, что, м<ожет> б<ыть>, меня через два месяца отпустят, как Ивана Цингера в Туле. Были такие случаи, когда вольноопределяющиеся не подходят духом к воен<ной> службе. Тогда находят, что они не годятся, и <их> отпускают. Впрочем, боюсь этому радоваться заранее. Всё покажут обстоятельства. Готовлюсь же на целый год испытания. Вы об этом ни с кем не разговаривайте пока. Но это было бы великое счастье. Главное, сам же ротный командир мой будущий — Озеров, хороший, говорят, человек и влиятельный в батальоне, через Льва Иславина, котор<ый> служил в батальоне, сделал мне это предложение. Завтра я увижу Озерова сам. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 13929. Л. 1-2 об. Автограф.

Штабс-капитан Давид Александрович Озеров (1856-1916) стал полковником позже, в апреле 1894 года. — См.: **Пажи за 185 лет**: биографии и портреты бывших пажей с 1711 по 1896 г.: В 10-ти вып. /Собрал и издал О.Р. фон Фрейман. Фридрихсгамн, 1894-1897. Вып. 7. С. 687-688. См. также: (<http://regiment.ru/bio/O/110.htm>).

Иван Васильевич Цингер — старший сын профессора математики Московского университета Василия Яковлевича Цингера (1836-1907), с семьей которого дети Толстых дружили. — См.: **Толстая С.А.** Письма к Л.Н. Толстому... С. 469-470, 610. С детства болезненный мальчик (он умер раньше отца от сахарного диабета) был наиболее близким по духу Л.Н. Толстому. Он проникся идеей равенства помещиков с крестьянами и, «не кончивши курса технологического института, поселился в имении и начал “чудить”, как говорили о нем в деревне». — См.: **Новиков М.** Из пережитого: Воспоминания, письма. М.: Энциклопедия сел и деревень, 2004. С. 142 (+ указ.).

Известно также, что в 1900-1901 годах И.В. Цингер некоторое время служил рабочим сцены в Московском художественном театре и переписывался с Антоном Павловичем Чеховым (1860-1904). — **Там же**. С. 156. См. также: **Чехов А.П.** Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти томах. Письма: В 12-ти томах. М.: Наука, 1980. Т. 9 (указ.) + (<http://www.litfund.ru/news/3832/>).

Лев Владимирович Иславин (1866-1934) — племянник С.А. Толстой. По окончании Училища правоведения в 1889 году он прошел службу в Лейб-гвардии, вышел в отставку. В начале 90-х годов коллежский секретарь Л.В. Иславин делал первые шаги в дипломатическом ведомстве. — См.: **Волков С.В.** Высшее чиновничество Российской империи: Краткий словарь. М., 2014. С. 278. См. также: **Ежегодник Министерства иностранных дел**: 1891-1892. СПб., 1892. С. 69.

¹⁰ Память не подвела Л.Л. Толстого. По окончании Пажеского корпуса камер-паж Лев Сергеевич Давыдов (1872-1914) 4 августа 1892 г. начал службу подпоручиком в Лейб-гвардии 4-м стрелковом батальоне. — См.: *Пажи за 185 лет...* Вып. 8. С. 740. См. также: (<http://regiment.ru/reg/VI/C/1/3-10.htm#1892>).

¹¹ В тот же день был определен на службу *подпоручиком* в батальон и камер-паж Георгий Дмитриевич Арбузов. — *Там же*. С. 739.

Через несколько лет, в полковой праздник, 6-го декабря 1896 года он был произведен в поручики. — *Там же*. Вып. 9. С. 853. См. также: (<http://regiment.ru/reg/VI/C/1/3-10.htm#1892>) (<https://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/voennye-v-carskom-sele/leib-gvardii-4-i-strelkovyi-imperatorskoi-familii-polk.html>).

¹² 15 декабря 1892 года Л.Л. Толстой весьма лаконично отозвался о текущих делах: «<...> Я каждый день хожу на службу. Теперь <прибыли> новобранцы, и интересно, но горько видеть, как учат их. <...>

Не знаю верно, когда меня отпустят и когда уеду отсюда. Но, во всяком случае, кажется, скоро. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13936. Л. 1-2. Автограф.

¹³ Л.Я. Гуревич (1866-1940) — писательница, переводчица, художественный и театральный критик. Впервые она приехала в Ясную Поляну 27 августа 1892 года. — *ПСС*. Т. 52. С. 289.

¹⁴ Отвечая на вопросы библиографа, историка литературы Семена Афанасьевича Венгерова (1855-1920), Л.Л. Толстой летом 1901 года особо отметил тот факт, что в журнале «Северный вестник» его произведения печатались под его настоящим именем. — *ИРЛИ*, ф. 377, собр. 1, № 2743. Л. 1 об. Однако произошло это уже *после* возвращения Л.Л. Толстого из Петербурга домой. — См.: *Толстой Л.Л.* Синяя тетрадь // *Северный вестник*. СПб, 1893, № 12. С. 125-149; *Толстой Л.Л.* Совершеннолетие // *Там же*, 1894, № 2. С. 123-135; *Толстой Л.Л.* В Татьянин день // *Там же*, 1894, № 7. С. 1-24. См. также примеч. 6 к Главе 4.

Л.Я. Гуревич стоило немалого труда добиться разрешения на публикацию произведений Л.Л. Толстого. Она обратилась к цензору Александру Александровичу Пеликану (1848-1915) с просьбой не смешивать сочинения Л.Л. Толстого с произведениями его великого отца.

«
СПб., 1893 года, ноября 16 дня
Милостивый Государь

Александр Александрович<!>

Я спрашивала в типографии, почему они не верстают повести Л.Л. Толстого, и мне ответили, что Вы задержали повесть до доклада на том основании, что сомневаетесь, не принадлежит ли повесть гр. Льву Николаевичу Толстому. Спешу уведомить Вас, что подпись Л.Л. Толстой удостоверяет вполне точно, что повесть не принадлежит известному писателю, нелюбимому цензурою, — редакция никогда не позволила бы себе подлога с какими бы то ни было целями. Не скрываю при этом, что Л.Л. Толстой — член семейства Л.Н. Толстого, молодой еще человек. Последнее<,> впрочем<,> и заметно в неровности его произведения. В виду того, что повесть, как Вы это сами, конечно, заметили, не представляет никаких тенденций, нежелательных в цензурном отношении, а также в виду необходимости как можно скорее пустить в книгу набранную уже вещь, не найдете ли Вы возможным подписать повесть теперь же. Доказательство того, что повесть не принадлежит Л.Н. Толстому<,> я могу представить во всякое время.

С истинным уважением Л. Гуревич».

— *Российский государственный исторический архив* (в дальнейшем — *РГИА*), ф. 773, оп. 3, дело 43, часть II. Л. 285. Автограф. Письмо написано на листе с клише журнала «Северный вестник».

В тот же день А.А. Пеликан набросал вариант своего обращения к коллегам в Главном управлении по делам печати, в котором он сформулировал свою точку зрения так: «<...> По моему мнению<, > о пропуске этого рассказа нам спешить не <к> чему — чувствительность вредна. <...>» — *Там же*. Л. 284-284 об. Черновой автограф.

23 декабря 1893 года вопрос об одной из публикаций Л.Л. Толстого был решен положительно, т.к. в ней не нашли «<...>ровно ничего предосудительного<...>». — *Там же*. Л. 287. Автограф.

12 января 1894 года при обсуждении рассказа Л.Л. Толстого «Совершеннолетие» А.А. Пеликан сокрушался, что рассказ может появиться и в бесцензурных изданиях. — *Там же*. Л. 293.

А вот 3 марта 1894 года после доклада А.А. Пеликана петербургский цензурный комитет наложил полный запрет на публикацию письма Л.Л. Толстого из Парижа под названием «Око за око». — *Там же*. Л. 293-294 об. См. это письмо в разделе *Приложение*. См. также: *Куприяновский П.В.* «Оглядываюсь на прошлое...»: Журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. Воронеж, 2009. С. 107, 120-121.

¹⁵ Л.Л. Толстой познакомился и подружился с Николаем Семеновичем Лесковым (1831-1895) в конце 80-х годов. — См.: *Сын и отец... //Лица...* Т. 4. С. 175-176. См. также: *Письма Л.Л. Толстого к Лескову* /Предисловие, публикация и комментарии В.Н. Абросимовой // *Неизданный Лесков*: В 2-х книгах. М.: Наследие, 2000 (*Литературное наследство*; Т. 101). Кн. 2. С. 409-415.

В первоначальном варианте книги Л.Л. Толстого имя Лескова появилось в связи с «Северным вестником» с таким дополнением: «<...> Из них самым выдающимся был Лесков. Он смотрел на меня своими любопытными добрыми и большими глазами и говорил об отце, хотя и с большим восхищением, как о писателе, но с оттенком недоверия, почти насмешки, как о философе. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 71. Черновой автограф.

¹⁶ Близкий друг Л.Н. Толстого, Леонид Дмитриевич Урусов (1837-1885) с 1876 года до конца жизни служил в должности Тульского вице-губернатора. Его брак с Марией Сергеевной Урусовой (урожд. Мальцевой; 1844-1904) оказался неудачным. Жена большую часть времени жила в Париже. Она вернулась в Россию и поселилась в Петербурге только после смерти супруга. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 158; *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 67.

В начале мая 1891 года М.С. Урусова с дочерьми приезжала в Ясную Поляну. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 183-184.

Л.Л. Толстой с неприязнью вспоминал М.С. Урусову: «<...> А сама старая княгиня Урусова мать показывала мне скабрзные гравюры, при чем упиралась рукой о мои колени. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 71. Черновой автограф.

¹⁷ 5 февраля 1895 года С.А. Толстая записала в дневнике: «Сегодня в “Новом времени” поразительное известие о смерти Мэри Урусовой. Ей всего было 25 лет, было в ней что-то особенное, артистическое, музыкальное и нежное. Теперь душа ее с отцом; она не ужилась с грубостью матери. Бедная девочка!» — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 235. На самом деле Мария Леонидовна Урусова (1867-1895) была двумя годами старше.

Л.Л. Толстой с нежностью вспоминал Мэри: «<...> Петербург того времени показался мне холодным и неприятным. К тому же я буквально мерз в моей солдатской легкой шинели.

Только два светлых лица остались у меня в памяти от того Петербурга и я вижу их сейчас, как живых, перед собой, — Лесков и Мэри. Почему они, а не другие? Потому, что в них жила определенно выраженная глубокая духовность, светившаяся в их глазах и обликах. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 71. Черновой автограф.

¹⁸ Александр III, император России с 1881 года. См. о нем выше примеч. 1 к Главе 10.

¹⁹ Императрица Мария Федоровна (Романова; урожд. Мария-София-Фредерика-Дагмара; 1847-1928), дочь датского короля (Christian; 1818-1906).

²⁰ С 1879 года обер-полицмейстером Царского Села был полковник Лейб-гвардии 2-го стрелкового полка, барон Анатолий-Нильс Андреевич фон Врангель (1849-1931) (<https://pogost-tegel.info/index.php?id=461>).

²¹ В письме сестре М.Л. Толстой в Москву из Царского Села Л.Л. Толстой в конце ноября — начале декабря 1892 года рассказал о том, как проходит его служба: «<...> Вчера в Петербурге видел кн<ягиню> Урусову с 3-мя дочерьми. Они приехали на зиму, и я буду их видать. Бываю я кое-где в Пет<ербурге>, нарочно не отказываясь от случаев, и вижу много любопытного. <...> Хочу все начать, но никак не осмелюсь. Это про свою службу и отношение к ней. К счастью, кажется, мне не придется проделывать одну из *самых больших неприятностей* — это присягу. Ее дают летом, а мне, по всей вероят<ности>, служить еще только месяц. Но я думаю, что в том настроении, какое у меня в последнее время, я бы не мог все-таки сделать это. Оказывается, это обставляется с такой торжественностью и гипнотизацией и с такой скверной и греховной гипнотизацией — солдаты с обнаженными штыками окружают тебя и ведут, и тут же офицеры молодые присягают, и т.д., что трудно было бы все это вынести.

Сегодня со мной случилась маленькая история.

В парке я гулял, и меня обогнала Государыня на паре с другой какой-то дамой, вероятно, Мар<ией> Пав<ловной>, и я не отдал чести — прозевал, да и не знал, что это Государыня. Сзади ехал градоначальник, должно быть, здешний. Я отдаю ему честь, а он кричит мне: „Ах а ... разве не видите, что это Императрица? Как Вам не стыдно!..” Он пролетел за передней парой так быстро, что разговор на этом наш прекратился. Это бы еще ничего. Но до этого минут за пять со мной случилась другая почти подобная история. Когда я вышел из парка к воротам, откуда должны были выезжать все те, которых ждали сегодня, я не заметил тут одного офицера, кот<орый> стоял у ворот. Он подозвал меня.

— Стрелок, твой билет! — Грубо закричал.

Я отвечаю, что у меня такого нет.

— Ты ходишь тут, один раз не отдал чести мне, видишь, офицер стоит, а теперь проходишь и смеешься мне в лицо.

Дело в том, что я, дойдя до конца дороги, повернулся, чтобы идти назад в парк. Тут меня заметили и воротили, указав дорогу другую, по кот<орой> не рассчитывали, что поедет Государыня, и я пошел. Но офицер, кот<орого> я не заметил, — остальные были полицейские — опять воротил меня. Вот тут-то он и потребовал билет, которых нам и иметь-то не нужно. Смеяться же я, долж<но> быть, действительно улыбался, когда сторож воротил меня и указал другую дорогу. Ну, я отвечаю, что я вольноопредел<яющийся>, что у меня билета нет и не нужно.

— Какой роты?

— Третьей...

— Фамилия?

— Граф Толстой.

Офицер мой берет под козырек и, махнув рукой, поворачивается от меня. Я пошел, и тут-то нагнала меня Государыня. Не знаю, что за это мне будет, во всяком случае, любопытно, правда? И лучше всего то, что меня чуть не задавили, с дороги сшибли, и мне же должно быть „стыдно”.

<...> Скверно я описал все, да не хотел совсем писать об этой глупости. Ну, да все равно». — *ИРЛИ*, ф. 303, № 103. Л. 1-3 об. Автограф. Курсив *Л.Л. Толстого*. Документ

датируется по содержанию. Л.Л. Толстой приступил к службе 16 октября 1892 года. В конце ноября 1892 года Л.Н. Толстой переехал с дочерьми в Москву. Об этом 29 ноября 1892 года М.Л. Толстая написала фельдшеру Елене Михайловне Персидской (род. в 1865 году), работавшей с Толстыми на голоде. — *ОР ГМТ*. Архив М.Л. Оболенской, п. 2. Л. 16. Автограф. См. также: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 219.

Этот эпизод, как и пребывание Николая Глебова в Царском Селе, воссоздан в романе Л.Л. Толстого «Поиски и примирение». — См.: *Ежемесячные сочинения*. СПб., 1902, № 9.

...на паре... — запряжка в две лошади.

...с другой какой-то дамой... — вероятно, речь идет о великой княгине Марии Павловне (Романовой; урожд. Марии-Александрине-Элизабете-Элеоноре, герцогине Мекленбург-Шверинской; 1854-1920), супруге великого князя Владимира Александровича (Романова; 1847-1909).

²² В сентябре 1894 года Д.П. Маковицкий услышал другую трактовку неожиданно короткого пребывания Л.Л. Толстого на военной службе: «... Лев Львович, который из сыновей по взглядам ближе всех к отцу, тоже не хотел служить в армии — он сам мне рассказывал, это было противно его совести и разуму. Служить на действительной ему полагалось как раз после голода, во время которого он так самоотверженно помогал крестьянам. Тогда он перенес тиф, следствием чего было его кишечное воспаление и душевная усталость, слабость. Идти на действительную он не хотел, но скорее всего под влиянием матери, которая боялась последствий отказа служить в армии, явился в медицинскую комиссию. Его призвали. Но поскольку он не хотел принимать присягу и было видно, с какой неохотой, самоотречением он относится к необходимости идти в солдаты, его освободили от присяги, отправили служить по медицинской части и позволили работать в госпитале. На строевые занятия его не гоняли. А через 6 недель комиссовали и освободили от армии вчистую. ...» — См.: *Маковицкий Д.П.* У Л.Н. Толстого // *Ясная Поляна: Неизвестные страницы*... С. 93.

²³ 23 декабря 1892 года С.А. Толстая из Москвы поделилась своей радостью с Т.А. Кузминской: «<...> Ужасно всех нас обрадовало известие, что Леву отпустили совсем. Надеюсь, что болезни у него все-таки нет никакой. Бог послал ему счастье за то, что мать пожалел и ничем не огорчил, пошел в солдаты с камнем на своем сердце, но снял его с моего. Все это я говорю совершенно искренно и прошу тебя ему передать вместе с моими нежными к нему чувствами. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской, п. 27, № 3447. Л. 1-1 об. Автограф.

²⁴ В книге «Моя жизнь», над которой С.А. Толстая работала в 1904-1916 годах, возвращению сына в Москву под Новый, 1893 год, посвящен такой фрагмент: «... И вот в то время как в зале горела елка и дети, веселясь, получали свои подарки, кто-то позвонил, послышались шаги на лестнице, дверь отворилась, и вошел Лева. Это был не человек, а привидение. Как только я на него взглянула, так и замерла на месте. Все веселье погасло сразу. Он был худ ужасно. Когда он улыбался, зубы были как-то особенно видны, щеки ввалились, и делалось жутко. Я не могла скрыть своего горестного волнения, когда здоровалась с ним, и он это заметил.

“Да, я что-то не совсем здоров, — говорил он. — Но теперь меня отпустили, все хорошо, я поправлюсь, — говорил он.

Но он долго, долго не поправлялся. ...» — См.: *Толстой С.А.* Моя жизнь... Т. II. С. 307.

Сохранился рисунок И.Е. Репина, сделанный, вероятно, в конце ноября – начале декабря 1892 года в его мастерской в Петербурге и впоследствии подаренный Львом Львовичем дочери Соне (см. о ней ниже примеч. 7 в Главе 2 Книги II). Во всяком случае, в письме Т.Л. Толстой от 6 декабря 1892 года И.Е. Репин уделил внимание встрече с ее

младшим братом: «<...> А вот моя фатальность продолжает царить надо мною: из того, что я показывал Льву Львовичу, почти ничего не осталось. Я все переделывал, искал и... почти все, что было там интересное. Осталось то, что жаль даже сжечь. Да, Лев Львович очень, вероятно, преувеличил — это было не совсем то<...>» — *РГАЛИ*, ф. 842, оп. 1, ед. хр. 37. Л. 85. Автограф.

Глава 13

¹ Летом 1893 года Л.Л. Толстой уехал на хутор А.А. Бибикова в Самарскую губернию лечиться кумысом. С.А. Толстая позднее писала: «... Кумыс ему не помог, и в июле Лева вернулся в Ясную Поляну, не прибавив ни одного фунта весу и на вид все такой же худой, бледный и больной. ...» — См.: *Толстой С.А. Моя жизнь...* Т. II. С. 320.

² Не вполне точная цитата из дневниковой записи С.А. Толстой от 5 ноября 1893 года. Ср.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 1. С. 221-222.

³ 26 июля 1893 года ослабевший Л.Л. Толстой в сопровождении старшей сестры Т.Л. Толстой поехал в Москву и на следующий день был принят известным терапевтом, профессором Московского университета Григорием Антоновичем Захарьиным (1829-1897), лечившим семью Толстых. — *ПСС*. Т. 66. С. 370.

Еще раз Л.Л. Толстой был у Г.А. Захарьина 20 октября 1893 года, когда и было решено везти его за границу. В тот же день Т.Л. Толстая отправила Л.Н. Толстому в Ясную Поляну подробный отчет о посещении врача:

«Милый папá,

Сейчас приехали с Левой от Захарьина и я спешу сообщить тебе то, что он нам сказал. Я говорила с ним наедине после совещания с Лёвой и Флеровым и спросила, что мне написать тебе о нем. Он говорил опять то же самое: никакой органической болезни нет; есть испорченность желудка и пищеварения и расстройство нерв<ов> очень сильное. Я спросила: как он думает, чем это может кончиться?

— З<ахарьин>. По всей вероятности, полным выздоровлением, если не привьется какая-ниб<удь> новая болезнь.

— Я. Умереть от той болезни, кот<орая> сейчас у него, нельзя?

— З<ахарьин>. Нельзя. Если вы знаете физику, то я приведу вам пример из нее. Ваш брат в теперешнем положении, как конус на верхушке. Если бы он стоял на основании, его было бы труднее повалить, а в том положении, в кот<ором> он, т.е. стоя на вершине, всякий толчок может его опрокинуть.

— Я. Если эта болезнь не пройдет, то чего можно ожидать?

— З<ахарьин>. Все бóльшего ослабления и к этой слабости присоединения еще новой болезни.

— Я. Не может это перейти в психическое расстройство? Я вас об этом спрашиваю не потому, чтобы я видела признаки этого, а потому, что я видела такие примеры вследствие малокровия и нервности. (Я вспомнила Ефремова).

— З<ахарьин>. Нет. Принимая в соображение наследственность и зная ваших родителей, я думаю, это невероятно.

Совет его следующий: уехать в теплый климат для того, чтобы возможно было пользоваться воздухом. Выбрать Ниццу или Канн<ы>.

Потом клистиры с тан<н>ином, внутрь бром и ляпис. Со временем, когда желудок поправится, — лечение водой.

Лев теперь не хочет со мной ехать, а хочет пригласить с собой молодого доктора Горбачева, который был у него в Самаре на эпидемии. Я не знаю, хорошо ли это будет. Мне отчасти жаль, что он не берет меня, — я думаю, что я в хозяйственном отношении была бы ему полезнее. Я боюсь, что ему наговорили слишком о том, что мне оч<ень> не хочется с ним ехать. А мне оч<ень> не хотелось больше всего потому, что я боялась, что я буду видеть, что он себе вредит, и буду к нему из-за этого приставать и надоем и выйдут у нас ссоры, а ему из поездки никакой пользы.

Настроение его мне кажется гораздо лучше, чем было. Он с мамá очень терпелив, и мне кажется, что даже эта маленькая перемена, что он переехал из Ясной в свой флигель, которым он оч<ень> доволен, его уже подбодрила.

<...> Я очень, кажется, как никогда, — соскучилась по тебе, и поехала бы сейчас в Ясную, как и хотела, если бы не Лева. Он думает недели через полторы-две уехать, и я уже это время пробуду с ним<...>» — *ОР ГМТ*. Архив Л.Н. Толстого. Б.Л., п. 111/2. Л. 1-2 об. Автограф.

... Я вспомнила Ефремова... — о ком идет речь, установить не удалось.

...клизтиры с тан<н>ином... — водный раствор таннина (дубильной кислоты) использовался в медицине как вяжущее средство при воспалительных процессах слизистой оболочки и атонических поносах. — См.: *Энциклопедический словарь...* Т. XXXII-а. С. 603.

⁴ Не вполне точная цитата из дневниковой записи С.А. Толстой от 4 августа 1894 года. — Ср.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 1. С. 223.

⁵ Не вполне точная цитата из записи С.А. Толстой от 2 августа 1894 года. — *Там же*. С. 222.

⁶ Алексей Яковлевич Кожевников (1836-1902) — невропатолог, профессор Московского университета, консультировал Л.Л. Толстого зимой 1894 года. — *Там же*. С. 234.

18 декабря 1894 года С.А. Толстая писала Т.А. Кузминской: «<...> Лёва, который не выносит шума, уезжал к Толстым и там лежал весь вечер. Он катается всякий день, но здоровье его очень плохо. На днях я приглашала двух докторов по нервным болезням: профессора Кожевникова и Рота. Нашли Лёву очень плохим, мало дали надежды на полное выздоровление; нашли болезнь кишок и крайнее нервное расстройство; советовали лечение электричеством. Но Лева уперся, ничего не хочет делать, на днях упрекал меня за то, что вместо того, чтобы за ним ходить, я мучаю его докторами; рыдал, сердился, жаловался, говорил о самоубийстве. Измучил он меня до крайности, а сам все пропускает время и дает болезни развиваться и усиливаться. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской, п. 27, № 3475. Л. 1 об.-2. Автограф.

...к Толстым... — семья С.Н. Толстого зимой 1894 года жила в Москве.

Владимир Карлович Рот (1848-1916) — приват-доцент Московского университета, специалист по нервно-мышечным болезням, один из основоположников отечественной неврологии как науки.

О том, насколько тяжелым было состояние Л.Л. Толстого в то время, свидетельствует и фраза Л.Н. Толстого в письме В.Г. Черткову от 21 октября 1894 года: «...умирает Лева...» — *ПСС*. Т. 87. С. 299.

⁷ Ср. фрагмент письма Л.Н. Толстого дочери Маше от 11 декабря 1894 года из Москвы в Ясную Поляну: «... Жизнь и смерть не в нашей власти. И надо делать, что можно, но всегда помнить это и быть готовым расставаться со всеми. ... Мамá тебе, верно, пишет о Кожевн[икове] и Роте и их суждениях. Мне не так грустно, как ей, п[отому] ч[то] не верю в безнадежность положения. Духовная сила всемогуща и может проснуться во всякую минуту. ...» — *Там же*. Т. 67. С. 287-288.

⁸ Статский советник, доктор медицины, старший врач Тульской губернской земской больницы Александр Матвеевич Руднев (1842-1901) в течение многих лет лечил семью Толстого. — См. о нем: *Памятная книжка Тульской губернии на 1900 год*. Тула, 1900. Отд. I. С. 145; *Поляков П.В.* Выдающиеся представители медицинской интеллигенции г. Тулы второй половины XIX в. // *Сюжеты интеллектуальной истории Тульского края...* С. 142-143.

⁹ Доктор Николай Андреевич Белоголовый (1834-1895) позднее вспоминал о своей встрече с Л.Н. Толстым 13 ноября 1894 года в Москве, вызванной желанием отца понять природу болезни сына. См. об этом ниже в примеч. 12.

¹⁰ Пьер Карл Потен (Потэн; Potain; 1825-1901) — парижский врач, член французской Академии, который в феврале-марте 1894 года консультировал Л.Л. Толстого. — См.: *ПСС*. Т. 67. С. 39-40, 44-45.

¹¹ Л.Л. Толстой запомнил: в Париже он пользовался советами психиатра, невропатолога Эдуарда *Бриссо* (Brissaud; 1852-1909). — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 318-325.

¹² Л.Л. Толстой запомнился Н.А. Белоголовому так: «... Самый лучший и способный сын гр. Л.Н. Толстого, уже начавший приобретать некоторую известность первыми своими литературными произведениями. ... Это был молодой 25-летний человек, страшно исхудалый, бледно-желтый и совершенно развинченный: он даже не мог сидеть на стуле и прежде всего попросил позволения развалиться на диване. Рассказ его о болезни был неудовлетворителен, страдал большим субъективным преувеличением и односторонностью и слишком много отводил места жалобам на лечивших его прежде врачей, так что беспрестанно приходилось останавливать поток этих жалоб и приводить больного к фактической передаче дела. И объективно исследование его было очень затруднительно и обнаружило такую повышенную чувствительность, что больной ежился и стонал от всякого удара молотка, от прикосновения стетоскопа... у меня сложилось убеждение, что я имею дело с неврастеником, страдающим катаром кишок с сильно нарушенным питанием. ...» — См.: *Белоголовый Н.А.* Воспоминания и другие статьи. 4-е изд. СПб., 1901. С. 550-551.

¹³ Л.Л. Толстой ошибся: Т.Л. Толстая приехала к нему в Париж 20 февраля/4 марта 1894 года. — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 306. А в первую поездку за границу больной Л.Л. Толстой пригласил с собой доктора В.Н. Горбачева, с которым он вместе работал на голоде (см. об этом выше примеч. 12 к Главе 10). Они выехали из Москвы в климатический курорт Канны 13 ноября 1893 года. — *ПСС*. Т. 87. С. 231.

О пребывании Л.Л. Толстого в Париже и лечении у зарубежных светил см. подробнее в ст.: *Абросимова В.* «Вероятно, уеду в “Подариж” опять осенью...» (Париж и Франция в судьбе Л.Л. Толстого) // *Лев Толстой и Сибирь*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. Вып. 3. С. 93-194; 205-289. См. фрагмент этой статьи в разделе *Приложение*.

¹⁴ 29/17 ноября 1893 года Л.Л. Толстой писал отцу: «Вчера в 4 часа приехали в Вену. Ехали из Варшавы ночью и рано утром были на таможне, где за табак и чай с нас взяли пошлину. <...> Вообще столько этих формальностей, что просто беда. <...> То осмотр, то санитарный врач пристаёт <с разговорами> о холере, то требуют паспорт. В Моравии любовались из окон прекрасными австрийскими полями и дорогами, везде обсаженными рядами фруктовыми деревьями. Видно, что это все возделано, выхожено старательно, насажены посадки, прорыты каналы для искусств<енного> орошения, деревни и города чистые, постройки белые с черепичными крышами.

В Вене уже совсем Европа. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Л.Н. Толстого, п. 108/10, № 26. Л. 1-2 об. Автограф.

¹⁵ Баронесса Берта фон Зутнер (Suttner; 1843-1914) — австрийская писательница, пацифистка, корреспондентка Л.Н. Толстого; лауреат Нобелевской премии мира (1905). — См.: *Kempf B.* Bertha von Suttner: Schriftstellerin Politikerin-Pazifistin. München, 1987; *Дорогая*

Баронесса и Друг...; Дорогой месье и друг...: Переписка Артура Нобеля с Бертой фон Зутнер /Под ред. В.М. Тютюнника. Тамбов, 2019.

Журнал «Долой оружие!» издавался Б. фон Зутнер в 1892-1893 годах в Берлине, Лейпциге, Дрездене и Вене. Л.Н. Толстой знал это издание и с похвалой отозвался о нем в письме В.Г. Черткову: «Хороший журнал». — *ПСС*. Т. 87. С. 232.

В то время, когда Л.Л. Толстой искал возможности встретиться с Б. фон Зутнер, он еще не знал, по всей видимости, о том, что Б. фон Зутнер только что опубликовала фрагмент трактата Л.Н. Толстого «Царство Божие внутри вас», посвященный бесчеловечности рекрутского набора. — *Там же*. Т. 28. С. 229-264; *Tolstoi L. Vor der Rekrutierungs-Commission //Die Waffen nieder!* Monatsschrift zur Förderung der Friedensbewegung. Herausgegeben von Baronin *Bertha von Suttner*. Dresden; Leipzig, 1893. Vol. 2, № 10. S. 391-393 (<https://www.jstor.org/stable/23790971?seq=1>).

¹⁶ Шарль Рише (Richet; 1850-1935) — французский физиолог, психолог, профессор медицинского факультете Парижского университета; редактор журнала «Revue scientifique», — был у Л.Н. Толстого в Ясной Поляне 20 августа 1891 года. — *ПСС*. Т. 52. С. 50; *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 207.

О встречах Л.Л. Толстого и его старшей сестры с профессором Ш. Рише в Париже см.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 325.

И позднее Л.Л. Толстой консультировался с Ш. Рише. См. упоминание об их переписке по поводу «зависимости здоровья тела от здоровья духа» в кн.: *Толстой Л.Л.* Семья и школа... С. 53-55.

¹⁷ Наполеон I (Napoléon Bonaparte; 1769-1821) — император Франции, основатель династии Бонапартов (от итал. *buona parte* — сторонники хорошего дела).

¹⁸ Л.Л. Толстой ошибся: он сначала остановился на *Рю дез Эколь*, 41, а потом переехал на *Рю дю Элдер*. В его письмах В.Г. Черткову из Парижа от 3 февраля (нов. стиля) 1894 года и от 7/19 марта 1894 года названия улиц указаны в такой последовательности. См. также запись Т.Л. Толстой от 1 марта (нов. стиля) 1894 года: «Вчера переехали сюда в rue du Helder. Взяли три комнатки. Но и тут нехорошо: темно, пыльно и в центре города. Это по рекомендации Бриссо. Будем пока слепо его слушаться. ...» — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 322.

¹⁹ Владимир Алексеевич Бобринский (1867-1927) — сын тульского помещика, друживший с детьми Толстыми, был личностью примечательной. Он поступил в Московский университет на юридический факультет, но из-за участия в студенческих волнениях 1887 года вынужден был покинуть его. В декабре 1887 года он поступил вольноопределяющимся в Лейб-гвардии гусарский полк, где служил и Наследник Цесаревич. В 1889 году он сдал офицерский экзамен при Михайловском артиллерийском училище, в 1891 году корнет В.А. Бобринский вышел в запас, поселился в своем имении, а вскоре уехал за границу завершать образование (http://www.hrono.ru/biograf/bio_b/bobrinskiva.php).

Так в Париже пересеклись пути двух туляков, графа В.А. Бобринского и графа Л.Л. Толстого. Для Льва Львовича это был просто подарок судьбы, т.к. доктор В.Н. Горбачев вынужден был срочно вернуться в Россию и до приезда старшей сестры больной Л.Л. Толстой оставался один в чужом городе. Благодаря присутствию внимательного соотечественника, он не так страдал.

Ошибся Л.Л. Толстой только в одном: вместе с Димером он поселился в отеле на *Рю дез Эколь*. Об этом он сообщил Л.Н. Толстому вскоре после приезда в Париж: «Пишу, как обещал, в среду. Продолжаю быть довольным своим решением остаться в Париже. Устроился отлично. Комната с постелью, камином и столом. Рядом две комнаты Димера. Он то ко мне, то я к нему захаживаем. <...>

Париж.

Rue des Ecoles 41». — **ОР ГМТ**. Архив Л.Н. Толстого, п. 108/10, № 30. Л. 1-2 об. Автограф. Курсив Л.Л. Толстого.

²⁰ Сначала богословская школа и приют для бедных студентов, основанный в 1253 году Робером де Сорбоном (Sorbon), духовником Людовика IX (Святого; 1214-1270). С середины XVII века богословский коллеж был объединен с богословским факультетом Парижского университета, а с 1790 года богословская школа перестала существовать. В 1808 году Декретом Наполеона все здания Сорбонны были отданы в распоряжение Парижского университета. С этого времени Сорбонной (Sorbonne) называют университет города Парижа.

²¹ М.Н. Толстая (1830-1912) — монахиня Шамординского женского монастыря.

²² Михаил Петрович Огранович (1848-1904) в 1889 году основал санитарную колонию для малокровных и нервных больных близ деревни Аляухово Звенигородского уезда Московской губернии. Открытие состоялось в январе 1890 года.

Его сын позднее писал: «<...> В то время не было железнодорожной ветки от станции Голицыно Западной (тогда Московско-Брестской) ж<елезной> д<ороги> до станции Иславской в сторону Звенигорода, и ехать надо было от Голицына на лошадях 9 верст по шоссе, а затем 4 версты по покрытому гатью проселку, пересекаемому ручьями. Здесь, хотя и близко от Москвы, была полная тишина лиственного леса и вообще девственная природа. Санитарная колония была расположена высоко над прудом, на другом берегу которого раскинулась по кособогу деревушка Аляухово. Колония занимала старинный двухэтажный деревянный дом и ряд флигелей. Элементарные теперь вещи в санаторной жизни тогда удивляли глаз и очень не вязались с привычными представлениями о больнице. В колонии были введены “рекреации”, то есть физический труд и спорт, устроена была водолечебница и электролечебница, а на скотном дворе доили кобыл и кумысом поили больных. “Курзал” был самым большим флигелем, где была столовая с театральной сценой и устраивались спектакли, для которых жена доктора писала двухактные пьесы и сцены. <...>» — См.: **Огранович С.М.** Л.Н. Толстой в санитарной колонии доктора М.П. Ограновича. — **ОР ГМТ**. Архив Н.Н. Гусева. Кп-21732, № 3018/1. Л. 4. Машинопись.

Статья С.М. Ограновича написана по просьбе Н.Н. Гусева на основе семейных преданий и приложена к его письму от 8 марта 1954 года. Благодарю за уточнения петербургского историка *Ю.И. Сафронова*.

²³ 18 марта 1894 года Л.Л. Толстой в сопровождении старшей сестры вернулся в Москву. — См.: **Сухотина-Толстая Т.Л.** Дневник... С. 340; **ПСС**. Т. 87. С. 265.

²⁴ Это произошло в феврале 1895 года. После встречи с доктором, сумевшим разгадать причину длительного болезненного состояния Л.Л. Толстого и подсказать родителям, чем они могут помочь сыну, 21 февраля 1895 года Л.Н. Толстой записал в Дневнике: «Вчера Огранович помог мне отнестись справедливее к Леве. Он объяснил мне, что это скрытая форма малярии — гнетучка. И мне стало понятно его состояние и стало жаль его; но все не могу вызвать живого чувства любви к нему». — **Там же**. Т. 53. С. 10.

²⁵ Л.Л. Толстой всегда с благодарностью отзывался о докторе Ограновиче. См. его вариант автобиографии «Данные моей жизни с 1869 по 1901 (весной)» в публикации: **Сын и отец... // Лица...** Т. 4. С. 194-195, 200-201.

Он пробыл в санатории несколько месяцев, пока не окреп. 20 марта 1895 года его в Аляухово навестили родители и прожили там несколько дней. Об этом С.М. Огранович

писал Н.Н. Гусеву 14 мая 1965 года. — *ОР ГМТ*. Архив Н.Н. Гусева. Кп-21732, № 3018/2. Автограф. См. также: *ПСС*. Т. 62. С. 52; *Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: В 2-х томах. М.: НЛО, 2004. Т. 1. С. 133.

По слова С.М. Ограновича, Л.Н. Толстой «привез тогда в Аляухово пачку своих брошюр “Хозяин и работник”, выпущенных издательством “Посредник”, подарил экземпляры М.П. Ограновичу с авторской подписью, а прочие экземпляры раздал крестьянам, гуляя по деревне». — См.: *Иванов С.А.* Санаторий в Аляухове: Об одном из первых организаторов санаторно-курортного дела в России докторе Михаиле Петровиче Ограновиче (1848-1904) // *Московский журнал*. 2013, № 5. С. 84-85. См. также: *Иванов С.А.* Художник Михаил Огранович 1878-1945. М.: Старая Басманная, 2015. С. 25-28.

²⁶ О В.П. Северцовой см. выше примеч. 15 к Главе 7. Вероятно, она приехала к Л.Л. Толстому 24 февраля, так как Ванечка Толстой скончался в 11 часов вечера 23 февраля 1895 года. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 512-518.

Через день траурное объявление появилось в газетах. — См.: *Русские ведомости*. М., 25 февраля 1895 года, № 55. С. 1.

В тот же день Л.Л. Толстой отправил в Москву закрытое письмо:

«Дорогая мамá, надеюсь, Вы мудро переносите горе. Сегодня похуже спал ночь, думая о В<анечке>. Писать не буду пока ни о чем.

Пусть приезжают ко мне по утрам, а то к вечеру мне не годится никого видеть и говорить. Мое состояние не хуже и даже получше, пожалуй, чем последнее время в Москве.

Обнимаю Вас и папá. Пишите все и будем молиться “да будет воля Твоя”. Им там лучше, чем нам, — это великое утешение.

Лева.

25 фев<ря 18>95 г.» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13979. Л. 1. Автограф.

²⁷ Нил Федорович Филатов (1847-1902) — детский врач, профессор Московского университета, лечивший детей Толстых; основатель отечественной школы педиатрии.

²⁸ Николай Николаевич Ге (1831-1894) с необыкновенной нежностью относился ко всем членам семьи Толстого. В последний год жизни он приехал в Ясную Поляну 8 февраля 1894 года и через несколько дней вместе с Толстыми оказался в Москве. — *ПСС*. Т. 52. С. 294; *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 299-302.

Вскоре после отъезда Т.Л. Толстой из Москвы в Париж 15 февраля 1894 года Н.Н. Ге отправил больному Л.Л. Толстому ласковое письмо, стараясь поддержать молодого человека:

«Милый Лева. Здесь получено твое письмо. Таня к тебе поехала, и все наши мысли постоянно о тебе. <...>

Читаю твою вторую <повесть> — “Совершеннолетие”. Очень и очень хорошо. Я верю тебе. Бодрись, милый мальчик, держись крепко духом, и ты будешь и здоров и силен. <...>ждем тебя, своего милого, дорогого брата, тебя, милый Лева. Целую тебя. Крепко люблю тебя и верю в твое будущее.

Твой Никол<ай> Ге».

— *ОР ГМТ*. Архив Л.Л. Толстого, № 142. Л. 1-2. Автограф. По содержанию письмо датируется серединой февраля 1894 года.

О повести Л.Л. Толстого «Совершеннолетие» см. выше примеч. 14 к Главе 12. Ср. аналогичное высказывание Н.Н. Ге о сочинении Л.Л. Толстого в мартовском письме художника в Париж: «... Лёва, читал твое Совершеннолетие. Очень, очень хорошо». — См.: *Л.Н. Толстой и Н.Н. Ге: Переписка* / Вступ. статья и примеч. С.П. Яремича. М.; Л.: Academia, 1930. С. 185.

Не только Н.Н. Ге, любивший Л.Л. Толстого, но и более строгий в своих оценках критик Н.Н. Страхов 20 марта 1894 года закончил свое письмо Л.Н. Толстому так: «...

Усердные поклоны Софье Андреевне, Марье Львовне, а если приехали Парижские странники, — то Татьяне Львовне и Льву Львовичу. Его *Совершеннолетие* — опять ведь хорошо! ...» — См.: *Толстая С.А., Толстой Л.Н.* Переписка с Н.Н. Страховым /Составители Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова; Ред. А.А. Донсков. М.; Оттава, 2000. С. 60-61. Курсив Н.Н. Страхова.

²⁹ Эти письма Н.Н. Ге, адресованные Т.Л. Толстой, неизвестны. В одном из опубликованных писем от 4 января 1894 года Н.Н. Ге так отозвался о Л.Л. Толстом: «... Лёве я написал, что уверен, что он скоро поправится — мне так желается, да так и должно быть. Он художник, и будет очень хороший художник. ...» — См.: *Л.Н. Толстой и Н.Н. Ге...* С. 177.

³⁰ В письмах Л.Н. Толстому этого периода Н.Н. Ге постоянно с нежностью говорит о больном сыне писателя. Так, 20 февраля 1893 года он признался: «...я его очень любил как мальчика, как дитя, но теперь он моя надежда, он такой талант, его задачи громадны — он мне кое-что рассказал — его болезнь, его страдания духовные, я это угадал, смотря на него, и он мне так мил, что я его не могу оторвать от своей души. ...»

А 16 октября 1893 года Н.Н. Ге продолжил свои размышления относительно больного Л.Л. Толстого: «... Жаль мне милого, дорогого Лёву, жду с нетерпением, чтобы он поправился да поехал в Италию — это хорошо — да оно и тут пройдет, только нужно терпение. ...» — *Там же*. С. 157-158, 168-169.

³¹ Н.Н. Ге скончался в ночь на 2 июня 1894 года. В Ясной Поляне об этом узнали из большого письма младшего сына художника Петра Николаевича Ге (1859-1939) от 4 июня 1894 года:

«Дорогой Лев Николаевич,

Вам первому пишу о нашем несчастье, о котором Вы уже знаете, о смерти отца нашего, потому что отец любил и ценил Вас больше всякого другого человека. <...> Вы для меня дороги не только в умственном отношении, но как отпечаток того дорогого и хорошего, что составляло нашу старую семью. <...>

Отец умер внезапно. 1-го июня он приехал ко мне в Нежин из Киева. <...>

В это время у отца случился удар. Он несколько раз страшно крикнул “Ууу!!!”. Ему терли руки и ноги, которые были горячие. Голова у него сперва была холодная, а потом потеплела и он перестал кричать. Собака “Цуцок”, услышав этот крик (брат сначала отпер окно), подбежала к окну отца, стала лапами на фундамент и стала выть. Коля вернулся через минуты две — он не слышал крика отца. Когда он вернулся, отец смотрел еще, но уже не кричал, а тяжело вздыхал. Через минуты две он захрипел и умер. Зоя и Попова говорят, что отец смотрел на свет сознательно и как бы просил помощи. Коля уже говорил, что он смотрел сознательно, но не обращал внимания на окружающих. Он ничего не мог сказать, потому что прежде всего у него отнялся язык. Страдал он ужасно. <...>» — *ОР ГМТ*. БЛ, п. 89/13, № 1. Л. 1-1 об., 12 об.-13. Автограф.

...*брат...Коля...* — Николай Николаевич Ге-младший (1857-1938), друживший, как и отец, со всеми членами семьи Толстого.

...*Зоя...* — племянница художника, Зоя Григорьевна Рубан-Щуровская (урожд. Ге; 1861-1942). См. о ней подробнее: *Яковенко М.М.* Зоя Ге: Докум. повесть. М.: Звенья, 2006.

...*Попова...* — возможно, речь идет о Елене Александровне Поповой (урожд. Зотовой), жене сотрудника издательства «Посредник» Евгения Ивановича Попова (1864-1938), которая в 1894 году в очередной раз просила мужа дать ей развод. — См.: *ПСС*. Т. 67. С. 91; Т. 87. С. 284. См. также: *Попов Е.И.* Двадцать лет вблизи Льва Николаевича Толстого (Из воспоминаний) // *Л.Н. Толстой и его близкие*: Сб. воспоминаний]. М.: Современник, 1986. С. 179, 184-185.

Узнав о смерти Н.Н. Ге, Л.Н. Толстой 12 июня 1894 года писал критику Владимиру Васильевичу Стасову (1824-1906): «... По моему мнению, это был не то что выдающийся русский художник, а это один из великих художников, делающих эпоху в искусстве. ...»

Ге письма я вам соберу, соберу его письма к дочерям. Его разговоры — в особенности об искусстве, были драгоценны. Я попрошу дочь записать их и помогу ей в этом. Особенная черта его была необыкновенно живой, блестящий ум и часто удивительно сильная форма выражения. Всё это он швырял в разговорах. Письма же его небрежны и обыкновенны. ...» — *ПСС*. Т. 67. С. 147-148.

Через день, 14 июня 1894 года Л.Н. Толстой признался основателю картинной галереи Павлу Михайловичу Третьякову (1832-1898): «... Вот 5 дней уже прошло с тех пор, как я узнал о смерти Ге, и не могу опомниться. В этом человеке соединялись для меня два существа, три даже: 1) один из милейших, чистейших и прекраснейших людей, кот[орых] я знал, 2) друг, нежно любящий и нежно любимый не только мной, но и всей моей семьей от старых до малых, и 3) один из самых великих художников, не говорю России, но всего мира. ...» — *Там же*. С. 153.

³² Л.И. Веселитская (в замужестве Божидарович; псевд. В. Микулич; 1857-1936) — писательница, мемуарист, корреспондент и адресат Л.Н. Толстого — неоднократно бывала в Ясной Поляне и подружилась со всеми членами семьи. — См.: *Микулич В.* Тени прошлого. СПб., 1914. См. также: *Шестакова Е.Г.* Лидия Ивановна Веселитская в Хамовниках // *Яснополянский сборник 2000*... С. 257-263.

Среди автографов, вписанных в альбом Л.И. Веселитской, кроме портрета Л.Н. Толстого с дарственной надписью, сделанной 14 марта 1908 года, отрывков писем С.А. Толстой, Татьяны и Марии Толстых, вклеен и фрагмент недатированного письма Л.Л. Толстого. — *ИРЛИ*, ф. 44, № 22. Л. 44.

³³ Об Ольге Вячеславовне Северцевой (Северцова; урожд. Шидловской; 1849-1909) см.: *Толстая С.А.* Дневник... Т. 1. С. 334; *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 390.

³⁴ Петр Алексеевич Северцев (Северцов; 1844-1884). — *ПСС*. Т. 83. С. 126, 128; (<http://elibrary.ru/nodes/16693-severtsev-aleksey-petrovich-podpolkovnik#mode/grid/page/1/zoom/5>)

³⁵ В морском сражении неподалеку от островов Цусима в Корейском проливе русская эскадра 14-15 (27-28) мая 1905 года потерпела крах: погибло свыше пяти тысяч человек и 27 кораблей. — См.: *Русско-японская война: От Владивостока до Цусимы*. М.: АСТ, 2004; *Вествуд Дж.* Свидетели Цусимы / Пер. с англ. В. Вишневецкий. М.: Яуза, 2005; *Озеров К., Озеров Г.* Правда о броненосце “Сисой Великий” (Цусима): Истор. хроника. Вильнюс, 2001; и др.

В числе погибших на эскадренном броненосце «Император Александр III» был и старший офицер штаба Алексей Петрович Северцев, друживший с детьми Толстых. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 389-390, 447, 633. См. также: *Записки князя Кирилла Николаевича Голицына*. М., 1997. С. 71. Подробный отчет см. в кн.: *Русско-японская война 1904-[1905] гг.: Материалы для описания действий флота: Хронологический перечень всех действий флота в 1904-[1905] гг.: В 2-х вып. Вып. II: Перечень событий похода 2-ой эскадры Тихого океана и ее отрядов на Дальний Восток и боя в Цусимском проливе / Составил лейтенант Новиков*. СПб., 1912. Приложение: *Списки гг. офицеров 2-й эскадры по судам*. С. 6.

³⁶ Трилогия В. Микулич «Мимочка» состоит из трех очерков, печатавшихся в журнале «Вестник Европы» в течение десяти лет: «Мимочка-невеста» (СПб., 1883, № 9); «Мимочка на водах» (1891, № 2-3) и «Мимочка отравилась» (1893, № 9-10). См. также: *Розанова С.А.*

Микулич В. // *Русские писатели: 1800-1917: Биограф. словарь.* М.: БРЭ; Фианит, 1999. Т. 4. С. 50-51.

³⁷ Переписка Л.И. Веселитской с Л.Н. и Л.Л. Толстыми возникла по инициативе Н.С. Лескова. — См.: *Микулич В.* Письма Н.С. Лескова // *Литературная мысль: Альманах.* [Т]. Ш. Л., 1925. Отд. II. С. 262-301.

³⁸ Л.И. Веселитская приехала в Москву 8 января 1895 года и, не застав Л.Н. Толстого, через день уехала домой в Петербург. О ее трогательной заботе о больном Л.Л. Толстом см.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 227-228. См. также: *Микулич В.* Тени прошлого... С. 108-111.

Весной 1895 года Л.И. Веселитская в Петербурге проводила Андрея и Льва Толстых в Гангё. 8 мая 1895 года она писала С.А. Толстой: «<...> Ваши сыновья были у меня от поезда до поезда. Накануне я получила их телеграмму и встретила их. Лев Львович был в духе и всем доволен. Андрюша очень<, > очень добр (я только теперь увидела, какой он добрый) и очень мило и добросовестно относится к своей роли *garde-malade*<...>» — *ОР ГМТ.* Архив С.А. Толстой, п. 14, ед. хр. 4983. Л. 1-1 об. Автограф.

...*garde-malade*... — медбрат; сопровождающий больного (*фр.*)

Глава 14

¹ 26 февраля 1895 года Л.Н. Толстой записал в Дневнике: «Похоронили Ваничку. Ужасное — нет, не ужасное, а великое душевное событие. Благодарю тебя, Отец. Благодарю Тебя».

Позднее, 12 марта 1895 года тональность записи меняется: «... Смерть В[анички] была для меня, как смерть Николеньки, нет, в гораздо большей степени, проявление Бога, привлечение к Нему. И потому не только не могу сказать, чтобы это было грустное, тяжелое событие, но прямо говорю, что это (радостное) — не радостное, это дурное слово, но милосердное от Бога, распутывающее ложь жизни, приближающее к Нему, событие. — Соня не может так смотреть на это. ...» — *ПСС.* Т. 53. С. 10.

О том, чем была для Л.Н. Толстого смерть старшего брата Николеньки, см. подробнее его письмо брату Сергею в письме от 24-25 октября 1860 года: «... Как это ни тяжело, мне хорошо, что всё это было при мне, и что это подействовало на меня, как должно было. ...это был положительно человек для тебя и для меня, которого мы любили и *уважали* больше всех на свете. ... Страдать он страдал, но он только раз сказал дня за два до смерти, что ужасные ночи без сна. ... Ни разу ясно он не сказал, что чувствует приближение смерти. Но он только не говорил. ... Он умер совсем без страданий (наружных, по крайней мере). Реже, реже дышал, и кончилось. ... Я только на 2-й день хватился сделать его портрет и маску, портрет уже не застал его удивительного выражения, но маска прелестна. ...» — *Там же.* Т. 60. С. 353-355. Курсив *Л.Н. Толстого* (см. также выше примеч. 7 к Главе 3).

Соня — С.А. Толстая. Она, действительно, с большим трудом приходила в себя. Лишь 7 марта 1895 года она нашла в себе силы написать сестре, Т.А. Кузминской, в Петербург: «... Вот, Таня, пережила же я Ваничку, и дышу, ем, сплю, хожу. Но кто бы хорошенько заглянул в мою душу, тот понял бы, что именно души-то во мне и нет, а если так будет продолжаться, то вынести тех жестоких страданий, которые я переживаю, просто невозможно. Утром, первое пробуждение после короткого, мучительного сна — ужасно! Я вскрикиваю от ужаса, начинаю звать Ваничку, хочу его схватить, слышать, целовать — и это бессилие перед пустотой — это ад! Не слышу никого и ничего, в доме теперь — это могильная тишина. ...» — См.: *Жданов В.* Любовь в жизни Льва Толстого. М.: Планета, 1993. С. 232. Курсив

С.А. Толстой. См. также: *Толстой А.И.* Последний сын Толстого (Размышляя над опубликованным) // *Яснополянский сборник 2002...* С. 427-435.

² Повесть Л.Н. Толстого «Крейцера соната» была начата летом 1887 и закончена в апреле 1890 года. — *ПСС*. Т. 27. С. 563-588.

³ Вероятно, Л.Л. Толстой приводит фрагмент несохранившегося письма С.А. Толстой к нему. Сама же А.Л. Толстая в разгар трагических событий, приведших к уходу отца из Ясной Поляны, 24 июля 1910 года напомнила С.А. Толстой: «<...> И давно, еще тогда, когда моя детская душа хотела и жаждала материнской любви, я вместо любви получила: “Отчего умер Ваничка, а не ты”. Это было сказано <через> год после смерти Ванички и недавно я услышала это вторично. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив А.Л. Толстой, № 12. Л. 1. Машинопись. Письмо вклеено в дневник А.Л. Толстой 1910 года вместе с ответом матери, отвергавшей этот упрек младшей дочери. — *Там же*. См. также: *Толстая А.Л.* Дневники... С. 100, 240.

⁴ В апреле 1895 года Л.Л. Толстой вернулся из санаторной колонии в Москву и по совету доктора М.П. Ограновича вскоре отправился в Финляндию с младшим братом Андреем.

2 мая 1895 года С.А. Толстая писала Т.А. Кузминской в Петербург: «<...>я застала в Москве Леву очень потолстевшего, но как-то вяло и пухло, без мускулов и силы. Духом же он вовсе не хорощ: апатичен, тяжел, все только думает о своем нездоровье и кишках, ничего

не читает, не говорит, ото всех удаляется. Страшно за то, что он впадет в апатию или идиотизм, а это хуже смерти и хуже той болезни, в которой он был прежде. Как все печально в жизни стало! — Доктора утешают, что он совсем выздоровеет, а я плохо верю. <...> Забыла написать, что Лева с Андрюшей уехали в Финляндию, городок Ганге, у берега моря. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив Т.А. Кузминской, № 3479. Л. 1-2 об. Автограф.

...городок Ганге... — см. о нем: (<http://e-finland.ru/travel/city/hanko-gorod-kurort.html>). См. также: *Отечественные и заграничные курорты, санатории и кумысо-лечебницы*. М., 1910. С. 5-6.

См. выше примеч. 38 к Главе 13.

⁵ В черновом варианте книги Л.Л. Толстой уточнил: «<...>новый мой слуга Иван, присланный из Епифанского имения Раевских<...>» — **ОР ГМТ**. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 70. Черновой автограф.

Беглые упоминания о нем есть и в письмах Л.Л. Толстого из Гангё. Так, 6/18 мая 1895 года он заметил: «<...> Здесь хорошо. Андрея долго держать не буду. Мне дорого одиночество. Он мил со мной, но не очень толков, я все делаю сам. Иван напился соленой воды из моря и чурается финнов, но доволен. <...>» — *Там же*. Архив С.А. Толстой, № 13981. Л. 1. Автограф.

... Андрея долго держать не буду... — А.Л. Толстой в то время учился в Катковском лицее в Москве. В первоначальном варианте книги Л.Л. Толстой заметил, что Андрей через два дня уехал из Гангё. — *Там же*. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 70. Черновой автограф.

В следующем письме от 12/24 мая 1895 года имя слуги Ивана упоминается в таком контексте: «<...> Здоровье все то же и слабость от воздуха здешнего еще сильнее. Глотаю хину пока и продолжаю лежать на воздухе целые дни. Пробовал ходить больше, но тогда и сплю и ем хуже от боли. Дело и здесь пойдет не быстро, не такая болезнь, да и не жду этого. Иван временами скучает и смешон своей наивностью. <...>» — *Там же*. Архив С.А. Толстой, № 13982. Л. 1. Автограф. Аналогичная ситуация и в других письмах Л.Л. Толстого этого времени. См. ниже.

⁶ Из письма родным от 29 июня 1895 года видно, что болезнь не торопится покидать Л.Л. Толстого: «Это время все дожди и мне похуже, милая мамá, хотя, кажется, силы понемногу все продолжают прибавляться, но очень медленно и незаметно. Написал кислое письмо и оторвал. Что у Вас? Как Ваше здоровье и папа?»

Я начал ванны, все также ем каши, езжу в море, ставлю компрессы и т.д. Чуть-чуть запустишь болезнь и старое возвращается, а слабость общая до того упорна, что беда. Вот на нее и нужны года. Здесь много добрых людей, как везде, со мной милых.

Лева

29/VI/95».

— *Там же*, № 13986. Л. 1. Автограф.

Но через день картина начинает меняться в лучшую сторону:

«Спасибо, милая мамá, за интересное письмо. Оно взволновало меня, правда, очень мало сегодня. Сейчас лежал, думал Вам за это подробно описать свою жизнь, но сил не хватит. Дождь валит вот 2 недели. Сегодня Бог знает, что бушует, и все по домам. Сидел сейчас внизу у соседей и читала мне шведское Евангелие Клавдия Густавовна, родом финляндка, милая женщина, живущая здесь с девочкой и швейцаркой, теперь русская помещица в Пензе. Посидел у них, заболело опять все то же место больное и ушел, лег. Сегодня и в море не ездили и я не видал своего друга, старика-матроса Эклун<да,> один вид которого на меня действует успокоительно и исцелительно. Удивительный старик – весь в морщинах, крепкий, несмотря на 70 лет, благодушный, спокойный, сильный, весь век проживший на море. Сегодня не видал и веселых молодых ребят на lawn-tennis, где сижу часто и смотрю, как играют.

А у Вас-то какой размах жизни, — впрочем, издали еще больше кажется. Устал, прощайте. Вальсы действуют хорошо. Обнимаю Вас крепко.

Лева.

1/VII/95.

Ганге.

Все здесь меня знают и часто указывают друг другу – “вон сын Толст<ого>”, и мне это обидно и неприятно.

2</14> июля утром

Сегодня дождя нет. Иван ушел смотреть, как светят новую русскую церковь здесь с архиереем и т.д. Думал о Серезиной свадьбе. Я уверен, что у них пойдет хорошо.

В 2 часа пойду в море. Сильный ветер и, вероятно, отъедем верст на 20-ть, так что Hangö будет, как на картинке, со своей церковью на горе и виллами по скалам. Хорошо в открытом море и Эклун<д> следит, не моргнет за рулем с парусными веревками в руках, конечно, когда сильный вечер и надо все время следить за волной и лавировать. А когда тихо<,> мы с ним говорим по-шведски и он поет мне шведские песенки. Прощайте.

Л.Т.»

— *Там же*, № 13987. Л. 1-2 об. Автограф. Подчеркнуто Л.Л. Толстым.

⁷ Старший судостроитель Николай Александрович Субботин (1838-1901) служил главным корабельным инженером в Управлении Санкт-Петербургского порта. — См.: *Весь Петербург* ... на 1895 год. СПб., 1895. Отд. I. Стб. 156.

Частная женская гимназия Веры Александровны Субботиной была учебным заведением 2-го разряда и располагалась на Калинкинской площади в доме № 3. — *Там же*. Стб. 293. С годами гимназия В.А. Субботиной приобрела известность в столице и оказалась под августейшим покровительством дочери Александра III, великой княгини Ксении Александровны (Романовой; 1875-1960). При гимназии был интернат, курсы французского языка и музыкальная школа под руководством профессора Петербургской консерватории А.А. Розановой. — См.: *Новое время*. СПб., 16/29 августа 1912 года, № 13085. С. 5.

В архиве Л.Л. Толстого сохранилось письмо В.А. Субботиной от 20 августа 1895 года, свидетельствующее о том, что члены ее семьи, уже вернувшиеся в Петербург, искренне сострадали больному.

«<...> Не поленитесь, Лев Львович, написать серьезно два слова о своем здоровье.

Курзал опустел — Ганге несомненно вымерло; надеюсь<,> что наступившая тишина благотворно действует на Ваши нервы и дело выздоровления пойдет быстро. <...>» — *ИРЛИ*, ф. 303, № 639. Л. 1-2 об. Автограф.

⁸ Память чуть-чуть подвела Л.Л. Толстого. У Субботиных было двое детей: сын *Николай* и дочь Евгения. В конце приведенного выше письма В.А. Субботина передала пожелания выздоровления Л.Л. Толстому от «громогласного Коли и спасательной Женечки». — *Там же*. Л. 1 об. Курсив мой. — *В.А.*

⁹ Эрнст Вестерлунд (Westerlund; 1839-1924) — городской врач в Энчёпинге, практиковавший там с 1867 года до самой смерти. Особый талант Вестерлунда проявился в лечение неврозов, при котором его индивидуальный подход, прекрасная диагностика и умение влиять на пациентов давало блестящие результаты и сделало его, возможно, одним из самых востребованных врачей в Швеции. — См.: *Bonniers Konversations Lexikon*[: 18 bd.]. Stockholm, [1948]. Bd. XIV. S. 610.

Позднее Л.Л. Толстой не раз писал о докторе Вестерлунде. — См.: *Толстой Л.Л.* Замечательный врач // *Неделя*. СПб., 6 апреля 1897 года, № 14. Стб. 432-439; *Толстой Л.Л.* Письмо к редактору // *Там же*, 11 мая 1897 года, № 19. Стб. 603-604. См. также: *Шведский доктор Вестерлунд* (Письмо из Швеции) // *Родник*. СПб., 1900, № 1. С. 104-106. Письмо подписано криптонимом *Я.П.* [В черновых набросках воспоминаний о детстве героя звали

Яша Полянов и Яша Полянский]. Авторство Л.Л. Толстого устанавливается на основании письма Екатерины Николаевны Альмединген (урожд. Сысоевой) от 5 ноября 1899 года: «<...> Записки Ваши о докторе Вестерлунде пойдут в “Роднике” с портретом<...>». — *ИРЛИ*, ф. 303, № 121. Л. 3 об.-4. Автограф.

См. также: *Толстой Л.Л.* Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях... С. 153-171.

¹⁰ 16/28 августа 1895 года Л.Л. Толстой писал матери: «<...> Спрашиваете, что думаю делать после Гангё. Почти решил ехать в Швецию к Вестерлунду. Конечно, все дальнейшее зависит не от нас. К Вам не приеду. На полпути прерывать лечение — всё равно, что вернуть<ся> назад. Увидеть только Москву и т.д. для меня то же, что <за>болеть сначала. Грустно это, но разум требует, и будем же разумны. Вы правы, что не верите в “лечение”, если разуметь под ним врачей и лекарства, но воздух, вода, условия тишины и т.д. — это все очень действительно с помощью Божьей вместе. Так вот, давайте привыкать к мысли еще год не видаться, и, если Бог даст поправления дальше, год пройдет скоро. <...>

Я поеду, т.е. думаю ехать в Стокгольм прямо отсюда (18 часов).

Там Staddling, а из Стокгольма к Вестерлунду <у> 4 часа езды — маленький городок. Ну, это все еще впереди.

Иван мой бесконечно предан и мил. Теперь стряпает мне вместо кухарки. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13993. Л. 1-2. Автограф.

О *Й. Стадлинге* см. выше примеч. 16 к Главе 10. Из писем Й. Стадлинга, сохранившихся в архиве Л.Л. Толстого, следует, что в июне 1895 года, узнав о пребывании больного Льва Львовича в Гангё, он порекомендовал ему доктора Вестерлунда и взялся договориться с ним. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 787. Л. 1-10 об. Автограф на англ. языке.

27 августа/8 сентября 1895 года Л.Л. Толстой закончил письмо матери так: «<...> Вестерлунд, к которому я собираюсь, не только запрещает видаться с родными больным, как я, но и писать письма. Как это мудро, и все мне нравится его». — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13995. Л. 1. Автограф.

14/26 сентября 1895 года Л.Л. Толстой покинул Гангё и отправился в Швецию. — *Там же*, № 13997. Л. 1. Автограф.

Глава 15

¹ Рюрик (умер в 879 году) — варяжский князь, пришедший в 862 году в Новгород вместе с братьями и дружиной. Летописная легенда о призвании на Русь Рюрика была востребована в XVIII веке для создания теории, согласно которой норманны сыграли решающую роль в становлении древнерусского государства. Из известных историков эту точку зрения разделял Н.М. Карамзин. Потомки Рюрика (Рюриковичи) правили на Руси до конца XVI века.

² Русско-шведская война 1808-1809 годов была вызвана агрессией России и ставила целью захват Финляндии, которая вошла в состав Российской империи под официальным названием Великого княжества Финляндского.

³ Стокгольм расположен на трех островах между озером Меларен и бухтой Балтийского моря. Курортный город Энчёпинг стоит на берегу речки, впадающей недалеко от него в озеро Меларен. — См.: *Стокгольм. Гельсингфорс. Ганге*: Практический путеводитель / Составил Л. Волков. СПб.; М. [Б.г.] С. 15; *Толстой Л.Л.* Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях... С. 129, 155.

Первое письмо из Швеции Л.Л. Толстой отправил 17/29 сентября 1895 года:

«Милая мамá, пишу Вам из Стокгольма. Я приехал сюда третьего дня вечером и остановился у Stadling’a, который встретил меня на пристани. Переезд через море был

восхитительный. Вот уже пять дней стоит тепло<е> и красивое бабье лето. Стокгольм очень эффектен, когда подъезжаешь, и воздух здесь не хуже, чем в Гангё. Кругом вода, как в Венеции. Stadling страшно любезен, конечно, и мне приятно найти здесь друга. Завтра вечером еду в Enchöpping к Вестерлунду — цель путешествия. Вероятно, он оставит меня у себя и продержит, сколько нужно. Все продолжают в один голос говорить о нем, как о замечательном человеке и докторе, и предсказывают мне выздоровление у него. Здесь много интересного, и мне хорошо.

Шведы — народ очень честный, чистоплотный, учтивый и старательный и, хотя мало в них общего с нами, они мне симпатичны, потому что чувствуешь в них что-то серьезное и доброе. К несчастью, у меня мало сил посещать <такие> места, как школы или общественные собрания, а то бы можно было кое-чему поучиться. Надеюсь на зиму. Школ в Стокгольме множество, и лучшие здания — это учебные заведения.

Все теперь новое кругом, после Гангё, где я по привычке и завел знакомых. Опять все порвано кругом, и я один с Иваном, и надо выпускать новые паутины к людям. Это чувство неприятно мне всегда. Когда-то я, наконец, сяду и совою свою паутину на всю жизнь, конечно, когда вернуться силы и здоровье. Пишите пока просто в *Enchöpping. Gréve Tolstoy. Sverige*. Это такой маленький городок, что и не нужно улицы. <...>

Думал я Ивана отправить домой, но мне жалко расставаться с ним, да и слаб я пока хоть для того, чтобы завязать чемодан. Подумаю месяца через два, а Вы напишите, устоите ли Вы его у себя, чтобы потом опять он мог перейти ко мне. В Гангё я истратил довольно много денег. Хотелось бы здесь жить дешевле. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 13998. Л. 1-2 об. Автограф.

...*Enchöpping*. — правильно: *Enköping*. — Энчёпинг (*швед.*).

...*Gréve Tolstoy. Sverige*. — Графу Толстому. Швеция (*швед.*).

⁴ 2 октября 1895 года Л.Л. Толстой писал С.А. Толстой:

«Дорогая мамá, я в Enchöpping'e, под властью Вестерлунда. Завтра ложусь в постель на 2 или больше недели, и мне все будет запрещено, кроме еды, и спанья, и массажа. Сегодня последний день мне позволено делать, что я хочу. Доктор мне очень нравится. Устроился отлично. Добрые люди, хороший климат, тихая жизнь, спокойствие и благодущие на лицах. Много интересного. <...> Обо мне расписали во всех газетах, и в Стокгольме у меня было смешное interview. Stadling очень мил и сейчас здесь со мной в Enchöpping<'e>. Пока мы в гостинице, но сегодня переедем в “дом лечения”, как называют здесь. Хозяйка — старая дива Miss Gillimot, добрая, честная христианка, у нее человек 10-15 больных в доме. За всеми уход, как за своими. Около ее домика уже поле и недалеко леса. Вестерлунд говорит, что месяца через 3 он отпустит, мож<ет> быть, меня, но с режимом на всю жизнь. Иван со мной, вероятно, на первое время я отправлю его в Стокгольм, потому что он не нужен, и доктор находит, что он мне вреден. <...>» — **Там же**, № 13999. Л. 1-2. Автограф.

Других сведений о *miss Gillimot* или *mademoiselle Guillemot* найти не удалось. Имя ее не названо ни в очерках, ни в книге Л.Л. Толстого о Швеции, хотя о пансионе говорится довольно обстоятельно. — См.: **Толстой Л.Л.** Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях... С. 163-164.

⁵ Через несколько дней, 8 октября 1895 года Л.Л. Толстой в письме отцу рассказал о своем спасителе: «<...> Доктор Вестерлунд — человек особенный. 57<-ми> лет, на вид — 40-ка, небольшой, коренастый, с красными щеками и большими, широко расставленными глазами, кот<орые> щурит. Он умен, добр и, что объясняет его силу, умеет влиять на больных, входя в их души и попадая именно на те места, откуда и где мучит болезнь. Городок *Enchöpping* маленький, как Одоев наш. У Вест<ерлунда> человек 100-150 больных в *pensions*, кот<орых> он обходит. Кроме того, он принимает дома целый день. Сюда съезжаются со всей Скандинавии и из Финлянд<ии>, а иногда из более далека.

Очень оригинальное место. Больных *выхаживают*. Строго, добро, мудро, терпеливо. Ну, довольноно.

Нервы все еще плохи, и в голове стучит, если чуть устану, и сердце колотится неправильно. Не знаю, мож^{<ет>} быть, это останется на всю жизнь, как у всех почти, болевших тем, чем я, — увидим. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив Л.Н. Толстого, п. 108/10, № 38. Л. 1-2. Автограф. Курсив *Л.Л. Толстого*.

Одоев — городок в Тульской губернии.

...pensions... — пансионны (*англ.*).

⁶ В первом очерке, посвященном шведскому доктору, Л.Л. Толстой писал: «... Вестерлунд оттого успевае^{<т>} в своем лечении, что умеет заставить больных слушать себя. ...» — См.: *Толстой Л.Л.* Замечательный врач // *Неделя*. СПб., 6 апреля 1897 года, № 14. Стб. 439. См. также выше примеч. 8 к Главе 14.

⁷ Слуга Иван приехал в Россию раньше, чем С.А. Толстая решила, что с ним делать. В недатированном письме сыну она заметила: «<...> Событий нет; твой Иван приехал благополучно, в восторге, что в России, но еще не знаем, куда он пристроится. <...>» — **ИРЛИ**, ф. 303, № 674. Л. 29. Автограф.

А 22 октября 1895 года из Ясной Поляны С.А. Толстая написала сыну: «<...> В Москве твой Иван все еще ищет места и ждет паспорта. Нам он не нужен; у меня Илья и еще прекрасный лакей; но мы место ему найдем, хоть и на время. <...>» — *Там же*. Л. 32 об. Автограф.

⁸ По семейным преданиям, среди тех методов, которые использовал доктор Вестерлунд, самыми важными были три: диета, моцион и трудотерапия. Помимо рукоделия, Л.Л. Толстой сразу же начал учиться у городского переплетчика искусству восстанавливать книги. Его моцион состоял из длинных прогулок, катания на коньках и лыжах. — Примеч. *Т.Л. Балдовской*.

⁹ Л.Л. Толстой знал, что старшая дочь доктора, Матильда (Пинда) Вестерлунд (1868-1954) летом 1889 года вышла замуж за его бывшего пациента Мариуса Сельмера (Selmer; 1860-1931). — Примеч. *Т.Л. Балдовской*. См. также: (<https://gw.geneanet.org/karosenius?lang=en&n=selmer&oc=0&p=ludvig+marius>)

Их сын Эрнст родился 23 апреля 1890 года. См. о нем ниже.

¹⁰ Матильда Флодерус (Floderus; 1828-1912) была секретарем доктора Вестерлунда, вела запись больных и отвечала за почту. В семье ее звали «Мустер Ма» или Морелли. — Примеч. *Т.Л. Балдовской*. См. также: (<https://www.geni.com/people/Matilda-Floderus/6000000019483559500>)

О привязанности Д.Ф. Толстой к старой тетушке см. одно из первых ее писем родным из Ясной Поляны от 15 сентября (ст. стиля) 1896 года. — См.: *Три письма в Швецию из Ясной Поляны* / [Перевел со швед. *Г.И. Мурыгин*] // *Толстовский сборник*. Новосибирск, 1999, № 1. С. 59.

О смерти Матильды Флодерус см. в письме Л.Л. Толстого матери от 1 июня (по нов. стилю) 1912 года. — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14547. Л. 1.

¹¹ Нина Вестерлунд (урожд. Флодерус; 1839-1922) — жена Э.Т. Вестерлунда (<https://www.geni.com/people/Nina-Floderus/6000000006595794325>).

8 марта (нов. стиля) 1896 года Л.Л. Толстой писал о семье Доры так: «<...> Мать ее — простая женщина, скромная и добрая <из> мелкой помещич^{<ьей>} семьи, где Вестерл^{<унд>} был учителем до его известности. Они живут 28 лет вместе — было трое детей, дочерей. Одна умерла<...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14014. Л. 1 об. Автограф.

Отец Нины — Уно Флодерус (1804-1874); мать — Эрика Вильгельмина Тол (Théel; 1803-1843). См. о них также: (<https://www.geni.com/people/Uno-Floderus/6000000015737469798>) (<https://www.geni.com/people/Erica-Vilhelmina-Théel/6000000015737470752>)

¹² В письмах домой Л.Л. Толстой иногда упоминал и тетушку Гётильду или Гюту (1841-1918). Она постоянно жила во флигеле в Хальмбюбуде, разводила кур и была королевским поставщиком яиц. — Примеч. Т.Л. Балдовской. См. также: (<https://www.geni.com/people/Götilda-Floderus/6000000019483253762>)

¹³ Сигне Иоханна Доротея Вестерлунд (Westerlund; в замужестве Дора Федоровна Толстая; 1878-1933). См. о ней ниже.

¹⁴ В семье детей Толстых сохранилась другая версия знакомства родителей. Согласно ей, Л.Л. Толстой в первый раз увидел Дору Вестерлунд на катке и на Новый год официально просил ее руки. — Примеч. Т.Л. Балдовской.

Глава 16

¹ 23 февраля 1896 года Л.Л. Толстой поделился радостью с матерью:

«Да не возмутит Ваши души это письмо, а пусть успокоит, и да будут ночи Ваши спокойные, а дни радостные, как и мои.

Но пусть это известие *не выходит из нашего дома*.

Переживал я то, что полюбил девушку, которая полюбила меня, и настолько искренно и сильно с обеих сторон, что мы не можем скрывать этого.

Когда мы женимся, это неизвестно. Надеемся следующей осенью или зимой, пока же все время надеюсь быть с ней вместе и весну и лето. Она хочет выхаживать меня, а мне с нею жизнь и счастье. Напишите ей и отцу, кто хочет, — папа, Вы, сестры. Это будет нам всем большая радость. Завтра она придет из Стокгольма, где учится. Она была здесь 2 месяца. Ее зовут (3 имени) Dora (это первое имя) Westerlund, и она вторая дочь доктора.

У него всего две дочери. Старшая замужем за норвежцем с мальчиком 5<-ти> лет. Была здесь.

Прощайте. Целую Вас пока. Да, забыл сказать: она очень молода — 17 лет, но странно, что даже в мелочах так понимает все и меня.

Лева.

23/II/96.

Пишите ей по-английски.

P.S. Все это меня ослабило волнением, но теперь лучше и пойдет, молю Бога, все на гору. Это мое первое глубокое чувство.

Я бесконечно счастлив, что нашел этих милых, добрых людей, понимающих жизнь так просто, и ясно, и честно.

<...> Бедный Вестер<лунд> был сам так ошеломлен всем этим. Но об этом слишком долго. Он такой скромный человек<>». — **ОРГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14012. Л. 1-2 об. Автограф. Курсив Л.Л. Толстого.

² См. письмо Л.Н. Толстого сыну от 19 февраля 1896 года: «Получил вчера твое письмо, дорогой Лёва. Я очень рад. Мне представляется это очень хорошим. Весь тон твоего письма порадовал меня. ...» — **ПСС**. Т. 69. С. 43-44. См. также письмо Л.Н. Толстого сыну от 5 апреля 1896 года. — **Там же**. С. 79-80.

³ Тональность писем С.А. Толстой, действительно, была другой. 4/16 марта 1896 года она писала сыну: «<...> Что же касается твоей невесты, то разве можно не приласкать

17-тилетнего ребенка? Карточку ее я получила, но ничего не могу по ней судить: *взгляда* нет на ней, рот и подбородок показывают решительный характер. <...> Когда все кончено и решено — стало, конечно, страшно за вас. Но будущее всегда для всех темно и будем надеяться и молить Бога, что все будет хорошо. И хотелось бы мне предупредить вас, как много будет трудностей, осложнений и разочарований, — но ведь вы теперь ничему не поверите. <...> То, что невеста твоя иностранка, во многом сделает вам жизнь трудной. <...>» — *ИРЛИ*, ф. 303, № 675. Л. 11-11 об. Автограф. Курсив *С.А. Толстой*.

Через несколько дней она написала более определенно.

«

7/19 марта 1896 г<ода>.

Милый Лева, если найдешь это нужным и приятным для Доры, передай ей мое письмо. <...> Я хотела только приласкать ее, если она тебя любит и если она хорошая. <...> Очень стало за вас страшно, когда все решилось. Подумал ли ты хорошенько, примерил ли ты Дору и ее жизнь с тобой к России, к семье, ко всем обстоятельствам и осложнениям жизни? А ведь то, что она не русская, — это для вас обоих, особенно для нее — лишняя трудность и лишнее осложнение в жизни. <...> Не суетись и не нервничай, ради Бога; и сам с собой строже и лучше проверяй и обдумывай свое положение.

Теперь жизнь пойдет серьезней и еще трудней: ведь ты один ею будешь и должен руководить, т.е. жизнью. <...>» — *Там же*. Л. 13-14 об. Автограф.

⁴ Гостиница названа в честь поэта Виктора Рюдберга (1828-1895), чьи стихи Л.Л. Толстой пробовал переводить в первые годы своего знакомства со шведской литературой (см. об этом ниже).

⁵ Доктор философии, доктор богословия, профессор Упсальского университета, член библейской комиссии, пастор Вальдемар (Эрик Георг Наполеон) Рудин (Rudin; 1833-1921) в 1888 году был удостоен Королевской награды за свои сочинения, а в 1896 году избран членом Шведской академии. — См.: *Nordisk familjebok*. Stockholm, 1916. Bd. 23. K. 1116-1118 (runeberg.org/nfcc/0610.html); *Svenskt biografiskt lexikon*. Stockholm, 2000. Bd. 30. S. 695 (https://sv.wikipedia.org/wiki/Waldemar_Rudin).

Благодарю профессора Бена Хеллмана за это сообщение. — В.А.

⁶ Бракосочетание Л.Л. Толстого с Доротеей Вестерлунд состоялось 15/27 мая 1896 года. — См.: *Кобак А.В., Андреев А.И.* Из истории русского храма и некрополя в Стокгольме // *Невский архив*: Историко-краевед. сборник. СПб.: Atheneum; Феникс, 1995. Вып. II. С. 438-439.

В копии брачного свидетельства упоминаются: «<...> настоятель церкви протоиерей Иаков Смирнов с псаломщиками Григорием Дементьевым и Василием Блиновым. Поручителями были — по женихе: действительный тайный советник Иван Алексеевич Зиновьев и коллежский советник Василий Сергеевич Сергеев; по невесте: Манфред Мустафа Флодерус, ректор Упсальской гимназии, и надворный советник князь Константин Павлович Мурузи. <...>» — *Архив внешней политики МИД России*, ф. 193, оп. 817/1, ед. хр. 493. Л. 142.

Действительный статский советник *В.С. Сергеев* (1857-1910) в 1904 году был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром России в Швеции. — *Там же*, ф. ДЛС и ХД, оп. 464, дело № 3006-а. Л. 1-2. Формулярный список.

Знаменитый шведский естествоиспытатель *М.М. Флодерус* (Floderus; 1832-1909), в дополнение к своим регалиям, был дядей невесты. — См.: *Svenskt biografiskt lexikon...* Bd. 16. S. 190 (ok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=14246).

В официальных изданиях иначе представлен второй секретарь посольства России в Швеции и Норвегии, потомок греческих князей Константин *Панайотович* Мурузи (1848-1913). — См.: *Вся Россия*: Рус. книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: Торгово-промышленный календарь Рос. империи на 1895 год. СПб., 1895.

Т. 1. Отд. I. Стб. 43; *Ежегодник Министерства иностранных дел*: 1895. СПб., 1895. С. 141; *Там же*: 1896. СПб., 1896. С. 111.

О настоятеле посольской церкви в Стокгольме, кандидате богословия, протоиерее Иакове (Якове Георгиевиче) *Смирнове* (1854-1936) см.: *Памятная книга по С.-Петербургской епархии* /Сост. Н.М. Кутепов. СПб., 1899. Стб. 481-482; *Православные церкви и русские учреждения за границею* (Австро-Венгрия, Германия и Швеция): В 2-х частях /Сост. А.П. Мальцев. Берлин, 1911. С. 297; *Румянцев П.П.* Из прошлого русской православной церкви в Стокгольме: Ист. очерк. Берлин, 1910. С. 126.

Псаломщик Василий Николаевич *Блинов* с 1883 года служил в Стокгольме. — См.: *Православные церкви и русские учреждения за границею...* С. 298; *Румянцев П.П.* Из прошлого русской православной церкви в Стокгольме... С. 145.

Второй псаломщик, выпускник С.-Петербургской духовной академии 1883 года, кандидат богословия Григорий Александрович *Дементьев*, с этого же года служил в Стокгольме, потом в Париже. — См.: (<http://www.petergen.com/bovkaloduhov/spbda.html>); *Православные церкви и русские учреждения за границею...* С. 298; *Румянцев П.П.* Из прошлого русской православной церкви в Стокгольме... С. 145.

⁷ См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 388-392.

⁸ Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Швеции и Норвегии И.А. Зиновьев (1835-1917) был братом тульского губернатора, знакомого Толстых, Николая Алексеевича Зиновьева (1839-1917). — См.: *Ежегодник Министерства иностранных дел*. СПб., 1895. С. 141.

⁹ 11 июня (нов. стиля) 1896 года Л.Л. Толстой писал из Висбю родным в Ясную Поляну: «<...> Мы все еще в Visby. Ездим в море, D<ollan> купается, я беру ванны, много ходим, читаем, а главное, сблизается и стараемся стирать друг в друге все лишнее и мешающее жизни в любви и дружбе. Пока все хорошо, но не легко, как я и ждал, хотя, мож<ет> быть, легче, чем другим. Я думаю, что отношения наши серьезнее и глубже, чем часто бывает. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14028. Л. 1 об.-2. Автограф.

¹⁰ Висбю — один из исторических центров большого союза немецких городов, возникшего в XIV веке и преобразованного в XVII веке в союз государств бассейна Северного и Балтийского морей (от нем. *Hanse* — союз, товарищество, гильдия).

¹¹ 23 июня (нов. стиля) 1896 года Л.Л. Толстой писал С.А. Толстой: «Милая мамá, вчера мы приехали сюда после очень утомительного путешествия, чтобы провести здесь два месяца. Гаусталь — это санаторий в горах Норвегии в 9-тичасовом расстоянии от Христиании, где мы провели два дня и, между прочим, видели Ибсена. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14029. Л. 1. Автограф.

Л.Л. Толстой вскользь упомянул о своей встрече с норвежским драматургом Генриком *Ибсеном* (Ibsen; 1828-1906), зная, что Л.Н. Толстой скептически относится к нему. — *ПСС*. Т. 66. С. 45. 28 декабря 1890 года Л.Л. Толстой записал в своем дневнике, который он вел в студенческие годы: «... Папá говорил еще о драме Ibsen'a "Привидения" и изложил нам ее содержание. Ему очень не нравится она. Он удивляется бедностью изящной литературы не только в России, но и во всей Европе. ...» — См.: *Сын и отец... //Лица...* Т. 4. С. 210, 234-235.

В России драма Г. Ибсена "*Привидения*" (1881), продолжающая тему распада семьи, была запрещена вплоть до начала 1904 года, хотя переводы пьесы появились значительно раньше. — См.: *Ибсен Г.* Привидения: Драма в 3-х действиях /Пер. с норв. Н. Лимонов. СПб., 1891; *Ибсен Г.* Привидения: Драма в 3-х актах /Перевод с норв. К. Бальмонта. М., 1894; *Ибсен Г.* Привидения: Семейная драма в 3-х действиях /Пер. с дат. А. и П. Ганзен. М., 1903;

и др. См. также: *Соловьева И.* Урок Ибсена // *Третьяковская галерея*. М., 2013, № 1: Спец. выпуск (*Норвегия — Россия: на перекрестках культур*). С. 155-181. Текст парал: рус., англ.

¹² Первое письмо из Хальмбюбуды датируется 4-м июля (нов. стиля) 1896 года. — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14030. Л. 1-2. Автограф.

¹³ Первое упоминание о болезни Доры встречается в письме Л.Л. Толстого матери от 16 июля (нов. стиля) 1896 года: «<...> Мы живем хорошо. Это очень много сказать. D<ollan> нервнее, чем прежде, но если верно, что она б<еременная>, то она, я уверен, много сильнее и легче переносит эти первые недомогания, чем другие. <...> Мы живем теперь внизу в большом здании Гаусталя, так что D<ollan> не ходит больше по горам, что ей строго запретил отец. <...>» — *Там же*, № 14033. Л. 1 об.-2. Автограф.

Через месяц, 28 августа (нов. стиля) 1896 года Лев Львович вновь коснулся этой темы: «<...> Здоровье Доры не совсем в порядке, если Вы интересуетесь; Вестерлунд сам теперь уверен, что ее нездоровье был выкидыш. <...>» — *Там же*, № 14035. Л. 1 об.-2. Автограф.

Глава 17

¹ Л.Л. Толстой ошибся: в горы Э. Вестерлунд посоветовал ему поехать летом **1897** года. Первое письмо с нового места написано 17/29 июня 1897 года:

«Милая мамá <...> Я теперь в Storlien в горах, где лежит тающий в ущельях снег и цветут butter cups. Это станция Северной железной дороги, на границе Норвегии и недалеко от города Трондхейма, где знаменитая церковь и океан. Я поеду туда на днях на день.

В первый раз мы расстались с женой после года вместе. <...>» — *Там же*, № 14072. Л. 1-2. Автограф.

...*Storlien*... — о горной станции *Стурлин* в 3-х км от норвежской границы и горном курорте см.: *Толстой Л.Л.* Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях... С. 143-146.

...*butter caps*... — лютики (*англ.*).

...*недалеко от города Трондхейма, где знаменитая церковь и океан.* — Один из древнейших городов Норвегии, до 1905 года входившей в состав Швеции, Трондхейм (Trondheim) был основан в 997 году на берегах живописного Трондхеймфьорда в устье реки Нидельвы (Nidelva), впадающей в Норвежское море. Кафедральный собор Нидарос (или собор святого Олафа) был заложен в 1070 году на месте гибели короля Олафа Харальдссона (Olav Haraldsson; 995-1030), обратившего Норвегию в христианство и канонизированного церковью. Собор св. Олафа на протяжении многих веков остается одним из красивейших соборов Скандинавии.

Вскоре Л.Л. Толстой вернулся с горного курорта: «Дорогая мамаша, вот я и опять с Дорой в N<almybo>da. Было и стало скучно там в горах, и к тому же чувствовал себя совсем здоровым, так что уехал, не прожив и недели. Дора была страшно рада мне. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14073. Л. 1. Автограф.

² В первоначальном варианте книги Л.Л. Толстой писал: «<...> Только через восемнадцать месяцев после свадьбы я решился оставить Швецию и привезти жену в Ясную Поляну, ибо я хотел поселиться в ней и повести хозяйство имения, которое наполовину принадлежало матери, а наполовину нам, пяти братьям, после смерти Ванечки. Мне хотелось в будущем одному завладеть всем нашим родовым имением и таким образом продолжить в нем толстовский род. Но эти мечты были только мечтами потому, что я уже тогда сознавал, что Ясная Поляна, как родовое имение Толстых, почти погублено, во-первых, тем, что оно стало собственностью шести человек, во-вторых и в-главных, тем, что Лев Николаевич просил похоронить себя в середине имения, что, конечно, будет привлекать посетителей на

его могилу и тем делает частную семейную жизнь будущих Толстых несносной. <...>» — *Там же*. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 60. Черновой автограф.

В недатированном письме, отправленном в Ясную Поляну в феврале 1896 года, Л.Л. Толстой наметил такой план жизни на ближайшее время: «<...> Не знаю, когда будем венчаться. Хочется скорей, — естественно. Лето <проведем> в горах. Зиму — в Яс<ной> П<оляне>, может быть. Думаю жить во флигеле. Его надо заново и хорошо отделать. Я хочу жить отдельно зиму и лето, чтобы ей <жене> было естествен<ное> занятие по дому и по другим причинам. Я возьму хозяйство в Ясной Пол<яне> тоже, как первое естествен<ное> занятие. <...>» — *Там же*. Архив С.А. Толстой, № 14014. Л. 1 об.-2 об. Автограф. Курсив Л.Л. Толстого.

Однако С.А. Толстая совсем не была в восторге от этой идеи. 4/16 марта 1896 года она ответила сыну так: «<...> Ты пишешь: жить в Ясной, хозяйничать, пишешь, что религия её и отца её — труд и польза. Как все эти принципы сейчас же находят приложение у иностранцев, а у нас — увы! Куда ни сунься — делать нечего.

Какое в Ясной хозяйство? И разве это возможно в разных руках и при жизни отца?

Нет, Лева, не поселяйся с нами, опять захвораешь. Свей *свое* гнездо, купи имение, если хочешь жить в деревне, и, ввиду нашего общего счастья и спокойствия — не живи с нами. Любя тебя, я это советую. Погоди, нам недолго с папá жить осталось. Впрочем, это еще впереди. Во всяком случае, я нынешним летом собиралась окончить пристройку, отштукатурить её и вместе выбелить и поправить флигель и дом, чтобы все было в хорошем виде, когда меня не станет или когда я выеду из Ясной.

Лето, во всяком случае, оставайся в Швеции, Норвегии или Ханго, — тебе это, конечно, лучше нашего климата. <...>» — *ИРЛИ*, ф. 303, № 675. Л. 11 об.-12. Автограф. Курсив С.А. Толстой.

Ханго (Ханко, Гангё) — город на берегу Финского залива, где Л.Л. Толстой лечился летом 1895 года. См. выше Главу 14.

³ В августе 1896 года Л.Л. Толстой изложил матери свое видение ближайшего будущего: «<...> Мы будем между 1-10 сент<ября> старого стиля. Сперва в Москве, где, пожалуйста, распорядитесь приготовить мои две комнаты. Потом в Ясной, где я думаю прожить всю зиму, если позволите. <...>

Ваше письмо и отрицательн<ый> ответ меня огорчили. Не буду говорить об этом. Зимой я думаю найти кусок земли в Москов<ской> губерн<ии> и весной или летом переселиться туда. В Ясной я жить не буду<...> Dollan боится России и волнуется, но твердо решила теперь следовать за мной всюду.

Ваш Лев.

Пожалуйста же, это не так трудно, — для Д<оллан> больше, <чем для меня> — приготовьте нам место, где жить, хоть это время, до собствен<ного> дома». — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14036. Л. 1-2. Автограф.

Л.Л. Толстой с женой приехали в Ясную Поляну 1 сентября 1896 года. — *ПСС*. Т. 53. С. 106, 453-454.

⁴ В Ясной Поляне было два кучера и обоих звали Адрианами (Андреянами): Адриан Григорьевич Болхин (1865-1936) и Адриан Павлович Елисеев (1867-1938). Кто из них имеется в виду в данном случае, установить не удалось.

⁵ О Марии Николаевне Толстой (урожд. Волконской; 1790-1830) и Николае Ильиче Толстом (1794-1837) см. подробнее в кн.: *Толстой С.М.* Древо жизни... С. 70-82.

⁶ О Татьяне Александровне Ергольской (1795?-1874), Александре Ильиничне Остен-Сакен (урожд. Толстой; 1797?-1841) и Пелагее Ильиничне Юшковой (урожд. Толстой;

1798?-1875) см.: *Пузин Н.* Кочаковский некрополь... С. 30-31; (<http://collections.tolstoymuseum.ru:9000/items?info=106821&sa-fund=10>).

⁷ Речь идет о Пете и Николеньке Толстых (см. о них выше примеч. 25-26 к Главе 1). — *Там же*. С. 28.

⁸ См. о ней в Главе 7.

⁹ Иван Васильевич *Суворов* (Ванюша; умер в 1900 году) в 1851 году сопровождал Л.Н. Толстого на Кавказ, а в 1852 году переписывал некоторые главы повести «Детство». — См.: *Толстой Л.Н.* Переписка с сестрой и братьями... С. 78.

Его брат, Василий Васильевич *Суворов* (1825-1912) — крестьянин деревни Ясная Поляна, бывший дворовый Толстых. — См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 24-25.

Его жена, Пелагея Николаевна *Суворова* — прачка в доме Толстых.

Татьяна Ивановна *Суворова* служила в московском доме Толстых. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 266, 409.

¹⁰ *Арбузовы* занимали особое положение в доме Толстых. *М.А. Арбузова* была няней старших детей Толстых, в том числе и Л.Л. Толстого (см. выше примеч. 17 к Главе 1).

Ее сын, Павел Петрович *Арбузов* (умер в 1894 году), был сапожником и обучал Л.Н. Толстого этому делу.

Его брат, Сергей Петрович *Арбузов* (1849-1904), более 20-ти лет был старшим лакеем в доме Толстых, а с 1883 года стал владельцем столярной мастерской в Туле. Позднее он рассказал о своих взаимоотношениях с обитателями Ясной Поляны в кн.: *Арбузов С.П.* Гр. Л.Н. Толстой: Воспоминания бывшего слуги графа Л.Н. Толстого. М., 1904. См. также: *Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников*... Т. 1. С. 293-315, 579-581.

Жена С.П. Арбузова — Арина Григорьевна *Арбузова* (Ариша; урожд. Дергачева; 1849-1925) стала няней младших детей Толстых.

О дворовых старшего поколения, Арбузовых и Суворовых, см.: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 21-26. См. также: *Сафонова О.Ю.* Словарь яснополянских крестьян... // *Яснополянский сборник 2002*... С. 329, 354-355.

¹¹ О своих первых впечатлениях от Ясной Поляны и русской жизни Д.Ф. Толстая сразу же написала родным. Ее первые письма опубликованы. В них и естественная растерянность от столь непривычных картин природы, и почти детская непосредственность, и плохо скрываемый страх от того, что все не так, как в Швеции.

В первом из приведенных документов Д.Ф. Толстая 3 сентября 1896 года так описала родителей своего мужа: «... “Старик” очень добрый, любезный и хороший человек, похожий на свои портреты, но очень уж стар, хотя и играет в лаун-теннис и работает с утра до вечера. “Старушка”, нет, она совсем не соответствует такому названию, выглядит гораздо моложе, чем на тех портретах, которые мы видели летом, очень живая и подвижная, можно сказать, нервная. У нее, кажется, очень много дела, и все она должна делать совершенно одна, бедняжка. Едет сегодня в Москву, недели на три. ...»

А вот ее впечатление от деревенских жителей: «... Вчера вечером нахлынула большая толпа женщин из деревни. Плясали, пели и громко величали Леву и меня. Наконец подарили мне пестро разряженного петуха и платок, полный яиц. За это им дали 4 рубля (очевидно, основная цель их посещения) и, наконец, отослали их восвояси. Все было очень торжественно. Но я совершенно оглохла от всего этого шума. Какой, видно, это живой народ, но, Боже упаси, какой неряшливый! Не хочется мне говорить об этом доме и усадьбе, обо всем здесь, но, между нами, здесь не очень-то опрятно, а деревня — ОЙ! ОЙ! ОЙ! — маленькие неопрятные домишки с соломенной крышей и маленькими-маленькими комнатками, наполненными людьми и всякой всячиной. Я зашла вечером в одну избу. Мы

гуляли с Левиным отцом. Бабушка Хольмквист, можно сказать, жила[,] словно в раю, не говоря уже о семье Андерссонов, по сравнению с этими. Но они неплохо одеты, по крайней мере летом, и уж очень ярко и пестро. ...» — См.: *Три письма в Швецию из Ясной Поляны...* // *Толстовский сборник...*, № 1. С. 58-65.

... *Едет сегодня в Москву...* — это замечание Д.Ф. Толстой позволяет установить дату письма, так как С.А. Толстая уехала из Ясной Поляны в Москву 3 сентября 1896 года. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 646. На следующий день, 4 сентября 1896 года Л.Н. Толстой писал жене в Москву: «Утром работал, играл в теннис, учил Доллан по-русски. ...» — *ПСС*. Т. 84. С. 254.

... *бабушка Хольмквист ... семья Андерссонов...* — бедные люди, жившие рядом с Вестерлундами (см. о них ниже).

¹² Л.Л. Толстой ошибся: в 1896 году С.А. Толстая не вела дневник. Эта запись с небольшими изменениями относится к 14 августа **1897** года. Ср.: «Приехали из Швеции Лева и Дора, веселые и счастливые. Слава Богу. И у нас веселей будет. ...» — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 284.

¹³ Эта запись сделана 16 августа **1897** года. Ср.: «... Лева с Дорой устраиваются, разбирают вещи. Доре трудно, бедняжке, на чужой стороне и в нашей-то не очень-то радостной семье. ...» — *Там же*. С. 286.

Глава 18

¹ Подтверждение этого — в реплике старшего брата Л.Н. Толстого, С.Н. Толстого, которую слышали дети Толстых: «... Вашего отца приказчик обворует на 1000 рублей, а он его опишет и получит за это описание 2000 рублей: тысяча рублей в барышах. Я не могу так хозяйничать!» — См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 274.

² О занятиях Л.Н. Толстого скульптурой во время короткого пребывания в Москве в январе-марте 1866 года см. запись от 12 марта в кн.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 76-77; см. также: *Толстая С.А.* Моя жизнь... Т. I. С. 146-147.

³ Как писал Л.Л. Толстой матери из Упсалы 5 апреля (нов. стиля) 1896 года, Дора «<...>начала уроки русск<ого> с псаломщик<ом> в Стокгольм<е...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14019. Л. 1 об. Автограф.

В качестве доказательства этого приложена записка Доры к Л.Л. Толстому на русском и английском языках. — *Там же*. Л. 3-3 об.

⁴ Эта газета издавалась в Стокгольме с 1769 года под разными названиями: “Dagligt Allehanda”, “Nya Dagligt Allehanda”, “Nya Dagligt”. — См.: *Svenskt Konstnårs Lexikon*. Malmö, 1852-1967. Bd. 1. S. 60-67; Bd. 2. S. 114-115; Bd. 3. S. 482; Bd. 5. S. 463; *Anderson I.* Svenska Dagbladets historia. Stockholm, [1960-1965]. Del. I. S. 10-11,16; Del. II. S. 218.

⁵ С 1885 по 1942 год газета выходила под названием “Nya Dagligt Allehanda”. — См.: *Швеция*: В 2-х частях. СПб., 1912. Ч. I. С. 428-429; *Anderson I.* Svenska Dagbladets historia... Del. I. S. 10-11, 16; Del. II. S. 218.

В архиве Л.Л. Толстого среди прочих деловых бумаг сохранилось разрешение Д.Ф. Толстой получать в Ясной Поляне “*Nya Dagligt Allehanda*” без цензурного просмотра, датированное 2 августа 1900 года. Другую шведскую газету, которую Л.Л. Толстой хотел выписать для жены, “*Svenska Dagbladet*”, русская цензура не пропустила, сославшись на официальный запрет этого издания к ввозу в Россию. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 818. Л. 6-6 об.

⁶ Приезд молодой пары в Ясную Поляну совпал по времени со множеством важных для Л.Н. Толстого событий: преследованием духоборов, ходынской трагедией, интенсивной работой над романом «Воскресение». Наконец, сам процесс витья гнезда молодыми супругами входил в противоречие с изложением «Христианского учения», которое всё больше занимало Л.Н. Толстого. Так что «влияние» Л.Л. Толстого имело прежде всего негативный характер и лишь обостряло ситуацию в Ясной Поляне.

⁷ См.: *Толстой Л.Л.* Мои разговоры с отцом осенью 97-го года // *Лица...* Т. 4. С. 255-261.

⁸ Л.Л. Толстой почти точно приводит запись в Дневнике Л.Н. Толстого от 20 ноября 1897 года. — Ср.: *ПСС*. Т. 53. С. 164.

⁹ Станция Ясенки Московско-Курской железной дороги в 6-ти верстах от Ясной Поляны в 1903 году была переименована в Щекино. — См.: *Щекино*: Фотоальбом / Составитель *В.М. Коровина*. Тула, 1983. С. 6.

Вещи Д.Ф. Толстой были получены в начале декабря 1896 года. О том, что бóльшая часть приданого пришла, но серебро и книги задержаны на некоторое время, Л.Л. Толстой сообщил матери 8 и 11 декабря 1896 года. Эти вещи были доставлены в Ясную Поляну позже. — *ОРГМТ*. Архив С.А. Толстой, №№ 14044-14045.

¹⁰ Этой же точки зрения придерживалась и жившая в Ясной Поляне Т.Л. Толстая. На фоне обычной жизни дома Толстых, надвигающегося голода 1898-1899 годов, а также личных неурядиц она не могла вполне сочувствовать хозяйственным заботам супругов. Этим в какой-то мере объясняется ее запись в дневнике от 15 марта 1897 года: «... Сейчас приходила Дора и звала меня посмотреть, как она переставила мебель в своей комнате. Ни у нее, ни у Левы ни минуты не поднимается вопроса о том, насколько они вправе пользоваться той роскошью, которая окружает их. На них двоих — четыре человека прислуги, не считая кучеров, садовника и рабочих, находящихся на дворе. Прислуге этой делать почти нечего, содержится она прекрасно, — так что, выходит, как будто она благодетельствована господами, и Лева, глядя на то, как они все разжирили, радуется и считает, что он достоин похвалы, не понимая, что труд людей не может быть куплен деньгами, и что никто не имеет права, ничего не делая, сладко есть и мягко спать. Мне еще стыднее, чем им, жить так, потому что я сознаю эту несправедливость, а они нет. ...» — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 403.

¹¹ Накидки, призванные предохранять мебель от жирных пятен. Свое название они получили от названия особого сорта жирного масла, которое использовалось как средство для роста волос и имело специфический красноватый цвет. Везли его из индонезийского порта Макаassar.

¹² Нина и Эрнст Вестерлунды приехали в Ясную Поляну в ночь на 20 мая 1898 года. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 383.

¹³ Гора в селе Рудаково в 5-ти верстах от Ясной Поляны.

¹⁴ Лев III — Лев Львович Толстой родился в Ясной Поляне 8 июня 1898 года. — *Там же*. С. 387.

¹⁵ В дневнике С.А. Толстой есть запись от 28 июня 1898 года: «... Он (Лев Николаевич. — В.А.) нашел, что доктор Вестерлунд и мужик немецкий, и буржуазен, и туп, и отстал на 30 лет в медицине; а не видел он доброты этого доктора, его самоотверженную жизнь на

пользу человечества, его желание помочь каждой бабе, каждому встречному; его заботу о жене, о дочери, его бескорыстность». — *Там же*. С. 395.

¹⁶ Возможно, это произошло за ужином в доме Толстых 10 июня 1898 года. См. запись от 11 июня 1898 года в дневнике С.А. Толстой. — *Там же*. С. 387.

Глава 19

¹ Л.Л. Толстой ошибся: над воспоминаниями для детей он работал в *первую* зиму в Ясной Поляне, в 1896-1897 году. 24 марта 1897 года редактор детского журнала “Родник” Алексей Николаевич Альмединген (1855-1908), симпатизировавший молодому автору, благодарил его за присланные воспоминания: «<...> Рукопись теперь совсем хороша. <...> Талант у Вас есть, надо его разрабатывать, он требует ухода. Пишите, смотрите, не покладая рук. Я с интересом буду ждать Ваших детских воспоминаний. <...>» — *ИРЛИ*, ф. 303, № 118. Л. 7-8. Автограф.

4 сентября 1897 года А.Н. Альмединген написал Л.Л. Толстому о своем впечатлении от прочитанных воспоминаний: «<...> Прочел Вашу рукопись, подумал и вот что могу Вам сказать. Прежде всего — я возьму и для “Родника” и начну печатать с января, если Вы в октябре доставите рукопись всю. <...> Итак, Вы будете писать *свое* детство, правдиво и подробно, а не чисто художественное произведение со сборными типами? Верно это? И мне кажется, так и следует, ибо Ваша книга будет вдвойне интересна и сама по себе, и как жизнь семьи Льва Николаевича. <...> Вам, Лев Львович, мне кажется, невозможно писать детство, смешав его с вводной сочиненной повестью. Всякому другому, пожалуй, можно, а Вам нельзя! Таковы уж обстоятельства. Вам если писать, то писать настоящую автобиографию и не скупиться на подробности о Вашем отце. Всякое Ваше воспоминание о нем, всякое соприкосновение с ним, все мелочи, относящиеся к нему, — необходимы в Вашей книге. Их-то от Вас и будут ждать. <...>» — *Там же*. Л. 11-12 об. Курсив *А.Н. Альмедингена*.

Действительно, повесть Л.Л. Толстого была напечатана в журнальном варианте в январе-мае 1898 года. — См.: *Толстой Л.Л. Яша Полянов* (Из воспоминаний детства) // *Родник*. СПб., 1898, №№ 1-5.

В откликах на журнальную публикацию критики иногда удивлялись внешнему сходству сочинения Л.Л. Толстого с «Детством» и «Отрочеством» Л.Н. Толстого. — См.: *Вестник воспитания*: Науч.-попул. журнал для родителей и воспитателей. М., 1898, № 6. Отд. II. С. 16-18. Рецензия подписана криптонимом «*О.О.*».

Однако гораздо больше было читателей, которые с интересом следили за тем, как развивалась жизнь в Ясной Поляне. Издатели уловили это настроение и год спустя вышло отдельное издание повести (см. об этом выше во вступительной статье).

О том, что испытывал автор в это время, свидетельствует его письмо Алексею Сергеевичу Суворину (1834-1912), с которым у него сразу же установились доверительные отношения. 25 февраля 1898 года Л.Л. Толстой ответил на его вопросы так: «<...> Вы спрашиваете, отчего я бросил писать? Я еще не совсем бросил; последнюю вещь под заглавием “Яша Полянов” я поместил в детском журнале “Родник”. Она, впрочем, еще не кончена печатанием. Это воспоминания детства. Конечно, я не хочу равняться с другими такими же воспоминаниями, — куда мне, — а между тем мне не хотелось оставлять не записанными детские воспоминания. Я записал их с любовью; что вышло — не мне судить. Может быть, я подражал отцу? Да как же не подражать ему? Хотя я писал эту вещь не для подражания, а по искренней душевной потребности. Мне было бы дорого знать о ней Ваше мнение.

Детская литература занимает меня. Это литература лучшей, самой чуткой и вместе с тем благодарной публики в наше время. Что писать? Повторять давно всем известное и сказанное? Скучно, ужасно скучно. А детям ничего не скучно, всё ново, если только это искренно и правдиво.

Ваш совет пробовать в драматич<еском> роде я буду помнить, хотя я очень мало вообще верю в себя и мои силы. *Знаете, когда стоишь в свете, окружающем великого отца, чувствуешь себя таким жалким, никем не замечаемым, что последняя вера в себя угасает. Между тем, отвечу Вам теплом за тепло, — во мне часто, особенно за последнее время, с тех пор, как здоровье мое поправилось, шевелится неудержимая потребность писать, чувствуется к этому большое влечение. <...>*» — **РГАЛИ**, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4246. Л. 3-4 об. Автограф. Курсив мой. — В.А.

Зимой 1897-1898 годов Л.Л. Толстой продолжал работу над рассказами, составившими два сборника: «Рассказы из времени студенчества» (М., 1898; цензурное разрешение 18 февраля 1898 года) и «Для детей: Рассказы» (М., 1898; цензурное разрешение 28 февраля 1898 года).

² Над этой книгой Л.Л. Толстой начал работать летом 1899 года. 18 июля (нов. стиля) 1899 года он писал С.А. Толстой: «<...> Я все еще здесь в горах с Вестерлундом. Это станция Storlien недалеко от Норвегии. Чувствую себя много крепче, пишу письма из Швеции в С<анкт>-П<етербургские> Вед<омости>, чтобы не болтаться, да и кое-что можно полезное и нужное русским передать. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14139. Л. 2. Автограф.

О станции *Стурлин* см. выше примеч. 1 к Главе 17.

Незадолго до отъезда из этого горного курорта 29 июля (нов. стиля) 1899 года Л.Л. Толстой в письме матери объединил две темы: деятельность доктора Вестерлунда и продолжение работы над очерками о Швеции: «<...> Он (Вестерлунд. — В.А.) вчера уехал отсюда. Толпа в 200 человек его провожала вечером на станции. Пели ему хором песни и кричали ура.

Дело в том, что Storlien возник по его инициативе и он здесь царит. Я уеду на днях. Все хочется еще набраться сил на дело.

Вчера получил мое первое письмо из Швеции, напечат<анное> в С.-Пет<ербургских> Вед<омостях>. Оно меня огорчило и обозлило вместе. Все хорошее выпущено из боязни цензуры.

Просто досада берет, что это такое у нас делается. Так что, послав письма к Ухтомск<ому>, я не выгадал. Если Вы не получаете С.-Пет<ербургских> Вед<омостей>, я попрошу выслать на Ваше имя. Вам могут быть интересны мои письма. <...>» — **Там же**, № 14141. Л. 1-2. Автограф.

О редакторе «*Санкт-Петербургских Ведомостей*» князе Э.Э. Ухтомском см. выше примеч. 10 к Главе 9.

С.А. Толстая читала первое письмо сына о Швеции. 18 июля 1899 года она поделилась с ним впечатлениями всех яснополянских обитателей:

«Милый друг Лева, сейчас прочла в Пет<ербургских> Вед<омостях> твои письма из Швеции, и они мне очень понравились. Их читали вслух все наши, Сережа, папá, Андр<ей> и Миша, Таня, Саша, Ольга. Сказали, что многое интересно, но что напрасно ты пишешь, что *добрые* не могут жить в России, и ты уехал, пот<ому> что ты добр. <...>» — **ИРЛИ**, ф. 303, № 678. Л. 14. Автограф. Курсив С.А. Толстой.

С.А. Толстая не вполне справедлива к сыну. Начиная разговор со своим читателем, Л.Л. Толстой заметил:

«С большим нетерпением ожидал я нынешней весной возможности уехать из России в Швецию.

Из несчастной, некультурной, но “великой и святой России”, как с оттенком иронии называют ее шведы, в счастливую, культурную, маленькую и далеко не святую Швецию.

Не знаю, как кому другому, но мне решительно невмоготу бывает прожить в России, особенно на одном месте, в деревне, два года подряд без того, чтобы не утомиться духом, без того, чтобы не похудеть телом и не ослабеть энергией. Есть что-то роковое в нашем русском просторе, во всем складе жизни нашей, что преждевременно старит, съедает нас, что кладет

ранние морщины на челе и холодную черствость на сердце. Что это такое? Это многое, это вся русская жизнь с ее темным народом, с ее климатом, с ее обычаями и нравами, с ее безлюдием. И когда, при условиях этих, человек впрягается в оглобли и налетает в хомут изо всех сил, как добрая, безответная лошадь, — сзади на воз ему накладывается такая груда клади, что человек надрывается от непосильной тягости, надрывается и часто гибнет, если он добр и сознает, что обязанность его везти. Чтобы благоденствовать в России, чтобы быть здоровым, чтобы быть гладким телом и спокойным душой, нужно быть ленивым, легкомысленным и злым. Тогда, пожалуй, можно уцелеть, можно наслаждаться прелестями жизни даже и в России, не волнуясь и не беспокоясь ничем, закрывая глаза на мрачную действительность и думая только о своем брюхе. Но как трудно это живому человеку, и потому как нелегко в России жить. ...» — См.: *Толстой-сын Л.* Письма из Швеции: Письмо первое // *С.-Петербургские ведомости*. 12/24 июля 1899 года, № 187. С. 2. Последний абзац в книгу не вошел. — См.: *Толстой Л.Л.* Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях... С. 1.

Об *Ольге* Константиновне Толстой см. выше примеч. 15 к Главе 5.

«Письма из Швеции» Л. Толстого-сына печатались в течение 1899-1900 годов. Разногласия с редакцией «С.-Петербургских ведомостей» были столь серьезны, что по окончании 16-го письма Л.Л. Толстой обратился к читателям с разъяснением: «... Письмо мое о шведском искусстве, живописи, скульптуре и отчасти музыке, долженствовавшее следовать пред прошлым письмом, не было напечатано редакцией в виду ее несогласия с моими взглядами на искусство. — Оно появится при издании моих писем отдельной книгой.

Л.Л.Т.»

— См.: *С.-Петербургские ведомости*. 13/26 апреля 1900 года, № 99. С. 3.

Не удовлетворенный цензурными вымарками, Л.Л. Толстой действительно потом издал свои заметки отдельной книгой (см. об этом ниже).

Некоторыми впечатлениями о северной стране Л.Л. Толстой поделился и с юными читателями. — См.: *Толстой-сын Л.* Детские вечерние мастерские в Швеции // *Родник*. СПб., 1900, № 7. С. 91-95; *Толстой-сын Л.* Шведские школьные бани, кухни и мастерские // *Там же*, № 9. С. 285-286.

³ Управляющим имением Ясная Поляна в 1899-1900 годах был крестьянский поэт-самоучка Вячеслав Дмитриевич Ляпунов (1873-1905), в судьбе которого принимал участие Л.Н. Толстой. — См.: «*Пишите из дорогой для меня Ясной...*»: Переписка Л.Л. Толстого с В.Д. Ляпуновым 1899-1900 гг. // *Русский мир*: Пространство и время русской культуры: Альманах 7. СПб., 2012 / (Вступ. статья, публикация и комментарий *В.Н. Абросимовой*) (<http://www.russkymir.org/rm/index.php/publikatsiya2/126-perepiska-l-l-tolstogo-s-v-s-lyapunovym>)

⁴ Л.Л. Толстой ошибся: это произошло гораздо раньше, до рождения Левушки, весной 1897 года. В недатированном письме матери в Москву Л.Л. Толстой сообщил следующее: «У нас убили Гусева. Нашли его сегодня утром в крови на полу с лицом, накрытым полушубком. На лавке тоже убитая старуха и под ней лужа крови. Сундук открыт. Сейчас был урядник и написал следствие. Пришли сказать об этом 4 парня с убийственными лицами, рабочие с завода, которых я заподозрил. Они сейчас здесь в конторе. Некогда, до свидания. Ужасные нравы и народ.

Лева».

— *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14669. Л. 1-2. Автограф.

Других сведений о стороже Гусеве, его жене и их убийцах найти не удалось.

21 января 1898 года Л.Л. Толстой в письме к отцу в Москву вновь коснулся этой или очень похожей истории: «Милый папа, сейчас была у меня баба, бывшая у тебя осенью по делу убийства мужика в деревне Вольной Крюковке за Засекой. Может быть, ты сделаешь что-нибудь. Фамилия мужика, кот^{орого} будут судить за укрывательство, — Клементьев.

Баба просит адвоката или вообще заступничества. Были пьяны, и ее муж не бил, а только присутствовал. Дело назначено в Туле на 28-ое число этого месяца. <...>» — *Там же*. Архив Л.Н. Толстого, п. 108/11, № 46. Л. 1-1 об. Автограф. Письмо датируется на основе почтового штемпеля отправителя на обороте открытки и ответа Л.Н. Толстого сыну. — *ПСС*. Т. 71. С. 261.

Вольная Крюковка — деревни с таким названием не было. Вероятно, речь идет о деревне Крюковка Крапивенского уезда Тульской губернии, действительно расположенной неподалеку от станции Козлова Засека. — См.: *Описание отдельных русских хозяйств*. Вып. I: *Тульская губерния*. СПб., 1897. С. 68-70; *Россия*: Полное географическое описание нашего отечества /Под общим руководством П.П. Семенова. СПб., 1902. Т. 2. С. 439, 668.

Сведений о *Клементьеве* найти не удалось.

⁵ Крыльцово (Кривцово) Тульской губернии в 5-ти верстах от Ясной Поляны. — См.: *Бурлакова Т.Т.* Мир памяти: Толстовские места Тульского края. Тула, 1999. С. 83-84.

⁶ Л.Л. Толстой ошибся: на самом деле он с семьей уехал из Ясной Поляны 30 мая 1899 года. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 450. Сохранился также вариант автобиографии Л.Л. Толстого, где все даты указаны правильно. — См.: *Толстой Л.Л.* Данные моей жизни с 1869 по 1901 (весной) // *Лица*... Т. 4. С. 195.

⁷ Няня Левушки Толстого.

⁸ Толстые приехали в Стокгольм в конце октября 1899 года в связи с работой Л.Л. Толстого над очерками о Швеции и поселились в отеле «Континенталь», расположенном напротив Центрального вокзала. 27 октября (нов. стиля) 1899 года сын поделился с С.А. Толстой своими планами:

«Милая мать, пишу из Стокгольма, как обещал. Теперь пишите сюда. Hôtel Continental. Sto<c>kholm.

Мы устроились хорошо, хотя будет не дешево. С нынешнего дня начинаю мои изучения здесь. Самое интересное — это народное образование, кот<орое> стоит страсть как высоко. Интересного пропасть. Остается написать и сделать еще писем 5-6, чтобы кончить всю серию. Все 18-20 писем составят книгу, кот<орую> я издам с иллюстрациями, когда вернусь. Это нужно России, и сознание того, что это нужно мне, дает сил и бодрости заниматься этим. <...> Вчера получил от Ухтомского целую кучу газет с рецензиями о моих “письмах”, кот<орые> показывают, что “письма” не незамечены и интересуют. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14149. Л. 1-2 об. Автограф.

⁹ Единственное упоминание о посещении театра в Стокгольме встречается в письме Л.Л. Толстого от 18 ноября 1899 года: «<...> Вечером вчера были в драмат<ическом> театре. <...>» — *Там же*, № 14150. Л. 2. Автограф.

Вероятно, речь идет о пьесе шведского драматурга Франса Гедберга (Hedberg; 1828-1908) “*Rospiggarna*”, которая с успехом шла на сцене Стокгольмского театра с 1880 года. — См.: *Svenskt pressregister: Förteckning över recensioner (konst, litteratur, musik, teater) skönlitterära bidrag*. Lund, 1967. Bd. 1: 1880-1885. S. 340. См. также: *Bonniers Lexicon*. Stockholm, 1995. Bd. 8. S. 50; *Bonniers stora lexicon*. Stockholm, 1986. Bd. 5. S. 245; *Focus: Uppslags bok: Tradje, fullständigt omarbetade upplagan*. Stockholm, 1974. Bd. 2. S. 1249; *Горн Ф.В.* История скандинавской литературы от древнейших времен до наших дней. М., 1894. С. 309; *Новый энциклопедический словарь*... Т. 12. С. 819.

См. также впечатления Л.Л. Толстого от шведских исторических драм и оперных постановок в кн.: *Толстой Л.Л.* Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях... С. 195-220.

¹⁰ Знаменитый шведский художник и скульптор Андерс Цорн (Zorn; 1860-1920) в конце 80-х годов XIX века уехал работать в Париж и вернулся на родину в 1896 году. — См.: *Андерс Цорн и его современники*: Каталог выставки. Л.: Искусство, 1981. С. 10-11.

Знакомя русских читателей с искусством северных соседей, начинающий критик, увлеченный современным искусством, Сергей Павлович Дягилев (1872-1929) в ноябре 1897 года с восторгом писал о Цорне: «...швед по происхождению, но космополит по таланту и значению. ... Это — всемирный художник и для него нет границ. Это олицетворение львиной силы, самый блестящий виртуоз из современных художников, в технике не имеющий соперников. ...» — См.: *Дягилев С.* Современная скандинавская живопись // *Северный вестник*. СПб., 1897, № 11. Отд. II. С. 361-362. См. также: *Толстой Л.Л.* Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях... С. 213-215; *Сергей Дягилев и русское искусство*: Статьи, открытые письма, интервью, переписка: В 2-х томах /Составитель, автор вступ. статьи И.С. Зильберштейн; коммент. И.С. Зильберштейн, В.А. Самков. М.: ИЗО, 1982 (указ.)

¹¹ О встрече Л.Л. Толстого с Павлом Петровичем Трубецким (1866-1938) в это время в Стокгольме сведений нет. Возможно, они познакомились раньше, в Москве, когда Паоло Трубецкой лепил Л.Н. Толстого 16-23 апреля 1898 года, а Лев Львович 18 апреля неожиданно приехал в Хамовники в связи с продажей им дома и переоформлением бумаг 20 апреля на С.А. Толстую. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. I. С. 375-378.

Когда П.П. Трубецкой в Москве работал над бюстом Л.Н. Толстого в марте 1899 года, Лев Львович не совпал с ним. — *ПСС*. Т. 53. С. 408, 412-413.

С.А. Толстая тогда считала работы П.П. Трубецкого самыми совершенными. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. I. С. 377-378.

Она не изменила свою точку зрения и через много лет. «Если когда-либо будут ставить памятник Льву Николаевичу, то ни одна из всех скульптурных работ всех бравшихся

П.П. Трубецкой, Л.Н. Толстой, И.И. Горбунов-Посадов
(Фотография С.А. Толстой; 28 августа 1899 года)

за изображение Льва Николаевича — не передает настоящего его облика. Лучше других — маленький бюст с сложенными руками, работы Трубецкого. ...» — См.: *Толстая С.А.* Моя жизнь... Т. II. С. 209 (+ С. 512-513, 541). См. также: *Фадеева Л., Шапошникова Л.* Выставка работ П. Трубецкого // *Искусство*. М., 1967, № 9. С. 58-63; *Турчин В.С.* Паоло Трубецкой // *Советская скульптура: 1976*: Сборник /Сост. Л.В. Марц]. М.: Сов. художник, 1978. С. 160-161; *Павел Петрович Трубецкой*: Скульптура, графика: Выставка произведений к 125-летию со дня рождения: Каталог. М.: Сов. художник, 1991. С. 70-71, 90-92; *Паоло Трубецкой*: Собрание Музея пейзажа в Вербании /Редакторы — составители Ф. Рабаи и Р. Трубецкой; Пер., науч. редакция и доп. М. Талалай. М.: Старая Басманная, 2018. С. 25, 100 об.-101, 110 об.-111; *Москалев Б.И.* Скульптор и художник Паоло Трубецкой и Лев Толстой // *Вторые Гребневские чтения*. Фрязино, 2006. С. 19-22; *Домогацкая С.* Паоло Трубецкой и Россия // *Третьяковская галерея*. М., 2009, № 2. С. 30-41. Текст парал.: рус., англ.

Первое упоминание о встрече с П.П. Трубецким в письмах Л.Л. Толстого родным появляется 18 марта 1902 года из Петербурга: «<...> Ездил верхом раз с Трубецким (скульпт<ор>), он давал мне одну свою лошадь, на другой ехал сам. Мы с ним скакали по стогнам Петрограда, обдавая всех грязью<, > и потом выехали на Охту за Неву. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14224. Л. 1 об. Автограф.

В Ясной Поляне Л.Л. Толстой встретился с П.П. Трубецким в марте 1903 года. Тогда же искусство Паоло Трубецкого впервые стало предметом обсуждения в беседе отца и сына. — *ПСС*. Т. 54. С. 160, 382, 509. См. также: *Толстой Л.Л.* Отрывок из моего дневника 1903 года (9-ое марта) // *Лица...* Т. 4. С. 262, 264.

¹² Адольф Эрик Нильс Норденшёльд (Nordenskiöld; 1832-1901) — шведский путешественник по полярным странам, открывший северо-восточный проход из Ледовитого океана в Тихий и торговый путь к устью Енисея. — См.: *Svenskt biografiskt lexicon...* Bd. 27. S. 264 (<https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=8231>).

10 декабря (нов. стиля) 1899 года Л.Л. Толстой писал матери: «<...> Вчера же вечером я сидел у Норденшельда, знаменитого, очень интересного человека. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14153. Л. 1 об. Автограф.

¹³ Знаменитый шведский путешественник Свен Гедин (Хедин; Hedin; 1865-1952) неоднократно бывал в России, длительное время пользовался поддержкой русского императорского дома и был принят Николаем II-м. — См.: *Перух Ю.Н.* Свен Гедин // *Ариавапта*: Историко-науч., лит.-филос. журнал. СПб., 1997. [Вып. 1]. С. 10-28; *Svenskt biografiskt lexicon...* Bd. 18. S. 471 (<https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=12736>).

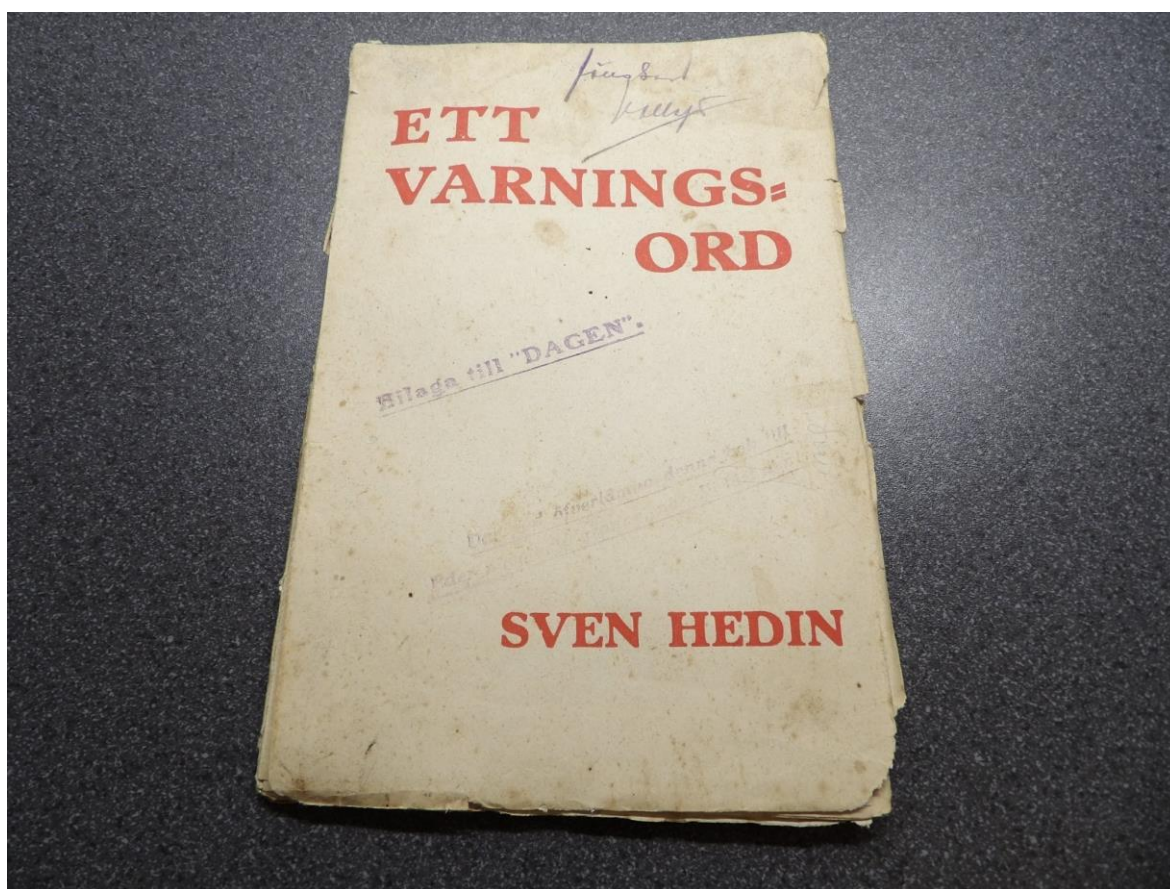
Когда именно Л.Л. Толстой встретился со Свеном Гединой, точно установить не удалось. Они могли познакомиться после одной из публичных лекций, с которыми С. Гедин выступал по всему миру, начиная с октября 1897 года, или позднее, в один из приездов С. Гедина в Петербург, которые продолжались вплоть до января 1912 года. Таким образом, перед Л.Л. Толстым был либо великолепный рассказчик, открывающий слушателю новые миры, либо знаковая фигура, личность, убежденная в необходимости сплотить соотечественников перед лицом возможной угрозы войны с Россией.

Знающий шведский язык, читающий шведские газеты, Л.Л. Толстой понимал, что полемика в шведской печати вокруг постройки нового броненосца возникла не на пустом месте, но только с вступлением в нее Свена Гедина она приобрела размах. В январе 1912 года Свен Гедин привез в Петербург не новую книгу о дальних уголках мира, а “*Ett varningsord*”, «Слово предостережения», и лично вручил его Николаю II. Он постарался смягчить удар, объяснял императору, что брошюра написана не лично против него, что она выполняет в Швеции совсем другую роль, но ничего у него не получилось. — См.: *Одельберг А.* Невыдуманные приключения Свена Хедина /Перевод со швед. А. Степанова. М.:

Ломоносов, 2011. С. 129-130, 215-217; *Хозиков В.* Забытый кумир фюрера. М.: Яуза; Эксмо, 2004. С. 288-306.

Отголоски этой неудачной аудиенции слышались и на приёме в честь знаменитого соотечественника в доме шведского чрезвычайного посланника в России Эдварда Брэндстрёма (Brändström; 1850-1921). Был ли Л.Л. Толстой на этом приёме, установить не удалось. Достоверно подтверждается только присутствие на нем знаменитого инженера, возглавлявшего все предприятия семейства Нобелей в России, Эммануила Людвиговича *Нобеля* (Nobel; 1859-1932) и директора обсерватории, академика Оскара Андреевича *Баклунда* (Bäcklund; 1846-1916), с конца 70-х годов работавшего в Пулковом. — См.: *Хозиков В.* Забытый кумир фюрера... С. 289-290.

25 января 1912 года Свен Гедин вернулся в Стокгольм, где только что его брошюра была напечатана в количестве 420 тысяч экземпляров и распространялась бесплатно. Позже ее тираж удвоился, а потом и достиг миллиона экземпляров. — См.: *Одельберг А.* Невыдуманные приключения Свена Хедина... С. 215-217.

В нескольких письмах Л.Л. Толстого домой за январь 1912 года имени Свена Гедина нет. Однако в его архиве сохранилась заметка из Стокгольма «*Слово предостережения Свена Гедина, шведские настроения и олимпийские игры*», предназначенная для «Нового времени» и датированная 5 июня 1912 года. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 82. Л. 1-7. Черновой автограф.

¹⁴ 8 ноября (нов. стиля) 1899 года Л.Л. Толстой писал старшей сестре Т.Л. Сухотиной-Толстой: «Дорогая Таничка <...> Мы всё в Стокгольме, — вчера слушали давний концерт Грига под его дирижерством и с его аккомпанементом. Необыкновенно хорошо. В концерте была королевская фамилия<...>» — *ОР ГМТ*. Архив Т.Л. Сухотиной-Толстой, № 26443. Л. 2. Автограф.

Эдвард Хагеруп *Григ* (Grieg; 1843-1907) — норвежский композитор, пианист и дирижер, основоположник норвежской национальной музыкальной школы.

В ноябре-декабре 1899 года Э. Григ приехал в Швецию и дал четыре концерта. Авторское исполнение его знаменитого концерта для фортепиано с оркестром в 3-х частях, написанного в 1868 году, всегда вызывало восторг публики. — См.: *Левашева О.* Эдвард Григ: Очерк жизни и творчества. 2-е изд. М.: Музыка, 1975. С. 587-588. См. также: *Толстой Л.Л.* Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях... С. 219-220; *Петухова С.* Эдвард Григ: На совершенных высотах // *Третьяковская галерея*. М., 2013, № 1: Спец. выпуск... С. 142-154.

¹⁵ На самом деле Л.Л. Толстой с семьей уехал из Швеции во Францию в *конце января 1900* года. 26 января (нов. стиля) 1900 года он писал С.А. Толстой: «Милая мамá, пишу Вам из Парижа, где уже 2 дня. В воскрес^{енье} едем в Cannes, чтобы скорее на один месяц успокоиться и отдохнуть. Здесь смотрели музеи, были у Золя, был я у Vogue, кот^{орый} сейчас отдал визит. Очень утомительно, особенно после морского Стокгол^{ьмского} климата, хотя Л^{евушка} не унывает и гуляет на Елисейских полях с Сасой. Из Стокг^{ольма} ехали через Берлин, так что на море пришлось быть около 5^{-ти} часов и в качку. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14163. Л. 1. Автограф.

Об Эмиле Золя (Zola; 1840-1902) см. ниже примеч. 16.

...*Vogüé*... — историк литературы, один из первых пропагандистов творчества Л.Н. Толстого во Франции Эжен-Мельхиор де Вогюэ (1848-1910). — См.: *Романова Ю.* Формирование концепта “русская душа” у Э.-М. де Вогюэ: Сближение Франции и России в конце 70-х гг. XIX в. – начала XX в. и деятельность Э.-М. де Вогюэ // *Литература XX века: итоги и перспективы изучения: Материалы Шестых Андреевских чтений*. М.: Экон-Информ, 2008. С. 9-15.

...*Sasa*... — так маленький Левушка Толстой называл свою русскую няню, ярославку Сашу (см. о ней ниже).

Из Канн Л.Л. Толстой послал С.А. Толстой письмо уже 29 января (нов. стиля) 1900 года: «<...> Море перед окном шумит, голубое с пальмами на берегу. Под этими пальмами я сидел больной 6 лет назад и думал. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14164. Л. 2. Автограф.

¹⁶ В письме С.А. Толстой из Канн 2 февраля (нов. стиля) 1900 года Л.Л. Толстой сформулировал свое отношение к французскому писателю: «<...> Золя мне понравился своей жизненностью и силой. <...>» — *Там же*, № 14165. Л. 2 об. Автограф.

Несколько лет спустя Л.Л. Толстой вспомнил о своей встрече с Э. Золя и привел его суждение о том, что «понятия по гигиене у французов очень слабые» и от этого страдает рождаемость. — См.: *Толстой Л.Л.* Семья и школа... С. 8.

¹⁷ О посещении Л.Л. Толстым в это время швейцарского писателя Эдуарда Рода (*Rod*; 1857-1910) сведений нет. Возможно, Л.Л. Толстой спутал Э. Рода с Э. Вогюэ (см. о нем выше примеч. 15).

С обоими литераторами Л.Л. Толстой виделся во время своего первого приезда в Париж в феврале 1894 года. Упоминание об этом есть в его письмах домой от 15 и 20 февраля (нов. стиля) 1894 года. — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, №№ 13967-13968 (см. раздел *Приложение*).

¹⁸ Это не совсем так. Ср. фрагмент, посвященный неоднозначному отношению Л.Н. Толстого к эстетической позиции и творчеству Э. Золя, в том числе и к роману «Земля», в воспоминаниях С.Л. Толстого: «... Золя он читал с интересом, но считал его реализм преднамеренным, а его описания слишком подробными и мелочными».

— У Золя едят гуся на двадцати страницах, это слишком долго, — говорил он про одно место в “La Terre” ...» — См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 94.

Другой мемуарист, Андрей Гаврилович *Русанов* (1874-1949), запомнил иное суждение Л.Н. Толстого о романе Э. Золя “Земля”: «Есть недостатки, но только в этом романе в первый раз мы видим настоящего, реального французского крестьянина». — См.: *Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников*... Т. 2. С. 523.

Осенью 1892 года в беседе с одним из посетителей Л.Н. Толстой говорил о таланте Э. Золя и его романе «Разгром». — См.: *Жиркевич А.В.* Встречи с Толстым... С. 201.

В свою очередь, по свидетельству современников, Э. Золя был очарован Толстым. Как высшую похвалу своей литературной и, главное, общественной деятельности в защиту невинно осужденного — по обвинению в измене родине — офицера Генерального штаба Альфреда Дрейфуса (Dreyfus; 1859-1935), он воспринял слова: «Вы уподобились великому русскому!» — См.: *Лану А.* Здравствуйтесь, Эмиль Золя! М.: Прогресс, 1966. С. 466-468; *Josephson M.* Zola and his time: The history of his martial career in letters. N.Y., 1928. P. 380-382.

¹⁹ В ночь на 29 сентября 1902 года Э. Золя умер от отравления угарным газом. Его жена Габриэль-Элеонор Александрин Золя (урожд. Meley; 1839-1925) была найдена в тяжелом состоянии, но ее удалось спасти. До настоящего времени нет однозначного ответа на вопрос, было ли это политическое убийство, но множество косвенных улик противятся версии несчастного случая. — См. об этом подробнее: *Josephson M.* Zola and his time... P. 501-514; *Hemming F.W.G.* The life and times of Emile Zola. N.Y., 1977. P. 181-183. См. также: *Лану А.* Здравствуйтесь, Эмиль Золя!.. С. 475-499.

²⁰ Во Флоренцию Л.Л. Толстой с семьей приехал в конце февраля 1900 года. Его первая открытка Т.Л. Сухотиной-Толстой, с которой он должен был встретиться в Риме, датирована 1 марта (нов. стиля) 1900 года. — *ОР ГМТ.* Архив Т.Л. Сухотиной-Толстой, № 26450. Л. 1-1 об. Автограф.

Через несколько дней, 4 марта (нов. стиля) 1900 года он писал С.А. Толстой: «Милая мать, пишу из Флоренции, откуда едем завтра в Рим к Тане. <...> После шумной и гадкой Ривьеры здесь во Флоренции чудесно. Мне очень понравилась она и все ее, действительно замечательные, художественные вещи. Целые дни мы здесь смотрели и бегали по галереям. Я пришел в восторг от многих картин, и мы с Дорой только жалеем, что мало у нас денег и нельзя себе купить копий и гравюр, сколько бы хотелось. Я дал себе полную свободу от занятий эти дни и начну их снова, только поживя с неделю в Риме.

Итальянцы милы и симпатичны мне. В них есть та драгоценная доброта, которой мало у нас и у французов. Дикость же религиозная здесь хуже, чем во Франции, хотя эта дикость, т.е. католицизм, как-то больше гармонирует здесь с народом и обычаями и характером страны и жизни.

Как у вас? Здесь весна. Ходим за город сейчас, и там уже скворцы свистят и начинается жизнь в растительном и птичьем царстве.

Пока до свидания. Целую всех вас. Дорочка бодрa и свежа, — не сглазить, — ребенок уже стал по утрам шевелиться и, верно, будет живой, выношенный под солнцем юга.

Великое дело — солнце.

Ваш Лев.

P.S. Пишите Рим. Hôt<el> du Sud». — *Там же.* Архив С.А. Толстой, № 14168. Л. 1-2. Автограф.

²¹ На самом деле итальянские офицеры носили не мантии, а темно-синие удлиненные куртки, которые в некоторых изданиях называют туниками, с черной меховой отделкой, украшенной шнурами того же цвета. — См.: *Канник П.* Военная униформа: Все страны мира. СПб., 2002. С. 228; *Голыженков И., Степанов Б.* Европейский солдат за 300 лет 1618-1918: Энциклопедия военного костюма. М.: Эксмо-Пресс, 2001. С. 228.

²² 23 марта (нов. стиля) 1900 года Л.Л. Толстой сообщил С.А. Толстой: «Милая мать, пишу на страшной карточке из Неаполя, где мы уже несколько дней. Вчера лазил на Везувий, а сегодня мы смотрели Помпею. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14171. Л. 1. Автограф. Письмо написано на почтовой открытке с изображением действующего вулкана Везувия в момент его извержения в апреле 1872 года. — *Там же*. Л. 1 об.

Единственный в Европе действующий вулкан *Везувий* расположен на берегу Неаполитанского залива, в 10-ти километрах к юго-востоку от Неаполя.

Античный город *Помпеи* (Pompeii) был частично разрушен землетрясением в 62 году новой эры. А 24 августа 79 года произошло страшное извержение Везувия, которое засыпало Помпеи и другие города пеплом и залило грязевыми потоками. Это позволило при раскопках найти хорошо сохранившиеся человеческие фигуры, постройки, настенную живопись, домашнюю утварь и др. Русские туристы, знакомые с картиной Карла Павловича Брюллова (1799-1852) «Последний день Помпеи», проявляли особый интерес к посещению того, что осталось от некогда цветущего города.

Живописный остров *Капри* (Capri) расположен в Тирренском море южнее Неаполя. Туристов особо привлекает Голубой грот, развалины форума и 12 вилл, построенных римским императором Клавдием Нероном Тиберием (Tiberius; 42 до новой эры — 37 новой эры) в честь 12-ти полубогов.

²³ В Риме Л.Л. Толстой пробыл недолго. 11 марта (нов. стиля) 1900 года он писал С.А. Толстой: «Милая мать, кажется, первое письмо пишу Вам из Рима. Вчера уехали отсюда Сухотины, и мы остались одни. В смысле удобств устроились мы очень плохо. Нет <еще одной> комнаты (в отеле. — *В.А.*), и мы все 4 вместе, так что не только нельзя заниматься, но даже спать от Левушки. Да, Бог знает теперь, когда я смогу продолжать мои занятия. К тому же Рим слишком интересен и беспокоен, чтобы можно было сидеть дома. Вы не можете себе представить действие здешнего солнца. <...> Скучно без писем из России и никогда меня больше не тянуло домой, как теперь. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14169. Л. 1-1 об. Автограф.

Сухотины — Т.Л. Сухотина-Толстая и ее муж, Михаил Сергеевич Сухотин (1850-1914).

Через день, 13 марта (нов. стиля) 1900 года Л.Л. Толстой объяснил, почему он торопится домой: «<...> Мы, верно, приедем раньше, чем думали. Я уже писал Вам, что здесь мне не понравилось. Теперь, поживя 10 дней, мне еще больше опротивел этот языческий, нервный и бестолковый Рим. Я хочу проникнуть к папе и поговорить с ним, чтобы у самого источника видеть католицизм, который все здесь спутал, всему тормоз и зараза. Но, говорят, 90-летний папа так слаб, что того и гляди рассыпется. Все-таки он может еще говорить и все понимает. <...>» — *Там же*, № 14170. Л. 1-2. Автограф.

...к папе... — Л.Л. Толстой хотел получить аудиенцию Папы Римского Льва XIII (Лео; в миру Джоакино Печчи; 1810-1903). Документальных сведений о ней нет. Однако, по неопубликованным воспоминаниям П.Л. Толстого, хранящимся в личном архиве *Т.Л. Балдовской*, его мать бережно хранила память об этом представлении Папе Римскому и рассказывала о нем детям. В таком случае, вероятно, это была не личная аудиенция, а один из традиционных дней приема паломников, когда перед Папой Римским проходит множество людей.

²⁵ Особой близости между отцом и сыном не было. 6 апреля 1900 года Л.Н. Толстой записал в Дневнике: «... С Левого спокойно, но нехорошо тем, что я как будто презира[ю] его. Господи — ты, к[оторый] во мне, разгорись во мне, дай мне любви. ...» — *ПСС*. Т. 54. С. 20.

15 апреля 1900 года Л.Л. Толстой попытался сформулировать суть своих претензий к отцу и понять природу усиливающихся разногласий: «У папа в характере есть очень

неприятная черта. Это желание всех очернить, всех смешать с грязью ради обеления себя и своих взглядов. Даже доктор Гааз у него не святой, а “глупый немец”. Взгляд его, основной взгляд, отрицающий государственность и право, мне прямо непонятен теперь по тому противоречию, какое он встречает на каждом жизненном шагу. Ну, да это старо. Культура запад[ная], европ[ейская] культура для отца — отрицательное понятие. Культуры нет, она — ложь, она — зло. ...» — См.: *Сын и отец... //Лица...* Т. 4. С. 219; 237-238.

Доктор, филантроп Friedrich Joseph Haass (1780-1853), которого в России звали Федор Петрович Гааз, еще при жизни удостоился эпитета *святой*. — См.: *Кони А.Ф.* Федор Петрович Гааз: Биогр. очерк. 3-е изд., доп. СПб., 1904; *Копелев Л.З.* Святой доктор Федор Петрович. М.: Рудомино, 2012; и др.

Став в 1828 году старшим врачом московских тюремных больниц, Ф.П. Гааз добился улучшения содержания заключенных, организации тюремных больниц, а также школ для детей арестантов. Отношение Л.Н. Толстого к деятельности доктора Гааза менялось. В записи Д.П. Маковицкого от 5-6 октября 1905 года зафиксирована чуть более мягкая характеристика: «это был ограниченный человек». — См.: *Маковицкий Д.П.* У Толстого... Кн. I. С. 419.

С доктором Ф.П. Гаазом современники иногда сравнивали доктора Э. Вестерлунда, хотя такое сравнение и не совсем корректно. — См.: *Jonsson H.* Ernst Westerlund — a Swedish doctor of occupation // *Occupational therapy international*. Lnd., 1998, no. 5 (2). P. 155-171 (<https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1002/oti.73>).

²⁶ Фотография «трех Львов» была сделана С.А. Толстой в Ясной Поляне в конце мая 1899 года, перед отъездом молодой семьи в Швецию. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 450, а также илл., с. 14; *Толстая С.А.* Моя жизнь... Т. II. С. 543.

²⁷ Максим Горький (Алексей Максимович Пешков; 1868-1936) встретился с Л.Н. Толстым в Москве 16 января 1900 года, а потом в Ясной Поляне 8 октября 1900 года. — *ПСС*. Т. 54. С. 8, 407, 45, 428. Фотографию, сделанную С.А. Толстой, см. в кн.: *Толстой в жизни*: Л.Н. Толстой в фотографиях С.А. Толстой и В.Г. Черткова: Альбом: В 2-х томах. 2-е изд. Тула, 1988. Т. 1. С. 54.

Отношение Л.Л. Толстого к М. Горькому менялось в течение многих лет, а вот М. Горький сразу же определил свою точку зрения и на личность, и на сочинения Л.Л. Толстого. Вернувшись из Ясной Поляны в Нижний Новгород, он в недатированном письме А.П. Чехову высказался так: «... Не понравился мне Лев Львович. Глупый он и надутый. Маленькая кометочка, не имеющая своего пути и еще более ничтожная в свете того солнца, около которого беспутно копошится. ...» — См.: *Горький М.* Полное собрание сочинений: Письма: В 24-х томах. М.: Наука, 1997. Т. 2: 1900-1901. С. 62.

²⁸ Павел Львович Толстой (Паля; 1900-1992).

²⁹ В книге «Моя жизнь» С.А. Толстая писала: «... В то время приехали из Швеции родители Доры — отец и мать — Вестерлунды и прожили в Ясной Поляне ровно месяц: от 30-го июня до 31 июля. Они приезжали к родам Доры, у которой 20-го июля родился второй сын, Павел. Крестили его 23-го июля. ...» — См.: *Толстая С.А.* Моя жизнь... Т. II. С. 570.

Глава 20

¹ Л.Л. Толстой запомнил: его первое впечатление от повести Л.Н. Толстого «Крейцерова соната» было иным. Накануне отъезда в Москву, в университет, он два вечера подряд, 31 августа и 1 сентября 1889 года, слушал в Ясной Поляне чтение повести отцом. — *ПСС*. Т. 50. С. 130, 133.

Длительное время находился под сильным впечатлением от услышанного и 19 января 1890 года написал В.Г. Черткову, от которого у него тогда не было секретов:

«Милый друг Дима <...> скажу только, что живу я довольно смирно, вина не пью, стараюсь бросить курить и, конечно же, уже воздерживаюсь от величайшего соблазна и зла, от того, что сказано в <“>Крейцеровой сонате<”>, — от женщин и этого ужасного взгляда на них, как на красивое тело, могущее доставить тебе физическое наслаждение. <“>Крейцера соната<”> — величайшая повесть отца, ни одно литератур<ное> произведение не может произвести большего действия на нас, молодых людей, навести на большее число мыслей, — самых важных и вместе с тем самых элементарных. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив В.Г. Черткова, № 60110. Л. 1-2 об. Автограф.

² В журналистике XIX века слово *feuilleton* означало большую газетную публикацию (от фр. *feuille* — лист, листок).

³ См.: **Толстой Л.Л.** Прелюдия Шопена: Рассказ // **Новое время**. СПб., 3/15 июня 1898 года, № 7996. С. 2-3; 9/21 июня 1898 года, № 8002. С. 2-3; 16/28 июня 1898 года, № 8009. С. 2.

⁴ Уже первые читатели заметили полемику с «Крейцеровой сонатой» Л.Н. Толстого. Издатель «Нового времени» А.С. Суворин сокрушался: «Я прочитал в корректуре продолжение повести графа Л.Л. Толстого “Прелюдия Шопена”. Граф Л.Л. Толстой — сын нашего знаменитого писателя, и “Прелюдия Шопена” проповедует совершенно противоположное тому, что проповедовал граф Л[ев] Н[иколаевич] в “Крейцеровой Сонате”. Отец смотрит так, сын смотрит совершенно иначе. Два поколения, отрицающие друг друга в самом важном вопросе жизни, и отрицающие радикально, без всяких уступок. Проповедь эту Л.Л. [Толстой] вложил в уста студента Комкова. Если у вас нет времени прочесть всю повесть, прочтите только то, что говорит Комков. Оно того стоит по своей новизне и искренности, а искренность не боится той иронии, на которую все мы так падки».

Заметка подписана криптонимом «Т. А-й». — См.: **Новое время**. СПб., 9/21 июня 1898 года, № 8002. С. 3. См. также: **Масанов И.Ф.** Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4-х томах. М., 1956. Т. I. С. 71; Т. IV. С. 458.

...“*Крейцера Соната*”... — речь идет об одноименной повести Л.Н. Толстого (1888-1890), в тексте которой особую роль играет соната Людвиг ван Бетховена (Beethoven; 1770-1827) для скрипки и фортепиано № 9, посвященная немецкому скрипачу Родольфу Крейцеру (Kreutzer; 1766-1831).

⁵ Еще до окончания публикации повести, в газете «**Сын Отечества**» 10 июня 1898 года появилась ироничная статья под названием «Простое средство от больших бед»: «...чтобы студенты не производили беспорядков, их надо переженить всех до единого. Это нечто совсем новое. ...» (№ 155. С. 2).

Напрасно А.С. Суворин отложил публикацию на лето в надежде на то, что читатели не обратят на нее серьезного внимания. Повесть Л.Л. Толстого и в “мертвый сезон” вызвала оживленную полемику. Уже в июльском номере журнала «Книжки “Недели”» в обзоре русской печати была сделана попытка не только рассмотреть две повести, но и найти точки соприкосновения между ними: «... Было бы несправедливо объяснять успех рассказа только заманчивым соблазном для публики быть свидетельницей „восстания” сына против великого отца; нет, рассказ Толстого-сына действительно является наиболее горячим и живым возражением “Крейцеровой сонате”».

Разногласие Толстого-сына с Толстым-отцом начинается уже с их отношения к музыке. В „Крейцеровой сонате” музыка является чуть ли не источником преступления, на нее ложится обвинение в раздражении полового чувства; ...в “Прелюдии Шопена” герой рассказа прибегает к музыке, чтобы *успокоиться*. ...

При всем разногласии “Прелюдии Шопена” с последними идеями Л.Н. Толстого, в рассказе чувствуется и известная близость к ним, именно в требовании от молодежи целомудрия до брака» (СПб., 1898, № 7. Отд. II. С. 195-201).

Но гораздо чаще рецензенты с удивлением отмечали очевидную антитолстовскую направленность “Прелюдии Шопена”. Один из критиков писал: «...если нас коробило от речей неврастеника Позднышева, то воззрения юного студента прямо ужасны. ...всем, кто читал “Прелюдию Шопена”, по временам казалось, что они имеют дело с явлениями, знакомыми еще со школьной скамьи, казалось, что перед ними оживают фонвизинские герои. ...Таков “прогресс”, таковы успехи “детей”, явившихся на смену поколения Позднышевых». — См.: *Эльманович Н.* Отцы и дети: Лит. наброски // *Московские ведомости*. 12 сентября 1898 года, № 251. С. 3.

Самым блистательным выступлением против повести Л.Л. Толстого был фельетон Виктора Петровича Буренина (1841-1926), печатавшего под псевдонимом *граф Алексис Жасминов* цикл «Шедевры беллетристики последнего образца (Ultima Forma)». В раздел «Шедевр четвертый» он включил «Матримониальную симфонию Баха. Opus I. Повесть с „новой идеей”». Эпиграфом к пародии на сочинение Л.Л. Толстого критик поставил двустишие:

«Я написал сей первый opus
Затем, чтоб удивить Европу-с».

В заключительном фрагменте пародии В.П. Буренин писал о герое-семикласснике, только что открывшем для себя «новую истину»: «... Он подскочил к пьянино, стоявшему в его комнате, открыл его, сел и заиграл что есть мочи известную всему миру матримониальную симфонию или фугу Баха, недавно сочиненную покойным композитором на том свете специально для автора сей повести “с новой идеей”, сочиненную, кажется, в пику Бетховену и Шопену, после того, как соната первого и прелюдия второго послужили заголовками для произведений двух русских писателей, родственных между собою, но отнюдь не сходных по духу; по размерам же дарования соотносящихся один к другому как 1.000.000:1. ...» — См.: *Новое время*. СПб., 11/23 сентября 1898 года, № 8096. С. 2; 18/30 сентября 1898 года, № 8103. С. 2.

Особо следует отметить подпись, придуманную В.П. Бурениным и пародирующую все возможные варианты подписи Л.Л. Толстого:

«Тигр Тигрович Соскин-Младенцев.
Москва. Тупик у Спаса на Болвановке. Желтый дом».

Сообщения о столь необычной полемике сына с отцом вскоре появились и в иностранной прессе. — См.: *Russia's literary sensation: The son of Tolstoi writes an antidote for “The Kreutzer Sonata”* // *Pittsburg dispatch*. August 14, 1898; *Tolstoi and his theories: Controverted by his son in a reply to “The Kreutzer Sonata”* // *Morning leader*. London, August 17, 1898; *Count Tolstoi and his son* // *Glasgow evening news*. August 18, 1898; *Literary notes* // *Pall Mall gazette*. London, August 24, 1898; *Tolstoi the son versus Tolstoi the father* // *Literary digest*. N.Y., August 27, 1898; *Glasgow evening times*. August 31, 1898; *World*. London, August 31, 1898; *Musical courier*. N.Y., September 1, 1898; *Newcastle daily news*. September 1, 1898; *Evening news*. London, September 3, 1898; *Illustrated London news*. September 3, 1898; *Star*. September 8, 1898; *Tolstoy and his son* // *Clarion*. London, September 17, 1898; *Argonaut*. San Francisco, September 26; *Daily news*. London, September 26; *Musical courier*. N.Y., October 5, 1898; *Weekly sun*. October 9, 1898; *London morning*. October 10, 1898; *Clarion*. London, October 15, 1898; *Literature*. October 15, 1898; *Elgin courant*. October 19, 1898; *London review*. October 22, 1898; *The Tolstoy family* // *Elgin courant*. January 24, 1899; *Lancashire express*. Lancaster, January 24, 1899; *Westminster budjet*. London, February 24, 1899; etc. — *Отдел книжных фондов ГМТ*. Коллекция В.Г. Черткова.

Аргументы Л.Л. Толстого в защиту своей позиции — в письме А.С. Суворину от 27 июня 1898 года:

«Многоуважаемый Алексей Сергеевич,

Напечатанный мной в “Новом времени” рассказ “Прелюдия Шопена” вызвал много разговоров в обществе и печати. Одни смеются надо мной, говоря, что я советую гимназистам жениться, другие не соглашаются с тем, что не должно быть половой любви — влюбления, третьи находят, что я лишь говорю общие места, четвертые, что недостойно сына возражать старому отцу, пятые соглашаются со мной и шлют мне радующие меня письма.

Однако из всего, что говорят, трогает меня всего больше то, что говорят четвертые: “Нехорошо сыну возражать отцу”.

Мне очень грустно теперь, что “Крейцера Соната” была написана именно моим отцом, а не кем-либо другим, и очень жаль, что именно мне пришлось возражать ей и указать на ее ошибочный вывод, — но это случилось настолько само собой, без всякой предвзятой мысли или намерения, в силу моего искреннего и горячего убеждения в моей правоте и потому в силу нравственной необходимости выразить во что бы то ни стало мои взгляды по данному вопросу, — взгляды, сложившиеся не в один день и не выдуманные из головы, а путем долгих и нелегких исканий доставшиеся мне, — что я, право, не чувствую себя виноватым.

Неужели сыну надо непременно одинаково мыслить с отцом? К сожалению, это не во всем возможно. Пусть же поэтому отец мой простит меня, а люди, ставившие себе идеалом полное целомудрие, пусть они поймут, что это ошибочно, что это несообразно ни логике, ни разуму, ни природе, что это извращает их личность, портит их жизнь, и пусть они стремятся к другому идеалу, идеалу целомудренного христианского брака, который не недостижим, а достигим и приближение к которому действительно приблизит нас к счастью и идеалу христианской жизни людей вообще. <...>

Уже идеал целомудренного брака есть идеал, до которого, может быть, тысячелетия не достигнет человечество. Его и надо ставить перед собой, а не бессмыслицу и смерть. <...>» — **РГАЛИ**, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4246. Л. 5-7. Автограф. См. также: **Сын и отец...** // **Лица...** Т. 4. С. 179-180.

В письме известному историку литературы и библиографу С.А. Венгеру, которое условно можно датировать летом 1901 года, Л.Л. Толстой утверждал, что из всех опубликованных им сочинений, рассказ “Прелюдия Шопена” «<...>» был особенно замечен. В нем я искренно выразил мое мнение, что ранний брак большое благо и что чистый брак благо вообще, которого не нужно избегать, а к которому нужно стремиться. Рассказ явился возражением “Крейцер<овой> Сонаты” отца. <...>» — **ИРЛИ**, ф. 377, 1-е собр., № 2743. Л. 2 об. Автограф.

⁶ Л.Л. Толстой не вполне точно цитирует повесть. Героя зовут *Комков*.

В архиве Л.Л. Толстого сохранились газетные вырезки с авторской правкой. — **ОР ГМТ**. Архив Л.Л. Толстого, № 18-б. Л. 1-2. В мае 1900 года Л.Л. Толстой написал предисловие к повести и включил ее в кн.: **Толстой Л.Л.** “Прелюдия Шопена” и другие рассказы. М., 1900. С. 3-52.

Разговор Комкова с Крюковым с большими сокращениями взят из VII части повести. — **Там же**. С. 37-41.

Повесть была переведена на немецкий, испанский и сербский языки. — См.: **Tolstoi L.** Ein Präludium Chopins /Übersetzt von *Wladimir Czumikow*. Stuttgart: Carl Malcomes, 1898; **Tolstoi L.** Ein Präludium Chopins. Berlin, 1899; **Tolstoi L.** El preludio de Chopin (novela) /trad. de *Manuel Bueno*. Madrid: Imp. M. Romero, 1899; **Tolstoi L.** Ein Präludium Chopins /Deutsch von *Wilhelm Thal*. Berlin: H. Steinitz, 1901; **Tolstoi L.** Chopin-Prelude /Übersetzt von *C. v. Gütschow*. Leipzig, Walter Fiedler, 1901; **Tolstoi L.** Chopinova predigra /Previo *I.L.* Zagreb, n.d.

Она не переиздавалась до последнего времени. Современные издатели посчитали возможным столкнуть в лоб сочинения отца и сына, объединив их под одной обложкой без всякого комментария. — См.: **Толстой Л.Н.** Крейцера соната; **Толстой Л.Л.** Прелюдия Шопена. М.: Фонд имени И.Д. Сытина; Зарницы, 2004. Через десять лет повесть Л.Л. Толстого была переведена на английский язык именно как антитеза «Крейцеровой

сонате» отца. — См.: *The Kreutzer sonata variations: Lev Tolstoy's novella and counterstories* by Sofiya Tolstaya and Lev Lvovich Tolstoy /Translated and edited by Michael R. Katz; with a foreword by Ekaterina Tolstaya and an afterword by Andrey Tolstoy. New Haven; London: Yale univ. press, cop. 2014.

⁷ Не вполне точная цитата из двух дневниковых записей Л.Н. Толстого от 14 и 22 июня 1898 года. — Ср.: *ПСС*. Т. 53. С. 199.

⁸ Не вполне точная цитата из Дневника Л.Н. Толстого от 15 декабря 1900 года. Ср.: «...вспомнил: и Крейц[ерова] С[оната], и Вл[ась] Тьмы, и даже Воскр[есение], я писал без всякой думы о проповеди людям, о пользе, и между тем это, особенно К[рейцера] С[оната], много принесло пользы. ...» — *Там же*. Т. 54. С. 72.

⁹ Это произошло позднее, почти через три месяца после отъезда Вестерlundов 31 июля 1900 года (см. выше примеч. 29 к Главе 19). 18 октября 1900 года Л.Н. Толстой уехал из Ясной Поляны в Кочеты к Сухотиным, а 20 октября С.А. Толстая с младшей дочерью Сашей переехала в Москву, куда 3 ноября 1900 года приехал и Лев Николаевич. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 457.

¹⁰ 28 октября 1900 года Л.Л. Толстой писал С.А. Толстой из Ясной Поляны:

«Дорогой родительнице и благодетельнице нашей Софье Андреевне во первых строках моего письма приношу мое сыновнее уважение и с любовью низкий поклон. В имении вашем не благополучно, ночью срубили пять дубов, украли из парников бочку (вот до чего дошел народ), из сада — народ озорничает, — таскают все яблочную сушь. Остальное все слава Богу. У коров только ноги сильно болят, все еще ящур не вывелся. Остальное все благополучно. Сторожа только лесного все не нанимают, а без <н>его очень даже плохо, потому что народ распущен до безобразия, — „только одного Левочки и боятся”.

Я уже катаюсь с <дворовыми> ребятами на коньках. <...> Наши братики молодцами пока, Дора тоже, с радостью думает о Вашем приезде. <...> По вечерам каждый день с увлечением переплетаем книги с Иваном. Начал писать две новые вещи и ни в одну еще не втянулся. <...> Целую Вас, милая старушка, и с удовольствием думаю о Вашем приезде. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14178. Л. 1-2 об. Автограф.

...“только одного Левочки и боятся”... — вероятно, Л.Л. Толстой приводит слова кого-то из домашних, м.б., М.А. Шмидт. См. о ней ниже примеч. 11.

Иван — слуга Л.Л. Толстого. См. о нем выше примеч. 5 к Главе 14.

¹¹ В письмах этого периода М.А. Шмидт упоминается в ином контексте. Так, 10 ноября 1900 года Лев Львович писал С.А. Толстой в Москву:

«Милая мамá, каждый день ждем Вас. <...>

У нас новость грустная та, что Мар<ья> Ал<ександровна> почти при смерти. <...> У ней вроде брюшного тифа что-то. <...>

Мы здоровы. Братики наполняют жизнь, спасибо им, и напоминают о ее важном значении.

Сегодня день был такой яркий, с розовыми макушками берез, покрытых инеем, со снегом и розвальнями, и Мар<ья> Ал<ександровна>, умирающая в своей избенке, — так сильно было впечатление от всего этого. До свидания. Ваш Лев. <...>» — *Там же*, № 14179. Л. 1-1 об. Автограф.

¹² Деловая поездка — не в Москву, а в Самару и в Петербург — была вызвана необходимостью продажи одной из деревень для того, чтобы иметь возможность купить дом в Петербурге, куда Л.Л. Толстой хотел переехать в скором времени. В том же письме С.А. Толстой от 10 ноября 1900 года он сообщил: «<...> Я продал Бобровку за 20.000

<рублей>, жалко было, но, если покупать дом, что я, верно, сделаю в след<ующую> поездку в Пет<ербург>, надо иметь все деньги наличо. <...>» — *Там же*. Л. 2. Автограф.

В середине декабря 1900 года Л.Л. Толстой ездил в Петербург оформлять купчую на дом в центре столицы. 17 декабря 1900 года С.А. Толстая писала в дневнике: «Вчера вечером вернулась из Ясной Поляны и страшно утомилась и душой и телом. Застала внука Левушку в жару, Дору беспокойную и тоже нездоровую; Лева при мне уехал в Петербург, где купил дом, и очень грустно было видеть беспокойство матери над день и ночь стонущим и жалующимся ребенком. ...» — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 1. С. 467.

¹³ Через несколько дней после отъезда матери Л.Л. Толстой писал ей: «Левушка слаб, язык ужасный, жар был вчера вечером 39.2, утром 37.4, сегодня утром 37.6. Скоро не поправится. Заезжала М.А. <Шмидт>, которая сегодня же уехала. М<ожет> б<ыть>, пошлем завтра за Рудневым. Здесь страшные снега, все засыпали. Целую вас всех. Очень рад, что побыл с Вами.

Лев.

<...> У Левушки сейчас 38.9, но он очень слаб.

19 дек<абря> вечером». — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14436. Л. 1 об. Автограф.

О Рудневе см. выше примеч. 8 к Главе 13.

День спустя тональность письма существенно изменилась:

«Детский врач из Москвы, верно, уже рассказал Вам про все. Пишу вечером дня его приезда. Поставили мушку, даем коломель внутрь, кладем лед. От отчаяния переходим к надежде. Я перешел спать на место няни с Д<орой> и Л<евушкой>. Всю ночь он не спит, и ноет, и бредит от паралича мозга, но утром и минутами опять <приходит в> сознание. Глаза косят и вышли наружу, слабость и худоба страшные. Телеграфировал Вестерлунду. Москов<ский> врач, да и тульский Стрелжицкий мало обнадеживают, так что вне их приходится искать надежды. Что с Вами? Конечно, не ездите, если повредите себе, но Д<ора> страшно ждет Вас и теперь поняла, как она Вас любит. Комната топится. Пожалуйста, пошлите доктору, приехавшему сюда, 200 рублей. У меня не было под рукой, и ничего ему <не> дал. К тому <же> он спешил назад. Я отдам Вам долг, когда хотите. Д<ора> не спала всю ночь, да и я мало, — будем делать все и надеяться до последнего часа. Л<ева>».

— *Там же*, № 14437. Л. 1 об. Автограф. Датируется условно по содержанию, а также на основании почтового штемпеля получателя на обороте открытки: «Москва 23/ХІІ-1900». — *Там же*. Л. 1. Косвенное подтверждение — в дневниковой записи С.А. Толстой от 23 декабря 1900 года. — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 1. С. 468.

...каломель... — препарат, изготовлявшийся на основе ртути, в конце XIX века рассматривался едва ли не как панацея от всех болезней. — См.: *Энциклопедический словарь...* Т. XXVII. С. 187.

Имя детского врача из Москвы — Сергей Иванович Веревкин (1860-1927). Он был опытным врачом и практиковал уже много лет. — См.: *Календарь для врачей всех ведомств: 1900...* Ч. III. Стб. 249; *Крылова И.В.* Детский врач Сергей Иванович Веревкин // *Московский журнал: История государства Российского: Лит.-худож., историко-краеведческий ежемесячный журнал*, 2000, № 12. С. 32-34. (uskline.ru/monitoring_smi/2000/12/01/detskij_vrach_sergej_ivanovich_verevkin/).

Подтверждение этого — в недатированном письме С.А. Толстой сыну. В начале 1901 года она сообщила: «<...> Веревкину, по общему совету, я давно послала 150 р<ублей>. Пусть это будет моя последняя лепта любимому внуку. Он тоже написал очень милую записку сочувствия и сожаления, что не мог помочь. <...>» — *ИРЛИ*, ф. 303, № 680. Л. 3 об. Автограф. Подчеркнуто С.А. Толстой.

В архиве С.А. Толстой сохранилась эта записка:

«Ваше Сиятельство

Графиня София Андреевна!

Глубоко тронутый Вашим письмом, я могу выразить только мое искреннее сожаление, что мне пришлось посетить Вашу семью при таких обстоятельствах, когда, кроме утешения и сочувствия, я ничем больше не мог быть полезен.

С истинным почтением остаюсь всегда готовый к услугам

С. Веревкин.

Москва, января 10

1901 г<ода>». — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 4979. Л. 1. Автограф.

...*Стрелжбицкий*... — от волнения Л.Л. Толстой неверно написал имя тульского детского врача Ивана Казимировича *Стрельбицкого* (род. в 1863 году). — См.: *Календарь для врачей*: 1900... Ч. III. Стб. 549; *Памятная книжка Тульской губернии на 1900 год*... Отд. I. С. 148. См. также: *Маковицкий Д.П.* У Толстого... Кн. 1. С. 454, 464.

Сохранилось и еще одно письмо этого периода времени. 22 декабря 1900 года Л.Л. Толстой писал Владимиру Галактионовичу Короленко (1853-1921):

«Дорогой Владимир Галактионович, сегодня утром получил письмо Ваше и отвечаю Вам на него в слезах. Мой старший сын Левушка умирает от воспаления мозга, и я переживаю страшные дни. Надежды совсем мало, жена и я переходим от отчаяния потери к слабой надежде. Но ее нет. Два доктора <смотрели>, оба поставили безнадежную диагностику. <...> Если буду жить после урока, благополучного <неразб.> мне, буду жить и мыслить иначе. Все перевертывается при мысли потерять то, во что клал жизнь. <...>» — *ОР РГБ*, ф. 135, разд. II, карт. 34, ед. хр. 82. Л. 5-6. Автограф.

Надежда таяла с каждым часом, и Л.Л. Толстой признался матери:

«Пишу, чтобы сказать Вам о нас, чтобы поблагодарить за письмо, которое мы читали в слезах.

Мушку поставили сейчас третью уже, прочтя, что они спасли Андрюшу. Послали за Рудневым, Дора непременно просила. Она сидит сейчас у него и читает все Еванг<елие>. Он в полном забытии. Лицо то краснеет, то бледнеет опять, то покрывается пятнами. Желудок не работает уже никак. По рту мокрота, и при дыхании начался уже хрип. Лед мы не снимаем с головы. Теперь долго не протянется. Или чудо и поворот на лучшее, или конец. Вестерлунд едет сюда, бедный старик. Он телеграфирует, что будет в Москве в среду после 12-ти. Он едет сухим путем через Копенгаген. Было бы хорошо, если бы кто-нибудь мог встретить его в Москве и проводить с вокзала на вокзал. М.А. <Шмидт> с нами. Для меня жизнь вся перевертывается. Было одно, начинается другое. И чувство неискупаемой вины перед Л<евушкой> мучительно. Д<ора> сравнительно благоразумна, но самое страшное впереди, когда уже надежды не останется.

24 дек<абря> 1900 <года>». — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14182. Л. 1-2. Автограф.

¹⁴ 25 декабря 1900 года из Засеки в Москву на имя С.А. Толстой пришла скорбная телеграмма: «Левушка скончался <в> 9 вечера <в> сочельник<.> Дора умоляет приехать<,> пугаюсь ее состоянием<.> Лев». — *Там же*, № 14156. Л. 1.

¹⁵ Об этом С.А. Толстая подробно написала мужу, оставшемуся в Москве, 26 декабря 1900 года. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 740-741.

На следующий день она отправила еще буквально несколько слов:

«Мы здоровы, бедные огорченные родители так утомлены горем, что стали как будто на вид спокойнее. Ждем сегодня в ночь Вестерлунда. <...> Завтра похороны, пожалейте нас. Целую всех.

С. Толстая

27 декабря 1900 г<ода>

в ночь». — *ОР ГМТ*. Архив Л.Н. Толстого, п. 72/2, № 581. Л. 1 об. Автограф.

¹⁶ Работая над книгой «Моя жизнь», С.А. Толстая позднее писала: «... Состояние обоих родителей было ужасно. Дора выкрикивала громким голосом, звала Левушку, говорила бессмысленные слова, а теперь прошло с тех пор более 15-ти лет, а когда вспоминаю это время, в ушах моих раздаются отчаянные крики матери: “Не может быть!!! Не может быть!!!” Мы все плакали, глядя на бедную Дору. Лева почти все время сидел возле нее. Пошел он было прогуляться, погода была чудесная: солнце ярко светило, небо безоблачное, голубое, так все красиво в природе. Но природа только обостряет все человеческие чувства; горе, радость, любовь, отчаяние — все делается сильнее, все страстнее переживается. Так было и с Левою. Вспомнит он, как он гулял с Левушкой, как играл с ним и дворовой девочкой Акулей в прятки или в мяч, и плачет. А то бросаются они, бывало, в объятия друг друга и, обнявшись, безумно оба рыдают. Ужас! Я измучилась, глядя на их горе, плачу и теперь вспоминая. ...» — См.: *Толстая С.А.* Моя жизнь... Т. II. С. 576-577.

¹⁷ В день похорон, 28 декабря 1900 года, С.А. Толстая писала мужу в Москву: «<...> У меня такое чувство, что “бейте меня, ну, еще, и еще”, все как-то застыло во мне от всего тяжелого, что приходится переживать. <...> Сейчас будут увозить Левушку, у меня вся внутренность дрожит, как все стало тяжело!» — *ОР ГМТ*. Архив Л.Н. Толстого, п. 72/2, № 582. Л. 1-2 об. Автограф.

¹⁸ В первоначальном варианте было так: «<...> Отец в нашем горе, как всегда в таких случаях, больше философствовал, чем выражал истинное и непосредственное, единственно нужное тем, на кого падает горе, сочувствие. Он на клочке бумажки написал мне несколько слов утешения и больше ничего.

Эту записочку я позднее подарил писателю Метерлинку, как автограф, когда встречал его позднее в Ницце. Я не дорожил ею потому, что в ней не было теплоты. <...>» — *Там же*. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 78. Черновой автограф.

Текст этой записки неизвестен. В Ницце Л.Л. Толстой был в конце 1917 года и в начале 20-х годов. Нигде больше он не упоминал о своей встрече с бельгийским писателем Морисом Метерлинком (Maeterlinck; 1862-1949).

Действительно, Л.Н. Толстой написал сыну в ответ на две его телеграммы, отправленные в Москву 23 декабря 1900 года: «Еще жив постепенно теряет силы в забвении покоряемся» и «Спасибо за письмо надежды мало ждем конца как мамá телеграфируйте Толстые». — *Там же*. Архив С.А. Толстой, №№ 14158-14159.

На следующий день Л.Н. Толстой начал свое письмо Д.Ф. и Л.Л. Толстым так: «Получили вчера вашу телеграмму и очень огорчились за бедного Левушку, за вас, особенно за Дору. ...» — *ПСС*. Т. 72. С. 536.

29 декабря 1900 года он записал в Дневнике: «У Левы умер ребено[к]. Мне их очень жаль. Всегда в горе есть духовное возмездие и огромная выгода. Горе — Бог посетил, вспомнил...» — *Там же*. Т. 54. С. 76.

30 декабря 1900 года в конце письма Л.Н. Толстого жене есть несколько по-настоящему теплых слов, адресованных молодым родителям: «... Всем сердцем чувствую ваше горе, милые Дора и Лева, и желаю и надеюсь, что вы найдете утешение и опору там, где она только и есть, в Боге. ...» — *Там же*. Т. 84. С. 355.

¹⁹ Рассказ написан позднее, в июне 1905 года, и включен Л.Н. Толстым в «Круг чтения». — *Там же*. Т. 41. С. 450-460; Т. 42. С. 614-615.

Связь этого рассказа со смертью Лёвушки никак не просматривается.

²⁰ «Молочная мука Нестле» — смесь для грудных детей из коровьего молока, пшеничной муки и сахара, разработанная в середине 60-х годов швейцарской кампанией Генриха (Анри) Нестле (Nestlé; 1814-1890) и через несколько лет пришедшая в Россию. Эту

смесь врачи рекомендовали (и рекомендуют) для вскармливания маленьких детей, а также в путешествии с ними. — См.: *Московские ведомости*. 22 октября 1873 года, № 266. С. 4.

²¹ В архиве Л.Л. Толстого сохранились стихи, написанные в первые мучительные месяцы:

НА СМЕРТЬ ЛЕВУШКИ

Весна — и солнце вновь залило мир кругом
И в мир души моей украдкой заглянуло,
И больно, точно раскаленным лезвием
Мне в сердце, полное тоски, кольнуло.

О, солнце яркое! Как ты гнетешь меня!
О, пусть вся жизнь вины той будет искупенье...
Виню себя за то, что потерял тебя,
Ребенок дорогой, мой сын и утешенье.

Да, я один, тебя любивший без конца,
Убил неправдой, злобою, тревогою исканья,
И слез дешевых, пошлых нет уж у меня
И, гордый, не могу молиться от страданья.

Могу лишь мучиться еще и горевать...
Могу лишь молча и смиренно покориться,
Казнить себя, страдать и терпеливо ждать,
Чтоб и моя пора пришла освободиться...

— *ОР ГМТ*. Архив Л.Л. Толстого, № 12336. Л. 2. Черновой автограф 1901 года.

Беловой и черновой автографы этого стихотворения — с большими разночтениями и без названия — есть в подборке поэтических произведений, подготовленных Л.Л. Толстым к печати, но не публиковавшихся ранее. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 17. Л. 5-6. Ср.: *Абросимова В.Н.* Поэтические опыты Льва Львовича Толстого (1869-1945) // *Новое литературное обозрение*. М., 1996, № 21. С. 288-302.

С незначительными разночтениями стихотворение сына записано С.А. Толстой. — См.: *Толстая С.А.* Моя жизнь... Т. II. С. 577.

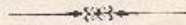
Кроме того, в архиве Л.Л. Толстого сохранился фрагмент, начинающийся словами: «Болезнь Сережи сына пала на него, как снег на голову...» — *ИРЛИ*, ф. 303, № 19. Л. 1-7. Черновой автограф. Состояние рассказчика близко тому, что известно из писем Л.Л. Толстого о болезни и смерти Левушки.

²² Л.Л. Толстой ошибся: точку зрения Н.М. Карамзина он принял за пушкинскую. Ср.: «Утаим ли от себя еще одну блестящую ошибку Петра Великого? Разумею основание новой столицы на северном крае Государства, среди зыбей болотных, в местах, осужденных природою на бесплодие и недостаток. ... Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах. ...». — См.: *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / [Предисловие, подготовка текста и примеч. Ю.С. Пивоварова]. СПб.: Наука, 1991. С. 37. Курсив мой. — В.А.

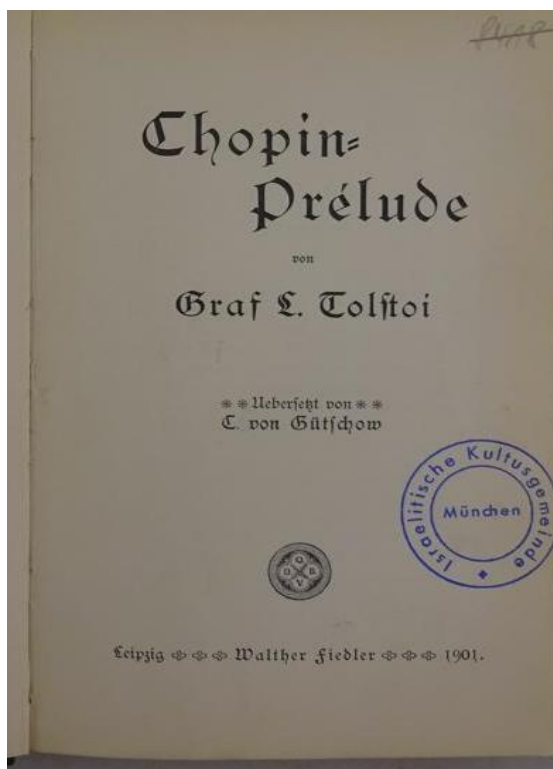
EIN
PRÄLUDIUM
CHOPINS.

Von
Graf Lew Ljwowitsch Tolstoi.

Uebersetzt
von
Wladimir Czumikow.

Verlag von Carl Malcomes in Stuttgart.
1898.

Книга II

На обложке машинописного экземпляра Л.Л. Толстой написал:

«Кн. II-ая.

Последняя редакция

Эта рукопись драгоценна.

Берегите ее и напечатайте». — *Обл.* С. 3. Автограф.

Глава I

¹ Л.Л. Толстой ошибся: решение продать дом в Москве возникло гораздо раньше, еще до рождения Левушки, весной 1898 года. С.А. Толстая очень сетовала, что ей пришлось срочно выкупать дом в Хамовниках, так как Лев Львович, не предупредив ее заранее, вдруг решил оформить сделку, по существу поставив ее перед фактом. 18 апреля 1898 года она записала в дневнике: «Приезжал Лева, вдруг продал дом через какого-то комиссионера и меня не предупредил. Мне стала страшна перемена, стали страшны хлопоты, жаль дома, и я его оставила за собой, сама теперь остаюсь почти без денег, с долгами за издание. Дом мне достается очень дорого, за 58000 <рублей> почти. ...» — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 1. С. 376.

² Графиня Мария Эдуардовна Клейнмихель (урожд. гр. Келлер; 1846-1931) владела несколькими домами в Петербурге. — См.: *Весь Петербург...* на 1901 год... Отд. III. С. 260; Отд. IV. С. 133, 276, 347, 358, 376.

Л.Л. Толстой купил у нее дом № 19 по Таврической улице. — *РГИА*, ф. 1102, оп. 3, дело 784-в. Л. 3-10. Купчая датирована 9 декабря 1900 года. — *Центральный государственный исторический архив СПб.* (в дальнейшем — *ЦИА СПб.*), ф. 515, оп. 1, дело 1427-а. Л. 244.

В первоначальном варианте мемуаров Л.Л. Толстой так объяснял свой выбор: «<...>меня привлекло к нему<...>то, что он был кирпичной, прочной постройкой, что под ним было 500 квадратных саженей земли и что он имел двадцать квартир во флигелях, что его можно было надстроить еще одним этажом для моей собственной квартиры.

Все это я обдумал с практической стороны, предвидя также, что большой Таврический сад против окон будет прекрасным местом для детей. Как раз против ворот дома, по инициативе графини Клейн-Михель, была сделана калитка в сад. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 79-80. Черновой автограф.

³ Инженер путей сообщения В.А. Берс (см. о нем выше примеч. 2 к Главе 8 Книги I) в это время служил старшим инспектором городского комитета по постройке Троицкого моста в Петербурге. — См.: *Весь Петербург...* на 1901 год... Отд. III. С. 52.

Он действительно принял деятельное участие в судьбе Л.Л. Толстого. Получив известие о смерти Левушки III, В.А. Берс 29 декабря 1900 года отправил в Ясную Поляну письмо, в котором не только выражал сочувствие молодым родителям, но и настоятельно звал их в Петербург:

«Дорогой друг Лев!

Твое последнее письмо огорчило нас до крайней степени. Большое горе! Но что же делать? — надо покориться на свете всему.

Твои приезды в Петербург нас заставили как-то сжиться и сблизиться между собою, и интересы обеих наших семей как-то соприкоснулись. Поэтому нам с женой, может быть, понятнее и чувствительнее ваше горе, чем многим другим.

Но все-таки живым надо думать о живом и никогда не терять духа. <...>надеемся, что вы не оставите намерение переехать в Петербург. От судьбы нигде не уйдешь, и самые лучшие условия жизни (как яснополянские) не спасают от несчастья.

Вячеслав».

— *ИРЛИ*, ф. 303, № 162. Л. 8-9. Автограф.

15 февраля 1901 года В.А. Берс предложил взять на себя наблюдение за постройкой. — *Там же*. Л. 13 об. См. также: *ЦГИА СПб.*, ф. 513, оп. 133, дело 52. Л. 1-7.

А 1 сентября 1901 года В.А. Берс сообщил Л.Л. Толстому приятную новость: в перестроенный дом можно въехать уже через пять-шесть дней. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 162. Л. 27.

Первое письмо Л.Л. Толстого из Петербурга адресовано больному отцу в Кореиз. Оно написано 14 сентября 1901 года, до приезда Д.Ф. Толстой с сыном из Швеции, и свидетельствует о том, что переселение в столицу далось главе семейства нелегко: «<...>киплю в работах кругом меня, в муке и суете города. Наше место, хотя и против сада, очень шумное, и я чувствую, что трудно будет привыкнуть к тому, к чему привыкать не должно. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14206. Л. 1. Автограф. Открытка сохранилась среди писем, адресованных С.А. Толстой.

⁴ В первоначальном варианте было так: «<...>и может быть в нем составил проект своей русской конституции для Александра I. В этом же доме тогда бывал у Сперанского Пушкин. <...>» — *Там же*. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 79. Черновой автограф.

Михаил Михайлович *Сперанский* (1772-1839) — выдающийся русский государственный деятель, автор многих проектов реформы Российской империи, так и оставшихся не востребованными. В 1802 году в наброске, озаглавленном «Еще нечто о свободе и рабстве», М.М. Сперанский писал о таком типе государства, «в коем никто не может быть принужден к труду единым произволом другого и в коем труд составляет неотъемлемую каждого собственность. Сей есть величайший степень свободы и равенства, какой только можно иметь в обществе». — См.: *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 85.

После того, как в марте 1812 года император Александр I (Александр Павлович Романов; 1777-1825) приказал сослать своего бывшего советника по делам внутренней политики, все бумаги М.М. Сперанского были опечатаны, и даже существование их держалось в строжайшей тайне. Даже после возвращения М.М. Сперанского из ссылки в Петербург и определения его членом Государственного Совета в марте 1821 года мало что

изменилось, и реформировать государственную машину, державшуюся на самодержавии и крепостном праве, вплоть до 1861 года не представлялось возможным.

Жил ли М.М. Сперанский в 1808-1809 годах в доме № 19 по Таврической улице, и писал ли он именно там «Проект Уложения государственных законов Российской империи», установить не удалось. С осени 1809 года до начала 1812 года, т.е. до своего увольнения и ссылки, М.М. Сперанский жил в собственном доме на левом углу Сергиевской улицы, который находился по другую сторону Таврического сада. — См.: *Жизнь графа Сперанского*: В 2-х томах /Составитель барон М. Корф. СПб., 1861. Т. I. Ч. I. С. 275-281.

Впоследствии этот дом также принадлежал графине Клейнмихель. — См.: *Весь Петербург ... на 1901 год...* Отд. III. С. 260; Отд. IV. С. 347.

⁵ Не вполне точно. На самом деле в доме № 19 по Таврической улице находились булочная, мясная лавка и сапожная мастерская. — См.: *Весь Петербург ... на 1900 год...* Отд. II. Стб. 1044, 1151, 1161.

Винная лавка № 298 была зарегистрирована в доме № 17. — *Там же*. Стб. 1054.

В.А. Берс в своих письмах Л.Л. Толстому предлагал перестроить сапожную мастерскую. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 162. Л. 21-22.

⁶ Вскоре Л.Л. Толстой оценил близость Таврического сада. Уже 19 сентября 1901 года, сразу же после возвращения в Россию Д.Ф. Толстой с сыном, он писал С.А. Толстой: «Милая мамá, вчера приехала Д<ора> с П<авликом> на пароходе из Стокгольма, прямо сюда, и мы теперь вместе, хотя еще не устроились и Д<ора> еще не привыкла к своей новой жизни. <...> Что хорошо, — это сад. Павлик, как приехал, так отправился туда гулять, и его оттуда принесли сонного. <...> Сажу с открытым окном на Т<аврический> сад, где осень желтая уже сыплет лист на дорожки, по которым гуляют дети. Шум в воздухе постоянный, но пусть его шумит. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14207. Л. 1-2 об. Автограф.

⁷ В январе-марте 1899 года в столичной прессе были напечатаны две статьи Л.Л. Толстого против общины, которые позднее вошли в отдельную книгу.

Получив рукопись очерка «Мир дурак», А.С. Суворин 13 декабря 1898 года писал автору: «<...> Рассказ Ваш набирается. Хотя он противоречит нашим взглядам на общину, мы его напечатать и он хорошо написан и может возбудить разговор. <...>» — *Отдел рукописей Российской национальной библиотеки* (в дальнейшем — *ОР РНБ*), ф. 115, № 66. Л. 6. Рукописная копия из архива библиографа и коллекционера А.Е. Бурцева.

Действительно, через три недели этот очерк был опубликован. — См.: *Толстой Л.Л. Мир дурак (Очерк) //Новое время*. СПб., 4-5/16-17 января 1899 года, №№ 8209-8210.

Редакторское чутьё не подвело А.С. Суворина, хотя отклики на это выступление Л.Л. Толстого против общины были скептические. Так, А.П. Чехов 27 января 1899 года писал А.С. Суворину: «... Конструкция рассказа плоха, уж лучше бы прямо статью писать, но мысль трактуется правильно и страстно. Я сам против общины...» — См.: *Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем...* Письма... Т. 8. С. 24.

Л.Л. Толстой продолжал убеждать читателей в правоте своего представления об общине. — См.: *Толстой Л.Л. Неизбежный путь //Новое время*. СПб., 10/22 марта 1899 года, № 8273. С. 2-3.

Эти статьи Л.Л. Толстого вызвали активное возражение с разных сторон. — См.: *Рок Н. Из Москвы (Очерки и снимки) //Новости и Биржевая газета*. СПб., 13/25 марта 1899 года, № 71. С. 2; *Ржаков М. О будущем деревни (Письмо в редакцию) //Россия*. СПб., 12/24 августа 1899 года, № 106. С. 1. См. также ниже примеч. 17.

⁸ Петр Аркадьевич Столыпин (1862-1911) в апреле 1906 года был назначен министром внутренних дел, а с июля 1906 года стал председателем Совета министров. П.А. Столыпин был инициатором аграрной реформы в России. По его настоянию 9 ноября 1906 года был

издан Указ, разрешавший выход крестьян из общины и закрепление наделной общинной земли в частную собственность. — См.: **Столыпин П.А.** Программа реформ: Документы и материалы: В 2-х томах. М.: РОССПЭН, 2003. Т. 1. С. 380-385. См. также: **Из переписки Л.Н. Толстого с П.А. Столыпиным** [1907-1908 гг.] // **Государственные деятели России глазами современников**: П.А. Столыпин: Воспоминания, дневники, письма / Составитель И.Л. Архипов. СПб.: Пушкинский фонд, 2017. С. 292-303, 544-547.

Л.Л. Толстой участвовал в публичном обсуждении аграрной реформы. Так, 15 января 1906 года Л.Л. Толстой, входивший в Центральное бюро прогрессивно-экономической партии, выступил с докладом на собрании ее членов «по вопросу о крестьянской поземельной общине и необходимости коренной ее реформы». — См.: **Прогрессивно-экономическая партия.** [СПб, 1906]. С. 43 (<http://ecsocman.hse.ru/data/996/685/1219/002Progres-ekon.pdf>). См. также: **Сборник программ политических партий в России** / Под ред. В.В. Водовозова. СПб., 1906. Вып. 1. С. 41; **Полный сборник платформ всех русских политических партий.** 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1906. С. 100-105; **Полное собрание подробных программ существующих русских политических партий.** Вильна, 1906. С. 36-39.

⁹ Столкновение П.А. Столыпина со Второй Государственной Думой кончилось ее роспуском 3 июля 1907 года и принятием нового избирательного закона.

¹⁰ Узнав о смертельном ранении П.А. Столыпина в Киеве агентом охранного отделения, Л.Л. Толстой 6 сентября 1911 года писал из Петербурга матери: «<...> Страшно расстроен смертью Столыпина и русским настроением. Очень тяжело. <...>» — **ОР ГМТ.** Архив С.А. Толстой, № 14522. Л. 1. Автограф.

¹¹ Этой точки зрения Л.Л. Толстой придерживался не только в годы вынужденной эмиграции. Так, 13 декабря 1905 года он писал Николаю II: «<...> Нам нужен порядок, Ваше Величество, — прежде всего. <...> Пока надо очистить несчастную Россию от всего вредного, злого, опасного для нее. Надо запрещать всякое проявление революционных стремлений, уничтожать их при возникновении, вырывать с корнем большую, сорную траву. Суд должен карать печать моментально, должен карать все, противное общественному благу, все злое, которое никогда не может быть законным, никогда не должно быть терпимым. <...>

Правительство призвано карать свободу злую и вознаграждать свободу добрую. Пресекать первую и поощрять вторую. <...>» — **ИРЛИ**, ф. 303, № 102. Л. 8 об.-9 об. Черновой автограф. Подчеркнуто *Л.Л. Толстым*. См. также: «**Время идет интереснейшее...**» // **Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год...** С. 144. Фрагмент этого письма см. в кн.: **Сагинадзе Э.** Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и рос. общество: 1906-1915. М.: НЛО, 2017. С. 69.

¹² О журнальной публикации повести «Яша Полянов», а также о первых откликах на выход книги в 1899 году см. подробнее выше примеч. 1 к Главе 19 Книги I.

Маврикий Осипович Вольф (1825-1883) — издатель, книготорговец и типограф. В 1882 году он основал издательство на паях, в которое вошли члены его семьи. «Товарищество М.О. Вольф» успешно просуществовало до 1918 года.

30 сентября и 26 октября 1905 года Людвиг Маврикиевич Вольф (род. в 1865 году) предложил Л.Л. Толстому подписать договор на второе издание повести «Яша Полянов» тиражом в 3000 экземпляров. — **ИРЛИ**, ф. 303, № 232. Л. 1-3 об. Машинопись с подписью-автографом. В начале следующего года книга вышла в свет (см. также выше примеч. 3 к вступ. статье). Это новое издание повести с рисунками А.К. Бальдингера вызвало сочувственный в целом отклик в печати и вновь привлекло внимание к Л.Л. Толстому как литератору. — См.: **Корнилов Н.** По примеру великого отца: Очерк // **Вестник литературы:** Иллюстрир. журнал словесности, науки и библиографии. СПб., 1907, № 4. Стб. 80-82.

¹³ Л.Л. Толстой не вполне точен: книга «Для детей: Рассказы» вышла в 1898 году в Москве (2-е изд., доп. — М., 1901). См. о ней ниже примеч. 30.

С петербургским издателем Альфредом Федоровичем Девриеном (1842-1920) Л.Л. Толстой 24 января 1905 года заключил договор на выход книг «“Слепунюшка” и другие рассказы для детей младшего и среднего возраста» и «“На Упе” и другие рассказы для детей среднего и старшего возраста», которые в том же году были изданы (цензурные разрешения были получены соответственно 12 и 27 октября 1905 года). — *РГИА*, ф. 1102, оп. 3, ед. хр. 784-д. Л. 1-2.

5 декабря 1905 года А.Ф. Девриен отправил Л.Л. Толстому по одному экземпляру книг, только что полученных из типографии. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 279. Л. 5 об.

Уже в конце 1905 года обе книги Л.Л. Толстого были упомянуты в очередном обзоре, но с весьма сомнительной оценкой: «... Тем же Девриеном изданы 2 книжки рассказов Толстого-сына для детей среднего и старшего возрастов. ... все произведения Толстого-сына носят отпечаток очень среднего, чтобы не сказать более, дарования, и весьма развитого самомнения. ...» — См.: *Славинская М.* О детской литературе // *Киевские отклики*, 22 декабря 1905 года, № 341. С. 3. См. также: *О детских книгах*: Критико-биограф. указатель книг, вышедших до 1 янв. 1907 г. М., 1908. Стб. 177, 234-235.

¹⁴ Интересна запись в дневнике А.С. Суворина от 12 апреля 1900 года, сделанная в разгар работы Л.Л. Толстого над романом. «... На днях был Л.Л. Толстой. Пишет роман. Говорил, что с отцом помирился. Кто-то мне говорил о нем, что он не более как “фонограф” своего отца. Ему следовало избрать себе псевдоним. Детям вообще неприятно должно быть при знаменитом отце. ...» — См.: *Суворин А.С.* Дневник. 2-е изд., испр. и доп. М.; London, [2000]. С. 384.

Однако у Л.Л. Толстого было иное представление о своем предназначении вообще и об авторстве в частности. Не случайно одна из более поздних его статей подписана псевдонимом «*Искренний*». — См.: *Русский рабочий и Государственная Дума / Искренний* // *ИРЛИ*, ф. 303, № 81. Л. 1-5. Черновой автограф не датирован.

Публикация романа «Поиски и примирение» вызвала особенно резкое охлаждение отношений с отцом и другими членами семьи. 3 декабря 1901 года О.К. Толстая писала из Гаспры, где находились в связи с болезнью Л.Н. Толстого его родные и близкие, в Англию своей сестре, А.К. Чертковой: «<...> Вчера вечером Л<ев> Н<иколаевич> ужасно сокрушался и возмущался писаниями Левы, его бездарностью. Его драма „Ночи безумные“ (см. о ней ниже примеч. 21. — *В.А.*) поставлена в П<етер>б<урге> и имеет внешний успех, но его здорово раскритиковали. И действительно — ерунда ужасная. А вскоре в журнале Максима Белинского появится Левин роман, в котором, как заявлено, автор изображает „толстовство“. Должно быть, это тот роман, о котором Лева говорил 2 года тому назад. Он хотел назвать его „Слова и дела“ и изобразить Л<ьва> Н<иколаевич>а и отца Доры. Очень бестактно и глупо, если это так. Он очень странный и жалкий, Лева, нечуткий, но искренний и иногда очень трогательный. Он говорил мне как-то, что его слава превзойдет славу отца. Умора. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив В.Г. Черткова. Кп-19210/22, № 1. Л. 1 об.-3. Автограф.

По мере того, как выходили из печати очередные главы романа, в литературных кругах России нарастало изумление, сменившееся негодованием. Антитолстовская направленность романа привела к резкому отторжению даже тех, кто симпатизировал молодому автору. Еще в процессе чтения рукописи А.С. Суворин 27 марта 1901 года задал риторический вопрос: «<...> И зачем Вы все о толстовцах говорите в своем романе? Странно как-то выходит: сын Толстого о толстовцах. <...>» — *ОР РНБ*, ф. 115, № 66. Л. 10. Копия из собрания *А.Е. Бурцева*.

Действительно, в рекламном объявлении о предстоящей публикации романа Л.Л. Толстого «Поиски и примирение» в журнале Иеронима Иеронимовича Ясинского (псевд. *Максим Белинский*; 1850-1931) «*Ежемесячные сочинения*» говорилось: «... Роман

имеет глубокий общественный интерес. Он обнимает все явления русской жизни последнего времени и **ТОЛСТОВСТВО**». — См.: *Новое время*. СПб., 25 ноября/8 декабря 1901 года, № 9242. С. 1.

Фраза, набранная мелким шрифтом, с резким выделением ключевого слова на первых полосах солидных газет, была воспринята Л.Н. Толстым как личное оскорбление.

После того, как Л.Л. Толстой с 29 января по 2 февраля 1902 года побывал в Гаспре и почувствовал общий настрой членов семьи по отношению к самому факту только что начавшейся публикации романа в «Ежемесячных сочинениях» (СПб., 1902, №№ 1-12), он по возвращении в Петербург писал С.А. Толстой:

«Милая мамá, пишу сейчас по приезде домой. <...> Мне многое хочется сказать вам всем и папá, если он будет в силах выслушать меня. Мне было очень больно, — прочтите ему это, — что я огорчил его моим романом, — не им, а объявлением о нем. Но я еще раз повторяю, что я не хотел этого и что меня огорчило объявление с „толстовством“ столько же, сколько и самого папá. Кроме того, я хотел сказать, что я писал эту вещь два с половиной года тому назад, и если было тогда, — в дни наших споров с папá, недоброе, минутное чувство к нему, не как к отцу, а как к человеку известных убеждений, — это чувство давно прошло и за последние два года, — я ничего, кроме любви, не чувствовал к папá — всякому. Скажите ему, что я люблю его, и поцелуйте его руку, и попросите у него для меня прощения за то, что я огорчил его. Я сделал это невольно, желая оставаться правдивым по отношению к себе самому. Я вовсе не чуждый папá, а только по возрасту разный с ним. А в душе я к нему гораздо ближе, чем он думает. Конечно, я гадкий, материальный стал, хуже, чем был, но я еще все надеюсь сделаться лучше, чем я был, если Бог поможет. Но папá сам знает, что я его настоящий сын, несмотря на то, что могу казаться обратным. Я рад, что был у Вас, рад, что мы чувствовали себя так дружно и близко, хотя это и было вызвано такой дорогой ценой.

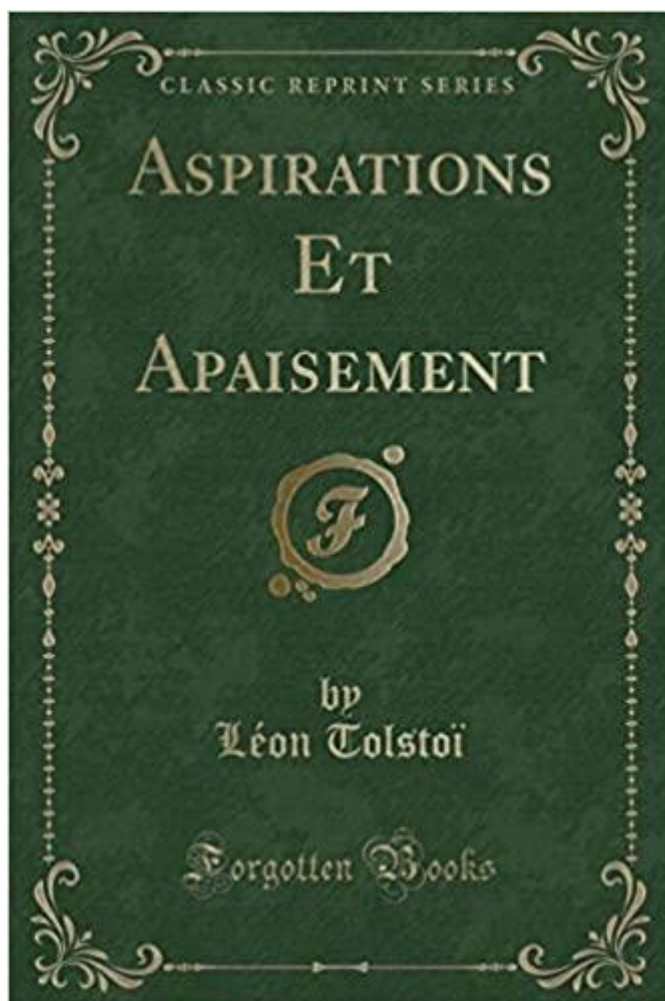
Целую вас всех.

Лев.

5 февр<аля> 1902 г<ода. ...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14221. Л. 1-2. Автограф. См. также: *Абросимова В.* Л.Л. Толстой, Ф.Д. Батюшков, М. Горький и другие // *Новый журнал*. СПб., 1994, № 4. С. 50-52.

¹⁵ Отдельные главы романа «Поиски и примирение» по просьбе известного переводчика сочинений русских писателей Ильи Данииловича Гальперина-Каминского (Halpérine-Kaminsky; 1858-1936) Л.Л. Толстой сразу же отправлял в Париж, где одновременно под разными названиями печатались журнальный и книжный варианты. С 23 мая по 8 августа (нов. стиля) 1903 года читатели еженедельника “Revue Bleue” следили за развитием событий в романе Л. Толстого-сына. — См.: *Tolstoi-fils L. Aspirations: Roman* (Traduit par E. Halpérine-Kaminsky, avec autoresation de l’auteur) // *Revue Bleue: Revue politique et littéraire*. Paris, 1903. Т. 19, №№ 21-26; Т. 20, №№ 1-6. Об этом 17 июня и 22 июля (нов. стиля) 1903 года И.Д. Гальперин-Каминский сообщил автору. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 241. Л. 5-9 об.

Отдельное издание романа вышло в Париже в июле 1905 года. — *Там же*. Л. 16-18. См.: *Tolstoi L. Aspirations et Apaisement*. Traduit et adapté du russe avec l’autorisation de l’auteur par E. Halpérine-Kaminsky. Paris, 1905 (reprint 2017).

¹⁶ См.: *Толстой Л.Л.* Мы проснемся: Повесть из современной жизни // *Вестник Европы*. Пг., 1916, №№ 3-5.

¹⁷ См.: *Толстой Л.Л.* Против общины: Три статьи. М., 1900 (цензурное разрешение 12 июня 1900 года). Кроме двух статей, названных выше (см. о них выше примеч. 7), Л.Л. Толстой включил в книгу большую статью «Тормоз русской культуры (Посвящается русскому крестьянству)», в которой он безапелляционно утверждал: «... Нельзя не видеть, что община — это тяжелый, гнетущий русский народ тормоз, — тормоз нашего развития и культуры. ...» (С. 47-77).

Книга вышла из типографии осенью 1900 года. — См.: *Новое время*: Иллюстрир. приложение. СПб., 15/28 ноября 1900 года, № 8880. С. 12. Она была замечена столичной печатью несмотря на то, что статьи Л.Л. Толстого, вошедшие в книгу, сравнительно недавно обсуждались в прессе. — См.: *Санкт-Петербургские ведомости*. 5/18 декабря 1900 года, № 334. С. 44; *Неделя*. СПб., 17 декабря 1900 года, № 51. Стб. 1819.

¹⁸ См.: *Толстой Л.Л.* Моя гигиена: Очерки по частной гигиене, с приложением статей по вопросам воспитания. СПб., 1903 (2-е изд. — СПб., 1904. Было ли третье издание этой книги, установить не удалось. См. также примеч. 8 к Главе 4 Книги I).

Известно, что книга изначально была рассчитана на читателей и внутри России, и за ее пределами. 29 октября 1903 года В.А. Берс писал Л.Л. Толстому: «<...> Три бандероли “Гигиены” отосланы за границу согласно назначениям, сделанным в твоём письме. <...>» — *ИРЛИ*, ф. 303, № 162. Л. 37. Автограф.

Несмотря на переиздание, мнение рецензентов было весьма категорично: «... В сущности, “Моя гигиена” — не гигиена, а проповедь общих идей; это — разбор условий

“здоровья духа и тела человека, как одного целого неделимого, в связи с вопросами воспитания, психологии, этики, социологии, религии”, сюда входит вопрос о русской общине (стр. 3) и даже надежда найти в будущем “осязаемые способы сношения с другими мирами” (стр. 1). Следуя такому широкому плану в гигиенических вопросах, Л. Толстой-сын предлагает массу средств, между которыми нет ни одного нового, есть несколько здравых мыслей и масса спорных, шаблонных, странных и даже неверных взглядов. ...

Повторяем, гигиене Л. Толстого-сына следовать нельзя, а еще лучше — совсем не читать его книги». — См.: *Народное образование*. СПб., 1904, № 1. С. 127-128. Рецензия подписана криптонимом: «Д<окто>рь Г.Т.», за которым скрывался сотрудничавший в журнале невропатолог, доктор медицины Григорий Яковлевич Трошин (1874-1938).

Позже появились сочувствующие. Один из них, профессор Александр Иванович Воейков (1842-1916), метеоролог, географ и активный пропагандист вегетарианства, поддержал Л.Л. Толстого в своей короткой рецензии. — См.: *Вегетарианский вестник*. СПб., 1904, № 12. Стб. 42-44 (<http://www.vita.org.ru/veg/veg-literature/veg-vestnik1904/52.htm>).

¹⁹ В течение двух лет Л.Л. Толстой с увлечением писал очерки о разных сторонах жизни Швеции, которые с июля 1899 года печатались в «Санкт-Петербургских ведомостях» за подписью *Лев Толстой-сын* (см. об этом выше примеч. 2 и 6 к Главе 19 Книги I), а потом — с незначительными изменениями — были изданы отдельно. Эти разночтения были вызваны вмешательством цензуры.

10 августа 1900 года Л.Л. Толстой обратился к исполняющему должность начальника Главного управления по делам печати князю Николаю Владимировичу Шаховскому (1856-1906) с просьбой защитить его «<...>писания от цензорских выпусков. <...>» — *РГИА*, ф. 776, оп. 21, часть I, дело 419. Л. 6. Автограф. Письмо Л.Л. Толстого было переправлено в Москву, откуда 16 августа 1900 года последовал ответ председательствующего в московском цензурном комитете действительного статского советника Владимира Владимировича Назаревского (1870-1919), который объяснил: «<...> В разрешенной уже брошюре “Современная Швеция”, напечатанные цензором искажения, по просьбе Л.Л. Толстого, были пересмотрены Комитетом, и не были восстановлены потому что, особенно в подцензурном издании неудобные места, говорящие о конституционном строе Швеции так, что это затрагивает Россию, а равно и выраженные тенденции в некотором сочувствии Финляндии. <...>» — *Там же*. Л. 4-4 об. Автограф.

Книга Л.Л. Толстого «Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях» (М., 1900; цензурное разрешение 30 сентября 1900 года) вышла поздней осенью 1900 года и была вполне благожелательно встречена читателями и критикой. — См.: *Неделя*. СПб., 3 декабря 1900 года, № 49. Стб. 1698-1699; *Санкт-Петербургские ведомости*, 5/18 декабря 1900 года, № 334. С. 4; *Новый мир*. СПб., 1901, № 49. Отд. II. С. 6. Тем не менее один из первых рецензентов, Израиль Лазаревич Гельфанд (1867-1924), печатавшийся и под псевдонимом Александр Львович Парвус (*Parvus*), заметил: «... Книга эта написана живым, вполне литературным языком, отличается бойкостью, а иногда даже картинностью изложения и по теме своей интересна для лиц, мало знакомых со Швецией, а таких у нас большинство. ...

Это именно “послеобеденная” литература, отнюдь не способная потревожить полусонное благополучие читателя. На всех описаниях, наблюдениях и выводах Л.Л. Толстого лежит печать явной поверхности и легковесности. На вдумчивого и серьезного читателя это влияет тем неприятнее, что автор нередко с большой развязностью и самоуверенностью говорит о задачах огромного значения и величайшей трудности и спорности. ...» — См.: *Новое время*: Иллюстрир. приложение. СПб., 22 ноября/5 декабря 1900 года, № 8887. С. 9. См. также: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. III. С. 329; Т. IV. С. 124.

²⁰ Опубликовано был только один том. — См.: *Толстой Л.Л.* Драматические сочинения. СПб., 1906. Т. I. Отдельными литографированными изданиями позднее были выпущены некоторые другие пьесы Л.Л. Толстого, которые могли бы составить другой том. См. об этом ниже.

Несмотря на то, что на титульном листе стоял 1906 год издания первого тома, уже в конце 1905 года появился первый критический отзыв в журнале В.Г. Короленко «Русское богатство». В нем, в частности, говорилось: «Л.Н. Толстой уже давно имеет своего рода мстителя за “великие грехи”, совершенные им в общественно-учительский период его литературной деятельности. Этот мститель, как известно, его сын — Л.Л. Толстой.

Ошибки великого человека — все-таки ошибки *великого* человека. Это не могло, конечно, не импонировать читателю и не портило потому своеобразной красоты даже последних поучений автора “Войны и мира”, как ни нелепы — да простится нам это совершенно точное выражение — были эти статьи: и абсолютно, и относительно, если иметь в виду переживавшийся Россией момент.

Освободить в отдельные вопросы упрощенное мироотношение великого отца от всякой красоты и всякого обаяния взялся его маленький сын. ...

Что должно было получиться нечто совершенно несуразное, доказательством служат только что вышедшие “драматические сочинения” гр. Л.Л. Толстого. ...

Жестоко мстит за “Крейцерову сонату” граф Л.Л. Толстой!» — См.: *Русское богатство*. СПб., 1905, №№ 11-12. Отд. II. С. 112-114.

Внешне более мягкая рецензия А. Налимова по сути была аналогичной: «...все пьесы Л.Л. Толстого скорее *бытовые*, а не психологические. ...

...во-первых, драмы Л.Л. Толстого опять не оправдывают вывода, что таланты передаются по наследству. Во-вторых, автор и очень доброжелателен к людям, и большой поклонник мира, труда, природы, всяческого здоровья человека и светлоты его духа. Не в пример знаменитому Толстому, Л[ев] Л[ьвович] ценит и всякую общественность для блага ближнего. Но “философия”, подкрашивающая его творчество, звучит как-то робко и “дымно”, — по слову Достоевского, — нет в ней страстности убеждения.

Драмы его никого не обидят, но ... они как-то *сиропны*... на вкус». — См.: *Образование*: Журнал лит. и обществ.-полит. СПб., 1906, № 2. Отд. II. С. 156-157. Курсив А. Налимова.

²¹ К драматическому жанру Л.Л. Толстой обратился в конце 90-х годов по совету А.С. Суворина. 22 февраля 1898 года опытный литератор и издатель задал своему молодому корреспонденту серию риторических вопросов: «<...> Отчего Вы сами перестали писать? Отчего не попробуете чего-нибудь в драматическом роде? Я теперь это всем советую, вероятно, потому, что пробовать себя надо во всех родах, как советовал Гоголь, а во-вторых, такая бедность нашей драматургии, хоть волком вой. Неужели нет ни нравов, ни характеров, ни задач? На сцене видишь все такое плоское, такое деланное, что женщины бросаются писать пьесы и пишут во множестве и пишут не хуже мужчин, т.е. также плохо. <...>» — *ИРЛИ*, ф. 303, № 640. Л. 1-1 об. Автограф.

Предложение заинтересовало Л.Л. Толстого (см. выше его ответ А.С. Суворину от 25 февраля 1898 года в примеч. 1 к Главе 19 Книги I). В начале 1901 года он отправил только что законченную пьесу «Ночи безумных...» В.П. Буренину (см. выше его рецензию на «Прелюдию Шопена» в примеч. 5 к Главе 20 Книги I). Название пьесы подсказано первой строкой стихотворения Алексея Николаевича Апухтина (1840-1893), с 1876 года не раз положенного на музыку и распевавшегося как цыганский романс. — См.: *Апухтин А.Н.* Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1991. С. 135, 355.

В частной переписке острый на язык и обычно суровый критик пощадил Л.Л. Толстого. Тем не менее ответ В.П. Буренина, полученный молодым автором, при всей своей мягкости, обусловленной сочувствием отцу, потерявшему первенца, подготавливал общий недоуменно-отрицательный характер большинства рецензий на пьесы Л.Л. Толстого.

21 января 1901 года критик писал Л.Л. Толстому: «<...>бросать пьесу отнюдь не следует, но надо *обработать* ее. <...>» — **ИРЛИ**, ф. 303, № 205. Л. 2 об. Автограф. Курсив **В.П. Буренина**.

При этом В.П. Буренин рекомендовал Л.Л. Толстому обратиться за советом к более опытным драматургам: А.С. Суворину и ... Л.Н. Толстому: «<...> Другой мой совет: еще лучше Вам дать пьесу Льву Николаевичу. Вот кто *истинный* драматург. С тех пор, как я прочитал “Власть тьмы”, я утверждаю, что среди наших драматургов (да и многих иностранных) Л<ев> Н<иколаевич> самый *настоящий*, глубоко понимающий сцену и ее требования. Я уже не говорю о том, что вообще суждения Л<ьва> Н<иколаевича> всегда полны глубины и того “просветления”, которое дается гением и долгой жизнью. Лев Николаевич скажет Вам, наверное, все, *что нужно* сказать, и облегчит Вам дело *обработки* пьесы. <...>» — **Там же**. Л. 3-3 об. Автограф. Курсив **В.П. Буренина**.

Впечатление А.С. Суворина, чьим мнением Л.Л. Толстой дорожил и в чьей симпатии ему не приходилось сомневаться, было более сдержанным. 3 февраля 1901 года он прямо указал автору на немотивированные сюжетные совпадения в его пьесе с теми, что известны всем по роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина», и добавил, что курортный роман молодого литератора — «<...>не страдания Анны Карениной, ее чудесный сюжет может ли идти в сравнение с монологом Игнатьева. <...>» — **Там же**, № 640. Л. 6-6 об. Автограф.

Однако переубедить Л.Л. Толстого было невозможно. Поблагодарив А.С. Суворина за быстрый отклик, Лев Львович 12 февраля 1901 года признался ему: «<...> Я продолжаю стучаться в ворота, продолжаю просить, чтобы мне их отворили. Я несу ношу, которая другим может казаться не ценной, но которая для меня дорога. А тому, кто стучится, рано или поздно отворят. *Я не претендую на то, чтобы быть тем, что мой отец. Я хочу быть тем, что есть я.* <...>» — **РГАЛИ**, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4246. Л. 56 об. Автограф. Курсив мой. — **В.А.**

14 марта 1901 года Л.Л. Толстой обратился к В.П. Буренину одновременно с просьбой и предложением:

«Многоуважаемый Виктор Петрович, посылаю Вам мою драму в переделки.

Я больше не могу ею заниматься — она мне надоела. Конечно, она далека от совершенства, но, стало быть, написать лучше я пока не могу.

Я думаю, что, если А.С. Суворин поставит пьесу, не станет возиться с театр<альными> комитетами, хотя я, мож<ет> быть, и пошлю пьесу в московский комитет. <...>» — **ОР РНБ**, ф. 124, № 4324. Л. 1. Автограф.

Однако, при всей симпатии к Л.Л. Толстому, А.С. Суворин уклонился. Пьесу «Ночи безумных...» после некоторой доработки принял к постановке Новый театр, открытый 15 сентября 1901 года в Петербурге в Кононовском зале, который сдавался под антрепризы и частные собрания в четвертом этаже доходного дома № 61 по набережной реки Мойки. «...зал был с секретом. При небольших размерах помещение несло отпечаток некоей *имперскости*, торжественности, и это опять-таки было именно то, что нужно: всякое театральное действие, разыгранное здесь, или даже обычный концерт, приобретали особую значимость, “смотрелись” серьезной, даже парадной акцией. ...» — См.: **Литаврина М.** Яворская, беззаконная комета. М.: МИК, 2008. С. 131. Курсив **М. Литавриной**. См. также: **Черниченко Л.** Князь В.В. Барятинский: Писатель в России и в эмиграции. М.: РОССПЭН, 2006. С. 174-176, 199-299.

У Нового театра не было еще своего репертуара, а громкое имя автора пьесы на афише должно было привлечь зрителей и обещало успех. Исходя из этих соображений, 8 октября 1901 года труппа Лидии Борисовны Яворской (урожд. фон Гюббенет; в замужестве княгиня Барятинская; 1871-1921) представила на суд зрителей драму Л.Л. Толстого «Ночи безумных...», но особого впечатления она не произвела. Сочувствующая автору газета просто обошла этот факт. — См.: **Новое время**. СПб., 9/22 октября 1901 года, № 9195. С. 4; **Там же**, 10/23 октября 1901 года, № 9196. С. 4. Но уже в первых рецензиях других изданий отмечалось: «...драматический первенец графа Л.Л. Толстого публике не понравился и

благодарного матерьяла артистам он не дал. ...» — См.: *Новости и Биржевая газета*. СПб., 9 октября 1901 года, № 278. С. 3.

На следующий день критик Николай Иванович *Гарвей* (1867-1941), печатавшийся под псевдонимом *Дед-Всевед*, пояснил свою мысль: «... Близкое родство автора с Л.Н. Толстым — гордостью русской литературы, придавало особый интерес вчерашнему спектаклю. Многие предполагали, что драма Толстого-сына, по меньшей мере, прочтена Толстым-отцом, что не могло остаться без влияния, хотя бы на внешнюю сторону произведения начинающего автора.

Ожиданиям публики не суждено было, к сожалению, осуществиться.

Трудно решить, что хотел сказать своим произведением молодой автор. ...» — *Там же*, 10 октября 1901 года, № 279. С. 3.

Другой критик, *Н. Горский* посвятил феномену успеха-неуспеха пьесы Л.Л. Толстого бóльшую часть своей рецензии: «...с внешней стороны успех пьесы казался обеспеченным. На деле же оказалось далеко не так. Говорить и относиться серьезно к достоинствам и недостаткам этого произведения, разбирать положения, характеры действующих лиц, выяснить идею автора — дело очень мудреное, так как ничего подобного в драме нет. Я лично давно уже не видел такой веселенькой драмы, да и публика, должно быть, разделяла мое мнение, неоднократно прерывая действие на самых патетических местах дружным смехом. ...

Ни литературного, ни тем более художественного значения пьеса эта, без всякого сомнения, иметь не может, но... “билеты на сегодня все проданы”, и всякие дальнейшие комментарии излишни...» — См.: *Россия*. СПб., 10 октября 1901 года, № 883. С. 3.

Было еще одно обстоятельство, мимо которого ни зрители, ни критики не могли пройти мимо: в пьесе Л.Л. Толстого откровенно выражена антитолстовская позиция. Журнал «Театр и искусство» 14 октября 1901 года высказался по этому поводу так: «В. Гюго однажды сказал: “У вас был Наполеон Великий, хотите ли вы Наполеона Маленького?..” У нас есть Толстой Великий, нужен ли нам Толстой Маленький?.. Пьеса “Ночи безумных...” собрала полный зал Нового театра. Жалкое впечатление, оставляемое этой quasi-драмой, усиливается тем, что сын, по-видимому, силится “восстать” против великого отца. ... То, до чего отец дошел годами мучительных усилий, об этом сын говорит с беззаботностью “почти военного человека”. ... Странная штука — человеческая психология. Темно учение о наследственности. ...» (№ 42. С. 749). Рецензия подписана криптонимом С.С. Её автором вероятнее всего был Осип Григорьевич *Эттингер*. — См.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. III. С. 63; Т. IV. С. 542.

В этом же номере в «*Театральных заметках*» редактор журнала и влиятельный театральный критик Александр Рафаилович *Кугель* (1864-1928) писал: «...неловко после “Анны Карениной” бросить героя, уличенного в адюльтере, под поезд железной дороги. И кому же? Сыну, который должен бы бережнее относиться к формам и приемам творчества своего отца...» — См.: *Театр и искусство*. СПб., 14 октября 1901 года, № 42. С. 755.

Рецензия *Л. Жданова* в журнале «*Звезда*» 20 октября 1901 года заканчивалась еще более резко: «...нельзя, выставив на афише такое громкое имя, подносить публике не только вещь незрелую, нет, — а прямо неперевавленную духовную пищу, крупные куски которой и сам-то не мог прожевать и проглотить автор» (№ 42. С. 16).

Драма была снята с постановки в середине ноября 1901 года после 12-ти представлений. — См.: *Филиппова С.А.* Новый театр Л.Б. Яворской: Первый сезон // *Петербургские театры, которых нет* / Отв. ред. и составитель С.А. Филиппова. СПб.: Левша, 2019. Вып. I. С. 143, 147, 171-181, 186-187; *Петровская И., Сомина В.* Театральный Петербург: начало XVIII века – октябрь 1917 года: Обзорение-путеводитель / Под общей ред. И.Ф. Петровской. СПб., 1994. С. 216-221.

Тем не менее, вскоре после петербургской премьеры пьеса Л.Л. Толстого «Ночи безумных...» была поставлена в Московском театре «Аквариум», дирекцию которого с

октября 1901 года возглавила артистка Императорских театров Мария Яковлевна Пуаре (в замужестве Свешникова; Орлова-Давыдова; 1863-1933). Ее антреприза в сезоне 1901 года оказалась неудачной. После первого же спектакля, шедшего при полупустом зале, стало ясно, что в Москве, где такое множество первоклассных драматических актеров, добиться успеха будет очень непросто. Вывод критиков был таков: «... Труппа слабая до жалкости и кажется еще слабее, смущенная таким “открытием” нового дела. ...» — См.: **Ярцев П.** Московские письма // *Театр и искусство*. СПб., 14 октября 1901 года, № 42. С. 753.

В этой ситуации намерение М.Я. Пуаре привлечь зрителей именем автора на афише было вполне обоснованным. Премьера драмы Л.Л. Толстого «Ночи безумных...» состоялась 3 декабря 1901 года. На следующий день один из московских критиков писал: «... Новинка собрала много публики, но, несмотря на тщательность постановки и исполнения, особого успеха не имела. Молодой автор показал себя драматургом очень неопытным и совершенно не признающим условий сцены». — См.: **Новости дня**. М., 4/17 декабря 1901 года, № 6638. С. 2.

19 декабря 1901 года пьесу сыграли в 4-й раз и больше не ставили в Москве.

В июне 1902 года вышло отдельное литографированное издание пьесы. — См.: *Театр и искусство*. СПб., 1902, № 25. С. 483. Через несколько лет ею открывался первый том «Драматических произведений» Л.Л. Толстого.

На юге России пьеса шла и зимой 1902-1903 годов. — См.: **Кузичева А.П.** Театральная критика российской провинции: 1880-1917: Коммент. антология. М.: Наука, 2006. С. 340.

²² 18 августа (нов. стиля) 1906 года Л.Л. Толстой сообщил С.А. Толстой из Хальмбюбуды, куда семья уезжала на лето: «<...> Кончил пьесу, и надо ее переписывать и пускать в ход. Между тем политические события все заслоняют, и жутко за Россию. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14367. Л. 1. Автограф.

В письме В.П. Буренину, одобрительно отозвавшемуся о «Братьях помещиках», Л.Л. Толстой уже из Петербурга 6 декабря 1906 года признался: «<...> Сам я верю в эту мою пьесу и думаю, что это лучшее, что я написал. <...>» — **ОР РНБ**, ф. 1012, № 22. Л. 1. Автограф.

Однако 26 декабря 1906 года он с горечью писал матери о судьбе пьесы «Братья помещики», «<...> которую, увы, цензура запретила, то есть выкинула весь конец, погром барской усадьбы. Пьеса дошла до премьеры, но Столыпин тоже нашел ее нецензурной. Боятся “разжигания страстей”, хотя сама по себе комедия рассчитана на обратное, на то, чтобы помещики сделались порядочными людьми. Послал ее в Берлин, где, м<ожет> б<ыть>, буду печатать по-русски, или <пошлю> в Америку, а в России она будет пропущена без хвоста и изуродованная. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14374. Л. 1-2. Автограф.

Именно тогда Л.Л. Толстой читал свою новую пьесу разным слушателям, среди которых был, в частности, И.Е. Репин (см. о нем выше примеч. 15 к Главе 8 Книги I). — **Там же**. Л. 1 об.

Накануне премьеры пьесы Л.Л. Толстого «Братья помещики» знаменитый художник из Куоккалы отправил автору коротенькое письмецо:

«Поздравляю! Поздравляю!

Я не сомневаюсь в успехе, если только будет поставлена. Непременно пойду слушать. Какой язык! Какое знание разной среды! И автор подымает актеров, заставляет их невольно играть вовсю!.. Еще бы, если при беглом вашем чтении всех увлекало, – воображаю на сцене!!.. Bravo!

Ваш И. Репин.

Поздравляю от души». — **ОР РНБ**, ф. 782, № 5. Л. 1. Автограф. См. также: **Абросимова В., Зорина С.** Переписка Л.Л. Толстого с Н.Б. Нордман и И.Е. Репиным // **Новый журнал**. СПб., 1998, № 4. С. 156-159.

Однако мнение зрителей, пришедших 16 марта 1907 года в Театр Литературно-Художественного общества (Малый театр А.С. Суворина), было не столь однозначным. Симпатизировавшая автору и труппе газета на следующий день писала: «...пьеса имела большой, несколько страстный и шумный успех, в особенности после третьего акта, который кончается яркой, талантливо написанной картиной с песнями и плясками и вмешательством сильной драматической струи. Автора вызывали после этого акта много раз, и он выходил с артистами. ... Поставлена и разыграна пьеса была прекрасно. ... “Братья помещики” обнаруживают у автора комический и сатирический талант, о котором он, кажется, никогда не думал; но сильная сторона у писателей нередко именно та, о которой, кажется, они меньше всего думают». — См.: *Новое время*. СПб., 17/30 марта 1907 года, № 11139. С. 4.

Другие рецензенты были более резки в оценках. Так, Александр Иванович *Косоворотов* (1868-1912), писавший под псевдонимом «*Шмель*», открыто обвинил Л.Л. Толстого в отсутствии ума и «специального чувства сцены». — См.: *Русь*. СПб., 18/31 марта 1907 года, № 77. С. 4.

Другой критик, скрывшийся за криптонимом «*М.Л.*», посочувствовал актерам, занятым в спектакле: «Пьеса Л.Л. Толстого производит впечатление какой-то внутренней хаотичности мыслей и чувства и внешней недоделанности и неразвитости. Сюжет ее вполне современный и благодарный — аграрные волнения и разгром помещичьих усадеб; но Боже мой! — что автор с ним сделал! ...

...исполнители пали жертвою наредкость не выигранных ролей, навязанных им автором пьесы. Мир им! Они сделали, что могли, наглядно подтвердив своим примером, что *ex nihilo nihil fit*». — См.: *Речь*. СПб., 18/31 марта 1907 года, № 65. С. 4.

...*ex nihilo nihil fit* — из ничего ничего не получится (*латин.*).

В кассовом отношении постановки были весьма успешными. Литератор, переводчик, критик, сотрудник ряда газет, в том числе и «Нового времени», Малого театра А.С. Суворина, юрисконсульт Министерства внутренних дел, тайный советник Яков Алексеевич Плющевский-Плющик (1845-1916) в апреле 1907 года прислал А.С. Суворину отчет, в котором содержались данные и о постановке новой пьесы Л.Л. Толстого. Три спектакля (16, 19 и 22 марта 1907 года) в общей сложности принесли театру более тысячи рублей. — *РГАЛИ*, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 3339. Л. 7-7 об. Автограф.

В архиве Л.Л. Толстого сохранилось письмо от 23 марта 1907 года, в котором «ревностные почитатели петербургских театров» благодарили автора за пьесу «Братья помещики». — *ИРЛИ*, ф. 303, № 849. Л. 1. Автограф.

26 марта 1907 года помощник управляющего канцелярией Совета Императорского Русского театрального общества Алексей Александрович Стрешнев известил Л.Л. Толстого, что на его драму имеется несколько заказов, и в связи с этим просил автора прислать экземпляр для снятия копии. — *Там же*, № 638. Л. 1. Машинопись с подписью-автографом.

Однако стремление Л.Л. Толстого не только расширить географию постановок, но и заинтересовать своими пьесами известных мастеров сцены, не удалось воплотить в жизнь. Так, Константин Сергеевич Станиславский (Алексеев; 1863-1938) в письмах Л.Л. Толстому автору от 19 мая и 18 августа 1907 года мотивировал отказ взять в работу пьесу «Братья помещики» перегруженностью репертуара Московского Художественного театра, но было очевидно, что пьеса Л.Л. Толстого ему не понравилась. — *Там же*, № 628. Л. 1-5. Автограф.

К этому времени стали известны факты резко отрицательного отношения провинциальных властей к новой драме Л.Л. Толстого. Так, 5 августа 1907 года журнал «*Театр и искусство*» писал: «... “Аграрная пьеса” Л.Л. Толстого “Братья-помещики” попала в “подозрение”. Как нам сообщают, по распоряжению администрации, пьеса снята с репертуара после первого представления в Саратове и Екатеринодаре. ...» (№ 31. С. 501).

30 августа (нов. стиля) 1907 года книгоиздатель Иван Павлович Ладыжников (1874-1945) отправил из Берлина в Швецию, где в это время находился Л.Л. Толстой с семьей, подробное письмо с рассказом о судьбе драмы в Германии: «<...> “Братья помещики” были переведены на немецкий язык и представлены несколькими из здешних и

венских больших театров. Пьеса заинтересовала своим построением, но не могла превзойти общий страх директоров перед всем, что трактует о русских революционных событиях. Знакомые директора посоветовали обождать, пока волна недовольства русскими делами пройдет. Это был любезный отказ, так как они сами понимают, что таким откладыванием постановки мы сами отнимаем у пьесы ее свежесть и актуальность. <...>» — *ИРЛИ*, ф. 303, № 396. Л. 1. Автограф.

Осенью 1907 года пьесу «Братья-помещики» взял в работу Драматический театр Ольги Петровны Зарайской (1877-1940) в Туле. Показательно, что буквально за несколько дней до премьеры в местной газете появилось объявление, призванное обеспечить кассовый сбор, но не соответствующее истине: «В ближайшем будущем в театре г-жи Зарайской будут поставлены “Братья-помещики” Л.Л. Толстого, пьеса[.] обошедшая почти все сцены столичных и губернских городов. У нас пьеса пойдет в первый раз». — См.: *Тульская молва*. 7 октября 1907 года, № 8. С. 3. Курсив мой. — *В.А.*

11 октября 1907 года комедия была представлена публике. — *Там же*, № 11. С. 1. А через день в той же газете появилась разгромная рецензия, открывавшаяся таким пассажем: «Отец его был великий писатель, а он... был маленьким октябристом и самым неудачным произведением великого отца...

У отца его был великий талант и великая скромность, — а у него ... у него были художественные потуги и ... много смелости...» — См.: *Художественные потуги октябриста* (Л. Толстой. «Бр[атья] Помещики»: К постановке в театре О.П. Зарайской) // *Там же*, 13 октября 1907 года, № 13. С. 2. Рецензия подписана криптонимом: *Пли-кий*.

После трёх представлений один из соиздателей газеты «Тульская молва» *Д.И. Фортунатов*, писавший под псевдонимом «*Santimento*», 4 ноября 1907 года заметил: «...подобные драматические произведения не дают верного отражения той действительности, которая сказывается на брожении деревни и аграрных недоразумениях» (№ 32. С. 3). — См.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. III. С. 334; Т. IV. С. 493. Однако 3 января 1908 года в новом объявлении о четвертой постановке комедии Л.Л. Толстого утверждалось: «...представлена будет сенсационная пьеса, имевшая всюду громадный успех...». — См.: *Тульская молва*. 3 января 1908 года, № 78. С. 2. Но и это не спасло труппу О.П. Зарайской. Сыграв 5-й спектакль 17 февраля 1908 года, театр вынужден был снять пьесу «Братья помещики» с репертуара (№ 116. С. 2).

О других постановках этой пьесы см.: *Кузичева А.П.* Театральная критика российской провинции... С. 390. См. также ниже примеч. 22 к письмам Л.Ф. Достоевской в разделе *Приложение*.

²³ Первое упоминание о новом сочинении встречается в письме Л.Л. Толстого матери из Петербурга от 14 октября 1912 года: «<...> Моя пьеса пойдет здесь в конце месяца, а так пока ничего нового или особенного нет. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14560. Л. 1 об. Автограф. Однако 1 ноября 1912 года репетиции, по словам автора, еще не начинались. — *Там же*, № 14562. Л. 1. Автограф.

Премьера драмы «Права любви» состоялась 14 ноября 1912 года на сцене Театра Литературно-Художественного общества (Малого театра А.С. Суворина), действительным членом которого Л.Л. Толстой был избран 21 февраля 1912 года. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 195. Л. 1. Машинопись.

16 ноября 1912 года Л.Л. Толстой писал С.А. Толстой: «Милая, дорогая мамá. <...> На днях прошла моя пьеса “Права любви” с хорошим успехом, и сегодня 2-ое представление, на которое еду после обеда. На 1-м представлении был между другими Щегловитов, который представил меня своей жене, и оба они были в восторге. Жали мне руки и говорили лестные вещи. Вся публика приняла пьесу очень горячо и сочувственно. Конечно, как всегда, завистливая и глупая наша критика, за некот<орыми> исключениями, ругается, хотя на этот раз мягче, чем прежде. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14563. Л. 1-2. Автограф.

Иван Григорьевич *Щегловитов* (1861-1918) с 1906 по 1915 год был министром юстиции, председателем Государственного совета. *Его жена* — Мария Федоровна (урожд. Куличенко; 1863-1922).

Пьеса выдержала шесть представлений. Мнения критиков разделились. Сочувственная рецензия *П. Конради* была в «*Новом времени*» 16/29 ноября 1912 года (№ 13177. С. 7).

Однако радоваться Л.Л. Толстому на самом деле пришлось недолго. Резко отрицательное суждение писателя и публициста Сергея Сергеевича *Гусева* (1854-1922), выступавшего под псевдонимом «*Слово Глаголь*», появилось уже в день премьеры. Особое негодование критика вызвал тот факт, что постановка пьесы была приурочена к годовщине смерти Л.Н. Толстого. Назвав раздел, посвященный новой драме Л.Л. Толстого, «*Еще поминки*», С.С. Гусев писал: «... Л.Л. Толстой — такой же писатель, как любой грамотный человек, не обладающий писательским даром. Он бездарный. ... я думаю, что такой пошлости у нас, на русской сцене, еще не бывало. «*Право любви*» — это ослиное ляганье в 19-ти действиях, направленное на толстовское учение. В 4-х действиях вы видите дурака, который высказывает то, чего не понимает. Нелепая завязка и такая же развязка, как и все подробности, приплетены к ляганью только потому, что иначе не было бы пьесы, т.е. не было бы возможности ослу выйти на сцену и проделать преднамеренную потеху. ...» — См.: *Наброски и недомолвки / Слово Глаголь // Саратовский листок*, 14 ноября 1912 года, № 251. С. 3. Курсив мой. — В.А. См. также: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. III. С. 120.

Еще более определенно выступила газета «Речь», выделив антитолстовскую направленность пьесы «Правы любви»: «... А вот что, по Толстому Льву Львовичу, делают толстовцы: они ходят босыми и без шапок, выпивают очень много молока, говорят глупости и «из жалости к живым существам» не чешут головы...

Это, конечно, пасквиль; но пасквиль на толстовцев и на русский народ в устах сына Толстого — это уже нечто исключительное. Тем не менее, пьеса не оскорбляет — для этого она слишком глупа. ...» — См.: *Василевский Л.* Малый театр: «Правы любви» Л.Л. Толстого // *Речь*. СПб., 16/29 ноября 1912 года, № 315. С. 6-7.

Через день журнал «Театр и искусство» писал: «Новая комедия Л.Л. Толстого «Правы любви» — из тех «средних» пьес, о которых не скажешь много ни хорошего, ни дурного: отцветают они быстро, и жизнь их, действительно, в мгновении. Посидишь, посмотришь пьесу — как будто ничего; а вышел из театра — и не вспомнишь. На более деликатном языке это называется — неприятельские картины. ...

Разыграна пьеса недурно. ...» (№ 47. С. 911-912).

Но, может быть, наиболее серьезный анализ пьесы — и наиболее болезненный для автора отзыв — дан в статье Л.Я. Гуревич, которая в начале 90-х годов XIX века приглашала Л.Л. Толстого печататься в журнале «Северный вестник» (см. выше примеч. 13-14 к Главе 12 Книги I). С тех пор многое изменилось. Размышляя над феноменом шумного успеха комедии Л.Л. Толстого в Малом театре А.С. Суворина, критик выделила следующее обстоятельство: «...очень возможно, что она (пьеса Л.Л. Толстого. — В.А.) будет иметь такой же успех у большой публики и в других театрах. ...она не лишена своего рода остроты и невольно заставляет вдумываться в сложную, вернее, — путанную психологию и идеологию ее автора. ... Но чем более автор старается быть художественно и идейно независимым, тем более ощущается в нем недостаток природной, органической оригинальности. ... И что всего разительнее, что режет в этой пьесе, как кричащее неприличие, — с каким злобным и вульгарным гиканием он изображает в пьесе двух «толстовцев», — совершенно ненужные по ходу действия, эпизодические лица, которых он заставил повторять друг за другом, наподобие Бобчинского и Добчинского, одни и те же фразы и рассуждать в смехотворно бестолковых словах на тему о непротивлении, о жалости к животным и насекомым и т.д. ...» — См.: *Гуревич Л.* Петербургские театры: Комедия гр. Л.Л. Толстого // *Русские ведомости*. М., 29 ноября 1912 года, № 275. С. 5.

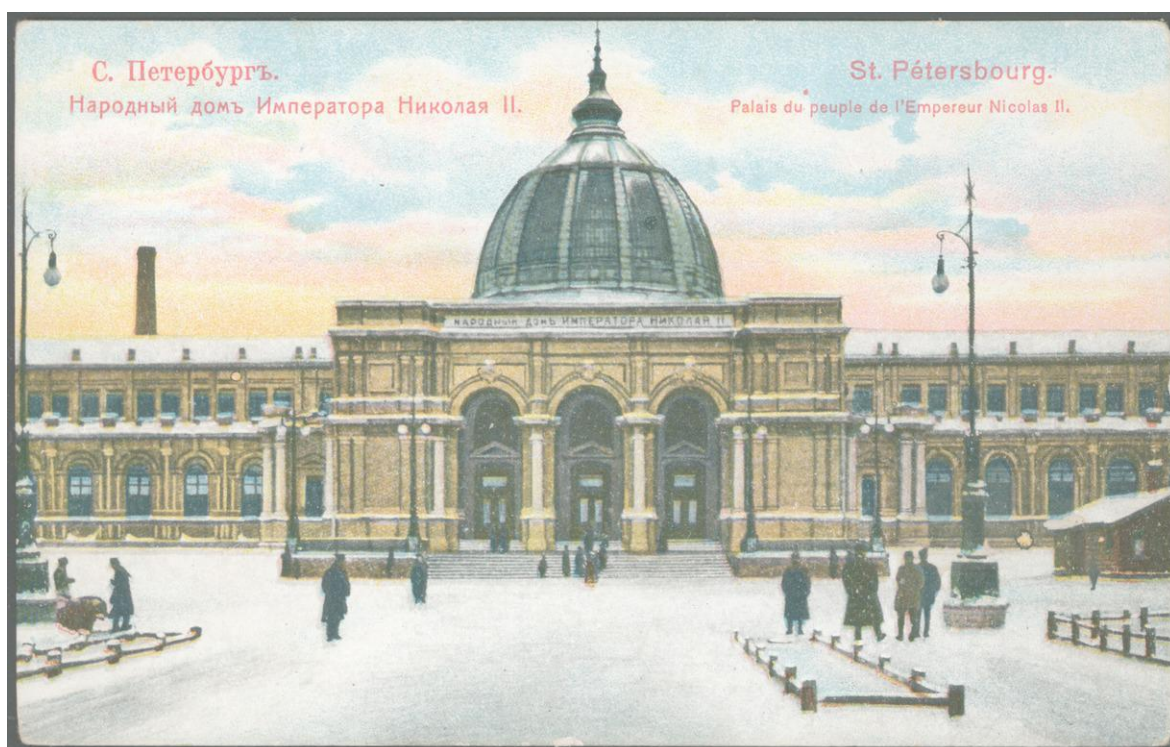
Бобчинский и Добчинский — персонажи комедии Николая Васильевича Гоголя (1809-1852) «Ревизор».

Тем не менее в том же году пьесой заинтересовался Новый театр в Туле и пытался неоднократно привлечь зрителей, рекламируя комедию в течение долгого времени так: «...последняя пьеса Л.Л. Толстого, идущая с *громдным успехом* в Петербурге в Суворинском театре. ...». — См.: *Тульская молва*, 16 и 18 декабря 1912 года, №№ 1543-1544. С. 1. Курсив мой. — В.А. Ранее газета сообщала, что пьеса будет «поставлена под личным наблюдением автора». — *Там же*, 18 и 27 ноября 1912 года, №№ 1521, 1527. С. 1.

19 декабря 1912 года состоялась единственное представление пьесы в Туле, которое не принесло желаемого результата ни автору, ни театру. — См.: *Театр в 1912 году // Там же*, 4 января 1913 года, № 1556. С. 3.

В том же году пьеса вышла отдельным литографированным изданием. — См.: *Толстой Л.Л.* Права любви: Комедия современной русской помещицы и крестьянской жизни в 4-х действиях с прологом. М.: Издание С.Ф. Рассохина, 1912.

²⁴ Закончив работу над драмой в 4-х действиях «Солдатка», Л.Л. Толстой 31 октября 1902 года отправил пьесу родителям в Ясную Поляну. — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14254. Л. 1 об. Автограф. А уже 13 ноября 1902 года он благодарил С.А. Толстую: «Спасибо за письмо и лестное мнение папá и Вас о „Солдатке“. <...>» — *Там же*, № 14256. Автограф. К сожалению, это письмо С.А. Толстой не сохранилось, и узнать более подробно впечатление Л.Н. Толстого о пьесе сына невозможно.

Драма «Солдатка» была впервые поставлена 9 февраля 1903 года в Народном Доме Императора Николая II, который недавно открылся в Александровском саду. Его зрительный зал вмещал более двух тысяч зрителей, а сцена была оборудована по последнему слову европейской техники. — См.: *Театр и искусство*. СПб., 9 февраля 1903 года, № 7. С. 171. См. также: *Краткий отчет деятельности С.-Петербургского городского попечительства о народной трезвости: 1898-1908*. СПб., 1909. С. 4, 24.

Рецензент с сочувствием отнесся к этой пьесе: «... Когда в воскресенье я смотрел новую народную драму Л.Л. Толстого «Солдатка», мне показалось, что вернулись сороковые годы с «ужасно» благородными воззрениями и чувствами. ...пьеса смотрелась с интересом.

Чувствовалась дружная работа артистов и режиссера. Постановка любовная и тщательная, как всегда. Каждая мелочь строго обдумана. Народные сцены идут живо и реально. Нет излишних хитростей, но решительно все, что можно, сделано просто, ясно и правдиво. ...» — См.: *Колосов К.* Народный Дом // *Театр и искусство*. СПб., 16 февраля 1903 года, № 8. С. 181-182.

Тем не менее, после нескольких постановок и эта пьеса Л.Л. Толстого была снята с репертуара. Позднее Л.Л. Толстой включил драму в том своих «Драматических сочинений» (Т. I. С. 39-64).

²⁵ 19 июля 1907 года А.С. Суворин записал в дневнике: «... Лев Львович Толстой в своей пьесе выставил своего брата Андрея, гитариста. ...». А через несколько дней, 27 июля 1907 года, после беседы с Л.Л. Толстым он так расшифровал название драмы: «... Л[ев] Л[ьвович] написал две пьесы, одну в 2-х актах, другую в 5-ти актах и в 6-ти картинах. Нечто ужасное, по его словам. Изображение всего существующего. “Моя родина” название, то есть несчастная моя родина. ...» — См.: *Суворин А.С.* Дневник... С. 524, 529.

...одну в 2-х актах... — возможно, речь идет о пьесе “Марк”, поставленной позже. Кроме того, осенью 1907 года появилось сообщение, не получившее в дальнейшем подтверждения: «Граф Л.Л. Толстой кроме “Моей родины” написал еще одну пьесу — “Ничего святого”». — См.: *Новости искусства и литературы // Обозрение театров*. СПб., 11 сентября 1907 года, № 188. С. 13 (курсив мой. – В.А.). .

Малый театр А.С. Суворина не стал рисковать: на его сцене осенью 1907 года еще шли последние представления пьесы «Братья помещики». — См.: *Петербургские новости*. СПб., 18 сентября 1907 года, № 10. С. 4. См. также: *Двадцатилетие Театра имени А.С. Суворина* (Бывшего театра Лит.-Худож. общества) /Составил Н. Долгов. Пг., 1917. С. 116.

Пьеса Л.Л. Толстого «Моя Родина: Комедия из эпохи начала XX столетия в России» 12 октября 1907 года была поставлена на сцене Московского Драматического театра, основанного Федором Адамовичем Коршем (1852-1923). Драматург предоставил театру исключительное право на постановку этой пьесы в течение двух лет. — *РГАЛИ*, ф. 2087, оп. 2, ед. хр. 746. Л. 97.

Однако воспользоваться этим правом труппе Ф.А. Корша не пришлось. Как обычно, первое представление пьесы Л.Л. Толстого «Моя Родина» прошло с большим количеством зрителей, однако мнения рецензентов были совсем не лестными. В беглом отклике на спектакль критик Константин Владимирович *Орлов* (1875-1921), подписывавшийся криптонимом «К.О.», осторожно подытожил: «Горячим монологом о любви к родине, многократно раздававшимся со сцены, публика все же хлопала, и с внешней стороны нельзя сказать, чтобы пьеса провалилась». — См.: *Театр Корша: “Моя родина” /К.О.//Русское слово*. М., 13/26 октября 1907 года, № 235. С. 4.

На следующий день в развернутой рецензии на увиденное он был более суров: «...опыт социально-политической энциклопедии в драматической форме совершенно не удался автору “Моей родины”, да и не мог удался в виду непомерной грандиозности замысла, не способного уложиться в крайне узкие рамки сцены.

...чем пристальнее вглядываешься в аляповатую сатиру Л.Л. Толстого, чем ближе присматриваешься к дешевому лубку его положительных типов, тем больше убеждаешься в том, что главная беда автора – это наивное убожество его концепции. ... Это бесформенные кляксы, а не люди. ...» — См.: “*Моя родина*” Л.Л. Толстого /К.О.//*Там же*, 14/27 октября 1907 года, № 236. С. 6. См. также: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. II. С. 17; Т. IV. С. 351.

В тот же день эту мысль по-своему продолжил Юрий Алексеевич *Веселовский* (1872-1919), более известный под криптонимом «Ю.В.»: «... Автор скользит по поверхности затрагиваемых явлений, не проникая в их сущность. ... Пьеса Л.Л. Толстого — не социальная комедия, а произведение, в котором произвольно собраны самые разнохарактерные и плохо

связанные между собою отголоски современности, — от экономического кризиса до “матчиша” и от освободительного движения до увлечения хиромантией...» — См.: *Русские ведомости*. М., 14 октября 1907 года, № 235. С. 5. См. также: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. III. С. 276; Т. IV. С. 103.

...до “матчиша”... — речь идет о мелодии песни и танца на испанские (точнее, латиноамериканские) темы “La Mattchiche”, которая в начале XX века разлетелась из Парижа по всему миру в обработке Шарля Борель-Клерка (Borel-Clerc; 1879-1959). Эту примету времени (<https://www.starinnye-noty.ru/танцы/матчиш-шарль-борель-клерк/>) ввёл не автор пьесы, а ее постановщик.

В тексте пьесы Л.Л. Толстого есть две противоположные музыкальные темы: с одной стороны, музыка Шопена, которая звучит в гостиных, когда собираются хозяева дома старшего поколения; в сценах, где появляется молодежь, желающая танцевать и веселиться, звучит оперетта Франца Легара (Lehár; 1870-1948) «Веселая вдова», впервые поставленная в Вене в конце 1905 года и имевшая бешеный успех в разных странах мира, в том числе и в России.

Но обе эти мелодии не могут противостоять натиску пьяной толпы и выстрелу пьяного безработного в затылок доктора Петрова – единственного из персонажей пьесы, реально помогавшего голодным и за два года на пожертвованные деньги открывшего 25 бесплатных столовых. Монолог Маши Громовой, его помощницы и возлюбленной, завершает пьесу серией риторических вопросов. Склонившись над умирающим и надеясь услышать его ответ, она вопрошает: «... Скажи мне — что это? За что? Что ж такое жизнь? Служение? [К толпе, к публике, ко всему миру, отчаянно.] Скажите мне! Что ж жизнь? Смерть? Страдания? [Опрокинув голову, после паузы.] И это моя родина? Ее надо любить?» — См.: *Толстой Л.Л.* Моя родина: Комедия в V действиях и 6 картинах (Из эпохи начала XX столетия в России) // *Отдел рукописей и редких книг СПб. государственной театральной библиотеки* (в дальнейшем — *ОР и РК СПбГТБ*), № 42311. Л. 135. Машинопись с авторской правкой. Подчеркнуто *Л.Л. Толстым*.

Финал пьесы неоднократно подвергся переработке. В другом машинописном экземпляре пьесы, 27 сентября 1907 года дозволенного к представлению цензором в Петербурге, изменилась тональность и эмоциональная окраска монолога Маши: «... И это моя родина? Ее надо любить!» — *Там же*. I-15-7-34, № 12939. Л. 145. Машинопись с авторской правкой.

На последнем, третьем представлении пьесы 18 октября 1907 года присутствовала С.А. Толстая. На следующий день она записала в ежедневнике: «Была вечером в театре, “Моя родина” — Левы; не удовлетворило и загромождено». — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 273.

Таким же было мнение критиков. — См.: *Театр и искусство*. СПб., 21 октября 1907 года, № 42. С. 679. А 28 октября 1907 года *Н. Эфрос* в очередном обзоре «Из Москвы» деликатно обошел пьесу «Моя родина», ограничившись одной фразой: «...большая неприятность с Толстым-сыном у Корша...» — *Там же*, № 43. С. 703.

Иногда в записях современников *ошибочно упоминается тульская постановка пьесы «Моя родина»*. — См.: *Маковицкий Д.П.* У Толстого... Кн. 2. С. 535, 677. Действительно, драму Л.Л. Толстого «Моя родина» думали поставить и в Туле, *но не успели*. К этому времени стало уже известно решение Ф.А. Корша, ввиду неуспеха, снять пьесу с репертуара после третьего представления. — См.: *Тульская молва*. 24 октября 1907 года, № 22. С. 3.

17 января 1908 года отдельное литографированное издание пьесы Л.Л. Толстого «Моя родина» прочитал Л.Н. Толстой. Его впечатление известно со слов Д.П. Маковицкого: «Очень наивно». — См.: *Маковицкий Д.П.* У Толстого... Кн. 3. С. 20-21. В этом литографированном издании, поступившем в петербургскую цензуру 14 ноября 1907 года и дозволенном к представлению 28 ноября 1907 года, в комедии «Моя родина» другой финал и другой авторский комментарий: «Петров садится к столу, закрыв лицо руками. Лунное

освещение. Слышен колокольный звон справа вдали и глухие крики толпы внизу за мельницей, слева. Вода на мельнице шумит по-прежнему. Пауза. Безработные, крадись, входят из глубины, целятся в Петрова из револьвера, *но не стреляют*, потом скрываются. Пауза». — См.: *Толстой Л.Л.* Моя родина... Литогр. изд. // *ОР СПбГТБ*, № 452901. С. 79. Курсив мой. — *В.А.*

²⁶ Речь идет о кн.: *Толстой Л.Л.* Рассказы из времени студенчества (М., 1898; цензурное разрешение 18 февраля 1898 года). В нее вошли, главным образом, произведения, публиковавшиеся ранее: «Любовь»; «Синяя тетрадь»; «В Татьянин день»; «Совершеннолетие»; «Вечер во время голода»; «Под двумя огнями»; «Два товарища». См. также выше примеч. 6 к Главе 4, примеч. 14 к Главе 12 и примеч. 28 к Главе 13 Книги I.

²⁷ О повести «Прелюдия Шопена» и первых откликах на нее в России и за границей см. выше примеч. 4-5 к Главе 20 Книги I.

Из других публикаций отметим большую статью Василия Васильевича Розанова (1856-1919), поводом для написания которой явилось именно своевременное, как он считал, появление повести Л.Л. Толстого, название которой он изменил. — См.: *Розанов В.* Семья, как религия: Гр. Л. Толстой. «Крейцера соната»; Гр. Л.Л. Толстой. «Прелюдия к Шопену» // *С.-Петербургские ведомости*, 5/17 ноября 1898 года, № 304. С. 2-3; 23 ноября/5 декабря 1898 года, № 322. С. 2-3. Курсив мой. — *В.А.*

В архиве редактора журналов «Игрушечка» и «Женское дело» Александры Николаевны *Пешковой-Толиверовой* (урожд. Сусоколовой; 1842-1918) сохранился черновой автограф незавершенной рецензии «Несколько замечаний автору “Прелюдии Шопена”», написанной сразу же после того, как рассказ был опубликован в «Новом времени». Приняв основной пафос произведения в защиту раннего брака и считая рассказ важным, современным и уже потому интересным, А.Н. Пешкова-Толиверова тем не менее не могла согласиться ни с выбором героев, ни с самим развитием действия. — *ИРЛИ*, ф. 227, ед. хр. 24. Л. 20-21.

Трудно сказать, знал ли Л.Л. Толстой об этих замечаниях, но, готовя повесть к публикации в книге, он предпослал ей 6 мая 1900 года коротенькое предисловие, в котором вновь отстаивал свое видение проблемы раннего и, следовательно, чистого брака.

«“Прелюдия Шопену” была написана мною несколько лет назад и, должен сказать, была написана сначала вовсе не как возражение “Крейцеровой Сонате”, а просто, как выражение горячо занимавших меня в ту пору мыслей. Форму антитезы “Крейцеровой Сонаты” рассказ принял уже при последнем его редактировании.

Выпуская его теперь в отдельной книжке, вместе с другими моими рассказами, я не отказываюсь от основных мыслей, выраженных в нем, не отказываюсь от мысли, что ранний брак — великое благо, что стремление к полному целомудрию не имеет смысла, раз полное целомудрие человечества невозможно и ведет к прекращению его рода; что целью нашей жизни должно быть не стремление к полному целомудрию, а стремление к раннему, чистому и целомудренному браку.

Поэтому ответ “Крейцеровой Сонате” и ее “Послесловию”, как они ни сильны художественно и как ни сильно выражены в них отрицательные стороны брачных отношений, — один: вывод их ошибочен.

Идеалом в них поставлено то, что не может им быть. Идеалом в вопросе половых отношений не может быть поставлено их уничтожение, потому что это уничтожает тогда самое понятие этого идеала и приводит к логической нелепости.

Признаюсь, что тон, в каком написан рассказ “Прелюдия Шопена”, мог бы быть спокойнее, что это было бы лучше, и мне жаль, что я отдался некоторому чувству раздражения. Но что сделано, то сделано.

При другом тоне, я, может быть, не сумел бы быть вполне искренним, когда писал рассказ». — См.: *Толстой Л.Л.* “Прелюдия Шопена” и другие рассказы (М., 1900; цензурное

разрешение 24 июня 1900 года). С. 3-52. См. автограф этого предисловия в кн.: *История рода Толстых — история России: Каталог выставки*. Тула: и/д «Ясная Поляна», 2008. С. 361.

Кроме названной повести, Л.Л. Толстой включил в книгу рассказы «Первый ребенок» (см. о нем ниже примеч. 29) и «Сон», напечатанный в «Новом времени» 12/24 февраля 1899 года (№ 8278. С. 2).

²⁸ См. о нем выше примеч. 14 к Главе 12 Книги I. Вошел также в книгу «Рассказы из времени студенчества». См. выше примеч. 26.

²⁹ Этот рассказ Л.Л. Толстой осенью 1898 года отправил в «Новое время». Бегло просмотрев его, А.С. Суворин подумал, что он подойдет для газеты, и отдал в типографию.

В редакционном портфеле «Нового времени» сохранился фрагмент типографского набора рассказа с редакторской правкой, касавшейся прежде всего названия и первых страниц. Авторское заглавие «~~Первый ребенок~~» было зачеркнуто и над ним – не Л.Л. Толстым и не А.С. Сувориным – был предложен другой вариант: «Жена и ребенок» и внесена незначительная правка. — *ОР РНБ*, ф. 525, № 403^a. Л. 1-2 об.

Однако 12 ноября 1898 года А.С. Суворин должен был огорчить молодого литератора:

«Лев Львович, корректура половины рассказа посылается Вам. Я должен сказать, что роды написаны ужасно безжалостно и мне думается, что газетной публике это не под силу. Не говорю уже о крови и т.п. Есть границы, которые переходить мудрено. Становится жаль читателей, которые будут мучиться, читая такое описание. Особенно девушки. Вторая половина еще не набрана. Да вторая половина совсем не беллетристика, а публицистика и не вяжется с первой половиной рассказа нимало. <...>» — *Там же*, ф. 115, № 66. Л. 3. Рукописная копия из архива А.Е. Бурцева.

В итоге рассказ не был напечатан в «Новом времени» и впервые был опубликован в книге «„Прелюдия Шопена“ и другие рассказы» (С. 53-96). См. о ней выше примеч. 27.

Рассказ был замечен критиками. В рецензии на книгу особо отмечалась «юная отзывчивость» молодого писателя, его изобразительный дар, а также бесспорное влияние таланта и мысли его великого отца, объяснимого «и особой близостью к гениальному писателю, и даже наследственностью». — См.: *Новое время*: Иллюстрир. приложение. СПб., 6/19 декабря 1900 года, № 8901. С. 8. Рецензия подписана криптонимом «В.Г.».

³⁰ Из других сочинений Л.Л. Толстого необходимо отметить его детские рассказы, которые, по мнению читателей, удавались ему. Кроме названных ранее рассказов «Монте-кристо» и «Илюшкины яблоки», см.: *Толстой Л.Л.* Яшка: Рассказ // *Родник*. СПб., 1897, № 1. С. 1-29; *Толстой Л.Л.* Волченка: Рассказ // *Там же*, № 3. С. 289-320. Именно по поводу этих рассказов А.Н. Альмединген, принимавший самое живое участие в становлении Л.Л. Толстого как *детского писателя*, 24 марта 1897 года заметил: «<...> Григорович прочел “Яшку” и “Волченка” и сказал мне, что ему понравилось и что в Вас сидит несомненный писательский талант. Я приставал, серьезно ли он это говорит, не из любезности ли: он уверял, что по совести это его мнение. Но упрекал в небрежности и в неправильности речи. “Это от отца перешло”, — сказал он. Это, конечно, хорошо походить на Вашего отца, но Вы должны быть самим собой и иметь свою своеобразность, а потому не пренебрегайте отделкой. <...>» — *ИРЛИ*, ф. 303, № 118. Л. 8-8 об. Автограф. Подчеркнуто А.Н. Альмедингеном.

Дмитрий Васильевич Григорович (1822-1899) с середины 50-х годов был знаком с Л.Н. Толстым и с нетерпением ждал появления первых произведений его сына, дарование которого он приметил одним из первых.

Кроме «Родника», Л.Л. Толстой печатался также в других детских журналах. — См.: *Толстой Л.Л.* Хромые друзья (Рассказ) // *Игрушечка*: Журнал для детей младшего возраста. СПб., 1898, № 8. С. 339-346; № 9. С. 397-407.

Позднее все эти рассказы вошли в книгу: *Толстой Л.Л.* Для детей: Рассказы (М., 1898; цензурное разрешение 24 января 1898 года. Это издание сохранилось среди личных книг С.А. Толстой в Ясной Поляне под № 2752). — См.: *История рода Толстых — история России...* С. 360.

Так как выход этой книги для детей по времени совпал с обсуждением в русском обществе «Прелюдии Шопена» Л.Л. Толстого, то и отклики в печати в основном были весьма скептические. Исключение пока обнаружилось одно, в журнале, который в течение многих лет издавал Яков Григорьевич *Гуревич* (1841-1906). В коротенькой, но весьма внятной заметке рецензент рекомендовал своим читателям книгу Л.Л. Толстого так: «Написанные тепло, правдиво и местами не лишённые художественности, рассказы эти производят хорошее впечатление. В некоторых из них, как, например, в рассказе “На совести” чувствуется тенденция, но она не бьёт в глаза и не портит общего впечатления. ... Очень трогательное и грустное впечатление производит рассказ “Илюшкины яблоки”. В рассказе “На совести” барин, взявший из деревни для услуг мальчика, упрекает себя в том, что оторвал Антона из семьи и деревенской жизни. Умный, неиспорченный деревенский мальчик после нескольких лет городской жизни превращается в типичного лакея, и мысль о том, что, живя в деревне, он был бы здоровее и счастливее, остается на совести барина. Весь рассказ написан хорошим литературным языком и доступен детям среднего возраста». — См.: *Русская школа: Общепад. журнал для школы и семьи...* М., 1898, № 10. С. 242-243. Рецензия была замечена и перепечатана полностью в изд.: *Курниин С.В.* Что читать детям? (Сб. рецензий из журналов, преимущественно педагогических): Пособие при изучении детской литературы. М., 1900. С. 66-67.

Но основная тональность писавших об этой книге была другой. Так, в октябре 1898 года один из безымянных рецензентов этой книги писал: «...в русской литературе с недавнего времени подвизается Лев Львович Толстой ... вместо очень длинного титула удобнее было бы именоваться ему просто Л. Толстым-младшим...

...в этих своих “детских рассказах” г. Толстой-младший старается подражать такому классическому образцу, как “Детство и отрочество” знаменитого Толстого... они написаны не без дарования, простым, хорошим языком и проникнуты, быть может, иногда и искренним сочувствием к бедному люду. ...» — См.: *Вестник воспитания.* М., 1898, № 5. Отд. II. С. 1-7.

Несмотря на такой сомнительный отзыв, детские рассказы Л.Л. Толстого пользовались бóльшим успехом, чем многие другие его сочинения. Через год книга рассказов «Для детей» вышла вторым, дополненным изданием (М., 1901).

См. также сочинения из цикла «Правдивые рассказы»: *Толстой-сын Л.* Синичка // *Родник.* СПб., 1900, № 1. С. 63-64; *Толстой-сын Л.* Федька и я // *Там же*, № 2. С. 123-126; *Толстой-сын Л.Л.* Булочник и кегли // *Там же*, № 4. С. 402-406; *Толстой-сын Л.* Слепунюшка // *Игрушечка.* СПб., 1901, № 10. С. 433-444; *Толстой-сын Л.* На Упе // *Там же*, № 11. С. 485-494; *Толстой-сын Л.* Седые волосы // *Там же*, № 12. С. 529-546.

В откликах рецензентов на эти рассказы акцент, естественно, был сделан прежде всего на сопоставлении сына с отцом: «... Автор этих произведений Л. Толстой, сын гениального писателя, видимо, не лишен дарования, но лишен того великого дара творческой художественной меры, обаятельной правды жизни, которые захватывают в великих произведениях его отца. В стремлении Толстого-сына к морализации и внешнем понимании этических начал, проводимых в жизнь его отцом, — начала эти являются жалкими шаблонами, ходячей прописной моралью, скучной, однообразной, никогда никого не научившей ничему доброму. ...» — См.: *Русская мысль.* М., 1900. Кн. VI. Библиогр. отдел. С. 233.

Читатели, однако, были более терпимыми к сыну великого Толстого, собиравшего новую книгу для детей. Цикл «Правдивых рассказов» пополнялся новыми сочинениями, которые вошли в книгу. — См.: *Толстой Л.Л.* Скачки // *Юный читатель: Журнал для детей старшего возраста.* СПб., 1902, № 14. С. 40-48; *Толстой Л.Л.* Воробейчик (Из гимназической

жизни) // *Товарищ*: Еженедельный худож.-лит. журнал для детей школьного возраста. СПб., 1902, № 6. С. 82-87; № 7. С. 97-98, 100-102; № 8. С. 113-116, 118-119; *Толстой Л.Л.* Дунька Фонаринская // *Там же*, № 24. С. 370-371, 373-375; № 25. С. 385-390. См. также: *Толстой Л.Л.* Правдивые рассказы для детей. СПб., 1903 (цензурное разрешение 11 марта 1903 года).

Л.Л. Толстой и позже писал для детей. — См.: *Толстой Л.Л.* Самолюбивый (Из правдивых рассказов) // *Товарищ*. СПб., 1903, № 4. С. 49-52; *Толстой Л.Л.* Первые шаги (эпизод из жизни Нерона) // *Детское чтение*: Ежемес. иллюстрир. журнал для семьи и школы. М., 1904, № 12. С. 1628-1634; и др.

По примеру своего отца, Л.Л. Толстой составил также «*Сборник пословиц (русских и французских), загадок и стихов*: Для домашнего чтения детей» (СПб., 1903) и включил его в число своих книг, предназначенных для народных библиотек. — См.: *Основной каталог книжного магазина фирмы «Доброе Дело»*... С. 62.

³¹ *Толстой-сын Л.* Записки из эпохи голода 1891-92 годов // *Вестник Европы*. СПб., 1899, № 6. С. 682-716; № 7. С. 5-73.

Эта публикация сразу же была замечена. Журнал «*Русская мысль*» в июльском номере писал: «... в рассказе гр. Л. Толстого-сына мы имеем дело, как он сам говорит, с “голой правдой”, и эта “голая правда” может привести в ужас. ... Вообще, наблюдения гр. Л. Толстого-сына заслуживают большего внимания...» (М., 1899. Кн. VII. Отд. II. С. 266-267). См. также сочувственный отклик рецензента газеты «*Кавказ*» (Тифлис, 20 июля 1899 года, № 188. С. 3; 5 октября 1899 года, № 260. С. 2).

Даже Александр Михайлович Скабический (1838-1911), иронизировавший по поводу той щедрости, с которой издатели печатают любой трюизм сына великого Толстого, по отношению к данному выступлению Л.Л. Толстого изменил тон. «... Что касается настоящей статьи, то, при некоторой легковесности, она все-таки заслуживает большего внимания, чем все, что до сих пор написал гр. Л. Толстой-сын. ...»

Невольно располагает вас в его пользу чуткая и горячая отзывчивость к народному бедствию, то самопожертвование, какое выказал он, покинув университетские науки и московскую жизнь и отважно ринувшись на борьбу с голодом, наконец, кипучая энергия, какую выказал он во время самой борьбы; — все это, несомненно, обнаруживает в гр. Толстом-сыне человека не одних красивых слов, но и честного, благого дела.

...не одно только отвлеченно-гуманное желание помочь голодающим людям, кто бы они ни были, руководило графом в его плодотворной деятельности, но и живая любовь к народу, глубокое сознание своего долга перед ним, сочувствие к трудящимся классам, доходящее до некоторой идеализации их. Эти прекрасные чувства обнаруживаются во многих местах статьи. ...» — См.: *Скабический А.* Текущая литература: “Записки из эпохи голода в 1891-92 гг.” гр. Л. Толстого-сына (“В[естник] Евр[опы]”, №№ 6-7) // *Сын Отечества*. СПб., 23 июля/4 августа 1899 года, № 196. С. 2.

³² По сравнению с журнальной публикацией, название которой чуть изменилось («У голодающих: Записки из поры голода в 1891-92 годах»), книга была существенно дополнена материалами о недавнем голоде 1898-99 годов. — См.: *Толстой Л.Л.* О пожертвованиях // *Санкт-Петербургские ведомости*, 18/30 января 1899 года, № 17. С. 2; *Толстой-сын Л.* Мой отчет // *Там же*, 1/13 мая 1899 года, № 116. С. 2; *Толстой-сын Л.* Хлебные запасы // *Там же*, 26 октября/7 ноября 1899 года, № 293. С. 1. В частности, в книгу вошло письмо Л.Л. Толстого в газету, в которое он, в свою очередь, включил обращение к нему голодающих крестьян Патровки с мольбой о помощи. — См.: *Толстой Л.Л.* Пожалеем! // *Там же*, 19/31 декабря 1898 года, № 348. С. 1-2.

Призыв Л.Л. Толстого был услышан в России. Пожертвования на его имя начали поступать сразу после его первого письма в газету. — *Там же*, 4/16 апреля 1899 года, № 91. С. 1.

Выдержки из отчета Л.Л. Толстого перепечатал журнал «*Мир Божий*», оценив его как представляющий особенный интерес (СПб., 1899, № 6. Отд. II. С. 21-24).

Декабрьское отчаянное письмо отозвалось и в европейских странах, прежде всего в Англии. — См.: *Starving Russian peasants: Appeal of Count Leo Tolstoy* // *Chronicle*. London, January 11, 1899; *Tolstoi L.L. (Son of Count Leo Tolstoy). "Let us pity them"* // *Christian World*. London, January 19, 1899; *The famishing Russian peasants: Responses to Count L.L. Tolstoy* // *Ibid.*, January 26, 1899; *Watson R.S. The famine in Russia* // *Manchester Guardian*. March 20, 1899; *"Many families have sold everything they possess over the last pillow or garment..."* // *Echo*. London, March 20, 1899; *Help for Russian peasants* // *Ibid.*, September 1, 1899; etc. — *Отдел книжных фондов ГМТ*. Коллекция В.Г. Черткова.

В результате недолгой канцелярской переписки Л.Л. Толстого с исполняющим делами Главного управления по делам печати князем Н.В. Шаховским (см. о нем выше примеч. 19) цензурное разрешение на выход книги «В голодные года» было получено в Москве 19 августа 1900 года и в конце года она вышла из печати. См. рецензии на эту книгу Л.Л. Толстого: *Одесские новости*, 1 февраля 1901 года, № 5203. С. 1; *Образование*. СПб., 1901, № 3. Отд. II. С. 77-81; *Новое время*: Иллюстрир. приложение. СПб., 6/19 июня 1901 года, № 9070. С. 11. Но, пожалуй, самым веским было беглое замечание на страницах журнала «*Русское богатство*» о том, что книга Л.Л. Толстого *не теряется* рядом с книгой В.Г. Короленко «В голодный год» (СПб., 1901, № 3. Отд. II. С. 35-38. Курсив мой. — В.А.).

Деятельная натура Л.Л. Толстого не ограничилась одними газетными выступлениями. Как писалось на обложке его тоненькой книжки, один из рассказов Л.Л. Толстой пожертвовал «в собственность Казанскому Обществу призрения и образования глухонемых детей на расширение филантропического попечения о них, с каковой целью он и издан». — См.: *Толстой Л.Л.* Яшка. Казань, 1899 (цензурное разрешение 10 января 1899 года).

Другой рассказ Л.Л. Толстой включил в сборник, все средства от продажи которого он сам распределял между голодающими. — См.: *Толстой-сын Л.* Зачем? (Рассказ) // *Помощь пострадавшим от неурожая Самарской губернии*. М., 1900 (цензурное разрешение 6 октября 1899 года). С. 21-30.

³³ Книга вышла летом 1903 года. — См.: *Толстой Л.Л.* Добрые советы (Издание для народа). СПб., 1903 (цензурное разрешение 27 мая 1903 года). В предисловии Л.Л. Толстой писал: «Собранные здесь советы предназначаются для народного чтения, но могут относиться также и к людям других сословий» (С. 1).

³⁴ Точное название звучит иначе: *Толстой Л.Л.* Памятка русского солдата. СПб., 1907. Брошюра вышла в издании книжного магазина Л.Л. Толстого «Доброе дело» в серии «*Патриотическая библиотека*» (№ 1).

Поводом для обращения к русским солдатам Л.Л. Толстого послужили две причины: тревожная обстановка в стране и желание перебить, ослабить то впечатление, которое производила «Солдатская памятка» Л.Н. Толстого. Напечатанная впервые в 1902 года в Англии в журнале «Свободное слово», основанном П.И. Бирюковым и В.Г. Чертковым, «Солдатская памятка» расходилась в списках и будоражила мысль еще до того, как на волне революционных преобразований она была выпущена отдельно петербургским изданием «Обновление» в 1906 году и вскоре конфискована. — *ПСС*. Т. 34. С. 583-584. См. также ниже примеч. 35.

Л.Л. Толстой видел события и участие в них русской армии иначе, чем отец (см. об этом ниже). 11 декабря 1905 года в письме родным он уточнил свою позицию: «<...> Последние события Москвы, да и другие по всей России, кажется, окончательно повернули правительство на путь репрессий. Да и пора. Нельзя давать свободу безумию и пороку. В этом смысле недавно тоже высказался, где следует. Всему есть предел. Бедного Юрия Шидловского разгромили дотла, все вещи изрубили в его комфортабельном богатом доме, а все остальное увезли и угнали. Вообще творится что-то стихийное, и кто знает, к чему оно

нас ведет. Продолжаю надеяться на ту же стихию, стихию зимы, природы, которая одна может на время хоть потушить пожар. А там и Дума соберется и непременно или успокоит, или усмирит. <...>» — **ОРГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14348. Л. 1-2. Автограф.

Юрий (Георгий) Вячеславович *Шидловский* (1856-1931) — двоюродный брат С.А. Толстой. По окончании Петербургского университета он вернулся в Воронежскую губернию, где жили его родные; с 1880 года служил в архивной комиссии; с 1898 года — действительный статский советник; гласный от Бирюченского уезда в губернском собрании; с 1907 года — предводитель дворянства Бирюченского уезда; жил в селе Волоконовка вместе с другими членами семьи. — См.: *Памятная книжка Воронежской губернии на 1904 г.* Воронеж, 1903. Отд. IV. С. 54; *Памятная книжка Воронежской губернии на 1906 г. ...* С. 7, 53.

После опубликования Манифеста 17-го октября в Воронеже прошли настоящие еврейские погромы 21 и 22 октября. — См.: *Садовский П.* Обращение к обществу // *Воронежский телеграф*. 27 октября 1905 года, № 238. С. 2; *Пережитые дни / Ав-нь // Там же*, 28 октября 1905 года, № 239. С. 1.

Как и многие другие, Ю.В. Шидловский и его жена, Елена Александровна (урожд. Пейм; 1867-1949), вероятно, попали под горячую руку погромщикам, которые Манифест о свободе восприняли как разрешение на вседозволенность. Был ли разграблен дом в Волоконовке или фамильный дом в селе Старопузино, который достался Ю.В. Шидловскому по семейному разделу, из письма неясно (<http://www.rgfond.ru/person/32745>) (<http://baza.vgdru.com/1/37346/0.htm?o=&>). См. также: *Волков С.В.* Высшее чиновничество Российской империи... С. 747; *Пикина Г.* Ляличи: Усадьба Завадовских. Брянск, 2014. С. 117; *Незабытые могилы: Российское зарубежье: Некрологи 1917-2001: В 6-ти томах / Составитель В.Н. Чуваков.* М., 2006. Т. 6, кн. 3. С. 384.

Через десять дней обращение Л.Л. Толстого к солдатам было напечатано в газете «Русское чтение», которая называла себя «первой в России народной газетой», выпускавшейся на средства Министерства Императорского Двора и распространявшейся, как говорилось в рекламных проспектах, по всем ротам, эскадронам и батареям «частей войск гвардии и армии, в коих ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соизволит состоять Шефом».

Имя автора улавливалось вполне, хотя и не было полностью раскрыто в газетной публикации. В конце декабря 1905 года Л.Л. Толстой не склонен был вступать в открытое противостояние отцу и его позиции непротivления злу насилием. Он писал: «Я хочу сказать вам несколько слов правды, русские солдаты. Надеюсь, что вы почувствуете и поймете, что мной руководит лишь желание быть полезным вам и России и что никаких других целей я не имею. ... Все русские граждане, пользуясь одним общим законом, сольются в одно великое и могущественное русское братство...»

Но прежде всего ты, русский солдат, исполни свой долг и будь честным гражданином!» — См.: *Т<олстой> Л.Л.* К русским солдатам // *Русское чтение: Общедоступная газета.* СПб., 22 декабря 1905 года, № 151. С. 1-2.

Через год Л.Л. Толстой уже не скрывал своего авторства и отправил изданную им брошюру императору Николаю II с сопроводительным письмом.

«20 дек<абря> 1906 г<ода>
С. Петербург

Ваше Величество,

Имею счастье при сем послать Вам „Памятку русского солдата“, написанную мной для русских войск. Военное министерство нашло желательным распространение „Памятки“ среди низших чинов. Одно слово одобрения Вашего Величества было бы для меня большой радостью и могло бы содействовать успеху „Памятки“ и ее воспитательному назначению. Некоторые войсковые части самостоятельно выписывают ее для солдат, но, конечно, без поощрения со стороны высших властей вряд ли можно рассчитывать на более крупные заказы и широкое распространение „Памятки“ среди армии, гвардии и флота. Она была

напечатана в журнале „Русское чтение” полковника Дубенского, а теперь издана мной отдельно. Решаюсь беспокоить Ваше Величество по поводу этого дела только ради могущей быть от него общей пользы для России.

Вашего Величества верноподданный

Граф Л.Л. Толстой».

— *РГИА*, ф. 472, оп. 43, ед. хр. 1. Л. 35-36. Автограф.

С полковником Генерального штаба Дмитрием Николаевичем *Дубенским* (1857-1923), редактором газеты «Русское чтение» и журнала «Художественная летопись событий», Л.Л. Толстой был знаком и ранее. В его архиве сохранились два письма Д.Н. Дубенского 1906-1909 годов. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 291. Л. 1-6.

Брошюра антитолстовского характера была немедленно замечена прессой. Уже 3 января 1907 года петербургская газета «*Биржевые ведомости*» в заметке «*Сын, восставший на отца*», писала: «У великого писателя земли русской Льва Толстого есть сын, тоже писатель, тоже Лев, но отнюдь не великий. Между Толстым-отцом и Толстым-сыном — дистанция огромного размера.

... Кроважадный сын великого писателя проповедует русскому солдату не слагать оружия до тех пор, пока он не покорит всего мира...

И такие взгляды проповедаются после Ляояна, Мукдена и Цусимы, обнаруживших все наши внутренние язвы, всю призрачность шовинистических толков о нашей непобедимости и великой миссии — покорить весь мир!

Надо полагать, что Л.Л. Толстой не остановится на первом выпуске своей «Патриотической библиотеки» и в дальнейших выпусках займется опровержением других взглядов, распространившихся по миру из Ясной Поляны, и окончательно развенчает яснополянского отшельника...» (№ 9676. С. 2). Статья подписана криптонимом «*А-въ*» и, возможно, принадлежит перу Владимира Александровича *Анзимирова* (1859-1921). — См.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. I. С. 66; Т. IV. С. 37.

Поступок сына очень огорчил Л.Н. Толстого. Не помогло и письмо, которое Л.Л. Толстой 30 января 1907 года отправил отцу из Петербурга и в котором, в частности, писал: «<...>я люблю тебя горячо, как кровного отца, — не воспитателя, — люблю тебя, как человека и писателя, но считаю и буду считать нужным говорить правду о твоих взглядах потому, что они слишком значительны, чтобы о них молчать. <...> Мне одинаково больно, как и тебе, что пришлось так поступать. Конечно, неприятно это и всем тем, кто нас знает. Но это нужно было сделать, на мой взгляд, и я даже не считаю себя в этом виноватым. Нужно было рассеять туман, вскрыть до конца нарыв. <...>

Любящий тебя горячо сын

Л.Л. Толстой.

Не знаю, как ты отнесешься к этому письму. Хотелось бы, чтобы ты отнесся так, чтобы стало легче. Конечно, ты сделаешь это». — *ОР ГМТ*. Архив Т.Л. Сухотиной-Толстой, № 56268. Л. 1-3 об. Автограф. На конверте помета: «Б<ез> о<твета>». — *Там же*. Л. 4. Автограф.

Свою позицию Л.Н. Толстой разъяснил 14 марта 1907 года в беседе с Иосифом Константиновичем Дитерихсом (Жозей; 1868-1932) о Л.Л. Толстом: «...может писать, что угодно, только не под тем же названием, что отец. Из простого приличия». — См.: *Маковицкий Д.П.* У Толстого... Кн. 2. С. 395.

О том, какой отклик получила брошюра Л.Л. Толстого в правительственных кругах, см. подробнее в публикации: «*Время идет интереснейшее...*» // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год...* С. 145-153.

Брошюра Л.Л. Толстого в течение года неоднократно переиздавалась. Одно из ее изданий вышло под другим названием с незначительными текстуальными изменениями. — См.: *Толстой Л.Л.* Назначение русского солдата. 3-е изд. СПб., 1907.

³⁵ Аналогичной была история появления и этой брошюры, написанной сыном в полемике с «Офицерской памяткой» Л.Н. Толстого. — См.: *Толстой Л.Л.* Памятка русского офицера. СПб., 1907 («*Патриотическая библиотека*», № 2).

Первоначально она появилась под другим названием. — См.: *Толстой Л.Л.* Жизненные задачи русского офицера // *Русский инвалид*. СПб., 17 января 1907 года, № 13. С. 3-4. Вскоре был опубликован и сочувственный отзыв одного из командиров полка, предложившего выпустить отдельное издание этой статьи для военного ведомства (6 февраля 1907 года, № 29. С. 6). 8 марта 1907 года газета объявила о выходе «Памятки русского офицера» Л.Л. Толстого одновременно со 2-м изданием «Памятки русского солдата» (№ 53. С. 8).

Завершая публикацию, Л.Л. Толстой особо выделил следующие моменты: «... Русская армия призвана покорить мир и насадить в нем высшее благо, высшую силу, высшую культуру людей. ...»

Поэтому пусть будет разумная, частная борьба людей на земле... Пусть будут войны, великие, кровопролитные войны, если они будут борьбой лучшего с худшим, добра со злом, разума с безумием! Боритесь в этих войнах за высшее, за разумнейшее, сильнейшее, лучшее, за все свое русское, за русские богатейшие земли, подобных которым нет на свете, за русского даровитого человека, за русские нравы, за русскую культуру, искусство, торговлю, промышленность, науку, музыку, за светлое будущее всей русской культуры и не уступайте ее никому! Победят вас, снова беритесь за оружие, пока не победите!..

Ради всяческих побед, ради счастья, ради силы, ради России стоит жить, стоит работать, стоит служить, стоит совершенствоваться и совершенствовать, и только ради этого...

Все остальное — это не реальные жизненные цели, а заоблачные мечты». — См.: *Толстой Л.Л.* Памятка русского офицера... С. 8.

«Памятка русского офицера» Л.Л. Толстого перепечатана в изд.: *Русский мир*: Научно-популярный и просветительский альманах. М., 2001, № 3. С. 137-140.

³⁶ «Солдатская памятка» и «Офицерская памятка» Л.Н. Толстого были написаны в 1901 году против казенно-патриотической и монархической «Солдатской памятки», составленной генералом М.И. Драгомировым. — *ПСС*. Т. 34. С. 280-290.

Продолжение полемики с этими сочинениями Л.Н. Толстого и в других статьях сына. — См.: *Толстой Л.Л.* Русский воин-христианин // *Родина*: Альманах для нижних чинов на 1908 год. Одесса, 1908. С. 4-7.

³⁷ С началом русско-японской войны в сознании Л.Л. Толстого постепенно вызревала мысль о том, что ему суждено стать одним из возможных спасителей Отечества. В одной из первых статей, объединенных названием «*Мысли и жизнь*», Л.Л. Толстой писал: «Тяжелое переживаем время. Но я убежден, что оно минует и после него наступит светлое, бесконечно радостное время — время обновления России.

... России принадлежит будущее земли, несмотря ни на какие современные беды. ...» — См.: *Новое время*. СПб., 15/28 сентября 1904 года, № 10252. С. 4.

Статьи Л.Л. Толстого из этого цикла печатались в течение года и вызвали оживленную полемику. Из швейцарского города Монтрё пришла гневная отповедь одного из читателей. 3 октября (нов. стиля) 1904 года он отправил в редакцию «Нового времени» письмо на имя Л.Л. Толстого, в котором говорилось:

«Милостивый Государь,

Ваша заметка в <“>Новом Врем<ени”> “Мысли и Жизнь” глубоко оскорбляет истинно русского человека своею *нетактичностью* по отношению к англичанам и другим нациям. <...>

Гнусно, стыдно — подобным предательским способом зарабатывать свой гонорар!.. — Гнусно, озверевши, подобно японцам, прозрачно выказывать свою радость на

возможность унаследовать имение „брата-воина”, ибо его легко может убить вражеская пуля, а вы — его наследник!.. Гнусно с презрением обзывать „слабонервными” людей, жаждущих конца этой звериной бойни. К ужасу людей, не озверевших от жадности „схлпать и слопать” за счет чужих страданий, — вы носите одинаковое имя и даже фамилию с великим „человеком” нашей Родины. Его сын так гнусно предавать свою родину врагам не мог бы, — а однофамилец — это самозванец, жаждущий наживы и известности, как жаждал безумец Герострат, — но сжигающий свою совесть!

Поклонник Мамоны — уйдите прочь!» — *ИРЛИ*, ф. 303, № 847. Л. 1-2 об. Автограф. Курсив автора письма. Документ датируется условно на основании почтового штемпеля отправителя на конверте. — *Там же*. Л. 3-3 об.

...безумец Герострат... — грек из Малой Азии Hērōstratos, желая прославиться, сжег в 356 году до новой эры знаменитый храм богини Артемиды в Эфесе.

...Мамона... — в христианской церковной литературе злой дух, олицетворение алчности, корыстолюбия и стяжательства (*арамейск.*).

Справедливости ради, надо отметить, что в архиве Л.Л. Толстого сохранилось немало и сочувственных писем. — *Там же*, №№ 178, 306, 336, 353, 614, 837 и др.

Публицистические выступления Л.Л. Толстого на страницах «Нового времени» продолжались на протяжении 1905-1906 годов. См. об этом ниже.

³⁸ Вот некоторые из его публикаций: *Толстой Л.Л.* „Весна” // *Петербургская газета*, 13 марта 1908 года, № 71. С. 4; 16 марта 1908 года, № 74. С. 4; *Толстой Л.Л.* Маруся // *Там же*: Иллюстрир. приложение, 17 апреля 1914 года, № 103. С. 130-131; 24 апреля 1914 года, № 110. С. 138-139. Эти рассказы Л.Л. Толстого были найдены *В.С. Бастрыкиной*.

³⁹ В петербургском еженедельном иллюстрированном художественно-литературном журнале «Огонек» Л.Л. Толстой начал публиковаться уже после смерти отца. Вот некоторые из его рассказов: *Толстой Л.Л.* Конокрад // *Огонек*. СПб., 11/24 ноября 1912, № 46. С. 2-3; *Толстой Л.Л.* Раки // *Там же*, 20 апреля/3 мая 1914, № 16. С. 1-3; *Толстой Л.Л.* Необитаемая усадьба // *Там же*, 8/21 июня 1914, № 23. С. 2-3, 7-10; *Толстой Л.Л.* Семьянин // *Там же*, 1/14 ноября 1915, № 44. С. 1-5, 8-11; *Толстой Л.Л.* Хоть бы в бою!.. // *Там же*, 6/19 ноября 1916, № 45. С. 1-2 [Последний рассказ напечатан был также в др. издании. — См.: *Зерна*: Лит.-худож. журнал: Особое худож.-лит. прибавление к журналу «Тюремный вестник». Пг., 1 декабря 1916, № 5. С. 13-14].

⁴⁰ Первые выступления под своим именем в одной из самых уважаемых газет России относятся ко времени работы Л.Л. Толстого на голоде. Его отчеты печатались в рубрике «*Среди нуждающихся*». — См.: *Русские ведомости*. М., 27 февраля 1892 года, № 56. С. 2.

Второй отчет он закончил и подписал с явной оглядкой на отца:

«Приношу через газету вашу всем жертвователям, на деньги которых мне пришлось помогать здесь, самую глубокую и горячую благодарность от здешнего народа. Я встречаю ее столько, что не могу не передать ее тем, к кому собственно она и обращается.

Лев (Львович) Толстой.

Село Патровка,

7-го мая 1892 года». — *Там же*, 15 мая 1892 года, № 132. С. 2.

Подпись под осенним отчетом была скромней: *Л.Л. Толстой*. — *Там же*, 9 ноября 1892 года, № 310. С. 2.

⁴¹ В журнале Л.Я. Гуревич «Северный вестник» Л.Л. Толстой печатался в 1893-1894 годах. — См.: *Толстой Л.Л.* Синяя тетрадь // *Северный вестник*. СПб., 1893, № 12. С. 125-149; *Толстой Л.Л.* Совершеннолетие // *Там же*, 1894, № 2. С. 123-135; *Толстой Л.Л.* Письмо из Парижа (У салютистов) // *Там же*, № 5. Отд. II. С. 39-52; *Толстой Л.Л.* В Татьянин день // *Там же*, № 7. С. 1-24. Все рассказы, кроме «Письма из Парижа», позднее

вошли в книгу Л.Л. Толстого «Рассказы из времени студенчества» (см. об этом выше примеч. 26). См. также примеч. 14 к Главе 12 Книги I.

В объявлении о подписке на 1895 год имя *Л.Л. Толстого* значилось среди постоянных авторов журнала вместе с именем отца, *Л. Толстого*. — См.: *Русские ведомости*. М., 4 января 1895 года, № 4. С. 1.

⁴² Журнал «Столица и усадьба» появился в Петербурге незадолго до Первой мировой войны и призван был отвлечь от надвигающихся тревожных событий читающую Россию. Об этом свидетельствует и подзаголовок нового издания, в котором Л.Л. Толстой напечатал несколько своих стихотворений. — См.: *Толстой Л.Л.* Июньской ночью // *Столица и усадьба*: Журнал “красивой жизни”. СПб., 1913, № 1. С. 11; *Толстой Л.Л.* Я жду, я жду... // *Там же*, 1914, № 4. С. 23; *Толстой Л.Л.* Еще одна весна // *Там же*, 1914, № 8. С. 17; *Толстой Л.Л.* В Ясной Поляне // *Там же*, 1916, № 52. С. 5. О других выступлениях Л.Л. Толстого в этом журнале см. также ниже примеч. 44.

⁴³ Редактор газеты «Неделя» Павел Александрович Гайдебуров (1841-1893) был первым, кто принял к публикации сочинения Л.Л. Толстого. — См.: *Львов Л.* Любовь // *Книжки Недели*. СПб., 1891, № 3. С. 107-132. 22 марта 1891 года Л.Л. Толстой записал в дневнике: «Если я когда-нибудь буду известен как писатель, мне интересно будет прочесть то, что я запишу сейчас. В „Неделе” напечатана „Любовь”. Не знаю, хорошо ли, дурно ли, говорят разное и даже прямо „дурно”. Я не слыхал, один д[ядя] Сережа, он говорит, что все отцовское, чужое, и потом сокрушается тем, что рассказ напечатали не потому, что он куда-ни[будь] годится, а потому, что я — сын отца. Это неправда, мне кажется, во-перв[ых], а во-вторых, я пробовал без имени послать свои рассказы в „Р[усское] Об[озрение]” и шесть месяцев не получал ответа, пока сам не пошел и не назвался. Но и прочтя, рассказа Цертел[ев] не принял, так что и то, что приняли „Любовь” потому, что я сын отца, не имеет основания. А к чему скрываться? Что за привилегия? Кривит душой редактор, а не я. Тем не менее д[ядя] Сережа меня смутил больше других, я думал вчера взять да и сжечь все, что у меня написано, и бросить писание. Но сегодня утром опять что-то роковое говорит мне, что я не должен бросать его, что это мое дело. Удивительно, несмотря на то, что папá, и братья, и сестры, кроме мамá, не только не поощряют меня, а напротив, говорят скорее противное своим нерешительным отношением и отмалчиванием, несмотря на это, меня тянет к этому, и в свободные минуты мечтаю и целые драмы проходят у меня в голове. Время покажет, что будет из этого, и покажет также впечатление [от] рассказа, который вышел только недавно. ...» — См.: *Сын и отец... // Лица... Т. 4. С. 217-218.*

...д[ядя] Сережа... — С.Н. Толстой. См. о нем выше примеч. 6 к Главе 3 Книги I.

Князь Дмитрий Николаевич *Цертелев* (1852-1911) в начале 90-х годов редактировал журнал «Русское обозрение».

После смерти П.А. Гайдебурова «Неделю» редактировал и издавал его сын, Василий Павлович Гайдебуров (1866-1940). Вскоре в одной из публикаций была предпринята попытка сопоставить этические и эстетические позиции отца и сына Толстых. Остановившись на рассказе Л.Л. Толстого «В Татьянин день», рецензент заметил: «...сама по себе тенденция рассказа вполне симпатична; но несколько наивная его тенденциозность далеко не убеждает в справедливости его эпиграфа, и читатель невольно спешит, в интересах авторской же идеи, восстановить в своей памяти давно известные образы, в том же роде, Толстого-отца». — См.: *Идеи Л.Н. Толстого и рассказ Толстого-сына // Книжки Недели*. СПб., 1894, № 8. Отд. II. С. 200-202.

Когда «Санкт-Петербургские ведомости» летом 1896 года отказались сразу посылать в набор очерк Л.Л. Толстого, он вспомнил о редакторе «Недели» и в конце октября 1896 года отправил ему статью о докторе Вестерлунде. Вскоре в Ясную Поляну пришел ответ В.П. Гайдебурова:

Многоуважаемый

Лев Львович<...>

Статью Вашу с удовольствием напечатаю. Но то, о чем Вы рассказываете, до такой степени интересно, что жаль, что Вы рассказываете так отрывочно и в общих чертах. Было бы крайне интересно подробное, живое, художественного характера изображение жизни в Энчэпинге, во всех житейских подробностях, во всей обстановке, в живых лицах. Самого доктора читателю хотелось бы в Вашем рассказе непосредственно, не в виде Вашего пересказа, слышать говорящим и видеть действующим. Если бы такая мысль Вас заинтересовала и Вам бы захотелось дать живую картинку пребывания под крылышком у необыкновенного доктора, — Вы очень бы меня обрадовали. Если бы не захотелось снова с этим возиться, — охотно напечатаю, конечно, статью и в нынешнем ее виде, которая, во всяком случае очень интересна. <...>» — *ИРЛИ*, ф. 303, № 239. Л. 1-1 об. Автограф.

Вскоре первый очерк о шведском докторе появился в русской печати. См. об этом выше примеч. 6 к Главе 15 Книги I.

См. также: *Толстой Л.Л.* Вечер во время голода... // *Книжки Недели*. СПб., 1897, № 7. С. 29-62. Эта публикация с сочувствием была встречена читателями и рецензентами. Так, Василий Львович *Величко* (1860-1903), подписывавший свои статьи криптонимом «*В.Л.*», заметил: «... Сын графа Л.Н. Толстого, Л.Л. Толстой изредка печатает весьма недурные рассказы, конечно, сильно согретые отблеском великого таланта его отца. В последней “Книжке Недели” есть его рассказ “Вечер во время голода”. ... Автор удачно изобразил равнодушие и холодность доктора, помогающего бедняге лишь по обязанности, без малейшего участия души и сердца. Рассказ графа Л.Л. Толстого лучше было бы так и назвать: “По обязанности”. Знание взятого быта помогло автору написать несколько ярких и типичных сценок...». — См.: *Журнальное обозрение //Кавказ*. Тифлис, 31 июля 1897 года, № 201. С. 2. См. также: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. I. С. 195; Т. IV. С. 99. Вскоре этот очерк вошел в книгу Л.Л. Толстого «Рассказы из времени студенчества» (см. о ней выше примеч. 26).

Из других публикаций Л.Л. Толстого в журнале В.П. Гайдебурова см. также: *Толстой Л.Л.* Помещик: Рассказ // *Книжки Недели*. СПб., 1898, № 3. С. 83-118. Через год он вошел в книгу Л.Л. Толстого «„Прелюдия Шопена” и другие рассказы» (С. 97-128). См. о ней выше примеч. 27.

⁴⁴ Из других выступлений Л.Л. Толстого в печати выделим его публицистику, в частности, *демонстративно антитолстовское* открытое письмо, появившееся в *70-й день рождения писателя*. К удивлению читателей, из Ясной Поляны на этот раз вдруг раздался восторженный призыв поддержать инициативу царского правительства заключить всеобщее перемирие:

«Обидно и больно сознавать, что есть люди, с сомнением относящиеся к великому почину, провозглашенному Нашим Государем.

Больно слышать, что в декларации они не видят ничего, кроме утопии, то есть неосуществимой мечты, которой суждено так и остаться одной только мечтой.

Мы, молодое поколение, не можем так смотреть на это. ...

Вот путь будущего. Три исторические ступени человечества: война, прогресс, христианская любовь. Теперь наступило время перехода с первой ступени на вторую, с которой уже видна третья.

Война отжила свой век и назначение. Для нас, по крайней мере, она уже теряет свой смысл. ...

И вот наше чуткое русское правительство первое видит и открыто выступает на разоблачение ужасного, бессмысленного зла и призывает народы к обсуждению мер для его уничтожения.

Как же можно не восторгаться этим почином, как не волноваться им всем сердцем и не верить, что предложение нашего Государя не утопия и не неосуществимая мечта, а начало великой всенародной просветительной эпохи». — См.: *Толстой Л.Л.* Не утопия (Письмо в редакцию) // *Новое время*. СПб., 28 августа/9 сентября 1898 года, № 8082. С. 1.

Письмо было переведено на другие языки. О нем писали иностранные журналисты, не очень разбиравшиеся в тонкостях русского языка и принявшие выступление сына Толстого за точку зрения великого писателя.

3 октября (нов. стиля) 1898 года В.Г. Чертков вынужден был обратиться в английские газеты с разъяснениями. — См.: *Tchertkoff V.* The wrong Tolstoy // *Westminster gazette*. London, October 4, 1898; *Tchertkoff V.* The two count Tolstoys // *Daily news*. London, October 5, 1898; “*Publicity was given a few days ago to a commendation of the Czar’s Rescript by count Leo Tolstoy...*” // *Echo*. London, October 5, 1898; *The Tolstoi family* // *Elgin courant*. January 24, 1899; *Lancashire express*. Lancaster, January 24, 1899; *Westminster budget*. London, February 24, 1899; etc. — *Отдел книжных фондов ГМТ*. Коллекция В.Г. Черткова.

Отношение Л.Н. Толстого к мирным инициативам царя нашло свое отражение в его письме от 7-9 января 1899 года, адресованном «группе шведской интеллигенции». — *ПСС*. Т. 72. С. 9-17.

Из более поздних публицистических выступлений Л.Л. Толстого отмечу его статьи, в которых активное противостояние Л.Н. Толстого государству и царской власти оценивалось сыном весьма критически. — См.: *Толстой Л.Л.* Отрицание или совершенствование // *Голос Москвы*, 16 января 1907 года, № 17. С. 2; 18 января 1907 года, № 19. С. 2; *Толстой Л.Л.* Чья ошибка? // *Там же*, 21 января 1907 года, № 22. С. 1; и др.

Эти статьи вызвали резко негативное отношение Л.Н. Толстого. — *ПСС*. Т. 56. С. 180, 182, 538-539, 542. Не только встречи, но и переписка отца с сыном на некоторое время оказались невозможными. — *Там же*. Т. 77. С. 31-32.

Вдали от Ясной Поляны, по существу отлученный от нее, Л.Л. Толстой начал интенсивно писать, а вскоре и печатать свои воспоминания об отце, в подспудной надежде восстановить прерванные отношения. — См.: *Толстой Лев*. Когда и как была написана *Власть тьмы* (Заметка к постановке в Малом театре) // *Журнал театра Литературно-художественного общества*. СПб., август 1907 года, № 2. С. 25-26 (в следующем номере журнала редакция, естественно, была вынуждена сделать примечание и уточнить, что речь идет не о *Льве Толстом*, а о *Л.Л. Толстом*. — № 3. С. 50); *Толстой Л.Л.* Два воспоминания // *Родник*. СПб., сентябрь 1908 года, № 17. С. 182-185; 186-187 (см. подробнее примеч. 4 к Главе 4 Книги I); *Толстой Л.Л.* Из детских воспоминаний // *О Толстом*: Международный Толстовский альманах, составленный П. Сергеевко. М.: Книга, 1909. С. 347-353 [1-2 издания — 1909; 3-е издание: *О Толстом*: Воспоминания и характеристики представителей различных наций / Под ред. П.А. Сергеевко. В 2-х томах. М., 1911. Т. II. С. 199-207].

После смерти отца чувство вины взяло верх над желанием оправдать мать и себя. — См.: *Толстой Л.Л.* Отношение ко мне моего отца / Публикация и комментарии В.Н. Абросимовой // *Литературные мелочи прошлого тысячелетия*: Сб. науч. статей к 80-летию Г.В. Краснова. Коломна, 2001. С. 151-160. Документ, оставшийся не завершенным, по содержанию датируется 1911 годом.

См. также: *Толстой Л.Л.* Как мой отец относился к пьесам и драматургам // *Театр и искусство*. СПб., 11 ноября 1912 года, № 46. С. 898-899; *Толстой Л.Л.* Отрывок из моего дневника 1903 года (9-ое марта) // *Столица и усадьба*. СПб., 15 февраля 1914 года, № 4. С. 4-5 [Перепеч. без изменений в изд.: *Иллюстрированная Россия*. Париж, 16 ноября 1933 года, № 47. С. 12-13]; *Толстой Л.Л.* В Ясной Поляне: Из дневника 1903 года // *Новое время*: Иллюстрир. приложение. Пг., 7/20 ноября 1915 года, № 14247. С. 11-12; *Толстой Л.Л.* Л.Н. Толстой и писатели, которых он читал (К 6-й годовщине со дня смерти) // *Биржевые ведомости*: Вечерний выпуск. Пг., 5/18 ноября 1916 года, № 15906. С. 5; 6/19 ноября 1916 года, № 15908. С. 4; *Толстой Л.Л.* “Одоль”, любопытная дама и Фадей: Очерк // *Весь мир*. Пг., ноябрь 1916, № 46. С. 7-8.

⁴⁵ Переводами Л.Л. Толстой увлекся во время болезни в начале 90-х годов. Так, 11 сентября 1894 года С.А. Толстая писала мужу из Москвы в Ясную Поляну: «... Лёва диктует Павлу Петровичу [Кандидову. — В.А.] перевод из Коппе. ...» — См.: *Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому...* С. 601-602. Что именно переводил Л.Л. Толстой и были ли опубликованы его переводы произведений французского писателя Франсуа Коппе (Coppée; 1842-1908), установить не удалось.

Первые известные переводы Л.Л. Толстого появились *без подписи* в газете «Русские ведомости». — См.: *Сигурд*. Госпожа Селма в Хэби: Рассказ /Перевод со шведского // *Русские ведомости*. М., 18 декабря 1897 года, № 349. С. 4. Переводчик представил автора (его настоящее имя — *Альфред Геденшиерна*; Hedenstierna; 1852-1906) так: «*Сигурд* — один из самых популярных шведских писателей. Он любим не только у себя на родине и в других скандинавских странах, но и в Америке, Англии и Германии. С необыкновенной легкостью, живостью и правдивостью описывая современную жизнь, Сигурд обладает здоровым юмором, что особенно привлекательно в его бесчисленных рассказах и повестях».

Имя Л.Л. Толстого как переводчика устанавливается на основе его упоминания об этой работе в книге «Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях» (С. 205-206).

В начале 1898 года Л.Л. Толстой отправил А.С. Суворину свой перевод комедии Августа Юхана Стриндберга (Strindberg; 1849-1912), который вскоре был опубликован. — См.: *Стрин[д]берг А.* Играть с огнем: Комедия в 1-м действии /Пер[евод] со шведского Л.Л. Т[олст]ого // *Новое время*: Иллюстрир. приложение. СПб., 28 февраля/12 марта 1898 года, № 7904. С. 5-7; 4/16 марта 1898 года, № 7908. С. 5-7.

Представляя читателям шведского драматурга, Л.Л. Толстой писал: «Имя Августа Стрин[д]берга произносится с некоторой опаской в великосветских гостиных Швеции. Его цинизм, его ультра-реалистическая манера писать, его ненависть к женщинам — служат этому причиной. Несмотря на это, я думаю, что после Рюдберга, умершего несколько лет назад, Стрин[д]берг занимает теперь первое место в шведской литературе. Его называют сумасшедшим, грязным, грубым, слишком откровенным и безобразным, но все-таки признают в нем гения и жадно читают его, как только он выпускает в свет новые вещи. ...»

Предлагаемая комедия ...характерна, как образчик писания Стрин[д]берга, в котором, несмотря на его несомненную неуравновешенность и беспокойные черты, присущие литературе упадочников, — виден сильный, смелый и оригинальный ум. ...» — *Там же*, № 7904. С. 5. О *Рюдберге* см. ниже примеч. 46.

Позднее комедия А. Стриндберга «Играть с огнем» была перепечатана с указанием имени Л.Л. Толстого как переводчика. — См.: *Библиотека “Театра и искусства”*. СПб., 1910. Кн. IX. С. 37-56.

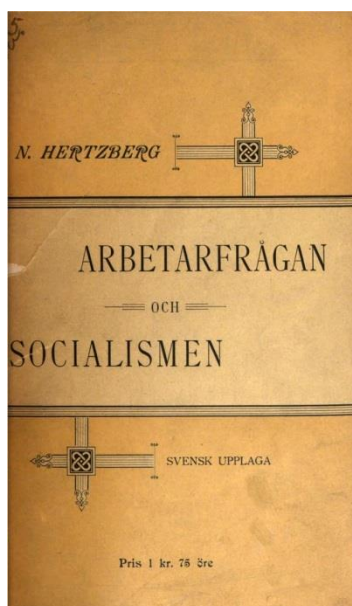
А. Стриндберг явно заинтересовал Л.Л. Толстого. В его архиве сохранились переводы еще двух сочинений шведского писателя. — См.: *Стрин<д>берг А.* Ислам и его основатель (Жизнь и учение Магомета) /Перевод с английского Л.Л. Толстого. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 97. Л. 1-82. Черновой автограф; *Стрин<д>берг А.* Не естественный подбор: Рассказ /Перевод со шведского Л.Л. Толстого. — *Там же*, № 98. Л. 1-6. Черновой автограф. Обе рукописи не датированы. См. также: *Толстой Л.Л.* Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях... С. 189-196.

В конце 90-х годов печатались также переводы Л.Л. Толстого, призванные восполнить недостаток отечественной литературы для детей. — См.: *Габбертон Д.* Дети Елены: Рассказ /В переводе Л.Л. Толстого // *Родник*. СПб., 1899, №№ 3-4, 6-8. Предваряя публикацию, Л.Л. Толстой писал: «Джон Габбертон [Habberton; 1842-1921], североамериканский писатель, родился в 1842 году. Его книга „Дети Елены“ имела огромный успех, и в одной Америке ее разошлось более 250.000 экземпляров. „Дети Елены“ переведены на многие иностранные языки и всюду читаются с большим интересом, где есть дети и дружная семья» (№ 3. С. 259). Позднее вышло отдельное издание. — См.:

Габбертон Д. Дети Елены: Рассказ /Перевел с английского для детей *Л.Л. Толстой*. М.; Пг.: Издание Товарищества М.О. Вольф, 1915.

Внимание Л.Л. Толстого привлекли также детские рассказы английского богослова, натуралиста, исследователя Северной Америки и Центральной Африки Генри Друммонда (Drummond; 1851-1897). — См.: **Друммонд Г.** Бессмертная обезьяна: Рассказы для детей /В переводе *Л.Л. Толстого*. М., 1901 (цензурное разрешение 9 сентября 1900 года).

Кроме того, в начале 1905 года Л.Л. Толстой познакомил русского читателя с основными положениями книги норвежского публициста, государственного и общественного деятеля, теолога, в прошлом – многолетнего члена парламента, министра образования и церковных дел Нильса Герцберга (Hertzberg; 1827-1911). Она вышла в 1891 году на норвежском и шведском языках и была посвящена общим проблемам развития христианского и социалистического учений в скандинавских странах.

При этом в своей статье Л.Л. Толстой выделил лишь один аспект исследования Н. Герцберга: христианское смирение и терпение как альтернатива социалистическим идеям. — См.: **Толстой Л.Л.** Рабочий вопрос и социализм // *Новое время*. СПб., 21 января/3 февраля 1905 года, № 10373. С. 3. По сообщениям корреспондентов газет «Наши дни» (25 января 1905 года, № 28. С. 2) и «Наша жизнь» (26 января/8 февраля 1905 года, № 71. С. 3), этот номер «Нового времени» со статьей Л.Л. Толстого раздавали бесплатно рабочим некоторых фабрик Петербурга, стараясь смягчить их настроение после расстрела демонстрации 9 января 1905 года.

Позднее А.С. Суворин издал этот труд отдельно. — См.: **Герцберг Н.** Рабочий вопрос и социализм /Перевод со шведского под редакцией *Л.Л. Толстого*. СПб., 1905 (дозволено цензурою 7 апреля 1905 г.). См. скептическую оценку этой книги и участия в ее публикации Л.Л. Толстого: **Наша жизнь**. СПб., 2/15 июня 1905 года, № 109. С. 5. Рецензия подписана криптонимом «Л.Н.». Её автором, вероятно, был журналист Лев Моисеевич Неманов (1871-1952). — См.: **Масанов И.Ф.** Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. II. С. 94; Т. IV. С. 334; (<http://sarunion.ru/actual/letopis/1677-nemanov-lev-moiseevich.html>).

Перед отъездом Л.Л. Толстого с семьей из Одессы в Египет осенью 1903 года он закончил перевод брошюры о святом Франциске Ассизском (наст. имя Джованни Бернардоне; Franciscus Assisiensis; 1182-1226), христианском проповеднике, основателе ордена францисканцев. Об этом 19 октября 1903 года он сообщил в письме матери. — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14281. Л. 1 об. Сохранился черновой автограф перевода,

выполненного Л.Л. Толстым. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 32. Л. 1-14. Имя автора брошюры не названо.

⁴⁶ Долгое время Л.Л. Толстой нигде не упоминал о том, что, помимо рассказов, романов, пьес, очерков и эссе, он еще «балует» стихами. Не признался он в этом и в цитированном выше письме С.А. Венгеру в 1901 году. — *Там же*, ф. 377, 1-е собр., № 2743. Л. 1-5. См. также примеч. 14 к Главе 12 Книги I.

Возможно, что интерес к поэзии появился у Л.Л. Толстого в середине 90-х годов, когда он, изучая шведский язык, перевел фрагмент стихотворения Абрахама Рюдберга (см. о нем в примеч. 4 к Главе 16 Книги I). Этот набросок сохранился в архиве Л.Л. Толстого. — *Там же*, ф. 303, № 17. Л. 9. Черновой автограф.

Поэтические опыты Л.Л. Толстого не претендуют на самоценность. Экспромты, вероятно, заменяли ему страницы дневника, который Л.Л. Толстой вел от случая к случаю. В них есть и сквозная тема, и настроение, и привычная система образов. В качестве примера можно привести набросок, посвященный потере сына (см. выше примеч. 21 к Главе 20 Книги I).

Печатать свои стихи Л.Л. Толстой рискнул только после смерти отца, чье скептическое отношение к поэзии было ему, безусловно, известно. — См.: *Толстой Л.Л.* Часто мы стоим над пропастью глубокой... // *Весь мир*. СПб., июнь 1913, № 26. С. 11; *Толстой Л.Л.* Один всегда, иди без страха... // *Там же*, июль 1913, № 29. С. 9; *Толстой Л.Л.* О, как бы жил я, счастлив, радостен, беспечен... // *Там же*, август 1913, № 32. С. 12; *Толстой Л.Л.* Душа, смирись, проснись и улети!... // *Там же*, сентябрь 1913, № 37. С. 14; *Толстой Л.Л.* Покидая Париж // *Там же*, февраль 1914, № 7. С. 7; *Толстой Л.Л.* Хотел бы я быть честным, чистым... // *Там же*, октябрь 1915, № 44. С. 16.

См. также выше примеч. 42.

⁴⁷ Черновые автографы стихотворений см.: *ИРЛИ*, ф. 303, № 17. Л. 1-20; *ОР ГМТ*. Архив Л.Л. Толстого, №№ 46, 48-54.

Кроме того, сохранились небольшие фрагменты «комедии страстей» Л.Л. Толстого в стихах. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 17. Л. 1; № 90. Л. [1]. См. также: *Абросимова В.Н.* Поэтические опыты Льва Львовича Толстого... // *Новое литературное обозрение*. М., 1996, № 21. С. 288-302.

⁴⁸ Никита Львович Толстой родился 22 июля/4 августа 1902 года. В тот же день Л.Л. Толстой отправил в Ясную Поляну телеграмму и письмо. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 72. См. также ниже примеч. 50.

По утверждению его старшего брата, большеголовый, серо-голубоглазый Кита был похож на своего русского дедушку Льва. — Примеч. *Т.Л. Балдовской*.

С годами Н.Л. Толстой стал другом отца и до последнего дня собирал и бережно хранил его архив. После его кончины в 1992 году многие документы были переданы его наследниками в Государственный музей Л.Н. Толстого в Москве.

⁴⁹ О том, что крик спасителен для детей, Иммануил Кант (Kant; 1724-1804) писал в работе «О педагогике» (1803). По мнению немецкого философа, ребенок всегда «кричит с сознанием», как бы последнее ни было темно. — См.: *Кант И.* Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 464-465.

⁵⁰ Л.Л. Толстой ошибся: Д.Ф. Толстая заболела позже, *осенью 1902 года*, когда семья вернулась в Петербург.

В день рождения сына Л.Л. Толстой писал матери:

10 часов утра

«
Дорогая мамá, пишу Вам через два часа после рождения нового сына. Мальчик упитанный и черноволосый. Не знаем еще, как назовем.

Роды были легкие и быстрые — часа три-четыре, хотя подготовились постепенно. Теперь Дора лежит и будет завтракать. Маленький спит после ванны, которая ему очень понравилась, и просит груди, кот<орой> ему еще не дают. Телеграмму Вам послал тотчас же. Напишу теперь после крестин, которые, вероятно, произойдут здесь скоро с русским священником из Стокгольма, куда я поеду на днях за этим.

До свидания. Пишите чаще о<бо> всех вас. Прилагаю письмо к Маше. Всех вас целуем с Дорой и тоже жалеем, что не с вами. Но, Бог даст, на будущее лето будем вместе.

Ваш Лев.

22 июля/4 августа 1902 г<ода>.

Halmbyboda

Ur<p>sala

Дора переносила ребенка, по нашему расчету, две недели и оттого, вероятно, он, по крайней мере, на вид и слух, родился сильный». — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14238. Л. 1-2. Автограф.

3/16 августа 1902 года Л.Л. Толстой сообщил С.А. Толстой:

«Милая мать, пишу Вам за час до скучных крестин, к которым здесь со вкусом готовят. Дора хочет назвать его Никитой. Пусть будет по ее. <...> Он (Вестерлунд. — В.А.) в своем родовом городке Орегрунде на два дня.

Через две недели (1-го сент<ября>) все разъезжаются отсюда, и мы остаемся одни. У Никиты шведская няня — молодая, у Пали — Саша. В начале октября думаю приехать в Ясную, через Москву, с остановкой в ней, а потом встретить в Петербурге семью в середине октября на пароходе у Васильевского острова прямо из Стокгольма. Думал сначала везти всех в Ясную на осень, но не рискну. <...>

Кончаю письмо после крестин. Священник и псаломщик уехали. Назвали Никитой. Я рад, что вся эта глупая и <по>стыдная языческая церемония, которая с Владимира держится у нас и еще, Бог весть, сколько продержится, кончена. Было оригинально видеть ее среди протестантов. <...>» — *Там же*, № 14239. Л. 1-3 об. Автограф.

Владимир Святославич (956?-1015) — великий князь Киевский; около 988-989 года принял христианство и способствовал распространению новой религии в качестве государственной в Киевской Руси.

В начале октября 1902 года Л.Л. Толстой уже из Петербурга отправил в Ясную Поляну коротенькое письмецо: «Милая мамá, пишу спешно, чтобы сообщить о благополучном приезде Доры с детьми и двумя няньками. Все здоровы. Мне было очень хорошо у Вас в Ясной и жаль было уезжать. Здесь, конечно, труднее жить и помнить главное назначение жизни. Но тем это заманчивей. Всем вам кланяюсь. <...>» — *Там же*, № 14243. Л. 1. Документ датируется условно на основании почтового штемпеля отправителя на открытке: «С. Петербург 9.X.1902». — *Там же*. Л. 1 об.

Но уже через несколько дней Л.Л. Толстой отправил матери письмо совсем другого характера: «Милая мать, у меня беда. Д<ора> больна нефритом и сейчас лежит в жару. Лечит Бертенсон. Что причина, неизвестно. Вероятно, простуда на пароходе. <...> Надо надеяться, что это острый нефрит, который не оставляет следов. До свидания. Напишу на днях.

У Доры было уже воспаление почек, когда она была 14-тилетней девочкой. Могло остаться предрасположение.

Л<ева>».

— *Там же*, № 14246. Л. 1-2. Автограф. По содержанию письмо можно датировать 14 октября 1902 года.

Лев Бернардович *Бертенсон* (1850-1929) — почетный лейб-медик; в январе 1902 года он консультировал и лечил Л.Н. Толстого. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 41-42.

Л.Л. Толстой с безусловным уважением и доверием относился к Л.Б. Бертенсону и его методам лечения. Практически в каждом следующем письме Л.Л. Толстого родным есть сведения о состоянии здоровья жены, находившейся под наблюдением одного из самых известных и авторитетных врачей России. 8 января 1903 года Л.Л. Толстой с тревогой заметил: «<...> Бертенсон опять дал digitalis, которого я боюсь, как всех лекарств. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14267. Л. 1. Автограф.

...digitalis... — дигиталис (латин.) широко применялся в медицине конца XIX — начала XX века. Лечили им и Л.Н. Толстого во время его болезни в Крыму в январе-феврале 1902 года. — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 2. С. 45-46, 50, 57. См. также: *Сын и отец...* // *Лица...* Т. 4. С. 261-262.

⁵¹ Л.Л. Толстой вспомнил *другой* эпизод. См. ниже примеч. 7 к Главе 2.

Приезд Э.Т. Вестерлунда в Петербург в первой половине декабря 1902 года вызван был серьезным обострением болезни Д.Ф. Толстой, о чем Лев Львович подробно сообщал С.А. Толстой. Так, 14 декабря 1902 года он писал матери: «<...> У нас был Вестерлунд. Он заставил Дору лечь совсем и лежать, пока не исчезнет белок совершенно. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14260. Л. 1. Автограф.

В конце января 1903 года Л.Л. Толстой жаловался родным: «<...> Вестерлунды требуют нашего приезда беспрекословно. <...>» — *Там же*, № 14269. Л. 1. Автограф.

По настоянию Вестерлунда, 1 марта 1903 года Толстые переехали в Швецию, где родные сначала в Энчёпинге, а потом в Хальмбюбуде в течение нескольких месяцев выхаживали больную дочь. — *Там же*, №№ 14273-14275.

Однако в середине июня (по новому стилю) в письмах Л.Л. Толстого в Ясную Поляну намечался явный надрыв. Так, 17 июня 1903 года письмо из Хальмбюбуды начиналось так: «Пишу вам в очень взволнованном настроении, но хочется поделиться. <...> Ужасно то, что все это лечение ни к чему, вся зима и все лето и давно пора было уехать, хоть в Ясную, хоть вон, — подальше от Севера.

Впереди тоже мало ответа; ничего нельзя предпринять и ничего не радует потому, что за всем идет то же самое. Вырвать Дору из власти ее отца и докторов вообще не легко, а это одно было бы действительно ей полезно. Решительно не знаю, что будет. <...>» — *Там же*, № 14276. Л. 1-2. Автограф.

В следующем письме Л.Л. Толстой был еще более категоричен и нетерпим:

«Милая мать, пишу вам с Финляндского парохода, идущего из Швеции в Гельсингфорс. Вчера оставил я мою бедную Дору, не в силах больше выносить житья в Halmbyboda и смотреть, как Дору прямо губят вместо того, чтобы поправлять. <...> Отец не должен лечить свою дочь вообще, а В<естерлу>нд еще менее может вылечить Д<о>ру со своим узким упрямством. <...> Не знаю, хорошо ли я сделал, уехав, но я не мог иначе. <...>» — *Там же*, № 14278. Л. 1-2 об. Автограф. Подчеркнуто *Л.Л. Толстым*. Документ не датирован, однако по содержанию и почтовым штемпелям на конверте («С. Петербург 6 июл<я> 1903» и «Тула 7/VII 1903») его можно отнести к первым числам июля 1903 года. — *Там же*. Л. 3-3 об. См. также ниже примеч. 53-54.

Лев Львович забыл, что его жена верила медицинским рекомендациям только своего отца. Об этом он писал С.А. Толстой из Швеции еще 23 июля нов. стиля 1896 года. — *Там же*, № 14034. Л. 2 об. Так что *вырвать* ее из привычной среды не было никакой необходимости, в чем Л.Л. Толстой вскоре убедился сам.

⁵² Доктор Эрнст фон Лейден (Leyden; 1832-1910) — профессор Берлинского университета, тайный медицинский советник и ординарный профессор 1-й медицинской клиники в Берлине. Его имя было хорошо известно в России. — См.: *Новости дня*. М., 17 октября 1903 года, № 7313. С. 3.

В письмах родным Л.Л. Толстой старался обходить сугубо медицинские проблемы, а в путевых зарисовках позднее вскользь упомянул о консультациях профессора Лейдена. — См.: *Толстой Л.Л.* Современный Египет: Очерки // *Родник*. СПб., 1906, №№ 13-17, 19-21.

⁵³ Это более поздняя точка зрения. В недатированном письме родным поездка в Египет впервые была названа в таком контексте: «<...>опять заметно улучшение в Д<ори>ном положении и опять мы надеемся, что скоро конец ее болезни. Во всяком случае, если к середине лета белок не исчезнет совсем, В<естер>лунд хочет поднять Д<о>ру и тогда уже с осени отправить ее в жаркий климат, в Египет, как он говорит, где жара или тепло постоянные, как последняя попытка. <...> Поездка в Египет меня пугает, но если нужно будет для Д<о>ры, поеду. Одно неизвестно, откуда мы возьмем на это средства. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14277. Л. 1-2. Автограф.

8 июля (ст. стиля) 1903 года Л.Л. Толстой один приехал в Ясную Поляну. 12 июля 1903 года С.А. Толстая записала в дневнике свое впечатление от встреч с одним из самых близких ей детей: «... И этот сын не радуется. Жена умирает в Швеции в нефрите; он делает планы, хочет поступать на медицинский факультет, жить в Москве; и какое-то в нем беспокойство. ...» — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 94-95. См. также отрывки из дневника Л.Л. Толстого 1903 года: *Сын и отец...* // *Лица...* Т. 4. С. 219-222, 261-278.

⁵⁴ В первоначальном варианте книги о них было сказано так: «<...>две няньки — одна шведка, прекрасная, честная Хульда, другая наша преданная некрасивая, но умная ярославка Саша. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 86. Черновой автограф. См. также примеч. 15 к Главе 19 Книги I.

⁵⁵ П.Л. Толстой впоследствии рассказывал шведским читателям: «Я хорошо помню, что у меня и моего младшего брата Никиты, у каждого были свои няни. Мою няню звали Саша большая, а няню Никиты — Хульда Андерссон». — Из личного архива *Т.Л. Балдовской*.

⁵⁶ Лето Л.Л. Толстой большей частью провел в Ясной Поляне. Он проехал туда из-за границы практически сразу же, сделав буквально на день остановку в Петербурге. Потом из Ясной Поляны он ненадолго уезжал в Петербург и вернулся 3 сентября 1903 года. Д.Ф. Толстая приехала из Швеции в Ясную Поляну 22 августа 1903 года и прожила там до отъезда в Крым 26 сентября 1903 года. — *ПСС*. Т. 54. С. 388; Т. 73. С. 165; *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 94-95.

В конце сентября 1903 года Толстые приехали в Ялту и некоторое время находились в пансионе мадам Шульц, расположенном недалеко от моря. — *ИРЛИ*, ф. 303, №№ 790-791. Наблюдал больную Д.Ф. Толстую — по личной просьбе Л.Н. Толстого — Исаак Наумович Альтшуллер (1870-1943), лечивший его в Крыму в 1901-1902 годах. — *ПСС*. Т. 74. С. 174. См. письмо Л.Л. Толстого матери от 29 сентября 1903 года из Ялты. — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14279. Л. 1.

Через несколько дней, 7 октября 1903 года Л.Л. Толстой написал в Ясную Поляну о своих встречах с петербургскими знакомыми, а также с А.П. Чеховым: «<...> Был я у Чехова, кот<орый> просил кланяться. Он был мне рад и долго удерживал. Говорили обо многом и обо всех. Здоровье его неважно, тяготится Крымом. <...>» — *Там же*, № 14280. Л. 1 об.-2. Автограф.

В Одессе Толстые были в середине октября 1903 года. — См.: *Беседа с графом Л.Л. Толстым* // *Одесский листок*, 14/27 октября 1903 года, № 264. С. 2; *Одесская жизнь* // *Одесские новости*, 23 октября 1903 года, № 6118. С. 3.

⁵⁷ Добровольный флот был создан в 1878 году для содействия русскому торговому мореплаванию против могущественного британского флота. Первые пароходы

Добровольного флота вошли в состав военного флота и использовались для перевозки русских воинов на родину из Турции. Позднее, когда опасность общеевропейской войны миновала, деятельность Добровольного флота носила исключительно коммерческий характер. — См.: *Энциклопедический словарь...* Т. XX. С. 818-819.

У кораблей Добровольного флота в Одессе было несколько маршрутов: Владивосток, Неаполь, Порт-Саид и Суэц; открывалась линия на Северную Америку. *Однако в 1903 году прямого рейса на Александрию пароходами Добровольного флота из Одессы не было.* — См.: *Одесский листок*, 21 октября/3 ноября 1903 года, № 271. С. 3; *Там же*, 29 октября/11 ноября 1903 года, № 278. С. 3.

⁵⁸ 22 октября 1903 года на пароходе «Царица», принадлежавшем старейшему Русскому обществу пароходства и торговли, Толстые отплыли в Александрию, главный морской порт Египта. — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14281. Л. 1-1 об.

⁵⁹ Первое письмо Л.Л. Толстого из далекой страны было, как всегда, обстоятельно и, основываясь на нем, можно подкорректировать этот фрагмент воспоминаний.

«Милые все в Ясной, пишу из Хелуана, куда мы благополучно добрались сегодня, октября 31-го дня [по ст. стилю. — *В.А.*]. Только что, после утомительных поисков, получше чтобы и подешевле, остановились на Tewfic <Palace> Hôtel'e, куда и пишите. Дора устала и плакала от этого, не зная, на что решиться, наконец, успокоилась, когда я ее ввел в комнаты нашего отеля. Будет дорого, — 270 пиастров (70 франков и 27 рубл<ей>) в день, но здесь ничего дешевле нет, а что дешевле, то ввело Дору в слезы, поэтому я и остановился на Tewfic, где англичане и довольно хорошо. <...> Здесь мы хотели жить у доктора Урбана, но у него и дорого и одиноко и некрасиво, так что мы предпочли поселиться здесь. <...>» — *Там же*, № 14282. Л. 1-2 об. Автограф.

...у доктора Урбана... — лечебница доктора Урбана была основана в конце 90-х годов и продолжила работать позже, под наблюдением вдовы доктора Урбана. Немецкие коллеги хорошо знали эту лечебницу и рекомендовали ее своим пациентам. — См.: *Энгель Г., Премингер В.* Степной курорт Хелуан и его серные источники /Пер. с нем. М., 1910. С. 32-35. См. также: *Заграничные курорты*: Иллюстрир. путеводитель по заграничным курортам и санаториям. Берлин, 1911. С. 231-232.

До конца 1903 года Л.Л. Толстой с семьей оставался в отеле «Тейфик». В письме В.Г. Черткову, с которым у него в эти годы были особенно теплые отношения, он 29 декабря нов. стиля 1903 года подробно описал место пребывания и свои впечатления от Египта: «<...> Здесь живем мы в *английском большом отеле среди англичан*. Много интересных людей и нового. В природе и народе здешнем пропасть прекрасного.

Хелуан расположен от Каира к югу в часовом расстоянии по желез<ной> дороге и лежит в самой пустыне против Нила и пирамид.

Сухость климата поразительная. Жена лежит на солнце целые дни, а я стараюсь безвредно проводить время. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив В.Г. Черткова, № 60163. Л. 1-2. Автограф. Курсив мой. — *В.А.*

Однако уже через несколько дней, 3 января нов. стиля 1904 года Л.Л. Толстой сообщил матери о том, что они обосновались на новом месте: «<...> У нас новое то, что мы перешли в пансион (Pension Antonio) более скромный и дешевый и оставили великолепный Tewfic. <Pension> Antonio около ванн, которые Дора будет брать. <...>» — *Там же*. Архив С.А. Толстой, № 14266. Л. 1. Автограф.

Еще через несколько дней он добавил, что они по-прежнему советуются с доктором Урбаном и планируют остаться в Хелуане на все лето, чтобы окончательно уже пропечься на африканском солнце. Относительно нового места жительства Л.Л. Толстой заметил: «<...> Мы очень довольны тем, что стали жить дешевле и потому можем кататься с детьми в коляске и ездить на ослах и даже строить проекты на лето. А в Tewfic'e все уходило только

на содержание. Кроме того, мне здесь лучше думается, а потому и работается и живется. <...>» — *Там же*, № 14284. Л. 1-2 об. Автограф.

В опубликованных вскоре очерках ситуация выглядела так: «... Для больной жены моей, нуждавшейся в комфорте, я должен был поселиться в богатой первоклассной гостинице Хелуана, “Tewfic Hôtel’e”, бывшем дворце хедива Тейфика, теперь превращенном в отель одним английским доктором и расположенном прекрасно, в стороне от самого городка, почти в пустыне. В Тейфике мы прожили почти два месяца и отсюда я сделал первые мои знакомства с Хелуаном, его обитателями, жизнью и окрестностями, да и с Каиром, куда много раз ездил видеть и узнавать многое. Вторую часть зимы прожили мы в другом, более дешевом отеле “Hotel Antonio”, хозяин которого, очень милый грек, необыкновенно любезно и добро к нам относился. ...» — См.: *Толстой Л.Л.* Современный Египет... // *Родник*. СПб., 1906, №№ 13-14. С. 25.

...хедив... — официальный титул вице-короля Египта, который передается по наследству.

...Тейфик-паша Мухаммед (Tewfic; 1852-1892) не держал гарема и жил с принцессой Эминой (Emina Ihami; 1858-1931) и четырьмя детьми в своем поместье.

⁶⁰ В это время Л.Л. Толстой находился под обаянием идей доктора Иоганна Генриха Ламана (Lahmann; 1860-1905). Немецкий врач, один из идеологов вегетарианства, автор нескольких книг, переведенных на русский язык и известных в России, лечил больных в своем санатории недалеко от Дрездена. Вероятно, в Египте его тоже хорошо знали.

«Мнение убежденного вегетарианца» Л.Л. Толстого сформировалось до отъезда в Египет и было передано издательнице альманаха Ольге Константиновне *Зеленковой* (урожд. Случевской; 1845-1921), выступавшей под псевдонимом “*Вегетарианка*”, в начале марта 1903 года. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 906. Л. 11. Л.Л. Толстой дал согласие на чтение своего текста — *в его отсутствие* — на очередном заседании Петербургского вегетарианского общества и на его публикацию.

19 апреля (ст. стиля) 1903 года в зале Императорского Российского общества спасения на водах, где проходили заседания Вегетарианского общества, «Мнение...» Л.Л. Толстого было оглашено и стало публично обсуждаться. — См.: *Реформа питания // Новое время*. СПб., 20 апреля/3 мая 1903 года, № 9742. С. 4; *Л.Л. Толстой о вегетарианстве // Новости и Биржевая газета*. СПб., 21 апреля 1903 года, № 108. С. 2; *Среди вегетарианцев // Новости дня*. СПб., 22 апреля/5 мая 1903 года, № 7138. С. 3; *Клуб вегетарианцев // Петербургская газета*. 21 апреля 1903 года, № 107. С. 2; *Вегетарианство и нравственность / Бета // Там же*, 22 апреля 1903 года, № 108. С. 2; *О слабых желудках: Фельетон / Ното novus // Там же*, 27 апреля 1903 года, № 113. С. 3.

...Бета... — под этим псевдонимом писал Борис Николаевич *Бугаев*, более известный как *Андрей Белый* (см. о нем выше примеч. 5 к Главе 4 Книги I). — См.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. I. С. 158; Т. IV. С. 84.

...Ното novus... — псевдоним Александра Рафаиловича *Кугеля* (см. о нем выше в примеч. 21). — *Там же*. Т. III. С. 314; Т. IV. С. 258.

См. также: *Толстой Л.-сын*. Реформа питания (Слово убежденного вегетарианца) // *Нечто о вегетарианстве*: Альманах / “*Вегетарианка*”. Вып. 3. С. 26-42 [цензурное дозволение — СПб., 9-го апреля 1903 года]. Статья Л.Л. Толстого подписана «7 марта 1903 г. С.-Петербург». — *Там же*. С. 42 (http://www.vita.org.ru/veg/veg-literature/1-tolstoi-son_reforma_pitania.htm).

Публикацию Л.Л. Толстого нашел проф. *Бен Хеллман*.

Современные исследователи вегетарианства в России учитывают точку зрения вей семьи Л.Н. Толстого, выделяя при этом активную позицию Л.Л. Толстого. — См.: *Бранг П.* Россия неизвестная: История культуры вегетарианских образов от начала до наших дней / Перевод с нем. *А. Бернольд* и *П. Бранга*. М.: Языки славянской культуры, 2006 (указ.).

⁶¹ Хамсин (*араб.*, буквально — пятьдесят) — изнуряюще жаркий, сухой ветер, иногда достигающий силы шторма; переносит много песка; дует примерно пятьдесят дней в году (в марте-мае). — См.: *Зевакин Н.А.* Аббация, Корфу и Хелуан: Краткие характеристики их как зимних климатических станций. СПб., 1902. С. 7-12.

⁶² Один из металлов, не встречающихся в чистом виде, а существующих только в окисях и солях.

⁶³ Разновидность растительного клея, получаемого из высохшего сока различных видов акации. В медицине начала XX века широко использовалось соединение этих сильнодействующих препаратов.

⁶⁴ Это случилось весной 1904 года. В письме родным 25 марта/7 апреля 1904 года Л.Л. Толстой постарался смягчить картину болезни всей семьи:

«Милая мамá, получил ваше письмо из Москвы. У нас очень плохо это время. Я только сегодня встал и то через силу, вследствие болезни детей. У них же у обоих заболели так сильно глаза, что гноятся и не открываются. Просто ужас. Это от солнца, мух и перемены тепла и холода. У меня же было сильное желудочно-пече<но>шное заболевание, кот<орое> еще не прошло. Я сильно ослаб и похудел. Одна больная Дора бодрá. Теперь как уехать и неизвестно, а если сидеть здесь лето, погибнешь. Днем уже нельзя выходить, — ослепляет. <...>» — *ОРГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14296. Л. 1. Автограф.

Через несколько дней он признался С.А. Толстой:

«Мы вернулись из Каира в Хелуан в плачевном виде. Дора простужена <...> дети в поносе, я тоже. Дора сегодня встала, ей лучше, дети тоже <поправляются>. Теперь один я еще нездоров. Ну, климат. Беда. Какая глупость искать здесь здоровье и вообще менять место для здоровья. Это только терять последнее. Я это писал и говорил. Теперь убедился еще больше на опыте. <...>

Здесь очень тяжело. Сухость воздуха адская, так что днем я не выхожу, не могу дышать, глаза красные, в голове шум и вот страшное расстройство желудка. Я ничего. Лишь бы Д<ора> не свалилась по дороге в Крым и дети. Ведь какая разница солнца и температуры. Будем беречься. Вообще Дора бодрá и решила жить так.

Целую всех вас.

В<аш> Лев».

— *Там же*, № 14298. Л. 1-1 об. Автограф.

Когда же дело пошло на поправку, Л.Л. Толстой 11 апреля нов. стиля 1904 года в письме родным отметил: «<...> Когда Паля стал смотреть сегодня, Никита даже издал звук восторга, а Саша <—> та расплакалась. <...>» — *Там же*, № 14299. Л. 1. Автограф.

...*Саша*... — русская няня детей Толстых. См. о ней выше примеч. 54.

⁶⁵ О ком из представителей этого древнего рода идет речь, из контекста не ясно.

⁶⁶ Л.Л. Толстой совершил поездку до своей болезни. 14 февраля нов. стиля 1904 года он писал С.А. Толстой:

«Милая мамá, пишу вам из Ассуана, куда приехал по Нилу один и откуда уже еду послезавтра назад в Хелуан. Поехал на 10 дней <в> верхний Египет, близко границ Нубии и Судана, посмотреть, оставив семью в довольно хорошем состоянии.

<...> Здесь уже почти тропики. Живут подле местечка полубелые бишарины и суданцы, в окрестностях бьют львов и леопардов. Жара часа в два, три дня 45° Ц<ельсия>, хотя ночи прохладные, не больше 10-12°. Сегодня дует сильный северный ветер и потому я сидел все утро и читал газеты всех наций и освещение войны. <...>

Здесь интересна, кроме народа и природы, старина, которой особенно много я видел в старых Фивах (Луксоре). Удивительны эти храмы и гробницы <возрастом в> 5-6 тысяч лет, с разными божествами, с мумиями и громадным, когда-то затраченным человеческим трудом. Когда смотришь на все это, под этим тропическим солнцем, не верится, что все это сделано людьми. На днях в Луксоре, когда я, вернувшись из Фив, читал телеграммы о войне, мне опять не верилось, что все это там происходит, — похоже на какую-то дикую сказку. Вообще здесь живешь в каком-то тумане, сердце бьется 100 ударов в минуту и мысли бегут с такой же быстротой.

Путешествую я с одним шведом и вчера познакомился здесь еще с одной шведской семьей. Встречаешь людей всех национальностей, и французов, и румын, и американцев, и, благодаря моему имени, со мной все знакомятся. На пароходе из Луксора сюда я узнал положительно всех. Надо сказать, что имя Толстого все-таки больше всего любимо французами горячее и искреннее других, во всяком случае, это мое впечатление.

Англичане знают, да не все понимают. Немцы знают, но не вполне доверяют. <...>

Пишите чаще, пожалуйста, особенно теперь, весной, когда я всегда бываю в беспокойстве, и вышлите деньги, если не сделали этого.

Целую всех.

Лев».

— **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14290. Л. 13 об. Автограф.

...Ассуан... — Л.Л. Толстой воспроизвел старое написание, кальку с французского (*Assouan*), которым пользовались в официальных русских изданиях. — См.: **Отечественные и заграничные курорты, санатории и кумысолечебницы...** С. 29; **Заграничные курорты...** С. 101-102.

...Верхний Египет... — узкая долина, по которой протекает Нил. Подробнее об этой поездке см.: **Толстой Л.Л.** Современный Египет... // **Родник**. СПб., 1906, № 20. С. 336-343.

...близко границ Нубии... — довольно неопределенный географический термин. *Нубией* в собственном смысле слова называлась обыкновенно область среднего течения Нила.

...бишарин<ц>ы... — рядом с Асуаном располагался «лагерь *Бишаринцев*, кочевого мирного африканского племени, необыкновенно симпатичного и доброго». — См.: **Толстой Л.Л.** Современный Египет... // **Родник**. СПб., 1906, № 20. С. 341-343. Курсив мой. — **В.А. Там же** — фотография “Бишаринцы”.

...освещение войны... — об отношении Л.Л. Толстого к русско-японской войне 1904-1905 годов см. ниже.

Вскоре, 21 февраля нов. стиля 1904 года Л.Л. Толстой известил родных о своем возвращении в Хелуан. — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14292. Л. 1.

⁶⁷ Сезон в Хелуане начинался глубокой осенью, в октябре-ноябре, а заканчивался в марте-апреле. — См.: **Толстой Л.Л.** Современный Египет... // **Родник**. СПб., 1906, №№ 15-16. С. 118.

Накануне отъезда, 23 апреля нов. стиля 1904 года Л.Л. Толстой отправил матери письмо, в котором негативные эмоции явно преобладали:

«Ну, милая мамаша, уедем ли мы отсюда 27-го и доедем ли живые домой? Пишу вам отсюда последнее письмо, надеюсь. Жара стала невероятная и такая сухость, что дышать трудно. В тени 40°, ночами открытые окна не помогают, днем надо сидеть дома.

Я уже писал, что детям лучше, они даже совсем были бы здоровы, если бы Никита не свалился опять в жару от желудка. Сегодня и это проходит у него. Паля выходит. Но с вуалью, под зонтиком и держится в тени до 10-11 часов, а там опять в комнате до 5-6 часов.

Вообще жизнь тут делается невозможной. Да и в самом деле, кто же может жить среди пустыни, среди раскаленных песков, где нет ни дерева, ни ключа воды, ни травки. Собаки и те вседохнут летом и теперь бегают, высунув языки и ища влаги. Хелуан — это кладбище среди пустыни, глупейшее и вреднейшее для живых людей, выстроенное исключительно для

европейских больных, — живых трупов, как я их тут называл всю зиму, глядя, как они лежат целыми днями на солнце, ничего не делая и дожидаясь откуда-то здоровья. <...>

Здоровье Доры эти дни получше и, Бог даст, время и режим (вегетарианский) вылечат ее. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14300. Л. 1-2 об. Автограф.

...режим (вегетарианский)... — см. об этом выше примеч. 60.

Через несколько лет Л.Л. Толстой подвел итог поездке: «Общее впечатление от Египта тяжелое». — См.: **Толстой Л.Л.** Современный Египет... // **Родник**. СПб., 1906, № 21. С. 386. Однако позднее он по-иному оценивал поездку в Египет. См. об этом ниже в Главе 2.

28/15 апреля 1904 года на пароходе «Чихачев», также принадлежавшем Русскому обществу пароходства и торговли, Толстые из Александрии отправились на родину. — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14296. Л. 1 об., № 14301. Л. 1.

⁶⁸ Позднее Л.Л. Толстой вернулся к этому сюжету. — См.: **Толстой Л.Л.** Встреча в Египте // **Лукоморье**: Литературно-художественный и сатирический журнал. СПб., 16 апреля 1914, № 1. С. 6-8.

Глава 2

¹ О русских богомолках см. подробнее: **Толстой Л.Л.** Современный Египет... // **Родник**. СПб., 1906, №№ 13-14. С. 17; № 21. С. 385.

² 22 апреля (ст. стиля) 1904 года по прибытии в Одессу Л.Л. Толстой послал родным телеграмму о благополучном возвращении в Россию. — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14305. Л. 1. См. также: **Одесская жизнь** // **Одесские новости**, 25 апреля 1904 года, № 6290. С. 5; **У гр. Л.Л. Толстого** // **Одесский листок**, 25 апреля/8 мая 1904 года, № 103. С. 5.

Через несколько дней Толстые были уже в Ялте, а оттуда переехали в Алупку. 1 мая 1904 года Л.Л. Толстой сообщил матери, что они поселились возле моря. — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14306. Л. 1.

³ Князь Михаил Семенович Воронцов (1782-1856) в 1823-1853 годах был генерал-губернатором Новороссии и Бессарабии; с 1844 по 1853 год он был наместником на Кавказе с неограниченными полномочиями.

Дворец Воронцова в Алупке расположен над уровнем моря. От него вниз ведут три каменные террасы, отделяющиеся одна от другой площадками, украшенными с обеих сторон мраморными изображениями львов работы знаменитого датского скульптора Бертеля Торвальдсена (Thorvaldsen; 1770-1844) в разнообразных позах (на самой последней площадке львы спят; на средней — они просыпаются; а у дворца — они уже проснулись). — См.: **Ялта и ее ближайшие окрестности** (Справочная книжка). Ялта, 1897. С. 87-89.

⁴ В начале июля 1904 года самочувствие жены позволило Л.Л. Толстому уехать в Ясную Поляну и повидаться с братом Андреем, решившим добровольно отправиться на русско-японскую войну. 4 июля 1904 года Лев Львович приехал в Ясную Поляну. — См.: **Сын и отец...** // **Лица...** Т. 4. С. 222-223; **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 103-106.

Д.Ф. Толстая с детьми в это время была в Швеции и вернулась в Петербург в середине осени 1904 года.

⁵ 8/21 августа 1905 года Л.Л. Толстой из Хальмбюбуды сообщил С.А. Толстой о прибавлении семейства: «Дорогая мать, сегодня в 2 часа дня родился наш третий сын. Как назовем, еще не решили. Вероятно, Петром.

Начались роды в 5 часов утра и прошли благополучно. Мальчик крупный, с большой черной головой и широкими плечами. Похож на Палю<...>. — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14335. Л. 1. Автограф.

По воспоминаниям старших братьев, это был светлый и веселый человек, который ни разу в жизни ничем не огорчил своих родителей. Бабушка Софья Андреевна даже считала, что у него нет никаких недостатков. А младшая сестра Татьяна (см. о ней ниже примеч. 32 к Главе 8) утверждала, что Петя «стоял на земле обеими ногами», был очень позитивным по отношению ко всем и всему, всегда веселым, с прекрасным чувством юмора. — Примеч. *Т.Л. Балдовской*.

Петр Львович Толстой (1905-1970) позднее в Швеции серьезно занимался сельским хозяйством. Во многом это спасло и его семью, и Л.Л. Толстого, подолгу жившего у своего среднего сына. — См. подробнее об этом: *Абросимова В.* Зигзаги судьбы Льва Толстого-младшего (по архивным материалам) // *Toronto Slavic Quarterly: Academic electronic journal in Slavic studies*. Fall 2008, no. 26.

⁶ Нина Львовна Толстая появилась на свет там же, в имении Хальмбюбуда, 23 октября/11 ноября 1906 года. Через день, 25 октября Л.Л. Толстой отправил матери подробное письмо с рассказом об этом событии:

«Милая мамá <...>. Роды Доры прошли ничего, почти без страданий. Я думаю, что если бы человечество было умнее и чище, оно бы не называло рождение детей страданием, а наслаждением, высшим наслаждением и радостью женщины. В разговорах и шутках, окруженная любящими сердцами, Дора родила свою дочку Нину, сама смеясь и наслаждаясь. Один миг было немного больно, но потом опять одно наслаждение. Я не шучу, а говорю единственную правду. Девочка черная, похожа на нас, брюнетов, но с упитанным крепким телом Вестерлундов и Флодерус<ов>.

Дети рады новому товарищу и Кита тарашил на сестру глаза часа два, говоря, что она похожа на красную куклу. Ему все надо было рассудить, что стало три брата и одна сестра, что у сестры нет зубов, но черные волосы и т.д.

Дора очень довольна и, надо надеяться, скоро поправится. <...> — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14372. Л. 1-2. Автограф.

Флодерусы — родственники Д.Ф. Толстой по материнской линии. См. о них выше примеч. 10-11 к Главе 15 Книги I.

⁷ Софья Львовна Толстая родилась 5 сентября (нов. стиля) 1908 года в том же шведском имении Вестерлундов Хальмбюбуда. — *Там же*, № 14423. Л. 1.

Через некоторое время, 17 сентября 1908 года Л.Л. Толстой писал матери: «Милая мамá, Вы сегодня, так сказать, именинница, — поздравляю. А Вы поздравьте нас с именинницей — Соня есть и у нас. Мы, не дождавшись Вашего согласия, записали Вас крестной матерью, а Ваня Эрдели Вам кум. Девочка, как следует быть, с шишками на голове, которые, говорят, пройдут. При родах она повернула голову, и от этого будто бы произошло защемление. Родившись, девочка не закричала и только, когда акушерка ей дала под задок, она, понятно, обиделась и так заревела, что прелесть. Когда она плачет, похоже на целый зверинец. Голосино здоровеннейший.

Дора встала, но после большой потери крови слаба. Говорят, что если бы не остановили кровотечение, она бы не осталась жива. Вид у нее был страшный, и я испугался одну минуту. Теперь это позади.

Дети в порядке. <...> Крестины прошли по обыкновению. Поп крестит только наших детей, и поэтому его шероховатая служба звучит еще более дико, чем обыкновенная, на фоне лютеранской культуры. Я, собственно, не знаю, зачем мы крестим детей по-православному. Впрочем, не все ли равно, — по православному ли, лютеранскому или духоборческому <обряду>. Одна и та же глупая канитель. Но такой забавной канители, как крестины православные, другой, конечно, нет. Чего, чего не придумано! И дуют, и плюют, и вертятся,

и ходят кругом купели, и мажут, и клеят воск, и пускают воду, и окунают ребенка так, что тот задыхается. Забавнее и глупее ничего придумать нельзя. А когда шведы во фраках при этом добросовестно исполняют обряд, гуляя вокруг кадки с водой со свечками в руках, то тут совсем пропадешь от конфуза. Я не присутствую при этом безобразии, — дети смотрели, и Кита страдал ужасно. Чуть не заплакал. <...>» — *Там же*, № 14425. Л. 1-1 об., 4 об.-5 об. Автограф.

...именинница... — С.А. Толстая всегда помнила и отмечала этот день: помимо именин, 17 сентября (ст. стиля) 1862 года родные официально объявили о ее помолвке с Л.Н. Толстым. — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 1. С. 489.

...Ваня Эрдели... — см. о нем выше примеч. 6 к Главе 12 Книги I.

⁸ Это более поздняя точка зрения. В одном из недатированных писем Л.Л. Толстой признался А.С. Суворину: «<...> Я иногда чувствую к Вам больше близости, чем к родному отцу, в вопросах принципиальных. <...>» — *РГАЛИ*, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4247. Л. 15 об.-16. Автограф.

Осенью 1904 года, вернувшись в Петербург из Египта, Л.Л. Толстой закончил одно из недатированных писем А.С. Суворину так: «<...> Читал Вас, и все Вас читают везде. Всегда думал и буду думать, что Вы — самый умный и первый журналист наш, и без Вас почувствуют, что Вы были. Это не лесть. Вы понимаете это. Я просто хотел сказать Вам приятную правду. Простите. <...>» — *Там же*. Л. 70 об. Автограф.

Узнав о смерти А.С. Суворина, Л.Л. Толстой посвятил его памяти проникновенные строки: «Я искренно любил Алексея Сергеевича Суворина потому, что с начала знакомства моего с ним я всегда чувствовал, что он был не только умный, добрый и отзывчивый, но, главное, *правильный человек*. Лучшего выражения, как именно это, народное, для определения верности чувства и верности понимания вещей этим большим русским человеком, — трудно найти. Он не мудрствовал лукаво, он не лгал, он говорил прямо и просто свою правду, когда он считал ее таковой. Он понимал и чувствовал Россию и то, что было ей нужно в трудные минуты. Его мнения о событиях и о людях всегда были *правильны* и, если расходились с мнением многих, иногда мнением большинства, они были тем ценнее в период колебаний и смуты. ...» — См.: *Толстой Л.Л. Правильный человек //Новое время*. СПб., 15/28 августа 1912 года, № 13084. С. 3. Курсив *Л.Л. Толстого*.

⁹ Одной из таких газет были «Новости и Биржевая газета» Осипа (Иосифа) Константиновича Нотовича (1849-1914), с которым Л.Л. Толстой был знаком. Еще совсем недавно их уважительное отношение друг к другу было вполне взаимным. Редактор одной из влиятельных петербургских газет выполнил все пожелания автора, изложенные в его письмах 1903 года, в том числе и просьбу дать подпись: «*Л. Толстой-сын*», чтобы ее не смешивали с подписью отца. — См.: *РГАЛИ*, ф. 339, оп. 1, ед. хр. 250. Л. 1-3; *ИРЛИ*, ф. 207, № 199. Л. 1-2.

См. также статьи Л.Л. Толстого: *Толстой-сын Л.* Гигиена в школах // *Новости и Биржевая газета*. СПб., 22 января/4 февраля 1903 года, № 22. С. 2; *Толстой-сын Л.* Недостаток любви // *Там же*, 2/15 февраля 1903 года, № 33. С. 2; *Толстой-сын Л.* Реформа жизни (Несколько мыслей вслух) // *Там же*, 9/22 февраля 1903 года, № 40. С. 2; 16 февраля/1 марта 1903 года, № 47. С. 2; 23 февраля/8 марта 1903 года, № 53. С. 2; *Толстой-сын Л.* Кто хочет этого (Рассказ) // *Там же*, 2/15 марта 1903 года, № 60. С. 2; 9/22 марта 1903 года, № 67. С. 2; *Толстой Л.Л.* Письмо в редакцию // *Там же*, 12/25 мая 1903 года, № 129. С. 2; *Толстой-сын Л.* Ответ Жюлю Кларети (на его письмо, обращенное к отцу моему Л.Н. Толстому и помещенное в “Temps” от 19-го февраля 1904 г.) // *Там же*, 17 февраля/1 марта 1904 года, № 47. С. 2; 28-го февраля /12-го марта 1904 года, № 58. С. 2.

... *Жюль Кларети* (псевд.; Арсен Арно Кларети; Claretie; 1840-1913) — французский писатель, академик, чьи романы и пьесы известны русскому читателю. 6-го февраля 1904 года газета “*Temps*” опубликовала его открытое письмо Л.Н. Толстому, которое сразу же

было представлено русской публике. — См.: *Письмо Жюль Кларети к гр. Льву Толстому // Там же*, 14/27 февраля 1904 года, № 44. С. 2; 17 февраля/1 марта 1904 года, № 47. С. 2-3.

Однако русско-японская война и события 1905 года развели Л.Л. Толстого и О.К. Нотовича по разные стороны баррикад. На страницах газеты «Новости» сразу же появились резкие выступления против той позиции, которую занял Л.Л. Толстой, как, впрочем, и против той, которую последовательно отстаивал его отец. «... Отрицая государство, Толстой отрицает и борьбу с ним. ...»

Ту же манеру “доказательств”, ту же беззаботность насчет фактической точности, то же “*sic volo sic jubeo*” мы находим у Льва Львовича нововременского. Но Лев Львович нововременский унаследовал от отца только манеру и тон — и потому оказывается лишь смешным.

Толстой-отец сохраняет свой ум, свою диалектику; но разберите по пунктам его хитросплетенную сеть софизмов, — вся она рассыпается, а остается такая же пустышка, как от смешных заверений Толстого-сына. В конце концов, кимвал бряцающий дает так же мало, как дребезжащий бубенчик. ...» — См.: *Энгельгардт М.* Христианская философия на белой подкладке // *Там же*, 6 марта 1905 года, № 57. С. 2.

...“*sic volo sic jubeo*”... — я этого хочу, так я велю (*латин.*).

¹⁰ Действительно, после того как 24 января/6 февраля 1904 года Япония порвала дипломатические отношения с Россией, царское правительство должно было подумать о надвигающейся войне, однако оно оказалось абсолютно не подготовленным к неожиданному нападению японского флота в ночь на 27 января/9 февраля 1904 года на русские корабли в Порт-Артуре. На следующий день Япония официально объявила войну России.

Один из крупных военных, назначенный в разгар войны военным министром, позднее признался: «... Откровенно говоря, я не имел представления о Японии и японской армии и считал, что предстоящая война будет лишь крупной экспедицией, трудной только по отдаленности театра войны...» — См.: *Редигер А.* История моей жизни: Воспоминания воен. министра: В 2-х томах. М., 1999. Т. 1. С. 380, 567-569.

По словам военного историка, юриста, генерал-майора Владимира Александровича Апушкина (1868-1937), «и на море, и на суше Япония имела значительный перевес над нами.

Материальная часть ее армии и флота также превосходила нашу. ...»

То же самое приходится сказать и о качественном соотношении морских вооруженных сил, наших и японских. ...»

...война застала нас неподготовленными. ...» — См.: *Апушкин В.А.* Русско-японская война 1904-1905 г. 2-е изд. М.: Образование, 1911. С. 35, 43. См. также: *Апушкин В.А.* Русско-японская война 1904-1905 гг. // *Русско-японская война: Летопись сражений 1904-1905 гг.: Иллюстрир. издание* [Подготовка текста, комментарии *О. Егоршиной, В. Людвинской*]. М.: Эксмо, 2015.

Л.Л. Толстой узнал о начале войны в Асуане во время 10-тидневного путешествия по Верхнему Нилу (см. об этом выше примеч. 66 к Главе 1). 14 февраля (нов. стиля) 1904 года он писал в Ясную Поляну С.А. Толстой:

«<...> Сегодня дует сильный северный ветер, и потому я сидел все утро и читал газеты всех наций и освещение войны. Беду мы заварим на земном шаре и нелегко ее расхлебам. Я почти уверен, что война будет европейская и мы подойдем из Черного моря к Константинополю. Французы не на шутку готовятся за нас заступаться, а если это случится, то „пошла писать губерния“.

Все это ужасно. Сначала меня это огорчило до боли, а потом так завлекло, что теперь я невольно жду и желаю наших побед, симпатизирую французам и не люблю англичан, с которыми тем не менее все-таки продолжаю постоянно дружить.

Страшно для нас то, что японцы — большие ловкачи и хитрецы и могут завести нас в такую ловушку, из которой мы не выскочим. Отрезать армию от сообщений и потом разбить, обмануть, обойти — все это они могут. Впрочем, — это война. Не знаю, кому желать успеха,

если спрашивать чувство, а не разум. Если бы нас хорошенько наказали, мы бы стали умнее. Во всяком случае, эта война нас разбудит. Пульс уже теперь бьется, вероятно, быстрее во всей России. <...>» — **ОРГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14290. Л. 1 об.-2 об. Автограф.

Однако уже на следующий день, 15 февраля (нов. стиля) 1904 года он решил продолжить разговор с родными на начатую тему:

«Милая мамá, вчера написал вам письмо отсюда и жаль, что глупо о японцах. Мне их больше жаль, чем наших, несмотря на глупое патриотическое чувство, проснувшееся после наших неудач. Что они там делают? Что это за господин Алексеев? Морда у него самая неприличная, точно с перепоя.

Наезжать на собственные мины в Порт-Артуре, оставлять в Чемульпо два одиноких крейсера, не быть готовым к неожиданному нападению, — все это производит грустное впечатление. Это неумытая, грубая баба<, —> Россия, пока проснется и расправит члены<,> и сама себе пальцы ушибет и других растревожит. Смотрите, что теперь делается по свету? Что только тут пишут газеты! Одна мусульманская возбуждает против нас весь Восток. Англичане читали с удовольствием о наших неудачах и, как мухи, облепляли вывешиваемые здесь в гостиницах и клубах телеграммы. <...>» — **Там же**, № 14291. Л. 1-2. Автограф.

Наместник царя на Дальнем Востоке, адмирал Евгений Иванович *Алексеев* (1843-1917) был назначен главнокомандующим вооруженными силами России на Дальнем Востоке. По мнению многих, его очевидная некомпетентность усиливала уязвимое положение русского флота. 16 июля 1904 года А.С. Суворин сформулировал распространенное мнение об особом отношении Николая II к адмиралу Алексееву: «Алексеев — это злой демон России. А царь за него держится, не хочет лишить своего доверия. А что с Россией будет, это ему все равно. ...» — См.: *Суворин А.С. Дневник...* С. 463. См. также: *Русско-японская война 1904-1905 гг.: Действия флота: Документы*. СПб., 1912. Кн. I. Вып. 3. Отд. III. С. 115; *Апушкин В.А. Русско-японская война 1904-1905 г...* С. 147-164; *Рэкули Р. Десять месяцев на японско-русской войне: Беспристрастные очерки и впечатления фр. воен. корреспондента*. СПб., 1908. С. 13; и др.

В ночь на 27 января/9 февраля 1904 года японская эскадра напала на два русских корабля у порта Инчхон в заливе *Чемульпо* на побережье Желтого моря. Русские моряки приняли неравный бой и, не желая сдаваться, потопили крейсер «Варяг» и взорвали канонерскую лодку «Кореец».

После серии подобных неудач адмирал Алексеев был уволен от должности наместника Дальнего Востока ... с персональным Высочайшим рескриптом о награждении его Георгиевским крестом. — См.: *Русский инвалид*. СПб., 14 ноября 1904 года, № 250. С. 1; 26 ноября 1904 года, № 260. С. 7. Он по-прежнему оставался близок ко Двору, был назначен членом Государственного Совета и на приемах в честь особо отличившихся героев сидел рядом с Государем Императором. — См.: *Обед Георгиевских кавалеров //Новое время*. СПб., 28 ноября/11 ноября 1904 года, № 10326. С. 5.

¹¹ См. выше примеч. 35 к Главе 13 Книги I.

¹² Одним из убежденных противников войны был председатель Комитета министров Сергей Юльевич Витте (1849-1915). 28 февраля 1905 года он подал царю письмо, в котором настаивал на окончании военных действий. Однако только через полгода точка зрения С.Ю. Витте победила сопротивление «ястребов». — См.: *Витте С.Ю. Воспоминания: В 3-х томах*. М.; Таллинн, 1994. Т. 2. С. 275-284. См. также ниже примеч. 18.

¹³ Л.Л. Толстой имеет в виду прежде всего позицию князя Владимира Петровича Мещерского (1839-1914), открыто выступавшего за окончание войны задолго до полного разгрома русской армии и флота. В дневнике, печатавшемся из номера в номер в его издании, он писал: «... Я бесстрашно говорю, что сознать долг кончить войну и заключить мир требует более героизма, более любви к отечеству, чем заключать его после победы. ...мир нужнее

победы...» — См.: *Гражданин*: Газета-журнал полит. и лит. СПб., 3 марта 1905 года, № 18. С. 21. Курсив мой. — В.А.

¹⁴ Об отношении Л.Л. Толстого к происходящему см. его письма домой в публикации: *«Время идет интереснейшее...» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год... С. 103-111.*

По возвращению в Петербург Л.Л. Толстой настойчиво просил А.С. Суворина отправить его на Дальний Восток, однако не нашел понимания. 12 августа 1904 года А.С. Суворин записал в дневнике: «Отклонил предложение Л.Л. Толстого ехать корреспондентом нашим. Когда-то там что будет? Пока все скверно». — См.: *Суворин А.С. Дневник... С. 469.*

И тогда деятельная натура Л.Л. Толстого наша другой выход: он начал выступать в газете «Новое время» с циклом статей «Мысли и жизнь». Первая же публикация произвела эффект разорвавшейся бомбы: сын Толстого убеждал в неизбежности войны до победного конца.

«Тяжелое переживаем время. Но я убежден, что оно минует и после него наступит светлое, бесконечно радостное время, — время обновления России.

Много слышится голосов, глубоко пессимистических и безнадежных, а то и просто усталых и вялых, отзывающихся на современные события. Но как жалки, недостойны эти голоса рядом со стойким, спокойным и мудрым отношением русского народа к настоящей войне, как ко всякой войне.

...какое глубокое, мудрое, праведное, именно праведное, то есть мудро справедливое и правильное отношение у этого народа к тому, что называется и есть война, т.е. борьба не на живот, а на смерть за свою народность и свою страну.

... Настоящая война на Дальнем Востоке — война великая, какой не видала Россия с Петра. Она идет за обладание восточным берегом великого европейско-азиатского материка, как во времена Петра шли войны за обладание западным.

Как в борьбе со шведами, у нас была сперва Нарва, а потом явилась Полтава, под которой швед погиб, так и в борьбе с японцами, азиатскими шведами, живущими на островах и по географическому положению своему на конце материка схожими со Скандинавией, у нас сперва будут с ними и уже были неудачи, но потом неизбежно должна явиться „Полтава“, под которой погибнет японец!

Надо быть необыкновенно малодушным и необыкновенно близоруким, чтобы не видеть конечного результата войны. Стоит только для этого взглянуть на карту. Стоит взглянуть на Россию, на ее пространства, села, поля, леса, озера, горы, на ее народ, чтобы убедиться в этом. Россия непобедима, Россия — страна, единственная в мире по своему народу, географии, климату, мощи духовной и умственной, темпераменту, миролюбию, способностям, призванию. России принадлежит будущее земли, несмотря ни на какие современные беды.

... Россия — непобедима». — См.: *Новое время*. СПб., 15/28 сентября 1904 года, № 10252. С. 4. Одновременно статья Л.Л. Толстого печаталась в Москве. — См.: *Телефон «Нового времени»*: Вечернее (2-е) изд. М., 15/28 сентября 1904 года, № 56. С. 3.

¹⁵ Одним из первых оспорил точку зрения Л.Л. Толстого публицист «Нового времени» Михаил Осипович Меньшиков (1859-1918). В статье «Победима ли Россия» из цикла «Письма к ближним» он писал:

«“Россия непобедима!” — восклицает граф Л.Л. Толстой...

Не правда ли, эти слова удивительны в дни теперешних страшных, переживаемых нами испытаний. ...

Вот политическое кредо, которое за границей произведет, может быть, не меньший шум, чем известное письмо о нынешней войне старого графа Льва Толстого. Иностранцев прежде всего поразит, что из одной и той же русской семьи, из-под одних и тех же старых

лип Ясной Поляны идут полярно противоположные убеждения, оба — крайние до последней степени. Отец отрицает всякую войну, всякую национальность, всякую государственность, всякую воинственность в народе русском. Сын же убежден в победах русского народа и не только над теперешним случайным врагом, но и над всеми дружественными народами, с которыми даже нет войны. Отец считает тяжким грехом даже оборону жизни, сын провозглашает наступление и в будущем всесветное наше владычество. ...

... Вопреки гр. Л.Л. Толстому, я с глубокой скорбью думаю, что Россия не только победима, но, может быть, в настоящих условиях она есть *самая победимая* из стран. ... Только организованные народы непобедимы. Пока Россия боится себя самой, пока силы круто связаны, пока нация не признана в правах участия в своей жизни, — можно ли говорить о непобедимости и всесветном господстве?» — См.: *Новое время*. СПб., 19 сентября/2 октября 1904 года, № 10256. С. 4. Курсив *М.О. Меньшикова*.

...известное письмо о нынешней войне старого графа Льва Толстого... — речь идет о статье Л.Н. Толстого «Одумайтесь!», написанной в середине апреля 1904 года и напечатанной в Англии 13-14 июля (нов. стиля) 1904 года в журнале «Свободное слово» (№ 91. Стб. 7). Убеждение свое относительно того, что происходит в мире, он сформулировал так эмоционально, что это не могло не поразить читателя как в России, так и за границей: «...на вопрос о том, что делать теперь, когда начата война, мне, человеку, понимающему свое назначение, какое бы я ни занимал положение, не может быть другого ответа, как тот, что никакие обстоятельства, — начата или не начата война, убиты ли тысячи японцев или русских, отнят ли не только Порт-Артур, но Петербург и Москва, — я не могу поступить иначе как так, как того требует от меня Бог, и потому я, как человек, не могу ни прямо, ни косвенно, ни распоряжениями, ни помощью, ни возбуждением к ней, участвовать в войне, *не могу, не хочу и не буду*. ...

Вы с ужасом говорите о том, что бы было, если бы мы, русские, сейчас перестали воевать и уступили бы японцам всё то, что они хотят от нас. ...уступка японцам со стороны русских всего того, чего они хотят от нас, кроме несомненного блага прекращения разорения и убийства, было бы приближением к единственному средству спасения человечества от его гибели, тогда как продолжение войны, чем бы она ни кончилась, было бы отдалением от единственного средства спасения. ...» — *ПСС*. Т. 36. С. 130-131. Курсив *Л.Н. Толстого*.

Столь резкое расхождение позиций отца и сына по главному вопросу современности обсуждалось в печати и усиливало полемический настрой противников Л.Л. Толстого. — См.: *Меньшиков М.* Письма к ближним: Секрет Полишинеля // *Новое время*. СПб., 26 сентября/9 октября 1904 года, № 10263. С. 3-4; *Обзор печати* // *Слово*. СПб., 26 февраля/11 марта 1905 года, № 79. С. 3; *Яблоновский А.* Толстой большой и Толстой маленький // *Сын Отечества*. СПб., 9 марта 1905 года, № 15. С. 2; *Перцов Н.* Мир или война? // *Слово*. СПб., 21 марта/3 апреля 1905 года, № 101. С. 5; и др.

... *Секрет Полишинеля*... — секрет, который известен всем. В комедии Мольера «Мнимый больной» Полишинель (персонаж, выросший из маски слуги в народной комедии), с удивлением замечает: «Ха-ха-ха-ха! Здорово я их напугал! Вот дураки: боятся меня, между тем как я сам их боюсь! Право, все дело в том, чтобы ловко изворачиваться. Если бы я сразу не изобразил из себя важного господина и не прикинулся храбрецом, они бы меня непременно сцапали. Ха-ха-ха!» — См.: *Мольер*. Полное собрание сочинений: В 4-х томах. М.: Искусство, 1967. Т. 4. С. 223.

¹⁶ Показательна точка зрения Л.Н. Толстого, в частности, на письмо Льва Львовича домой из Хелуана от 22 марта (нов. стиля) 1904 года, в котором он делился с матерью своим видением ситуации: «<...> У меня родился новый план — ехать в мае-июне на войну корреспондентом. Хотелось бы осуществить. Боюсь только оставлять семью. Если бы Сухотины приехали в Крым, было бы легко сделать это. Если не увидишь сам того, что теперь делается там, на Востоке, никогда не поймешь, как следует, значения этого. А

значение большое, громадное для России. Поразительна эта горячка жертвований на флот и общее сознание необходимости этого.

Мне ясно отсюда, что это действительно необходимо, и только, когда именно мы, Россия будет настолько сильна на морях, ее окружающих, что никакая другая держава не будет в состоянии с ней бороться и она будет держать в повиновении мир, <только тогда> могут прекратиться войны. На то, чтобы Россия покрыла собой всю землю, нужно еще тысяч семь, восемь лет, если мы будем продолжать так быстро расти, как росли с начала Новгорода или даже Московского княжества. Еще тысячу лет <понадобится> для покорения всего азиатского материка, еще тысяч пять лет <уйдет> на покорение и слияние с народами остальных материков Америки, Африки и Австралии. И вот одно человечество готово. Это внешний путь под гегемонией России. Россия же даст другой путь, к тому же, — духовный, необходимый одновременно с внешним, — постановка идеала. Папá с этим не согласится. МАЛЕШ! (Значит по-арабски — „ничего”, „пусть”). Если с этим не соглашаться, надо думать, что весь мир идет не туда, куда следует, не тем путем, и он должен повернуть обратно. Но он не делает этого и не сделает, пройдя уже половину дороги. Он может только сознательнее относиться к тому, что он делает, видеть ближе осуществление стремлений, но не может достигать их раньше срока, пока общее сознание людей не выше современного. Замечательно, что оно и растет-то вместе с распространением внешней культуры силой. Прежде надо покорить страну и народ, потом административно устроить, потом научить грамоте, потом нравственности и духовному сознанию. Здешние дикари — арабы или суданцы — или наш мужик в глуши самарской губернии никогда не поймет зла войны, пока его не научат грамоте.

Египту я благодарен за то, что он открыл мне на многое глаза, а главное, уяснил ход всемирной истории. Я верю, что Россия призвана объединить человечество, и вижу, что она делает это постоянно и всячески. Очень жаль японцев, и вместе с тем они вызывают к себе гадливое чувство, как комары, напившиеся кровью, которых приходится раздавить.

Желтые люди, Китай, Япония и Корея — это только желтый фон, основа, на которой призваны работать белые люди во главе с Россией, как Россия покрыла собой татар и других инородцев. Замечательно, что мы всех покрываем и никто не покрывает нас. Ни один народ никогда в истории не показал этой расовой мощи. Европейцы никто не сделает этого. Напротив, мы опять же покрываем и растворяем в себе всех европейцев: и немцев, и поляков, ближних соседей, и начали то же с более отдаленными — англичанами, французами, итальянцами. Все они только наши слуги, наши приказчики, наши школьные учителя, которых всех заменят в будущем их ученики. Вот какие мысли возникли в моей голове по поводу этой войны. Мне кажется, они справедливы, несмотря на их нескромность. Россия по географическому положению занимает площадь, равную чуть ли не $\frac{1}{4}$ мира<,> и потому, естественно, она призвана в нем господствовать.

<...> Крепко целую вас всех, мои милые. Как бы я поговорил теперь с папá обо всем, что здесь набросал. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14295. Л. 1 об.-4 об. Автограф. Выделено Л.Л. Толстым.

...Сухотины... — семья старшей сестры, Т.Л. Сухотиной-Толстой, которую Л.Л. Толстой в письмах постоянно уговаривал приехать на лето в Крым, куда он с семьей планировал прибыть в конце апреля 1904 года. — **Там же**. Архив Т.Л. Сухотиной-Толстой, № 26468. Л. 1-2 об.

...по-арабски... — еще раньше, 25 ноября (нов. стиля) 1903 года Л.Л. Толстой писал отцу о том, что он начал понемногу изучать арабский язык: «<...> Здесь по-арабски каждое утро у одного юноши-грека читаю много по магометанству, которое мне продолжает очень нравиться, а вечерами немного изучаю звездное небо, которое здесь кажется ближе над головой. <...>» — **Там же**. Архив Л.Н. Толстого. Т.с. 108/12, № 68. Л. 1-1 об. Автограф.

От этого письма Л.Н. Толстой пришел в ужас. В смягченном изложении С.А. Толстой, которая вечером 23 марта (ст. стиля) 1904 года села за письмо сыну, это выглядело так:

«Милый Лева, папа́ даже огорчился, прочитав твое длинное письмо о том, как через несколько тысяч лет Россия овладеет всем миром. „Что это, точно он с ума сошел, — говорил папа́. — Как же можно думать о том, что будет через семь, восемь *тысяч лет!*” Видно, у тебя воображение очень разрослось от болезни и жаркого климата. <...>» — *ИРЛИ*, ф. 303, № 683. Л. 16. Автограф. Курсив *С.А. Толстой*.

Получив это письмо, Л.Л. Толстой 6 апреля (нов. стиля) 1904 года немедленно обратился к отцу с разъяснениями:

«Милый папа́, я очень рад, что ты счел мое письмо к мамá о будущем России сумасшедшим. Это совершенно справедливо, и мне совестно за него и за то духовное настроение, в котором я жил в последнее время. Чрезмерное умственное и физическое возбуждение от здешней весны породило это состояние духа. Слава Богу, кажется, я снова оправился и овладел собой. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Л.Н. Толстого. Т.с. 108/12, № 71. Л. 1. Автограф.

¹⁷ 31 декабря 1904 года Л.Н. Толстой записал в Дневнике: «... Сдача Порт-Артура огорчила меня, мне больно. Это патриотизм. Я воспитан в нем и несвободен от него так же, как несвободен от эгоизма личного, от эгоизма семейного, даже аристократического, и от патриотизма. Все эти эгоизмы живут во мне, но во мне есть сознание божественного закона, и это сознание держит в узде эти эгоизмы, так что я могу не служить им. И понемногу эгоизмы эти атрофируются. ...» — *ПСС*. Т. 55. С. 111.

Однако *эгоизм патриотизма* так быстро атрофироваться не хотел. 5 февраля 1905 года в разговоре с Т.А. Кузминской на вопрос о том, как он отнесся к сдаче Порт-Артура, Л.Н. Толстой ответил так: «Мне было обидно. ...». И пояснил: «Я сам был военным. В наше время этого не было бы. Умереть всем, но не сдать». — См.: *Маковицкий Д.П.* У Толстого... Кн. 1. С. 163.

Один из младших детей Толстого, Михаил Львович, запомнил и передал своему сыну следующее размышление отца: «Как они могли сдать! Надо было взорвать крепость...» — См.: *Толстой С.М.* Послесловие к книге “Толстой и Толстые” // *Неизвестный Толстой в архивах России и США*: Рукописи, письма, воспоминания, наблюдения, версии. М., 1994. С. 464-465.

В статье «Конец века» Л.Н. Толстой объединил сдачу Порт-Артура с гибелью государства Российского: «... Разгром русской армии и флота, разгром русского правительства не есть только разгром армии, флота и русского правительства, а признак начинающегося разрушения русского государства. Разрушение же русского государства есть, по моему мнению, признак начала разрушения всей лжехристианской цивилизации. Это конец старого и начало нового века. ...» — *ПСС*. Т. 36. С. 233.

А в это время Л.Л. Толстой продолжал убеждать читателей в необходимости воевать до победного конца.

«В первую минуту известие о падении Порт-Артура[,] конечно[,] на всякого русского подействовало удручающим образом. Как ни страшно было его положение, как ни неравна борьба с осаждающим ее врагом, все же слабая надежда, что Порт-Артур будет наш, шевелилась в каждой русской душе. Поэтому известие о сдаче крепости сначала подействовало удручающе. Но если обсудить дело и немножко подумать, приходишь к другим мыслям, менее отрадным, чем первое впечатление. ...»

Побольше мужества, стойкости, собственной инициативы, энергии и веры, веры в себя. Война не бывает без тяжелых жертв, без неудач и без скорби, но за ними она сулит и открывает новые светлые горизонты, которые, поверьте, не за горами!» — См.: *Толстой Л.Л.* Падение Порт-Артура, Англия и мы // *Новое время*. СПб., 24 декабря 1904 года/6 января 1905 года, № 10352. С. 4.

¹⁸ С.Ю. Витте (см. о нем выше примеч. 12) был инициатором мирного договора между Россией и Японией, который был заключен воюющими странами после трудных переговоров в городе Портсмут (штат Нью-Хэмпшир, США) 23 августа/5 сентября 1905 года. По условиям этого договора, Россия передала Японии в аренду Порт-Артур и порт Дальний на Квантунском полуострове, а также южную часть острова Сахалин. — См.: *Bumte С.Ю.* Воспоминания... Т. 2. С. 405-419; *Rosen R.* Forty years of diplomacy. N.Y., 1922. Vol. I. Ch. XXIV-XXV.

¹⁹ Во время массового гуляния в Москве на Ходынском поле по случаю коронации Николая II 18 мая 1896 года погибло около двух тысяч человек, несколько десятков тысяч людей было изувечено. — См.: *Суворин А.С.* Дневник...С. 229-234; *Бельгард А.В.* Воспоминания. М.: НЛЮ, 2009. С. 401-412.

²⁰ Так называли период пребывания в должности министра внутренних дел князя Петра Дмитриевича Святополк-Мирского (1857-1914), назначенного в конце августа 1904 года и вынужденного уйти в отставку в начале следующего года. См. об этом ниже примеч. 27.

Характерная оговорка Николая II, назвавшего *несбыточные* мечтания *бессмысленными*, не случайно задала тон короткому историческому периоду в жизни России. Молодой царь только вззошел на престол. 17 января 1895 года, обращаясь к представителям дворянств, земств и городов, Его Величество произнес следующие слова: «Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданнических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся *бессмысленными мечтаниями* об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что Я, посвящая все Свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и непреклонно, как охранял его Мой незабвенный, покойный Родитель». — См.: *Полное собрание речей Императора Николая II: 1894-1906.* СПб, 1906. С. 7. Курсив мой. — В.А.

...покойный Родитель... — император Александр III. См. о нем в примеч. 1 к Главе 10 Книги I.

О том, как была воспринята эта оговорка современниками, см.: *Ферро М.* Николай II. М., 1991. С. 45. См. также резко негативную статью Л.Н. Толстого «Бессмысленные мечтания», написанную вскоре после выступления молодого монарха. — *ПСС.* Т. 31. С. 185-192.

После отставки П.Д. Святополк-Мирского русская печать в основном сочувственно вспоминала о его деятельности. — См.: *Среди газет и журналов //Новое время.* СПб., 21 января/3 февраля 1905 года, № 10373. С. 4.

²¹ Священник Георгий Аполлонович Гапон (1870-1906) был агентом царской охраны. — См. подробнее: *Гапон Г.А.* История моей жизни. М.: Книга, 1990. С. 31-47; *Dillon E.J.* The eclipse of Russia. N.Y., 1918. P. 160-165; *Dillon E.J.* Russia today and yesterday. Lnd., 1929. P. 15-16. См. также: *Георгий Аполлонович Гапон*[: Сборник]. М.: Пятый Рим, 2019; *Kochan M.* The last days of Imperial Russia. N.Y., 1976. P. 16-18.

²² Речь идет о двух старших сыновьях Л.Л. Толстого: Павле и Никите.

²³ «Гига» — от англ. “gig” — кабриолет, двуколка.

²⁴ Газеты в России имели право печатать только правительственные сообщения и официальные сведения о событиях 9 января 1905 года и последующих дней. — См.: *Новое время.* СПб., 15/28 января 1905 года, № 10367. С. 4.

Тем бóльший интерес представляет рассказ очевидца о том, что происходило в столице, отправленный Л.Л. Толстым родным в Ясную Поляну 9 января 1905 года:

«<...> Сегодня у нас здесь настоящая революция. Мы были на Невском и сами видели раненых и слышали зловещие залпы в толпу. Говорят, убитых и раненых сотни. Трубецкой с женой проезжали около Мойки, и подле них дали залп, от чего все обратились в бегство, кто на лошадях — карьером. Громадная толпа рабочих за Нарвской заставой шла с портретом царя и с иконами, и в нее палили, убив многих. В город вызваны войска из Пскова, Ревеля и Нарвы. По Невскому несли убитых с пением „вечная память”. Стачка всеобщая. Газет не читаем уже третий день. Завтра ожидаем стачки булочников и извозчиков. Все заказы на войну <в>стали на судостроительных и других заводах. Я видел нескольких раненых с перерубленными лицами, хромых, на вид ужасных, по выражению и ужаса, и одичания. Петиция, которую хотели поднести царю рабочие в числе 40.000 <человек>, касается политических вопросов. Говорят, что удовлетворить ее невозможно.

Был в „Новом времени” позднее. Там сбор всех издателей и, главное, типографских рабочих. Требования их также превышают то, что можно им дать, так что беспорядки не только скоро не утихнут, а, вероятно, увеличатся. В редакции меня окружили и ждали как будто, что я им решу все вопросы. Старик Суворин, Нотович, Ухтомский, Столыпин и т.д. Никто ничего не знает и не понимает, чем это *безначалие* может кончиться. Я указывал, главное, на него. Ни земцы, ни рабочие, ни военные, ни полиция, ни правительство — никто ничего не могут сделать, каждый считает себя начальником, а настоящего нет, и потому все начинают бить друг друга. Убили бедную девушку-курсистку, в числе других, на Петербургской стороне. Брат нашего заведующего складом сам видел ее, окровавленную, на снегу. Стреляли дробью из ружей и из орудий. Завтра ожидают еще худшего. Все стоит и ничего нельзя сделать. Думал уехать, но и этого нельзя сделать, пока тут так беспокойно. Надо быть при семье. Того и гляди останемся без воды и света. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14319. Л. 1-1 об. Автограф. Курсив *Л.Л. Толстого*.

...*Трубецкой с женой*... — речь идет о Паоло Трубецком (см. о нем выше примеч. 11 к Главе 19 Книги I) и его возлюбленной, Элин Софии (урожд. Sundström; 1882-1927), брак с которой был оформлен позднее, 13 октября 1905 года в лютеранской церкви в Петербурге. — См.: *Troubetzkoi S.G. Les princes Troubetzkoi. Labelle, 1976. P. 112-113; Паоло Трубецкой: скульптура и генеалогия: К 150-летию со дня рождения* / [Редактор-составитель *М.Г. Талалай*]. М.: Старая Басманная, 2016. С. 89-90.

Благодарю Юлию *Гавриленко* за присланные страницы этого редкого издания, позволяющие уточнить отдельные эпизоды жизни знаменитого скульптора.

...*карьером*... — то есть, во весь опор, во весь дух. — См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка... Т. II. С. 95.

...*убив многих*... — по официальным сведениям, опубликованным позднее, 9 января 1905 года было убито 96 человек, ранено 333. — См.: *Новое время*. СПб., 15/28 января 1905 года, № 10367. С. 4.

...*Суворин*... — см. о нем выше примеч. 8.

О *Нотовиче* см. выше примеч. 9.

Об *Ухтомском* см. выше примеч. 10 к Главе 9 Книги I.

Александр Аркадьевич *Столыпин* (1863-1925) — брат П.А. Столыпина; журналист, сотрудник газеты «Новое время». — См. о нем: *П.А. Столыпин глазами современников*. М.: РОССПЭН, 2008. С. 12.

²⁵ Земские Соборы — собрания представителей разных сословий в Русском государстве XVI-XVII веков, созывавшиеся царем из бояр, духовенства, служивых людей и горожан для рассмотрения важных государственных дел. Впервые Земский Собор был созван в 1549 году. Последний Земский Собор был в 1684 году.

Возвращение к этому типу устройства государства активно обсуждалось в русском обществе. Лев Львович был убежденным сторонником Земского собора. — См.:

Толстой Л.Л. Мысли и жизнь // *Новое время*. СПб., 4/17 февраля 1905 года, № 10387. С. 3; *Там же*, 19 февраля/4 марта 1905 года, № 10402. С. 4.

²⁶ Л.Л. Толстой поторопился с перечнем событий и пропустил важный этап в своей жизни: попытку поставить на сцене драму в 4-х действиях, написанную им под впечатлением русско-японской войны, — «За кулисами войны».

3 января 1905 года в первом письме царю Л.Л. Толстой только просил отменить запрет цензуры эту пьесу. — См.: «*Время идет интереснейшее...*» // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год...* С. 135-136.

Именно с этой драмой связана и переписка Л.Л. Толстого с Марией Гавриловной Савиной (1854-1915) и надежда на ее участие в постановке пьесы на Александринской сцене. Через день после обращения к Николаю II Л.Л. Толстой отправил прославленной актрисе проникновенное письмо:

«5 января <1905 года
С.-Петербург>

Многоуважаемая Марья Гавриловна,

Сегодня министр двора барон Фредерикс назначил мне быть у него в 2½ часа и я буду говорить с ним о моей драме, которой хочу их заинтересовать. Верю, что нужно ее поставить и продолжаю надеяться на ваше милое содействие. Дерзаю поэтому беспокоить Вас присылкой трех экземпляров драмы, которую я еще переделал и которая, ей Богу, не мелодрама, а живая, правдивая драма, хотя<,> м.б.<,> далекая от совершенства. Мне кажется, что наивные лица пьесы поставлены в истинно драматические положения<:> и сын<,> и родители<,> и дочери<,> и невестка. Не знаю, что еще нужно? Это самомнение, дерзость? Может быть. Осуждайте меня. Вы будете правы. Но я остаюсь при одном мнении. Если Вы за эти мои речи не совсем отказались от меня, то пожалуйста, умная, хорошая Марья Гавриловна, переговорите с Литвиновым и Вейнбергом и сделайте так, чтобы они, возможно скорее, пропустили пьесу. Прошу Вас потому, что для Вас все складывается лучше и быстрее и цензура постесняется вычеркнуть некоторые места пьесы, чего я боюсь.

Простите, простите, что беспокою и позвольте с искренним чувством сыновней нежности поцеловать вашу руку.

Искренно уважающий Вас

Л.Л. Толстой.

P.S. О том, что при дворе узнали о пьесе, очень прошу Вас держать в секрете». — *РГАЛИ*, ф. 853, оп. 2, ед. хр. 1270. Л. 1-2. Автограф. Подчеркнуто *Л.Л. Толстым*. В оригинале в дате письма ошибочно поставлен «04 г.». — *Там же*. Л. 1.

Министр Императорского двора и уделов барон Владимир Борисович *Фредерикс* (1838-1927) действительно отправил запрос в дирекцию Императорских театров и получил ответ, который не мог обрадовать Л.Л. Толстого.

Иван Михайлович *Литвинов* (1844-1906) — действительный статский советник, член совета и позднее цензор драматических сочинений Главного управления по печати.

Петр Иваевич *Вейнберг* (1830-1908) — поэт, переводчик; председатель Литературно-театральной комиссии при дирекции Императорских театров. — *Весь Петербург* на 1905 год... Отд. I. Стб. 50, 266; Отд. III. С. 109, 375.

В тот же день, 5 января 1905 года директор Императорских театров Владимир Аркадьевич *Теляковский* (1860-1924) прокомментировал ход событий: «... Курьезное письмо мне сегодня прислала Канцелярия. Сын графа Льва Толстого – Лев Львович написал письмо Государю Императору, прося сделать распоряжение о постановке сочиненной им пьесы “За кулисами войны”. Причем письмо написано на бланке “Граф Лев Львович Толстой С.-Петербург, Таврическая улица, 19” с грамматическими ошибками. Написано наскоро, грязно, с кляксами и оканчивается словами, что пишет он это письмо Его Величеству, желая идти наипрямым путем. Подписано: “Покорный слуга и доброжелатель”. Письмо это Государь Император передал Министру, а Министр мне для доклада ему. Удивительно, до

какого нахальства доходит это наглое письмо. Я не посмел бы такое послать Министру. Невоспитанный человек может это сделать, но для графа Толстого совершенно непонятно. И какой же это наипрямейший путь – обращаться с пьесой не в Дирекцию, а к Государю Императору. Но что делать, видно, что никого не удивляет и, вероятно, вызовет лишь подражание. ...». — См.: *Теляковский В.А.* Дневники директора Императорских театров: 1903-1906. Санкт-Петербург. СПб: АРТ, 2006. С. 373.

К тому же у В.А. Теляковского были напряженные отношения с М.Г. Савиной, так что ее ходатайство за драму Л.Л. Толстого было по существу бесполезно.

Сохранился машинописный экземпляр драмы «За кулисами войны», поступивший в контору императорских театров из драматической цензуры с пометой сверху красным карандашом:

«К представлению признано неудобным.

СПб. 8 января 1904 года.

За цензора драматических сочинений И. Литв<инов>». — *ОР и РК СПбГТБ*, № 22085. Цензор ошибся в дате: на дворе уже был 1905 год.

Позднее появилось сообщение в печати:

«Л.Л. Толстой написал новую драму под заглавием: “За кулисами войны”, которая предназначалась для сцены Александринского театра. Драматическая цензура признала постановку пьесы несвоевременной. С окончанием войны пьеса[,] вероятно[,] будет поставлена в России, пока же она послана автором в Мюнхен для европейских сцен». — См.: *Театр и музыка //Новое время*. СПб., 29 января/11 февраля 1905 года, № 10381. С. 13.

Только в середине сентября 1905 года драма Л.Л. Толстого снова оказалась в цензурном ведомстве. Правка начиналась с титульного листа:

«

За кулисами войны

(Драматические картины из частной жизни)

Пьеса в 4-х действиях

(Посвящается Баронессе Берте Сутнер)».

22 сентября 1905 года цензор Оскар-Фердинанд Иосифович Ламкерт (1859-1930) не стал препятствовать постановке этой драмы на сцене. — *ОР и РК СПбГТБ*, № I.1.4.129. Машинопись с авторской правкой.

Баронесса Берта фон Сутнер (см. о ней выше примеч. 15 к Главе 13 Книги I) была выдвинута на Нобелевскую премию за мир и 10 декабря 1905 года была удостоена ее.

Обрадованный Л.Л. Толстой вновь обратился к М.Г. Савиной с посланием. Оно характеризует не только состояние пишущего, но и его поиск своего места в новой России, а также содержит новые сведения о пьесе «За кулисами войны».

«

29 Сент<ября 19>05 г<ода>.

Петербург

Таврическая, 19

Многоуважаемая и дорогая,

не для меня одного, Марья Гавриловна,

Не могу сказать Вам, как я был печально удивлен Вашим нездоровьем, когда заехал сегодня. Я сам не ожидал, чтобы это меня так огорчило. Поехал от Вас к Гнедичу и он утешил меня, сказав, что Вам уже разрешено в субботу репетировать и что Вам лучше. Прошу Вас, берегите себя и не начинайте слишком рано двигаться.

Заезжал к Вам относительно моей пьесы “За кулисами войны”, которую на днях цензура разрешила к представлению.

Хотел поговорить с Вами о ней и спросить, готовы ли Вы помочь мне поставить ее на Александринской сцене и по<->прежнему ли согласны играть в ней Настю.

Гнедич читал пьесу и, кажется, одобрил ее. В понедельник буду у Теляковского говорить о ней.

Если я достоин того, чтобы Вы заинтересовались пьесой и захотели так же страстно, как я хочу этого, чтобы она пошла в нынешнем сезоне, конечно<,> это будет потому, что что

захотите Вы, то захотят и другие. Впрочем, все дело<, > конечно<, > зависит от литературных достоинств пьесы.

Надеюсь, что я не слишком потревожил Вас этим письмом и прошу, когда Вам будет лучше, напишите мне, могу ли я Вас лично повидать.

Пока же выздоравливайте ради всего лучшего на свете.

Ваш искренно преданный и уважающий

Л.Л. Толстой.

Пьесу мою перевели за это лето на пять иностранных языков и она, верно, пойдет в нескольких странах». — РГАЛИ, ф. 853, оп. 2, ед. хр. 1270. Л. 3-4 об. Автограф. Курсив мой. Курсив мой. — В.А.

...к Гнедичу... — поэт, драматург, переводчик, Петр Петрович Гнедич (1855-1925) — управляющий группой Александринского театра, у которого сложилось свое впечатление от Л.Л. Толстого как убежденного противника отца. — См.: Гнедич П.П. Книги жизни: Воспоминания: 1855-1915 / Редакция и примеч. В.Ф. Боцяновского; Предисл. Г. Адонца. Л.: Прибой, 1929. С. 315, 358.

В.А. Теляковский не изменил своего отношения к Л.Л. Толстому и категорически отказался ставить пьесу Л.Л. Толстого на главных сценах обеих столиц. 27 октября 1905 года он заметил: «... Сегодня у меня опять был граф Л.Л. Толстой. Опять справлялся о судьбе своей пьесы. Встретил он меня со словами: “Поздравляю с конституцией”. Мне кажется, что он думает, конституция разрешит ставить его плохие пьесы». — См.: Теляковский В.А. Дневники директора Императорских театров: 1903-1906. Санкт-Петербург... С. 547.

*Честолюбивый драматург передал право на постановку пьесы “За кулисами войны” труппе Веры Александровны Неметти (урожд. Линская; во 2-м браке — Колышко; 1857-1910), которая выступала в специально построенном деревянном театре на Петербургской стороне, на углу Геслеровского переуллка и Большой Зелениной улицы. — См.: *Весь Петербург на 1906 год...* Отд. I. Стб. 1070; *Петровская И., Сомина В.* Театральный Петербург... С. 303-307.*

(Театр Неметти)

22 февраля 1906 года драма в 4-х действиях Л.Л. Толстого “За кулисами войны” была показана вместе с одноактным водевилем Мамонтова «Брак по публикации». Через день пьесу Л.Л. Толстого соединили с другой миниатюрой; 25 и 27 февраля вернулись к первоначальному варианту, а потом и вовсе сняли обе пьесы с постановки. — См.: *Новое время.* СПб., 22 февраля/7 марта 1906 года, № 19755. С. 1; 24 февраля/9 марта 1906 года, № 10757. С. 1; 25 февраля/10 марта 1906 года, № 10758. С. 1; 27 февраля/12 марта 1906 года, № 10760. С. 1.

Виноват ли был режиссер Алексей Михайлович Звездич (наст. фамилия Михайловский; 1861-1917), артисты театра Неметти или незадачливый автор — сейчас не

скажет никто. Свидетельств современников нет, критики постановку не заметили, следовательно, и зрителей никто не увлек за собой.

Шла ли пьеса “За кулисами войны” в других странах, еще предстоит уточнить, но очевидно, что надежды, которые возлагал Л.Л. Толстой на эту пьесу, не оправдались.

Но тогда, в январе 1905 года он был буквально одержим стремлением принести пользу отечеству. Менее чем через две недели после первого письма царю, Л.Л. Толстой отправил Николаю II новое письмо с предложениями тех реформ в стране, которые позволили бы преодолеть серьезный политический кризис.

«

14 января 1905 г

Петербург

Ваше Величество,

Считаю нравственным долгом довести до сведения Вашего Величества, что Вашей жизни и спокойствию России грозит великая опасность. После кровавых событий этих дней я виделся и говорил с сотнями различных людей и вынес безнадежное, удручающее впечатление от настроения, царящего в обществе и всем народе. Среди общего волнения, недовольства и скорби, я много раз слышал от образованных, интеллигентных людей нелепое, непонятное и преступное убеждение, что только продолжение системы террора, начавшегося с убийством Плеве, может помочь положению вещей в России, что после событий 9-го января террор непременно будет усилен. На возражение, что никакое насилие никогда не приносило благих результатов, сторонники террора говорят, что это неправда, что, если бы даже это было правдой, у них не остается других средств для борьбы с существующим злом. Эти извращенные, страшные утверждения и речи известного слоя общества, в последнее время значительно увеличившегося, глубоко взволновали меня и привели к следующим мыслям.

Положение, переживаемое Россией, одно из самых тяжелых и сложных, не только в нашей, но и всемирной истории. Труднейшая, по своим условиям, внешняя война совпала с сильным брожением внутри страны, вызванным ростом народного сознания и тысячами неудовлетворенных потребностей народной жизни. Два крупнейших дела поэтому одновременно пали на плечи русского правительства, — два неотложных, насущных дела, — борьба с Японией за преобладание на Дальнем Востоке и необходимость внутренних реформ.

Мне казалось, Государь, как и многим русским людям, желающим России возможно благополучнее пройти через переживаемое время, — мне казалось, не далее, как десять дней тому назад, когда я написал статью для газеты “Новое время”, под заглавием “Мужики-разбойники и лихие люди”, которую решаюсь приложить к этому письму и которую даже “Новое время” не решилось напечатать, — мне казалось, что, несмотря на несомненную необходимость некоторых изменений внутри страны, можно и должно было подождать с ними, пока не окончена война. События и настроения последних дней ярко показали мне мое заблуждение.

Ждать стало совершенно невозможно потому, что появились страшные, зловещие признаки все ухудшающегося положения вещей. Оказалось, что Русская Земля заражена тяжелой болезнью и, если не принять быстрых и решительных мер к ее излечению, она будет ухудшаться очень быстро и Бог знает, к чему нас приведет.

Переживаемые нами рабочие и социальные беспорядки, как нарыв на теле, показали нам его болезненное состояние. Нарыв этот прорвался, с кровью и страданиями, но всюду кругом назревают новые, худшие нарывы, которые излечить будет нельзя, если допустить их образование. Тогда еще труднее будет помочь большому злу.

Единственным целебным и действительным средством, Государь, помочь России и оживить ее в настоящую минуту, по моему мнению, является созыв Земского или Русского Собора, — собрания благоразумных русских людей со всех концов страны, которые бы обсудили положение вещей и изыскали меры, необходимые для удовлетворения и умиротворения русской жизни. Надо сейчас же, не теряя ни минуты, объявить во всеуслышанье всем русским людям, что Вы хотите, Государь, созвать их и посоветоваться с

ними, а затем в действительности, возможно скорее, созвать “Русский Собор”. Уже этой весной он должен быть созван. Выборные от земств, от городов, от различных сословий и обществ съехались бы в Петербург и это сразу оживило бы не только мертвенный, в последнее время, застой столичной жизни, в которой зреют преступные, тайные замыслы, но оживило бы всю внутреннюю жизнь России, воскресило надежды, подавило смуту и благотворно, бодряще подействовало бы и на русскую армию, там, на Дальнем Востоке, которая, отвечая общему подъему народа, скорее бы дала ему желанную победу над врагом.

Ничто, кроме такой трезвой, назревшей, чисто практической и государственной меры, не поможет теперь России. Никакая новая свобода, никакие обещания, никакие репрессии. Только дело, немедленно начатое и осуществленное, может успокоить и умиротворить взволнованную страну.

Настало время, Государь, когда Россия уже не может быть управляема так, как прежде. Царю необходимы помощники, помощники истинные, понимающие и чувствующие насущные нужды народа, — настало время, когда царю нужен посредник между ним и его подданными. При усложнившейся и расширившейся русской жизни, русскому правительству, какое оно сейчас, невозможно уследить за ее ходом и требованиями. Это стало совершенно ясным, определившимся фактом, с которым нельзя не считаться. Благоразумным людям нельзя закрывать на него глаза.

Поэтому, умоляю Вас, ради блага России, ради Вашего блага, — кликните клич, Государь, горячий и громкий, клич, полный доверия к Вашему народу, и он с восторгом отзовется на него и сейчас же вышлет к Вам своих лучших людей. Эти люди пусть станут для Вас навсегда Вашими верными помощниками в делах правления, пусть облегчат Вам Вашу личную жизнь и защитят Её от злых людей. Они только усилят собой Вашу власть тем, что она через них станет <скорее> и вернее доходить до истинных нужд народных. Тогда и народ благословит Вас и охотно забудет все свое прошлое горе.

Написал Вам, считая своим долгом сделать это после всего, что я слышал и перечувствовал за последнее время. Видел сцены, наводившие ужас и панику. Видел толпы растерявшегося и обезумевшего темного народа, не знавшего, в ком и где искать спасения.

Бог свидетель, Государь, что только желание добра России и Вам и сознание того, что я владею крупицей правды, продиктовали мне это письмо. Время ужасное. Оно может привести нас к неслыханным событиям и кровопролитию. Решительные, крупные меры неизбежны. Простите еще раз и внемлите искреннему слову правды, отбросив все ради него.

Вашего Величества покорнейший слуга

Лев Льв<ович> Т<олстой>».

— *ИРЛИ*, ф. 303, № 102. Л. 1-3. Черновой автограф. Подчеркнуто *Л.Л. Толстым*.

Министр внутренних дел Вячеслав Константинович *Плеве* (1846-1904), поощрявший еврейские погромы и репрессии, пытавшийся изнутри разложить рабочее движение и надеявшийся вывести Россию из революционной ситуации путем “маленькой победоносной войны”, был убит 15 июля 1904 года эсером Егором Сергеевичем Созоновым (Сазонов; 1879-1910). — См.: *Кончина В.К. Плеве // Новости и Биржевая газета*. СПб., 16 июля 1904 года, № 194. С. 2; *Новое время*. СПб., 16/29 июля 1904 года, № 10191. С. 1-2. Это вынудило власти на короткое время перейти к “эпохе доверия” князя П.Д. Святополк-Мирского (см. о нем выше примеч. 20).

Статьи под названием «*Мужики-разбойники и лихие люди*» в архиве Л.Л. Толстого найти не удалось.

Все известные письма Л.Л. Толстого царю опубликованы. — См.: «*Время идет интереснейшее...*» // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год...* С. 135-168.

²⁷ 12 января 1905 года редакторы петербургских газет были на приеме у князя П.Д. Святополк-Мирского и вручили ему адрес совещания редакторов ежедневных изданий с требованием «предоставить печати полную свободу сообщения фактов и событий

общественной жизни и обсуждения их», а также созвать Земский Собор «для устройства государственного порядка в России». — См.: *Богданович А.* Три самодержца: Дневники генеральши Богданович. М.: Вече, 2008. С. 265.

Через день, 14 января 1905 года П.Д. Святополк-Мирского посетил Л.Л. Толстой, не знавший, что через несколько дней, 18 января 1905 года, министр уйдет в отставку. Из дневника княгини Е.А. Святополк-Мирской (урожд. гр. Бобринской; 1864-1926) узнаем о некоторых деталях беседы: «...к сожалению, кто теперь любит государя? Замечательно, какая единодушная ненависть. Сегодня был у П[епки] Л.Л. Толстой, и он П[епке] говорил тоже об ужасном положении. Он говорит, что такое негодование на государя, что в обществе даже говорят, что, пока государь жив, ничего хорошего не будет». — См.: *Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904-1905 гг. //Исторические записки.* М.: Наука, 1965. Т. 77. С. 276-277.

...Пенка... — так домашние называли П.Д. Святополк-Мирского.

На следующий день Л.Л. Толстой направил кн. Святополк-Мирскому коротенькое послание, которое для нашего сюжета имеет большое значение и позволяет уточнить, как именно второе письмо Л.Л. Толстого попало к Николаю II:

«Многоуважаемый

Князь Петр Дмитриевич,

Сегодня я отправил заказным в Царское Село письмо Его Величеству, копию с которого прилагаю Вам с покорнейшей просьбой передать ее Государю, если письмо мое не дойдет до Него. Решаюсь беспокоить Вас после свидания с Вами, которое останется для меня светлым воспоминанием.

Искренно уважающий Вас и преданный

Граф Лев Львович Толстой.

15 января <19>05 г<ода>.

С. Петербург». — *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)*, ф. 1729, оп. 2, ед. хр. 428. Л. 1. Автограф.

На следующий день Л.Л. Толстой отправил другую копию письма царю в Ясную Поляну. 16 января 1905 года он начал письмо С.А. Толстой так:

«Милая мамá,

Посылаю мое письмо к царю тем, кому оно интересно. Я передал его через кн<язя> Святополк-Мирского, с которым виделся и который очень любезно ко мне отнесся. Сегодня получил даже его карточку. <...>» — *ОР ГМТ.* Архив С.А. Толстой, № 14320. Л. 1. Автограф.

20 января 1905 года сыну ответил Л.Н. Толстой:

«Милый Лева,

Мамá в Москве, и я получил твое письмо с письмом к государю. Письмо хорошо. Только папа благоразумнее и учтивее нас: он прежде спросил: желает ли царь выслушать его совет? Разумеется, созвать собор было бы самое благоразумное, но едва ли возможно ожидать от них благоразумия. ... Очень понимаю твое волнение, переносясь в твои годы и в твое положение в самой середине движения. Но все-таки не следует отдаваться вполне этим внешним делам; есть более важные — в нашей внутренней жизни. ... Целую тебя, Дору, детей.

Л. Толстой. ...»

— *ПСС.* Т. 75. С. 206-207.

... Только папа благоразумнее и учтивее нас... — речь идет о Папе Римском Пие X (Pius X; в миру — Джузеппе Сарто; 1835-1914), который вскоре после вступления на папский престол начал налаживать связи со светскими властями в разных странах мира. Он поздравил Николая II с рождением наследника и предложил начать прямые переговоры по вопросам веротерпимости, языка церковной службы и другим вопросам, интересующим обе стороны. — См.: *Pettinaroli L.* La politique Russe du Saint-Siège (1905-1939). Rome, 2015. Ch. 2: *La diplomatie vaticane à l'épreuve russe* (<https://books.openedition.org/efr/2973>); *Токарева Е.,*

Чубарьян А. Россия и Ватикан в конце XIX – XX века // *Романовы и Папский престол: Россия и Ватикан: 1613-1917* / [Автор-составитель *М.В. Сидорова*]. М.: Кучково поле, 2017. С. 189-197.

Кроме того, Папа Римский не захотел остаться безучастным к трагическим событиям в России и предложил свою помощь, по мнению Л.Н. Толстого, деликатно и не навязчиво. В разделе “*Иностранные известия*” появилась такая информация:

«*Париж.* Из Рима телеграфируют в газету *Petit Bleu*: “В очень трогательном, почти отеческом письме Государю Императору папа просит позволения разрешить ему обратиться к Нему с советом в минуту, столь важную для дальнейшей судьбы России. Пий X напоминает о словах мира и любви, родившихся по случаю созыва Гаагской конференции, и умоляет прислушаться, насколько это возможно, к крику, вырвавшемуся из глубины народного сердца. Только акт любви может спасти русский народ. Газета прибавляет, что 2 папских гвардейца спешно отправились с этим письмом в Петербург” (*Тлф*)». — См.: *Русский листок*: Ежедневная газета без предварительной цензуры. М., 18/31 января 1905 года, № 17. С. 3.

... *Газета прибавляет...* — о письме Папы Римского сообщила французская газета “*Le Petit Bleu*”.

19 января 1905 года в Ясной Поляне обсуждали эту ситуацию: «... Сегодня мы читали, что под Мукденом русских убито 10000, японцев же — 5.000, и также про папу, что он прислал двух своих гвардейцев к царю спросить его, не может ли он в это трудное время помочь ему советом.

Л.Н. заметил по этому поводу:

— Вот надо учиться — сначала спросить, а не прямо письма писать с советами. ...» — См.: *Маковицкий Д.П.* У Толстого... Кн. 1. С. 140.

...*под Мукденом...* — после тяжелых боев у Ляояня русская армия начала отступление к Мукдену и с конца августа 1904 года до начала февраля 1905 года там шли позиционные бои с большими потерями с обеих сторон.

На другом участке фронта катастрофа уже наступила: в конце декабря 1904 — начале января 1905 года закончилась 11-тимесячная осада крепости Порт-Артур и сдача японским войскам «23.131 человек *нижних чинов* и 747 *офицеров...* *орудий*: годных 357, негодных 352...» — См.: *Анушкин В.А.* Русско-японская война 1904-1905 гг.... С. 160-161.

Эти цифры приводились уже в конце декабря в изданиях, выходивших еще без предварительной цензуры: «По словам экипажа прибывших из Порт-Артура миноносцев, гарнизон крепости в начале осады состоял из 35.000 человек; из них 11.000 были убиты, 16.000 чел[овек] находились в госпиталях вследствие ран и болезней, 8.000 чел[овек] находились постоянно в фортах, причем из этого числа 2.000 человек было уже выведено из строя, когда генерал-адъютант Стессель писал генералу Ноги предложение о сдаче. ...» — См.: *Слово.* СПб., 23 декабря 1904 / 5 января 1905 года, № 23. С. 2.

...*генерал-адъютант Стессель...* — комендант крепости Порт-Артур, барон Анатолий Михайлович Стессель (1848-1915) принял решение о сдаче крепости японцам, за что через некоторое время пошел под суд.

...*генерал Ноги* Марэсукэ (1849-1912) — главнокомандующий 3-й армии, пытался штурмовать Порт-Артур, но атака была отбита, и тогда началась многомесячная осада, в которой не только русские, но и японские войска несли огромные потери; у генерала Ноги на этой войне погибли оба сына. Несмотря на то, что в начале 1905 года генерал Ноги стал национальным героем Японии, он многие годы оплакивал гибель 56.000 воинов.

В газете, которую читали в Ясной Поляне, напечатали телеграмму из Токио от 17/30 января 1905 года: «Потери японцев с 11-го по 16-е января равняются 5.000 человек, потери же русских японцы исчисляют в 11.000 человек». — См.: *Русское слово.* М., 18/31 января 1905 года, № 16. С. 2.

В России причины разгрома армии под Мукденом детально изучали на протяжении нескольких лет. — См.: *Шеманский А.Д.* Мукденская операция русско-японской войны

1904-1905 годов (с 29-го августа 1904 г. по 26-е февраля 1905 г.): Военное сообщение, сделанное 10 апреля 1909 г. в Собрании офицеров Генерального штаба Варшавского военного округа. Брест-Литовск, 1909.

Возможно, в беседе с Д.П. Маковицким обсуждалось телеграфное сообщение из Токио агентства Рейтер от 17/30 января 1905 года, которое появилось в нескольких изданиях. «Потери японцев в боях при Сандепу и Хейгоутае исчисляются в 5.000 человек; потери русских в 10.000 человек». — См.: *Биржевые ведомости*. 2-е изд. СПб., 18 января 1905 года, № 10. С. 2.

На следующий день агентство уточнило: «...потери японцев с 12-го по 16-е превышают 7.000 человек». — См.: *Японские потери // Там же*. Вечерний выпуск. СПб., 19 января/1 февраля 1905 года, № 8622. С. 1.

Потери русских войск при этом оставались неизменными и подтверждались другими сообщениями. Так, в телеграмме из Мукдена говорилось: «На левом японском фланге подошли подкрепления из артурских войск. ... Наши потери за четыре дня боя определяются 10.000 убитых и раненных. На восточном фронте все время царит невозмутимая тишина. В центре, 15-го января, противник переходил в наступление, но все атаки его были отбиты». — См.: *Слово*. СПб., 19 января/1 февраля 1905 года, № 41. С. 3.

²⁸ Л.Л. Толстой ошибся: А.В. Олсуфьев (1833-1901) — помещик, владелец имения Никольское-Горушки, друг Л.Н. Толстого — умер на несколько лет раньше. — См.: *Илюхин И.* Лев Толстой в Оболянове // *Дмитровский край*: История, природа, человек...: Рассказы, очерки, воспоминания... Дмитров: Стрелец, 1993. С. 90-93.

Л.Л. Толстой имел в виду одного из его братьев: генерала, флигель-адъютанта, знакомого Л.Н. Толстого по Крымской войне *Алексея* Васильевича Олсуфьева (1831-1915) или генерал-адъютанта Николая II, помощника командующего Императорской главной квартирой *Александра* Васильевича Олсуфьева (1843-1907), знакомого и адресата Л.Н. Толстого. Кроме того, сам Л.Л. Толстой в письме родным назвал другого посредника: П.Д. Святополк-Мирского. См. выше примеч. 27.

²⁹ 27 января 1905 года Л.Л. Толстой получил свой шанс повлиять на ход истории. В этот день Николай II записал в дневнике: «Погулял до завтрака. В 2½ принял гр[афа] Льва Толстого-сына». — См.: *Дневники императора Николая II*. М., 1992. С. 248.

Вернувшись из Царского Села, Л.Л. Толстой — по просьбе А.С. Суворина — поделился с ним своими впечатлениями о встрече с царем. В тот же день редактор «Нового времени» написал одному из своих постоянных авторов: «Сегодня у Государя 1½ [часа] сидел Л.Л. Толстой и говорил с ним о Земском Соборе». — См.: *Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову*. СПб., 1913. С. 40.

Позже об этой аудиенции стало известно и за пределами России. — См.: *The New York times*. February 11, 1905; *The review of reviews*. London, March 1905. Vol. XXXI. P. 229-230. См. также: *Толстой Л.Л.* Беседа с бывшим царем Николаем II-м (Из моих воспоминаний) // *Последние известия*. Ревель, 18 февраля 1922 года, № 41. С. 2; «*Время идет интереснейшее...*» // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год...* С. 165-168.

В 1944 году Л.Л. Толстой написал воспоминания о беседе с царем для шведских читателей. См. также ниже примеч. 23 к Главе 8.

³⁰ Александр Григорьевич Булыгин (1851-1919) в 1905 году был назначен министром внутренних дел вместо П.Д. Святополк-Мирского. На его имя 18 февраля 1905 года Николай II направил «Высочайший рескрипт» о разработке проекта законосовещательной Государственной Думы и выборов в нее.

В июле 1905 года проект был одобрен Государем и опубликован 6/19 августа 1905 года вместе с «Высочайшим Манифестом» Николая II. Однако ни выборы, ни сама эта Дума не состоялись из-за начавшейся в России революции.

³¹ Л.Л. Толстой преувеличил свою роль: идея Манифеста 17-го октября 1905 года принадлежала графу С.Ю. Витте. В Манифесте были обещаны неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов, амнистия политзаключенных, созыв законодательной думы, избранной всеми социальными группами общества, однако далеко не все обещания были выполнены. — См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания... Т. 3. С. 3-17, 580.

³² Письмо Л.Л. Толстого Николаю II 1911 года не сохранилось. Но есть более поздний документ, позволяющий говорить о том, что в русском обществе созрела мысль о необходимости реформировать православную церковь.

«В собственные руки.

14 сентября 1912 г<ода>.

Ваше Императорское Величество,

Сегодня считаю моим долгом перед Вашим Величеством и Россией писать Вам, дерзая высказаться по следующим вопросам:

1) В России становится все тяжелее и тяжелее жить вследствие все более и более усиливающейся потребности народа правильно работать и вследствие невозможности работать так из-за наших бесчисленных праздников. Вопрос старый, но он не подвинулся ни на шаг. Сегодня <—> Воздвижение, недавно <—> Рождество Богородицы, 1го октября в понедельник <—> Покров и так далее<,> и так далее<,> и жизнь в праздники становится, люди в тоске пьют, играют в карты и на бегах, молодежь не учится, и целые недели пропадают даром, миллионы рублей и немислимое богатство сил народных разлетаются по ветру. Когда же, Ваше Величество, Вы один, имеющий возможность положить конец этому великому злу – праздности русского народа, – Вашим одним словом дадите России избавление от этой рабской зависимости народной, общественной и государственной жизни от авторитета Церкви, гнетом сковывающего Россию?! Все останавливается в праздники и в кануны праздников, не только правильный труд, но даже разумные и полезные развлечения. Публика должна ходить взад и вперед по Невскому, не имея даже возможности накануне праздника зайти посмотреть кинематограф, дети не учатся, приучаются к праздности. Проект уменьшения праздников и сведения их к минимуму был разработан, но он провалился, не найдя поддержки. Я имел счастье писать Вам, Ваше Величество, в прошлом году, о желательности и необходимости реформы русской Церкви. Сегодняшний вопрос связан с тем <же>. Нам необходимо решительно изменить в этой области характер русской жизни. Что было при Владимире Святом, осталось и поныне. Выносить это дольше невозможно.

2) <...> Много, много хотелось бы сказать Вам, Ваше Величество, но боюсь утомить Вас. Одного прошу Вас всеми силами души, – приказывайте, Ваше Величество, приказывайте строжайшим образом тем, кому нужно, чтобы было сделано все, что должно было сделано сейчас в России, и спешите! Время не ждет. Надо реформировать Церковь, уничтожить праздники, винную монополию, ввести всеобщее обучение при реформированной церкви, надо ввести новый стиль, уничтожить или изменить паспортную систему, надо воспитывать народ, юношество, армию и флот, надо изменить весь уклад, весь характер русской жизни. Чтобы дни текли правильно, чтобы праздники не мешали труду, чтобы народ и общество привыкли рано вставать и рано ложиться, офицерство в частности, чтобы были запрещены игры в клубах и на бегах и скачках, чтобы были наказуемы пьянство, брань, жестокое обращение с животными, надо поднять знамя этой новой культурной<,> разумной жизни в России, высоко поднять его<,> и страна сразу обновится. Иначе все будет по-прежнему, распущенно, дурно.

До сих пор больно, Ваше Величество, о смерти Столыпина, к которому я питал большое доверие. Трудно заменить его. Одно утешение, что Вы, Ваше Величество, не

оставили намерение Ваше дать России многое<, > и сознание, что Вы дадите. Но надо требовать, строжайше приказывать, чтобы было <лучше>. Все эти люди – чиновники и сами мало способны видеть широкие горизонты. Ими надо владеть, как детьми. Они ничего не видят дальше минуты, минутных интересов. Какая рутина всюду, начиная с Церкви и кончая Императорскими театрами. Живых людей точно нет, ничего нового, свежего они не допускают. И вследствие этого, конечно, страдают народ и общество.

<...> Перестройте Церковь, Ваше Величество, властной рукой! Позовите меня! Я помогу Вам! Об этом знать будет один Бог.

Вашего Величества верноподданный, любящий Вас сердечно

Граф Лев Львович Толстой.

Таврическая, 19.

С. П<етербург>». — *ИРЛИ*, ф. 303, № 102. Л. 10-13 об. Черновой автограф. Подчеркнуто Л.Л. Толстым.

...при *Владимире Святом*... — см. о нем выше в примеч. 50 к Главе 1 Книги II.

О *смерти Столыпина* см. выше примеч. 8-10 к Главе 1 Книги II.

См. также: «*Время идет интереснейшее...*» // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год*... С. 156-159; *Сын и отец...* // *Лица*... Т. 4. С. 184-186.

³³ Григорий Ефимович Распутин (Новых; 1869-1916) — последний фаворит русской императорской семьи; он пользовался огромным влиянием на Николая II, так как сулил «божественную» поддержку всем его начинаниям.

Письмо, в котором излагалась просьба Л.Л. Толстого удалить Распутина, неизвестно. У Распутина за годы его наглого «царствования» накопилось достаточно могущественных врагов и среди членов царской семьи, и в ближайшем окружении царя. Переводчик и дипломат Дмитрий Иванович Абрикосов (1876-1951), приехавший в Петроград в отпуск и ожидавший нового назначения, в начале 1916 года с изумлением писал о сложившейся ситуации и восприятию ее в среде интеллектуалов: «...грязный мужик, полумонах-полубродяга, проник во дворец и дает советы императору всея Руси». — См.: *Абрикосов Д. Судьба русского дипломата* / [Пер. с англ.]. М.: Рус. путь, 2008. С. 296. См. также: *Григорий Распутин*: Сб. историч. материалов: В 4-х томах. М.: Терра, 1997. Т. 4; *Kochan M. The last days of Imperial Russia...* (*index*).

Мысль отправить Распутина на родину носилась в воздухе. Ее неоднократно высказывал московский губернский предводитель дворянства, только что ставший членом Государственного Совета, Александр Дмитриевич Самарин (1868-1932); министр внутренних дел Алексей Николаевич Хвостов (1872-1918) незадолго до своей отставки в письме царю указывал на пагубное влияние Распутина на Россию. Проблема Распутина активно обсуждалась в Государственной Думе и на страницах солидных петербургских газет.

В последний раз, после оргии в Москве, Распутин уехал в родное село Покровское, возле Тюмени в Тобольской губернии, в конце июля 1915 года, однако уже в середине августа 1915 года у него были продолжительные беседы с царицей. — См.: *Переписка Николая и Александры Романовых*: В 5-ти томах. М.; Пг.: ГИЗ, 1923. Т. III. Прил. III; *Падение царского режима*: Стеногр. отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г.: В 7-ми томах. М.; Л.: ГИЗ, 1927. Т. VII.

³⁴ Так с первых дней войны 1914 года воспринял ее Л.Л. Толстой. См. об этом ниже в примеч. 4 к Главе 8.

³⁵ В ходе Восточно-Прусской операции Первая и Вторая армии Северо-Западного фронта 4-7/17-20 августа 1914 года вторглись в Восточную Пруссию. 7/20 августа 1914 года германская армия потерпела поражение и начала отходить к Висле. Германское командование было вынуждено ослабить ударную группировку на Западном фронте, нацеленную на Париж, что позволило французской армии 5/12 сентября 1914 года

остановить германские войска на реке Марна восточнее Парижа. — См.: *Военная энциклопедия*: В 8-ми томах. М.: Воениздат, 1994-1997. Т. 1. С. 378-379; Т. 5. С. 155-156; Т. 6. С. 218.

³⁶ О том, как бедствовал Л.Л. Толстой после отъезда из России вплоть до своей смерти, см. подробнее: *Абросимова В.* Зигзаги судьбы Льва Толстого-младшего... // *Toronto Slavic Quarterly*... Fall 2008, no. 26.

Глава 3

¹ Об этом Л.Л. Толстой подробно писал Николаю II через несколько дней после беседы с ним. В сохранившемся черновом автографе письма от 30 января 1905 года говорится: «... Мое свидание с Вами оставило во мне одно главное, глубоко запавшее мне в сердце впечатление, — у Вас нет помощников, Государь, Вы одиноки в делах царства. Вокруг Вас нет того живого ядра живых, бодрых, самоотверженных людей, без которых немислимо ни одно большое государственное дело. ...»

Позовите помощников, Государь. Они вместе с Вами будут молиться, чтобы Бог дал им сил на дело добра, и вместе сделают, что можно, для блага России. ...» — См.: *«Время идет интереснейшее...»* // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год*... С. 140-142.

² Отставка С.Ю. Витте, по его словам, произошла в середине апреля 1906 года в результате длительной газетной травли и резко обозначившихся разногласий с Николаем II-м. — См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания... Т. 3. С. 322-326. Не принимая активного участия в государственных делах, опытный политик до последних дней жизни продолжал внимательно следить за ними.

³ О П.А. Столыпине см. выше примеч. 8-10 к Главе 1.

⁴ Возможно, речь идет о князе Георгии Евгеньевиче Львове (1861-1925), председателе Тульской губернской земской управы в 1903-1906 годах; председателе Общеземской организации для помощи больным и раненым воинам во время Русско-японской войны 1904-1905 годов; депутате Первой Государственной Думы; кадете; председателе Всероссийского земского союза для помощи больным и раненым воинам в Первую мировую войну 1914-1917 годов; министре-председателе и министре внутренних дел Временного правительства в марте-мае 1917 года. — См.: *Львов Г.Е.* Воспоминания. М.: Русский путь, 1998; *Фролова Л.* Возвращение имени: Князь Георгий Евгеньевич Львов в тульском и российском общеземском движении конца XIX — начала XX века // *Тульский краеведческий альманах*. 2003. Вып. 1. С. 101-107.

Знаком был Л.Л. Толстой и с одним из основателей «Союза освобождения», участником земских съездов 1904-1905 годов, одним из учредителей Партии мирного обновления, депутатом Первой, Третьей и Четвертой Государственных Дум Николаем Николаевичем Львовым (1865-1940). В письме Николаю II от 30 января 1905 года Л.Л. Толстой назвал его в числе других верных помощников царя в деле преобразования России. — См.: *«Время идет интереснейшее...»* // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год*... С. 140-142; *Грезин И.* Русское кладбище Кокад в Ницце. М.: Старая Басманная, 2012. С. 369.

⁵ Речь идет об одном из основателей «Союза 17 октября», создателе газеты «Голос Москвы», в которой Л.Л. Толстой принимал участие, депутате Третьей Государственной Думы от Москвы и ее председателе с 1910 года Александре Ивановиче Гучкове (1862-1936).

⁶ Павел Николаевич Милуков (1859-1943) — историк, лидер партии конституционных демократов (кадетов), депутат Третьей и Четвертой Государственных Дум; один из редакторов влиятельной газеты «Речь»; министр иностранных дел в марте – мае 1917 года. В 1921 году в Париже он начал издавать газету «Последние новости», в которой печатались воспоминания Л.Л. Толстого. — См. подробнее: *Абросимова В.* Зигзаги судьбы Льва Толстого-младшего... // *Toronto Slavic Quarterly*... Fall 2008, no. 26.

⁷ Л.Л. Толстой не был знаком с адвокатом, членом Четвертой Государственной Думы Александром Федоровичем Керенским (1881-1970), с февраля 1917 года последовательно занимавшим должности министра юстиции, военного министра, министра-председателя Временного правительства и верховного главнокомандующего Российской армии. См. об этом ниже.

⁸ Первая Государственная Дума начала свою работу 27 апреля 1906 года, но через несколько месяцев, 8 июля 1906 года она была распущена. Вторая Государственная Дума просуществовала чуть дольше: с 20 февраля по 2 июня 1907 года.

⁹ Не совсем точно. Мысль о создании собственной газеты появилась у него вскоре после беседы с царем. 25 февраля 1905 года Л.Л. Толстой разослал «Письмо в газету» с предложением от «кружка лиц, горячо заинтересованных положением русских рабочих, их жаждой улучшить свою жизнь и выйти... на прочный и ясный путь спокойного культурного развития. Кружок... находит, что в настоящее время издание хорошей, честной, проникнутой христианскими, а не революционными и другими идеалами общедоступной газеты для рабочего класса, как городского, так и сельского, было бы не только желательным, но составляет насущную потребность». — См.: *Новое время*. СПб., 26 февраля/11 марта 1905 года, № 10409. С. 4.

А.С. Суворин неодобрительно отнесся к этой идее и безуспешно пытался отговорить от нее Л.Л. Толстого.

¹⁰ В архиве Л.Л. Толстого сохранилось несколько писем в поддержку данной инициативы. 5 марта 1905 года Л.Л. Толстой сообщил родным:

«Милая мамá, пока слишком занят, чтобы приехать. <...> Получаю десятки писем ежедневно. Многие прекрасные и сочувственные, другие нет, хотя последних мало, два – три. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14325. Л. 1. Автограф.

Об интенсивности писем потенциальных пайщиков свидетельствует отчет добровольных помощниц Л.Л. Толстого: на 13 марта 1905 года было 90 писем, к 23 апреля 1905 года их было уже 147. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 158. Л. 1-7. См. также ниже примеч. 14.

¹¹ Один из основателей и председатель главного совета монархической черносотенной организации «Союз русского народа», в недавнем прошлом — доктор медицины, статский советник и успешный детский врач, Александр Иванович Дубровин (1855-1921) в декабре 1905 года начал издавать газету «Русское знамя».

¹² Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка 17-го октября 1905 года был вынужденной мерой, на которую Николай II согласился после начала Всероссийской стачки. Согласно этому документу, в России наступало новое время: время усовершенствования государственного порядка. Были обещаны неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов, а также амнистия политзаключенных, созыв законодательной думы, избранной всем народом.

Накануне этого события Л.Л. Толстой отправил в Ясную Поляну письмо с подробным рассказом о текущем моменте и о том, под каким давлением разных слоев общества — демократических и реакционных — действовала власть.

Милая мамá, пишу Вам в разгар нашей „революции”, как многие называют переживаемое время. „Революция” ли? Не думаю. Просто остановка, обрыв жизни вследствие прекращения войны, что я считаю большой полит<ической> ошибкой. Вы на это возмутитесь, но вдумайтесь глубже, представьте себе продолжение войны и, наконец, наша победа. Тогда ничего подобного бы не было. Был бы подъем жизни вместо падения ее. У нас все стоит. Ни газет, ни электричества, ни поездов, ни конок, ни торговли, ни молока детям, ни писем ниоткуда. На улицах мрак, ходят толпы оборванцев, много пьяных, разъезжают войска, тоже неряшливого, распущенного вида.

Сегодня воскресенье, и теперь вечером жутко выйти на улицу. Ходят казаки по нашему тротуару, проходят пьяные, грубые шутки и распущенность всеобщая. Чем все это кончится, трудно сказать. Я надеюсь, что на этих днях все восстановится. От Вас мы отрезаны, и Бог знает, что у Вас. Если бы наша современная жизнь была устроена иначе, если бы не было ни войска, ни собственности, ни городов, ни правительства, — конечно, тогда зачем же война. Но когда наша жизнь — борьба, а ее прекращают, как с этой войной, тогда начинается и разгорается борьба в другом месте, — внутренняя война. Она была и началась у нас и во время войны, и до нее, но теперь, конечно, примет гораздо более грозные формы потому, что раньше, во время войны, боролась <одна> государственная единица с другой такой же. Теперь, когда наша государственная единица признала свою слабость, началась борьба внутри <н>ее для ее усиления и перестройки. Это бы пришло само собой и сделалось бы легче, естественнее и скорее с продолжением войны, чем теперь, когда война прекращена. И кто знает, м<ожет> б<ыть>, наша государственная машина не обнаружила бы столько слабости, если бы в нее верили и продолжали войну. Я уверен в этом.

Все это очень тяжело. Живут все, как угорелые, бегут, сами не знают куда, и все кончается обжорством, или пьянством, или чем-нибудь в этом роде. „Митинги” и речи на них — тоже пьянство, не говоря уже о дурацких разговорах в салонах. Надо ждать терпеливо, что будет. Вчера <было> новолуние, на которое я надеюсь.

Мы здоровы. Я ничего не пишу, столярничаю, делаю кое-какие дела по складу и изданиям, скучаю по умственному и дерев<енскому> досугу и одиночеству. Время идет медленно. Сегодня был у Трепова по делу. У него родилась внучка. Петю не застал. Мало еще видаю друзей. Все в угаре от солнечных пятен, вероятно. Когда-то Бог поможет их загасить.

Целую.

Ваш Лев.

Напишите о Вас и когда это письмо придет». — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14345. Л. 1-2 об. Автограф.

...ни конок... — то есть, конножелезных дорог, по которым вагоны возились лошадьми. — См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка... Т. II. С. 156.

Дмитрий Федорович *Трепов* (1855-1906) — с января 1905 года генерал-губернатор и начальник Петербургского гарнизона, товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и командующий отдельным корпусом жандармов, во время Всероссийской стачки 14 октября 1905 года отдавший знаменитый приказ войскам: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть!». — См.: *Бельгард А.В.* Дмитрий Федорович Трепов // *Бельгард А.В.* Воспоминания... С. 225-234.

Как утверждал начальник канцелярии Министерства Императорского двора Александр Александрович Мосолов (1854-1939), женатый на сестре Д.Ф. Трепова, Елизавете Федоровне (1858-1920), и тесно общавшийся с ним в эти тревожные дни, именно этот приказ позволил избежать кровопролития. «... Он оказался прав, толпа побоялась войск после этого энергичного приказа, и ни одного выстрела за этот день дано не было. Трепов безусловно знал психологию толпы и имел гражданское мужество действовать согласно своим

убеждениям. ...» — См.: *Мосолов А.* При дворе императора /Под ред. *А.А. Пиленко.* Рига: Филин, 1937. С. 125.

...У него родилась внучка. — В семье старшей дочери Д.Ф. Трепова, Софьи Дмитриевны Глебовой (1882-1957), и ее мужа, *Петра* Владимировича *Глебова* (1879-1922), 13 октября 1905 года родилась дочь, которую назвали также Софьей (<https://www.geni.com/people/Софья-Петровна/60000000442326692161905>). Глебовы жили в доме в доме на Мойке, 25. — См.: *Весь Петербург* ... на 1905 год... Отд. III. С. 648.

Упоминание об этом в письме Л.Л. Толстого не случайно: *Петя Глебов* — брат Александры Владимировны Толстой (урожд. Глебовой; 1880-1967), жены М.Л. Толстого. — См.: *Власьев Г.А.* Род дворян Глебовых. М., 1911. С. 35-36.

Однако появление Высочайшего Манифеста 17-го октября 1905 года еще больше раскололо общество. У одной его части Манифест вызвал невиданный подъем духа, причем в разных слоях общества. Даже Всероссийская стачка через несколько дней прекратилась. 21 октября 1905 года Л.Л. Толстой смог успокоить родных: «<...> У нас сегодня в 2 часа стачка кончается. Столько пережили за это время, что все рассказать невозможно. <...>» — *ОР ГМТ.* Архив С.А. Толстой, № 14346. Л. 1 об. Автограф.

Через несколько дней, 25 октября 1905 года он добавил: «<...> У нас жизнь успокаивается. Все берутся за запущенные дела. В правительств<енных> сферах кипит работа. Очень надеюсь, что дело не дойдет до настоящей резни и революции. Довольно. <...> Видаю многих и последнее время все в каком-то шальном возбуждении. <...>» — *Там же*, № 14347. Л. 1 об. Автограф.

Л.Л. Толстой и сам находился «в каком-то шальном возбуждении», которое, впрочем, сменилось недоумением и тревогой, вызванной тем, что часть общества оказалась совершенно не готовой к диалогу.

И тогда Л.Л. Толстой напрямую обратился за помощью и советом к отцу, с которым у него весьма осложнились отношения из-за несходства политических и общественных взглядов на современную ситуацию в стране. Во время двух приездов в Ясную Поляну 9-12 апреля и 21 июня-12 июля 1905 года разговора не получилось. — См. об этом подробнее: *Маковицкий Д.П.* У Толстого... Кн. 1. С. 240-243, 320-343, 519. См. также: *Сын и отец...* // *Лица...* Т. 4. С. 224-225.

Тем не менее, в самый разгар драматических событий Л.Л. Толстой написал большое письмо отцу.

«

28 ноября<19>05 г<ода>
Петербург>

Милый и дорогой папá,

Пишу тебе, чтобы поговорить с тобой и отвести душу. Что у нас делается<?> Что у нас готовится<?> Ты не можешь себе представить, до какой степени сильно, стихийно и непоборимо то движение, что захватило теперь Россию. Впрочем, ты можешь себе представить его, но ты его не видишь так близко и ярко, как делаю это я, живя здесь. На улицах и в писчебумажных магазинах, по случаю свободы печати, продаются открыто порнографические картины и силуэты, которые раскупают гимназисты в свободные от „революционной деятельности” часы. В театрах представляются народные грубые, безобразные бунты, глядя на которые, хочется бежать („Дети Солнца”, „Евреи”, „Дачники” и т.д.).

Учебные заведения закрыты или в них собираются митинги и переписываются десятилетними девочками русские „Марсельезы” со словами:

„Вставай, поднимайся, рабочий народ,
Бей их, злодеев проклятых” и т.д.

В городских аудиториях собрания и митинги союзов и обществ, на которых требуется демокр<атическая> республика.

Сейчас идут страшно интересные собрания рабочих-железнодорожников и переплетчиков в Соляном городке, на которые я зашел. В буржуазных домах — страх и

пустые разговоры, но карты по-прежнему. В войсках брожение и глупое недовольство. Наверху философское и беспомощное бездействие, сравнительно с быстротой движения и жизни. Трудно жить. Бога нигде не видно, не только Бога, но даже попыток искать и найти Его.

Какое-то повальное озверение и распушенность. Ничто не свято — ни семья, ни нравственность, ни честь, ни труд, ни даже разум. Трудно не только жить по-настоящему, но выжидать и не делать глупостей и гадостей. Сейчас, глядя на толпы в несколько тысяч рабочих и пропуская мимо себя бесконечный поток входивших в Соляной городок грубых, возбужденных, сильных рабочих людей, слушая властные их голоса: „Билеты, товарищи! Товарищи, за дело!” — я понял, какая это стихийная сила, с которой никому не справиться. Это тот самый демос, который и создает республику, несмотря на то, что народ, крестьяне ее, м<ожет> б<ыть>, и не желают. Что можно говорить им? Они ничего не слушают. Им только одно нужно, — это получить их право считаться и быть людьми. И они добьются этого. Добьются несомненно, как добились теперешнего права собираться на свои собрания. Все бы это было прекрасно, если бы не принцип насилия, доведший уже их до открытого провозглашения и воззвания к всеобщему вооруженному восстанию, до того, что здесь нет рабочего теперь, у которого бы не было оружия, ножа или револьвера. Как ты относишься ко всему этому и что ты пишешь и думаешь? Хотелось бы повидать вас, но как уехать теперь от семьи?

Может быть, ты напишешь мне два слова в утешение и в совет. Чувствую себя совершенно беспомощным перед надвигающейся грозой. Иногда кажется, что она минует. Но этому не бывать, как не бывать уже многому старому. И то старое, что еще держится, не отпадет без крови и страданий. Целую вас. Благодарю Таню и мамá за письма, кот<орые> только что получили сегодня. Благодарю также Ханса за ответ. Дора и дети здоровы.

Твой Лев».

— *ОР ГМТ*. Архив Л.Н. Толстого. Т.с. 108/12, № 75. Л. 1-3. Автограф. См.: *«Время идет интереснейшее...» //Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год...* С. 129-131.

Премьера пьесы М. Горького *«Дети Солнца»* состоялась на сцене Драматического театра В.Ф. Комиссаржевской 12 октября 1905 года. — См.: *Летопись жизни и творчества А.М. Горького*: В 4-х выпусках. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Вып. 1. С. 554.

23 ноября 1905 года Новый театр поставил пьесу Евгения Николаевича Чирикова (1864-1932) *«Евреи»*. — См. о ней: *Театр и искусство*. СПб., 1905, № 48. С. 740; 1906, № 3. С. 43-45.

Несколько раньше, 10 ноября 1904 года Драматический театр В.Ф. Комиссаржевской поставил пьесу М. Горького *«Дачники»*. — См.: *Наша жизнь*. СПб., 12 ноября 1904 года, № 7. С. 3.

...собираются митинги... — в течение ноября 1905 года в учебных заведениях Петербурга неоднократно происходили митинги и собрания учащейся молодежи.

...русская “Марсельеза”... — эта песня получила распространение в 80-х годах XIX века, через сто лет после ее создания французским поэтом Клодом Жозефом Руже де Лилем (Rouget de Lisle; 1760-1836) в 1792 году. В течение ноября 1905 года в учебных заведениях Петербурга неоднократно проходили митинги и собрания, на которых — среди других песен — звучал и гимн французской революции, в измененном виде приспособленный к условиям России. — См.: *Наша жизнь*. СПб., 10 ноября 1905 года, № 9. С. 5. См. также: *Песни революции и свободы*. М., 1917. Вып. I. С. 14-21.

...письма, кот<орые> только что получили сегодня... — письма Т.Л. Сухотиной-Толстой от 15 ноября и С.А. Толстой от 18 ноября 1905 года, судя по почтовому штемпелю получателя, пришли в Петербург одновременно, 27 ноября 1905 года. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 684. Л. 31-33 об.; № 696. Л. 45-46.

Ханс (точнее, Ганс Соанс или, на русский лад, Антон Денисович) — садовник в Ясной Поляне (https://vk.com/topic-39641980_27426098).

¹³ Убежденный сторонник Земского Собора, Л.Л. Толстой восторженно принял Высочайший рескрипт о созыве совещательной Думы:

«Весна, весна близко. Весна в природе и в русской жизни, с солнцем, светом и теплом.

Слишком поздно, чтобы еще писать сегодня. Пишу поздно ночью только для того, чтобы помочь, как умею, разъяснению великого события, какое переживаем, чтобы рассеять недоверие, чтобы сплотить всех в песнях, в криках радости и восторга, вместо плача и печали. Мы накануне величайшего обновления, будем радоваться ему, чтобы оно действительно настало, чтобы оно явилось чистым и глубоким. ...» — См.: *Толстой Л.Л. Мысли и жизнь // Новое время*. СПб., 19 февраля/4 марта 1905 года, № 10402. С. 4. См. также выше примеч. 25 к Главе 2.

Его активная натура жаждала деятельности. Отец был занят корректурой повести «Божеское и человеческое» и написанием статьи «Конец века». — *ПСС*. Т. 36. С. 267-275; Т. 89. С. 25-29.

В ожидании вестей из Ясной Поляны, Л.Л. Толстой *осенью 1905 года* включился в политическую жизнь столицы, в том числе и в строительство *Первой Государственной Думы*. 11 декабря 1905 года он писал матери: «<...> Я стал принимать участие в разных собраниях, и это интересно. Состою членом партий 17-го окт<ября> и правового порядка и езжу на заседания. Много слов, мало дела, хотя кое-что и делается. Главный интерес, конечно, — подготовка Государств<енной> Думы, знакомство с могущими попасть в нее членами, подготовка программы ее деятельности. Я лично, конечно, имею мало шансов попасть в нее, хотя в выборники, м<ожет> б<ыть>, и попаду, не стремясь особенно к этому. На заседании иногда говорю и особенно, когда дело касается близко и давно интересующих меня вопросов. Намечено для Думы много. Что она сделает, увидим. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14348. Л. 1-1 об. Автограф. Курсив мой. — *В.А.*

В архиве Л.Л. Толстого сохранились документы «Союза 17-го октября», «Партии правового порядка» и «Прогрессивной экономической партии», членом которых он состоял с 1905 года. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 908. Л. 27, 31-32, 78-80 об. См. также: *Партии российских промышленников и предпринимателей*: Документы и материалы 1905-1906 гг. М.: РОССПЭН, 2004. С. 36, 43. См. также примеч. 8 к Главе I Книги II.

Через день, 13 декабря 1905 года Л.Л. Толстой в очередной раз обратился к Николаю II со своими новыми предложениями о переустройстве России. — См.: «*Время идет интереснейшее...*» // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год...* С. 142-144.

Через пять лет, после смерти отца и тяжелых душевных потрясений (см. об этом ниже), Л.Л. Толстой вновь решил принять непосредственное участие в государственном строительстве. Осенью 1911 года в столице были назначены выборы депутата Третьей Государственной Думы от Петербурга взамен выбывшего коллеги.

На самом деле, у Л.Л. Толстого не было никаких шансов победить. Он вернулся в Россию незадолго до выборов и буквально накануне их, к удивлению горожан, разослал обращение к избирателям, в котором он напоминал о себе не только как о сыне Великого Толстого, но и домовладельце, собственнике просветительного книжного дела, кандидате, не зависимом ни от какой-либо политической партии. В случае своего избрания в Государственную Думу, Л.Л. Толстой обещал содействовать решению трех важнейших, с его точки зрения, проблем: усиление роли церкви в жизни России; начальное обучение детей и народная трезвость. — См.: *Накануне выборов депутата от Петербурга // Биржевые ведомости*: Утренний выпуск. СПб., 6/18 октября 1911 года, № 12567. С. 5.

В воскресенье, 7 октября 1911 года за самовыдвиженца Л.Л. Толстого проголосовал 21 избиратель (для сравнения: за победителя было отдано 754 голоса; за другого кандидата — 423). — *Там же*: Вечерний выпуск. СПб., 8/21 октября 1911 года, № 12572. С. 3.

Через день газета опубликовала письмо Л.Л. Толстого, в котором он объяснял логику своих действий и при этом сослался на мнение покойного отца: «... Я решился выставить

теперь мою кандидатуру, зная вперед, что я не получу больше 2-3 голосов (поданные за меня 21 голос превзошли мои ожидания), и искренне считая политические партии большим вредом для нашей общественной и государственной жизни и желая подчеркнуть это. *Мой покойный отец не мог говорить о политических партиях без насмешки. Думаю, что в этом отношении его лежала глубокая правда.*

... Моя единичная попытка была направлена исключительно для возбуждения этого вопроса. ...». — См.: *После борьбы*: Письма в редакцию // *Там же*. СПб., 10/23 октября 1911 года, № 12574. С. 3. Курсив мой. — В.А.

¹⁴ Импульсивный по своей натуре, Л.Л. Толстой не умел и не хотел ждать. 21 апреля 1905 года он вновь отправил «Письмо в редакцию», в котором поблагодарил читателей за сочувственный отклик и присланные деньги. К этому времени их было более 29 тысяч, но для издания, которое могло бы соперничать с ведущими столичными газетами, этого было мало. «Если наберется, как я сказал вначале, паев на 50.000 рублей, с будущей осени и года газета может появиться. ... Мы будем стараться говорить языком искренним и понятным всякому и то, что нужно. ... Разве не дело величайшей важности всем нам узнать, понять и полюбить друг друга?!» — См.: *Новое время*. СПб., 2/15 мая 1905 года, № 10474. С. 3.

Необходимая сумма могла быть собрана гораздо раньше: на 22 июня 1905 года паев было заявлено на 45.647 рублей. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 156. Л. 9-10 об. Помощники Л.Л. Толстого предлагали: «<...>надо бы уже начинать дело<...>». — *Там же*. Л. 9. Автограф.

Однако именно в этот момент Л.Л. Толстой потерял всякий интерес к своей же инициативе и в новом «Письме в редакцию» 31 августа 1905 года отказался брать на себя ответственность по изданию газеты. При этом он подчеркнул, что деньги, присланные потенциальными пайщиками, могут — в случае их согласия — быть употреблены на народные библиотеки. — См.: *Новое время*. СПб., 1/14 сентября 1905 года, № 10596. С. 5.

Возможно, что и в этом случае Л.Л. Толстой бессознательно поступил так же, как и отец. В начале 1898 года Л.Н. Толстой обдумывал выпуск деревенской газеты для народа. 21 января 1898 года С.А. Толстая записала: «... Весь день идут у нас с Соней Мамоновой и Львом Николаевичем разговоры о деревенской газете для народа. Цель газеты — дать *интересное* чтение народу. ... Лев Николаевич так увлекся этой мыслью, что выписал Сытина (издателя народных книг и картин), чтоб поговорить о материальной стороне дела. ...» — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 343. Курсив С.А. Толстой.

Софья Эммануиловна Дмитриева-Мамонова (1860-1946) — художница, подруга Т.Л. Толстой; помогала в переписывании сочинений Л.Н. Толстого.

Иван Дмитриевич *Сытин* (1851-1934) — издатель и книготорговец; в его типографии печатались книги и брошюры издательства «Посредник».

Издание деревенской газеты для народа не состоялось.

¹⁵ Писем с прямыми угрозами физического устранения в архиве Л.Л. Толстого не сохранилось. Но, действительно, были письма, в которых предпринималась попытка воздействовать на совесть именитого публициста, если таковая еще сохранилась. Так, 13 марта 1905 года один из возмущенных читателей обратился в редакцию «Нового времени» с письмом для Л.Л. Толстого:

«Прочел, г. Толстой-сын, вашу подленькую статейку в газете „Чего изволите“. Говорят, что у знаменитых отцов дети неудачники. Я понимаю, что ваш отец от старости может писать глупости о либеральном движении в России, что у него не хватило силы воли помолчать о движении, которого он не понимает, но вы, сынок, неужели вы не понимаете всей мерзости участия в подленьком издании такого негодяя, как Суворин. Ведь проповеди в такой газете если и вызывают восторги, то только разве что у самодержца-эпилептика, воров — великих князей и всей этой милой банды, грабящей русский народ<...>» — *ИРЛИ*, ф. 303, № 847. Л. 13-15. Машинопись. *Конец письма не сохранился.*

«Чего изволите» — так недоброжелатели называли газету А.С. Суворина «Новое время» за ее лояльность действующему правительству.

Письмо разгневанного читателя вызвано статьями Л.Л. Толстого из цикла «Мысли и жизнь», в которых доказывалась необходимость продолжения русско-японской войны. 3 марта 1905 года Л.Л.Т. олостой начал свою статью ошеломляющим утверждением: «Сохрани нас Боже от заключения мира». А неделю спустя он продолжил свою мысль: «... Россия настолько сильна, что она вновь двинется к океану и вновь прогонит с его берегов ослабленного войной с ней врага. Так будет дело в два, пять, десять, двадцать лет. Надо ясно сознать это и ясно, открыто сказать это всему народу». — См.: *Новое время*. СПб., 3/16 марта 1905 года, № 10414. С. 3; *Там же*, 10/23 марта 1905 года, № 10421. С. 3.

Кроме того, известно, что среди писем, отправленных Л.Л. Толстым в Ясную Поляну 5 марта 1905 года, было и письмо от революционеров. — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14325. Л. 1.

Куда более резко высказывались критики на страницах газет, оппозиционных «Новому времени». «Граф Л.Л. Толстой положительно хочет еще при жизни затмить славу великого отца. ...

Молодой Л.Л. Толстой после остервенелой проповеди вегетарианства и радостей жизни (понимаемых им иначе, чем отцом) ударился в свирепый шовинизм. ...

Все это — “герои безвременья”, слишком затянувшихся “общественных сумерек”.

Взойдет солнце — исчезнут сами собой все эти удушливые, вредные испарения гнилого, стоячего болота...» — См.: *Отклики //Биржевые ведомости*: Утренний выпуск. СПб., 8/21 июня 1905 года, № 8863. С. 2. Статья опубликована под псевдонимом “*Мирской*”, которым пользовался В.А. Анзимиров (см. о нем выше в примеч. 34 к Главе 1 Книги II).

Однако настоятельный призыв Л.Л. Толстого продолжать войну вызвал отторжение даже С.А. Толстой, обычно понимавшей сына и поддерживавшей его. На этот раз, причитав статьи сына от 3 и 5 марта 1905 года, С.А. Толстая приняла решение выступить от своего имени против войны. 18 марта 1905 года она отправила письмо в Англию В.Г. Черткову для публикации его за границей. Статьи Л.Л. Толстого не упоминались, но именно они подтолкнули С.А. Толстую к выступлению. — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 2. С. 232-233, 512. См. также: *Countess Sophie Tolstoy on the War //Times*. London, 1905, April 27; *Countess Tolstoy's view of why the Japanies are winning //The New York Times*. 1905, April 27. P. 2.

Благодарю профессора Бена Хеллмана за эти документы. – В.А.

¹⁶ Пьеса Л.Л. Толстого «Братья-помещики» написана позднее. См. о ней выше примеч. 22 к Главе 1. Ее шумный успех в Петербурге в марте 1907 года в *своей* аудитории был вызван тем, что персонажи были узнаваемыми, а проблемы — живыми, бурно обсуждавшимися в обществе. Собственная позиция автора пьесы была выражена в словах управляющего, немца Густава Федоровича: «Вам нужны три вещи: просвещение, закон и любовь к родине».

Л.Н. Толстой не признавал у сына драматургического таланта и в разговоре со своим молодым помощником, Н.Н. Гусевым (см. о нем выше примеч. 6 к Главе 1 Книги I), назвал его «черносотенцем». — *ПСС*. Т. 56. С. 551.

¹⁷ О дружбе Л.Л. Толстого с И.Е. Репиным см.: *Абросимова В., Зорина С.* Переписка Л.Л. Толстого с Н.Б. Нордман и И.Е. Репиным // *Новый журнал*. СПб., 1998, № 4. С. 147-171.

¹⁸ Драма в 4-х действиях «Один» напечатана в кн.: *Толстой Л.Л.* Драматические сочинения... Т. 1. С. 147-169.

Из писем режиссера Малого театра Евтихия Павловича Карпова (1857-1926) автору пьесы от 13 и 15 января 1906 года известно, что она была назначена к постановке в 20-х

числах января 1906 года. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 342. Л. 1-4. Что помешало довести работу до конца, установить не удалось.

Отказ от постановки драмы «Один» Малым театром побудил Л.Л. Толстого устроить домашнее чтение ее 28 января 1907 года, на котором присутствовал И.Е. Репин. — См.: *Новый журнал*. СПб., 1998, № 4. С. 157-158.

¹⁹ И.Е. Репин, действительно, считал себя всего лишь тружеником в искусстве. — См.: *Репин И.Е.* Из моих общений с Л.Н. Толстым // *Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников...* Т. 1. С. 489.

В августе 1887 года он написал портрет Л.Н. Толстого, который, по словам родных, был наиболее удачен. Т.Л. Толстая так оценила его в письме своей подруге Елизавете Адамовне Олсуфьевой (1857-1898): «... Сегодня уже вся голова написана, и чудно, и по мастерству, и по выражению. Он (Репин. — В.А.) сумел поймать то доброе, мягкое выражение, которое у papà бывает и которое ни Ге, ни Крамской не сумели передать». — Цит. по кн.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 545. См. также: *Рюмина М.И.* Репин в Ясной Поляне // *Яснополянский сборник 1960: Статьи и материалы*. Тула, 1960. С. 88-95; *Белоус Г.Н.* И.Е. Репин и Л.Н. Толстой: на пути к диалогу // *Литература XX века...* С. 241-244.

²⁰ Н.Н. Ге был тем художником, чьи взгляды на искусство были близки Толстому. См. о нем выше примеч. 28-31 к Главе 13 Книги I.

²¹ Иван Николаевич Крамской (1837-1887) был автором первого живописного портрета Л.Н. Толстого, над которым художник работал осенью 1873 года. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 501.

Беседы с Крамским не прошли бесследно и для Л.Н. Толстого. Во всяком случае, И.Е. Репин находил черты Крамского в образе художника Михайлова в романе Толстого «Анна Каренина». — *Там же*. С. 558.

²² Разногласия касались прежде всего взглядов на искусство. Один из сходных эпизодов — в записи художника — см. в кн.: *Репин И.Е.* Далекое и близкое. Л.: Художник РСФСР, 1986. С. 366-367. См. также: *Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников...* Т. 1. С. 480-481.

²³ Это письмо является ответом на неизвестное обращение Л.Л. Толстого. Оно условно датируется маем 1930 года. — См.: *Новый журнал*. СПб., 1998, № 4. С. 171.

²⁴ Критик Николай Николаевич Арденс (псевд. Апостолов; 1890-1974) предпринял первую попытку собрать воедино важнейшие мемуарные свидетельства о великом писателе. — См.: *Апостолов Н.Н.* Живой Толстой: Жизнь Льва Николаевича Толстого в воспоминаниях и переписке. М., 1928 (переизд. — М.: Аграф, 2001).

²⁵ И.Е. Репин, безусловно, знал исследование П.И. Бирюкова (см. выше примеч. 8 к Главе 6 Книги I), друга и единомышленника Толстого, которое неоднократно переиздавалось. — См.: *Бирюков П.И.* Биография Льва Николаевича Толстого: В 4-х томах. 3-е изд. М.; Пг.: Госиздат, 1923.

²⁶ И.Е. Репин имеет в виду недавнюю публикацию расширенного издания книги: *Гусев Н.Н.* Два года с Л.Н. Толстым: Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого: 1907-1908 год. 2-е изд., значительно испр. и доп. М., 1928.

²⁷ В мае 1917 года Академия наук завершила реформу правописания, но только Декретом от 10 ноября 1918 года новые правила были узаконены. В большинстве своем старая русская интеллигенция не приняла новую орфографию.

Упразднение буквы Ъ вызывало особое негодование И.Е. Репина. Известно, что 19 июля 1923 года в письме Корнею Ивановичу Чуковскому (настоящее имя Николай Корнейчуков; 1882-1969) он дал согласие на публикацию своих воспоминаний «Бурлаки на Волге» только при условии сохранения старого правописания. — См.: *Репин И.* Избранные письма: В 2-х томах. М.: Искусство, 1969. Т. 2. С. 337-338.

²⁸ Это письмо опубликовано. — См.: *Новый журнал.* СПб., 1998, № 4. С. 171.

²⁹ Письмо с таким именно отношением к Л.Л. Толстому неизвестно. Из сохранившихся документов ближе всего к тональности цитируемых слов восторженное послание И.Е. Репина от 8 апреля 1907 года: «... Мне кажется, что Вы у нас теперь самый сильный драматург. ...избранный человек... брат Прометей... Верю только в Ваш гений (который, как ни отпирайтесь) выведет Вас на светлую, широкую дорогу, которая все яснее и яснее видна бедному человечеству и собирает его на радость и счастье жизни!...» — *Там же.* С. 159.

Переписка Л.Л. Толстого с И.Е. Репиным и его воспоминание о мастере войдут в раздел *Приложение* в **Томе 2**.

³⁰ В черновых набросках Л.Л. Толстого сохранилось много фрагментов на рус., фр., англ. и швед. языках, в той или иной степени связанных с его размышлениями о войне и способах противостояния ей. Один из них называется так: «Единственный Путь к Вечному Миру, к уничтожению войны и к истинному счастью людей и народов». — *ОР ГМТ.* Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № 7. Л. 1-12. Подчеркнуто *Л.Л. Толстым*. Документ не датирован. Сочинение, названное Л.Л. Толстым, неизвестно.

Глава 4

¹ Л.Л. Толстой ошибся: лепить он начал *летом 1908 года*. Чувство неудовлетворенности давно уже отравляло ему жизнь в Петербурге. Незадолго до отъезда в Швецию, 25 апреля 1908 года он писал С.А. Толстой:

«<...> Мы едем, вероятно, 22-го мая. Я понемногу устраиваю дела на лето. Как<-то> всю эту зиму не могу заниматься потому, что условия совершенно не подходят настроению. Хочется начать что-нибудь более серьезное и крупное, а жизнь треплет. В газетах писать не хочу потому, что не стоит и негде. Мечтаю все о своем журнале, но и это нельзя начать теперь, весной и без денег. Вообще чувствую какой-то перелом в моей жизни, не знаю уже, куда клонящейся. Хотелось бы думать, что к лучшему, но с внешней стороны пока этого не заметно, т.е. в смысле результатов деятельности что ли. Она, напротив, ослабела, как никогда. Держусь правила поменьше делать дурного в эти периоды и ждать. Насильно мил не будешь не только другим, но особенно себе. Ну, до свидания. Целую всех вас, включая милых Тань.

Ваш Лев».

— *ОР ГМТ.* Архив С.А. Толстой, № 14409. Л. 2-2 об. Автограф.

...*милых Тань* — Т.Л. Сухотину-Толстую и ее маленькую дочь Танечку, родившуюся 6 ноября 1905 года.

Накануне отъезда, 22 мая 1908 года он уточнил: «<...> Уезжаем завтра и грустно мне в этом году покидать Россию. <...> Папá передайте побольше от меня того, что есть во мне, если есть, самого лучшего». — *Там же*, № 14412. Л. 1-1 об. Автограф.

А через два месяца в Ясную Поляну, где уже готовились к юбилею Л.Н. Толстого и к приезду большого числа родных и гостей, ушло письмо, в котором Л.Л. Толстой впервые

упомянул о новом своем занятии. Интересен, на мой взгляд, и контекст письма от 31 июля (нов. стиля) 1908 года:

«Милая мамá, как теперь с ногой папá? Встал ли он, и прошло ли воспаление? <...> У нас все по-старому. <...>

Сегодня было письмо от жены Павла Трубецкого, которая извещает, что она с мужем в Стокгольме. Я завтра еду с ними повидаться и рад увидеть друга Павла. Мы как раз думали о<б> их парижской жизни. Они едут в П<етербур>г, вероятно, на открытие памятника. Вероятно, доедут и до вас. <...>

Дети здоровы. Днем играют и лепят из глины. <...> Вместе с детьми я попробовал лепить из глины, и кое-что у меня выходило, не хуже, чем у вас. У меня, кажется, есть к этому способности. Это очень весело. Я начал большой бюст Эрнста, но на 3-ий день испортил от досады все, а было похоже. <...>» — *Там же*, № 14418. Л. 1-3. Автограф.

О *П.П. Трубецком* и его жене Элин см. выше примеч. 11 к Главе 19 Книги I и примеч. 24 к Главе 2 Книги II.

...о<б> их парижской жизни... — в декабре 1905 года Трубецкие окончательно переехали в Париж и бывали в России наездами.

Общение с Паоло Трубецким подталкивало Л.Л. Толстого к занятиям лепкой. 7 августа (нов. стиля) 1908 года он сообщил С.А. Толстой: «<...> У нас пока ничего нового. Видел я Трубецкого в Стокгольме. <...> Продолжаю лепить из глины, только никто не хочет позировать». — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14419. Л. 1 об. Автограф.

Открытие памятника Александру III (см. о нем выше примеч. 1 к Главе 10 Книги I), над которым П.П. Трубецкой работал два года и который сразу же был назван скандальной неудачей талантливого скульптора, состоялось в Петербурге на Знаменской площади 23 мая/5 июня 1909 года. — См.: *Прокофьев В.* Открытие памятника Александру III // *Новое время*. СПб., 24 мая/6 июня 1909 года, № 11923. С. 4; *Меньшиков М.* Величие и вульгарность // *Там же*, 28 мая/10 июня 1909 года, № 11927. С. 3.

Одновременно раздались и сочувственные отклики. — См.: *Проект постановки памятника Императору Александру III по эскизу П. Трубецкого* // *Там же*, 27 мая/9 июня 1909 года, № 11926. С. 2; *Р[озанов] Вас.* У князя Трубецкого // *Биржевые ведомости*. Вечернее издание. СПб., 28 мая/10 июня 1909 года, № 11128. С. 3-4; и др. См. также: *Фадеева Л., Шапошникова Л.* Выставка работ П. Трубецкого // *Искусство*. М., 1967, № 9. С. 58-63; *Шапошникова Л.П.* Памятник Александру III работы П.П. Трубецкого (К проблеме монумент. памятника начала XX века) // *Павел Петрович Трубецкой: Скульптура, графика...* С. 43-53, 75, 83; *Карнова Е.В.* Памятник Александру III в Петербурге: история создания по архивным документам // *Карнова Е.В.* Скульптура в России: Неизвестное наследие: XVIII - начало XX века. СПб.: ЛИК, 2015. С. 366-419; *Паоло Трубецкой: Собрание Музея пейзажа в Вербании...* С. 25-26; *Паоло Трубецкой: К 150-летию со дня рождения* [Каталог /Автор статьи и составитель Е. Карнова]. СПб.: ГРМ, 2016. С. 21-23, 54-56, 82.

Паоло Трубецкой на открытие памятника приехать не успел и появился рядом с ним позже. — См.: *У Паоло Трубецкого* // *Биржевые ведомости*. Вечернее издание. СПб., 25 мая/7 июня 1909 года, № 11122. С. 4; *У Паоло Трубецкого /М-ъ* // *Новое время*. СПб., 25 мая/7 июня 1909 года, № 11924. С. 2; и др.

Эрнст Сельмер — 18-тилетний племянник Д.Ф. Толстой (см. о нем выше в примеч. 9 к Главе 15 Книги I). В письме от 12 июля/29 июня 1908 года Л.Л. Толстой писал, что Эрнст «<...>стал студентом, кончив с отличием первым за 4 года в школе<...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14415. Л. 2 об. Автограф.

17 сентября (нов. стиля) 1908 года Л.Л. Толстой не без гордости мог уже дать своеобразный отчет о занятиях новым видом искусства: «<...> Так как я увлекаюсь лепкой, то и они (дети. — В.А.) все делают из „<г>лины” всякие вещи, а Кита вчера даже сделал дедушку Льва Николаевича — очень недурно — и страшно гордился своей работой. У него есть способности к искусству. Я вылепил большой бюст папá, не хуже Ге и Репина, но

сегодня его сломал, так как плохая глина высохла и потрескалась. Хорошей глины я еще не заслужил.

Посылаю Вам фотографию моих „великих произведений“ в скульптуре. Две белые вещицы сделаны из хорошей белой глины, остальные из здешней, — дрянной. Сзади „Этюд“, изображающий двух городских, ведущих „политическую“. Слева „китаец на молитве“, справа „русский солдат“. Впереди „лежашая баба“, за ней две девочки в Halmbyvoda, потом „бюстик“ тетки Доры Göth'ы. Жаль, что я не сделал фотографий с бюстов Вестерлунда и папá, которые оба были очень похожи. Но все хочется лучше и лучше, и я их уничтожил.

Как видите, литература на время оставлена, а на место ее скульптура.

Послезавтра поеду в Стокгольм за глиной<...>» — *Там же*, № 14425. Л. 1 об.-3. Автограф. К письму приложена фотография, о которой говорит Л.Л. Толстой (см. ниже).

...не хуже Ге и Репина... — бюст Н.Н. Ге 1890 года Л.Н. Толстой и члены его семьи считали исключительно удачным. — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания... С. 265, 446, 466.

Вслед за Н.Н. Ге, летом 1891 года И.Е. Репин, кроме нескольких картин, сделал еще и бюст Л.Н. Толстого, который понравился писателю меньше, чем названный выше бюст Н.Н. Ге. — *ПСС*. Т. 66. С. 24. См. также: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 199.

... *Посылаю Вам фотографию...* — С.А. Толстая 27 сентября (ст. стиля) 1908 года начала свой ответ сыну так: «Получила я твое длинное письмо, милый Лева, с<о> снимками с твоей скульптуры. Мне трудно судить о твоей работе, но кажется так: выразительные фигуры и лица, но несоразмерны пропорции. Ведь чтоб серьезно лепить, надо знать анатомию и знать хорошо. То же и для портретов. <...>» — *ИРЛИ*, ф. 303, № 687. Л. 44. Автограф.

Увлечение Л.Л. Толстого скульптурой не пропало и по возвращении в Петербург в конце октября 1908 года. См. его телеграмму из Петербурга от 29 октября (ст. стиля) 1908 года. — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14427. Л. 1.

² В письмах родным Л.Л. Толстой не упоминал о том, что он лепил Пушкина. Возможно, он не был удовлетворен этой работой и хотел к ней вернуться позже. Она сохранилась в шведском доме Толстых.

В первой половине 1909 года, т.е. *до отъезда в Париж*, Л.Л. Толстой называл три других работы. 20 марта 1909 года он писал о том, что лепил депутата Третьей Государственной Думы Михаила Дмитриевича Чельшева (1866-1915), который последовательно боролся с пьянством в России. — *Там же*, № 14449. Л. 1 об.

27 марта 1909 года Л.Л. Толстой уточнил: «<...> Лепил теперь даму — поэтессу Гриневскую, автора „Баба“. Она охотно позировала. На 2-ом сеансе было очень похоже и хорошо. На 3-м испортил. Чельшев мой не докончен, но похож. Кончу на Фоминой <неделе...>». — *Там же*, № 14450. Л. 1 об. Автограф.

Изабелла Аркадьевна *Гриневская* (1864-1944) — поэт, переводчица, исследовательница Востока. — См.: *Гриневская И.* Баб: Драматическая поэма из истории Персии. СПб., 1903.

Вождь религиозного движения в Персии Али-Мохаммед Сейид (1819-1850), объявивший себя *Бабом*, т.е. «вратами», через которые должна передаваться воля пророка-избавителя (махди). Проповеди Баба против феодальных порядков привлекли к нему многочисленных последователей, которые в 1848-1852 годах вели борьбу за власть. По приказу шаха за свои убеждения предводитель восставших Баб был расстрелян. — См. о нем и его последователях также: *Булгаков В.* Л.Н. Толстой в последний год его жизни... С. 242, 411; *Наживин И.* Голоса народов. М., 1908. Вып. I. С. 16-64. См. также ниже примеч. 7 к Главе 11.

Л.Н. Толстой интересовался этой пьесой в связи с движением *бабидов* — последователей *Баба*. — *ПСС*. Т. 58. С. 64.

14 апреля 1909 года Л.Л. Толстой звал С.А. Толстую посмотреть три его работы: «<...> Начал целых три портрета. Приезжайте — покажу. Во-1-х — Чельшев, во-2-х — поэтесса Гриневская, в-3-ьих — дворник Вася-татарин. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14451. Л. 1 об.

...дворник *Вася-татарин*... — вероятно, сын дворника Николая Кутушева (Бек-Булата Ризепова). — *ИРЛИ*, ф. 303, № 389. Л. 29 об.

Бек-Булат Кутушев, как он подписывался, был доверенным лицом Л.Л. Толстого. Сохранилось 42 его письма 1903-1914 годов. В одном из них 1 июня 1909 года дворник сообщил и интересную подробность, связанную с новым увлечением Л.Л. Толстого: «<...>бюсты (из отливки. — *В.А.*) получил, за которые записал 12 руб<лей>, был у г. Чельшева 31 мая, бюст его отнес <ему> благополучно, за что <он> и благодарил Ваше Сиятельство, и г. Чельшев кланяется <Вам. ...>» — *Там же*. Л. 27. Автограф.

³ Голова великого американского писателя и мыслителя Ральфа Уолдо Эмерсона (Emerson; 1803-1882) работы Л.Л. Толстого не сохранилась. Сведений о ней найти не удалось.

⁴ Принятие этого решения ускорилось еще и потому, что в Петербурге началась холера. В апреле-мае 1909 года в газетах печатались сводки о количестве заболевших, умерших, выздоровевших и находящихся в больницах. — См.: *Движение холеры //Новое время*. СПб., 1/14 апреля 1909 года, № 11871. С. 4; *Там же*, 5/18 апреля 1909 года, № 11875. С. 5; и т.д. И хотя к концу мая ситуация как будто стабилизировалась, никто из специалистов-эпидемиологов не мог дать утешительных прогнозов. — См.: *Холерный город //Там же*, 30 мая/12 июня 1909 года, № 11929. С. 4. Заметка подписана криптонимом «*Е.Ф.*».

Отправив Д.Ф. Толстую с детьми в Швецию, Л.Л. Толстой в конце мая 1909 года приехал в Ясную Поляну. Первым делом он приступил к работе над бюстом Л.Н. Толстого. 28 мая 1909 года в ежедневнике С.А. Толстой лаконично записано: «Лева прекрасно начал лепить бюст отца. ...» — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 285. Однако перед своим

отъездом в Швецию Л.Л. Толстой разрушил бюст, который, по мнению С.А. Толстой, «<...>был очень хорош<...>». Так писала она сыну 26 июня (ст. стиля) 1909 года. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 688. Л. 14 об. Автограф. См. также: *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого... Т. I. С. 274; *Маковицкий Д.П.* У Толстого... Кн. 3. С. 433, 454.

29 июня/12 июля 1909 года, сразу же по прибытии в Хальмбюбуду, Л.Л. Толстой написал матери о планах семьи: сначала поездка на морской курорт Варберг, а потом — во Францию. В Петербург, где все еще была опасность для детей заболеть холерой, Д.Ф. Толстая категорически отказалась возвращаться, и в этом ее поддержал доктор Вестерлунд. — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14455. Л. 1-2.

3 августа (нов. стиля) 1909 года Л.Л. Толстой уточнил свою мысль: «<...> Теперь план оставаться здесь месяц и в Париж или под Париж на зиму. <...> Я в Варберге лепил, но дело там не клеилось, хотя успехи, кажется, продолжаются. <...> Моя жизнь на переломной точке. Два года я должен жить за границей, по крайней мере, <две> зимы. <...> В Париж надо ехать в конце августа, чтобы дешевле найти квартиру и попасть вовремя для занятий скульптурой. <...>» — *Там же*, № 14459. Л. 1-1 об., 3 об., 6 об. Автограф.

27 августа (нов. стиля) 1909 года Л.Л. Толстой сообщил родным новость:

«Дорогая мамá, завтра еду в Париж, пока один. Адрес пока Grand Hôtel du Louvre. <...> Дора остается числа до 7-8 сентября нов<ого> стиля. Теперь буду стараться дешево и умно устроиться в Париже или его окрестностях. <...>» — *Там же*, № 14464. Л. 1 об.

...*Grand Hôtel du Louvre*... — в отеле «Лувр», расположенном в центре Парижа на улице Риволи (Rue de Rivoli, 170-172), каждый из 300 номеров стоил от 6 франков в сутки. — См.: *Париж*: Описание города и его окрестностей и путеводитель по музеям. 2-е изд. СПб., [1909]. С. 3.

С.А. Толстая с сомнением отнеслась к решению Л.Л. Толстого, но отговаривать его не стала. Напротив, она постаралась укрепить его стремление совершенствоваться в новом для него виде искусства. 25 июля (ст. стиля) 1909 года в письме сыну С.А. Толстая привела мнение скульптора Ильи Яковлевича Гинцбурга (1859-1939), только что приехавшего в Ясную Поляну: «<...>он ужасно хвалил твои скульптурные способности и боится, что пыл твой остынет и ты бросишь это дело. Он говорил, что у тебя выдающиеся способности, что из тебя может выйти замечательный скульптор. И все приговаривал: „ведь все на глаз, все на глаз работает“. <...>» — *ИРЛИ*, ф. 303, № 688. Л. 10 об. Автограф.

⁵ Первая открытка из французской столицы была отправлена Л.Л. Толстым в конце августа (нов. стиля) 1909 года:

«Дорогая мамá, пишу из Парижа. Адрес: Rue du Vaugirard 54. Hôtel du Luxembourg. Пока один. Очень дорого, и я не знаю, как мы будем жить. Дора еще не решила свой отъезд. Здесь ад города. Начну занятия скульптурой в Académ<i>e Julien или Cercle Internation<al> des Arts на днях. Занятия до августа будущего года. Нанял комнату в 5<-ом> этаже за 3 франка, но нахожу это дорогим. Хочу перейти в еще худшее помещение под крышу за 300 франков в год, купить себе кровать, стол и стул.

Из Швеции путешествие утомительно. Боюсь за Дору и детей не только в денежном отношении. Завтра обедаю у Мечникова в Sevres. Видел Трубецкого. Мечников обещал устроить занятия у Rodin'a, кроме Академии <Жюльена>, где с 8 утра до сумерек <буду> ежедневно. Я против самого сада и музея Luxembourg.

Целую всех.

Что у вас?

31 авг<уста> нов<ого> ст<иля> 19<09> г<ода>.

Париж». — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14465. Л. 1 об. Автограф.

... *Hôtel du Luxembourg*... — меблированные комнаты в отеле «Люксембург» стоили от 3½ франков в сутки. — См.: *Париж*... С. 8.

... *Очень дорого*... — 1 франк в 1909 году стоил 37½ копеек. — *Там же*. С. 182.

...*Академия Жюльена*... — частная художественная школа была названа по имени своего основателя, французского художника Родольфа Жюльена (Julian; Жюльан; 1839-1907). В мастерских Академии Жюльена всегда было многолюдно еще и потому, что здесь было специальное отделение для женщин. — См.: *Nicolle H. Les petites Académies //Les annales politiques et littéraires: Revue universelle paraissant le dimanche. Paris, 3 Mars 1907, no. 1236. P. III.*

Всем ученикам бесплатно предоставляли модели, не слишком строго следили за их работой, а раз в неделю преподаватели Школы изящных искусств давали консультации. Это ценили как начинающие, так и маститые художники. В частности, «на вечерних классах рисования с натуры в одной из мастерских академии Жюльана на Rue du Dragon» Л.Л. Толстой познакомился с Валентином Александровичем Серовым (1865-1911). — См.: *Толстой Л.Л. Встречи с В.А. Серовым //Биржевые ведомости: Вечерний выпуск. СПб., 26 ноября/9 декабря 1911 года, № 12655. С. 8. См. также: Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки: В 3-х томах. М.: Изобразит. искусство, [1974]. Т. I. С. 138, 562, 564; Ревалд Дж. Постимпрессионизм: От Ван Гога до Гогена. Л.; М.: Искусство, 1962. С. 169-172; (<http://www.visual-arts-cork.com/education/academie-julian.htm>); *Overcoming all obstacles: The women of the Académie Julian/G.P. Weisberg and J.R. Becker, editors. N.Y. & etc., 2000; Académie Julian* (<https://oneartyminute.com/lexique-artistique/academie-julian/>); (<https://sites.google.com/site/academiejulian/>).*

О *Международном центре искусств* сведений найти не удалось. Возможно, речь идет о Международной художественной галерее (*International Art Gallery*), в которой выставлялись и русские мастера. Так, Исаак Яковлевич Павловский (1852-1924), длительное время работавший в Париже и писавший под псевдонимом «*И. Яковлев*», рассказал о выставке работ мариниста, внука И.К. Айвазовского, Алексея Васильевича Ганзена (1876-1937). — См.: *Яковлев И. Из парижской жизни //Новое время. СПб., 11/24 апреля 1910 года, № 12242. С. 4.*

...за 300 франков в год... — чуть больше 100 рублей. По официальным данным 266 франков в 1909 году стоили 99 рублей 75 копеек. — См.: *Весь Петербург ... на 1909 год... Отд. I. С. 9.*

...обедаю у Мечникова в Sevres... — выдающийся русский ученый-биолог Илья Ильич Мечников (1845-1916) с 1888 года работал в Пастеровском институте (см. о нем ниже примеч. 7) и жил в *Севре* — юго-западном пригороде Парижа. См. об этом ниже.

Об Огюсте Родене см. выше примеч. 11 к Главе 5 Книги I. О беседах О. Родена с Л.Л. Толстым см. ниже примеч. 18.

...против... музея *Luxembourg*... — для Л.Л. Толстого близость к *Люксембургскому музею* была важна еще и потому, что в нем выставлялись работы действующих или недавно умерших мастеров. — См.: *Париж... С. 170; Париж и его окрестности: Полный русский путеводитель для едущих на Всемирную выставку в 1889 году. М., 1889. С. 123-124.*

⁶ Последние годы жизни немецкого композитора Людвиг ван Бетховена (см. о нем выше примеч. 4 к Главе 20 Книги I) были омрачены прогрессирующей глухотой. Выбор такой модели для ученической работы позволяет представить себе характер и темперамент девушки, которую Л.Л. Толстой называет *Жизелью* или «*милой Францией*». См. о ней ниже.

Позднее Л.Л. Толстой и сам вылепил Бетховена. — См.: *Толстовский сборник. Новосибирск, 2000, № 2. С. 20.*

⁷ Институт был основан в Париже в 1886 году для изучения проблем микробиологии, вакцин и инфекционных заболеваний и назван в честь французского ученого-микробиолога Луи Пастера (Pasteur; 1822-1895).

Французский доктор, о котором упоминает Л.Л. Толстой, — это выдающийся бактериолог, сподвижник Луи Пастера, друг И.И. Мечникова и директор Института с 1904 года Пьер Поль-Эмиль Ру (Roux; 1853-1933). — См.: *Ру Э. Письма к И.И. Мечникову и*

О.Н. Мечниковой: 1888-1914. М.: Наука, 1986; *Мечников И.И.* Академическое собрание сочинений: В 16-ти томах. М.: Медгиз, 1962. Т. XV. С. 368.

В отечественной прессе профессора И.И. Мечникова позднее представляли так: «Знаменитый ученый ... живет в Париже, являясь достойнейшим преемником Пастера в его институте, управляемом теперь профессором Ру». — См.: *У профессора Мечникова /М-ь//Новое время.* СПб., 12/25 мая 1909 года, № 11912. С. 4.

⁸ О встречах Л.Л. Толстого с И.И. Мечниковым в Париже см. выше в примеч. 5.

⁹ Если память не подвела Павла Львовича Толстого (см. об этом ниже в примеч. 20), это была Анна-Жизель Бюно-Варийя (Bunau-Varilla; 1892-1978), дочь инженера, инициатора строительства Панамского канала в конце XIX - начале XX-го века Филиппа-Жана Бюно-Варийи (Bunau-Varilla; 1859-1940), который спас проект и честь семьи после серии скандальных судебных процессов, вызванных пропаячей денег, выделенных на строительство еще в конце 80-х годов. — См.: *Bunau-Varilla Ph.* Panama: La création, la destruction, la résurrection. Paris, 1913; *Anguizola G.* Philippe Bunau-Varilla: The man behind the Panama Canal. Chicago, [1980]. P. 303, 306; *Loizillon G.* The Bunau-Varilla brothers and the Panama Canal. [N.Y.,] 2008. P. 10-15, 201; *Дипломатический словарь:* В 3-х томах. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1984. Т. 1. С. 166; (ww.geni.com/people/Anne-Giselle-Rocco/6000000076166199838)(<https://gw.geneanet.org/familysoyer?lang=en&n=bunau+varilla&oc=0&p=anne+giselle+sonia+ida>)(<https://gw.geneanet.org/elsa2002?lang=en&pz=emma+cecile+rose&nz=valdeyron&ocz=0&p=anne+gisele+sonia+ida&n=bunau+varilla>)

¹⁰ Женой Ф.-Ж. Бюно-Варийи была дочь немецкого банкира, барона Морица Саломона фон Хабера (Haber; 1798-1872) и француженки Иды де Брюнхоф (Brunhoff; 1838-1906), названная, как и мать, Идой и носившая до брака ее фамилию (Brunhoff; 1859-1948). — См.: *Anguizola G.* Philippe Bunau-Varilla... P. 143.

¹¹ Немецкий философ Фридрих Ницше (Nietzsche; 1844-1900) считал брак самой ложной формой человеческих отношений и воспринимал супружество по любви как самый неразумный вид брака с общественной точки зрения. Уточняя свою мысль, он писал: «Брак придуман для посредственных людей, которые не способны ни к сильной любви, ни к крепкой дружбе; поэтому-то он оказывается подходящим для большинства, но также и для тех весьма редких, которые способны и к любви, и к дружбе».

«... брак покоится на таланте к дружбе. ...»

Браки, которые были заключены по любви (т[ак] наз[ываемые] браки по любви) имеют заблуждения своим отцом и нужду (потребность) своей матерью. ...» — См.: *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений. М., 1911. Т. III. С. 233-234.

¹² По мнению исследователей, моделью для скульптур О. Родена «Аврора» (1885) и «Франция» (1904) была его возлюбленная, скульптор Камилла Клодель (Claudel; 1864-1943). — См.: *Grappe G.* Catalogue du Musée Rodin. Paris, 1931. P. 73, 139; *Роден:* Мысли об искусстве; Воспоминания современников. М.: Республика, 2000. С. 350; *Корн И.* Огюст Роден: Мастер скульптуры. Минск, 1998. С. 101.

Называл ли Роден кого-то еще «Францией», неизвестно. Возможно, молоденькая художница в студии чем-то внешне напоминала ему Камиллу Клодель.

¹³ В родословной барона Мориса фон Хабера (см. о нем выше примеч. 10) Ида фон Брюнхоф представлена как внебрачная дочь короля Швеции и Норвегии Оскара I (Oscar I; Жозеф-Оскар Бернадот; 1799-1859) и юной красавицы Иды из Мальмё (Ida de Malmö), позднее вышедшей замуж за Шарля де Брюнхоф (Charles de Brunhoff). Однако позднее Maurice Bunau-Varilla-младший, сводный брат Жизель и внук Иды де Брюнхоф из Мальмё,

сын Ф.-Ж. Бюно-Варийи (см. выше примеч. 9) и его второй жены, Madeleine Marie (урожд. Guasco; 1891-1922), отверг эту версию. — См.: (<https://gw.geneanet.org/garric?lang=fr&p=jean+francois&n=bernadotte>); (<https://gw.geneanet.org/pierfit?lang=en&n=de+malmoe&oc=0&p=ida>); (<https://gw.geneanet.org/pierfit?lang=en&n=von+haber&oc=0&p=moritz+salomon>); (<https://www.geni.com/people/Ida-de-Malmö/6000000025387531215>).

¹⁴ См. выше примеч. 6 к Главе 1 Книги I.

¹⁵ С приездом Д.Ф. Толстой, детей, гувернантки и прислуги Л.Л. Толстой снял квартиру на площади Св. Жака, 78. Первый раз этот адрес появляется в письме от 20 сентября (нов. стиля) 1909 года. — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14468. Л. 1 об. Несколько позже он порадует С.А. Толстую: «<...> Квартира светлая — вся на юг. <...>» — *Там же*, № 14470. Л. 1 об. Автограф.

¹⁶ Д.Ф. Толстая в это время ждала ребенка. Еще 29 июня/12 июля 1909 года Л.Л. Толстой из Хальмбюбуды писал С.А. Толстой: «<...> Дора в ожидании на 4-м месяце. Родит в январе в Париже. <...>» — *Там же*, № 14555. Л. 2. Автограф.

Однако события развивались совсем иначе. См. об этом ниже.

¹⁷ Дворец XVIII века, принадлежавший герцогу Бирону, в следующем столетии был превращен в дорогой отель. Он стоял очень удачно: на тихой улице Варен, как раз там, где она выходила на широкий бульвар Инвалидов, рядом с Домом инвалидов и могилой Наполеона.

С 1908 года О. Роден занимал часть отеля Бирон. В 1911 году, когда здание хотели снести, Роден убедил власти отдать его целиком под его мастерскую с условием, что после его кончины в этом здании устроят его музей. — См.: *Grappe G*. Catalogue du Musée Rodin... Р. 7-21; *Кокио Г*. Роден в отеле Бирон // *Роден: Мысли об искусстве...* С. 251-263; *Корн И*. Огюст Роден... С. 110-111.

¹⁸ Встреча с Огюстом Роденом состоялась в начале сентября (нов. стиля) 1909 года. 13 сентября (нов. стиля) 1909 года Л.Л. Толстой вскользь упомянул об этом в письме родным: «<...> Леплю слишком много — с утра до вечера. Кроме школ, Rodin дает советы, хвалил. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14466. Л. 2. Автограф.

Через несколько дней, 20 сентября (нов. стиля) 1909 года Л.Л. Толстой более подробно описал ситуацию: «<...> Мечников устроил знакомство с Rodin, и он уже начал давать мне советы. Очень любопытно. <...>» — *Там же*, № 14468. Л. 1 об. Автограф.

О взглядах О. Родена на искусство см.: *Родэн О*. Искусство: Ряд бесед, записанных П. Гзелль. Пер. <с фр.> СПб., 1914. «Завещание» мастера см. в кн.: *Роден: Сб. статей о творчестве*. М.: ИИЛ, 1960. С. 13-16; *Роден О*. Завещание. СПб.: Азбука, 2002. С. 49-58. См. также: *Вейс Д*. Огюст Роден. М.: Искусство, 1969. С. 557-560; *Рильке Р.-М*. Ворпсведе; Огюст Роден; Письма; Стихи. М.: Искусство, 1971. С. 86-166.

¹⁹ Возможно, под влиянием вспыхнувшей страсти Л.Л. Толстой осенью 1909 года написал пьесу «Встреча», которую он отправил в петербургское бюро переписки. 24 ноября 1909 года переписчик М.Г. Левинсон подтвердил Л.Л. Толстому, что получил ее из Парижа. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 403. Л. 11-11 об.

Других сведений об этой пьесе нет.

²⁰ Вероятным следствием этой бурной сцены были преждевременные роды. Об этом Л.Л. Толстой 8 декабря (нов. стиля) 1909 года поведал матери, от которой, как мы уже много раз убеждались, у него не было тайн:

«Дорогая мамаша, с грустью сообщаю, что Дора до времени родила вчера плохого мальчика, который жил только несколько часов, вышел ногами вперед, был со слабыми, кривыми конечностями. Что причина? Все. И дети до него подряд, и Париж, и нежелание Доры иметь еще детей. Сама Дора перенесла все это, слава Богу, отлично и теперь лежит, очень бодрая. <...>

Я по-прежнему занимаюсь своей скульптурой и начинаю понимать, что нужно не менее 10<-ти> лет, чтобы стать в этой области большим. Целыми часами стою перед вещами Rodin, выше которого не знаю. Недавно получил в своей академии 1-ый номер за эскиз барельефа на тему: “Война”. Работаю очень много и, конечно, успехи есть, но что это сравнительно с тем, что надо. В академии у нас много русских, приехавших за мной в Париж. Между прочим, кн<язь> Ухтомский из П<етербур>га<,> не родственник Эспера, женатый на Корсаковой.

Люблю Париж и французов и чувствую, что живу здесь сильнее, чем дома.
Ваш Лев».

— **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14475. Л. 1-2 об. Курсив Л.Л. Толстого.

...1-ый номер за эскиз барельефа на тему “Война”... — в академии Жюльена ежемесячно устраивались конкурсы по рисунку с выдачей премий. Работа, получившая первый номер, должна была оставаться в классе. — См.: **Кончаловский**: Художественное наследие[: Сб. воспоминаний]. М.: Искусство, 1964. С. 15.

... не родственник Эспера... — о князе Э.Э. Ухтомском см. выше примеч. 10 к Главе 9 Книги I.

... женатый на Корсаковой. — Скульптор, живописец, служивший в Русском музее императора Александра III, князь Сергей Александрович Ухтомский (1886-1926). Его жена — переводчица Евгения Павловна Ухтомская (урожд. Корсакова; 1876-1941).

²¹ Об этой поездке в Америку никаких достоверных сведений нет. Возможно, Л.Л. Толстой объединил ее с другой поездкой в Америку весной 1911 года. — См. об этом подробнее: **Абросимова В.** Сын великого Толстого, война и Америка (по архивным документам) // *Toronto Slavic Quarterly*... Spring 2008, no. 24.

Павел Львович Толстой позднее вспоминал об этой поездке отца так: «Любовный климат Парижа подействовал на моего отца. Он влюбился в Жизель Bouovarilla, дочь шеф-редактора “Le Matin”. Она посещала те же курсы по скульптуре, что и он. Мама Дора не была согласна на развод. “Но этот варвар, который мне перечит, угнетает, раздражает и убивает меня, его, только его я люблю... Да, да...”

Для того, чтобы страсти улеглись, папа Лео отправился на пару месяцев в США». — Из личного архива Т.Л. Балдовской.

На самом деле, Анна-Жизель Бюно-Варийя была племянницей редактора и владельца газеты «Матэн» Мориса Бюно-Варийи (*Bunau-Varilla*; 1856-1944). Ее отец принимал участие в выработке редакционной политики газеты и помогал деньгами, пока не разразился скандал со строительством Панамского канала. — См.: **Ricciardi M.** The diary of an African photographer. Lnd., 2000. См. выше примеч. 9.

²² О том, что Л.Л. Толстой на самом деле страдал и душа его разрывалась между двумя женщинами, свидетельствует его следующее письмо из Парижа от 25 декабря (нов. стиля) 1909 года:

«Милая мамá, спасибо за хорошее письмо сегодня. Вы точно чувствовали, что я переживаю тяжелое время. Дора лежит с набухшими от молока грудями. Встанет в среду, чувствует себя физически бодро. Вчера делала детям маленьк<ую> елку и раздавала подарки. Эти дни перерыв в скульптуре в академии, но я, не будучи в состоянии быть теперь без работы, лепил дома. В понедельник снова начнутся занятия у Julien. Успехи мои идут параллельно в лепке и в рисовании.

Посылаю фотографию с одного из моих торсов. Жаль, что нет спины. Она сделана лучше фаса.

Недавно сделал два удачных женских бюста, но, не имея ни денег, ни мастерской, приходится все пока разрушать, что очень жалко не для одного меня. Все жалеют. <...>

Нет ли подписанного маленького портрета? <...> На автографе можно было бы написать

À M-lle Verlet».

— **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14476. Л. 1-2 об. Автограф.

... *Посылаю фотографию*... — фотографии ранних скульптур Л.Л. Толстого не сохранились.

...*M-lle Verlet* — дочь скульптора Пауля Шарля Верле (*Verlet*; 1857-1923), преподававшего в Национальной высшей школе изящного искусства (*l'École nationale supérieure des beaux-arts*). — См.: **Grand Larousse encyclopédique**: In 10 volumes. Paris, 1964. Vol. 10. P. 751; **Benézit E.** Dictionnaire critique et documentaire des peintres, sculpteurs, dessinateurs et graveurs. Paris, 1976. Т. X. P. 458; **Larousse du XXe siècle**: en six volumes. Paris, 1933. Vol. 6. P. 953.

С.А. Толстая услышала настойчивые просьбы сына (до этого Л.Л. Толстой просил автограф отца для мадмуазель Верле в письмах матери 13 и 29 октября 1909 года. — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, №№ 14467, 14474). 22 декабря (ст. стиля) 1909 года она начала свое письмо сыну так: «Исполняю твою просьбу, милый Лёва, и посылаю автограф папá для твоей знакомой француженки. <...>» — **ИРЛИ**, ф. 303, № 688. Л. 39. Автограф.

Сведений о Marguerite Verlet найти не удалось, в отличие от ее брата Поля (1890-1922), увлекавшегося литературой и писавшего стихи (https://fr.wikipedia.org/wiki/Paul_Verlet). Очевидно одно: в семье Верле знали русского писателя Льва Толстого и рады были получить его автограф.

14 января (нов. стиля) 1910 года Л.Л. Толстой благодарил С.А. Толстую:

«Дорогая мамаша, спасибо за автограф папá и письмо. Вы так мило и разумно пишете в этом году, что просто прелесть. Желая много лет здравствовать с нового года. Надеюсь, что чувствуете себя хорошо.

У нас все благополучно. <...> Дора оправилась. Вчера возил ее в театр. Она скучает здесь потому, что мало кого видит, а меня нет дома до вечера. <...>

Моя скульптура подвигается. Хвалят. Но еще далеко до совершенства. Но оно будет, и эта мысль меня радует очень. Если Бог даст сил, оставлю в скульптуре больше, чем в литературе. Целую вас всех.

Лев».

— **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14478. Л. 1-2 об.

26 января/8 февраля 1910 года Л.Л. Толстой успокоил родных относительно того, что наводнение, о котором писали и русские газеты, начало спадать, и добавил: «<...> Я продолжаю слишком много работать. Что из этого выйдет? Увидим. Целую всех. Подумываю о Ясной, но также *подумываю о том, чтобы остаться здесь <на> все лето* для занятий по мрамору и рисованию. <...>» — **Там же**, № 14479. Л. 1 об. Курсив мой. — **В.А.** См. также: **Наводнение во Франции // Столичная молва**. М., 18 января 1910 года, № 102. С. 2.

Позже выяснится, что встречи с Жизель прекратились — по ее инициативе, — и летом 1910 года Л.Л. Толстой отправился в Ясную Поляну. См. об этом ниже.

Письма *из Парижа* продолжали *регулярно* отправляться в Ясную Поляну. Так, 22 февраля/6 марта 1910 года Л.Л. Толстой писал родным: «<...> Мое учение идет, но я утомился, был даже нездоров одно время. Вообще здесь утомляешься и переутомляешься.

Дора и дети здоровы. Я рад, что французский язык в них войдет легко и с детства. Маленькие для нового языка малы.

Старшие мальчики все рисуют, а Кита так недурно лепит. Он вообще очень интересен и хорош. Ценный мальчик и даже очень. Пусть только вырастает. <...>

Я на распутье в скульптуре: начать работать одному в своей мастерской или еще в академиях.

Боюсь, что все это Вам не интересно. Все-таки пишу. Но в своей мастерской <работать> дороже. Надо платить <за> натуру одному, надо платить <за> мастерскую, кроме квартиры, и я еще на это не иду. В академиях же дело идет тише. Все, начиная с Rodin, советуют мне работать одному. А как это сделать, когда все уходит на жизнь? Обидно, что у меня нет хоть немного свободных денег, чтобы теперь пустить себя в ход по новому занятию. Впрочем, надо <иметь> терпение и еще работать.

Сейчас, кроме академических работ, делаю бюст (голову) Пали. Хочу всех детей перелепить и лучший бюст потом сделать в мраморе. Очень это все увлекательно. Можно душу продать дьяволу. <...>

На днях пробовал сделать эскиз к памятнику Лермонтова в П<етербур>ге. Это довольно просто. Но мне еще немножко рано этими делами заниматься. Делал как опыт. Лицо Лермонтова изучил по фотографиям и, м<ожет> б<ыть>, сделаю когда-нибудь его бюст. Но работа по фотографиям мне претит. С натуры увлекательно. Я хожу к нескольким скульпторам, чтобы собрать всевозможные советы, и это очень полезно. Теперь один скульптор, Dampf, мне указал очень много новых приемов.

Ну, вот все, как видите, скульптура. Она тем хороша, что не выпускает из рук и, вероятно, доведет меня до последнего здешнего этапа, рано или поздно. Тем лучше. Целую всех. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14480. Л. 1 об.-4 об. Автограф.

О *памятнике Лермонтову* увлекающийся и импульсивный Л.Л. Толстой никогда больше не вспоминал. Выставка проектов памятника М.Ю. Лермонтову состоялась весной. — См.: *Новое время*. СПб., 4/17 мая 1910 года, № 12263. С. 4; *Иллюстрированное всемирное обозрение*: Бесплатное приложение к журналу «Родина». СПб., 23 мая 1910 года, № 21. С. 1.

Жан Батист Огюст Дампф (*Dampf*; 1854-1945) был известен как скульптор и медальер. Его работы уже в конце 80-х годов выставлялись в Люксембургском музее. — См.: *Париж...* С. 171; *Париж и его окрестности...* С. 123-124; *Benéit E. Dictionnaire critique et documentaire...* Т. X. Р. 218-219; *La Grand encyclopédie inventaire raisonne des sciences, des lettres et des arts*. Paris, 1952. Т. 13. Р. 821; *Grand Larousse encyclopédique...* Vol. 3. Р. 770; *Larousse du XXe siècle...* Vol. 2. Р. 661; *Le Musée National du Luxembourg...* Р. 125. В архиве Л.Л. Толстого сохранилось письмо Жана Дампфа, которое условно можно датировать ноябрем 1910 года. Французский скульптор выразил искреннее и глубокое сочувствие по поводу смерти Л.Н. Толстого, «который осветил свой век и которому мы обязаны своими самыми высокими радостями», а также сожалел, что при жизни великого писателя он «не имел чести и счастья запечатлеть его образ в твердом материале, который сохранил бы его навсегда». — **ИРЛИ**, ф. 303, № 277. Л. 1-2. Автограф на фр. языке.

И следующее письмо Л.Л. Толстого родным от 28/15 марта 1910 года пришло с почтовым штемпелем французской столицы, да и сообщаемые новости тоже касались его пребывания в Париже:

«<...> Паля рассек себе лоб, так что зашивал доктор. Заживает. Живем интересно, полно, занято. Я устал от чрезмерной работы. Немного хочу отдохнуть, но все не могу воздержаться. Теперь невольно отдохну потому, что два приятеля-скульптора, — Суд<ь>бинин и Бернсон (швед, сын большого шведск<ого> скульптора и сам хороший скульпт<ор>), — будут меня заодно лепить. Просили.

Делаю 4 бюста своих детей. Пришлю Вам позднее их фотографии. <...> Здесь цветут абрикосы, фиалки, трава, распускаются деревья. Солнце и тепло.

Вчера день Пасхи. Париж весь за городом, и я в Sevres к Мечниковым. Гуляли по парку St. Cloudt. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14481. Л. 1 об.-2 об. Автограф.

Серафим Николаевич *Судьбинин* (1867-1944) выделялся среди русских колонистов в Париже. До того, как стать скульптором, он с 1898 года до 1904 года был актером Московского Художественного театра. — См.: *Станиславский К.С.* Моя жизнь в искусстве.

М.: Искусство, 1972. С. 223; *Виноградская И.* Жизнь и творчество К.С. Станиславского: Летопись: В 4-х томах. М.: ВТО, 1971. Т. 1. С. 288, 308 и др. Одновременно С.Н. Судьбинин увлекался лепкой. С 1902 года он стал членом Московского общества любителей художеств; давал уроки лепки детям одного из крупнейших русских промышленников и меценатов Саввы Тимофеевича Морозова (1862-1905) и на его стипендию с 1904 года учился в Париже у Родена и других мастеров. С 1906 года С.Н. Судьбинин стал членом Союза русских художников.

Его работы, выставленные в Салоне французского национального общества изящных искусств на Марсовом поле в Париже весной 1910 года, произвели очень хорошее впечатление на зрителей. — См.: *Яковлев И.* Салон Марсова поля // *Новое время*. СПб., 2/15 апреля 1910 года, № 12233. С. 4. См. также: *Grand dictionnaire encyclopedique Larousse...* Т. 9. С. 9711.

Лепил ли С.Н. Судьбинин весной 1910 года Л.Л. Толстого, установить не удалось. Многие портреты скульптора остались в Париже, где С.Н. Судьбинин работал до своей кончины. — См.: *Художники русского зарубежья: 1917-1939*: Биограф. словарь / *Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я.* СПб.: Нотабене, 1999. С. 554-556. См. также: *Хмельницкая Е.С.* Серафим Судьбинин на переломе эпох: От модерна до ар деко. СПб.: Чистый лист, 2010 (указ.).

Шведские скульпторы, профессор *Йохан Бьёрсон (Börjeson; 1835-1910)* и его сын, *Бьёре Бьёрсон (1881-1958)*, работали в Париже в 1909-1910 годах. — См.: *Svenskt konstnärs lexikon*. Malmö, 1952. Bd. I. S. 265-267; *Johansson S.-Å.* Skulpturer i Sverige: En häfnadsväckande resa i våra kommuner. Stockholm, 2002. S. 126, 134.

Лепили ли они Л.Л. Толстого, установить не удалось.

...по парку *St. Cloudt*... — парк Сен Клу, украшенный бассейнами, фонтанами и террасой, был одним из самых привлекательных мест в окрестностях Парижа. — См.: *Париж...* С. 190.

Сохранившиеся письма Л.Л. Толстого в Ясную Поляну позволяют говорить о том, что весной 1910 года он не покидал Париж. Это подтверждают и почтовые штемпели на конвертах или на оборотах открытых писем.

«

Париж

23 апр<еля нов. стиля 19>10 г<ода>

Милая мамá, не пишу потому, что все по-старому. Жизнь идет однообразно. Много работаю над бюстами детей и еще кое-чем.

В Академию не хожу больше.

Видаем Гагариных, кн<язей> Ухтомских, Судьбинина, шведов и еще других здешних знакомых. Открылся весенний салон. Я ничего не послал. Думаю послать на будущий год.

Весна задерживается, хотя уже каштаны зацветают, приготовив свои дерзкие свечи. Был у Мирбо, но не застал дома. Жалею, что не был у Вогюэ до его смерти. Бывает Саломон, и мы у него на великолепных обедах. В театры ездим мало. Даже <<Шантеклера>> не видали. Дети учатся, маленькие дома. Вчера у Нины был жар. Сегодня здорова, как бывало у меня в детстве.

1-го мая по нов<ому> стилю будет видна здесь комета в 3 часа ночи на востоке. Она была при Вольтере, и он писал, что она приходит оживлять старость.

Целую всех вас.

Ваш Лев».

— *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14482. Л. 1-2. Автограф.

Гагарины — вероятно, речь идет о художнике-любителе, коллекционере и библиофиле, князе Николае Викторовиче Гагарине (1873-1925) и его жене Марине Николаевне (урожд. Трубецкой; 1877-1924). — См. о них: *Павел Петрович Трубецкой*: Скульптура, графика... С. 60; *Паоло Трубецкой*: К 150-летию со дня рождения... С. 68, илл. 35; *Паоло Трубецкой*: Собрание Музея пейзажа в Вербании... С. 106-107, 232, 240.

...кн<язей> Ухтомских... — см. о них выше в примеч. 20.

Октав *Мирбо* (Mirbeau; 1848-1917) — французский писатель; корреспондент и адресат Л.Н. Толстого.

Эжен Мельхиор де *Вогюэ* (см. о нем выше примеч. 15 к Главе 19 Книги I) умер в Париже 24 марта 1910 года.

Л.Л. Толстой был знаком с Шарлем *Саломоном* (Salomon; 1862-1936) еще со времени своей первой поездки в Париж в 1894 году. — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 318, 324.

...<“*Шантеклер*”>... — новая пьеса французского драматурга Эдмона Ростана (Rostand; 1868-1918). О ее небывалом успехе в Париже Л.Л. Толстой писал родным 26 января/8 февраля 1910 года. — *ОР ГМТ.* Архив С.А. Толстой, № 14479. Л. 2. См. также: *Булгаков В.* Л.Н. Толстой в последний год его жизни... С. 55; *Маковицкий Д.П.* У Толстого... Кн. 4. С. 173, 256; *Macdonald J.F.* Paris, mr. Edmond Rostand, and “Chantercler” // *The Fortnightly review.* Lnd., March 1910. Vol. 86, № 519. P. 575-590.

...*комета ... была при Вольтере*... — речь идет о комете Галлея, названной в честь английского астронома Эдмунда Галлея (Halley; 1656-1742), предсказавшего периодичность ее появления примерно через 76 лет. В европейских странах к наблюдениям за кометой Галлея отнеслись с большой серьезностью и фотографировали ее с середины апреля до середины июля 1910 года. — См.: *Глазенап С.* Фотография кометы Галлея // *Новое время.* СПб., 15/28 апреля 1910 года, № 12246. С. 4; *Глазенап С.* Последние наблюдения над кометой Галлея // *Там же*, 30 апреля/13 мая 1910 года, № 12259. С. 5; и др.

Вольтер мог наблюдать “хвостатую звезду”, как называли тогда кометы, еще в конце 1747 года, когда его карета перевернулась, он вывалился в снег и, взглянув на небо, увидел светящийся след. — См.: *Митфорд Н.* Влюбленный Вольтер: Биогр. роман. М.: Аграф, 1999. С. 226-227.

Комету Галлея Вольтер мог наблюдать на Рождество 1758 года или в начале 1759 года. — См.: *Armitage A.* Edmund Halley. [Lnd., 1966]. P. 165-166.

Впоследствии Вольтер не раз использовал образ кометы в своих сочинениях. В его представлении она была одним из тех “чудес света”, которые нуждаются в дополнительном изучении. См. его философский диалог «Была ли земля образована кометой?», а также «Философские письма», в которых он размышляет о системе тяготения и об оптике Исаака Ньютона (Newton; 1642-1727). В шестнадцатом письме Вольтер сопоставляет досужие домыслы о бедах, которые якобы приносят кометы, и точку зрения великого английского физика, который, по его словам, «предполагает, что кометы очень благоприятны и что исходящие от них пары служат единственно тому, чтобы поддерживать и оживлять планеты, пропитывающиеся на своем пути всеми теми частицами, которые Солнце отторгло от комет. Эта мысль, по крайней мере, более правдоподобна, чем та». — См.: *Вольтер.* Собрание сочинений: В 3-х томах. СПб., 1910. Т. 3. С. 153-159; *Вольтер.* Философские сочинения. М.: Наука, 1988. С. 140-141, 601-605. См. также его сатирическую книгу «Вопросы о чудесах» (1765). — *Вольтер.* Бог и люди: Статьи, памфлеты, письма: В 2-х томах. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. I. С. 261-262.

У нас есть основания утверждать, что и следующие письма Л.Л. Толстого родным отправлены из Парижа.

« Paris, 2 мая (нов. стиля) 1910 <года>

Chère maman,

Я, кажется, Вам должен письмо, если не два. Я послал с Колечкой Ге биографию Паскаля для папá. Приехал ли Ге? Послал я фотографии с бюстов детей и портрет Доры в довольно жалком, но хорошем выражении. Дора говорит, что она не всегда такая, да и правда. В это утро она была особенно стара.

Головы детей продолжаю <лепить> и перед отъездом отсюда буду отливать. Еще пробовал сделать проект памятника Скобелева. Что занимало меня, <так это не что иное,> как конная статуя. Нет времени кончить и потому бросил. Посылаю фотографию наброска. Лошадь помогал мне наметить один француз, но вся композиция моя. Я хотел еще поставить

две солдатские фигуры по бокам. Было бы очень красиво и военная идея была бы выражена сильно.

Рад, что памятник Алек<сандру> II будет сочиняться вновь. Но я вообще считаю, что памятники делать — пагуба для художника. Отнимает года, а природа при этом часто отсутствует как учительница и притом единственная.

Мне Маша, жена Сережи, пишет глупое нравоучение по поводу того, что я просил ее мне указать в Москве гранитного мастера для сметы при проекте Скобелева. „Ты бы поберег твой талант для более гуманитарной идеи”. Вообще мы все хотим друг друга учить и заставлять думать<,> как мы. Если я считаю выражение военной идеи, отваги и силы нужной России, то не Маша же может меня в этом разубедить. Впрочем, она мило исполнила поручение, и я ей благодарен.

Вчера было 1-ое мая, <мы> все были на „grand<e>s eaux”, фонтанах в Версале всей семьей<,> с Соней включительно. Были несметные толпы народа всех национальностей. Красиво, интересно. Французская толпа выгнала из дворцов своих королей и сама ворвалась в них, любуясь и наслаждаясь королевскими затеями.

Открылся второй большой Салон, des artistes français. Вы не можете себе представить, что это такое, Grand Palais, уставленный скульптурой и завешанный картинами. Площадь в несколько десятин. Кое-что есть интересного и хорошего, но большинство дряни академической здешней окраски. Этот салон — самый большой. Из него отделился и вышел тот, о котором я, кажется, писал и в котором главой Rodin. В том обращает на себя внимание торс Родена. Посылаю его снимок. Он действительно великолепен и полон жизни, хотя в мертвой форме гипса.

Мы едем отсюда около 20 июня. Сегодня отвратительная погода: холод и дождь.

Пока прощайте. Целую всех вас.

Лев».

— **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14483. Л. 1-3 об. Автограф.

Колечка Ге — Н.Н. Ге-младший (см. о нем выше в примеч. 31 к Главе 13 Книги I), как и отец, был дружен со всеми членами семьи Толстого. Он перешел во французское подданство и 27 мая 1910 года приехал в Ясную Поляну из Швейцарии. — **ПСС**. Т. 58. С. 58; **Булгаков В.** Л.Н. Толстой в последний год его жизни... С. 230.

Л.Н. Толстой внимательно изучал сочинения французского религиозного философа, писателя, математика и физика Блеза *Паскаля* (Pascal; 1623-1662). Летом 1910 года он читал старое французское издание «Мыслей» Б. Паскаля 1850 года. — **ПСС**. Т. 58. С. 86, 479-480. См. также: **Стрельцова Г.Я.** Паскаль и европейская культура. М.: Республика, 1994. С. 356-374; **Козьмина М.А.** Толстой и Паскаль: чудо духовного единения // **Яснополянский сборник 2000**... С. 10-20.

Через несколько месяцев после смерти Л.Н. Толстого в издательстве «Посредник» вышла биография Б. Паскаля. — См.: **Французский мудрец Блас Паскаль, его жизнь и труды**. М.: Посредник (№ 75), 1911.

Какую *биографию Паскаля* из Парижа в Ясную Поляну отправил Л.Л. Толстой, установить точно не удалось. Однако вполне вероятно, что речь идет о книге Виктора Жиро (Giraud; 1868-1953), экземпляр которой сохранился в Ясной Поляне. — См.: **Giraud V.** Blaise Pascal: Études d'histoire morale. Paris, 1910. См. также: **Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне**: Библиогр. описание: В 3-х частях. Ч. III/1: Книги на иностранных языках. Тула: Ясная Поляна, 1999. С. 410.

В дневнике А.Л. Толстой есть запись разговора о Паскале, в котором 17-19 июля 1910 года Л.Н. Толстой принял живое участие. — См.: **Толстая А.Л.** Дневники... С. 90-91, 276.

...особенно стара... — возможно, это и есть последствие бурной семейной сцены, описанной Л.Л. Толстым. Сохранившаяся фотография Д.Ф. Толстой дает представление о том, как тяжело перенесла она наметившийся распад семьи.

...проект памятника генерала от инфантерии, участника русско-турецкой войны 1877-1878 годов, Михаила Дмитриевича *Скобелева* (1843-1882) работы Л.Л. Толстого не

сохранился. Фотографии трех лучших проектов памятника см.: *Новое время*: Иллюстрир. приложение. СПб., 19 июня/2 июля 1910 года, № 12308. С. 7. Однако и через несколько месяцев в различных кругах русского общества выражалось недовольство результатами прошедшего конкурса. — См.: *Художественно-педагогический журнал*. СПб., 10 ноября 1910 года, № 21. С. 12.

...памятник Александру II (Александру Николаевичу Романову; 1818-1881)... — конкурс на лучший проект памятника проводился весной 1910 года. Победители были названы, но радости их работы никому не принесли. В русском обществе сложилось глубокое убеждение, что из представленных 54-х работ нет ни одной, достойной памяти царя-освободителя: «...нигде не видно творчества, красоты, оригинальности...». — См.: *Кравченко Н.* Неудачные проекты // *Новое время*. СПб., 2/15 апреля 1910 года, № 12233. С. 4. См. также фотографию проекта памятника Александру II скульптора Паоло Трубецкого. — *Там же*, 4/17 апреля 1910 года, № 12235. С. 6. Три других проекта памятника Александру II см.: *Там же*, 10/23 апреля 1910 года, № 12241. С. 5; *Иллюстрированное всемирное обозрение*... СПб., 25 апреля 1910 года, № 17. С. 2-3.

В середине лета 1910 года недовольство результатами конкурса привело к неожиданному решению: «Конкурс на памятник императору Александру II, результаты которого возмутили всех, интересующихся искусством, будет повторен. Жюри остается прежним. ...»

Кн[язь] Паоло Трубецкой, автор лучшего и забракованного на первом конкурсе проекта, во втором конкурсе принимать участия не будет». — См.: *Искусство и жизнь // Художественно-педагогический журнал*. СПб., 2 июля 1910 года, № 11. С. 12. См. также: *Турчин В.С.* Паоло Трубецкой // *Советская скульптура: 1976...* С. 159; *Паоло Трубецкой*: Собрание Музея пейзажа в Вербании... С. 159.

...Маша, жена Сережи... — Мария Николаевна Толстая (урожд. Зубова; 1867-1939), вторая жена С.Л. Толстого. Л.Л. Толстой цитирует письмо М.Н. Толстой от 8 апреля (ст. стиля) 1910 года. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 671. Л. 1-2. Автограф.

...grand<e>s eaux... — дословно: большие воды; большие фонтаны (фр.); так назывался одновременный пуск всех фонтанов в парке Версальского замка. В первое воскресенье каждого месяца они были открыты для посетителей Версаля. — См.: *Париж*... С. 189.

...второй большой Салон, <Société> des Artistes français... — подробный рассказ об академической выставке см.: *Яковлев И.* Старый салон (Société des Artistes français) // *Новое время*. СПб., 2/15 мая 1910 года, № 12261. С. 4; 3/16 мая 1910 года, № 12262. С. 3.

...торс Родена... — точнее, два женских торса (без головы и ног) и два бронзовых бюста О. Родена стали главным событием другой выставки, открывшейся ранее в Салоне Французского Национального общества изящных искусств на Марсовом поле. «Эти вещи, и особенно женские торсы, не тела, а только обломки тел, где бы вы их ни увидели, зацепят ваш глаз, прикуют ваше внимание». — См.: *Яковлев И.* Салон Марсова поля // *Там же*. СПб., 6/19 апреля 1910 года, № 12237. С. 4.

Потом были еще две коротеньких записки, чтение которых позволяет предположить, что с Л.Л. Толстым что-то происходит. Так, 16 мая (нов. стиля) 1910 года он сообщил С.А. Толстой: «<...> Пишу спешно. Всякие дела и чувствую себя нервно. Пора в деревню. Погода чудная. Сегодня второй день здесь Троицы и празднично. Едем через месяц. Дети простужены и Д<ора> тоже. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14502. Л. 1 об. Автограф.

А через несколько дней такой легкой в общении с матерью Л.Л. Толстой скрылся за перечнем обычных семейных забот:

«

20 мая <нов. стиля 19>10 <года>

Париж

Милая мамá, пишу в грустном, угнетенном всячески настроении. У Пети воспаление в легких, 40.7, и доктор каждый день. Заботы материальные, работы мои стали, жаль Дору, трудно в весенней суете Парижа.

Надеюсь, что напишу утешительнее через несколько дней, если Богу — судьбе будет угодно меня пощадить.

Целую Вас.

Лев.

Болезнь идет нормально. — *Там же*, № 14484. Л. 1. Автограф.

В большом письме в конце мая 1910 года Л.Л. Толстой чуть приоткрыл суть происходящего в Париже: «<...> Петя у нас поправился или, скорее, поправляется. Бледен, худ, хотя гуляет уже. Все-таки хорошо перенес такую болезнь.

Мы хотим ехать 7-го июня. <...>

Я взял себе маленький atelier и с осени буду в нем работать после завтраков, а утром опять в академиях.

Рад буду попасть в Швецию и мечтаю этим летом поехать недели на 3 в горы севера Швеции или Норвегии.

Пока целую всех вас. Не знаю, приеду ли в августе-сентябре к вам. Очень бы хотелось.

Ваш Лев.

Вообще соскучился здесь по России больше, чем скучаю о ней в Швеции. Второй год буду жить здесь без удовольствия, только для дела, а оно все еще меня держит в своем увлечении и подвигается. Приехал бы к вам, попробовал бы вылепить обоих родителей. Для голов у меня уже много знания. Сделал Нину. Кажется, недурно, хотя, когда здесь перед глазами лучшие образцы, все собой недоволен. <...>» — *Там же*, № 14485. Л. 1-2. Автограф.

Наконец, последняя открытка из французской столицы:

«Едем сегодня <в> Швецию. Пишите туда. Все здоровы. Целуем.

Лев.

6 июня <нов. стиля 19>10 <года>

Париж». — *Там же*, № 14488. Л. 1 об. Автограф.

...<le> atelier... — мастерская, ателье (*фр.*).

... Сделал Нину... — через год Л.Л. Толстой выставил скульптурный портрет трехлетней дочери. См. об этом ниже.

Однако как только Л.Л. Толстой попал в шведское поместье Вестерлундов и реально приблизился к границам России, желание увидеть родных взяло верх. 29 июня (ст. стиля) 1910 года он уже из Петербурга телеграммой запросил о состоянии здоровья С.А. Толстой. — *Там же*, № 14492. Л. 1.

Через несколько дней он был уже в Ясной Поляне. См. об этом ниже.

Глава 5

¹ Сохранившиеся документы позволяют обнаружить *крайне редкий в мемуарах Л.Л. Толстого сбой памяти*: его первая поездка в Америку произошла уже после кончины отца, а не за год до нее. — См.: *Tolstoy's son coming here: First visit to America will be for study and recreation //The New York times*. March 5, 1911. P. 1. См. также: *Абросимова В.* Сын великого Толстого, война и Америка... // *Toronto Slavic Quarterly*... Spring 2008, no. 24.

Первое упоминание о возможной поездке в Америку встречается в письме Л.Л. Толстого из Парижа от 23 декабря (нов. стиля) 1910 года: «<...> Я работаю, хочу кончить начатое, рисую, читаю, слоняюсь немного по Парижу, когда на сердце скверно. Возможно, что в январе уеду вдруг на 3 месяца в Америку. Возможно, что там буду читать лекции. Возможно, что никуда не уеду отсюда до весны. Потребность думать и глубоко, до дна. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14507. Л. 1-1 об. Автограф. Повторил он

столь же обтекаемо и в новогоднем письме из Парижа от 2 января (нов. стиля) 1911 года: «<...> Много работаю и не вижу, как летит время. Может быть, уеду в Америку. <...>» — *Там же*, № 14477. Л. 1. Автограф.

То, что в январе 1911 года Л.Л. Толстой был в Париже, подтверждается его деловой перепиской с Роденом. Опубликованный ответ Родена условно датируется 29 января 1911 года. — См.: *Correspondance de Rodin* /Texts classés et annotés par Alain Beausire et Florence Cadouot. Vol. III: 1908-1912. Paris, 1987. P. 128; *Роден О.* Завещание... С. 494, 593.

В конце января 1911 года Л.Л. Толстой уточнил дату отъезда и цель поездки: «<...> Я сделал недурной бюст отца из бронзы. Дети учатся. <...>еду в апреле<...> Я еду к друзьям на даровые харчи. Еду с возможностью заработка. <...>» — *ОР ГМТ.* Архив С.А. Толстой, № 14510. Л. 1 об.

Позднее, 15 февраля/1 марта 1911 года Л.Л. Толстой назвал точную дату отъезда: «<...> Уезжаю в Америку 19-го. Не знаю, сколько пробуду. <...> В Америке меня многое интересует и я пользуюсь случаем, чтобы ее видеть. <...>» — *Там же*, № 14512. Л. 1. Автограф.

Писем из Америки сохранилось немного. Первое из них (заказное) больше говорит о душевном состоянии Л.Л. Толстого, чем о причинах поездки. Оно написано на листах с типографским клише отеля Лафайет и вложено в конверт с аналогичным клише. В новой Америке хранили память о генерале американской армии, знаменитом французском политическом деятеле маркизе Жильбере де Лафайете (1757-1834), сражавшемся на стороне Северо-Американских Соединенных Штатов во время Войны за независимость 1775-1783 годов.

«

5 апреля <нов. стиля>1911<года
Нью-Йорк>

Дорогая, милая мамá, я получил Ваше письмо и мне грустно за Вас, что столько неприятностей следует одна за другой со смерти отца. Что делать? Надо переносить и стараться выбраться на более спокойную и радостную дорогу. Вам будет легче, когда это издание разойдется и Вы отстранитесь совсем от дел. Как с тремя томами? Надо узнать, за какие именно места тома арестованы, потом вырвать эти страницы и скорее постараться отделаться от всего.

Вы спрашиваете, зачем я уехал в Америку. На это прямо трудно ответить. *Случилось так, что я не мог не уехать, не для себя, а главное, для других.* Вы слышали, верно, о болезни милой моей Доры после моего отъезда. Слава Богу, ей теперь гораздо лучше и она уже выходит. Таня застала ее <лежащей> одной в квартире и написала мне. Страшного в этом, в сущности, не было ничего, хотя мне стало совестно, что я так оставил ее. Но я такой скверный, что мне надо было оставить ее, освободить от моей дрянной личности, хотя на время. Что будет дальше — ничего не знаю.

Здесь очень интересно и меня носят на руках. Приглашения всюду и ежедневно, в клубы, об<ще>ства, частные дома. Говорю речи по-английски, сижу на почетных местах. Говорю искренно о необходимости союза между двумя великими странами — Россией и Америкой, о том, что время пришло, чтобы все великие нации соединились вместе для того, чтобы первые шаги к разоружению могли быть сделаны. Об отце говорю мало. Живу в дешевом французском отеле. Готовлю публичную лекцию, ищу скульптурной работы и думаю, что на днях получу два заказа на бюсты.

Подарил в здешний музей бюст отца из бронзы. Приняли с благодарностью. Другую голову отца продал в бронзовый магазин, лучший в Америке. Надеюсь окупить расходы по путешествию и, м<ожет> б<ыть>, заработать для семьи. Живу скромно. Отца все искренно любят и понимают. Он здесь ближе к людям и жизни, чем где-либо. Удивительные люди, американцы, но что из них выйдет, еще трудно предсказать.

Они увеличивают вооружения, они делаются в известных слоях общества воинственными, они принуждены централизовать власть и управление, которые более, чем где-либо были до сих пор децентрализованы.

Женщины здесь меня приводят в восторг своей работой и серьезностью. Зато они далеко не так привлекательны, как французские. Строгость нравов очень большая и свои<,> зато специфические<,> игроки.

Я писал кое-что в „Новое Время” из моих впечатлений здесь. Миша Кузминский оставил всюду очень грустные следы. Во-первых, долг гостинице в 100 рублей. Я плачу 2 доллара в день в скромной гостинице, он платил 4 в самой роскошной. Он ездил на автомобилях, я <езжу> на трамвае и т.д. Кроме того, у него была какая-то женская грязная история и он был груб с людьми.

Miss Hargood дала мне серебряную ложку в подарок Вам и другую Тане. Все Вас очень ценят здесь по достоинству.

Я пробуду, вероятно, весь апрель, м<ожет> б<ыть>, захвачу часть мая. Что поделаешь? Надо жить, как Бог велит, мой Бог — судьба, провидение, потому, что мы лично ничего не можем. Можем одно — только спрашиваться у нашего разума и отдаваться чувству, когда оно сильнее всего.

Слышал, что духоборы очень процветают и размножаются. У Веригина несколько миллионов в банке. Молодежь духоборческая обангличилась. Школа всех равняет в Канаде, как и здесь. Но живучесть славянской расы так велика, что я надеюсь, <что> в будущем духоборы будут преобладать количественно на севере этого континента и, м<ожет> б<ыть>, в свое время начнут, как делает это теперь центральная Россия на старом континенте, посылать с севера вниз, на юг, своих потомков. Раз я говорил с папá об этой возможности, и он ответил: „Кто знает? Может быть...”

Сейчас здесь хоронят 150 жертв пожара, который был здесь рядом с отелем. Девушки-работницы бросались с 9<-го> этажа на улицу и разбивались насмерть. Это было на днях. Сейчас сотни тысяч работниц и работников с открытыми зонтиками под дождем идут процессией в несколько миль мимо нашей гостиницы к пожарищу рядом на площади, откуда кортеж пойдет на кладбище. Полный порядок, тишина, черные флаги, достоинство. Полиция превосходная. Демонстрация пройдет, вероятно, без всяких бесчинств. Я не выхожу, потому что не люблю толпы и есть свободное время сегодня.

Что Илья? Надеюсь, что он не поедет сюда еще тратить без толку деньги. Я никогда не сочувствовал фантазии продать Ясную <Поляну> американцам, да и никто здесь и не думает об этом. Слава Богу, никто ко мне не обращался за этим, и все почувствовали сразу, что я тут не при чем. Кстати, что об этом в России? Ответьте при случае на это письмо. М<ожет> б<ыть>, дойдет, пока я здесь.

Целую крепко. Не осуждайте меня за то, что так жестоко, как будто, покинул семью. Было бы хуже оставаться. Трудно жить на свете, когда в жилах кровь, а не чертковская сыворотка. Чтоб ему за его глупость, ни что другое, было воздаяние. Я рад, что освобожден от издания, но не могу ему простить за страдания отца и за Ваши.

Ваш Лев».

— Там же, № 14513. Л. 1-6. Автограф. Курсив мой. — В.А.

...Ваше письмо... — речь идет о письме, написанном в первой половине февраля 1911 года, когда С.А. Толстая находилась в состоянии тяжелой депрессии.

«

11 февраля <ст. стиля> 1911 г<ода.

Ясная Поляна>

Милый Лева, посылаю какой-то присланный тебе адрес. Неужели ты действительно едешь в Америку? У нас все не ладно. Я твердо решила рукописей не отдавать добровольно, тем более что г. Чертков заявил хранителю рукописей Румянц<евского> Музея, что ему Лев Ник<олаевич> поручил *вычеркивать* из дневников по его усмотрению.

Саша, озлившись за мое упорство, грозит разоблачить все письма и дневники папá, чтоб доказать его волю относительно рукописей, и она уже прислала мне письмо твоего отца, написанное ей из Оптиной Пустыни, — письмо, полное злобы на меня и прямо указывающее на то, что Лев Ник<олаевич> бежал от меня или, вернее, от того, что предложил мне разлуку с Чертковым, а потом страшно страдал от этой разлуки с<о> своим любимцем и озлился на

меня. Да и лично я все время последнее чувствовала его недоброе отношение ко мне и потому все больше и больше нервничала и страдала...

Сейчас приехали Андрюша и Илья, собираются в Петербург, а я еду в Москву в понедельник, так как издание к тому дню будет окончено, и надо секретно и как можно скорее его все распродать и разослать. Кроме того, надо уяснить продажу дома и дело рукописей и всего отданного мной на хранение в Историч<еский> Музей, незаконно задерживающий мое имущество.

Очень рада была услышать о вашем благополучном пребывании в Париже, но мало мне Илья рассказал о детях. Мне живется тяжело, и терзают душу все дела. Целую вас всех.

Любящая тебя мать С. Толстая».

— **ИРЛИ**, ф. 303, № 691. Л. 4-4 об. Автограф. Курсив С.А. Толстой. Конверт не сохранился. Судя по содержанию, письмо было отправлено в Париж, а оттуда прислано Л.Л. Толстому в Нью-Йорк.

...*столько неприятностей*... — речь идет о настоящей борьбе за наследие Л.Н. Толстого, развернувшейся между С.А. Толстой, с одной стороны, и А.Л. Толстой и В.Г. Чертковым, которые — по завещанию Л.Н. Толстого — являлись его душеприказчиками. — См. об этом: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 334-337, 551-554; **Толстая А.** Отец... Т. 2. С. 478.

... *Как с тремя томами?*.. — в феврале 1911 года были арестованы три части (XVI, XIX и XX) «Сочинений» Л.Н. Толстого. С.А. Толстой пришлось ввести в состав названных частей письма Л.Н. Толстого вместо его статей, изъятых по цензурным соображениям. — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 339, 554.

...*о болезни милой моей Доры*... — тяжелое кровотечение, о котором ранее писал Л.Л. Толстой (см. выше примеч. 20 к Главе 4 Книги II).

...*Таня*... — Т.Л. Сухотина-Толстая в это время с семьей возвращалась из Рима в Россию и заехала в Париж повидаться с семьей Л.Л. Толстого. То, что она увидела в парижской квартире младшего брата Льва, глубоко поразило ее. В изложении С.А. Толстой, которая 18 апреля (ст. стиля) 1911 года отправила сыну очередное письмо, все выглядело так: «<...> Таня, приезжавшая побыть со мной четыре дня, мне рассказывала о бедной Дорочке, как она её застала больную, одну, запертую в квартире, беспомощную и жалкую. Слава Богу, что все обошлось благополучно и что она поправилась. Таня очень хвалила Палю, какой он уже большой, распорядительный и разумный, точно взрослый. Как мне захотелось повидать всех вас! <...>» — **ИРЛИ**, ф. 303, № 691. Л. 5. Автограф.

Пале было в это время десять с половиной лет (см. о нем выше примеч. 28 к Главе 19 Книги I).

...*с благодарностью*... — в письме от 21 марта 1911 года дирекция музея выразила благодарность Л.Л. Толстому за его ценный дар. — **Там же**, № 819. Л. 30. Машинопись на англ. языке.

... *Я писал кое-что в «Новое Время» из моих впечатлений здесь*... — Цикл очерков Л.Л. Толстого растянулся на несколько месяцев. См.: **Толстой Л.Л.** В Америке // **Новое время**. СПб., 18/31 марта 1911 года, № 12577. С. 5; 30 марта/12 апреля 1911 года, № 12589. С. 4; 4/17 апреля 1911 года, № 12594. С. 2; 10/23 апреля 1911 года, № 12600. С. 6; 14/27 апреля 1911 года, № 12602. С. 3-4; 18 апреля/1 мая 1911 года, № 12606. С. 2-3; 2/15 мая 1911 года, № 12620. С. 2; 12/25 мая 1911 года, № 12630. С. 4-5; 19 июня/2 июля 1911 года, № 12667. С. 3; 24 июня/7 июля 1911 года, № 12672. С. 3.

Племянник С.А. Толстой, окончивший полный курс юридических наук в Киевском университете, служивший товарищем прокурора Витебского, а затем Сарапульского окружных судов, *Михаил Александрович Кузминский* (1875-1938) прибыл в Америку 1 января 1911 года и на самом деле вел переговоры о продаже Ясной Поляны и превращении ее в международную собственность и памятник культуры всего человечества. — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 552; **Кузминская Г.Н.** Кузминские родственники

С.А. Толстой... С. 9-11; (<https://pogost-tegel.info/index.php?id=1300>); ([http://malrod.ru/История%20Петербурга%20№37%20\(2007\)/79](http://malrod.ru/История%20Петербурга%20№37%20(2007)/79)).

В российском обществе крайне болезненно восприняли эту идею. То рассказывали о пребывании «племянника-балалаечника» М.А. Кузминского в Америке, то высмеивали его концерт в Нью-Йорке на самобытном музыкальном инструменте с целью собрать деньги на жизнь себе и на выкуп могилы великого писателя в Ясной Поляне. — См.: *Торговцы великим именем // Биржевые ведомости*: Утренний выпуск. СПб., 9/22 октября 1911 года, № 12573. С. 2.

Американская писательница и переводчица Изабелла Флоренс Хэнгуд (Hapgood; 1850-1928) переписывалась с Л.Н. Толстым, бывала в Ясной Поляне и по-доброму относилась ко всем членам семьи Толстого. — *ПСС*. Т. 50. С. 101-102, 105. См. также: *Неизвестный Толстой в архивах России и США...* С. 247-249. Сохранились два письма г-жи Хэнгуд, из которых следует, что 22 марта 1911 года в Нью-Йорке она передала Л.Л. Толстому две серебряные ложки в подарок С.А. Толстой и Т.Л. Сухотиной-Толстой. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 245. Л. 1-3 об. Автограф на англ. языке.

Петр Васильевич *Веригин* (1859?-1924) — руководитель секты духоборов с 1886 года. О том, что уехавшие из России в Канаду *духоборы* уже через несколько лет не только встали на ноги, но и отказались от материальной помощи, Л.Н. Толстому было известно еще в декабре 1903 года. — *ПСС*. Т. 74. С. 258. См. также: *Л.Н. Толстой и П.В. Веригин: Переписка /Издание подгот. Л.Д. Громова-Опульская; Отв. ред. А.А. Донсков. Текст парал.: англ., рус. Ottawa: Legas, 1995.*

...150 жертв пожара... — русские газеты сразу же перепечатали информацию о страшном пожаре «в верхних этажах 11-этажного дома в Нью-Йорке, где погибло 150 девушек-мастериц. ...» — См.: *Ужасная катастрофа в Нью-Йорке // Новое время*. СПб., 19 марта/1 апреля 1911 года, № 12578. С. 4. См. также: *Рассказ в фотографиях об одном из самых страшных пожаров в истории США*, случившимся 25 марта 1911 года в Нью-Йорке, на углу Грин-Стрит и Вашингтон-Плэйс, в здании Asch Building, где располагалась швейная фабрика Triangle (<http://fire-truck.ru/encyclopedia/pozhar-na-shveynoy-fabrike-triangle-v-nyu-yorke-1911-god.html>).

Свой очередной очерк Л.Л. Толстой посвятил этому событию:

«Вчера здесь хоронили несчастных жертв страшного пожара, случившегося рядом с моим отелем „Lafayette”.

Работницы бросались из горевшего громадного дома, с девятого этажа на улицу и разбивались насмерть.

Нью-Йорк никогда не забудет этого кошмара. Вчера несколько сот тысяч человек, рабочих и работниц, почти всех организаций и видов труда, демонстративно, бесконечной процессией с венками, флагами и цветами шли за гробами своих товарищей и товаров.

Закон должен защитить рабочий класс от таких страшных случайностей и катастроф.

Надо было видеть всю эту толпу людей, спокойно стоявших под дождем, под открытыми зонтиками, образовавшими целую черную крышу над головами, надо было видеть этот порядок, эту внутреннюю дисциплину каждого, чтобы понять американца, его развитость и характер. Здесь действительно возможна демократия.

Ни тени возможности каких-нибудь бесчинств или беспорядков. Ни одного громкого голоса, режущего ухо диссонансом, ничего лишнего, неразумного, нервного.

И процессия прошла так через весь огромный город, действительно внушая стране весь ужас происшедшего и всю несправедливость условий, вызвавших несчастье. ...» — См.: *Толстой Л.Л. В Америке // Новое время*. СПб., 10/23 апреля 1911 года, № 12600. С. 6.

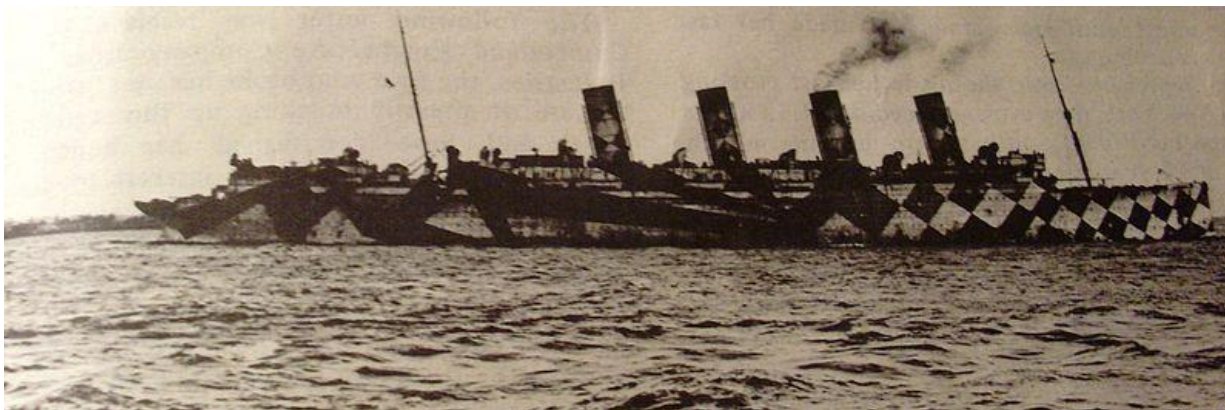
...Илья... — И.Л. Толстой собирался в Америку в январе 1911 года. 4 января 1911 года С.А. Толстая записала в ежедневнике: «... Вечером нахлынули сыновья Илья, Андрей и Миша, выпросили 1500 р[ублей] и собирают Илью в Америку продавать Ясную Поляну, что мне и грустно, и противно, и не сочувственно. Я желала бы видеть Ясную Поляну в русских

руках и всенародных». — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 333. Поездка И.Л. Толстого в Америку в начале 1911 года не состоялась.

...чертковская сыворотка... — в Дневнике Л.Н. Толстого и его переписке с В.Г. Чертковым в конце 80-х годов, в период создания повести «Крейцера соната», всерьез обсуждался вопрос о целомудренных отношениях супругов в браке. — *ПСС*. Т. 50. С. 64, 83, 113; Т. 86. С. 134-135, 142-143; *Муратов М.В.* Л.Н. Толстой и В.Г. Чертков по их переписке. М., 1934. С. 159 и др.

² 24 апреля 1915 года большой океанский пароход компании “Cunard Line” “Lusitania” был потоплен немецкой миной. За пятнадцать минут из 1978 пассажиров большинство утонуло, спаслось 658 человек. — См.: *Lusitania sunk by a submarine: Probably 1.000 dead //The New York times*. May 8, 1915. P. 1-4; *Great moments of the century: As reported by the New York times*. N.Y., 1977. P. 32-35; *Гибель “Лузитании” //Новое время*. Пг., 26 апреля/9 мая 1915 года, № 14053. С. 4-5; *Лузитания //Там же*, 30 апреля/13 мая 1915 года, № 14057. С. 6.

Однако Л.Л. Толстой ошибся: в 1911 году он плыл на другом пароходе. — См. сообщение о приплытии Л.Л. Толстого на „Мавеританию“ 10 марта 1911 года: *Tolstoy's son here to study America //The New York times*. March 11, 1911.

Вот его описание путешествия, сделанное тогда же для «Нового времени»:

«... Из Петербурга кажется почти подвигом поехать в Америку. Из Франции это гораздо легче; а когда, переехав Англию, в Ливерпуле садишься на громадный плавучий дворец в семь этажей, с залами и гостиными, залитый электричеством, полный удобств и роскоши, с 3.000 пассажиров, с элеваторами на каждый этаж, с оркестром музыки во время завтраков и обедов, лакеями, поварами, цветами, фортепианами, библиотекой, доктором, разменными кассами, просторными каютами, великолепными палубами, со своей газетой, издающейся ежедневно по беспроволочному телеграфу, с ваннами, с телефонами и т.д. и т.д., то забываешь, что это плавучий мир на море, что он пойдет через пустынный океан три тысячи миль. Я переехал из Ливерпуля в Нью-Йорк на лучшем, самом быстроходном пароходе всех существующих линий, „Мавеританию“, сестре „Люзитании“, побившей недавно рекорд скорости между двумя континентами в четверо с половиной суток. Это Кюнарская линия. ...» — См.: *Новое время*. СПб., 18/31 марта 1911 года, № 12577. С. 5. Курсив мой. — В.А.

...Кюнарская линия... — по имени сэра Сэмюэля Кунарда (Кюнард; Cunard; 1787-1865), положившего начало пароходному сообщению между Бостоном, Нью-Йорком и Ливерпулем. — См.: *The Encyclopædia Britannica...* Vol. 3. P. 294; *Энциклопедический словарь...* Т. XVII. С. 21; *Вильсон Х.* Линкоры в бою: 1914-1918 /Пер. с англ. М.: Эксмо-пресс, 2002. С. 123.

³ Статуя Свободы была спроектирована в 1874 году молодым эльзасским скульптором Фредериком-Огюстом Бартольди (Bartholdi; 1834-1904). Каркас сконструирован знаменитым французским инженером Гюставом Эйфелем (Eiffel; 1832-1923). В июне 1885 года составные

части памятника были привезены в Америку, и 28 октября 1886 года состоялось его торжественное открытие.

«В пятницу утром мы были уже в Нью-Йорке.

Вот знаменитая статуя свободы, вот линия многоэтажных домов, стремящихся в небо, вот громадные доки, пристани, черная толпа народа, треск, шум, движение, в котором уже чувствуется мощь, молодость, свежесть, надежда на лучшее будущее.

Громадная “Мавритания” медленно подползает к пристани. Перебрасываются мостки... Мы в Америке. ...» — См.: *Толстой Л.Л.* В Америке // *Новое время*. СПб., 18/31 марта 1911 года, № 12577. С. 5.

⁴ В очерке «В Америке» Л.Л. Толстой лишь упомянул о них, когда писал о том, как быстро все пассажиры лайнера откликнулись на призыв одного из них пожертвовать деньги для матросов “Мавритании”: «Собрали две симпатичные, хорошенькие американки Крэг... 700 р[ублей]». — *Там же*.

⁵ Эдмунд С. Хилл (Hill; 1855-1936) — интеллектуал, получивший хорошее образование в Trenton Academy. — См.: *Dayton W.L.* Historical sketch of the Trenton academy: Read at the centennial anniversary of its foundation, February 10th, 1881. Trenton, N.J., 1881 (<https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=nnc1.cu02265320;view=1up;seq=10>).

Помимо ресторанного дела и пекарни, Э. Хилл с юных лет был одержим идеей создания городских парков, первый из которых — Cadwalader Park — был открыт в 1892 году и назван в честь доктора Томаса Кадуаладера (1707-1779), поселившегося в 40-е годы близ Трентона и возглавившего совет горожан в 1746 году (https://en.wikipedia.org/wiki/Cadwalader_Park).

В 1905 году Э. Хилл продал свое ресторанное дело и сосредоточился на любимом деле, путешествиях по миру и благотворительности (<http://www.trentonhistory.org/Hill.html>); (https://www.findagrave.com/memorial/49706559/edmund-c_-hill).

Из сохранившихся писем Э. Хилла следует, что их совместное путешествие с Л.Л. Толстым состоялось *летом 1907* года. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 752. Л. 6-7. Автограф на англ. языке.

В цитированном ранее очерке «В Америке» Л.Л. Толстой писал: «... Еще до тяжелых событий в Ясной Поляне я получил от одного моего американского случайного знакомого m[iste]r[’a] Hill[’a] приглашение приехать пожить у него в Трентоне (Нью-Жерзе), подле Нью-Йорка, и отсюда познакомиться с Америкой и ее жизнью. Судьбе угодно было, чтобы я этим милым приглашением воспользовался, и я жалею только об одном, что не сделал этого раньше, не был и не видал всего того, что вижу. ...» — См.: *Толстой Л.Л.* В Америке // *Новое время*. СПб., 18/31 марта 1911 года, № 12577. С. 5.

...в Трентоне (Нью-Жерзе)... — речь идет об административном центре штата Нью-Джерси (New Jersey).

⁶ В первом же письме из Трентона от 2 октября 1907 года Э. Хилл пригласил Л.Л. Толстого в Америку и повторял это на протяжении нескольких лет, в том числе в письме от 9 декабря 1910 года. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 752. Л. 1, 6-7. Автограф на англ. языке.

1 января 1911 года, получив письмо Л.Л. Толстого, сообщившего о своем желании приехать в Америку, Э. Хилл с радостью принялся деятельно помогать сыну великого русского писателя и взял на себя обязанность устроить Л.Л. Толстому ряд встреч с самыми знаменитыми американцами, со многими из которых он был знаком лично. 11 января 1911 года Э. Хилл смог уже конкретно назвать своему корреспонденту примерную программу его предполагаемой поездки по Америке. — *Там же*. Л. 8-12.

⁷ Э. Хилл не ошибся: губернатор Нью-Джерси Томас Вудро Вильсон (Wilson; 1856-1924), которого он знал и в котором был уверен, действительно через год стал президентом США (<http://www.trentonhistory.org/Hill.html>).

⁸ О деловом и финансовый центре не только Нью-Йорка, но и всей Америки см.: *Slocum R., Todd A.* A key to New York. N.Y.; Lnd., 1939. P. 30-31.

В цикле очерков «В Америке» Л.Л. Толстой не раз писал и о фондовой бирже, и о крупнейших банках страны. Завершая разговор с читателем-соотечественником, Л.Л. Толстой заметил: «... В Нью-Йорке я видел биржу и мир денежный. ...»

Биржа находится в квартале Wall Street, где группируются все банки, где знаменитый банк Пирпонта Моргана и многие другие. Тут же несгораемые, недоступные подвалы, где американские миллионеры сохраняют свои деньги. Нельзя представить себе, что такое эти подземные капища дол[л]ара, закованные в железо, бронзу и сталь. Двери в эти подвалы почти в аршин толщиной. Когда они закрыты, их никто открыть не может, пока часовые механизмы, вставленные в них, не пробьют своего часа. ...»

В квартале Wall Street самые высокие дома. Сейчас строится дом в 50 этажей и, сколько ни поднимай кверху голову, не увидишь верхнего звена этого нового чудовища. Странно видеть, что эти новые стальные постройки ведутся сверху вниз. Верхние этажи у них застроены, стены их заполнены. Внизу или в середине дома рамы еще пусты.

Денежный квартал Нью-Йорка не симпатичен ни внешним видом, ни характером жизни. ...» — См.: *Толстой Л.Л.* В Америке // *Новое время*. СПб., 24 июня/7 июля 1911 года, № 12672. С. 3. Отрывок из этого очерка Л.Л. Толстого с язвительным комментарием был сразу же перепечатан в другом издании. — См.: *Заботы яснополянского графа // Утро России*. М., 26 июня 1911 года, № 146. С. 2.

...банк Пирпонта Моргана... — см. ниже.

⁹ Джон Пирпонт Морган (Morgan; 1837-1913) — создатель банкирского дома «Дж.П. Морган и К», в котором участвовали не только члены семьи Моргана, но и близкие к ним крупные финансисты. — См.: *Winkler J.K.* Morgan the magnificent: The life of J. Pierpont Morgan (1837-1913). N.Y., 1931.

¹⁰ Генри Клуз (Clews; 1834-1923) — американский банкир; мемуарист, изучивший и описавший те законы финансового рынка, которые помогли ему состояться как личности. — См.: *The Encyclopedia Americana*: In 30 volumes. N.Y.; Chicago, 1943. Vol. 7. P. 100. См. также: *Clews H.* Fifty years in Wall Street. N.Y., 2006 (1-е изд. — 1908 года).

¹¹ В цикле очерков «В Америке» Л.Л. Толстой упомянул о фондовой бирже, с 1903 года размещавшейся в 17-этажном здании на Уолл-Стрит. — См.: *Толстой Л.Л.* В Америке // *Новое время*. СПб., 24 июня/7 июля 1911 года, № 12672. С. 3.

¹² Штаб-квартира газеты «Нью-Йорк Таймс», основанной в 1851 году, с 1905 до 1912 года была расположена в 25-тиэтажном здании на пересечении Бродвея (см. о нем ниже примеч. 17) и 42-й авеню. — См.: *New York Illustrated*. [N.Y., 1928]. P. 15; *Once upon a City*: New York from 1890 to 1910 as photographed by Byron and described by Grace M. Mayer. N.Y., 1958. P. 5, 13-14; etc.

¹³ Л.Л. Толстой ошибся: 240-метровый 57-тиэтажный небоскреб *Woolworth-building* строился в 1910-1913 годах по заказу Фрэнка Уинфильда Вулворда (*Woolworth*; 1852-1919), совладельца магазинов «одной цены». Построенное в готическом стиле здание позднее было названо «Собором Коммерции». — См.: *Cochran E.A.* The Cathedral of commerce. N.Y., 1916; *Ashton D.* New York: Architecture; sculpture; painting. N.Y., 1972. P. 86, 97, 104, 111;

Churchill A. The splendor seekers: An informal glimpse of America's multimillionaire spenders – members of the \$ 50.000.000 club. N.Y., 1974. P. 249-250, 262; **Harris L.** Merchant princes: An intimate history of Jewish families who built great department stores. N.Y. & etc., 1979. P. 147, 320, 341; **New York 1930:** Architecture and urbanism in two world wars /R.A.M. Stern, G. Gilmartin, Th. Mellins. N.Y., 1987 (index); **Plunkett-Powell K.** Remembering Woolworth's: A nostalgic history of the world's most famous five-and-dime. N.Y., 1999; **Stern R.A.M.** Pride of place: Building the American Dream. N.Y., 1986. P. 257-260.

Во время своей первой поездки в Америку Л.Л. Толстой, вероятно, мог его видеть только в строительных лесах. — См.: **New York:** A guide to the Empire state. N.Y., 1940. P. 256; **McNally R.** Guide to New York City and environs. N.Y., 1928. P. 147. См. также: **Самое высокое здание в Америке //Русско-американский вестник:** Лит.-обществ.-полит. журнал для амер. читателей. Нью-Йорк, 1911, № 11. Стб. 29-30. См. ниже примеч. 23.

¹⁴ «Флэтайрон билдинг» (*Flatiron building*) — один из первых небоскребов; 21-этажное здание необычной треугольной формы, внешне напоминающее утюг, было возведено в 1902 году на пересечении Бродвея и 23-й авеню (см. о ней ниже примеч. 18). — См.: **McNally R.** Guide to New York City and environs... P. 141; **Slocum R., Todd A.** A key to New York... P. 172; **Ashton D.** New York... P. 104, 108; **Once upon a City...** P. 1-4. 13; etc.

В этом здании находилось русское консульство и офисы нескольких русских фирм. — См.: **Гайдук М.И.** “Утюг”: материалы и факты о заготовительной деятельности русских военных комиссий в Америке. Нью-Йорк, 1918.

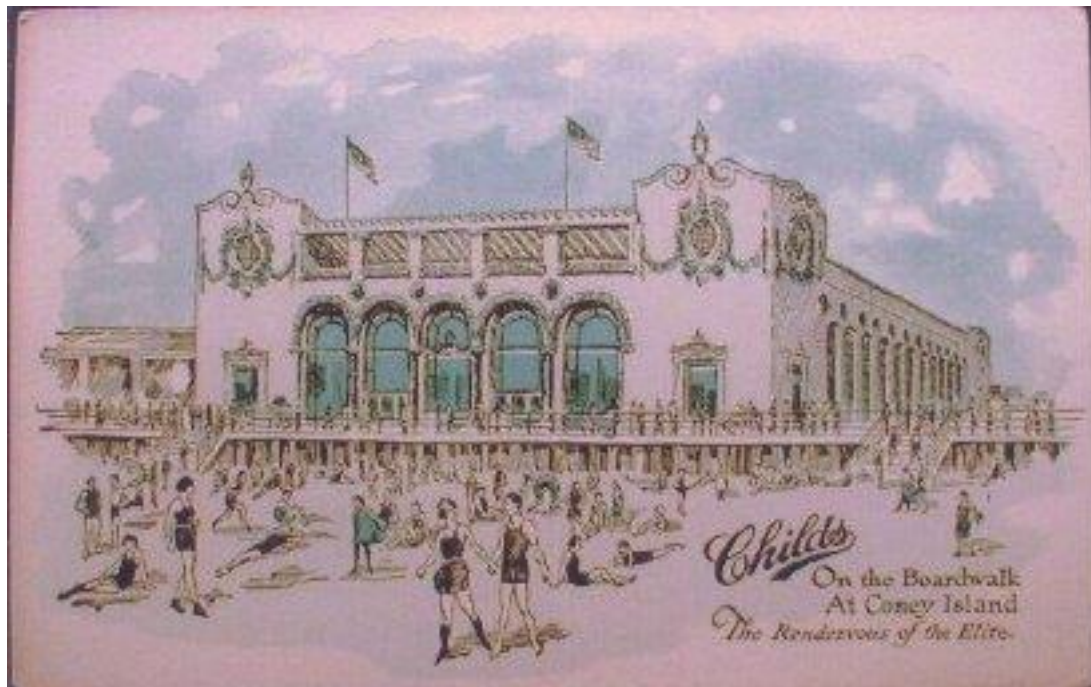
¹⁵ Крупнейший художественный музей США, Метрополитен-музей (Metropolitan Museum of Art) был открыт в Нью-Йорке в 1870 году на Пятой авеню; в 1902 году к нему был пристроен фасад с четырьмя колоннами; позднее при Музее была открыта библиотека. — См.: **New York:** A chronological & documentary history 1524-1970 /Compiled and edited by Howard B. Furer. N.Y., 1974. P. 32-34; **Morris L.** Incredible New York: High life and low life of the last hundred years. N.Y. [1951]. P. 157-162; **Ashton D.** New York... P. 98, 112, 252-254; **Molesworth Ch.** The capitalist and the critic: J.P. Morgan, Roger Fry, and the Metropolitan Museum of Art. N.Y., 2016; **Rosenzweig R., Blackmar E.** The Park and the people: A history of Central Park. Ithaca; Lnd., 1992 (index).

¹⁶ Центральное здание Нью-Йоркской публичной библиотеки было открыто в марте 1911 года иместило 1.200.000 томов. Позднее еще 1.300.000 книг разместились в нескольких филиалах. — См. подробнее: **Хавкина Л.Б.** Нью-Йоркская публичная библиотека. 2-е изд., доп. М., 1920. С. 11-14. См. также: **Коган Е.И.** Выставка к 100-летию Главного корпуса Нью-Йоркской публичной библиотека // **Библиография:** Науч. журнал по библиографоведению и книговедению. М., 2011, № 4. С. 110-113; **Ashton D.** New York... P. 10, 40, 62, 119.

¹⁷ Первые кварталы Бродвея — одной из главных улиц Нью-Йорка, на которой расположено множество деловых контор, шикарных магазинов, а также отели и театры, — были заложены еще в 1835 году. В конце 1880 года Бродвей был освещен электрическими лампами и приобрел свой современный сверкающий вид. — См.: **New York...** P. 25-26, 35; **Once upon a City...** P. 62-67; etc.

¹⁸ У Пятой авеню — самой фешенебельной улице Нью-Йорка, на которой расположены антикварные и ювелирные магазины, — сформировалась своя роль в архитектуре и структуре общественной жизни города. — См.: **Ashton D.** New York... P. 261-262; **New York 1930...(index); Rosenzweig R., Blackmar E.** The Park and the people... (index).

¹⁹ Джордж Чайльдс (Childs; 1819-1896) в начале 50-х годов на свой страх и риск занялся устричным промыслом в штате Массачусетс, который принес ему состояние и успех. Один из его сыновей, Сэмюэл Хупер Чайльдс (1851-1919), вместе с второй женой Кэрри Каролиной (урожд. Lovell; 1871-1932) и другими членами большой семьи продолжили его дело, а потом открыли сеть ресторанов, в том числе и в Нью-Йорке.

Ресторанная корпорация Чайльдсов возникла в Нижнем Манхэттене, где к 1900 году они первыми в стране ввели систему самообслуживания в кафетерии и предложили посетителям постоянный набор вкусной и недорогой пищи от 10 до 20 центов. За короткое время рестораны Чайльдса на Бродвее стали своеобразным центром притяжения, куда деловые люди отправлялись на встречи, где подростки могли скрыться от родительских глаз, а дети учились правильно и красиво есть, получая удовольствие как от процесса еды, так и от представления фокусников, специально для них устроенных. — См.: *Morris L. Incredible New York...* P. 260; *Slocum R., Todd A. A key to New York...* P. 252; *Once upon a City...* P. 176, 391-394; *Stern R.A.M. Pride of place...* P. 133-134.

Позднее, в 1923 году The Childs Restaurant Corporation построила красивое здание в районе 21-ой улицы и Кони Айленда в Бруклине, которое многие годы оставалось архитектурной достопримечательностью Нью-Йорка (<http://s-media.nyc.gov/agencies/lpc/lp/2106.pdf>); (<https://ny.eater.com/2010/12/3/6707793/remembering-childs-a-gem-from-coney-island-s-golden-age>).

Возможно, в памяти Л.Л. Толстого слились впечатления от посещений Нью-Йорка в 1911, 1917, 1925 и других годах.

²⁰ Т.е., за любой товар, продающийся в этом магазине, надо заплатить указанную цену (5 или 10 центов). См. выше примеч. 13.

²¹ Вокзал “Пенсильвания” — самый оживленный железнодорожный нью-йоркский вокзал — был построен в 1911 году и сразу же стал достопримечательностью центральной части Манхэттена. Он просуществовал до 1963 года. — См.: *McNally R. Guide to New York City and environs...* P. 144-146; *Facts about New York.* N.Y., 1928. P. 38; *Ashton D. New York...* P. 191-192; *Once upon a City...* P. 283-289; *Jonnes J. Conquering Gotham: A gilded age epic: The construction of Penn Station and its tunnels.* N.Y., 2007.

²² Центральный парк в Нью-Йорке был создан в середине XIX века. Одной из его особенностей являются памятники поэту-романтику Уильяму Брайанту (Bryant; 1794-1878), писателю Вашингтону Ирвингу (Irving; 1783-1859), датскому сказочнику Хансу Кристиану Андерсену (Andersen; 1805-1875), а также героине повести «Алиса в стране чудес» английского сказочника Льюиса Кэрролла (Carroll; 1832-1898) и др. — См.: *Ashton D.* New York... P. 259; *Mayer G.M.* Once upon a City... P. 180-196; *Rosenzweig R., Blackmar E.* The Park and the people... (index); *Facts about New York*... P. 23; *New York 1930*... (index); *Stern R.A.M.* Pride of place... P. 40, 44-47.

²³ В очерке для русских читателей Л.Л. Толстой так описал посещение Бостона, одного из крупнейших промышленных и торгово-финансовых центров Америки, административного центра штата Массачусетс (Massachusetts), порта на побережье Атлантического океана:

«... В Бостоне мне показали маленькую унитарийскую церковь, в которой проповедовал знаменитый Эмерсон, мой любимый американский мыслитель. Когда-то он был либеральнее своей унитарийской церкви, теперь унитарийцы выросли до своего учителя. Повели меня в громадную церковь (Christian Science), которая поразила меня своим великолепием. У нас знают об этом интереснейшем новом религиозном течении очень мало. Немногие читали знаменитую здесь, в Англии, Южной Америке, Австралии книгу Mary Eddy — *Science and Health*. Идея книги — бессмертие — закон жизни, физическая жизнь — только временное проявление вечной сущности. Физическое здоровье необходимо для счастья. Оно достигается разумной жизнью, радостностью и перенесением телесных страданий. Поэтому все приверженцы этой замечательной религии нового времени отличаются всегда ровным, веселым нравом. Приводят примеры, как мужественно переносят всякие неудачи и невзгоды эти христиане. В железнодорожной катастрофе одному из приверженцев этой веры измяло ногу, которую пришлось отнимать. Он перенес операцию без хлороформа, отказался даже от услуг сиделки. Замечательно, что здесь насчитывается больше миллиона приверженцев этой церкви. Служба очень проста.

Читают и говорят непременно мужчина и женщина. Читают Евангелие и книгу Mary Eddy. Ее изречения рядом с изречениями Христа написаны на стенах. Новая церковь вмещает около 5.000 человек. В ней самый большой в Америке орган, занимающий громадную стену. Подле церкви громадное здание „Христианской науки“, одной из самых больших издательских фирм в мире. Здесь печатается несколько журналов, множество брошюр и ежедневная газета „Христианская наука“, одна из лучших в Бостоне. ...

В Бостоне мы посетили еще другую новейшую церковь спиритуалистов, которой я заинтересовался, как диковинкой. Тут портреты духов по стенам, тут всякие спиритуалистические и каб[б]алистические книги в библиотеке, тут трансспиритуалистические проповеди верующих, в которых вселяются то духи индейцев, то дух Жанны д'Арк, то других великих умерших, говорящие их устами.

Темная, таинственная часовня человек на пятьсот, еще более темный зал в нижнем этаже. Есть картины, сделанные спиритами во сне, в трансах. Глава этой церкви прислал мне книгу, выражающую основу их веры, которую я еще не успел просмотреть. К счастью, чистые спиритуалисты здесь, кажется, редки. Есть еще новость — это бабисты, которых, говорят, довольно много. ...» — См.: *Толстой Л.Л.* В Америке // *Новое время*. СПб., 18 апреля/1 мая 1911 года, № 12606. С. 2-3.

Ральф Уолдо Эмерсон (см. о нем выше примеч. 3 к Главе 4) родился в Бостоне в семье унитарийского священника. Эмерсоны принадлежали к коренным пуританским поселенцам Новой Англии и насчитывали в своем роду целую династию священников.

Высшее богословское образование Р.У. Эмерсон получил в Гарвардском университете, по окончании которого он стал священником унитарийской церкви в Бостоне. Однако вскоре Эмерсон поселился в маленьком городке Конкорд неподалеку от Бостона и

посвятил себя поискам истины. Его лекции и публичные выступления вызвали огромный интерес, особенно у молодых слушателей.

Религиозно-этическая направленность сочинений Эмерсона нашла отклик и в душе Л.Н. Толстого, считавшего Эмерсона одним из самых глубоких мыслителей. — *ПСС*. Т. 49. С. 92, 234; Т. 88. С. 211; и др.

Интерес к Р.У. Эмерсону у Л.Л. Толстого появился незадолго до смерти отца. Один из первых его скульптурных опытов как раз и был связан с американским писателем (см. начало Главы 4 Книги II).

Христианская наука (Christian Science) — секта в Америке, основанная в конце 80-х годов XIX века. — См.: *Lyndon D.* The city observed: Boston: A guide to the architecture of the Hub. N.Y., 1982. P. 80-81, 109, 114-115, 202-203.

Мэри Бэйкер Эдди (Eddy; 1821-1910) — религиозная писательница, автор многих книг, в том числе «Наука и здоровье», присланных в Ясную Поляну. — См.: *Eddy M.* Christian science: No and yes. Boston, 1889; *Eddy M.* Science and health: With the key to the scriptures. Boston, 1887; и др. В библиотеке Л.Н. Толстого сохранились также более поздние издания этой книги 1896 и 1900 годов. — См.: *Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне...* Ч. III/1. С. 322-324. См. также: *Вудсворт Дж.* Лев Николаевич Толстой и Мэри Бэйкер Эдди: сопоставительный взгляд // *Лев Толстой и мировая литература: Материалы международной науч. конф. Вып. 2.* [Тула, 2005]. С. 121-135.

...*спиритуалистические* (от латин. spiritus — дух, душа) [книги] — книги, в которых обосновывалось религиозное верование в существование Бога и бессмертие души.

...*каб[б]алистические* книги (от древнеевр. Каббала — предание) — то есть, книги, в которых дается религиозно-мистическое объяснение явлений действительности и утверждается вера в то, что с помощью специальных ритуалов, молитв и волевых актов человек может активно вмешиваться в божественно-космический процесс истории (например, приближать приход мессии путем придания магического смысла словам и числам, а также символического истолкования текстов Священного писания).

Жанна д'Арк (Jeanne d'Arc; около 1412-1431) — крестьянская девушка, по воле голосов и по внутреннему порыву возглавившая общенародную борьбу французов с английскими завоевателями в период Столетней войны 1337-1453 годов.

...*бабисты...* — последователи Али-Мохаммеда (Баба). См. о нем выше примеч. 2 к Главе 4.

²⁴ О ком идет речь, установить не удалось. Зато некоторое внимание в очерке Л.Л. Толстого было уделено обладательнице большой коллекции художественных произведений, тщательно собираемых по всему миру, Изабелле Стюарт Гарднер (Gardner; 1840-1924), которая в конце 60-х годов вместе с мужем посетила Россию. «... Есть в Бостоне оригинальная женщина — миллионерша г-жа Гарднер. Она перевезла из Венеции целый дворец и поставила его в центре Бостона. В этом дворце замечательнейшая картинная галерея. Г-жа Гарднер, кроме того, занимается широкой благотворительностью. ...» — См.: *Толстой Л.Л.* В Америке // *Новое время.* СПб., 18 апреля/1 мая 1911 года, № 12606. С. 2-3.

²⁵ Речь идет о Натане Хаскеле Доуле (Dole; 1852-1935), корреспонденте и переводчике сочинений Л.Н. Толстого. — См.: *Л.Н. Толстой в переводах на иностранные языки:* Отдельные зарубежные издания: Библиография. М., 1961.

В архиве Л.Л. Толстого сохранились четыре письма Н. Доула от 29 марта — 14 апреля 1911 года с приглашением рассказать о России в университетских и писательских клубах Нью-Йорка и Бостона. — *ИРЛИ*, ф. 302, № 287. Л. 1-12. Автограф на англ. языке.

В очерке «В Америке», специально для русских читателей, Л.Л. Толстой писал по поводу встреч с американскими слушателями:

«В Бостоне, в сопровождении моих друзей, я был принят в аэроклубах, где меня просили говорить. В одном клубе я увидел многих поклонников отца, а также в клубе ХХ

столетия, где говорили не так давно Милюков и г-жа Брешковская, о которой я раньше никогда не слышал и о которой все отзывались с похвалой. Но мне было жаль, что клуб, благодаря одностороннему освещению России и русской жизни этими русскими людьми, имел о ней не вполне ясное и верное понятие. У меня не было времени самому говорить подробно о России, но из вопросов и разговоров я увидел, что было бы очень полезно сделать это и, может быть, если у меня хватит сил и времени, я прочту несколько лекций о русской жизни в здешних больших городах. Американцы знают о России через людей, освещающих ее только с одной отрицательной стороны. ... В Бостоне я посетил дочь поэта Лонгфел[л]о, домик и комната которого с любовью охраняются детьми и показываются раз в неделю публике.

Я был принят в два частных дома к обеду, где опять встретил ту же искреннюю любовь каждого к отцу и России. Один обед, вегетарианский, был в семье приверженцев „Христианской науки“, другой — в семье банкира, у которого каждое воскресенье собирается цвет бостонского общества. ...» — См.: *Толстой Л.Л.* В Америке // *Новое время*. СПб., 18 апреля/1 мая 1911 года, № 12606. С. 2-3.

Почетный доктор ряда американских университетов, *П.Н. Милюков* (см. о нем выше примеч. 6 к Главе 3) в 1903-1904 годах преподавал в Америке и вернулся в Россию в 1905 году. В январе 1908 года он был вновь приглашен для чтения лекций в Америку и его выступления пользовались успехом. — См.: *Энциклопедия российско-американских отношений XVIII-XX века* /Сост. Э.А. Иванян. М.: Междунар. отношения, 2001. С. 337-338.

Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (урожд. Вериги; 1844-1934) — лидер партии эсеров; в 1907 году была арестована и сослана в Сибирь, где находилась вплоть до Февральской революции. Она дважды приезжала в Америку: в декабре 1904 года и в 1919 году. — См.: *The Encyclopedia Americana*... Vol. 4. P. 469.

Ее первая поездка длилась несколько месяцев и была особенно удачной. О ее выступлениях в Бостоне и Чикаго писали местные газеты. Один из американских корреспондентов Л.Н. Толстого, писатель и критик Эрнест Кросби (Crosby; 1856-1907) 20 января 1905 года писал ему из Нью-Йорка: «... Бежавшая из Сибири г-жа Брешковская увлеклась здесь работой в комитете помощи голодающим, организованном “Обществом друзей русской свободы”. ...» — См.: *Толстой и зарубежный мир*: В 2-х книгах. М.: Наука, 1965 (*Литературное наследство*; Т. 75). Кн. 1. С. 398-400.

После отъезда из Америки в марте 1905 года Е.К. Брешковская на протяжении многих лет переписывалась со своими корреспондентами. Этому не помешала ни ссылка, ни революция. — См.: *The little grandmother of the Russian revolution: Reminiscences and letters of Catherine Breshkovsky* /Edited by A.S. Blackwell. Boston, 1919. См. также: *Breshkovsky C. A message to the American people* /Introduction by George Kennan. N.Y., 1919.

Генри Уордсворт Лонгфел[л]о (Longfellow; 1807-1882) — американский поэт, чуткость которого сравнивали с эоловой арфой. Virtuозность его подражания природе завораживала слушателей и читателей.

...дом-музей Лонгфел[л]о (Longfellow House) с великолепным садом, разбитым в форме семиструнной лиры, находится в Кембридже, пригороде Бостона. — См.: *Boston: Architecture*. Boston, 1970. P. 107; *Брукс Ван Вук*. Писатель и американская жизнь: В 2-х томах /Пер. с англ. М.: Прогресс, 1967. Т. I. С. 114, 228; (https://www.mainehistory.org/house_overview.shtml); (<https://www.nps.gov/long/learn/historyculture/archives.htm>).

...посетил дочь поэта Лонгфел[л]о... — в Кембридже Л.Л. Толстой встретился с профессорами Гарвардского университета и с Алисой Мэри Лонгфелло (Longfellow; 1850-1928). — См.: *Leo Tolstoy at Harvard: He calls on president Lowell and has tea with miss Alice M. Longfellow* // *The New York times*. March 21, 1911. P. 2.

Abbott Lawrence Lowell (1856-1943) с 1909 по 1933 год был президентом Гарвардского университета.

²⁶ Уильям Говард Тафт (Taft; 1857-1930) — президент США в 1909-1913 годах.

Корреспонденты российских газет с иронией описали пребывание Л.Л. Толстого в Америке, в том числе встречу с президентом Тафтом и выступление на митинге, устроенном «Нью-Йоркской лигой интернационального мира в Metropolitan Temple» 16 апреля (нов. стиля) 1911 года, в котором Л.Л. Толстой ссылаясь на беседу с Тафтом о новом политическом союзе России и США. — См.: *Л.Л. Толстой и ... международный мир* (От нашего нью-йоркского корреспондента) // *М. В[ильч]урь//Приднепровский край*. Екатеринославль, 23 апреля 1911 года, № 4243. С. 2; *Л.Л. Толстой в Америке* // *Тоже Лео//Московская газета-копейка*, 26 апреля/9 мая 1911 года, № 94. С. 2.

По возвращении в Россию летом 1911 года Л.Л. Толстой в беседе с журналистом «*Биржевых ведомостей*» особо подчеркнул тот факт, что именно он убедил американского президента расширять мирные инициативы: «Я могу гордиться тем, что устроил поездку в Россию американской эскадры. ... президент Тафт первый настаивал на скорейшей отправке эскадры». — См.: *Потемкин А.* «Откровения» Толстого-сына // *Биржевые ведомости*: Вечерний выпуск. СПб., 14/27 июня 1911 года, № 12371. С. 3; *Нашелся еще один «великий» человек* // *Земщина*. СПб., 15 июня 1911 года, № 674. С. 2; *Хлестаковщина Л.Л. Толстого* // *Утро России*. М., 15 июня 1911 года, № 136. С. 3; *Авсеев В.* В наши дни // *Петербургская газета*. СПб., 16 июня 1911 года, № 162. С. 1; *Хлестаковщина* // *Musca* // *Раннее утро*. М., 16 июня 1911 года, № 137. С. 3; *Львенок в роли Хлестакова*: Как будто «басня» // *Шпилька* // *Земщина*. СПб., 19 июня 1911 года, № 678. С. 3; *Арабески*: Дневник дачницы[: День пятый] // *Гарольд* // *Киевская мысль*. 19 июня 1911 года, № 167. С. 2. — *Отдел книжных фондов ГМТ*. Коллекция *В.Г. Черткова*.

... *Musca* – под этим псевдонимом писал Федор Генрихович *Мускатблит* (1878-1947), встречавшийся в 1902 году с Л.Н. Толстым. — См.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. III. С. 320; Т. IV. С. 327. См. также: *В Ясной Поляне* (Беседа с Л.Н. Толстым) // *Musca* // *Интервью и беседы с Львом Толстым* / Составление, вступ. статья и коммент. *В.Я. Лакишина*. М.: Современник, 1986. С. 171-177; 477.

... *Шпилька* – псевдоним поэта и фельетониста Василия Ивановича *Иванова* (1865-1912). — См.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. III. С. 254; Т. IV. С. 202.

... *Гарольд* – псевдоним поэта-сатирика Исаака Марковича *Левинского* (1876-1955). — *Там же*. Т. I. С. 288; Т. IV. С. 275.

Однако о мирных инициативах президента Тафта, выступившего на Третьем национальном конгрессе мира в Балтиморе, русская печать сообщила еще весной. — См.: *Конгресс мира* // *С.-Петербургские ведомости*. 22 апреля 1911 года, № 108. С. 5.

²⁷ Алиса Лонгвортс (Longworth; урожд. Рузвельт; 1884-1980) действительно была помощницей и другом своего отца. — См.: *Longworth A.R.* Crowded hours: Reminiscences. N.Y.; Lnd., 1933; *Brough J.* Princess Alice: A biography of Alice Roosevelt Longworth. Boston; Toronto, 1975.

²⁸ Теодор Рузвельт (Roosevelt; 1858-1919) — один из самых успешных президентов США (1901-1909), последовательно отстаивавший мир на планете; лауреат Нобелевской премии 1906 года за посредничество в прекращении войны между Японией и Россией и подписании Портсмутского договора в августе 1905 года (см. выше примеч. 18 к Главе 2). — См.: *Brinkley D.* Wilderness warrior: Theodore Roosevelt and the crusade for America. N.Y., 2009.

²⁹ Американский изобретатель Томас Алва Эдисон (Edison; 1847-1931) действительно считал фонограф одним из самых важных своих творений и в 1908 году прислал его в Ясную Поляну. — См.: *Переписка Толстого с Т. Эдисоном* // *Л.Н. Толстой...* (Литературное

наследство; Т. 37-38). [Кн.] П. С. 330-338. См. также: **Булгаков В. Л.**Н. Толстой в последний год его жизни... С. 188, 218.

Встреча Л.Л. Толстого с Т.А. Эдисоном состоялась 22 марта 1911 года. — См.: *Tolstoy visits Edison: Son of the famous writer sees all of the inventor's treasures //The New York times*. March 24, 1911. P. 1.

Л.Л. Толстой посвятил этому событию специальный очерк. «Меня интересовал один из американских гениев — Эдисон, и на днях я увиделся с ним. Он живет недалеко от Нью-Йорка и от городка Нью-Арка, в Оранже. Меня поразило вид местности, на которой расположены эдисоновские мастерские. И ожидал увидеть лаборатории вроде наших университетских, ожидал встретить уже дряхлого старика, работающего над какой-нибудь ретортой или электрическим аппаратом. И был удивлен, когда увидел совершенно другое. Только в молодой стране электричества и техники возможен такой размах труда и размеры его, какие я встретил у Эдисона.

На нескольких акрах земли громадные фабричные здания в 7-8 этажей. Мастерские, склады, амбары, конторы и пять тысяч рабочих. Все это эдисоновская фабрика — фабрика граммофонов, электрических батарей, кинематографических лент, аккумуляторов, цементных изделий, химических препаратов и т.д.

У Эдисона запатентовано несколько сот изобретений, из которых многие изготавливаются в его Оранже.

Эдисон начал свою карьеру с продажи газет, потом был телеграфистом на станциях. Теперь он не только всемирная знаменитость, но и миллионер, директор многих компаний его имени. Происхождением он канадец. Есть два тома его биографии со всеми указаниями его трудов. Теперь ему 64 года. Эдисон одновременно с Бел[л]ем изобрел телефон, за этим следует сложный двойной, четверной, восьмерной телеграф, т.е. телеграфирование по одному проводу двух, четырех, шести и восьми известий сразу, затем фонограф, говорящий телеграф, цветной и говорящий кинематограф, электрические батареи для автомобилей и множество других.

Эдисон встретил нас в своей библиотеке и был очень любезен со мной. Я напомнил ему о том, что он подарил отцу фонограф, который ему был полезен и за который он был благодарен. Эдисон сказал, что валики с голосом отца у него бесспорно сохраняются и что их можно получить у него, когда угодно, но что жаль только, что отец мой не мог говорить громче. Эдисон глуховат, так что надо ему говорить на ухо. Он сам не огорчается этим. Рад, что ничего лишнего не слышит. Это еще бодрый, свежий старик, совершенно седой, бритый, с быстрыми движениями и быстрым, пронизательным взглядом голубых глаз. Высокий ростом, с приятным, добрым голосом.

Прежде всего он показал мне модель цементной постройки для рабочих. Идея его выливать из цемента в стальные формы готовые домики для рабочих. Он утверждает, что такие домики будут обходиться очень дешево и что прочность их вечная. Он уже сделал ряд опытов в этом деле. Цемент потом полируется и красится под какое угодно дерево, на нем делаются орнаменты и получаются таким способом удобные для жилья, красивые постройки, стены которых можно наполнять из чего угодно, если заливать их цементом. Толщина стен очень небольшая, в вершок. Эдисон, по-видимому, очень заинтересован этой новой идеей, и, действительно, она заслуживает, мне кажется, большого внимания. Самая дорогая часть всякой постройки, материал, этим удешевляется в сотни раз, потому что земля, щебень, глина, руда, камень — все может служить им и все это можно найти.

Потом Эдисон повел меня в свою любимую лабораторию, куда никто не допускается. Здесь он показал мне еще одно новое исследование свое, которое также за последнее время его очень увлекает. Это опыты создать из никеля путем электрической очистки никелевую бумагу. Такая бумага, во-первых, вечная, во-вторых, настолько тонка, что полное собрание сочинений Толстого можно было бы напечатать в одной книжечке. Эдисон говорит, что сталь и металл должны в будущем заменить дерево и бумагу, как они уже заменяют здесь их во многом. Даже многие вагоны товарных поездов здесь делаются из стали и железа. Весь уголь

перевозится в них. Кстати, товарные поезда здесь доходят до 100 вагонов длиной, и вагоны крупнее наших. С одним из помощников Эдисона я обошел его фабрики. Лифты поднимали и опускали нас на верхние и нижние этажи.

Рабочие [вы]глядят неважно. В некоторых отделениях, там, где проявляют кинематографические эдисоновские ленты, рабочие работают десять часов в день за полтора доллара в душной атмосфере и темноте, тускло освещенной лишь красными лампочками. Громоздкие черные цилиндры вертятся в ваннах, промывая ленты. Все, конечно, движется электрической энергией. В корпусе, где фабрикуются граммофоны, условия работы также очень тяжелые, особенно в верхнем этаже, где изготавливаются восковые валики.

Нелегка и участь барышень, обязанность которых целый день стоять у фонографа и слушать его, проверяя готовые в продажу экземпляры. Они до того привыкают к этой музыке, что не слышат ее, а только слышат дефекты машины. Не помню точно цифр, но, кажется, полтора миллиона граммофонных валиков фабрикуется в Оранже ежегодно. Как видите, Эдисон — настоящий американец, гений его развился и развивается в делах, в непрестанном упорном труде. Он работает с раннего утра и до поздней ночи, иногда просиживая за занятиями до утра. Он постоянно выдумывает все новое и новое и упорно достигает своих целей, не жалея никаких средств, когда ему нужно добиться чего-нибудь. Рассказывают, что он теряет иногда десятки тысяч на своих опытах, но зато всегда добивается определенных конечных выводов. Теперь цветной и говорящий кинематограф его готов, и весной он пустит его в продажу. Он оказал мне, что иллюзия жизни получается удивительная. Видишь настоящих двигающихся людей, и все они говорят. Эдисон был очень внимателен ко мне, и я рад, что был у него.

Это чудесник нашего времени, это величайший гений». — См.: *Толстой Л.Л.* В Америке // *Новое время*. СПб., 2/15 мая 1911 года, № 12620. С. 2.

Александр Грейам Белл (Bell; 1847-1922) — английский изобретатель, предложивший в 1876 году одну из первых конструкций телефона.

³⁰ В литературе об Эдисоне стараются не упоминать старшего сына изобретателя, Томаса Альву Эдисона-младшего (1876-1935), из-за которого в начале века в американской печати возник скандал.

В 17 лет он бросил школу и некоторое время работал на предприятиях отца, пока в 1895 году одно из них не закрылось. Через несколько лет — по слабости характера и зависти к успеху отца — он вошел в контакт с сомнительными дельцами, использовавшими его громкое имя и предложившими ему возглавить химическую, электрическую и сталелитейную кампании.

Все начинания Эдисона-младшего провалились, инвесторы понесли миллионные потери, а Эдисон в 1903 году был вынужден официально потребовать от сына сменить имя и отправиться жить на ферму. Только при этих условиях он согласился выплатить сыну небольшое еженедельное пособие, с неременной росписью за полученные деньги. — См.: *Stross R.* The wizard of Menlo Park: How Thomas Alva Edison invented the modern world: Uncorrected proof. N.Y., [2007]. P. 211-219; *Rondeau R.* Lost in history: Thomas A. Edison, junior. N.Y., 2010 (<http://edisoninfoil.com/taejr/edisonjr.htm>).

В русской литературе об Эдисоне встречается ошибочное утверждение: «Старший сын изобретателя унаследовал склонности и способности своего отца и является лучшим его помощником. И мысль о том, что дело его жизни, дело, которому Эдисон посвятил всего себя, не умрет вместе с ним, а перейдет в надежные руки, эта мысль наполняет сердце старика гордостью и радостью». — См.: *Карпичев Н.* История одной жизни (Томас Альва Эдисон). М., 1913. С. 124.

Однако в данном случае речь шла не о Томасе Альве-младшем, а об одном из его младших братьев (Уильяме Лесли, 1878-1937; Чарльзе, 1890-1969; Теодоре Миллере, 1898-1992), получивших хорошее образование и продолживших дело отца. — См.: *Simonds W.A.* Edison: His life, his work, his genius. Lnd., [1935]; *Silverberg R.* Light for

the world: Edison and the power industry. Princeton, [1967]. P. 199-200, 214; (<https://www.findagrave.com/memorial/1630>).

³¹ В одном из очерков Л.Л. Толстой назвал точное место встречи: нью-йоркский клуб XX столетия, «где барон d'Estournelle Constant говорил о миссии Америки в деле всеобщего мира». — См.: *Толстой Л.Л.* В Америке // *Новое время*. СПб., 4/17 апреля 1911 года, № 12594. С. 2.

Известный французский дипломат, общественный и политический деятель, лауреат Нобелевской премии мира за 1909 год, барон Поль Анри Бенжамен *Детурнель (д'Эстурнель) де Констан* (1852-1924) бывал в России, в том числе в феврале 1910 года, когда он возглавлял парламентскую делегацию Франции и от ее имени послал приветственную телеграмму Л.Н. Толстому в Ясную Поляну.

Убежденный пацифист, он еще в марте 1905 года обращался к Л.Н. Толстому за содействием, но не нашел понимания. Тем не менее барон Детурнель де Констан продолжал призывать людей в разных частях света к всеобщему миру. — *ПСС*. Т. 58. С. 15, 318; Т. 75. С. 238; Т. 81. С. 95.

³² В очерке, предназначенном для русских читателей, Л.Л. Толстой отметил свое посещение колледжа в местечке Велслей (Wellesley College) в 12-ти милях от Бостона — высшего учебного заведения для женщин, открытого в 1875 году. — См.: *Толстой Л.Л.* В Америке // *Новое время*. СПб., 4/17 апреля 1911 года, № 12594. С. 2. См. также: *American universities and colleges* /Ed. by A.J. Brumbaugh. Washington, 1948. P. 925-927; *Tolstoy visits Wellesley*; is guest of the college for a few days; visits Boston Authors' club // *The New Yorks times*. March 18, 1911.

³³ Дороти Хилл неожиданно умерла в конце августа 1913 года. Ей было 24 года (<https://www.findagrave.com/memorial/24596903/dorothy-worthington-hill>).

³⁴ Не совсем точно. Дороти Хилл родилась 16 ноября 1888 года; следовательно, осенью 1907 года ей было 18 лет (см. выше примеч. 5 к Главе 5).

³⁵ Телеграмма неизвестна.

Глава 6

¹ Сохранившиеся документы подтверждают высказанное выше предположение относительно датировки первой поездки в Америку. Кроме того, возвращение весной 1911 года во Францию обсуждалось в переписке с родными и, судя по всему, было стремительным. Еще в начале апреля 1911 года Л.Л. Толстой сообщил С.А. Толстой о своих планах:

« 10 апреля <нов. стиля> 1911 <года.
Нью-Йорк>

Милая мамá,

Я уезжаю отсюда 6 мая, так что буду в Париже 1-го <мая> старого стиля. Пишу, чтобы Вы знали, что писать туда. Теперь занят очень.

Целую.

Ваш Лева».

— *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14514. Л. 1. Автограф. Курсив мой. — В.А. Письмо и конверт с клише отеля Лафайет.

Через несколько дней после получения этого сообщения в Ясной Поляне читали первую открытку Л.Л. Толстого, отправленную из Парижа:

«Вернулся из Америки. Пожалуйста, пишите сюда. Все здоровы. Путешествие было очень интересно и удачно. Дора давно на ногах и быстро поправилась. Как Вы и у вас?

Увижу Вас весной или ранним летом.

Целую крепко.

Лева

13 апреля <нов. стиля> 1911 <года>

Париж». — *Там же*, № 14515. Л. 1 об. Автограф.

Открытка была получена в Ясной Поляне 18 апреля (ст. стиля) 1911 года. — *Там же*. Л. 1.

В тот же день С.А.Толстая откликнулась на известие сына:

«18 апреля <ст. стиля> 1911 г<ода>
Ясная Поляна>

Сегодня получила твое письмо, милый Лева, о том, что ты вернулся к своей семье в Париж, и очень этому порадовалась. <...>» — *ИРЛИ*, ф. 303, № 691. Л. 5. Автограф.

² Через некоторое время, 4 мая (нов. стиля) 1911 года Л.Л. Толстой писал матери о своем состоянии: «<...> Несмотря на Америку, денежные дела сносны как будто. Зато душевные очень тяжелы. О них писать не могу. Как Вы управляетесь, бедная, с Вашими заботами? Рад буду увидеть Вас. Квартиру я пересдал, все здесь кончаю.

Дора едет в Швецию 10 июня н<ового> ст<иля>. Я, м<ожет> б<ыть>, поеду с ними. М<ожет> б<ыть>, прямо в Россию. Целую Вас крепко.

Ваш Лев.

<...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14516. Л. 1-2. Автограф.

³ О том, как болезненно переживал Л.Л. Толстой разрыв с Жизель, свидетельствует и его письмо матери из Хальмбюбуды, куда Толстые отправились в начале июня, немного раньше предполагавшегося времени:

«9 июня н<ового> ст<иля> 1911 <года>
Halmbyboda

Дорогая мамá, вот я опять в моей старой Швеции, в тех счастливых условиях, которые Вы знаете давно и которые мне принесли столько блага в жизни.

Не знаю, как пойдет жизнь дальше. Сейчас буду здесь жить несколько недель, а там в П<етербур>г и к вам в бедную Ясную.

Да, жизнь — дивный сон, подчас тяжелый, подчас спокойный, иногда полный бреда, иногда счастливый. Посылаю Вам стихи, которые написал, подъезжая к Швеции... По ним Вы поймете мое настроение. В Париже все прикончил, как будто никогда туда не вернусь, здесь все по-прежнему хорошо, но жить здесь долго не в силах.

Напишите о себе, как только получите это письмо, о себе и других и о делах.

Семья Доры очень жалеет Вас и, как во всем мире было, люди нормальные все на Вашей стороне.

Горько думать и говорить, но удивительное дело, как конец отца послужил к забвению всей его философской деятельности и морали. Каждому не только противно говорить о толстовском учении, но и думать, исключая самых несчастных людей. Трудно быть пророком и человеком в то же время. Пророчество отжило свое время. Нужны люди трезвой разумной мысли и, главное, такого же труда. Поэтому мне так понравилась Америка и ее люди.

Сейчас на время скульптуру оставил и хочу писать — пьесу для Парижа, Лондона и Америки и еще одну вещь. Между тем скульптура очень удачна. Посылаю вырезки из французск<их> газет. Сделал еще один бюст графа Мернера, шведа, писателя, моего нового парижского друга. Очень хорошо, даже сам знаю. В то же время другой товарищ сделал мой прекрасный бюст, перед которым все разевают рты.

В Париже и Америке я оставил свой крошечный след и рад этому не для славы, а потому, что многие связи с добрыми людьми <установились>.

Вот стихи:

Здравствуй, Северное море!
Вечно серый свод небес,
Коль развеешь мое горе,
Чудо будет из чудес!

Солнце Юга измотало
Душу пылкую мою;
Сердце русское устало,
Все изранилось в бою.

За два года испытаний
Сколько трепетных свиданий,
Сколько страстных ожиданий,
Тайных слез, надежд, рыданий...

Бедная любовь, рабыня...
Скована, запрещена...
Ты, единая святыня,
Попрана, загублена...

Tout cela entraînerent.

Целую Вас нежно.

Ваш любящий

Лев».

— Там же, № 14517. Л. 1-3 об. Автограф.

...пьесе для Парижа, Лондона и Америки... — пьеса была обещана американской и канадской актрисе Маргарет Энглин (Anglin; 1876-1958), которую Л.Л. Толстой видел в роли Федры в Бостоне в обработке древнего сюжета, созданной писательницей и аболиционисткой Джулией Уорд Хау (Howe; 1819-1910) по предложению знаменитого актера Эдвина Бута (Booth; 1833-1893). Благотворительный спектакль в театре Трентон был дан в пользу детей миссис Хау и фонда ее имени. Спектакль и игра Маргарет Энглин произвели впечатление на Л.Л. Толстого и он обещал актрисе прислать пьесу к новому театральному сезону в середине июля. — См.: *Margaret Anglin in "Hippolytus"*: Appears as Phaedra in the late Julia Ward Howe's tragedy for memorial fund; *Miss Anglin has play by Count Tolstoy //The New York times*. March 25, 1911. P. 11.

... Посылаю вырезки из французск<их> газет... — В конверт заказного письма вложены вырезки из французских газет, датированные 12 и 14 мая (нов. стиля) 1911 года. В рецензиях на очередную выставку в Национальном Салоне сочувственно отмечены, в числе других, скульптуры Л.Л. Толстого, представившего два бюста: отца и дочери Нины. — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14516. Л. 4-6.

... Сделал еще один бюст графа Мернера, шведа, писателя, моего нового парижского друга. Очень хорошо, даже сам знаю... — о графе Биргере Мёрнере (Mörner; 1867-1930) и о судьбе бюста, сделанного Л.Л. Толстым, см. ниже в Главе 7.

... В то же время другой товарищ сделал мой прекрасный бюст, перед которым все разевают рты... — кто лепил в Париже Л.Л. Толстого и какова судьба этого бюста, установить не удалось.

...Tout cela entraînerent. — Все это увлекало (фр.).

⁴ Еще одна деталь, позволяющая со всей определенностью утверждать, что речь идет именно о *весне 1911 года, когда Владимир Карлович Саблер (1845-1929) только приступил к исполнению своих обязанностей.* — См.: *Новый обер-прокурор Св. Синода //Новое время.* СПб., 4/17 мая 1911 года, № 12622. С. 4-5.

⁵ 16 июня (ст. стиля) 1911 года С.А. Толстая записала в ежедневнике: «Сережа, Миша и Илья уехали, а неожиданно приехал Лева. Ничего не делала, все разговоры и кошмарная продажа Ясной Поляны, перепись вещей и всего, что касалось любимого, близкого человека. ...» — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 2. С. 347.

⁶ Л.Л. Толстой ошибся: этот приезд был уже *после* смерти Л.Н. Толстого. См. выше.

Что касается пребывания Л.Л. Толстого в Ясной Поляне *летом 1910 года*, то он приехал неожиданно даже для С.А. Толстой. Вероятно, кто-то из родных сообщил Л.Л. Толстому о тяжелой ситуации в семье, вызванной приступами обострившейся истерии у С.А. Толстой. Этим продиктована телеграмма, 29 июня 1910 года отправленная из Петербурга Л.Л. Толстым:

«<В> Засеку Толстым
Телеграфируйте Северную гостиницу здоровье мамá вышлите <экипаж> пятницу <в>
Ясенки <к> скорому
Лева».

— *ОР ГМТ.* Архив С.А. Толстой, № 14492. Л. 1. Датируется по почтовому штемпелю на обороте телеграммы.

Пятница выпала на 2 июля 1910 года. В этот день С.А. Толстая записала в дневнике: «... К обеду приехал сын Лева, оживленный и радостный. Ему приятно быть опять в России, в Ясной Поляне и видеть нас. ...» — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 2. С. 129.

⁷ Речь идет о Дмитрие Николаевиче Толстом (1827-1856).

Приступ, о котором пишет Лев Львович, действительно имел место, но только значительно раньше, *весной 1908 года.* М.С. Сухотин (см. о нем выше примеч. 23 к Главе 19 Книги I), бывший в то время в Ясной Поляне, записал в дневнике 12 апреля 1908 года: «С месяц тому назад со Л[ьвом] Н[иколаевичем] был обморок и затем временная потеря памяти. Сегодня за обедом это повторилось, хотя не было полного обморочного состояния. ... Он сидел бледный, с посиневшим носом и, видимо, плохо понимал, что кругом него говорилось. Д[ушан] П[етрович] Маковицкий стал уговаривать его прилечь. Л[ев] Н[иколаевич] воспротивился: „Да что вы, со мной ничего, я просто очень крепко спал, так крепко, что, когда проснулся, все забыл; тут был брат Митенька (умерший тому назад лет 50), не знаю, во сне или в действительности”. ...» — См.: *Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников...* Т. 2. С. 378-379. См. также: *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого... Т. I. С. 207; *Маковицкий Д.П.* У Толстого... Кн. 3. С. 56-57.

Л.Л. Толстой в это время был в Ясной Поляне. И хотя в его дневниковых записях этот момент не зафиксирован, он, естественно, знал об этом припадке отца. — Ср.: *Сын и отец...* // *Лица...* Т. 4. С. 278-283.

Характерно, что в переписке с С.А. Толстой сразу же после кончины Л.Н. Толстого эпизод с Митенькой возник как прямое доказательство *давней недееспособности отца.* Так, 23 ноября (ст. стиля) 1910 года Л.Л. Толстой рассказал матери о своих консультациях со знакомыми юристами по поводу завещания отца: «<...> В случае оспаривания завещания надо, говорит Маклаков, все взвесить раньше. Все записать. Свидетельские показания чужих, не родни. Выписки из дневника. События лета и т.д. Все сведения к медицинской экспертизе. Россолимо тут мог бы быть очень полезен. Маклаков говорит, что забывчивость отца была, пожалуй, больше, чем простое беспамятство, когда он вдруг спрашивал брата Митеньку и не узнавал близких. Но надо, чтобы живые чужие свидетели под присягой показали правду. Лакей Илья Васильевич один <подтвердит>, но этого мало. Надо найти

других лиц, бывших очевидцами его умственной ненормальности. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14533. Л. 1 об.-2. Автограф. Курсив *Л.Л. Толстого*.

Л.Л. Толстой надеялся на сочувствие давнего друга семьи Толстых, адвоката В.А. Маклакова (см. о нем в примеч. 2 к Главе 10 Книги I). Однако известный юрист, депутат Государственной Думы, член ЦК партии кадетов; знакомый, корреспондент и адресат Л.Н. Толстого, посетитель Ясной Поляны отказался участвовать в скандальной процедуре признания великого писателя недееспособным уже после его смерти. См. об этом ниже.

Невропатолог, профессор Московского университета Григорий Иванович *Россолимо* (1860-1928) 19-21 июля 1910 года был в Ясной Поляне и по просьбе детей Толстых консультировал С.А. Толстую, отклонившую все рекомендации известного специалиста. — См.: *ПСС*. Т. 58. С. 81, 257, 458; *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 152; *Булгаков В.* Л.Н. Толстой в последний год его жизни... С. 289-291.

Илья Васильевич Сидорков (1858-1940) с 1893 года служил в доме Толстых.

Л.Л. Толстой еще летом 1910 года считал, что лечить надо прежде всего *отца*, а не мать. — См.: *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого... Т. II. С. 139; *Толстая А.* Отец... Т. 2. С. 454; *Толстая А.Л.* Дневники... С. 95.

25 ноября 1910 года он вернулся к этому вопросу в письме С.А. Толстой: «<...> Я глубоко убежден в том, что отец сделал завещание, будучи ненормальным умственно. Ведь все эти признаки слабости мозга есть: <писать> руками в воздухе, думать, что его ненавидят, думать, что брат его жив, и т.д. Все это полное расслабление мозга. Я убежден, что если бы этого не было, не было бы и завещания. Если эти явления были не постоянными, то ведь то, что их порождало, было постоянным. Надо составить список устных этих проявлений умственной ненормальности и тогда наверняка начать процесс. <...>» — *ОР ГМТ* Архив С.А. Толстой, № 14535. Л. 1 об. Автограф.

Так как от судебного процесса по поводу завещания Л.Н. Толстого вскоре решено было отказаться, то и эпизод с Митенькой на многие годы исчез из переписки Л.Л. Толстого. Тем не менее, в начале 20-х годов, работая над циклом очерков, составивших позднее книгу «В Ясной Поляне: Правда об отце и его жизни», Л.Л. Толстой восстановил события лета 1910 года в Ясной Поляне и в этой связи вспомнил случай с Митенькой, но в ином контексте.

⁸ Вероятно, речь идет о несохранившихся документах, связанных с пребыванием Л.Л. Толстого в Ясной Поляне с 4 по 13 апреля 1908 года. — *ПСС*. Т. 78. С. 123. 12 апреля 1908 года в «Заметках об отце» Л.Л. Толстой для себя пометил: «... Нового в отце, кроме большой доброты, я вижу именно, как я выразился, какую-то повышенную чувствительность по отношению ко всем явлениям жизни. ...»

... Он все тот же, со всеми своими чертами характера, и эти черты стали как-то мягче и тоньше. Ко мне отец отнесся замечательно добро и внимательно. Первые дни он был искренно [рад] моему приезду...». — См.: *Сын и отец... //Лица...* Т. 4. С. 278-279.

По возвращении в Петербург Л.Л. Толстой писал матери:

«25 апр[еля 19]08 г[ода]
Милая мамá,

я получил Ваши два письма, первое с припиской папá, которая меня очень тронула. Одно могу сказать ему, что я недостойн его любви и говорю это совершенно искренно. Рад же, главное, тому, что мне стало ясно то, что раньше было темно и что мучило меня. Это [то], что, в сущности, как я всегда и чувствовал и чувствую, у нас с папá одна душа и тот же путь. Разница только в том, что он указывает конечный свет на этом пути, а я стараюсь указывать неровности, препятствия и ямы по дороге. Мне казалось раньше, что эти две деятельности противоречат одна другой, что они исключают одна другую. Теперь мне ясно, что это не так, что они вполне совместимы, даже что одна без другой невозможны. Могущий вместить да вместит. ...» — *Там же*. С. 280.

...Ваши два письма... — известно только первое письмо от 14 апреля 1910 года с припиской Л.Н. Толстого. — *ПСС*. Т. 78. С. 123. Другое письмо, вероятно, не сохранилось: в архиве Л.Л. Толстого писем матери за период между 5 марта и 4 мая 1908 года нет. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 687.

⁹ Точная запись в Дневнике Л.Н. Толстого за 4 июля 1910 года звучит так: «Приехал Лева. Небольшой числитель, а знаменатель ∞». — *ПСС*. Т. 58. С. 75. *Числитель* — по мнению Л.Н. Толстого, данные человека; *знаменатель* — как он ими распорядился.

¹⁰ Вскоре после отъезда сына С.А. Толстая 4 сентября 1910 года отправила Л.Л. Толстому коротенькое письмецо:

«Сегодня утром получила твое письмо, милый Лева, и пожалела, что эту недельку не прожила еще с тобою, хотя я и тревожила тебя, но ты меня умиротворял и трогал своей любовью. <...>» — *ИРЛИ*, ф. 303, № 689. Л. 33. Автограф. Курсив *С.А. Толстой*.

¹¹ Такие письма В.Г. Черткова Л.Н. Толстому за 1910 год неизвестны. В письме Т.Л. Сухотиной-Толстой, действительно, В.Г. Чертков 7 июля 1910 года заметил, что присутствие Л.Л. Толстого резко ухудшило ситуацию в доме Толстых. — *ПСС*. Т. 58. С. 448-449.

¹² 14 августа 1910 года в дневнике А.Л. Толстой появилась запись: «<...> Лева мне прямо сказал, что я виною всему, что происходит между стариками<...>» — *ОРГМТ*. Архив А.Л. Толстой, п. 2, № 12. Л. 70 об. Автограф. См. также: *Толстая А.Л.* Дневники... С. 143.

Сама А.Л. Толстая позднее писала: «Горе мое было в том, что я не жалела (С.А. Толстую. — *В.А.*), я сердилась... А насколько было бы легче отцу, если бы мы, его близкие, жалея мать, могли „со смирением и любовью” отнестись к ней.

... Я была слишком молода, чтобы это понять». — См.: *Толстая А.* Отец... Т. 2. С. 458.

¹³ 30 июня 1910 года С.А. Толстая записала в дневнике: «... Разговоры с Таней только еще более расстроили меня: в них было с ее стороны столько жестокого осуждения и столько безжалостности и невозможно исполнимых требований, что я еще больше расстроилась. ...» — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 125.

В том, что С.А. Толстая была больна, не было сомнений ни у кого, кроме младших сыновей. Вместе с профессором Г.И. Россолимо 19 июля 1910 года в Ясную Поляну был приглашен еще Дмитрий Васильевич Никитин (1874-1960), домашний врач Толстых в 1903-1904 годах. Их официальный диагноз был неутешителен: «Дегенеративная двойная конституция: паранойяльная и истерическая, с преобладанием первой. В данный момент эпизодическое обострение». — См.: *ПСС*. Т. 58. С. 458; *Булгаков В.* Л.Н. Толстой в последний год его жизни... С. 291; *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого... Т. II. С. 145.

¹⁴ С появлением в Ясной Поляне А.Л. Толстого обстановка в доме еще больше накалилась. С.А. Толстая обрела дополнительную поддержку и 26 июля 1910 года записала: «... Сыновья мои [младшие] очень добры, солидарны между собой и со мной. ...» — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 159.

В восприятии Л.Н. Толстого младшие сыновья тоже были объединены. Тогда же, 26 июля 1910 года он записал в Дневнике: «Сыновья, Андрей и Лев оч[ень] тяжелы, хотя разнообразно каждый по-своему». — *ПСС*. Т. 58. С. 84.

Очевидец происходящего в тот же день заметил: «... Андрей Львович настроен, что называется, “агрессивно”. Льву Николаевичу он очень тяжел. ...» — См.: *Булгаков В.* Л.Н. Толстой в последний год его жизни... С. 294.

¹⁵ Ни С.А. Толстая, ни Л.Л. Толстой не захотели и не сумели услышать признание Л.Н. Толстого в том, что В.Г. Чертков является самым близким ему человеком. Болезненная реакция С.А. Толстой известна: она настояла на том, чтобы запретить встречи Толстого с Чертковым, не понимая, что тем самым приближает трагическую развязку. 6 августа 1910 года она записала: «... Лев Ник[олаевич] строг и холоден, а мне при виде его холодности так и слышится жестокий возглас мужа: „Чертков *самый* близкий мне человек!“ (А не жена!) Ну, по крайней мере, *физически* он не будет самым близким. ...» — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 2. С. 169. Курсив *С.А. Толстой*.

¹⁶ В последние месяцы жизни у Толстого было иное толкование самого понятия память. Так, 17 марта 1910 года он записал в Дневнике: «... Вчера ничего не помню *значительного*. ...». См. также запись от 27 марта 1910 года:

«...забыл.

... Забыл.

... Я все *пустое* забыл. ...» — *ПСС*. Т. 58. С. 30. Курсив мой. — *В.А.*

Через месяц, 18 мая 1910 года он вновь вернулся к осмыслению проблемы памяти: «... Память? Как часто память принимают за ум. А не видят того, что память исключает ум, несовместима с умом, с умом самобытного решения вопросов. Одно заменяет другое. ...» — *Там же*. С. 53-54.

¹⁷ Завещание Л.Н. Толстого было подписано 22 июля 1910 года. Текст его и «Объяснительную записку» к завещанию см.: *Там же*. Т. 82. С. 227-230.

¹⁸ Работа успешно продвигалась, и через несколько сеансов, 12 июля 1910 года С.А. Толстая отметила: «Днем позировала Леве, он лепил мой бюст, и сегодня стало более похоже, он талантлив, умен и добр. ...» — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 2. С. 140.

Скульптурный портрет С.А. Толстой был закончен в августе 1910 года и остался в Ясной Поляне.

¹⁹ Николай Константинович Муравьев (1870-1936) принимал участие в составлении двух завещаний: одного, подписанного Л.Н. Толстым в Ясной Поляне 1 ноября 1909 года, и другого завещания, подписанного тайно от С.А. Толстой и других членов семьи в лесу, близ деревни Грумонт. В эти дни Н.К. Муравьев в Ясную Поляну не приезжал. — См.: *Толстая А. Отец...* С. 442. См. также: *Н.К. Муравьев и Л.Н. Толстой: Завещание Толстого // Варфоломеев Ю.В.* Николай Константинович Муравьев: адвокат, политик, человек. Саратов, 2007. С. 264-278.

²⁰ Одна из характерных сцен зафиксирована в дневнике С.А. Толстой 23 июля 1910 года: «... Когда я узнала, что опять едет к нам Чертков, опять меня всю потрясло, и я расплакалась; проходившая мимо Саша плюнула громко и резко чуть ли мне не в лицо и закричала грубо: „Тьфу, черт знает, как мне надоели эти истерики!“

Какое грубое создание. Просто непонятно, как можно так оскорблять мать, которая ровно ничего ей не сделала и ни слова ей не сказала. И какое страшное и злое у ней было при этом лицо. ...» — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 2. С. 155; *Толстая А.Л. Дневники...* С. 99.

²¹ В процессе обсуждения официального текста завещания Л.Н. Толстой 10 апреля 1910 года записал в Дневнике: «... Какой большой грех я сделал, отдав детям состояние. Всем повредил, даже дочерям. Ясно вижу это теперь». — *ПСС*. Т. 58. С. 36.

²² Л.Л. Толстой не вполне точен. У него было свое состояние, однако столичная жизнь и большая семья требовали куда бóльших денег, чем было в наличности. Поэтому денежный вопрос постоянно обсуждался в переписке Л.Л. Толстого с матерью уже тогда. Так, одно из последних писем из французской столицы весной 1910 года целиком посвящено этому.

«Милая мамá, сегодня получил от Крестецкого земства, которое не уплатило в срок и задержало платеж Вам, письмо, что оно еще задержит его. Мне очень неприятно, что я не посылаю Вам в срок, но случилось так, что второе земство заказало громадный книжный заказ тысяч на пять, и денег сейчас не довольно, чтобы выслать Вам. Пожалуйста, потерпите. Мне *ни за что* не хочется бросать „Доброго Дела“, как оно ни трудно. *Во всяком случае*, через месяц деньги будут Вам высланы. Вы поймете, что я не виноват и что деньги целы, и поймете, что дело мое принципиальное и мне дорогое. Оно сильно развивается и идет хорошо.

Едем 7-го <июня>. Петя поправляется медленно, хотя не кашляет.

31 мая <нов. стиля 19>10 <года>

Париж

Если очень нужны деньги, напишите, пришлю сейчас». — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14486. Л. 1 об. Автограф. Курсив *Л.Л. Толстого*.

«*Доброе Дело*» — книжный магазин и склад Л.Л. Толстого, просуществовавший в Петербурге с осени 1904 по 1912 год (см. выше примеч. 16 к Главе 4 Книги I). См. о нем подробнее: **Сын и отец... //Лица...** Т. 4. С. 180-181.

Любопытен и один проект, о котором Л.Л. Толстой писал С.А. Толстой в 20-х числах августа 1910 года в Кочеты, где в имении Сухотиных в это время жили родители:

«<...> Думал еще об одном плане.

Что, если бы Вы при жизни отдали Ясную детям? Мы бы разделили все при жизни стариков. Сейчас же каждый из нас стал бы работать на своем куске. Построились бы многие, — первый я, Андрюша, м<ожет> б<ыть>, Таня, Саша, Сережа! Жизнь бы здесь закипела ключом. Вы были бы свободны от хозяйства. Держали бы только столько людей, коров, лошадей, сколько Вам нужно. Сократили бы всю Вашу безумную роскошь. Мы бы Вам давали, так или иначе, все, нужное для усадьбы. Усадьбу могли бы отдать пожизненно или совсем Вам. Как было бы весело и хорошо всем! Переживете отца, сделаете из дома его музей, не переж<ив>ете, он останется дома. Мысли, над которыми не мешало бы Вам подумать.

Покажите это письмо папá и просите прочесть. Что он скажет<?>

Я уверен, что ему это понравится уже по одному тому, что он сам будет в более приятном положении. Это важнее истории с Чертковым. Тут дело касается всех нас и наших семей. Но об этом, м<ожет> б<ыть>, Вам не захочется думать. Простите, что пишу так.

Л<ева>.

Странно сказать, но ведь Ваше одиночество оттого, что дети все в разброде и в Ясной, при существующих условиях, жить долго не могут, а если сделать, что говорю <я>, будет совсем другое, и Вы живая найдете себя и успокоитесь». — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14500. Л. 1 об.-2 об. Автограф.

Ответ С.А. Толстой неизвестен. В конце августа 1910 года она была не в состоянии всерьез обсуждать подобные планы. Вероятно, по поводу этого письма Л.Н. Толстой 28 августа 1910 года заметил: «... Письмо от Левы — нехорошее очень. Помогите Господи». — **ПСС**. Т. 58. С. 97.

²³ Более точно, убедительно и бескомпромиссно сформулировал суть случившегося М.С. Сухотин в письме В.Ф. Булгакову 5 июня 1912 года:

«<...>Л<ев> Н<иколаевич> любил В<ладимира> Г<ригорьевича> исключительно нежно, пристрастно и слепо; эта любовь довела Л<ьва> Н<иколаевича> до полного подчинения воле В<ладимира> Г<ригорьевича>. Владимир Г<ригорьевич> тоже очень сильно любил Л<ьва> Н<иколаевича>, но не только сильно, но и *в л а с т н о*; эта властность довела Л<ьва> Н<иколаевича> до поступка, совершенно не согласного с его остальными верованиями (т.е., до

завещания). Если бы Л<ев> Н<иколаевич> видел, до каких не согласных с его желаниями разветвлений дошли чувства и поступки лиц, принимающих прямое или косвенное участие в исполнении этого завещания, то, наверное, огорчился бы и раскаялся в том, что поддался уговорам Черткова. Вот мое основное убеждение. <...>

Те фальшивые ноты, которые я слышу в заключительном аккорде, завершившем жизнь Л<ьва> Н<иколаевича>, главным образом явились следствием того пагубного влияния, которое оказывал Чертков на своего учителя. Тем не менее я снова повторяю, что я не обвиняю в этом Черткова, как не могу обвинять кукушку, не могущую петь соловьем. Гораздо больше меня удивляет и огорчает соловей, забывающий свое чудное пение и из любви к кукушке старающийся не петь, а куковать. <...>» — *РГАЛИ*, ф. 2226, оп. 1, ед. хр. 1103. Л. 13. Машинописная копия. Разрядка М.С. Сухотина. См. также: *Абросимова В.Н., Краснов Г.В.* Последний секретарь Л.Н. Толстого (По материалам архива В.Ф. Булгакова) // *Известия Академии наук*. Серия литературы и языка. М., 2002. Т. 61, № 3. С. 51-52.

²⁴ Сцена эта известна в нескольких вариантах, совпадающих в основных деталях. А.Б. Гольденвейзер 6 июля 1910 года записал: «... По дороге домой Владимир Григорьевич рассказал мне, что его разговор со Львом Львовичем (пока мы [с Л.Н. Толстым. — В.А.] играли в шахматы) кончился довольно печально. Владимир Григорьевич говорил ему, чтобы он не полагался только на слова матери, чтобы он сам наблюдал, расспросил сестру [Сашу]; а то он рискует остаться в дураках. Разговор велся в дружелюбном тоне, но когда Владимир Григорьевич повторил еще раз выражение „в дураках”, Лев Львович рассердился и закричал:

— Ты дурак! Все знают, что ты идиот!

И, наконец, стал, не переставая, кричать:

— Дурак, дурак, идиот! — тряся перед собою кулаками.

Владимир Григорьевич ушел от него, сказав, что его ругательства не могут его обидеть. ...» — См.: *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого... Т. II. С. 101.

На следующий день Л.Л. Толстой как будто бы опомнился. «... Мы были уже одетые внизу, когда вниз сбежал Лев Львович и сказал Владимиру Григорьевичу:

— Мамá хочет с тобой поговорить. Гораздо лучше, правда, объяснитесь, чем тянуть эту историю. Мне очень жаль, что у нас был с тобой вчерашний разговор. Я погорячился. Мне это очень неприятно.

— Как я рад от тебя это слышать, — сказал ему Владимир Григорьевич. — Благодарю тебя, мне это, правда, очень радостно...» — *Там же*. С. 103.

Несколько иначе ситуация выглядит в изложении переписчицы, жившей в Ясной Поляне, дружившей с А.Л. Толстой и однозначно принявшей ее сторону, Варвары Михайловны Феокритовой (1875-1950): «<...> Вчера уже Лев Львович говорил <...> с Чертковым, и они, кажется, поссорились, потому что сегодня, 7-го июля, Лев Львович сказал мне за завтраком, что он назвал Черткова идиотом и что он, конечно, не подал бы ему больше руки, если бы не Л<ев> Н<иколаевич>.

— Да я его на порог бы не пустила, с лакеями с лестницы спустила, если бы не папá, — ответила С<офья> А<ндреевна>, радуясь такой хорошей поддержке.

В это время вошла Саша, и Лев Львович просил прекратить разговор и не передавать ей его. <...>» — См.: *Феокритова В.М.* Последний год жизни Л.Н. Толстого: Записки. — *РГАЛИ*, ф. 508, оп. 1, ед. хр. 278. Л. 33. Машинопись с авторской правкой. См. также: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 134.

Эпизод этот имел продолжение. В критический для всех участников день тайного подписания Л.Н. Толстым завещания, 22 июля 1910 года Л.Л. Толстой обратился к Черткову — когда-то «милому другу Диме» — с таким письмом:

Владимир Григорьевич,

Твое появление в доме моих родителей каждый раз, с тех пор, что я здесь, как ты сам видел вчера, глубоко волнует мою мать и крайне вредно для ее слабого здоровья. Расстраивая мать, ты этим самым расстраиваешь отца, у которого вчера болела печень, так что он плохо спал ночь. На нас, детей, волнение родителей действует также очень чувствительно. Говорю это, чтобы ты видел, до какой степени эти волнения сильны и не здоровы. Не для того, чтобы оберечь собственный покой. Было бы естественно, чтобы ты прекратил свои посещения, хотя бы временно, несмотря на приглашения родителей, и ограничил свои отношения с отцом письменно. Но, может быть, ни ты, ни отец, ни мать ради отца не желает этого, и посещения твои будут продолжаться. Тогда я очень прошу тебя сделать все возможное для установления с матерью простых и открытых добрых отношений. Скажи ей, что ты готов все сделать, чтобы успокоить ее, чтобы твое появление у них не было ей тяжелым, что ты жалеешь, что осуждал ее, что признаешь, что она больна и слаба, — вообще что-нибудь такое человеческое, доброе. Тогда все могло бы устроиться, и отношения всех вас и нас стали бы нормальными. Не говори никому, ни отцу, ни друзьям об этом письме.

Не отвечай мне на него много, не сердись на меня и верь, что я лично не желаю ничего, кроме покоя родителей и доброго к тебе отношения. Нельзя осуждать слабую и больную женщину и требовать от нее самообладания, в котором она бессильна. Надо щадить ее последние дни. Такое мое впечатление. Ей я внушаю всячески, чтобы она великодушно, с добротой и любовью подходила к тебе. Вот все.

Лев.

Рад был бы переговорить с тобой, но до конца, без волнения. А то мы назвали друг друга дураками и этим ограничились. Это грустно, не правда ли?» — *ОР ГМТ*. Архив В.Г. Черткова, № 60341. Л. 1-2 об. Автограф. О письме и реакции В.Г. Черткова на него см.: *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого... Т. II. С. 159.

²⁵ Л.Л. Толстой не вполне точен: 7-9 июля 1910 года В.Г. Чертков бывал в Ясной Поляне, 10 июля Л.Н. Толстой ездил вместе с ним на прогулку, а вот появление В.Г. Черткова 12 июля 1910 года вызвало такую нервную реакцию Софьи Андреевны, что Лев Николаевич должен был отказаться от совместной верховой езды с давним другом. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 133-142.

15 июля 1910 года С.А. Толстая сама разрешила В.Г. Черткову приезжать в Ясную Поляну. — *Там же*. С. 146. Только после обращения к нему Т.Л. Сухотиной-Толстой 26 июля 1910 года В.Г. Чертков действительно больше не бывал в Ясной Поляне. — См.: *Булгаков В.* Л.Н. Толстой в последний год его жизни... С. 296, 413.

²⁶ Известный пианист, профессор Московской консерватории с 1906 года, А.Б. Гольденвейзер оказался в числе немногих близких к Толстому людей, чья лояльность новой власти не вызывала сомнений. Когда в штатном расписании Московской консерватории в конце 1920 года появилась должность проректора, то выбор пал на Гольденвейзера. Через полтора года, 2 октября 1922 года он был избран ректором консерватории и исполнял эти обязанности до конца сентября 1924 года.

В 1932-1934 годах профессор А.Б. Гольденвейзер вновь стал заместителем директора, а с 1939 по 1942 год — директором консерватории. — См.: *Московская консерватория: 1866-1966*. М.: Музыка, 1966. С. 288, 296, 329, 652; *Воспоминания о Московской консерватории*. М.: Музыка, 1966. С. 220.

²⁷ Л.Н. Толстой возобновил верховые прогулки 10 мая 1910 года. Кроме А.Б. Гольденвейзера, вместе с Львом Николаевичем выезжали В.Ф. Булгаков или Д.П. Маковицкий.

Л.Л. Толстой дважды летом 1910 года сопровождал отца. Первый раз — 3 июля 1910 года, на следующий день после приезда в Ясную Поляну, они ездили в сгоревшее Овсянниково к М.А. Шмидт. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 130.

Позднее, готовясь к лекции в Америке весной 1911 года, Л.Л. Толстой так вспоминал об этой поездке: «... Я забыл передать интересный разговор мой с отцом по дороге в Овсянниково, ездили с ним туда вдвоем верхом. Я сказал ему, что замечаю в России улучшение, что в России проснулось национальное чувство и что я рад, что наконец осуществляется моя давнишняя мечта перехода крестьян от общины к частному землевладению. Отец иронически засмеялся.

— Что они только делают! — вскричал он с негодованием. — Что они только делают! Эти разбойники, преступники! Вешают, обирают, насилюют.

Возражать уже нельзя было и не хотелось. Он весь горел злобой и негодованием. Не помню точно всех его слов, но он закончил так: „Оставим это и забудь, пожалуйста, все, что я сказал”...» — См.: *Сын и отец... //Лица...* Т. 4. С. 286.

Вторая поездка — в день, когда ливень застиг наездников в лесу, — состоялась 9 июля 1910 года. — См.: *ПСС.* Т. 58. С. 77; *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 136; *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого... Т. II. С. 105.

²⁸ Л.Л. Толстой ошибся: на следующий день с Л.Н. Толстым ездил В.Г. Чертков. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 137. 11 и 12 июля 1910 года Л.Н. Толстого сопровождал Д.П. Маковицкий. — *Там же.* С. 140. И только 13 июля Л.Н. Толстой отправился на прогулку верхом вместе с А.Б. Гольденвейзером и М.С. Сухотиным. — *Там же.* С. 142; *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого... Т. II. С. 115-116.

²⁹ Судя по Дневнику Л.Н. Толстого, записям членов его семьи, В.Ф. Булгакова и Д.П. Маковицкого, так Гольденвейзера никто не называл. Летом 1910 года молодой музыкант вместе с женой, Анной Алексеевной Гольденвейзер (урожд. Софиано; 1881-1929) жил в Телятенках у Чертковых, часто приезжал в Ясную Поляну, играл с Л.Н. Толстым в винт, в шахматы или отвлекал его от мучительных размышлений исполнением его любимых музыкальных произведений. 25 июля 1910 года Л.Н. Толстой записал в Дневнике: «... Говорил с Львом. Тщетно. ... Тут ночует хороший Гол[ь]денв[ейзер]». — *ПСС.* Т. 58. С. 83.

Налицо очевидная оппозиция: сын Лев — Гольденвейзер. Так что со стороны Л.Л. Толстого, возможно, была и некоторая доля зависти по отношению к Гольденвейзеру. Показательно также, что прозвище «Гольден-Мольден» появилось *только после смерти* Л.Н. Толстого в письме матери из Петербурга от 23 октября 1911 года:

«<...> Сегодня завтракал у Мити Олсуфьева. Каковы редакторы сочинений Л<ьва> Н<иколаеви>ча? Гольден-Мольден, о котором папá писал, что ему с ним „почему-то” неприятно, и Хирьяков, с которым общего у папá собственно не было ничего.

Вообще я сторонюсь от имени отца, как от какой-то нечисти, вокруг которой насели гады. Сам он — там, где-то далеко, хороший, великий, чистый. Но нужны века, чтобы величье его встало во всей полноте, свободное от тех нечистот, вроде Черткова, Гольдена и др<угих>, которые насели на него и в конце концов уморили. В чем же их заслуга? Ровно ни в чем, кроме отрицательного, но этого пока еще не видно достаточно ясно. Когда мухи съедят засиженный ими труп и разлетятся, то останутся одни кости, <тогда> ясно будет, что мухам нужна была только падаль, которой они кормились, а не живой человек и его учение. Мне это ясно, как день, потому что иначе разве бы слышали о “Гольден-<->Мольдене” и Черткове и их компании. Они бы жили где-нибудь “по Божью”, для души, избегая мирской суеты, в которой они “исполняют волю покойного”. Хороша воля и хороши исполнители ее. Воля, чтобы вызвать в людях недоброту и ненависть, исполнители, с которыми ему было самому невоготу. От которых он бежал и умер. Отвратительно.

Готов бежать сам куда-нибудь подальше, в теплые чужие края, чтобы не жить этим или, во всяком случае, не слышать об этом. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14526. Л. 1-2 об. Автограф. Датируется по содержанию.

...у Мити Олсуфьева... — Д.А. Олсуфьев (см. о нем в примеч. 10 к Главе 7 Книги I), член Государственного совета; посетитель Ясной Поляны, корреспондент и адресат Л.Н. Толстого.

...“почему-то” неприятно... — в «Дневнике для одного себя» Л.Н. Толстой 3 августа 1910 года записал: «Ездил с Гол[ь]д[енвейзером]. Мне с ним отчего-то тяжело». — **ПСС**. Т. 58. С. 130.

Разговор во время прогулки зашел о завещании и положении Л.Н. Толстого в семье, что было Толстому неприятно. — Ср.: **Гольденвейзер А.Б.** Вблизи Толстого... Т. II. С. 196-199.

Александр Модестович Хирьяков (1863-1940) — журналист, сотрудник издательства «Посредник». 14 августа 1910 года Л.Н. Толстой отметил в Дневнике присутствие давнего знакомого: «Вечером Хирьяков приятный, Гол[ь]денв[ейзер], Димочка». — **ПСС**. Т. 58. С. 93.

Димочка — сын Чертковых, Владимир Владимирович Чертков (1889-1964).

³⁰ В Дневнике Л.Н. Толстого дважды — в минуты особенно резкого отчуждения от сына — появилось его полное имя.

Л.Л. Толстой не вполне точно цитирует запись от 11 июля 1910 года. Ср. в Дневнике у Толстого: «Жив еле[-]еле. Ужасная ночь. До 4 часов. И ужаснее всего б[ыл] Л[ев] Л[ьвович]. Он меня ругал, как мальчишку и приказывал итти в сад за С[офьей] А[ндреевной]. ... Не могу спокойно видеть Льва. ...» — *Там же*. С. 78.

Во второй раз полное имя сына появилось в «Дневнике для одного себя» 1 августа 1910 года. См. об этом ниже примеч. 34.

³¹ Тот факт, что Л.Л. Толстой кричал на отца, отмечен многими. — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 139; **Булгаков В.** Л.Н. Толстой в последний год жизни... С. 278; **Гольденвейзер А.Б.** Вблизи Толстого... Т. II. С. 112.

См. также запись разговора А.Л. Толстой с братом:

«<...> — Это тебе папá сказал, что я его назвал дрянью?

— Он мне сказал, что ему даже показалось, что ты его назвал дрянью.

— И хорошо, что он не расслышал, я ему еще гораздо хуже сказал. <...>». — **ОР ГМТ**. Архив А.Л. Толстой, п. 2, № 11. Л. 45 об. Автограф. См. также: **Феокритова В.М.** Последний год жизни Л.Н. Толстого. — **РГАЛИ**, ф. 508, оп. 1, ед. хр. 278. Л. 42-43; **Толстая А.Л.** Дневники... С. 78-79.

³² **ПСС**. Т. 58. С. 79.

³³ Эта запись в «Дневнике для одного себя» 29 июля 1910 года имеет продолжение: «... Я совершенно искренно могу любить ее (С.А. Толстую. — В.А.), чего не могу по отношению к Льву. Андрей просто один из тех, про к[отор]ых трудно думать, что в них душа Божия (но она есть, помни). Буду стараться не раздражаться и стоять на своем, главное, молчанием.

Нельзя же лишить миллионы людей, может быть, нужного им для души. Повторяю: „мож[ет] б[ыть]“. Но даже если есть только самая малая вероятность, ч[то] написанное мною нужно душам людей, то нельзя лишить их этой духовной пищи для того, чтобы Андр[ей] мог пить и развратничать и Лев мазать и... Ну да Б[ог] с ними. Делай свое и не осуждай... » — *Там же*. С. 129.

³⁴ Эта запись от 1 августа 1910 года в «Дневнике для одного себя»: «... Оч[ень] тяжело. Льва Львовича не могу переносить. А он хочет поселиться здесь. Вот испытание! ...» — *Там же*. С. 130. См. об этом выше примеч. 30.

В тот же день А.Л. Толстая записала такой разговор с отцом: «<...>

— Да, да, оказывается, Лев хочет поселиться здесь, а он мне очень, очень тяжел, но я должен подготовиться, чтобы перенести это как нужно. Мне прямо тяжело его присутствие, ну, да, нужно крепиться. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив А.Л. Толстой, п. 2, № 12. Л. 21 об.-22. Автограф. См. также: *Толстая А.Л.* Дневники... С. 114-115.

³⁵ Л.Л. Толстой забыл, что прошел уже месяц со дня его приезда в Ясную Поляну. См. выше.

³⁶ Точная запись от 7 августа 1910 года звучит так: «... С Львом все также тяжело, но слава Богу, нет недоброго чувства. ...» — *ПСС*. Т. 58. С. 132.

³⁷ *Там же*.

³⁸ Вероятно, это было в первые дни приезда Л.Л. Толстого в Ясную Поляну, когда, по словам очевидцев, Л.Л. Толстой был «...пока довольно миролюбив». — См. запись от 3 июля 1910 года в кн.: *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого... Т. II. С. 88.

4 июля 1910 года С.А. Толстая записала: «... Лева сегодня говорил, что он вчера случайно подстерег на лице Льва Николаевича такое прекрасное выражение человека не от мира сего, что он был поражен и желал бы его уловить для скульптуры. ...» — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 130.

5 июля 1910 года Л.Н. Толстой даже записал в Дневнике: «С Левого немного легче». — *ПСС*. Т. 58. С. 76.

³⁹ Эти были в первые дни его пребывания в доме. 6 июля 1910 года — до ссоры с Чертковым — Л.Л. Толстой все еще был вполне лоялен и контактен с теми, кто не поддерживал С.А. Толстую: «... Лев Львович взял меня под руку и повел вниз показывать свою работу. Он лепит Илью Васильевича [Сидоркова. — *В.А.*] и собирается лепить Софью Андреевну и Л[ьва] Н[иколаевича]. Он мне еще показывал фотографии своих прежних работ. ...» — См.: *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого... Т. II. С. 95.

Однако ссора с В.Г. Чертковым сделала невозможным мирное разрешение конфликта «противоборствующих сторон».

⁴⁰ Современники зафиксировали три разговора Л.Л. Толстого с отцом о скульптуре: первый — 4 июля 1910 года касался прежде всего О. Родена и его суждений об искусстве (см. о нем выше примеч. 11 к Главе 5 Книги I); второй произошел 27 июля 1910 года и в нем затрагивалась опубликованная только что статья О. Родена. — См.: *Маковицкий Д.П.* У Толстого... Кн. 4. С. 307.

Третий обмен мнениями имел место 10 августа и инициатором его был Л.Н. Толстой. В записи В.М. Феокритовой, сделанной через несколько дней, трудных для всех участников событий, он выглядел так:

«<...> Л<ев> Н<иколаевич> заговорил о деревенских детишках, которых видит постоянно, особенно во время своих длинных прогулок верхом.

— Вот где скульптура, — обратился он к Льву Львовичу, — это дети, особенно деревенские, это один лучше другого!.. А то едешь верхом, выбегут эти ребяташки, голые, крошечные, толстые ножен<ь>ки... Да, дети — это самое скульптурное дело, лицо, тело — прелестно, чисто<,> а у взрослых — отвратительно. <...>» — *РГАЛИ*, ф. 508, оп. 1. ед. хр. 278. Л. 125. Машинопись с авторской правкой.

⁴¹ Л.Л. Толстой, вероятно, забыл, что в самые первые дни своего пребывания в Ясной Поляне он намерен был лепить обоих родителей (см. выше примеч. 39). Кроме того, Д.П. Маковицкий 29 августа 1910 года записал: «Лев Львович начал было лепить бюст Л[ьва] Н[иколаевича] в естественную величину. Перед отъездом Л[ьва] Н[иколаевича] бюст был почти готов и, по-моему, очень удачен. Советовали Льву Львовичу поехать с Л[ьвом] Н[иколаевичем] в Кочеты и там кончить ваяние. Но он, надеясь на память свою, решил окончить в Ясной без позирования Л[ьва] Н[иколаевича]. ...» — См.: *Маковицкий Д.П. У Толстого...* Кн. 4. С. 336.

⁴² Последний раз Л.Л. Толстой видел отца 15 августа 1910 года, когда провожал родителей в Кочеты к Сухотиным. — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 2. С. 176.

Какое-то предчувствие томило его. Вот как запомнился этот момент В.М. Феокритовой, безусловно, не симпатизировавшей Л.Л. Толстому: «<...> Даже Лев Львович почувствовал, кажется, в первый раз за все лето жалость к отцу и сознался, что мать очень мучает отца; он был так добр весь день, так мягок с нами в разговорах, что я была рада переменить свое мнение о нем. <...>» — *РГАЛИ*, ф. 508, оп. 1, ед. хр. 278. Л. 140. Машинопись с авторской правкой.

А.Л. Толстая особо отметила, что Лев приехал на станцию Засека проститься с родителями. — См.: *Толстая А.Л. Дневники...* С. 143.

⁴³ Это не прошло незамеченным С.А. Толстой, от которой у сына не было тайн. 20 июля 1910 года она записала: «... Мне что-то очень жаль сына Леву. Он сегодня такой грустный, озабоченный. Всплыло ли пережитое им в Париже, встревожен ли он тем, что ему не выдают бумагу для получения заграничного паспорта, или он, нервный, устал от наших тяжелых осложнений жизни...» — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 2. С. 152-153.

⁴⁴ «Арагонская хота» — переложение для фортепиано музыки к балету «Арагонка», который появился в результате переработки одноименной оперы известного французского композитора Жюль Массне (Massenet; 1842-1912), которая пользовалась в Париже большим успехом. — См.: *Massenet J.E.F. Aragonaise /Arranged for piano by G. Lamothe. Lnd., 1894. — See: The catalog of printed music in the British library to 1890. Lnd., 1985. Vol. 38. P. 206.*

В мемуарной литературе о Л.Н. Толстом это *первое и единственное упоминание Массне.*

...хота... — от исп. jota — испанский народный танец, исполняемый в сопровождении гитары и кастаньет, при участии солиста-певца.

⁴⁵ Речь идет не только о глубоком душевном страдании Л.Н. Толстого в то последнее лето, о котором писали все мемуаристы, но и об очень плохой игре Л.Л. Толстого. Даже любящая сына С.А. Толстая однажды вынуждена была во всеуслышание сказать об этом. Это произошло 9 августа 1910 года. В записи А.Б. Гольденвейзера это выглядело так: «... Когда мы приехали в Ясную, то услышали квинтет Моцарта, который кто-то очень плохо играл в четыре руки. ...»

Софья Андреевна... сказала:

— Я пришла сказать, что это не я играю, это Лева и Ферре играют, так что ты, Левочка, на меня не сердись. Это не я. ... Они так колотят (музицирующие), что я не могла там сидеть и пришла к вам. ...»

Лев Львович и Ферре заиграли сначала Пасторальную, а потом Пятую симфонию Бетховена. ...» — См.: *Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого...* Т. II. С. 225-226. Курсив А.Б. Гольденвейзера.

Аналогичная запись в дневнике менее впечатлительной слушательницы В.М. Феокритовой: «<...> После обеда Лев Львович и Ферре сели играть в четыре руки и, надо сказать, играли ужасно. Мы затворили их со всех сторон и пошли в канцелярию, а

С<офья> А<ндреевна> побежала к Л<ьву> Н<иколаевичу> объявлять, что это не она так плохо играет. <...>» — *РГАЛИ*, ф. 508, оп. 1, ед. хр. 278. Л. 121. Машинопись с авторской правкой.

Ферре — вице-губернатор Смоленской губернии в 1905-1917 годах, в недавнем прошлом — статский советник Тульского губернского статистического комитета Василий Юльевич *Фере* (род. в 1864 году), бывавший в доме Толстых. — *ПСС*. Т. 66. С. 358; *Памятная книжка Смоленской губернии на 1910 год*. Смоленск, 1909. С. 23; *Памятная книжка Смоленской губернии на 1915 год...* С. 24; *Памятная книжка Тульской губернии на 1902 год*. Тула, 1902. Отд. III. С. 81, 158, 260; *Тульский биографический словарь...* Т. 2. С. 275.

Вольфганг Амадей *Моцарт* (Mozart; 1756-1791) и Людвиг ван *Бетховен* (см. о нем выше примеч. 6 к Главе 4) были в числе любимых композиторов Л.Н. Толстого. — См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 363-387.

В Яснополянском доме Толстых среди нот, сохранившихся в зале, есть и ноты, которыми могли воспользоваться незадачливые исполнители и в этот день. — См.: *Beethoven L. van*. Duos, Trios, Quartette, Quintette, Sextette, Septett, Concerte u[nd] Symphonien: Für Pianoforte zu vier Händen /Arrangiert von *Hugo Ulrich* und *Robert Wittmann*. Leipzig, S.A. — *Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне*. Кп-1124/64, М-11897.

В комнате секретарей сохранились другие ноты. — См.: *Mozart W.A.* Trio, Quartette, Quintette, Concerte und Symphonien: [Für Pianoforte zu 4 Händen] /Arrangiert von *Hugo Ulrich* und *Robert Wittmann*. Leipzig, S.A. Bd. 1-2. — *Там же*. Кп-2130/11, М-5178.

⁴⁶ Но даже покинув Ясную Поляну, С.А. Толстая продолжала в Кочетах переживать события недавнего прошлого. Так, 27 августа 1910 года она подробно описала всё, что её мучило, художнице Юлии Ивановне Игумновой (1871-1940), долгие годы жившей в Ясной Поляне и хорошо знавшей всех. — См.: *Письма С.А. Толстой к Ю.И. Игумновой: 1906-1913 гг. //Друзья и гости Ясной Поляны: Материалы научно-практической конференции...* Тула, 2017. С. 114-116.

Спустя три недели после приезда гостей в его имение Кочеты Тульской губернии М.С. Сухотин 8 сентября 1910 года записал в дневнике: «... У нас в Кочетах с 15 авг[уста] гостили Л[ев] Н[иколаевич] с Сашей, Маковицким и летающей взад и вперед С[офьей] А[ндреевной]. К нам он перебрался, чтобы хоть на время отдохнуть от постыдных сцен, которые ему устраивает С[офья] А[ндреевна]. Все надеялись, что она останется в Ясной, но в последнюю минуту она тоже собралась и прикатила со всеми. Несчастное, но и не вызывающее к себе симпатии существо! ...»

А 22 сентября 1910 года М.С. Сухотин заметил: «Уехал несчастный старик в Ясную Поляну. Там, наверно, снова начнутся тяжелые пристаивания графини. Сам Л[ев] Н[иколаевич] ожидает чего-то нового». — См.: *Абросимова В.Н.* Уход Л.Н. Толстого: По дневниковым записям М.С. Сухотина 1910 г. и переписке Т.Л. Сухотиной-Толстой с С.Л. Толстым 1930-х годов // *Известия Академии наук*. Серия литературы и языка. М., 1996. Т. 55, № 2. С. 64-65. См. также: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 176-202; *Маковицкий Д.П.* У Толстого... Кн. 4. С. 322-358.

⁴⁷ В 1905 году Л.Л. Толстой издал два произведения отца, ранее запрещенных цензурой: «Где выход?» и «Разрушение ада и восстановление его». — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 137.

Как только брошюры вышли из печати, ими серьезно заинтересовались власти, пришедшие в себя после революции 1905 года. Уже 6 апреля 1906 года Л.Л. Толстой писал матери: «<...> У меня неприятность с брошюрой “Где выход” продолжается. Завтра нашу заведующую вызывает в суд следователь по важнейшим делам. И больно, и смешно, и гадко. Не знаю, чем кончится. Верно, и меня вызовут в суд или оштрафуют. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14359. Л. 1 об. Автограф.

...нашу заведующую... — речь идет об Ольге Яковлевой, заведующей книжным магазином и складом Л.Л. Толстого «Доброе Дело». См. о нем ниже.

Разбирательство длилось несколько лет. В обвинительном акте, переданном 16 января 1907 года в С.-Петербургскую судебную палату, говорилось так: «<...> Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого граф Лев Львович Толстой, не признавая себя виновным в приписываемом ему преступлении, объяснил, что изданная им брошюра сочинения графа Льва Николаевича Толстого, не заключая в себе, по его мнению призыва, могущего служить целями преступной пропаганды, является изложением философского учения и мыслей его отца; считая издание этой брошюры своим сыновним долгом в виду искажения текста другими издателями, обвиняемый граф Толстой не находит возможным исказить текст пропусками и изменениями, хотя, с своей стороны не разделяет некоторых выраженных в брошюре взглядов; издание было предпринято без ведома графа Льва Николаевича Толстого, который от прав на свои сочинения, написанные после 1881 года, отказался; намереваясь издать серию сочинений, запрещенных в печати, обвиняемый граф Толстой находил полезным осуществить таким образом свободу печати, возвещанную Манифестом 17 октября 1905 года. <...>» — *ОР РНБ*, ф. 782, № 9. Л. 2. Маш. копия с писарскими вставками.

Так как брошюра была отпечатана в количестве 2000 экземпляров по заказу Л.Л. Толстого и, главное, из них около 100 брошюр было уже продано, то в вину Л.Л. Толстому ставилось именно *распространение* запрещенных в России сочинений отца. После досмотра электро-типографии Наталии Яковлевны Стойковой на Знаменской, 27 и книжного магазина Л.Л. Толстого «Доброе Дело» и последующего рассмотрения дела, 7 августа 1907 года суд постановил: «<...> Граф Лев Львович Толстой признан по суду оправданным, изданная же им брошюра, как заключающая в себе признаки преступления, предусмотренного п<унктом> 3 ч<асти> I ст<атьи> 128 Уг<оловного> Улож<ения>, на основании ст<атьи> 6 Отд<ела> VI Именного ВЫСОЧАЙШЕГО Указа от 18-го Апреля 1906 года, подлежит уничтожению. <...>» — *ЦГИА СПб.*, ф. 705, оп. 1, № 72. Л. 6. Маш. копия.

18 октября 1907 года два сочинения Л.Н. Толстого были уничтожены «посредством разрывания на мелкие части», о чем было доложено в Главное управление по делам печати 3 ноября 1907 года. — *Там же*. Л. 8-9 об.

25 июля 1910 года в Ясную Поляну приехал урядник и становой «арестовывать Льва Львовича или взыскать залог пятьсот рублей». — См.: *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого... Т. II. С. 163.

В тот же день А.Л. Толстая записала в дневнике:

«<...> Я сидела в канцелярии и писала. Входит Лева:

— Где бы мне взять 500 рублей?

— Зачем?

— Меня приехали арестовывать и требуют залог.

Я сказала, что у меня нет, и он по телеграфу выписал эти деньги.

Какая нелепость: Лева, не разделяющий, осуждающий взгляды отца, печатает из-за наживы его произведения, как «Восстановление Ада», а пришло время расплаты — и хвост поджал. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив А.Л. Толстой, п. 2, № 12. Л. 3. Автограф. См. также: *Толстая А.Л.* Дневники... С. 105.

...«Восстановление Ада»... — речь идет о легенде Л.Н. Толстого 1902 года «Разрушение ада и восстановление его». Издание этой легенды Л.Л. Толстым прошло мимо исследователей творчества Л.Н. Толстого. — *ПСС*. Т. 34. С. 546-549.

Как только деньги уряднику были уплачены, незваные гости удалились из Ясной Поляны.

⁴⁸ В недатированном письме матери Л.Л. Толстой осенью 1904 года так объяснил свой замысел: «<...> Главная цель моя — это «Посредник» в Петербурге, народная книга и

сношение с деревней, земствами и другими. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14311. Л. 1. Автограф.

Книжный магазин и книготорговый склад «Доброе Дело» Л.Л. Толстого был открыт на Бассейной улице в доме № 4 (см. выше примеч. 22).

⁴⁹ События развивались несколько иначе. Суд дважды откладывался. Сначала Л.Л. Толстой отнесся к этому спокойно и 1 сентября 1910 года писал из Петербурга С.А. Толстой:

«Милая мамá, оказалось, что суд будет 13-го сент<ября>, а не 3-ьего. Урядник мне напутал. Сессия начнется 3-ьего, от этого вышло так. Я не горюю потому, что здесь много дела, но жаль Вас и Ясной. Я простился с Вами, при щемящем сердце отъезжал и думал о Вас. Только Вы сами, внутренней силой и твердостью можете устроить тот покой, который нужен в Ясной. Да будет так-то и потому-то и баста. От папá этого ждать нельзя. Он слишком всегда был и есть мягок. <...> Итак, еще раз до свидания и еще раз крепко, нежно целую, желая увидеть Вас более спокойной и радостной на будущее лето.

Ваш Лев».

— **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14498. Л. 1-1 об. Автограф.

Однако 13 сентября 1910 года суд был отложен повторно. Через несколько дней, 16 сентября 1910 года Лев Львович из Петербурга писал С.А. Толстой:

«Милая мамá <...> Паспорт, кажется, мне дают. Уезжаю на днях в Париж. Здесь масса дела. Продавал дом, но дают мало — 150 тысяч, так что чистых только 103 <тысячи>. Думаю продать, если хорошо дадут, чтобы исключительно заниматься скульптурой, но ничего еще не решаю без жены. Выписываю их в Париж, как только возьму паспорт. Дора была огорчена отсрочкой суда и телеграфировала: “>I awfully unhappy<;> what to do?<”>

Она уже уложилась.

Вернусь к 20-му <ноября>. Позову Маклакова защищать. Было неприятно в суде на скамье всяких убийц и мошенников. Глупое положение и очень тяжелое, когда на тебя смотрит толпа. Спасибо, я умею быть спокойным, когда нужно. Не хватило православных присяжных, была половина лютеран, а они не судят церковные дела.

Посылаю перевод на 310 рублей. Вычел 1900, как было <o>говорено. И то денег нет, и будем опять бедствовать. Еду в Париж в 3-ем классе за 36 рублей. Занял 1000 р<ублей> у бедной Альмединген. Вижу во сне отца и все нехорошо как-то.

Целую всех нежно и желаю спокойствия. <...>

17 сен<тября>.

P.S. Уезжаю завтра. Целую. Поздравляю.

Лев».

— **Там же**, № 14499. Л. 1-2 об. Автограф.

... *Продавал дом...* — продажа в 1910 году не состоялась.

...<“>I awfully unhappy<;> what to do?<”> — Я очень несчастна<;> что делать? (англ.). Эта телеграмма сохранилась в архиве Л.Л. Толстого. Судя по почтовому штемпелю получателя, она была получена в Петербурге 13 сентября 1910 года. — **ИРЛИ**, ф. 303, № 852. Л. 1.

... *Вернусь к 20-му...* — суд над Л.Л. Толстым как издателем запрещенных брошюр отца был вторично отложен до 20 ноября 1910 года. — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 200.

О **В.А. Маклакове** см. выше примеч. 7.

...*церковные дела...* — Л.Л. Толстой привлекался к суду за богохульство по 1-2 частям статьи 73 Уголовного уложения.

...*у бедной Альмединген...* — вероятно, речь идет о вдове редактора «Родника» Е.Н. Альмединген (см. о ней в примеч. 8 к Главе 14 Книги I). 5 ноября 1910 года она поблагодарила Л.Л. Толстого за возвращенный ей с процентами долг. — **ИРЛИ**, ф. 303, № 121. Л. 20-21 об. Автограф.

... *Поздравляю...* — 17 сентября — именины С.А. Толстой; 23 сентября — годовщина свадьбы Толстых.

⁵⁰ Накануне суда, 19 ноября 1910 года Л.Л. Толстой писал матери:

«Дорогая, милая, бедная мамá, пишу Вам в свободную минуту. Завтра мое дело, но сейчас слышал, что оно отложено ввиду “нашего траура”. Это будет очень досадно, и я все-таки буду просить его слушать. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14505. Л. 1. Автограф.

Действительно, дело Л.Л. Толстого рассматривали в суде в закрытом порядке 20 ноября 1910 года, вскоре после смерти Л.Н. Толстого, поразившей даже тех, кто не сочувствовал ему и не разделял его взгляды. Естественно, что решение было принято в пользу Л.Л. Толстого без какого бы то ни было существенного сопротивления властей. — См.: *Дело графа Л.Л. Толстого // Петербургская газета*. 21 ноября 1910 года, № 320. С. 12; *Русское слово*. М., 21 ноября/4 декабря 1910 года, № 269. С. 2.

⁵¹ «Ни от сумы, ни от тюр[ь]мы не отрекайся!» — См.: *Пословицы русского народа...* С. 303. См. также вариации на эту тему: С. XXXI, 37.

⁵² Поглощенность скульптурой видна уже в первом письме Л.Л. Толстого матери, отправленном в начале октября 1910 года из Парижа:

«8 oct<obre нов. стилия 19>10 <года>
Paris

Милая мамá,

Снова в Париже, все в сборе. Снова 9-ть часов работы в сутки.

В Салоне выставлен бюст Нины, кот<орый> критика хвалит. Посылаю документ.

Дети в порядке. Дора мила, как всегда.

Что у вас?

В ноябре я, м<ожет> б<ыть>, съезжу в П<етербур>г на дело.

Целую Вас нежно.

Ваш любящий

Лев».

— *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14501. Л. 1. Автограф.

... *Посылаю документ...* — о каком документе идет речь, установить не удалось.

⁵³ Упоминание об этой работе встречается в двух последующих письмах Л.Л. Толстого. Так, 20 октября (нов. стилия) 1910 года он писал С.А. Толстой: «<...> У нас жизнь идет благополучно. <...> Я леплю, делаю красивую вещь для весеннего салона — мать с ребенком. <...>» — *Там же*, № 14503. Л. 2. Автограф.

2 ноября (нов. стилия) 1910 года Л.Л. Толстой упомянул об этой скульптуре, но в другой тональности: «<...> Пишу Вам страшно усталый от чрезмерной работы и вообще парижской жизни. <...> Погода адская. Холод, дождь, град. Дети учатся в своем Лусée. Жизнь кругом кишмя кишит. Мне здесь работается хуже, чем в Ясной. Нужна тишина. Хотя делаю очень красивую вещь — мать с ребенком у груди. Писать не о чем, вот поэтому пишу редко. Будьте здоровы. Целую Вас, папá и Сашу. Что издание?

Лев».

— *Там же*, № 14504. Л. 2. Автограф.

...*Лусée*... — лицей (фр.).

... *Что издание?*... — С.А. Толстая выпускала очередное собрание сочинений Л.Н. Толстого. — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 2. С. 201, 211 и др. См. об этом выше.

⁵⁴ Л.Л. Толстой сразу же откликнулся на известие об уходе отца из Ясной Поляны и просил родных уточнить картину происходящего. 31 октября (ст. стилия) 1910 года

В.Ф. Булгаков в дневнике приводит текст полученной телеграммы Л.Л. Толстого из Парижа: «Обеспокоенный известиями парижских газет, прошу телеграфировать». — См.: *Булгаков В. Л.Н. Толстой в последний год его жизни...* С. 391.

Одновременно Л.Л. Толстой публично разъяснял свое понимание произошедшего:

«
Письмо в редакцию

М[илостивый] г[осударь]. По поводу отъезда моего отца из Ясной Поляны пишут так много неправды в иностранных и русских газетах, пишут, например, грязные и несправедливые догадки, что Лев Николаевич уехал от семейных неприятностей, оттого, что семья желала продать его сочинения за миллион и т.д., что я решился высказать мой взгляд на удаление отца от мира. Я думаю, что Львом Николаевичем тут руководила исключительно религиозная идея: одиночество в Боге. Пусть мир меня осудит, пусть будет горе жены и детей, но я “должен” спасти душу до конца, уяснить себе мою сущность в последние дни моей жизни. Вот главная и единственная причина поступка, и никаких других тут нет и не может быть,

Гр[аф] Л.Л. Толстой

Париж

31 октября [ст. стиля] 1910 г[ода]». — См.: *Новое время*. СПб., 5/18 ноября 1910 года, № 12447. С. 2. Курсив Л.Л. Толстого.

В беседе с корреспондентом другой русской газеты 1/14 ноября 1910 года Л.Л. Толстой высказался в том же духе: «... Желание отца уйти от мира я объясняю религиозным мистицизмом». — См.: *Беседа с гр. Л.Л. Толстым //Русское слово*. М., 2/15 ноября 1910 года, № 252. С. 3.

Сам же Л.Н. Толстой в Оптиной Пустыни 28 октября 1910 года так оценил случившееся: «... Но вот сидим в вагоне, трогаемся, и страх проходит, и поднимается жалость к ней, но не сомнение, сделал ли то, что должно. Может быть, ошибаюсь, оправдывая себя, но кажется, что я спасал себя, не Л[ьва] Н[иколаевича], а спасал то, что иногда и хоть чуть-чуть есть во мне». — *ПСС*. Т. 58. С. 124.

⁵⁵ Еще до отъезда Л.Л. Толстого из Парижа русские репортеры с беспокойством заметили:

«
1/14 ноября <1910 года>.

Париж

Лев Львович Толстой, работающий у известного скульптора Бурделя в academie de la grande chaumière, уже три дня не был в академии: говорят, он был спешно вызван семьей в Ясную Поляну.

Здесьние друзья Толстого — Трубецкой, Бернштейн-Синаев, Аронсон — осаждаются интервьюерами, но не могут удовлетворить любопытства, не имея никаких сведений о самом событии». — См.: *Франция о Толстом /Т.Н.//Биржевые ведомости*: Вечерний выпуск. СПб., 1 ноября 1910 года, № 11998. С. 3. См. также: *Дни нашей скорби*. М., 1911. С. 60.

Т.Н. — под этим криптонимом писала Т. Нагаева, сведений о которой найти не удалось. — См.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. III. С. 150; Т. IV. С. 239; *Писательницы России* (материалы для биобиблиографического словаря) /Сост. Ю.А. Горбунов (<http://book.uraic.ru/elib/authors/gorbunov/sl-18.htm>); (<http://book.uraic.ru/elib/authors/gorbunov/sl-13.htm>).

...у известного скульптора Бурделя... — работал ли Л.Л. Толстой осенью 1910 года в мастерской Эмиля Антуана Бурделя (Bourdelle; 1861-1929), установить не удалось. С начала 90-х годов XIX века до середины 10-х годов XX века Э. Бурдель, которого О. Роден выделял среди современных скульпторов, был помощником в его мастерской и в течение многих лет переводил в материал работы мастера. Одновременно два раза в неделю он преподавал в

академии, которую они с Роденом открыли в 1900 году. — См.: **Валериус С.** Прогрессивная скульптура XX века: Проблемы и тенденции. М.: ИЗО, 1973. С. 55, 484, 572, 577.

...*academie de la grande chaumière*... — частная школа Гранд Шомьер (большая хижина — *фр.*), в которой Э. Бурдель преподавал с 1909 года и в которой занимались русские скульпторы. — См.: **Бурдель Э.А.** Искусство скульптуры. М.: Искусство, 1968. С. 92-93, 289; **Стародубцева В.В.** Бурдель. М.: Искусство, 1970. С. 155-156, 161, 163; **Терновец Б.Н.** Письма; Дневники; Статьи /Составление, вступ. статья, тексты к разделам и коммент. Л.С. Алешиной, Н.В. Яворской. М.: Сов. художник, 1977. С. 58-102.

П.П. Трубецкой с 29 мая по 12 июня 1910 года в последний раз был в Ясной Поляне, рисовал и лепил Л.Н. Толстого верхом. — См.: **ПСС.** Т. 58. С. 59-60, 62; 399-402, 407; **Булгаков В.** Л.Н. Толстой в последний год его жизни... С. 233-241; **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 321-323; **Маковицкий Д.П.** У Толстого... Кн. 4. С. 259, 265-270; **Фадеева Л., Шапошникова Л.** Выставка работ П. Трубецкого // **Искусство.** М., 1967, № 9. С. 63-65; **Шмидт И.** Трубецкой. М.: Искусство, 1964. С. 47-48; **Паоло Трубецкой:** К 150-летию со дня рождения... С. 24-26; **Муховицкая Л.** Трубецкие: Аристократы по духу. М.: Энтраст трейдинг, 2013. С. 214.

Лев (Леопольд) Семенович **Бернштейн-Синаев** (1867-1944) с 14-ти лет жил в Париже, работал под руководством О. Родена; в 900-е годы приезжал в Россию, встречался с Толстым; в 1910 году участвовал в конкурсе на памятник Александру II; в 1911 году в Париже сделал медаль в память Л.Н. Толстого. — См.: **Художники русского зарубежья...** С. 147-148.

Наум Яковлевич **Аронсон** (1872-1943) летом 1901 года жил в Ясной Поляне, рисовал и лепил Л.Н. Толстого и членов его семьи. — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 20, 484.

Л.Л. Толстой покинул Париж 5/18 ноября 1910 года. В тот же день один из русских журналистов сообщил из французской столицы информацию для читателей своей газеты: «Проживавший здесь Лев Львович Толстой, получив из „Астапова“ телеграмму, что положение Льва Николаевича крайне угрожающее, выехал отсюда с первым поездом». — См.: **Отъезд в Астапово гр. Л.Л. Толстого // Русское слово.** М., 6/19 ноября 1910 года, № 256. С. 3. Позднее об этом сообщили и другие газеты. — См.: **Новое время.** СПб., 7/20 ноября 1910 года, № 12449. С. 3.

⁵⁶ Это было 8 ноября 1910 года, когда появились первые экстренные выпуски газет с пространными некрологами, первыми откликами иностранных и отечественных литераторов, а также разными фотографиями Л.Н. Толстого. — См.: **Русское слово.** М., 8/21 ноября 1910 года, № 257. С. 1-5.

На следующий день в рубрике “*Разные известия*” газета поместила коротенькое сообщение о возвращении Л.Л. Толстого: «Со вчерашним курьерским поездом брестской дороги в Москву прибыл из Парижа Л.Л. Толстой, вчера же выехавший в Ясную Поляну. Л.Л. Толстой узнал о смерти отца уже в дороге из газет». — **Там же,** 9/22 ноября 1910 года, № 258. С. 6. См. также: **Новое время.** СПб., 9/22 ноября 1910 года, № 12451. С. 3.

О том, как болезненно воспринял Л.Л. Толстой смерть отца, есть свидетельство внимательного корреспондента в Ясной Поляне: «Бледнеющий рассвет выхватывает площадку с теми, кто встретит печальный поезд. Среди них — Лев Львович, вернувшийся из Парижа ночью. Я и забыл сказать, что, возвращаясь с могилы, мы видели в воротах усадьбы его экипаж и в потемках он всхлипывал, как ребенок». — См.: **Брешко-Брешковский Н.** У великой могилы // **Биржевые ведомости:** Вечерний выпуск, 11/24 ноября 1910 года, № 12017. С. 4. См. также: **Уход и смерть Льва Толстого:** 30 октября 1910 года — 30 ноября 1910 года: Корреспонденции, статьи, очерки / [Составление, подготовка текста, комментарии, указатели, подбор иллюстраций А.С. Александрова, Э.К. Александровой; Науч. редактор А.В. Лавров]. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 487.

Глава 7

¹ На полотне, которое крестьяне несли перед гробом Л.Н. Толстого на длинных шестах в день похорон, 9 ноября 1910 года, было написано: «Лев Николаевич, память о твоём добре не умрет среди нас, осиротевших крестьян Ясной Поляны». — См.: *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого... Т. II. С. 363.

См. также отчет о похоронах Л.Н. Толстого: *Новое время*. СПб., 10/23 ноября 1910 года, № 12452. С. 2; *Там же*, 14/27 ноября 1910 года, № 12456. С. 4.

² Иная точка зрения в других мемуарах. Хорошо знавший Толстого и видевший его летом 1910 года А.Б. Гольденвейзер писал: «... Л[ев] Н[иколаевич] лежал, как живой. Только бороду немного испортили еще в Астапове при снятии двух масок. ... Каждый, остановившись, смотрел на прекрасное лицо усопшего...» — См.: *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого... Т. II. С. 364-365.

Никогда не встречавшийся с Толстым молодой поэт Валерий Яковлевич Брюсов (1873-1924) приехал в Ясную Поляну проститься с великим писателем. Одним из последних он вошел в комнату, «откуда все вынесено, кроме стоящего в нише бюста брата Л.Н. Толстого — Николая.

В открытом гробу лежит Толстой. Он кажется маленьким и худым. На лице то сочетание кротости и спокойствия, которое свойственно большинству отошедших из этого мира. Говорят, Толстой сильно изменился.

Нельзя замедлить в этой комнате ни минуты... А так хочется остановиться, посмотреть, вдуматься... Это — Толстой, это — человек, который магической силой своего слова, своей мысли, своей воли властвовал над душой своего века. Это — выразитель дум и сомнений не одного поколения, не одной страны, даже не одной культуры, но всего человечества нашего времени. Здесь он лежит, свершив свой подвиг и завещав людям еще много столетий вникать в брошенные им слова, вскрывать их тайный смысл, на который он успел лишь намекнуть...

— Господа, проходите, проходите! не задерживайтесь!

Мы вышли в сад. После этих мгновений, проведенных пред лицом Толстого, словно что-то изменилось в душе. Не хочется думать о тех мелочах, которые занимали две минуты тому назад. ...» — См.: *Брюсов В.Я.* На похоронах Толстого: Впечатления и наблюдения // *Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников*... Т. 2. С. 456-457.

Кроме того, стоит вспомнить первое впечатление художника Леонида Осиповича Пастернака (1862-1945), приехавшего 8 ноября 1910 года в Астапово писать этюд с Л.Н. Толстого на смертном одре. Корреспондент «Киевской мысли» П.А. Виленский в тот же день телеграфировал в редакцию своей газеты: «Беседовал [с] Пастернаком. Сказал, [что] Толстого рисовал, писал неоднократно; последний раз видел его год назад. Лицо мне [Л.О. Пастернаку. — В.А.] кажется сильно исхудавшим. [В] верхней части чувствуется много страданий. Такое выражение лица бывало [у] Толстого при жизни, но редко. Теперь осело. Видно, последнее время *сильно томился*». — См.: *Смерть Толстого*: По новым материалам[: Сборник]. М., 1929. С. 295-296. Курсив мой. — В.А.

Этой наблюдательности и деликатности в ноябрьские дни 1910 года явно не хватило Л.Л. Толстому.

³ Описание похорон см. в кн.: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 259-263.

⁴ Легенда о «зеленой палочке» была частью «Воспоминаний», которые он начал писать в 1905 году. У его брата Николеньки (см. о нем примеч. 6-7 к Главе 3 Книги I) была «...тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми, не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться, и все будут

любить друг друга, все сделаются муравейными братьями. (Вероятно, это были Моравские братья, о которых он слышал или читал, но на нашем языке это были муравейные братья.) ...

Муравейное братство было открыто нам, но главная тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы нечаянно счастливы, эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого Заказа, в том месте, в котором я, так как надо же где-нибудь зарыть мой труп, просил в память Николеньки закопать меня. ...» — *ПСС*. Т. 34. С. 385.

...*Моравские братья*... — религиозная секта, возникшая в Богемии в XV веке. Ее основателем был выдающийся чешский мыслитель Петр Хельчицкий (Chelčický; 1390-1460), создавший свое «учение о справедливости».

Каждый из детей Толстых по-своему запомнил легенду о «зеленой палочке». И.Л. Толстой так писал об этом: «...в вершине оврага есть место с насыпной почвой и тропинкой между дубами. ...

Вот тут-то, по рассказам папá, его брат Николенька закопал таинственную зеленую палочку, с которой он связал свою наивно-детскую легенду. “Если кто-нибудь из муравейных братьев найдет эту палочку, тот будет счастлив сам и силою любви осчастливит всех людей”. ...» — См.: *Толстой И.Л.* Мои воспоминания... С. 139. См. также: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 261-262.

⁵ 12 ноября 1910 года Л.Л. Толстой покинул Ясную Поляну, предварительно долго проговорив с младшей сестрой Александрой и старшим братом Сергеем. — См.: *Русское слово*. М., 13/26 ноября 1910 года, № 262. С. 3.

По возвращении в Петербург он отправил в редакцию «Нового времени» письмо, которое смутило многих. В день похорон Л.Н. Толстого газета напечатала статью В.В. Розанова «Толстой в литературе», которая заканчивалась так: «Да не поднимется ни один злобный и *разделяющий* голос. Как Толстой не любил “разделений”!» — См.: *Новое время*. СПб., 9/22 ноября 1910 года, № 12451. С. 5. Курсив В.В. Розанова.

Л.Л. Толстой органически не мог принять этого призыва. Смерть отца и тяжелейшее душевное состояние матери вызвали в нем желание предать огласке события последних месяцев с тем, чтобы общественное мнение заклеило В.Г. Черткова, о котором Л.Н. Толстой вскоре после знакомства с ним 6 апреля 1884 года писал в Дневнике так: «Он удивит[ельно] одноцентричен со мною. ...» — *ПСС*. Т. 49. С. 78.

Л.Л. Толстой не мог даже предположить, как остро переживал его отец вынужденную разлуку с Чертковым. Накануне ухода из Ясной Поляны, 26 октября 1910 года Л.Н. Толстой писал своему другу и единомышленнику: «Нынче в первый раз почувствовал с особенной ясностью — до грусти — как мне недостает вас...

Есть целая область мыслей, чувств, к[отор]ыми я ни с кем иным не могу так естественно [делиться], — зная, что я вполне понят, — как с вами. ...

... Я чувствую что-то недолжное, постыдное в своем положении, и иногда смотрю на него — как и должно — как на благо, а иногда противлюсь, возмущаюсь. ...

Очень вы мне недостаете. На бумаге всего не расскажешь. Ну хоть что-нибудь. Я пишу вам о себе. Пишите и вы о себе и как попало. Как вы поймете меня с намека, так и я вас. ...» — *Там же*. Т. 89. С. 230-231.

Тем не менее, через неделю после похорон один из сыновей Толстого обвинил в смерти отца именно Черткова.

« *Кто виновник*

Считаю долгом пока публично объявить следующее.

С документами в руках всему миру я могу показать, что прямым и единственным виновником тяжелой душевной драмы, поведшей за собою печальный конец моего отца, [виновником] его нечеловеческих страданий является не кто иной, как В.Г. Чертков,

преданный друг моего отца, но друг узкий и непорядочный, не понимавший своих обязанностей по отношению к Льву Николаевичу, как живому человеку.

Он вовлек его в тайные поступки, несвойственные природе отца, — поступки, вызвавшие тяжелые внутренние муки отца и борьбу, разлучившие его внутренне и внешне с семьей и закончившиеся кошмаром.

На одного Черткова поэтому падает вина преждевременной смерти отца, на его тщеславное, безграничное, одностороннее и неумное влияние, под которым жил последние годы своей жизни, а особенно месяцы, мой старый, бедный отец, и будущее докажет это.

Я жил в Ясной Поляне этим летом два с половиной месяца. Я жил там, и страдал, и хотел и старался помочь всячески положению и что-нибудь понять. Но понять что-либо или сделать что-либо было невозможно, — так тайно и искусно овладел моим отцом Чертков, пользуясь своей близостью с Львом Николаевичем и ежедневными свиданиями. Я не знал, чем объяснить внезапную перемену ко мне отца, писавшего мне еще недавно: “с истинною любовью отец твой Л[ев] Т[олстой]”, трогательно примирившегося со мной словесно и письменно после наших идейных, основных жизненных несогласий, и в душе своей искренно меня любившего. Я из сердечной деликатности не смел прямо спросить, в чем дело. Большинство других членов семьи было в том же положении.

Видя, что я бессилён, я уехал. Теперь для меня раскрылась тайна трагедии, которая, вероятно, раскроется в будущем всему миру.

Как гордый сын отца моего и исключительной по достоинствам, самоотверженной матери моей, больной, разбитой незаслуженными страданиями и горем, как граф Толстой, потомок тех же родовых русских семей, из которых мы вышли, считаю долгом моим еще раз повторить, смело и открыто, что я считаю В.Г. Черткова злейшим врагом отца моего, как живого человека, злейшим врагом всего образованного общества и всего цивилизованного мира, хотя, может быть, и невольным.

Он отнял у нас Толстого.

Если бы не было Черткова подле отца в последние годы и месяцы его жизни, отец мог бы еще спокойно прожить несколько лет в Ясной Поляне подле горячо любимой им и горячо любившей его семьи. С поселением Черткова в Телятинках и началось роковое... Уверен, что все добрые, правдивые, честные люди понимают чистые чувства мои.

Граф Лев Львович Толстой».

— См.: *Новое время*. СПб., 16/29 ноября 1910 года, № 12458. С. 4.

Тональность письма и многочисленные неточности свидетельствуют о том состоянии, в котором находился Л.Л. Толстой в этот момент. На следующий день газета «Русское слово» перепечатала его письмо с таким комментарием: «Л.Л. Толстой думает, что ему удалось открыть трагедию его великого отца. Но эта трагедия, конечно, много сложнее, чем кажется Л.Л. Толстому, и объяснять ее одним влиянием В.Г. Черткова — это значит умалять ее значение и дать лишний раз подтверждение тому, что великие люди обыкновенно остаются непонятыми своими близкими». — См.: *Русское слово*. М., 17/30 ноября 1910 года, № 265. С. 3.

Семейные разногласия выплеснулись на страницы газет. — См.: *И.Л. Толстой по поводу письма брата // Там же*, 18 ноября/1 декабря 1910 года, № 266. С. 3; *Граф С.Л. Толстой по поводу письма брата // Там же*, 19 ноября/2 декабря 1910 года, № 267. С. 3.

В открытом письме в газету «Новое время» Л.Л. Толстой не упомянул о завещании отца. Однако 16 ноября 1910 года в тульском окружном суде последнее завещание, тайно подписанное Л.Н. Толстым, было обнародовано и молчать об этом, по мнению Л.Л. Толстого, было просто нельзя. В его новом письме главное обвинение снова было предъявлено В.Г. Черткову:

... Обвиняю Черткова в том, что он вовлек отца в тяжелую внутреннюю борьбу, в умалчивание о завещании от самых близких ему людей, — тогда как сам завещатель хотел объявить им о своем намерении, что привело отца к страшным душевным страданиям и преждевременной смерти. На это обвинение, повторяю, у меня есть несомненные письменные доказательства самого последнего времени.

Если бы у Черткова была хоть капля чувства и понимания того, что отец мой, как и моя мать, по природе своей, не терпят ничего скрытного, никакой тайны, то он при жизни бы, а особенно в последние месяцы, пользуясь своей близостью с Львом Николаевичем, постарался избавить его от страданий, тогда как он делал все в обратном направлении.

Не отвечая на низкие нападки на меня в обществе и печати, не имея никаких других целей, имея свое определенное мнение о содержании завещания, не хочу сказать ничего, кроме того, что говорю, сказал и считаю долгом говорить, именно теперь, в видах истины, и думаю, что я не только имею на это право, но я обязан перед всеми теми, кому дорога была жизнь Льва Николаевича и кому дорога правда, во имя его.

Гр. Л.Л. Толстой

19-го ноября 1910 года». — *Новое время*. СПб., 20 ноября/3 декабря 1910 года, № 12462. С. 4. Курсив Л.Л. Толстого.

И вновь родные должны были оспаривать точку зрения Л.Л. Толстого. — См.: *Кто виновник?*: Письмо гр. И.Л. Толстого // *Русское слово*. М., 21 ноября/4 декабря 1910 года, № 269. С. 2; *Александра Львовна о письме Л.Л. Толстого* // *Там же*, 24 ноября/7 декабря 1910 года, № 271. С. 4.

Обвиняя Черткова, Л.Л. Толстой, однако, вовсе не настаивал на публичном разбирательстве. Отправив открытое письмо в редакцию газеты, он в тот же день, 19 ноября 1910 года признался матери: «<...> Конечно, процесса судебного не поведу, хотя мог бы выиграть. Мудрое и беспристрастное правосудие должно было бы решить дело в нашу пользу. Все в один голос сочувствуют нам, кроме жидов и лицемеров. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14505. Л. 2. Автограф.

Через день, 21 ноября 1910 года в беседе с Николаем Константиновичем Никифоровым (род. в 1856 году), печатавшимся под псевдонимом “Кане”, Л.Л. Толстой не высказал серьезного намерения оспорить в суде завещание отца. — См.: *Последнее слово сына великого писателя* (Беседа с гр. Л.Л. Толстым) // *Петербургская газета*. СПб., 22 ноября 1910, № 319. С. 2. См. также: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. I. С. 53; Т. IV. С. 338.

Однако в тот же день одна из московских газет, ссылаясь на информацию своего петербургского корреспондента, писала: «Граф Л.Л. Толстой очень хлопочет о непризнании духовного завещания своего отца. Л[ев] Л[ьвович] послал большую записку председателю совета министров (П.А. Столыпину. — В.А.), в которой изложил свои предположения, что отец написал завещание уже не будучи в здравом уме и твердой памяти. Л[ев] Л[ьвович] просит Столыпина принять его для более детальных переговоров по этому предмету. П.А. Столыпин отказался принять графа Льва Львовича, мотивируя это тем, что не считает возможным входить в рассмотрение подробностей вопроса и полагает, что единственный путь расследовать это дело есть путь судебного разбирательства. Лев Львович не удовлетворился ответом и сегодня посетил обер-прокурора синода Лукьянова с просьбой помочь ему и поддержать его ходатайство. Лукьянов ответил, что Л[ев] Л[ьвович] направился не к той инстанции: синод не входит в разбор вопроса о юридической правильности завещаний, с этим надо обращаться к судебной, а не к духовной власти. Личное же его мнение, что притязания Л.Л. [Толстого] имеют мало оснований и едва ли власть судебная встанет на его сторону». — См.: *Ходатайство гр. Л.Л. Толстого о непризнании духовного завещания Льва Николаевича* // *Столичная молва*. М., 22 ноября 1910 года, № 153. С. 3. См. также: *Руль*. М., 22 ноября 1910 года, № 261. С. 5.

Сергей Михайлович *Лукьянов* (1855-1935) — доктор медицины, автор многих научных работ, создатель специальной противочумной лаборатории близ Кронштадта; обер-прокурор Святейшего Синода с февраля 1909 до мая 1911 года.

Общественное мнение было шокировано выступлениями Л.Л. Толстого. Из газетных комментариев приведу один, на мой взгляд, весьма выразительный: «Борьба против литературной деятельности отца при его жизни, борьба против его посмертной воли, борьба против его религиозных убеждений, — война объявлена по всему фронту.

С живым она была делом только жалким и комическим; с мертвым она имеет характер кощунства. ...» — См.: *Яблоновский С.* Ничтожество // *Русское слово*. М., 25 ноября/8 декабря 1910 года, № 272. С. 2. См. также другие отклики на выступление Л.Л. Толстого в кн.: *Уход и смерть Льва Толстого*: 30 октября 1910 года — 30 ноября 1910 года: Корреспонденции, статьи, очерки... (указ.).

Как и все документы, касающиеся Л.Н. Толстого, слухи о встречах и беседах Л.Л. Толстого с влиятельными лицами в правительстве и Синоде мгновенно разошлись по всей России. Л.Л. Толстой был вынужден выступить с их опровержением:

«... Заявляю, что к обер-прокурору синода я не обращался и у него не был, что к П.А. Столыпину с запиской о признании недействительности завещания отца я не обращался, что лично я рад распоряжению отца относительно его сочинений (хотя бесконечно страдаю за него, зная, какой дорогой ценой оно ему досталось), что я не хотел и не хочу оспаривать завещание, — и высказал и еще выскажу мой взгляд на кончину Льва Николаевича единственно потому, что считаю его крайне важным, во имя правды и добра, помимо всяких других побуждений.

Прошу все газеты, кому дорога память отца и та любовь, которой мы живы, напечатать это письмо и потом замолчать.

Прошу искренно прощения у тех, кому тяжело было, как мне самому больше всех, мое негодование, не вполне исчерпывающее сложные причины страданий Льва Николаевича в последние месяцы жизни, но, повторяю, обоснованное.

Довольно. Пусть мир и тишина установятся. Дела, а не речи.

Граф Лев Львович Толстой.

Петербург. 26-го ноября 1910 года». — См.: *Русское слово*. М., 28 ноября/11 декабря 1910 года, № 275. С. 5. См. также: *О признании недействительным завещания Л. Толстого*: Ходатайство сына графа Л.Л. Толстого // *Петербургская газета*. СПб. 28 ноября 1910 года, № 319. С. 5; *Письмо графа Л.Л. Толстого* // *Столичная молва*. М., 29 ноября 1910 года, № 154. С. 3.

Итак, Л.Л. Толстой после вынесения ему оправдательного приговора 20 ноября 1910 года (см. об этом выше примеч. 50 к Главе 6) отправился в Ясную Поляну к больной матери. Вечером 30 ноября 1910 года он уехал в Париж, предварительно известив об этом С.А. Толстую. — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14506. Л. 1 об.

Этот прием *умолчания* в мемуарах Л.Л. Толстого должен быть особо отмечен. Те полмесяца, которые он провел в Петербурге наедине со своим горем, были заполнены такой безумной эпистолярной активностью, о которой ему потом захотелось *забыть*. Что он и сделал, ни в ранних, ни в поздних мемуарах не восстанавливая газетную борьбу с В.Г. Чертковым. Показательно также, что младшую сестру Александру, которая — по завещанию Толстого — становилась его единственной душеприказчицей, Л.Л. Толстой *ни в одном из трех писем не упомянул*.

Он никого не убедил и не остановил поток остро критических откликов. Одно из них принадлежит его сверстнику, лауреату Пушкинских премий и почетному академику по разряду изящной словесности Императорской академии наук, Ивану Алексеевичу Бунину (1870-1953). В интервью корреспонденту газеты «Одесские новости» Александру Анисимовичу Аренбергу (1878-1966) он в начале декабря 1910 года рассказал о своем потрясении от смерти Л.Н. Толстого и возмущении, вызванном письмами Л.Л. Толстого.

«— ... Впечатление, которое на меня произвел уход Льва Николаевича, — сказал нам Иван Алексеевич, — настолько было необычайно; это был настолько ослепительный шаг, это было проявление такого величия души великого старца, что, право, трудно в нескольких словах передать охватившее меня чувство. ...»

— А какое впечатление произвело на вас выступление Льва Львовича?

— Другого слова, кроме “возмутительно”, не подберешь. Мне нет никакого дела до чувств, испытанных Львом Львовичем как наследником, мне нет дела до его отношения к Черткову; меня возмущает, что человек, имевший величайшую радость быть сыном гения, имевший счастье быть постоянно при великом человеке, не мог постичь движения души своего отца, не мог понять потрясающей драмы, переживаемой близким человеком. И, конечно, возмутительно, когда родной сын, сваливая все на влияние Черткова и разные житейские мелочи, пытается, сам того, по-видимому, не понимая, ослабить блеск ореола, коим окружена память о великом писателе. ...» — См.: *У И.А. Бунина /А. Ар[енберг]//Иван Бунин: В 2-х томах. М.: Наука, 1973 (Литературное наследство; Т. 84). Т. I. С. 364-366.*

⁶ По приезде в Париж Л.Л. Толстой не сразу, а через неделю отправил в Ясную Поляну первое письмо (см. о нем выше примеч. 1 к Главе 5), что при его трепетном отношении к С.А. Толстой ранее наблюдалось крайне редко и всегда было мотивировано. Читая это письмо, надо только помнить, что 23 декабря по новому стилю — это 10 декабря по русскому календарю, то есть прошло чуть больше месяца со дня смерти отца.

«23 дек<абр>я нов. стиля 19>10 г<ода>

Париж

Дорогая, милая мамá, я не писал эти дни, пока не получил Вашего письма. Кто с Вами? Рад был бы пожить с Вами, но сам я плох и думаю, что вряд ли могу помочь Вам. Одно скажу, что я искренно думаю, что Вы *ни в чем* не виноваты и Вы не могли не нервничать, не безумствовать даже при том положении, в каком Вы были до смерти отца. Как винить человека в том, что он подле огня корчится, кричит, мучит других. Виноваты поджигатели, а не пострадавшие. Не могу без ненависти и отвращения думать о Черткове. Впрочем, Бог с ним. Гнева он во мне уже не возбуждает.

Я работаю, хочу кончить начатое, рисую, читаю, слоняюсь немного по Парижу, когда на сердце скверно. Возможно, что в январе уеду вдруг на 3 месяца в Америку. Возможно, что там буду читать лекции. Возможно, что никуда не поеду отсюда до весны. Потребность думать и глубоко, до дна. Обложился Кантом, Шопенгауэром, Декартом и читаю всюду, где могу. Надо уяснить, в чем же правда, если христианство — ложь, и что такое жизнь. *Ni plus, ni minus*. Конечно, надо десятки лет, чтобы добраться. Не пью, не курю. Здоровье получше, но кашель еще есть. Интересно жить, но тяжело. Если вздумаете, приезжайте сюда с кем-нибудь. Многое уяснится вам.

Целую Вас, милая моя, много раз.

Ваш Лев.

Видел вчера милого Николая Гагарина, с которым провел вечер в St. Cloud.

Шопенгауэр говорит: есть три этапа морали:

- 1) Эгоизм
- 2) Жалость
- 3) Аскетизм.

Увы, отец не сошел в своей жизни с первой ступени. Вторая была не достигнута даже в конце жизни. К чему же все это его учение?

Не лучше ли христиан магометане, буддисты и другие?

Отрицание форм и материи приводит к неделанию, к абсурду и мешает действительной жалости.

Вообще уход и смерть отца послужили не торжеству его взглядов, а <стали> подтверждением их слабости и односторонней узости.

Великая душа была у него и благородное сердце, но этого мало для того, чтобы понять смысл жизни и дать людям истинные перспективы их жизни и поведения. Величайший художник, отец был слабый философ. Мораль без философии, даже с глубочайшей философией, как у Канта, мало ценная вещь, не нужная никому, потому что жизнь идет не по морали, а совсем по другим законам. Это все равно, как если бы для того чтобы двигать поезд, машинист все бы чистил только свою машину. Мало, чтобы она была чиста, нужно, чтобы в ней был уголь, чтобы в ней были все винты на месте, вода, смазка и т.д.

Дело не так просто, как кажется.

Ваш всегда.

Л<ева>».

— **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14507. Л. 14 об. Автограф. Курсив *Л.Л. Толстого*.

Сочинения немецкого философа Иммануила *Канта* (см. о нем выше примеч. 49 к Главе 1) Л.Н. Толстой читал в оригинале в течение всей жизни. В конце 80-х годов он находился под сильным обаянием кантовского открытия, согласно которому есть только звездное небо и человек на земле. В письме Н.Н. Страхову от 16 октября 1887 года Л.Н. Толстой обсуждал ценность «Критики практического разума» И. Канта и заметил: «...наша свобода, определяемая нравственными законами, и есть вещь сама в себе (т.е. сама жизнь)...» — **ПСС**. Т. 64. С. 105-106.

В статье «Религия и нравственность» Л.Н. Толстой в 1893 году особо выделил «гениального Канта, прямо поставившего свою этику независимо от своей метафизики...» — **Там же**. Т. 39. С. 20.

В 1903 году Л.Н. Толстой включил высказывание И. Канта в сборник «Мысли мудрых людей на каждый день»: «Вечно новым и постоянно возрастающим удивлением и благоговением две вещи наполняют душу, чем чаще и постояннее ими занимается размышление: звездное небо надо мною и закон нравственности во мне». — **Там же**. Т. 40. С. 101.

В последние месяцы жизни Л.Н. Толстой рассматривал И. Канта и Артура *Шопенгауэра* (см. о нем выше примеч. 12 к Главе 1 Книги I) как философов, которые думают не для публики, а для себя. — См.: **Булгаков В.** Л.Н. Толстой в последний год его жизни... С. 104.

В отличие от Канта, Шопенгауэр — в восприятии Толстого, — был блестящим, но поверхностным мыслителем. — **ПСС**. Т. 39. С. 20. В «Круг чтения», над которым Л.Н. Толстой работал в 1904 году, он включил два фрагмента из сочинений Шопенгауэра. — **Там же**. Т. 41. С. 83-84, 160-161; Т. 42. С. 592, 599.

В ноябре 1908 года в потоке присылаемой литературы Л.Н. Толстой приметил книгу А. Шопенгауэра «О религии: Диалог» (СПб., 1908) и советовал М.С. Сухотину обязательно прочитать ее. — См.: **Маковицкий Д.П.** У Толстого... Т. 3. С. 251.

Рене *Декарт* (Descartes; 1596-1650) — французский философ и математик.

... *Ni plus, ni minus*... — ни плюс, ни минус (*латин.*).

О художнике *Николае Гагарине* см. выше примеч. 22 к Главе 4.

⁷ Бюст дочери Нины был выставлен в *весеннем Салоне 1911 года*. См. об этом выше в примеч. 3 к Главе 6.

⁸ Биргер Мёрнер (см. о нем примеч. 3 к Главе 6) в 1906-1910 годах был консулом в Сиднее. — См.: **Bonniers Lexikon**. Stockholm, 1965. Bd. 10. S. 361. Его второй брак с австралийкой Мэри Хеллен Макмиллан (Macmillan; 1867-1921) был заключен в Лондоне 29 июня 1910 года.

⁹ Бюст Б. Мёрнера работы Л.Л. Толстого находится в библиотеке университета Эребру (<http://www.tejlers.se/piedestal-och-plexiglashuvar-till-orebro-universitetsbibliotek/>).

Благодарю профессора Бена Хеллмана за это сообщение. — В.А.

¹⁰ Судьба этой работы (см. о ней выше примеч. 53 к Главе 6), как и других скульптур Л.Л. Толстого, сделанных в Париже 1909-1911 годов, неизвестна.

¹¹ В 1893 году Б. Мёрнер женился на Анне Виктории Софии Э[лиза]бетте Бринк (Brink; 1873-1941); брак распался в 1908 году. — См.: *Svenskt biografiskt lexikon...* Bd. 26. S. 344 (<https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=8704>).

¹² Л.Л. Толстой не вполне точен. Брак Б. Мёрнера с Гертрудой Маргарет Ниссвандт (Nissvandt; 1900-1983) был заключен в 1921 году (https://sv.wikipedia.org/wiki/Birger_Mörner); (file:///C:/Users/User/YandexDisk-grafle/сын%20и%20отец%202018-1/Mörnerarkivet.html).

¹³ Л.Л. Толстой не вполне точен: осенью 1911 года все его три сына поступили в Тенишевское училище, которое ставило своей целью дать воспитанникам среднее образование, привить интерес к знанию и навыки самостоятельной работы, а также дать необходимые в жизни коммерческие знания. Кроме того, в этом училище большое внимание уделялось физическому развитию детей и укреплению их здоровья. — См.: *Справочная книжка Тенишевского училища*. Пг., 1915. С. 3.

После двухлетнего пребывания в Париже детям надо было заново освоиться в России. И потому 24 сентября 1911 года Л.Л. Толстой писал из Петербурга матери: «<...> Мальчиков отдали к Тенишеву. Оттуда через несколько лет в Правоведение. Теперь надо обрусить детей. Авось что-нибудь выйдет из них лучшее, чем мы. Только в них смысл жизни, и это грустно для личного счастья. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14524. Л. 1 об. Автограф. Курсив мой. — В.А.

Училище было открыто 8 сентября 1900 года и названо в честь князя Вячеслава Николаевича Тенишева (1843-1903), содействовавшего организации в России обучения нового типа. Как вспоминал Павел Львович Толстой, в этом училище «много внимания уделялось искусству. Оно было настолько современным, что в нем не ставили отметок, только короткие словесные характеристики. О Пете было написано: “ленивый и неумелый”, а обо мне “достаточно способный”». — Из личного архива Т.Л. Балдовской.

¹⁴ *Императорское училище правоведения* было заведением закрытого типа и призвано было готовить «образованных деятелей для государственной службы». — См.: *Ко дню XXV юбилея Императорского училища правоведения: 1835-1910* (Истор. очерк) /Составил Г. Сюзор. СПб., 1910. С. 9.

Часть воспитанников из российских потомственных дворян обучалась на казенный счет, остальные — на собственный. Л.Л. Толстой еще 22 апреля 1908 года обратился к Николаю II с покорнейшей просьбой зачислить трех его сыновей кандидатами на стипендии *Высочайшего имени*. После долгого ожидания, 30 октября 1908 года он получил положительный ответ управляющего канцелярией прошений, принимаемых на имя Его Императорского Величества, барона Александра Андреевича Будберга (1853-1914), но вакансий не было. — См.: «*Время идет интереснейшее...*» // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год...* С. 154-155.

В мае 1913 года Паля сдал экзамены и был принят в Училище правоведения. В начале сентября 1913 года Л.Л. Толстой в письме матери особо подчеркнул это обстоятельство: «<...> Паля в мундирчике и ходит в Правоведение. <...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14581. Л. 1 об. Автограф.

Вероятно, первый год, как и предполагал Л.Л. Толстой, за старшего сына надо было платить. 29 января 1913 года он привел в письме матери такие аргументы: «<...>теперь большой вопрос<:> брать Палю из Тенишевского и весной отдавать в Правоведение. Уже

взяты учителя, а завтра буду в Правоведении для окончательного уяснения вопроса. Первый год будем платить, а там надеемся, что Паля выдержит экзамен на казенный счет. Нужно привести в порядок бумаги, дворянское свидетельство и т.д. <...>» — *Там же*, № 14567. Л. 1. Автограф.

Из письма Л.Л. Толстого Николаю II от 12 мая 1915 года следует, что старший сын оправдал его надежды и с весны 1914 года учился на казенный счет. Летом 1915 года аналогичное решение было принято — с согласия Государя Императора — и в отношении второго сына Толстых, Никиты. — См.: «*Время идет интереснейшее...*» // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год...* С. 161-162.

¹⁵ О пристрастии Л.Н. Толстого в молодости к картам и о возникавших в этой связи долгах см.: *ПСС*. Т. 59. С. 37 и др.; *Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями...* С. 39-42. См. также: *Краткий биографический очерк, написанный со слов графа Л.Н. Толстого женой его гр. С.А. Толстой 25 октября 1878 года*[: 2-я редакция] // *Лев Толстой*: В 2-х книгах. М.: Изд-во АН СССР, 1961 (*Литературное наследство*; Т. 69). Кн. 1. С. 512; *Шевцов В.В.* Карточная игра в России (конец XVI — начало XX в.): История игры и история общества. Томск, 2005. С. 115-127.

¹⁶ Капитан в отставке Александр Михайлович Исленьев (1794-1882) был заядлым игроком, часто рисковал и вынужден был расплачиваться землями, ему принадлежавшими. Так случилось и с селом Красным Тульской губернии. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 479.

¹⁷ О состоянии Л.Л. Толстого в начале 1912 года вполне ясное представление дает его письмо матери от 17 января 1912 года из Петербурга:

«<...> Жизнь наша идет своим ходом. Дети учатся, русский язык налаживается для Пети и отчасти Нины. Старшие говорят и учатся совсем хорошо. Их очень хвалят в Тенишевском училище. Я по-прежнему плох. Плох Бог знает, почему. Все кажется ни к чему, кроме семьи. Но одна семья опять мало. И так вертишься, как белка в колесе. К тому же не могу переносить этих холодов и климата в том смысле, что чувствую себя закупоренным и замерзшим, как все кругом. Полу жизнь. <...>

Мы выдаем мало народу. У меня целый лист визитов, но в 20° мороза ездить не хочется. Собак морозить. Начал еще пьесу, но не двигается, да и все тут. Лепить негде — все комнаты отданы под детские и жизнь. Вот так и существую, не удовлетворенный жизнью, даже не ища больше.

Кашляю, грудь стала слабей. Хочу летом поехать в горы с Вестерлуном. Здесь англичане, балы, выставки, рауты, завтраки, обеды, театры. Но это скучно, дорого и ни к чему больше, чем многое другое. Целую Вас и зову, еще зову.

Ваш Лев».

— *ОРГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14540. Л. 1-2 об. Автограф.

¹⁸ Кто именно ввел Л.Л. Толстого в Литературно-Художественное общество в Петербурге, установить не удалось. В набросках, сохранившихся в его архиве, нет раскаяния, хотя явно чувствуется горечь от невозможности справиться с пагубной страстью.

« В игорном клубе

Утро, около 6^{ти}. Игра в макао в “Литературно-художественном обществе” во всем разгаре. Плещеев, сын поэта, мечет ответ. Толпа игроков облепила стол. Попала талия, вся сплошь в пользу банкюмета. У него девятки, восьмерки и семерки. На трех остальных табло — кроме “зиров” и “отцов”, то есть очка, ничего нет. Перед банкюметом груды денег. Пятисотенная и сотенные бумажки он прячет в карманы, складывая их в тысячные пачки. Клубный франт, рассчитывающийся за Плещеева, едва поспевает складывать мелкие

бумажки в сотни. Молодой офицер проиграл все, что у него было. Вид у него ужасный. Глаза красные бессмысленно смотрят вперед и, кажется, он готов был бы застрелиться, если бы ему сейчас дали револьвер. Он только что недавно “рекомендован” в Клуб приятелем и он сначала, гордый тем, что его выбрали “действительным членом” такого прекрасного учреждения, как “Литературно-художественное общество”, сейчас уже этому не радуется. Он только что от старушки матери взял последние ее деньги и теперь, кроме долгов, у него нет ничего. Все “понтеры” в таком же положении, как поручик.

Плещеев продолжает бить и злорадно, гадко улыбается, не в силах сдержать радости при выигрыше. Он занял денег у карточника Митрофана, знаменитого клубного ростовщика. Этот Митрофан был простым маленьким лакеем несколько лет назад. Давая сначала понемножку займы игрокам, он развил свое ростовщичество до того, что теперь у него сотни тысяч. Он толст, гадок и крупно пьет и жрет, играет на бегах, одевается барином и недавно его чуть не хватил паралич. Плещеев, занимая в вечер до 10 тысяч у Митрофана, дает ему обыкновенно не менее 80 рублей на тысячу в вечер процентов. Так что Митрофан зарабатывает до 300 рублей в ночь. Дает он еще и другим крупным игрокам, которые все платят ему тот же чудовищный %. И вот каждую ночь в Лит<ературно>-Худ<ожественном> Общ<естве> идет тот же безумный, безобразный, грязный, отвратительный разврат, который хуже разврата Невского проспекта в 3 часа ночи.

Множество людей проиграли там целые состояния. Многие стали несчастными. Все испортили здоровье и загубили душу. Кроме этого клуба еще в Петербурге сотни таких же. Если их собрать вместе<,> получится громаднейшее иногное заведение. Много евреев в них живут на чужой счет... Много подлеиших, гаденьких людей, в том числе и я». — *ИРЛИ*, ф. 303, № 51. Л. 1-3 об. Автограф.

...макао... — азартная игра, название которой восходит к одноименному городу в Китае, который долгое время был колонией Португалии и центром международного игрового криминального бизнеса. — См.: *Шевцов В.В.* Карточная игра в России... С. 224-226.

...Плещеев, сын поэта... — драматург, критик, историк балета Александр Алексеевич Плещеев (1858-1944), сын поэта и переводчика, Алексея Николаевича Плещеева (1825-1893).

Или другой фрагмент, возможно, написанный позднее:

«

КЛУБУ

Есть в Петербурге учрежденье,
Его шестнадцатым зовут.
Его на Невском помещенье,
Его дела идут зер гут!
Оно зовется очень мило:
“Художества – Литератур”!
Но в нем совсем другая сила
Царит чрезмерно, чересчур!
Литературы, правда, много, –
Есть книги длинные шкафов (?!),
Есть списки игроков, где строго
Ведется запись их долгов...

Есть и художество, картины,
Две, три банальненькие ню,
Есть музыка, когда кретины
Храпят бесстыдно и вовсю...
Есть бильярд и есть портреты
Литературных всех мастей;
Есть фраки, есть и эполеты,

Буфет и погреб для гостей...
Но что всего прелестней в клубе,
За что ему золотой венец:
Там топит горе свое в Мумме
Член, разорившийся вконец...»

— *ИРЛИ*, ф. 303, № 17. Л. 16. Черновой автограф.

...*Zer gut*... — очень хорошо (*нем.*)

...*Мумму* (Мумис)... — воплощающий благоразумие и принципы порядка (*греч.*).

¹⁹ 3 июля/20 июня 1912 года Л.Л. Толстой писал из Хальмбюбуда:

«<...> Вообще в данную минуту в мире, как это ни страшно, по-моему, опаснее всего и ближе всего сложная, страшная международная война. Мне кажется, что она зреет и должна скоро разразиться. Это будет, м<ожет> б<ыть>, одна из самых кровопролитных войн в истории человечества. Сохраните это письмо, чтобы будущее поколение прочло в нем мое пророчество. Голос отца смолк, люди разочаровались в успехе его учения, и все варварство наше скоро откровенно развернется перед нами. Целую Вас и Кузминских.

Ваш Лев».

— *ОРГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14549. Л. 2. Автограф.

И, действительно, 2 октября 1912 года началась первая Балканская война, в которой Балканский союз (Болгария, Сербия, Греция и Черногория), опиравшийся на поддержку России, сражался с Турцией. Русская пресса внимательно следила за ситуацией. — См.: *Война на Балканском полуострове // Новое время*. СПб., 1/14 октября 1912 года, № 13131. С. 4. Через несколько дней газета подтвердила: «Балканская война наконец началась. ...» — См.: *Война // Там же*, 5/18 октября 1912 года, № 13135. С. 3.

Не успели подписать 30 мая 1913 года мирный договор в Лондоне, по которому часть турецкой территории отходила странам-победительницам, как внутри них 29 июня 1913 года вспыхнула вторая Балканская война, в которой Болгария противостояла трем бывшим союзницам, к которым присоединились Румыния и Турция. 10 августа 1913 года Болгария признала поражение и подписала в Бухаресте крайне не выгодный для себя мирный договор, по которому ее земли частично отошли победителям. Балканские войны всего год спустя переросли в Первую мировую или *Великую* войну.

²⁰ Л.Л. Толстой приехал в Ясную Поляну 30 июля 1913 года. Шло время, и 26 августа 1913 года С.А. Толстая отметила в ежедневнике: «... Вели втроем: Лева, Булгаков и я — длинные разговоры о войне, об общественном устройстве и т.п.». — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 2. С. 395.

Летом 1913 года Кузминские не приезжали в Ясную Поляну.

²¹ Начальник артиллерии Крымской армии Аркадий Дмитриевич Столыпин (1822-1899) вместе с Л.Н. Толстым участвовал в ночной вылазке в ночь с 10 на 11 марта 1855 года при обороне Севастополя. — *ПСС*. Т. 47. С. 38, 327; Т. 59. С. 283-286, 309 и др.

В последние годы своей жизни генерал Столыпин бывал в московском доме Толстых. Достоверно известно, что Л.Л. Толстой не только мог его видеть в начале января 1887 года, но 11-го апреля 1887 года играл с ним в винт. — См.: *Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому...* С. 383-385, 392. См. также: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 1. С. 340; *Толстой С.Л. Очерки былого...* С. 367.

²² Это более поздняя точка зрения. А.А. Столыпин (см. о нем выше в примеч. 24 к Главе 2) в конце 80-х годов подружился с С.Л. Толстым, а потом и с его младшим братом. — См.: *Толстой С.Л. Очерки былого...* С. 173.

²³ Сведений о нем найти не удалось. В эти годы увлечение оккультизмом, хиромантией, разного рода гаданиями и предсказаниями судьбы наблюдалось в разных слоях общества. Мистическое настроение, охватившее царскую семью, распространилось на правительственные круги и затронуло интеллектуальную часть обеих столиц. Так, в Россию неоднократно приезжал доктор философии *Шарль (Карл) Перрен* (Charles Edmond Perrin; 1887-1974), пользовавшийся столь большим влиянием, что после февральской революции о нем отдельно расспрашивали шефа жандармов и последнего министра внутренних дел Александра Дмитриевича Протопопова (1866-1917). — См.: *Падение царского режима...* Т. I. С. 1-8, 111, 146-155; Т. IV. С. 3, 31; Т. VII. С. 394. См. также: *Последние дни императорской власти*: По неизданным документам /Сост. А. Блок. Пг.: Алконост, 1921. С. 9-10, 21.

В Петрограде Ш. Перрен останавливался, как правило, в «Гранд Отеле», принимал посетителей и продавал им свою книгу «Хиромантия». Судя по объявлениям в газетах, в книжные магазины она не поступала. — См.: *Новое время*. Пг., 8/21 июля 1915 года, № 14125. С. 1; 13/26 июля 1915 года, № 14130. С. 1; 18/31 июля 1915 года, № 14135. С. 1; 12/25 августа 1915 года, № 14160. С. 1; и др.

²⁴ Из контекста неясно, о какой гостинице идет речь: «Северная Пальмира», расположенная в Финском переулке, 4, или «Большая Северная гостиница» на Невском проспекте, 118.

²⁵ Федор (Теодор) Львович Толстой (1912-1956). В день рождения сына, 19 июня/2 июля 1912 года Л.Л. Толстой телеграфировал брату Андрею с просьбой передать это сообщение С.А. Толстой. Однако А.Л. Толстой приехал в Ясную Поляну только через две недели и потому еще в конце июня (ст. стилия) 1912 года С.А. Толстая ничего не знала о рождении внука. В недатированном письме, которое по содержанию условно можно отнести к первой половине июля (нов. стилия) 1912 года, Л.Л. Толстой в этой связи писал: «Милая мамá, я получил Ваше письмо от 23-го июня. А я уже 19-го <июня ст. стилия> телеграфировал Андрюше, чтобы он передал Вам о рождении Феодора. Теперь его уже окрестили, Дора встала и выходит. Все вошло в нормальную колею. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14550. Л. 1. Автограф.

²⁶ В первоначальном варианте Л.Л. Толстой так объяснил загадочное слово: «<...> Мариус потом любил петь какую-то молитву, услышанную им во время этой службы, которую он называл: “Дегуянна, дегуянна, дегуянна!” <...>» — *Там же*. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 82. Черновой автограф.

Возможно, новорожденный своим внешним видом напоминал Мариусу ящерицу (игуана=iгуана).

²⁷ В июне 1913 года М.О. Меньшиков (см. о нем выше примеч. 15 к Главе 2) напечатал несколько статей, в которых остро ставил проблему национальных бед России. Так, рассказывая о суде над двумя молодыми негодьями-убийцами, он сделал такой вывод: «... Все испробовать, все пережить, всем пресытиться — это черта падающей жизни, обреченной какому-то верховному проклятию». — См.: *Меньшиков М.* Письма к ближним: Повышенное любопытство; Грех Хама // *Новое время*. СПб., 2/15 июня 1913 года, № 13370. С. 5.

В двух других статьях известный журналист говорил о невоспитанности, в том числе и парламентской, как об одном из основных грехов народных. — См.: *Меньшиков М.* Письма к ближним: Невоспитанность // *Там же*, 4/17 июня 1913 года, № 13371. С. 4; *Меньшиков М.* Удивляться нечего // *Там же*, 6/19 июня 1913 года, № 13373. С. 4; и др.

²⁸ Незадолго до отъезда в Швецию, 12 мая 1913 года Л.Л. Толстой вместе со старшими сыновьями приехал на несколько дней в Ясную Поляну. — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14575. Л. 1; *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 391.

19 мая 1913 года, вернувшись в Петербург, он сообщил С.А. Толстой точную дату отъезда в Швецию. — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14577. Л. 1 об. А в одном из недатированных писем из Хальмбюбуды он так рассказывал о своих душевных переживаниях:

«<...> Я немного лепил. Сделал бюст Пети. Пишется плохо. Читаю. В общем, внутри все-таки скверно, хотя внешне покойно и комфортабельно. Внутри скверно потому, что нет творчества, нет удовлетворения, кругом чужое, чуждое, а главное, в душе нет вдохновения, ничего не хочется.

Жизнь, как пожертвование личности для других, для детей у меня, — тяжела. Оторваться совсем не хватило духу, а на время, наполовину не выходит. Не знаю, в чем спасенье. Вот уже который год тоже тяжелое настроение. Нужно найти и находить радость и удовольствие не в развлечениях и наслаждениях, а в труде и творчестве, в подвиге, если возможно. А их-то и нет, и на них-то нет сил и побуждения и, если не будет, то плохо. Я пришел к очень материалистическим заключениям насчет значения жизни. Это горение материи. Надо, чтобы это горение было сильно, чтобы была сильна борьба в этом горении, чтобы чувствовать тепло. Чем сильнее костер жизни, тем мы счастливее и другие кругом счастливее. Не надо сжигать ни себя, ни других, но надо разжигать. Отсюда живи, как хочется, борись, ешь, пей и наслаждайся, но не делай зла другим, не туши их жизненного огня. Вот вся философия. <...>» — *Там же*, № 14548. Л. 1-2 об. Автограф.

Находясь в таком смятенном состоянии, Л.Л. Толстой отправил в Россию статью, в которой сопоставил положение на родине с тем, что из года в год наблюдал в Швеции. Выводы были неутешительны, и общее впечатление от прочитанного никого не могло обрадовать. В частности, Л.Л. Толстой писал:

«... Оказывается же, что в Россию пришел из Скандинавии всего один только человек — Рюрик, может быть, и с братьями своими, но попросту со своей семьей и дружиной. ... Вспомнил об этом интересном открытии, окунувшись в шведскую жизнь. Может быть, оттого, что во мне течет кровь Рюрика, каждый раз, что я приезжаю в Швецию, я чувствую, что приехал куда-то домой, в мой старый, старый почтенный дом, где все так устроено, где все так чисто, так уютно и культурно.

Почему тяжело жить в русской деревне и почему легко в скандинавской? Причин много, но вот главные.

Жизнь поставлена в определенные рамки правильного труда. Нет праздников, нет пьянства, нет нищенства, хулиганства, озорства и темноты.

Народ устроен, грамотен, самостоятелен. Свобода и право стоят на стороне интересов каждого. Нет вредных соблазнов, как у нас, ни для народа, ни для образованных классов. И вот, благодаря этим условиям, легко живется, легко дышится. ...

Сегодня воскресенье. В деревне отдых. Чем развлекается шведский народ на празднике? А вот чем. Идут на стрелковые праздники, стреляют, получают призы, пьют кофе. Стреляют и женщины, и девушки, и дети. Кроме того, утром назначены собрания трезвенников при церквях. Там поют, читают лекции. Загляните в это время в русскую деревню. Там уже с утра орут пьяные голоса подле шинков или казенной лавки, там уже дерутся в кровь, ругаются, валяются, как животные, пьяные на земле. Там толпы нищих осаждают паперти церкви. Там конокрады спешат увести краденую лошадь. Нет, лучше на родине Рюрика, особенно, когда дома ничем помочь нельзя! Это “ничем помочь нельзя” худший бич русской жизни.

Ну, скажите мне, пожалуйста, чем я помогу в Туле, когда громадный дворец винной монополии с ужасающим цинизмом, выросши на окраине города, ежечасно разливает, рассылает и распродает винную отраду (так! — *В.А.*) на всю губернию?!» — См.:

Толстой Л.Л. Шведские впечатления и мысли // *Новое время*. СПб., 10/23 июня 1913 года, № 13377. С. 3.

...подле шинков... — подле кабаков. — См.: *Словарь современного русского литературного языка*: В 17-ти томах. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 17. Стб. 1401.

Статью Л.Л. Толстого заметили. Первым буквально на следующий день откликнулся М.О. Меньшиков:

«Обращаю внимание читателя на “шведские мысли” графа Л.Л. Толстого, напечатанные вчера в “Новом Времени”. ...»

Не все Варяги сразу отходят из России, но постепенно они куда-то бегут — и почти неудержимо.

Не все Рюриковичи откровенно прощаются с отечеством, как делает Л.Л. Толстой, — но слишком уж многие держат себя на отлете. Как у перелетных птиц, у них нет уже постоянного гнезда, — нынче здесь, завтра — там». — См.: *Меньшиков М.* Отшествие Варягов // *Новое время*. СПб., 11/24 июня 1913 года, № 13378. С. 4.

Через неделю Л.Л. Толстой предоставил своему оппоненту и читателям новые аргументы:

«Не думайте, М.О. Меньшиков и все русские, знающие меня, что я навсегда уехал в страну Варягов и простился с отечеством. Нет, я не сделал этого и теперь, и вообще никогда не уеду совсем ни к Варягам, ни к французам, ни к другим. Не сделаю ни для себя, ни для своих детей. Гнездо мое в Петербурге, и только на короткое время я уезжаю сюда, чтобы набраться новых сил, и если бы не семейные условия мои, совершенно перестал бы сюда ездить. Я стараюсь воспитывать из моих четырех мальчиков русских людей и сам не перестаю и не перестану оставаться русским.

... В Швеции за последние годы замечается крайне вялый прирост населения, и если так будет продолжаться, число смертей здесь скоро будет равняться, если не превышать число рождений.

Народ сытый, привыкший к жирной пище и мертвым формам своего жития, начинает сначала изнутри, несмотря на внешний румянец, чахнуть и портиться. Может быть, на вид этого еще далеко нет, но людям, знающим страну и народ, ясно видно, что это народ, кончивший или, во всяком случае, кончающий свою историческую роль и ждущий других молодых наций на смену. Отсюда, главным образом, та боязнь перед Россией, о которой упоминает М[ихаил] О[сипович] в своей, как всегда интересной, статье. Швеция боится русской свежей крови, чувствуя свою слабость. Швеция боится нашего нашествия, и сколько я ни бился, доказывая шведам, что мы о них и во сне не видели, они не верят и никогда не поверят.

Каждый день в шведских газетах статьи о мнимых русских шпионах, осматривающих шведские крепости, и из года в год страх перед русским нашествием увеличивается, несмотря на все увеличивающиеся в Швеции торгово-промышленные сношения с нами.

На шведских глазах Россия все глубже вбирается в Финляндию и приобщает ее к своей молодой культуре; не удивительно поэтому, что Швеция сама ждет для себя той же очереди, если не в этом, то в следующих веках. Есть что-то в инстинктах русских и в чувствах шведов, что заставляет их до сих пор смотреть друг на друга как на врагов, и поэтому нисколько не удивительно, что Швеция держит себя настороже против нас, в случае возникновения войны. Сама Швеция стремится лишь к вооруженному нейтралитету, и, конечно, только если заставят обстоятельства, если вражеские войска займут ее территорию, она будет вовлечена в войну. ...»

В заключение мой взгляд на будущее Швеции. Думаю, что неизбежно она подвергнется сильному влиянию русской жизни и культуры, но будет ли это влияние проведено старыми средствами, то есть войной, или новыми, — то есть торгово-промышленными и другими сношениями и простым нашествием русских людей сюда хотя бы только на летние месяцы, — об этом пророчествовать трудно. Если успехи мира будут

велики и войн между державами больше не будет, то понятно, что Россия мирным же путем в два, три столетия все же завоюет родину Рюрика и тем завершит его историческую миссию.

Впрочем, людям свойственно ошибаться, а прежде всего мне». — См.: *Толстой Л.Л.* Шведские мысли и впечатления // *Там же*, 19 июня/2 июля 1913 года, № 13386. С. 4.

В Швеции, где так настороженно относились к подобным высказываниям влиятельных русских, усилились голоса сторонников интенсивного вооружения (см. ниже).

²⁹ Известно, что манифестация крестьян готовилась еще в конце 1913 года с участием опытного оратора Свена Гедина (см. о нем выше примеч. 13 к Главе 19 Книги I). — См.: *Русский инвалид*. СПб., 1 января 1914 года, № 1. С. 6. См. также: *Брошюра Свена Гедина «Слово предостережения» и полемика, вызванная ею в Швеции*. СПб., 1912; *Хозиков В.* Забытый кумир фюрера... С. 287-311.

Наибольшую активность проявили сторонники вооружения Швеции, собравшиеся в Упсале 13-15 декабря 1913 года и принявшие «Воззвание к крестьянам — землякам Упланда». О грандиозной демонстрации 24 января/6 февраля 1914 года 31-ой тысячи шведских крестьян в поддержку решения шведского парламента (riksdagen) усовершенствовать национальную оборону и ввести особый военный налог на крупные состояния и доходы писали русские газеты, особенно те из них, что были ориентированы на русскую армию. В частности, подчеркивалась в отчетах из шведской столицы готовность крестьян нести дополнительные расходы по усилению вооружения страны. — *Там же*, 25 января 1914 года, № 20. С. 3.

Позднее «Русский инвалид» отметил и студенческую массовую демонстрацию в Стокгольме в поддержку монарха, национальной обороны и идеи создания свободной и сильной Швеции. — *Там же*, 30 января 1914 года, № 24. С. 2.

Однако этим дело не ограничилось. 50-тысячная демонстрация противников войны состоялась в Стокгольме 8 февраля (нов. стиля) 1914 года у резиденции премьер-министра Карла Стаафа (Staaff; 1860-1915). На следующий день после беседы с королем он подал в отставку, риксдаг был распущен и новые выборы состоялись весной 1914 года. В общественном мнении Швеции и на этот раз победили сторонники здравого смысла и сохранения нейтралитета. — См.: *Конституционный кризис в Швеции // Биржевые ведомости*: Утренний выпуск. СПб., 6/19 февраля 1914 года, № 13990. С. 1, 5. См. также: *История Швеции*. М.: Наука, 1974. С. 418-419, 673; *The Riksdag: A history of the Swedish Parliament* /Edited by M.F. Metcalf. N.Y., [1987]. P. 217.

Глава 8

¹ 18 мая 1914 года Л.Л. Толстой приехал в Ясную Поляну вместе с двумя сыновьями: Никитой и Петей. Д.Ф. Толстая с остальными детьми, в том числе с годовалым Федей, нянями и гувернантками приехала позднее. В ежедневнике С.А. Толстой ее имя впервые появляется в записи от 26 мая 1914 года. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 409-410.

² Русские газеты сразу же сообщили о том, что 15/28 июня 1914 года в городе Сараево (Босния) было совершено убийство наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда (Franz Ferdinand; 1863-1914) и его жены. — См.: *Новое время*. СПб., 16/29 июня 1914 года, № 13772. С. 1.

³ Когда месяц спустя, 15/28 июля 1914 года Австро-Венгрия объявила войну Сербии, в России началась мобилизация. — *Там же*, 17/30 июля 1914 года, № 13773. С. 1. Против этого немедленно выступила Германия, союзница Австро-Венгрии. Сначала Германия потребовала остановить мобилизацию, а когда ее ультиматум был отвергнут, 19 июля/1 августа 1914 года объявила войну России. — *Там же*, 20 июля/2 августа 1914 года,

№ 13776. С. 2. На следующий день был обнародован Высочайший Манифест о вступлении России в войну. — *Там же*, 21 июля/3 августа 1914 года, № 13777. С. 1, 3-4.

⁴ Это более поздняя точка зрения. Настроение в русском обществе существенно изменилось за минувший год. В середине 1913 года преобладало стремление не допустить войну вообще и славянских народов в частности: «Накануне великого преступления общий долг — пытаться предупредить его». — См.: *Меньшиков М.* Накануне преступления // *Там же*, 23 мая/5 июня 1913 года, № 13760. С. 4.

Год спустя шовинистический угар охватил разные слои русского общества. Еще не зная об объявлении Германией войны России, другой постоянный автор «Нового времени», писатель, философ, публицист В.В. Розанов писал:

«Что-то неопишное делается везде, что-то неопишное чувствуется в себе и вокруг. Какой-то прилив молодости: на улицах народ моложе стал, в поездах моложе... Все забыто, все отброшено, кроме единого помысла о надвинувшейся почти внезапно войне, и этот помысел слил огромные массы русских людей и одного человека... В Петербурге ночью — то особенное движение и то особенное настроение, разговоры, тон — то самое выражение лиц, какое мы все и по всем русским городам знаем в Пасхальную ночь. ...

... Ныне мы все воины, потому что наша Россия есть воин, а с Россиею — мы все. Вот что подняло нас... Ночи не стоят, а бегут, всем куда-то хочется. Все точно идут в поход; одни — физически, другие за ними — мысленно, и верою, и крестом.

Великая минута, великий год. Много он унесет, но много и принесет. Теперь мы все живем — день за неделю, неделю — за год. Души расширились, и тело не поспевает за душою, и от этого так торопится, спешит и трепещет. Оттого не сидится дома, оттого хочется выйти каждому на улицу и слиться с толпами народными.

Старый былинный Микула Селянинович пробуждается, — и около него будет много хлопот немецкому гренадеру». — См.: *Розанов В.В.* Вступаем в великую годину // *Там же*, 19 июля/1 августа 1914 года, № 13775. С. 3.

Микула Селянинович — пахарь-богатырь, герой былин «Вольга и Микула Селянинович», «Святогор и Микула Селянинович»; он играючи несет на плечах сумочку с «тягой земной», которую никому другому поднять не удастся.

В том же духе написана и статья Л.Л. Толстого, напечатанная через несколько дней после вступления России в войну:

«Встает, поднимается русский народ... Хочет стряхнуть с плеч вековое немецкое иго. Идет на смерть за свое великое.

Давно в истории русской не было такого взрыва воодушевления. Что-то надвигается такое, чего мы не ждали от нас самих, чего мы не ждали от Провидения. Каждый день, каждая секунда русской жизни теперь полны глубочайших душевных переживаний, глубочайшего смысла, серьезности и умиления. ...

Борьба началась за те великие начала, какие должны стать навеки в основу культуры человечества... Начала эти славянские. Эта борьба не оценивается обыкновенной меркой. Перед этой борьбой, за которой рвется на простор подавленный дух, нет ни страха смерти, ни страха перед страданиями, которые облегчат долг каждого из тех, кому не суждено быть в рядах борющихся...» — См.: *Толстой Л.Л.* За свое великое // *Там же*, 24 июля/6 августа 1914 года, № 13780. С. 4. Курсив *Л.Л. Толстого*.

⁵ Точная дата отъезда Л.Л. Толстого с семьей неизвестна. Его первое письмо С.А. Толстой по возвращении в Петербург не датировано и призвано лишь успокоить С.А. Толстую:

«Дорогая мамá, доехали хорошо в 1<-м> классе. Миша-брат ехал в поезде до Москвы. Везде разговоры о войне. Сажу на Таврической, где перекладываем вещи. Федя бодр, Петя тоже, только вдруг охромела Нина, так, что носим на руках. Болит ниже паха.

Пароход идет. Места нам оставлены. Погода пасмурная, прохладная. Еду в город, где очень возбужден<н>о. Целую, благодарю очень.

Ваш Лев.

Привет Антонине Тихоновне и всем вашим». — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14598. Л. 1 об. Автограф.

Антонина Тихоновна Кудрявцева (1891-1982), дочь священника Тихона Агафониновича Кудрявцева (1863-1935), с конца августа 1913 года жила в Ясной Поляне в качестве компаньонки С.А. Толстой. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 395. См. также: *Протоиерей Тихон (Кудрявцев) и его семья* (К истории Николо-Кочаковской церкви в селе Кочаки — Ясная Поляна). М., 2010. С. 11-15, 32-35.

18 июля 1914 года С.А. Толстая отправила сыну открытку с одним вопросом: «<...> Лева, напиши, куда тебе прислать тысячу рублей и каким способом?

Мама».

— *ИРЛИ*, ф. 303, № 693. Л. 12. Автограф.

Ответ Л.Л. Толстого не внес ясности в ситуацию: «Застражи в Петербурге. Пароходы не ходят в Стокгольм. Еще не решили, что делать. Общее настроение спокойное, деловое, приподнятое. Сегодня объявление войны с Германией не переменяло настроения. Будет манифест и выход во дворец. С<о>бирают запасных и лошадей. Картины необычные. Военный лагерь. Дора все рвется в Швецию. Я, вероятно, только провожу их до границы, если им удастся проехать через Або или Торнео. Семья и родина рвут душу на части.

20 июля <19>14 г<ода>». — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14599. Л. 1 об. Автограф.

... Дора все рвется в Швецию... — Д.Ф. Толстая ждала ребенка и, естественно, стремилась увести детей в безопасное место.

Або — второе официальное шведское название города Турку в Финляндии.

Торнео — город в Финляндии в устье реки Торнео на границе со Швецией.

⁶ Д.Ф. Толстая с детьми покинула Петербург 24 июля 1914 года. После ее отъезда Л.Л. Толстой писал матери: «Только сегодня отправил через Торнео (смотрите карту Финляндии) всю семью с тремя помощницами. Путь в 6-7 дней до Упсалы. Сам еду в Польшу на германскую границу уполномоченным Красного Креста вместе с Гучковым. Еду дня через три, два. Дети уехали здоровые. Дору очень жаль и страшно за нее.

Обнимаю.

Лева.

24 июля <19>14 г<ода>.

С. Петербург». — *Там же*, № 14600. Л. 1 об. Автограф.

...вместе с Гучковым... — речь идет об А.И. Гучкове (см. о нем выше примеч. 5 к Главе 3), с которым Л.Л. Толстой был знаком по «Союзу 17-го Октября».

⁷ Речь идет о Владимире Митрофановиче Пуришкевиче (1870-1920), депутате Второй, Третьей и Четвертой Государственных Дум.

⁸ 6 августа 1914 года Л.Л. Толстой выехал в Варшаву. Накануне отъезда он писал С.А. Толстой:

«Дорогая мамá, еду завтра, 6-го августа, в Варшаву. Писать: Варшава. Местное управление Красного Креста, уполномоченному Гр<афу> Толстому. У нас подобралась милая компания уполномоченных. Вероятно, скоро начнется большое и ответственное дело. Рад, что вырвусь отсюда. Семья в Швеции. Писем нет. Как Вы поживаете в эти трудные времена?

У меня в душе смятение.

Завтра, надеюсь, что, выехав уже в сферу войны, будет на душе легче.

Целую Вас много раз. Поклон милой Антонине Тихоновне и Илье Васильевичу.

Лева.

5 ав<густа 19>14 г<ода>.

С. П<етербург>». — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14601. Л. 1-2. Автограф.

... *Антонине Тихоновне* — Кудрявцевой (см. о ней выше примеч. 5).

... *Илье Васильевичу* — Сидоркову (см. о нем выше примеч. 7 к Главе 6).

⁹ С дороги Л.Л. Толстой отправил в Ясную Поляну несколько строк, чтобы успокоить С.А. Толстую: «Пишу из Вильны, где поезд стоит два часа. Едем хорошо. Много интересного. Напишу из Варшавы подробнее. Целую. Л<ева>». — **Там же**, № 14602. Л. 1 об. Автограф.

Судя по почтовым штемпелям на почтовой карточке с оплаченным ответом, почта в это время работала без перебоев: «Вильна вокзал 7.8.14» и «Ст<анция> Засака 10.8.14». — **Там же**. Л. 1-1 об.

Известие о смерти М.С. Сухотина 8 августа 1914 года застало Л.Л. Толстого уже на новом месте. В недатированном письме он так отозвался на семейную беду, попутно кратко обрисовав обстановку, в которой оказался по собственной инициативе:

«Дорогая мамá, адрес мой: Варшава Вейская, 8. Телеграммы <посылать:> Варшава <Красный> Крест, мне. Я пока здесь и идет подготовительная работа. Раненых пока не много. Я ничего еще не знаю о своих и беспокоюсь. Послал телеграмму. Ответа нет. Смерть Мих<аила> Серг<еевича> меня поразила. Бедной Тане многое приходится переживать. Мы устроились в большом институте Ведомства Императр<ицы> Марии, где пока весь наш отряд Гучкова и уже разбит большой госпиталь. Погода здесь дивная.

Множество петербургских знакомых и даже родственников. Интересом полна каждая минута. Сейчас видел на улице немецких пленных. Как Вы? Кто с Вами? Где Андрей и что остальные?

Целую много раз.

Лев».

— **Там же**, №14603. Л. 1 об. Автограф. Почтовая открытка пришла в Ясную Поляну 17 августа (ст. стиля) 1914 года. — **Там же**. Л. 1.

... в большом институте Ведомства Императрицы Марии... — речь идет о вдовствующей императрице Марии Федоровне. См. о ней выше примеч. 19 к Главе 12 Книги I.

... *Где Вы?..* — до 16 августа 1914 года С.А. Толстая была в Кочетах у дочери Т.Л. Сухотиной-Толстой. — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 413.

Позднее Л.Л. Толстой написал коротенькое письмо Т.Л. Сухотиной-Толстой:

«Дорогая Таня, пишу тебе под впечатлением известия о смерти Михаила Сергеевича. В угар войны не так чувствуется твое горе, но даже в нем мне больно за тебя. Обнимаю тебя крепко. Я пока в Варшаве. Адрес сюда: Вейская 8. Телеграммы: Варшава. <Красный> Крест, мне. Бог знает, когда эта открытка дойдет до тебя, но все же пусть она донесет до тебя мою любовь.

Лева».

— **ОР ГМТ**. Архив Т.Л. Сухотиной-Толстой, № 26485. Л. 1 об. Автограф.

Судя по почтовым штемпелям на открытке, письмо отправлено не позднее 17 августа 1914 года и получено в Кочетах 3 сентября 1914 года. — **Там же**. Л. 1.

В те же дни Л.Л. Толстой отправил в Ясную Поляну письмо, в котором он впервые за все это время поделился с матерью своими впечатлениями от войны:

« Варшава 17 авг<уста 19>14 г<ода>

Дорогая мамá, получил Ваше письмо из Кочетов. Спасибо, что вспомнили. Я Тане уже написал. Не знаю, получит ли. Эти дни сразу много поездов с ранеными, и сразу город и госпиталы ими наполнились.

Картины ужасные, и дела очень много. Сейчас вырвал время написать три письма. Сегодня меня радостно удивил брат Миша. Вдруг на вокзале, где я принимал поезд с ранеными, он является, сияющий и довольный. Они отсюда идут в Новогеоргиевск и дальше

за границу в опасные места, хотя теперь везде опасно. И здесь может появиться, когда угодно, немец и по воздуху, и по земле и начать метать в нас бомбы. Надо надеяться, однако, что Варшаву отстоят.

У Миши в эскадроне всего 4 офицера. Лошадка у него довольно средняя. Я хотел удержать его завтракать, но они сразу ушли походом при мне.

Что-то будет дальше. Раненые, несмотря на <то, что они> изуродованные, необыкновенно бодры. Среди них есть и жалкие немцы, солдаты и офицеры. У нас все госпитали полны, и нужда во всем. Солдаты лежат сутки с пулями в теле, и их некому оперировать. Прямо сюда везут с поля сражения на площадках вагонов, в теплушках, на досках и жидкой соломе. Тут же умершие по дороге. На станции прямо умирают, и их тут же исповедуют русские священники и ксензы. Сцены очень трогательные, сильные. Матери, жены встречают своих раненых, бросаются к ним и, если их нет среди них, приходят в отчаяние, — значит, убит. Многие сходят с ума здесь. Есть и офицеры. Толпы народа на улицах стоят и ждут раненых, бросают им всякую всячину в повозки. Вот Вам кратко, что тут делается. Гимназию, банк, фабрики обращают в госпиталь. Пока раненых здесь около 5-6 тысяч, а будет, вероятно, десятки тысяч.

Обнимаю Вас. Мало сплю. Встаем иногда в 5 часов, когда ждут поезда». — *Там же*. Архив С.А. Толстой, № 14604. Л. 1-2 об. Автограф.

...*письмо из Кочетов...* — письмо С.А. Толстой от 13 августа 1914 года с известием о смерти и похоронах М.С. Сухотина. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 693. Л. 6-8 об.

...*брат Миша...* — в конце июля 1914 года М.Л. Толстой был призван в армию. 21 июля 1914 года С.А. Толстая записала в ежедневнике: «Тяжелый камень навалился на мое сердце. Взяли на войну сына Мишу и услали в Брянск». — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 411.

Однако через несколько дней С.А. Толстая еще раз увиделась с младшим сыном в Туле перед его отъездом в действующий полк. 29 июля 1914 года она с горечью заметила: «Сколько страданий — и все живешь и все приходится переносить! Простилась сегодня с сыном Мишей, он идет на войну! Крепилась не плакать, а страшно тяжело!». — *Там же*.

...*Новогеоргиевск...* — город в Елизаветинской губернии; одна из немногих крепостей, подготовленных к войне лучше других.

... *Варшаву отстоят...* — реальная угроза взятия Варшавы существовала вплоть до середины октября 1914 года, когда русские войска после ряда поражений перешли в наступление и сорвали планы австрийского и германского командования.

¹⁰ Вскоре после того, как Л.Л. Толстой своими глазами увидел жертвы начавшейся войны, он отправил телеграмму в Петербург: «Жертвуйте, посылайте сюда халаты, туфли, вату, одеяла, деньги. Все нужно для ухода за ранеными». — См.: *Новое время*. СПб., 16/29 августа 1914 года, № 13803. С. 2.

Те немногие дни, которые Л.Л. Толстой провел на театре военных действий, запечатлены в его очерках и рассказах, оставшихся в его архиве и представляющих несомненный интерес. Но и в тех немногих произведениях, которые увидели свет, само упоминание о войне определило их тональность, наложило отпечаток на повествование. Во всех его сочинениях этого времени подкупает живая интонация, достоверность ситуаций, образов и картин, в той или иной мере обусловленных войной. — См.: *Толстой Л.Л.* Жизнь и смерть // *Весь мир*. Пг., февраль 1915, № 9. С. 2-4 (перепечатан в журнале «*Алтын*». Пг., март 1915, № 10. С. 2-4); *Толстой Л.Л.* На фоне войны: Рассказ // *Там же*, ноябрь 1915, № 46. С. 2-8; *Толстой Л.Л.* Ванечка помог: Рассказ // *Там же*, март 1916, № 11. С. 2-6; *Толстой Л.Л.* Если б вы знали: Рассказ // *Там же*, октябрь 1916, № 42. С. 2-3; и др.

¹¹ Эти встречи врезались в сознание Л.Л. Толстого. В 30-е годы он хотел предложить шведским читателям рассказ «Коробка сигар (Cigaretlådan): Эпизод из мировой войны», в котором речь шла об армии генерала Самсонова (см. о нем ниже примеч. 16), раненом немце,

кричавшем “Selbst! Selbst!”, и о коробке сигар в руках другого. — *ОР ГМТ*. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [21]. Л. 1-3. Автограф на швед. языке.

¹² Устаревшая крепость Ивангород на реке Висле в Люблинской губернии Царства Польского была опрометчиво упразднена в 1909 году. Однако в 1913 году царское правительство решило усилить крепость с тем, чтобы она могла — в случае войны — защитить переправу через Вислу и сохранить плацдарм на левом берегу реки.

¹³ В решающем сражении Великой войны 1409-1411 годов русско-польско-литовские войска 15 июля 1410 года в битве при Танненберге (Грюнвальде) буквально разгромили Тевтонский орден. Убито было сорок тысяч немцев, около 15-ти тысяч было взято в плен. После такого поражения Орден уже не смог оправиться и его агрессия на Восток была остановлена. — См.: *Коялович М.* Грюнвальденская битва 1410 года. СПб., 1885.

¹⁴ Вскоре после начала войны генерал от инфантерии в отставке Пауль фон Гинденбург (Hindenburg; 1847-1934) 22 августа 1914 года был назначен командующим 8-й армией на Восточном фронте; с ноября 1914 года он командовал всеми соединениями германской армии на Восточном фронте. Первоначально в его распоряжении было намного меньше солдат, чем в русской армии; однако русские были сильны действиями кавалерии, которая не могла развернуться в полную силу при Танненберге, а в артиллерии подавляющий перевес был у немцев. Именно поэтому 26-30 августа 1914 года в этом местечке немецкие войска окружили и уничтожили пять дивизий русского центра, а остальных взяли в плен.

¹⁵ Владимир Александрович Сухомлинов (1848-1926) был военным министром с марта 1909 по июнь 1915 года. За несколько месяцев до начала войны он убеждал российское общество в том, что армия была готова к вызову противника. Эту точку зрения он не изменил и позднее. — См.: *Сухомлинов В.* Воспоминания. Берлин, 1924. С. 286-299.

¹⁶ Александр Васильевич Самсонов (1859-1914) командовал 2-й армией, которая и понесла самые большие потери в битве при Танненберге (см. примеч. 14). О его гибели в первые дни войны сообщили сразу же. — См.: *Жертвы войны //Новое время*. Пг., 20 августа/2 сентября 1914 года, № 13807. С. 1, 4.

¹⁷ Генерал Александр Сергеевич Лукомский (1868-1939) четыре предвоенных года «был начальником мобилизационного отдела главного управления генерального штаба и руководил подготовкой к мобилизации всей армии». В начале войны он был назначен начальником канцелярии военного министерства. — См.: *Лукомский А.С.* Воспоминания: В 2-х томах. Берлин, 1922. Т. 1. С. 6.

¹⁸ Позднее генерал Лукомский вынужден был признать катастрофическую нехватку снарядов и невозможность быстро наладить их производство в России. — *Там же*. С. 56-59. См. также: *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II: В 2-х томах. М.: Феникс, 1992. Т. II. С. 160.

¹⁹ Исключительно важная деталь, несмотря на то, что Л.Л. Толстой перенес события 1915-1916 годов на *осень 1914 года*. Он покинул Красный Крест еще в сентябре 1914 года. См. об этом ниже примеч. 25.

Месяц спустя появилось и официальное извещение. — См.: *Сложение полномочий графом Л.Л. Толстым //Новое время*. Пг., 16/29 октября 1914 года, № 13864. С. 4.

²⁰ 22 августа 1915 года «Государь выехал в Ставку, которая незадолго перед тем была перенесена из Барановичей в Могилев-Губернский, чтобы принять на себя командование

всеми вооруженными силами России». — См.: *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II... Т. II. С. 173.

²¹ См. о них выше в примеч. 5 (<http://plop.in.ru/impressionism/36396d42b.html>); (http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/koi/nm/?TYZCF2JMTdG6Xbu8suHUvu9adO6UYeXZfeoU8CUt8uhe8eiceXb**).

²² Продовольственная проблема всерьез волновала Л.Л. Толстого в годы Первой мировой войны и он настоятельно рекомендовал правительству остановить бесконтрольный вывоз хлеба за границу.

«Когда война началась, народный голос у нас говорил: “У нас хлеб, у нас корень, соль жизни Европы. Мы ее кормим. Если она не получит нашего хлеба, она умрет с голода. Немец пойдет на нас. Мы можем и отступить. Но мы отступим к нашему хлебу. Немец же и от своего последнего хлеба отойдет и к нашему не дотянется”. В этой идее был залог нашей победы, что бы ни случилось.

В последние дни идет сплошной ропот и в обществе, и в народе по поводу того, что наш хлеб через Финляндию и Швецию идет в Германию и идет в таких громадных партиях, каких даже раньше в мирное время от нас не увозилось. ...

Я не знаю, можно ли контролировать (торговлю с нейтральной Швецией. — *В.А.*) или нет. Не знаю, можно ли стеснить торговлю. Но знаю и чувствую вместе со всем русским народом, что ни в каком случае немцам русского хлеба продавать нельзя, и знаю, что это должно прекратиться. ...

Мы не знаем, что готовит нам будущая зима. Так неужели непонятно, что важнее всего припасти на будущее то, без чего мы не проживем?

Хлеб, хлеб!»

— См.: *Толстой Л.Л.* Хлеб // *Новое время*. Пг., 11/24 февраля 1915 года, № 13980. С. 6.

Прошло полтора года, но положение с хлебом в воюющей России становилось все хуже. 6 сентября 1916 года С.А. Толстая записала в ежедневнике: «... Лева написал докладную записку государю и хочет ехать ее подавать: “О твердых ценах”». — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 437.

В архиве Л.Л.Толстого сохранился текст этого документа.

« *Л.Л. Толстой.*

О твердых ценах, монополизации хлебной торговли и учреждении особого продовольственного ведомства (Докладная записка)

Ваше Императорское Величество,

Твердые цены на хлеб — преступление по отношению к бедной части русского населения, крестьянства и рабочей массы. <...> Непомерно высокие цены на хлеб есть прямое следствие преступной спекуляции.

Нужно было, следовательно, не санкционировать и утверждать таковое преступление, а преследовать его.

Это можно было сделать не утверждением повышенных твердых цен, а установлением цен минимальных.

Бедные крестьяне, которых большинство, все с Рождества покупают хлеб. Им придется платить за него высокую цену. За что? За то, что спекулянты подняли цены на хлеб, а правительство их утвердило. Эта мера уже сейчас вызывает крайнее неудовольствие в народе, среди которого я живу. Он весь поголовно убежден, что твердые цены созданы не для его блага, а для блага богачей, крупных землевладельцев и купцов. <...>

Помочь населению в продовольственном деле можно:

1) Строжайшим запрещением продажи хлеба выше известной минимальной для каждого района цены и абсолютным запрещением вывоза его за границу.

2) Установлением точных данных о запасах хлеба в государстве и о потребностях в нем не только до нового урожая, но и на будущий год, в случае неурожая, могущего быть роковым после войны.

3) Объединением продовольственного дела как для армии, так и для всего населения страны, в одном правительственном центре, в руках которого сосредоточилось бы все распоряжение наличным хлебом в государстве.

Вопрос этот огромной важности в наше время.

<...> Не может хлеб быть в свободном распоряжении паразитов, спекулянтов, думающих только о наживе. Хлеб в такие времена, как наше, должен быть в полном распоряжении мозга страны — правительства. Это стало явной государственной необходимостью. Только решительным разрубанием Гордиевых узлов можно выводить народную жизнь на новые светлые пути. Только мерами истинной справедливости. Богачи в большой мере несправедливо владеют своими богатствами. А спекулянты-торговцы абсолютно несправедливо наживают свои огромные барыши.

Царское Слово: “не быть водке!” — дало России неисчислимые блага.

Новое Царское Слово: “не быть спекуляции и безобразного мародерства тыла! Не быть ни для кого наживы на торговле хлебом и другими продуктами продовольствия, необходимыми для поддержания человеческих жизней!” — такое Слово сделало бы, не только в России, но на всей нашей планете, — чудеса, на вечные времена. <...>

Это пресечение возможно, в свою очередь, одним только путем: изъятием продовольственной торговли из частных рук и постепенной передачей ее правительству. Это нужно сделать без всяких стеснений и смягчений по отношению к людям, не имеющим никакого права распоряжаться своими нечистыми руками тем, что составляет главный нерв жизни народа и государства.

Вашего Императорского Величества верноподданный

Граф Лев Львович

Толстой».

— **ОР ГМТ**. Архив Л.Л. Толстого, п. 6, № 65. Л. 1-6. Черновой автограф. Подчеркнуто Л.Л. Толстым.

...разрубанием Гордиевых узлов... — поиски простого и смелого решения сложного и запутанного вопроса.

Крестьянин *Гордий* был избран царем фригийцев по указанию оракула, как первый встречный, ехавший на телеге. Гордий основал столицу Фригии — Гордион — и принес в дар громовержцу Зевсу свою телегу, установив ее в храме и привязав ярмо к дышлу таким сложным узлом, что никто не мог его развязать. По предсказанию оракула, тот, кто сумеет справиться с этим узлом, получит во владение всю Азию. В ответ на предложение распутать узел, македонский царь Александр Великий, посетивший Гордион зимой 334/333 года, разрубил его мечом (*миф.*).

²³ В поздние годы жизни Л.Л. Толстой написал для шведских читателей воспоминания о встречах с русским царем, которые отличаются от публикации 1922 года. В частности, он рассказал об их последней встрече так: «... Последний раз я видел Государя по время мировой войны. ... Наша встреча произошла в вагоне на станции Могилев. ... Государь выглядел уставшим, озабоченным и нервным. Руководство фронтами требовало огромных усилий и заботы.

Увидев, что Государь больше озабочен состоянием сына, чем разговором со мной, я передал ему свою докладную и поспешил откланяться.

Это была моя последняя встреча с Николаем II.

Позже из Ясной Поляны я писал Государю и предлагал себя в его распоряжение. Государь соблаговолил, однако, не ответить на мое предложение». — См.: *Толстой Л.Л. Мои встречи с Николаем II* [Перевод со швед. и коммент. *Г.И. Мuryгина*]. Новосибирск,

1997. С. 17-18. В Швеции это эссе вышло в 1944 году. — См.: *Tolstoy Leo d[en] y[ýngre]. Mina minnen av Nikolaus II //Ord och Bild: Stockholm, 1944. Häfte 4. S. 169-176.*

Публикатор этих воспоминаний Г.И. Мурьгин от себя добавил: «... Переводчиком установлено: “Докладная записка о монополизации хлебной торговли” Государю была вручена лично Л.Л. Толстым в *октябре 1916 года*». — См.: *Толстой Л.Л. Мои встречи с Николаем II... С. 18.*

Однако в первой половине октября 1916 года Л.Л. Толстой был в Ясной Поляне. 19 октября 1916 года он уехал в Москву по *личным* делам. — См.: *Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 438. О причинах этой поездки см. ниже.*

В официальных документах Николая II и его ближайшего окружения нет сведений ни о докладной записке, ни о встрече Л.Л. Толстого с императором осенью 1916 года. Сохранилось лишь недатированное письмо Л.Л. Толстого Николаю II, в котором говорится о его страстном желании помочь царю и готовности служить ему и России. Однако на основании сопроводительного письма царю министра Императорского Двора графа В.Б. Фредерикса и ответа и.о. начальника канцелярии князя С.В. Гагарина Л.Л. Толстому, можно с уверенностью утверждать, что его последнее письмо Николаю II было отправлено из Ясной Поляны *в конце июля 1916 года*. — См.: *«Время идет интереснейшее...» //Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год... С. 163-164.*

Однако судьбу докладной записки Л.Л. Толстого в какой-то степени может прояснить письмо С.А. Толстой:

«26 октября 1916 года
Ст. Засака
Ясная Поляна

Наконец-то, милый Лева, я получила от тебя весточку. Что-то твои дела и твоё настроение? Получила я на твоё имя бумагу от министра внутренних дел. Точную копию я переписала на следующей половинке этого листка; не посылаю подлинника потому что, если ты уедешь раньше, бумага может затеряться. Оказывается, что то, о чём ты просишь, зависит не от Министра Протопопова, которому ты, может быть<,> уже и написал. Что наш рассказ, который мы с тобой писали? Отдал ли ты его кому-нибудь?

<...> Целую тебя, будь бодр, здоров; не унывай, все хорошо устроится.
Твоя мать,

С. Толстая

Копия бумаги от министра внутренних дел:

Милостивый Государь,

Граф Лев Львович.

В ответ на письмо Ваше, имею честь уведомить Вас<,> что, к крайнему моему сожалению, я лишен возможности исполнить Вашу просьбу, так как продовольственное дело находится ныне в ведении Министерства Земледелия.

Примите уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Д. Протопопов

№ 440

на бланке

23 Октября 1916 г.

Управляющий

Его Сиятельству

Министерством

Графу Л.Л. Толстому

Внутренних Дел».

— *ОРГМТ. Архив Л.Л. Толстого, п. 6, № 144. Л. 1-2. Автограф. Подчеркнуто С.А. Толстой.*

...наш рассказ... — у Л.Л. Толстого был скверный почерк и С.А. Толстая, любившая сына и верившая в его талант, иногда переписывала его сочинения, прежде чем они уходили в бюро переписи на машинке.

...в ведении Министерства Земледелия. — Короткое время, с 21 июля по 14 ноября 1916 года министерство возглавлял известный археолог, граф Алексей Александрович

Бобринский (1852-1927). Успел ли Л.Л. Толстой отправить ему соответствующее письмо до его отставки, установить не удалось. А вот пришедший на смену ему временно управляющий министерством Александр Александрович *Риттих* (1868-1930) был грамотным специалистом, знающим страну и ее проблемы, автором нескольких специальных работ.

Читал ли он записку Л.Л. Толстого, сказать трудно, но он сразу же начал действовать так, чтобы снять проблему спекуляции хлебом в воюющей стране. В конце ноября 1916 года А.А. *Риттих* подписал постановление о хлебной разверстке, а чуть позже были определены нормы губернских поставок с последующим расчетом продрозверстки по уездам и волостям. — См.: *Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира*. СПб., 1903 (переизд. — М.: URSS, 2015); *Риттих А.А. Крестьянский правопорядок*. СПб., 1904; и др.

Но в это время Л.Л. Толстой был уже мысленно за пределами России (см. ниже).

... Д. *Протопопов* — ошибка С.А. Толстой. Сведений о встрече Л.Л. Толстого с А.Д. Протопоповым (см. о нем в примеч. 23 к Главе 7) найти не удалось.

²⁴ Граф Дмитрий Сергеевич *Шереметев* (1869-1943), полковник Кавалергардского полка, один из флигель-адъютантов императора Николая II. — См.: *Дневники императора Николая II...* С. 602; *Переписка Николая и Александров Романовых...* Т. IV. С. 52, 143. См. также: *Шереметевы в судьбе России: Воспоминания, дневники, письма*. М.: Звонница, 2001. С. 324-331.

²⁵ После того, как Николай II принял на себя обязанности Верховного командующего русской армией, корнет Лейб-гвардии Уланского полка, адъютант великого князя Николая Николаевича (Романова; 1856-1929), граф Адам Станиславович Замойский (1873-1940) постоянно находился в Ставке при нем. — См.: *Переписка Николая и Александра Романовых...* Т. IV. С. 99; Т. V. С. 103.

²⁶ 17 сентября 1914 года, в день именин матери, в Ясную Поляну пришло множество телеграмм, в том числе и та, которую в ежедневнике выделила С.А. Толстая, «с известием о приезде Левы сегодня ночью». — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 2. С. 414.

Такого поворота событий никто не ожидал. Только два дня тому назад, — судя по почтовому штемпелю получателя, — С.А. Толстая читала письмо сына, датированное 9 сентября 1914 года, на бланке и с клише Уполномоченного Российского общества Красного Креста действующей армии. В нем ничего не предвещало скорого возвращения Л.Л. Толстого домой:

«Дорогая мамá, пишу из Белостока, куда приехал по делам. Давно уже нет известий о Вас. Надеюсь по возвращении на днях в Варшаву найти там письма от Вас и Доры, о которой давно не слышал. Здесь пока затишье, но у нас зато работа идет вовсю. Питательные пункты, лазареты, госпиталя — все это готовится заранее.

Много езжу и все на автомобилях. Вижу многое, но боюсь писать, чтобы письмо это не застряло по дороге. Итак, обнимаю и клянюсь.

Ваш Лев».

— *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14605. Л. 1-3 об. Автограф.

О причинах отъезда Л.Л. Толстого домой точно не известно, но вот дневниковая запись, которая в какой-то степени передает его настроение:

«

Белосток

Сегодня 10 сентября 1914 г<ода>. Война. В душе застой. Дело нужное, доброе, но мало его в минуты перерывов военных действий, и это положение угнетает. То же самое, вероятно, испытывают те военные, кот<орые> идут воевать. Эти периоды необходимы, но они тем тяжелее, чем дольше, как духота перед грозой. Сама гроза ужасна, и не быть в ней стыдно. Сама война что-то непостижимое, противоестественное, дикое. Дух, ум, разум изгнаны. Материя, тело одно царствует и бросается на смерть против другого, чтобы его уничтожить. Но если ум, дух в людях один, то где он теперь?! Почему не слышно его голоса?

Потому что тело сильнее, тело одно существует и в нем то, что мы называем одним, или внешним, разумом, как хотите. Где же он, если его не слышно? Совсем его нет? Он есть, но он молчит, он бессилён перед требованиями тела. Внутренний протест каждого против войны, внутренний ужас перед ней — существенное доказательство, что дух все же существует. Что бы сказал себе я сегодня, если говорить правду, одну правду? Я скажу, что, если война — ужас, если ее не должно быть, надо делать все для ее уничтожения. Надо возмущаться ею, надо не участвовать в ней, надо искать способов для ее <прекращения...>» — *ИРЛИ*, ф. 303. Л. 1. Автограф. Запись не окончена.

Кроме того, весной 1916 года в Ясной Поляне Л.Л. Толстой рассказывал об одном из эпизодов военного времени. В дневнике В.Ф. Булгакова, жившего тогда в Ясной Поляне и слышавшего этот рассказ, он выглядит так:

« <...>1 марта 1916 г<ода>

Лев Львович рассказывал, как он обличал военного министра Сухомлинова в разговоре с Н.А. Хомяковым, парламентарием:

— Какие же мы с вами патриоты и русские люди, когда сидим здесь и ничего не делаем, а господин Сухомлинов с молодой женой разъезжает в автомобиле по Петрограду и на нем — генеральские погоны?.. Мы должны пойти к нему на квартиру, скрутить ему руки назад, связать его и привезти хоть в ту же Государственную Думу, — поставить его среди народных представителей и сказать: “Вот — предатель, мошенник, вор! судите его!..”

Хомяков выслушал Льва Львовича и ответил ему:

— Это было бы прекрасно!.. Но только одно: как мы сделаем это, когда *мы сами воры*?

И Лев Львович, по его словам, ничего не нашелся ответить Хомякову... <...>» — *РГАЛИ*, ф. 2226, оп. 1, ед. хр. 187. Л. 10. Автограф. Курсив В.Ф. Булгакова.

Николай Алексеевич Хомяков (1850-1925) — октябрист, член Государственного совета, председатель Третьей и член Четвертой Государственной Думы.

...а господин Сухомлинов с молодой женой... — о В.А. Сухомлинове см. выше примеч. 15.

Екатерина Викторовна Сухомлинова (урожд. Гашкевич, по первому мужу Бутович; 1882-1921), по словам императрицы Александры Федоровны (Романовой; 1872-1918), «восстановила против себя всех, в особенности военные круги... Эта дура губит своего мужа и рискует собственной шеей. ... Это пошлая женщина с вульгарной душой... Хотя она усердно работает и много делает добра, все же она сильно ему вредит, так как он ее бессловесный раб, это очевидно для всех». — См.: *Переписка Николая и Александры Романовых...* Т. III. С. 73-74. См. также: *Редигер А.* История моей жизни... Т. 2. С. 394-397.

²⁷ Эта поэма Л.Л. Толстого и, соответственно, её рукопись неизвестны.

²⁸ Заключительные строки стихотворения А.С. Пушкина «Поэт и толпа» (1828). — См.: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 16-ти томах. М.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. III/1. С. 142.

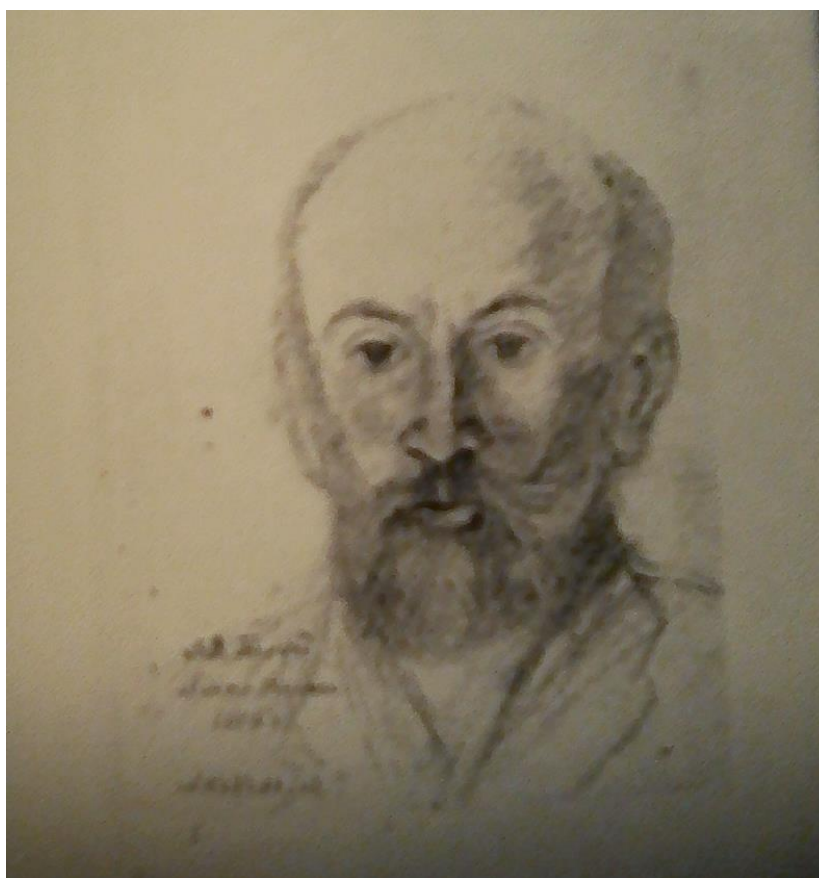
²⁹ Об интересе Л.Л. Толстого еще в студенческие годы к творчеству французского писателя Ги де Мопассана (Maupassant; 1850-1893) см. дневниковую запись от 28 декабря 1890 года: *Сын и отец... //Лица...* Т. 4. С. 209.

В 1912 году Л.Л. Толстой перечитал рассказы Ги де Мопассана и выбрал один из них для драматического представления. — См.: *Толстой Л.Л.* На берегу: Драма в 1 действии (Переделка для сцены из рассказа Мопассана). К представлению дозволено СПб. 30 апреля 1912 г. — *ОР и РК СПбТБ*, № 37794. Л. 1-8. Автограф (+ № 40890. Цензурное разрешение 22 августа 1912. Печатное. Л. 1-4). Сведений о постановке этой одноактной пьесы найти не удалось.

³⁰ Это первое упоминание английского классика Чарльза Диккенса (Dickens; 1812-1870) в мемуарах Л.Л. Толстого. Какие именно произведения Диккенса он любил, установить не удалось. Вероятно, ему передалось особое отношение отца к Ч. Диккенсу, произведения которого он читал по-английски и по-русски, когда появлялись переводы. В Лондоне в марте 1861 года Л.Н. Толстой, погруженный тогда в педагогику, слушал лекцию Ч. Диккенса о воспитании. — *ПСС*. Т. 47. С. 177, 256-257, 352-353, 356, 362; Т. 48. С. 451; Т. 60. С. 76-77, 82, 120-121, 385; и др.

³¹ Фотографию скульптурного портрета А.Т. Кудрявцевой, сделанного Л.Л. Толстым, см. в кн.: *Протоиерей Тихон (Кудрявцев) и его семья...* С. 34, 36.

В свою очередь, А.Т. Кудрявцева в 1916 г. рисовала Л.Л. Толстого. — *Там же*. С. 93.

³² На самом деле в Ясной Поляне в тот приезд Л.Л. Толстой пробыл недолго. Ему срочно нужны были деньги, но состояние С.А. Толстой не позволило ему сказать ей об истинной цели своего неожиданного приезда. Буквально через несколько дней он отправил матери пронзительное письмо — крик о помощи.

«

21 сент<ября 19>14 г<ода>

Петроград

Читайте одна

Дорогая мамá, доехал я хорошо и сегодня был на заседании Красного Креста. Дома никого не застал и никаких известий. Дал Доре телеграмму срочно, прося ответить о здоровье всех и когда возвращаются. Теперь 12 часов ночи, а ответа еще нет. Надеюсь получить <ответ> завтра и тогда напишу Вам об этом отдельно. Настроение здесь, в городе, серьезное, хорошее, и я в таком же. В среду выяснится, уеду ли я опять в армию. Скорее, что нет, главное, потому, что я там не так уже нужен, а денег это стоит много.

Теперь перехожу к главному, мучающему меня делу. После Ясной летом я был так расстроен тем, что семья уезжала в Швецию, что началась война, что мне пришлось нарушить наладившуюся было жизнь и работу в Ясной, что, оставшись один в Петербурге, я опять играл в карты те 10 дней, что был здесь один, и опять, конечно, проиграл, прибавив к прежним долгам новые. Всего у меня семь тысяч долгу, из которых шесть надо заплатить сейчас, а тысячу 1-го января. Денег же совсем нет. Дворник заплатил своих 700 рублей в Кредитное <общество> за дом, а бумаги я летом же заложил за пять тысяч, и выкупать их нечем. Я сам не понимаю, на что я надеялся, когда все это случилось. Я сделал ужасную подлость и по отношению к Доре, которой я отдал эти бумаги и которые обещал не проигрывать. Теперь надо во что бы то ни стало выкупить бумаги за 5 тысяч и еще тысячу рублей заплатить частных долгов. Положение это мучило меня ужасно все время на войне, каждую ночь, а теперь еще хуже потому, что Дора приедет и это, конечно, страшно ее расстроит. Вся надежда у меня и единственная на Вас.

Или я прошу дать мне семь тысяч с тем, чтобы я не получал их впредь, как это случилось с братьями, или дайте мне семь тысяч в долг, чтобы я мог выкупить бумаги и заплатить долги теперь; а по окончании войны я продам бумаги и отдам Вам. Одну из этих комбинаций умоляю мне устроить, и в крайнем случае, если не семь тысяч, то шесть. Будем жить уже скромно на гроши от дома, а эти тысячи от <продажи> леса, если они аккуратно поступят, истрачу на погашение тысячи рублей частного долга, которую надо уплатить в марте, и на второй срок взноса в Кредитное <общество> в марте же. Тогда с Божьей помощью жизнь наладится, так как я клянусь всеми святыми и всем, что есть на свете, что играть я никогда в жизни больше не буду и нога моя не войдет в клубы, где игра. К счастью, азартная игра здесь к тому же запрещена. Если бы они догадались это сделать раньше и если бы меня кто-нибудь спас от этой ужасной заразы раньше! Но что же тужить о том, чего не вернешь? Можно только каяться и казнить себя.

Сейчас получил ответ от Доры: <“>Tous bien portants <ainsi que> moi<->même levée<.> Resteras<->tu <à> Petrograd<?> Es<->tu malade<?> Nous> pouvons venir dans trois semaines<”>. Во-1-х, почему они должны остаться еще 3 недели и почему они об этом не пишут? Надо сейчас опять телеграфировать им, и, во-2-х, вот Вам пример, как мне легко жить на свете с моим счастьем. Хорошо, что здоровы, если не врут. Что же мне делать? Останусь здесь и буду стараться писать, делать что-нибудь. Но прежде всего надо распутать денежную сторону и успокоиться.

Так вот, милая, дорогая и бедная мамá. Да, Вы правы, — мы порочные натуры и трудно поэтому жить. Жил я хорошо до карт, нет, до Парижа, а вот и свихнулся.

Надеюсь, что довольно этих вихляний и довольно я наделал гадостей и довольно наделал страданий близким, самым любимым мной людям. Каюсь, прошу прощения. Война и время, <в> которое мы живем, изменяют меня и изменяют или, лучше сказать, справят опять на добрый путь, к которому я стремлюсь всю жизнь.

Я хотел на словах рассказать Вам обо всем этом, но язык не повернулся. Стыдно, гадко, омерзительно.

Очень прошу Вас выручить меня и успокоить; может быть, это будет Вам трудно сейчас; тогда можно немного подождать. Но следовало бы сейчас потому, что с заложенных бумаг я не могу получить %, а они необходимы на жизнь. Если можете, устройте это дело поскорее и постараемся все его забыть. Я же могу только все силы прилагать на то, чтобы искупить мои дурные года жизни, считаю с 42<-х> лет до нынешней войны.

Если Вам не трудно и придется переписывать завещание, о котором не следовало бы говорить, но о котором Вы всегда открыто говорите, то лучше всего было бы эти 6 или 7 тысяч исключить из моей доли, если такая будет, как Вы исключили то, что взяли Сережа, Илья и Андрюша. Могу наверное сказать, что впредь я уже никогда не буду брать у Вас ни гроша потому, что я сам трачу на себя очень мало. Безумие мое прошло и не вернется вновь. Бог мне поможет. Сейчас отвечу Доре, что я остаюсь, вероятно, здесь и спрошу ее, почему они должны ждать еще 3 недели. <Училища> Правоведения <и Тенишевское> уже оба

открыты. Буду ждать Вашего ответа. Одна надежда на Вас, и это мне тем более невыносимо тяжело. Еще раз простите и примите это мудро.

Лев.

Ответил Доре: <“>Probablement <je> reste ici<”>. Жаль мне звать их. Боюсь, как бы что ни случилось, а учение мальчики нагонят. Тем временем, надеюсь, устроится то, что меня мучает, и тогда опять уеду, может быть, на войну. Жду от Вас письма. Деньги надо перевести в Московский Купеческий банк на мой текущий счет. Можно телеграммой. Вы не знаете, как тяжело мне это». — **ОРГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14606. Л. 1-6 об. Автограф. Курсив Л.Л. Толстого.

...Петроград... — 18 августа 1914 года Николай II повелел именовать впредь город Санкт-Петербург Петроградом. — См.: *Переименование Петербурга //Новое время*. СПб., 19 августа/1 сентября 1914 года, № 13806. С. 3.

... *Tous bien portants moi<->même levée<.> Resteras<->tu <à> Petrograd<?> Es<->tu malade<? Nous> pouvons venir dans trois semaines.* — Все здоровы и я тоже.<.> Остаешься ли ты <в> Петрограде<?> Ты болен<? Мы> приедем через три недели (*фр.*).

... *Probablement <je> reste ici.* — Скорее всего, <я> остаюсь здесь (*фр.*).

Как ни любила С.А. Толстая сына, на этот раз она рассердилась. Ей и раньше было «неприятно это вечное вымогательство денег» со стороны Льва и Андрея. — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 2. С. 347.

Она отправила резкое письмо в Петроград, которое не сохранилось, но из ответа Л.Л. Толстого можно представить себе его тональность. 29 сентября 1914 года Л.Л. Толстой так начал свое письмо в Ясную Поляну:

«Вы ошибаетесь, дорогая мамá, и напрасно подозреваете меня во лжи. Я почти никогда не лгу, а Вам солгать я никогда бы не мог. То, что я написал Вам, вся правда. Играть я больше никогда не буду и вот теперь не был ни разу ни в клубах<,> ни в Москве, ни здесь, хотя бы мог. Бумаги мои *все* заложены в здешнем купеческом банке. Закладные бумаги у меня. Если дадите Андрюше деньги, то он может выкупить бумаги и даже взять их на руки, если уж до того дошло, что мне верить нельзя. Бумаги заложены в 5000 руб<лей>. Частных долгов 2000 <рублей>. Из них тысячу надо заплатить сейчас, и это тоже мог бы сделать Андрюша, если Вы мне больше не верите. Я укажу ему, куда внести. Тысячу рублей я заплачу в марте из лесных. Конечно, я не приеду к Вам и предпочту избавить Вас надолго от моего скверного присутствия, чем мучить Вас.

Очень прошу Вас дать *шесть тысяч*, чтобы я мог успокоиться, и именно больше для семьи, а не для меня.

Дора телеграфировала, что не хочет посылать мальчиков одних, боясь опасной и трудной дороги для них. Выедет около 10-го октября. Я должен сидеть здесь и ждать. Стараюсь заниматься, дописывать начатую повесть и писать в газетах. Стараюсь изменить образ жизни, вставать раньше и ложиться. Стараюсь вообще обновить жизнь и себя. На войну ехать опять хотел бы, но еще не могу решить. Повторяю, что мое семейное положение — с тяготением Доры в Швецию, с ее крайней неумелостью жить и планировать жизнь в России — мне очень тяжело, и это главная причина моих несчастий. Одному жить не весело, бороться всегда с Дорой трудно, а дома в семье заниматься среди шума и суеты невозможно.

Служба?! Это легко сказать. Искал в прошлом году, но никто ничего дать не хочет. Буду смотреть еще.

Если Вы не хотите дать Андрюше деньги, то можете послать пять тысяч прямо на имя Петроградского отделения Московского Купеческого банка, Невский, свой дом, на предмет выкупа заложённых в этом отделении %<-ных> бумаг гр<афа> Л.Л. Толстого с просьбой немедленно уведомить меня о получении банком этих денег. Тысячу рублей пришлите Андрюше или дайте той же милой тетеньке. Вчера у меня был сам дядя Саша. Вот и все. Простите еще раз.

Лева.

Если приедет татарин за моей лошастью, пожалуйста, отправьте ее сюда. Я хочу ее продать.

29 сент<ября 19>14 г<ода>.

Петроград». — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14607. Л. 1-2 об. Автограф. Курсив Л.Л. Толстого.

...из лесных... — т.е. деньги, полученные от продажи леса и разделенные между детьми и С.А. Толстой.

...писать в газетах... — днем раньше появился первый фрагмент большого цикла очерков о войне, участником которой был автор. — См.: **Толстой Л.Л.** Картинки великого времени // **Новое время**. Пг., 28 сентября/11 октября 1914 года, № 13846. С. 6. Остальные очерки печатались под другим названием. — См.: **Толстой Л.Л.** Картинки военного времени // **Там же**, 1/14 октября 1914 года, № 13849. С. 5; 3/16 октября 1914 года, № 13851. С. 6; 5/18 октября 1914 года, № 13853. С. 5; 6/19 октября 1914 года, № 13854. С. 4; 14/27 октября 1914 года, № 13862. С. 6; 27 октября/9 ноября 1914 года, № 13875. С. 4. Курсив мой. — В.А.

...милой тетеньке... — Т.А. Кузминской. См. о ней выше примеч. 2 к Главе 3 Книги I.

...сам дядя Саши... — А.М. Кузминский. См. о нем выше примеч. 2 к Главе 12 Книги I.

4 октября 1914 года С.А. Толстая перевела сыну 1000 рублей. — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 415. Остальные деньги она передала с младшим сыном Андреем, приехавшим в Петроград 6 октября 1914 года. И хотя в тот же день Л.Л. Толстой отправил в Ясную Поляну письмо с благодарностью за помощь и в который раз пообещал матери, что подобная ситуация не повторится больше никогда, он явно лукавил.

«Дорогая, милая мамá, я только что получил Ваш перевод и только сегодня приехал Андрюша. Он будет у меня послезавтра, и тогда все устроится. Очень большое спасибо, и я бы дорого дал, чтобы этого не было. Так много Вам беспокойства и неприятностей из-за этого.

От семьи телеграмма, что они едут из Швеции пароходом в субботу. Будут, вероятно, в след<ующий> понедельник или вторник. Тетя Таня приехала. Был с ней у Маши. Она поправляется медленно. Ее Ваня ранен легко, хотя все же хромотает и рука на перевязке. Андрюша в хорошем настроении занятости. Я сижу целые дни дома и пишу. Сегодня немного простудился после бани и <мне> нездоровится. Климат здешний не по мне. Я в Польше был здоровее. Все интересы, конечно, вокруг войны. Напишу Вам подробнее через несколько дней. Обнимаю и кланяюсь. Хорошо, что Вы мне поверили. Перед войной было сумасшедшее настроение. Теперь полное отрезвление.

Понедельник, 6 окт<ября 19>14 г<ода>». — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14608. Л. 1 об. Автограф.

...тетя Таня... — Т.А. Кузминская.

...у Маши... — М.А. Эрдели. См. о ней выше примеч. 13 к Главе 7 Книги I.

... Она поправляется медленно... — См. о ее болезни в следующем письме Л.Л. Толстого ниже.

...Ваня... — И.Е. Эрдели. См. о нем выше примеч. 6 к Главе 12 Книги I.

Действительно, через несколько дней Л.Л. Толстой отправил в Ясную Поляну подробный рассказ о своих делах:

«Дорогая мамá, семья благополучно приехала, и все по-старому дома. Прибавилась крошечная Танечка, которая плачет негромко, скрипя голосом, когда ее моют. Дора здорова, бодрá. Мальчиков уже налаживаем учиться. Бумаги выкуплены, % с них переданы Доре, а сами бумаги остались на управлении в банке. Доре об этом не скажу. Долги частные заплатил. Игру всякую, даже бега, оставил навсегда. Дописал повесть, которую буду помещать теперь, не знаю еще, где. Трудно.

Не знаю еще, как наладится моя жизнь. Тут есть дело, которое, может быть, начну. Это открытие народных столовых трезвости. На войну возвращаться не хочу только потому,

что мало там дела и слишком много людей, а умирать в Красном Кресте не стоит. Другое дело было бы в армии.

Погода сырая, серая. Андрюша нанял квартиру. Была Катя на днях. У Маши Эрдели после операции плеврит матки. Митя уходит на войну. О Мише Толстом (Ильиче) было в шведских газетах, что он в плену. Швеция нейтральна, но к нам не дружественна. Итак, вот пока все новости и положение.

Трудное, главное, убить в себе внутренних чертей. Так или иначе, они лезут. Формы жизни — ложны. Поэтому страдание, так или иначе. Надо формы жизни менять, а если не менять, то лгать в них. И то, и другое невыносимо. Все это следствие тысячелетних грехов человечества и его несовершенств.

Целую Вас, милая.

Спасибо еще и простите еще.

Надеюсь, что теперь с отсутствием заразы игры в моей жизни, с имущественной стороны, она будет лучше.

Я смотрю, как папá, что нажить деньги так же легко, как и их прожить. И вот попробую.

Ваш Лев.

Поклон Вашим милым, как Вы их называете, чадам, что ли!

Если приедет татарин, водивший уже мою лошадь, дайте ему рублей 30-40 на дорогу. Я продам лошадь и верну Вам эту затрату». — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14608. Л. 1-2 об. На конверте сохранилась дата отправления: «С. Петербург 15.10.14». — *Там же*. Л. 3.

...крошечная Танечка... — Т.Л. Толстая (в замужестве Паус; [Paus]) родилась 20 сентября (нов. стиля) 1914 года. — См.: *Tolstoy-Miloslavsky D.* The Tolstoys... P. 91; *Пузин Н.* Дом-музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне... С. 110.

...Дописал повесть... — вероятно, речь идет о повести «Мы проснемся». См. о ней выше примеч. 16 к Главе 1.

...открытие народных столовых трезвости... — в первые месяцы войны правительство распорядилось закрыть винные лавки и питейные заведения, а также запретить государственную продажу спиртного. Эта мера была сочувственно встречена бóльшей частью русского общества. — См.: *Трезвая Россия //Новое время*. СПб., 11/24 августа 1914 года, № 13798. С. 5; *Вместо водки //Там же*, 12/25 августа 1914 года, № 13799. С. 5; *Война и водка //Там же*, 15/28 августа 1914 года, № 13802. С. 4; и др.

...Катя... — Е.В. Толстая. См. о ней выше примеч. 12 к Главе 5 Книги I.

...Митя... — Дмитрий Александрович Кузминский (1888-1937).

М.И. Толстой (1893-1919), юнкер тифлисского военного училища, с лета 1914 года вольноопределяющийся одного из пехотных полков, находившихся на Восточном фронте. 18 октября 1914 года С.А. Толстая записала в ежедневнике: «Американское консульство известило меня, что Миша-внук в плену в Богемии, в Милевиче». — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 416.

Он провел в плену четыре года и вернулся в Ясную Поляну 24 ноября 1918 года. — *Там же*. С. 466, 580.

20 декабря 1914 года Л.Л. Толстой приехал в Ясную Поляну. — *Там же*. С. 419.

Глава 9

¹ В современных антологиях этих старинных слов нет. — См.: *Русские народные песни*. 2-е изд. Л.: ГМИ, 1959. С. 402-404.

В Ясной Поляне любили слушать эту песню. В последние годы жизни ее не раз просил исполнить Л.Н. Толстой. — См.: *Маковицкий Д.П.* У Толстого... Кн. 2. С. 144; Кн. 3. С. 119, 431.

² Вероятно, речь идет о вариациях на тему «Цыганской венгерки», написанной поэтом Аполлоном Ивановичем Григорьевым (1822-1864) в 1856 году и положенной на музыку руководителем цыганского хора Иваном Васильевичем Васильевым (род. в 1810 году). — См.: *Григорьев А.* Избранные произведения («Библиотека поэта: Большая серия»; 2-е изд.). Л.: Сов. писатель, 1959. С. 160-165; *Григорьев А.* Воспоминания /Издание подготовил Б.Ф. Егоров. М.: Наука, 1988. С. 312, 328-334, 411; (http://www.abc-guitars.com/pages/vasiljev_iv.htm).

Приводимых слов в опубликованном тексте нет, но порой каждый исполнитель создавал свою версию полюбившейся песни. Вероятно, так было и с А.Л. Толстым.

³ Илья Андреевич Толстой (1903-1970); Софья Андреевна Толстая (в замужестве Сухотина; Есенина; Тимрот; 1900-1957); Мария Андреевна Толстая (в замужестве Ваулина; Мансветова; 1908-1993). — См.: *Tolstoy-Miloslavsky D.* The Tolstoys... P. 80, 92; *Пузин Н.* Дом-музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне... С. 110-111; (<http://tolstoys.ru/tree/descendants/37-tolstaya-m-a/>).

⁴ 5 августа 1904 года А.Л. Толстой добровольно отправился на русско-японскую войну в качестве унтер-офицера, конного ординарца при штабе пехотного полка. В декабре 1904 года под Мукденом он был ранен в голову ударом лошади, награжден Георгиевским крестом и отпущен домой. В Ясную Поляну он вернулся 10 января 1905 года. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 103-105, 108; *Маковицкий Д.П.* У Толстого... Кн. 1. С. 114, 130-132.

А.Л. Толстой ценил эту награду и при случае надевал ее. Его младшая сестра 1 августа 1910 года заметила: «Андрей собрался в Тулу. Вид торжественный, в сюртуке, в петличке Георгий...». — См.: *Толстая А.Л.* Дневники... С. 112.

⁵ В письме дочери М.Л. Оболенской 7 июня 1905 года Л.Н. Толстой писал: «... Андрюша жалок, но прост, естественен. Был бы совсем хорош, если бы можно б[ыло] извлечь из него берсовскую самоуверенность. Я не могу не одобрять его, п[отому] ч[то] из всех сыновей он один любит меня. ...» — *ПСС.* Т. 75. С. 252-253. См. также: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 103, 386.

⁶ С.А. Толстая несколько раз обращалась за помощью к Александру Васильевичу Кривошеину (1857-1921) по просьбе сыновей Ильи и Андрея. — *Там же.* С. 264, 399.

Кроме того, сохранился черновик письма С.А. Толстой Николаю II по поводу А.Л. Толстого. 12 марта 1914 года С.А. Толстая записала в ежедневнике: «Писала письмо государю, прося место Андрюше. Ужасно это мне тяжело и неприятно, но Андрюша так нервен и плох, что страшно было ему отказать. Письмо послала ему на прочтение». — *Там же.* С. 407. См. также: *Толстая Е.В.* Записки (1876-1919 гг.) // *Л.Н. Толстой и его близкие...* С. 276-277.

Последнее место службы А.Л. Толстого — Министерство земледелия, в котором он исправлял должность чиновника по особым поручениям. Одновременно А.Л. Толстой стал представителем Министерства земледелия в совете Крестьянского земельного банка. — См.: *Весь Петроград...* на 1916 год... Отд. III. С. 679.

⁷ 11 февраля 1916 года С.А. Толстая получила сообщение Е.В. Толстой и записала в ежедневнике: «Известие о болезни Андрюши и сильном жаре меня очень встревожило». — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 431.

⁸ Л.Л. Толстой не вполне точен: 17 февраля 1916 года они с матерью выехали из Ясной Поляны. Позднее С.А. Толстая под этой датой записала следующее: «Собираюсь в Петербург

севой, укладываюсь. Андрюша просил Катю вызвать меня в Петербург, и потому я еду. Видно, ему плохо!» — *Там же*. С. 432.

⁹ Из ежедневника С.А. Толстой за 19 февраля 1916 года: «Доктора повторяют ту же бессмысленную фразу: “Болезнь серьезная, но опасности пока нет”. И так повторяли до конца. Страдает Андрюша и от плеврита, и от печени, и от трудного дыхания. Весь зеленовато-желтый, вскрикивает и громко стонет. Температура доходила до 42 гр[адусов]. А раза три, четыре в день потрясающий, мучительный озноб». — *Там же*.

¹⁰ Речь идет о столичном мировом судье 30-го участка Василии Александровиче Языкове (род. в 1879 году), который жил в доме № 9 по Эртелеву переулку. — См.: *Весь Петроград... на 1916 год...* Отд. III. С. 792.

В.А. Языков был соседом Толстых в Таптыково. — См.: *Толстая Е.В.* Записки... // *Л.Н. Толстой и его близкие...* С. 290.

¹¹ Это было 23 февраля 1916 года. В тот день С.А. Толстая записала: «Андрюша с утра уже почти все время без сознания и мучительно тяжело дышит и стонет. И так до ночи. Я затыкала уши и в отчаянии убегала. Милый мой, любящий, веселый, щедрый, честный Андрюша. Все время молю Бога, чтоб самой уйти от сердечных страданий. При Андрюше были эти дни: Катя, его жена, ее сестра Дженни, Маша Эрдели, Лиза Оболенская, сиделка, Лева и я». — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 432.

Дженни — Евгения Васильевна Горяинова (род. в 1892 году).

Лиза Оболенская — Елизавета Валериановна Оболенская (урожд. Толстая; 1852-1935), племянница Л.Н. Толстого.

¹² Не вполне точно: речь идет о сочинении французского певца, композитора и педагога Жан-Батиста Фора (Faure; 1830-1914). В России его произведения исполняли редко. Среди тех, что были известны слушателям, и дуэт «У Креста» (Сусификс), который пели сопрано и меццо-сопрано или тенор и баритон. Слова Виктора Гюго (Hugo; 1802-1885) в финале действительно звучали так: «... Коль странник ты — приют найдешь за облаками, приют найдешь свой там». — См.: *Ave Maria*: Вокальный альбом. М.; Л.; N.Y.: Музыка, 1994. С. 120-123.

Возможно, что кто-то из обитателей дома № 23 по Фурштадской улице поставил пластинку с записью этого дуэта в прекрасном исполнении Ольги Матвеевны Окуневой (урожд. Курганова; 1882-1965) и Леонида Михайловича Сибирякова (наст. фамилия Спивак; 1870-1938). В 1910 году ее выпустила немецкая фирма «Века» (=Бека) (http://portal.rusarchives.ru/guide/zvuk_v1/fond2.shtml) (https://www.russian-records.com/details.php?image_id=25884&l=russian). Коллеги особо отмечали не только великолепный голос Л.М. Сибирякова, так хорошо поставленный, но и его идеальную интонацию и редчайшую певучесть. — См.: *Левик С.Ю.* Записки оперного певца. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Искусство, 1962. С. 200-202.

¹³ А.Л. Толстой умер в ночь с 23 на 24 февраля 1916 года. С.А. Толстая записала: «... Боже мой! Как жить без Андрюши! Я только теперь поняла, как это — тяжело!» — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 433.

¹⁴ Через день, 26 февраля 1916 года в ежедневнике появилась такая запись: «Похороны Андрюши. Ужасно, что его нет и никогда его не увидишь! Пышные, великолепные похороны. Пропать венков, и толпа в церкви. Все как во сне. Приехал сын Сережа с опозданием. Хоронили у Александро-Невской лавры, на Никольском кладбище». — *Там же*. См. также: *Кобак А.В., Пирютко Ю.М.* Исторические кладбища Санкт-Петербурга. 2-е изд., доработанное и исправленное. М.; СПб., 2011. С. 106, 261.

¹⁵ Ошибка Л.Л. Толстого. На самом деле П.А. Столыпин, убитый в Киеве (см. выше примеч. 8-10 к Главе 1 Книги II), согласно его завещанию, был похоронен там возле Трапезной палаты Киево-Печерской Лавры (<http://kiev-cathedral.narod.ru/lavra5.html>).

На Никольском кладбище Александро-Невской Лавры похоронены его мать, Наталья Михайловна Столыпина (урожд. княжна Горчакова; 1827-1889), и старший брат, прапорщик Лейб-гвардии Преображенского полка, Михаил Аркадьевич Столыпин (1859-1882), убитый на дуэли однополчанином, поручиком, князем Иваном Николаевичем Шаховским (1853-1884)

(<https://sites.google.com/site/necropolural/goroda-rossii/sankt-peterburg/nikolskoe-kladbise/alfavitnyj-spisok-zahoronenij/stolypin-mihail-arkadevic>).

Благодарю профессора Бена Хеллмана, заметившего эту ошибку. — В.А.

¹⁶ В Ясную Поляну Л.Л. Толстой с матерью вернулись 29 февраля 1916 года. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 433.

¹⁷ А.С. Суколенова (1828-1917).

¹⁸ Л.Л. Толстой был убежден, что Тимофей Базыкин (1861-1934) был сыном Л.Н. Толстого и яснополянской крестьянки Аксины Александровны Базыкиной (урожд. Аникановой; 1836-1920). Того же мнения придерживались и на деревне. — См.: *Сафонова О.Ю.* Словарь яснополянских крестьян и их потомков... // *Яснополянский сборник 2002*... С. 329-330.

Л.Н. Толстой в последние годы жизни практически подтвердил это предположение. Так, в записной книжке № 1 за 1909 год он 13 июня размышлял: «Посмотре[л] на босые ноги, вспомни[л] Акси[нью], то, ч[то] она жива, и, говорят, Ерм[ил] мой сын, и я не прошу у нее прощения, не покая[лся], не каюсь каждый ча[с] и смею осуждать других». — *ПСС*. Т. 57. С. 218.

Л.Н. Толстой ошибся: Ермил Никонович Базыкин (умер в 1919 году) — муж А.А. Базыкиной. — *Там же*. С. 400.

Помимо Л.Л. Толстого, его младшая сестра Александра также считала Тимофея своим старшим братом, а по поводу его особенного отношения к А.Л. Толстому позднее писала: «... Несколько раз Труайя касается личности Тимофея, незаконного сына отца (с. 623). Отец, до женитьбы, был связан с очень привлекательной молодой крестьянкой. Их сын, Тимофей, высокий блондин с серыми глазами, широким носом и приятным голосом, был очень похож на отца.

Он жил в деревне со своей матерью, крестьянствовал, и все соседи уважали и любили его. Когда мой брат Андрей женился на Ольге Дит[е]рихс [...] и купил имение, Тимофей нанялся к нему кучером и заведовал конным заводом. Он был настоящим другом Андрея, давал ему полезные советы и оберегал его. [...]» — См.: *Толстая А.Л.* Правда о Толстом: По поводу книги Анри Труайя “Толстой” (Henry Troyat. Tolstoy. N.Y., 1968) // *Мосты*: Лит.-худож. и обществ.-полит. альманах. Мюнхен, 1970, № 15. С. 295.

См. также: *Ханссон К.* Андрей: Роман /Перевод со швед. Тула: Ясная Поляна, 2000. С. 101-105, 134, 237-238; *Кторова А.* Его сиятельство “граф” Тимофей Львович Толстой-Базыкин // *Кторова А.* Минувшее; Пращур и правнуки. М.: Минувшее, 2007. С. 260-268.

Глава 10

¹ Д.Ф. Толстая с детьми уже в середине октября 1914 года возвратилась в Петроград. См. об этом выше в примеч. 32 к Главе 8.

² Накануне отъезда из Петрограда Л.Л. Толстой в свой день рождения отправил С.А. Толстой следующее письмо:

«

20 мая <19>15 г<ода
Петроград>

Дорогая мамá,

Всё еще никак не уедем. Заболел Никита ангиной. Заболел Федя желудком. В Правоведении всё еще идут работы.

Я уже писал Вам два письма, благодаря Вас очень, очень. Еще раз делаю то же самое. Слава Богу, настроение мое лучше и я не теряю надежды стать снова человеком.

Тяжело ехать в Швецию. Но куда же деваться? Стыдно ехать, стыдно и нельзя оставаться без дела здесь.

Не умею я и по характеру не могу жить, как другие. Холод. Серо. Дожди. Сижу дома, читаю.

Сегодня обедает у нас Андрюша. Детям получше сегодня, но Никита еще в жару. М<ademoise>lle уехала от нас.

Старики Вестерлунды ждут в Halmbyboda. Крепко целую Вас, милая мамá. Будьте здоровы и пишите мне в Швецию.

Ваш Лев».

— *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14616. Л. 1-2. Автограф.

... В Правоведении все еще идут работы... — ранее, 13 мая 1915 года Л.Л. Толстой жаловался С.А. Толстой: «<...> Все еще держат Палю и Никиту в <Училище> Правовед<ения>, где шьют бинты от удушливых газов для солдат. Все ученики и сам директор работают, но ученики и родители ропщут. Все хотят уехать, а не пускают. <...>»

— *Там же*, № 14615. Л. 1. Автограф.

... Я уже писал Вам два письма... — письма от 5 и 13 мая 1915 года.

³ Сохранилось пять писем Л.Л. Толстого домой из Швеции, которые дают представление о состоянии 46-летнего сына.

I

«

1 июня <ст. стилия 19>15 г<ода
Хальмбюбуда>

Дорогая мамá, доехали мы довольно хорошо и все здесь в Halmbyboda, где собралась вся семья.

Погода плохая. Дождь и холод. Имейте в виду, что Ваши письма будут проходить теперь через цензуру и не пишите того, что может лишить меня возможности получить Ваши письма.

Завтра неделя, как мы приехали, и она прошла очень быстро. Все мы утомлены после этой зимы и потому отдых необходим. Я еще не начал писать; надеюсь <в> эти дни начать. Пока много читал и спал, так как гулять нельзя в эту погоду.

Получаю здесь “Новое Время”.

Вестерлунд едет в горы на 3 недели завтра. Он здоров и бодр по-прежнему и служит мне, как всегда, образчиком человека во многом и многом.

Чувствую себя нравственно лучше, но далеко не хорошо. Природа, конечно, и тишина очень полезны, хотя сознание трудности найти мой путь, если можно и не поздно это сделать, — тяжело по-прежнему.

Надеюсь, что Вы здоровы и Таня скоро вернется к Вам. Целую Вас, милая, и еще <раз> спасибо за помощь. Теперь не знаю, что будет со мной, но не будет уже того, что было.

Ваш Л<ева>».

— *Там же*, № 14617. Л. 1-2. Автограф.

... Ваши письма будут проходить теперь через цензуру... — действительно, на конверте, помимо почтовых штемпелей отправителя и адресата, есть еще один штамп: «Вскрыто военной цензурой». — *Там же*. Л. 3 об.

... Таня скоро вернется к Вам... — в Ясную Поляну Т.Л. Сухотина-Толстая приехала в начале июля 1915 года. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 425.

II

«Милая мамá, получил Ваше очень хорошее письмо и мне стало легче на душе. Во-1-х, Вы так добро пишете, а во-2-х, подробно обо всем. Я все ждал Вашего письма и потому сам не писал, тем более, что все у нас пока слава Богу. Лето прекрасное началось, стало тепло, немножко купаемся в здешнем рöрте и каждый занят своим. Дора успокоилась немного после кошмарной зимы, хотя вид у нее неважный и носит тяжело. Дети старшие увлекаются велосипедами, у всех 4-х есть, даже у Нины; младшие играют в маленьком домике, который выстроен для детей в саду, ходят гулять. Ягод еще никаких нет, первая земляника поспела вчера. Я сплю с Палей и Никитой, рядом две девочки со шведкой, дальше Дора с Таней, которой прививали оспу и она сильно привилась; наверху спит Екат<ерина> Ив<ановна> с Федей и Петей. Народу полон дом и старушке-теще достается. Сестра Доры с мужем тоже здесь и на днях будет ее сын, уже учитель гимназии Эрнст. Сам доктор в горах! Будет на днях, но опять уедет на свою родину лечить там свои ревматизмы морскими горячими ваннами.

Я занимаюсь днем во флигеле, откуда и пишу Вам. Хорошенькая комнатка <с окнами> в сад. Перед окнами целый день поют птицы и целое множество скворешников с семьями, молодые уже вылетели. Пишу много и для себя интересно. Готовлю пьесу. Трудно очень писать в такие времена. Написал отвлеченное сочинение о жизни вообще и много <для> себя выяснил. По вечерам у нас перед сном хорошие разговоры с Палей и Никитой. Они умные мальчики и каждый по-своему умен и способен, только характеры разные. У Никиты есть способность сдерживать мысль и остановиться на чем-нибудь. Паля, как я, более увлекающийся, но зато и более гибкий.

Я стараюсь забыть свою жизнь, ошибки и грехи, но все еще они близко, и нужно время, чтобы их загладить. Печальны, конечно, результаты и в будущем они будут всегда чувствительны. Это самое тяжелое.

Надеюсь, что все же будет лучше во всех случаях, чем было, а если будет лучше, то будет уже терпимо.

Посылаю Вам письмо одной дамы, которая просит послать ей 400 руб<лей>, которые я должен ее знакомому. Он просит меня в письме отдать деньги этой даме. Это тот долг, о котором я писал Вам, в 500 рублей и который я не знал, как отдать, так как этот господин был на войне. Сто рублей я отдал ему тем, что заплатил один его долг, о чем он меня просил. Осталось 400 р<ублей>. Не имея сейчас ни копейки, я ответил даме, что, к сожалению, сейчас отдать ей долга не могу. Может быть, Вы могли бы послать ей от моего имени хоть 200 рублей? Остальные я отдам ей зимой, и это будет мой последний долг. Если не можете, оставьте это дело, как есть, и n'en parlons plus... Не хотел даже писать об этом, но этот Сперанский бедный человек и стыдно перед ним. Эти деньги я взял у него в Москве прошлой зимой взаймы, в разгар моих увлечений.

Здесь относятся к России хорошо и народ слишком передовой, чтобы желать войны. Целую Вас и Таню, и Танечку, если они с Вами.

Лева».

— *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14618. Л. 12 об. Автограф. По почтовому штемпелю отправителя письмо датируется началом июля по новому стилю: «Uppsala 6.VII.15». — *Там же*. Л. 3.

...получил Ваше очень хорошее письмо... — письмо не сохранилось.

...röрте... — (финская) курная изба (*швед.*).

...носит тяжело... — 2 ноября 1915 года родилась дочь Дарья.

...у всех 4-х... — т.е., у Павла, Никиты, Петра и Нины.

...две девочки... — Нина и Соня.

...Екат<ерина> Ив<ановна>... — няня младших сыновей Толстых.

...Эрнст Сельмер — племянник Д.Ф. Толстой (см. о нем выше в примеч. 9 к Главе 15 Книги I).

...письмо одной дамы... — письмо не сохранилось.

...n'en parlons plus... — и не будем больше говорить об этом (*фр.*).

...этот Сперанский бедный человек... — возможно, речь идет о служащем Московской городской сберегательной кассы Сергее Михайловиче Сперанском. — См.: *Вся Москва...* на 1915 год... Ч. III. С. 477.

III

«

Halmbyboda

15 июля <ст. стиля 19>15 г<ода>

Дорогая мамá, получил сегодня Ваше письмо, где Вы пишете, что получили только одно мое письмо. А я <отправил> три, это четвертое. Надеюсь, это дойдет скорее. Хорошо, что у Вас опять Таня с Танюшей и Miss Welsh, хорошо, что вы здоровы и купаетесь. Здесь последнее время большие дожди и портят чудные <стога?> сена и прибывают рожь. Пшеница еще держится, тоже прекрасная. Все здоровы и в сборе. Я много писал и кончил пьесу, которой доволен. Мальчики старшие интересуются здешним большим и образцовым хозяйством. Бывают и на плужной пахоте и на покосе, машинами, конечно, и лучшими маккормиками из Америки. Хозяева-старики очень милы, как всегда, но я их еще больше стал ценить.

Дора лечит зубы в Упсале и постоянно туда ездит к дантисту, несмотря на свое положение, что довольно скучно и ей, главное, тяжело.

Сегодня только сильный ветер разгоняет тучи, которые все это время покрывали солнце. Ежедневно <получаем> газеты и, конечно, “Новое Время”. Читаем. Война для меня освещается теперь ярче, но я ничего не писал в газеты за все <это> время.

Маленькая Татьяна Львовна подросла. У нее пара зубов и иногда она приходит в восторг и тогда обеими ручонками машет изо всех сил и лицо ее сияет. Кормят ее на убой, так что она представляет из себя кусочек круглого мяса и жира.

Федя все также обожает свою Калю и кланяется, старательно шаркая ножкой.

Соня, Нина и Петя неразлучно играют вместе и теперь пошли белые грибы и ягоды, так что удовольствий, сколько угодно.

Вот Вам наша жизнь здесь. Я успокоился немного, но мало поздоровел и мало жил душой. Пьеса была мне облегчением, и это крик души. Может быть, она и будет замечена. Мечтаю ее перевести на английский язык и ехать с ней после войны в англо-саксонские страны. На днях хочу на один день съездить в Стокгольм и повидать русского посла. Целую Вас, Таню и Танечку. Поклон Антонине Тихоновне и Miss Welsh.

Хотел бы я быть честным, чистым,
Хотел бы блага всем желать,
Хотел бы взглядом я лучистым
Друзей и недругов встречать.

Хотел бы волею отменной
И правом мощным обладать,
Хотел бы радости бессменной
В душе мир счастья создать.

Лева».

— **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14619. Л. 1-2 об. Автограф. На обороте конверта, помимо почтовых штемпелей отправителя и адресата, штамп: «вскрыто военной цензурой».

— **Там же**. Л. 3 об.

...получил сегодня Ваше письмо... — письмо не сохранилось.

...я отправил три... — вероятно, одно из писем не сохранилось или не было пропущено военной цензурой.

...лучшими маккормиками из Америки... — речь идет о механических жатках, изобретенных Сайрусом Холлом Маккормиком (McCormick; 1809-1884) и усовершенствованных его братом Линдером Джеймсом Маккормиком (McCormick; 1819-1900). — См.: *The Encyclopedia Americana*... Vol. 18. P. 28-29.

... Война для меня освещается теперь ярче... — в газетах ежедневно публиковались сведения о продвижении германских войск на фронтах и о больших потерях русской армии.

...свою Калю... — дети были очень привязаны к своей шведской няне.

... Пьеса была мне облегчением... — в архиве Л.Л. Толстого сохранились разрозненные отрывки нескольких пьес, жанр которых можно назвать исповедальным. Точно установить время их создания не представляется возможным. Одной из них автор дал название «Дом сумасшедших». Она задумана была в 4-х действиях и в ней обсуждалась проблема развода в семье Звягиных. В финале пьесы упоминалось о том, что Германия объявила войну России. Возможно, что это и есть та драма, над которой Л.Л. Толстой работал летом 1915 года в Швеции. — **ИРЛИ**, ф. 303, № 90.

...повидать русского посла... — чрезвычайным посланником в Стокгольме был действительный статский советник Анатолий Васильевич Неклюдов (1856-1943). — См.: **Список высшим чинам государственного, губернского и епархиального управлений**: Исправленный по 1 июня 1915 года. Пг., 1915. С. 117.

... Поклон Антонине Тихоновне... — речь идет об А.Т. Кудрявцевой. См. о ней выше.

...Miss Welsh... — англичанка Анна Лукинична Вельш давала уроки музыки С.А. Толстой и ее младшей дочери Саше, а потом перешла в дом Сухотиных, где оставалась вплоть до конца 1919 года воспитательницей Тани Сухотиной.

... Хотел бы я быть честным, чистым... — в опубликованном тексте стихотворения появилась третья, заключительная строфа:

«... Чтоб средь покоя и волнения
Свой долг пред Богом не забыть,
Чтоб жить и мыслить без сомнения
И мудрости покорным быть».

— См.: **Весь мир**. Пг., октябрь 1915 года, № 44. С. 16.

IV

«

<31 июля ст. стиля 1915 года
Halmbyboda>

Спасибо за письмо, милая, дорогая мамá. Оно от 21-го июля, сегодня 31-ое по нашему стилю. Через месяц думаем ехать назад в Петроград, если позволят обстоятельства. Все здоровы. Я много пишу, сижу здесь безвыездно с самого приезда.

Писал Вам несколько раз и вижу, что Вы некоторых писем моих не получили. Я все подробно описывал. Были дожди. Попортили <стога> сена. Теперь начали убирать рожь, которая вся лежит. Без писем от Вас скучаю и всегда рад им очень. Все-таки знаешь, где кто и как что в общем. Здоровье мое средне. Тоже нет энергии и сил и не знаю, откуда и как их добыть. Много писал, а теперь реакция и в этом.

Ходим по грибы со всей компанией детей. Много белых и рыжиков.купаемся. Устроил в рörte маленький бассейн с полом, так что детям отлично. Много черешен и всяких

ягод теперь. Старики живут по-прежнему. Сельмеры скоро уезжают в Христианию. Нового у нас, слава Богу, ничего, ни дурного, ни особенно хорошего. Деньги за лес пусть Андрюша, пока мы не приедем, сохранит у себя или в банке на своем же счету.

Целую Вас и Тань.

Лева».

— **ОР ГМТ.** Архив С.А. Толстой, № 14620. Л. 1-1 об. Автограф. На обороте конверта, помимо почтовых штемпелей отправителя и адресата, штамп: «Вскрыто военной цензурой».

— *Там же.* Л. 2 об.

...письмо...от 21-го июля... — письмо не сохранилось.

... Тоже нет энергии... — вероятно, С.А. Толстая жаловалась сыну на потерю жизненных сил. Ср. запись в ее дневнике за 19 июля 1915 года: «Интерес ко всему и к жизни быстро слабеет». — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 426.

...rörte... — см. выше примеч. к II-му письму.

...Сельмеры... — семья старшей сестры Д.Ф. Толстой.

...в Христиании... — так до 1925 года называлась столица Норвегии Осло.

... Деньги за лес... — см. выше примеч. 32 к Главе 8.

V

«<Середина августа ст. стилия 1915 года
Хальмбюбуда>

Дорогая мамá, поздравляю Вас с днем Вашего рождения. Это письмо немного запоздает, так что Вы простите за это, но такое уже время.

Мы еще не решили, когда поедem в Петроград. Верно, скоро. Теперь мы остались здесь одни. Старики уехали в Enköping.

Погода холодная. Все здоровы и каждый занят своим <делом>. Давно нет от Вас писем и это беспокоит. С нежностью думаю о Вас часто. Крепко целую и кланяюсь тем, кто с Вами.

Ваш Лева».

— **ОР ГМТ.** Архив С.А. Толстой, № 14621. Л. 1. Автограф. Датируется условно по содержанию и на основании почтового штемпеля отправителя на конверте: «Uppsala 1.9.15». Кроме этого, есть и штамп петроградской военной цензуры. — *Там же.* Л. 3-3 об.

...с днем рождения... — 22 августа 1915 года, в свой день рождения, С.А. Толстая записала в ежедневнике: «Сегодня мне минуло 71 год, и не верится, что я так стара. Провела весь день совсем одиноко, если не считать Нину и ее бесконечную родню, посетившую ее. Никуда не ходила, весь день перечитывала письма дочери Тани ко мне. ...» — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 426.

...немного запоздает... — возможно, поздравительное письмо отправили с опозданием потому, что старшие дети захотели тоже поздравить бабушку; к ним присоединилась Д.Ф. Толстая, написавшая несколько теплых строк и от себя, и от имени трехлетнего Феди и годовалой Танечки. — **ОР ГМТ.** Архив С.А. Толстой, № 14621. Л. 2-2 об. Автографы.

⁴ 10 сентября 1915 года Л.Л. Толстой с двумя старшими сыновьями возвратился в Петроград. Другая часть семьи осталась в шведском имении Вестерлундов. — *Там же.* № 14622. Л. 1 об.

После возвращения Д.Ф. Толстой с новорожденной Дашей и остальными детьми в Петроград, Л.Л. Толстой решил уйти из семьи. 22 декабря 1915 года он был уже в Ясной Поляне. В ежедневнике С.А. Толстой в этот день появилась запись, которая объясняет причины такого поворота событий: «Рано утром приехал сын Лева. Сам себя бичует за игру и беспорядочную жизнь. От этого не легче! А сколько в нем хороших задатков! ...» — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 430.

См. также запись старшей сестры Л.Л. Толстого от 6 марта 1916 года: «... Грустно у нас в Ясной Поляне... Лева уехал от семьи. Говорит, что насовсем. Дора, по его словам, ему чужая. А она, бедная, любит его. ... А ему, как он говорит, каждый человек в клубе ближе, чем она. Какой трагизм! ...» — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 479.

⁵ О состоянии Л.Л. Толстого в такие моменты можно судить на основании записи С.А. Толстой от 14 августа 1916 года: «На Леву напала тревога и желанье ездить, и он уехал в Таптыково. И жаль его, и страшна его неуравновешенность. ...» — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 437.

⁶ Гостиница «Петербургская» на 20 номеров на Посольской улице считалась одной из самых больших гостиниц в Туле. — См.: *Памятная книжка Тульской губернии на 1910 год...* Отд. III. С. 82.

⁷ Речь идет об одной из разновидностей старинной европейской азартной карточной игры. В России ее периодически запрещали именно из-за азартности. — См.: *Словарь современного русского литературного языка...* Т. 4. Стб. 57; *Гиляровский В.А.* Москва и москвичи. Иркутск, 1986. С. 207.

В ней разыгрывались самые большие деньги. Кроме того, благодаря аристократическому происхождению, игра сохранила свой особый ритуал, чопорность и манерность, которые так импонируют настоящим игрокам. Игра требует хладнокровия и сосредоточенности, то есть тех качеств, которыми Л.Л. Толстой не обладал. — См.: *Шевцов В.В.* Карточная игра в России... С. 226-227.

⁸ Близнецы Александра и Владимир Михайловичи Толстые родились 11 декабря 1905 года.

⁹ Дофинé (Dauphiné) — историческая область на юго-востоке Франции.

¹⁰ Французский живописец барон Антуан-Жан Гро (Gros; 1771-1835) был портретистом императорской семьи и мастером исторических полотен. — См.: *Prendergast Ch.* Napoleon and history painting: Antoine-Jean Gros's "La bataille d'Eylau". Lnd., 1997 (http://www2.culture.gouv.fr/LH/LH083/PG/FRDAFAN83_OL1206051V002.htm); (<https://rkd.nl/en/explore/artists/34217>).

Мастерство А.-Ж. Гро в изображении ярости битвы покорило Эжена Делакруа (Delacroix; 1798-1893). — См.: *Делакруа Э.* Письма / [Пер. с фр.]. СПб.: Азбука, 2001. С. 248, 698; *Делакруа Э.* Дневник / Перевод *Т.М. Пахомовой*; Редакция и предисл. *М.В. Алпатова*. М.: Искусство, 1950 (указ.).

¹¹ Достоверных сведений о Мадлен Гро найти не удалось. Встреча с ней, по всей видимости, произошла в начале сентября 1916 года. Незадолго до этого А.В. Толстая в конце августа 1916 года отправила С.А. Толстой из своего имения Чифировка следующее письмо:

«Милая Мама<,>
напишите мне<,> пожалуйста<,> не будет ли Вам неудобно, если трое, а м<ожет> б<ыть> двое из моих детей с французенкой приедут к Вам в Ясную в начале сент<ября> на неделю или 10 дней, — дети Володя<,> Саша и Петя, а м<ожет> б<ыть> только Саша и Петя. Франц<уженка> М^{lle} очень милая<,> она у нас уже год<,> дети ее очень любят. Их можно поместить всех <в комнату> под своды, если там не сыро<,> или м<ожет> б<ыть> Таня поместит у себя <во флигеле> двоих. Им очень хочется побывать в Ясной и мне это будет очень удобно, т<а>к к<а>к перевозить всех сразу в Москву невысказимо. Мест в поездах нет и я буду перевозить детей частями через Тулу.

<Володя> говорит, что ему очень хочется в Ясную<...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 12360. Л. 1-2. Автограф. Судя по почтовому штемпелю адресата, письмо получено в Ясной Поляне не ранее 1 сентября 1916 года. — *Там же*. Л. 3 об.

...*Петя*... — Петр Михайлович Толстой, младший брат А.М. и В.М. Толстых, родился 15 октября 1907 года.

...*Таня*... — Т.Л. Сухотина-Толстая.

Из Ясной Поляны дети уехали в конце сентября 1916 года. 21 сентября 1916 года А.В. Толстая написала С.А. Толстой о том, что ремонт в их московской квартире завершается. «<...> Как только все устроится, приеду за детьми. <...>» — *Там же*, № 12361. Л. 1 об. Автограф.

См. также: *Толстой С.М.* Древо жизни... С. 296-297, 383.

¹² В памяти Л.Л. Толстого *два отъезда* из Ясной Поляны слились в одно. На самом деле события развивались так. В первый раз Л.Л. Толстой покинул Ясную Поляну в середине октября 1916 года. В одном из писем 16 октября 1916 года С.А. Толстая объясняла ситуацию так: «... Лева прожил в Ясной Поляне 11 месяцев, с ним мы ездили только хоронить Андрюшу, а семью свою он на это время оставил. Теперь он уехал в Москву, и разлука с ним мне была очень тяжела. Задумал он тоже ехать читать лекции на английском языке в Китай, Японию, Индию, лекции об отце и лекцию об отвлеченных, философских вопросах человеческой жизни. Боюсь, что это не будет иметь успеха; но удержать его было бы совершенно невозможно; он несчастлив, потерял смысл жизни, нарушил отношение к семье и бежит... Но бежит сам от себя, а это невозможно; от себя не убежишь.

Жить с ним было очень приятно: у него прекрасный характер; он много играл, читал, иногда нам вслух, писал, гулял и ездил верхом на Делире. Скуки не показывал, а, видимо, страдал. ...» — Цит. по кн.: *Толстой И.* Свет Ясной Поляны. М.: Молодая гвардия, 1986. С. 264.

...*Делир*... — любимая лошадь Л.Н. Толстого.

19 октября 1916 года С.А. Толстая для себя уточнила: «Уехал Лева в Москву, и без него стало грустно и пусто, хотя он своим настроением измучил мое сердце». — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 438.

Из Москвы Л.Л. Толстой отправил в Ясную Поляну две почтовых карточки. Обычно такой откровенный в переписке с матерью, он был на этот раз весьма лаконичен. Из обоих коротких писем складывается впечатление, что Л.Л. Толстой что-то не договаривает.

I

«Милая мамá, я остановился в гостинице “Пассаж”, Тверская, угол Долгоруковского <переулка>. Пишу из комнаты Булгакова в Музее. Доехал хорошо. Пока ничего определенно нового нет. Еще не видал тех, кого хотел. Останусь до будущей недели. Целую вас всех.

Л<ева>.

21 окт<ября> 19<16> г<ода>.

Москва». — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14626. Л. 1. Автограф.

...из комнаты Булгакова в Музее... — с марта 1916 года В.Ф. Булгаков работал в Толстовском музее в должности помощника хранителя. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 433, 586.

II

«

25 октября 1916 года

Москва

Милая мамá, вероятно, мне придется здесь задержаться по делам. У меня прекрасная комната, сравнительно не дорого, в гостинице “Пассаж” (Тверская) и я чувствую себя сносно.

Илья едет в Америку. Вчера обедал с ним. Кое-кого выдаю, конечно. Чудная погода. Попросите Таню, если не будет до ее отъезда сюда отмены этой просьбы, привезти сюда с собой мои письма. От кого что есть? Надеюсь, что Вы здоровы. Целую и до свидания. Варю милую обнимаю, Тань обеих и Душана. В Музее был. Булгаков много сделал.

Лева».

— **ОРГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14627. Л. 1 об. Автограф.

... *Илья едет в Америку...* — И.Л. Толстой уехал в Америку читать лекции об отце. — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 440.

... *Попросите Таню ... привезти сюда с собой мои письма...* — вероятно, речь идет о письмах, пришедших в Ясную Поляну на имя Л.Л. Толстого. Он знал, что Т.Л. Сухотина-Толстая в первых числах ноября должна была приехать в Москву для подготовки музыкального вечера в память Л.Н. Толстого, который состоялся 7 ноября 1916 года в Политехническом музее. Однако Л.Л. Толстой вернулся в Ясную Поляну раньше. — **Там же**. С. 439, 589.

... *Варю...* — В.В. Нагорнову. См. о ней выше в примеч. 15 к Главе 5 Книги I.

... *Тань обеих...* — Т.Л. Сухотину-Толстую и Т.М. Сухотину.

... *Душана...* — Д.П. Маковицкого.

Однако вскоре Л.Л. Толстой был уже в Ясной Поляне. Запись в ежедневнике С.А. Толстой от 3 ноября 1916 года позволяет предположить, что в Москве Л.Л. Толстой встретился с Мадлен и окончательно договорился с ней вместе покинуть Россию: «Вернулся Лева с новыми планами ехать в Китай и Индию читать лекции. Меня это очень пугает и огорчает. С той же целью уехал Илья в Америку. Много еще мне горя впереди, если не скоро умру. ...» — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 439.

Через неделю, 10 ноября 1916 года она сокрушалась: «Тоскливо приближается отъезд сына Левы, и очень тяжело. 11 месяцев прожил со мной. Что делать! ...» — **Там же**.

На следующий день, 11 ноября 1916 года, проводив сына, С.А. Толстая призналась: «Невыносимо тяжело пережила я сегодня отъезд и разлуку с Левою. Он так много вносил в нашу жизнь и мысли, и музыки, и нежного, доброго отношения. Какой на все талантливый и какой хороший нрав! А несчастлив и неуравновешен. ...» — **Там же**. С. 440.

Итак, *11 ноября 1916 года Л.Л. Толстой уехал из Ясной Поляны и более не возвращался в родной дом.*

¹³ Неделя, проведенная Л.Л. Толстым в Москве в начале декабря 1916 года (см. об этом ниже), сопровождалась посещением клубов и игрой. 17 февраля 1917 года С.А. Толстая записала в ежедневнике: «Очень расстроил меня рассказ Тани об проигрыше в Москве перед отъездом в Японию Левы. Ужасно. Новый камень на сердце». — **Там же**. С. 442.

¹⁴ Т.Е. Базыкин. См. о нем выше примеч. 18 к Главе 9.

¹⁵ До отъезда за границу Л.Л. Толстой в ноябре-декабре 1916 года отправил в Ясную Поляну матери еще несколько писем, позволяющих уточнить маршрут путешествия и настроение пишущего.

I

«

16 ноября <19>16 г<ода>

Москва

Дорогая, милая мамаша,

У меня дела находятся в нерешительном еще положении. Во всяком случае, до отъезда далеко. Трудно будет с деньгами. Почти нет возможности их перевести в Китай или Японию.

Там не знают, как отделаться от русских рублей, а китайских и японских денег здесь нет. Может быть, в Петрограде это устроится легче.

Во-2-х, вопрос лекций на тему мира. Говорят, что это не <во>время. В 3-ьих, паспорт. В-4-х, вторая лекция об отце требует времени, — надо приготовить световые картины для фонаря, а на это тоже нужно время. В-5-х, выдернул я себе передний зуб и стало очень неловко во рту, а <чтобы> вставить, нужно больше недели.

Все это и еще другие мелочи меня задерживают пока в Москве. Живу скромно, занимаюсь и раздумываю. Сегодня решу, ехать ли и когда приблизительно в Петроград. Но и это не легко за отсутствием билетов.

Видел Таню много раз, а <также> Мишу, Лину и детей. Как-то Вы с Варей? Что Душан? Я встретил в вегетарианской столовой его племянника. Очень он бледен лицом.

Купил себе книг и материалов, многое разузнал. Пока ничего нового нет и потому обнимаю Вас и Варюшу. Кто знает, может быть, придется вернуться в Ясную, хотя это и не легко. На все же судьба, в которую я верю. В Ясной, конечно, мне только слишком хорошо и потому я в ней не усидываюсь. Поклон всем.

Лева».

— **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14628. Л. 1-2. Автограф.

...вторая лекция об отце... — в очерках, опубликованных сразу же по возвращении в Россию из этого путешествия, Л.Л. Толстой назвал темы обеих лекций: «О жизни и учении Л.Н. Толстого» и «Проблемы всеобщего мира». — См.: **Толстой Л.Л.** Вокруг света во время войны и революции (С декабря 1916 года по август 1918 года) // **Весточка**: Периодический листок ВНЕ политики /Редактор-издатель Л.Л. Толстой. Пг., 24 августа 1918 года, № 1. С. 4.

...световые картины для фонаря... — т.е., иллюстрации, которые можно показывать с помощью проекционного фонаря. См. его устройство в изд.: **Энциклопедический словарь...** Т. XXXVI. С. 221-229.

...его племянника... — у Д.П. Маковицкого было несколько племянников: Владимир (1891-1918), Душан (1894-1978) и Здено Маковицкие. Кого из них встретил Л.Л. Толстой в Москве, установить не удалось. В то же время известно, что Здено Осипович Маковицкий в начале февраля 1917 года приезжал в Ясную Поляну, а летом там был и Душан Владимирович. — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 442, 447.

II

«Сейчас еду в Петербург, надо неделю приблизительно. Об отъезде еще не решил окончательно. Здоров, хотя немного покашливаю. Напишу подробнее позднее.

Целую всех.

Лева.

24 ноября <19>16 <года>.

Москва». — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14629. Л. 1 об. Автограф.

Л.Л. Толстой задержался в Петрограде из-за болезни детей. Он писал С.А. Толстой:

«Никита слаб, сегодня 39,8<°>. Было больше 40<°> все время. Брюшной тиф. На днях кризис будет. Болезнь идет нормально. Я у Языковых. Сборы продолжаю. Когда все выяснится — не знаю. Целую Вас.

Л<ева>.

29 н<оября> 1916 <года>

Петроград». — **Там же**, № 14630. Л. 1 об. Автограф.

... Я у Языковых... — в этот приезд — впервые после ухода из семьи — Л.Л. Толстой остановился не в доме на Таврической, где была опасность подхватить брюшной тиф, а в доме Языковых в Эртелевом переулке, 9. — См.: **Весь Петроград...** на 1916 год... Отд. III. С. 792; Отд. IV. Стб. 439. О **В.А. Языкове** см. выше примеч. 10 к Главе 9.

Через несколько дней Л.Л. Толстой отправил в Ясную Поляну еще несколько строк:

«

3 дек<абря 19>16 г<ода
Петроград>

У Никиты как будто начинается кризис. Пот и 38 с чем-то <градусов>. Слаб, но никаких осложнений. Мой отъезд готовится. Напишу, когда определится. Множество дела. Целую всех.

Лева».

— **ОР ГМТ.** Архив С.А. Толстой, № 14631. Л. 1 об. Автограф.

Вскоре Л.Л. Толстой покинул Петроград и, *не заезжая в Ясную Поляну*, отправился в кругосветное путешествие.

12 декабря 1916 года условно можно назвать днем отъезда Л.Л. Толстого из Москвы на Дальний Восток. Сохранилось его письмо матери, написанное в дороге карандашом.

«

18 дек<абря 19>16 г<ода>

Пишу из поезда, дорогая мамá, подъезжая к Красноярску. Завтра неделя, как выехал из Москвы. Привыкаю жить в вагоне и не считать времени. До Владивостока еще неделя. Поезда переполнены. Морозы до 40°, но зато всего много и все дешево в просторной могучей Сибири. Она мне очень нравится.

Из всех моих внутренних ран Ваша болезнь меня все острее гнетет. Надеюсь, что Вам лучше и нездоровье было по случайным причинам. Очень тревожит и состояние Никиты, хотя я верю в его выздоровление.

Еду один в<о> II классе почтового поезда. Здоров, но утомляюсь. Тогда заваливаюсь спать. Надеюсь на успех, а там, что Бог даст. Не беспокойтесь обо мне. Даль не страшна. Страшна близость, такая, как русская.

Удивительны сибирские реки, леса и степи, прекрасно яркое солнце и звезды, хороши и простые сильные люди. Восток поможет мне. Я в это верю.

Буду писать, вероятно, в <“>Новое Время<”>. Все, что хотел, удалось провести пока через Петроград.

Не пишу пока о душевных делах. Слишком сложно.

Все пройдет и все к лучшему. Пусть будет, что будет. Судьба моя особенная и сам я особенный, <отличный> от других. Плох очень, но чтобы сделаться хорошим, очень надо сделать<ся> прежде дурным очень. Коли это суждено, то это и будет. Целую Вас, милая, <и> остальных из своих. Простите и до свидания.

Лева».

— **Там же,** № 14632. Л. 1-2 об. Автограф.

Через несколько дней, добравшись до Иркутска, Л.Л. Толстой писал в Ясную Поляну:

«Еду и никак не доеду даже до Владивостока. Еще неделя от Иркутска. Много хорошего и интересного по пути и в людях и в чудесной природе.

Ваш Лева».

— **Там же,** № 14657. Л. 1. Автограф. На основании почтового штемпеля письмо можно датировать 21 декабря 1916 года. — **Там же.** Л. 1 об.

Через полтора года, в голодном Петербурге Л.Л. Толстой вспоминал об этом путешествии так: «...Скажу несколько слов о первых сибирских впечатлениях. За Уралом сразу чувствуется новая молодая страна довольства и простора. Изобилие и дешевизна на станциях. Груды жирной пищи на столах буфетов, чудный хлеб, свежая дичь, жирное молоко, масло, рыба. Не знаю, потому ли, что мы ехали на восток, навстречу солнцу (я скажу позднее о моей теории “движения на Восток”, когда выгадываешь солнечного света и целые дни жизни), или потому, что мы попадали из смутной России в богатую Сибирь, но настроение пассажиров нашего поезда было повышенное и радостное, и чем дальше мы подвигались, тем настроение улучшалось. Глядя из окна вагона на бесконечные, уже покрытые снегом, сибирские степи, я жалел, что не попал в эту сказочную страну раньше, смолоду. Особенно возбуждает и поднимает дух этот простор и эта всяческая широта жизни. А воздух, напоенный озоном! Вдыхая его, чувствуешь, как он сразу бодрит и укрепляет и

сулит здоровье и жизнь. Бесконечные пространства, по которым иногда тянутся бесконечные обозы с хлебом, бездонные богатства почвы, безграничные дебри вековых лесов (тайга), неисчислимы возможности для жизни человека в этом удивительном, еще только начинающем заселяться европейцами громаднейшем крае. А вот и сибирские молодые города. Большие деревни на русский образец. Дымки поднимаются прямыми белыми столбиками к небу из труб деревянных небольших домов и стоят точно неподвижно в морозном воздухе. Фабрик почти нет. Промышленность в зачатке. Челябинск, Ново-Николаевск, Омск. Это города степной полосы, которые разовьются и развиваются быстро. Большую будущность имеет Ново-Николаевск, сделавшийся в 6-7 лет из села большим торговым центром. Его рост чисто американский, а будет, вероятно, еще более значительным после войны.

От Омска до Иркутска — тайга. Боже мой, какие пространства! В Европе город от города в часе-двух расстояния, а в России в 12[-ти] или 24[-х] часах. В Сибири во многих днях, иногда неделях. И надо привыкать к этому и жить в поезде, как дома, чтобы отсчитывать дни. ...

Все есть, чего только душа просит, но людей мало; промышленность в зачатке. Возьмите хоть такой пример. Подле Иркутска поезд идет десятки верст по черной земле. Это залежи каменного угля на поверхности. Тут же, сравнительно недалеко, на Байкальском озере есть остров, на котором железной руды столько, что ее можно ломать прямо с берегов острова на баржи, как в Пенсильвании. Значит, все есть тут для развития железной промышленности, а вместе с тем в Сибири еще нет своего гвоздя.

То же со всем остальным.

В Иркутске был холод до 40 градусов и нужно было закрывать щеки, рот и уши, чтобы не отморозить, проезжая от станции в город. Ангара стояла замороженной, в городе было пустынно и мертво. Только молодые люди поразили меня своим ростом, здоровым видом, своей спокойной и достойной осанкой. Сибирь дает иного человека, чем Россия. В этом новом русском есть многие качества, которых у нас нет. Его вскармливает и выращивает другая, более девственная и сильная природа, чем русско-европейская. ...». — См.: **Толстой Л.Л.** Вокруг света во время войны и революции... // **Весточка**... Пг., 26 августа 1918 года, № 2. С. 4; 27 августа 1918 года, № 3. С. 4.

¹⁶ Л.Л. Толстой не вполне точен: *пансион при французском институте* — женском учебном заведении I-го разряда с курсом правительственных гимназий — находился в Петрограде на Невском проспекте, 88. — См.: **Весь Петроград** ... на 1916 год... Отд. II. Стб. 556-558.

В Москве же в доме французского правительства в Милютинском переулке, 9 располагался *французский центр с курсом гимназий Министерства просвещения и детским приютом*. — См.: **Вся Москва**... на 1916 год. Отд. I. Стб. 104

Женская французская гимназия при церкви Св. Людовика также находилась не на Петровке, а на Малой Лубянке, 12. — **Там же**. Отд. I. Стб. 437.

Если же память не подвела Л.Л. Толстого, то он мог найти Мадлен в доходном доме страхового общества «Якорь» (Петровка, 15), в одной из квартир которого (№ 41) расположилось Французское общество взаимного вспомоществования. Другую часть здания, с выходом в Столешников переулочек, 9, занимала гостиница «Марсель». *Возможно, в одном из ее номеров и жила в это время Мадлен Гро*. — **Там же**. Отд. I. Стб. 913; Отд. II. Стб. 131; Отд. IV. Стб. 392, 528.

¹⁷ Л.Л. Толстой не вполне точен: его отъезд в Японию состоялся *лишь в начале января 1917 года*. Накануне отплытия Л.Л. Толстой отправил в Ясную Поляну последнее письмо:

«

<6 января 1917 года
Владивосток>

Дорогая мамá, завтра, 7-го янв<аря> только уезжаю в Японию. Задержался здесь по разным обстоятельствам. То не было парохода, то бури мешали. Напишу из Токио. Здоров. Климат мне подходит. Надеюсь, что все здоровы. В Японии, вероятно, будут вести. Кое-что работал. Много интересных впечатлений. Прочтете в <“>Нов<ом> Времени<”> о Сибири.

Целую.

Л<ева>».

— *ОРГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14633. Л. 1 об. Автограф.

... Прочтете в <“>Нов<ом> Времени<”> о Сибири... — статей Л.Л. Толстого в «Новом времени» в 1917 году не было.

А через год в цикле очерков появился фрагмент, касающийся Владивостока: «Проехав Ман[ь]чжурию, где уже пошел в ужасающей массе китаец, не останавливаясь в Харбине, о котором много рассказывали, как о деловом бойком городе, я доехал до Владивостока, этого еще дальше заброшенного от нас последнего на краю русской земли странного города. В нем почувствовалась уже во всей полноте слабость современной России, ее страшная растерянность, ее какая-то оторванность от остального мира. Я ожидал найти во Владивостоке оживленную торговлю и пароходство, такое же население. Ничего этого не оказалось, все казалось полумертвым. В порту лежало до 20 миллионов неотправленного груза, товарных поездов со станции внутрь России почему-то совсем не было[,] и дельцы, приехавшие сюда, проклинали жизнь и порядки. Я был рад, когда пароход Добровольного флота, наконец, вывез меня из Золотого Рога по направлению к Цуруге, западному японскому городу.

Оглядываясь с парохода назад, на Сибирь и Россию, я думал, какую все-таки громадную работу выполнил русский народ постройкой сибирской железной ленты, связывающей Дальний Восток с Европой. Какую еще более огромную работу он выполнил, заселив своими поселенцами сибирские земли и таким образом навсегда сделал их русскими. Я думал, что этой второй — вековой работой [—] русский народ создал себе непоколебимую почву под ногами для бесконечного своего развития. Трудно быть пророком, но хочется думать, что Россия, благодаря своему положению, в ближайшие века сыграет на земном шаре первенствующую роль.

Плохо у нас, еще хуже было во всех отношениях тогда, но я все-таки утешался этими мыслями, как утешаюсь до сих пор. ...» — См.: *Толстой Л.Л.* Вокруг света во время войны и революции... // *Весточка*... Пг., 27 августа 1918 года, № 3. С. 4.

¹⁸ Цуруга — порт в Японском море на острове Хонсю. «После благополучного морского путешествия, мы рано утром пристали к Цуруге. Первое впечатление:

[—] Какая тишина и какая красота! Точно театральная декорация — этот снег на горах и эта зелень внизу у моря, и эта изумрудная вода залива. Прелесть. А вот народ в его костюмах, вот и японские деревни и рисовые поля.

Все чисто, изящно, разумно. ...» — *Там же*.

¹⁹ Приезд Л.Л. Толстого стал заметным событием для членов Толстовского общества Японии. В издаваемом ими журнале «Исследование Л.Н. Толстого» появилось несколько статей о сыне великого писателя. См. ниже раздел *Приложение*.

²⁰ Иитиро Токутоми (псевд. Сохо; 1863-1957) — известный историк, публицист и общественный деятель; глава издательства, газеты «Кокумин-симбун» и журнала «Кокумин-Но-Томо» («Друг народа»); посетитель и адресат Л.Н. Толстого; автор очерков о нем. Именно с Иитиро Токутоми встречался Л.Л. Толстой в Ясной Поляне 26 сентября 1896 года. — *ПСС*. Т. 53. С. 108, 454-455. См. также: *Шифман А.И.* Лев Толстой и Восток. 2-е изд.,

перераб и доп. М.: Наука, 1971. С. 232-234; *Само Ю.* Токутоми Сохо // *Лев Толстой и его современники*... Вып. 3. С. 557-559.

²¹ Кэндзи Токутоми (псевд. Рока; 1868-1927) — младший брат Иитиро Токутоми; писатель; в молодости принял христианство; увлекся идеями Л.Н. Толстого; в июне 1906 года провел пять дней в Ясной Поляне, когда там находился и Л.Л. Толстой. — *ПСС*. Т. 55. С. 426.

В книге воспоминаний и эссе «Новая весна» Токутоми Рока подробно рассказал о встречах с Л.Л. Толстым в 1906 и 1917 годах. — См. об этом: *Громковская Л.Л.* Токутоми Рока: Отшельник из Касуя. М.: Наука, 1983. С. 167-172. См. также: *Шифман А.И.* Японский паломник: воспоминания Токутоми Рока // *Толстой и зарубежный мир*... Кн. 2. С. 167-170; *Токутоми Рока.* Пять дней в Ясной Поляне / Публикация *А.И. Шифмана* // *Там же*. С. 170-204; *Громковская Л.Л.* Лев Толстой и Токутоми Рока (К проблеме лит. влияния) // *Лев Толстой и литературы Востока*. М.: Наследие, 2000. С. 57-70; *Само Ю.* Токутоми Рока // *Лев Толстой и его современники*... [Вып. 2]. С. 498-499; *Bartlett R.* Tolstoy: A Russian life. N.Y.; Boston, 2011. P. 403-404.

Л.Н. Толстой, Кэндзи Токутоми и А.Л. Толстая в Ясной Поляне.

(фотография *С.А. Толстой*)

²² Кэндзи Токутоми еще раньше под влиянием идей Толстого поселился в деревне и жил крестьянским трудом. — См.: *Маковицкий Д.П.* У Толстого... Кн. 2. С. 168, 629.

Общение с ним было для Л.Л. Толстого важным событием, о котором он счел необходимым рассказать в одном из очерков.

«... Однажды в Токио я получил загадочное письмо от Тукотоми. Это — японский писатель, друг Льва Николаевича, бывший когда-то в Ясной Поляне. Тукотоми теперь самый популярный японский писатель. Это младший брат, другой[,] старший[,] — журналист.

Тукотоми писал мне следующее:

“Я слышал, что вы в нашей стране и желал бы видеть вас, но я удален от мира в деревню и не могу оставить места моего заключения три года. Я пришлю за вами, когда захотите, автомобиль и вы приедете ко мне. Это два часа от Токио. Но только одно условие: не берите с собой ни одного японца. Я расскажу вам все при свидании”.

Это загадочное письмо немножко смутило меня. Мне, конечно, было бы интересно проехать в японскую деревню и войти лишний раз в японскую семью; но что такое это заключение и почему я не могу брать с собой никого из японцев?

Я ответил Тукотоми, что благодарю за приглашение и приеду к нему в четверг, если он в 10 часов утра пришлет свой мотор.

В назначенный день мотор явился. Какой-то господин вызвал меня из отеля, и я, к удивлению своему, подходя к автомобилю, увидел в нем улыбающуюся японку с какой-то бумагой в руках. Я сел против нее, и мы поехали. Очень долго мы мчались по длинейшим улицам Токио и его предместий, пока не выехали за город в деревню. Какая прелесть[:] темные краски японской зелени, эти японские причудливые горы и гора Фу[д]зияма со снежной шапкой впереди, поднимающаяся в голубом небе. Фу[д]зияма — любимая гора японцев, их восторг и гордость.

Долго мы мчались по хорошему узкому шоссе и теперь попали уже в настоящую глухую деревню. Шофер с типичным японским лицом стал по временам останавливаться, чтоб расспросить местных крестьян о дороге. Наш автомобиль тотчас окружали женщины и японские мужики с приветливыми, спокойными улыбками, но с большим любопытством. Опять мы долго ехали и опять остановились подле какого-то жилья. Оказалось, что шофер сбился с дороги. Тогда японка стала вертеть свою бумажку, на которой оказался начертанный рукой Тукотоми весь план, как к нему добраться. Пришлось повернуть назад и опять долго ехать по узким, заросшим сверху и с боков зеленью, дорогам.

Наконец, приехали и остановились. Японка улыбнулась, показала в сторону, закивала головой, вон дом Тукотоми. Понятно, без слов. Я вышел из мотора и пошел по тропинке к небольшому домику, стоящему в ста саженьях от дороги. Вдруг сзади послышался дикий крик. Что такое? Это окрикнул меня кто-то в большой черной шляпе и синих очках. Человек шел за нами. Он выходил ко мне навстречу и теперь догонял. Но неужели это Тукотоми? Я не узнаю его. Совсем другого я видел в Ясной Поляне. Неужели все это мистификация и меня завезли Бог знает куда?

Я подошел к Тукотоми.

Тукотоми странно улыбнулся и дико засмеялся. Я спросил по-английски:

— Вы ведь писали мне? Вы ведь Тукотоми, который были в Ясной Поляне у отца? Он опять странно засмеялся, но опять ничего не ответил. Я пошел с ним рядом, и мы вошли в его тихую дачу. Но тут опять какие-то дикие крики в лесу и, сверх всего, вижу могилы и могильные плиты подле дома. Оказалось, что кричали рабочие[,] рубившие рядом лес.

Тукотоми взял меня в свой кабинет, усадил на табурет и пошел за своей женой. Вошла спокойная, благообразная японочка и поздоровалась. Потом стала угощать японскими сладостями. Сам же Тукотоми пошел в угол кабинета, заставленного по стенам книжными полками[,] и принес мне оттуда какую-то заветную для него бумажку. С той же загадочной улыбкой он положил листок передо мной, ожидая впечатления, какое он произведет[,] и, действительно, впечатление было большое.

Я увидел перед собой листок почтовой бумаги из Ясной Поляны, на котором были написаны собственными руками имена всей нашей семьи, начиная с отца и матери и кончая моей собственной подписью.

Я уже не сомневался больше, что Тукотоми был настоящий, а он разразился громким наивным смехом. Я потребовал в беседе затронуть современную войну. Но потому ли, что

мой хозяин владел плохо английским языком или потому, что ему нечего было особенно говорить, он, только покачав головой, несколько раз сказал: “Да, да, ужасно”, — тем вопрос был исчерпан. Тукотоми пригласил меня обедать.

Прошли в столовую, сели на пол на подушки, и две девушки стали угощать нас всевозможной едой, европейской и японской пополам. Тукотоми ел рис палочками, а я стал подражать ему. Первое время я не умел держать эти деревянные палочки между пальцами, потом научился, причем японцы были от этого в восторге.

Почему же Тукотоми не хотел, чтобы я привез к нему кого-нибудь из японцев? Дело было в том, что он недавно потерял старика[-]отца и в его память дал обет три года жить отшельником в деревне[,] никого не видя и никого не принимая. ...

Тукотоми угостил обедом, причем пришлось снять сапоги и надеть туфли, чтобы войти в чистенькую крошечную столовую, потом радушно простился со мной и довел до ожидавшего на шоссе автомобиля.

Теперь девушка уже не провожала меня. Шофер знал прямую дорогу.

Через полтора часа быстрой езды мы снова въехали в Токио. ...» — См.: *Толстой Л.Л. Вокруг света во время войны и революции... //Весточка...* Пг., 29 августа 1918 года, № 4. С. 4; 30 августа 1918 года, № 5. С. 4.

... *Тукотоми* — сохраняю авторское начертание имени Кэндзи́ро *Токутоми* (ср. выше подпись С.А. Толстой под фотографией 1906 года). — *В.А.*

²³ Действующий вулкан на острове Хонсю в 90 км от Токио и самая высокая вершина в Японии (3776 м), которая в течение 10-ти месяцев в году покрыта снегом.

У подножья горы Фудзияма разбиты цветущие сады, зеленеют рисовые поля; на склонах горы вечнозеленые леса перемежаются кустарниками. Деревья увиты лианами, а под ними — ковер из папоротника.

Изображение священной для японцев горы Л.Л. Толстой безусловно встречал ранее на картинах, рисунках, вышивках и в росписи на фарфоре.

²⁴ Аико (Ай) Токутоми (1874-1947). В письме Толстому накануне своей поездки в Ясную Поляну Кэндзи́ро Токутоми так объяснил имя жены: «Ее зовут Ай, что значит “любовь”». — См.: *Громковская Л.Л. Токутоми Рока...* С. 116. См. также о ней в кн.: *Шифман А.И. Лев Толстой и Восток...* С. 270.

После смерти мужа Аико Токутоми выполнила его волю, передала городу права на землю и дом и в 1938 году открылся парк, носящий имя Рока (https://www.tokyo-park.or.jp/park/map/pdf/roka_eng.pdf).

²⁵ Киото — один из древнейших городов, административный и культурный центр на острове Хонсю. — См.: *Федоренко Н.Т. Японские записи. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1974. С. 454-459.*

О Киото Л.Л. Толстой писал: «... Из японских городов мне особенно понравился древний Киото.

Это наша Москва, где город украшен чудесными, богатейшими храмами, куда стекаются паломники и где даже самый характер жизни города напоминает московский.

Тут, кроме храмов, университет[,] много учебных заведений и крупная торговля внутренней Японии.

Климат превосходный от положения Киото среди гор, на живописных зеленых холмах. Мы не попали сюда во время цветения вишен. Это любимая пора японцев. Красоту этого сезона давно раскусили богатые англичане и американцы, приезжающие в Киото всегда весной. Для туристов существует несколько очень удобных первоклассных отелей, которые были почти пусты в дни моего пребывания.

Удивительно красиво в г. Киото древнее буддийское кладбище на склоне горы.

Оно очаровывает своей тишиной и живописным положением и строгой выдержанностью простых линий могильных камней, на которых вы видите[,] кроме цветов[,] горсточки риса или лампадку с маслом.

Это принесли душам предков.

Выше этого кладбища расположен храм с целительным, святым источником воды, льющейся постоянно из расщелины скалы. В Японии, как и у нас[,] те же народные поверья и предрассудки, те же чудотворные амулеты. Тут же у храмов их продают в лавках[:] фигурки в виде разных чудовищ и зверей. Но это не поражает. Все это кажется естественным, пришедшим откуда-то из недр веков и имевшим когда-то какой-то важный смысл. Лисица, обезьяна, змея, лягушка, слон, тут же Будда, — все обожествлено и включено в общий религиозный культ. ...» — См.: *Толстой Л.Л.* Вокруг света во время войны и революции... // *Восточка*... Пг., 30 августа 1918 года, № 5. С. 4.

²⁶ Кто был переводчиком Л.Л. Толстого, установить не удалось.

Однако круг японских славистов, ученых и переводчиков мы можем хотя бы бегло очертить, исходя из переписки и статей Константина Дмитриевича Бальмонта (1867-1942), который в мае 1916 года выступал в Японии с лекциями и делился своими впечатлениями от посещения этой страны с русскими читателями и своими близкими.

Сравнивая его рассказы с описанием Л.Л. Толстого, можно предположить, что это был преподаватель университета Васэда в Токио, поэт и переводчик, автор статей о русской поэзии серебряного века Кэйши (или Айка) Осэ (Keishi=Aika Ose; 1889-1952). — См.: *Азадовский К., Дьяконова Е.* Бальмонт и Япония. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Нестор-история, 2017. С. 205-208; *Кучумова Л.* Бальмонт и Япония (<http://ricolor.org/rz/iaponia/jr/cu/bal/>); *Фейзуллаева А.* Япония в творчески-духовном обогащении К. Бальмонта // *Литературный Азербайджан*. Баку, 2018, № 4 (<http://reading-hall.ru/publication.php?id=22466>).

Остальные слависты-переводчики, с которыми встречался, а потом и переписывался К.Д. Бальмонт, — Ямагути Моити (Yamaguchi Moici; 1881-1959), Нобори Сёму (см. о нем в *Приложении VII*) и др. — были старше. — См.: *Азадовский К., Дьяконова Е.* Бальмонт и Япония... С. 6, 56-57, 121, 129-131; *Бальмонт Константин Дмитриевич* // *Энциклопедия хайку* (нтин-дмитриевичwww.haikupedia.ru/бальмонт-конста); *Иванова Г.Д.* Русские в Японии XIX – начала XX в.: Несколько портретов. М.: Наука, 1993. С. 82-89.

²⁷ Кобэ (Кобе) — порт на юге острова Хонсю.

²⁸ Осака — один из крупнейших городов на юге острова Хонсю, административный и культурный центр.

²⁹ Гонолулу — административный центр и порт на острове Оаху в Тихом океане.

³⁰ Л.Л. Толстой ошибся: 1 марта 1917 года А.Ф. Керенский (см. о нем выше примеч. 7 к Главе 3) стал министром юстиции и исполнял эти обязанности вплоть до 2 мая 1917 года, когда — в силу обстоятельств — ему был вручен портфель военного и морского министра. Только с 7 июля 1917 года А.Ф. Керенский принял на себя всю полноту власти в качестве министра-президента России. — См.: *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М.: Республика, 1993. С. 143, 185, 204.

³¹ Манифест об отречении Государя Императора Николая II был подписан днем 2 марта 1917 года.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжелое испытание. Начавшиеся народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно с славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России сочли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной Думой признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского.

Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины.

Призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним — повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний помочь ему вместе с представителями народа вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России.

Н и к о л а й.

2-го марта 1917 г. 15 час.

В гор. Пскове.

Скрепил Министр Императорского Двора *Фредерикс*. — См.: *Новое время*. Пг., 5/18 марта 1917 года, № 14719. С. 1.

Документ, полный драматизма и предчувствия непоправимой беды, был обречен остаться не услышанным. Он появился на страницах газет через несколько дней, в другой стране, с другими правителями и подданными.

3 марта 1917 года в Петрограде великий князь Михаил Александрович (Романов; 1878-1918), не вступая в царствование, «отказался от власти впредь до решения Учредительного Собрания о форме правления в России». — *Там же*. См. также: *Дневники Императора Николая II...* С. 625; *Чернышова-Мельник Н.* Отрекшийся от престола: Жизнь и любовь Михаила Романова. М.: ЭНАС, 2009. С. 355-359.

В тот же день, 3 марта 1917 года появилась Декларация Временного правительства, из которой следовало, что крушение монархии в России состоялось. — См.: *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте... С. 147.

По иронии судьбы, общественное мнение в европейских странах с сочувствием встретило известие о революции в России. — См.: *Sarolea Ch.* The meaning of the Russian Revolution // *The review of reviews*. Lnd., April 1917. Vol. LV, no. 328. P. 363-369; *Russia's glorious revolution* // *Ibid.* May 1917. Vol. LV, no. 329. P. 468-469.

Глава II

¹ Л.Л. Толстой ошибся: путешествие длилось две недели. В очерках, которые печатались после возвращения Л.Л. Толстого в Россию, точно указана продолжительность плавания: «... От Гонолулу до Сан-Франциско расстояние больше, чем от Йокагамы до Гонолулу, и мы его прошли в 14 дней.

Говорили, что в океане были немецкие рейдеры — трехмачтовые суда с вооружением — и подводные лодки, но это оказалось пока неправдой.

На пароходе по вечерам устраивались представления кинематографа на палубе для всех классов, а для пассажиров I и II класса были вечера и концерты, которые они сами организовали. Администрация японских пассажирских пароходов Тихого океана делает все для того, чтобы можно было искренне похвалить их и пожелать вновь взять их для переезда. Пастор с Филиппин читал лекцию о Филиппинах, очень интересно иллюстрируя ее [проекционным] фонарем.

С нами ехало несколько американских миссионеров обоего пола из Индии. Я расспрашивал их об их успехах в Кашмире. Вынес впечатление, что христианство в Индии вообще успех имеет слабый. ...». — См.: *Толстой Л.Л.* Вокруг света во время войны и революции... // *Весточка*... Пг., 4 сентября 1918 года, № 9. С. 4.

² В конце марта 1917 года Л.Л. Толстой писал матери:

«

Сан-Франциско
28 марта 1917 г<ода>

Дорогая мамаша,

Вот откуда пишу Вам, милая, неожиданно для себя и всех. Я в Америке вместе с братом Ильей, который тоже в Сан-Франциско сейчас, читает лекции и говорит речи. О себе не хочется пока говорить. Все еще только одни надежды и потом усталость после длинного морского пути через Тихий Океан.

У меня к Вам большая просьба. Так как я хочу остаться здесь <на>долго и работать до тех пор, пока не заработаю нужных мне средств, то я хотел бы получить сюда из России возможно скорее все мои сочинения для перевода их на английский язык и издания здесь в журналах и отдельно. Будьте добры собрать все, что есть моего в Ясной Поляне, кроме книг о Швеции и Голодных годов, и прислать мне по адресу: Северо-Америк<анские> Соедин<енные> Штаты. Сан-Франциско. America. S<an->Francisco 720. Jones Street. Near Sutter <street>. Luxor Hotel, Apartments Count Leo Tolstoi.

Из сочинений моих пришлите заказной посылкой, хорошо упакованной в клеенку и с ясной надписью на ней следующее:

“Мы проснемся” (это в оставленных мной в Ясной <Поляне> бумагах); мелкие рассказы, напечатанные за жизнь мою в Ясной в “Огоньке” и в <журнале> “Весь мир”. Это там же в бумагах. Затем “Драматические Сочинения”, затем “Прелюдия Шопена” и др<угие>: <“>Моя Гигиена<”>, <“>Яша Полянов<”> и детские рассказы и все, что найдется, кроме этого.

На днях начинаю здесь лекции о задачах всеобщего мира после войны. Здоров, но утомлен. Жизнь кипит вокруг. Нанял себе дешевое меблированное помещение.

Встретил здесь Пауло Трубецкого, с кот<орым> сегодня завтракал. О России читаем телеграммы ежечасно. Интерес к ней громадный. Бог поможет, я найду здесь большие симпатии с моими искренними и широкими взглядами. Обнимаю, целую всех и люблю.

Ваш Лев».

— *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14634. Л. 1-2 об. Автограф.

...720 Jones Street... — одна из улиц Сан-Франциско названа в память о редакторе первых 14-ти номеров газеты “The California Star”(1846-1847), члене городского совета, юристе и политике Элберте П. Джонсе (1814-1852), с именем которого связаны многие начинания в городе, в том числе и гостиничный бизнес (<http://www.sfmuseum.net/street/stnames4.html>).

... *Luxor Hotel* — отель «*Луксор*» был построен в декабре 1910 года и сразу же привлек внимание нуждающихся в пристанище (<https://npgallery.nps.gov/GetAsset/5372df24-04ef-4427-8fbc-28d4f4602fe6>).

... *Встретил здесь Пауло Трубецкого*... — см. ниже.

³ Возможно, речь идет о семье одного из наследников сахарной империи, которую с 50-х годов на западном побережье Америки создавал выходец из Германии Клаус Шпреклз (Spreckels; Спрекелс; 1828-1908). После его смерти дело перешло к трем его сыновьям, из которых средний, Адольф Бернхард Шпреклз (Spreckels; 1857-1924), благодаря женитьбе на красавице, постепенно стал одним из самых знаменитых людей в городе.

Победительница одного из первых конкурсов красоты, датчанка-аристократка по происхождению, Альма де Бретевиль (Bretteville; 1881-1968) к этому времени побывала в разных странах мира и познакомилась со многими деятелями искусства, среди которых был и О. Роден. В ее музейном собрании были многие его работы, часть которых позднее была передана городу.

Паоло Трубецкой был знаком с членами семьи Адольфа Б. Шпреклза и участвовал в проводимых его женой благотворительных акциях, а в 1917 году у него состоялись две персональные выставки: в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско. — См.: *Паоло Трубецкой: Собрание Музея пейзажа в Вербании...* С. 27, 267; *Хмельницкая Е.С.* Серафим Судьбинин на переломе эпох... С. 38. См. также: *Craig Ch.* Spreckels [née de Bretteville], Alma Emma: Philanthropist, socialite, and patron of the arts // *Encyclopedia of San Francisco*. 1995 (<http://www.sfhistoryencyclopedia.com/articles/biography/spreckelsAlma.html>).

⁴ Об Элин Трубецкой см. выше примеч. 24 к Главе 2 Книги II.

Элин и Паоло Трубецкие в Ясной Поляне

(фотография С.А. Толстой; 1910)

⁵ П. Трубецкой купил участок в Голливуде, построил большую мастерскую, в которой работал над памятниками, и маленький домик. Хотел ли он снять фильм, неизвестно. По словам младшего брата, Луиджи Трубецкого (1867-1959), Паоло «однажды продиктовал комедию “Доктор с другой планеты”. Это фантастическое повествование о некоем обитателе неведомой планеты, где человечество немного более продвинуто и цивилизовано, чем наше. Обитатель спускался к нам на землю, чтобы исцелить человечество от всех бед и указать путь к счастливой жизни. Но посетив разные уголки земли, он увидел, что ее терзают неизлечимые несчастья, отчаялся в своих благих намерениях и вернулся обратно на неведомую планету. Комедию моего брата Паоло прочитал Бернард Шоу и очень хвалил». — Цит. по ст.: *Сосницкая М.* Наш Трубецкой // *Слово*: Рос. журнал худож. литературы и обществ. мысли. М., 2008, № 1. С. 104-111. См. также: *Сосницкая М.С.* Скульптор Паоло

Трубецкой: Последние 20 лет жизни // *Русские в Италии*: Культурное наследие эмиграции: Междунар. науч. конф. М.: Рус. путь, 2006. С. 514-524; *Трубецкой Л.* Воспоминания / Публикация, предисловие, перевод и комментарий *М.Г. Талалая* // *Невский архив*: Ист.-краевед. сборник. СПб.: Лики России, 2008. Вып. VIII. С. 155-184.

В этой пьесе, созданной еще и для пропаганды вегетарианства, Паоло Трубецкой создал образ идеалиста, мечтавшего о мире без войн, болезней и смертей, о мире, где живут исключительно Красота и Гармония. Ему была дана великая сила творить настоящее волшебство: оживлять глину, вдыхать в нее жизнь. Заключительные слова главного героя пьесы звучат так: «У меня еще есть смутная надежда на человечество с его гнусным высокомерием, которое позволяет ему ставить себя выше наших братьев-животных, в то время как человек со своей так называемой цивилизацией и прогрессом, наоборот, находится гораздо ниже, поскольку даже самый свирепый зверь в пустыне не причинил своим сородичам столько зла, сколько человек. Но у меня еще есть надежда. Как после сильного урагана встает солнце, так и я надеюсь, что человечество употребит все свои умственные силы только на добро, и никогда — во зло». — Цит. по ст.: *Седова Т.* “Дикий талант” Паоло Трубецкого // *Наше наследие*. М., 2018, № 125 (<http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/12509.php>). См. также: *Кюфферле Р.* Персоны и персонажи: Очерки о русской эмиграции / Публикация, перевод и комментарии *М.Г. Талалая* // *Диаспора*: Новые материалы. Париж: Athenaeum; СПб.: Феникс, 2007. Т. IX. С. 441-446.

⁶ 2 ноября 1916 года И.Л. Толстой покинул Петроград и отправился в США. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 589.

В мае 1917 года он вернулся в Россию и, не дожидаясь развода, вместе с Надеждой Клеменьевной Каткульской (по первому мужу — Паршиной; 1884-1946) осенью 1917 года навсегда покинул Россию. Достоверно известно, что 20 сентября 1917 года он был еще в России. — См.: *Толстой И., Светлана-Толстая С.* Пути и судьбы: Из семейной хроники. М.: Икар, 1998. С. 134.

Софья Николаевна Толстая (урожд. Философова; 1867-1934) болезненно отнеслась к уходу мужа, долгое время не давала согласия на развод, хотя семья распалась много лет назад. В конце декабря 1921 года И.Л. Толстой писал старшей сестре Т.Л. Сухотиной-Толстой: «<...> Я получил развод и женился гражд<анским> браком на Наде. Живем, любим друг друга. Оба осиротелые держимся друг за дружку. Существуют лекциями. Работа ужасно тяжелая, все время в дороге, в вагоне, в гостинице, и так почти каждый день всю зиму. Нервы истрепались ужасно, а бросить нельзя. Жить надо. <...>» — *ОРГМТ*. Архив Т.Л. Сухотиной-Толстой. Кп-23113/4, № [1]. Л. 1. Автограф.

⁷ См. о нем и его последователях-бабидах выше в примеч. 2 к Главе 4.

⁸ Аристократ по происхождению, французский историк, социолог, мемуарист Жозеф Артюр де Гобино (Gobineau; 1816-1882) с 1849 года состоял на дипломатической службе. Длительное изучение разных народов способствовало тому, что Ж.А. Гобино стал одним из наиболее убежденных и последовательных теоретиков расизма. — См.: *Гобино Ж.А.* Опыт о неравенстве человеческих рас. М., 2001.

Л.Л. Толстой ссылается на этнографическое исследование *бабизма* в его книге «Религии и философии Центральной Азии». — См.: *Gobineau J.A.* Les religions et les philosophies dans l'Asie centrale. Paris, 1866. P. 141-194, 308-358.

В Ясной Поляне знали и другие работы Ж. Гобино, например, «Психологию социализма» (“Psychologie du socialisme”. Paris, 1905). — См.: *Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне...* Т. 3. Ч. 1. С. 651.

⁹ Известно, что в мае 1916 года Л.Л. Толстой завершил работу над лекцией, специально посвященной этой проблеме, — «Единое человечество (Как уничтожить бедствия

и страдания настоящего и приблизиться к братству и вечному миру народов)». Один из выводов автор сформулировал так: «<...> Долой все, что грязнит мир и выводит человека из истинных законов его существа, и да здравствует все, служащее человеку помощью исполнять эти <...> законы единства мира. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Л.Л. Толстого, п. 6, № 62. Л. 108. Черновой автограф. См. также: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 434-436.

¹⁰ И.Л. Толстой совсем не обрадовался встрече с младшим братом в Америке. В письме своей возлюбленной он 28 апреля 1917 года писал:

«Родная моя Диночка! <...>

Дела из рук вон плохи. До сих пор я не заработал ничего. Вернул только расходы. Теперь не могу уехать, не собрав хоть тысячи две дол<ларов>, т.е. тысяч 5-6 рублей на расходы, кот<орые> предстоят летом и кот<орых> будет много. <...>

<...> Я прочел лекций около 30<->ти, всего заработал около 4000 дол<ларов>, но расходы огромные и осталось от всего этого, — всего ничего. <...> На днях видел я во сне брата Льва, будто он отбивает у меня тебя. И что же? На другой день читаю в газетах, что он приехал в San Francisco и после этого на другой же день я приехал сюда и встретил его. Он приехал тоже читать лекции и я страшно боюсь, что он здесь испортит мое имя, кот<орое> сейчас в Америке стоит очень высоко: — “ни сучка, ни задоринки”. <...>» — *РГАЛИ*, ф. 3324, оп. 1, ед. хр. 213. Л. 38-39. Автограф.

...*Диночка*... — см. о ней выше примеч. 6.

¹¹ И.Л. Толстой в годы Первой мировой войны был военным корреспондентом на австрийском участке фронта. — См.: *Толстой С.М.* Дерево жизни... С. 271-272; *Tolstoy-Miloslavsky D.* The Tolstoys... P. 79.

¹² В очерках, опубликованных вскоре после возвращения в Петроград, Л.Л. Толстой так описал свое впечатление от пребывания в городе: «... Сан-Франциско очень красив со стороны моря, расположенный на зеленых, чистоплотных холмах, освещенный ярким солнцем.

Вот прибрежные батареи, вот доки, вот белые здания, оставшиеся от всемирной выставки. Американские власти тщательно контролируют пассажиров. Ни на волос нельзя отступить от закона. Наконец, выпускают на берег. Как и в Нью-Йорке, большие буквы всего алфавита под навесом указывают, где ваш багаж.

В городе движение и суeta на главных торговых улицах и, напротив, мир и тишина тут же немного подалее и повыше в гористых кварталах, где живет буржуазия.

Сан-Франциско славится своей веселой шумной жизнью. Здесь многие живут в постоянных удовольствиях и развлечениях, — музыка, игра, театры, обеды, завтраки, вечера. Вулканический климат возбуждает. Сан-Франциско — порт богатой Калифорнии на пути в глубь Канады и обеих Америк, северной и южной, славится еще своей бойкой промышленностью и торговлей. Но здесь есть интереснейшие общества людей всех классов, начиная от рабочего и кончая учеными и писателями. Отелей в городе пропасть всех цен и величин. Все эти отели полны постоянно, но, кроме них, в разных кварталах Сан-Франциско сдаются помесечно квартирki, очень удобные для жизни. В этих квартирках есть все удобства — электричество, газ, постели, на день поднимающиеся и уходящие в виде шкафа в стенку, ванны и т.д. Легко можно жить в такой квартирке без прислуги и время уходит мало на приготовление себе пищи и уборку.

Кроме удобств дома, вы в магазинах получаете дешево хлеб, готовое к употреблению мясо и множество консервов всех сортов, чудные фрукты, вино, прованское и сливочное масло.

В Сан-Франциско я несколько раз читал мою лекцию: “Задачи всеобщего мира”. Особенно приятно было говорить в клубе журналистов и писателей за завтраком, гостем

которого я был. Провожая меня, члены клуба, передовые люди города жали мне руку и говорили, что высказанные взгляды напоминают им учение персидского ученого Баба о единстве мира и людей и необходимости создать единое мудрое и доброе правительство для всех народов. Люди едины в духе и плоти. Законы человеческие, писанные людьми, не соответствуют истинным законам нашей единой души и единого тела. Задача — создать всемирное законодательство, соответствующее им.

В Сан-Франциско встретил я случайно моего родного брата Илью и скульптора Паоло Трубецкого, автора памятника Александру III. Трубецкой работал над своими портретами-статуэтками, зарабатывая большие деньги. Кроме того, была открыта в городе выставка его вещей. На выставке была выставлена одна его чудесная вещица под названием “За что вы меня едите?”. Прелестный барашек, сделанный с натуры.

Было приятно встретить так далеко за морем брата и друга, и мы с ними проводили свободное время. ...» — См.: *Толстой Л.Л.* Вокруг света во время войны и революции... // *Весточка*... Пг., 4 сентября 1918 года, № 9. С. 4; 6 сентября 1918 года, № 10. С. 4.

¹³ См. об этом более подробно в **Книге III**.

¹⁴ Впечатление от Чикаго было менее ясным: «... После Сан-Франциско Чикаго мне не понравился. Настроение в нем в связи с войной было удрученное. В нем, как известно, очень много немцев. Это по величине четвертый немецкий город в мире. И тамошние немцы, конечно, всеми силами противились тогда вмешательству Соединенных Штатов в мировую свалку.

По внешнему виду и климату Чикаго также совсем не то, что Сан-Франциско. Он скучнее, тяжелей и вообще менее симпатичен. Личное впечатление много значит в суждениях о чем-либо и потому я могу ошибиться. Для многих Чикаго, м[ожет] б[ыть], лучший город в свете, но я поспешил из него уехать дальше в знакомый мне Нью-Йорк, где у меня были знакомые и друзья. ...» — См.: *Толстой Л.Л.* Вокруг света во время войны и революции... // *Весточка*... Пг., 6 сентября 1918 года, № 10. С. 4.

¹⁵ Хозяином отеля «Лафайет» был Раймонд Ортейг (Orteig; 1870-1939), который действительно неоднократно учреждал приз за беспосадочный перелет из Нью-Йорка во Францию, но до 1927 года это никому сделать не удалось. — См.: *Dictionary of American History*... Vol. I. P. 35-36; Vol. III. P. 280. См. ниже примеч. 16.

¹⁶ Л.Л. Толстой ошибся: первый беспосадочный перелет через Атлантику американский пилот Чарльз Линдберг (Lindbergh; 1902-1974) совершил 20-21 мая 1927 года. Среди встречавших Линдберга в Париже был и владелец двух отелей в Нью-Йорке Раймонд Ортейг. — См.: *Новое русское слово*. Нью-Йорк, 22 мая 1927 года, № 5229. С. 1; 29 мая 1927 года, № 5236. С. 5.

Он учредил эту награду за беспосадочный полет еще в 1919 году, но только 16 июня 1927 года приз Р. Ортейга в 25.000 долларов был вручен Ч. Линдбергу. — См.: *Lindbergh Ch.A.* The Spirit of Louis. N.Y., 1975. P. 138, 213-228. См. также: *Emerson E.* Hoover and his times: Looking back through the years. N.Y., 1932. P. 223-226; *Ross W.S.* The last hero: Charles A. Lindbergh. N.Y.; Lnd., 1968. P. 79-80, 118-119, 136-137.

¹⁷ Может быть, именно поэтому Л.Л. Толстой крайне негативно отозвался как о жителях Нью-Йорка, так и обо всех американцах. В заключительном фрагменте очерка, опубликованного год спустя, он писал: «...скажу откровенно, Нью-Йорк разочаровал меня в эту поездку, так же, как вся Америка вообще, и я вынес из нее тяжелое неприятное чувство.

Американцев отдельных я люблю. Многие из них прекрасные люди, но общее впечатление от [Соединенных] Штатов на этот раз было глубоко отрицательное.

Это народ грубый, низкопробный, настолько мало духовно и нравственно цивилизованный в своей массе, что становится прямо обидно за человека. Только одна погоня за деньгами, все сведено в одной только “бизнес”, все вертится около доллара и тех внешних грубых удовольствий, какие он может дать.

Ни свежей умной литературы, ни свежего, живого слова в прессе, ни искусства, ни музыки в смысле самобытного творчества.

В ежедневной жизни то же самое. Все соразмерено, все [на]спех и суета, все материально неинтересно, плоско, низменно.

С утра до вечера одно и то же и завтра то же, что сегодня. Утром завтраки, газета (и то и другое безвкусное и бессодержательное), потом беготня за долларом, бесконечное посещение разных контор, банков, учреждений, вечером плохой обед, плохой кинематограф, до того плохой, что чувствуешь себя одураченным, потом нездоровый, но крепкий сон и опять сначала наутро.

И все так. Все бездушно, глупо, бездарно, начиная с низов и кончая верхами, религиозной жизнью, например. Я, кажется, осуждаю. Нет, я не осуждаю никого, я не осуждаю американцев, а их жизнь, склад ее. Мне пришлось высказать за это пребывание в Нью-Йорке мое впечатление одному из журналистов самой большой газеты “Нью-Йорк Таймс”. Он поместил мое суждение целиком и вся Америка прочла его. Я сказал, что нет менее цивилизованной нации на свете, чем американская, что они самые настоящие, самые отъявленные дикари. И что удивительнее всего, многие американцы подхватили это мнение и соглашались с ним вполне. Оно было перепечатано и повсюду и когда чопорные светские американки потом встречали меня, они осторожно говорили: “Я читала ваше мнение об Америке и американцах, оно не высокое”.

Я отвечал на это, что я высказал это мнение искренно именно потому, что люблю американцев и хотел бы показать им слабые стороны.

— О, мы их знаем, — тогда пр[о]и[с]ходило обычное продолжение разговора, — и вы правы.

У американцев нет исторических традиций. У них нет преемственности истории. У них нет почвы старой, древней, почвы прошлых веков, как в Европе. Кроме того, они до того извратились формами своего настоящего, наживой, суетой, пустяками, погоней за пустыми внешними потребностями, что ту слабую искру ума и таланта народного, которая, конечно, все еще теплится в его глубинах, они всячески заглушают и не дают ей разгореться в умственный истинно духовный огонь». — См.: *Толстой Л.Л.* Вокруг света во время войны и революции... // *Весточка*... Пг., 6 сентября 1918 года, № 10. С. 4.

¹⁸ Л.Л. Толстой ошибся: цитируемые строки принадлежат не князю Петру Андреевичу Вяземскому (1792-1878), а Федору Ивановичу Тютчеву (1803-1873). Одно из его стихотворений 30-х годов начинается так:

Из края в край, из града в град
Судьба, как вихрь, людей метет,
И рад ли ты, или не рад,
Что нужды ей?.. Вперед, вперед! ...

— См.: *Тютчев Ф.И.* Полное собрание стихотворений («Библиотека поэта»; Большая серия). 3-е изд. Л.: Сов. писатель, 1987. С. 132-133.

Глава 12

¹ «Messageries Maritimes» — «Морские перевозки» (*фр.*) — самое большое французское пароходное общество было основано императором Наполеоном III (Шарль-Луи Наполеон Бонапарт; Napoléon III; 1808-1873) в 1851 году. Одна из баз его пассажирского

флота находилась в Марселе. — См.: *Энциклопедический словарь...* Т. XIX. С. 145; *Messageries Maritimes: Voyages autour du Monde*. Paris, [1925]. P. 7-8, 18.

Новый пароход «Портос» был спущен на воду в 1915 году и плавал вплоть до 1942 года, когда он подорвался на mine.

² Накануне отъезда из Йокогамы Л.Л. Толстой отправил в Ясную Поляну коротенькое письмо:

«Еду сегодня в Шанхай по делам. Оттуда напишу адрес. Можно телеграфировать туда так: <«Китай.> Шанхай.> Русское Консульство<,> мне.

Здоров. Ничего не знаю обо всех вас уже давно.

Лева.

12 июля 1917 <года>». — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14695. Л. 1. Автограф.

³ Джинны или джин-рикши — это люди-скороходы, везущие маленькие повозки или одноместные кареты (*djin-richi-cha*). Их нанимают на часы или на определенное расстояние.

Один из путешественников писал о них так: «... На корабле мы привыкли называть их просто djin; это более кратко и более подходит к этим людям — бегунам, вечно находящимся в быстром движении, словно чертенята. ...» — См.: *Лоту П.* Японские негативы (Осенние картинки). СПб., 1904. С. 10. См. о нем ниже примеч. 10.

А вот зарисовка японского города конца XIX века: «... Прежде всего вас поражает отсутствие лошадей на улицах: их заменяют люди, одеты они в короткие и узкие штаны, спускающиеся не ниже колен, и столь же узкие и короткие кофты, плотно обтягивающие их члены; на голове платочек, а в случае дождя — пробковая шляпа; мускулы их ног чрезвычайно развиты и “джинерикма” (так! — В.А.) или *курума* с замечательной быстротой везет изящную, лаком крытую, коляску; он может сделать 10-12

верст в час и вы заплатите ему 60-65 коп[еек] за 12 часов. ...» — См.: *Япония и японцы* /Составила Е.И. Булгакова. М., 1899. С. 6-7. Курсив мой. — В.А.

В конце 20-х годов джин-рикшей застала в Японии и младшая сестра Л.Л. Толстого. — См.: *Толстая А.* Дочь... С. 484-486.

⁴ Устаревшее название вьетнамцев, происходившее от названия части их страны: *Аннам*. — См.: *Народы Земли*: Геогр. очерки жизни человека на земле /Под редакцией А. Острогорского: В 3-х томах. [СПб., 1903]. Т. I. С. 159, 163-165; *Народы мира в нравах и обычаях*: [Сборник]. Пг., 1916. С. 300-303.

⁵ Л.Л. Толстой имеет в виду американского евангелиста, основателя *Оксфордской группы* Фрэнка Натана Даниэля Бухмана (Buchman; 1878-1961). В 20-е годы он разработал программу нравственного совершенствования человека, в основе которой были четыре пункта: требование абсолютной честности (*absolute honesty*), абсолютной чистоты (*absolute purity*), абсолютного бескорыстия (*absolute unselfishness*) и безусловной любви (*absolute love*). В конце 30-х годов бухманисты сделали акцент на нравственном разоружении человека и человечества (*Moral Re-Armament*). — См.: *Driberg T.* The mystery of moral re-armament: A study of Frank Buchman and his movement. N.Y., 1965; *Howard P.* Frank Buchman's secret. Lnd., [1961]. См. также: *Redfearn D.* Tolstoy: Principles for a New World Order. [Lnd., 1932]; *The Encyclopedia Americana...* Vol. 4. P. 678; *The New Encyclopædia Britannica...* Vol. VII. P. 11-12; *Dictionary of American History...* Vol. IV. P. 443; Vol. V. P. 511.

⁶ Так называются полированные округлые самоцветы (хризоберилл и др.), у которых при повороте камня наблюдается переливающаяся зеленовато- или медово-желтая световая полоса.

⁷ Священный камень Востока, самая редкая и ценная разновидность которого имеет цвет “голубиной крови”: ярко-красный с голубоватым отливом.

⁸ Агра — город на реке Джамна; в XVI-XVII веках столица империи Великих Моголов.

⁹ Памятник индийской архитектуры первой половины XVII века — мавзолей султана Шах-Джахана и его жены, Мумтаз-Махал; сооружен на берегу реки Джамна близ города Агра. К пятикупольному сооружению высотой 74 метра, с четырьмя миноретами по углам и стенами, выложенными белым мрамором с инкрустацией из самоцветов, примыкает сад с фонтанами и бассейном.

¹⁰ Пьер Лоти (настоящее имя — Луи Мари-Жюльен Вио [Viaud]; 1850-1923) — французский писатель, член Французской академии с 1891 года; автор многих романов, очерков и путевых зарисовок. Особенным успехом у читателей разных стран пользовались его сочинения, действие которых происходит на Востоке. В частности, Л.Л. Толстой вспомнил одно из них: «Путь в Джайпур, столицу Раджпутанского округа, лежит через страну, постигнутую голодом. ... Вы входите в городские ворота — перед вами встает вторая, внутренняя городская стена; на нежно-розовом фоне ее выступает тончайший белый скульптурный узор. Здесь, в городской черте, вы встречаете таких же странных людей, вид которых вас только что поразил при въезде в город. Все они напоминают обтянутых кожей скелетов. ... Минувя вторые ворота, вы входите, наконец, в город, который внезапно встает перед вами во всем очаровании своей оригинальной красоты. Дома, башни, дворцы — все слилось сплошь в розовом цвете, на фоне которого рельефно выступают скульптурные украшения. Вам кажется, что этот чудный город весь построен из старинных камней. ...»

В своем рассказе я попробовал изобразить сказочную красоту наряду с Дантовскими ужасами розового города Джайпура, столицы Раджпутанского округа. ...» — См.: *Лоти П.* Розовый город // *Новое время*: Иллюстрир. приложение. СПб., 11/24 ноября 1900 года, № 8876. С. 6, 8.

¹¹ С сентября 1880 года до своей смерти в 1922 году им был махараджа Савай Мадхо Синх II Бахадур (Sawai Madho Singh II Bahadur; 1862-1922). — См.: *Truhart P.* Regents of nations: Systematic chronology of states and their representatives in past and present: In 4 parts. 2nd revised and enlarged ed. Part 3: Asia & Pacific Oceania. München, 2003. P. 571. См. также: *Crewe Q.* The last Maharaja: A biography of Sawai Man Singh II, Maharaja of Jaipur. Lnd., 1985.

¹² Сэр Элиот Грэхэм Колвин (Colvin; 1861-1940) родился в Индии, учился в Англии, выдержал экзамен при поступлении на службу в британскую администрацию и приехал в Индию в январе 1883 года.

В британской миссии он занимал разные должности, а с апреля 1905 до конца 1917 года возглавлял британский анклав в Раджпутане — провинцию Аджмер-Мервара — в качестве главного комиссара (chief commissioner) при трех генерал-губернаторах или вице-королях Индии. — См.: *Truhart P.* Regents of nations... P. 702; (https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_governors-general_of_India); ([https://en.wikisource.org/wiki/The_Indian_Biographical_Dictionary_\(1915\)/Colvin,_Sir_Elliot_Graham](https://en.wikisource.org/wiki/The_Indian_Biographical_Dictionary_(1915)/Colvin,_Sir_Elliot_Graham)); (<https://www.wikitree.com/wiki/Colvin-1582>); (<https://prabook.com/web/elliott.colvin/731887>); (<http://www.thepeerage.com/p27007.htm>); etc.

¹³ Магараджа Фатех Синх Бахадур (Fateh Singh Bahadur; 1849-1930) правил Удайпуром с 1884 года до конца жизни. — См.: *Truhart P.* Regents of nations... P. 571.

¹⁴ Едва ли это соответствует действительности, т.к. С.А. Толстая 24 февраля 1917 года написала о смерти Веры Истоминой (см. о ней выше примеч. 15 к Главе 7 Книги I) А.Л. Толстой. — См.: *Толстой И., Светлана-Толстая С.* Пути и судьбы... С. 128.

¹⁵ Точно установить имя этого скульптора не удалось. Возможно, это Деви Рой Прасад Чоудхури (Roy Choudhury; 1899-1975), художник и скульптор «Бенгальского возрождения», впоследствии создавший портреты выдающихся индийских мыслителей и политиков (https://en.wikipedia.org/wiki/D._P._Roy_Choudhury). См. об этом ниже.

¹⁶ Елена Петровна Блаватская (урожд. фон Хан; 1831-1891) создала религиозно-мистическое учение, сложившееся под влиянием индийских религиозно-философских концепций жизни; в 1875 году она основала в Нью-Йорке теософическое общество, а через несколько лет перенесла центр миссионерской деятельности в Индию. — См. о ней: *Мэрфи Г.* Когда приходит рассвет: Жизнь и труды Елены Петровны Блаватской. [Челябинск], 1996; *Нэф М.* Личные мемуары Е.П. Блаватской. М.: Эксмо, 2009. С. 339-350.

В сентябре 1884 года в Лондоне ее портрет написал молодой немецкий художник Герман Шмихен (Schmiechen; 1855-1925). Этот портрет и был взят за основу, когда в 1899 году – по инициативе соучредителя теософического общества Генри Стила Олкотта (Olcott; 1832-1907) — была создана статуя Е.П. Блаватской в штаб-квартире общества в Адьяре, недалеко от Мадраса. В 1907 году к ней прибавили статую и Г.С. Олкотта. Имя скульптора установить не удалось. — См.: *Blavatsky photographs and portraits* /Compiled by *Daniel H. Caldwell*

(https://theosophy.wiki/en/Blavatsky_photographs_and_portraits?fbclid=IwAR1nJsTz2TCGxZi952ISyjUwSEuyJFRlHhPWWeuG3929PVB5yW6p1I2eFPc).

«В глубокой нише две скульптурные фигуры, высеченные из белого мрамора: Блаватская (она сидит) и Олкотт (он стоит, опустив руку на ее плечо). Со стен смотрят лики основоположников религий — Христос, Будда, Кришна, Зороастр, Конфуций, Лао-Цзы; вместо Магомета, поскольку ислам строжайшим образом запрещает любое изображение человека, какая-то вязь арабских букв. Все это вместе играет роль своеобразного символа, потому что, выделяя в каждой религии ее позитивное нравственно-эзотерическое ядро, теософы в то же время стремились синтезировать разные духовные истоки и ликвидировать различия между ними. Поэтому общество и выступало под девизом: “Нет религии, кроме истины”. ...» — См.: *Сидоров В.* Блаватская и Рерихи: Мост над потоком. М.: Эксмо, 2010. С. 68-69. См. также: *Нэф М.* Личные мемуары Е.П. Блаватской... С. 411; (<file:///C:/Users/graf1/Downloads/iDM/Documents/Painting%20the%20Masters.pdf>); (theosophicalsocietykhammam.in/Adyar.html); (https://theosophy.wiki/en/H.P.Blavatsky%27s_heritage_in_the_modern_world).

Эту статую Л.Л. Толстой мог видеть во время поездки по Индии летом 1917 года. Можно предположить, что в его памяти сохранились и другие изображения Е.П. Блаватской: голова, интересно вылепленная в 1898 году бельгийским скульптором Фердинандом Ширреном (Schirren; 1872-1944), и портрет, нарисованный в Адьяре в 1908 году молодой австралийской художницей Флоренс Фуллер (Fuller; 1867-1946). — См.: *The Occult imagination in Britain, 1875-1947* /Edited by *Ferguson Ch. and Radford A.* N.Y., 1971; *Cranston S.* HPB: The extraordinary life and influence of Helena Blavatsky, founder of the modern Theosophical movement. N.Y., 1993; *Fuller J.O.* Blavatsky and her teachers: An investigative biography. Lnd., 1988. P. 141; etc.

(https://theosophy.wiki/en/H.P.Blavatsky%27s_heritage_in_the_modern_world);

(www.koregos.org/en/francisca-vandepitte-sculpture-impressionniste-rik-wouters/notes/);

(<https://books.google.ru/books?id=mTZDDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>); (<file:///C:/Users/graf1/Downloads/iDM/Documents/Painting%20the%20Masters.pdf>).

Работал ли Д.П. Рой Чоудхури над скульптурным портретом В.П. Блаватской в течение своей долгой творческой жизни, пока установить не удалось.

¹⁷ Рабиндранат Тагор (1861-1941) — индийский поэт, писатель, общественный и политический деятель, в 1913 году удостоенный Нобелевской премии по литературе. Путешествуя по миру, Л.Л. Толстой постоянно наталкивался на его присутствие в той или другой стране. Так, в феврале 1917 года Р. Тагор был в Японии, а позже отправился в Америку. — См.: *Рабиндранат Тагор снова в Японии //Вестник Русско-Японского общества в Петрограде*: Экон., полит. и научно-лит. журнал. Пг., январь-апрель 1917 года, № 1-4. С. 8. См. также: *Selected letters of Rabindranath Tagore* /Edited by K. Dutta and A. Robinson. Cambridge, 1997. P. 178-181; *Rabindranath Tagore: A centenary volume: 1861-1961*. Bombay, 1961 (reprint – 1986, 1992); *Сен А. Тагор и его Индия* /Перевод Я. Шапиро //Иностранная литература. М., 2009, № 11. С. 236-250; etc.

Д.П. Рой Чоудхури несколько раз обращался к образу Р. Тагора. Он создал его портрет пастелью (<https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/097/490.htm>), а также высек из дерева бюст поэта (https://vk.com/photo-81527592_418161498).

¹⁸ Мохандах Карамчанд Ганди (1869-1948) — один из крупнейших деятелей национально-освободительного движения Индии, обосновавший и проводивший в жизнь принцип ненасильственного сопротивления колониальным властям. Взгляды М.К. Ганди во многом формировались под влиянием идей Л.Н. Толстого. — См. подробнее: *Шифман А.И.* Лев Толстой и Восток... С. 160-200. См. также: *Новые пророки: Торо – Толстой – Ганди – Эмерсон*. СПб., 1996; *Green M.* Tolstoi and Gaudhi, men of peace: A biography. N.Y., 1983; etc.

В 1912 году Р. Тагор назвал его *Махатма — Великая душа*. В свою очередь, М. Ганди воспринимал Р. Тагора как великого часового, оберегающего Индию от опасностей. — См.: *Роллан Р.* Махатма Ганди /Перевод с рукописи Н. Берберовой. Берлин: Эпоха, 1924.

Одним из важнейших событий в истории Индии стал *соляной поход*, в который Махатма Ганди и его единомышленники отправились 12 марта 1930 года, протестуя таким образом против налога на соль. Их было 80 в начале похода, а через 24 дня из 48 селений, через которые они прошли, к ним присоединились тысячи людей. Еще больше выходили на дорогу послушать Махатма Ганди. — См.: *Pandey B.N.* The break-up of British India. Lnd. & etc., 1969. P. 132-133; *Gopal K.* British rule in India: An assessment. N.Y., 1963. P. 329-331; (https://wikivisually.com/wiki/Salt_March).

В 1931 году скульптор Д.П. Рой Чоудхури создал монументальный памятник этому походу, изобразив 11 участников акции гражданского неповиновения во главе с Махатмой Ганди (*Asia/India/North/Delhi/New_Delhi/photo446816.htm*); (<https://www.trekearth.com/gallery/>).

В 1955 и 1959 годах Рой Чоудхури создал еще два памятника великому мыслителю (<https://cwleadbeater.wordpress.com/2016/06/04/leadbeater-by-choudhury/>) (<https://muthusamy.aminus3.com/image/2013-05-04.html>).

Когда именно Л.Л. Толстой проникся идеями Махатма Ганди и сделал его скульптурный портрет, установить не удалось. Бюст Махатма Ганди работы Л.Л. Толстого сохранился у его потомков.

Благодарю профессора Бена Хеллмана за это сообщение. — В.А.

¹⁹ Это был один из последних походов французского парохода, спущенного на воду в феврале 1890 года и подорвавшегося на mine 19 июля 1918 года.

²⁰ Секундерабад (Сикандрабад; Secunderabad) расположен к северу от Хайдарабада (Hyderabad) и с 1874 года развивался как главный железнодорожный центр на юге Британской Индии.

²¹ Одна из немногих ошибок Л.Л. Толстого. Речь идет о его поездке из Бомбея в Мадрас по железной дороге через южные провинции Британской Индии. Маршрут действительно проходит через провинции Хайдарабад и Майсур (Mysore), в которых значительную часть населения составляли мусульмане. — См.: *Williams R.L.F.* India in 1917-18 (political, social & economic development). Delhi, 1985. P. 11, 122, 179.

²² *Пенанг (Пи-нанг; Pe-nang)* — порт на одноименном острове, бывшем составной частью Британской колонии в Индийских землях. Путешественники и мореплаватели говорили о нем, как о «жемчужине Востока». — См.: *Cheah Jin Seng.* Penang: 500 early postcards. Kuala Lumpur, 2012. P. 7
(<https://books.google.ru/books?id=7ftEFcwwx20C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>).

Благодарю профессора Бена Хеллмана за уточнение маршрута путешествия Л.Л. Толстого. – В.А.

²³ религиозное учение, признающее источником познания интуицию, мистическое откровение (греч.). — См.: *Штайнер Р.* Теософия: Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека / [Пер. с 9-го нем. изд. 1918 года, перераб.] (*Библиотека духовной науки*). Ереван: Ной, 1990.

О Е.П. Блаватской и Г.С. Олкотте см. выше примеч. 16.

²⁴ Собственно теософией Л.Л. Толстой не увлекался, но в конце 1890 года, будучи студентом московского университета, он действительно изучал разные философские направления. Об этом свидетельствует запись в его дневнике от 27-28 декабря 1890 года. — См.: *Сын и отец... // Лица...* Т. 4. С. 205-209.

Глава 13

¹ Судьба рукописи этого романа неизвестна. Никаких сведений о нем найти не удалось.

² См. подробнее об этом в Томе 2. См. также: *Абросимова В.* Зигзаги судьбы Льва Толстого-младшего... // *Toronto Slavic Quarterly*... Fall 2008, no. 26.

ПРИЛОЖЕНИЕ

II

«Милые мои яснополянцы...»

¹ *ПСС.* Т. 49. С. 106.

² *Там же.* Т. 85. С. 70.

³ См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 116.

⁴ Две ссоры родителей в конце августа и в начале сентября 1882 года с изумлением запечатлела в дневнике старшая сестра Лёвы, Т.Л. Толстая. — *Там же.* С. 46-48.

⁵ См.: *Толстая С.А.* Моя жизнь... Т. I. С. 381.

18 марта 1882 года С.А. Толстая писала сестре, Т.А. Кузминской о тяжелой болезни, похожей на тиф. — *ОР ГМТ.* Архив Т.А. Кузминской, № 3293. Л. 1 об.

⁶ Это произошло 20 сентября 1882 года. Через несколько дней, 23 сентября 1882 года Т.Л. Толстая записала: «Папа приехал в понедельник с Лелькой. Поливанов советовал его оставить в третьем классе, но папа предпочел его из гимназии взять и учить дома. Мама сначала была очень недовольна, но теперь, кажется, помирилась с этим. ...» — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 58.

⁷ См.: *Толстая С.А.* Моя жизнь... Т. I. С. 393.

⁸ См. выше примеч. 4 к Главе 6 Книги I.

⁹ См.: *Толстая С.А.* Моя жизнь... Т. I. С. 399-400, 416.

¹⁰ См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 216-218, 224 и др.; *Толстая С.А.* Моя жизнь... Т. I. С. 425.

¹¹ «Гр[аф] Лев Толстой, экзаменовавшийся в V-й класс в мае 1884 года, вызвал следующее заключение по совещании всех его экзаменовавших преподавателей:

1. О поступлении в V-й класс нельзя и думать даже при усиленном учении в течение лета.

2. В IV-й класс он может поступить только при усиленных и притом под руководством настоящих учителей занятиях. Он не готов в IV-й класс ни по русскому разбору, ни по географии, ни по древним языкам. Из всего этого сведения самые отрывочные, сбивчивые (то же по истории и литературе); по географии же нет никаких изменений. Единственный успех с тех пор, как он от нас вышел, — в русском правописании; во всем прочем он пошел назад. Сверх того замечено изменение к худшему в общем настроении ученика. Прежде очень заботливый и старательный успеть в учебном деле, ему тогда даже непосильном, теперь он сделал впечатление какого-то равнодушного ко всякому успеху мальчика. Устной речью не владеет до такой степени, что мы не слышали ни одного сколько-нибудь удовлетворительного рассказа о чем бы то ни было. Замечена и нервность, так что едва ли можно очень лишать его летом отдыха. Жаль, что мне неизвестен взгляд медика на его физическое состояние. Если в этом отношении опасности нет, то исправить дело еще можно, взяв к нему настоящего педагога, который прошел бы с ним до 21 августа все курсы III класса и тогда в IV-й класс он экзамен выдержит. Но занятия со студентами и тем более занятия безо всякого руководства для таких мальчиков невозможны или губительны.

Во всяком случае мы не откажемся его проэкзаменовать в IV-й класс в августе. Но, если вы не устраните, как я говорю, то не придумать ли Вам для него какой-нибудь другой способ обучения, вне гимназии?» — (<http://tolstoy.ru/life/family/children/lev-lvovich-tolstoy/>); (<http://hghltd.yandex.net/yandbtm>). Фрагмент с большими разночтениями и без комментария приведен С.А. Толстой в ее записках 1884 года. — См.: *Толстая С.А.* Моя жизнь...Т. I. С. 439.

¹² 18 июня 1884 года родилась А.Л. Толстая. — *Там же.* С. 421, 443-444.

¹³ Для Л.Н. Толстого лето 1884 года — очень тяжелый период, когда он принимал решение уйти из дома и имел тяжелое объяснение с женой (см. об этом подробнее в Главе 5 Книги I).

¹⁴ См.: *Абросимова В.Н.* «Милые мои яснополянцы...» (Письма Л.Л. Толстого Л.Н. Толстому и С.А. Толстой) // *Яснополянский сборник 2008*: Статьи, материалы, публикации. Тула: ИД «Ясная Поляна», 2008. С. 254-272.

¹⁵ И.Л. Толстой был тремя годами старше Л.Л. Толстого и у него уже появился свой круг друзей и новые интересы (см. ниже).

¹⁶ Речь идет об Анне Сейрон (см. о ней в примеч. 4 к Главе 5 Книги I).

¹⁷ Имя этого наставника осталось неизвестно. В ноябре 1883 года Л.Л. Толстой записал в дневнике: «... Ко мне ходит ломоносовец из Лицея. ...». — См.: *Сын и отец... //Лица...* Т. 4. С. 197, 205, 228-229.

Лицей в память цесаревича Николая возник из частного пансиона, затеянного в 1868 году бывшими профессорами Московского университета М.Н. Катковым и П.М. Леонтьевым. При Лицее была *Ломоносовская учительская семинария*, благодаря которой Лицей был доступен для всех сословий. В Ломоносовской семинарии казеннокоштные воспитанники жили и учились особым отделением в младших классах по усеченной программе. Сюда принимали, главным образом, детей небогатых родителей духовного и простого звания, обративших на себя внимание способностями и усердием к наукам. — См.: *В Катковском лицее: Записки старого пансионера (1875-1882):* В 2-х вып. /[Автор – *Вишняков П.М.* – указан в конце 2-го вып.]. М., 1908. Вып. I. С. 7, 55-57; *Историческая записка Императорского Лицея в память Цесаревича Николая* (Лицея Цесаревича Николая) за XXX лет (1868-1898). М., 1899. С. 398-408.

¹⁸ Вероятно, Л.Л. Толстой копирует ломаный русский язык мадам Сейрон.

¹⁹ Алена (Елена Ивановна) Просекина (урожд. Лукашина-Бугрова) — кухарка в доме Толстых.

²⁰ Влас Онисимович Воробьев (1859-1929) — яснополянский крестьянин, дворник на усадьбе Толстых.

²¹ Алкид (Альсид) Сейрон (см. о нем примеч. 3 к Главе 5 Книги I).

²² Эта фраза в письме адресована 18-летней старшей сестре, Т.Л. Толстой.

²³ Маленькая Маша! (*англ.*).

²⁴ Это обращение к младшей сестре, 12-летней М.Л. Толстой.

²⁵ В начале 80-х годов Л.Л. Толстой находился под сильным влиянием отца и его религиозных взглядов, вошедших в явное противоречие с официальным православием.

Храм Христа Спасителя был сооружен на народные пожертвования в ознаменование победы русского народа в Отечественной войне 1812 года. Его освящение состоялось 23 мая 1883 года.

²⁶ Вероятно, Л.Л. Толстого передразнивает кого-то из яснополянских крестьян или слуг в московском доме.

²⁷ Вероятно, в один из более ранних приездов в Москву мадам Сейрон водила детей на «Панораму Карса», которую больше года демонстрировало в здании рядом с цирком на Цветном бульваре Анонимное акционерное общество устройства панорам в России. Репортеры называли ее «Карс», «Вступление в Карс» или «Сдача Карса» и особо отмечали, что она «устроена по образцу парижской, изображающей осаду Парижа». — См.: *Московские ведомости*. 30 мая 1882 года, № 148. С. 1; *Московский листок*. 4 июля 1882 года, № 181. С. 1. См. также: *Московский дневник зрелищ и объявлений*. 15 сентября 1882 года, № 1. С. 1; *Там же*. 26 января 1883 года, № 131. С. 1.

Потенциальным посетителям панорамы сообщили следующее: «Картина величиной в 3.600 квадрат[атных] аршин, писанная масляными красками..., изображает в натуральную величину торжественное вступление русских войск в город Карс 8 ноября 1877 года». — См.: *Московские ведомости*. 14 августа 1883 года, № 224. С. 1.

К моменту закрытия выставки на ней побывало более 170 тысяч зрителей. — См.: *Русские ведомости*. М., 21 августа 1883 года, № 229. С. 3.

Во время русско-турецких войн XIX века крепость *Карс* на северо-востоке Турции не раз становилась одним из объектов борьбы на Кавказском театре военных действий. — См.: *Карс, турецкая крепость* и взятие ее, в третий раз, штурмом русскими войсками 7-го ноября 1877 года. М., 1878.

²⁸ В семье дальней родственницы Л.Н. Толстого, Ольги Семеновны Хлюстиной (1837-1910) и ее мужа, Карла Карловича Боянуса (1818-1897), от двух браков каждого из супругов было 9 детей, младшие из которых были ровесниками детей Толстых. Зимой 1882 и 1883 года Боянусы и Толстые посещали друг друга в рождественские дни, участвовали в детских балах и спектаклях. — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 47; *ПСС*. Т. 83. С. 344-345; *Жданов В.* Любовь в жизни Льва Толстого... С. 167.

Катя (Екатерина Денисовна) Давыдова (1866-1938), внучка поэта Дениса Давыдова, вместе с Таней Толстой и другими сверстницами посещала вечерние классы рисования и иногда приезжала в дом Толстых вместе со сводными младшими братьями: Алексеем (1867-1926), Александром (1870-1917 году) и Семеном (1871-1952) Боянусами. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 279-280; *Толстая С.А.* Моя жизнь...Т. I. С. 405.

²⁹ Манеж был построен в Москве в 1817 году по случаю 5-летней годовщины победы России в Отечественной войне 1812 года и был предназначен для проведения военных смотров. Постепенно в нём стали проводиться концерты, в том числе и благотворительные, выставки, народные гуляния.

³⁰ Речь идет о Т.А. Кузминской (см. о ней выше примеч. 2 к Главе 3 Книги I), которая летом с детьми жила в Ясной Поляне и которую дети Толстых обожали. В частности, это нашло отражение в «Почтовом ящике» Толстых в разделе «Чем люди мертвы в Ясной Поляне»: «... *Леля* — тем, когда зайца протравит и когда Кузминовы уезжают». ...

Кузминовы... — так в семье Толстых шуточно называли Кузминских. — См.: *Толстой И.Л.* Мои воспоминания... С. 176.

³¹ уютно (*англ.*)

³² Об античном городе *Помпеи* см. выше примеч. 22 к Главе 19 Книги I.

³³ Намек на влюбленность А. Сейрона в кузину и молочную сестру Л.Л. Толстого, Машу Кузминскую (см. о ней выше примеч. 13 к Главе 7 Книги I). В семье Толстых ее называли *большой Машей* (*big Masha*). — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 85-86.

³⁴ О том, что М.А. Кузминская в Ясной Поляне летом 1883 года ушибла ногу, известно из переписки С.А. Толстой с сестрой осенью 1883 года. — См.: *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской.

³⁵ В юные годы Л.Л. Толстой был тайно влюблен в М.А. Кузминскую. Ср. его дневниковую запись, сделанную в Ясной Поляне в августе 1883 года. — См.: *Сын и отец...* // *Лица...* Т. 4. С. 205, 229. См. также выше признание Л.Л. Толстого в Главе 7 Книги I.

Кузминские оставались в Ясной Поляне до середины сентября 1883 года. — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 90; *Толстая С.А.* Моя жизнь...Т. I. С. 421.

³⁶ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13762. Л. 1-1 об. Автограф. Датируется условно по содержанию.

³⁷ С.Л. Толстой (см. о нем примеч. 20 к Главе 7 Книги I) учился на отделении естественных наук физико-математического факультета Московского университета, специализировался на изучении химии.

³⁸ Письмо отправлено вдогонку С.А. Толстой, только что уехавшей 4 сентября 1884 года из Москвы в Ясную Поляну. — См.: *Толстая С.А. Моя жизнь...* Т. I. С. 445; *ПСС*. Т. 49. С. 120.

³⁹ По всей видимости, печник (см. о нем ниже). В конце августа 1884 года С.А. Толстая приехала в Москву с намерением наладить учебу Льва в гимназии, но оказалось, что и дом не вполне пригоден для жизни в нем большой семье. Позднее она вспоминала: «В московском доме пришлось тоже кое-что исправлять: красить полы, менять обои, вставлять зимние рамы, чинить печи, — и я занялась всем этим. ...» — См.: *Толстая С.А. Моя жизнь...* Т. I. С. 445.

⁴⁰ До окончания ремонтных работ Л.Н. Толстой и его старшие сыновья жили в больших верхних комнатах флигеля. Когда в октябре 1882 года дом был готов к приему жильцов, они перебрались в нижние комнаты большого дома, между столовой и детской. — См.: *Булгаков В.* История Дома Льва Толстого в Москве // *Л.Н. Толстой* [В 2-томах]. М.: Издание Гос. лит. музея, 1948. Т. II: *К 120-летию со дня рождения (1828-1948)* / Коммент. и редакция Н. Гусева (*Летописи Гос. лит. музея*; Кн. 12). С. 529, 532.

Судя по более поздним описаниям дома, верхнюю квартиру во флигеле дома оставили без изменений, и в ней «по очереди жили старшие сыновья Толстых». — См.: *Опунский А.* Дом в Хамовниках: Музей-усадьба Л.Н. Толстого в Москве: Путеводитель. М.: Моск. рабочий, 1976. С. 52.

⁴¹ Зимой 1884 года Сергей жил во флигеле, без уточнения, наверху или внизу. — См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 157-158.

⁴² О профессоре Московского университета, докторе зоологии Сергее Алексеевиче Усове (1827-1886) его слушатели и ученики оставили восторженные отклики. — См.: *Белый А.* На рубеже двух столетий... С. 115-117; *В память Сергея Алексеевича Усова* (Статьи по поводу его кончины). М., 1887.

С.А. Усов был одним из важных собеседников Л.Н. Толстого. — См.: *Гусев Н.Н.* Лев Николаевич Толстой... (указ.); *Булгаков В.* История Дома Льва Толстого в Москве // *Л.Н. Толстой*... Т. II. С. 541; *Опунский А.* Дом в Хамовниках... С. 141.

Знали С.А. Усова и младшие братья С.Л. Толстого, но не как зоолога, а как знатока искусства. В гимназии Л.И. Поливанова ученый читал лекции по истории искусства. Воспитанники вспоминали о них многие годы спустя. — См.: *Двадцатипятилетие Московской частной гимназии*, учрежденной Л.И. Поливановым... С. 27.

⁴³ Знаменитый экспериментатор, «отец русской физики», профессор *А.Г. Столетов* (см. о нем в примеч. 1 к Главе 7 Книги I) при чтении курса физической географии, на который стекались слушатели других отделений, основное внимание уделял объяснению физической сущности метеорологических явлений. Студенты воспринимали его каверзные вопросы как «экзаменационную грозу». — См.: *Белый А.* На рубеже двух столетий... С. 246-248.

⁴⁴ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14647. Л. 1. Автограф.

⁴⁵ Л.Л. Толстой писал письмо в пятницу вечером; суббота, 8-го сентября, — день неприсутственный: Рождество Пресвятой Богородицы.

⁴⁶ Т.е., 13 сентября 1884 года.

⁴⁷ Т.е., 10 сентября 1884 года.

⁴⁸ Т.Л. Толстая оставалась в Ясной Поляне до 19 октября 1884 года. — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 117.

⁴⁹ Возможно, это прозвище кухарки Алены Просекиной (см. о ней выше *примеч. 19*).

⁵⁰ Вероятно, с приходом С.А. Толстой повар вернулся к своим обязанностям. Во всяком случае, 26 октября 1884 года, подсчитывая ежемесячные расходы, С.А. Толстая вписала жалованье повару — 15 рублей и кухарке — 4 рубля. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 266.

⁵¹ О «собачьей гувернантке» Агафье Михайловне (1808-1896), которая занимала «довольно заметное место и в жизни нашей семьи», см. подробнее: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания... С. 62-69; *Толстой И.Л.* Мои воспоминания... С. 75-79.

⁵² Василий Федорович *Шураев* (1823-1890) — помощник садовника в Ясной Поляне. Толстые принимали участие в его судьбе, особенно после несчастья, случившегося с ним летом 1883 года, когда у «маленького старичка», подвязывавшего цветы, от неосторожного движения вытек глаз. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 216, 218.

⁵³ Возможно, речь идет о старой няне Марье Афанасьевне Арбузовой.

⁵⁴ Возможно, речь идет о старом поваре Николае Михайловиче Румянцеве (1802-1894).

⁵⁵ Курсив мой. — *В.А.*

⁵⁶ *ОР ГМТ.* Архив С.А. Толстой, № 14648. Л. 1-2 об. Автограф.

⁵⁷ *Там же*, № 13763. Л. 1-1 об. Автограф. Датируется по содержанию и на основании почтовых штемпелей отправителя и адресата на конверте заказного письма. — *Там же*. Л. 2-2 об.

⁵⁸ В памяти С.Л. Толстого осталась француженка *Sophie Roussel*, которая недолгое время жила у Кузминских летом в Ясной Поляне. — См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 163.

⁵⁹ Т.А. Кузминская с детьми была в Москве проездом из Ясной Поляны в Петербург именно во вторник, 18 сентября 1884 года; ее встречали на вокзале Сергей и Илья Толстые. — *ПСС.* Т. 63. С. 188-189.

⁶⁰ 13/25 сентября 1884 года Л.Н. Толстой записал в Дневнике: «... Приехал Леля, веселый. ...». — *Там же*. Т. 49. С. 121.

⁶¹ Алкид Сейрон (Альсидушка, как называли его Толстые) был пансионером Лазаревского института восточных языков, обучение в котором соответствовало программам классических гимназий. В неприсутственные дни он навещал свою мать и проводил в доме Толстых в Москве и Ясной Поляне «все праздники и летние вакации». — См.: *Толстая С.А.* Моя жизнь... Т. I. С. 398.

⁶² что всё в порядке (*фр.*)

⁶³ Курсив мой. — *В.А.*

⁶⁴ Далее пишет *С.Л. Толстой*.

⁶⁵ Александр Капитонович *Маликов* (1839-1904) — один из деятелей революционного движения 60-х годов в России, настолько существенно изменивший свои взгляды, что в восприятии Ф.М. Достоевского в середине 70-х годов он оказался одним из персонажей романа «Бесы». «Мне говорили, что *Кириллов* не ясен. Я бы вам рассказал про *Малькова*». — См.: *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30-ти томах. Л.: Наука, 1975. Т. 12. С. 223. Курсив *Ф.М. Достоевского*.

Мальков — речь идет о А.К. Маликове, история которого такова.

В 1863 году — по окончании Московского университета — он некоторое время был судебным следователем Калужской губернии, из-за столкновения с губернатором был переведен судебным следователем в Псковскую губернию, где и был арестован в мае 1866 года. Он проходил по делу Д.И. Каракозова и был признан невиновным. Тем не менее, по личному распоряжению министра внутренних дел А.К. Маликов был сослан в Архангельскую губернию за то, что знал о планах освобождения Н.Г. Чернышевского и не донес об организаторах. — См.: *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30-ти томах. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. XIX. С. 147, 206.

В 1873 году А.К. Маликов был переведен в Орел под надзор полиции, где служил в правлении железной дороги. Он отошел от революционного движения, погрузился в религию и в 1874 году вдруг сделался основателем учения о *богочеловечестве*. Наивная вера в то, что «стоит лишь людям поверить, что они обладают качествами бога, как исчезнет в мире все злое и дурное, отпадет необходимость в насилии, мир обновится и на земле водворится царство разума и справедливости», привлекала к нему людей. — См.: *Булгаков В.Ф.* О Толстом: Друзья и близкие. Тула, 1978. С. 237-239; *Короленко В.Г.* Собрание сочинений: В 10-ти томах. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 7. С. 174-185; *Фаресов А.И.* Семидесятники: Очерки умственных и полит. движений в России. СПб., 1905. С. 290-331.

В том же 1874 году А.К. Маликов был арестован по делу о «пропаганде в империи». Обвинение в агитации среди рабочих за устройство завода на артельных началах не было доказано и А.К. Маликова освободили от судебного преследования.

В 1875 году он уехал в Америку, где жил в коммуне Вильяма Фрея и пытался построить жизнь по выведенным им законам *богочеловечества*. Неудача заставила А.К. Маликова в 1878 году возвратиться в Россию. Он служил на железной дороге в Екатеринбурге и Перми, находился под гласным надзором полиции, который был снят только в 1880 году. — См.: *Пругавин А.С.* О Льве Толстом и толстовцах: Очерки, воспоминания, материалы. 2-е изд. М.: URSS, 2012. С. 161-176; *Соловьев К.А.* «Я сказал: вы — боги...»: Религ. течение в освобод. движении 70-х гг. XIX в. в России («богочеловечество»). М., 1998.

В Ясной Поляне А.К. Маликов появился в начале марта 1878 года и встретил сочувственный прием. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 148-149.

18 мая 1881 года в Дневнике Л.Н. Толстого появляется упоминание о разговоре с А.К. Маликовым в таком контексте: «... Вечером рассказал, что Маликов делает больше для

правительства, чем округ жандармов. С пеной у рта [Соня и Сережа] начали ругать Маликова — подлыми приемами, я замолчал. ...

Кто-нибудь сума[с]шедший — они или я. ...» — *ПСС*. Т. 49. С. 37-38. См. также письма Л.Н. Толстого 1881-1882 годов разным адресатам с рассказом об А.К. Маликове. — *Там же*. Т. 63. С. 66-67, 76-78, 197.

Через два года старший сын если и не изменил отношение к А.К. Маликову, то стал безусловно более терпимым и внимательным к посетителям, корреспондентам и собеседникам отца.

⁶⁶ Письмо А.К. Маликова упоминается в Дневнике Л.Н. Толстого 13/25 сентября 1884 года. — *Там же*. Т. 49. С. 121.

⁶⁷ Домовладелицей на самом деле была Елизавета Ростиславовна Коробовская. — См.: *Адрес-календарь города Москвы на 1885 г.* Изд. испр. и доп. М., 1885. С. 715.

⁶⁸ Александр Герасимович *Орфано* (1834-1902) — отставной поручик гвардии. Он попал в поле зрения III-го Отделения в декабре 1862 года в связи с делом о сношениях с «лондонскими пропагандистами», но был от суда освобожден.

Весной 1866 года А.Г. Орфано вторично был привлечен к ответственности за то, что он устроил в своем имении в Московской губернии фабрику на артельных началах на средства, полученные осенью 1865 года от Николая Андреевича Ишутина (1840-1875), объявленного государственным преступником. А.Г. Орфано был отдан под негласный полицейский надзор.

Первое упоминание об А.Г. Орфано появилось в Дневнике Л.Н. Толстого 16/28 марта 1884 года: «...пришли Маликов и Орфано. Я бы мог быть лучше. Надо было молчать. Как это просто и трудно. ... Да, в разговоре с Орфано я сказал: вы не знаете м[оего] Б[ога], а я знаю вашего. Это оскорбило». — *ПСС*. Т. 49. С. 69.

Религиозно-философский спор А.Г. Орфано с Л.Н. Толстым растянулся на годы. — См.: *Орфано А.Г.* В чем должна заключаться истинная вера каждого человека: Критич. разбор книги гр. Л.Н. Толстого “В чем моя вера?”. 2-е изд. М., 1890.

Позднее А.Г. Орфано отдал всю землю крестьянам и поступил на службу по железнодорожному делу.

⁶⁹ Л.Л. Толстой несколько дней провел в Ясной Поляне (см. выше *примеч. 60*).

⁷⁰ Сведения об офицере Левашове, жившем во флигеле хамовнического дома, относятся к 1885 году. — См.: *Булгаков В.* История Дома Льва Толстого в Москве... // *Л.Н. Толстой...* Т. II. С. 541; *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 323-324. Однако есть вероятность, что дети Толстых были знакомы с ним уже осенью 1884 года.

⁷¹ В рекламных объявлениях, приуроченных к именинам Софьи, Веры, Надежды и Любви, «Товарищество А.И. Абрикосова сыновей» извещало, что «к 17-му сентября будет приготовлен разнообразный выбор: конфет, пирогов, шоколада, пастил, мармеладов, варений, коробок для подарков и бонбоньерок». — См.: *Московский листок*. М., 14 сентября 1885 года, № 255. С. 4.

Офицер Левашов сумел доставить удовольствие 15-летнему гимназисту.

Кондитерская фабрика купца 1-й гильдии Алексея Ивановича *Абрикосова* (1824-1904) в 1879 года была открыта в Сокольниках. Магазины Абрикосовых располагались в центре Москвы. Один — на Кузнецком мосту, в Пассаже Константина Семеновича *Попова* (1850-1919), наследника «Товарищества чайной торговли и складов “Братья К[онстантин] и С[емен] Поповы”». Другой — на Тверской улице, в доме банкира *Л.С. Полякова* (см. о нем в

примеч. 2 к Главе 10 Книги I). — См.: *Адрес-календарь города Москвы на 1884 г.* ... С.114, 240, 281, 296, 363, 436-437.

⁷² См. выше *примеч. 59*.

⁷³ В письме И.Л. Толстого родителям от 20 сентября 1884 года об этом нет ни слова (*см. ниже*).

⁷⁴ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13764. Автограф. Л. 1-1 об. Курсив мой. — В.А. Почтовая карточка датируется условно на основании штемпелей в Москве и Туле одним и тем же числом: 20 сентября 1884 года.

⁷⁵ Заказное письмо печатается с некоторыми исправлениями, которые выделены в тексте курсивом. — Ср.: *Абросимова В.Н.* «Милые мои яснополянцы...»... // *Яснополянский сборник 2008*... С. 260.

⁷⁶ Горничная в московском доме Толстых. — См. о ней: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 194, 239-240.

⁷⁷ Влас Онисович *Воробьев* (*см. о нем выше примеч. 20*).

⁷⁸ «Жена Домна», людская кухарка, с детьми оставалась в Ясной Поляне. — См.: *Сафонова О.Ю.* Словарь яснополянских крестьян... // *Яснополянский сборник 2002*... С. 334.

⁷⁹ Т.е., в Ясной Поляне.

⁸⁰ Продажа яблок была поручена старшему сыну, Сергею, который, по мнению отца, не вполне справился с заданием. «... Не хорошо, что ты оробел на счет яблок. У тебя этот предмет в неясности. Только тот, кто не ест яблок и то, что за них дают, может скучать продажей их. ...» — *ПСС*. Т. 63. С. 187.

Л.Н. Толстой не знал о тех сложностях, которые возникли. «Ящики с яблоками, отправленные по железной дороге, пришли в Москву разбитыми; часть яблок была разворована в дороге; поэтому торговцы, покупавшие яблоки на товарной станции, давали за них дешевую цену. Яблоки пришлось перевезти в сарай хамовнического дома и приискивать покупателей на Болотной площади». — *Там же*. С. 189. Комментарий *М.А. Цявловского* и *В.С. Мишина*.

По приезде в Москву в октябре 1884 года продажей яблок занялась С.А. Толстая. Об этом она упомянула в письме мужу 23 октября 1884 года. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 257.

⁸¹ Т.е., отбросивший вожжи, не повинующийся. — См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка... Т. IV. С. 16.

⁸² Курсив мой. — В.А.

⁸³ Далее пишет *И.Л. Толстой*.

⁸⁴ Собака *И.Л. Толстого*.

⁸⁵ Ироничное обращение Л.Н. Толстого к сыну начиналось так: «... Илья Львович[,] здравствуйте, собака препротивная, но так как твое счастье жизни сосредоточено в ней, то ее оставят. Свойства ея таковы: вальдшнепов она не чует, а выстрел чует и как только услышит, то бежит домой стремглав. ...» — *ПСС*. Т. 63. С. 188.

⁸⁶ В том же письме сыновьям Л.Н. Толстой писал: «... Сапоги, мама говорит, надо починить, а новые к весне. ...» — *Там же*.

⁸⁷ Т.А. Кузминская с детьми возвращалась из Ясной Поляны в Петербург (см. выше *примеч. 59*). Обращаясь к С.Л. Толстому, Л.Н. Толстой в том же письме заметил: «... Тетя Таня, как и прошлого года, в восторге от вашего посещения на железн[ой] дороге. Она точно вас всех и тебя очень любит. ...» — *Там же*.

⁸⁸ Младший брат С.А. Толстой, *В.А. Берс* (см. о нем *примеч. 2* к Главе 8 Книги I) жил вместе с матерью в Ряжске, где он «находился на инженерных строительных работах на железной дороге», и завершал обучение в С.-Петербургском институте инженеров путей сообщения, в который он поступил в 1881 году. — *ЦГИА СПб.*, ф. 381, оп. 3. Дело № 2. Л. 4. См. также: *Сафонова О.Ю.* Род Берсов в России... С. 99-103; *Толстая С.А.* Моя жизнь... Т. I. С. 418.

⁸⁹ Помощник казначея московской городской управы, коллежский регистратор князь *Л.Д. Оболенский* (см. выше *примеч. 6* к Главе 6 Книги I) начинал службу в Москве с 1871 года в правлении Курской железной дороги. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 110-113. См. также: *Адрес-календарь города Москвы на 1884 г.* ... С. 72.

⁹⁰ Из Ряжска В.А. Берс (см. о нем выше *примеч. 88*) на короткое время вместе с матерью переехал в Серпухов, где в это время уездным исправником в губернском полицейском управлении служил его старший брат, Петр Андреевич *Берс* (1849-1910). — *Там же*. С. 13.

⁹¹ Князь Л.Д. Оболенский (см. о нем выше *примеч. 89*) жил с семьей в доме жены надворного советника Анны Степановны *Каринской* в Гагаринском переулке на Пречистенке. — *Там же*. С. 72, 400.

⁹² С Дмитрием Алексеевичем *Дьяковым* (1823-1891) Л.Н. Толстой подружился в Казани в конце 1840-х годов. Переезд в Москву еще сильнее сблизил их. Прекрасный рассказчик и «все тот же неумолкаемый соловей», он пришелся по душе всем членам семьи Л.Н. Толстого. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 70-71, 217.

Впоследствии Дьяковы, Кузминские, Оболенские и Толстые многие годы «дружили домами». — *ПСС*. Т. 83. С. 109-114 и др. См. также: *Зайцева Н.В.* Портреты и судьбы: К истории портрета Долли Дьяковой работы Карла Лаша // *Толстовский ежегодник 2002*. Тула: Власта, 2003. С. 184-200; *Кузминская Т.А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне... (указ.).

Дети Толстых любили Д.А. Дьякова больше других. — См.: *Толстой И.Л.* Мои воспоминания... С. 118-119.

⁹³ Мария Дмитриевна *Колокольцова* (урожд. Дьякова; 1850-1903) с начала 70-х годов с отцом бывала в яснополянском доме Толстых и подружилась со всеми членами семьи. — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания... С. 92-98, 162-163; *Толстой И.Л.* Мои воспоминания... С. 99; *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 32.

Зимой 1876 года Толстые принимали живое участие в ее приготовлениях к свадьбе с Николаем Аполлоновичем *Колокольцовым* (1847-1920). — *ПСС*. Т. 83. С. 221-223.

После того, как в 1880 года Д.А. Дьяков во второй раз овдовел, его старшая дочь еще больше сблизилась с отцом. Особенно это проявилось в последние дни жизни Д.А. Дьякова, свидетельницей которых стала С.А. Толстая. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 452-454.

⁹⁴ Из большого мамонтовского семейства дети Толстых подружились с Сергеем Саввичем *Мамонтовым* (1867-1915). У мальчика рано проявилась тяга к охоте и верховой езде, склонность к литературным занятиям и желание самому участвовать в представлении. Первая драма 11-летнего Сережи Мамонтова — «Анастасия Прекрасная», сцены из древнерусской жизни — была поставлена на домашней сцене в Абрамцево. — См.: *Прахов Н.А.* Старое Абрамцево: Воспоминания детства. Абрамцево, 2013. С. 5; *Пастон Э.* Абрамцево: Искусство и жизнь. М.: Искусство, 2003. С. 111, 408-409.

Кроме того, в одном классе с И.Л. Толстым учился *Юрий Анатольевич Мамонтов* (1871-1907) — сын организатора типографии в Леонтьевском переулке, в которой печатались и сочинения Л.Н. Толстого, издателя-просветителя Анатолия Ивановича Мамонтова (1839-1905) и его жены, Марии Александровны (урожд. Лялиной; 1847-1904), писательницы, переводчицы, издательницы журнала «Детский отдых» и владелицы магазина «Детское воспитание». — См.: *Бокман Г.* Люди и судьбы: Мамонтовы в российской культуре: Век XIX — начало XX (Анатолий Мамонтов и его изд-во) // (http://ricolor.org/history/cu/mezenat/24_09_2011/). См. также: *Двадцатипятилетие московской частной гимназии*, учрежденной Л.И. Поливановой... С. 41.

⁹⁵ Почетный доктор медицины, один из первых врачей-гомеопатов, К.К. Боянус многие годы имел частную практику в Москве и был весьма состоятельным человеком. — См.: *Боянус К.* Опыт приложения гомеопатии в хирургии. Н.-Новгород, 1861; *Боянус К.* Гомеопатия в России: Ист. очерк. М., 1882.

В 1884 году вместе с женой и младшими детьми он покинул Москву и переселился в свое имение Ключи Самарской губернии. В Москве оставались учиться Алексей, Александр и их сводная сестра Катя Давыдова (см. о них выше *примеч.* 28).

О том, каким важным для Ильи Толстого было общество Алексея Боянуса, свидетельствует запись Т.Л. Толстой от 6 августа 1883 года: «Илья говорит, что его лучший друг — Боянус, не считая папá». — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 90. См. также: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 279-280.

Вероятно, у своего друга Илья и взял деньги в долг.

⁹⁶ Т.е., 29 сентября 1884 года.

⁹⁷ Т.е., 24 сентября 1884 года.

⁹⁸ См. о нем *примеч.* 21.

⁹⁹ Возможно, речь идет о бывшем ученике Л.Н. Толстого, *С.И. Глебова* (умер в 1889 году), который с 1883 года был управляющим самарским имением Толстых. — *ПСС*. Т. 83. С. 455, 458. См. также: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 142, 160, 175.

¹⁰⁰ См. о ней выше *примеч.* 58.

¹⁰¹ Генерал от кавалерии, член Государственного Совета, граф Александр Иванович *Бреверн-Делагарди* (Бреверн-де-ла-Гарди, 1814-1890) был женат на Марии Александровне Воейковой (1826-1906); в семье было трое детей: Николай (1856-1929) впоследствии стал дипломатом, а две дочери — Мария (1857-1915) и Екатерина (1859-1920) — стали фрейлинами императрицы Александры Федоровны. Гувернантка-француженка в такой семье безусловно была нужна.

¹⁰² *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13765. Л. 1-2. Автограф.

¹⁰³ Анна Сейрон (см. о ней выше *примеч. 16*) получала самое большое жалование по сравнению с другими учителями и гувернантками в доме Толстых: 50 рублей в месяц. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 266.

¹⁰⁴ См. выше *примеч. 80*.

¹⁰⁵ Вероятно, речь идет о свидетельстве на продажу яблоч. — См.: *Яснополянский сборник 2008...* С. 260, 267.

О проблеме яблоневого сада и сбыта урожая яблоч с нескольких тысяч деревьев, посаженных в том числе и своими руками, подробнее см. в кн.: *Никитина Н.А.* Повседневная жизнь Льва Толстого в Ясной Поляне. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 205, 216-218.

¹⁰⁶ См. о нем выше *примеч. 94*.

¹⁰⁷ Т.е., 21 сентября 1884 года.

¹⁰⁸ Возможно, Л.Л. Толстой ошибся: праздник Преставления святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова приходился на среду, 26 сентября 1884 года.

Но, м.б., гимназист Л.Л. Толстой так отмечал свое пребывание в гимназии: по святам, одного из именинников, появившихся на свет 27 сентября, звали *Гимнасий* — т.е., упражняющийся (*греч.*).

¹⁰⁹ Как и другие учебные заведения, Лазаревский институт восточных языков, в котором учился Алкид Сейрон (см. выше *примеч. 61*), жил по православному календарю. 26 сентября 1884 года был неприсутственный день в связи с праздником Преставления святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Следовательно, в среду Алкид мог весь день провести с матерью в хамовническом доме. Дети Толстых, дружившие с Алкидом, были этому рады.

¹¹⁰ Л.Л. Толстой опасался, что родители не позволят ему так часто бывать дома, т.к. прошлый праздник — Успение святого Иоанна Златоуста — в пятницу, 14 сентября 1884 года он провел в Ясной Поляне (см. выше *примеч. 60*).

¹¹¹ М.А. Кузминская (см. о ней выше *примеч. 33-35*).

¹¹² Курсив мой. — *В.А.*

¹¹³ Вероятно, речь идет о внебрачном сыне Л.И. Поливанова и Варвары Петровны Кобылинской (умерла в 1907 году), Льве Львовиче Кобылинском (1875-1947). Впоследствии он стал переводчиком, поэтом, критиком и выступал под псевдонимом *Эллис*. — См.:

Русские писатели: 1800-1917... Т. 5. С. 46-47; *Краткая литературная энциклопедия: В 9-ти томах.* М.: Сов. энцикл., 1975. Т. 8. Стб. 878.

Л.Л. Кобылинский был на полтора года старше А.Л. Толстого (см. о нем Главу 9 Книги II).

¹¹⁴ Помимо изучения естественных наук в университете (см. выше *примеч.* 37), С.Л. Толстой посещал специальные курсы в московской консерватории и занимался дома с приглашенным к нему профессором Николаем Дмитриевичем *Кашкиным* (1839-1920), который на протяжении нескольких лет (1881-1885) давал ему уроки фортепианной игры. — См.: *Толстой С.Л.* Мои воспоминания о Н.Д. Кашкине. — *РГАЛИ*, ф. 2743, оп. 1, ед. хр. 306. Л. 18-23. Автограф. См. также: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 128.

¹¹⁵ Горожане были заранее предупреждены о полном лунном затмении с полудня субботы, 22-го сентября до начала 4-го ночи в воскресенье, 23-го числа. — См.: *Бредихин Ф.* Полное затмение луны // *Московские ведомости*. М., 19 сентября 1884 года, № 260. С. 3. См. также: *Лунное затмение* (Сценка) / *Картуз* // *Московский листок*. М., 26 сентября 1884 года, № 266. С. 2-3.

Под псевдонимом *Картуз* скрывался журналист, писатель, переводчик Александр Максимович *Герсон* (1851-1888). — См.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. II. С. 5; Т. IV. С. 126.

¹¹⁶ Эта странная цифра возникла, вероятно, как синоним слова «долго» и как отголосок домашних разговоров. Обучение в гимназии было восьмилетним, но часть этого времени Л.Л. Толстой провел дома (см. выше *предисловие к письмам*).

¹¹⁷ Далее пишет *И.Л. Толстой*.

¹¹⁸ Бывшее имение Аксаковых, усадьба Мамонтовых в Абрамцево, в 60-ти км от Москвы, была прекрасным местом отдыха для художников и для охотников (см. выше *примеч.* 94) (<http://www.radoneje2010.bibliogorlov.ru/kalendar/oct/mamontov.html>) (http://piterhunt.ru/library/books/portrety_gonchatnikov/xi_v_s_mamontov).

¹¹⁹ О кн. Л.Д. Оболенском см. выше *примеч.* 89 и 91.

¹²⁰ См. о нем выше *примеч.* 92.

¹²¹ Действительно, И.Л. Толстой упомянул об этом в конце письма от 20 сентября 1884 года (см. выше).

¹²² Н.М. Нагорнов (см. о нем *примеч.* 7 к Главе 6 Книги I) жил с семьей в Мало-Толстовском переулке. — См.: *Адрес-календарь города Москвы на 1884 г.* ... С. 78.

¹²³ Племянница Л.Н. Толстого, В.В. Нагорнова (см. о ней выше в *примеч.* 15 к Главе 5) с шестью детьми в возрасте от одиннадцати лет до пяти месяцев (см. *примеч.* 7 к Главе 6 Книги I) вернулись в Москву. — *ПСС*. Т. 46. С. 493-495; Т. 83. С. 268.

¹²⁴ На эту просьбу сыновей приехать домой Л.Н. Толстой ответил телеграммой: «Валяйте, ребята, все трое». — *Там же*. Т. 63. С. 455.

Включая эту телеграмму в 63-й том, составители адресовали ее двум сыновьям Л.Н. Толстого (Льву и Илье) и *Алкиду Серону*. Публикуемое письмо не оставляет сомнений в том, что строгий отец разрешает *трем сыновьям* приехать на два дня домой.

¹²⁵ На самом деле, мальчики приехали вечером в субботу 29 сентября 1884 года и через день, вечером 1 октября отправились в Москву (см. *ниже*).

¹²⁶ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13766. Л. 1-2. Автограф.

¹²⁷ Первый студенческий бунт в Москве произошел во вторник, 2 октября 1884 года и был вызван введением нового устава, уничтожавшего университетскую автономию. Он был прямо направлен на оттеснение малоимущих от обучения. Удваивалась плата за слушание лекций и, «вслед за уставом, грянул циркуляр о введении обязательной для каждого студента новой формы: мундиры со шпагой, сюртуки, тужурки и пальто со светлыми гербовыми пуговицами и синими выпушками — бедноте не по карману.

Осенью 1884 года запылали студенческие беспорядки, подогретенные еще рядом статей в защиту правительства и обычными доносами “Московских ведомостей”.

Под влиянием всего этого студенческие беспорядки в первый раз вырвались на улицу.

На сходке студенты постановили устроить демонстрацию газете. К семи часам вечера студенты кучками и неожиданно с разных сторон пришли на Страстной бульвар и устроили грандиозный кошачий концерт перед окнами редактора М.Н. Каткова с разбитием в них стекол. Явилась полиция и конный жандармский дивизион. Это был в Москве первый случай такого выступления конных жандармов. Жандармы с нагайками носились по бульвару и обоим проездам, разгоняя демонстрацию. Попадало всякому — и студенту и нестуденту. Били кого попало и как попало. На мостовой валялись избитые в кровь. Жандармов сбивали с лошадей, и лошади носились без всадников.

... На помощь жандармам примчалась сотня 1-го Донского казачьего полка, выстроилась поперек проездов и бульвара и, не шелохнувшись, стояла, а жандармы успели окружить толпу человек в двести, которую казаки и конвоировали до Бутырской тюрьмы. ...». — См.: *Гиляровский В.А.* Сочинения: В 4-х томах. М.: ТЕРРА, 1997. Т. 3. С. 9-10.

О первом бунте студентов писали газеты разных направлений. — См.: *Московские ведомости*. 5 октября 1884 года, № 276. С. 2; 7 октября 1884 года, № 278. С. 2; *Русские ведомости*. М., 4 октября 1884 года, № 275. С. 3. См. также: *Орлов В.И.* Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934; *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М.: Наука, 1978. С. 268.

¹²⁸ Вероятно, описка. Понедельник, 1 октября 1884 года, — праздник Покрова Пресвятыя Богородицы, непростительный день. С разрешения родителей в субботу вечером 29 сентября 1884 года трое сыновей приехали в Ясную Поляну и провели там два дня: воскресенье и понедельник. Об этом 1 октября 1884 года Л.Н. Толстой писал Черткову: «...мальчики мои, трое, живущие уже в Москве и приезжавшие на два праздника, сейчас уезжают». — *ПСС*. Т. 85. С. 102.

Более подробный рассказ о пребывании детей в Ясной Поляне находим в письме С.А. Толстой от 3 октября 1884 года Т.А. Кузминской: «<...>они нам из Москвы писали, просили позволения приехать на два дня: воскресенье и Покров. Левочка сам им телеграфировал: “валите, ребята, все трое”. Телеграмма эта произвела шумную радость, и вот в субботу вечером привалили четыре мальчика (четвертый — товарищ Ильи, Мамонтов, 16 или 17 лет, сын Лизаньки Сапожниковой, помнишь ее?). Все были веселые и довольные, начались приготовления к охоте<...>. Весь день мальчики охотились с гончими, а Леля от них особенно. Илья убил зайца, Леля двух бекасов и еще три птички, он ездил на болото. На другой день ездили с борзыми, протравили зайца, лошадь желтая под Мамонтовым упала, ему немного коленку ушибла. Леля ходил за вальдшнепами, убил одного. Вечером пели хором, очень плохо, потом ели арбуз, виноград, болтали вздор бесконечный и уехали в ночь на воскресенье в Тулу с поездом, который только из Тулы ходит в 12 час<ов> вечера. <...>». — *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской. Автограф. Курсив мой. — *В.А.*

... “валите...” — Не совсем точно. Текст телеграммы Л.Н. Толстого см. выше в *примеч. 124*.

... сын Лизаньки Сапожниковой... — дочь купца 1-ой гильдии Елизавета Григорьевна Сапожникова (1847-1908) в 1865 году вышла замуж за Савву Ивановича Мамонтова (1841-1918). Это уточнение в письме С.А. Толстой позволяет назвать имя друга Ильи, Сергея Мамонтова (см. о нем выше в *примеч. 94*).

... в ночь на воскресенье... — судя по тексту письма, речь идет об отъезде трех мальчиков в ночь на вторник.

¹²⁹ О каких письмах идет речь, установить не удалось.

¹³⁰ Л.И. Поливанов (см. о нем в Главе 4 Книги I).

¹³¹ Л.Л. Толстой явно переоценил свои возможности. См. об этом ниже в его письме Л.Н. Толстому от 21 октября 1884 года.

¹³² Возможно, речь идет о фельдшере Юлии Макаровне Степановой, которая служила в училище Императорских московских театров. — См.: *Адрес-календарь города Москвы на 1884 г.* ... С. 18.

¹³³ По словам С.А. Толстой, в воскресенье вечером «<...> Таня, miss Lake, Маша и я — все нарядились в настоящие бабьи паневы и весь наряд. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской. Автограф.

...miss Lake... — новая англичанка появилась в доме Толстых год назад. С.А. Толстая упомянула о ней в письме мужу из Москвы 14 ноября 1883 года. — См.: *Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому...* С. 243-244.

¹³⁴ В письме сестре от 3 октября 1884 года, которое цитировалось выше, С.А. Толстая заметила: «<...> Левочка <...> в саду всякий день рубит сухие и лишние деревья и отдает их разным приезжающим за этим мужикам и бабам. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской. Автограф.

¹³⁵ Письмо неизвестно.

¹³⁶ День С.А. Толстой складывался так, что она не очень-то могла воспользоваться добрыми советами сына. 3 октября 1884 года она жаловалась сестре: «<...> Погода испортилась и я прекратила всякое общение с природой: работаю, крою, учу Андрюшу час по-русски, а Машу часа два или три в день: по-русски, потом по-французски и по-немецки. <...>» — *Там же*. Автограф.

Кроме Маши и Андрюши, в Ясной Поляне до 19 октября 1884 года оставались с родителями двадцатилетняя Татьяна, четырехлетний Миша, двухлетний Алеша и трехмесячная Саша. — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник...* С. 117.

¹³⁷ Муська оставалась в Москве вместе с мальчиками. Об этом С.А. Толстая писала мужу 16 августа 1885 года. — См.: *Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому...* С. 314.

¹³⁸ Василий Алексеевич — дворник при московском доме Толстых.

¹³⁹ С.А. Толстая была огорчена настроением сыновей. В цитированном выше письме сестре от 3 октября 1884 года этому уделено много внимания: «<...> Рассказов от мальчиков

никаких не было, но впечатление они оставили нехорошее: Левочка говорит правду, что серьезного ни одного слова не сказали, — все шуточки, юродство, вздор, как будто у них ни чувств, ни мыслей никаких нет. К madame они враждебны, к Поливанову тоже, к ученью — презренье, к жизни — легкомыслие, к деньгам — жадность. Все это огорчительно и мы решили, что влияние наше семейное, и особенно отцовское, им очень нужно и потому надо к ним ехать. Это и сам Левочка выразил. <...>» — **ОР ГМГ**. Архив Т.А. Кузминской. Автограф.

¹⁴⁰ Далее пишет С.Л. Толстой.

¹⁴¹ Эта полудетская неосознанная привычка Льва привирать нашла отражение в «Почтовом ящике» Толстых. В «Скорбном листе душевнобольных яснополянского госпиталя» о Льве было сказано так: «...очень выразились признаки мании... нужно не самое дело, не самое чувство, не самое знание, а что-то такое, что было бы похоже на дело, на чувство, на знание. Признаки частные: желание казаться всезнающим и быть замеченным всеми. Болезнь не очень опасная. Лечение, к которому и приступлено: унижение. ...» — См.: **Толстой И.Л.** Мои воспоминания... С. 183.

¹⁴² Выражение «На Шипке все спокойно!» стало горькой поговоркой после русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Тогда на Шипкинском перевале ежедневно солдаты гибли от турецких пуль и непогоды, а в донесениях в Россию командование сообщало: «На Шипке все спокойно».

Остропублицистический триптих очевидца событий, художника Василия Васильевича Верещагина (1842-1904), в который вошел и этюд «На Шипке все спокойно» (1878-1879), произвел сильное впечатление в России во время демонстрации Балканской серии в Петербурге и Москве в 1883 году и долгие годы не терял своей остроты и актуальности. — См.: **Московский дневник зрелищ и объявлений**. 21 апреля 1883 года, № 199. С. 2; **Там же**. 25 мая 1883 года, № 232. С. 2.

¹⁴³ Со Степаном Михайловичем Блекловым (1860-1913), впоследствии ставшем народовольцем, С.Л. Толстой подружился еще в середине 70-х годов в тульской гимназии. — См.: **Толстой С.Л.** Очерки былого... С. 51, 126-127, 157-158. См. также: **Деятели революционного движения в России**: от предшественников декабристов до падения царизма: Биобиблиогр. словарь: В 5-ти томах. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. Т. 3: **Восьмидесятые годы**. Вып. 1. Стб. 317-318.

¹⁴⁴ На охоте Сергей Мамонтов повредил ногу (см. об этом выше в *примеч.* 128).

¹⁴⁵ **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14666. Л. 1-2 об. Автограф. Подчеркнуто С.Л. Толстым. Датируется условно по содержанию.

¹⁴⁶ **Там же**. Архив Л.Н. Толстого. БЛ, п. 108/9. Л. 1-1 об. Автограф. Подчеркнуто Л.Л. Толстым. Это письмо считалось утраченным. — **ПСС**. Т. 83. С. 438. Датируется условно по содержанию.

¹⁴⁷ С.А. Толстая упоминает об этом 22 октября 1884 года в неопубликованном письме мужу из Москвы в Ясную Поляну: «<...> Вчера вечером Илья, Алкид и Лёля ходили в цирк, я им дала только по 60 к<опек. ...>». — **ОР ГМТ**. Архив Л.Н. Толстого, № 167. Л. 2 об. Автограф.

В течение всего месяца труппа А. Саламонского привлекала внимание зрителей новыми номерами. «В воскресенье, 21 октября, большое представление, состоящее из лучших номеров репертуара. А в заключение ... большой фантастический балет исполняют

18 кавалеров и 24 дамы». — См.: *Цирк Саломонского, на Воздвиженке // Московские ведомости*. 21 октября 1884 года, № 292. С. 2.

Альберт Саломонский (1839-1913) — цирковой предприниматель, наездник, конный акробат, дрессировщик лошадей. До 1879 года он владел цирком в Берлине. Обосновавшись в Москве в начале 80-х годов, А. Саломонский построил цирк на Цветном бульваре и в 1884 году пристраивал к нему каменные конюшни. Пока шли строительные работы, труппа А. Саломонского давала представления в здании *цирка на Воздвиженке*, построенного в 1869 году Карлом Маркусом Гинне (1819-1890). — См.: *Цирковое искусство в России: Энциклопедия*. М.: БРЭ, 2000. С. 101, 271, 333-334.

¹⁴⁸ Речь идет о приезде в Москву С.А. Толстой с остальными детьми. Неделю спустя, 28 ноября 1884 года Т.Л. Толстая записала в дневнике: «... Мы приехали из Ясной 20 октября. Папа еще остался недели на две. ...» — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник...* С. 117 (см. выше *примеч. 136*).

¹⁴⁹ Л.Н. Толстой обратил внимание на эту фразу. В его письме С.А. Толстой от 24 октября 1884 года есть строки, адресованные сыну: «... Спасибо Леле, что написал мне. Мне очень было приятно. И письма его очень похожи на него. ... Леля тебя хорошо ат[т]естовал. ...» — *ПСС*. Т. 83. С. 437.

¹⁵⁰ Возможно, Л.Л. Толстой передразнивает мадам Сейрон, именно так произносившую слово «характер» (от фр. *caractère* — нрав, отличительная черта).

¹⁵¹ С.А. Толстая знала о положении дел в гимназии из писем Анны Сейрон. Мотивируя необходимость скорейшего переезда в Москву, она 14 октября 1884 года писала Т.А. Кузминской: «<...> Пора нам ехать жить с мальчиками, авось влияние семьи на них будет хорошее, а то по письмам мадам очень плохо они учатся и совсем предались жизни с дворниками, горничной Лизой, которую я прогоняю, и тому подобной компании. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской. Автограф.

Об учебе мальчиков С.А. Толстая написала мужу 21 октября 1884 года: «... У мальчиков всё хорошо; учится Илья хорошо, кажется, а Лёля не довольно хорошо, единицы за алгебру и русский диктант по два раза. ...» — См.: *Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому...* С. 255.

¹⁵² Из трех пожаров, о которых писали газеты, вероятно, речь идет о следующем событии: «22 октября, в 12 часов дня, в двухэтажном ветхом деревянном доме Вознесенского женского монастыря, по набережной реки Москвы, Хамовнической части, арендуемой купцом Кузнецовым, произошел пожар, причем дом этот сгорел до основания. Дом монастыря застрахован в Северном Страховом Обществе в 1.500 рублей. Убытку от пожара этого дома заявлено на 1.500 рублей, и кроме того, заявлен убыток жильцов этого дома на 450 рублей. Пожар этот, как предполагают, произошел от сильно натопленной печи в квартире крестьянки Беспаловой». — См.: *Московские ведомости*. 24 октября 1884 года, № 295. С. 3.

В цитированном выше неопубликованном письме С.А. Толстой мужу от 22 октября 1884 года по этому поводу говорилось так: «<...> Мальчики сегодня утром ходили смотреть пожар около Москвы-реки, к Девичьему Полю, и помогали пожарным воду качать. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Л.Н. Толстого, № 167. Л. 1 об. Автограф.

¹⁵³ Николай Андреевич Кислинский (1864-1900) — сын председателя Тульской губернской земской управы Андрея Николаевича Кислинского (1831-1888), товарищ С.Л. Толстого — часто бывал в доме Толстых. С.А. Толстая считала его опасным поклонником старшей дочери Татьяны. 22 октября 1884 года в недатированном письме мужу

она упомянула о нем в таком контексте: «<...> Сейчас посмотрела в окно, наши мальчики, Илья, Алкид и Лёля прыгают опять — и о ужас! *Кисленский* стоит! Уже! <...>» — *Там же*. Л. 2 об. Курсив мой. — *В.А.*

¹⁵⁴ С.А. Толстая считала это небезопасным занятием. 21 октября 1884 года она писала мужу: «... Мальчики все с Альсидом в саду прыгают через барьеры, кто выше, кто дальше. ...» — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 255.

¹⁵⁵ С.А. Толстая осталась со всеми другими членами семьи в Москве. Л.Л. Толстой приехал в Ясную Поляну после длительной изнурительной болезни, начавшейся в середине марта 1885 года, в процессе которой лихорадка всё больше становилась похожей на тиф. К маю болезнь отступила, и родители разрешили сыну перенести экзамены на август и вернуться домой, чтобы вдоволь насладиться охотой. — *ПСС*. Т. 63. С. 225-226, 234-235, 242. См. также: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 313-325.

¹⁵⁶ 15-летний Л.Л. Толстой тянулся к отцу и находился под влиянием его идеи опрощения. По собственной воле, приехав один в Ясную Поляну, он пытался начать с малого.

¹⁵⁷ В Ясной Поляне было два кучера и обоих звали Адрианами (см. выше примеч. 4 к Главе 17 Книги I). Кто из них имеется в виду в данном случае, установить не удалось.

¹⁵⁸ Михаил Филиппович Егоров — один из кучеров в Ясной Поляне; молочный брат С.Л. Толстого. — См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 21.

¹⁵⁹ Кличка собаки в Ясной Поляне.

¹⁶⁰ Толстые переехали в Ясную Поляну из Москвы в середине мая 1885 года. — *ПСС*. Т. 63. С. 248-250.

¹⁶¹ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13767. Л. 1-2. Автограф.

¹⁶² С.А. Толстая сделала примечание к письму Л.Н. Толстого от 17 августа 1885 года, касающееся Владимира Владимировича Трескина (1863-1920), студента-юриста, страстного любителя охоты: «сын московского нотариуса, приятель моих детей. В то время он взялся помочь держать корректуры» пятого издания Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого. — *ПСС*. Т. 83. С. 505-506.

В.В. Трескин принимал участие в игре Толстых в «Почтовый ящик». — См.: *Толстой И.Л.* Мои воспоминания... С. 186, 403.

Кузина Л.Л. Толстого, Мария Сергеевна Бибикина (урожд. Толстая; 1872-1954) позднее вспоминала о Трескине как об одном из поклонников Т.Л. Толстой в эти годы. — См.: *Бибикина М.С.* В семье Толстых // *Л.Н. Толстой и его близкие*... С. 54-56.

¹⁶³ См. о нем выше в *примеч. 70*.

¹⁶⁴ Когда дети Толстых только поступили в гимназию Л.И. Поливанова, Константин Александрович Иславин (1827-1903), дядя С.А. Толстой, поселился в их московском доме, выбрав для себя пустовавший кабинет Л.Н. Толстого. Писателю стоило немало труда «дружелюбно избавиться от него», как он и обещал жене в письме от 3 октября 1883 года. — *ПСС*. Т. 83. С. 400-401.

По инициативе Толстого, К.А. Иславин поступил на службу сначала в редакцию «Московских ведомостей», потом до конца жизни был смотрителем Странноприимного дома Шереметева.

Дети Толстых любили общество дяди Кости. — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания... С. 90; *Толстой И.Л.* Мои воспоминания... С. 116-118.

¹⁶⁵ Речь идет о члене Государственного совета Борисе Павловиче Мансурове (1828-1910) и его жене, Марии Николаевне (урожд. княжне Долгоруковой; 1833-1914).

¹⁶⁶ Светлейшая княгиня Вера Ивановна Салтыкова-Головкина (урожд. Лужина; 1832-1885) скончалась 22 августа 1885 года в усадьбе Красное в Подольском уезде Московской губернии. Похороны ее состоялись в Москве, на кладбище Донского монастыря, 28 августа 1885 года. О ее многолетней благотворительной деятельности см.: *Княгиня Вера Ивановна Салтыкова-Головкина: Некролог /А.К.//Московские ведомости.* 10 сентября 1885 года, № 250. С. 4.

В архиве К.А. Иславина сохранился фрагмент её более раннего письма без точного указания даты. — *РГАЛИ*, ф. 228, оп. 1, ед. хр. 183. Л. 1. Автограф на фр. языке.

¹⁶⁷ К.А. Иславин был хорошим музыкантом. Его дарование было отмечено А.Г. Рубинштейном (см. о нем примеч. 19 к Главе 9 Книги I). — См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 369. См. также некролог, написанный Сергеем Дмитриевичем *Шереметевым* (1844-1918): *Константин Александрович Иславин: †23-его марта 1903 года /[С.Ш.] М., 1903.* С. 10. Автор указан в конце некролога.

В архиве К.А. Иславина сохранились три недатированных письма Н.Г. Рубинштейна. — *РГАЛИ*, ф. 228, оп. 1, ед. хр. 178. Л. 1-3. Автограф.

¹⁶⁸ Письмо Л.Н. Толстого сыну неизвестно.

¹⁶⁹ После сдачи экзаменов в 5-й класс гимназии Л.Л. Толстой на несколько дней приезжал в Ясную Поляну.

¹⁷⁰ глухой (*фр.*)

¹⁷¹ Сведений об этом ученике найти не удалось. Среди тех, кто окончил в разные годы гимназию Л.И. Поливанова, есть Василий Давыдов (выпуск 1886 года) и, вероятно, его младший брат, Владимир Давыдов (выпуск 1892 года). — См.: *Двадцатипятилетие Московской частной гимназии, учрежденной Л.И. Поливановым...* С. 41, 43.

¹⁷² Фирма «Голландская мануфактура» рекламировала дешевое черное сукно по 1 р.25 коп. и 1 р.75 коп. — См.: *Московский листок.* 2 сентября 1885 года, № 243. С. 4.

¹⁷³ Мастерская Евгения Андреевича Скорнякова находилась на Петровке, в доме надворного советника, магистра фармации, Андрея Федоровича Форбрихера. — См.: *Адрес-календарь города Москвы на 1885 г. ...* С. 404, 808.

¹⁷⁴ Григорий Иванович — слуга в доме Толстых.

¹⁷⁵ Ближайшая суббота была 7 сентября 1885 года.

¹⁷⁶ В эти годы Л.Л. Толстой находился под влиянием отца и идеи опрощения, овладевшей им в начале 80-х годов. Летом 1884 года Л.Н. Толстой записал в Дневнике: «Жизнь, пища, одежда все самое простое. Все лишнее: фортепьяно, мебель, экипажи — продать, раздать. Наукой и искусством заниматься только такими, котор[ыми] бы можно

делиться со всеми. Обращение со всеми, от губернатора до нищего одинако[во]е. Цель одна — счастье, свое и семьи — зная, что счастье это в том, чтобы довольствоваться малым и делать добро другим». — *ПСС*. Т. 49. С. 122-123.

¹⁷⁷ *Никольское-Вяземское* — имение Толстых на берегу реки Чернь, в 100 верстах от Ясной Поляны. Через несколько лет оно будет поделено между старшими сыновьями Толстых, Сергеем и Ильей Толстыми. — См. подробнее: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 118-119, 179-181.

Илья любил охотиться в Никольском на волка вместе с местным помещиком Яковом Ивановичем Головиным (род. в 1852 году). — *ПСС*. Т. 63 (указ.); Т. 83 (указ.); *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 45.

¹⁷⁸ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13772. Л. 1-2. Автограф. Подчеркнуто Л.Л. Толстым. Датируется условно по содержанию.

¹⁷⁹ *Там же*, № 13771. Л. 1-2 об. Автограф.

¹⁸⁰ Письмо С.А. Толстой с вопросами сыну неизвестно.

¹⁸¹ См. о нем выше *примеч. 164*.

¹⁸² См. выше *примеч. 167*.

¹⁸³ После провала на экзаменах из 7-го в 8-ой класс И.Л. Толстой вернулся в Ясную Поляну и проводил время с приятелями на охоте, чем очень огорчал родных. В частности, С.А. Толстой упоминала об этом в письмах Н.Н. Страхову от 22 августа и 9 сентября 1885 года. — См.: *Толстая С.А., Толстой Л.Н.* Переписка с Н.Н. Страховым... С. 178, 183. См. также: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 313-325.

¹⁸⁴ Т.А. Кузминская хотела остаться в Ясной Поляне до 18 сентября 1885 года. — См.: *Толстая С.А., Толстой Л.Н.* Переписка с Н.Н. Страховым... С. 183-184.

¹⁸⁵ О.Н. Тиблен (1860?-1938) — гувернантка детей Кузминских, находившаяся вместе с ними в Ясной Поляне. — *ПСС*. Т. 83. С. 506-508. См. также: *Толстой в 80-е годы: Записки И.М. Ивакина... //Лев Толстой... (Литературное наследство; Т. 69)*. Кн. 2. С. 52-53.

¹⁸⁶ См. о ней выше *примеч. 51*.

¹⁸⁷ Билет от Москвы до станции Козловка-Засака стоил 2 р.76 к. в 3-ем классе и 5 р.40 к. в вагоне 2-го класса. — См.: *Адрес-календарь города Москвы на 1885 г. ...* С. LXVII.

¹⁸⁸ Далее пишет *К.А. Иславин*.

¹⁸⁹ Буквальный перевод с немецкого. Ср.: *Sich zusammennehmen* — брать себя в руки (дословно: брать себя вместе).

¹⁹⁰ О пребывании К.А. Иславина в юности в Дерпте см.: *Константин Александрович Иславин... /Г[раф] С. Ш[ереметев]*. С. 5.

¹⁹¹ От *assaisonner* — приправлять, сдабривать (*фр.*).

¹⁹² Однако у С.А. Толстой сложилось совсем иное впечатление о вкусах и наклонностях дяди Кости. 1 октября 1883 года она писала мужу: «... Знаешь, Левочка, что Костенька совсем поселился! Спит в твоём кабинете, и с утра до ночи уверенным, наглым тоном требует всяких усовершенствований в моем хозяйстве, или закуски, или вина, или начинает смеяться надо мной, что я тебе пишу всякий день, или учит меня, как жить...» — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 235-236.

¹⁹³ Об этом Л.Л. Толстой писал родителям накануне, 5 сентября 1885 года (см. выше).

¹⁹⁴ См. об этом выше *примеч. 166*.

¹⁹⁵ Княжна Екатерина Алексеевна *Салтыкова-Головкина* (умерла в 1914 году), дочь покойной, жила в своем доме на Пречистенке. — См.: *Адрес-календарь города Москвы на 1885 г.* ... С. 444. См. также: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 477-487, 482.

См. также два её более поздних письма К.А. Иславину. — *РГАЛИ*, ф. 228, оп. 1, ед. хр. 182. Л. 1-3. Автограф.

¹⁹⁶ В середине 80-х годов в семье Мансуровых (см. о них *примеч. 165*) было четверо детей: дочери Екатерина (1861-1926) и Наталья (1868-1934) и сыновья Павел (1860-1932) и Эммануил (1862-1899). Мансуровы жили в своем доме на Малой Дмитровке. — См.: *Адрес-календарь города Москвы на 1885 г.* ... С. 733.

¹⁹⁷ *Горюшки* — сельцо при реке Уче Московского уезда Марфинской волости 4-го стана с 9-ю дворами (21 мужчина, 23 женщины); при нем — имение *Б.П. Мансурова*.

¹⁹⁸ Толстые дружили с семьей московского губернатора Василия Степановича *Перфильева* (1826-1890) и его жены, Прасковьи Федоровны (урожд. Толстой; 1831-1887), троюродной сестры Л.Н. Толстого. Их сын Федор (1856-1894) был намного старше детей Толстых. Он был женат на Марии Александровне, урожд. княжне Голицыной (1859-1935), и служил в судебном департаменте.

¹⁹⁹ Плохое настроение, хандра (*шутл.*).

Долгое время считалось, что это слово придумал А.П. Чехов. На самом деле он ввел его в литературный оборот в ранних своих рассказах. — См.: *Чехонте А.* Актерская гибель // *Петербургская газета*. СПб., 10 февраля 1886 года, № 40. С. 3.

Позже А.П. Чехов использовал это слово в пьесах «Иванов» и «Три сестры», объяснив его значение в письме А.С. Суворину 24 августа 1893 года: «...у Вас нервы подгуляли и одолела Вас психическая полуболезнь, которую семинаристы называют мерлехлюндией». — См.: *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений... Письма... Т. 5. С. 229-230.

Использование этого слова К.А. Иславиным в середине 80-х годов XIX века позволяет утверждать, что на бытовом уровне слово в разных его модификациях (мерехлюндия, мерлехлюндия, мерлихлюндия) было известно давно и работало. Так, П.В. Нащокин 15 июля 1831 года писал А.П. Пушкину: «...не думай чтобы я был в мерлихлюндие...». — См.: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений... Т. 14. С. 192.

²⁰⁰ Заключительные строки шутливого стихотворения «Юнкер Шмидт», сочиненного поэтами Алексеем Константиновичем Толстым (1817-1875) и братьями Жемчужниковыми, скрывавшимися за литературной маской *Козьмы Пруткова*. — См.: *Козьма Прутков*. Пух и перья: Мысли и афоризмы. М.: Эксмо-пресс, 2002. С. 116; *Мир Козьмы Пруткова*: В 2-х томах. М.: Терра — Кн. клуб, 2003. Т. 1. С. 16, 398. См. также: Т. 2: *Жуков Дм.* Козьма Прутков и его друзья.

²⁰¹ Так называла Л.Л. Толстого тетушка, *Т.А. Кузминская* (см. ниже в письме от 19 сентября 1885 года).

²⁰² Письмо неизвестно.

²⁰³ Письмо неизвестно.

²⁰⁴ С.А. Толстая думала иначе. 23 сентября 1885 года она писала Т.А. Кузминской: «<...> Я решила переехать 12-го октября в Москву. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской.

²⁰⁵ Скачки начинались в 2 часа и во вторник, 17 сентября, гимназист Л.Л. Толстой успел сделать ставки, а заодно повидать родных и знакомых.

Газеты регулярно писали о ходе скачек, призах и победителях. — См.: *Московские скачки* /В.П.///*Московские ведомости*. 15 сентября 1885 года, № 255. С. 1-2; 17 сентября 1885 года, № 257. С. 5; 20 сентября 1885 года, № 260. С. 5. См. также: *Московские скачки* // *Новости дня*. М., 18 сентября 1885 года, № 253. С. 3; 19 сентября 1885 года, № 254. С. 4; и др.

²⁰⁶ В юности графиня Прасковья Сергеевна Уварова (урожд. кн. Щербатова; 1840-1924) превосходно владела искусством верховой езды.

Многие годы спустя, будучи уже известным историком и археологом, председателем Московского археологического общества, она не утратила интереса к скачкам и вместе с детьми иногда посещала их.

Средний сын Уваровых, Федор Алексеевич (1866-1954), в 1885 году по окончании Поливановской гимназии поступил на историко-филологическое отделение Московского университета; младший, Игорь (1869-1934), ровесник Л.Л. Толстого и его одноклассник. — См.: *Двадцатипятилетие Московской частной гимназии, учрежденной Л.И. Поливановым...* С. 41-42.

В 80-е годы Толстые нередко встречались с Уваровыми на званых вечерах в свете, но особой близости между ними не было. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 177-178. См. также: *Дробнич О.А., Шармин П.Н.* Усадьба Поречье: страницы истории. М., 2005. С. 140-141, 148; *Полякова М.А.* Усадьба Поречье Уваровых в культуре России. М., 2013. С. 118, 122.

²⁰⁷ Страстный охотник и коннозаводчик, тульский губернский предводитель дворянства в 1880-1885 годах, Федор Александрович Свечин (1844-1894) был автором рассказов, один из которых — «Финоген Семенович: Быль» — Л.Н. Толстой читал 8 апреля 1879 года. В этот день он записал в Дневнике: «Свечина рассказ. Про дворового: пора костям со двора под крышу. Душа уже не моя, а Божьей стала». — *ПСС*. Т. 48. С. 313; 532.

Л.Н. Толстой читал этот рассказ в рукописи, т.к. в печати он появился позднее, в июле 1879 года. — См.: *Русская речь*: Журнал литературы, политики и науки. СПб., 1879. Кн. VII. С. 1-28.

В памяти рассказчика остался последний разговор со стариком, состоявшийся весной 1870 года. Финоген Семенович, «вольнотпущенный дворовый человек из-под Тулы», утомился от жизни и отпущенные ему дни посвящал приготовлению к чему-то очень важному, таинственному и неизбежному: «...“нет, батюшка, времячко наше ушло... да быльем поросло; был конь, да заездился... и костям пора со двора... под крышу... да и душа[-]то... чужая уж... не своя... Господняя стала... об ней грешной надо подумать... время тоже нисколько”...» — *Там же*. С. 28.

Позднее 19 рассказов Ф.А. Свечина составили книгу, изданную в пользу голодающих Ефремовского уезда Тульской губернии. Рассказ, привлёкший внимание Л.Н. Толстого, открывал это издание. — См.: *Свечин Ф.А.* Наброски из действительной жизни: Сб. охотничьих и др. рассказов. М., 1891. С. 1-28.

²⁰⁸ В семье генерал-майора графа Виктора Федоровича *Келлера* (1834-1906) и его жены, Софьи Васильевны (урожд. Бобринской; 1837-1891), было трое детей: Виктор, в 1885 году окончивший лицей; Василий (1866-1940) и Лев (род. в 1868 году), с которыми дети Толстых встречались на званых вечерах, детских праздниках, в цирке или на скачках. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 174-175. См. также: *Список бывших воспитанников Императорского Лицея в память Цесаревича Николая*: Приложение к Лицейскому календарю на 1907-1908 учебный год. М., 1908. С. 25.

²⁰⁹ Вероятно, речь идет о “наших Оболенских”, т.е. о кн. Л.Д. Оболенском (см. выше *примеч. 89, 91*), его жене и их, на тот момент, шестерых детях, с которыми дружили дети Толстых (см. выше *примеч. 6* к Главе 6 Книги I).

²¹⁰ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой. Автограф.

²¹¹ См. о нем выше *примеч. 28, 95*.

²¹² См. о нем выше *примеч. 162*.

²¹³ См. о нем выше *примеч. 164*.

²¹⁴ Письмо написано после отъезда Т.А. Кузминской из Ясной Поляны (см. выше *примеч. 184*).

²¹⁵ Возможно, речь идет о дальнем родственнике, директоре учительской семинарии Московского воспитательного дома, позднее — цензоре московского цензурного комитета Николае Алексеевиче Трескине (1838-1894). — См.: *Языков Д.Д.* Материалы для “Обзора жизни и сочинений русских писателей и писательниц”. Вып. 14: *1894 г.* (Р-Я) / Публикация Г.Ю. Дрезгуновой // *Российский архив*: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. Т. II-III. М.: Рос. архив, 1992. С. 438-439; *Московский некроль*: В 3-х томах / Сост. В.И. Саитов, Б.Л. Модзалевский. Репринт. издание. СПб., 2006. Т. 3. С. 220.

²¹⁶ С.А. Толстая приехала в Москву 12 октября 1885 года. — *ПСС*. Т. 85. С. 261; *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 325-327.

²¹⁷ Это письмо Афанасия Афанасьевича Фета (урожд. Шеншин; 1820-1892), преклонявшегося перед Толстым-художником и с нежностью относившегося к С.А. Толстой, неизвестно. — См.: *Толстой Л.Н.* Переписка с русскими писателями...; *Афанасий Фет и его литературное окружение*: В 2-х кн. М.: ИМЛИ РАН, 2011 (*Литературное наследство*; Т. 103). Т. 2.

Об изменившемся отношении Л.Н. Толстого к А.А. Фету см.: *ПСС*. Т. 63. С. 293.

²¹⁸ См. о нем *примеч. 174*.

²¹⁹ Августовский номер журнала «Русское богатство» отсылал читателей к только что вышедшему номеру парижского журнала “La Nouvelle Revue”, в книжном обозрении которого критик Франциск Сарсэ (Sarcey; Sarcey; 1827-1899) уделил большое внимание роману Толстого «Война и мир». — Ср.: *Sarcey Fr. Les Livres //La Nouvelle Revue*. Paris, Juillet-Août, 1885, № XXXV. P. 622-634; *Сарсэ Фр.* Разбор “Войны и мира”, гр. Толстого // *Русское богатство*. СПб., 1885, № 8. С. 190-191.

Судя по письму Л.Л. Толстого, он не заметил эту публикацию.

²²⁰ Роман (обл., с. 1) или рассказ *С. Двинского* см.: *Там же*. С. 1-60.

²²¹ Очерк, точнее цикл зарисовок Гавриила Александровича *Хрущова-Сокольского* (1845-1890) см.: *Там же*. С. 61-88.

²²² В первом сочинении начинающий доктор Ивков, полный надежд служить людям и исцелять их, получает такую возможность, увидев в приставшей к нему уличной женщине смертельно больную. Победить чахотку доктор бессилён, но он может накормить, обогреть и, главное, выслушать умирающую.

В свободное от службы время Ивков может воспринимать ее как бедную жертву обстоятельств. С приходом полиции доктор вынужден приступить к исполнению своих профессиональных обязанностей и подписывает официальный документ о смерти проститутки.

Сведений об авторе — *С. Двинском* — найти не удалось.

Во втором произведении смысл названия раскрывается в сопоставлении нравов развращенных безнаказанностью купцов и аристократов. В современном городе продается всё, в том числе любовь и княжеские титулы.

Несмотря на то, что Л.Н. Толстой в середине 80-х годов регулярно отдавал свои рукописи в журнал «Русское богатство», сведений о прочтении им названных произведений нет, как и сведений о знакомстве с их авторами.

²²³ О том, что домашнее обучение мало что дает, Л.Л. Толстой убедился в гимназии Л.И. Поливанова (см. *вступление*).

²²⁴ На этот раз *тонкий мальчик* поторопился с суждениями. О меняющейся линии поведения Т.Л. Толстой осенью 1885 года см. письмо к ней Л.Н. Толстого от 18 октября 1885 года. — *ПСС*. Т. 63. С. 292-295.

²²⁵ Письмо С.А. Толстой сыну, написанное после 17 сентября 1885 года, неизвестно.

²²⁶ *А.П. Иванов* (1836-1911) — поручик в отставке, переписчик сочинений Л.Н. Толстого. — *ПСС*. Т. 25. С. 299; 742; 837; Т. 83. С. 373-374, 514; Т. 85. С. 42-43. См. также: *Толстой в 80-е годы: Записки И.М. Ивакина... //Лев Толстой... (Литературное наследство; Т. 69)*. Кн. 2. С. 33, 110.

²²⁷ См. о ней выше *примеч. 51*.

²²⁸ См. выше *примеч. 156, 176*.

²²⁹ **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 13774. Л. 1-2. Автограф. Подчеркнуто Л.Л. Толстым.

²³⁰ Л.Л. Толстой спешил успокоить родителей: 22 сентября 1885 года возбуждение публики при определении победителя в одном из заездов привело к вмешательству жандармов для обеспечения порядка. — См.: *Московские скачки //Новости дня*. М., 23 сентября 1885 года, № 258. С. 2; *Московский листок*. 23 сентября 1885 года, № 264. С. 2.

²³¹ Дальний родственник Л.Н. Толстого, Федор Иванович *Толстой* (1782-1846) в глазах знавших его людей был славным, прекрасным игроком и любителем карточных игр, дуэлянтом, путешественником и шулером. — См.: *Толстой С.Л.* Федор Толстой Американец. М.: Современник, 1990. С. 24-27.

О том, каким азартным игроком был Л.Н. Толстой в молодости, см. его записи в Дневнике за январь - март 1855 года. — *ПСС*. Т. 47. С. 35-38.

Страстность натуры Л.Н. Толстого в молодые годы проявилась, в частности, в проигрыше им в 1854 году главного здания наследного имения — усадьбы Ясная Поляна — соседу, помещику Павлу Митрофановичу Горохову (1817-1877), который длительное время сохранял его на своей земле. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 367; 582. См. также: *Булгаков В.Ф.* Как прожита жизнь: Воспоминания последнего секретаря Л.Н. Толстого [Отв. редактор А.А. Донсков]. Оттава; М.: Кучково поле, 2012. С. 444. Другая версия событий — в комментарии к письму Л.Н. Толстого братьям, *Николаю* (см. о нем примеч. 6-7 к Главе 3 Книги I) и *Сергею* (см. о нем в примеч. 6 к Главе 3 Книги I) *Толстым*, от 4 июня 1860 года. — *ПСС*. Т. 60. С. 339-341.

М. Горький с удивлением заметил: «Как странно, что он любит играть в карты. Играет серьезно, горячась. И руки у него становятся такие нервные, когда он берет карты, точно он живых птиц держит в пальцах, а не мертвые куски картона». — См.: *Горький М.* Полное собрание сочинений: Художественные произведения: В 25-ти томах. М.: Наука, 1973. Т. 16. С. 278. См. также: *Никитина Н.* «Пятая стихия» Льва Толстого // *Л.Н. Толстой в 1850-е годы*: рождение художника: Материалы международной науч. конф. [Тула, 2003.] С. 120-125. См. также примеч. 15 к Главе 7 Книги II.

Дети Толстых запомнили разговоры взрослых об игре как деле серьезном. Так, в недатированном черновом наброске ответа младшему брату С.Л. Толстой уточнил: «<...> Ты пишешь: жизнь — игра и что отец говорил: игра — серьезное дело. Ты ошибаешься. Не он это говорил. А дело было так: тетя Таня упрекала Страхова, что он небрежно играет в крокет, и сказала: <“>Неужели, Н<иколай> Н<иколаевич>, вы не понимаете, что игра — серьезное дело?<”> Страхов ответил: <“> Ха, ха, ха, какую вы истину изрекли, Т<атьяна А<ндреевна>! Игра — серьезное дело<”>. <...>». — *ОР ГМТ*. Архив С.Л. Толстого. Кп-15596, п. [15], № [6]. Л. 1 об. Автограф. См. также: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 56-57.

²³² С.Л. Толстой вернулся из самарского имения, куда он ездил по просьбе С.А. Толстой. — *Там же*. С. 158.

²³³ Оболенские (см. о них *примеч. 89, 91*) переехали в дом вдовы коммерции советника Александры Игнатьевны Епишкиной в Девятинском переулке. — См.: *Адрес-календарь города Москвы на 1885 г.* ... С. 72.

²³⁴ Зная круг общения И.Л. Толстого (см. выше *примеч. 94*), можно предположить, что он вместе с *А.К. Боянусом* (см. о нем *примеч. 95*) отправился в частный оперный театр Саввы Ивановича *Мамонтова* (1841-1918). В субботу, 21 сентября 1885 года там в первый раз давали оперу Шарля Франсуа *Гуно* (Gounod; 1818-1893) «Фауст» в исполнении итальянских и русских певцов под управлением композитора и дирижера Энрико Модесто *Бевиньяни* (Beviniani; 1841-1903). — См.: *Частный оперный театр //Театр и жизнь*: Газета театр., муз. и лит. М., 20 сентября 1885 года, № 158. С. 3; 21 сентября 1885 года, № 159. С. 1-2;

Зрелища и увеселения // *Новости дня*. М., 21 сентября 1885 года, № 256. С. 4. См. также: *Московские ведомости*. М., 21 сентября 1885 года, № 261. С. 1; *По театрам* // *Московский листок*. М., 22 сентября 1885 года, № 263. С. 2; *Хроника* // *Театр и жизнь*. М., 23 сентября 1885 года, № 161. С. 1-2.

В тот же вечер открылся сезон в немецком театре Георга *Парадиза* (Paradies; 1847-1901). — См.: *Театр и музыка* // *Новости дня*. М., 21 сентября 1885 года, № 256. С. 3; *Зрелища и увеселения* // *Там же*. С. 4; *Театр и музыка* // *Там же*, 22 сентября 1885 года, № 257. С. 2-3; *По театрам* // *Московский листок*. 22 сентября 1885 года, № 263. С. 2; *Хроника* // *Театр и жизнь*. М., 21 сентября 1885 года, № 159. С. 1-2; 23 сентября 1885 года, № 161. С. 1; *Немецкий театр* // *Там же*, 22 сентября 1885 года, № 160. С. 4.

Возможно также, что молодых людей привлёк приехавший в Москву Митрофан Трофимович *Иванов-Козельский* (1850-1898), исполнявший главную роль в 4-хактной драме «От судьбы не уйдешь» на сцене Нового театра *Ф.А. Корша* (см. о нем *примеч.* 25 к Главе 1 Книги II). Публика любила этого артиста и принимала живое участие в судьбе его героев даже тогда, когда русское переложение пьесы было заметно хуже оригинала. — См.: *Театр и музыка* // *Новости дня*. М., 16 сентября 1885 года, № 251. С. 3.

Актер Владимир Иванович *Лангаммер* (1848-1910) в литографированном издании (М., 1885) честно указал, что сюжет заимствован, но утаил имя автора, немецкого драматурга Адольфа фон *Вильбрандта* (Wilbrandt; 1837-1911), как и подлинное название его пьесы: “Die Tochter der Herrn Fabricius” (1880). Критики, видевшие обе постановки на немецкой и русской сцене, отмечали с недоумением, что сравнение не в пользу Нового театра Корша, а зрители, не знавшие оригинального текста, рукоплескали талантливому исполнителю. — См.: *Васильев С.* Театральная хроника // *Московские ведомости*. 22 сентября 1885 года, № 262. С. 4. Под этим псевдонимом писал театральный критик и педагог Сергей Васильевич *Флеров* (1841-1901). — См.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. I. С. 229; Т. IV. С. 492. Схожая позиция была и у других критиков. — См.: *Хроника / Нерезцензент* // *Театр и жизнь*. М., 24 сентября 1885 года, № 162. С. 2.

Вечер в Новом театре Корша заканчивался водевилем Дмитрия Тимофеевича *Ленского* (наст. фамилия *Воробьев*; 1805-1860) «Стряпчий под столом». — См.: *Театры и зрелища* // *Московский листок*. 21 сентября 1885 года, № 262. С. 3; *Новый театр Корша* (русский драматический) // *Театр и жизнь*. М., 22 сентября 1885 года, № 160. С. 3-4.

²³⁵ Вероятно, речь идет о князе Сергее Семеновиче Урусове (1827-1897), близком друге семьи Толстых. сослуживце Д.Н. Толстого по Крымской войне, отличном шахматисте и замечательном математике, составившем геометрическую теорию. — См.: *Толстая С.А.* Моя жизнь... Т. I. С. 360-362; *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 312-319.

И.Л. Толстого с ним связывали особые отношения. Князь С.С. Урусов был его крестным отцом и научил его играть в шахматы, а позже передал ему свою шахматную библиотеку. В начале учебного года Илье могла потребоваться и помощь С.С. Урусова-математика.

²³⁶ Т.е., воскресенье.

²³⁷ Речь идет о пятом издании Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, которое С.А. Толстая начала издавать с 1885 года. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 323-325, 337-348 и др.; *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 150-151. См. также выше *примеч.* 162.

²³⁸ Воскресенье, 29 сентября 1885 года; 1 октября неприсутственный день — праздник Покрова Пресвятой Богородицы.

²³⁹ И.М. Ивакин (см. о нем *вступление*) с осени 1881 года служил учителем в 3-ей классической гимназии. — См.: *Краткий исторический очерк пятидесятилетия Московской III гимназии* (1839-1889 г.) /Составил П. Виноградов. М., 1889. С. 141, 184.

Он иногда навещал Толстых, а летом занимался с младшими детьми Толстых в Ясной Поляне (см. выше примеч. 4 к Главе 6 Книги I).

²⁴⁰ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой.

²⁴¹ У Л.Д. Оболенского была большая семья (см. выше *примеч. 91*), и хорошо, что дети Толстых об этом помнили.

²⁴² Александр Михайлович *Иванцов-Платонов* (1835-1894) — доктор богословия, профессор Московского университета по кафедре церковной истории, автор работ по истории христианства и церкви, которыми интересовался Л.Н. Толстой в процессе работы над религиозно-философскими трактатами («Исповедь», «В чем моя вера», «Так что же нам делать?»)

Готовя их для нового собрания сочинений (см. выше *примеч. 237*), Л.Н. Толстой в мае 1885 года обсуждал с ученым-богословом, как обойти цензуру, и передал ему свои статьи для комментария. — *ПСС*. Т. 85. С. 205-206.

18 августа 1885 года С.А. Толстая встретила с А.М. Иванцовым-Платоновым и настоятельно просила его поторопиться с отзывом. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 316-321.

Как видно из публикуемого письма, А.М. Иванцов-Платонов прислал подробные комментарии, которые были набраны в типографии вместе с сочинениями Л.Н. Толстого, однако цензура их запретила. В Ясной Поляне сохранились отпечатки всех трех сочинений Л.Н. Толстого вместе с «Примечаниями читавшего» А.М. Иванцова-Платонова. — См.: *ПСС*. Т. 25. С. 752, 831-832; Т. 63. С. 316-317; *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 317, 321.

²⁴³ Фраза не окончена, вероятно, из-за того, что младший брат выхватил лист и сам продолжил.

²⁴⁴ Далее пишет *Л.Л. Толстой*.

²⁴⁵ Поездка на охоту состоялась по инициативе В.В. Трескина, хорошо знавшего эти места.

²⁴⁶ Кличка собаки Л.Л. Толстого, оставшейся в Ясной Поляне.

²⁴⁷ См. выше *примеч. 238*.

²⁴⁸ Вероятно, в письме, которое неизвестно, С.А. Толстая похвалила Льва за старание в гимназии.

²⁴⁹ В том же письме С.А. Толстая, вероятно, выразила свое огорчение по поводу нежелания Ильи учиться, а также пожурив его за безжалостное отношение к лошадям.

²⁵⁰ Пишет *И.Л. Толстой* в надежде снять упрек в жестоком обращении с лошадьми и сразу же оправдаться. В конверт вложен на $\frac{2}{3}$ оборванный листок с его объяснениями.

²⁵¹ См. также выше *примеч. 177*.

²⁵² М.С. Сухотин (см. о нем выше *примеч. 23* к Главе 19 Книги I) — сын друга семьи Толстых, отставного гвардейца, камергера, вице-директора Кремлевского дворцового ведомства Сергея Михайловича Сухотина (1818-1886).

Он окончил московский университет по историко-филологическому факультету со степенью кандидата, был почетным мировым судьей в Москве, а с 1878 года стал почетный мировой судья Новосильского уезда Тульской губернии, где было родовое имение Сухотиных Кочеты.

Первым браком М.С. Сухотин был женат на баронессе Марии Михайловне Боденко-Колычевой (1856-1897). С 1877 по 1885 год в семье Сухотиных родилось четверо детей, младшему из которых было семь месяцев: Мария (1878-1881), Лев (1879-1948), Наталья (в замужестве княгиня Оболенская; 1882-1925), Михаил (1884-1921). — См.: *Сухотин Л.М.* Род дворян Сухотиных. М., 1908. С. 70-71, 75; *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 189-190.

²⁵³ О каком письме идет речь, установить не удалось.

²⁵⁴ **ОР ГМТ.** Архив С.А. Толстой, № 13775. Л. 1-3. Автограф. Зачеркнуто *И.Л. Толстым*.

²⁵⁵ Т.е., предыдущее письмо от 30-го сентября 1885 года. На конверте надпись: «Тула Ясная Поляна Ее сиятельству графине Софье Толстой. Доставлено: Москва 1 окт. 1885». — *Там же*. Л. 3-3 об.

²⁵⁶ Слуга Л.Л. Толстого.

²⁵⁷ Вероятно, это тот самый «деревенский мальчик Николка», который с детских лет был товарищем игр С.Л. Толстого в Ясной Поляне. — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания... С. 38.

²⁵⁸ Кличка лошади.

²⁵⁹ Подпись вензелем.

²⁶⁰ В понедельник, 30 сентября 1885 года в Новом театре Ф.А. Корша (см. о нем выше *примеч. 234*) во второй раз давали семейную драму в 4-х действиях «На жизненном пиру», сочинение молодого драматурга Владимира Александровича Александрова (псевд. Холмин; 1856-1918). В главной роли Владимира Хотнева, пытавшегося спасти свою жену Нелли, ставшую содержанкой молодого фабриканта миллионера Павла Дергунова, и в порыве отчаяния убившего ее, выступил гастролировавший в Москве трагик М.Т. Иванов-Козельский (см. о нем выше *примеч. 234*).

Премьера состоялась 27 сентября 1885 года. — См.: *Александров В.* Драматические сочинения: В 2-х томах. М., 1894. Т. I. С. 236.

О пьесе и о спектакле в театре Ф.А. Корша сочувственно писали московские газеты. — См.: *Театр и жизнь*. М., 29 сентября 1885 года, № 167. С. 1-2.

²⁶¹ Финал пьесы во многом повторял заключительную сцену «Бесприданницы» А.Н. Островского. Умиравшая Нелли, обращаясь к бывшему мужу, произнесла: «Благодарю!.. Прощай!.. Милый, люблю!..» Обезумевший от горя Хотнев бросил в лицо

вошедшим в комнату: «Что вы так на меня смотрите? Вы думаете, я убил ее?.. Нет, вы ее убили... Вы убийцы!.. Я не сумасшедший... Вы сумасшедшие! Ха-ха-ха!»

Его дикий хохот (по авторской ремарке) тонул в овациях плачущих зрителей. — См.: *Александров В.* Драматические сочинения... Т. I. С. 33-91.

²⁶² Отчет о скачках, состоявшихся 1 октября 1885 года, см.: *Московские ведомости.* 4 октября 1885 года, № 274. С. 5.

²⁶³ Вероятно, одна строчка была приписана Л.Н. Толстым к письму жены, которое не сохранилось.

²⁶⁴ Это первое обращение Л.Л. Толстого к исторической прозе А.К. Толстого (см. о нем *примеч. 200*). — См.: *Толстой А.К.* Князь Серебряный: Повесть времен Иоанна Грозного. 3-е изд. СПб., 1878.

²⁶⁵ Подпись под портретом молодого человека, возможно, под автопортретом.

²⁶⁶ *ОР ГМТ.* Архив С.А. Толстой, № 13776. Л. 1-2. Автограф.

²⁶⁷ Учителем латинского языка был П.П. Никольский (см. о нем выше *примеч. 9* к Главе 4 Книги I).

²⁶⁸ О том, как с детских лет трудно давались Л.Л. Толстому точные науки, см. выше в Главе 2 и *примеч. 8* к ней Книги I.

²⁶⁹ Об отношении Л.Н. Толстого и его близких к С.Н. Толстому (см. о нем выше в *примеч. 231*) см.: *Толстой И.Л.* Мои воспоминания... С. 187-199.

²⁷⁰ «В 1885 году мы сняли квартиру в Никольском переулке на Арбате в доме Ростовцева». — См.: *Бибикова М.С.* В семье Толстых // *Л.Н. Толстой и его близкие...* С. 54.

Семья С.Н. Толстого переехала в Москву 22 октября 1885 года. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 333.

²⁷¹ См. о нем выше *примеч. 174*.

²⁷² *ОР ГМТ.* Архив С.А. Толстой, № 13779. Л. 1-2. Автограф. Курсив *Л.Л. Толстого*.

III

«...Вы победили его...»

(Письма Л.Л. Толстого Н.С. Лескову)

¹ О характере утраченных — предшествовавших публикуемому — писем Н.С. Лескова некоторое представление дает письмо Л.Л. Толстого отцу от 7 мая 1892 года: «<...> Получил я два письма в ответ на мои от Лескова и Хилкова — оба длинные и интересные. Поша передаст их содержание. Резюме письма Хилкова — он и там такой же, как дома, заботится о людях, ухаживает за больной, выписывает книги. Резюме п<исьма> Лескова — он подробно следит за всем, что касается тебя, любит тебя, пишет об ист<ории> “М<осковских> в<едомостей>”, по поводу кот<орой> я и написал ему, сообщает некот<орые> слухи. Хилкову я написал, чтобы знать<,> каково его настроение на Кавказе<,> и получил себе в ответ самое блестящее удовлетворение. Лескову написал, удивившись в его письмах к Поше и отчасти даже к тебе, его не философскому, как будто, отношению к действиям недостойной клики “М<осковских> в<едомостей>” и даже дальше. Получил от

него разъяснение и немного понял Лескова. <...>». — *ОР ГМТ*. Архив Л.Н. Толстого, БЛ, п. 108/9, № 13. Л. 1 об.-2 об. Автограф.

... *Поша...* — П.И. Бирюков (см. о нем выше примеч. 8 к Главе 6 Книги I).

... *Резюме письма Хилкова...* — письмо неизвестно. О *Хилкове* см. ниже примеч. 12 к *Приложению V*.

... *Хилкову я написал...* — письмо неизвестно.

² В начале июня 1892 года Л.Л. Толстой лечился кумысом на хуторе А.А. Бибилова в Бузулукском уезде Самарской губернии (см. об этом выше в примеч. 4 к Главе 11 Книги I).

³ В цикле очерков, позднее названных «В Лукоянове», В.Г. Короленко писал об уездной оппозиции «по вопросу — кормить голодающих или усиленно взыскивать с них недоимки<...> Хлеб он (уездный предводитель. — *В.А.*) приравнивает к прокламациям, а столовые считает очагами революции<...>». — См.: *Короленко Вл.* Поездка в Лукояновский уезд Нижегородской губернии (Доклад Нижегородскому благотворительному комитету) // *Русские ведомости*. М., 4 апреля 1892 года, № 93. С. 2; *Там же*, 10 апреля 1892 года, № 97. С. 2.

После этого доклада автор еще не раз возвращался к обсуждению дел в Лукояновском уезде. — См.: *Короленко Вл.* По Нижегородскому краю (Очерки и заметки из дорожного дневника) // *Там же*, 29 апреля 1892 года, № 116. С. 2; и др. Очерки продолжали печататься на протяжении мая – июня 1892 года.

⁴ Речь идет о письме земского начальника 2-го участка Бузулукского уезда Самарской губернии Дмитрия Яковлевича *Слободчикова* (1863-1927) от 14 мая 1892 года.

«Милостивый Государь

Граф Лев Львович!

Меня крайне опечалило то обстоятельство, что Вы изволите открывать столовые в Виловатовской волости 2-го Земского участка без всякого ведома для меня, Земского Начальника этого участка. — Правительством открыты в голодающих губерниях Благотворительные Комитеты и сельские Попечительства, которые, по моему глубокому разумению, как учреждения, заключающие в своих членах более или менее точное знакомство с данной местностью, должны давать некоторый общий тон характеру местной благотворительности или, даже не давая сего последнего, хоть указывать частной благотворительности наиболее требующие продовольственной помощи села и деревни, а Земским Начальникам вменено в обязанность заботиться о благосостоянии крестьянского населения подведомственного ему участка, между тем как Вы, Ваше Сиятельство, идя в разрез общему направлению под моим председательством Павловского Благотворительного Комитета и не уведомляя меня о Вашем желании открыть в Виловатовской волости столовые, как бы учреждаете этими столовыми некое государство в государстве. Я со своей стороны, как ближайший начальник над Виловатовской волостью<,> думаю, что открытие Вами столовых в этой волости (исключая с<ело> Покровки) ничего<,> кроме вреда для населения в смысле усиления праздности<,> не принесет, с которой потом придется возиться нам же, Земским Начальникам, ибо Вы в скором времени<,> вероятно<,> покинете Самарскую губернию.

Вследствие всего вышеизложенного имею честь позволить себе усерднейше просить Ваше Сиятельство или, если Вам это будет возможно<,> пожаловать в место моего жительства (ст<анция> Марычевка Оренб<ургской> ж.д.) для совместного обсуждения вопроса об открытии столовых в Виловатовской волости<,> или же прислать ко мне туда же для той же цели какое-либо с Вашей стороны доверенное лицо. Беру на себя некоторую смелость надеяться, что я, как человек<,> окончивший курс в том же высшем учебном заведении, где Вы в настоящее время изволите воспитываться, могу принести небольшую

пользу в обсуждении вышеозначенного вопроса, тем более, что вопрос этот так близко касается интересов 2-го Земского участка, в котором я имею честь состоять Земским Начальником. Дома я буду до 26 мая (кроме 17го и 18го). В заключение, оставаясь в надежде, что Вы благоволите почтить настоящее мое письмо ответом,

Имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство принять уверение в моем отличном к Вам почтении

<Дмитрий> Слободчиков».

ОР ГМТ. Архив Л.Л. Толстого, КП-13530, № 120. Л. 1-2 об. Автограф. Подчеркнуто **Д.Я. Слободчиковым.**

18 мая 1892 года Л.Л. Толстой писал С.А. Толстой: «<...> На днях у меня было столкновение, уже не первое, положим, с одним из земск<их> начальн<иков>, который недоволен тем, что я открыл столовые в его участке (сёла будто бы не нуждающиеся), а я только поощряю праздность крестьян этими столовыми. Дело это еще не улеглось. Тогда расскажу, ибо не знаю, что предпримет зем<ский> нач<альник>.

Мне такие истории неприятны, главное, потому, что мне хочется со всеми сохранить хорошие отношения там, где я нынешний год действовал. Но, должно быть, это невозможно. <...>» — **Там же.** Архив С.А. Толстой, № 13916. Л. 1-2 об. Подчеркнуто *Л.Л. Толстым.*

Позднее Л.Л. Толстой подробно писал об этой истории, включив в свой рассказ и письмо земского начальника. — См.: **Толстой Л.Л.** В голодные года... С. 130-134.

⁵ 28 мая 1892 года Л.Л. Толстой отправил в Ясную Поляну копию письма Д.Я. Слободчикова, которое С.А. Толстая в письме мужу 4 июня 1892 года оценила как «глупое и наглосе послание». — См.: **Толстая С.А.** Письма к Л.Н. Толстому... С. 526.

Через день, 30 мая 1892 года Л.Л. Толстой просил переслать оба эти письма П.А. Гайдебурову в “Неделю”: «<...>может быть, он напечатает заметку о том, какие приходится встречать нам странные затруднения в деле нашем. <...>» — **ОР ГМТ.** Архив С.А. Толстой, № 13919. Л. 1. Автограф.

Заметки в “Неделе” на эту тему не было, возможно, потому, что ранее, в марте – апреле 1892 года газета подробно описывала ситуацию с отказом лукояновских начальников открывать столовые для нуждающихся. — См.: **Хлебная нужда //Неделя.** СПб., 12 апреля 1892 года, № 15. Стб. 475-477; **Преступная неурядица //Там же,** 19 апреля 1892 года, № 16. Стб. 505-508; и др.

⁶ Цитата из предисловия золотопромышленника, исследователя Сибири и Севера, мецената и писателя Михаила Константиновича Сидорова (1823-1887) к одной из его книг. — См.: **Сидоров М.** Памяти Петра Великого //Сидоров М. Север России. СПб., 1870. С. XIV-XV (https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003544127/viewer/).

⁷ Только через год волостная библиотека была открыта в Патровке. — См.: **Толстой Л.Л.** В голодные года... С. 151-152.

⁸ **РГАЛИ,** ф. 275, оп. 1, ед. хр. 304. Л. 1-3. Автограф.

⁹ Это сочинение Н.С. Лескова часто ошибочно связывается с «Книжками “Недели”» П.А. Гайдебурова. — См.: **Лесков Н.С.** Собрание сочинений: В 6-ти томах. М.: Правда, 1973 (Библиотека “Огонек”). Т. 6. С.104-198; 459; **Лесков Н.С.** Собрание сочинений: В 12-ти томах. М.: Правда, 1989. Т. 11. С. 120-205; 386-391; и др. И в моей публикации в томе «Литературного наследства» *та же ошибка.*

На самом деле повесть «Юдоль: Рапсодия (Из отроческих воспоминаний)» Н.С. Лескова была впервые напечатана в «Сборнике “Нивы”»: Ежемесячном бесплатном приложении к журналу “Нива”» (СПб., июнь 1892, № 6. С. 553-634) и посвящена событиям голодного 1840 года.

¹⁰ Военная служба, а потом длительная нервная болезнь помешали Л.Л. Толстому осуществить этот замысел. Через несколько лет он вернулся к событиям начала 1890-х годов. — См.: *Толстой Л.Л.* Вечер во время голода... // *Книжки Недели*. СПб., 1897, № 7. С. 29-62; *Толстой-сын Л.* Записки из эпохи голода в 1891-92 годах // *Вестник Европы*. СПб., 1899. Кн. 6. С. 688-716; Кн. 7. С. 5-73.

¹¹ Вероятно, речь идет о крохотном шаге вперед в деле организации помощи голодающим за эти полвека.

¹² Н.С. Лесков не мог с этим согласиться. Он продолжал искать выход и добиваться справедливости (см. об этом ниже).

¹³ 9 июля 1892 года Л.Н. Толстой вместе с дочерью (М.Л. Толстой) и племянницей (В.А. Кузминской) выехал из Ясной Поляны в Бегичевку. — *ПСС*. Т. 52. С. 288; *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 528-529.

¹⁴ *РГАЛИ*, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 304. Л. 7-8. Автограф.

¹⁵ См. выше письмо Л.Л. Толстого от 17 июля 1892 года.

¹⁶ В начале июля 1892 года С.А. Толстая отправила – по просьбе Н.С. Лескова – приглашение Л.Я. Гуревич и 7 июля 1892 года уведомила об этом Н.С. Лескова. — *РГАЛИ*, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 306. Л. 1-2. Автограф.

22 августа 1892 года С.А. Толстая подтвердила готовность принять Л.Я. Гуревич, пока «<...>погода хороша, и пока наша Ясная Поляна не получила грустного осеннего оттенка и настроения. <...>» — *ИРЛИ*, 20.113/схххvi 6. 5. Л. 5. Автограф.

Через несколько дней Л.Я. Гуревич уже была в доме Толстых (см. примеч. 13 к Главе 12 Книги I) и позднее написала об этом посещении Ясной Поляны. — См.: *Гуревич Л.* Из воспоминаний о Л.Н. Толстом // *Слово*. СПб., 28 августа/10 сентября 1908 года, № 547. С. 3; *Там же*, 29 августа/11 сентября 1908 года, № 548. С. 2-3. См. также: *Гуревич Л.Я.* Литература и эстетика: Критич. этюды. М., 1912. С. 278-280.

¹⁷ *РГАЛИ*, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 304. Л. 9-10 об. Автограф. На конверте почтовые штемпели отправителя и получателя: «Ясенки Тульск. 31.VII.1892»; «Шмецк 2.VIII.1892». — *Там же*. Л. 11-11 об.

¹⁸ Описка Л.Л. Толстого. Из контекста не только этого письма, но и всей переписки Л.Л. Толстого с Н.С. Лесковым следует, что письмо написано в августе 1892 года.

¹⁹ Подробности этой драматической истории – в статье С.А. Розановой. — См.: *Лесков и семья Толстого... // Неизданный Лесков... (Литературное наследство; Т. 101)*. Кн. 2. С. 369-371.

В тот же день, 9 августа 1892 года Л.Л. Толстой отправил Л.Я. Гуревич трогательное письмо, где, в частности, сообщал:

«Милостивая государыня Любовь Яковлевна,

Н.С. Лесков напрасно ввел Вас в заблуждение. Записки, веденные мной в Самар<ской> губ<ернии>, не имеют никакой цены и, может быть, вовсе негодны для печати.

Я упомянул о них Н<иколаю> С<еменовичу> случайно, по поводу его “Юдоли” Поэтому, если желаете мне добра, не говорите со мной и с другими о моем непристойном

нахальстве исподтишка иногда изводить бумагу.

Очень рад буду познакомиться с Вами в Ясной Поляне. Но предупреждаю Вас, что и в семье нашей я ничего не говорю о своем жалком писании. Вы понимаете поэтому, как неприятно, тяжело мне, когда принимают меня не за то, что я есть». — *ИРЛИ*, 20. 115/СХХХVI.6.5. Л. 1-2. Автограф. Фрагмент опубликован. — См.: *Сын и отец... /Лица...* Т. 4. С. 175-176.

16 августа 1892 года Л.Я. Гуревич отправила это письмо Н.С. Лескову, возможно, в надежде на то, что Н.С. Лесков поддержит ее в стремлении убедить молодого литератора в том, что он ошибается. — *РГАЛИ*, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 226. Л. 11. Автограф.

²⁰ Это замечание Л.Л. Толстого позволяет *уточнить* дату последнего письма Л.Н. Толстого английскому корреспонденту: 8 августа 1892 года.

Письмо Эмилю Диллону интересно внутренним драматизмом и откровенным признанием Л.Н. Толстого в своей слабости: «... И так бы и не написал, если бы не истинно добрые люди, которые мне указали, что молчание мое есть поступок, и дурной. ...». — *ПСС*. Т. 66. С. 244-245. См. также: *Абросимова В.* «...рассказать жизнь, как она была...» ... // *Вопросы литературы*. М., 1989, № 11. С. 167-171.

²¹ *РГАЛИ*, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 304. Л. 4-5. Автограф.

V

«Вероятно, уеду в “Подариж” опять осенью...»

(Париж и Франция в судьбе Л.Л. Толстого)

¹ См. о ней выше примеч. 6 к Главе 2 Книги II.

² См. о нем примеч. 20 к Главе 1 Книги I.

³ См. о ней выше примеч. 21 к Главе 1 Книги I.

⁴ В первую поездку за границу больной Л.Л. Толстой пригласил с собой практикующего врача В.Н. Горбачева, с которым он вместе работал на голоде в 1891-1892 годах (см. о нем выше примеч. 12 к Главе 10 Книги I).

Они выехали из Москвы в Канны 13 ноября 1893 года. — *ПСС*. Т. 87. С. 231.

⁵ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13938. Л. 1-2 об. Автограф.

... *Предместье Ла Бокка* расположено в 3-х км от Канн. — См.: *Лазурный Берег: [Альбом]*. М., 1998. С. 83.

22 декабря 1893 года Л.Н. Толстой в Москве записал в Дневнике: «... От Л[евы] хорошие письма. Вот новая радость. ...» — *ПСС*. Т. 52. С. 105.

⁶ См. о нем выше в примеч. 7 к Главе 5 Книги I.

⁷ Письмо написано на листе с видом на море и прибрежную полосу.

⁸ См. об этом выше в Главе 12 Книги I.

⁹ В.Г. Чертков начал собирать материалы о тех, кто подвергался преследованиям правительства за религиозные убеждения. — *ПСС*. Т. 66. С. 454.

¹⁰ См.: *Чертков В.* Напрасная жестокость: О том, нужно ли и выгодно ли для правительства делать мучеников из людей, по своим религиозным убеждениям не могущих участвовать в военной службе? Лондон[: Типография Вольной рус. прессы], 1896 (2-е изд., доп. и испр. — 1897).

¹¹ А.К. Черткова (см. о ней примеч. 8 к Главе 2 Книги I) долгие годы болела после трудных родов сына, В.В. Черткова (см. о нем в примеч. 30 к Главе 6 Книги II) и смерти дочери Оли (род. 1 ноября 1887 года) 17 июля 1889 года. — *ПСС*. Т. 64. С. 284, 294; Т. 86. С. 95, 233, 248-249.

¹² Харьковский помещик, гвардейский офицер, князь Дмитрий Александрович Хилков (1857-1914) в 1886 году вышел в отставку, увлекся идеей опрощения Л.Н. Толстого и стал фактически основателем и пропагандистом толстовства. Он имел широкое влияние на крестьян и был признан столь опасным для государства, что в январе 1892 года его выслали в Закавказье, а осенью 1893 года его мать добилась лишения его родительских прав, оформила опеку над двумя внуками и насильственно забрала малолетних детей у невенчаных родителей. — *ПСС*. Т. 66. С. 421-424. См. также: *Мазур В.А.* Хождение по мукам князя Дмитрия Александровича Хилкова // *Проблемы образования, науки и культуры*. Екатеринбург, 2000. Вып. 8. С. 75-95 (*Известия Уральского гос. ун-та*, № 15).

Л.Н. Толстой был поражен жестокостью и бездушием властей. См. его письмо императору Александру III от 2-3 января 1894 года. — *ПСС*. Т. 67. С. 4-11.

¹³ *ОР ГМТ*. Фонд В.Г. Черткова, № 60126. Л. 1-2 об. Автограф.

¹⁴ Соломон Самуилович *Вермель* (1860-1940) — литератор, врач и общественный деятель.

¹⁵ С 14 июля 1891 по 14 июля 1892 года из Москвы было выслано около 38 тысяч евреев. «...Москва была “очищена” от “жидов”. Это было 14 июля 1892 г., ровно в день 400-летия после изгнания евреев из Испании в 1492 г. ...» — См.: *Вермель С.С.* Московское изгнание (1891-1892 гг.): Впечатления, воспоминания. М., 1924. С. 43.

¹⁶ Записки С.С. Вермеля под названием «*Из дневника Китай-Городского обывателя*» ранее читал В.Г. Короленко (см. о нем выше примеч. 13 к Главе 20 Книги I). 25 апреля 1893 года он отправил автору письмо, в котором признал дневник решительно не подходящим для печати как по цензурным соображениям, так и по слабости описания. — См.: *Вермель С.С.* В.Г. Короленко и евреи (воспоминания, письма). М., 1924. С. 22-23.

¹⁷ Профессор Московского университета Максим Максимович Ковалевский (1851-1916) с 1877 по 1887 год читал лекции по конституционному праву, истории древнего уголовного права, истории сословий на Западе и в России, сравнительной истории семьи и собственности.

После увольнения из университета по распоряжению министра народного просвещения И.Д. Делянова, очищавшего учебные заведения от опасных и вредных для правительства людей, М.М. Ковалевский 17 лет провел за границей, поселившись на вилле близ Ниццы и выезжая в разные страны для чтения лекций. — См.: *Фатеев А.* Максим Ковалевский (К годовщине смерти): 1851-1916. Харьков, 1917. С. 63; *Максим Ковалевский: 1851-1916: Сб. статей*. Пг., 1917. С. 30.

¹⁸ См.: *Толстой Л.Л.* Синяя тетрадь: Рассказ // *Северный вестник*. СПб., 1893, № 12. С. 125-149. Позднее там были напечатаны и другие сочинения Л.Л. Толстого (см. выше примеч. 14 к Главе 12 Книги I).

¹⁹ Основатель картинной галереи, переданной в августе 1892 года в дар Москве и через год открытой для посещения, П.М. Третьяков (см. выше примеч. 31 к Главе 13 Книги I) с лета 1893 года жил за границей, стараясь по преимуществу не расставаться с семьей старшей дочери Веры (1866-1940), вышедшей в 1887 года замуж за пианиста Александра Ильича Зилоти (1863-1945). — См.: *Боткина А.П.* П.М. Третьяков. 5-е изд. М.: Искусство, 1995. С. 285, 344, 348.

²⁰ Неподалеку от Канн находятся Леренские острова (Iles de Lerins): о-в Св. Маргариты, в замке которого содержался пленник, известный под именем *Железная Маска*; о-в Св. Оноре, на котором находится самый древний монастырь в истории христианства.

²¹ 31 октября 1893 года в Императорском обществе поощрения художеств торжественно отмечалось 50-летие литературной деятельности *Д.В. Григоровича* (см. о нем примеч. 30 к Главе 1 Книги II). В заседании было оглашено и письмо Л.Н. Толстого юбиляру от 27 октября 1893 года. — *ПСС*. Т. 66. С. 409-411.

Зимой 1893/94 года Д.В. Григорович был у Толстых в Москве. В письме, условно датируемом этим периодом времени, С.А. Толстая рассказала сестре, Т.А. Кузминской (см. о ней выше примеч. 2 к Главе 3 Книги I), о приятном госте: «<...> Вчера провел у нас вечер Григорович и так пахло от него старым, но бодрым и жизненным духом интереса ко всему, образованности, энергии. Не то, что теперешняя, сонная, угрюмая молодежь наша, да еще болящая. Сегодня он у нас обедает. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской, № 3457. Л. 1 об. Автограф. См. также: *Толстой Л.Н.* Переписка с русскими писателями... Т. 1. С. 260-261.

²² В январе 1893 года, когда решался вопрос о выходе Л.Л. Толстого с воинской службы по состоянию здоровья, Л.Л. Толстой в Петербурге познакомился со многими деятелями русской культуры, в том числе и с Д.В. Григоровичем, который с симпатией отнесся к молодому литератору и одним из первых поддержал его стремление стать писателем.

²³ Физиолог, профессор Харьковского университета Василий Яковлевич Данилевский (1852-1939) принимал участие в съезде естествоиспытателей и врачей в Москве. 7-го января 1894 года он выступил на общем собрании с речью на тему “Чувство и жизнь”. «Основная идея этой интересной и изящно обработанной речи заключалась в том, что чувство, являющееся под влиянием внешних воздействий и вызываемых ими впечатлений, служит важным регулятором действий человека и тем связано с проявлением его воли. ...» — См.: *IX съезд естествоиспытателей и врачей //Русские ведомости*. М., 8 января 1894 года, № 8. С. 2-3. См. также: *Данилевский В.Я.* Чувство и жизнь // *Там же*, 10 января 1894 года, № 10. С. 2-3. Полный текст этой речи, привлечшей к себе большое внимание слушателей, был опубликован позднее: *Данилевский В.Я.* Чувство и жизнь. Харьков, 1895.

²⁴ Л.Н. Толстой в письме сыну из Москвы 28 января (ст. стиля) 1894 года рассказал о встрече с В.Я. Данилевским, которая позволила ему изменить представление о нем и о его речи на съезде. «... Представь себя, ехав сюда, я разговорился с господином. Он стал говорить про съезд естествоиспытателей. Я сказал, что мне особенно не понравилась речь Данилевского. Оказалось, что это сам Данилевский. Очень умный и симпатичный человек. Речь его получила такой резкий смысл потому, что она урезана. Мы приятно поговорили. И я вновь подтвердил себе, как не надо осуждать. ...» — *ПСС*. Т. 67. С. 19-20.

²⁵ И.Л. Толстой (см. о нем примеч. 22 к Главе 1 Книги I) в январе-феврале 1894 года путешествовал по Европе и приехал во Францию. — *Там же*. Т. 52. С. 108; Т. 84. С. 207; Т. 87. С. 261, 255.

Удивление Л.Л. Толстого вызвано тем, что его брат покинул семью вскоре после того, как в ней произошли два события: 10 октября 1893 года родился сын Михаил, а 2 декабря 1893 года умер Николенька (род. 22 декабря 1891 года). — См.: *Пузин Н.П.* Потомство Л.Н. Толстого: Родословная роспись и материалы к ней // *Толстой С.М.* Древо жизни... С. 451.

²⁶ С.А. Толстая 14 января (ст. стиля) 1894 года уехала в Ясную Поляну и вернулась в Москву 18 января (ст. стиля) 1894 года. — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 37914; *ПСС*. Т. 67. С. 17.

²⁷ Письмо не сохранилось.

²⁸ Письмо не сохранилось. Представление о нем дает ответ Л.Н. Толстого сыну от 28 января (ст. стиля) 1894 года: «... В последнем письме ты выражаешь свое чувство упрека мне за мое попустительство. Не думай, чтобы я за это сетовал на тебя, напротив, я люблю это, люблю, когда будят во мне сознание моего старого греха слабости и вызывают еще больше желание искупить его. ...» — *ПСС*. Т. 67. С. 19.

²⁹ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13975. Л. 1-1 об. Автограф.

...*lawn-tennis*... — теннис на траве (*англ.*).

...*carnaval*... — карнавал (*фр.*).

...*bataille des fleurs*... — бой цветов (*фр.*).

³⁰ Это письмо не сохранилось. — *ПСС*. Т. 67. С. 297.

³¹ Под этим псевдонимом писал Юрий Николаевич *Говоруха-Отрок* (1851-1896). — См.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. II. С. 267; Т. IV. С. 133.

³² Непредвзятого читателя статья Ю.Н. Говорухи-Отрока убеждала своей доброжелательностью и желанием понять новое поколение литераторов и их героев, так не похожих на персонажей Л.Н. Толстого или И.С. Тургенева. По словам критика, «...рассказ юного автора привлекает своею искренностью. Все здесь молодо, очень незрело, но очень искренно.

... Он не из тех орлов, которые, как отец его, в своем *Детстве*, в этой тоже “первой, горячей пробе пера”, прямо врываются в самую глубину жизни — но дарование у него есть и несомненное. ...»

Оттолкнувшись от рассказа Л.Л. Толстого «*Синяя тетрадь*» (см. о нем выше *примеч. 18*), Ю.Н. Говоруха-Отрок перевел разговор в иную плоскость. Его интересовало, каковы новые тенденции, что несет с собой веяние времени. Это позволило критику сделать ряд важных наблюдений. «...у современных молодых людей, у лучших из них — у молодых людей с чуткою совестью, с живым стремлением стать лучшими, с стремлением к идеалу, нет “подпоры прочной”, нет идеала. Когда я читал рассказ г. Л.Л. Толстого<,> мне все время невольно вспоминались эти глубокие и возбуждающие какое-то жуткое чувство слова Гоголя: “Как страшна жизнь без подпоры прочной...”

Нет человека без греха, и всяким человеком, тем более молодым, владеют страсти. Чуткая совесть мучает этих молодых людей своими суровыми, безапелляционными приговорами, а воля их не находит себе никакой опоры в борьбе со страстями, в борьбе, которой требует совесть. Таков смысл рассказа г. Л.Л. Толстого. И вот это — *действительно*

страшно. Страшно делается за молодых людей, которые, в борьбе своей, не имеют никакой иной опоры, кроме отвлеченных понятий. Эта опора шаткая. Прочная опора может заключаться только в живом чувстве, в чувстве, которое господствует надо всеми остальными, подымаясь со дна души в минуты трагической борьбы со страстью. ...

Современный молодой человек борется лишь побуждаемый темным и мучительным голосом совести, но нигде не находит себе опоры. Отсюда — его уныние, его вечная раздвоенность, и постоянное, сумрачное состояние души его. Из этой души вытравлена вера в живой идеал, в живого Бога, в глубине ее нет этого чувства живой связи с Божеством — и ему не на что опереться, ибо на сухие, отвлеченные догмы добродетели нельзя опереться. Они, эти догмы, еще кое-как, с грехом пополам, служат<, > пока не налетает гроза, пока не разыграется душевная буря, которая тотчас же сметет их как наносную шелуху<, > несмотря ни на что ненужную живому человеку...» — См.: *Николаев Ю.* Нечто о современных молодых людях // *Московские ведомости*. М., 30 декабря 1893 года, № 359. С. 3-4. Курсив *Ю.Н. Говорухи-Отрока*.

...в своем *Детстве*... — повесть “*Детство*” Л.Н. Толстой написал в возрасте 23 лет. Его сын Лев, автор рецензируемой повести “*Синяя тетрадь*”, был в это время на год старше.

...“*Как страшна жизнь без опоры прочной...*” — не вполне точная цитата из «*Заметок на лоскутках*» к 1-й части поэмы Н.В. Гоголя (см. о нем в примеч. 23 к Глава 1 Книги II) «*Похождение Чичикова, или Мертвые души*». Ср.: «Проходит страшная мгла жизни, и еще глубокая сокрыта в том тайна. Не ужасное ли это явление — жизнь без опоры прочной? не страшно ли великое она явление? Так слепа...» — См.: *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: В 4-х томах. 5-е изд. его наследников. М., 1884. Т. III. С. 417.

³³ См. выше примеч. 12.

³⁴ Незадолго до отъезда Л.Л. Толстого во Францию его младшая сестра, М.Л. Толстая (см. выше примеч. 24 к Главе 1 Книги I) перевела под руководством отца отрывки из дневника швейцарского философа и писателя Анри-Фредерика Амиеля (Amiel; 1821-1881), а Л.Н. Толстой написал «Предисловие к дневнику Амиеля». С января 1894 года журнал «*Северный вестник*» начал печатать фрагменты дневника Амиеля, отобранные и отредактированные Л.Н. Толстым (СПб., 1894, №№ 1-7). См. также: *ПСС*. Т. 29. С. 209-212.

³⁵ Речь идет о романе французского писателя Жюль Франсуа Эли Леметра (1853-1914) «*Короли*» (1893), интерес к которому возрос после премьеры одноименной драмы, заказанной автору знаменитой актрисой Сарой *Бернар* (Bernhardt; 1844-1923) и состоявшейся в Париже 5 ноября 1893 года. — См.: *Гонкур Э. де, Гонкур Ж. де.* Дневник... Т. II. С. 567. См. также: *Яковлев И.* В театре Сары Бернар (Renaissance) // *Новое время*. СПб., 30 октября/11 ноября 1893 года, № 6348. С. 1-2.

В 1900 году король Альфании Христиан XVI отказался от власти в пользу своего сына Германа, молодого и благородного человека, способного успешно провести необходимые в стране реформы. Но Герман одинок и несчастлив в семье: после рождения больного ребенка супруги отдалились друг от друга. Попытка Вильгельмины устранить соперницу – молоденькую русскую анархистку — привела к трагедии. Герман мертв, его маленький сын объявлен королем Христианом XVII, проведение реформ на многие годы будет зависеть от воли и выдержки его матери, ставшей невольной убийцей. Своим молчанием король Христиан XVI дает Вильгельмине шанс спасти Альфанию. — См.: *Леметр Ж.* Короли. М., 1908.

³⁶ Публицист, историк и юрист, профессор Московского университета Константин Дмитриевич Кавелин (1818-1885) был в 40-е годы близок к кругу А.И. Герцена. В 60-е годы он стал одним из защитников монархии, с которыми А.И. Герцен и Н.П. Огарев вели

ожесточенную полемику на страницах «Колокола» и других изданий Вольной русской типографии.

³⁷ См.: *Письма Кавелина к А.И. Герцену*. Генуя, 1892. См. также: *Письма К.Дм. Кавелина и Ив.С. Тургенева к Ал.Ив. Герцену* /С объяснит. примечаниями М. Драгоманова. Genève, 1892 (<https://dlib.rsl.ru/viewer/01003631061#?page=5>).

³⁸ См.: *Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века* (Книги и периодические издания): В 9-ти частях. М., 1971. Ч. II. С. 245; *Каталог рассмотренных иностранною цензурою сочинений*, запрещенных и дозволенных с исключениями с 1-го июля 1871 г. по 1-е января 1897 г. СПб., 1898. С. 157.

³⁹ *ОР ГМТ*. Фонд В.Г. Черткова, № 60127. Л. 1-2 об. Автограф.

⁴⁰ См. о нем примеч. 33 к Главе 1 Книги I.

⁴¹ Письмо не сохранилось.

⁴² В первых числах января 1894 года в Москве было холодно: от -16° до -21°. — См.: *Московские ведомости*. М., 4 января 1894 года, № 4. С. 5.

В середине месяца температура поднялась до нуля и +2-х°. — *Там же*, 18 января 1894 года, № 16. С. 5.

Во второй половине января температура колебалась от -16° до +3-х°. — *Там же*, 22 января 1894 года, № 22. С. 5; 25 января 1894 года, № 25. С. 6; 30 января 1894 года, № 30. С. 5.

23 января (ст. стиля) 1894 года С.А. Толстая писала мужу из Москвы: «... Мы нынче с утра ушли с Ваничкой и няней в сад и пытались каток расчистить, чтоб Сашу подучить на коньках. Но посреди дня опять стало теплеть и пошла крупа, которую вихрем крутило по улицам, так что света божьего не видно. Что-то у вас было вчера? Тут была метель и холодно было весь день и ночь. ...» — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 587.

⁴³ См. о ней примеч. 17 к Главе 9 Книги II.

⁴⁴ См. о ней примеч. 17 к Главе 1 Книги I.

⁴⁵ Никита Евдокимович Воробьев — слуга в московском доме Толстых. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 448, 465. См. также: *Сафонова О.Ю.* Словарь яснополянских крестьян и их потомков... // *Яснополянский сборник 2002*... С. 335.

⁴⁶ Михаил Владимирович Всеволожский (1860-1909) и его старшая сестра Софья (1859-1923; в замужестве *Татарина*) дружили со старшими детьми Толстых. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 162; *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 149, 162, 172, 181 и др.

⁴⁷ Толстые были дружны с большой, разветвленной семьей Олсуфьевых (см. об этом выше в примеч. 8-10 к Главе 7 Книги I).

В Ницце в это время была Лиза Олсуфьева (см. о ней выше в примеч. 19 к Главе 3 Книги II). — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 306.

⁴⁸ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13976. Л. 1-2 об. Автограф. Письмо адресовано в Москву И.Л. Толстому и получено в Москве 23 января (ст. стиля) 1894 года. — *Там же*. Л. 3-3 об.

Письмо было вложено в конверт вместе с письмом отцу (см. выше примеч. 28). 23 января (ст. стиля) 1894 года С.А. Толстая писала мужу в Гриневку: «... От Лёвы получено короткое письмо к Ваничке, а на последней странице как будто к отцу, без обращения, несколько слов, что ему чуть-чуть получше, что он негодует на статью Данилевского, что был в Ницце, на карнавале, что в Канн[ах] будет праздник: bataille des fleurs, и больше ничего. ...» — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 587.

⁴⁹ *ОР ГМТ.* Архив Л.Л. Толстого, п. 6, № [1]. Л. 2-2 об. Черновой автограф.

⁵⁰ Бульвар капуцинок (*фр.*) был назван так в память о стоявшем здесь монастыре капуцинок. В большом отеле, располагавшемся в доме № 12, было 700 комнат от 5 до 40 франков в день, 70 салонов, роскошная столовая, бильярд, зала для чтения, ванны, иностранные газеты и телеграф. — См.: *Париж и его окрестности...* С. 31.

⁵¹ Преподаватель русского языка в Париже, автор статей о Л.Н. Толстом и переводчик его произведений Ш. Саломон (см. о нем выше в примеч. 22 к Главе 4 Книги II) 23 августа 1893 года был в Ясной Поляне. — *ПСС.* Т. 52. С. 99.

14 сентября 1893 года он посетил московский дом Толстых. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 573.

⁵² См. о нем выше примеч. 19 к Главе 13 Книги I).

⁵³ В большой семье композитора и педагога, в прошлом — профессора Московской консерватории Владимира Никитича Кашперова (1827-1894) было три сына и три дочери. Комментаторы расходятся в мнении о том, кто из Кашперовых в начале 1894 года был в Париже. По одним сведениям, это была Софья Кашперова. — *ПСС.* Т. 67. С. 60-61.

Из писем Л.Л. Толстого следует, что это была *Ольга* Кашперова. См. ниже письмо от 1 марта (нов. стиля) 1894 года.

⁵⁴ А.Н. Дунаев (см. о нем примеч. 15 к Главе 6 Книги I) в эти дни в Москве бывал в доме Толстого. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 222.

⁵⁵ Банк «*Лионский кредит*» до начала XX века был одним из крупнейших банков в мире, допущенных к работе в России.

⁵⁶ И.Л. Толстой продолжал путешествовать по Европе. — *ПСС.* Т. 84. С. 207.

⁵⁷ *ОР ГМТ.* Архив С.А. Толстой, № 13964. Л. 1-2 об. Автограф.

⁵⁸ *Там же.* Фонд В.Г. Черткова, № 60128. Л. 1. Автограф.

⁵⁹ См.: *Толстой Л.* К вопросу о свободе воли (Из неизданного сочинения) // *Вопросы философии и психологии.* СПб., январь 1894. Кн. 21. С. 1-7.

⁶⁰ См. о нем примеч. 10 к Главе 13 Книги I.

⁶¹ По свидетельству Андре Мазона (Mazon; 1881-1967), Адель Саломон (урожд. Перро) была приёмной матерью Ш. Саломона, на самом деле заменившей ему мать. В юности она была фрейлиной Императорского двора и сохранила дружеские связи с графиней А.А. Толстой (см. о ней выше примеч. 18 к Главе 1 Книги I). Л.Н. Толстой помнил ее по давней поездке за границу в 1857 году. — См.: *Л.Н. Толстой...* /Редакция Н.Н. Гусева. М., 1938 (*Летописи Гос. лит. музея;* Кн. 2). С. 155; *Французский корреспондент Толстого:* Из

писем Шарля Саломона /Публикация А. Мазона //Л.Н. Толстой и зарубежный мир... (Литературное наследство; Т. 75). Кн. 1. С. 588-592.

⁶² Французский ученый-германист, профессор университета в Бордо, а позднее в Дижоне Жюль Легра (Legras; 1866-1938) неоднократно бывал в России, совершил поездку в Сибирь, встречался со многими русскими писателями и так полюбил русскую литературу, что стал одним из первых и наиболее авторитетных ученых-славистов. В декабре 1893 года и 3 октября 1894 года он встречался с Л.Н. Толстым и обсуждал с ним проблемы перевода последних сочинений писателя и публикации их во Франции. — См.: ПСС. Т. 52. С. 357; *Легра Ж.* Несколько посещений Толстого //Л.Н. Толстой и зарубежный мир... Кн. 2. С. 8-18, 65, 72-74. См. также: *Легра Ж.* В русской стране //Отечественные записки. М., 2007, № 5. С. 191-196.

⁶³ 3 января (нов. стиля) 1894 года Ж. Легра писал Л.Н. Толстому о том, что ему удалось получить согласие редактора газеты “Journal des Débats” Жоржа Патино (1844-1895) на помещение в ней перевода статьи “Тулон” с оговоркой, что редакция снимает с себя ответственность за мысли, выраженные в этой статье.

5/17 января 1894 года Л.Н. Толстой ответил своему новому корреспонденту: «Уважаемый господин Легра, очень благодарю вас за ваше письмо. Статья, о которой я вам говорил, еще не закончена. Как только она будет закончена, вышлю ее вам. Я знаю, что она будет в хороших руках и что я буду иметь удовольствие увидеть ее в прекрасном переводе. Я также очень сожалею, что мало воспользоваться вашим обществом.

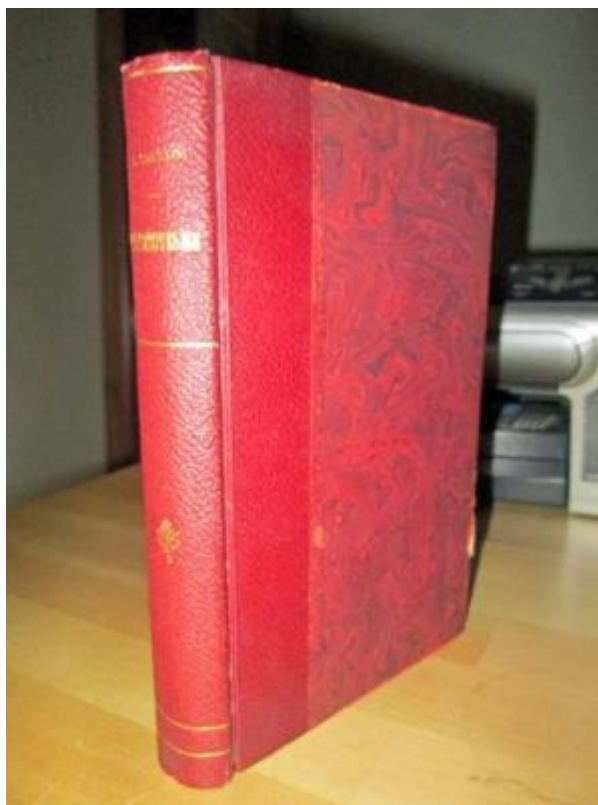
Примите уверение в моем полном уважении.

Лев Толстой».

— ПСС. Т. 67. С. 16-17. Печатается по копии, написанной рукой В.Г. Черткова.

И хотя в этом издании далее утверждается, что в мае 1894 года статья Л.Н. Толстого под названием «Христианство и патриотизм» в переводе Ж. Легра была напечатана в газете “Journal des Débats” (Там же. С. 25), на самом деле она вышла отдельным изданием. — См.: *Tolstoï L.* L’esprit Chrétien et le Patriotisme /Traduction par J. Legras. Paris : Perrin, 1894 (https://fr.wikisource.org/wiki/L%E2%80%99Esprit_chr%C3%A9tien_et_le_patriotisme).

Вариант рукописи, полученной переводчиком, был завершен в Москве 17/29 марта 1894 года. Именно эта дата указана на последней странице французского издания.

В июле 1894 года на публикацию откликнулся австрийский писатель-пацифист, соиздатель журнала «Долой оружие!» Мориц Адлер (Adler; 1831-1907). — См.: **Adler M.** Entlarvte Friedensfeste // *Die Waffen nieder!* Leipzig, 1894. Vol. 3, no. 8. P. 278-281 (www.jstor.org/stable/23791421).

1 августа 1894 года ученый-юрист, доктор права, писатель, историк и политик Этьен Лами (Lamy; 1845-1919) подверг критическому анализу размышления Л.Н. Толстого о противоборстве патриотического духа с христианским в отношении России и Франции. — См.: **Lamy É.** À propos d'alliance Russe // *Revue des Deux Mondes*. Paris, 1er Août 1894. Vol. 124, no. 3. P. 602-617 (https://fr.wikisource.org/wiki/Page:Revue_des_Deux_Mondes_-_1894_-_tome_124.djvu/608).

⁶⁴ Л.Н. Толстой знал об этом из письма Ш. Саломона от 14/26 января 1894 года. 30 января (ст. стиля) 1894 года он ответил своему корреспонденту: «...Статью свою о Тулоне я до сих пор не кончил, и, как передавал вам, едва ли удобно будет печатать в <<Débats>>. Она и длинна, и уж очень casse les vitres. ...» — *ПСС*. Т. 67. С. 24.

...casse les vitres... — резка (фр.)

См. также 11 писем Л.Н. Толстого к Карлу Альфонсовичу Саломону, как назвал Л.Н. Толстой своего французского корреспондента 6/18 апреля 1894 года (*Там же*. С. 99), в публикации: **Lettres de Léon Tolstoï à Charles Salomon** // *Revue des études slaves*. Paris, 1930. Vol. 10, no. ¾. P. 205-220 (https://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_1930_num_10_3_7468).

⁶⁵ С 1892 года М.О. Меньшиков (см. о нем примеч. 15 к Главе 2 Книги II) стал одним из ведущих сотрудников газеты «Неделя». — См.: **Гумеров А.А., Поспелов М.Б.** Меньшиков Михаил Осипович // *Русские писатели...* Т. 4. С. 13-16.

В январе 1894 года М.О. Меньшиков встретился с Л.Н. Толстым в Москве и произвел на него впечатление хорошего, доброго, умного последователя. — *ПСС*. Т. 52. С. 109, 351.

⁶⁶ Среди тех, кто заметил рассказ Л.Л. Толстого «Синяя тетрадь» (см. о нем выше примеч. 19), был А.М. Скабичевский (см. о нем примеч. 31 к Главе 1 Книги II): «...Г[-н]

Л.Л. Толстой ... признает только *чувственность*, в которой видит страшное зло нашего времени, самую распространенную, опаснейшую болезнь, которую все мы без исключения больны[,] и холостые, и женатые, и старые[,] и молодые. И вот против этой-то новой эпидемии он проповедует крестовый поход, грозя всему человечеству страшною гибелью, если не будут приняты немедленно же самые энергичные меры. ...

Господи, как это наивно, младенчески наивно до бесконечности...

Я убежден, что лет через пять г. Л.Л. Толстой покраснеет, перечтя свою повесть, и пожалеет, что она была напечатана. А г. Альбов, напечатавший ее, наверное[,] и теперь за нее краснеет». — См.: *Скабичевский А.* Литературная хроника: “Сороковой бес”, Мих. Альбова. — “Синяя тетрадь”, рассказ Л.Л. Толстого (“*Сев[ерный] В[естник]*”, № 12) // *Новости и биржевая газета*. СПб., 30 декабря 1893 года / 11 января 1894 года, № 358. С. 2. Курсив *А. Скабичевского*.

Михаил Нилович *Альбов* (1851-1911) — беллетрист, редактор «Северного Вестника».

21 июля 1894 года этот рассказ Л.Л. Толстого появился в переводе на французский язык. — См.: *Tolstoï L. fils.* Le cahier bleu: Nouvelle // *Revue bleue: Revue politique et littéraire*. Paris, 21 juillet 1894. Т. II, 31e année, no. 3. P. 65-72 (<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2148307/f68.image.r=Tolsto%C3%AF%20L>). Дружеская Толстым газета поддержала молодого литератора и упомянула о нем как о последователе отца. — См.: *Au jour le jour // Journal des débats*. Paris, 22 juillet 1894. Matin dimanche. P. 1 (<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k467172n?rk=42918;4>).

⁶⁷ В конце 1893 года старшие дочери Толстых уговорили родителей сделать пристройку к яснополянскому дому. Работы были начаты летом 1894 года. Через несколько месяцев в доме появились четыре новых комнаты, по две на каждом этаже, и соединяющие их коридоры. — *ПСС*. Т. 84. С. 220-222. См. также: *Пузин Н.* Дом-музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Тула, 2008. С. 8-9.

⁶⁸ Сравнение с Уильямом Шекспиром (Shakespeare; 1564-1616) для Л.Н. Толстого было неубедительным, так как он считал сильно преувеличенным талант английского драматурга и позднее посвятил этому трактат «*О Шекспире и о драме*» (1903). — *ПСС*. Т. 35. С. 216-272.

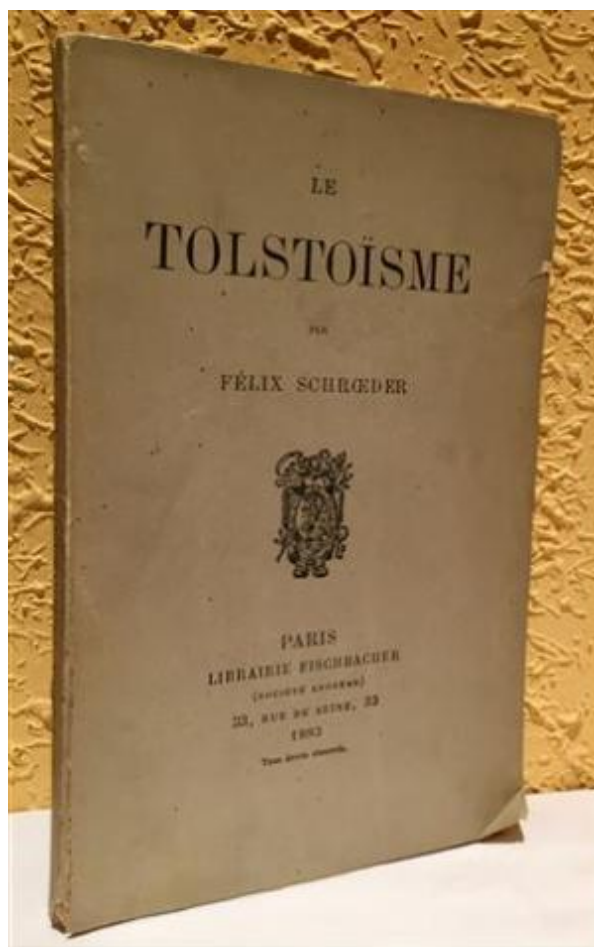
⁶⁹ Лето 1894 года семья Т.А. Кузминской (см. о ней примеч. 2 к Главе 3 Книги I) провела в Орловской губернии, на даче брата, Андрея Андреевича Берса (1845-1918). — *Там же*. Т. 84. С. 219. См. также: *Никитина Н., Никитин В.* Ясная Поляна: Путеводитель по заповеднику. 2-е изд., испр. и доп. Тула, 1989. С. 50.

⁷⁰ Впечатления детских лет позднее найдут отражение в повести Л.Л. Толстого «Яша Полянов» (см. о ней примеч. 1 к Главе 19 Книги I).

⁷¹ С.Н. Толстая (см. о ней примеч. 6 к Главе 11 Книги II) — жена И.Л. Толстого.

⁷² *Мелён* (Melun), где жил Феликс *Шредер*, расположен в 45 км к юго-востоку от Парижа.

Л.Л. Толстой знал, что его отец симпатизировал французскому журналисту, стремившемуся понять его религиозно-философские взгляды, которые Ф. Шредер изложил в книге «*Толстовство*». — См.: *Schraeder F.* Le Tolstoïsme. Paris, 1893.

В письме от 21 мая 1893 года Л.Н. Толстой с удивительным сочувствием отнесся к работе Ф. Шредера. «... Я редко видел себя настолько полно понятым, как вы это сделалия люблюсь верностью вашего понимания, в особенности в заключении (стр. 149-150). Это заключение, которое вы выводите из всего предыдущего, настолько в духе лица, мысли которого вы изучили, что оно могло служить предисловием к труду, который я только что закончил и который появится за границей через несколько недель. ...» — *ПСС*. Т. 66. С. 333-337. Оригинал на фр. языке.

В письме сыну в Париж 21 февраля (ст. стиля) 1894 года Л.Н. Толстой заметил: «... Мне очень приятно было узнать, что Schroeder был у тебя и зовет тебя к себе. В нем как будто есть что-то, чего не бывает в французах. ...» — *Там же*. Т. 67. С. 46.

Через три года появилось объявление о смерти молодого ученого, успевшего порадовать Л.Н. Толстого своим исследованием. «On annonce la mort de M[r]. Félix Schröder, professeur à Melun, auteur d'un remarquable ouvrage sur Tolstoï et le Tolstoïsme». — См.: *Nos échos //Le Journal: Quotidien, littéraire, artistique et politique*. Paris, 19 Juin 1897. P. 1 (<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7617769q/f1.item>).

⁷³ Швейцарский романист, критик, историк литературы Эдуард Род (см. о нем выше примеч. 17 к Главе 19 Книги I), к творчеству которого Л.Н. Толстой относился скептически. — *ПСС*. Т. 84. С. 207. См. также: *Шенелевич Л.Ю.* Наши современники: Историко-лит. очерки. СПб., 1899.

⁷⁴ 2 февраля (ст. стиля) 1894 года С.А. Толстая писала мужу из Москвы: «... Сегодня Саша наша нас напугала. Каталась в саду на коньках, и вижу я в окно, что она со всего размаха падает, не имея времени упасть безопасно. У ней подогнулась рука, она долго плакала, но потом прошло, и вечером они с Ваничкой уже отплясывали у Лизы на танц-

классе. Андрюша и Миша тоже пляшут у Колокольцовых, под игру на фортепиано самой Маши. ...» — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 590.

...у *Лизы на танц-классе*... — племянница Л.Н. Толстого, Е.В. Толстая (см. о ней в примеч. 12 к Главе 5 Книги I) с семьей жила в нижнем этаже дома Колокольцовых (см. ниже).

...*Миша*... — младший брат Л.Л. Толстого, М.Л. Толстой (см. о нем примеч. 29 к Главе 1 Книги I).

...*пляшут у Колокольцовых*... — семья М.Д. и Н.А. Колокольцовых (см. о них выше в примеч. 93 в *Приложении II*), которые жили в собственном доме в Скатерном переулке. В семье было шестеро детей от трех до 16-ти лет. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 454. См. также: *Колокольцов В.Б., Нарбут А.Н.* Колокольцовы. М., 1995 (*Родословные росписи*; Вып. 5). С. 31, 34.

⁷⁵ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13965. Л. 1-2 об. Автограф. Письмо получено в Москве 3 февраля (ст. стиля) 1894 года. — *Там же*. Л. 3 об.

⁷⁶ Л.Н. Толстой воспринял известие о переезде сына в Париж довольно спокойно. В письме Л.Л. Толстому он писал 28 января 1894 года: «... Твой переезд в Париж, как я нынче писал мама, я ни одобряю, ни осуждаю. Всё будет зависеть от тебя, а немного от случайностей. Освобождение твое от доктора будет тебе, разумеется, полезно и приятно. Одиночество везде хорошо, и в деревне и в Париже. Даже не скажу — не утруждай себя слишком впечатлениями. Можно в толпе и при самом волнительном зрелище оставаться спокойным и радостным, и можно лежа в постели себя измучить своими мыслями, так что будешь задыхаться от волнения. Соблазнитель только великий Париж. Не в грубом смысле соблазна всякой похоти, это само собой, но я не про то говорю, но в смысле прикрытия жестокости жизни и нравов. ...» — *ПСС*. Т. 67. С. 19.

⁷⁷ О ресторанах П.-Л. Дюваля см. выше примеч. 20 к статье *Л.Л. Толстого «Око за око»*.

⁷⁸ Горничная в меблированных комнатах. — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник...С. 320.

⁷⁹ Л.Л. Толстой последовал примеру В.А.Бобринского, который приехал в Париж слушать лекции в Сорбонне. — *Там же*. С. 307.

⁸⁰ Записка А.Н. Дунаева (см. о нем выше примеч. 54) не сохранилась.

⁸¹ Это не совсем так: В.Н. Горбачев уехал в Россию после ссоры с Л.Л. Толстым. 28 января 1894 года М.Л. Толстая (см. о ней выше примеч. 34), гостившая у М.А. Шмидт (см. о ней выше примеч. 13 к Главе 6 Книги I) в деревне Овсянниково, писала отцу в Гриневку: «<...> Вчера получила еще письмо от мамá, в кот<ором> пишет о переезде Левы. Я боюсь, что это для него не хорошо, а то, что он один без Горбачева, пожалуй<,> даже лучше. Он так мнителен, что при малейшей перемене<,> наверное<,> выпишет кого-нибудь или обратится к доктору. А жить после ссоры вместе с Лево́й — невыносимо и ему<,> и его сожителю. И<,> наверное<,> без Горбачева он почувствовал свободу. Но очень жаль, если у них осталось какое-нибудь дурное чувство. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Л.Н. Толстого. БЛ, п. 109, № 20. Л. 1-1 об. Автограф. См. также: *Письма Марии Львовны Толстой к отцу: 1888-1897 гг.* / Публикация и коммент. А.С. Дробыш // *Толстовский ежегодник 2003*. Тула, 2006. С. 78-79.

⁸² См. об этом выше примеч 3 к статье *Л.Л. Толстого «Око за око»*.

⁸³ Механик Жан Батист *Тропман* (1849-1870) был приговорен к смертной казни за убийство супругов *Кинк* и их пятерых детей в возрасте от пяти до 16-ти лет в местечке Пантен близ Парижа. Своим жертвам он нанес более ста ранений. 7 января 1870 года он был казнен на гильотине.

Очерк И.С. Тургенева «*Казнь Тропмана*», с момента его публикации в «*Вестнике Европы*» (СПб., 1870, № 6. С. 872-890), воспринимался как убедительное свидетельство об отмене смертной казни. — См.: *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 28-ми томах. М.; Л.: Наука, 1967. Сочинения. Т. 14. С. 147-171; 490-497.

⁸⁴ Русская пресса также уделила большое внимание делу Вальяна. — См.: *Допрос Вальяна // Новое время*. СПб., 8/20 декабря 1893 года, № 6387. С. 2; *Яковлев И.* Психология анархиста // *Там же*, 15/27 декабря 1893 года, № 6394. С. 2-3; *Французские анархисты // Там же*, 20 декабря 1893 года/1 января 1894 года, № 6399. С. 2; *Суд над Вальяном начнется завтра*, 5-го января... // *Там же*, 24 декабря 1893 года/5 января 1894 года, № 6403. С. 3; *Дело Вальяна будет разбираться в среду...* // *Там же*, 28 декабря 1893 года/9 января 1894 года, № 6405. С. 1; *Дело анархиста Вальяна: Смертный приговор // Там же*, 30 декабря 1893 года/11 января 1894 года, № 6407. С. 2; *О приговоре парижских присяжных // Там же*, 31 декабря 1893 года/12 января 1894 года, № 6408. С. 1; *Яковлев И.* Вальян перед судом присяжных // *Там же*, 4/16 января 1894 года, № 6412. С. 2; *Казнь Вальяна: Парижские газеты сообщают подробности...* // *Там же*, 28 января/9 февраля 1894 года, № 6436. С. 3. См. также: *Процесс Вальяна // Московские ведомости*. М., 4 января 1894 года, № 4. С. 5; *Значение процесса Вальяна // Там же*, 5 января 1894 года, № 5. С. 2; *Исповедь Вальяна // Там же*, 8 января 1894 года, № 8. С. 2; *Трачевский А.* Политическая летопись // *Северный вестник*. СПб., 1894, № 2. Отд. II. С. 117-119.

⁸⁵ Вторник (дословно: *жирный вторник*) первой недели поста во Франции напоминает проводы масленицы у православных. По традиции он отмечается буйным и веселым карнавалом, участники которого осыпали себя и разбрасывали разноцветные бумажные кружочки, называемые *конфетти*. Это слово в переводе с итальянского означает изделие из сахара и напоминает о давних временах, когда участников карнавала осыпали сладостями, например, орехами в сахарной глазури. — См.: *Гловов Я.* Праздники // *Париж*[: Сб. статей. М., 1914]. С. 278-282.

⁸⁶ «*Мои тюрьмы*» — исповедальное сочинение французского поэта Поля *Верлена* (Verlaine; 1844-1896), осужденного летом 1873 года в Женеве на два года тюрьмы за ранение поэта Артюра Рембо (Rimbaud; 1854-1891). — См.: *Verlaine P.* Mes prisons. Paris. 1893; *Верлен П.* Избранное: Лирика, проза, критика. М.: Терра, 1999. С. 233-263; *Верлен П.* Исповедь. СПб.: Азбука-классика, 2009. С. 165-218.

⁸⁷ См. о нем выше примеч. 51.

⁸⁸ Письмо не сохранилось.

⁸⁹ Письмо младшей сестры, А.Л. Толстой (см. выше примеч. 31 к Главе 1 Книги I), не сохранилось.

⁹⁰ О приезде И.Л. Толстого в Париж см. ниже.

⁹¹ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13965. Л. 1-2 об. Автограф. ...на *bascule*'e... — на весах (*фр.*).

...*table d'hôte*... — табльдот, дословно – хозяйский стол (*фр.*); тип меню с единой ценой в ресторанах, пансионатах и гостиницах, в которую включено всё от закуски до деликатесов.

⁹² *Там же*, № 13966. Л. 1-2. Автограф. Письмо получено в Москве 3 февраля (ст. стиля) 1894 года. — *Там же*. Л. 3-3 об.

...*cachets*... — таблетки (*фр.*).

⁹³ См. о нем выше примеч. 72.

⁹⁴ Одним из постоянных авторов газеты был пастор Реформатской церкви в Бордо, литературный критик Шарль Реколе (Charles Recolin; 1857-1905). В круг его интересов входила не только французская, но и бельгийская, скандинавская и русская литература, в том числе и романы Л.Н. Толстого. — См.: *Recolin Ch. La moralité dans le roman Russe // Recolin Ch. L'Anarchie littéraire*. Paris, 1898. P. 251-268 (<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k96223g/f6.image>).

⁹⁵ Так в близком кругу называли Владимира Николаевича Философова (1874-1940), брата С.Н. Толстой.

⁹⁶ В 1865 году английским священником-методистом Уильям Буттом (Booth; 1829-1912) была создана международная евангелическая миссионерская и благотворительная организация под названием «Христианская миссия» (*The Christian Mission*). Помимо распространения христианства, она оказывала помощь нуждающимся в социальной, медицинской, моральной и иной поддержке не только в кризисной ситуации, но и в повседневной жизни. В 1878 года организация стала называться «Армией Спасения» (*The Salvation Army*). Она содержит столовые, ночлежные дома, молодежные клубы; работает с осужденными и обездоленными в разных странах мира. — См.: *Booth W. In darkest England and the way out*. Lnd., 1890. См. также примеч. 6 к Главе 4 Книги I.

⁹⁷ «Черный кот» (*фр.*) — знаменитое парижское кабаре на Монмартре. С момента его открытия в ноябре 1881 года, это был шумный ночной клуб, одна часть которого являлась художественным салоном, в другой части располагалось варьете с запрещенным тогда фортепьяно.

⁹⁸ 300-метровая башня была названа в честь своего создателя, французского инженера А.Г. Эйфеля (см. о нем выше в примеч. 3 к Главе 5 Книги II), соорудившего ее в 1889 году для Всемирной выставки в Париже. С этого времени она стала центром притяжения горожан и туристов. Издеваясь над тупыми провинциалами, один из русских фельетонистов писал: «...быть на выставке и не влезть на Эйфелеву башню, все равно что быть в Риме и не видеть папы. Помилуй, там на башне открытые письма к знакомым пишут и прямо с башни посылают. ...» — См.: *Лейкин Н.А. Наши за границей: Юмористическое описание поездки супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых в Париж и обратно*. СПб., 1890. С. 164. См. также: *Юрин А.В., Дорожкина О.А. Башня Эйфеля в Париже*. М., 2008.

⁹⁹ Л.Л. Толстой ошибся. И.Л. Толстой торопился домой к четырехмесячному сынишке и жене (см. выше примеч. 25).

¹⁰⁰ См. о нем выше примеч. 73.

¹⁰¹ См. о ней выше в примеч. 14 к Главе 3 Книги II.

¹⁰² См. о ней выше в примеч. 13-14 к Главе 12 Книги I.

¹⁰³ См. о нем в примеч. 18.

¹⁰⁴ Речь идет о поездке Л.Н. Толстого с дочерью Татьяной в имение И.Л. Толстого Гриневка. Они приехали 23 января 1894 года и пробыли у С.Н. Толстой до 2 февраля 1894 года. — *ПСС*. Т. 84. С. 206-209; *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 274, 299.

¹⁰⁵ С.А. Толстая уезжала в Ясную Поляну и вернулась в Москву 18 января (ст. стиля) 1894 года (см. выше примеч. 26).

¹⁰⁶ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13968. Л. 1-2 об. Автограф. По содержанию документ условно может быть датирован 13 февраля (нов. стиля) 1894 года.
...такой *café*... — кафе по-французски — существительное мужского рода.

¹⁰⁷ В семье Э. Рода и его жены Валентин (урожд. Гонэ; Gonin) было двое детей: сын Френсис и дочь Мари. — См.: *Lerner M.G.* Edouard Rod (1857-1910): A portrait of the novelist and his times. The Hague; Paris: Mouton, 1975. P. 19, 22, 32.

¹⁰⁸ Известно несколько портретов Э. Рода. Один из них — работы швейцарского художника Луи Рейнера (Rheiner; 1863-1924) — был написан не позднее 1892 года. — См.: *Гонкур Э. де, Гонкур Ж. де.* Дневник... Т. II. С. 599. См. его в кн.: *Roz F.* Edouard Rod: Biographie critique; Illustrée d'un portrait-frontispice et d'un autographe suivie d'opinions et d'une bibliographie. Paris, 1906
(<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k748535.r=Edouard%20Rod?rk=21459;2>).

Портрет Э. Рода кисти швейцарского художника Эрнеста Билера (Biéler; 1863-1948) был завершен в 1909 году и находится в музее Лозанны. В начале 90-х годов Э. Билер учился мастерству в Париже и — теоретически — уже тогда мог делать наброски к портрету своего именитого соотечественника. — См.: *Ernest Biéler: 1863-1948: Du réalisme à l'art nouveau* [catalogue]. Lausanne; Milano, 1999. P. 149 (ill. 29).

¹⁰⁹ Этот поворот в беседе Л.Л. Толстого с Э. Родом вызван тем, что Эмиль Золя (см. о нем выше в примеч. 15-16 к Главе 19 Книги I), потрясенный бессмысленной жестокостью поступка О. Вальяна, в интервью парижским журналистам говорил о социальных корнях анархизма и о безверии самих анархистов. В конце этой встречи Э. Золя с горечью заметил: «Тридцать лет ратовал я за позитивизм, а теперь чувствую<, > что убеждения мои поколебались. Религия, вера воспрепятствовали бы распространению анархистских теорий». — См.: *Духовецкий Ф.* Признание Эмиля Золя // *Московские ведомости*. М., 19 декабря 1893 года, № 349. С. 2.

¹¹⁰ Л.Н. Толстой ранее придерживался сходных взглядов и считал, что Ги де Мопассан (см. о нем выше примеч. 29 к Главе 8 Книги II) «не имел правильного, то есть нравственного, отношения к описываемым предметам», без которого талант писателя не может проявиться в полной мере. — *ПСС*. Т. 30. С. 4. См. также: *Там же*. Т. 66. С. 417-418; Т. 84. С. 193.

Однако, работая над «Предисловием к сочинениям Гюи де Мопассана», Л.Н. Толстой в конце 1893 – начале 1894 года прочитал романы и поздние рассказы французского писателя, которые не могли оставить его равнодушным. Предлагаю читателю «Посредника» произведения Мопассана, Л.Н. Толстой писал: «Трагизм жизни Мопассана в том, что, находясь в самой ужасной по своей уродливости и безнравственности среде, он силою своего таланта, того необыкновенного света, который был в нем, выбивался из мировоззрений этой среды, был уже близок к освобождению, дышал уже воздухом свободы, но, истратив на эту

борьбу последние силы, не будучи в силах сделать одного последнего усилия, погиб, не освободившись. ...

Если бы ему суждено было не умереть в муках рождения, а родиться, он бы дал великие поучительные произведения, но и то, что он дал нам в своем процессе рождения, уже многое. Будем же благодарны этому сильному, правдивому человеку и за то, что он дал нам». — *Там же*. Т. 30. С. 24, 27.

¹¹¹ Последние месяцы жизни Мопассан, действительно, провел в лечебнице для душевнобольных, где и умер в полном одиночестве в июле 1893 года. — См.: *Безелянский Ю.* Кумир женщин (Ги де Мопассан) // *Безелянский Ю.* Прекрасные безумцы: Лит. портреты. М.: Радуга, 2005. С. 26; *Коултер С.* Будь проклята страсть: Роман [о Мопассане]. М.: Армада, 1997. С. 427-441.

¹¹² Заседания Национального собрания (нижней палаты депутатов французского парламента) в Бурбонском дворце на площади Согласия были открытыми. В зале имелись специальные места для гостей. Чтобы присутствовать на заседании, достаточно было подать письменное прошение и получить в секретариате билет. — См.: *Париж:* Описание города и его окрестностей и путеводитель по музеям. 2-е изд. Одесса, 1908. С. 163. См. также: *Моррис Э.* Париж: Путеводитель [Пер. с англ.]. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Фаир, 2012. С. 112.

¹¹³ См. об этом выше статью *Л.Л. Толстого «Око за око»*.

¹¹⁴ Цензура не пропустила эту статью Л.Л. Толстого. Единственное упоминание в журнале о бомбах О. Вальяна и Э. Анри см. в ст.: *Полонский Л.* Политическая летопись // *Северный вестник*. СПб., 1894, № 5. Отд. II. С. 123-124.

¹¹⁵ Алексей Павлович Бобринский (1826-1894) — тульский помещик, евангелист, с которым Л.Н. Толстой «всегда особенно горячо спорил о религиозных вопросах». — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания... С.53. См. также: *Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями...* С. 393-394.

¹¹⁶ Земледельческая школа, с большими опытными полями, была учреждена в Гриньоне в 1826 года и до конца века оставалась образцовым экспериментальным учреждением. — См.: *Васильчиков А.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах: В 2-х томах. Т. 1: Эмиграция; Землевладение: во Франции, в Англии, Германии, России; Т. 2: Земледелие в Европе, в России; Разные виды землевладения; Размеры землевладения; Колонизация. 2-е изд. СПб., 1881.

¹¹⁷ Виконт Эжен-Мельхиор де Вогюэ (см. о нем в примеч. 15 к Главе 19 Книги I), французский дипломат и литератор, служивший в России несколько лет секретарем французского посольства в Петербурге. Его жена, фрейлина Александра Николаевна Анненкова (1849-1914), позволила ему заметно расширить круг общения и лучше понять то, что происходит в России и русской литературе.

В 1879-1884 годах Э.-М. де Вогюэ опубликовал в журнале «Revue des deux Mondes» цикл статей о прошлом и настоящем России, а также ряд очерков о русских писателях XIX века (Тургеневе, Толстом, Достоевском, Гоголе), которые в переработанном виде вошли в книгу «Русский роман» (1886). — См.: *Вогюэ Э.-М.* Русский роман // *Отечественные записки*. М., 2007, № 5. С. 170-190. См. также: *Вогюэ Э.-М.* Рассказы француза про русских. М., 1886; *Вогюэ Э.-М.* Современные русские писатели: Толстой – Тургенев – Достоевский. М., 1887; и др.

¹¹⁸ Это письмо Л.Л. Толстой написал в четверг, 15 февраля (нов. стиля) 1894 года. Постные дни у православных — среда и пятница.

¹¹⁹ **ОРГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 13968. Л. 1-2 об. Автограф.
...смерть его друга — о ком идет речь, установить не удалось.

¹²⁰ В середине января (ст. стиля) 1894 года у А.К. Чертковой случился сердечный приступ. Об этом В.Г. Чертков 13 января 1894 года писал Л.Н. Толстому. Позднее и сама А.К. Черткова прислала Л.Н. Толстому листки из своего февральского дневника, дающие представление о ее душевном и физическом состоянии. — **ПСС**. Т. 87. С. 252, 258, 260-261.

¹²¹ **ОРГМТ**. Архив В.Г. Черткова, № 60129. Л. 1-2. Автограф.

¹²² Л.Н. Толстой со старшей дочерью из Гриневки 2 февраля (ст. стиля) 1894 года поехали прямо в Ясную Поляну. — **ПСС**. Т. 87. С. 253. См. выше примеч. 104.

В Москву Л.Н. Толстой вместе с двумя дочерьми (Татьяной и Марией) приехали 11 февраля (ст. стиля) 1894 года. См. запись в ежедневнике С.А. Толстой. — **ОРГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 37914. Л. [6].

¹²³ А.Л. Толстой (см. о нем выше примеч. 28 к Главе 1 Книги I + Глава 9 Книги II) — младший брат Л.Л. Толстого, с которым он был дружен. Как и многие молодые люди, А.Л. Толстой в 15-16 лет доставлял родным немало забот. 28 января 1894 года Л.Н. Толстой писал жене: «Об Андрюше не могу вспомнить без неприятного чувства за его смело глупые речи о том, как Немца убить штыком. Стараюсь забыть и забуду, но неприятно». — **ПСС**. Т. 84. С. 207.

¹²⁴ Письмо неизвестно.

¹²⁵ 2 февраля 1894 года С.А. Толстая в письме мужу в Ясную Поляну пожаловалась на сына, не желавшего учиться. «Андрюша говорит: “если ты не хочешь, чтоб я был военный, мне всё безразлично”. Стали рассуждать, он нагрубил и ушел. А предоставить его самому себе нельзя; он слаб и погибнет без руководства». — См.: **Толстая С.А.** Письма к Л.Н. Толстому... С. 591.

¹²⁶ Вероятно, речь идет о Мите (Дмитрии Александровиче) Кузминском (см. о нем выше в примеч. 32 к Главе 8 Книги II), к которому были очень привязаны младшие дети Толстых. — **ПСС**. Т. 84. С. 197-198.

¹²⁷ См. об этом выше в статье **Л.Л. Толстого «Око за око»**.

¹²⁸ Весной 1893 года в переписке В.Г. Черткова с Л.Н. Толстым обсуждался вопрос об участии Л.Л. Толстого в работе издательства “Посредник”. — **ПСС**. Т. 87. С. 185-190.

¹²⁹ Иван Иванович Горбунов-Посадов (1864-1940) — писатель, педагог, издатель книг для детского и народного чтения; редактор издательства “Посредник”.

¹³⁰ Е.И. Попов (см. о нем выше в примеч. 31 к Главе 13 Книги I) — литератор, единомышленник и последователь Л.Н. Толстого — в феврале 1894 года начал писать биографию сельского учителя, приговоренного к отдаче в дисциплинарный батальон за отказ от военной службы. — См.: **Попов Е.И.** Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина: 1866-1894 /С предисловием Л.Н. Толстого. Берлин, 1895. См. также: **ПСС**. Т. 31. С. 100; Т. 66. С. 376-377; Т. 87. С. 113, 265.

¹³¹ П.И. Бирюков (см. о нем примеч. 8 к Главе 6 Книги I) — первый биограф Л.Н. Толстого; один из основателей издательства “Посредник”. В конце февраля 1894 года он уехал в Ржев, чтобы помочь В.Г. Черткову ухаживать за больной женой. — *Там же*. Т. 87. С. 260.

¹³² Внучатая племянница Л.Н. Толстого, княжна М.Л. Оболенская (см. о ней в примеч. 6 к Главе 6 Книги I) в июле 1893 года вышла замуж за Николая Алексеевича Маклакова (1871-1918), окончившего Московский университет и поступившего на службу в Московскую казенную палату сверхштатным чиновником для особых поручений. — *Там же*. С. 208.

¹³³ Маклаковы приезжали в Москву 1-10 февраля 1894 года и были у С.А. Толстой. — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 589.

Молодые супруги действительно ждали ребенка. Их сын, Юрий (Георгий) Николаевич Маклаков, родился в августе 1894 года (умер в 1969 году).

¹³⁴ С.Л. Толстой в начале 1894 года жил в Москве и помогал С.А. Толстой в воспитании младших братьев. Однако иногда он срывался, доставляя близким огорчение. 2 февраля 1894 года С.А. Толстая писала мужу в Ясную Поляну: «Серёжа уехал сегодня в Никольское на 5, 6 дней. Он испортился последние дни, ибо кутнул». — См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 591.

¹³⁵ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13969. Л. 1-2 об. Автограф.

¹³⁶ Письма неизвестны.

¹³⁷ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13970. Л. 1-2. Автограф. Подчеркнуто Л.Л. Толстым.

¹³⁸ См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 303; *ПСС*. Т. 67. С. 297.

¹³⁹ Телеграмма Л.Л. Толстого на имя Т.Л. Толстой была получена в Москве 14 февраля (ст. стиля) 1894 года. — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 37914. Л. [7]. См. также: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 306.

¹⁴⁰ Т.Л. Толстая незамедлительно выехала в Париж к больному брату 15 февраля (ст. стиля) 1894 года. — *Там же*.

¹⁴¹ См. о ней выше примеч. 53.

¹⁴² Пьер Ларусс (1817-1875) — филолог, составитель словарей, — не найдя поддержки своим планам выпуска просветительной литературы, основал издательство, которое в руках наследников превратилось в крупнейший издательский центр Европы. Гордостью фирмы по праву является «*Большой универсальный словарь XIX в.*» в 15 томах (1865-1876, 2 дополнительных тома в 1878 и 1890). — См.: *Grand dictionnaire universel du XIX e siècle: En 15 volumes /Auteur: Pierre Larousse. Paris, 1866-1877 (+ Supplément: En 2 volumes).*

¹⁴³ Вероятно, речь идет о новом издании, задуманном потомками П. Ларусса. — См.: *La Grande Encyclopédie. Inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts: En 31 volumes.* Paris, 1886-1902.

К началу 1894 года вышло 18 томов «*Большой энциклопедии*».

¹⁴⁴ **ОР ГМТ.** Архив С.А. Толстой, № 13962. Л. 1-2 об. Автограф. Подчеркнуто Л.Л. Толстым. Письмо было получено в Москве 17 февраля (ст. стиля) 1894 года. — *Там же*. Л. 3 об.

¹⁴⁵ Ошибка Л.Л. Толстого. Речь идет о докторе П.К. Потене (*Potain*). См. о нем примеч. 10 к Главе 13 Книги I.

¹⁴⁶ **ОР ГМТ.** Архив С.А. Толстой, № 13963. Л. 1-1 об. Автограф. Подчеркнуто Л.Л. Толстым. Письмо было получено в Москве 19 февраля (ст. стиля) 1894 года. — *Там же*. Л. 2 об.

По содержанию письмо датируется не 25, как написал Л.Л. Толстой, а 26 февраля (нов. стиля) 1894 года.

¹⁴⁷ Климатический курорт Монтрё на берегу Женевского озера в Швейцарии. Среднегодовая температура воздуха — 10,5°. — См.: *Вся медицинская Москва*: Адресная и справочная книга с приложением списка русских и зарубежных курортов и санаторий. М., 1914. Стб. 354.

¹⁴⁸ Телеграмма неизвестна.

¹⁴⁹ Т.Л. Толстая приехала в Париж в субботу, 3 марта/19 февраля 1894 года. — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 315-316.

¹⁵⁰ 21 февраля (ст. стиля) 1894 года Л.Н. Толстой ответил сыну из Москвы так: «... Я тебя не забыл, дорогой Лева, а не писал, п[отому] ч[то] не было мне вполне ясно твое душевное состояние.

Теперь же получили твои три письма: первое, в кот[ором] ты сознаешься в твоих отчаянных мыслях, второе — одновременное с твоей телеграммой, и последнее, в котором ты уже ждешь Таню и после посещения Potain. Мне совсем ясно твое душевное состояние одиночества и тоски в огромном, веселом, блестящем городе. Должно быть, в роде того, что я испытывал в детстве, когда меня запирали в комнату и я слышал радостные визги братьев в соседней комнате. — Как видно, болезнь твоя знакома всем врачам и кажется очень простою и обыкновенною. Я понимаю, как она не проста и обыкновенна тому, кто страдает от нее. Как смерть, кот[орая] так проста, как предмет наблюдений, и так бесконечно таинственна, когда ее будешь испытывать. Но я говорю о том, что болезнь понятна врачам, они опытом знают ее течение и исход, и потому надо подчиниться им. И советую тебе сделать это, подчинясь Potain. Montreux мне тоже нравится для тебя и потому, что это считается самым успокоительным для нервов местом в Европе, и потому, что я сам прожил там удивительно радостно, спокойно. И мне кажется, что и тебе так же будет. Ты не конфузся за свою слабость, что не перенес одиночества и отчаивался. Я не только не осуждаю тебя, но радуюсь видеть, что ты и больной живешь, не спускаешь нравственных требований к себе. А это главное. Не количество жизни дорого, а качество. И это мы, стареющие и слабеющие люди, знаем опытом. ...» — *ПСС*. Т. 67. С. 45-46.

¹⁵¹ Л.Л. Толстой был знаком с А.П. Чеховым (см. о нем выше в примеч. 9 к Главе 12 Книги I) и в январе 1893 года даже обсуждал с ним в Петербурге план совместного кругосветного путешествия. — См.: *Сын и отец... // Лица...* Т. 4. С. 177; *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем... Письма... Т. 5. С. 158.

Новое сочинение А.П. Чехова вызвало живой интерес Л.Л. Толстого. Рассказ “*Черный монах*” был напечатан в журнале “*Артист*” в январе 1894 года (№ 33, кн. 1. С. 1-16). В 1908 году Л.Л. Толстой переделал этот рассказ в пьесу «*Призрак*». — См.: *Л.Н. Толстой и*

А.П. Чехов: Рассказывают современники, архивы, музеи... /Составитель и автор коммент. А.С. Мелкова. М.: Наследие, 1998. С. 8-15, 28-29. См. также: **Толстой Л.Л.** Призрак: Пьеса в 3-х действиях и 4-х картинах[: Переделана для театра из рассказа А.П. Чехова “*Черный монах*”]. 2-е литогр. изд. СПб., 1910.

¹⁵² В конце января появились первые отклики. В обзоре “*Журнальные новости*” о новом рассказе А.П. Чехова говорилось так: «...он принадлежит несомненно к числу лучших произведений этого автора, как по художественной простоте и беспретенциозности изложения, так и по силе впечатления, производимого им на читателя». — См.: **Русские ведомости**. М., 24 января 1894 года, № 24. С. 2-3. Обзор подписан криптонимом *Д.М.*

Ю.Н. Говоруха-Отрок критически оценил новый рассказ А.П. Чехова. Он сравнил героев «Черного монаха» и «Записок сумасшедшего» Н.В. Гоголя: «Ведь Коврин г. Чехова — это тот же Поприщин, только Поприщин[,] пропитанный духом современности». — См.: **Николаев Ю.** Современные Поприщины: *Черный монах*: Рассказ А.П. Чехова: *Артист*, январь // **Московские ведомости**. М., 3 февраля 1894 года, № 34. С. 3.

В более поздней развернутой рецензии критик Михаил Григорьевич Зельманов (1869-1901), писавший под псевдонимом *М. Южный*, назвал «Черного монаха» самым неудачным из новых сочинений А.П. Чехова. Он заметил «отсутствие ясно-определенной идеи, проникающей произведение, а отсюда эскизность и мозаичность произведения». Вывод рецензента такой: «...по-прежнему г. Чехов умеет мастерски рассказывать, пожалуй, еще лучше прежнего; но по-прежнему же он еще ничего не сказал серьезного, и мы стоим перед ним с прежним сомнением[,] с прежней надеждой...» — См.: **Южный М.** Новые рассказы г. Чехова // **Гражданин**. СПб., 16 февраля 1894 года, № 47. С. 3. См. также: **Масанов И.Ф.** Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. III. С. 281; Т. IV. С. 195.

На фоне этих отзывов безусловно вызывает интерес внимание Л.Л. Толстого к этому рассказу А.П. Чехова.

¹⁵³ Л.Л. Толстой цитирует слова *черного монаха*, с которыми согласен магистр Андрей Васильич Коврин. — См.: **Чехов А.П.** Полное собрание сочинений и писем...: Сочинения: В 18-ти томах... Т. 8. С. 237.

¹⁵⁴ То есть, 25 февраля (нов. стиля) 1894 года (см. выше).

¹⁵⁵ 21 февраля (ст. стиля) 1894 года Л.Н. Толстой писал сыну: «...И Димир, я чувствую, должен быть приятен. В нем есть тепло, та сердечная искренность, самые драгоценные чувства. ...» — **ПСС**. Т. 67. С. 45.

¹⁵⁶ В том же письме Л.Н. Толстой заметил: «...Как хорошо, что тебя любят и Саломон и его мать. Его мать я видел 40 лет тому назад с цветами в Женеве, она принесла их Ал[ексandre] Андр[еевне], а теперь тебе. Утонченные формы особенно милы в старушках. Поблагодари очень ее и его от меня. ...» — **Там же**. С. 46.

Об Адель Саломон и графине А.А. Толстой см. выше примеч. 61.

¹⁵⁷ **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 13972. Л. 1-2 об. Автограф. Письмо получено в Москве 21 февраля (ст. стиля) 1894 года. — **Там же**. Л. 3-3 об.

...rien de grave... — ничего серьезного (*фр.*).

...этой rechute... — рецидив, *по-французски*, существительное женского рода.

...“bien vous soigner”... — хорошо о вас заботились (*фр.*).

...“pas raison”... — не стоит, не резон (*фр.*).

...нет volonté... — нет воли, желания (*фр.*).

¹⁵⁸ Л.Л. Толстой писал это письмо в четверг, а в этот день «...в половине поста (*mi-carême*) на парижских улицах ... устраивается торжественное и маскарадное шествие, состоящее из 20-25 маскарадных колесниц с различного рода шуточными изображениями. ...» — См.: *Париж*: Описание города и его окрестностей... С. 38.

¹⁵⁹ См. о нем выше примеч. 3-4 к Главе 13 Книги I.

¹⁶⁰ Так называлось переплетение, созданное из тонкой старинной легкой и очень мягкой шелковой или полотняной ткани.

¹⁶¹ Одна из дочерей В.Н. Кашперова (см. о ней выше примеч. 53) была невестой Михаила Александровича Островского (1866-1888). Первое упоминание о несчастье — в письме Александра Николаевича Плещеева (1825-1893) А.П. Чехову от 19 августа 1888 года: «... Сын драматурга Островского, только что кончивший курс в университете и собиравшийся в августе жениться на девушке, с которой рос вместе и в которую давно влюблен был (Кашперовой), чуть не накануне свадьбы занемогает дифтеритом и умирает; а она, схоронив его, отравляется карболкой. Ее перевезли в больницу и кое-как спасли. ...» — См.: *Чехов (Литературное наследство; Т. 68)*. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 324.

¹⁶² *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13971. Л. 1-2. Автограф. Письмо получено в Москве также 21 февраля (ст. стиля) 1894 года. — *Там же*. Л. 3-3 об.

¹⁶³ Московский врач, специалист по внутренним болезням и нервно-психическим расстройствам Петр Петрович Викторов практиковал с 1885 года. — См.: *Календарь для врачей всех ведомств*: 1894... СПб., 1893. Ч. III. С. 298.

¹⁶⁴ См. о нем выше примеч. 11 к Главе 13 Книги I.

¹⁶⁵ Жан Мартен Шарко (*Charcot*; 1825-1893) — французский психиатр и невропатолог.

¹⁶⁶ *ПСС*. Т. 67. С. 39.

¹⁶⁷ Н.Н. Ге (см. о нем выше примеч. 28 к Главе 13 Книги I) приехал в Москву 8 февраля 1894 года. — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 290.

¹⁶⁸ См. о ней выше примеч. 14 к Главе 12 Книги I.

¹⁶⁹ Петр Николаевич Ге (1858-1918), младший сын художника.

¹⁷⁰ Приписано С.А. Толстой.

¹⁷¹ См. о нем выше в примеч. 1 к Главе 7 Книги I.

¹⁷² Елена Павловна Раевская (урожд. Евреинова; 1839-1907), вдова Ивана Ивановича Раевского (1835-1891), помещика Рязанской губернии, на земле которого Л.Н. Толстой с помощниками работал на голоде и открыл столовые для голодающих крестьян (см. об этом в примеч. 7 к Главе 10 Книги I).

¹⁷³ Семья тульского помещика, знакомого Толстых, Петра Федоровича Самарина (1830-1901). Он был женат на сестре Е.П. Раевской, Александре Павловне (урожд.

Евреиновой; 1836-1905). — См.: *Поддубная Р.П.* Самарины: Страницы жизни. Самара: Офорт, 2008. С. 474-476.

¹⁷⁴ *ОР ГМТ*. Архив Л.Л. Толстого. КП-23087, ед. хр. 142. Л. 1-2 об. Автограф. Подчеркнуто *Н.Н. Ге* и *С.А. Толстой*.

О получении «очень милого [письма] от бабушки» Ге см. запись от 1 марта (нов. стиля) 1894 года в кн.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 323.

¹⁷⁵ См. о нем выше в примеч. 16 к Главе 13 Книги I.

¹⁷⁶ Одна из поздних комедий Ж.-Б. Мольера «Ученые женщины» (1672). Смогла ли её посмотреть Т.Л. Толстая во время короткого пребывания в Париже, однозначно сказать трудно. В ежедневных газетах, выходивших дважды в день, комедия не названа ни 28 февраля, ни 1-2 марта 1894 года.

Однако в еженедельном журнале, публиковавшем репертуар парижских театров на конец февраля – начало марта 1894 года и вышедшем в воскресенье 4 марта, в перечне пьес, поставленных в четверг, 1 марта 1894 года, были представлены две комедии Мольера – ранняя и мало известная пьеса «Любовная досада» (Любовная размолвка; *Le Dépit amoureux*; 1656-1659) и «Ученые женщины» – и одноактная комедия в японском стиле Эрнеста д'Эрвилли (d'Hervilly; 1838-1911) «Прекрасная Сайнара» (*La belle Saïnara*; 1874). — См.: *Le Monde artiste: théâtre, musique, beaux-arts, littérature*. Paris, 25 février 1894, no. 8. P. 101-102; *Ibid.*, 11 mars, no. 9. P. 132.

Записи Т.Л. Толстой тоже не дают однозначного ответа на этот вопрос, возможно, потому, что Т.Л. Толстая знала, что дневник будет читать ее отец. — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 325.

¹⁷⁷ Несколько вечеров, в том числе и 2 марта 1894 года в театре “Comédie-Française” давали пьесу одного из успешных драматургов нового поколения Эдуарда Пальерона (Пайерон; Pailleron; 1834-1899) в 4-х актах “Cabotins!” («Странствующие комедианты»). — См.: *Journal des débats*. Paris, 2 mars 1894. P. 4. См. также: *Le Monde artiste*... Paris, 25 février 1894, no. 8. P. 101-102.

Скептический отклик на эту пьесу уже был в русской печати. — См.: *Хроника //Артист*: Журнал изящных искусств и литературы. М., март 1893 года, № 35. С. 271 (https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/a/ac/Artist_35.pdf).

¹⁷⁸ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13974. Л. 1-2 об. Автограф.

...*j'aime tout*... — все люблю, все интересно (*фр.*).

...*dans deux jours*... — через два дня (*фр.*).

¹⁷⁹ Оба начертания неправильны. Нужно: *Brissaud* (см. выше примеч. 11 к Главе 13 Книги I).

¹⁸⁰ 11 марта (нов. стиля) 1894 года Л.Л. Толстому стало так плохо, что он рассорился с доктором Бриссо и стал настаивать на немедленном отъезде домой. — См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 330-331.

¹⁸¹ *ПСС*. Т. 67. С. 56-57.

...*indéfiniment*... — на неопределенное время (*фр.*)

¹⁸² *ОР ГМТ*. Фонд В.Г. Черткова, № 60130. Л. 1 об. Автограф.

¹⁸³ *Там же*, № 60131. Л. 1. Автограф.

¹⁸⁴ 18 октября (нов. стиля) 1909 года французский летчик граф Шарль де Ламбер (Lambert; 1865-1944) установил рекорд высоты полета аэроплана, поднявшись на 500 метров в небо Парижа и сделав несколько кругов над 300-метровой башней, сооруженной в 1889 году знаменитым французским инженером А.Г. Эйфелем (см. выше примеч. 98).

Вероятно, Л.Л. Толстой не знал, что граф де Ламбер был русским подданным. Его предки бежали в Россию во время Великой Французской революции и служили в русской армии. Русские газеты особо отмечали, что в толпе ликующих парижан было немало соотечественников, приветствовавших летчика криками во славу России. — См.: *Париж за неделю //Новое время*. СПб., 14/27 октября 1909 года, № 12066. С. 3; *Попов Н.* Русский аэроплан над Парижем // *Там же*, 18/31 октября 1909 года, № 12070. С. 4.

¹⁸⁵ Маргарита Стенель (Steinheil; урожд. *Jary*; 1869-1954) в 1890 году вышла замуж за художника Адольфа Шарля Эдуарда Стенеля (Steinheil; 1850-1908). — См.: *Grand Dictionnaire Encyclopédique Larousse*. Paris, 1985. Т. 9. P. 9799.

Вскоре в салоне мадам Стенель появились многочисленные поклонники хозяйки, среди которых был президент Франции Феликс Фор (Faure; 1841-1899), скончавшийся, по одной из распространенных версий, в ее объятиях.

31 мая 1908 года Париж был взволнован убийством художника и его тещи. — См.: *Двойное убийство в Париже //Новое время*. СПб., 23 мая/5 июня 1908 года, № 11584. С. 3.

Поиски убийц заняли некоторое время и привели следствие к г-же Стенель, которая с негодованием отвергла все обвинения. Эта история в течение недели, с 13 по 19 декабря 1908 года была воссоздана на петербургской сцене в IV отделении представления новой разнообразной программы в новом грандиозном театре «Колизей» у Троицкой площади. — См.: *Дело т-те Стейнгель: Убийство на улице Вожирар //Сцена: Ежедневная театральная газета*. СПб., 13 декабря 1908 года, № 109. [С. 6-7]; 15 декабря 1908 года, № 110. [С. 7]; и др.

Проведя почти год в тюрьме, мадам Стенель на суде продемонстрировала выдержку, хладнокровие и несомненные актерские способности, которые позволили ей выйти из здания суда под громкие аплодисменты публики. И в 40 лет она была так хороша собой, что суд присяжных большинством голосов снял с нее обвинение в убийстве матери и мужа, хотя множество косвенных улик свидетельствовало против нее.

Процесс г-жи Стенель подробно описывался и на страницах русских газет. — См.: *Новое время*. СПб., 26 октября/8 ноября 1909 года, № 12078. С. 3; 27 октября/9 ноября 1909 года, № 12079. С. 4; 28 октября/10 ноября 1909 года, № 12080. С. 5-6; 30 октября/12 ноября 1909 года, № 12082. С. 3; 1/14 ноября 1909 года, № 12084. С. 4; 5/18 ноября 1909 года, № 12088. С. 3.

После суда мадам Стенель покинула Францию, под именем мадам де Серенак (Seregnac) благополучно жила в Англии и даже представила там свою версию событий. — См.: *Steinheil M.* My memoirs. Lnd., 1912.

¹⁸⁶ Плантатор из Вирджинии и убежденный противник вхождения Америки в состав Британской империи Чарльз Линч (Lynch; 1736-1796) впервые применил самосуд по отношению к сторонникам англичан в начале 80-х годов XVIII века во время американской революции или войны за независимость. В те годы суд Линча сводился к таким формам наказания, которые были вне юридических норм и правил: порка, конфискация имущества, принудительная мобилизация в ряды патриотов, а также обмазывание дегтем и обваливание в перьях с последующим изгнанием из города. Однако уже через несколько десятилетий суд Линча превратился в ритуальное убийство. Жертву (как правило, негра или индейца) вешали при большом стечении народа.

В 1909 году в Северо-Американских штатах линчевали 89 человек: 75 негров и 14 белых. — См.: *Shay F.* Judge Lynch: His first hundred years. N.Y., 1969. P. 274.

О самосуде в городе Каиро (штат Иллинойс) осенью 1909 года корреспонденты русских газет телеграфировали на следующий день после казни: «Вчера вечером

многотысячная толпа линчевала негра, обвинявшегося в насилии над молодой девушкой, и сожгла его труп. Вслед за тем толпа проникла в тюрьму, где стала разыскивать сообщников негра. Толпа схватила беглого арестанта, обвинявшегося в убийстве своей жены, и, несмотря на его уверения в невинности, повесила его на телеграфном столбе. По приказанию губернатора в Каиро посланы 11 рот милиции для поддержания порядка». — См.: *Новое время*. СПб., 31 октября/13 ноября 1909 года, № 12083. С. 4.

Разъяренная 10-тысячная толпа совершила линчевание несмотря на то, что шериф пытался защитить негра Уильяма Джеймса и белого фотографа Генри Салзнера. — См.: *Niederhorn W.S.* One Lynching in Cairo. Ill., then, another // *The New York Times*. November 12, 1909. P. 1; *Cairo mob lynches men of two races* // *Ibid.*; (https://en.wikipedia.org/wiki/William_%22Froggie%22_James).

Возможно, журналист не знал подробностей расправы над негром или не рискнул шокировать читателей. Отрубленную голову Уилла (Уильяма) Джеймса выставили на столбе для всеобщего устрашения, внутренности разобрали *на память* (!?!), особенно оголтелые расисты, после чего останки сожгли. Позднее была выпущена почтовая карточка с изображением этой расправы. — См.: *Without Sanctuary: Lynching photography in America* (<https://www.cvltnation.com/nsfw-american-terrorism-lynching-postcards/>).

¹⁸⁷ *ИРЛИ*, ф. 303, № 96. Л. [1]. Автограф. Подчеркнуто Л.Л. Толстым.

VI

«Да, дети знаменитостей, — горе вам!»

(Переписка Л.Л. Толстого с А.Г. и Л.Ф. Достоевскими)

¹ Какие именно книги Ф.М. Достоевского просил прислать Л.Л. Толстой, неизвестно. «Циркуляр», точнее, список произведений Ф.М. Достоевского не сохранился.

² Сведений о нем, к сожалению, найти не удалось. Известно только, что Н.П. Афончиков прослужил в «Добром Деле» до начала октября 1905 года. 3 октября 1905 года он известил Л.Л. Толстого о том, что принял предложение книгоиздателя Сергея Андреевича *Манитейна* (1858-1934), специализировавшегося на издании учебников греческого и латинского языков, а также переводов древних авторов, поступить к нему на службу, но болезнь вынудила его на время покинуть Петербург.

Осенью 1906 года Н.П. Афончиков заведовал уже книжным магазином «Путь» на углу Знаменской улицы и Невского проспекта. На протяжении двух лет Н.П. Афончиков небольшими порциями возвращал Л.Л. Толстому свой денежный долг и благодарил за поддержку. В архиве Л.Л. Толстого сохранилось 7 писем Н.П. Афончикова 1905-1907 годов. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 134. Л. 1-12. Автограф.

³ В 1904-1906 годах у А.Г. Достоевской выходило 7-е издание Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 12-ти томах. Одновременно в эти годы выходило 6-е (Юбилейное) Полное собрание сочинений в 14-ти томах.

⁴ *ОР РГБ*, ф. 93/II, карт. 9, ед. хр. 55. Л. 1. Автограф.

⁵ Через год в книжном складе в магазине под фирмой Л.Л. Толстого «Доброе Дело» Ф.М. Достоевский был представлен разными изданиями. Какие из них были присланы А.Г. Достоевской, установить не удалось.

«... Достоевский Ф. Простая дума. 1 ½ к. Изд[ание] Посредника;
Достоевский. Бедные люди. 15 к.;
Достоевский. Мальчик у Хр[иста] на елке. 5 к.;
... Достоевский Ф. В барск[ом] пансионе. 15 к.;

Достоевский Ф. Честный вор. 25 к.;
... Достоевский. Выбор из сочинен[ений] для уч[ащих]ся. 2 р.;
... Достоевский Ф. Сочинения. Изд[ание] Маркса. 8 р.; Сочинения 14 т[омов]. 25 р.;
14 т[омов]. 14 р.; Изд[ание] Достоевской. 12 т[омов]. 10 р.;
... Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома 2 р.;
Братья Карамазовы 3 р.; Дневник писателя 3 т[ома] по 1р.50 к.; Подросток 2 р.; Идиот
2 р.; Бесы 3 р.50 к.; Преступление и наказание 2 р. ...». — См.: *Основной каталог книжного
магазина Л.Л. Толстого под фирмой «Доброе Дело»*. Спб., [1907]. С. 14, 34, 61, 71, 78.

⁶ Учитывая, что разговор происходил накануне встречи Л.Л. Толстого с царем, можно предположить, что обсуждалась необходимость созыва Земского Собора, который мог бы помочь монарху справиться с кризисной ситуацией в России и начать реформу общественно-политической системы. См. выше вариант письма Л.Л. Толстого к Николаю II от 14 января 1905 года в примеч. 26 к Главе 2 Книги II.

⁷ *ИРЛИ*, ф. 303, № 289. Л. 1. Автограф.

⁸ *ОР РНБ*, ф. 753, № 188. Л. 1. Автограф. Курсив *Л.Ф. Достоевской*.

⁹ Некоторое представление об этих собраниях дает письмо Л.Ф. Достоевской своему кузену, статистику-географу, ученому секретарю Русского географического общества А.А. Достоевскому (1863–1933).

«

29 окт<ября 18>97 г<ода
С.-Петербург>

Многоуважаемый Андрей Андреевич!

Прочла сейчас Ваши соображения и тотчас Вам отвечаю. Из них я совершенно ясно узнала, чего мне не надо делать, но что именно надо для исполнения задуманного нами дела, к сожалению, остается туманным. *La critique est aisée, l'art est difficile!*

Вы пишете, что литературные собрания, мною задуманные, будут игрушкой и что мы слишком стары и серьезны, чтобы ею играть. Правда, годы наши почтенны, но будто бы мы так серьезны? Чем мы в сущности интересуемся и о чем мы говорим? Мы играем в винт, с серьезным видом рассуждаем о том, могла ли француженка-прачка и вивандьерка, сделавшись герцогиней, запутаться в придворном шлейфе, с чрезвычайно оживленным видом рассказываем анекдоты о падающих шкафах и огнестрельном оружии, и делаем все это<, > не краснея и не стыдясь, потому только, что это так принято, и никто над нами за это не посмеется. Великое дело — общественное мнение, и как глубоко я сожалею, что до сих пор не научилась еще его уважать, и с большим удовольствием переменяла бы выше описанные серьезные разговоры на игрушку: литературные собрания.

Вы говорите, над нами будут смеяться; но скажите мне, было ли на свете хоть одно новое дело, над которым бы не смеялись, и стоит ли вниманья этот смех? Да и кто будет смеяться? Невежды, разн<ые> Горации и т.д. Признаюсь, я всегда считала людей глупых и необразованных не людьми, а более или менее забавными обезьянами. Жестоко с моей стороны, правда, но, может быть, приняв во внимание, кто был мой отец и в каких традициях я воспитана, отчасти и простительно.

Вы говорите<, > что “большинство людей, наших знакомых, сами имеют о вещах свое суждение” и “узнали уже себя в том и<ли> другом направлении”. Да простит мне Аллах, не могу я поверить, чтобы люди умные, живущие, а не прозябающие, могли бы когда-либо в течение всей своей жизни достигнуть такой минуты, чтобы сказать себе: теперь я все знаю, все понимаю и все мои сомнения разрешены! Такую точку над человеческими мыслями может поставить одна могила, да и то не точку, а многоточие.

Но если я ошибаюсь, если Вы действительно покончили благополучно со всеми вопросами, то почему же не хотите Вы помочь разобраться в своих мыслях людям, которых

все еще тревожат “проклятые” вопросы, в которых жизнь кипит и всякое новое дело и новая мысль заставляют их размышлять и зачастую негодовать<?> В этом случае те “рефераты”, о которых я говорила, оказали бы большую услугу. Человек читает небольшому кружку статью о вопросе, который его интересует<,> и просит слушателей не смеяться над ним, но разобрать ее и высказать свой взгляд. Что же Вы нашли в этом комичного или игрушечного?

Итак, будем же смелей<,> постоим за свою мысль и не откажемся от трудного, но во всяком случае симпатичного дела.

Искренно уважающая Вас

Л. Достоевская.

<...>» — **ОР РГБ**, ф. 93/л, карт. 4, ед. хр. 3. Л. 9-12. Курсив Л.Ф. Достоевской.

... *La critique est aisée, l'art est difficile!* — Критика легка, искусство трудно! — цитата из комедии в стихах «Гщеславный» (или «Гордец» = “*Le Glorieux*”, 1732) французского драматурга *Детуша* (Destouches; псевд.; наст. имя Филипп Нерико; 1680-1754). — См. о нем подробнее в кн.: **Чебышев А.А.** Очерки из истории европейской драмы: Французская “слезная комедия”. Воронеж, 1901. С. 2-8.

...*вивандьерка*... — (от фр. *vivandière*) — так называли женщин, прикрепленных к военным полкам в качестве помощниц или хранительниц столовой.

Вивандьерки в Испании (1875)

¹⁰ В пятницу, 16 марта 1907 года в театре Литературно-Художественного общества (или Малом театре А.С. Суворина) в первый раз давали пьесу Л.Л. Толстого в 4-х действиях «Братья помещики» (см. выше примеч. 22 к Главе 1 Книги II).

¹¹ **ОР РНБ**, ф. 753, № 188. Л. 2. Автограф.

¹² **ИРЛИ**, ф. 303, № 290. Л. 1-1 об. Автограф.

¹³ На самом деле — Мариинско-Сергиевский приют и Надеждинское убежище были открыты для девочек от 6-ти до 14-ти лет; после 1884 года принимались, в том числе и на

платной основе, нуждающиеся и более старшего возраста. — См.: *Весь Петербург на 1907 год*. СПб., 1907. Отд. I. Стб. 426-427.

Возможно, Л.Ф. Достоевская имела в виду благотворительное общество Великой княгини Ольги Александровны (Романовой; в 1-м браке принцессы Ольденбургской; 1882-1960), располагавшееся по адресу: *Надеждинская улица*, дом 5. Общество было создано в 1902 году для оказания помощи бедным матерям, выписывавшимся из Императорского С.-Петербургского родовспомогательного заведения, снабжения новорожденных младенцев детским бельем и поддержки недостаточных слушательниц повивального института (ncblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2853476095). См. также: *Справочная книжка о благотворительных учреждениях и заведениях С.-Петербурга* /Составлена П.Н. Исаковым. СПб, 1911.

¹⁴ В Отделе рукописей и редких книг С.-Петербургской театральной библиотеки сохранились несколько пьес Николая Каховского: «*Дядюшкин сон*: Комедия в 3-х действиях». Переделано из повести Ф.М. Достоевского. К представлению дозволено 11-го января 1907 года (*ОР и РК СПбГТБ*, № 23909); «*В глупом положении*: Комедия в 1-м действии». К представлению дозволено 26-го января 1907 года (*Там же*, № 29958); «*История с чемоданами*: Комедия в 2-х действиях». К представлению дозволено 6-го марта 1908 года (*Там же*, № 25424).

Об адъютанте Московского генерал-губернатора, штабс-капитане Николае Всеволодовиче *Каховском* (1875-1912) см.: *Список ротмистрам армейской кавалерии по старшинству*: Составлен по 8-е ноября 1907 г. СПб., 1908. С. 246.

Вместе с ним служил его старший брат, Георгиевский кавалер, подполковник Борис Всеволодович *Каховский* (1871-1914). — См.: *Вся Москва... на 1908 год...* Отд. I. Стб. 3; Отд. IV. С. 172.

У Н.В. Каховского в Петербурге в Басковом переулке, в доме № 17, жила мать, вдова генерал-лейтенанта Александра Карловна Каховская, а в окрестностях Петербурга служил брат, капитан Георгий Всеволодович *Каховский* (род. в 1870 году). — См.: *Весь Петербург ... на 1908 год...* Отд. III. С. 344.

Сведений о постановках пьес Н.В. Каховского найти не удалось. А вот о его выстреле в сердце петербургские газеты сообщили на следующий день после трагического происшествия в Москве. Корреспонденты особо отметили театральность события: ротмистр держал в руке телефонную трубку. Сообщение, которое он получил, оказалось несовместимо с жизнью. — См.: *Самоубийство Н.В. Каховского* // *Свет*. СПб., 28 января 1912 года, № 26. С. 3.

¹⁵ Речь идет о пьесе Л.Ф. Достоевской «*Женский клуб*: Шутка в 1-м действии». К представлению дозволено 25 января 1907 года. — *ОР и РК СПбГТБ*, № 54961.

¹⁶ Речь идет о 2-хактной пьесе «*Марк*», поставленной в Малом театре 12 января 1908 года вместе с комедией в 3-х действиях немецких драматургов Франца фон *Шентена* (Schönthan; 1849-1913) и Франца *Коппеля-Эльфельда* (Koppel-Ellfeld; 1838-1920) «*Ренессанс*» в вольном переводе в стихах Изабеллы *Гриневской* (см. о ней в примеч. 2 к Главе 4 Книги II).

На следующий день «*Новое время*» лаконично отозвалось о спектакле так: «Первое представление драмы Л.Л. Толстого “Марк” и немецкой комедии “Ренессанс” в переводе И.А. Гриневской прошло в Малом театре с большим успехом После “Марка”, этой мрачной, почти беспросветной трагедии молодых душ, павших жертвами кровавого политического Молоха, тяжелое настроение публики было развеяно тонами “Ренессанса”, — грациозной и остроумной пьесы на вечно юную тему о пробуждении любви, как животворящей силы в сердцах и юного подростка, и безутешной вдовы, и педанта-учителя. ... Авторы обоих пьес неоднократно вызывали... Театр был полон» (№ 11436. С. 6). Оценка

газеты «*Речь*» 15 января 1908 года была более резкой: «...еще одно драматическое упражнение на тему передовой статьи из «Нового времени» об ужасе террора и пролития крови вообще. ...» (№ 12. С. 4).

Обе пьесы оставались в репертуаре Малого театра А.С. Суворина в течение января – февраля 1908 года были сыграны более 10 раз.

¹⁷ В сезон 1904-1905 годов Л.Б. Яворская организовала филиал своего «Нового театра» под названием «Комедия» для воскресных спектаклей в зале Тенишевского училища.

После ее отъезда за границу театр «Комедия» сохранил свое название. Тенишевский зал неоднократно использовался для лекций, концертов и благотворительных спектаклей. Ежедневная театральная газета приглашала зрителей в зал Тенишевского училища 27-28 января, 22 февраля 1908 года и др. — См.: *Хроника //Сцена...* СПб., 18 января 1908 года, № 17. С. [8]; 20 февраля 1908 года, № 49. С. [9]; и др. См. также: *Весь Петербург* ... на 1908 год... Отд. I. Стб. 532-533, 1033; *Петровская И., Сомина В.* Театральный Петербург... С. 328-331.

Был ли там показан спектакль, задуманный Л.Ф. Достоевской, установить не удалось.

¹⁸ *ИРЛИ*, ф. 303, № 290. Л. 4-5 об. Автограф.

¹⁹ Л.Ф. Достоевская ссылается на реплику актера в романе Петра Дмитриевича *Боборыкина* (1836-1921) «Китай-город» (В 2-х томах и 5-ти книгах. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1883. Т. II, кн. 4. С. 20).

Убежденным противником противопоставления любителей и профессионалов был режиссер, драматург, историк театра Николай Николаевич *Евреинов* (1879-1953). — См.: *Евреинов Н.Н.* Демон театральности. М.; СПб.: Летний сад, 2002. С. 269-276.

²⁰ К постановке пьесы «Хаос» Натальи Юльевны *Жуковской* (в замужестве Лисенко; 1874-1940) в Малом театре А.С. Суворина зрителей тщательно подготовили. Незадолго до премьеры в заметках говорилось, что в чтении этот «талантливо написанный политический памфлет в драматической форме» производит сильное впечатление. — См.: *Театр и музыка //Новое время*. СПб., 18/31 января 1907 года, № 11082. С. 4.

Премьера состоялась 23 января/5 февраля 1907 года и была признана удачей драматурга, постановщика и актеров. — *Там же*, 25 января/7 февраля 1907 года, № 11089. С. 4 (рецензия Ю. Беляева).

А через несколько дней профессиональное сообщество поддержало Н.Ю. Жуковскую, хотя и не безусловно. Один из наиболее серьезных критиков писал: «В Малом театре я смотрел во вторник интересную пьесу г-жи Жуковской “Хаос”. Это пьеса очень милая, литературная и современная. ...

Я охотно признаю, что у г-жи Жуковской не только милое и изящное перо, не только тонкий и приятный ум, но и доброе, страдающее сердце. Но мне досадно, что в хаосе она возмущается нарушением душевного комфорта, и совсем не чувствует святого труда возрождения. Ее “хаос” не имеет виновных (а это неправда), и страдания, причиняемые ее “хаосом”, не заключают в себе никакого элемента целесообразности, а это так же неправда.

...

...дарование, а оно у г-жи Жуковской есть несомненно. Сказать же, что хаос есть хаос, тьма есть тьма, – это значит сказать еще не все. Ибо людям надо знать и то, как они зашли в тупик, и то, как из него выйти, ухватив надежную нить Ариадны...» — См.: *Кугель А.* Театральные заметки // *Театр и искусство*. СПб., 28 января 1907 года, № 4. С. 70-72.

В отличие от многих других пьес, «Хаос» несколько месяцев держался на сцене: 1 апреля 1907 года давали 21-е представление.

7 декабря 1907 года зрители получили возможность познакомиться с другой пьесой Н.Ю. Жуковской: «Витязь». Через день *П. Конради* с удивлением заметил:

«...злободневность и искусство очень редко, почти никогда не уживаются... Даровитый автор «Хаоса», г-жа Жуковская, обнаружила в этой пьесе такую несомненную способность схватывать типические черты окружающего...». — См.: *Новое время*. СПб., 9/22 декабря 1907 года № 11403. С. 6.

4-хактная драма «Витязь» публике понравилась: 18/31 декабря 1907 года ее показывали 7-й раз.

²¹ Одноактная комедия Л.Л. Толстого. — См.: *Толстой Л.Л.* Драматические сочинения... Т. 1. С. 171-177.

10 декабря 1901 года комедия «Медовый месяц» была поставлена на сцене Нового театра Л.Б. Яворской, но успеха не имела. — См.: *Филиппова С.А.* Новый театр Л.Б. Яворской... // *Петербургские театры, которых нет...* Вып. I. С. 148.

Вероятно, Л.Б. Яворская предвидела такой вариант. 5 декабря 1901 года театр объявил о двух премьерях в пятницу, 7 декабря: новой пьесе шведского драматурга А. Стрин[д]берга (см. о нем в примеч. 45 к Главе 1 Книги II) «Преступление и преступление» в переводе со шведского А. Тавастшерна и одноактной шутке Л.Л. Толстого «Медовый месяц». — См.: *Новое время*. СПб., 5/18 декабря 1901 года, № 9252. С. 1.

Однако на самом деле драму А. Стриндберга играли отдельно. — *Там же*, 7/20 декабря 1901 года, № 9254. С. 1.

В большой рецензии на эту постановку критик с недоумением писал: «Очень странную пьесу вчера поставили в Новом театре. Называется она “Преступление и преступление”».

Автор, известный шведский драматург Стриндберг, доказывает в ней, что все мы совершаем ряд преступлений, не наказуемых законом, но наказуемых совестью. ...» — См.: *Театр и музыка / Г. // Там же*, 9/22 декабря 1901 года, № 9256. С. 5.

Расшифровать криптоним не удалось. — См.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. I. С. 258.

Шутливую одноактную комедию Л.Л. Толстого “Медовый месяц” показали 10 декабря 1901 года вместе с успешно идущей комедией в 4-х действиях князя Владимира Владимировича Барятинского (1874-1941) “Перекаты”. — См.: *Новое время*. СПб., 10/23 декабря 1901 года, № 9257. С. 1.

В итоге — “Перекаты” остались, а вместо “Медового месяца” буквально через день в спешном порядке были возобновлены и в 13-й раз показаны “Ночи безумных...” Л.Л. Толстого (см. выше примеч. 21 к Главе 1 Книги II). — *Там же*, 12/25 декабря 1901 года, № 9259. С. 1. См. также: *Филиппова С.А.* Новый театр Л.Б. Яворской... // *Петербургские театры, которых нет...* Вып. I. С. 148.

Несмотря на то, что одноактная шутка Л.Л. Толстого “Медовый месяц” на профессиональной сцене больше не ставилась, а критика не обратила на нее никакого внимания, любители, собранные Л.Ф. Достоевской, не могли брать эту комедию в работу.

²² В развернутой рецензии, подписанной криптонимом «В.Ш.», сочувствующий драматургу критик писал: «...секрет успеха автора в его художественной правдивости. Пьеса Л.Л. Толстого написана очень сценично... Это наша милая, деревенская Россия, “мужицкое царство”, среди которого прежде так хорошо жилось братьям-помещикам...»

Несмотря на обилие действующих лиц, все они очерчены в первом же акте. Л.Л. Толстой, видимо, задался мыслью обрисовать наиболее типичные характеры нашей деревни. Это ему почти удалось... как изменилось наше старое “дворянское гнездо”!» — См.: *Новое время*. СПб., 18/31 марта 1907 года, № 11140. С. 5.

Автором рецензии вероятнее всего был давний сотрудник газеты Вячеслав Гордеевич *Швецов*. — См.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. II. С. 208; Т. IV. С. 523.

А неделю спустя другой критик, Борис Ильич *Бентовин* (1863?-1929) сопоставил две недавних постановки Малого театра и это сравнение оказалось не в пользу Л.Л. Толстого.

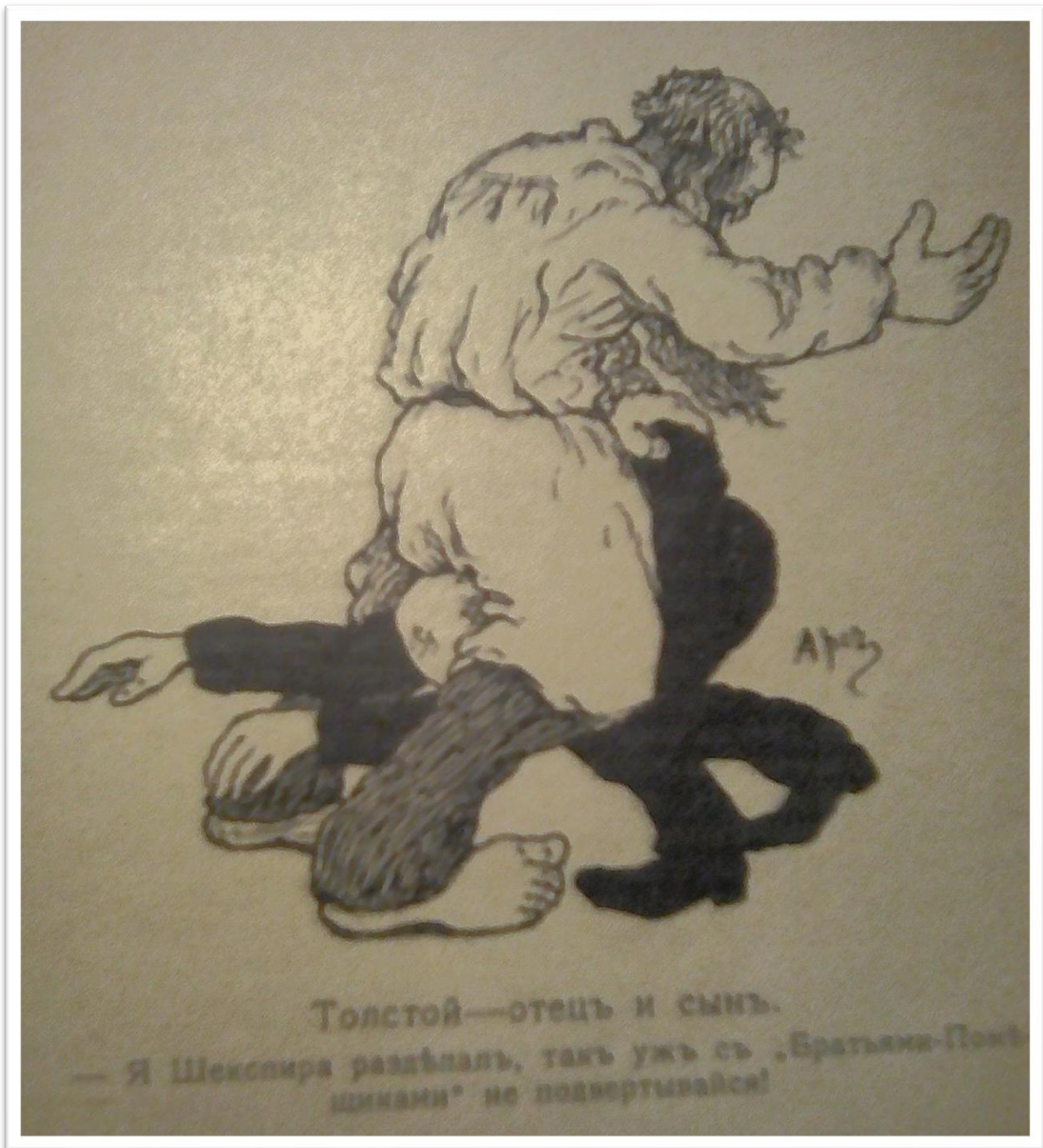
«Пошла мода на политические “нейтральные” пьесы... Первая пьеса этого рода — “Хаос” — пьеса безусловно талантливая. К нейтральным пьесам должны быть отнесены “Братья-помещики” Л.Л. Толстого.

Нейтральность (объективность – то ж) Л.Л. Толстого довольно примитивна. В первом действии[,] например[,] один из персонажей с пеной у рта говорит “о жидах, производящих русскую революцию...” И тут же моментально реплика, что “дайте, мол, евреям равноправие и они станут лучшими русскими гражданами”. Во втором действии в самой карикатурной форме два представителя пролетариата. И чтобы нейтрализовать это впечатление – увлекающийся юноша, произносящий бодрые речи о свободе, равенстве и братстве... Все остальное в том же роде... Автор, вероятно, думает, что это идеал справедливости, но плюс, помноженный на минус, дает минус... Не сказать ничего – не значит достигнуть высшей объективности... Что касается “сценичности”, то эффектов и уходов в пьесе очень много. Пьеса, так сказать, вызывная, рассчитанная на успех и злободневная. На первом представлении ей сильно аплодировали, особенно верхи.

Играли так же нейтрально – как написана сама пьеса. ...» — См.: *Хроника*: Малый театр /Имп. // *Театр и искусство*. СПб., 25 марта 1907 года, № 12. С. 197. См. также: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. I. С. 422; Т. IV. С. 62.

Через некоторое время в журнале появился шарж «*Толстой — отец и сын*», с подписью от имени Л.Н. Толстого:

«— Я Шекспира разделал, так уж с “Братьями-Помещиками” не подвертывайся!» — *Театр и искусство*. СПб., 8 апреля 1907 года, № 14. С. 241.

²³ В архиве Л.Л. Толстого среди разрозненных листов драматических произведений есть отрывок пьесы, в какой-то мере напоминающий ту, которую “заказала” Л.Ф. Достоевская. Ср.:

«(За сцен<ой> бубенцы. На балк<оне> еще видн<ы> люди).

Сек<ретарь> (запирая дверь на ключ). Бедный Лев Николаевич! Не укрылся и все мои старания пропали даром!

Лак<ей> (вход<я>). Что же это вы наде<ла>ли? Всю стаю впустили! Эх, горе, горе! Сбили с ног старичка. Никакой деликатности нет! Ведь нельзя этак. Там еще дачников с дет<ьми> целая орава взглянуть пришла. Там еще крестьянская сходка да два журналист<a> из Петербурга, три скульптора и четыре худож<ника>, певица из Москвы и музыкант, священник из Тулы там, еще два франц<уза> и три немца, сектанты из П<a>риж<a>, доктор, граф Парен<?>. Так одно спасенье: на коня да в дремучий лес. Да, Илья Васил<ьевич>,

стражников нужно в сент<ябре> держать в Ясной Поляне, да не против экспроприаторов денег, а прежде всего против эксп<роприаторов> дум и времени нашего дорогого Льва Николаевича.

(За сценой разные люди бегут через балкон в погоне за Льв<ом> Ни<колаевичем>). Занавес». — *ИРЛИ*, ф. 303, № 94. Л. 1. Авторская пагинация фрагмента — 24. Черновой автограф. Курсив *Л.Л. Толстого*.

Илья Васильевич *Сидорков* — слуга в Яснополянском доме Толстых (см. о нем выше в примеч. 7 к Главе 6 Книги II).

²⁴ *Там же*, № 290. Л. 6-8 об. Автограф.

²⁵ Письмо неизвестно.

²⁶ *ИРЛИ*, ф. 303, № 290. Л. 9-10 об. Автограф.

²⁷ Среди разрозненных листов драматических сочинений Л.Л. Толстого в его архиве сохранилось и начало пьесы «*Шутка: Комедия кухарки в 2-х действиях*». — *Там же*, № 90. Л. 1-2 об. Черновой автограф.

²⁸ Сохранившиеся экземпляры драмы Л.Л. Толстого «Марк» свидетельствуют о том, что эта пьеса подверглась серьезной цензурной правке. — ОР и РК СПбТБ, № 10102; № 13112; № 29982; № 55141; № 129681.

Отклики на первое представление драмы Л.Л. Толстого «Марк» были негативные (см. выше примеч. 16). Тем не менее в январе 1909 года «драматический этюд Л.Л. Толстого “Марк”» был упомянут в числе новинок Малого театра. — См.: *Русская драма в 1908 году // Новое время*. СПб., 1/14 января 1909 года, № 11784. С. 6.

²⁹ *ИРЛИ*, ф. 303, № 290. Л. 11-12. Автограф. Подчеркнуто *Л.Ф. Достоевской*.

³⁰ Дочь врача, Д.Ф. Толстая, возможно, потому и не хотела знакомиться домами с Л.Ф. Достоевской, что она уловила в ее поведении и речи признаки неуравновешенности, которые позднее привели к душевной болезни.

³¹ *ИРЛИ*, ф. 303, № 290. Л. 14-14 об. Автограф.

³² В повести «Эмигрантка», как в других произведениях Л.Ф. Достоевской, в центре внимания — проблема наследственности. Болезнь героини повести объясняется так: «Вы больны отвращением к действительной жизни, презрением к живым людям. Такая болезнь поражает обыкновенно детей и внуков писателей, ученых, художников, актеров, отчасти чиновников, из тех, что всю жизнь имели дело с одними бумагами. Чрезмерная работа ума в ущерб физической жизни не проходит даром и за нее платят потомки. ...» — См.: *Достоевская Л.Ф.* Эмигрантка... С. 99-100.

³³ Отзыв Л.Л. Толстого неизвестен.

³⁴ Этот альбом, к сожалению, найти не удалось.

³⁵ *ИРЛИ*, ф. 303, № 290. Л. 17-17 об. Автограф. Подчеркнуто *Л.Ф. Достоевской*.

³⁶ См. о ней выше в примеч. 32.

³⁷ Это единственное утверждение Л.Л. Толстого о его особом отношении к Ф.М. Достоевскому ни подтвердить, ни опровергнуть не представляется возможным.

О том, как позднее Л.Л. Толстой вспоминал об отношении отца к Ф.М. Достоевскому, см. в разделе *Приложение* в **Томе 2**.

³⁸ См.: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений... Т. VIII. С. 35-42.

³⁹ Не совсем точно. Роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» открывается так: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Всё смешалось в доме Облонских. ...» — *ПСС*. Т. 18. С. 3.

⁴⁰ *РГАЛИ*, ф. 212, оп. 2, ед. хр. 9. Л. 1-2. Автограф.

⁴¹ Николай Алексеевич *Маклаков* (см. о нем выше в примеч. 132 в *Приложении V*) был женат на внучке Марии Николаевны Толстой, сестры Л.Н. Толстого, Марии Леонидовне Оболенской (см. о ней в примеч. 6 к Главе 6 Книги I). До середины декабря 1912 года он был черниговским губернатором.

⁴² Именной Высочайший указ о назначении черниговского губернатора, камергера Императорского Двора, действительного статского советника Н.А. Маклакова управляющим министерством внутренних дел, с оставлением в придворном звании, был подписан 16 декабря 1912 года. — См.: *С.-Петербургские ведомости*. 18/31 декабря 1912 года, № 284. С. 1.

⁴³ См.: *Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805-1905)*. В 2-х частях. Харьков, 1908. Ч. 1. С. 156.

⁴⁴ 20 сентября 1897 года Л.Ф. Достоевская писала А.А. Достоевскому:
«Многоуважаемый Андрей Андреевич!

Не придете ли Вы к нам в понедельник 22-го запросто пообедать? Ко мне приехал мой двоюродный брат Гриша Сниткин. Он только что кончил университет, получил место в Ригу и по дороге заехал погостить на несколько дней. Мы с ним большие друзья, и мне бы очень хотелось Вас с ним познакомиться.

Если в понедельник Вам неудобно, напишите, пожалуйста.

Сердечно уважающая Вас

Любовь Достоевская.

P.S. Кроме Гриши<,> у нас никого не будет». — *ОР РГБ*, ф. 93/ц, карт. 4, ед. хр. 3. Л. 1-2. Автограф.

Из письма Г.И. Сниткина к А.Г. Достоевской от 15 сентября 1917 года известно, что первые два года он служил «<...>в контроле Ряз<анско>-Орлов<ской> ж<елезной> д<ороги>». — *Там же*, карт. 8, ед. хр. 113. Л. 3 об.

Потом до 1906 года Г.И. Сниткин исполнял должность помощника тюремного инспектора Лифляндской губернии. — См.: *Адрес-календарь*. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи ... на 1906 год: В 2-х частях. СПб., 1906. Ч. II. Стб. 138.

⁴⁵ Г.И. Сниткин исправлял эту должность до 1915 года. — См.: *Адрес календарь*. Общая роспись ... на 1915 год: В 3-х частях. Пг., 1915. Ч. II. Стб. 327.

⁴⁶ В Пензенской губернии Г.И. Сниткин служил инспектором тюремного отделения с 1909 года до перевода в Смоленскую губернию в 1911 году.

⁴⁷ Тюремным инспектором в Ковенской губернии Г.И. Сниткин служил с 1907 года до перевода в Пензенскую губернию.

⁴⁸ Упоминание о племяннике А.Г. Достоевской как о болезненном, слабом ребенке в письме Ф.М. Достоевского жене из Петербурга в Старую Руссу от 20 июля 1873 года см. в кн.: *Достоевский Ф.М., Достоевская А.Г.* Переписка. Л.: Наука, 1976. С. 78, 92.

⁴⁹ О слабости здоровья Людмилы Георгиевны Сниткиной см. упоминание в письме А.Г. Достоевской к племяннику от 1 июня 1917 года. — *ОР РГБ*, ф.93/п, карт. 3, ед. хр. 67. Л. 1. В тот же день А.Г. Достоевская писала из Ялты дочери, Л.Ф. Достоевской, в Лозанну: «<...> Гриша потерял свое место из->за политических причин и решительно не знает,> что будет делать. Но так как беда не ходит одна, то у него случилось еще горе: заболела крупозным воспалением легких его жена и 10 дней была между жизнью и смертью. <...>» — *Там же*, ед. хр. 44. Л. 1. Автограф. См. также: *А.Г. Достоевская: последний год жизни в воспоминаниях и письмах...* [Ч. I] // *Достоевский и мировая культура...* М., 1999, № 12. С. 239-240.

⁵⁰ Действительный статский советник Иван Францевич *Кошко* (1859-1927) служил в нескольких губерниях центральной России. В 1906 году он был назначен вице-губернатором в Самару, в 1907-1910 был губернатором в Пензе, а с 1911 года по 1914 — в Перми. — См.: *Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора (1905-1914 г.): Новгород – Самара – Пенза. Пг., 1916; *Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора: Пермь (1911-1914). Екатеринбург, 2007.

Его брат, статский советник Аркадий Францевич *Кошко* (1867-1928) с 1894 года служил в сыскной полиции Риги, в 1905 стал заместителем начальника сыскной полиции С.-Петербурга, а с 1908 года возглавил сыск в Москве. — См.: *Кошко А.Ф.* Очерки уголовного мира царской России: В 3-х томах. М.: Захаров, 2001.

⁵¹ 17 декабря 1912 года смоленский губернатор, камергер Николай Иоасафович Суковкин (1861-1918) был переведен в Киевскую губернию и пожалован в шталмейстеры.

⁵² Последним местом работы Г.И. Сниткина вновь стала Рига, где он исправлял должность инспектора тюремного отделения Лифляндской губернии в 1917 году. — См.: *Тюремный вестник*. Пг., 1917, № 1. С. 38.

15 сентября 1917 года он уже из Петрограда писал А.Г. Достоевской в Ялту: «<...> Нам еле-еле удалось вырваться из Риги за несколько часов до вступления в нее немцев — среди разрушенных и горящих домов. <...>». — *ОР РГБ*, ф. 93/п, карт. 8, ед. хр. 113. Л. 3 об. Автограф. См. также: *А.Г. Достоевская: последний год жизни в воспоминаниях и письмах...* [Ч. III] // *Достоевский и мировая культура...* М., 2003, № 17. С. 465.

⁵³ Федор Федорович Достоевский (1871-1921).

Особой привязанности между детьми Ф.М. Достоевского не было. — См.: *Волоцкой М.В.* Хроника рода Достоевского... С. 130.

⁵⁴ *ИРЛИ*, ф. 303, № 290. Л. 19-22 об. Автограф. Курсив *Л.Ф. Достоевской*.

ОГЛАВЛЕНИЕ 1-го ТОМА

Валерия Абросимова. Неизвестный Лев Толстой о Ясной Поляне, о себе, своих родных и близких (Книга воспоминаний Л.Л. Толстого «Опыт моей жизни») стр. 4-11

КНИГА I

Вместо предисловия	стр. 13, 314
Глава 1	стр. 14-21, 314-318
Глава 2	стр. 24-29, 318-320
Глава 3	стр. 30-33, 320-323
Глава 4	стр. 35-40, 323-326
Глава 5	стр. 41-45, 326-330
Глава 6	стр. 46-49, 330-334
Глава 7	стр. 50-54, 334-337
Глава 8	стр. 55-58, 337-343
Глава 9	стр. 59-64, 343-349
Глава 10	стр. 65-69, 352-355
Глава 11	стр. 70-72, 355-357
Глава 12	стр. 73-78, 357-364
Глава 13	стр. 80-86, 365-373
Глава 14	стр. 87-89, 373-377
Глава 15	стр. 90-95, 377-380
Глава 16	стр. 96-98, 380-383
Глава 17	стр. 99-101, 383-388

Глава 18	стр. 103-109, 386-388
Глава 19	стр. 112-119, 388-398
Глава 20	стр. 120-126, 398-406

КНИГА II

Глава 1	стр. 131-141, 408-448
Глава 2	стр. 142-147, 448-469
Глава 3	стр. 148-152, 469-478
Глава 4	стр. 153-161, 478-493
Глава 5	стр. 162-165, 493-509
Глава 6	стр. 166-177, 509-528
Глава 7	стр. 178-183, 529-543
Глава 8	стр. 184-190, 543-558
Глава 9	стр. 191-194, 558-561
Глава 10	стр. 195-202, 561-578
Глава 11	стр. 203-210, 578-585
Глава 12	стр. 211-223, 585-590
Глава 13	стр. 224-225, 590
Заключение	стр. 226-227

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. *Другой вариант продолжения воспоминаний Л.Л. Толстого* стр. 231-232
2. **МИЛЫЕ МОИ ЯСНОПОЛЯНЦЫ...**: Письма Л.Л. Толстого и его братьев родителям и всем “яснополянским жителям” 1883-1885 годов стр. 233-254, 590-618
3. «...**Вы победили его...**» (Письма Л.Л. Толстого Н.С. Лескову) стр. 255-262, 618-622
4. *Л.Л. Толстой. “ОКО за ОКО”* (Письмо из Парижа) стр. 263-269
5. «**Вероятно, уеду в “Подариж” опять осенью...**» (Париж и Франция в судьбе Л.Л. Толстого) стр. 270-295, 622-645
6. «**Да, дети знаменитостей, – горе вам!**» (Переписка Л.Л. Толстого с А.Г. и Л.Ф. Достоевскими) стр. 296-307 645-659
7. *Японская печать о пребывании Л.Л. Толстого в стране восходящего солнца в январе-марте 1917 года* стр. 308-313

Комментарии

Книга I	стр. 314-406
Книга II	стр. 408-590
Приложение	стр. 590-655